

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

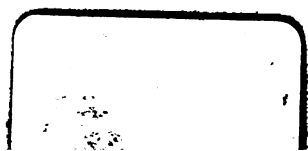
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЫЙ

1877

663040

І Ю Л Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ-ТУРИСТЫ ВЪ ИТАЛИИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ. Окончаніе. А. Г. Брикнера.
- II. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ ДЖОРДЖА ГЕНРИ ЛУИ-СА. Гл. XI—XIII. А. Ц. Стадлина.
- III. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Гл. VI—X. А. Л. Зиссермана.
- IV. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. XL—XLVI. Андрея Печерскаго.
- V. ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВЪ. Повѣсть. (Сюжетъ заимствованъ съ итальянскаго изъ *Ферари*.) Изъ Ласкосъ.
- VI. ОТВѢТЪ Г. КОСТОМАРОВУ. Н. И. Ланге.
- VII. ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО. (По подлинной рукописи.) Гл. I—VIII. Н. В. Щербаня.
- VIII. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Гл. III. Р.
- IX. ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Съ приложеніемъ плановъ и картъ: 1) Крѣпости Никополя. 2) Крѣпости Рущука. 3) Авангарднаго дѣла при Бѣлоховцѣ. 4) Дѣла при Тырновѣ. 5) Переправы черезъ Дунай у Сисовой. 6) Шибкинскаго перевала. 7) Сиастріи—Туртукая. М.
- X. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПО СМЕРТИ АННЫ КАРЕНИНОЙ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ЧЕРНАЯ ИНДІЯ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе.

НАБАБЪ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. I—II.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1877 года

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1877 году стоить въ Москвѣ, безъ доставки, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ:

Въ государства входящія въ составъ Всеобща-
го Почтоваго Союза: въ Англію, Францію,
Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Да-
нію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію,
Швейцарію, Португалію, Молдавію, Вала-
хію, Сербію, Европейскую Турцію, Гол-
ландію, Черногорію и Сѣверо-Американ-
скіе Соединенные Штаты. 18 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному
соглашенію съ редакціей.

— — — — —

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1877 года

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1877 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ и въ эти дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кроме слѣдующихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничными днями) издается полныи листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1877 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и больше, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписная цѣна за *Московскія Вѣдомости* въ 1877 году слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	4 р. 25 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 75 к.
" 6 мѣсяцевъ.....	8 " 50.	" 6 мѣсяцевъ.....	9 " —.
" 12 ".....	13 " —.	" 12 ".....	15 " —.

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОШЧИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ ВАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	7 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ.....	9 " 50.	" 6 мѣсяцевъ.....	11 " —.
" 12 ".....	16 " —.	" 12 ".....	18 " —.

* Въ этихъ цѣнахъ закладываются слѣдующіе почти 16%, подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства входящія въ составъ Всегообщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Герма- нію, Грецію, Дانیю, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Порту- галию, Молдавію, Валахію, Сербію, Евро- пейскую Турцію, Голландію, Черно- горію и Сѣверо-Американскіе Соеди- ненные Штаты	8 р. — к.	14 р. — к.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ православныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 9 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 11 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 5 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 6 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи* въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

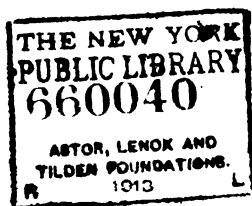
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1877

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ-ТУРИСТЫ

ВЪ ИТАЛІИ

ВЪ ХVІІ СТОЛѢТІИ *

IV. Чему учились Русскіе за границей.

Въ эпоху Петра многіе Русскіе были отправляемы за границу съ цѣлью учиться. Не съ этою цѣлью ѣздили путешественники, дневники которыхъ составляютъ предметъ настоящей статьи. Они или были дипломатами, отпраздненными за границу съ чисто политической цѣлью, или же, какъ Шереметевъ и Неизвѣстный, путешествовали какъ туристы, по собственному побужденію „для вѣдѣнія тамошнихъ странъ и государствъ“. Хотя и нельзя отрицать что Неизвѣстный могъ быть отправленъ за границу, какъ и многіе другіе молодые Русскіе, ради ученія, изъ его журнала однако не видно чтобъ онъ за границей имѣлъ въ виду какую бы то ни было специально-учебную цѣль. Нигдѣ не упомянуто чтобъ онъ изучалъ на примѣръ кораблестроеніе или морское дѣло и т. п. Ни въ одномъ мѣстѣ онъ не оставался долго, за исключеніемъ Голландіи, гдѣ онъ, какъ видно изъ его дневника,

* См. *Русск. Вѣсти.* № 3 и 4.

скорѣе принадлежалъ прямо въ свитѣ посольства чѣмъ къ учащимся на корабельныхъ верфяхъ. Въ Германіи и Италіи же онъ былъ прямымъ туристомъ. Общая любознательность, удовольствіе, развлеченіе—вотъ выдающіяся черты въ его путешествіи.

Не имѣя никакой спеціальности, не занимаясь чѣмъ-нибудь систематически, наши путешественники, находясь за границей, учились однако весьма многому. Ихъ окружали совершенно новые предметы; они знакомились съ заграничными нравами и обычаями; ихъ кругозоръ расширялся: невольно они на каждомъ шагѣ имѣли случай сравнивать общественный бытъ въ Россіи съ состояніемъ западно-европейской цивилизаціи. Къ сожалѣнію имъ не доставало предварительныхъ знаній; они не были достаточно приготовлены къ путешествію и во время своего пребыванія за границей только въ видѣ исключенія осматривали города, разнаго рода коллекціи и пр., они не могли тщательно наблюдать за нравами западно-Европейцевъ и не были въ состояніи составить себѣ точное понятіе о политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Только въ видѣ исключенія они имѣли возможность побесѣдовать съ разными лицами за границей уже потому что для этой цѣли они нуждались въ переводчикѣ. Наконецъ, у нихъ не доставало общаго образованія, чтобы къ видѣннымъ ими предметамъ относиться критически. Понятно что при такихъ условіяхъ и описаніе видѣннаго выходило поверхностно и скудно. Къ тому же статейные списки—дѣловые бумаги, составлялись для начальства, были писаны въ офиціальномъ тонѣ, и потому въ нихъ лишь изрѣдка встрѣчаются отзывы о томъ что слышали и видѣли наши путешественники за границей. Тутъ собственно сообщается лишь краткій перечень видѣнныхъ предметовъ, совершенно объективно составленный списокъ всѣмъ фактамъ замѣченнымъ путешественниками. Даже о политическомъ состояніи западно-европейскихъ государствъ, о политическихъ учрежденіяхъ говорится какъ-то машинально, почти безъ всякаго личнаго участія составителей этихъ списковъ. Въ этомъ отношеніи нѣсколько иное впечатлѣніе производитъ дневникъ Неизвѣстнаго. Тутъ довольно часто проглядываетъ субъективный взглядъ, встрѣчается цѣлый рядъ отзывовъ. Тогда какъ въ статейныхъ спискахъ при описаніи особенно достопримѣчательныхъ предметовъ выра-

жаются лишь одно удивленіе, у Неизвѣстнаго мы замѣчаемъ попытки сравнивать предметы между собою и истинную любознательность.

При всемъ томъ статейные списки, равно какъ и записки Шереметева и Неизвѣстнаго, могутъ служить источниками для разбора вопроса, чему Русскіе учились за границей и въ какой мѣрѣ такое путешествіе могло быть полезнымъ для нашихъ дипломатовъ-туристовъ. Мы не имѣемъ многихъ данныхъ для біографіи напримѣръ Желябужскаго или Курбатова. Пребываніе перваго въ Англіи и въ Италіи, повѣдка послѣдняго въ Италію въ качествѣ „маршалка“ боярина Шереметева должны считаться весьма важными моментами въ жизни этихъ сановниковъ. Быть-можетъ эти путешествія даже имѣли прямое вліяніе на Желябужскаго, какъ составителя извѣстныхъ записокъ отъ 1682 до 1709 года или на дѣятельность Курбатова какъ прибыльщика. Во всякомъ случаѣ путешественники наши дѣлались болѣе опытными въ дѣлахъ внѣшней политики, въ пріемахъ дипломатическихъ сношеній; они кое-что узнали объ исторіи и географіи тѣхъ странъ чрезъ которыя они проѣзжали; они могли сравнивать западно-европейскій бытъ съ русскимъ, напримѣръ въ отношеніи къ народному хозяйству; они видѣли на Западѣ множество предметовъ роскоши совсѣмъ до того неизвѣстныхъ въ Россіи, произведенія искусствъ, ученныя коллекціи и пр., они видѣли богослуженіе разныхъ исповѣданій, празднества разнаго рода и т. д. Невольно они должны были задавать себѣ вопросы о томъ, насколько слѣдуетъ подражать западно-Европейцамъ, или въ какой мѣрѣ опаснымъ могло быть введеніе въ Россію западно-европейскихъ учреждений и пріемовъ общежитія.

Еще въ другомъ отношеніи пребываніе Русскихъ за границей должно было принести пользу. Въ Россіи всѣхъ иностранцевъ называли „Нѣмцами“, и развѣ только отличали „французскихъ Нѣмцевъ“ отъ „англійскихъ Нѣмцевъ“ и т. п. И въ статейныхъ спискахъ напримѣръ объ Италианцахъ говорится какъ о „Нѣмцахъ“. Такъ напримѣръ Лихачевъ разказываетъ что въ Ливорно пріѣхалъ на корабль „нѣмецкій полъ“, что въ городѣ все „нѣмецкіе люди“, что „многіе нѣмецкіе люди“ во Флоренціи стояли по улицамъ и т. под. Побывавъ въ разныхъ государствахъ, въ Италіи, Германіи,

Голландіи и пр., путешественники наши должны были получить въ которое понятіе объ особенностяхъ странъ и народовъ, о разнообразіи національныхъ типовъ, о различіи степени народнаго благосостоянія въ разныхъ государствахъ, о различіи между религіознымъ бытомъ католическихъ странъ и протестантскихъ. Мало-по-малу становилось яснымъ различіе между германскими и романскими народами, между государствами южной и средней Европы, между Италіянцемъ и Голландцемъ, между Нѣмцемъ и Англичаниномъ, между Тирольцемъ и Швейцарцемъ и т. д.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы старались систематически сгруппировать собранныя нами данныя для разъясненія вопроса, въ какой мѣрѣ расширились познанія русскихъ людей въслѣдствіе описываемыхъ нами заграничныхъ поѣздокъ.

1. Политическое состояніе Европы.

Въ Россіи мало знали о политическомъ состояніи въ западной Европѣ. Постоянно живущихъ за границей резидентовъ Русское правительство еще не содержало. Хотя во время Алексѣя Михайловича и получались уже газеты или „куранты“, но содержаніе ихъ дѣлалось извѣстнымъ царю и высшимъ самовикамъ не иначе какъ чрезъ переводчиковъ, занимавшихся въ Посольскомъ Приказѣ составленіемъ выписокъ изъ этихъ, впрочемъ весьма немногихъ, повременныхъ изданій. Не мудрено что Русское правительство весьма часто вовсе не знало о важныхъ событіяхъ на Западѣ. Не мудрено что въ этомъ отношеніи дѣлались ошибки даже въ международныхъ сношеніяхъ. Ошибкой было отправленіе посольства во Францію съ приглашеніемъ приступить къ союзу противъ Турціи въ то самое время когда Франція скорѣе думала о союзѣ съ Турціей противъ Австріи; ошибкой было отправленіе Потемкина въ Италію въ Филиппу IV въ то время, когда этого короля уже не было въ живыхъ и уже два года царствовалъ его преемникъ Карлъ II. Также Чемодановъ, отправленный въ Венецію къ дожу „Францискусу“, узналъ не раньше какъ послѣ пріѣзда въ Венецію что этого „Францискуса“ волею Божіею не стало, а послѣ де его нынѣшній князь ужь третій“ (1003).

Въ инструкціяхъ данныхъ русскимъ дипломатамъ отпра-

аемымъ за границу мы не встрѣчаемъ порученій собирать свѣдѣнія о характерѣ политики каждаго государства, о видахъ и намереніяхъ правителей. За то особенное обращается вниманіе на титулы, то-есть на самое высшее въ междугосударственныхъ сношеніяхъ. На этотъ счетъ наши дипломаты чрезвычайно ревностно старались собирать данныя за границей.

Когда однажды Альберто Вимина пришелъ вмѣстѣ съ секретаремъ къ Чегоданову для переговоровъ, Русскіе по окончаніи засѣданія „подчивали и подарили того секретаріуса и говорили ему тайно чтобъ онъ государю послужилъ и принесъ бы посмотрѣть листокъ и далъ бы описать при себѣ титулы цесаря Римскаго, Французскаго, Англійскаго, Датскаго, Польскаго, Свѣйскаго королей и иныхъ государствъ государей, какъ въ грамотахъ своихъ имена свои и титулы пишутъ“. Секретарь отвѣтилъ что такихъ бумагъ, хранящихся въ архивахъ „за печати всѣхъ сенаторовъ“, доставить не можетъ (1065).

Съ бѣльшимъ услѣхомъ Лихачевъ объ этомъ же предметѣ разспрашивалъ нанятаго имъ во Флоренціи переводчика Ивана Сакса, который ему сообщилъ главные титулы нѣкоторыхъ государей, а именно цесаря, королей: Англійскаго, Французскаго и Испанскаго. При этомъ случаѣ Лихачевъ въ етатейномъ спискѣ лишетъ имя цесаря „Алопольдусъ Первый“, а имя французскаго короля: *Алуисъ Четвертый*.

Также и Волкову при отправленіи его въ Венецію было вѣнчено въ обязанность справиться въ Венеціи: „Венеццеской князь и Сенатъ въ листахъ своихъ ко окрестнымъ государемъ христіанскимъ какіе титулы въ началѣ и межъ дѣлъ имъ государемъ пишутъ? такъ же и они окрестные государи христіанскіе.... къ Венеццескому князю его князя и свои титулы описуютъ въ началѣ и межъ дѣлъ и пр.“

Узнать каковы были внѣшнія формальности соблюдаемыя въ междугосударственныхъ сношеніяхъ было дѣломъ не особенно труднымъ, не требовавшимъ какого-либо политическаго образованія, дипломатическаго таланта или историческихъ и статистическихъ познаній. Гораздо сложнѣе была задача собрать свѣдѣнія о политикѣ различныхъ государствъ, о расположеніи другъ къ другу различныхъ державъ, о вѣроятности мира и войны, однимъ словомъ, о всемъ томъ что въ настоящее время прежде

всего интересуется дипломатовъ и что уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ интересовало дипломатовъ западной Европы. Въ реляціяхъ италіянскихъ дипломатовъ мы находимъ, напримѣръ, болѣе или менѣе полную картину политическаго быта Европы; въ нашихъ же статейныхъ спискахъ такіа данныя составляютъ исключеніе. Не мудрено поэтому что реляція папскихъ нунціевъ или венеціанскихъ посланниковъ, отчасти изданныя, отчасти еще хранящіяся въ архивахъ, могутъ служить весьма важнымъ источникомъ для политической исторіи Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, такъ что напримѣръ значительная часть результатовъ изсѣдованій Леопольда Ранке построены на этого рода матеріалѣ, между тѣмъ какъ русскіе статейные списки лишь въ малой степени могутъ служить источниками для политической исторіи. Разница въ томъ что италіянскіе дипломаты, какъ Маккиавелли, Поссевинъ, Вимина и пр., были людьми образованными, людьми государственными, самостоятельно обсуждавшими политическіе вопросы, рѣшеніе которыхъ значительною долей зависѣло отъ нихъ, между тѣмъ какъ русскіе дипломаты, въ родѣ Чемаданова или Волкова, не имѣли политическаго образованія, случайно и нечаянно попадали въ дипломаты, тотчасъ же послѣ совершенія такой побѣдки безслѣдно исчезали въ массѣ обыкновенныхъ чиновниковъ и къ тому же уже вслѣдствіе связывавшей ихъ во всѣхъ отношеніяхъ инструкціи не могли дѣйствовать хотя бы сколько-нибудь самостоятельно.

Политическое образованіе въ Италіи въ началѣ новой исторіи было выше чѣмъ въ прочихъ государствахъ. Тамъ раньше чѣмъ въ прочихъ частяхъ Европы являются столь замѣчательныя произведенія въ области публицистики, какъ труды Маккиавелли или столь важныя сочиненія по политической экономіи какъ сочиненія Серра, Скаруффи и др. Въ Италіи имѣлись самыя подробныя свѣдѣнія о политическомъ состояніи Европы. Космополитическое значеніе папства для весьма большой части Европы, а также подобное значеніе Венеціанской республики имѣли свѣдѣніемъ содержаніе италіянскихъ дипломатовъ во всѣхъ государствахъ. Италіянскія правительства поэтому хорошо знали о состояніи политическихъ дѣлъ во всей Европѣ. Въ Италіи такимъ образомъ легче чѣмъ гдѣ-нибудь можно было собрать свѣдѣнія о разныхъ политическихъ вопросахъ.

Тѣмъ не менѣе въ статейныхъ спискахъ, которые служатъ предметомъ нашего разбора, развѣ только въ видѣ исключеній встрѣчаются данныя о политической системѣ въ Европѣ. Что касается до Турціи, то наши дипломаты нѣсколько тщательнѣе собирали данныя сюда относящіяся: все остальное почти вовсе не пользовалось ихъ вниманіемъ. Не мудрено что дипломаты, которые въ то самое время когда Лудвигъ XIV становился опаснымъ для всей Европы, когда перевѣсъ Франціи былъ вопросомъ занимающимъ всѣхъ и cadaго на Западѣ, записывали что во Франціи царствуетъ „Алуисъ Четвертый“, не могли вникнуть въ подробности политическаго состоянія Европы.

Любопытно что описанія Шевригина, бывшаго въ Италіи въ XVI вѣкѣ, гораздо полнѣе. На нѣсколькихъ страницахъ излагается довольно основательно положеніе Европы. Мы узнаемъ по крайней мѣрѣ что пала находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ цесаремъ и Польскимъ королемъ, тогда какъ цесарь не имѣетъ постоянного резидента въ Польшѣ; что Венеція въ перемиріи съ Турціей, что между цесаремъ и прочими государями нѣтъ никакой „валки“, что „цесарева область велика“, что однако финансы цесаря находятся въ нѣкоторомъ разстройствѣ, что у Французскаго короля „живетъ межъ своихъ людей великая валка провѣру“, что Англійская королева съ „Испанскимъ невѣжью“ и что даже ожидаютъ войны между ними, затѣмъ упомянуто о Нидерландской революціи, о томъ что Португальскій король убитъ при Алкассарѣ и что „Португальское королевство Шпанской король взялъ за себя“, и т. д. Любопытно замѣчаніе Шевригина, что изъ Венеціи можно ходить до Іерусалима чрезъ „Шпанское“ море: изъ такого названія Средиземнаго моря можно заключить о тогдашнемъ значеніи Испаніи. „Шпанской король сильнѣе всѣхъ и землею“, прибавляетъ Шевригинъ. Это писано нѣсколько лѣтъ послѣ битвы при Лепанто и непосредственно послѣ присоединеніи Португаліи къ Испаніи. За то не совсѣмъ точнымъ оказывается замѣчаніе что „у Англической королевы брань съ лютори о вѣрѣ“.

Чѣмъ любопытнѣе такого рода показанія *гогуа* Шевригина, тѣмъ болѣе можно сожалѣть объ отсутствіи изложенія европейскіхъ дѣлъ въ статейныхъ спискахъ Чегодамова, Лихачева и пр. Только о польскихъ дѣлахъ встрѣчаются кое-какія данныя, къ тому же сообщаемыя не италіянскими

правительства русскимъ дипломатамъ, а Чемодановымъ Тосканскому князю.

О нѣкоторой наивности Лихачева свидѣлствуетъ слѣдующій фактъ. По случаю прощальной аудіенціи у графки онъ спросилъ Фердинанда, не знаетъ ли онъ, какое имѣлъ порученіе отъ Польскаго короля къ Испанскому недавно проѣхавшій чрезъ Флоренцію польскій посланникъ, а далѣе: „былъ ли съ нимъ къ тебѣ листъ, и будетъ былъ, и въ томъ листу объ чемъ къ тебѣ писано.“ Фердинандъ отвѣтилъ, что къ нему листа никакого не было и что онъ о порученіи къ Испанскому королю ничего не знаетъ. Лихачевъ не сообразилъ повидимому что еслибы Фердинандъ и зналъ объ этомъ дѣлѣ, то не сталъ бы говорить, къ тому же на аудіенціи.

Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ русскимъ дипломатамъ поручалось узнать о такихъ политическихъ вопросахъ которые не прямо относились къ Россіи. Къ такимъ случаямъ можно отнести судьбу англійскаго короля Якова II, лишеннаго короны въ 1688 году. Изъ дневника Гордона мы знаемъ что Русское правительство со вниманіемъ слѣдило за англійскими дѣлами. Очевидно Ликудію было поручено собрать за границей данныя о Яковѣ II. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ государямъ онъ пишетъ, что „о королѣ французскомъ Лудовикѣ сказываютъ и подлинно твердятъ, что бѣлаго короля Англичскаго хочетъ королевскому достоинству лаки возратить и силою и оружіемъ и всякимъ прилежаніемъ радѣть“ (1370). Ликудій далѣе узналъ кое-что объ отношеніяхъ между Франціей и Турціей. Вообще Ликудій, знавшій латинскій языкъ и можетъ быть болѣе опытный въ дѣлахъ, скорѣе чѣмъ Лихачевы и Чемодановы, заслуживалъ названіе государственнаго человѣка. Какъ Грекъ онъ имѣлъ вѣроятно кое-какія связи въ Венеціи, гдѣ между прочимъ жили его родственники, тогда какъ настоящіе русскіе дипломаты, какъ мы видѣли, оставались за границей въ нѣкоторомъ уединеніи и не имѣли поэтому столько случаевъ узнать о подробностяхъ политическихъ вопросовъ занимавшихъ Европу.

Не особенно часто въ донесеніяхъ русскихъ дипломатовъ встрѣчаются данныя о политическихъ учрежденіяхъ западно-европейскихъ государствъ. Теорія государственнаго права, администраціи, полиціи, финансовъ не особенно инте-

решала ни Русское правительство, ни русских посланниковъ. Замѣчанія на этотъ счетъ, разбросанныя здѣсь и тамъ въ статеивныхъ спискахъ, отрывисты и неполны.

Впрочемъ нельзя сказать чтобы Русскіе вообще были равнодушны напрімѣръ къ различнымъ формамъ правленія. Они, какъ мы знаемъ изъ отзывовъ русскихъ государственныхъ людей о Польшѣ или о Голландіи, вообще предпочитали монархію республикѣ. Русское правительство радовалось перемѣнѣ состоявшейся въ 1660 году въ Давіи, потому что въ ней заключалось полное торжество абсолютной власти *; оно также не совсѣмъ было довольно англійскою революціей, военною диктатурей Кромвелла и скорѣе было склонно помогать претенденту Карлу II.

Во время англійской революціи въ Англію былъ отправленъ гонецъ Дохтуровъ. Онъ тамъ спрашивалъ о причинахъ разрыва между королемъ Карломъ I и парламентомъ и сообщаетъ то что онъ узналъ на этотъ счетъ отъ англійскихъ купцовъ. Ему между прочимъ сказали: „Король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ по своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а здѣсь искони земля вольная и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣлъ всѣмъ парламентъ, думные люди. Началъ было король все дѣлать по своей волѣ, но парламентъ этого не захотѣлъ и пр.“ Далѣе описывается парламентъ: „Въ парламентъ сидятъ въ двухъ палатахъ: въ одной сидятъ бояре, въ другой выборные изъ мірскихъ людей, изъ служилыхъ и торговыхъ; въ парламентъ сидятъ съ 500 человекъ, а говорить за всѣхъ рѣшникъ.“ Бóльшихъ подробностей объ англійской конституціи Дохтуровъ не сообщалъ.

Когда Чемодановъ пріѣхалъ въ Венецію, онъ крайне удивился когда ему сказали что „князь дѣлъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего“. Онъ замѣтилъ въ разговорѣ съ Альберто Вимина: „Если ужъ князь вашъ не дѣлаетъ ничего, а государство свое правите вы, вамъ бы слѣдовало въ листѣ къ царевому величеству имена свои описать вмѣстѣ съ княземъ, а то именъ вашихъ въ листу не написано“ и пр. (1023). Удивлялись посланные и тому что „великихъ людей въ Венеціи выбираютъ всею землею и бываютъ де они мѣсяцевъ по пяти и по шести, а какъ тѣ времена пройдутъ, и на ихъ мѣсто выбираютъ иныхъ“. По случаю пребыванія Шереме-

* Соловьевъ XII, 235.

тева во Флоренціи замѣчено въ его запискѣ: „Флоренской грандукъ есть двѣдичный князь и самовластной, не такъ какъ князь Венеціанской“. Желябужскій замѣчаетъ, проѣзжая чрезъ Геную, что „тамъ живетъ волной князь, никто имъ не владѣетъ“. Шереметевъ пишетъ по случаю своего пребыванія въ Неаполѣ что „въ сей городъ посылаются отъ Гишпанскаго короля изъ наизвѣстнѣйшихъ особъ *вицерои*, сирѣчь намѣстники, и живутъ въ немъ по два года и владѣютъ всеми городами Неаполитанскаго государства“ (54). Всѣ подобныя замѣчанія такъ ничтожны и случайны что можно прямо сказать: Русскіе путешествовавшіе за границей не обращали особеннаго вниманія на политическія учрежденія.

Почти то же самое можно сказать о военныхъ учрежденіяхъ, къ которымъ наши путешественники также оставались равнодушны. Мы не знаемъ участвовали ли Чемодановъ, Лихачевъ и прочіе когда-нибудь въ походахъ. Во всякомъ случаѣ они не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ техническихъ познаній предметовъ относящихся къ войнѣ.

Слѣдовало бы, казалось, ожидать что военные корабли должны были чрезвычайно интересовать Русскихъ, не выдавшихъ ничего подобнаго. Но Чемодановъ объ этомъ предметѣ говорить лишь мимоходомъ. Онъ, правда, замѣчаетъ что въ Венеціи есть „катарги, что на нихъ по восьмисотъ человѣкъ гребцовъ, да по сороку пушекъ опричь воинскихъ людей“, что въ Ливорно „межъ стѣнъ влущена изъ моря вода, и на той водѣ стоятъ многіе корабли и катарги“, что одинъ „опасный корабль въ длину сажень съ шестьдесятъ, а въ вышину сажень съ семь“, что на немъ двѣсти пушекъ и пятьсотъ человѣкъ воинскихъ людей и пр., однако о многихъ другихъ предметахъ говорится въ статейномъ спискѣ Чемоданова гораздо подробнѣе нежели о флотѣ и войскѣ. О замѣчательномъ въ то время военномъ флотѣ Венеціанской республики сказано только, что „отъ города Чоза (Chioggia) до Веницѣи стоятъ крѣпости и городки каменные многіе, частые и валы земляные, и для караулу столпы каменные высокіе и корабли опасные, многіе веницѣйскіе и чужихъ разныхъ государствъ и земель наемные“. Нигдѣ не встрѣчается какой-либо попытки въ статистическихъ цифрахъ выразить значеніе того или другаго государства въ военномъ отношеніи.

Объ укрѣпленіяхъ почти нигдѣ не упоминаютъ. Проѣзжая чрезъ городъ Этоли * Чемодановъ замѣчаетъ что „около того города крѣлости и рвы каменные и во рвахъ лущена вода“, или проѣзжая чрезъ Тревизо, онъ говоритъ что „вмѣсто городовыя стѣны, обведено валомъ каменнымъ безъ башенъ и безъ зубцовъ и выведено вмѣсто башенъ быки; ровъ каменный широкъ и глубокъ, а въ немъ вода“. Это еще самое подробное описаніе.

Въ статейномъ спискѣ Лихачева по крайней мѣрѣ встрѣчается важная замѣтка, что „у грандуки войска обирается не болѣе 8—9,000“, и что у него „недруга опричь Турскаго салтана нѣтъ“.

Даже въ запискѣ путешествія Шереметева, опытнаго полководца отправившагося за границу отчасти „ради видѣнія въ чужихъ странахъ мореходныхъ противу непріятеля Креста Святаго военныхъ поведеній, которыя обрѣтаются въ Италіи до Маалтійскаго острова“, почти вовсе нѣтъ замѣчаній о флотѣ и войскѣ италіянскихъ государствъ. Объ „опасныхъ корабляхъ“ въ Венеціи ни слова не сказано; о военномъ значеніи, о силѣ и размѣрахъ „Маалтійскаго каравана“ также не говорится. О крѣлости въ Маалтѣ сказано: „мая 5го числа ходилъ бояринъ съ братьями своими и съ кавалерами смотрѣть крѣлости и всякихъ воинскихъ прилаговъ. Та крѣлость зѣло искусно сдѣлана, и крѣпка, и раскатами великими окружена, а лаче же премногими и великими орудіями снабжена“. Еще незначительнѣе замѣчаніе о крѣлости въ Бари близъ Неаполя, о которой только сказано что „городъ не великъ, только крѣпостью очень крѣпокъ и состоитъ подъ владѣніемъ Гимпласкаго короля“.

Если такимъ образомъ даже Шереметевъ оказывается равнодушнымъ дилеттантомъ, то тѣмъ менѣе конечно можно ожидать подробныхъ и основательныхъ наблюденій политическаго и военнаго значенія западно-европейскихъ государствъ отъ Чемоданова или Лихачева.

2. Восточный вопросъ.

Не обращая большаго вниманія на политическое состояніе западной Европы, русскіе путешественники гораздо ревностнѣе собирали данныя о Восточномъ вопросѣ. Мы

* Въ стат. спискѣ „Неаполь“.

уже видѣли выше что ихъ отправленіе за границу состояло въ нѣкоторой связи съ этимъ важнѣйшимъ для Россіи политическимъ вопросомъ, и даже отчасти было вызвано желаніемъ образовать коалицію разныхъ державъ противъ Оттоманской Порты. Не мудрено поэтому что наши путешественники объ этомъ предметѣ говорили подробно и старались собирать разные свѣдѣнія сюда относящіяся.

Чемодановъ въ разговорѣ съ купцами въ Ливорно разказывалъ о подвигахъ Донскихъ казаковъ въ борьбѣ съ Турками, и въ свою очередь узналъ отъ пришедшихъ къ посланникамъ „для милостыни турецкихъ полоняниковъ русскихъ людей, чело-
вѣкъ съ пятидесяти и больше, что въ Турской землѣ въ Царѣгородѣ, Турской царь и наши всѣ страшны и остерегаются вельми государевыхъ ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ.“ Къ этому были прибавлены разные замѣнанія о находившихся въ плѣну у Турокъ Русскихъ (1045). Когда Чемодановъ съ товарищами былъ въ гостяхъ у Грековъ проживавшихъ въ Венеціи, они приняты были особенно радушно. Бесѣдовали о Туркахъ. Греки изъявили надежду что „царь аки второй Александръ Македонскій“ одержитъ верхъ надъ „христіанскія враги мусолманы и Агаряня“. Отъ разныхъ Грековъ пришедшихъ къ посланникамъ послѣдніе узнали о слѣдующемъ важномъ обстоятельстве: „Турскіе де люди многіе говорили передъ нами: Божіимъ де изволеніемъ, а счастіемъ великаго государя Московскаго, Богъ ему далъ на Поляковъ и иныхъ государствъ побѣду и у нихъ де въ Турской землѣ во всей и во всѣхъ государствахъ ихъ слава о томъ великая. И Турской де ихъ царь и наши всѣ, сыскавъ въ писмахъ своихъ гадательныхъ и говорятъ то, что то время пришло, что Царьграду быть за нимъ, государемъ, и живутъ съ великимъ опасеньемъ, и у Царьграда на многое время ворота бывають засыпаны, и учали де имъ, Гречанамъ, чинить великое утѣшеніе. И мы де на милость Божію и на заступленіе царя надѣемся, чтобъ онъ изъ басурманскихъ рукъ изъ порабощенія насъ православныхъ христіанъ греческаго закона высвободилъ.“ (1056.)

Дѣйствительно, о такомъ пророчествѣ предстоявшаго паденія Турціи говорили и писали много въ то время. Паисій Лигаридъ, пріѣхавшій въ Россію, подалъ царю письмо, въ которомъ извѣщалъ объ этомъ пророчествѣ, что русскіи

народъ овладѣтъ Константинополемъ *. Крижаничъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько разъ говоритъ объ этомъ предсказаніи, утверждая также что „русый народъ“ никто иной какъ Славяне **.

Также было сообщено кое-что русскимъ посланникамъ о борьбѣ италіанскихъ государствъ съ Турками. Чемодановъ у корабельной пристани въ Ливорно видѣлъ столпъ съ изображеніемъ „Флоренскаго князя“, а къ этому столпу были прикованы статуи четырехъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ. Объ этихъ разбойникахъ разказывали Русскимъ что они много лѣтъ грабили и многимъ торговымъ людямъ „шкоту чинили“, пока наконецъ не рѣшился Флоренскій князь сражаться съ ними, причемъ они были взяты въ лѣвизъ и казнены. Лихачевъ въ свою очередь узналъ о любопытномъ случаѣ: послалъ 13 лѣтъ тому назадъ Турецкій султанъ свою жену и сына въ Мекку „къ Боаметю“ (Магомету) на трехъ корабляхъ съ большою казною; случились „воинскіе корабли Монтанскаго князя“ и взяли и жену и сына султана и казну, „а какъ де ее взяли и она де жива была у нихъ только десять дней и умерла. Отсюда и произошла война между султаномъ и Венеціанскою республикой, не пропустившею турецкій флотъ идти на Монтанскаго князя, такъ что Турки стали грабить венеціанскія колоніи на островѣ Кандіи и пр.

Серіозныя свѣдѣнія сообщались Волковымъ, пріѣхавшимъ въ Венецію какъ разъ послѣ весьма важныхъ успѣховъ венеціанскаго оружія противъ Турокъ. Онъ сообщаетъ объ этихъ подвигахъ Венеціанцевъ въ Морѣ или, какъ онъ пишетъ, въ „Арморѣ“, и вообще излагаетъ довольно обстоятельно положеніе того дѣла (1531—1533). Еще болѣе имѣетъ характеръ политической записки то что сообщаетъ о положеніи Востока іеромонахъ Грекъ Лукудій.

Нельзя сказать чтобы Шереметевъ собралъ много данныхъ о Восточномъ вопросѣ. Нигдѣ въ его запискѣ не обсуждается это дѣло подробно, нигдѣ не упомянуто о частностяхъ бесѣдъ происходившихъ между бояриномъ и разными лицами за границей. Интересенъ развѣ только разказъ о томъ, какъ къ Шереметеву въ Венецію пріѣхалъ

* Соловьевъ XII, 260.

** Крижаничъ, II, 133—134. О промыслѣ 73.

сенаторъ и отъ имени дожа и Сената „говорилъ много о воинскихъ всякихъ способахъ, вельми похваливъ мудро-храброе и тщательное усердіе ко воинству великаго государя и объявлялъ въ словахъ своихъ что князь и Сенатъ... желаютъ при Божіей помощи ему великому государю обладати и царствующимъ градомъ Константинополемъ, и въ томъ обѣщаются они чинити ему государю моремъ всякую помощь.“

За исключеніемъ этой бесѣды ни о какихъ такихъ случаяхъ обсужденія Восточнаго вопроса въ залускѣ Шереметева не упомянуто. Даже и въ Мальтѣ, какъ кажется, и Шереметевъ и кавалеры ограничивались одними общими мѣстами и комплиментами: о болѣе серьезныхъ бесѣдахъ не упоминается.

Неизвѣстный, путешествовавшій какъ частное лицо, недавно не имѣлъ случая говорить съ государственными людьми о политическихъ вопросахъ. Онъ лишь случайно встрѣчался съ такими предметами которые напоминали объ опасности грозившей Европѣ со стороны Оттоманской Порты. Такъ, какъ кажется, въ Штутгартѣ онъ видѣлъ алтеку, украшенную головами турецкими, „какъ война была подъ Вѣною (т.-е. осада Вѣны Турками 1683); на многихъ головахъ ранъ по 20, на иныхъ больше, рублены лалашами и многіе приѣзжаютъ для смотрѣнія нарочно того украшенія.“ (102). И Незвѣстный, какъ Лихачевъ, разказываетъ о статуяхъ въ Ливорно, изображавшихъ „Флоренскаго князя“ и четырехъ турецкихъ разбойниковъ. Далѣе у него встрѣчается любопытная замѣтка: „а полону (пленныхъ) турецкаго въ городѣ (Ливорно) 3.000 чело-вѣкъ, ходятъ днемъ по волѣ, а ночью въ тюрьму, и торгуютъ многіе.“ (122).

3. *Исторія.*

Наши дипломаты-туристы не отличались конечно многосторонними историческими познаніями и не были достаточно приготовлены для правильной оцѣнки историческаго значенія разныхъ предметовъ видѣнныхъ ими въ дорогѣ. Науки Русской Исторіи не было вовсе.

Тѣмъ любопытнѣе обратить вниманіе на немногіе случаи, когда въ статейныхъ спискахъ говорится объ историческихъ фактахъ. Обыкновенно такіа замѣтки весьма кратки

и не свидѣтельствуютъ о какомъ-либо особенномъ вниманіи къ событіямъ и лицамъ. Такъ Неизвѣстный „видѣлъ въ Римѣ домъ Нерона мучителя, гдѣ мучилъ разнымъ мученіемъ святыхъ и звѣрьми травилъ“ (118); Чемодановъ видѣлъ въ Аугсбургѣ „на каменномъ столу вылита персона — Августъ Кесарь мѣдной, сѣдитъ на грифѣ, а у него въ рукахъ палица“.

Изъ слѣдующей замѣтки можно заключить что Неизвѣстный до пріѣзда въ Голландію никогда не слышалъ объ Эразмѣ. Онъ пишетъ: „Въ Роттердамѣ видѣли славнаго челоѣка ученаго персону, изъ мѣди вылита подобна челоѣка, и книга мѣдная въ рукахъ, и какъ 12 ударить, то перекинеть; имя ему Еразмусъ.“

Какъ кажется и событія Тридцатилѣтней войны, случившіяся за два или за три десятилѣтія до путешествія Чемоданова и Желябужскаго, были совершенно новыми для нашихъ путешественниковъ предметомъ. По крайней мѣрѣ въ разказѣ Чемоданова оказывается недоразумѣніе. Онъ говоритъ: „Отъѣхавъ отъ города Донеберга (то-есть Данауверта) двадцать миль ѣхали чрезъ поле Ааръ, мимо села Гроенетена, а на томъ де полѣ, близко отъ села, былъ бой у цесаря Римскаго съ Свѣйскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, и на томъ де бою, того Густава короля убили“ (1170). Село „Гроенетенъ“ не что иное какъ Нёрдлингенъ, гдѣ дѣйствительно происходила битва между Шведами и Цесарцами, однако не раньше какъ 6го сентября 1634 года, между тѣмъ какъ Густавъ-Адольфъ былъ убитъ двумя годами раньше, въ сраженіи при Люценѣ, въ Саксоніи. Главнокомандующимъ шведскими войсками при Нёрдлингенѣ былъ Бернгардъ Веймарскій.

Весьма наглядно русскимъ путешественникамъ на Реймѣ должны были показаться нѣкоторые слѣды Тридцатилѣтней войны. Чемодановъ разказываетъ: „Блужи отъ города Шливерлохта * проѣхали три города свѣйскихъ, а тѣ городки взяли Шведы у цесаря не въ давнихъ годѣхъ.“ (1171).

Нѣсколько подробнѣе Желябужскій бесѣдовалъ съ Майнцскимъ курфирстомъ о событіяхъ Тридцатилѣтней войны. Курфирстъ пригласилъ Русскихъ погулять съ нимъ въ саду. „Въ саду“, пишетъ Желябужскій, „травъ разныхъ съ

* Безъ сомнѣнія „Bingen“ „Binger Loch“.

цвѣтами и безъ цвѣтовъ много, и древъ лимонныхъ, и апельсиновыхъ, и грушевыхъ и иныхъ разныхъ много, и виноградъ есть, а все деревья не большія. И послы, гулявъ съ курфистромъ въ саду, говорили: охотою твоею построены садъ хорошо и посажено всего изобильно, и спросили, давно ли тотъ садъ заведенъ и для чего всякія деревья не велики ростомъ? И курфистръ говорилъ: тотъ садъ давно заведенъ при прежнихъ курфистрахъ и деревья де были великія, да какъ де тотъ городъ Меце былъ за Шведами и за Французскимъ, въ то де время все разорено было и тотъ садъ весь залустошенъ. И послы спросили: давно ль тотъ городъ былъ за Швейцарскимъ, и давно ль былъ и за Французскимъ и коими мѣрами? И курфистръ говорилъ: ималъ де тотъ городъ Свѣйской въ то время какъ война была у него съ Цезаремъ—тому двадцать лѣтъ какъ отъ Свѣйскихъ свободенъ сталъ, а послѣ де того ималъ тотъ городъ Французской король, а съ Цезаремъ же войну чиня, а какъ онъ французскаго владѣнія свободился тому семнадцать лѣтъ, послѣ де тѣхъ разореній все вновь заводили, потому въ саду и дерева не велики“ (783—84).

Чемодановъ во время пребыванія въ Ливорно и въ Венеціи старался узнать кое-что объ исторіи этихъ городовъ. Онъ спросилъ у Альберто Вимина: „сколько тому лѣтъ, какъ Венеція зачалась“, и получилъ отвѣтъ что „тому тысяча двѣсти лѣтъ“. Также и въ Ливорно посланники спросили: „сколь давно зачался городъ Леворна?“ и торговые люди сказали: „какъ де сдѣланъ городъ Леворна тому лѣтъ съ полтретьятцать (sic), а прежде того въ томъ мѣстѣ была деревня“ (1156).

Въ Мессинѣ разказывали Шереметеву что „городъ старей, и отъ Француза и отъ своего Гипланскаго короля разоренъ, тому лѣтъ лятнадцать, за то что они Французу поддалися, а потомъ Французъ отъ нихъ отступился, и за ту измѣну они разорены отъ своего короля“ (55). О городѣ Чжіацере (sic) Шереметевъ пишетъ: „того города французскія многія войска не взяли, а на приступахъ де погибло французскаго войска 12.000, тому назадъ лѣтъ съ лятнадцать“ (57).

Все это не имѣло отношенія къ Россіи и не особенно интересовало нашихъ путешественниковъ. За то тамъ гдѣ происходили событія важныя для Россіи, русскіе туристы обнаруживаютъ гораздо большую любознательность. Такимъ

предметомъ, вызвавшимъ особенное вниманіе Русскихъ, былъ Флорентійскій соборъ. Когда Чемодановъ во Флоренціи вѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Тосканскаго князя Фердинанда мимо церкви, княжій братъ замѣтилъ что „въ этомъ костелѣ былъ осмый соборъ“. Посланники спросили: „тотъ де осмый соборъ что ты сказываешь, здѣсь ли совершенъ? И княжой братъ сказалъ: совершенъ де онъ въ городѣ Феррарѣ“ (996). Бывши затѣмъ въ Феррарѣ и вѣдучи по городу въ сопровожденіи одного лалскаго генерала, посланники спрашивали генерала, указавшаго имъ на церковь въ которой происходилъ соборъ: „тотъ ли де осмый соборъ что во Флоренску не далъ довершить и изогналъ святой Марко Свейскій.“ Генералъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ и только повторялъ что „де соборъ довершенъ здѣсь въ томъ костелѣ“ (1002).

Также и Шереметевъ видѣлъ во Флоренціи ту церковь гдѣ былъ соборъ и даже „книгу за руками всѣхъ тѣхъ которые были на томъ соборѣ въ церкви“. Грандука подарилъ Шереметеву „списокъ съ книги Флоренскаго собору“ (84 и 86).

4. Географія.

И географическія познанія нашихъ путешественниковъ не могли быть особенно полными. Повидимому, они не имѣли понятія о глобусахъ. По крайней мѣрѣ разказъ объ этомъ предметѣ Чемоданова свидѣтельствуешь о значительной наивности. Онъ пишетъ о разныхъ рѣдкостяхъ видѣнныхъ имъ во Флоренціи: „а въ верхнихъ палатахъ сдѣланы два яблока превеликихъ добръ, а на тѣхъ яблокахъ написаны государства всѣ и лланиды и боги небесные; а тѣ яблока переворачиваются на всѣ стороны“ (1161). Также Лихачевъ разказываетъ: „въ палатѣ построено колесо изъ дерева индѣйскаго, а на колесѣ яблоко, а на яблокѣ написано всѣхъ государствъ земли, да на томъ же яблокѣ написано небесные боги и лунное теченіе и звѣзды“ (589). Неизвѣстный напротивъ говоритъ уже не о „яблокахъ“, а прямо о глобусахъ; онъ видѣлъ глобусы въ Штутгартѣ (103), въ Венеціи „глобусы превеликіе, въ косую сажень“ (106), во Флоренціи „глобуса прорѣзные, превеликіе“ (113) и пр.

Между путешествіемъ Чемоданова и путешествіемъ Незвѣстнаго прошло сорокъ лѣтъ. Въ продолженіе этого періода, а именно въ 1676 году датскій резидентъ подарилъ царю Θεодору Алексѣевичу великолѣпный серебряный глобусъ, хранящійся нынѣ въ Оружейной Палатѣ. Въ описи сказано: „водовзводъ серебряный, а по осмотру яблоко золочено, а на яблокѣ рѣзано землемѣріе, на яблокѣ два мужика съ крылами золочеными“ и пр. *

Путешественники наши вѣрѣдко упоминаютъ о разстояніяхъ между различными мѣстами, о величинѣ разныхъ государствъ и т. п. Такъ въ статейномъ спискѣ Шевригина встрѣчаются данныя въ родѣ слѣдующихъ: „До Шпанскаго короля границы отъ Рима тысяча двѣсти верстъ моремъ; отъ Рима до Ерусалима двѣ тысячи верстъ моремъ и горою; до Милана отъ Рима полтретья ста верстъ; отъ Рима до Турскаго границы полтретья ста верстъ и пр.“ (25 и 26). Такія же данныя въ статейномъ спискѣ Лихачева: „Турская земля отъ грандукиной лятьсотъ верстъ, а Французское королевство отъ грандукина владѣнія отъ города Леворны морскимъ путемъ 400 верстъ, а сухимъ путемъ сколь далека тово онъ (переводчикъ Иванъ Саксъ) не упомянуть.“ (669).

И на морѣ наши путешественники собирали нѣкоторыя свѣдѣнія о разныхъ странахъ, мимо которыхъ они ѣхали. Въ этихъ случаяхъ нужно было полагаться на шкиперовъ, а при сообщеніи сказаннаго корабельщиками, разумѣется, весьма часто были искажаемы названія. Вотъ примѣръ такого географическаго изложенія. Чемодановъ пишетъ: „прошедь Сѣверный Носъ, по сказкѣ корабельщиковъ, шли мимо Датскаго короля земли, оставя влѣвъ островъ Фиръ, а вправѣ его жь островъ Ислантъ, и Ледяной онъ же, и Англицкаго короля землю островъ Гитланъ, и Амбурскую и Бременскую землю, да Шкотскія земли островъ Леусъ, и всю Шкотскую землю, и Голландскую и мимо Ирляндскіе земли, что стоитъ отъ цныхъ земель въ морѣ, далѣ Англицкаго короля владѣніе и за него Французскую землю, что сошла съ со Шпанскою землею: всѣ тѣ государства обошли влѣвъ. И октября 12 числа по 23 число шли по морю до Шпанскаго моря противъ Французскіе земли моремъ Отласкимъ“ (940).

* См. изображеніе въ Древностяхъ Росс. Государства, т. V, № 41.

Лихачевъ, проѣзжая мимо Африканскихъ береговъ, уломи-
ваетъ: „По сказкѣ корабельщиковъ на правѣ, что слово-
тъ Турская земля, живутъ въ горахъ черные люди, а словутъ
они аралы, и пашутъ де всякаво хлѣба много, и животины у
нихъ много жъ; да по тѣмъ же горамъ растетъ виноградъ,
а налевѣ, что слово-тъ Шпанская земля, городъ стоитъ въ
горахъ, отъ моря версты съ три, и къ тому городу мимо-
ѣздомъ приставаютъ корабли немногіе, для покупки лимо-
новъ, и пряныхъ зелей и для воды и всякаго харчу.“ (527)
Подобнаго рода данныя сообщаются объ островѣ Сарди-
ніи и объ островѣ Корсикѣ, причемъ замѣчается „длина
острову Сардинію пятьдесятъ пять миль, а поперекъ двад-
цать миль“ и т. п. (531).

Во время пребыванія во Флоренціи Лихачевъ разспраши-
валъ какого-то пристава: „сколько князя вашего владѣнія
земли длину и поперекъ верстѣ и много ли всѣхъ городовъ?“
Приставъ отвѣчалъ: „князя нашего землею ѣхать вдоль
всего триста верстѣ, а поперекъ тово неѣздомо, а въ кото-
рыхъ де городѣхъ живутъ бискули и арцибискулы и тѣхъ
городовъ есть за грандукою съ тридцать, а что Леворна и
то де у насъ словутъ не города, мѣста, и такихъ де мѣстъ
за нимъ есть семьдесятъ“ (563).

О климатѣ южной Европы Лихачевъ замѣчаетъ: „о Кре-
щеніи жары великіе; у насъ на Руси таково и о Иванова
дни. Яблока великія и лимоны родятся по дважды годомъ,
а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца“ (Висл.
4, 347). Такіе случаи сравненія между явленіями въ за-
падной Европѣ и въ Россіи почти вовсе не встрѣча-
ются. Также любопытно замѣчаніе Лихачева во время
плаванія по Средиземному морю: „на томъ морѣ дни стали
сѣѣтны и красны, какъ у насъ о Троицынѣ днѣ, а тутъ о
Филипповѣ заговѣнѣ таковы; а дни и ночи одинаковы“.
(Висл. 4. 341)

Мы уже говорили о томъ что красота горнаго ландшафта
не производила замѣтнаго впечатлѣнія на нашихъ путе-
шественниковъ. Плавая по великолѣпнѣйшему озеру въ
Швейцаріи Лихачевъ пишетъ только: „ѣхали озеромъ (Фир-
вальдштетскимъ) двадцать одну версту“ (635); подымаясь
на Альпійскія горы въ верхней Италіи онъ замѣчаетъ толь-
ко: „ѣхали превысокими горами въ верхъ 3 версты, да въ
визъ 3 версты, а ширина горѣ (sic) 2 сажени“, и т. д.

Впрочемъ не только Русскимъ гористыя мѣста не нравились въ то время, но и западно-Европейцамъ. Въ то время увеселительныя замки строились по преимуществу не въ горахъ, какъ это дѣлается нынѣ, а въ мѣстностяхъ плоскихъ и безлѣсныхъ, по нашему мнѣнію довольно скучныхъ и однообразныхъ. Знаменитѣйшій пейзажистъ того времени къ которому относятся поѣздки нашихъ туристов-дипломатовъ, Клодъ Лорренъ, предпочиталъ равнины горамъ, роши густымъ лѣсамъ, поля скаламъ и т. д. Только нѣсколько позже такъ-называемый романтическій стиль, любующійся громадами горъ, темнотой лѣсовъ, крутостью скалъ, узкостію ущелій, беретъ верхъ надъ стилемъ Клода Лоррена, который, между прочимъ, находясь въ Мюнхенѣ, пренебрегъ даже поѣздкой въ Верхнебаварскія горы, куда въ настоящее время ежегодно ѣздить въ большомъ числѣ пейзажисты *.

И въ древности мы не встрѣчаемъ той чуткости въ отношеніи къ прелестямъ природы, которою отличается нашъ вѣкъ. Еще Гумбольдтъ замѣчаетъ что ни одинъ римскій авторъ не говоритъ объ Альпійскихъ горахъ иначе какъ жалуюсь на непроходимость и опасность этихъ горъ, и что Юлій Цесарь чтобы убить время по случаю поѣздки чрезъ Альпійскія горы сочинилъ грамматическій трудъ „*de analogia*“. Вкусъ и наклонности путешественниковъ XVІІго вѣка въ отношеніи къ природѣ отличаются отъ вкуса и наклонностей нынѣшнихъ туристовъ совершенно такъ же какъ отличаются картины Клода Лоррена отъ произведеній Калама, Айвазовскаго и пр.

Только въ одномъ мѣстѣ въ сочиненіи Шереметева встрѣчается замѣтка въ которой можно видѣть слѣдъ восхищенія природой. Проѣзжая мимо береговъ Сацциа, онъ говоритъ о городѣ Тропеа: „Сей городъ не большой, только стоитъ зѣло хорошо на высокой скалѣ надъ самымъ моремъ.“ (*Зап. пунт. Шер.* 55).

За то у Шереметева мы находимъ довольно подробное описаніе огнедышащихъ горъ, землетрясеній и тому подобныхъ явленій. Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ путешествен-

* См. дѣльныя замѣчанія объ этомъ предметѣ въ статьѣ Рихля (Riehle): „*Das landschaftliche Auge*“ въ его сборникѣ „*Culturstudien aus drei Jahrhunderten*“. München, 1862.

никовъ онъ одинъ имѣлъ случай при посѣщеніи южной Италіи познакомиться съ этими явленіями, разумѣется производившими глубокое впечатлѣніе на русскаго туриста, ничего подобнаго не видѣвшаго въ своей родинѣ.

Пріѣхавъ въ Неаполь Шереметевъ пишетъ: „Отъ онаго города съ десять миль стоитъ гора превеликая, называемая Везувія, которая непрестанно горитъ, и въ день огонь видно, а лаче дымъ превеликимъ столбомъ идетъ, а въ ночи то лучше видно, вверху оной горы весьма превеликій огонь исходитъ съ великимъ шумомъ, такъ что въ большій страхъ приводитъ человѣка“ (54). О горѣ Стромболи сказано: „Кругъ ея 15 миль, а на верху той горы непрестанно горитъ мила на двѣ кругомъ, и говорятъ что тутъ жилище діаволомъ, и такъ они въ томъ увѣрены, что многія фелюки съ людьми діаволами утаскиваемы бывали къ той горѣ, и потопляемы въ морѣ, а нынѣ кто ѣдетъ мимо той горы, ставитъ кругъ фелюкъ многіе кресты, и тѣмъ де спасаются; а лѣшіе де люди къ той горѣ выходя изъ фелюкъ знаменавшіся крестнымъ знаменіемъ ходятъ, только де за превеликимъ отъ огня шумомъ близко пройти невозможно.“ (56).

Во время пребыванія въ городѣ Катаніи Шереметевъ узналъ разныя подробности о бывшихъ тамъ землетрясеніяхъ. Незадолго до посѣщенія этого мѣста бояриномъ, а именно въ 1692 году, тамъ происходила страшная катастрофа, о которой Шереметеву разказывали слѣдующее: „трясеніе было три дни, всякое зданіе, кромѣ цитадели, все ушло; 15.000 человѣкъ погибло въ церкви (?), только остался одинъ священникъ, который ухватилъ и держалъ Тѣло Христова; а во всемъ городѣ погибло людей 25.000“ „и въ нынѣшнемъ 206 (т.-е. 1698) году марта въ 13 числѣ по новому календарю было въ томъ городѣ трясеніе-жь, только тѣмъ трясеніемъ городу и людямъ никакого вреда не учинили.“ „А тому лѣтъ съ лятьсотъ отъ трясенія земли тотъ городъ распался весь, а цѣлые дома пошли въ землю, и людей погибло премножество.“ (57).

Любопытенъ разказъ о событіи 1681 года: „Близъ того же города миль съ десять, есть гора превысокая, именуемая Этна, которая горитъ великимъ пламенемъ, и выкидываетъ изъ нея огненные превеликіе камни, и по той горѣ часто бываютъ источники огненные. А въ 189, отъ Р. Х. 1861,

года изъ той горы протекли великія огненныя лавы, и текли по обѣ стороны того города шириною на милю, не захвативъ того города; и зданіе все, которое въ тѣхъ мѣстахъ было, и виноградные и иныя многихъ деревъ сады пожгло, и не токмо то, но и горы каменныя отъ того огня развалились, и море въ то время отъ того огня на нѣсколько сажень уступило, котораго теченія лавъ было три дни, и на тѣхъ мѣстахъ и доднесь не растетъ ничто; а какъ та гора почала горѣть, и тому сказывали только 26 лѣтъ, и видно то все распаденіе города и поладеніе земли и доднесь, чему мы самовидцы; а во время де того трясенія, сказывали, не токмо тотъ городъ Катанія развалился, но и иныя многіе, которые близъ Катаніи города и села тоже претерпѣли, отъ чего де погибло людей со 150,000.“

Боярину было суждено сдѣлаться свидѣтелемъ зрѣлища такого рода. На обратномъ пути изъ Мальты онъ во второй разъ находился въ Неаполѣ, гдѣ случилось слѣдующее: „Въ бытность боярскую въ Неаполѣ тутушніе жители два дни были въ великомъ страхѣ и ужасѣ отъ горы Везувія, горящей непрестанно, потому что въ тѣ два дни превеликой изъ оной горы исходилъ огонь, былъ громъ, трескъ и шумъ, и кидало вокругъ горы линіи на три и на четыре большіе огненные каменья; многія же съ той горы потекли огненныя лавы, причемъ живущихъ около сей горы пожгло, побило и переранило каменьями многихъ людей, также и всякіе пожгло заводы, отъ чего въ городъ Неаполь сбѣжалось народу съ тридцать тысячъ, которыхъ сего города начальствующіе, господинъ вицерой и кардиналъ, три дня кормили своимъ коштомъ, давали имъ на день по *тарину*, а на русскія деньги по двѣ гривны: раненыхъ же приказали лѣчить: и въ тѣ два дни въ городѣ Неаполѣ такой сыпалъ отъ оной горы пепелъ, что никакъ по городу ходить было невозможно, и насыпало того пепела во всемъ городѣ по всѣмъ улицамъ больше нежели на четверть аршина, отъ чего сдѣлалась престрашная духота, отъ которой слабые люди почали было болѣть, что видя вицерой и кардиналъ причли быти оному особливому на нихъ гнѣву Божию, во удовлетвореніе чего и умолило Бога въ третій день во второмъ часу утра чинили они процессію, ходили со кресты изъ всѣхъ церквей и монастырей по городу всѣ духовные люди и сами вицерой и кардиналъ и весь народъ съ женами

и дѣтьми, а многіе изъ мирскихъ людей и изъ знатныхъ особъ, показуя свои труды, носили въ той процессіи каменья великіе и лесокъ, какъ можно съ нуждою челоуѣку несть, убравшіся въ особливое бѣлое платье, и покрывъ лицо, чтобы не узнали: послѣ чего той ночи въ полночь великой былъ дождь, и весь оный пепелъ въ городѣ по улицамъ прибило; въ горѣ же огонь такъ утихъ, что только дыму мало видно было, и отъ того всѣ люди отраду воспріали.“

О катастрофѣ древнихъ городовъ Геркуланума и Помпеи во время Шереметева еще не могло быть рѣчи. Раскопки въ этихъ мѣстахъ начались не раньше какъ въ 1748 году.

Передавая географическія названія, наши путешественники часто искажаютъ ихъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно догадаться, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь. Въ такихъ случаяхъ, какъ намъ кажется, издатели обязаны стараться разъяснить такого рода недоумѣнія. Между тѣмъ напримѣръ алфавитный указатель къ десятому тому *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній* не только не представляетъ объясненія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще болѣе залутываетъ такіе тологграфическіе вопросы. Такъ въ статейномъ спискѣ Чемоданова (975) говорится о мѣстечкѣ „Неопалъ“, находящемся на пути отъ Ливорно во Флоренцію. Это мѣсто не что иное какъ *Empoli*. Составитель алфавитнаго указателя однако нисколько не сомнѣвался въ томъ что тутъ говорится о столицѣ бывшаго Неаполитанскаго королевства (см. стр. 1761), хотя легко могъ бы сообразить что Чемодановъ изъ Ливорно во Флоренцію никакъ не могъ ѣхать чрезъ Неаполь. Другой примѣръ: въ разныхъ статейныхъ спискахъ говорится о Майнцѣ, причемъ этотъ городъ называлъ то Мецъ, то „Менцъ“, вмѣсто того чтобы объяснить значеніе этихъ послѣднихъ названій, составитель указателя показалъ оба названія особо, полагая вѣроятно что Мецъ — городъ въ Лотарингіи, а Менцъ — столица курфюрста на Рейнѣ. „Тарбонъ“ и „Тамбонъ“ остались безъ указанія на *Bonn*. Еслибы составитель указателя взглядывалъ въ подобныхъ случаяхъ на карту, онъ могъ бы объяснить что „Кармар-

зія“ не что иное какъ *Карлсруэ*, что островъ „Дымудырдуэ“ *Мадейра* и т. д. Невниманіе издателей ко всему этому составляетъ существенный недостатокъ изданія *Памятниковъ*.

Искаженіе географическихъ именъ во многихъ случаяхъ должно быть приписано самимъ составителямъ статейныхъ списковъ, напримѣръ у Шевригина „Борноголъ“, вмѣсто Борнгольмъ, „Вопаирадъ“, вмѣсто Аленраде; у Чемоданова „Тынкильшдиль“ вмѣсто Динкельсбюль; у Лихачева „Стромборкъ“, вмѣсто Страсбургъ и т. д. Въ другихъ случаяхъ вина ладаеъ вѣроятно на перелищниковъ и наборщиковъ, напримѣръ „Кунтъ“, вмѣсто Зундъ, „Аматурхъ“, вмѣсто Штутгарутъ и т. д. Самые куріозные случаи искаженія именъ встрѣчаются въ изданіи дневника Неизвѣстнаго, что безъ сомнѣнія объясняется небрежностью изданія. Самымъ правильнымъ образомъ передаются географическія названія въ первомъ изданіи записки Шереметева, что объясняется не только тщательностью автора „Записки“, но и добросовѣстностью и умѣніемъ издателя, между тѣмъ какъ въ изданіи „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній“ записка Шереметева изобилуетъ ошибками и перелищниковъ, и наборщиковъ и издателей.

Какъ бы то ни было, для нашихъ путешественниковъ, совершенно незнакомыхъ съ географіей Запада, все видѣнное ими было дѣломъ совсѣмъ новымъ. Каково же было впечатлѣніе произведенное на нашихъ туристовъ-дипломатовъ городами западной Европы?

Въ большей части случаевъ замѣтки нашихъ путешественниковъ о городахъ кратки и не важны, въ родѣ слѣдующихъ:

У Чемоданова: „Городъ Тридентъ каменной, стройной, стоитъ межъ высокихъ каменныхъ горъ въ долу, а въ немъ сады многіе и винограды, а подъ нимъ рѣка Эчь.“ „Городъ Илшпрукъ каменной, стройной, великой, стоитъ межъ горъ, а подъ нимъ рѣка Энусъ“ (Иньнъ).

У Шереметева: „*Troppeau*, городъ преизрядной, и все въ немъ каменное и на фонтанахъ на колодезяхъ украшенные.“ „*Olmuz*, городъ крѣпкой и хорошей, башни каменныя хорошія и часы на ратушѣ преизрядныя.“ (18). *Виллазъ*, „мѣсто хорошее и не малое, и башни въ немъ строены многія вновь, а старыя лочиниваны, для того что подъ тѣмъ мѣс-

томъ земля тряслась“ (33). *Феррара*, „городъ великій“. *Болонья*, „городъ зѣло великъ и церкви въ немъ и палаты преизрядныя и школы учительныя великія“ (40). *Неаполь* „стоитъ надъ моремъ, строеніе въ немъ палатное хорошее, а лаче церкви преизрядныя украшеніемъ всякимъ, предорогами живописными, а больше мраморами, и онъ весьма многолюдный городъ“ (54).

У неизвѣстнаго: *Флоренція* „городъ великой, по улицамъ вечно; дома великіе, изряднаго строенія, окончины булыжныя, рѣдко стеклянныя“ (112). „*Эренбрентейнъ* славной цесаревой городъ; построены на горахъ каменныхъ, zelo высоко на рѣкѣ“ (99).

Лихачевъ пишетъ: „Въ городѣ *Болоніи* жили день: городъ великъ, красенъ и многолюденъ, и людей торговыхъ и мастеровыхъ много: больше и красивѣе *Флоренска*“. (*Визл.* 4. 355). О *Базелѣ*: „Городъ прекрасенъ зѣло и строенъ больше *Флоренска* и *Болоніи*“. (357)—Особенно Лихачевъ любовался *Амстердамомъ*: „Въ городѣ безмѣрно людно, ни который городъ такъ не многолюденъ; а города прибавляютъ къ рѣкѣ версты на двѣ, а градъ дѣланъ: съ морскую сторону бито зубе дубовое на крестъ, да сланъ кирпичъ, а въ ноги великія бревна, а на нихъ биты великія желѣзные гвоздя, и тѣ бревна въ ноги закладываютъ; да въ томъ ярусѣ стоятъ корабли, да за тѣмъ ярусомъ другой ярусъ также дѣланъ, и кораблей столько же. А городъ весь стоитъ на морской водѣ, на губѣ, а матерой земли подъ градомъ нѣтъ нисколько: видѣ бывала корабельная пристань, а нынѣ тутъ стоятъ палаты. А трехъ вещей нѣтъ: хлѣба, воды, дровъ; воду привозятъ съ *Рены*. А людей богатыхъ много, кирпичи высоки и стройны, а вмѣсто моленія, два органы великія“ (359).

Чемодановъ замѣчаетъ что въ *Аугсбургѣ* „узорочныхъ всякихъ товаровъ и всякихъ мастеровыхъ людей, которые дѣлаютъ сосуды серебряные и золотные всякими мудрыми образцы и ружье всякое многое, и ходятъ изъ того города (эти товары) во все государство“ (1169). „Въ *Винницѣ* сдѣланъ мостъ каменной великой, а на немъ устроены лавки многія, крыты свинцомъ и сидятъ въ нихъ со всякими товарами; а по ихъ сказкѣ сталь де имъ тотъ мостъ и съ лавками четыреста тысячъ золотыхъ и болши“ (1165). Довольно подробно Чемодановъ описываетъ гавань въ *Ливорно* (1.155). Лихачеву въ этомъ городѣ понравился маякъ: „Вѣѣ

города сдѣланы двѣ башни превысокія для бою; въ одной горятъ фонари со свѣчами для корабельнаго прихода съ моря“ (Висл. IV. 345).

Неизвѣстный, пріѣхавъ во Франкфуртъ, разказываетъ: „Видѣлъ товаровъ столько, что въ Амстердамѣ столько не видало, а больше всего серебра, да алмазныхъ запанокъ. У Жидовина одного была цѣлая лавка навѣшена: запанокъ, крестовъ, перстней, всѣ алмазные.“ Затѣмъ слѣдуетъ описаніе убора Жидовокъ. И Миланъ поправился Неизвѣстному богатствомъ товаровъ: „Рядъ великой, въ рядахъ были и видѣли судовъ хрустальныхъ, ашмовыхъ, желѣзныхъ и готовыхъ (sic), ославлены золотомъ“ (124).

Характеръ торговли на Западѣ оказался цѣнымъ какъ въ Россіи. Русскіе купцы обыкновенно разѣзжали по городамъ съ своими товарами; въ Германіи и Голландіи иначе. Проѣзжая по Рейну Лихачевъ пишетъ: „По той рѣкѣ до Амстердама городовъ большихъ и малыхъ съ двадцать. А рѣка зѣло красна и весела и пряма и быстра... а людей во всѣхъ городахъ много; а *здѣ городъ, тутъ и живутъ, а изъ города въ городъ не перепѣзжаютъ и не торгуютъ*“. (Висл. IV. 357).

Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ наши путешественники за границей посѣщали фабрики и вообще обращали вниманіе на промышленность. Чемодановъ разказываетъ что близъ Венеціи „стоятъ многіе палаты каменные, а въ нихъ дѣлаютъ окляничное дѣло всякими мудрыми образы,“ но кажется онъ не былъ въ этомъ заводѣ. За то Неизвѣстный „ѣздилъ въ Муранъ моремъ въ версту, гдѣ стекла зеркальныя дѣлаютъ и сосуды всякіе изъ камня, камень толкутъ и толятъ“ (108). Онъ же въ Венеціи „былъ на дворѣ, гдѣ сахаръ варятъ: заводы прелевеликіе“ (109).

Извѣстно какъ Петру правились каналы и шлюзы въ Голландіи. На каналы обращали вниманіе и прежніе путешественники. Чемодановъ замѣчаетъ о Бодольѣ: „Сквозь городъ течетъ рѣка коланая, а на той рѣкѣ сдѣланы двои воротъ на челяхъ желѣзныхъ, и суда пролускаютъ въ тѣ ворота какъ накопится вода и отворяютъ воротами.“ О каналахъ въ Амстердамѣ онъ пишетъ: „Влущена вода изъ морскія губы во всѣ улицы и устроены по обѣ стороны воды подлѣ палатъ и лавокъ, и улицы вымощены камнемъ; да по обѣимъ же сторонамъ по край тѣхъ каменныхъ улицъ и въ водѣ посажено нарочно деревье великое, вязъ, липа и

иные, а черезъ водяныя улицы подѣланы мосты каменные многіе. А подѣ Амстердамомъ губа морская, а около Амстердама пристань корабельная превеликая, стоятъ корабли голландскіе многіе и разныхъ государствъ и барки и рѣчныя суды.“

Шереметевъ, пріѣхавъ въ мѣстечко *Баденъ*, близъ Вѣны, пишетъ что „тамъ текутъ изъ горъ ручья горячія воды, и на тѣхъ ручьяхъ сдѣланы бани, и сдѣланы великія ванны, гдѣ люди кулаются и вода тепла гораздо, а пахнетъ сѣрою, и сказываютъ тамошніе жители, гораздо де та вода пользуетъ отъ всякихъ болѣзней“ (93). Еще подробнѣе Неизвѣстный описываетъ воды въ *Висбаденѣ*: „Изъ Менска ѣздилъ смотрѣть гдѣ натуральныя колодези горячи; въ одномъ вода безмѣрно горяча, не можно рукъ терпѣть; другая не такъ горяча. Построенъ великій домъ палаты изрядныя; сдѣлано мѣсто гдѣ кулаются, палата каменная сажень пяти, сводъ изъ досокъ сдѣланъ, написанъ плавецъ (sic), въ сводѣ сдѣланы трубы, для того что паръ непрестанно идетъ отъ воды... и плавать можно сажени на три.“

Объ общемъ характерѣ Венеціи Шереметевъ не говорить ни слова; за то Неизвѣстный сообщаетъ нѣкоторыя подробности о гондолахъ: „Сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ гондолахъ, лодки большія покрыты сукномъ чернымъ; стекла хрустальныя большія въ окончинахъ, а гребутъ стоячіе и нарядные зѣло, въ бархатныхъ кафтанахъ. А у пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ гондолы разныя вызолочены, и краснымъ убиты бархатомъ, а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ.“ (108).

Довольно подробно описаніе Флоренціи у Шереметева: „Городъ великій, больше Венеціи; палаты въ немъ дѣланы особливимъ строеніемъ, а не такъ какъ въ Римской и Венеціанской областяхъ.“ „Сквозь городъ Флоренцію течетъ великая рѣка, называемая Арно, чрезъ ея четыре моста великіе съ разными фигурами.“ Затѣмъ слѣдуютъ разныя замѣчанія о дворцѣ грандуки, о церквахъ, и пр. (84).

О нравахъ и обычаяхъ за границей никто не говоритъ такъ подробно какъ Неизвѣстный. Шереметевъ, между прочимъ о карнавалѣ въ Венеціи, который видѣлъ, не говоритъ ни слова. О характерѣ населенія онъ только однажды говоритъ, замѣчая проѣздомъ чрезъ Штирію что „по всему пути люди зѣло нужды и бѣдны, къ этому жъ

еще большая половина трудноватыхъ, у мужеска и женска полу на шеяхъ и подъ горлами и на грудяхъ великія болячки, и людъ самой худой“ (35). Неизвѣстный въ южной Германіи описываетъ костюмъ женщинъ и замѣчаетъ, между прочимъ, что у нихъ „щиты изъ полотна на шеѣ отъ рыла и пр.“ (101), рассказываетъ что въ Генуѣ „сенаторовъ и женъ ихъ носятъ люди по два человѣка, будто возокъ маленькой“, и что „иные ѣздятъ на мулахъ, такіе жь возки“ (122).

Неизвѣстный сообщаетъ куріозныя подробности о такъ-называемомъ нынѣ „demi-monde“ въ Голландіи. „Въ Амстердамѣ же устроены дома изрядные, гдѣ собираются по всякой вечеръ дѣвицы изрядныя, дѣвицъ по двадцати и по пятнадцати, а музыка непрестанно играетъ.... потому тѣ дома устроены нарочно и пошлину платятъ въ Ратушу, а домовъ такихъ съ двадцать, а называются шпигольныя или дома игранья, а иныя дома есть, которые тѣ же дѣла исполняютъ, только тайно, а домовъ такихъ въ Амстердамѣ съ двѣсти и зеле богатые дома, а кто охотники, нанимаютъ на мѣсяцъ или на два или на недѣлю, и живутъ безъ всякаго опасенія хотя годъ“ (стр. 91). „Въ Амстердамѣ ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ ставили дѣвки яствы на столъ и пить подносили все дѣвки, было тутъ пять дѣвокъ, только на головахъ убрано, а на тѣлѣ ни нитки, ноги перевязаны лентами, руки флѣрами.“ (96). И въ Амстердамѣ и въ Венеціи онъ былъ свидѣтелемъ травли быковъ. Въ Амстердамѣ „затравили собаками троихъ быковъ, а два устояли и многихъ собакъ лобили до смерти, а иныя зѣло больно проколоты рогами, и которые быки устояли, и на тѣ быки положили короны и фрукты изрядны изъ бумаги сдѣланы“ и пр. (96). Въ Венеціи при этомъ случаѣ „площадь превеликая, собакъ было со сто, быковъ съ 30.... и быковъ держать Удѣляцы (sic) въ золотыхъ кафтанахъ“. (128). Далѣе онъ описываетъ кулачный бой въ Венеціи, причемъ „заклады великіе кладутъ промежу собою и сенаторы ходятъ въ маскарахъ“ (128), казнъ двухъ преступниковъ въ Амстердамѣ (92), родъ пытки въ Венеціи (129), великолѣпную церемонію въ Венеціи, при которой дожъ на богато убранномъ суднѣ *Бученторо* выѣзжалъ въ море и бросалъ въ воду алмазный перстень. Любопытно что и при этомъ случаѣ „носили мушкары лучшіе люди и жены и дѣвицы всѣ, чтобъ невозможно другъ друга знать“. (105—108).

Неизвѣстнаго интересовали и игра въ мячъ венеціанскихъ сенаторовъ, при которой они держали на рукахъ „точанна до самаго локтя, будто лукомко“, и оперы и маскарады и религіозныя процессіи, которыхъ свидѣтелемъ онъ былъ въ Венеціи, въ Болоньѣ и въ Римѣ. По случаю праздника въ Болоньѣ „церкви были убиты всѣ камками и развязаны флѣрами и левтами; улицы покрыты холстами зело изрядно, и по всѣмъ стѣнамъ поставлены писыма предивныя, и комчатыя изъ всякаго дома изъ окошекъ вывѣшены матеріи изрядныя и шпалеры; на оконкахъ поставлены серебряныя сосуды съ цвѣтами“. (111). Въ Римѣ онъ видѣлъ какъ „палу несли люди восемь человекъ, въ бархатныхъ кафтанахъ; носилки сдѣланы деревянныя, подобно какъ возокъ зимній, обитъ бархатомъ; передъ нами несли крестъ, кругомъ шли солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами; каретъ было за нимъ пятьдесятъ“ (115). И въ Ливорно была процессія „по всѣмъ улицамъ горѣли огни“ и пр. (119).

Въ Венеціи онъ видѣлъ церемонію поставленія „одного человека въ шляхту, изъ простыхъ. Взяли въ казну съ него 100.000 дукатовъ. Тотъ день всѣ мушны надѣваютъ женское платье да харю; а жены мужское и харю.... во весь день танцуютъ и пр.“ (125). Страннымъ должно было показаться нашему туристу что дворянское достоинство продается въ Венеціи за деньги: „даютъ деньги, кто сколько можетъ; тысячь по 50, по 30 и по 20 дукатовъ.“ Въ греческой церкви онъ видѣлъ ученый диспутъ. „Свидѣтельствовали одного ученика, достойна ли философа.“ Описывая подробно въ какомъ порядкѣ сидѣли участвовавшіе въ этой церемоніи, онъ заключаетъ: „многіе диспутовались; всѣмъ отвѣтъ давалъ.“ (127). Въ Берлинѣ онъ былъ „укурфирста на дворѣ и ходилъ во всѣхъ его палатахъ, и жену его видѣлъ, и въ спальныхъ палатахъ его былъ, и дочь его видѣлъ дѣвицу; а сыну его девять лѣтъ. Говорятъ латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.“ (131).

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ Россіи мы еще не встрѣчаемъ театра, оперъ и концертовъ. Только польскія и малороссійскія мистеріи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ давались въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Въ 1673 году прибылъ въ Москву съ нѣсколькими актерами нѣмецкій антрепренеръ Готфридъ Яганъ. Во дворѣ

давали лісу: „какъ Людифъ Олоферну отсѣкла голову“, оркестръ состоялъ изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ музыкѣ Нѣмцами. Другое представленіе имѣло сюжетомъ: „Артаксерксъ велѣлъ ловѣить Амана, по царичину челобитью и Мардохеину наученью.“ Сюжеты становились болѣе разнообразными и заимствовались иногда даже изъ греческой міеологіи.

Когда Лихачевъ отправился въ Италію, онъ, разумѣется, никогда еще не имѣлъ случая видѣть что-либо похожее на италіанскій театръ. Вотъ что разказываетъ онъ о придворномъ театрѣ во Флоренціи. Русскихъ пригласили ко двору: сначала былъ великолѣпный обѣдъ: „На столѣ устроены три орда двоеглавные: на сахарѣ первый, янтарный съ жемчугомъ и съ каменіемъ второй, на бѣлой тафтѣ третій. Яствы были на столѣ всѣ дѣланы съ вымысломъ мастерскимъ: звѣри и птицы и рыбы, а всѣ съ сахаромъ.“ Затѣмъ танцовали. Всего было 800 человекъ. Началось представленіе. „Князь приказалъ играть: объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздить; а верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди: и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человекъ подъ руку онять вверхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же подыались вверхъ, за тѣми на небо. Да слушался съ неба же на облакѣ сѣдъ человекъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргемачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрагиваютъ; а князь сказалъ что одно солнце, а другое мѣсяцъ. А въ иной перемѣнѣ, въ палатѣ объявилось поле, полно костей человѣческихъ, и врапы прилетѣли и почали клевать кости; да море же объявилось въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ объявилось человекъ съ лятьдесять въ латахъ и почали саблями и шлагами рубиться и изъ пицалей стрѣлять, и человекъ съ три какъ будто и убили и многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за навѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многія диковинки дѣлали: да вышелъ малый и почалъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсночныхъ давали, а накормить его не могли. А та игра дѣлана до посланниковъ

за восемь недѣль, а стала де она въ 8.000 ефимковъ. Такова же комедія послана въ даръ къ Испанскому королю, какъ сыну у него родился. А комедій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ.“ (Визл. IV 350—351.)

Изъ описанія Лихачева видно что онъ не ловилъ сюжета драматическаго представленія. По всей вѣроятности была же какая-нибудь связь между различными явленіями, о которой мы, по разказу Лихачева, не можемъ себѣ составить какого-либо понятія. Достойно вниманія что Лихачевъ ни слова не говоритъ о музыкѣ, которою безъ всякаго сомнѣнія сопровождалось представленіе.

Неизвѣстный о содержаніи театральныхъ представленій въ Голландіи не говоритъ ни слова. Онъ только замѣчаетъ что „ѣздилъ дважды въ комедію, которая нарочно для насъ сдѣлана. Пока ѣхали изъ комедіи несли передъ каретою 20 свѣчъ восковыхъ большихъ восженныхъ.“ (88). Объ италіянскихъ театрахъ онъ замѣчаетъ только: „Въ Венеціи оперы зачали играть сентября 26го дня и комедіи: а кто хочетъ вольно выносить въ тѣ дни по вечерамъ маскарады“ (109). За то о музыкѣ, а особенно о пѣніи въ Италіи встрѣчаются въ дневникѣ Неизвѣстнаго многія замѣтки. „Былъ въ Мистрѣ и слышалъ музыку, такой нигде не слыхалъ во всей Европѣ; пѣли дѣвки на хорахъ и на всѣхъ инструментахъ играли они же въ церкви католической.“ По случаю торжественной процессіи была „музыка предлинная“ (105). Во всей Италіи славные пѣвцы: Полита, другая дѣвка Маргарита, третья—Картуна, четвертая—Пигатія, лятая дѣвка Сицилія, шестая дѣвка Катина; на карнавалъ одному пѣвцу даютъ найму по 1.000 червонныхъ и больше“ (109). Въ Падувѣ Незнакомецъ „видѣлъ органы предивные, такихъ видѣвъ не видалъ голосами.“ По случаю какого-то праздника въ Венеціи „музыка пѣла въ церкви лучшая что есть лучшихъ въ Венеціи кастратовъ и на инструментахъ играли на всякихъ, пятеры органы были, двадцать челоѣкъ на скрипкахъ, а всѣхъ было пѣвчихъ и музыкантовъ 65 челоѣкъ лучшихъ, а дано было двумъ челоѣкамъ, кастрату да скрипачу, по сорока червонныхъ на одинъ праздникъ“ (126). Другой праздникъ былъ въ дѣвичьемъ монастырѣ: „Музыка играла на всѣхъ инструментахъ разныхъ, а пѣли чернецы; тутъ же двѣ дѣвки пѣли на двухъ хорахъ. Одней имя Сусанна, а другая Асенна. А пѣли похвалу Богородицѣ,

такъ изрядно что вся Венеція удивилась и мы не слышали во всей Италіи такогого лѣнія.“ Другой разъ „у Захарія Пророка музыка играла князя Венеційскаго, сорокъ человекъ, на хорахъ стояло пять органовъ, двадцать человекъ кастратовъ, двадцать человекъ на скрилкахъ такъ играли басомъ что удивленію достойно“ (127).

Въ XVII столѣтіи садоводство въ Россіи было довольно развито. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ заниматься садоводствомъ. Въ Измайловскихъ садахъ было множество фруктовыхъ деревьевъ, цвѣтовъ, „нѣмецкихъ травъ“ и пр. Садовники были отчасти иностранцы. У частныхъ лицъ почти при каждомъ дворѣ былъ садъ или огородъ. Въ *Домостроѣ* обращается большое вниманіе на эту отрасль народной экономіи.

Однако въ Россіи сады имѣли по преимуществу экономическое значеніе. Изящность, красота садовъ, въ томъ числѣ и царскихъ, украшеніе ихъ фонтанами, статуями и пр., все это не имѣло въ Россіи такого значенія какъ въ западной Европѣ. *

Въ западной Европѣ, именно въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ, было сдѣлано чрезвычайно много въ отношеніи къ изящному разведенію садовъ, явилось множество новыхъ плодовъ изъ разныхъ частей свѣта. Италіянцы, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, отсюда заимствовали разные растенія, успѣшно разводимыя въ европейскихъ садахъ. Также и Голландцы, благодаря своимъ поѣздкамъ въ южную Азію и пр., успѣли вывезти отсюда разные цвѣты и овощи, сдѣлавшіеся затѣмъ предметомъ особеннаго вниманія любителей садоводства и въ настоящее время распространяемые по разнымъ странамъ Европы. Между тѣмъ какъ въ Германіи и Голландіи особенно успѣшно занимались огородничествомъ, во Франціи разведеніемъ нѣжныхъ плодовъ, въ Италіи особенно любили великолѣпіе въ садахъ, соединеніе садоводства съ архитектурой и скульптурой, украшеніе садовъ самыми замысловатыми фонтанами.

* См. о садоводствѣ статью г. Забѣлина во второмъ томѣ его *Опытовъ изученія русскихъ древностей и исторіи*. 1873.

Французы въ эпоху Людовика XIV заимствовали такую утонченность въ устройствѣ садовъ у Италянцевъ. *

Наши путешественники, описывая разные предметы видѣнные ими на Западѣ, особенно охотно останавливаются на описаніи садовъ и украшеній въ садахъ; преимущественно они удивлялись великолѣлію фонтановъ.

Чемодановъ и его товарищи уже въ Ливорно гуляли въ садахъ: тамъ были между прочимъ „кладязи, а въ нихъ рыба всякая“, „древа лимонные, а на нихъ лимоны, древа ешниковые и на нихъ ешники, древа мелкіе виноградные“ и пр. (1.157). На дорогѣ изъ Ливорно во Флоренцію были „сады виноградные, а около садовъ копаны по обѣ стороны дороги рвы; а которые дороги положены сквозь сады, и въ тѣхъ мѣстахъ чрезъ рвы устроены мосты каменные“ (1.158). Во Флоренціи посланники видѣли слѣдующее: „Въ тѣхъ садахъ устроены пруды, и кругомъ тѣхъ прудовъ каменные плотины, а по плотинамъ учинены кругомъ перила желѣзные; и у тѣхъ перилъ сдѣлана палатка, и въ той палаткѣ заводятъ щурулами, а какъ заведутъ, и та вода изъ прудовъ побѣжитъ изъ всѣхъ перилъ вверхъ и учинится какъ бы дождь. Да въ тѣхъ же садѣхъ устроены рѣзные каменные мужики и звѣри стоятъ, и изъ ихъ мужиковъ изъ рукъ и изъ ногъ идетъ вода. А у князя на дворѣ сдѣланъ столпъ великой каменной съ рѣшьями, и около того столпа подѣланы мужики и рыбы каменные жъ и изъ того столпа вверхъ идетъ вода въ вышину сажень, а подъ тотъ столпъ вода жъ проведена съ горы; и подъ тѣмъ столпомъ устроены сады, и въ тѣхъ садахъ сажена рыба всякая“ (1.162).

Весьма краснорѣчиво о садахъ и фонтанахъ во Флоренціи пишетъ Лихачевъ: „Въ ихъ палатахъ проведена вода прехитрымъ дѣломъ: отвернуть щурулъ, и всѣхъ людей въ палатѣ омочить, а идетъ вода на разныя капли изъ камня изъ рѣшетокъ желѣзныхъ, и капли идутъ на конское побѣжище; а щурулъ завернуть, и воды станетъ только. А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное, древа воѣ кедровыя и кипарисныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблока предивныя и лимоны двои: одни величествомъ по

* См. соч. Гена (Hehn), *Culturpflanzen und Haustiere*, а также отъ дѣлъ о садоводахъ въ сочиненіи Фрааса (Fraas), *Gesch. d. Landwirthschaft*.

яблкъ, и виноградъ двойной: бѣлый да вишневыи, и акиосъ. А литья: вино церковное сѣжее, и бѣлое французское, и малвазія, и аликантъ; а водокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковитка: лучше тройнаго вина, а лить дадутъ всего шурулъ или два откляничныхъ. А ягоды винныхъ и изюму нѣтъ, а чиныхъ овощей много: арбузы, груши, омоквы, а чиныхъ именъ не знаю. А днемъ отъ солнечнаго зноя не можно ходить, и въ февралѣ всѣ кроются въ палаты, а красоту въ садахъ нельзя описать: потому что не бываетъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ много же, а рыбы дикія безчешуйныя. А много описать не успѣтъ: потому, кто чего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ" (*Визл. IV. 353*). Посланники, какъ пишетъ Лихачевъ, цѣлую недѣлю пробыли въ садахъ, а затѣмъ олять заняли палаты въ „зимнемъ дворѣ“. „И на княземъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, и устроенъ Иорданъ, и выше Иордана сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ, на дробныя капли, а къ солнцу что камень хрусталь. А около княжова двора древа кедровыя и кипарисныя, и благоуханіе велие.“ (347).

Нужно принять въ соображеніе что наши посланники все это видѣли въ январѣ и въ февралѣ, въ то время когда въ Россіи вмѣсто фруктовъ и цвѣтовъ—ледъ и снѣгъ. Русскимъ казалось диковиной что „яблоки и лимоны родятся не дважды годомъ“ (347).

Самое любопытное описаніе садовъ и преимущественно фонтановъ встрѣчается въ запискахъ Неизвѣстнаго. Уже на пути изъ Голландіи въ Италію, а именно въ Клеве, онъ видѣлъ сады Бранденбургскаго курфюрста: „сады изрядные, перспектива, на горѣ фонтаны, съ горы ходы сдѣланы чрезъ рѣку въ садъ; по другой сторонѣ двора его гора превеликая, кругомъ рощи, въ рощи простѣчено 12 дорогъ; со всякой дороги видишь другую дорогу, а въ рощахъ налущено звѣрей, оленей, лосей, вдругъ видишь ста три, въ горахъ построены фонтаны изрядные, и величиною та роца кругомъ обойти въ четыре часа“ (97). *

* Въ дневникѣ это мѣсто названо „Спаешъ“ и „Клаешъ“. Безъ сомнѣнія это не что иное какъ Клеве (Cleve), въ окрестностяхъ котораго еще нынѣ находятся парки „Prinzenhof“ „Berg und Thal“. См. путеводитель Бедекера, *Rheinlande*, 9 изд. 1856. Основатель парка

Въ Венеціи Неизвѣстный въ одномъ монастырѣ видѣлъ „сады зѣло изрядные; кругомъ посажены кипарисы и винныхъ ягодъ древа многія“ (106). Около Болоньи „видѣлъ въ саду изъ дерева вырѣзаны... и растутъ лошади и люди“ (111). О великолѣпныхъ садахъ во Флоренціи сказано только что „строепіе изрядное, по дорогамъ сажены кипарисы, фонтаны изрядные, подъ однимъ фонтаномъ чаша изряднаго камня, 15 сажень кругомъ.“ Особенно понравился Неизвѣстному Ватиканскій садъ въ Римѣ: „Садъ, фонтанъ, на правой сторонѣ гора выкладена каменная, на верху неясны птица, изъ лба течетъ вода великая, подъ горою прудъ отъ фонтановъ; на водѣ корабль, вмѣсто парусовъ изъ дерева текуть воды; 24 пушки; изъ пушекъ все вода стрѣляетъ“ (116). О садахъ князя Боргезе сказано: „Въ саду были у князя Бурезе; садъ великой, пять верстъ кругомъ. Въ саду палаты превеликія, убраны письмами изрядными; лучшее убраніе. Персоны царскія и много славныхъ владѣтелей изъ мраморовъ разныхъ выставлено. Палатъ будетъ 30, убраны великимъ богатствомъ: столы, шкатулы, чаши великіе изрядныхъ мраморовъ; противъ тѣхъ палатъ сдѣланы земляныя (sic), покрытыя стѣю желѣзною; а въ нихъ напущено птицъ разныхъ, водятся тутъ; посрединѣ тѣхъ палатъ фонтаны для птицъ. Въ томъ же саду пруды превеликія; тутъ же въ саду разныхъ оленей, козъ иныхъ разныхъ напущено и водятся тутъ; на годъ убиваютъ по сту и больше молодыхъ для того что много рождаются и пр.“ Также и великолѣпные сады около Фраскати понравились Неизвѣстному. Тамъ три дома принадлежали князю Боргезе. Между прочимъ тамъ Неизвѣстный видѣлъ „фонтаны, что стрѣляютъ гласно, какъ изъ пушекъ“, „деревья обрѣзаны по веревкѣ“. Лучше всего оказалась вилла князя Памфили, у котораго Неизвѣстный обѣдалъ. „Домъ его поставленъ въ горахъ превеликихъ; съ пріѣзда садъ великій къ палатамъ; крыльца на обѣ стороны шириною сажень по пяти; на крыльцахъ по двѣнадцати фонтановъ, посреди тѣхъ сѣней фон-

уиеръ въ 1679 году. Это былъ курбранденбургскій намѣстникъ герцогства Клеве, Морицъ Пассадскій. Еще нынѣ нѣкоторая часть этихъ садовъ называется „Thiergarten“; эти сады тянутся до Ниммегена, откуда пріѣхалъ Незнакомецъ. См. *Badeker Rheinlande*—стр. 306.

таны великіе, другой входъ къ палатамъ его и перила стоять; всѣ деревья противъ заднихъ дверей палатъ его. Въ горахъ же сдѣланы стѣны каменные, въ стѣнахъ подѣланы фонтаны: посреди стоятъ атласы, на главѣ держатъ глобусъ, изъ подъ глобуса же звѣзда велика... вода течетъ выше той звѣзды. Лѣстницы каменные, по лѣстницѣ течетъ вода великая. Выше той лѣстницы два столба великіе, сажени полторы, изъ столбовъ бьютъ воды и текутъ по столбамъ: по всему тому мѣсту выше тѣхъ столбовъ вода великая течетъ изъ-за фонтановъ на лѣстницу; по сторонамъ той лѣстницы двѣ маленькія узкія лѣстницы; по обѣ стороны обѣихъ лѣстницъ фонтаны тонкіе противно бьютъ, кажется будто покрыта большая лѣстница водою. На низу по сторону одинъ атласъ фонтана (sic), мужикъ каменной великой, лежитъ въ горѣ и въ рукахъ девять флейтъ; какъ пустятъ воду, а она заиграетъ на флейтахъ безмѣрно хорошо; другой фонтанъ—мужикъ на лошади въ рогъ зоветъ... еще сдѣлана палата... фонтаны великіе каменные, изъ горы воды текутъ; на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у всякой флейта въ рукахъ, за горою органы великіе, не видятъ ихъ; какъ пустятъ воду, всѣ дѣвки заиграютъ, и то мѣсто славное во всемъ Римѣ“ (121). Наконецъ еще Неизвѣстный любовался фонтанами въ садахъ Генуэзскаго дожа: „Три лошади, на нихъ мужикъ стоитъ. У средней лошади изъ языка вода течетъ; у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей ребятки маленькіе изъ мрамора высѣчены, сидятъ и воду льютъ. Ниже тѣхъ ребятки орлы 12, каменные, въ ногахъ у нихъ птицы животныя; изъ нихъ всѣхъ воды льютъ“ (123).

Если еще въ настоящее время путешественники посѣщающіе Италію восхищаются богатствомъ дворцовъ, великолѣпіемъ домашней утвари, прелестью садовъ и пр., то еще болѣе все это должно было дѣйствовать на туристовъ XVII вѣка. Въ то время Италія въ отношеніи комфорта, разныхъ удобствъ жизни, однимъ словомъ въ отношеніи роскоши, гораздо болѣе превосходила другія страны чѣмъ нынѣ. Тѣмъ паче русскіе путешественники, совершенно незнакомые со многими удобствами жизни, должны были удивляться тому богатству которое ихъ окружало въ Италіи на каждомъ шагу.

Чемодановъ въ своемъ статейномъ спискѣ хвалитъ палаты отведенныя посланникамъ во Флоренціи во дворцѣ. „Стѣны обиты камки червчатыми, а поверхъ камокъ обиты коврами индійскими золотыми, ткаными съ серебромъ по шелку разныхъ цвѣтовъ изряднымъ дорогимъ мастерствомъ.“ Очевидно тутъ говорится о такъ-называемыхъ гобленахъ, на которыхъ были тканы разныя изображенія изъ Священнаго Писанія. „У дверей у всѣхъ завѣсы участковыя и бархатныя урядныя.“ Посланниковъ повели смотрѣть палаты, „гдѣ алмазнаго дѣла мастера“, т.-е. гдѣ производились мозаическія работы, которыя и описываются довольно подробно. Въ другихъ палатахъ посланникамъ показывали „шкатулы въ дорогихъ каменныхъ“, гдѣ лежала княжая казна. Еще посланники смотрѣли оружейную палату съ разными предметами „изъ Турской земли“, потомъ палату съ разными драгоценными сосудами. Вездѣ былъ паркетный полъ: „въ тѣхъ палатахъ выложены мосты аспидные и изъ мрамурова камня“ (1159 и 1160).

„Во дворѣ“, гдѣ жили Лихачевъ и его товарищи, „палатъ о осьми жильяхъ съ 250, а во всѣхъ законы драгіе, и столы аспидные, писаны золотомъ травы; а палаты подписаны золотомъ, а чернильница, изъ чего писали, золотая, фунтовъ въ тридцать, а вмѣсто леска руда серебряная. А кресла крыты бархатомъ участочнымъ; а отходы крыты бархатомъ флоренскимъ: выражаютъ ихъ по вся дни“ (346). Во дворцѣ княземъ посланники далѣе видѣли „стройство и вещи предивныя однозолотыя, яктарныя и хрустальныя, и столы аспидные, навожены драгими травами съ золотомъ, и во всякой палатѣ стекла хрустальныя, въ виду весь человекъ аршина въ полтора. Мѣста и ковры и залоны драгіе, разными образцы, и каковы палаты, таковы и залоны однотканые, а на нихъ писаны бытія и иныя вещи“ (352).

Щереметеву самъ грандука показывалъ свои сокровища, драгоценныя камни, великолѣпныя сосуды, „премное сокровище золота, серебра, дорогихъ камней, разныхъ шкатулъ съ камнями, разныхъ живописныхъ картинъ, ружья и сѣдла разныхъ государствъ, въ чемъ состоитъ великое богатство и наблюдается чистота“ (*Зап. Пут. Шер.* 85 и 86).

Подробнѣе описаніе таковыхъ предметовъ въ дневникѣ Неизвѣстнаго. Уже въ Амстердамѣ его удивило богатое убранство въ квартирѣ цесарскаго посла и то обстоятельство что

обои въ каждой палатѣ различны (89). Въ Болонѣ онъ былъ въ домѣ у одного кулца. „Въ домѣ 8 палатъ, на верху убрано зело изрядно, лучшее убраніе письма предивныя, въ одной палатѣ 5 столовъ, доски каменные, ноги деревянныя, вызолочены какъ жаръ. У него же 7 погребовъ съ питьемъ флорейскимъ“ (111). Тамъ же Неизвѣстный былъ въ домѣ у племянника какого-то кардинала. Въ залѣ онъ видѣлъ люстру: „въ большой палатѣ лавикадило изрядное, деревянное, на всякомъ (sic) премѣнные висятъ шандалы тройныя; тутъ же въ домѣ видѣлъ палату круглую о двухъ потолкахъ. Первой потолокъ не весь сдѣланъ, другой весь вырѣзанъ, вверху облака, въ облакѣ голубь держитъ вѣнчикъ, кругомъ ангелы“ (112).

Во Флоренціи Неизвѣстный видѣлъ великолѣпный домъ сенатора, „пять палатъ убранныя письмами предивными, 15 палатъ убиты камками красными, постели такія же, 15 палатъ цвѣтными камками, 2 шалерами, 5 бархатомъ, 2 махровымъ; одна лучшая его рѣзная, вызолочена; въ стѣнахъ стекла зеркальныя, по нихъ писано изряднымъ мастерствомъ, мѣрою сажени полтретви.“ Затѣмъ слѣдуетъ списокъ разнымъ драгоценностямъ видѣннымъ на дворѣ у Флоренскаго князя, „гдѣ всякія вещи собраны, называютъ галерія.“ Между прочимъ тутъ была бирюза съ кулакъ, сдѣлана персона Нерона царя“ и пр. (112—114). Неизвѣстный былъ въ Ватиканѣ, т.-е. „въ палиныхъ палатахъ“, „тѣхъ палатъ счетомъ 11.225, а всѣ убраны.“ „У кардинала былъ въ домѣ: такого богатства нигдѣ не видалъ. Домъ превеликой, палатъ будетъ со сто, спальныхъ 8 его палатъ, всѣ въ золотѣ сплошь... кресла бархатныя, обшиты золотыми кружевами.“ „У Гиспанскаго посла былъ на дворѣ; видѣлъ 4 кареты, цѣна имъ 45.000 червонныхъ; у принца былъ на дворѣ у Колюкали; въ палатахъ его обои шитыя по бархату малиновому; шито золотомъ“ (116—118). Наконецъ и въ Берлинѣ палаты курфюрста Бранденбургскаго также оказались весьма богато убранными; тутъ были и великолѣпныя шалеры, и картины, и хрустальные сосуды, и алмазы и пр. (131).

Однимъ словомъ, Западъ показался русскимъ путешественникамъ богатымъ, роскошнымъ, изящнымъ. Не даромъ Поссевинъ замѣтилъ что въ одной лавкѣ въ Венеціи гораздо больше богатства чѣмъ въ цѣломъ лавочномъ ряду въ

Москвѣ, а Крижановичъ говоритъ что „боляры и достатѣннѣи гражаны много богатѣе, угодаѣе и разкошнѣе живутъ во Влашской, * Хиспанской, Аглинской и иныхъ земляхъ неже на Руси. И наши Руски, хочъ наибогатѣи люди, не могутъ отнюдь тако разкошно и обильно жить, яко живутъ омамошнѣи (то-есть тамошнѣи) средни люди. И всегда въ единомъ граду оныхъ земель есть вѣще злата и сребра и всякаго блага, и всякія сласти и масти, неже въ десяти русскихъ градовъ еднако великихъ... Въ Аглинской, Нѣмецкой, Французкой и иныхъ земляхъ много есть градовъ, въ коихъ во всякомъ есть премного вѣще блага, неже во всей Руси, извѣстѣ царскую казну. **

Совершенно новыми для Русскихъ предметами были зоологическіе сады, ученныя коллекціи, анатомическіе препараты и библіотеки, которые они видѣли за границей. Уже въ XVI столѣтіи въ Италіи встрѣчаются ботаническіе сады и звѣринцы; еще раньше тамъ были учреждены публичныя библіотеки. Знаменитѣйшія училища для изученія юриспруденціи, филологіи, медицины и пр. въ злоху гуманизма были въ Италіи; рѣдкіе предметы привезенные изъ разныхъ частей свѣта собирались меценатами для украшенія садовъ, дворцовъ и т. д.

Чемодановъ въ Ливорно видѣлъ „птицу, называютъ струць, велика, ноги что у коровы, а вѣсть желѣзо и камень и кости, въ вышину человѣка съ полтора, а перье на ней морховато, сѣро, что носятъ Нѣмцы на шляпахъ“ (1.138). Когда Лихачевъ находился во Флоренціи, онъ тамъ видѣлъ, кромѣ львовъ и медвѣдей, „двѣ птицы строфокамылы: одна птица снесла яйцо тому часу нѣтъ, а тянетъ полпята фунта. Князь послалъ къ посланникамъ, а величиною съ шалку: личиницу въ 27 человѣкъ изъ одного яйца“ (*Визл.*, IV, 349). Неизвѣстный видѣлъ въ Венеціи „птицу строфокамыла съ небольшою лошадъ“ (106).

Желябужскій во Флоренціи видѣлъ звѣринецъ. „На звѣриноомъ дворѣ лвы и барсы, и медвѣди, и волки, и собаки меделенскіе и борзые, и потѣхи было: медвѣдя травили собаками меделенскими, волка травили борзыми собаками, да

* Т.-е. италянкой.

** Крижановичъ, I, 234 - 235.

медвѣдя жь слушали съ кобаномъ, и медвѣдя на кобана не пошелъ, а кобанъ на медвѣдя не пошелъ же; послѣ того вылустили льва на медвѣдя, и левъ съ медвѣдемъ трожды сшибся, да и разошлись, левъ медвѣдю ничего не учинилъ ни медвѣдя льву“ (736). И Шереметеву во Флоренціи показывали „львовъ и львицъ, и по полугоду молодыхъ львовъ, также барсовъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ, лещовъ бѣлыхъ, котовъ морскихъ и великихъ орловъ“ (85).

Чемодановъ во Флоренціи видѣлъ: „виситъ на цѣляхъ камень магнитъ, и тотъ камень поднимаетъ по шестидесятъ гривенокъ желѣза, и при посланникахъ тѣмъ камнемъ желѣзо поднимали“. Далѣе въ другой палатѣ: „виситъ надъ дверьми звѣрь мертвъ. И приставъ сказалъ что тотъ де звѣрь коркодиль, а въ длину его сажени съ двѣ большихъ, а у него четыре ноги короткія по полуаршину, а хвостъ тонокъ, блиско сажени, походить на ящерицу“ (1.160, 1.162).

Во время пребыванія Неизвѣстнаго въ Голландіи ни что въ такой мѣрѣ не обращало на себя вниманія этого туриста какъ зоологическіе и анатомическіе и прочіе кабинеты. Предметы такого рода описаны особенно подробно и наглядно, хотя мѣстами и нѣсколько наивно, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Въ Амстердамѣ былъ въ домѣ гдѣ собраны золотыя и серебряныя руды и всякія, и какъ родятся алмазы, изумруды, кораллы и всякія каменья и морскія всякія вещи, и какъ золото течетъ изъ земли отъ великаго жара.“ Далѣе говорится о какомъ-то уродѣ привезенномъ на ярмарку, о слонѣ, который игралъ знаменемъ и трубилъ, и стрѣлялъ изъ мушкета, и имѣлъ „симпатію съ собакой... zelo дивно“; о коллекціи животныхъ „въ спитусахъ“, между прочимъ „змѣи предивныя, рыбы дивныя и крокодилъ-змѣи о двухъ головахъ. Звѣрка видѣлъ тутъ же, который родится чрезъ естество, собою съ большую мышь, безъ шерсти, и родитъ отъ себя подобно себѣ скрюча спину. Тутъ же жуки предивныя и бабочки великія“ (84—86).

Въ Амстердамѣ Неизвѣстный былъ у торговаго человѣка, и видѣлъ „хамелеона живаго, который отбѣгаетъ свѣтъ, на которой свѣтъ взойдетъ, тому свѣту и самъ кажется“ (95).

Особенно занимательнымъ казалось зажигательное стекло: „можетъ въ малую четверть часа ефимокъ растопить.“ „Тѣмъ же стекломъ жгли дерево подъ водою, воды было

пальца на четыре, налитая вода закипѣла и дерево сожгли. Ефимокъ растолчилъ, какъ можно *Отче нашъ* проговорить. Тѣмъ же стекломъ свинецъ сожгли въ пепелъ, изъ того пепла вытопили камень подобно янтарию.“ „Тѣмъ же стекломъ толпили камень самой крѣпкой, изъ того камня выжгли подобно будто хрусталь, и тѣмъ хрусталемъ рѣзали стекло будто алмазъ“ (90, 93).

„Въ Амстердамѣ былъ на дворѣ, на которомъ собрались разныхъ родовъ птицы, и видѣлъ птицу превеликую, безъ крылъ и перьевъ нѣтъ, будто щетина; тутъ же многія изрядныя индѣйскія птицы да мыши индѣйскія, одны желтыя, другія бѣлыя какъ горностаи, гораздо малы; тутъ же воронъ тремя языки говорить. Видѣлъ кита который выпоротъ изъ брюха, еще не родился, пяти саженей. Зайца морскаго видѣлъ, одна затыльная кость полторы сажени.“ „Рыбу видѣлъ морскую и съ крыльями, можетъ летать“ (90). „Змію видѣлъ полчетверта сажени“ (93). „Видѣлъ рыбу у которой плав на носу, величиною та рыба съ небольшую бѣаугу; тутъ же видѣлъ рыбу которая корабль останавливала, мѣленькая, прилипаетъ ко дну множество, отъ того останавливается. Рыбу видѣлъ живую, зело предивную, называютъ теленкомъ морскимъ, гораздо толста да коротка, губы превеликія висать“ (96).

Въ Амстердамѣ Неизвѣстный „трубу зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды; на мѣсяцъ смотрѣли и можно видѣть что есть земля и горы, а мѣрою та труба сажень десять“ (95).

Чемодановъ во Флоренціи видѣлъ лошадей „выученныхъ мудрымъ ученъемъ, поднимаются со всѣхъ ногъ, а иныя, поигравъ, по ихъ обычаю, танцуютъ, а иныя кланяются до земли, а иныя на колыкахъ ходятъ и ползаютъ, какъ имъ велеть“ (1.161). И Неизвѣстный былъ во Флоренціи „на дворѣ гдѣ лошадей учатъ“ (118).

Лихачевъ описываетъ слѣдующій куріозъ. „Князь, говоритъ онъ, принесъ къ посланникамъ на золотой мисѣ шелкъ и бумагу и велѣлъ жечь огнемъ, и шелкъ и бумага отъ огня не сгорѣла. А говорилъ князь: вамъ то мнится что де я волшебствомъ дѣлаю, а есть де у меня камень, тѣмъ де камнемъ шелкъ и бумагу потру, и огонь де не жжетъ.“ Еще загадочнѣе слѣдующій фокусъ: „Князь же принесъ кубокъ

воды и сказывалъ что де я по сему кубку съ водою узнаю какъ у васъ на Руси зима и весна и лѣто и осень настанетъ и каково слѣдѣе будетъ“ (Вѣст. IV. 347).

Только Неизвѣстный упоминаетъ о библіотекахъ, которыя впрочемъ зовемъ „библіоалтеками“ и о которыхъ повѣствуетъ въ томъ же тонѣ и съ одинаковымъ вниманіемъ какъ о „метальникѣ“ который „черезъ трехъ человѣкъ перескоча на лету, обернется головой внизъ, встанетъ на ноги.“

О Ватиканской библіотекѣ онъ говоритъ что она „превелика, сажень по двѣнадцати и пятнадцати палаты, кругомъ всѣ наполнены книгами“ (116), о іезуитской библіотекѣ въ Инсбрукѣ: „Библіотека сажень пяти вдоль, всѣ стѣны сплошь наполнены книгами разными; всѣмъ подѣланы шкалы безъ дверей, ермыки висятъ, надъ всякимъ шкаломъ подлисано какія въ томъ шкалы книги. По середкѣ стоитъ столъ, стоятъ три глобуса, инструменты лежатъ, zelo изрядно убраны“ (103).

Въ Амстердамѣ Неизвѣстный у одного и того же человѣка видѣлъ пумизматическій кабинетъ и кукольную комедию: „куклы скакали, танцовали zelo изрядно“. Заинтересовали его также: баба „которая ходитъ по улицамъ, играетъ на скрилкѣ, передъ нею ходятъ три собаки, которыя танцуютъ на заднихъ ногахъ“ и говорящая человѣческимъ голосомъ кукла, „младенецъ о двухъ головахъ“ и „безрукій мужикъ который дѣлалъ разные венцы: въ карты игралъ, изъ лица стрѣлялъ, бороду брилъ себѣ, zelo прытко писалъ и пр.“ (86).

При всемъ томъ однако было важно что Неизвѣстный имѣлъ случай видѣть дѣйствительно научныя занятія, училища и пр. Особенно подробно онъ описываетъ (85) анатомическіе препараты которые „видѣлъ у доктора“, и между прочимъ „косточки маленькія будто молоточки которые въ ушахъ живутъ“. По случаю казни двухъ преступниковъ Неизвѣстный видѣлъ какъ „въ анатоміи“ разрѣвали трупъ одного изъ нихъ, причемъ присутствовало множество докторовъ и лѣкарей. Вынимали всѣ внутренности и „смотрѣли всѣхъ сунтельныхъ частей, тутъ же тотъ профессоръ разрѣзаннаго человѣка отдѣлилъ нѣкоторую часть тѣла его живу.“ (92--93).

Невзя не вспомнить при этомъ что самъ Петръ Великій чрезвычайно интересовался такими наблюденіями и старалъ-

са усвоить себѣ нѣкоторые приемы хирургіи. Анатомія и зоологія не пользовались въ XVII столѣтіи уваженіемъ въ Россіи. Олеарій передаетъ намъ разные случаи, въ которыхъ доктора-иностранцы, жившіе въ Нѣмецкой Слободѣ, считались народомъ преступниками и еретиками потому только что у нихъ были найдены скелеты и анатомическіе препараты. То обстоятельство что въ 1682 году у доктора фонъ-Гадена нашли каракатицу содѣйствовало гибели этого несчастнаго врача. И Матвѣевъ, въ домъ котораго находились такіе предметы, подвергся обвиненію въ чернокнижествѣ.

Тѣмъ полезнѣе для Русскихъ должны были быть поѣздки въ Голландію, гдѣ въ то время особенно успѣшно занимались естественными науками, гдѣ дѣлались лучшіе термометры и телескопы, и гдѣ хирургическія операціи или анатомическіе опыты въ то время служили даже предметомъ живописи.

Русскіе за границей видѣли разные училища, которыхъ еще не было въ то время въ Россіи. Неизвѣстный „въ Амстердамѣ былъ гдѣ собираются дважды на недѣлѣ ученые люди, и допытуются промежъ собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ“ (96). Въ Лейденѣ онъ былъ въ академіи (95), въ Венеціи онъ присутствовалъ при диспутѣ (127), въ Падувѣ онъ „былъ въ академіи, гдѣ учатся великихъ наукъ“ (124). Объ этой „преславной докторской академіи“ говоритъ и Шереметевъ въ своей *Запискѣ* (стр. 39).

Что касается до произведеній искусства, то на этотъ счетъ замѣчанія нашихъ дипломатовъ-туристовъ довольно скудны. Несмотря на все богатство Италіи именно въ этомъ отношеніи, они скорѣе обращаютъ вниманіе на разные другіе предметы, чѣмъ на картины, статуи и пр. Ни разу не упоминается въ дневникахъ о какомъ-либо знаменитомъ живописцѣ, ваятелѣ или архитекторѣ.

Неизвѣстный въ одной церкви въ Любекѣ видѣлъ органы „въ которыхъ одна труба 16 саженой“ (?). Для него этотъ органъ былъ столь же интересенъ какъ бочка въ Гамбургѣ „въ которую входитъ 112 бочекъ“ (83—84). Объ архитектурѣ Ватикана онъ не говоритъ ни слова, но ограничивается замѣчаніемъ о числѣ комнатъ и о размѣрахъ зданія. Впечатлѣніе произведенное на него храмомъ Св. Петра выражается исключительно въ замѣчаніи что церковь имѣетъ въ длину 160

шаговъ, въ ширину 100, и что она украшена красными камками и золотыми кружевами. Разсматривая какое-нибудь скульптурное произведение Буонаротти, онъ только пишетъ что видѣлъ какого-нибудь „мужика“. Многія знаменитѣйшія произведенія искусства въ разныхъ городахъ, издѣланныя развалины древне-римскихъ дворцовъ и театровъ, прекраснѣйшія картины Тиціана, Корреджіо и пр., самыя замѣчательныя памятники скульптуры совсѣмъ остались безъ вниманія со стороны нашихъ путешественниковъ; для нихъ какая-нибудь восковая фигура, подобная той которую Неизвѣстный видѣлъ въ Берлинѣ („не подобно повѣрить, что человѣкъ работалъ, сидитъ въ креслахъ, что ближе смогрѣшь, то больше кажется жива“), была повидимому интереснѣе самыхъ лучшихъ работъ Микель-Анджело. Видѣть какъ „дѣвка въ Амстердамѣ можетъ персону человѣческую вырѣзать и продаетъ за великую цѣну“ для Неизвѣстнаго было занимательнѣе чѣмъ разсматривать произведенія Леонардо-да-Винчи.

Менѣе всего говорится о картинахъ. Почти нигдѣ не воспроизводится содержаніе какой-либо картины. Только сказано что „палаты писаны“, но о томъ, каковы фрески, кто ихъ писалъ, что онѣ изображаютъ—ни слова. Разъ только Неизвѣстный пишетъ: „Въ Венецкой церкви въ соборной на престолѣ образъ Пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, что писалъ Лука Евангелистъ, мѣрою четверти по три, мастерства средняго“ (107), но очевидно религиозное значеніе картины, а не изящность ея, было поводомъ къ такому замѣчанію. Въ другихъ случаяхъ говорится только о „письмахъ предивныхъ“, лишь однажды замѣчено что Неизвѣстный въ монастырѣ у іезуитовъ видѣлъ „письмо будто окошко“. (117).

Болѣе вниманія обращено на ваяніе. Мы уже выше говорили объ описаніи памятника Флорентійскаго князя въ Ливорно, окруженнаго статуями лѣвннхъ турецкихъ разбойниковъ. Неизвѣстный въ Инсбрукѣ въ церкви „смотрѣлъ цесарскихъ мужескихъ и женскихъ персонъ, литыя изъ мѣди, которыя погребены были въ той церкви, а мѣрою противъ человѣка, изряднаго мастерства и поставлены по обѣ стороны въ церкви 28.“ Въ церкви у Доминиканцевъ Неизвѣстный видѣлъ на крыльцѣ „высѣченныя два льва каменные изъ мрамора дивной работы“ (103). Въ Венеціи видѣлъ

„образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго мрамора, держитъ Младенца, предивной работы.“ (105) Въ Венеціи въ церкви Св. Марка „надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ тою рѣзьбою поставлены 4 лошади мѣдныя безъ уздъ, вызолочены, а поставлены въ знакъ вольности Венеційской“. (106) * Довольно наглядно описаны нѣкоторые предметы на великолѣпной площади Св. Марка. Онъ далѣе говоритъ о „домахъ прокураторскихъ зѣло великихъ, изряднаго строенія“. И нынѣ такъ-называемыя „Роспигазіе“, пострѣнные въ 1594-году архитекторомъ Скампици, посѣщаются туристами. Затѣмъ Неизвѣстный замѣчаетъ: „На той же площади стоятъ три столба зѣло высоки, деревянные, утверждены въ мѣди, изрядной чеканной работы, значить привилегія венеційская.“ „На другой площади поставлены два столба каменные, изъ одного камня, мѣрою будетъ вверхъ восемь сажень, да на верху тѣхъ столбовъ на одномъ ихъ гербъ: левъ криленъ во образѣ Евангелиста Марка; на другомъ образъ Св. Θεодора, змія закололъ“ (107). Ни у Чемоданова, ни у Желябужскаго, ни у Шереметева мы не встрѣчаемъ описанія площади Св. Марка въ Венеціи.

6. *Церкви, монастыри, богоугодныя заведенія, священныя предметы, исповѣданія.*

Всего интереснѣе для нашихъ путешественниковъ были церкви. Ихъ описаніе подробнѣе. Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Ливорно Чемодановъ съ товарищами отправился въ православную церковь. Тутъ онъ замѣчаетъ что въ этой церкви „образъ Пречистыя Богородицы Благовѣщенія; стѣнное лисьмо въ церкви—икона Всемиловитаго Слеса, икона Пречистыя Богородицы, икона Николая Чудотворца, лавица дала серебряныя и пр. Въ церковь приходятъ люди всякихъ

* Эти кони прежде считались произведеніемъ древне-греческой скульптуры, нынѣ же они считаются произведеніемъ римской работы. Вѣроятно они когда-то украшали триумфальныя ворота Нерона а затѣмъ Траяна. Константинъ Великій велѣлъ перевезти ихъ въ Константинополь, дожъ Дандоло въ 1204 году перевезъ ихъ въ Венецію. Послѣ того какъ Неизвѣстный видѣлъ ихъ въ Венеціи, Бонапартъ велѣлъ перевести ихъ въ 1797 году въ Парижъ, откуда они возвращены въ Венецію въ 1815 году.

вѣрѣ и во время обѣдни стоятъ въ олтарѣ римскіе бернардины, и езуиты, и доминиканы и студенты“ (1.155).

Лухачевъ о церквахъ во Флоренціи пишетъ: „Кирки или мечети (!) зѣло стройны, а шую дѣлають уже лѣтъ двадцать, а еще дѣлать лѣтъ двадцать; трутъ пилами все камень аспидъ“ (*Висл.* IV, 347). И Желябужскій видѣлъ эту строившуюся столь медленно церковь. Онъ пишетъ: „Бдучи къ звѣрному двору, приставъ указывалъ неподѣланный костелъ и говорилъ: тотъ де костелъ дѣлають шездесять лѣтъ слишкомъ, а еще де дѣлать столько жъ, и послы костела смотрѣли, величиною не само великъ, а много лѣтъ не довершенъ для того что сподобляють каменемъ аспидомъ внутри и иными разными каменья, а каменья иные возятъ изъ Индіи, а на стенахъ въ костелѣ лишуть, многіе рѣжутъ разные и рези многіе лишуть на камень“ (736). И въ то время когда тридцатью шестью годами послѣ Желябужскаго Шереметевъ посѣтилъ Флоренцію, эта церковь все еще строилась. Лухачевъ полагалъ что церковь будетъ кончена въ сорокъ лѣтъ, Желябужскій говорилъ о сто двадцати годахъ; у Шереметева вдвое больше. Онъ пишетъ: „Другая церковь строится, гдѣ стоятъ гробы грандъ-дюковъ Флоренскихъ, вся изъ разныхъ драгоцѣнныхъ мраморовъ, каковой церкви нигдѣ не навѣжали; а какъ сію церковь начали строить, тому сто двадцать лѣтъ, а только еще въ половину состроена и всегда непрестанно строится и превеликая, сказываютъ, на нея тратится казна“ (84). Разумѣется, Неизвѣстный, столь внимательный къ такого рода предметамъ, не могъ не посмотрѣть этой любопытной постройке. Онъ пишетъ: „Тутъ же видѣлъ церковь, которую строятъ 96 лѣтъ, а еще не достроена половина; вся внутри изъ разныхъ мраморовъ и яшемъ, все камень въ камень вѣзанъ, такая работа что невозможно вѣрить; одну литеру вырѣзываютъ по три недѣли, а стала до сего времени въ 22 милл. шкутовъ или ефимковъ“ (112).

Безъ всякаго сомнѣнія рѣчь идетъ о такъ-называемой „*Carrelli dei principi*“, постройка которой началась въ 1604 году и гдѣ похоронены государи дома Медичи. И нынѣ великолѣпіе различныхъ мраморовъ, изящность скульптуры приводитъ въ изумленіе посѣтителей этой часовни.

Странно что храмъ Св. Петра въ Римѣ не произведъ, какъ кажется, особенно глубокаго впечатлѣнія на нашихъ

путешественниковъ. Шереметевъ о самомъ зданіи замѣчаетъ только что „сія церковь весьма украшена мраморами разноцвѣтными и рѣзьбами предивными“ (42). Впрочемъ на картинѣ изображающей аудіенцію Шереметева у папы, въ окно видно вѣрное изображеніе великолѣпнаго купола этой церкви, созданія Микель-Анджело, Рафаеля и Джіудіо Романо.

Въ Вѣнѣ Шереметевъ „ѣздилъ для видѣнія во многія церкви и монастыри“ (35), въ Римѣ онъ былъ въ разныхъ церквахъ (41 и 50). Неизвѣстный замѣчаетъ что въ Амстердамѣ „церквей разныхъ вѣръ лятнадцать“ (94); въ разныхъ мѣстахъ на Рейнѣ онъ посѣтилъ церкви и монастыри. Странно что о великолѣпномъ Кёльнскомъ соборѣ не упомянуто вовсе. Во Флоренціи, Венеціи и т. д. Неизвѣстный былъ въ разныхъ церквахъ. Лихачевъ, называвшій церкви неправославныя „мечетями“, не ходилъ по разнымъ церквамъ. На этотъ счетъ Шереметевъ и еще болѣе Неизвѣстный походятъ на туристовъ новѣйшаго времени, посѣщающихъ церкви часто не по благочестію, а изъ любопытства и для изученія произведеній художества.

И монастыри пользовались вниманіемъ нашихъ туристовъ. Объ нихъ въ дневникахъ Шереметева и Неизвѣстнаго встрѣчаются разные болѣе или менѣе подробныя замѣчанія. Интересно что священникъ находившійся при посольствѣ Чемаданова умеръ въ іезуитскомъ монастырѣ въ Аугсбургѣ (1.119). Монастырскія учрежденія казались любопытными Русскимъ. Шереметевъ по пути въ Римъ посѣтилъ монастырь въ Монтелюко, замѣчая что „кормятъ тѣхъ скитскихъ жителей изъ казны палежскія“. Онъ описываетъ это учрежденіе подробно: „Подъ симъ городомъ по великой горѣ сдѣлано по одну сторону скитовъ съ двадцать, въ которыхъ труждаются Богу по одному человѣку знатные и честные люди, а у всякаго есть небольшая церковь“ (41).

Около Неаполя Шереметевъ былъ въ монастырѣ Картезіанскаго ордена, и весьма подробно описываетъ и самое зданіе и уставъ этого братства: „Уставъ содержать весьма твердо, изъ монастыря никогда не выходятъ, развѣ отъ начальствующихъ кто куда посланъ бываетъ; межъ собою не говорятъ: а только сошедшися другъ съ другомъ скажутъ по-латынѣ *temente mori*, т. е. *полни смерть*“ и пр. Въ этомъ монастырѣ „бояринъ кушаетъ, и для пріѣзду

боярскаго соизволено было отъ начальника тремъ челоуѣкамъ изъ нихъ говорить, прочіе жъ отнюдь не говорили“ (80). Бывъ во Флоренціи Шереметевъ ѣздилъ въ монастырь Кармелитанокъ (86).

Неизвѣстный былъ на Рейнѣ въ монастырѣ Калупиновѣ и пишетъ: „ходятъ на колодкахъ босыми ногами; головы обриты кругомъ, оставлено на палецъ; черное платье; подпоясаны веревкою и т. д.“ (98). Около Павіи онъ былъ „у Бенедиктовъ, церковь Благовѣщенія, строеніе изрядное, рѣшетки мѣдныя во всей церкви, зѣло богаты. Доходу чернецу по 1.000 рублей на годъ“ (123).

И разныя другія богоугодныя заведенія упомянуты въ дневникахъ нашихъ туристовъ. Лухачевъ замѣчаетъ что „Флоренскаго князя княгиня Анна выдаетъ замужъ по вся годы по сту двѣцѣ, безотечныхъ и безматернихъ“ (Висл. IV. 349). Подробнѣе онъ говоритъ о призрѣніи бѣдныхъ въ Амстердамѣ: „А къ нищимъ и безотечнымъ и ко всякимъ недужнымъ попеченія ни въ которыхъ градѣхъ такого нѣтъ: дворъ каменный, и въ немъ палаты, а въ нихъ въ училищѣ челоуѣкъ съ 400; палата, двѣцѣ съ 300; три палаты съ женщинами, а всѣмъ лица и одежда и мѣста отъ бурмистровъ и отъ торговыхъ людей; да и рукодѣліе всѣмъ указано, кто что умѣетъ, а дѣлаютъ на бурмистровъ. Богатѣльна великая каменная; палата красная“ и пр. (359).

Желябужскій смотрѣлъ во Флоренціи больницу. „Больничный дворъ учиненъ великъ, и построено много палатъ, а въ палатахъ кроватей и постель много, — всякому больному особая кровать и лица изобилная, и люди приставлены, кому за ними ходить и локоить; а которые больные приличны къ лекарству, и на томъ дворѣ и обтека большая, и дохтуры лечатъ тѣхъ больныхъ и поятъ и кормятъ всѣхъ безденежно; хотя цюземецъ какой заболитъ, то все питаютъ и лечатъ въ томъ дому безденежно, а въ тотъ домъ на всѣ тѣ расходы казна даетца по умершихъ, а цные и живые даютъ по обѣщанію; и князь даетъ на тѣ расходы многую казну.“ (729).

Въ Римѣ Шереметевъ ѣздилъ „въ госпиталь Св. Духа“, который онъ и описываетъ подробно въ выраженіяхъ подобныхъ тѣмъ какими Желябужскій описывалъ больницу во Флоренціи. Сказано что „всякому особливый учинены постели мягкія и всякая нужда больнымъ, и за всякимъ ходить

особливый человекъ, а бываетъ ихъ въ томъ госпиталѣ по пяти и по пятидесяти и пятнадцати тысячъ“; затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія объ аптекѣ, о докторѣ и о богослуженіи (48). Также и въ Мальтѣ Шереметевъ осматривалъ госпиталь „гдѣ содержатъ во всякомъ довольствіи больныхъ кавалеровъ и иныхъ всякихъ чиновъ немощныхъ людей. Сей госпиталь снабженъ весьма изобильно всякимъ довольствомъ, строеніемъ, живолісью, постельми и всякими для больныхъ нуждами; тутъ же имѣются и аптеки преизрядныя, а служатъ больнымъ многіе знатные кавалеры“ (69).

Замѣтимъ что въ Россіи не ранѣе какъ къ концу XVII столѣтія появились больницы, устроенныя въ большихъ размѣрахъ. Хотя духовенство съ давнихъ поръ въ монастыряхъ весьма часто принимало больныхъ, хотя Авраамій Палицынъ и Діонисій во время осады Троицкой Лавры оказали заслуги въ этомъ отношеніи, а Ртищевъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пожертвовалъ значительныя суммы для устройства общественныхъ домовъ призрѣнія, однако первая попытка устроить больницу въ большихъ размѣрахъ относится въ царствованію Θεодора Алексѣевича, то-есть къ 1682 году *.

Въ Римѣ подлѣ госпиталя Шереметевъ посѣтилъ еще сиротскій домъ и чрезвычайно хвалитъ его устройство. Сиротъ въ этомъ домѣ „женска пола дѣвокъ“ болѣе двухъ тысячъ, „которыхъ кормятъ и одѣваютъ тутъ же изъ госпиталя: у всякой особая постель съ бѣлыми простынями, и всякая имъ потреба безъ нужды, и всѣ работаютъ, иныя прядутъ, иныя ткутъ сукна, а маленькія вяжутъ чулки, и тутъ все то продаютъ на тотъ же госпиталь, а которыя дѣвки невѣсты похотятъ замужъ и такимъ на приданое даютъ по сту скудовъ, а скудъ считается близко рубля, а роздаетъ то приданое въ церквѣ самъ папа, и нынѣшняго года при бытности боярской въ Римѣ роздано того приданнаго четыремъ стамъ дѣвкамъ“ и пр. (49).

Шереметевъ осматривалъ еще разныя духовныя училища. Онъ былъ между прочимъ въ монастырѣ „Святыхъ Франциски Римскія, гдѣ живутъ всѣхъ знатныхъ особъ дочери дѣвицы“ (49).

Особенно подробно описаніе іезуитской школы въ Неаполѣ, или „Академіи, въ которой учатъ письменнымъ вся-

* См. Richter, *Geschichte der Medicin in Russland*, Bd. II, 352—359.

кимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ“. Приѣмъ оказанный боярину въ этомъ заведеніи былъ особенно радужный и нѣсколько торжественный. Множество тамъ было знатныхъ особъ. Боярина и его братьевъ посадили на особое мѣсто и „одного знатнаго человѣка сынъ вышелъ и ставъ на высокое мѣсто (на кафедрѣ) поздравлялъ боярина, говорилъ привѣтствіе по-латыни. Потомъ казали какъ бывалися прежніе богатыри копьями и саблями, убравъ шесть человѣкъ въ латы: потомъ многіе знатныхъ отцовъ дѣти билися на ралирахъ, и выходили со знамены строемъ, и строй оказывали лѣхотной, и знамя уклоняли, потомъ поставя изъ дерева сдѣланную лошадь, всякія волтижированія оказывали, сядя на ту лошадь, и чрезъ перескакивая, а наконецъ разные танцы и миноветы танцовали. Все-му этому учать особливые мастера мирскіе люди, а не изукты; на дворѣ же ѣздили на лошадяхъ, и показывали манежъ, ученіе конное“ (81).

Наши путешественники, получившіе какъ вообще Русскіе XVII вѣка преимущественно духовное образованіе, особенно тщательно разсматривали различные священные предметы или почитаемые таковыми, какихъ показывали множество въ католическихъ земляхъ, и особенно подробно разказывали о нихъ въ своихъ статейныхъ спискахъ и путе-выхъ запискахъ. Въ прежнее время даже главнымъ поводомъ для путешествій русскихъ людей служило посѣщеніе святыхъ мѣстъ. Шереметевъ говоритъ какъ о главной цѣли своей поѣздки въ Италію о поклоненіи честнымъ мощамъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Не мало страницъ въ статейномъ спискѣ Шевригина наполнены разказами о богослуженіи въ Римѣ, о мученикахъ, объ образахъ и мощахъ. Побывавъ въ мѣстечкѣ Лорето, онъ сообщаетъ разныя подробности о преданіи, будто и Марія пришла черезъ море въ лалінь городъ со всѣмъ домомъ и тутъ поставленъ великой городъ, а сказываютъ приходитъ молебныхъ денегъ на годъ по полуторасти тысячъ короновыхъ золотыхъ, а казною добрѣ сильна серебромъ и золотомъ и ризами всякими.“

* Неизвѣстный въ монастырѣ іезуитовъ въ Римѣ видѣлъ 2.000 учениковъ. (117).

Чемодановъ въ Венеціи видѣлъ „кровь Христа, какъ при распятіи воинъ ударилъ копіемъ, да кровь же, что ударилъ де у нихъ въ икону Жидовинъ ножомъ и изъ той иконы пошла кровь; млеко и власы Богородицы; ножъ которымъ Петръ Апостолъ отрѣзалъ у Малха ухо, да крестъ Живо-творящаго Древа Господня, да часть стола на которомъ Христосъ мученъ, да мощи Св. Марка Евангелиста, да камень того камня которымъ убить Архидьяконъ Стеѣанъ, да ево жъ Стеѣановы три ребра обложены серебромъ, да часть тернового вѣнца что возложенъ былъ на Христа, да часть же мощей Іоанна Предтечи, да рука Марка Евангелиста, да рука же мученика Сергія и проч.“ (1080). Въ Кельнѣ Чемоданову и его товарищамъ показывали мощи въ костелѣ: „лежать во плоти три волсви Персидскіе цари, Касларъ, Милхіоръ, Балтасаръ“.

Волковъ, во время пребыванія въ Венеціи, тщательно разсматривалъ „гвоздь желѣзный, которымъ прогвожденъ былъ на Крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во время вольнаго Его распятія, длиною тотъ гвоздь вершка на полтора и мало что поржавелъ“, разные древніе образа, „у тѣхъ образовъ олива отъ ветхости посѣдалась и не во многихъ мѣстехъ ловыперхала“, ногу Великомученика Христова Георгія; „писма Святаго Евангелиста Марка, писмо на пергаментѣ греческимъ писмомъ—многіе листы сгнили и подраны, да чернила отъ ветхости послыняли“, и пр.

Шереметевъ еще подробнѣе Шевригина описываетъ домъ Богородицы въ Лорето, гдѣ онъ видѣлъ между прочимъ. „сосуды чашечка и блюдечки, изъ которыхъ сама Пресвятая Богородица и Сынъ и Богъ Ея питались, глиняныя; въ томъ дому окно, гдѣ было Благовѣщеніе и кошель или труба, гдѣ Пресвятая Богородица огонь клала и варила ястіе“. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дома и богатства его окружающаго. „Въ ономъ городѣ Лоретѣ“, пишетъ Шереметевъ, „медлили сутки для осмотра всаго“.

Въ Римѣ бояринъ слушалъ обѣдню надъ мощами апостоловъ Петра и Павла; въ той же церкви онъ видѣлъ „копіе, которымъ на Крестѣ прободенъ бысть Господь Богъ нашъ“, „Образъ Спасителя, который самъ Господь Богъ вообразилъ на полотнѣ или платѣ, который платъ поднесла ему утертися святая мученица Вероника“. Въ другихъ церквахъ онъ видѣлъ часть ризы Богородицы, платокъ Ея, главы

святыхъ апостоловъ Петра и Павла, главу пророка Захаріи, прахъ Іоанна Предтечи. „У другой церкви придѣлана лѣстница мраморовая, которая привезена изъ Іерусалима, по которой Господь Богъ веденъ отъ Каифы къ Пилату на осужденіе смерти, осужденъ и биенъ, отъ Пилата по той же лѣстницѣ веденъ на распятіе; кровь Его капала на той лѣстницѣ, которая видна и до сего дня, надъ которою кровію нынѣ ученики кресты и ходятъ непрестанно на ту лѣстницу ползающе на колѣняхъ, на всякой же ступенькѣ говорятъ: *Отче нашъ*. Далѣе Шереметевъ видѣлъ образъ Христа писанъ Лукою Евангелистомъ; этотъ „образъ нѣкогда ураженъ камнемъ, отъ чего истече кровь, которая и донынѣ видна на пресвятомъ лицѣ его“; изъ другихъ предметовъ особенно замѣчательны „ковчегъ, а въ немъ положены многіе мощи святыхъ младенцевъ, избіенныхъ во Вифліемѣ,“ одежды и ризы апостоловъ, часть башмаковъ, части хлѣба Тайныя Вечери и „дванадцать зеренъ чечевицы, по-латини же называется *lens*“; „часть губы которою оцтомъ и желчію напоенъ бысть Господь нашъ“, „доска на которой сидѣлъ Господь Богъ умывая ученикамъ ноги“ и пр.

Въ разныхъ монастыряхъ и церквахъ Шереметеву показывали тѣла разныхъ святыхъ мучениковъ, напримѣръ „Емилианово тѣло все видимо за хрусталемъ и ни которая часть не отпала.“ „Кровь мученицы Пруденціи, которая мучена въ Римѣ тому 1200 лѣтъ, до сего дня не спеклась, и какъ нынѣ отъ живаго человека истекла, и въ томъ сосудѣ переливается.“

Въ городѣ Амальфи Шереметевъ видѣлъ „въ церкви мощи святаго апостола Андрея Первозваннаго.... а изъ гроба того исходитъ муромъ каплями по верху гроба, якобы окошкомъ, а лаче де много исходитъ въ день памяти его. Каноники той церкви дали боярину малой сосудъ наполненный тѣмъ святымъ муромъ.“ Въ Неаполѣ боярину показывали кровь святаго Януарія. „Многажды во время литургіи она святая кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива.“ „Кровь, описываетъ бояринъ, хранится въ маломъ хрустальномъ сосудѣ, въ половину того сосуда видѣніемъ акибы залеклась, и тотъ сосудецъ повернувши вверхъ дномъ; кровь же не переливается, а видится акибы засохла и стоитъ вверху того сосуда, а какъ почали служить литургію и какъ прочитали Евангеліе, то она святая кровь по малу

начала опускаться внизъ, и опустилась до самаго дна, не распутившись во весь тотъ сосудецъ, но отстояща отъ всѣхъ боковыхъ сторонъ почала кипѣть и перебираться вверхъ и внизъ зѣло пречудесно и удивительно, что видя всѣ люди находившіеся въ той церкви въ великомъ были радованіи, и по обыкновенію латинскому били въ свои перси, премногіе же плакали.... и оную кровь всѣ цѣловали... Бояринъ и съ нимъ бывшіе самовидцы онаго преславнаго чудеса.“ Въ Барѣ Шереметевъ видѣлъ мощи Чудотворца Николая: „Въ дверцы лезятъ люди попоаясь, и смотрятъ святыхъ мощей въ окошечко которое сдѣлано надъ самыми мощами, а въ то окошечко опускаютъ маленькій шпательчикъ на цѣпочкѣ, поставя въ него свѣчку. Тѣхъ святыхъ мощей видна только одна нога, и то не явственно, для того что мощи опущены глубоко, а окошечко не велико.“ Бояринъ видѣлъ много и другихъ мощей, напримѣръ „часть кости мученика Лаврентія положена въ хрусталѣ, а какъ поцѣлуешь, то сквозь хрусталь является тепло, чему есть не малое удивленіе“ (79).

На обратномъ пути изъ Мальты Шереметевъ въ Римѣ былъ въ томъ мѣстѣ на которомъ была отсѣчена глава апостола Павла. Объ этомъ событіи сообщаются имъ разныя частности и совершившіяся при этомъ случаѣ чудеса (82), о которыхъ говоритъ и Шеврингъ, бывшій въ Римѣ болѣе ста лѣтъ до Шереметева (24).

Неизвѣстный въ Кёльнѣ видѣлъ „кувшинъ въ которомъ Христосъ претворялъ воду въ вино, мѣрою полведра“, жезлъ апостола Петра, „колыбели Спасителя деревянныя: пробои желѣзные“, „столъ на которомъ сотворилъ Христосъ Тайную Вечерю — въ длину будетъ близко сажени“, „жезлъ Аароновъ, жезлъ Моисеевъ, оба сдѣланы лестрые“, „тюрьму, въ которой сидѣлъ апостолъ Петръ; земляное окошко въ верхъ, и желѣза которыми онъ скованъ былъ“, „каеци которыми рвали тѣло св. мучениковъ“. Неизвѣстный былъ также „въ той церкви, которая прежде была всѣхъ болвановъ, а нынѣ Всѣхъ Святыхъ“ (Пантеонъ).

Наши туристы-дипломаты, находясь за границей, искали сношеній съ Греками и послѣдніе оказывали имъ особенно радушный пріемъ. Чемодановъ, тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Ливорно, началъ съ того что былъ въ греческой церкви. Тутъ были свои, православные (963). Пріѣхавъ въ Венецію,

онъ тотчасъ же обратился къ Альберто Вимина съ вопросомъ: „Есть ли у васъ въ Веницѣ греческія церкви“, на что тотъ отвѣтилъ, что есть одна такая церковь во имя Св. Георгія (1.006). Туда Русскіе были приглашены Греками. Тамъ они были при богослуженіи (1.020).

Любопытно замѣчаніе Лихачева: „Въ Ливорнѣ церковь греческая во имя Николая Чудотворца: а протопопъ Аванасій; да въ Венеціи церковь же греческая, больше того отъ Рима и до Кольскаго острога нигдѣ нѣтъ благочестія“ (Висл. IV. 344).

Когда Желябужскій пріѣхалъ въ Венецію, къ нему пріѣхалъ греческій митрополитъ. Посолъ его разспрашивалъ о томъ, сколько Грековъ живетъ въ Венеціи, нѣтъ ли имъ отъ Венеціанцевъ какого-либо притѣсненія и въ какихъ мѣстахъ около Венеціи еще находятся греческія церкви (764). Бывъ въ греческой церкви во время богослуженія, Желябужскій удивился тому что тамъ „во время лѣвія Нѣмецъ было много и попы нѣмецкіе въ алтарь ходили. И послы у священниковъ спросили: для чего Нѣмецъ въ церковь, а поповъ нѣмецкихъ въ алтарь пуцають? И священники говорили: нельзя де имъ того унять, у нихъ дѣло то повольное—только де стать имъ говорить, чтобъ имъ не ходить въ церковь, и имъ де то будетъ въ великую грубость, помянуть де себѣ что мы вѣру ихъ хулимъ“ (772).

Шереметевъ тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Венецію сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія венеціанскихъ Грековъ. Къ нему пріѣхалъ митрополитъ, бесѣдовалъ о Туркахъ и объ освобожденіи Грековъ отъ ига турецкаго, „еще съ великимъ заклинаніемъ являлъ себя словами своими во благочестіи быти тверда, и ни мало къ западному костелу не склонна, а говорилъ тѣ слова для того что слышалъ онъ отъ нѣкоторыхъ мнѣніе о себѣ, будто онъ общался латѣ имѣть съ нимъ единство, и въ томъ многократно предавалъ себѣ анаѣмъ, есть ли онъ и въ мысли своей то имѣть“ (38).

Достойно вниманія что между тѣмъ какъ Чегодаковъ, Лихачевъ и Желябужскій, сколько намъ извѣстно, ни разу не участвовали въ католическомъ богослуженіи, Шереметевъ весьма часто бывалъ въ латинскихъ костелахъ. Іезуиты всюду ухаживали за знаменитымъ бояриномъ, лаская себя надеждой обратить его въ латинство.

Извѣстно какъ неблагоклонно Русское правительство относилось къ іезуитамъ. Французскихъ іезуитовъ, желавшихъ поѣхать чрезъ Россію въ Китай, туда не пропустили, а заставили ихъ вернуться безъ замедленія на Западъ. Особенно осторожно правительство вело себя въ отношеніи къ Австріи, откуда постоянно повторялись попытки дѣйствовать въ Россіи въ пользу католицизма. Все это не мѣшало Шереметеву и въ Польшѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Италіи находиться въ постоянной связи съ іезуитами. Уже на пути въ Австрію онъ былъ весьма радушно принятъ у лани подскарбиной Замоиской, которая, какъ мы знаемъ изъ писемъ нѣкоторыхъ іезуитовъ, находилась въ связи съ этимъ ордемомъ. При ней были іезуиты, съ которыми Шереметевъ бесѣдовалъ (8). Въ Вѣнѣ за нимъ ухаживалъ знаменитый іезуитъ Вольфъ, который именно во время пребыванія боярина въ Римѣ, 8го марта 1698 года, писалъ генералу іезуитскаго ордена, что Шереметевъ легко можно обратить въ католицизмъ. Для этой цѣли онъ совѣтовалъ устроить такъ чтобы какой-нибудь іезуитъ, знавшій славянскіе языки, посѣщалъ почаще боярина и бесѣдовалъ съ нимъ о церкви и религіи. Выражается также надежда поддѣйствовать и на Алексея Курбатова, занимавшаго первое мѣсто въ свитѣ Шереметева. Въ заключеніе Вольфъ проситъ не терять времени и приступить къ дѣлу смѣлѣе. *

Уже въ Краковѣ Шереметевъ, по случаю какого-то праздника, въ іезуитскомъ костелѣ слушалъ „мшу“. То же самое повторилось и въ Вѣнѣ. „По прошенію ихъ (іезу-

* Вотъ письмо во французскомъ переводѣ: „Le généralissime moscovite Boris Petrovitz Cheremeteff arrivera bientôt à Rome. C'est un homme considérable parmi les siens et quoiqu'il soit schismatique, les choses saintes lui sont très familières; il m'a témoigné une très-grande confiance; il est manifestement très-proche du Royaume de Dieu et d'une conversion, qui pourrait en faire un apôtre en Moscovie, *mais ces choses doivent rester bien secrètes*. Veuillez mon Père, lui rendre toute espèce d'honneurs par nos pères et tâcher qu'il soit accueilli avec bienveillance par le Souverain Pontife. Il serait à souhaiter qu'un père sachant la langue slavonne le vit souvent et s'entretint avec lui de choses pieuses. Il y a grand espoir, *mais ceci entre nous*, qu'il revienne à l'union ainsi que son premier serviteur ou maréchal Alexis Kurbatowski; mais le temps presse etc.“ См. франц. изд. *Записки нум. Шер.*, стр. 193.

итовъ) слушалъ бояринъ въ церкви ихъ мши, и потомъ начальники ихъ езуитскій звалъ боярина въ трапезу, гдѣ и кушалъ бояринъ, и которые за нимъ были, да четыре человека начальныхъ езуитовъ особно: а братія человекъ со сто кушали въ особливыхъ столахъ, и въ ѣствахъ было довольство великое и изрядство отъ мяса также и въ питъѣ, а во время того столачиталъ Жертвенникъ по-латини и по-нѣмецки“. (26). Езуиту Вольфу было поручено при отъѣздѣ Шереметева изъ Вѣны провожать его до Бадена, гдѣ „за всякую истрату платилъ езуитъ, а въ кушаньи и питъѣ удовольствованіе было великое“. (33).

Духовныя лица въ Римѣ дарили Шереметеву святыя иконы; генералъ езуитскій самъ былъ у боярина съ визитомъ тотчасъ же послѣ его пріѣзда въ Римъ.

Изъ письма езуита Шлота можно видѣть какъ езуиты въ Римѣ ухаживали за Шереметевымъ. Тутъ сказано что бояринъ очень склоненъ къ принятію католицизма, съ большимъ рвеніемъ слушалъ богослуженіе въ костелахъ и расспрашивалъ о частностяхъ католической вѣры. Далѣе говорится о патерѣ Гонзалесѣ, часто посѣщавшемъ Шереметева и бесѣдовавшемъ съ нимъ о религіи. Разказано также что этотъ Гонзалесъ далъ Шереметеву рекомендательныя письма къ разнымъ духовнымъ лицамъ во всѣхъ мѣстахъ чрезъ которыя долженъ былъ проѣзжать бояринъ. Шереметевъ, столь радушно принятый езуитами, замѣчено далѣе въ этомъ письмѣ, былъ особенно благодаренъ и утверждалъ что никогда не забудетъ этой благосклонности къ нему ордена. *

Любезности продолжались. Въ Мессинѣ внукъ палы, дукъ Пигвателли, подарилъ боярину образъ Богоявленія Господня, сдѣланный изъ корольковъ. Пріемъ въ Малагѣ былъ чрезвычайно радушенъ. Затѣмъ въ Неаполѣ езуиты пригласили его посѣтить ихъ училище. Папа и въ первый и во второй разъ пребыванія Шереметева въ Римѣ былъ особенно къ нему ласковъ. Не мудрено послѣ всего этого что езуиты въ Вѣнѣ обратились къ Шереметеву съ просьбой

* „Nous espérons que la bonté divine fera tourner toutes ces choses à sa gloire“ I. c. 198. Не имѣя достаточнаго матеріала изслѣдовать вопросъ объ отношеніи Шереметева къ езуитамъ, мы замѣтимъ только что разказъ Шлота во многихъ отношеніяхъ не согласуется съ разказомъ Шереметева.

исходатайствовать для ордена свободный пропускъ чрезъ Сибирь въ Китай. Щереметевъ отказалъ, замѣчая что и безъ того находится въ подозрѣніи что желаетъ принять католичество и что такимъ образомъ легко могъ бы по-пасть въ бѣду. *

Далеко не столько интересовали религіозные вопросы Неизвѣстнаго, повидимому изъ простаго любопытства знакомящагося за границей со всякаго рода исповѣданіями. И онъ имѣлъ сношенія съ Греками въ Венеціи, былъ въ ихъ церкви и называетъ митрополита „зело ученымъ человекомъ“ (109), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ Амстердамѣ былъ въ синагогѣ „у Жидовъ и видѣлъ богатство изрядное и книги Моисеевы зѣло украшены“ (90); другой разъ онъ былъ въ Амстердамѣ же „у Жидовъ въ церкви и смотрѣлъ обрѣзаніе, какъ обрѣзываютъ младенца“ (94). Далѣе онъ въ Амстердамѣ былъ „въ церкви у квакеровъ, которые, собравшись въ церковь и сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никакого слова никто не молвить, всякій ожидаетъ на себя освященія; познавши себя, что мужъ или жена встанетъ и учить людей; въ то время молчатъ, хотя велику досаду дѣлай, не противятся и отвѣта не даютъ“ (90).

Въ заключеніе нашего очерка можно спросить: правилось ли Русскимъ, бывшимъ въ XVII вѣкѣ на Западѣ, за границей?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повидимому очень правилось. Мы уже говорили о молодыхъ людяхъ отправленныхъ при Борисѣ Годуновѣ за границу и не желавшихъ возвратиться на родину.

Когда въ послѣдствіи Неплюевъ со многими товарищами отправился въ западную и южную Европу учиться, такіе случаи повторялись: одинъ изъ товарищей Неплюева вступилъ въ датскую службу солдатомъ, другой въ качествѣ манаха остался на Аѳонской горѣ.

Бывали случаи что служители сопровождавшіе путешественника предпочитали не возвращаться на родину. Такъ было, напримѣръ, съ двумя лицами принадлежавшими къ посольству Чемаданова. Когда посольство на обратномъ пути въ Россію выѣхало изъ Инсбрука, „сбѣжали

* См. письмо Заловскаго къ Шлоту, I. с. 203.

съ дороги два человека, Стелка Кунетской и Гримка Чкасовскій." Разказъ объ этомъ эпизодѣ (1116) довольно запутанъ. Какъ кажется Гримку олять поймали, Стелка пропалъ.

Во всякомъ случаѣ поѣздки за границу должны были имѣть значительное и весьма благоприятное вліяніе, доставляя туристамъ возможность и случай научиться весьма многому. И они сами, и всѣ тѣ кои они сообщали разные данныя о видѣнномъ и слышанномъ ими за границей, учились смотрѣть на иныя государства и народы безъ прежняго китаизма. Слѣдствіемъ такихъ поѣздокъ было расширение кругозора Русскихъ, исчезновеніе національных предразсудковъ, желаніе выикнуть подробности въ самую суть житья-бытья и вообще цивилизаціи въ западной Европѣ.

Разумѣется, всѣ эти цѣли только отчасти и какъ бы случайно достигались путешествіями нашихъ дипломатовъ. Для настоящаго достиженія этихъ цѣлей были необходимы такія поѣздки, каковы были поѣздки самого Петра, пребываніе за границей его учениковъ, отправленіе молодыхъ людей на Западъ учиться систематически. Но предварительнымъ шагомъ къ этой весьма важной мѣрѣ, принятой великимъ Преобразователемъ, были путешествія туристовъ-дипломатовъ. Мы нарочно присоединили къ нашему разбору статейныхъ списковъ дневники Шереметева и Неизвѣстнаго, чтобы показать разницу между официальными путешествіями настоящихъ дипломатовъ и пребываніемъ за границей частныхъ лицъ, имѣвшихъ въ виду различныя иныя цѣли, кромѣ дипломатической миссіи. Россія нуждалась не въ однихъ политическихъ сношеніяхъ съ Западомъ. Она болѣе и болѣе должна была стать лицомъ къ лицу съ народами, съ обществомъ, съ культурой Запада. Сперва ѣздили Чемодановы и Лихачевы; затѣмъ поѣхали люди въ родѣ Шереметева и Неизвѣстнаго; за ними слѣдовали Неллюевы, Толстые, Татищевы. Сближеніе съ Западомъ возрастало болѣе и болѣе...

БРИКНЕРЪ.

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ДЖОРЖА ГЕНРИ ЛУИСА*

(Вопросы о Жизни и Духъ. Problems of Life and Mind.)

XI. Сенсуализмъ и доктрина идей a priori.

Wanger: Allein die Welt! des Menschen Herz und Geist!

Möcht jeglicher doch was davon erkennen.

Faust: Ja, was man so erkennen heisst!

Wer darf das Kind beim rechten Namen nennen.

Goethe.

Вопросъ о происхожденіи и предѣлахъ знанія по справедливости считается главнѣйшимъ вопросомъ, основною проблемой всякой философіи. Высшая цѣль разума, теоритическаго мышленія, заключается въ установленіи гармоническаго міровоззрѣнія; наука въ обширнѣйшемъ смыслѣ и философія по самому существу своему есть стремленіе ума къ раскрытію объективной истины, попытка рѣшать загадки міроздавнiя и жизни. Поэтому весьма понятно какую первостепенную роль играетъ вопросъ объ отношеніяхъ познающаго ума къ предметамъ его изслѣдованій, субъекта къ объекту, словомъ—мыслящаго Я къ явленіямъ внѣшняго и

* См., *Русск. Вѣст.* №№ 7, 10, 12 и 1876.

также внутренняго міра. Прежде чѣмъ думать о просверливаніи туннеля въ твердой скалѣ, необходимо узнать свойства, удостовѣриться въ надежности бурава; прежде чѣмъ строить системы, не мѣшаетъ ознакомиться съ природой, объемомъ и силами познавательной способности человѣка. Но до яснаго сознанія этой необходимости люди дошли не сразу, а постепенно: не зная трудностей и препятствій заключающихся въ предполагаемомъ дѣлѣ, не умудренный еще неудачами и разочарованіями, человѣкъ склоненъ взяться за какой угодно трудъ, даже безъ предварительной повѣрки собственныхъ силъ и годности употребляемаго орудія Творцы раннихъ философскихъ міровоззрѣній весьма мало или вовсе не заботились о критикѣ познавательной способности. Они приступали къ объясненію вселенной съ полною увѣренностью въ безусловной компетентности мышленія, въ способности разума постигать основы всякаго бытія; они полагали что познающій умъ находится въ непосредственномъ отношеніи къ предметамъ его изученія, стоитъ такъ-сказать лицомъ къ лицу съ самимъ бытіемъ. Только послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ и заблужденій, въ виду коренныхъ противорѣчій, къ которымъ привело мышленіе, философія повернула назадъ и обратилась къ тщательному изученію своего источника, т.-е. къ изслѣдованію явленій, законовъ и природы человѣческаго ума. На первый планъ выдвинулся тогда психологическій вопросъ, вопросъ объ источникѣ и предѣлахъ знанія: что мы знаемъ или можемъ познать? Каково происхожденіе нашего знанія внѣшняго и внутренняго міра? Какими процессами доходитъ умъ до постиженія космоса и самого себя? Изъ какихъ элементовъ складается какъ то такъ и другое познаніе, и какова, слѣдовательно, степень его достовѣрности?

Расходясь въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, всѣ, даже самыя противоположныя школы сходятся въ признаніи психологической проблемы о происхожденіи знанія основною проблемой, краеугольнымъ камнемъ всякой философіи; этого мало, главнѣйшія философскія ученія со всеми ихъ отбѣнками и разновидностями: идеализмъ и сенсуализмъ, раціонализмъ и эмпиризмъ—на самомъ дѣлѣ суть не иное что какъ различные способы рѣшенія этой основной проблемы, т.-е. доктрины съ логическою необходимостью вытекающія изъ

различныхъ теорій познавательной способности и происхожденія знанія. Какъ ни расходятся, впрочемъ, эти теоріи, всё онѣ согласны въ одномъ пунктѣ, именно въ признаніи субъективности и, слѣдовательно, относительности всякаго знанія. Въ итогѣ всѣхъ психологическихъ изслѣдованій принятыхъ съ различныхъ концовъ и въ разныхъ направленіяхъ, а priori и a posteriori, посредствомъ раціональнаго и эмпирическаго методовъ, неизмѣнно получалась, какъ общій результатъ, та несомнѣнная истина, что мы познаемъ не самое бытіе, не вещи каковы онѣ есть сами по себѣ, а одни лишь явленія. Мы не имѣемъ дѣла непосредственно ни со внѣшнимъ міромъ, ни съ собственнымъ я, въ смыслѣ субстанцій; это я мы познаемъ не по существу, а лишь по состояніямъ и модификаціямъ нашего сознанія; предметы же внѣшняго міра доступны намъ не иначе какъ по чувственнымъ впечатлѣніямъ которыя они на насъ производятъ. Но очевидно что чувствєнные впечатлѣнія и воспріятія, какъ таковыя, суть не самые предметы, а опять-таки *факты сознанія*; слѣдовательно наше знаніе вещей, будучи исключительно знаніемъ получаемыхъ отъ внѣшняго міра впечатлѣній, въ концѣ-концовъ оказывается знаніемъ внутреннихъ же, психическихъ фактовъ, различныхъ состояній и модификацій сознанія. Такимъ образомъ содержаніе сознанія есть единственный матеріалъ надъ которымъ непосредственно орудуєтъ какъ повседневное, такъ и научное и философское мышленіе. Это положеніе допускается, какъ уже сказано, всѣми школами; даже эмпиризмъ его не оспариваетъ. Но единогласіе прекращается, мнѣнія рѣзко расходятся, лишь только возникаетъ вопросъ: откуда берется матеріалъ сознанія? Какъ возникаетъ его содержаніе? Вотъ это центральный пунктъ всей философіи, основной вопросъ, около котораго вертятся всѣ споры, на которомъ сосредоточились всѣ усилія мыслителей, начиная съ Бакона и Декарта.

Въ простѣйшемъ своемъ выраженіи эта знаменитая проблема сводится къ слѣдующей формулѣ: существуютъ ли въ человѣческомъ умѣ идеи *a priori*, то-есть элементы независимые отъ опыта, другими словами — заключается ли источникъ знанія исключительно въ чувствахъ, или отчасти въ нихъ, отчасти же въ самомъ умѣ? А вотъ теперь отвѣты на проблему, въ видѣ пресловутыхъ афоризмовъ, слѣ-

т. сxxx.

лавшихся какъ бы лозунгомъ враждебныхъ лагерей, школы а posteriori съ одной стороны, и школы а priori съ другой: *Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu* (въ умѣ нѣтъ ничего такого чего бы не было прежде въ чувствѣ), восклицаютъ сенсуалисты (Гобба, Гассенди, Локкъ), и вслѣдъ за ними эмпирики всѣхъ оттѣнковъ. *Nisi ipse intellectus* (кроме самого ума), возражаетъ Лейбницъ и вмѣстѣ съ нимъ апріорная школа. И это знаменитое *Nisi ipse intellectus* сдѣлалось неприступною позиціей раціонализма изъ которой не могли его вытѣснить никакія осадныя орудія, никакія усилія и аргументы сторонниковъ эмпирической и такъ-называемой позитивной философіи.

Не все ли равно, подумаетъ быть-можетъ иной читатель, мало знакомый съ истиннымъ значеніемъ философскихъ основоположеній, не все ли равно—происходятъ ли наши идеи и вся совокупность знанія цѣликомъ изъ чувственного источника или нѣтъ, и стоить ли вести вѣковой споръ о томъ, обладаетъ ли или не обладаетъ нашъ умъ идеями не зависящими отъ чувственного опыта? Вѣдь знаніе *de facto* безспорно существуетъ; не говоря уже объ изумительныхъ построеніяхъ науки, о широкихъ теоріяхъ во всѣхъ областяхъ изслѣдованія, но даже повседневный человѣческій разумъ не лишенъ идей и понятій далеко выходящихъ изъ круга непосредственныхъ данныхъ чувствъ и осязательной реальности. Казалось бы, сдѣловательно, что вопросъ о чисто-опытномъ или отчасти апріорномъ происхожденіи знанія довольно безразличенъ. Этотъ вопросъ, скажемъ мы, дѣйствительно важенъ не столько самъ по себѣ сколько по слѣдствіямъ вытекающимъ изъ рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ; его громадное значеніе заключается въ выводахъ къ которымъ приходятъ сенсуальная и апріорная доктрины. Прежде чѣмъ вдаваться въ разборъ этихъ слѣдствій и выводовъ, не лишнимъ будетъ однако прослѣдить самое возникновеніе противоположныхъ теорій о происхожденіи знанія, столь долго раздѣлявшихъ и до нынѣ раздѣляющихъ философію на два враждебныхъ лагеря.

Процессъ познаванія начинается вмѣстѣ съ жизнью. Задолго до пробужденія самосознанія и первыхъ проблесковъ разума ребенокъ уже переиспыталъ несмѣтное множество впечатлѣній, ощущеній, разнообразнѣйшихъ измѣненій сво-

ей чувствительности. Чѣмъ далѣе развиваются умственныя способности, тѣмъ богаче и разнообразнѣе становится матеріалъ сознанія. Человѣкъ приобретаетъ массу представлений, понятій, свѣдѣній, не спрашивая себя *какъ* онъ ихъ приобретаетъ, *какимъ образомъ* и *что* онъ познаетъ; онъ желаетъ, дѣйствуетъ, любитъ, ненавидитъ; онъ чувствуетъ радость и горе, надежду и страхъ, влеченіе и отвращеніе, нисколько не отдавая себѣ отчета въ природѣ и происхожденіи всѣхъ этихъ душевныхъ аффектовъ; онъ мыслитъ, разсуждаетъ, умозаключаетъ, не заботясь еще о законахъ мышленія, объ отысканіи наилучшихъ способовъ разсужденія, о свойствахъ умственныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, когда наконецъ рефлексія вступаетъ въ свои права, когда разумъ желаетъ создать единое, стройное міровоззрѣніе, словомъ, когда возникаетъ философское мышленіе, то оно находится предъ образовавшимся уже, притомъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ сознанія, предъ смутнымъ, но весьма обширнымъ синтезомъ чувствъ, идей, свѣдѣній, установившихся убѣжденій, вѣрованій, предрассудковъ и пр. И вотъ надъ этимъ готовымъ матеріаломъ приходится изслѣдователю оперировать; изъ этого хаоса философское мышленіе должно извлечь гармонію и единство. Но свойственное человѣческому уму стремленіе къ гармоніи и единству воззрѣній легко приводитъ къ односторонности; духъ систематичности слишкомъ склоненъ принимать часть за цѣлое или же объяснить цѣлое изъ какой-нибудь одной части, ради простоты и единства. *On tombe par où l'on penche*, говоритъ пословица; смотря по тому будетъ ли вниманіе изслѣдователя обращено преимущественно *во-внѣ*, на факты сознанія имѣющіе внѣшнее происхожденіе, или *во-внутрь*, т.-е. на процессы и законы дѣятельности ума, на интимную сторону психическихъ явленій, его мышленіе можетъ впасть въ противоположныя крайности, въ крайность сенсуализма и въ крайность идеализма.

При аналитическомъ разборѣ готоваго матеріала сознанія, изъ общаго синтеза прежде всего выдѣляется обширный классъ явленій отличающихся особенною яркостью, и поэтому равнѣе другихъ поражающихъ умъ наблюдателя-философа. Этотъ классъ обнимаетъ всю массу тѣхъ явленій сознанія, характеристическій признакъ которыхъ состоитъ

въ томъ что они вполне независимы отъ нашей воли: ихъ мы не можемъ ни вызвать, ни уничтожить, ни удержать, ни прекратить произвольно; мы не властны измѣнить ихъ ни качественно, ни количественно; они разпоряжаются нашимъ сознаниемъ полновластно, помимо и даже вопреки нашего желанія. Таковы, прежде всего, всѣ органическія чувствованія: боли, давленія, усиленія, бодрости, слабости, голода, жажды, тепла, холода и пр. и пр. Таковы затѣмъ модификаціи сознанія, извѣстныя подъ названіемъ воспріятій внѣшнихъ чувствъ, т.-е. всѣ безъ исключенія зрительныя, слуховыя, осязательныя, вкусовыя и обонятельныя впечатлѣнія, иначе говоря, вся громадная масса разнообразнѣйшихъ воздѣйствій внѣшняго міра на чувствительность. Таковы, наконецъ, душевные аффекты: желанія, позывы, потребности, удовольствіе, страданіе и пр., эмоціи всякаго рода: испугъ, удивленіе, ужасъ, отвращеніе и т. д.; все это—явленія возникающія въ сознаніи помимо нашей воли, вмѣстѣ съ чувственными впечатлѣніями или органическими чувствованіями ихъ вызывающими. Покончивъ съ разборомъ этого класса явленій, пораженный ихъ важностью, многочисленностью и, такъ-сказать, непосредственностью, философъ разсуждаетъ такъ: что знаемъ мы о внѣшнемъ мірѣ помимо получаемыхъ отъ него впечатлѣній? Ровно ничего. Что знаемъ мы о внутреннихъ состояніяхъ собственнаго тѣла помимо органическихъ чувствованій? Ровно ничего. Что знаемъ мы о душевныхъ явленіяхъ, объ аффектахъ эмоціяхъ, позывахъ, помимо этихъ самихъ аффектовъ, эмоцій, позывовъ, т.-е. помимо чувствованій? Опять-таки ровно ничего! Слѣдовательно, заключаетъ философъ, *всѣ* наши познанія *чувственного происхожденія*; въ сознаніи нѣтъ такого явленія котораго нельзя было бы прямо или косвенно вывести изъ этого источника. Правда, кромѣ впечатлѣній и чувствованій существуютъ еще представленія, понятія, сужденія, даже цѣлыя вереницы представленій, сложныя системы понятій, словомъ—мышленіе. Но представленія суть не иное что какъ воспроизведенныя ощущенія; понятія—отвлеченія отъ представленій, а мышленіе—умственный процессъ, оперирующий исключительно надъ этими данными; оно есть преобразованное ощущеніе. Слѣдовательно *всѣ* идеи, *всякое* мышленіе, *всякое* знаніе происходитъ изъ ощущенія: *Nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu!*

Таково учение сенсуализма, т.-е. философии основанной исключительно на чувствахъ. Отсюда къ материализму, рассматривающему всё психическія явленія и самое сознание какъ простыя отправления физическаго организма человека, только одинъ шагъ.

Сенсуализмъ можетъ быть истиннымъ лишь въ томъ случаѣ если въ сознаниіи нельзя открыть никакихъ элементовъ которые не могли бы быть сведены къ чувственнымъ даннымъ, т.-е. выведены прямо или косвенно изъ ощущенія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? При болѣе глубокомъ анализѣ сознания наблюдатель открываетъ другой разрядъ фактовъ, правда, болѣе сокровенный, не столь непосредственно доступный и бросающійся въ глаза какъ факты чувствительности, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, несомнѣнный. Человѣческое я не есть только страдательная воспріимчивость, а также *самопроизвольная дѣятельность*; мы очевидно способны, по собственному почину, вызвать или устранить извѣстныя представленія и мысли, думать или поступать такъ или иначе, ставить себѣ цѣли и дѣйствовать сообразно съ этимъ, т.-е. преднамѣренно; выбрать между разными мотивами дѣйствія и поступать согласно съ этимъ свободнымъ выборомъ; подавлять влеченія и позывы, бороться противъ желаній и страстей и т. д. Но можетъ ли борьба, выборъ, савомъ *самопроизвольность* быть выведена изъ данныхъ чувствъ? Очевидно нѣтъ; поэтому-то сенсуализмъ ее и отрицаетъ, считая всякую дѣятельность роковымъ слѣдствіемъ чувственныхъ импульсовъ, вынужденнымъ результатомъ дѣйствія вѣшнихъ и внутреннихъ стимуловъ на чувствительность. Но отрицая самый принципъ свободы воли, сенсуализмъ не въ состояніи, однако, отрицать ее какъ фактъ сознания, какъ *идею* несомнѣнно присущую человѣческой личности. Откуда же взялся этотъ фактъ сознания, какъ возникла идея самопроизвольности? Неужели изъ чистой пассивности, изъ явной несвободы, т.-е. изъ ощущенія? Это совершенно немыслимо. Далѣе. Кромѣ непроизвольности, другое отличительное свойство ощущеній заключается въ томъ что они многообразны—измѣнчивы, непостоянны; ихъ характеръ, не единство, а множественность. А между тѣмъ *единство* сознания есть фактъ несомнѣнный, тожество (*identitas*) человѣческаго я пребываетъ постояннымъ, неизмѣннымъ среди хаоса модификацій чув-

ствительности. Какія бы ни произошли перемѣны въ чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ человека, онъ сознаетъ себя какъ единую, тождественную особь, которая есть сегодня то же чѣмъ была вчера и чѣмъ будетъ завтра; онъ отдѣляетъ собственное, не преходящее, простое *я* отъ всѣхъ его временныхъ состояній, признавая это *я* за живой, единый центръ всѣхъ его модификацій. Но какъ же вывести единство и тождественность изъ хаоса ощущеній? Сенсуализмъ и тутъ принужденъ отрицать реальность этого единства; для него человеческое *я* не есть ничто постоянное, неизмѣнное, субстанціальное, а просто сумма своихъ (чьихъ? очевидно ничьихъ!) состояній, синтезъ чувствованій, комплексъ явленій безъ носителя ихъ или субстрата; а сознание — либо *actus purus*, т.-е. дѣятельность безъ дѣятеля, либо (по матеріалистическому взгляду) нервный процессъ, отправленіе мозга. Но опять-таки, отрицая объективную реальность единства человеческого *я*, сенсуализмъ не можетъ ни отрицать, ниже объяснить дѣйствительность *идеи* единства имманентно присущей сознанию. Это все? Нѣтъ, кромѣ указанныхъ фактовъ анализъ находитъ въ сознаніи возрѣнія *пространства* и *времени* входящія въ каждый чувственный актъ какъ элементы до того необходимые что внѣ этихъ формъ невозможна никакая чувствительность, никакое представленіе, что устранивъ мысленно все то чтѣ находится въ пространствѣ и происходитъ во времени, даже воображеніе не въ силахъ уничтожить ни пространства, ни времени. Но то чтѣ составляетъ *conditio sine qua non*, непремѣнное условіе возможности ощущенія и представленія, не можетъ быть выведено изъ самого ощущенія. Къ тому же сознание необходимо мыслить пространство безпредѣльнымъ, время—безконечнымъ; а ощущеніе, будучи всегда опредѣленнымъ и конечнымъ, не можетъ дать сознанию того чего въ немъ (въ ощущеніи) вовсе не заключается, то-есть идеи безконечности и вѣчности. Далѣе, хотя всѣ безъ исключенія воспріятія чувствъ суть измѣненія сознанія, то-есть явленія происходящія *изъ насъ* самихъ, а не гдѣ-нибудь *окаъ* насъ, тѣмъ не менѣе сознание совершенно не произвольно относитъ ихъ къ вѣншему бытію, полагаетъ ихъ причину не внутри, а внѣ себя, не въ бытіи собственнаго *я*, а въ бытіи чужомъ, въ бытіи *не я*, то-есть вѣншаго міра. Это произвольное поставленіе во внѣ

наших восприятий происходит вследствие идеи *причинности*, рѣшительно не заключающейся въ чувственныхъ данныхъ и не могущей быть изъ нихъ выводимой. Этого мало. Чувства даютъ намъ *качества* предметовъ и ничего кромѣ *качествъ*: мы ощущаемъ красное, зеленое, желтое, круглое, угловатое, мягкое, жесткое, гладкое, горькое, кислое и пр. и пр., а между тѣмъ сознаніе, тоже совершенно непроизвольно, переноситъ всѣ эти качества на нѣкоторый носитель ихъ, на *нѣчто* такое въ чемъ они пребываютъ. Мы рѣшительно не въ состояніи представить себѣ качества безъ субстрата, сладкое, твердое, круглое безъ *чего-нибудь* чему эти свойства принадлежатъ. Однако о такомъ субстратѣ или носителѣ *качествъ*, объ этомъ *нѣчто* чувствъ намъ ничего не говорятъ; напротивъ, само сознаніе, въ силу идеи *субстанціи*, вноситъ этотъ новый элементъ въ область чувствъ и представленія. Итакъ, вотъ уже идеи *самопроизвольности*, *единства* сознанія, *единства* и *тождества* нашего я, идеи *пространства*, *времени*, *причинности* и *субстанціи*, которыя несомнѣнно присутствуютъ въ сознаніи и которыхъ невозможно объяснить изъ данныхъ чувственного опыта. Не будучи чувственного происхожденія эти идеи играютъ между тѣмъ громадную роль; онѣ лежатъ въ основаніи всякаго мышленія, опредѣляютъ форму всѣхъ представленій и обуславливаютъ такимъ образомъ самую возможность всякаго опыта, всякаго знанія. Нашъ перечень далеко не полный: сюда же относятся основныя нравственные идеи *добра* и *зла*, *правды* и *неправды*, и вообще тѣ идеи которыя представляются сознанію съ характеромъ *всеобщности* и *необходимости*, рѣзко отличающемъ ихъ отъ идей чувственного происхожденія, имѣющихъ всегда признакъ частности и случайности.

Открывъ посредствомъ анализа эти первичныя данныя сознанія, оценивъ ихъ важность и первенствующую роль въ мышленіи, философъ въ правѣ говорить: нѣтъ, не все знаніе происходитъ изъ чувственного источника; кромѣ матеріаловъ доставляемыхъ уму чувствами, существуютъ еще законы дѣятельности, логическія формы самого ума; кромѣ пріобрѣтенныхъ идей существуютъ первобытныя *врожденные* идеи. На сентенцію: „въ умѣ нѣтъ ничего такого чего не было прежде въ чувствѣ“, онъ возражаетъ: *Nisi intellectus ipse!* (кромѣ самого ума!) Таковъ выводъ раціонализма,

который, углубляясь исключительно во внутрь сознанія и будучи доведенъ до отрицанія вѣшняго міра, превращается въ противоположную матеріализму крайность, то-есть въ идеализмъ.

Выше мы допустили и подчеркнули выраженіе *врожденные идеи*. Этотъ терминъ служилъ, отчасти и теперь еще служить поводомъ самыхъ странныхъ, даже просто нелѣпыхъ недоразумѣній и превратныхъ толкованій. Сенсуалисты и вообще эмпирики, понимая или, вѣрнѣе, прикидываясь что понимаютъ выраженіе въ буквальный смыслъ, съ ликующею побѣдою накидываются по этому поводу на раціонализмъ: Какъ! *врожденные* идеи? восклицаютъ они. Неужели вы допускаете что новорожденный младенецъ, у котораго нѣтъ еще ни представленій, ни понятій, ни даже, строго говоря, ощущеній, обладаетъ такими отвлеченными, чисто философскими *идеями* субстанціи, причинности и пр., когда не подлежитъ сомнѣнію что громадное большинство людей даже во всю жизнь не додумается до подобныхъ абстракцій! вѣдь это просто нелѣпость!

Не въ томъ совсѣмъ дѣло, возражаетъ раціоналистъ. Рѣчь идетъ вовсе не объ „идеяхъ“ въ разговорномъ смыслѣ слова, гдѣ оно обозначаетъ то же самое что *понятіе, сужденіе*, вообще сознannую мысль. Очевидно что о сознательныхъ, дискурсивныхъ понятіяхъ, сужденіяхъ и мысляхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но въ философскомъ спорѣ прежде всего надлежитъ придать терминамъ философское же значеніе, а не играть въ разные qui pro quo? А то вѣдь это все равно если мыъ говорить, положимъ, объ электрической индукціи, а я, принимая слово „индукція“ въ томъ значеніи какое свойственно ему въ логикѣ, стану глубокомысленно доказывать что это вздоръ, такъ какъ электрическій токъ не можетъ де „сдѣлать умозаключеній отъ частнаго къ общему“. Точно такъ же на языкѣ философіи терминъ „врожденные идеи“ обозначаетъ просто *основныя формы, прирожденные законы* умственной дѣятельности, *всеобщія нормы*, лежащія въ основѣ всякой чувствительности, всякаго мышленія, а вовсе не какія-нибудь опредѣленно-сознательныя мысли, а тѣмъ менѣе метафизическія разсужденія или дефиниціи о субстанціи, причинѣ, самопроизвольности и т. д. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ совершенно справедливо что громадное большинство людей во всю жизнь не

доходить до *врожденных* идей, то-есть до яснаго, критическаго формулованія ихъ.

Сенсуалистъ.—На какомъ, однако, основаніи вы признаете эти идеи или формы врожденными, если, по вашимъ же словамъ, одно только критическо-аналитическое мышленіе въ состояніи ихъ открыть и формуловать?

Рационалистъ.—На томъ же основаніи по которому вы, вѣроятно, допускаете что люди чувствуютъ и двигаютъ своими членами, что кровообращеніе совершается у нихъ своимъ правильнымъ ходомъ, даже въ томъ случаѣ когда мѣтализмъ нервной системы и законы кровообращенія имъ совершенно неизвѣстны. Не даромъ же Шиллеръ говоритъ:

Denn weil, was ein Professor spricht,
Nicht gleich zu Allen dringet,
So übt Natur die Mutterpflicht.
Und sorgt, dass nie die Kette bricht.
Und dass der Reif nicht springet.

Точно такимъ же образомъ человѣческій умъ естественно дѣйствуетъ по опредѣленнымъ нормамъ и законамъ имманенто присущимъ ему, хотя одно только философское изслѣдованіе въ состояніи выдѣлить эти нормы и законы изъ смутнаго синтеза сознанія и выразить ихъ въ дискурсивной формѣ.

Сенсуалистъ.—А кто намъ поручится въ томъ что эти якобы всеобщія формы и основные законы ума, что эти врожденные будто-бы идеи не суть именно *продукты* философскаго мышленія.

Рационалистъ.—Философія иногда создаетъ термины, названія, но она не создаетъ своихъ объектовъ, которые даны самою природою вещей. Конечно, дикари, дѣти и даже большая часть людей вообще не имѣютъ теоретическаго понятія субстанціи, причинности и т. д.; эти предметы не входятъ въ кругъ ихъ сознательнаго мышленія, не становятся объектами ихъ разсудочнаго изслѣдованія и, слѣдовательно, ясно выраженнымъ содержаніемъ сознанія. Даже самые термины „субстанція“, „причинность“ и пр. могутъ быть имъ совершенно неизвѣстными, а тѣмъ не менѣе *идеи* субстанціи, причины, самоопредѣленія и т. д. *присущи* всѣмъ людямъ, составляя необходимое условіе *всякой* умственной

дѣятельности, основные элементы *всякаго* представленія. Доказать это не трудно. Лучшимъ доказательствомъ служить человѣческій языкъ, заключающій въ себѣ, даже на низшихъ ступеняхъ развитія, главнѣйшіе элементы философіи задолго до перваго пробужденія сознательно-философской мысли. Скажите самому необразованному человѣку или дитяти: играетъ.... пахнетъ.... движется; затѣмъ, на вопросъ: *кто* играетъ? *что* пахнетъ? *кто* или *что* движется? попробуйте отвѣчать что это, молъ, простые акты, чистыя дѣйствія: *играетъ*, *пахнетъ*, *движется* — вотъ и все! Вашъ собесѣдникъ либо совсѣмъ не пойметъ, либо приметъ васъ за сумасшедшаго. Онъ не въ состояніи даже мысленно допустить чтобы могло быть дѣйствіе безъ дѣятеля, качество безъ носителя его, реальное сказуемое безъ реального же подлежащаго. Отчего же? Просто въ силу безсознательно, но неотразимо присущей ему *идеи субстанции!* Младенецъ протягивающій ручки чтобы схватить мѣсяцъ, дикарь полагающій что успѣхъ охоты зависитъ отъ его деревяннаго фетиша, инстинктивно увѣрены, первый — что изображеніе мѣсяца на ретинѣ глаза есть дѣйствіе чего-то *онъ* его находящагося, второй — что успѣхъ или неуспѣхъ охоты отъ чего-то зависитъ, чѣмъ-то обуславливается и причиняется. Чѣмъ объяснить такую неразсуждающую, непосредственную увѣренность? Не присутствіемъ ли въ младенцѣ и дикарѣ идеи *причинности*, идеи столь же прирожденной ихъ уму какъ кровообращеніе ихъ организму, столь же необходимой и инстинктивной какъ актъ дыханія? Очень легко бы было прослѣдить и указать прочіе элементы вносимые умомъ въ его разсудочную работу, т.-е. основныя идеи опредѣляющія всякій возможный опытъ, но полагаю что достаточно и сказаннаго.

Сенсуалистъ.—Стало-быть на провѣрку ваши „врожденные идеи“ оказываются какими-то безсодержательными схемами, потенціальными формами возможнаго опыта. Да это вѣдь просто естественныя условія чувствительности, общіе законы умственной дѣятельности.

Раціоналистъ.—Въ томъ-то и дѣло! Догадался. *Врожденные* идеи суть не что иное какъ чистыя формы опыта, необходимыя условія чувствительности, законы умственной дѣятельности. Что же касается *естественности* этихъ условій, *простоты* этихъ законовъ, то я съ вами спорить не

ставу; все на свѣтъ естественно и просто, особенно то что мы съ вами наименѣе понимаемъ. Но дѣло въ томъ что коимъ скоро кромѣ матеріала доставляемаго уму чувствами, кромѣ *содержанія* нашего опытаго знанія, мы принуждены допустить еще самодѣтельность и собственные законы ума, *формы* предваряющія опытъ, то ясно что источникъ знанія не заключается *единственно* въ ощущеніи—*quod erat demonstrandum*. Затѣмъ, если слово „врожденные идеи“ вамъ ужъ такъ сильно приходится не по нутру, то за этимъ дѣло не станетъ: все что мы приобретаемъ посредствомъ чувственныхъ впечатлѣній, мы назовемъ элементами знанія *a posteriori* или просто *опытомъ*, а то что не зависитъ отъ опыта, а напротивъ опредѣляетъ и обуславливаетъ его, именно то что умъ вноситъ отъ себя въ чувственный опытъ, мы назовемъ идеями или элементами познанія *a priori*.

Сенсуалистъ. — Дѣло не въ названіи. Но спрашивается: что проку въ этихъ апріорныхъ идеяхъ, т.е. въ *чистыхъ формахъ* безъ содержанія? Для слѣпорожденного явтъ и не можетъ быть представленія свѣта и цвѣтовъ; глухой отъ рожденія ровно ничего не смыслитъ въ звукахъ. Теперь вообразите человѣка лишеннаго всѣхъ ляти чувствъ, и скажите, на что послужатъ ему пресловутыя врожденные идеи? Какія, съ одною ихъ помощью, приобрететъ онъ познанія? Къ чему послужитъ тогда умъ одаренный самодѣтельностью и разными первобытными способностями? Это будетъ то же что отачный скрипачъ съ безструнною скрипкой!

Рационалистъ. — Совершенно вѣрно. Человѣкъ лишенный всѣхъ чувствъ, не имѣя никакого общенія съ окружающимъ его міромъ, не былъ бы въ состояніи приобрести *какія-либо* познанія, и еслибы такое существо и могло бы жить, то лишь чисто растительною жизнью, съ придачей развѣ смутныхъ органическихъ или системныхъ чувствованій. Его сознаніе, если тутъ можетъ быть рѣчь о сознаніи, не получало бы никакого содержанія и, слѣдовательно, присущіе ему апріорные элементы, оставаясь безъ всякаго примѣненія, остались бы пустыми формами, чистою потенціальностью. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели то что чувства суть единственный источникъ знанія? Я принимаю вашу метафору: дѣйствительно, наилучшій скрипачъ ничего не сыграетъ на безструнномъ инструментѣ; но что толку, съ другой стороны, въ велико-

лѣлѣйшей скрилкѣ, снабженной всѣми струнами, если на ней станетъ играть неучъ! Не угодно ли сдѣлать обратное предположеніе и отвѣчать на вопросъ: какія познанія приобрѣтетъ живое существо обладающее своими нормальными, притомъ весьма тонкими пятью чувствами, но лишенное умственныхъ силъ, первичныхъ познавательныхъ способностей, словомъ, *априорныхъ* формъ ума? Отчего же животныя несомнѣнно одаренныя чувствами, получающія посредствомъ ихъ массу впечатлѣній, живущія искалочно чувственною жизнью, не способны однако создать философскую теорію, хоть бы даже сенсуализма? Вѣдь на практикѣ они совершеннѣйшіе сенсуалисты!

Такимъ образомъ, въ вѣковомъ спорѣ о происхожденіи знанія рационализмъ сохранилъ за собой всѣ свои позиціи, не поступился ни однимъ существеннымъ положеніемъ; единственная уступка противной школѣ—чисто словесная, именно замѣна нѣсколько сбивчиваго выраженія „врожденные идеи“ болѣе специальнымъ терминомъ „априорныя идеи“. А сенсуализмъ? Исполнивъ свою роль реакціи противъ крайностей идеализма, служивъ здоровымъ протестомъ противъ схоластическаго пренебреженія опытомъ, договорившись затѣмъ въ сочиненіяхъ Кондильяка до явныхъ несообразностей, доведенный Гольбахомъ, Гельвеціемъ, Ла-Метри и пр. до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій, т.-е. до полного безобразія, онъ сошелъ со сцены философіи, передавъ свое наслѣдство матеріализму и, хотя только отчасти, позитивизму и эмпиризму. Дѣйствительно, нынѣ ужъ не одинъ мыслитель не согласился бы назвать себя сенсуалистомъ, но тѣмъ не менѣе въ преобразованномъ видѣ это ученіе существуетъ до сихъ поръ; его основное положеніе, хотя не безъ значительныхъ исправокъ и измѣненій, стало догматомъ эмпирической школы, къ которой какъ извѣстно всецѣло принадлежитъ и Луисъ. Но прежде чѣмъ приступить къ разсматриванію его взгляда, мы укажемъ вкратцѣ послѣдствія и выводы вытекающіе изъ сенсуальной (нынѣ эмпирической) и априорной теорій происхожденія знанія, ибо изъ-за этихъ-то послѣдствій въ сущности и ведется весь споръ.

Такъ какъ въ человѣческомъ разумѣ нѣтъ идей *a priori*, независимыхъ отъ опыта, то предѣлъ всякаго возможнаго знанія безусловно ограниченъ областью опыта, т.-е. чувственнаго міра. Таково положеніе эмпиризма.

Такъ какъ въ человѣческомъ разумѣ есть идеи а priori вполне независимыя отъ опыта, то возможно и знаніе переступающее предѣлы опыта, если подъ „опытомъ“ разумѣть однѣ лишь чувственныя данныя. Таково воззрѣніе апіорной школы.

Мы не отрицаемъ дѣйствительности, т.-е. присутствія въ сознаніи тѣхъ идей которыя вы называете апіорными, говоритъ эмпирическая школа, но мы ослабляемъ ихъ апіорность, ихъ независимость отъ опыта: онѣ не что иное какъ результаты отвлеченія и обобщенія. Слѣдовательно, съ одной стороны эти идеи суть результатъ опыта, а съ другой стороны—субъективные продукты мышленія; но онѣ лишены объективнаго, реальнаго значенія.

Недостаточно утверждать, слѣдуетъ доказать опытное происхожденіе идей а priori, возражаетъ раціональная школа. А всѣ попытки подобной демонстраціи оказались со-всѣмъ несостоятельными и ни на іоту не поколебали установленное Кантомъ въ *Критикѣ Чистаго Разума* коренное различіе опытныхъ и апіорныхъ элементовъ познанія. Если же послѣдніе суть плодъ отвлеченія и обобщенія, то чѣмъ вы объясните самую способность *отвлеченія и обобщенія*? Неужели эта способность или умственная сила также есть продуктъ чувствъ? А коль скоро умъ одаренъ способностью переработать чувственныя данныя въ нечувственные, матеріалъ опыта—въ идеальныя построенія, частное, случайное, въ общее, необходимое многообразіе—въ единство (а всѣ теоріи, всѣ науки доказываютъ эту способность), то и нѣтъ основанія утверждать будто знаніе не превышаетъ сферы чувственнаго опыта.

Да, но въ такомъ случаѣ это ужъ не реальное знаніе, настаиваетъ эмпиризмъ, а созданія фантазіи, призраки воображенія, поскольку, конечно, обобщенія и продукты отвлеченія не могутъ быть обратно сведены къ конкретнымъ чувственнымъ фактамъ.

Не есть ли все это споръ о словахъ? спроситъ быть-можетъ читатель. Какое практическое значеніе, какой общечеловѣческій интересъ представляютъ эти философскія препирательства о происхожденіи знанія? Вопросъ этотъ, отвѣчаемъ мы, имѣетъ громадное значеніе, его рѣшеніе касается интереса первостепенной важности.

Дѣло въ томъ что то или другое философское основоположеніе представляетъ не одинъ лишь чисто-теоретиче-

скій интересъ: оно обуславливаетъ весь образъ мыслей человека, даетъ направленіе его дѣятельности. Данное міровоззрѣніе служитъ нормой мышленія и опредѣляетъ сдѣлательно нашъ образъ дѣйствій, наше практическое отношеніе къ жизни. Оно (міровоззрѣніе) проникаетъ все умственное и нравственное существо отдѣльных лицъ и цѣлыхъ общественныхъ слоевъ, отражаясь въ мысляхъ, чувствахъ, стремленіяхъ и постулатахъ людей. Чѣмъ же должно отразиться вліяніе сенсуалистическаго міровоззрѣнія? Каковъ практическій результатъ вытекающій изъ теоретическихъ положеній эмпиризма?

Если это ученіе истинно, то прямой и неотразимый выводъ его слѣдующій: все выходящее изъ предѣловъ чувственной реальности есть иллюзія ума, чистая химера, и не должно имѣть никакого серіознаго значенія для мышленія, а тѣмъ болѣе — никакого вліянія на дѣятельность и постулаты людей. Всякіе идеалы въ жизни, всякіе этические принципы — пустыя фантазіи. Существуетъ одинъ идеалъ — наслажденіе, одинъ принципъ — личный интересъ. О свободѣ воли и нравственной вѣнчѣемости не можетъ быть и рѣчи: человекъ есть явленіе среди другихъ явленій. Лишенный внутренняго единства, самобытности и самодѣтельности, онъ лассивный продуктъ среды, окружающей обстановки, измѣнчивое произведеніе измѣнчивыхъ обстоятельствъ, игрушка вѣтшахъ условій и вліяній. Единственнымъ назначеніемъ его можетъ быть возможно полное удовлетвореніе своихъ физическихъ потребностей, возможно широкое наслажденіе скоро проходящею жизнью, а къ достиженію этой цѣли должны быть направлены всѣ его помыслы, вся умственная и практическая дѣятельность.

Что такое именно господствующій духъ эпохи, это фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстный. Неразборчивый эгоизмъ, лихорадочная логоня за легкою наживой, отвращеніе отъ устойчиваго труда, грубая чувственность, равнодушіе къ добру и злу, отсутствіе эстетическаго чутья, нравственная апатія и умственная немощь — вотъ характеристическія черты современнаго общества. Отовсюду слышатся сѣтованія на стертость и ничтожность характеровъ, на отсутствіе разумныхъ мотивовъ и цѣлей дѣятельности, на подавляющую скуку, на безвыходную пустоту и бессодержательность жизни. И удивляться тутъ нечего: каково стелется, таково и слится. Мы до мозга костей проникнуты — кто

сознательно, кто полусознательно, кто и самъ того не подозревая—мировоззрѣніемъ отрицающимъ въ принципѣ все то что составляетъ силу и опору человѣческой личности, красу и достоинство человѣческаго существованія, и тутъ мы еще станемъ изумляться что скучно, дескать, жить: дайте намъ готовые идеалы, наполните чѣмъ-нибудь нестерпимую пустоту нашихъ головъ и сердецъ! Не доказываютъ ли эти сѣтованія и жалобы то что человѣческой природѣ свойственны духовные позывы, идеальныя потребности, которыхъ не въ состояніи заглушить никакія теоріи и отрицанія? Будучи подавлены и временно устранены, эти позывы и потребности все-таки заявляютъ о своемъ существованіи, обнаруживаясь въ формѣ томленія, тоски, недовольства собою и окружающимъ, общаго чувства неудовлетворенности, какихъ-то смутныхъ стремленій, какихъ-то неявно сознаваемыхъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ потребностей. Что же касается требованія идеаловъ, да еще готовыхъ, точно по заказу, то это необычная мечта. Въ насъ самихъ, а не внѣ насъ мы должны искать свои идеалы: зародыши ихъ кроются въ присущихъ разуму силахъ и способностяхъ, въ этическихъ стремленіяхъ человѣческой природы, въ идеяхъ самоопредѣленія, свободы и вѣнчаемости, добра и зла, правды и неправды; словомъ, въ вѣчныхъ основахъ человѣческаго духа. Но конечно эти зародыши требуютъ ухода и сознательнаго развитія. Но какъ же имъ развиваться, когда наше мировоззрѣніе отрицаетъ ихъ въ самомъ корнѣ, когда даже въ лучшемъ случаѣ оно признаетъ ихъ лишь какъ призрачные продукты отвлеченія и фантазіи, а не какъ живыя силы и основы разума?

Какое же положеніе занимаетъ Лунсъ въ спорѣ между эмпирическою и аліоріорною философіей? Отвергая сенсуализмъ въ его грубой формѣ, онъ также не согласенъ съ аліоріорною доктриной. „Каждая школа, говоритъ онъ (I, 206), повела одну сторону истины и потому ихъ возможно примирить, если мы укажемъ общую имъ почву...“ До сихъ поръ, какъ мы видали, попытки Лунса примирить контрасты: метафизику съ позитивизмомъ, спиритуалистическое ученіе съ матеріалистическимъ, идеализмъ съ реализмомъ—оказались неудачными. Посмотримъ же каковъ будетъ успѣхъ новаго посредничества и въ чемъ собственно заключается это примиреніе.

XII. Взглядъ Льюиса на Опытъ и на априорныя идеи.

Ich sag' euch, gebt nur mehr, und immer, immer mehr,
So könnt ihr euch vom Ziele nie verirren.
Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen ist schwer.

Goethe.

Льюисъ энергически отвергаетъ всякую солидарность съ сенсуальною доктриной, утверждающею что чувства суть единственныя и притомъ *непосредственный* источникъ всякаго знанія. Но, отвергая грубую предпосылку этого ученія, онъ жаждетъ въ то же время сохранить въ полной неприкосновенности выводы и практическія послѣдствія его. Пусть наше знаніе не ограничено тѣсною сферою ощущенія, но наши помыслы и стремленія не должны заходить за предѣлы этой сферы — таковъ прямой смыслъ философіи предлагаемой намъ какъ „основы вѣрованія“ въ *Вопросахъ о Жизни и Душѣ*.

Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, можно согласиться съ выводомъ, не соглашаясь съ предпосылкой? Если мы признаемъ ошибочность положенія что $2 \times 2 = 5$, то неужели мы допустимъ вѣрность заключенія что $5 : 2 = 2$? Въ ариметикѣ конечно не принято позволять себѣ подобныя вольности; это значило бы людей смѣшивать; философія — совсѣмъ иная статья! Тутъ всякія противорѣчія и непослѣдовательности сходятъ съ рукъ, лишь бы прикрывались хитроумною діалектикой. Такъ напримѣръ Льюисъ, объявляя нецѣльнымъ ученіе сенсуализма будто $2 \times 2 = 5$, т.-е. будто ощущеніе есть прямой источникъ всякаго знанія, но все-мѣрно заботясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, о спасеніи морали этой доктрины, морали гласящей что $5 : 2 = 2$, т.-е. что чувственныя данныя должны быть признаны единственною нормою всякой дѣятельности, всякаго мышленія, прибѣгаетъ къ маленькой перестановкѣ главныхъ терминовъ проблемы. Отрицая узкую теорію исключительно и непосредственно чувственнаго происхожденія всѣхъ элементовъ знанія, онъ безусловно утверждаетъ *опытное* происхожденіе. Всякое знаніе, на его взглядъ, возникаетъ изъ опыта и есть „опытъ“.

Не будет ли это, въ указательной формѣ, то же самое что положеніе сенсуализма? Предвидя такое естественное возраженіе, Льюисъ прежде всего позаботился о надлежащемъ расширеніи понятія „опытъ“, о размежеваніи его отъ „ощущенія“ въ тѣсномъ смыслѣ. „Мы на самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ (I, стр. 258), не испытываемъ посредствомъ ощущенія и десятой доли того во что твердо вѣримъ и что знаемъ.“ И нѣсколько дальше: „Этотъ міръ представляетъ умственнымъ очамъ такіе предметы которыхъ не можетъ различить никакой тѣлесный глазъ...“ Въ добрый часъ! Эти признанія составляютъ несомнѣнный и существенный шагъ впередъ сравнительно съ чистымъ сенсуализмомъ. Вотъ теперь какъ Льюисъ опредѣляетъ совокупность того что слѣдуетъ подразумѣвать подъ *опытомъ* (I, стр. 28): „Экспериментальный (т.-е. опытный) методъ приводитъ въ систему все то что мы знаемъ; а область знаемаго гораздо обширнѣе области чувствуемаго. Элементы его составляютъ не только прямые свидѣтельства чувствъ, но и косвенные, доступные повѣркѣ выводы изъ полученныхъ впечатлѣній. Не одни пріобрѣтенныя мало-по-малу индивидуальныя наблюденія, но и опыты накопленный цѣлою расой, организованный въ языкъ, сосредоточенный въ орудіяхъ (?) и аксіомахъ (!) и въ томъ что можно назвать *наслѣдственными интуиціями* — вотъ что составляетъ сложную единицу выраженную въ отвлеченномъ терминѣ „опытъ“.

Какъ видите, мы-таки далеко ушли отъ области простыхъ воспріятій нашихъ пяти чувствъ! Если понятіе „опыта“ обогащается такими величинами каковы *аксіомы*, т.-е. непосредственно усматриваемыя истины, и *интуиціи*, т.-е. чистыя воззрѣнія разума, то эмпиризмъ становится раціонализмомъ, и самымъ щелетильнымъ сторонникомъ апіорной философіи; останется одно — сложить оружіе, объявить себя удовлетворенными и споръ улаженнымъ за полнымъ примиреніемъ сторонъ. Находя что сдѣланныхъ уступокъ мало, считая область „опыта“ еще недостаточно расширенною введеніемъ въ нее „аксіомъ“ да „интуицій“, Льюисъ высказывается еще болѣе размахисто въ слѣдующемъ мѣстѣ (II, стр. 228): „Къ сожалѣнію слово „опытъ“ употреблено въ такомъ неопредѣленномъ смыслѣ и вообще съ такимъ *недоказательнымъ* ограниченіемъ его областью

ощущеній что выводы эмпирической школы естественно казались (а не были?) узкими и даже просто *нелѣпыми*. А между тѣмъ *опытъ* представляет совершенно законное выраженіе для всего что систематизируетъ наука. Онъ есть продуктъ не только совокупнаго дѣйствія всѣхъ нашихъ способностей вызванныхъ къ дѣятельности всевозможными источниками возбужденія, включая сюда, рядомъ съ возбуждающими истинами (?), мечты, капризы и догадки (!), но представляетъ въ то же время продуктъ общественной жизни, накопившуюся сумму опытныхъ истинъ и догадокъ всего даннаго времени." Опытъ обнимающій собою „капризы, мечты, догадки“, далѣе — „аксіомы и возбуждающія (?) истины“; опытъ составляющій продуктъ „совокупнаго дѣйствія *всѣхъ* нашихъ способностей!“ Очевидно что такой всеобъемлющій опытъ включаетъ въ себя рѣшительно все: область ощущенія и область мышленія, факты и выводы, матеріалы и формы, элементы *a posteriori* и элементы *a priori*, чувственные данныя и логическіе процессы ума, словомъ—всякую идею, всякое знаніе, всякую даже способность. При такихъ громадныхъ обобщеніяхъ исчезаютъ всѣ прежніе контрасты и спорные пункты, исчезаетъ и самая возможность толковаго спора. Не трудно попасть выстрѣломъ въ цѣль, если цѣлью будетъ... безпредѣльная синева небесъ. Не мудрено подвести всякое знаніе подъ категорію опыта, если мы расширяемъ эту категорію до самыхъ фантастическихъ размѣровъ, на подобіе всеобхватывающаго безпредѣльнаго пространства. Весь вопросъ въ томъ, соответствуетъ ли Лисово опредѣленіе „опыта“ общепринятому въ философіи значенію этого термина? Признаютъ ли тѣ враждебныя школы которыя авторъ желаетъ „примирить“ такой широкій смыслъ за понятіемъ опыта, а главное принимаетъ ли хоть одна изъ воюющихъ сторонъ, именно эмпиризмъ, это опредѣленіе? Если *да*, то Лису не зачѣмъ было бы сѣтовать на „неопредѣленное употребленіе“ термина *опытъ*, на „недоказательное ограниченіе его областью ощущеній“, да на то что выводы эмпиризма „естественно казались узкими и просто нелѣпыми“. Если же *нѣтъ*—и дѣйствительно эмпирическая школа никогда не признавала безпредѣльно широкую дефиницію опыта какую даетъ Лисъ—то его толкованіе опыта не есть аргументъ въ пользу эмпиризма, а еще менѣе доводъ противъ аліор-

ной доктрины. Такой диалектической приемъ невольно налагиваетъ слѣдующій способъ аргументаціи: Положимъ что одна школа утверждаетъ что всѣ люди—негры, а другая опровергаетъ это положеніе, ссылаясь на существованіе кавказской и монгольской расы, краснокожихъ и пр. и пр. Между обѣими школами идетъ горячій споръ, причемъ обѣ стороны принимаютъ терминъ „негръ“ въ его настоящемъ смыслѣ, т.-е. какъ синонимъ чернокожаго, представителя африканской расы. Вдругъ передовому вождю ланнегритянской теоріи приходитъ счастливая мысль „примирить“ враждующія доктрины, и вотъ онъ заявляетъ слѣдующее: „Къ сожалѣнію слово *негръ* до сихъ поръ употреблялось въ такомъ неопредѣленномъ смыслѣ и съ такимъ недоказательнымъ ограниченіемъ его собственно африканскою расой что выводы ланнегризма естественно казались односторонними и даже нѣплыми. А между тѣмъ терминъ *негръ* представляетъ совершенно законное выраженіе для всей совокупности человѣческаго рода, ибо по моему разумнѣю негритянство обнимаетъ не только африканское племя, но также и равномѣрно малайскую, индо-китайскую, австралійскую, монгольскую, эскимосскую, словомъ всѣ человѣческія расы, со включеніемъ даже нѣкоторыхъ видовъ человѣкообразныхъ обезьянъ, и, буде сіе окажется необходимымъ—всего вообще царства животнаго, кромѣ однихъ лишь породъ ископаемыхъ. Ergo, наша школа безусловно права утверждая что *всѣ* люди—негры!“ И передовой вождь ланнегризма скромно празднуетъ свою побѣду и торжество своей доктрины. Но для прочности примиренія однако требуется чтобы нашъ негрофилъ впредь неуклонно держался своей новѣйшей дефиниціи и отнюдь не возвращался бы окольными путями къ прежнему толкованію словъ и понятій. Если терминъ „негръ“ на вашемъ языкѣ синонимъ понятія „человѣкъ“ вообще, то мы, не желая спорить о словахъ, согласны съ вами что всѣ люди негры, но съ тѣмъ формальнымъ условіемъ чтобы подъ этимъ согласіемъ ни прямо ни косвенно не подразумевалось признаніе съ нашей стороны происхожденія всего человѣческаго рода собственно отъ африканской расы. Точно такъ же апріорная доктрина можетъ преспокойно признать что всякое знаніе происходитъ изъ опыта и есть опытъ, пока терминъ этотъ будетъ имѣть то

необозримо широкое значеніе, какое придаетъ ему опредѣленіе Ланса; но лишь только эмпиризмъ отступитъ отъ этого толкованія, т.-е. при первой попыткѣ свести расширенное понятіе „опыта“ къ прежнимъ размѣрамъ, къ простому ощущенію, старый антагонизмъ вспыхнетъ снова и апріорная школа скажетъ: *rien n'est fait*, все остается по-прежнему. Насколько прочно и надежно примиреніе предлагаемое Лансомъ мы увидимъ сейчасъ.

„Сенсуальная гипотеза * можетъ быть принята, говоритъ авторъ (I, стр. 208), если подъ *чувствомъ* разумѣть чувствительность и законы ея дѣйствія. Такое опредѣленіе, обнимающее *всѣ* внѣшнія и внутреннія условія, расширяетъ, правда, значеніе термина и *сглаживаетъ* то самое различіе на которомъ настаивала другая школа; но за то оно подводитъ подъ рубрику чувствительности *всѣ* психическія явленія, и такимъ образомъ даетъ психологическому анализу возможность быть послѣдовательнымъ и исчерпать свой предметъ.“ Что жъ, хотя мы и не уполномочены подписать мирный трактатъ отъ имени апріорной философіи, но полагаемъ, однако, что эти условія могутъ быть приняты, если только въ нихъ не заключается обоюдности либо задней мысли. Еще въ главахъ VII и VIII настоящаго труда мы видѣли что Лансъ улобляетъ терминъ „чувствительность“ какъ синонимъ „сознанія“ или, вѣрнѣе, что для него первое понятіе, какъ болѣе обширное, совершенно включаетъ въ себя второе; и, хотя мы съ такою терминологіей не согласны, усматривая въ ней существенное и преднамѣренное смѣшеніе понятій, но собственно о *словахъ* спорить не намѣрены. Итакъ, коль скоро подъ тѣмъ что сенсуалисты называютъ „чувствомъ“ (или ощущеніемъ) эмпирическая школа съ Лансомъ во главѣ станетъ разумѣть „чувствительность и законы ея дѣйствія“, стало-быть также *сознаніе и законы его дѣятельности*; коль скоро это опредѣленіе обнимаетъ „*всѣ* внѣшнія и внутреннія условія“, т.-е. какъ возбужденія чувствъ такъ и умственные процессы и формы, то апріорная философія ни на минуту не задумается принять „сенсуальную гипотезу“, по той простой причинѣ что это будетъ.... *вовсе не* сенсуальная гипотеза, а

* Рѣчь идетъ о пресловутомъ положеніи: „въ умѣ нѣтъ ничего такого чего не было прежде въ ощущеніи“.

напротивъ, то самое основоположеніе которое она (априорная доктрина) всегда и неуклонно отстаивала противъ притязаній сенсуализма и эмпиризма: факторы знанія суть матеріалы доставляемые уму чувствами и „intellectus ipse“, т.е. логическіе процессы, прирожденные законы и формы самого ума, элементы вносимые имъ въ чувственный опытъ, въ разсудочно-познавательный процессъ—таково было, есть и будетъ ученіе априорной школы, и она готова признать это ученіе въ какой угодно скандальной и плохой формѣ оно ни будетъ вами предложено! Какъ бы то ни было, но Льюисъ можетъ похвастать что заручился согласіемъ априористовъ на поднесенную имъ исправленную „сенсуальную гипотезу“. Къ сожалѣнію болѣе чѣмъ сомнительно послѣдуетъ ли такое же согласіе со стороны противнаго лагеря, т.е. со стороны эмпиризма и гг. позитивистовъ *tutti quanti*; о сенсуалистахъ и говорить нечего: тѣ съ негодованіемъ и ужасомъ отвергаютъ свое собственное ученіе въ передѣланномъ видѣ; они и слышать не хотятъ ни о какомъ „сглаживаніи различій“, ни о какихъ смягченіяхъ и уступкахъ....

Перейдемъ затѣмъ ко второй статьѣ примирительнаго договора. Вотъ что говоритъ Льюисъ вслѣдъ за вышеприведеннымъ мѣстомъ (I, стр. 208): „Гипотезу школы *a priori* можно признать,* если подѣ уможъ разумѣть процессъ посредствомъ котораго различныя ощущенія группируются въѣтъ и образуютъ произведенія не похожія ни на одну изъ своихъ частей; а такъ какъ процессъ группированія можетъ распространяться съ элементовъ на группы, то послѣ нѣсколькихъ степеней развитія должны получаться произведенія до такой степени лишенные всякаго сходства съ первоначальными чувствованіями, что они будутъ казаться происшедшими изъ другаго, отличнаго источника. Въ такомъ смыслѣ ученіе *a priori* есть лишь новый и

* Рѣчь идетъ о положеніи „Nisi intellectus ipse“, утверждающемъ что познаніе образуется не только изъ чувственныхъ элементовъ, но также, притомъ необходимо, изъ априорныхъ элементовъ, независимыхъ отъ чувственного опыта, т.е. при самостоятельномъ участіи познавательной способности, подчиняющей чувственные данныя своимъ собственнымъ законамъ, придающей имъ свои собственныя формы и опредѣленія.

лучшій способъ выраженія сенсуальной доктрины.“ Мы согласны, мы принимаемъ гипотезу *a priori* такимъ образомъ выраженную! восклицаютъ единогласно всѣ сенсуалисты и сторонники эмпирической и позитивной школы. Примиреніе состоялось; всѣмъ распрямъ конецъ! Однакоже всякое примиреніе должно быть обоюдное; какъ же относится къ статьѣ второй Лисова трактата сторона ближайше заинтересованная, именно — послѣдователи апріорной доктрины? *Va t'en voir s'ils viennent!* Апріорная философія рѣшительно отвергаетъ подобное толкованіе своего ученія. Какъ! скажутъ ея представители, чтобы мы подъ *умомъ* „разумѣли“ какой-то механическій „процессъ группированія ощущеній“? Назвать *умъ* процессомъ, это еще куда ни шло; но мы вѣдь знаемъ что собственно обозначаетъ на вашемъ языкѣ слово „процессъ“. Еще въ *Психологическихъ Началахъ* было весьма ясно сказано что *умъ*, сознаніе и даже духъ суть „функциональный продуктъ“ (чего? конечно дѣятельности нервной ткани), либо *процессъ* „заключающійся въ группировкѣ нервныхъ единицъ“, каковою „единицею“ является де „колебаніе“. Тутъ же мы узнали о какихъ-то „вогнутой и выпуклой сторонахъ“ одного и того же шара, и какимъ образомъ „то что съ физиологической стороны будетъ просто (будто ужъ такъ просто?) нервнымъ процессомъ, становится, съ психологической стороны, *процессомъ мышленія*“. Но такъ какъ все это было изложено, положимъ весьма назидательно, но безъ малѣйшей попытки фактическаго или логическаго *доказательства*, то мы впредь до убѣдительной демонстраціи принуждены подъ *умомъ* разумѣть нѣчто отличное отъ „процесса группировки ощущеній“ въ томъ смыслѣ какъ вы это понимаете. Согласиться слѣдовательно съ *исправленною* вами формулой „гипотезы *a priori*“ мы, при всемъ желаніи, не въ правѣ и не въ состояніи; первое и послѣднее наше слово одно: *Non possumus!*

Что же это, однако, за странность? Выходитъ такимъ образомъ что сенсуалисты съ распростертыми объятіями принимаютъ Лисову „апріорную“ теорію, но открепиваются отъ его же „сенсуальной“ доктрины, тогда какъ апріористы, наоборотъ, съ величайшею готовностью согласны съ „сенсуальною“ гипотезой Лисова, но безусловно отвергаютъ его „апріорное“ ученіе! Ну стоило

ли изъ-за подобнаго результата все перевернуть вверх дномъ? Прежде по крайней мѣрѣ все было ясно: каждая сторона знала что хочетъ и противъ чего ратуетъ. А теперь что? эмпиризмъ станетъ громить сенсуальное учение и стоять за правду *априорную*, а школа а priori сочтетъ за священную обязанность сокрушать априорную гипотезу (новаго фасона) и всемѣрно отстаивать *сенсуальную* (съ дополненіями) теорію. Ergo, роли переменялись, но все впрочемъ остается попрежнему, и самый вопросъ о происхожденіи знанія преблагополучно обрѣтается въ statu quo ante. Изъ-за чего же было мутить ясную воду, и кого собственно лукавый философъ коварнаго Альбіона желалъ поймать на свою диалектическую удочку? Неужели кого-либо кромѣ поклонниковъ „последнихъ словъ науки“, т.-е. кромѣ тѣхъ кто, по словамъ автора, „вслѣдствіе природнаго предрасположенія и (недостаточнаго?) образованія склонны встрѣчать сочувственно новыя идеи“ и, прибавимъ мы отъ себя, новыя фразы искусно маскирующія старое невѣжество? Что жъ, разчетъ вѣрный, ибо этотъ классъ читателей, по своей численности, представляетъ весьма почтенный контингентъ. Но за то всѣ серьезные и сколько-нибудь самостоятельно мыслящіе сторонники какъ эмпирически-позитивной, такъ и априорной философіи отсесутся къ „примирительной“ попыткѣ Луиса не иначе какъ съ улыбкой: вѣдь великія проблемы философіи не рѣшаются же въ самомъ дѣлѣ, основныя контрасты не сглаживаются невинною игрой въ двусмысленности, да еще такія прозрачныя!

Однимъ пунктъ однако среди этой софистической игры словами заслуживаетъ полнаго вниманія: это то что рѣшительный адептъ крайняго эмпиризма, каковъ Луисъ, вообще счелъ за нужное пуститься въ двусмысленности и компромиссы. Съ какой стати, ради чего ему понадобилось выдумать какіе-то средніе термины, предложить кажущіяся уступки априорной доктринѣ, словомъ, принять на себя роль „примирителя“? Не оттого ли что несостоятельность сенсуальной и эмпирической точекъ зрѣнія стала ужъ слишкомъ очевидна и обнаружилась черезчуръ рѣзко? Что „ощущеніе“ въ тѣсномъ или широкомъ смыслѣ, что даже все то что эмпиризмомъ включается въ понятіе „опытъ“ не достаточно для объясненія *всѣхъ* психическихъ явленій, не въ

состояніи дать отчетъ въ умственныхъ способностяхъ, въ мыслительной дѣятельности человѣка — это всегда утверждалось рациональною философіей, и нынѣ окончательно выяснилось какъ результатъ и выводъ даже строго-опытной психологіи. Какое бы важное значеніе мы ни придали чувственнымъ впечатлѣніямъ въ процессъ образованія представлений и понятій, какъ бы высоко ни цѣнили роль матеріала доставляемаго уму чувствами, все же самый фактъ мышленія, законы разсудочной дѣятельности, основы разума, остаются неразъясненными. Расширенное до крайнихъ предѣловъ возможнаго понятіе *опыта* все-таки не включаетъ и никогда не будетъ включать въ себя *всѣхъ* элементовъ знанія и человѣческаго духа; элементы предваряющіе и обуславливающіе самый опытъ, словомъ *априорные* элементы всегда останутся внѣ его сферы. * Какъ ни прискорбна (съ точки зрѣнія эмпирически-позитивныхъ традицій) эта истина, но дѣлать нечего, пришлось скрѣпя сердце признать ее; и вотъ даже Луисъ допускаетъ, какъ мы видѣли, что „мы не испытываемъ посредствомъ ощущенія и десятой доли того что можемъ доказать предъ воззрѣніемъ“, что вселенная представляетъ „умственнымъ очамъ такіе предметы которыхъ не можетъ различить никакой тѣлесный глазъ“ и пр. Но этого мало: оправдывая пословицу: *Il n'y a que le premier pas qui coûte*—Луисъ не останавливается на полдорогѣ уступокъ и прямо, что называется наотрѣзъ, объявляетъ о существованіи *идей а priori, врожденныхъ* формъ ума.

Быть не можетъ! воскликнуть озадаченные поклонники автора *Истории Философіи*. Вѣдь это было бы ужъ не просто „перемѣной фронта“, а явнымъ отступничествомъ, непро-

* Само собою разумѣется что расширеніе понятія за извѣстные предѣлы будетъ уже не расширеніемъ, а уничтоженіемъ понятія, или по меньшей мѣрѣ произвольнымъ замѣщеніемъ одного понятія другимъ. Такого рода эскамотажъ представляетъ приведенное въ началѣ этой главы новѣйшее опредѣленіе „опыта“, заключающее въ себѣ радикальное и совершенно произвольное измѣненіе общепринятаго значенія слова и самаго понятія „опыта“, причемъ такой діалектической фокусъ маскируется сохраненіемъ прежняго термина, какъ будто не произошло никакой перетасовки и рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же. *Аст.*

стительною измѣной самихъ основоположеніямъ позитивизма. Вотъ однако подавленные слова Льюиса (I, стр. 211): „Законы мысли, или точнѣе умственные формы *прирождены* намъ и въ этомъ смыслѣ существуютъ *a priori*.“ Кажется коротко и ясно. Однимъ почеркомъ пера сенсуализмъ порпанъ ногами, эмпиризмъ отринуть, позитивизмъ поруганъ! Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается что дѣло вовсе не такъ страшно какъ кажется съ перваго взгляда. Негодованіе позитивистовъ было бы преждевременнымъ, ибо авторъ—великій мастеръ въ искусствѣ отнимать шуйцей то что дада его десница. За прогрессомъ у него немедленно слѣдуетъ регрессъ, за акціею—реакція. Отвергнувъ безусловно сенсуальное ученіе, утверждающее исключительно-чувственное происхожденіе знанія; поразивъ въ сердце эмпирическую доктрину немилосерднымъ растягиваніемъ и противуестественнымъ раздуваніемъ понятія „опыта“; поднявъ явный бунтъ противъ опытной философіи отрицаніемъ ея кореннаго догмата и признаніемъ—*horribile dictu*—*врожденности* законовъ мысли, *апріорности* умственныхъ формъ; словомъ, сжегши то чему прежде поклонялся и совершивъ наступленіе до самаго центра позитивизма—Льюисъ вдругъ слохватился и поставилъ: немедленно произвести отступленіе; вновь поклоняться тому что только-что сжегъ; взвалить признанную „врожденность“ законовъ мысли да „апріорность“ умственныхъ формъ на активъ растяженнаго „опыта“; затѣмъ суживать раздутый „опытъ“ до скромныхъ размѣровъ признаннаго эмпирическою школою нормальнаго „опыта“: свести и этотъ минимумъ „опыта“ къ *ощущенію*, доказать исключительно-чувственное происхожденіе знанія и, совершивъ такимъ образомъ обратное движеніе до конца, до исходной точки, броситься въ распростертыя объятія чистаго.... сенсуализма. Какимъ же образомъ производится такой замѣчательный стратегическій лассажъ, этотъ единственный въ лѣтописяхъ философіи маневръ, которому на русскомъ языкѣ нѣтъ подходящаго спеціальнаго названія и который по-французски обозначается техническимъ выраженіемъ „*tergiversation*“? Объясненіе этого постеленнаго отступленія и бланкетальнаго регресса будетъ въ то же время объясненіемъ истиннаго мнѣнія автора насчетъ занимающаго насъ вопроса, его подливной теоріи происхожденія знанія, ибо

всѣ прежнія его уступки и „примарительныя“ предложенія были не иное что какъ военная хитрость, простое tromperie, словомъ, искусная, но все же слухкомъ прозрачная игра словами.

Вслѣдъ за приведеннымъ выше категорическимъ заявленіемъ что „законы мысли или, точнѣе, умственные формы прирѣждены намъ и существуютъ а priori,“ Луисъ выставляетъ слѣдующую *поправку* (I, стр. 211): „Но они (то-есть законы мысли и пр.) составляютъ такую же существенную часть опыта какою можетъ быть всякое отдѣльное воспріятіе, сужденіе или прибрѣтенная способность.“ Другими словами: сокровенная суть алріорныхъ, то-есть независимыхъ отъ опыта элементовъ познанія заключається въ томъ что они *вовсе не* алріорны, а напротивъ, вполне зависятъ отъ опыта! Такъ зачѣмъ же было называть и признавать ихъ алріорными? Впрочемъ, если мы припомнимъ данное Луисомъ роскошное опредѣленіе опыта, то этотъ первый шагъ назадъ еще не особенно важенъ: коль скоро опытъ обнимаетъ собою „совокупное дѣйствіе всѣхъ способностей, возбуждающія истины, аксіомы, выводы, догадки“ и пр. и пр., то ясно что въ его исполнскую сферу входятъ также умственные формы, законы мысли; но въ такомъ случаѣ не слѣдовало называть послѣднихъ алріорными. А вотъ теперь второй шагъ по линіи отступленія: „Все отличіе ихъ (то-есть прирѣжденныхъ законовъ и формъ ума), читаемъ мы далѣе, состоитъ только въ томъ что они по большей части (?) принадлежатъ опыту *предковъ* (!), составляютъ *ощущенія* зарегистрированныя (??) въ видоизмѣненіяхъ строенія, передаваемыхъ отъ родителей дѣтямъ.“ Итакъ опытъ-великанъ незаметно и благополучно съежился до размѣровъ „зарегистрированныхъ“ ощущеній. А что такое „зарегистрированныя ощущенія“, да еще „опыта предковъ“; что это за новости? спросить читатель. Это вовсе не новости, bien au contraire; это почтеннѣйшія древне-ветхія учрежденія, отчасти, правда, выдуманная Луисомъ, но за то теряющіяся въ густѣйшемъ мракѣ не просто вѣковъ, а безчетныхъ тысячелѣтій! Что касается, во-первыхъ, „опыта предковъ“, то это совсѣмъ не то что можетъ предполагать простой смертный: рѣчь не идетъ о мудрости, заблужденіяхъ, мысляхъ и произведеніяхъ нашихъ предковъ, вѣсть о которыхъ дошла до насъ путемъ устнаго или письменнаго преданія;

мѣтъ, мудрость предковъ, хотя и не есть наше изобрѣтеніе, но составляетъ не ихъ, а нашъ личный опытъ, поскольку мы усваиваемъ ее сознательно, т.-е. собственнымъ трудомъ, чтеніемъ, изученіемъ и пр. Но то что Лусъ называетъ „опытомъ предковъ“—совсѣмъ иная статья; это не то что они передали намъ въ традиціяхъ, памятникахъ, учрежденіяхъ, книгахъ, а то что передали своимъ потомкамъ непосредственно, въ *физическомъ организмѣ*, въ *строении нервной системы*. Однимъ словомъ, „опытъ предковъ“ то же самое что и „зарегистрированныя ощущенія“. А это что такое? спросите вы. Вотъ изволите видѣть: Мы съ вами, читатель, переиспытала на нашемъ вѣку изрядное количество впечатлѣній и разнообразѣйшихъ ощущеній; мы кое-что видѣли, кое-чего наслышались, кое-чему учились; были и есть у насъ разныя чувствованія, желанія, представленія, понятія. Все это въ совокупности составляетъ нашъ личный, нами же благопріобрѣтенный *опытъ*. Но кромѣ наличныхъ мыслей и представленій, кромѣ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, кромѣ всѣхъ матеріаловъ, которые чувства доставили нашему уму, мы обладаемъ еще самымъ умомъ: ему свойственны извѣстныя основныя формы, извѣстные законы по которымъ онъ усваиваетъ чувственныя данныя, преобразуетъ ихъ въ понятія и эти послѣднія, въ свою очередь, комбинируетъ въ сужденія, умозаключенія, въ сложныя системы идей и т. д. Очевидно что эти формы и законы ума для насъ никогда не были ощущеніями; даже Лусъ признаетъ что они существуютъ а priori, *прирождены* намъ. Но суть дѣла заключается въ томъ, что эти формы и законы ума достались намъ отъ предковъ, въ видѣ наследственной передачи *извѣстныхъ* (читай: совершенно неизвѣстныхъ) органическихъ особенностей нервной ткани. Откуда же, спрашиваете вы, достались нашимъ предкамъ-то таковыя особенности нервной ткани равносильныя съ умственными законами? Какъ откуда? очень просто, отъ ихъ пра-прадѣдовъ! А этимъ пра-прадѣдамъ? Отъ ихъ предковъ! А этимъ отдаленнѣйшимъ предкамъ? Отъ ихъ еще болѣе отдаленныхъ пра-прадѣдовъ и такъ далѣе до бесконечности. Это то же самое что знаменитая исторія про курицу и яйцо: курица произошла изъ яйца, а яйцо отъ курицы; эта курица опять произошла изъ яйца, а это яйцо равномерно отъ курицы, и такъ далѣе. Вопросъ, скажите вы, вовсе не въ

томъ, могли-ли приращенные элементы ума быть переданы намъ по наслѣдству, вмѣстѣ съ нервнымъ строеніемъ, а въ томъ: какъ возникли первоначально эти элементы, эти формы и законы ума, какъ возникъ самъ человѣческій умъ? Въѣдъ однимъ нагораживаніемъ цифръ вѣковъ, перечисленіемъ фантастическаго ряда поколѣній предковъ, безконечнымъ регрессомъ въ нѣдра прошлой вѣчности, разъясненіе этого вопроса не подвигается ни на шагъ впередъ; проблема остается столь же непостижимою какъ была и прежде. Къ счастью это затрудненіе устраняется Луисомъ наудовлетворительнѣйшимъ образомъ; развязка загадки заключается весьма *просто* въ слѣдующемъ: То что лично для насъ съ вами никогда не было, да и не могло быть ощущеніемъ и опытомъ, то что намъ, слѣдовательно, *прирождено*, какъ-то: логическіе законы мысли, идеи субстанціи, причинности, времени и т. д., — все это было когда-то, во время оно, ощущеніемъ, чувственнымъ впечатлѣніемъ, т.-е. опытомъ нашихъ предковъ. Эти *чувственные впечатлѣнія* субстанціи, причинности и пр., эти *ощущенія* логическихъ законовъ и формъ ума произвели, разумѣется, соответственныя измѣненія въ нервномъ строеніи и были надлежащимъ образомъ занесены, „зарегистрованы“ въ организмъ предковъ, а затѣмъ переданы счастливому потомству, въ томъ числѣ и намъ, вмѣстѣ съ видоизмѣненнымъ нервнымъ строеніемъ и съ соответствующими особенностями организма. И вотъ вамъ „зарегистрованный опытъ предковъ“, которымъ мы нынѣ благополучно владѣемъ, сами того не подозрѣвая, въ силу и въ видѣ перешедшихъ къ намъ по наслѣдству особенностей нашей нервной системы. Понимаете ли теперь? Нѣтъ? Ну, понимать не зачѣмъ, лишь бы повѣрили; въѣдъ Луисъ предупредилъ же что его ученіе представляетъ основы „вѣрованія“, а вовсе не *знанія*. Во всякомъ случаѣ обратный путь отъ рационализма до сенсуализма пройденъ авторомъ до конца: апріорныя формы мысли, приращенные законы ума сводятся для насъ на „зарегистрованный“, т.-е. унаслѣдованный въ нервной структурѣ „опытъ предковъ“, а для нихъ — на простое ощущеніе. Всякая мысль, всякое знаніе, всякая способность есть или были нѣкогда чувственнымъ опытомъ. Вся разница между этимъ и сенсуальнымъ ученіемъ въ томъ что послѣднее упустило изъ виду оговорку: „или были нѣкогда“,

де знаменитыхъ „предковъ“. Впрочемъ, мысль автора со всею возможною опредѣленностью высказана въ слѣдующей парадѣ (II, стр. 206): „То что называютъ мыслью есть ощущение въ символической формѣ (*sensation transformée* Кондильяка); эти символы должны быть истолкованы (перетолкованы?) данными ощущения, прежде чѣмъ могутъ быть признаны (Льюисомъ и его школой?) за умственные эквиваленты вещей, подобно тому какъ ощущенія суть чувственные эквиваленты качествъ; *вся помята, даже самая отвлеченная, были первоначально ощущениями.*“

Противъ всей этой простой теоріи можно было бы, правда, выставить цѣлый рядъ столь же простыхъ, но тѣмъ не менѣе довольно щекотливыхъ вопросовъ, хоть напримѣръ въ слѣдующемъ родѣ: Сколько приблизительно милліоновъ лѣтъ тому назадъ и при какихъ условіяхъ нервной организациі могли наши отвлеченныя понятія истины, безконечности, духа, причины и тому подобныя—быть „ощущеніями“? Но этотъ вопросъ неумѣстенъ, такъ какъ Льюисъ вовсе не утверждаетъ возможность, а только фактъ, т.-е. *дѣйствительность* такихъ невѣроятныхъ ощущеній; а это вѣдь большая разница; къ тому же онъ не опредѣляетъ даже приблизительно влоху и органическія условія первоначальныхъ ощущеній истины, духа, безконечности и т. д., а напротивъ, безусловно предоставляетъ эти подробности собственному воображенію благосклоннаго читателя; а это, какъ хотите, великодушно. Второй вопросъ: Какими судьбами могли наши почтенныя „предки“ (допотопной формациі) получать *чувственные впечатлѣнія* основныхъ формъ чувствительности, логическихъ законовъ мысли, и „зарегистровать“ таковыя въ строеніи своей нервной системы, съ передачей „регистратуры“ своимъ отдаленнѣйшимъ потомкамъ? Но вѣдь олять-таки Льюисъ не говоритъ что это было возможно, а просто утверждаетъ что такъ на самомъ дѣлѣ было, что далеко не одно и то же. Третій вопросъ: Игнѣ въ виду что по ученію самого же автора наши наиболѣе отвлеченныя понятія, какъ-то: *духа, матеріи, причины, силы* и пр. не имѣютъ никакой внѣшней, объективной реальности и суть не что иное какъ *иллюзіи ума*, продукты мышленія, спрашивается: какимъ чудомъ могли эти „отмеченныя понятія“, эти безплотные миражи ума воздѣйствовать внѣшнимъ образомъ на чувства блаженной памяти

предковъ нашихъ, стать для нихъ „ощущеніемъ“? Это ужъ что-то очень невѣроятно и даже баснословно! Четвертый вопросъ: Для возможности всякаго какого-бы то ни было ощущенія, всякой какой бы то ни было мысли необходимо требуется существованіе *готовыхъ* условій чувствительности, готовыхъ и дѣйствующихъ уже умственныхъ законовъ; гдѣ нѣтъ этихъ условій, гдѣ отсутствуютъ эти законы, тамъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи объ ощущеніи и мысли. Если же апріорные элементы, то-есть самыя условія чувствительности и законы сознанія были нѣкогда опытомъ, т.-е. „ощущеніемъ“ предковъ, то чѣмъ обуславливалась для нихъ возможность таковыхъ сверхчувственныхъ ощущеній? стало-быть у нихъ *были уже* свои, конечно *иныя условія и законы* чувствительности? Ибо безъ этого никакъ нельзя; ex nihilo nil fit, что было также истинно въ злоху доблестныхъ „предковъ“, то-есть приблизительно тридцать три милліона лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь. Пятый вопросъ... впрочемъ нѣтъ, довольно, тѣмъ болѣе что Луисъ съ похвальною скромностью отказывается отъ всякой попытки отвѣчать даже на первые четыре вопроса, руководствуясь, должно полагать, мудрыми правилами: много будешь знать, скоро состарѣешься.

Подробно опровергать Луисову гипотезу о „регистрованныхъ ощущеніяхъ“ и сверхестественномъ „опытѣ“ допотопныхъ „предковъ“ нѣтъ надобности, такъ какъ посвятить *изложенію* своей гипотезы весьма изрядное количество страницъ, авторъ нашелъ что представить хоть малѣйшее *доказательство* значило бы злоупотреблять терпѣніемъ благосклоннаго читателя. Поэтому мы напрасно стали бы искать въ его книгѣ хоть бы намека на логическое или фактическое доказательство этой теоріи. Да и то сказать, единственный критерій истины признанный Луисомъ, „сведеніе вывода на конкретныя чувственныя данныя“, опять-таки (какъ бывало и прежде!) совершенно непримѣнимъ къ его гипотезѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ показать нашимъ чувствамъ, что законы умственной дѣятельности современнаго человека были когда-то „ощущеніями“ его пра-прадѣдовъ; а возобновить въ нашу пользу и назиданіе эти пра-прадѣдовскія ощущенія, заставить насъ обонять, осязать, вкусить *идеи* субстанціи, причины, силы и пр., равномѣр-

но невозможно; вѣдь на то они „зарегистрированы“ чтобы вновь не могли стать простымъ ощущеніемъ! Благодаря такому стеченію обстоятельствъ теорія Льюиса должна остаться (да и отлично обойдется) безъ доказательства, но за то и безъ опроверженія: на вѣтъ, какъ извѣстно, и суда вѣтъ.

XIII. Необходимыя истины.

Du musst verstehn!
 Aus Eins mach'zehn,
 Und zwei lass'gehn,
 Und drei mach gleich,
 So bist du reich.,
 Und Neun ist Eins,
 Und Zehn ist keins,
 Das ist das Hexen-Einmal-Eins.
Goethe.

Обзоръ доктрины Льюиса объ опытѣ былъ бы нелопольз есаибы мы не уломянули о томъ какъ онъ распоряжается такъ-называемыми „необходимыми“ идеями. Еще Лейбницъ, въ своихъ возраженіяхъ противъ ученія Локка, указалъ на коренное различіе существующее между понятіями и сужденіями а priori съ одной и понятіями и сужденіями опытными (а posteriori) съ другой стороны: первыя мыслятся какъ всеобщія и необходимыя, вторымъ свойственъ характеръ частности и случайности. Въ *Критикѣ Чистаго Разума* Кантъ формулируетъ это различіе слѣдующимъ образомъ: „Опытъ указываетъ намъ на тѣ или другія свойства предметовъ, но не ручается чтобъ иначе не могло и быть. Слѣдовательно если: 1) сужденіе мыслится какъ необходимое, то оно есть а priori; если сверхъ того оно и выведено можетъ быть только изъ необходимаго, то оно есть сужденіе безусловно а priori; 2) всеобщность сужденій опыта всегда только принимается на вѣру, есть сравнительная, но не строго достовѣрная (наведеніе); собственно говоря она означаетъ: на основаніи собственныхъ наблюденій мы можемъ сказать что вѣтъ исключенія изъ того или другаго правила. Напротивъ, если сужденіе мыслится строго всеобщимъ, то-есть не допускается въ немъ возможности исключеній, то оно безусловно а priori, а не выведено изъ опыта. Всеобщ-

ность опыта слѣдовательно имѣть источникомъ своимъ произволъ преувеличивающій значеніе сужденія: изъ приложимости его въ нѣкоторыхъ случаяхъ выводится приложимость ко всемъ; таково сужденіе: всѣ тѣла имѣютъ тяжесть. Тамъ же гдѣ строгій характеръ всеобщности принадлежитъ сужденію по существу, всегда слѣдуетъ предполагать особый источникъ его происхожденія, именно способность познанія а priori. Итакъ, необходимость и всеобщность суть вѣрные признаки познанія а priori и нераздѣльны одна отъ другой.“

Это основоположеніе критики великаго философа осталось въ полной силѣ и донынѣ; никакія возраженія не были въ состояніи поколебать его. Всѣ усилія эмпирической школы вывести всеобщія и необходимыя сужденія изъ опыта оказались тщетными. Пытались объяснить происхожденіе необходимыхъ идей, рассматривая ихъ то какъ продуктъ отвлеченія, то какъ результатъ обобщенія чувственныхъ данныхъ, то какъ „нерасторжимыя ассоціаціи идей“ (Стюартъ Милль и другіе); но въ концѣ-концовъ всѣ эти объясненія оказались недостаточными. *Nul ne peut donner que ce qu'il a*; чувственный опытъ не можетъ дать намъ то чего въ немъ не заключается: ощущеніе по самой природѣ своей носитъ характеръ частности, ограниченности, случайности, въ томъ смыслѣ, конечно, что данное въ ощущеніи не представляетъ для нашего ума ничего логически необходимаго. Возьмите одно ощущеніе, возьмите десять, возьмите тысячи; сравните, отвлеките, обобщайте, а въ результатъ вы все-таки никогда не получите того чего нѣтъ въ принципѣ, то-есть въ самомъ ощущеніи; вы никогда не получите всеобщихъ и необходимыхъ сужденій. Если же умъ своею собственною дѣятельностью способенъ извлечь изъ частныхъ и случайныхъ данныхъ чувственнаго опыта необходимыя и всеобщія понятія, то эта удивительная способность и представляетъ именно элементъ познанія а priori.

Впрочемъ, всячески стараясь произвести необходимыя идеи изъ чувственнаго опыта, настойчиво отрицая ихъ апіорность, всѣ, даже самые крайніе эмпирики, признали и признаютъ существенное различіе между всеобщими и частными, между необходимыми и случайными сужденіями. Въ самомъ дѣлѣ, сравните между собою предложенія выставенныя подъ нижеслѣдующими двумя рубриками:

I. Всякое измѣненіе должно имѣть причину. $2 + 1 = 3$. Цѣлое больше всякой своей части.

II. 20го мая 1850 года въ Лондонѣ шелъ дождь. Книга Дж. Г. Льюиса издана въ 5.743 экземплярахъ. Земля обращается около своей оси въ 24 часа. Сѣра плавится при 115° и имѣетъ удѣльный вѣсъ 1,98.

Характеръ самоочевидности сужденій приведенныхъ подъ рубрикой I сразу бросается въ глаза: согласіе наше съ этими предложеніями непосредственное, вынужденное; сомнѣніе или противорѣчіе тутъ немыслимо; этого мало; никакимъ усиленіемъ воображенія или мысли мы не въ состояніи представить себѣ чтобы когда-либо, гдѣ бы то ни было, при какихъ угодно обстоятельствахъ, $2 + 1$ могло составить не 3, чтобы часть была больше цѣлаго и т. д. Словомъ, эти сужденія мыслятся намъ безусловно необходимыми, абсолютно всеобщими, къ тому же не требующими никакихъ доказательствъ. То ли можно сказать о предложеніяхъ выставленныхъ подъ рубрикой II? заключается ли въ отрицаніи всѣхъ этихъ положеній хоть малѣйшее внутреннее противорѣчіе? Нисколько. Если вы скажете: 20го мая 1850 года дождя не было въ Лондонѣ; книга Льюиса издана не въ 5.743, а въ 8.000 экземпляровъ; земля обращается около своей оси въ 23 часа 58 минутъ и т. д.—то все это такъ же мыслимо и возможно какъ и тѣ предложенія которыя вы отрицаете или измѣняете; достовѣрность тѣхъ и другихъ не можетъ быть непосредственно усмотрѣна, а требуетъ доказательства. Но если даже, на основаніи фактическихъ доказательствъ, вы допустите истинность предложеній подъ рубрикой II, то и тогда они не будутъ представляться вашему уму съ характеромъ всеобщности и логической, внутренней необходимости. Убѣдившись въ достовѣрности фактовъ вы все-таки не видите отчего эти факты *должны* быть именно таковыми, и безъ всякаго труда можете мыслить ихъ иными. Вамъ такъ же легко представить себѣ что земля обращается около своей оси въ 12 или 20 или 30 часовъ, вмѣсто 24хъ, что книга была напечатана въ 300, или 800, или 20.000 экземпляровъ, вмѣсто 5.743; что сѣра плавится при 120 градусахъ вмѣсто 115, и такъ далѣе. Это такъ ясно и очевидно что никто до сихъ поръ и не думалъ оспаривать разницу между необходимыми и случайными сужде-

ніями; честь „перваго отрицанія“ безспорно принадлежитъ автору *Вопросовъ о Жизни и Духѣ*.

Какъ и всѣ послѣдователи эмпирической школы, Льюисъ, разумѣется, производитъ всеобщія и необходимыя идеи изъ чувственнаго опыта (не личнаго, правда, а наслѣдственнаго, „зарегистрованного“) и не допускаетъ возможности чтобъ эти идеи могли получать свое начало не внѣ, въ законахъ чувственнаго міра, а внутри, въ законахъ самого духа. Но этого мало; Льюисъ даже совершенно отвергаетъ „пресловутое различіе между случайностью предложенія въ одномъ случаѣ и необходимостью его въ другомъ“ (I, стр. 388). Никакой разницы, на его взглядъ, тутъ нѣтъ, а сужденіе: „сахаръ сладокъ“, также необходимо и всеобще истинно какъ напримѣръ предложеніе: „каждое дѣйствіе должно имѣть причину.“ Какимъ же образомъ, во имя какой логики доходитъ авторъ до этого изумительнаго заключенія? Очень просто; логика тутъ не причесть; гдѣ логика безсильна, тамъ на выручку всегда готовъ... *софизмъ*, гдѣ аргументаціи не хватаетъ, тамъ мѣсто... *престижитаціи*. На мѣсто термина „сужденіе“, Льюисъ незамѣтно ставитъ терминъ „истина“, понятіе „субъективной необходимости мышленія“ замѣняетъ понятіемъ „объективной необходимости реальнаго бытія“, и *le tour est joué!* Вся постановка вопроса, весь смыслъ проблемы отъ этого кореннымъ образомъ измѣняется.

Что утверждаетъ Кантъ и, вмѣстѣ съ нимъ, апріорная философія? Просто то что нѣкоторые сужденія мыслятся какъ необходимыя и всеобщія. Замѣтьте выраженія: „сужденія“... „мыслятся“, ибо это весьма важно; во всей *Критикѣ Чистаго Разума* вы ни разу не найдете выраженія: *необходимыя истины*. Рѣчь, очевидно, идетъ вовсе не о вѣдѣнной, фактической, объективной необходимости, но о необходимости внутренней, логической, субъективной. Говоря что такіа-то сужденія „мыслятся какъ необходимыя“, философъ оставляетъ совершенно нерѣшеннымъ вопросъ объ объективной истинѣ, о вѣдѣнной реальности того что составляетъ содержаніе этихъ сужденій; онъ только утверждаетъ что *для насъ*, для нашего мышленія, для человѣческаго разума они представляютъ характеръ логической необходимости, въ смыслѣ совершенной невозможности противорѣчащихъ сужденій. Называя, съ другой стороны, „случайными“ предложенія въ родѣ: солнце свѣтитъ, земля шаро-

образна, вода образуется изъ соединенія кислорода и водорода, и пр., и пр., философъ и не думаетъ утверждать будто случайность заключается въ самихъ фактахъ составляющихъ предметъ этихъ сужденій, будто законы природы сами по себѣ случайны, не необходимы. Рѣчь опять-таки идетъ о томъ что всѣ эти *и имъ подобныя предложенія случайны собственно для насъ, для человѣческаго разума: они не представляются *нашему мышленію* съ характеромъ необходимости; всѣ эти и подобные факты мы можемъ мыслить и представить себѣ совершенно иными чѣмъ они на самомъ дѣлѣ есть; если намъ вдругъ скажутъ что вода образуется изъ соединенія трехъ, а не двухъ газовъ, то въ этомъ не будетъ никакого внутренняго, логическаго противорѣчія, ни малѣйшей немыслимости.

Итакъ, въ ученіи противъ котораго ратуетъ нашъ авторъ, предикаты *необходимости* и *случайности* принимаются явно и исключительно въ субъективномъ смыслѣ, обозначая не иное что какъ различные модусы мышленія, причемъ неизмѣнно прилагаются къ „сужденіямъ“, а вовсе не къ „истинамъ“. И это съ ясностью и опредѣленностью исключаящими всякую возможность недоразумѣнія. А вдругъ Луисъ превращаетъ *сужденія* въ *истины*, переноситъ на послѣднія предикаты необходимости и случайности и, главное, придаетъ этимъ предикатамъ вмѣсто субъективнаго, чисто объективное значеніе, ставя на мѣсто логической необходимости *мышленія* фактическую необходимость реального бытія!

При новомъ и совершенно произвольномъ толкованіи какое придаетъ Луисъ основнымъ терминамъ проблемы, ему не трудно доказать что истина предложенія: „Сахаръ сладокъ“ столь же необходима какъ истина предложенія: „Всякое дѣйствіе должно имѣть причину“. Истина въ объективномъ смыслѣ не можетъ не быть необходимою, смѣшно даже и говорить о „случайныхъ“ истинахъ. Знакомый, положимъ, вамъ скажетъ: „Въ среду я былъ въ театрѣ, шла *Норма*; при входѣ въ залу я встрѣтилъ г. N“. Что жъ, сомнѣваться въ достовѣрности этого сообщенія вы не имѣете повода, но все же оно не навязывается вашему мышленію съ неотразимою, принудительною силою, и вы отлично можете себѣ представить что передаваемые вамъ факты не имѣли мѣста или произошли иначе. А если, спустя десять

минуть, тотъ же знакомый вамъ окажется: „Виновать, ошибся: въ театрѣ я былъ не въ среду, а во вторникъ; давали *Травиату*, а не *Норму*; при входѣ я встрѣтился съ г. М., а не съ г. N.“, то это измѣненное показаніе окажется столь же вѣроятнымъ и возможнымъ какъ и первое; но и эти факты конечно не представляются вашему уму какъ необходимость. Былъ ли вашъ знакомый въ театрѣ въ тотъ или другой день, шла ли та или другая опера, встрѣтился ли онъ съ тѣмъ или другимъ господиномъ, все это обстоятельства чисто случайныя, которыя могли произойти и такъ и иначе, или даже совсѣмъ не произойти. Но если они дѣйствительно имѣли мѣсто, то нельзя, конечно, назвать „случайною“ истину этихъ фактовъ, ибо совершившійся фактъ можетъ быть самъ по себѣ случайный, но его истинность необходима именно въ силу того что онъ совершился. Истина есть то что есть и потому предикатъ „случайности“ къ ней совершенно непримѣнимъ. Такимъ образомъ побѣдоносная аргументація Луса о томъ что „всякая истина необходима“ доказываетъ лишь то въ чемъ никто рѣшительно не сомнѣвается, и не опровергаетъ ровно ничего, менѣе же всего положенія апріорной школы. Последняя говоритъ о необходимости съ которою *мыслятся* извѣстныя сужденія, а авторъ рассуждаетъ о фактической необходимости объективной истины, а это—двѣ вещи существенно различныя! Правда, люди знакомые съ постановкой вопроса только по изложенію самого автора (а къ этой многочисленной категоріи читателей онъ очевидно и обращается), могутъ придти къ заключенію что положеніе апріорной философіи дѣйствительно опровергнуто. Чего же больше?

Одержавъ побѣду надъ призракомъ имъ же осзданнымъ, Лусъ рѣшилъ, *ge bene gesta*, завоевать ужъ кстати и предикатъ „всеобщности“, для присоединенія онаго ко „всякой истинѣ“, совокупно съ предикатомъ „необходимости“. Сей подвигъ, пожалуй, нѣсколько труднѣе перваго, ибо тутъ уже замѣщеніе „сужденія“ истинной и пр. мало поможетъ. Въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ ли рѣчь о предложеніяхъ или объ истинахъ, о субъективной или объ объективной истинѣ, о томъ что мыслится или о томъ что есть, во всякомъ случаѣ мудрено законнымъ образомъ прищипливать ярлыкъ „всеобщности“ ко всѣмъ истинамъ безразлично. Но вѣдь если-

бы задача не была трудна, то не стоило бы и предпринимать ее; какъ известно, *labor ingratus omnia vincit*, то-есть, смѣлость города беретъ; Луисъ хватается быка прямо за рога и, объяснивъ что „всѣ истины могутъ быть обращены въ тождественныя предложенія“, выставляетъ слѣдующую аксіому (I, стр. 394): „Всѣ тождественныя уравненія необходимы и *исобщи*, если мы придаемъ всеобщее значеніе ихъ членамъ“. Совершеннѣйшая правда! и это положеніе также безспорно и неопровержимо какъ слѣдующія: Всѣ птицы будутъ четвероногія, *если* у нихъ прибавится по парѣ ногъ, или всѣ звѣзды будутъ планетами, *если* соблаговолятъ обращаться вокругъ солнца. Словомъ, дайте въ мое распоряженіе всемогущее словечко *если*, и вся что угодно приметъ форму безспорной аксіомы. Но спрашивается: какимъ образомъ можемъ мы *придать* „всеобщее значеніе“ членамъ уравненія, коль скоро эти члены сами по себѣ не *имѣютъ* всеобщаго значенія? А это приводитъ къ другому вопросу: точно ли *всякая* истина „можетъ быть обращена въ тождественное предложеніе“ или уравненіе, какъ то утверждаетъ Луисъ? Тождественное сужденіе такое въ которомъ подлежащее и сказуемое совершенно обнимаютъ другъ друга, напримѣръ: $A=A$, или въ которомъ понятіе сказуемаго необходимо заключается въ понятіи подлежащаго, напримѣръ: всѣ тѣла протяженны. Нѣтъ сомнѣнія что въ первомъ смыслѣ ($A=A$) все на свѣтѣ можетъ быть выражено тождественнымъ уравненіемъ: кошка есть кошка, камень есть камень, заблужденіе есть заблужденіе, и т. д.; да это вѣдь простое тождество, повтореніе одного и того же. Но чтобы всѣ истины могли быть приведены къ тождественнымъ предложеніямъ въ смыслѣ не повторенія подлежащаго въ видѣ сказуемаго, а въ смыслѣ (какъ того хочетъ Луисъ) „равнозначности“ различныхъ членовъ уравненія, то-есть термिनовъ предложенія, это мы, впредь до фактическаго доказательства, рѣшительно отрицаемъ. Въ томъ именно и заключается отличительный признакъ всякой чисто-эмпирической истины, какъ бы она впрочемъ ни была общепризнана и несомнѣнна, что понятіе предиката не заключается необходимо въ понятіи самаго предмета (подлежащаго) и потому не можетъ быть логически выведено изъ него. Такъ, напримѣръ, понятіе „вращеніе около оси и вокругъ солнца“ вовсе не входитъ необходимымъ

образомъ въ понятіе „земля“, а слѣдовательно истина: „земля обращается около своей оси и вокругъ солнца“ не есть тождественное предложеніе, не есть уравниеніе, хотя мы ничуть не сомнѣваемся въ достовѣрности самаго факта.

Но допустимъ невозможное, положимъ что Луису удастся обратить въ строго-тождественныя предложенія, въ безукоризненныя уравниенія опытная истины въ слѣдующемъ родѣ: Наполеонъ I умеръ на островѣ Св. Елены. Лондонъ есть столица Англіи. Авторъ *Вопросовъ о Жизни и Душѣ* блистательно опровергъ Кантову *Критику Чистаго Разума*. Пусть это будутъ тождественныя предложенія, да такъ что атрибуты: смерть на островѣ Св. Елены, столица Англіи, блистательное опроверженіе *Критики* Канта — логически-неразрывно связаны съ понятіемъ подлежащихъ: Наполеонъ I, Лондонъ, авторъ *Вопросовъ*, и даже необходимо заключаются въ нихъ. Все же спрашивается: на какомъ основаніи, какимъ словесомъ можемъ мы „придать“ *всеобщее* значеніе терминамъ этихъ предложеній, членамъ этихъ (якобы) уравниеній? Очевидно что эти термины или члены сами по себѣ имѣютъ лишь *частное* значеніе. Ergo: истины бываютъ всеобщіи, общіи или частны совершенно независимо отъ насъ, единственно въ силу ихъ собственнаго содержанія, ихъ внутренней природы; если онѣ всеобщіи, то не нуждаются въ *придачѣ* имъ таковаго значенія, если же онѣ частны, то никакимъ ухищреніемъ не могутъ быть подведены подъ категорію дѣйствительной (а не мнимой) всеобщности.

На это можно возразить что Луисъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду собственно научныя истины, то-есть предложенія формулирующія *законы*, а не единичные факты въ родѣ вышеприведенныхъ. Если такъ, то не мѣшало бы выразить и оговорить это формально, а не только подразумеваемымъ образомъ; да и въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было говорить о *истинѣ* истинахъ безъ исключенія. На ограниченіе „всѣхъ истинъ“ болѣе тѣснымъ кругомъ спеціально-научныхъ фактовъ указываетъ не оговорка автора, а лишь родъ примѣровъ имъ приводимыхъ. Такъ, Луисъ, въ видѣ примѣра, приводитъ положеніе: „огонь сжигаетъ“. Разбирая этотъ примѣръ авторъ допускаетъ: 1) что мы можемъ представить себѣ огонь въ такихъ отношеніяхъ при которыхъ не произойдетъ сжиганія; 2) что фактически существуетъ

множество предметов неогараемых; 3) что даже сгораемые предметы могут находиться въ такихъ условіяхъ при которыхъ огонь не будетъ ихъ жечь; 4) что открытіе напимѣръ неогараемой бумаги дѣло весьма мыслимое и возможное. Но изъясъ за этими уступками, Льюисъ выводитъ такое заключеніе (I. стр. 401): „Но разъ предложеніе проверено, оно не только становится *необходимою* истиной, изъ которой исходитъ всякая случайность, но и *легко* (?) принимаетъ *всеобщую* форму, именно: огонь *этого* рода при *этихъ* условіяхъ всегда и вездѣ будетъ сжигать бумагу *этого* свойства.“ Напрасно авторъ не закончилъ сію аргументацію схоластическимъ: Quod erat demonstrandum! Но, преклоняясь предъ силой его диалектики, мы все-таки позволимъ себѣ выразить любѣдтелю Канта слѣдующее недоумѣніе: Коль скоро необходимая и *всеобщая* истина „огонь сжигаетъ“ обставлена цѣлымъ войскомъ ограниченій и изъятій, коль скоро всюду торчатъ роковыя: „*этого* рода... при *этихъ* условіяхъ... *этого* свойства“, то *въ чемъ же* собственно заключается *всеобщность* этой истины? Мы, признаться, на основаніи точнаго смысла словъ, всегда были того мнѣнія что *всеобще* то и единственно то что не подвержено никакимъ ограниченіямъ, никакимъ исключеніямъ. Всеобщность предложеній: „всякое дѣйствіе должно имѣть причину“, „цѣлое больше каждой своей части“—состоитъ именно въ отсутствіи какихъ бы то ни было ограниченій или оговорокъ въ родѣ: „такое-то дѣйствіе или цѣлое... при такихъ-то условіяхъ... такая-то причина, такая-то часть“. Необходимость подобныхъ оговорокъ служить именно признакомъ того что предложеніе *не есть* универсальное, *не* выражаетъ всеобщую, а лишь частную истину. Но видно, nous avons changé tout cela! и нынѣ то что составляетъ несомнѣнный, характеристическій признакъ частности сужденія, выдается за признакъ универсальности какъ сужденія, такъ и самой истины имъ выраженной.

Льюисъ заключаетъ нескончаемую главу весьма характеристическимъ заявленіемъ. „Большая важность разбираемаго здѣсь вопроса, говоритъ онъ (I, стр. 409), должна послужить мнѣ извиненіемъ въ томъ что я съ утомительными бытъ-можетъ повтореніями представилъ мое рѣшеніе этого вопроса съ разныхъ сторонъ. Это основной вопросъ и въ послѣдніе годы всѣ метафизическія изслѣдованія, можно сказать, вращаются вокругъ него. Больше *двадцати* лѣтъ

тому назадъ я въ первый разъ высказалъ рѣшеніе изложенное здѣсь снова. Хотя оно было повторено мною во второмъ, третьемъ и четвертомъ изданіяхъ моей *Истории Философiи*, но я не запыталъ чтобы какой-нибудь изъ англійскихъ писателей принялъ или опровергъ его. Такое молчаніе приводитъ меня къ подозрѣнію что или я не изложилъ аргументовъ съ достаточною ясностью, или самый взглядъ совершенно недостаточенъ. Естественно я предпочитаю первое предположеніе.

Такое „предпочтеніе“ со стороны автора дѣйствительно весьма „естественно“, но ни для кого другаго конечно не обязательно. Фактъ что ни одинъ изъ англійскихъ писателей не принялъ теорію Льюиса и даже не счелъ за нужное опровергнуть ее, повидимому сильно удивляетъ нашего философа. Насъ, напротивъ, удивляетъ его удивленіе! Если Льюису угодно будетъ написать книгу на тему: $2+2=5$ и затѣмъ повторить это рѣшеніе не въ четырехъ, а хоть бы въ четырехстахъ послѣдовательныхъ изданіяхъ, то спрашивается: приметъ ли кто-либо изъ англійскихъ или даже не англійскихъ писателей такой усовершенствованный „взглядъ“? Очевидно нѣтъ. Вослѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ формальное опроверженіе? Едва ли! Нечего опровергать то что опровергается само собою, какъ положеніе: $2+2=5$.

Что же касается прямыхъ послѣдствій, *практическаго* значенія того или другаго рѣшенія вопроса о необходимыхъ и всеобщихъ идеяхъ, то этотъ пунктъ будетъ разсмотрѣнъ въ заключительной главѣ, предметомъ которой имѣютъ быть общіе выводы философской доктрины Льюиса, въ примѣненіи собственно къ области этики.

(Окончаніе слѣдуетъ)

А. СТАДЛИНЪ.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ *

VI.

Еще не была вполне окончена описанная въ предшедшихъ главахъ война на Крымскомъ полуостровѣ, еще не успѣли войска отдохнуть отъ четырехлѣтнихъ тяжелыхъ кампаній, какъ боевая гроза уже стала приближаться съ другой стороны.

Франція, съ помощью щедрыхъ денежныхъ субсидій, располагала политикой Швеціи, въ которой боролись тогда двѣ сильныя партіи, Горна и Гилленборга. Первая, болѣе благомыслящая и солидная, заботилась о внутреннемъ благосостояніи страны и внѣшнемъ спокойствіи, считала необходимымъ жить съ Россіей въ добромъ согласіи, предвидя въ случаѣ войны съ нею только новыя потери. Гилленбургъ же, напротивъ, былъ вождемъ всѣхъ безлокойныхъ головъ, требовавшихъ войны съ Россіей, въ надеждѣ возратить себѣ все потерянное по Ништадскому миру. Подстрекаемая Франціей, старавшеюся отвлечь насъ отъ союза съ Австріей противъ Пруссіи, партія Гилленборга одержала верхъ и, убѣдивъ своего короля въ совершенномъ безсидіи Россіи, на престолѣ коей, за недавнюю смерть Анны

* См. *Русск. Вѣстн.* № 40.

Иоанновны, былъ младенецъ Іоаннъ III, а дѣлами управляла неопытная, слабая его мать Анна Леопольдовна,—вынудила его объявить намъ войну подъ разными пустыми предлогами, между прочимъ, какъ сказано было въ шведскомъ манифестѣ, съ цѣлью освободить Россію отъ господства иноземцевъ и возвести на престолъ Елисавету Петровну. Какая, подумаешь, заботливость о благѣ Россіи!...

Шведскій манифестъ надѣлалъ въ Петербургѣ большой тревоги. Флотъ нашъ, благодаря Бироновскому режиму, былъ въ самомъ жалкомъ состояніи и Адмиралтейство затруднялось выслать въ море хоть однимъ вполнѣ годный корабль. Къ счастью, Шведы не воспользовались своимъ преимуществомъ въ этомъ отношеніи и, вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій съ моря, обратили свои главныя усилія на сухопутную войну въ Финляндіи. Но здѣсь они встрѣтили насъ уже болѣе готовыми.

Еще въ 1740 году, въ предвидѣніи враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи, большая часть войскъ, сражавшихся въ Крыму противъ Турокъ, была двинута на сѣверъ. Генералъ Левашевъ съ его *персидскими* полками (такъ называли сформированные въ 1726 году въ Персіи полки) прибылъ въ Петербургъ, и фельдмаршалу Ласси было вручено командованіе надъ всею арміей.

Военныя дѣйствія начались лѣтомъ 1741 года. Главныя силы наши сосредоточились у Выборга, а часть войскъ съ генераломъ Левашевымъ была посажена на галерный флотъ, направившійся къ Аляндскимъ островамъ. Кабардинскій полкъ былъ оставленъ въ Петербургѣ; только гренадерская рота его вошла въ составъ десантныхъ войскъ. Такимъ образомъ нашему полку не пришлось принять участія въ достопамятныхъ побѣдахъ графа Ласси надъ Шведами; даже гренадерской ротѣ не выпало на долю никакого особенно серьезнаго дѣла. Вся кампанія 1841—43 годовъ совершилась на финляндской землѣ, при содѣйствіи десантныхъ войскъ, оказавшихъ единственную важную услугу подъ Гельсингфорсомъ, гдѣ своею высадкой окончательно вынудили Шведовъ положить оружіе.

Придерживаясь преимущественно своей спеціальной цѣли, то-есть всего близко касающагося Кабардинскаго полка, я не считаю нужнымъ подробно разказывать объ этой Шведской войнѣ, покрывшей славой наши войска. Достаточно

сказать что недавніе учителя Петра и его молодого войска, по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, въ кампаніи 1741—43 годовъ выказывали неспособность, малодушіе, лавическій страхъ поразительные! Потерпѣвъ при первой встрѣчѣ съ нашими войсками подъ Вильманстрандомъ сильное пораженіе, они затѣмъ все только отступали, бросали самыя крѣпчайшія свои позиціи, бѣжали при первомъ появленіи нашего авангарда, наконецъ, припертые къ морю у Гельсингфорса, сдались въ плѣнъ... Съ нашей стороны не было ни превосходства силъ, ни превосходства вооруженія; напротивъ, оно было на сторонѣ непріятеля, обладавшаго къ тому же болѣе интеллигентнымъ составомъ офицеровъ. Кромѣ того, онъ занималъ страну съ гористолѣсистую, пересѣченною мѣстностью, чрезвычайно удобную для обороны и крайне трудную для наступающаго, которому скалы, глубокіе овраги, быстрыя рѣки и озера ставили на каждомъ шагу неодолимые преграды. Шведы были у себя дома, имѣя на своей сторонѣ сочувствіе и полное содѣйствіе всего мѣстнаго финскаго населенія, и при всемъ томъ, какъ сказано, бѣжали безъ оглядки, терпѣли пораженія такіа, что читая тогдашнія донесенія просто глазамъ своимъ не вѣришь!... Вся Финляндія намъ покорилась; вся шведская артиллерія, всѣ обозы и запасы остались въ нашихъ рукахъ. Въмѣсто заявлявшихся предъ войной въ Стокгольмскихъ совѣтахъ горделивыхъ притязаній потребовать у Россіи возвращенія Выборга, Кареліи, Ингерманландіи и даже *Петербурга*, Шведы должны были просить мира, уступивъ Финляндію до рѣки Кимени съ Вильманстрандомъ, Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ. Оба ихъ главнокомандующіе были преданы суду и сложили головы на плахѣ. По истинѣ, рѣдко когда можно такъ кстати привести древнюю поговорку: *кого Богъ захочетъ наказать, у того прежде разумъ отниметъ!*

Франція, втянувшая насъ въ войну со Швеціей, была очень довольна, ибо достигла своей цѣли: отвлекла насъ отъ союза съ Австріей противъ Пруссіи; о потеряхъ же своей кліентки Швеціи она не заботилась.

Между тѣмъ въ Петербургѣ совершился извѣстный переворотъ и вмѣсто Анны Леопольдовны и ея ребенка Іоанна на престолъ вступила Елисавета Петровна. Кампанія уже окончилась при ней. Заслуга графа Ласси была

оцѣнены по достоинству, и до какой степени Елисавета сохраняла къ нему свое расположеніе, можно видѣть изъ рескрипта ея къ нему отъ 6го іюня 1742 года, который привожу здѣсь цѣликомъ, какъ документъ едва ли еще бывшій гдѣ-либо напечатаннымъ и во всякомъ случаѣ не лишенный интереса. Сохраняю и правописаніе подлинника.

„Господишь генералъ еельдмаршалъ. Репортъ вашъ извѣбурха майя отъ 29го числа мы сего дня получили и по оному извѣстны. Увѣдомились мы, что вамъ дано знать отъ нѣкоторыхъ, якобы нашъ гнѣвъ есть на васъ и отъ того печалитесь, но то неправда и ни какой къ тому причины не имѣемъ и сожалѣемъ что васъ такъ напрасно опечалили и впредь никакимъ о томъ ложнымъ внушеніямъ никогда не вѣрте, ибо мы васъ какъ прежде такъ и нынѣ вашей императорской милости неотмѣнно содержимъ, вчемъ изволте быть благонадежны. Елисаветъ. вмоскве взимаѣмъ доме.“

Въ числѣ многихъ трофеевъ этой войны былъ между прочимъ взятый въ городѣ Борго колоколъ съ слѣдующими надписями: по-славянски: „7053 году слить былъ колоколъ сей къ Живоначальной Троицѣ въ Александрову пустыню, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при архіепискупѣ Феодосіи великаго Новаго Города и Пскова, повелѣніемъ игумена Родіона Кочнева;“ а по-шведски: „Юганъ Берденстель Стромбергъ и Маргарита Вильманстиль Тиветерей, 1631.“ Вѣроятно колоколъ этотъ былъ взятъ Шведами въ одно изъ нашествій на Новгородскую область и пожертвованъ киркѣ. По приказанію Ласси, отвезли его на судахъ въ Петербургъ. Въсу въ немъ было сто лудовъ.

По окончаніи войны генералъ-аншефъ Левашевъ былъ назначенъ командующимъ въ Москву, и Кабардинскій полкъ, окончательно расположенный въ Петербургѣ, разстался съ своимъ начальникомъ, подъ главною командой коего пробылъ безсмѣнно въ Персіи и Турціи болѣе лятнацати лѣтъ своего перваго существованія.

Послѣ довольно продолжительнаго мирнаго промежутка времени, возгорѣлась знаменитая Семилѣтняя война, въ которой Россія приняла самое дѣятельное участіе, какъ союзница и защитница Австріи. Наши генералы одерживали не разъ рѣшительныя побѣды надъ величайшимъ военнымъ гениемъ своего времени, Фридрихомъ Великимъ; мы завое-

вали всю восточную Пруссію и держали ее семь лѣтъ въ своемъ управленіи, занимали временно самый Берлинъ; кровопролитныя сраженія стоили намъ громадныя жертвы, потери считались десятками тысячъ людей, но, кромѣ славы, мы ничего не приобрѣли, а распинались съ усердіемъ и настойчивостью, заслуживавшими лучшей цѣли, за интересы Австріи!... Впрочемъ, должно думать, что желаніе удержать въ границахъ умѣренности завоевательныя стремленія Пруссіи руководили политикою Елисаветы Петровны не менѣ защиты интересовъ Маріи Терезіи.

Разказывать объ этой войнѣ подробнѣе я тоже не имѣю никакого повода, ибо Кабардинскій полкъ въ ней почти не участвовалъ. Одинъ баталіонъ въ концѣ 1759 года былъ двинутъ на Вислу, гдѣ и оставался для прикрытія нашихъ вагенбурговъ, а другой только лѣтомъ 1761 года отправленъ на судахъ эскадры вице-адмирала Полянскаго чрезъ Данцигъ къ Ругенвальду, для усиленія отдѣльнаго корпуса графа Румянцова, назначеннаго для овладѣнія Кольбергомъ. Судьба этого баталіона была не завидна: съ 16го іюня по 19е іюля Полянскій, поднявшій свой флагъ на кораблѣ *Св. Климентъ папа римскій*, за противными вѣтрами и штормами никакъ не могъ добраться отъ Данцига до Ругенвальде — 14 миль: то суда повреждались, то ихъ разносило вѣтромъ въ разныя стороны. и они опять появлялись на Данцигскомъ рейдѣ; онъ просилъ въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ не винить его, ибо все произошло „отъ сердитаго элемента“. Ясно что состояніе флота было жалкое. Чтò пришлось перенести бѣднымъ солдатамъ десантнаго отряда, набитымъ какъ селетки въ корабельные трюмы, легко себѣ представить. Затѣмъ съ 20го іюля началась высадка, но и тутъ явились новыя бѣдствія. Прибой былъ очень силенъ, лодки разбивались, люди тонули, выгрузка тяжелой осадной артиллеріи причиняла немовѣрные затрудненія. Наконецъ въ первыхъ числахъ августа, послѣ долгихъ настояній графа Румянцева и разныхъ хлопотъ, десантъ присоединился къ корпусу. Здѣсь было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: „въ разсужденіи что въ прибывшихъ баталіонахъ люди къ воинскимъ дѣйствіямъ не сзубыкновенны (sic) и противу непріятеля никогда не бывали, коихъ нынѣ однихъ противу того употребить не безопасно,

а когда ихъ съ старыми помѣшать, гораздо надежнѣе быть можетъ, того ради: раздѣлить людей прибывшихъ баталіоновъ по разнымъ полкамъ и т. д.“ Слѣдуетъ росписаніе сколько въ какой полкъ распределить. Послѣ этого, во всѣхъ командировкахъ, сраженіяхъ, реляціяхъ и пр. имени Кабардинцевъ уже не встрѣчается.

Со смертію Елисаветы Петровны и вступленіемъ на престолъ Петра III, извѣстнаго поклонника и почитателя Фридриха Великаго, война тотчасъ прекратилась. Всѣ завоеванія были возвращены Пруссіи и армія наша уже стала готовиться къ совершенно неожиданному движенію въ Данію, чтобы воевать съ нею за дорогіе новому императору Голштинскіе интересы... Но внезапная кончина его и воцареніе Екатерины II оставили движеніе арміи къ Гамбургу; ей приказано было возвратиться въ отечество, послѣ ошестилѣтняго отсутствія.

Послѣдовавшія за тѣмъ шесть лѣтъ были преимущественно посвящены польскимъ дѣламъ, ходъ коихъ, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, привелъ къ столкновенію съ Турціей...

Кабардинскій полкъ, зачисленный въ Финляндскую дивизию, былъ назначенъ къ постоянному расположенію въ Выборгѣ. Интересно мнѣніе высказанное Военною Коллегіей при учиненіи въ 1763 году 19го февраля общей дислокаціи всей арміи, на счетъ того что полки слѣдуетъ располагать въ городахъ. Съ одной стороны, говоритъ Коллегія, они послужатъ къ умноженію жителей въ городахъ, ихъ благоустройству, развитію торговой и промышленной дѣятельности, съ другой—дадутъ войскамъ возможность находиться подъ постояннымъ надзоромъ своихъ командировъ, удалять солдатъ отъ общенія съ крестьянами, офицеры же будутъ пребывать въ обществѣ.

VII.

Переходя теперь къ разказу о войнѣ 1769—74 годовъ, войнѣ покрывшей славой наши войска, нанесшей Османскому царству ударъ въ сердце, я считаю умѣстнымъ привести здѣсь подлинныя слова рескрипта, даннаго императрицей Екатериной генералъ-аншефу князю Александру Михайловичу Голицыну, при назначеніи его главнокомандующимъ Первою арміей.

„Когда по избраніи нынѣ владѣющаго Польскаго короля, мы положили древнія Имперіи нашей обязательства съ республикою привести въ дѣйство и возстановить похищенные насильствомъ отъ усилившихся католиковъ права гражданскаго равенства нашихъ единовѣрныхъ и другихъ христіанскихъ исповѣдниковъ, находящихся въ подданствѣ короны Польской, и мы за сіе дѣло прямымъ уже образомъ принялись, тогда настали въ Польшѣ двѣ разныя партіи, одна намъ доброжелательная, а другая ей противная, которая себя улюбезняла по временамъ и обстоятельствамъ орудіемъ завистниковъ и недоброжелателей нашей собственной славы и пользы нашей Имперіи. Мы испытавъ самыми дѣяніями что по существительному католическаго закона зараженію противу всѣхъ христіанъ разныхъ съ нимъ исповѣданій, не возможно было ни какою негоціаціе достигнуть намъ своего намѣренія, но паче всякое заступленіе подвергало нашихъ единовѣрныхъ и другихъ диссидентовъ новому и большому отъ католиковъ притѣсненію, а покамѣстъ мы такимъ образомъ односторонне посредствомъ намъ тогда доброжелательной партіи дѣйствовали, противная ей сторона оказывала свои несокоиства чтобъ тѣмъ чрезъ наше покровительство и подъ видомъ нашихъ дѣлъ, не опровергали въ свою пользу фундаментальную издревле конституцію ихъ вольнаго правленія, разсудили мы симъ *положеніемъ духова* (то-есть настроеніемъ?) сугубо воспользоваться и къ споспѣшествованію диссидентскаго дѣла, и къ обезпеченію на будущія времена непоколебимаго Имперіи нашей интереса, въ сохраненіи на всегда настоящаго республиканскаго образа правленія въ Польшѣ съ ея вольнымъ избраніемъ королей своихъ, а соединя оба предмета и привлеки тѣмъ къ себѣ нѣкоторую знатную часть противной партіи, узаконили подъ нашимъ ручательствомъ и возстановленіе въ равенство всѣхъ диссидентовъ и непрѣмныя положенія формы польскаго правленія. Тѣмъ противные партизаны, кои всегда дѣйствовали по наущенію ненавистниковъ успѣхамъ дѣлъ нашихъ, не поддаваясь къ нашимъ видамъ, намѣрились тѣмъ самымъ завести насъ въ доскональное разрушеніе всего нами дѣланнаго, и озлобясь за свою въ томъ ошибку, а съ другой стороны изыскавъ себѣ наивысшее подкрѣпленіе отъ постороннихъ ихъ единомысленниковъ, предали свое отечество внутреннимъ замѣшательствамъ, и какъ

скоро по окончаніи дѣлъ на прошедшемъ сеймѣ войска наши обратились въ возвратный путь, они начали дѣлать по разнымъ мѣстамъ фанатическія возмущенія противъ насъ самихъ. Явные предводители сихъ бунтовщичьихъ шаекъ, будучи вездѣ нашими войсками разбиты, переселились въ турецкіе предѣлы, оставя свое отечество въ крайнемъ замѣшательствѣ духовъ, а тамъ будучи подкрѣпляемы непрестанными и всегдашними интригами и коварствомъ ненавистникомъ великости и силы нашей Имперіи (и какъ мы удостовѣрительныя извѣстія имѣемъ) съ предоставленіемъ Турецкому султану въ вѣчное подданство всей польской Подоліи, возбудили турецкую подлость и его самого нарушить съ нами вѣчный миръ. Вамъ нынѣ уже извѣстно что сія громада варваровъ намъ войну объявила, съ заточеніемъ въ Семубашенный замокъ нашего министра со всею его свитою, противу мнѣнія и желанія всѣхъ знатѣйшихъ Турокъ, составляющихъ совѣтъ и правительство государства.

„Франція есть та держава, которая главнѣйше все свое коварство истощила для улраженія насъ сею войною. Она извлекла изъ Вѣнскаго двора, по ея съ нимъ тѣсному союзу, обѣщаніе нейтралитета, и тѣмъ больше ободрила Порту къ настоящему предпріятію, показавъ ей всю возможность пріобрѣтенія себѣ Подоліи введеніемъ своихъ силъ внутрь Польши противъ насъ, и распространеніемъ въ оной еще большихъ внутреннихъ замѣшательствъ, что осязательно доказываетъ Турецкой войны объявленіе, ибо Порта не взирая на то что она послѣ кончины покойнаго короля Польскаго, тотъ часъ дала формальное свое намъ соглашеніе о выборѣ Піаста, и по избраніи онаго признала его во всемъ достоинствѣ чрезъ принятіе торжественнаго посольства, и что лотомъ ни дѣломъ, ни словомъ никогда ничего вопреки тому не оказала, но паче при производимыхъ нынѣ съ нами замѣшательствахъ, по сей часъ ея молдавскіе командиры всякое уваженіе къ польскимъ кореннымъ войскамъ дѣлаютъ и содержатъ дружескую переписку и обсылки чрезъ переводчиковъ съ назначеннымъ отъ Польскаго короля короннымъ региментаремъ графомъ Браницкимъ, командующимъ тѣми войсками въ Молдавію. Но при всемъ томъ Порта телерь въ своей военной деклараціи уже явнымъ образомъ опровергаетъ законное избраніе сего короля, да

сомнѣнія нѣтъ чтобъ оно не по точному наущенію Франціи написано было. Мы прямо изъ Парижа достовѣрно знаемъ что Польская корона тамъ представлена была принцу Конде съ женитьбою его на эрцгерцогинѣ Австрійской, отчего однакожь, какъ оказывается, сей принцъ отрекся, но уповательно же что молодой курфирстъ Саксонскій столько претительности не окажетъ, особливо еслибы Франціи удалось сдѣлать ему избраніе, въ которомъ нынѣ есть предѣлъ польской области, безъ ея непосредственнаго соучастія подъ однимъ турецкимъ оружіемъ, ибо сей молодой владѣлецъ имѣетъ теперь отъ тридцати до сорока тысячъ своего войска для утвержденія единожды сдѣланнаго.

„Французскій дворъ за наши дѣла въ Польшѣ, въ Швеціи и въ Даніи и за возрастающую очевидно знатность и силу Имперіи нашей не поставитъ никакой цѣны для себя высокою, еслибы такимъ образомъ превозмогъ онъ въ одно время, и намъ персонально сдѣлать уничтоженіе, и Имперіи нашей отомстить за прежнее ея низверженіе съ Польскаго королевства Станислава Лещинскаго.

„Нашъ верховный долгъ предъ собственнымъ нашимъ достоинствомъ и честію Имперіи нашей разрушить сей обоюдовый ковъ нашего лютящаго врага всѣми намъ отъ Бога дарованными силами для твердости и благополучія нашего любезнаго отечества. Мы, по извѣданной нами въ васъ вѣрности и отличному искусству въ военномъ дѣлѣ, всемилостивѣйше восхотѣли поручить вашему предводительству и главной командѣ назначенную отъ насъ армію къ наступательнымъ дѣйствіямъ.“

Далѣе слѣдовали 29 пунктовъ, указывавшихъ различные способы оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій противъ Турокъ, подробности сбора арміи къ Киеву и слѣдованія къ берегамъ Днѣстра, ея продовольствія и пр. Вообще, войну рѣшено было вести наступательную и рѣшительную, не взирая что численность нашей арміи предполагалась въ половину меньше турецкой, и что мы должны были прикрывать свои границы на огромныхъ пространствахъ и отъ польскихъ конфедератовъ, и отъ Крымскихъ Татаръ.

Изъ приведеннаго рескрипта читатель можетъ видѣть политическія усложненія или попросту дипломатическія интриги, вызвавшія первую войну Екатерины съ Турціей.

Польскіе конфедераты, подстрекаемые Франціей, старались во что бы ни стало вовлечь Турцію въ войну съ нами. Нити всей интриги сосредоточивались въ рукахъ французскаго посла въ Константинополѣ Сень-При; въ теченіе долгаго времени однако не могли подвинуть султана на такой опасный шагъ. Тогда французскій первый министръ Шуазель отправилъ въ Царьградъ другаго агента Толея, который долженъ былъ склонить конфедератовъ предложить Турціи Подолію и Волинь, уже принадлежавшія прежде Портѣ и возвращенныя Польшѣ въ 1699 году по Карловицкому трактату.

Польскіе лже-патріоты, во главѣ коихъ стоялъ прибывшій въ Константинополъ графъ Потоцкій, лишь бы доставить торжество своей партіи, согласились даже и на это. Они предложили Портѣ отъ имени Польской націи, въ случаѣ благополучнаго исхода войны съ Россіей, уступить двѣ лучшія свои провинціи, другими словами, три милліона христіанскаго населенія отдать въ варварскія руки мусульманской орды....

Соблазнительное предложеніе это, вмѣстѣ съ увѣренностью что вся Польская нація приметъ сторону Турціи, что наконецъ Франція будетъ содѣйствовать ей, увлекли султана, возбуждаемаго подкупленными министрами. Забывъ свое привычное бездѣйствіе, онъ сталъ самъ всѣмъ распорядиться и входить во всѣ мелочи.

Суевѣрный и необразованный султанъ Мустафа вѣрилъ въ предсказанія астрологовъ, и потому прежде нежели рѣшился начать войну, обратился къ одному изъ шарлатановъ, который напрогночилъ ему что нынѣшняя война будетъ для него счастлива и благополучна. Сверхъ того ему очень хотѣлось имѣть прозваніе гази (побѣдитель). Читая описаніе подвиговъ отца своего Ахмета III подъ Прутомъ, онъ думалъ что побѣждать вообще очень легко, и еще при вступленіи своемъ на престолъ мечталъ о побѣдахъ, о посыланіи Вѣны во главѣ своей арміи, о возвращеніи Венгріи и тому подобное, о которыхъ въ послѣдствіи забылъ въ сералѣ, предавшись разврату.

Телерь ему казалось что сама судьба посылаетъ ему случай распространить свои владѣнія, и потому онъ заранѣе уже приказалъ во всѣхъ мечетяхъ именовать себя *газіемъ*. Ни что не ново подъ луной. Черезъ сто девять лѣтъ пото

мокъ султана Мустафы, Абдулъ-Гамадь, при первыхъ раздѣвшихся выстрѣлахъ тоже уже провозглашенъ *гази* (побѣдителемъ), а чрезъ нѣсколько дней новый побѣдитель получилъ извѣстіе о паденіи Ардагана, истребленіи кавалеріи, приближеніи грознаго *побѣжденнаго* къ Эрзеруму и взрывѣ двухъ мониторовъ!...

Но не всѣ надѣялись на успѣшный результатъ этой войны. Верховный визирь Мусинъ-Заде, Магометъ-паша и Рейсъ-эфенди предостерегали султана отъ обманчивыхъ внушеній польскихъ конфедератовъ и Версальскаго кабинета. Они выставляли ему на видъ слабость Порты, беззащитность ея границъ, дурное состояніе дунайскихъ крѣпостей, и потому просили по крайней мѣрѣ помедлить окончательнымъ разрывомъ съ Россіей, съ намѣреніемъ выиграть время и выждать болѣе подходящій предлогъ для объявленія войны.

Случай этотъ вскорѣ представился происшествіями въ мѣстечкѣ Балта, принадлежавшемъ Крымскому хану, разоренномъ гайдамаками. *

Верховный визирь потребовалъ отъ посла нашего въ Константинополѣ, Обрѣзкова, рѣшительнаго удовлетворенія. Русское правительство строго предписало сдѣлать изслѣдованіе къ отысканію виновныхъ и гайдамацкая партія сдѣлавшая набѣгъ была переловлена. Для удовлетворенія Порты виновныхъ раздѣлили на три части: наиболѣе виновныхъ наказали въ самой Балтѣ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ; другую—на польскихъ границахъ, а третью—на мѣстѣ жительства гайдамаковъ. Удовлетвореніе было дано блистательное, единственно только во избѣжаніе предлога къ войнѣ; хотя, правду говоря, наладенія гайдамаковъ на татарскія поселенія были вовсе не рѣдкостью и служили отмычкой Крымцамъ за ихъ еще болѣе частые набѣги, оставшіеся безъ всякаго наказанія. Но какъ только въ должность вступилъ новый визирь, то въ угоду султану, нетерпѣливо мечтавшему о побѣдахъ, тотчасъ снова поднялъ вопросъ о Балтѣ.

Утромъ 6го октября 1763 года, нашъ посолъ Обрѣзковъ съ большою церемоніей *былъ приведенъ* къ визирю. Четыре янычара визирской гвардіи вели четыре богато-убранныхъ

* Балта—нынѣ уѣздный городъ Подольской губерніи.

коя и открывали шествіе; за ними шло до двадцати слу-
жителей въ ливреяхъ и четыре драгомана. Обрѣзковъ и его
свита шли сзади. Придя къ дому занимаемому визиремъ,
Обрѣзковъ прождавъ около получаса былъ введенъ въ боль-
шіе пріемныя покои, гдѣ собралось уже множество посѣти-
телей и всѣ министры Порты.

Развалившись на софѣ и не вставъ при входѣ Обрѣзкова,
визирь не давъ ему времени договорить обыкновеннаго при-
вѣтствія, перебилъ его словами: „Я призвалъ васъ для того
чтобы закончить дѣло которое тянется уже слишкомъ
долго. Теперь вопросъ идетъ не о совѣщаніяхъ, вы ихъ уже
довольно имѣли съ Рейсъ-эфенди, и изъ нихъ ясно видно
что вы только старались протянуть время обманчивыми
общаніями, которыхъ никогда не исполняли.“ Вынувъ по-
томъ изъ кармана нѣсколько бумагъ составленныхъ нашимъ
резидентомъ съ турецкимъ министромъ въ 1764 году, визирь
продолжалъ: „Не обязались ли вы исполнить то-то и то-
то (тутъ онъ вступилъ въ подробности); и въ особенности
вы обязались что не оставите въ Польшѣ, и то на очень
короткое время, болѣе семи тысячъ человекъ, безъ артил-
леріи? Однако теперь тамъ вы имѣете болѣе тридцати ты-
сячъ.“ — „Правда, отвѣчалъ Обрѣзковъ, что обстоятельства
заставили ввести въ Польшу болѣе войска.“ — „Сколько
тамъ въ настоящее время?“ — „Около двадцати пяти ты-
сячъ.“ — „Хорошо же, измѣнникъ, закричалъ визирь, хорошо,
клятвопреступникъ! Не сдѣлали ль вы сами признанія въ
своей невѣрности? и вы не краснѣете предъ Богомъ и
людьми за вашу неумѣренность и обманы, когда къ стыду
человѣчества ваши войска овладѣли страной которая вамъ
не принадлежитъ. И развѣ мы не видали вашихъ пушекъ
на нашихъ границахъ, разрушившихъ одинъ изъ дворцовъ
Крымскаго хана (Балту).“ Обрѣзковъ началъ защищать по-
литику Россіи. — „Оставимъ это, снова перебилъ его визирь, —
когда ваши войска очистятъ Польшу?“

„Когда окончатся смятенія.“

„Намъ не того нужно. Можете ли вы обязаться *ipso facto*
что по полученіи отъ васъ письма, войска ваши очистятъ
Польшу? и можете ли вы, въ гарантію вашихъ словъ, по-
ручиться союзными вамъ министрами?“ — „Я напишу, отвѣ-
чалъ Обрѣзковъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Ми-
нистръ Пруссіи, какъ я надѣюсь, можетъ васъ въ этомъ

удостоверить. — „Вы не хотите меня понять; намъ не нужно ваше писаніе, и мы не хотимъ ждать отвѣта; я хочу теперь же формальнаго обязательства и гарантіи вашихъ союзниковъ; я изъ знаю, и министр Пруссіи есть только одинъ изъ нихъ.“ — „Все, что я могу сдѣлать, возразилъ Обрѣзковъ, это — пригласить гг. министровъ сдѣлать поручительство что войска наши выйдутъ изъ Польши, когда дѣло тамъ будетъ окончено. Болѣе я ничего не въ правѣ обѣщать.“ — „А, хорошо! и такъ я вамъ объявляю что высочайшій, могущественнѣйшій, страшнѣйшій и непобѣдимый императоръ мой, котораго Богъ да продать на вѣки славу и могущество, объявляетъ вамъ войну.“ — „Россія не желаетъ войны, сказалъ Обрѣзковъ, но всеми силами будетъ поддерживать ту, которую ей объявили.“ — „Идите и дождитесь приказанія въ другихъ комнатахъ,“ сказалъ визирь. Тутъ онъ показалъ Обрѣзкову рукой на соседнія двери. Когда Обрѣзковъ удался, многіе министры Порты подходили къ нему и уговаривали согласиться на условія требуемыя визиремъ, на что Обрѣзковъ отвѣчалъ что онъ не имѣетъ столько полномочія чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Этотъ окончательный отвѣтъ былъ переданъ визирю. Тогда составленъ былъ актъ о бывшей аудіенціи и отправленъ къ султану. Вслѣдъ за тѣмъ у Обрѣзкова снятъ былъ почетный караулъ, и ему объявили что онъ и его свита отправятся въ Семибашенный замокъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ: „что онъ долженъ покориться необходимости; но что съ этого момента онъ слагаетъ съ себя званіе посланника Россіи, и потому чтобы къ нему не обращались болѣе ни съ какими переговорами.“ Послѣ этого Обрѣзковъ и восемнадцать человекъ его свиты были отправлены изъ Перы въ Семибашенный замокъ, небольшую крѣпостцу, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, съ семью башнями. Она была построена еще при Греческихъ императорахъ, для дѣланія монеты и храненія царскихъ сокровищъ. Во многихъ мѣстахъ видны греческія надписи и гербы. Турки обратили эту крѣпостцу въ тюрьму, куда сажали важныхъ преступниковъ и изъ которой рѣдко кто возвращался живой.

Въ эту-то тюрьму были брошены нашъ посолъ и его свита, въ подземельѣ, куда свѣтъ едва проникалъ сверху, чрезъ небольшое окошко въ потолокъ. Отъ спертатаго воздуха и тѣсноты, говорить очевидецъ, наши заключенные начали

лухнутъ. Сперва они думали что полюбятъ и шутя начали поздравлять другъ друга; но потомъ уже, опасаясь за самую жизнь, начали просить коменданта развѣстать ихъ 'овобожденіе, думая что имъ позволятъ жить въ комендантскомъ домѣ. Комендантъ замка, старикъ 70 лѣтъ, былъ вообще человѣкъ свисходительный къ заключеннымъ. Но не рѣшаясь перевести ихъ изъ подземелья, онъ прибавилъ имъ только двѣ конуры.

Въ особенности чувствовалъ себя дурно Обрѣзковъ, какъ человѣкъ лѣта котораго требовали иныхъ удобствъ жизни. Опухоль все болѣе и болѣе развивалась, такъ что заключенные просили прислать имъ доктора и чрезъ нѣсколько дней грекъ Лука, бывшій домашнимъ докторомъ у Халиль-лаши, былъ присланъ въ замокъ.

20го октября Халиль-лаша былъ назначенъ визиремъ на мѣсто Селиктаря, который, какъ говорятъ, сошелъ съ ума, и пробывъ визиремъ 28 дней былъ отправленъ въ Кандію.

Новый визирь былъ извѣстенъ большими способностями: онъ прошелъ всѣ степени бюрократіи, начиная съ низшихъ; слылъ человекомъ практическимъ, прямымъ и безкорыстнымъ, но былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Благодаря лучшимъ качествамъ визиря и доктора Луки, заключенные наши были переведены въ комендантскій домъ, гдѣ имъ было уже гораздо лучше, и гдѣ они находились до выстуленія ихъ въ походъ вмѣстѣ съ турецкою арміею.

Я нарочно разказалъ всѣ эти происшествія съ нѣкоторою подробностью, чтобы читатель въ виду вышѣшнихъ событій, могъ провести нѣкоторую параллель... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

VIII.

По арестованіи Обрѣзкова, Турція окончательно рѣшилась объявить войну Россіи.

Бросивъ жребій войны, Турція желала убѣдиться, въ какомъ отношеніи находятся иностранныя державы къ Польскому вопросу. Вѣнскій посолъ, на вопросъ визиря объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ: „что Австрія не забыла дружбы которую оказывала ей Порты, когда отклонялась отъ предложенія Пруссіи объявить ей войну; и потому она желаетъ

сохраненія съ Портой тѣхъ же миролюбивыхъ отношеній, которыя постановлены были по трактату 1747 года.“

Эту политику Австріи подтверждалъ и французскій кабинетъ, увѣряя что императрица-королева искренно желаетъ ослабленія Россіи и полнаго освобожденія Польши отъ ея вліянія, хотя бы для того предстояло военное вмѣшательство Турціи.

Англія была въ то время озабочена волненіями въ сѣвероамериканскихъ ея колоніяхъ и потому не принимала рѣшительнаго участія въ дѣлѣ Польши. Посланникъ ея Муррей представилъ сутану ноту, въ которой Англія брала на себя посредничество согласить Порту и Россію прежде нежели война начнется. При этомъ Муррей однако объявилъ что Англія не приметъ союза Россіи противъ Турціи.

Итакъ, готовясь начать борьбу съ Россіей, Турція ласкала себя надеждой на помощь Австріи и Франціи, разчитывая въ особенности на послѣднюю; но пока ни та ни другая фактически не заявили себя въ пользу Турціи, если не считать помощью интриги Шуазеля. Въ этомъ отношеніи Франція не скупилась на совѣты и благоприятныя предсказанія. Она утѣряла Порту что легко поднять противъ Россіи *всѣхъ Калмыковъ, Татаръ и всѣхъ казаковъ по Волгѣ и Дону.** По ея словамъ вся Россія готова была подняться на Россію!... Но въ сущности Порта имѣла только одного слабого союзника—Польскую конфедерацію.

Де-Бретейль, французскій посланникъ въ Гагъ, писалъ отъ 11го октября Шуазелю: „Я знаю ужась, въ которомъ находится Россія, узнавъ о разрывѣ съ Турціей, и я убѣжденъ что если произойдетъ что-нибудь серіозное, гордая Екатерина найдетъся въ такомъ затрудненіи, изъ котораго не легко ей будетъ выйти. Партія недовольныхъ воспользуется затруднительностію ея положенія и взволнуетъ крестьянъ“**.

Не довольствуясь этимъ, легкомысленная провицательность де-Бретейля продиктовала слѣдующія строки, отъ

* Развѣ и теперь не увѣряли Порту что поднимется весь Кавказъ, Крымъ, Казань, Польша? Однимъ словомъ, все старая лѣсня.

** Развѣ и теперь не раздавались за границей, да и у себя дома, голоса объ опасностяхъ грозящихъ намъ со стороны жековскихъ народолюбцевъ?

9го октября: „Я знаю *отвращеніе Русскаго народа къ войнѣ съ Турціей*; и я увѣренъ что нація не проститъ Екатерины того что она вовлекла ее въ эту войну по причинѣ во всѣхъ отношеніяхъ чуждой ея интересамъ.“

Между тѣмъ съ нашей стороны были сдѣланы различныя попытки къ освобожденію посольства изъ заточенія, но напрасно.

Приготовленія къ предстоявшей войнѣ съ обѣихъ сторонъ производились весьма дѣятельно и весна 1769 года должна была огласить берега Дуѣстра и Дуѣпра громомъ оружія. Съ появленіемъ на политическомъ горизонтѣ враждебныхъ отношеній между Турціей и Россіей, тлѣющая въ обыкновенное время подъ пелломъ ненависть Черногорцевъ къ своимъ угнѣсителямъ вырывалась наружу.

Турція, знаящая очень хорошо каково бороться съ этими героями-горцами въ ихъ трудно доступныхъ тущахъ, очень боялась возстанія Черной Горы и была крайне смущена узнавъ о вспыхнувшемъ въ Черногоріи и разлившимся по всей Албаніи, Болгаріи, Босніи, Македоніи и Герцеговинѣ возстаніи. Общая вражда славянскихъ племенъ къ поработителю ожидала только удобнаго случая чтобы подняться. Къ тому же они были ободрены воззваніями императрицы Екатерины, отъ 19го января 1769 года, гдѣ въ заключеніе сказано было что „наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ лоноснаго поработенія избавляемыя и народы *руководствомъ нашимъ* вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и *впредѣ* *въ средства подавать не отречемся*, позволяя имъ наше юкровительство и милость, для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержать.“ Подобныя слова, сказанныя устами Русскаго монарха, равносильны обѣщанію и обязательству самой Россіи какъ великой державы. Можетъ ли Россія, не унижая своего достоинства, не роняя своей чести, оставить страждущія подъ турецкимъ игомъ христіанскія племена на произволъ судьбы? Оставимъ въ сторонѣ идею, гуманность, христіанскія побужденія положить душу за братьевъ, оставимъ все это; но уже одни слова обращавшіяся съ высоты Русскаго Престола ко христіанскимъ народамъ Балканскаго полуострова не обязываютъ ли насъ къ борьбѣ за осу-

ществованіе данныхъ обѣщаній? Не должны ли мы, хотя и съ величайшими жертвованіями, доказать этимъ не-очастнымъ народамъ что обѣщанія не забыты и что, не взирая на возмутительное противодѣйствіе почти всей христіанской Европы, освобожденіе ихъ хоть и весьма медленно, но все же дѣлаетъ рѣшительные шаги и успѣхи? Можемъ ли, наконецъ, отказаться отъ географической необходимости открыть себѣ свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, безъ чего весь южный край Россіи подвергается разоренію?... Нѣтъ, не можемъ; государство съ его интересами,—нравственными и экономическими,—не частный человѣкъ; оно не можетъ посвятить себя исключительно ежедневнымъ текущимъ дѣламъ, какъ бы они ни казались на взглядъ важными. Есть историческія задачи, къ разрѣшенію коихъ оно неизбѣжно должно стремиться, хотя бы это стоило и очень большихъ жертвъ, если оно не хочетъ уронить себя, низвести себя на стелень тѣхъ мелкихъ странъ, голось которыхъ въ расчетъ не принимается.

Самъ султанъ мало зналъ опасности современнаго состоянія Порты. Надменный и ослѣпленный своимъ мнимымъ могуществомъ, онъ въ манифестѣ къ народу выразился такимъ образомъ: „Мы указали Россійскому двору и дали ему наше императорское *повелѣніе* чтобъ онъ безо всякаго отлагательства вывелъ свои войска изъ Польши. Но упомянутый дворъ того нашего повелѣнія не исполнялъ и чрезъ то явно оказался преслушнымъ. Чтобы за такое непослушаніе наказать его чувствительнѣйшимъ образомъ, мы объявили ему войну. Для чего всѣ ревностные мусульмане должны всѣми силами намъ въ томъ вспомошествовать и стараться безвѣрнымъ Москвитянамъ дѣлать всякое зло и вредъ, и проч.“ Министры Порты вели въ это время между собой постоянную войну, рыли другъ другу ямы, слѣдствіемъ чего было безпрестанное паденіе и смѣна верховныхъ визирей.

Новый визирь, Халиль, съ гибкостью придворнаго соединялъ основательное знаніе гражданскихъ дѣлъ и восточной словесности, но былъ плохимъ полководцемъ; военное поприще было для него совершенно ново. Сбиваемый совѣтами лашей, онъ не могъ рѣшиться на что-нибудь окончательно и потому всѣ дѣйствія его въ предстоящей кампаніи, какъ увидимъ въ послѣдствіи, носятъ на себѣ доказатель-

ства нерѣшительности, медленности и отсутствія общей связи.

Таково было состояніе Турціи когда она начинала войну съ Россіей. Понимая трудность предстоящей борьбы, Порта рѣшилась составить огромную армію, какой еще никогда не выставляла и которая предполагалась вдвое болѣе арміи выставленной противъ насъ въ войну 1739 года, то-есть должна была доходить до 600.000 человекъ.

Не правда ли, какъ интересны эти сопоставленія съ нынѣшнимъ временемъ? Развѣ намъ теперь не твердили цѣлый годъ о 600.000 турецкой арміи?...

Турецкія войска стекались изъ Анатоліи, Албаніи, Румелии и Босніи къ Адрианополю. 6.000 янычаръ прибыли изъ Карса, Лезгинцы обѣщали выставить 20.000 человекъ, Крымскій ханъ собралъ до 60.000, Абды-паша Сигнахскій собралъ до 2.000 войска составленнаго изъ воровъ и разбойниковъ. Одинъ кавалерійскій отрядъ былъ собранъ въ Требизондѣ; сдѣланъ наборъ въ Смирнѣ. Войска эти, по прибытіи въ Константинополь, разсылались по городу и его окрестностямъ и пустились грабить. Въ городѣ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ; пришедшія войска бросились грабить всѣ лавки, убивать христіанъ, которые принуждены были собираться для общей защиты. Произошла стычка, въ которой пало нѣсколько мусульманъ. Это еще болѣе раздражило послѣднихъ противъ христіанъ, что едва не повлекло за собой важныхъ послѣдствій, потому что въ числѣ прочихъ былъ оскорбленъ уполномоченный Австріи.

„Доброжелатели Мустафы, писала Екатерина II Вольтеру, вовлекли его въ сію войну противъ его желанія и воли. Войска его открыли войну грабежомъ и зажигательствомъ собственныхъ земель, и при выступленіи янычаръ изъ столицы сочтено болѣе тысячи человекъ убитыхъ. Въ глазахъ самого султана и его визиря били, таскали за волосы и ограбили цесарскаго посланника, его жену и дѣтей, и никто не осмѣлился воспрепятствовать этому буйству. Вотъ сколько правительство это слабо и не устроено. И симъ-то ужаснымъ привиденіемъ думаютъ устрашить меня!“

Отдаленность опасости и превратное понятіе о Русскихъ силахъ служили причиной что Турки имѣя въ виду одинъ только грабежъ и обогащеніе, на которое они такъ много разчитывали, были воодушевлены до дикаго энтузіазма.

„О бѣдная, бѣдная Россія, восклицали одни, теперь ты со-
вѣтъ погибла, и никто тебѣ и пособить не можетъ, и не
спасетъ отъ острія нашихъ сабель.“ Другіе въ невѣжествѣ
толковали „что они загонятъ Русскихъ въ какія-то темныя
страны, на край земли; покорятъ всю имперію и возвратят-
ся домой съ добычей и множествомъ плѣнныхъ обоюдо пола.“
Многіе янычары, въ доказательство своей неустрашимости
и пренебреженія къ физическимъ страданіямъ, ранили сами
себя ножами; иные проткнувъ насквозь руку и не выни-
мая ножа шли такимъ образомъ по городу, пока отъ исте-
кавшей крови не падали въ обморокъ. Султанъ и султанши
присутствовали при этомъ выступленіи. Въ послѣдующіе
дни продолжалось выступленіе къ Даудъ-Башни, а 16го марта
выѣхалъ и самъ визирь съ Магометовымъ знаменемъ. Под-
нятіе этого знамени всегда сопровождается особеннымъ тор-
жествомъ; такъ было и теперь: шествіе открывали улемы,
а за ними слѣдовалъ главный муфтіи. Во время шествія
пѣли молитвы, въ которыхъ въ особенности замѣчательно
мѣсто гласящее чтобы „дьяволъ забралъ къ себѣ всѣхъ
христіанъ“. За знаменемъ ѣхалъ визирь, окруженный сви-
той болѣе 200 человекъ. За ними слѣдовали еще эмиры,
пѣвшая гимны.

Во время поднятія Магометова знамени, австрійскій по-
сланникъ Броньяръ, съ женой и тремя взрослыми дочерь-
ми, отправился въ одну кофейню въ той улицѣ по которой
проходила церемонія, чтобы удобнѣе ее видѣть. Ёхавшіе
впереди эмиры начали кричать чтобы гнать, бить и уби-
вать всѣхъ христіанъ которые дерзнутъ взглянуть на Ма-
гометово знамя. Толпа ворвалась въ кофейню гдѣ находил-
ся австрійскій посланникъ и гдѣ было много другихъ хри-
стіанъ. Ограбивъ прежде всего всѣхъ, вырвавъ съ кровью
изъ ушей у женщинъ серьги, несчастныхъ начали бить пал-
ками, таскать за волосы или за ноги по улицамъ и полу-
мертвыхъ побрасали въ грязныя каналы. Этой же участи
подверглось и семейство австрійскаго посланника, жена ко-
торого была въ это время беременна. Спустя два дня послѣ
описаннаго случая, Броньяръ явился къ визирю и потребо-
валъ свои паспорта. При аудіенціи Броньяръ ни слова не
сказалъ о происшедшемъ. Визирь, чтобы поправить дѣло,
рѣшился только теперь назвать заключенный съ Австріей
миръ послѣ Бѣградскаго перемирія—*сѣчнымъ* вмѣсто не-
прерывнаго, какъ онъ называлъ его до сихъ поръ. Просто

невѣроятная пошлая игра въ слова: вѣчный (?) миръ!... И изъ-за такихъ-то словъ происходили многолѣтнія дипломатическія препирательства. Вслѣдъ за тѣмъ Турецкое правительство прислало Броньяру свои извиненія по поводу нанесенныхъ ему обидъ и при этомъ ему поднесены были въ подарокъ соболья шуба цѣной въ 2.000 піастровъ и въ такую же цѣну нарядъ для его жены. Въ извинительномъ письмѣ было сказано что „смиреніе съ которымъ онъ перенесъ нанесенную ему обиду достойно подвиговъ святыхъ“. Броньяръ не постыдился принять подарки и готовъ былъ молчать. Но австрійскій министръ Кауницъ, вѣдко высказавъ ему неприличность его поведенія, пославъ на его мѣсто Тугута.

Видѣвъ съ выступленіемъ визира изъ Константинополя отправаены были при арміи и наши арестанты. За ними прислали верховыхъ лошадей и команду янычаръ. Лошади имѣли ужасный видъ, онѣ едва передвигали ноги, на нѣкоторыхъ видѣсто сѣделъ были обрывки войлоковъ безъ стременъ, все было придумано для того чтобы подвергнуть общему посмѣянію несчастное посольство. Окруженное янычарами, оно проѣхало весь городъ; улицы были полны народа, который потому только не предалъ ихъ истязанію что они охранялись янычарами. За то всякаго рода ругательства сыпались со всѣхъ сторонъ. „Чтобы вамъ не было ни пути ни дороги“, кричали одни, не исключая и женщинъ. „Ихъ всѣхъ нужно перерѣзать“, замѣчали другіе. Многіе же христіане, бывшіе свидѣтелями этого печальнаго шествія, не могли удержаться отъ слезъ.

Прибывъ въ лагерь, посольство наше было поставлено не далеко отъ визирской палатки и шатра *мелекъ*, въ которомъ обыкновенно совершаются казни. Не мало времени простояли они тутъ въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія и готовясь уже къ смерти. Турки во множествѣ сбѣжались къ *мелеку*, также думая что несчастныхъ будутъ казнить, и грубыя шутки съ ругательствами сыпались со всѣхъ сторонъ. Нужно еще сказать что во все это время шелъ сильный дождь, промочившій всѣхъ до послѣдней нитки. Наконецъ посольство наше было отведено къ мѣсту гдѣ для него приказано было разбить палатку. Не скоро ее разбили, а потомъ пришлось еще далеко за полночь быть по колѣно въ грязи пока изъ Эдикуля привезены были постели и вещи несчастныхъ.

IX.

Планъ Турокъ для предстоящей кампаніи, по своей глупости, ясно изобличаетъ легкомысленную хвастливость и самоувѣренность, всегда отличавшія Польскую націю. Только Потоцкій и его друзья могли внушить Портѣ мысль о возможности осуществленія такого плана. Послушайте. Пользуясь слабостью русскаго пограничнаго пространства, предполагалось произвести вторженіе въ русскіе предѣлы на трехъ пунктахъ и сообразно съ тѣмъ составить три арміи. Главная, съ верховнымъ визиремъ, должна была весной 1769 года двинуться къ Днѣстру и перейти его у Хотина. Къ его приходу Потоцкій и Каменецкій епископъ Красинскій обѣщали заготовить на всю турецкую армію (400.000 человекъ) въ достаточномъ количествѣ провіанта и пороха и выставить 80.000 конфедератовъ! По занятіи польской крѣпости Каменца-Подольскаго, предполагалось быстро двинуться къ Варшавѣ, свергнуть Станислава Понятовскаго, избрать новаго короля, вытѣснить или уничтожить въ Польшѣ наши слабыя отряды и двинуться вслѣдъ затѣмъ къ Днѣпру двумя колоннами: одною на Кіевъ, другою на Смоленскъ. Сила этой арміи, имѣвшей въ мартѣ мѣсяцѣ собраться у Адрианополя, назначалась *болѣе 400.000 человекъ (!)*. Между тѣмъ другая армія, до 60.000 человекъ, съ Крымскимъ ханомъ, должна была вторгнуться въ Россію съ юга; третья армія имѣла дѣйствовать по направлению къ Астрахани. Для этого снаряжена была сильная флотилія на Черномъ Морѣ, съ помощью коей слѣдовало овладѣть Таганрогомъ и Азовомъ, а усилившись подвластными Турціи кавказскими племенами, изъ коихъ одни Лезгинны обѣщали выставить 50.000, повести общее движеніе къ Астрахани. Не дурно? Жаль только что „бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.“

Планъ нашъ отличался, напротивъ, крайнею скромностью. Рѣшено было сформировать тоже три арміи. Первую изъ 80 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ князя Алекс. Мих. Голицына, для наступательныхъ дѣйствій со стороны Днѣстра, дабы такимъ образомъ предупредить вступленіе неприятеля въ наши предѣлы и не допустить до движенія

внутрь Польши, стараясь сколь можно его безпокоить, изнурять и уничтожать его запасные магазины. Въ случаѣ если бы Турки успѣли въ соединеніи съ конфедератами пробраться въ Польшу, то князь Голицынъ долженъ былъ стараться прикрывать Литву и избѣгать генеральныхъ сраженій. Вторую изъ 40.000, подъ командой графа Румянцева, съ цѣлью хотя главнѣйше оборонительною, но активною. Для этого онъ долженъ былъ занять Азовъ, волновать Крымъ, прелятствовать его сообщеніямъ съ Анатоліей,—къ чему назначалась эскадра судовъ строившихся въ Воронежѣ и Павловскѣ. Кромѣ того были сформированы особые отряды генераловъ Берга и Медема, усиленные Донскими казаками и Калмыками, для движенія въ Крымъ, къ устьямъ Волги и къ Кавказскимъ горамъ, а также на Кубань, для возмущенія подвластныхъ Турціи племенъ. Третью въ 40.000 человекъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, для движенія къ Грузіи и поднятія тамошнихъ народовъ противъ Турокъ. Наконецъ снаряжена въ Средиземное Море эскадра подъ командой графа Алексѣя Орлова, другая адмирала Спиридова и третья контръ-адмиралъ Эльфинстона, чтобъ угрожать южнымъ берегамъ Турціи и ободрять возставшихъ христіанъ Балканскаго полуострова.

Остановившись на такомъ планѣ предстоявшей войны, приступлено было къ различнымъ приготовленіямъ и снаряженіямъ арміи. Назначеннымъ въ составъ 1й арміи полкамъ, въ томъ числѣ Кабардинскому, велѣно было двинуться въ Кіевъ. Въ началѣ ноября 1768 года, они выступили изъ своихъ квартиръ. Въ жестокую слякоть и стужу, по тогдашнимъ путямъ сообщенія, пришлось полку нашему промаршировать отъ Выборга до Кіева.

Между тѣмъ непріятель воспользовался зимнимъ временемъ чтобы нанести намъ по возможности какой-нибудь вредъ. Крымская орда открыла дѣйствія вторженіемъ въ нынѣшній Елисаветградскій уѣздъ и высылкой партій въ принадлежавшіе Польшѣ уѣзды Подоліи. При слабости нашихъ кордоновъ, Татары успѣли выжечь множество деревень и увести болѣе тысячи душъ плѣнныхъ, изъ коихъ всѣ прекраснѣе женщины были отправлены въ подарокъ султану. Затѣмъ съ приближеніемъ нѣсколькихъ нашихъ отрядовъ ханъ отступилъ за Днѣстръ. Въ то же время другая орда дѣйствовала въ Бахмутскомъ уѣздѣ, гдѣ однако

не имѣла большаго успѣха, ибо жители заблаговременно успѣли удалиться. Потери наши ограничились нѣсколькими стами плѣнныхъ и пропавшей разнаго имущества и охота. А съ польскими конфедератами происходили безпрестанная стычки, въ которыхъ они безъ исключенія терпѣли пораженія и обращались въ бѣгство. Между прочимъ отрядомъ генерала-майора князя Прозоровскаго у нихъ 26го февраля были взяты укрѣпленные на Днѣстрѣ пункты, мѣстечко Жванецъ и Окопъ, что имѣло весьма полезные результаты, облегчая всей арміи переходъ черезъ рѣку къ Хотину.

Сосредоточившаяся у Кіева первая армія 25го марта выступила къ Бугу на Мевджибожъ, а 1го апрѣля боевая линія наша протянулась между Днѣстромъ и Бугомъ, въ полной готовности въ нѣсколько дней собраться и перейти за Днѣстръ. Непріятель же былъ еще далеко. Главная армія визиря только 31го марта выступила изъ Адрианополя къ Исакчи и на Днѣстрѣ могла появиться развѣ въ іюнь. Вообще Турки уже съ начала кампаніи бесполезно теряли время и упустили удобную минуту для вторженія въ Польшу. Всѣ ихъ приготовленія шли очень медленно. Мостъ у Исакчи черезъ Дунай, начатый въ октябрѣ и стоявшій уже 250.000 левовъ, все еще не былъ готовъ; провіантскіе магазины не были наполнены...

11го апрѣля первая армія собралась у мѣстечка Минковцы и расположилась въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи съ резервами, а 14го выступила къ деревнѣ Калюшъ на берегу Днѣстра; по наведеніи двухъ понтонныхъ мостовъ, авангардъ перешелъ на ту сторону и приступилъ къ устройству тетъ-де-лома. 15го перешла и вся армія налегкѣ, оставивъ тяжести на лѣвомъ берегу. 17го числа армія перешла въ Новоселицы, вблизи коей посланный изъ Хотина турецкій отрядъ Кареманъ-паши былъ разбитъ нашимъ авангардомъ, а 18го безпрепятственно подступилъ къ крѣпости Хотину. Войска наши были крайне утомлены жаромъ и недостаткомъ воды, а также безпрестанными крутыми подъемами и спусками, заставлявшими артиллерию постоянно спускаться на канатахъ. Поэтому въ тотъ день противъ крѣпости ничего не было предпринято, и армія расположилась въ пяти верстахъ отъ Хотина лагеремъ.

19го апрѣля князь Голицынъ придвинулъ армію ближе къ крѣпости и построилъ ее въ боевой порядокъ въ двѣ линіи. По совершеніи молебствія по случаю дня Св. Пасхи на высоты были выставлены батареи и открыта сильная пальба по расположенному предъ крѣпостью непріятельскому лагерю.

Благодаря искусству извѣстнаго нашего артиллерійскаго генерала Мелиссина, мы въ ту эпоху огнемъ артиллеріи такъ превосходили непріятеля что большинство пораженій ему нанесенныхъ почти исключительно должно отнести къ заслугамъ артиллеристовъ, хотя въ нѣсколькихъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ только геройство и презрѣніе къ смерти нашихъ *пѣхотныхъ* солдатъ рѣшали дѣло, не взирая на то что насъ бывало менѣе одного противъ десяти. Я сказалъ *пѣхотныхъ* потому что судя по всѣмъ тогдашнимъ донесеніямъ и отзывамъ такихъ авторитетовъ какъ графъ Румянцевъ кавалерія наша была на очень низкой стелени развитія. Плохо вооруженная, на изнѣженныхъ лошадяхъ, неповоротливая, она рѣдко приносила ту пользу *какую* слѣдовало отъ нея ожидать.

Послѣ трехчасовой канонады у непріятеля въ окопахъ разорвало нѣсколько чугунныхъ орудій, и онъ, не выдержавъ нашего огня, въ 6 часовъ бѣжалъ частію въ Хотинъ, частію къ Бендерамъ, выславъ предварительно для удержанія насъ отъ преслѣдованія кавалерійскій отрядъ, атаковавшій нашъ правый флангъ; но и этотъ отрядъ былъ разстроенъ дѣйствіемъ артиллеріи и бѣжалъ. Тогда князь Голицынъ направилъ сильную колонну для овладѣнія окопами. При этомъ было взято у Турокъ семь пушекъ, три знамени и 25 плѣнныхъ, съ потерей у насъ 5 убитыхъ и 36 раненыхъ, но къ сожалѣнію, въ числѣ ихъ генерала князя Долгорукова, вскорѣ умершаго. Непріятель окончательно залерся въ крѣпости, сжегъ форштадтъ и выгналъ изъ города всѣхъ христіанъ и Евреевъ, предварительно ограбленныхъ. Затѣмъ сутки производилась по крѣпости бесполезная канонада, а 20го числа, отслуживъ благодарственное молебствіе при пушечныхъ и ружейныхъ залпахъ, князь Голицынъ отступилъ обратно за Днѣстръ... Причиной было неимѣніе осадной артиллеріи, недостатокъ продовольствія и разоренное состояніе Молдавіи, въ коей нельзя было ничего достать. При отступленіи непріятельская конница напала на слѣдовавшій въ головѣ арміи обозъ и

семейства переселенцевъ, надѣлала большой кутермы, причемъ мы потеряли 180 человекъ и только прибытіе сильныхъ подкрѣпленій спасло обозъ отъ истребленія. Случай этотъ былъ послѣдствіемъ непростительной несообразительности: обозъ всей арміи, въ виду непріятеля, обладавшаго многочисленною ловкою кавалеріей, слѣдовалъ подъ прикрытіемъ *одной роты* Архангелогородскаго пѣхотнаго полка!

Князь Голицынъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться первымъ успѣхомъ, ободрить населеніе Молдавіи, ожидавшее съ нетерпѣніемъ нашего приближенія для возстанія противъ ненавистнаго ига, отступилъ, утѣшаясь наивною мыслью что его диверсія къ Хотину весьма устрасила непріятеля и привела его въ робость, тогда какъ именно отступление за Днѣстръ должно было ободрить Турокъ и дать имъ тему для самыхъ хвастливыхъ разказовъ. Они воспользовались нашимъ уходомъ, всѣ свободныя войска изъ Хотина разсѣяли по Молдавіи и грабили и безчинствовали на водѣ, въ отместку за выказанныя къ намъ жителями, особенно духовенствомъ, симпатіи.

Между тѣмъ Голицынъ, расположивъ армію вблизи магазиновъ, усилилъ ее еще нѣсколькими прибывшими полками, влопавъ обезлеченный продовольствіемъ и фуражемъ, выбравъ у мѣстечка Меджибожа крѣпкую позицію и сталъ *выжидать непріятеля* чтобы дать ему рѣшительное сраженіе!..

Такія дѣйствія очевидно не могли понравиться императору. Она извѣстила Голицына что считаетъ недѣйствительнымъ предлогъ побудившій его отступить; что онъ могъ магазины придвинуть къ себѣ, а не отступать къ нимъ; что оставаясь за Днѣстромъ онъ могъ разгонять мелкіе отряды Турокъ, разсѣявшихся по Молдавіи, и овладѣть Хотиномъ, въ которомъ оставалось едва нѣсколько тысячъ изнуреннаго гарнизона.

Получивъ эти замѣчанія, Голицынъ собралъ 19го мая военный совѣтъ изъ 20 генераловъ. Мнѣнія расходились диаметрально. Одни съ чрезмѣрною робостью опасались идти за Днѣстръ, другіе настаивали на этомъ, расходясь только въ пунктахъ переправы и расположенія арміи; нѣкоторые находили возможнымъ внезапно нагрянуть на Хотинъ, овладѣть крѣпостью и приписывали этому большое значеніе; другіе олять полагали что взять крѣпость можно только правильною осадой и что овладѣніе ею для насъ не имѣетъ

особаго значенія. Самъ Голицынъ оставался при своемъ мнѣнїи, что слѣдуетъ оставаться на мѣстѣ и ожидать противника на нашу сторону рѣки чтобы дать ему сраженіе. Такимъ образомъ продолжалось наше бездѣйствіе, дававшее возможность Туркамъ свободно двигаться, стягивать свои разбросанные отряды и безнаказанно распоряжаться всею Молдавїей; а наконецъ 3го іюня прибылъ и самъ великій визирь съ 200.000 человекъ при 140 пушкахъ къ Пруту, у Рябой Могилы. Здѣсь явился къ визирю посломъ отъ конфедераціи графъ Потоцкій со свитой изъ 150 человекъ и испросивъ аудіенцію рѣшился подвергнуться всѣмъ униженіямъ, лишь бы снискать расположеніе визиря. Приближаясь къ нему, Потоцкій сдѣлалъ земной поклонъ, поцѣловалъ полу его шубы и *именемъ націи* сказалъ: „Вся Польская нація повергаетъ себя подъ защиту лучезарнаго, непобѣдимѣйшаго и святѣйшаго Магометова знамени, страшнаго всѣмъ христіанамъ, которому далоплетъ Богъ на Русскихъ совершенную побѣду.“ Но и это ползаніе у ногъ татарскаго лаши, это невѣроятное униженіе имени христіанской націи (едва ли впрочемъ дававшей Потоцкому полномочіе на это) не особенно подѣйствовало на надменнаго визиря: онъ весьма презрительно сказалъ что всѣ эти конфедераты бѣглецы, несчастныя жертвы раздора, безразсудства и слабости непостоянной, безхарактерной націи; что онъ и на Польшу смотритъ какъ на врага, что онъ готовъ дать имъ только убѣжище, а не помощь, что онъ и безъ нихъ будетъ поражать враговъ своихъ и т. д. Потоцкій съ самоотверженіемъ достойнымъ лучшей цѣли продолжалъ прегатывать всѣ обиды и повторялъ что всѣ Поляки льстятъ себя надеждой что блистательная Порта, уже столько разъ имъ помогавшая, и теперь не откажетъ въ содѣйствіи къ возвращенію потерянной свободы (?). „Скажите ему, возразилъ визирь, что Порта никогда не помогала невѣрнымъ, а имѣла многія причины жаловаться на Поляковъ; пусть онъ не воображаетъ что имѣетъ здѣсь дѣло съ христіанскою державой, привыкшею играть истиной и ложью. Знаете ли вы, обратился визирь къ лашамъ, что эти люди называютъ свободой? *Это право жить безъ всякаго закона.*“ (Rulhière, *Histoire de Pologne*. Т. III, р. 252 и рукопись Имп. Пуб. Библ.) „Что до тебя, заключилъ свою рѣчь визирь, обращаясь къ Потоцкому, то ты имѣешь находиться для слѣдованія съ

тѣми людьми на ту сторону Днѣстра при Магометъ-пашѣ Румели, *назначенномъ серакиромъ Польши (?)*.”

Затѣмъ начались различныя соображенія о способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, и нѣтъ возможности безъ смѣха читать этихъ столь свойственныхъ легкомысленному характеру однихъ и невѣжественной напыщенности другихъ, мальчишески хвастливыхъ предположеній и разчетовъ!... То сто тысячъ конфедератовъ двигаются съ одной стороны, а двѣсти тысячъ Турокъ съ другой, восемьдесятъ тысячъ Татаръ съ третьей, и разоривъ всю Новороссію, уничтоживъ вездѣ русскія войска, они дѣлаютъ добычу дружескимъ образомъ: одни берутъ Смоленскъ, Черниговъ и пр., другимъ отдаютъ Киевское воеводство и „всѣхъ враждебныхъ конфедераціи крестьянъ, а также диссидентовъ съ ихъ женами и имуществомъ“ и т. д.... А кончилось дѣло тѣмъ что вмѣсто сотенъ тысячъ, едва являлись десятки, большею частью оброду, и всякое движеніе парализовалось неустройствомъ продовольственной части. Наконецъ визирь рѣшился начать дѣйствія и двинулъ часть орды къ Хотину, другую къ Бендерамъ и Татаръ къ Елисаветграду.

Князь Голицынъ, узнавъ объ этомъ, собралъ 5го іюня военный совѣтъ, на коемъ рѣшено было атаковать часть непріятеля, перешедшаго по сую сторону Днѣстра, а всей арміи двинуться къ Каменецъ-Подольску для удержанія Турокъ сосредоточенныхъ въ Хотинѣ отъ переправы.

8го іюня полки выступили изъ своихъ квартиръ и 13го сосредоточились въ мѣстечкѣ Ярмолины. Здѣсь Голицынъ опять собралъ совѣтъ (эти безпрестанныя обращенія къ совѣтамъ уже достаточно характеризуютъ князя Александра Михайловича, и ожидать отъ него рѣшительныхъ дѣйствій нечего было), на коемъ постановили продолжать движеніе и стать на берегу Днѣстра, выславъ сильный корпусъ на ту сторону для прелѣтствования подвоза непріятелю припасовъ. Еслибы Турки вздумали атаковать этотъ корпусъ, то наша армія должна была или воспользоваться этимъ и напасть на Хотинъ, или присоединиться къ атакованному корпусу и общими силами разбить непріятеля.

Не стану утомлять вниманіе читателя разказами о разныхъ авангардныхъ дѣлахъ и стычкахъ, тѣмъ болѣе что онѣ почти исключительно происходили съ легкими войсками генералъ-майора князя Прозоровскаго, въ составъ коихъ

не входилъ Кабардинскій полкъ. Я ограничусь краткимъ перечнемъ болѣе важныхъ дѣлъ, въ коихъ войска наши, не взирая на свою малочисленность, на относительно плохое состояніе кавалеріи и неудобную мѣстность, все-таки нанесли Туркамъ пораженія, не давъ имъ возможности похвастать хотя бы однимъ имѣющимъ значеніе успѣхомъ.

19го іюня были разбиты и прогнаны за рѣку главныя части турецкаго корлуса, уже успѣвшаго на половину переправиться. 29го числа непріятельскій отрядъ шедшій изъ Ясы къ Хотину атаковалъ нашъ авангардъ, но разбитый бѣжалъ назадъ за Прутъ; въ то же время разсыяна шайка конфедератовъ, подъ начальствомъ Твардовскаго, имѣвшая цѣлью уничтожить нашъ провіантскій магазинъ въ Стави-славовѣ, причемъ лавъ Твардовскій взятъ въ плѣнъ. 30го числа Турки все напали на авангардъ главной арміи, двигавшейся за Днѣстромъ къ Хотину, но артиллерійскимъ огнемъ прогнаны съ потерями. 1го іюля армія наша расположилась въ шести верстахъ отъ крѣпости при селѣ Пашковцахъ, съ намѣреніемъ остановить на другой день непріятеля, но онъ самъ помогъ намъ разбить себя: предполагая что расположенныя предъ нимъ войска составляютъ только незначительную часть русской арміи, а видѣвшійся за рѣкой небольшой нашъ отрядъ для прикрытія переправы принявъ за главную армію, непріятель рѣшился самъ напасть на насъ и разбить по одиночкѣ. Такимъ образомъ, 2го іюля, обѣ стороны готовились къ атакѣ, но Турки насъ предупредили и въ пять часовъ утра повели наступленіе на передовую колонну, высланную для занятія лѣсистыхъ высотъ. Первый натискъ Турокъ, по обыкновенію, былъ стремителенъ и наша конница была смята; лѣвый флангъ былъ разстроенъ; съ фронта Турки подскакивали, рубили рогатки, врывались за нихъ, не взирая на сильный огонь; минута казалась критическою, но въ это время выдвигаются изъ резерва два гренадерскіе баталіона, съ двухъ сторонъ атакуютъ Турокъ и заставляютъ отступать. Собравшись съ силами, непріятель возобновляетъ разъ - другой свои натиски, но безуспѣшно. Гренадеры просили позволенія бросить рогатки и идти на непріятеля.... Какое рутинное, упрямое непониманіе! никакъ не могли отрѣшиться отъ рогаatokъ....

Въ восемь часовъ утра подошли къ мѣсту сраженія всѣ

оставшійся наши войска и князь Голицынъ построилъ одно общее баталіонное каре, двинулся съ цѣлью вогнать непріятеля въ ретраншаментъ подъ Хотиномъ, чтобы тамъ атаковать его. Но едва армія прошла съ версту, какъ Турки огромною массою стремительно напали на нее со всѣхъ сторонъ. Безсвязная атаки, хотя и отважно веденныя, не могли поколебать нашей лѣхоты; видя безуспѣшность ихъ, Турки обратились на кавалерію и стали ее тѣснить; но подоспѣвшіе баталіоны, особенно четыре легкихъ орудіа, отбили и эти попытки, такъ что непріятель бросился отступать частію за Прутъ, частію въ ретраншаментъ. На другой день мы собрались атаковать его, но непріятель очистилъ укрѣпленіе и ушелъ въ Хотинъ. Затѣмъ было пристулаено къ блокадѣ и бомбардированію крѣлости.

Положеніе гарнизона было весьма затруднительно; многочисленность скопившихся въ немъ войскъ стѣсняла и увеличивала потери; воѣ лошади уже попадали отъ недостатка корма и воды; отъ развившейся заразы и нашихъ выстрѣловъ уже погибло до двухъ тысячъ человекъ; боевые и продовольственные припасы были на исходѣ; но гарнизонъ продолжалъ упорно обороняться, ободренный извѣстіемъ о приближеніи подкрѣпленія изъ Крымскихъ Татаръ. И дѣйствительно, 22го іюля показались войска Крымскаго хана. Чтобы соединиться съ крѣлостью, имъ необходимо было сбить съ позиціи нашъ авангардъ; но генераль-майоръ князь Прозоровскій, благодаря дѣйствію артиллеріи, держался, отбивая всѣ атаки. Наконецъ Татары повели еще одну стремительную на него атаку, и не взирая на сильнѣйшій огонь нѣсколькихъ десятковъ орудій, ворвались въ промежутокъ между авангардомъ и главною арміею, угрожая отрѣзать войска князя Прозоровскаго. Въ это время бывшая въ резервѣ тяжелая кавалерія наша бросилась во флангъ Татаръ и при содѣйствіи учащеннаго картечнаго огня нашихъ батарей обратила ихъ въ бѣгство. Въ то же время была отбита и сильная гарнизономъ Хотина вылазка, такъ что крѣлость потеряла всякую надежду на подкрѣпленіе и полученіе припасовъ и осталась въ отчаянномъ положеніи. По суткамъ люди не получали пропитанія и только страхъ казни удерживалъ ихъ еще отъ явнаго возмущенія. Пѣвныя и дезертеры показывали что и Турки и конфедеренты готовы бы

сдаться, еслибы не боялись мщенія Русскихъ. (И теперь, въ 1877 году, вѣдь такими же сказками еще дурачатъ турецкіе лаши свои войска; взятые въ Ардаганѣ лѣнные говорили что ожидали мучительной смерти и крайне удивлены встрѣченнымъ обхожденіемъ.) Посланныя съ парламентаріями увѣренія въ пощады и человеколюбіи, лишь бы гарнизонъ сдалъ крѣпость не проливая напрасно крови, не имѣли успѣха, ибо Потоцкій настаивалъ что отбитое подкрѣпленіе Крымскаго хана вызоветъ присылку болѣе сильнаго, даже можетъ-быть подъ предводительствомъ самого великаго визиря, продолжавшаго все еще стоять у Рябой Могилы. 26го іюля олять появился значительный непріятель, до пятидесяти тысячъ человекъ; это былъ Молдаванчилаша съ отрядомъ Турокъ и крымскою ордой, двигавшеюся на выручку Хотина. Еще до ихъ прибытія князь Голицынъ, по совѣту своихъ генераловъ, считая себя недостаточно сильнымъ для наладенія на это новое подкрѣпленіе, озаботился принять оборонительныя мѣры и для болѣе безопасности придвинулъ авангардъ Прозоровскаго къ главнымъ силамъ. Такимъ образомъ Молдаванчилаши, послѣ нѣсколькихъ слабыхъ атакъ, сдѣланныхъ на наши войска какъ бы для очистки совѣсти, достигъ своей цѣли, то есть соединился съ осажденными и сталъ лагеремъ подъ крѣпостью. У противника образовались превосходныя силы, не менѣе 120 тысячъ, дававшія возможность повести общую сильную атаку на нашу армію или угрожать ей сообщеніемъ.

Князь Голицынъ послѣдшилъ по этому поводу собрать военный совѣтъ, кончившійся, по обыкновенію, крайнею разногласіемъ, и „длинной рѣчи краткій смыслъ“ былъ тотъ, что армія наша вторично отступила за Днѣстръ для того чтобы привести все въ исправное состояніе, снабдить себя осадною артиллеріей и проч. Турки ободрились и приписали себѣ славу блистательной побѣды.

Между тѣмъ визирь съ своими 200.000 человекъ стоялъ въ бездѣйствіи у Рябой Могилы. Паши воровали казенныя деньги, не отпуская войскамъ продовольствія, а тѣ занимались мародерствомъ и тысячами разбѣгались; дисциплины почти не существовало; извѣстія о пораженіяхъ при встрѣчахъ съ Русскими волновали орду и она доходила до угрозъ самому визирю, такъ что онъ былъ вынужденъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманывать свое войско, разнося, напримѣръ,

съ торжествомъ нѣсколько церковныхъ хоругвей, взятыхъ при ограбленіи какой-то церкви, и увѣряя что это семь знаменъ, отбитыхъ въ сраженіи у Русскихъ. Кончились, однако, дѣла по-турецки: визирь былъ вызванъ въ Андріанополь, получивъ на поѣздку знатную сумму денегъ, а по прибытіи туда былъ обезглавленъ вмѣстѣ съ своимъ переводчикомъ Драки и съ молдавскимъ господаремъ Гикою. Три головы были выставлены въ Стамбулѣ, съ надписями: надъ визирьскою, что онъ злоупотреблялъ властью, допустивъ въ войскахъ безпорядки, не пошелъ на вырчку Хотана и т. д.; надъ Драки—что онъ измѣнникъ и въ согласіи съ Гикою причинилъ много вреда, а надъ господаремъ, тоже за измѣну и присвоеніе себѣ 400 мѣшковъ денегъ, выданныхъ ему на покупку припасовъ.

На мѣсто визиря былъ назначенъ Молдаванчи-паша. Онъ началъ болѣе энергическія дѣйствія и турецкія партіи стали ежедневно переправляться на нашу сторону, впрочемъ каждый разъ прогонялись съ урономъ. 29го августа онъ рѣшился дать намъ генеральное сраженіе и, перейдя чрезъ Днѣстръ, атаковалъ передовой отрядъ графа Брюса. Сначала Турки имѣли большой успѣхъ, вслѣдствіе громаднаго превосходства въ силахъ, и отбили у насъ четыре орудія; но когда подошли подкрѣпленія и мы въ свою очередь атаковали съ фланга окружившихъ наши три пѣхотные полка Турокъ, тѣ не выдержали удара въ штыки и бѣжали. Сраженіе продолжалось весь день, непріятель былъ разбитъ и отступилъ за Днѣстръ съ значительною потерей, особенно отъ блистательнаго дѣйствія артиллеріи генерала Мелисина. Мы потеряли болѣе 500 человекъ и 1.600 лошадей, захваченныхъ Турками въ тылу арміи отъ обозовъ.

Довесеніе о побѣдѣ, вмѣстѣ съ десятью знаменами взятыми у Турокъ, было послано въ Петербургъ съ полковникомъ княземъ Голицынымъ; въ реляціи, въ числѣ особенно отличившихся, поименованы Кабардинскаго полка поручикъ Рейникенъ и Ферзенъ, оба раненые, и майоръ датской службы *Мольтке*, который, находясь при Ростовскомъ карабинерномъ полку (драгунскомъ), отличился особою отвагой и былъ раненъ саблей въ руку. Я упоминаю здѣсь о послѣднемъ собственно потому что это былъ безъ сомнѣнія родственникъ нынѣшняго знаменитаго *Schlachten-denker'a* графа Мольтке (какъ извѣстно происходящаго

изъ Давіи), считающагося нашимъ фельдмаршаломъ и шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка; видно что военная доблесть—принадлежность этой фамиліи.

6го сентября Молдаванчи-паша рѣшился еще разъ перейти Днѣстръ и укрѣлиться на нашемъ берегу, чтобъ обезнечить свободу своимъ фуражирамъ, вынужденнымъ тутъ искать продовольствія для лошадей, погибавшихъ въ Хотинѣ отъ совершенной безкормицы. Князь Голицынъ рѣшился атаковать устроенный Турками редутъ и назначилъ для этого десять гренадерскихъ баталіоновъ, которые, не взирая на глубину наполненного грязью рва и усиленный огонь непріятеля, ворвались въ укрѣпленіе, выгнали его защитниковъ и съ громаднымъ урономъ прогнали за Днѣстръ; но и мы потеряли при этомъ убитыми и ранеными 29 офицеровъ и 575 человекъ!

Послѣ этого пораженія и истребленія множества мелкихъ партій, не успѣвшихъ перебраться за разлившуюся вдругъ рѣку, съ нашей стороны устроили сильную батарею и открыли такую кононаду по Хотину, что Молдаванчи-паша долженъ былъ снять свой лагерь и удалиться; а вслѣдъ за тѣмъ и гарнизонъ крѣпости скрытно отступилъ, бросивъ порученныя его защитѣ твердыни. 9го сентября наши войска заняли Хотинъ безъ выстрѣла. Въ немъ найдено значительное количество всякихъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ и гарнизонъ очевидно бѣжалъ не отъ недостатка продовольствія. Нѣсколько оставшихся въ городѣ жителей говорили что турецкое войско просто возмутилось противъ своего начальства за претерпѣваемыя постоянно пораженія.

Взятіе Хотина скрасило безплодность предшествовавшихъ нерѣшительныхъ дѣйствій князя Голицына; но задолго до этого, тотчасъ послѣ вторичнаго отступленія за Днѣстръ, императрица уже рѣшилась отозвать его изъ арміи и 13го августа писала что считаетъ необходимымъ лично совѣщаться съ нимъ о дѣлахъ, дабы на этомъ основать впредь свои распоряженія, и дружески увѣряла его что это не есть гнѣвъ съ ея стороны. При этомъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Главнoкомандующимъ былъ назначенъ графъ Румянцевъ, вступившій 18го сентября въ командованіе арміей. Чула ли Турки какая гроза собирается надъ ихъ головами?

Въ теченіе осени наши отряды заняли Молдавію и Валахию; турецкія главныя силы отступили за Дунай, а русская армія расположилась въ Подольской губерніи, сначала на кавтониръ-квартирахъ; Кабардинскій полкъ въ дивизіи генералъ-поручика Рененкампа стоялъ въ деревнѣ Терновкѣ, за исключеніемъ двухъ ротъ, командированныхъ въ польское мѣстечко Полонное для прикрытія провіантскаго магазина, а съ 15го октября на зимнихъ квартирахъ уже въ дивизіи генерала Племяникова, въ селѣ Голосковѣ.

X.

Въ теченіе зимы 1769—70 года обѣ стороны дѣятельно готовились къ новой кампаніи. Французскій министр Шуазель писалъ одному изъ своихъ пословъ что „твердость султана, безчисленныя приготовленія, негодованіе за дурной исходъ прошедшей кампаніи, готовятъ усилія, противъ коихъ Русскіе въ свою очередь не устоятъ, если они попрежнему будутъ разчитывать только на одно счастье, доставившее имъ побѣду, которой они не содѣйствовали ни своими качествами, ни дѣйствіями.“

Намъ не сѣдуетъ ни удивляться, ни негодовать на подобные отзывы. И сто лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время какая-то традиціонная враждебность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зависть и боязнь почти всей Европы, особенно ея политическихъ дѣятелей, не перестаютъ осылать насъ всяческими клеветами, ругательствами. Потопили мы геройскимъ подвигомъ Дубасова турецкій мониторъ,—мы варвары хладнокровно смотрящіе на гибель двухсотъ храбрыхъ моряковъ; разбили мы, собственно говоря, двумя эскадронами драгунъ кавалерію Мусы Кундухова и взяли у нихъ двѣ пушки,—за границей пишутъ что мы были вчетверо сильнѣе, имѣли лѣхоту, напали на сонныхъ, которые защищались какъ львы, и одержали верхъ только благодаря чрезвычайному превосходству силъ; взяли мы Ардаганъ,—европейскія газеты увѣряютъ что комендантъ измѣнилъ, а гарнизонъ былъ исключительно изъ мѣстныхъ милиціонеровъ и разбѣжался по домамъ. Однимъ словомъ, „не мытьемъ, такъ катаньемъ“ силится вражда проявлять свои гнилые

зубы, поддерживая въ массѣ европейскіхъ націй убѣжденіе въ нашемъ варварствѣ, невѣжествѣ, свирѣлости нравовъ и т. л.

Императрица Екатерина ничуть не отъскалалась вѣсти этими враждебностями и почти не обращала на нихъ никакого вниманія. Она прямо шла къ цѣли. Если поглубже выникнуть въ значеніе дружбы западныхъ державъ къ Турціи,—дружбы, въ надеждѣ на которую Порта всякій разъ только и рѣшалась на войну съ Россіей, то окажется что весь результатъ этой дружбы и всѣхъ усиленныхъ поддержекъ Европы, много-много что отсрочилъ роковую катастрофу... Предотвратить же ее могла быть-можетъ искренняя дружба съ Россіей, основанная на освобожденіи Славянъ отъ непосредственнаго подчиненія Портѣ.

Графъ Румянцевъ настаивалъ на необходимости сдѣлать всевозможныя приготовленія для будущей кампаніи, которой онъ придавалъ болѣе важности чѣмъ минувшей. При всей своей рѣшительности и отвагѣ, онъ былъ изъ числа полководцевъ вѣрныхъ правилу „не пренебрегать никакимъ врагомъ“. Первою заботой его было доставленіе войскамъ покойныхъ зимнихъ квартиръ, чтобы недостатки арміи могли съ удобствомъ быть исправлены.

Въ войскахъ былъ большой некомплектъ людей, особенно отъ раскомандированныхъ для прикрытія госпиталей и магазиновъ, въ плохомъ состояніи также была обувь и одежда.

Графъ Румянцевъ приказалъ отдѣлить отъ полковъ слабыхъ людей для занятія гарнизоновъ, а на ихъ мѣсто вытребовалъ здоровыхъ, надежныхъ солдатъ изъ ротъ оставшихся въ Россіи; недостающее число пополнялось рекрутами, на обученіе коихъ было обращено особое вниманіе, и притомъ не по рутинному тогдашнему способу, а преимущественно требовалось яріеніе къ мѣткой стрѣльбѣ, быстрое построеніе колоннъ и каре и т. п. Величайшая опрятность и строжайшая военная дисциплина были первымъ условіемъ. „Потворствомъ,“ говорилъ Румянцевъ, „можно испортить лучшую армію.“ По части госпитальной и особенно продовольственной тоже были сдѣланы самыя подробныя и по тогдашнимъ условіямъ наилучшія распоряженія.

По составленному плану кампаніи, главное назначеніе Первой арміи состояло въ окончательномъ удержаніи за собою пространства между Прутомъ и Серетомъ до впаденія

и въ Дунай. Такимъ образомъ турецкія войска должны были быть удержаны за Дунаемъ и лишены возможности перейти рѣку отъ Браилова до Виддина; а вторая армія должна была овладѣть Бендерами и прикрывать наши южныя границы со стороны Очакова и Крыма.

Понимая затруднительность своего положенія, Порты истощала всѣ средства для отраженія грозившей опасности. Но неудачи минувшей войны охладили многихъ рѣшительныхъ людей, бывшихъ во главѣ партіи требовавшей объявленія войны Россіи.

Изъ Анатоліи прибыло не болѣе 40.000 человекъ, усилившихъ турецкую армію, собранную къ веснѣ у Адрианополя. Паша Трапезондскій, Эрзерумскій и Карскій назначались дѣйствовать противъ Грузинскихъ князей и къ сторонѣ Крыма. Для возбужденія энтузіазма къ войнѣ, султанъ обѣщалъ лично предводить арміей, но вскорѣ рѣшился предоставить главное начальство надъ нею верховному визирю, а самъ снова удалился въ свой гаремъ.

Нуждаясь въ деньгахъ, султанъ уменьшилъ роскошь въ сералѣ и даже запретилъ женщинамъ носить богатыя платья. Золотой сервизъ свой, стоившій два милліона талеровъ, онъ приказалъ перелить въ деньги.

А сборъ войскъ шелъ вообще медленно. До 12.000 человекъ визирской арміи, оставивъ въ прошломъ году Магометово знамя, не хотѣли выйти изъ Константинополя для новой кампаніи и бродили въ городѣ и по его окрестностямъ. Намѣстникъ визиря въ столицѣ, чтобы принудить ихъ идти въ походъ, прибѣгнулъ къ оригинальному средству. Онъ собралъ множество женщинъ и подговорилъ ихъ убѣдить бродившихъ солдатъ идти въ походъ. Женщины эти употребляли сначала ласки, но когда это средство не помогло, онѣ начали называть бѣглецовъ трусами. Тогда солдаты избивали подговоренныхъ женщинъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ раздѣли и въ такомъ видѣ гоняли по городу.

Для обузданія своевольныхъ, султанъ приказалъ въ Константинополѣ поставить нѣсколько висѣлицъ, на которыхъ были многіе виновные повѣшены за ребро; иныя же посажены на колъ. Ночью висѣлицы были сломаны и на стѣнахъ серала появилась надпись, относившаяся къ султану: „доставь намъ миръ, или будешь лишенъ жизни“. Султанъ назначилъ 1.000 талеровъ за отысканіе виновныхъ, но

всѣ попытки остались тщетными. Дѣла въ Черногоріи шли дурно; Черногорцы распространили свои набѣги до самой Македоніи. Степанъ Малый взялъ Подгоричъ и еще два важные пункта, нанеся значительный уронъ Туркамъ, что показывало недостаточность высланнаго въ Черногорію 13.000 турецкаго отряда.

Въ началѣ мая въ Бабадагѣ собрано было до 150.000 человекъ, которые направлялись въ Исачки. Во главѣ этихъ войскъ находился верховный визирь съ пресловутымъ Магометовымъ знаменемъ, относительно коего Турки находились въ постоянномъ заблужденіи. Они думали что христіане, увидя въ бою Магометово знамя, должны непременно ослѣпнуть или бѣжать. Эмиры старались поддержать это заблужденіе для приданія бодрости мусульманамъ. Впрочемъ настоящее Магометово знамя, какъ говорятъ, давно уже было потеряно въ войнѣ съ Австрійцами.

Войска собранныя въ Бабадагѣ далеко не имѣли уже той увѣренности въ успѣхѣхъ какъ въ прошломъ году. Къ тому же распространился невыгодный для Турокъ слухъ по поводу открытія сдѣланнаго въ то время на островѣ Мальтѣ, въ церкви города Валетты. Въ стѣнѣ этого храма будто бы открытъ былъ лотайной шкафъ, въ которомъ найдены были разныя бумаги Мальтійскаго ордена; тутъ же находились вырѣзанныя на слоковой кости нѣкоторыя изреченія, которыми молва придавала значеніе пророчества. Въ одномъ изъ такихъ изреченій было сказано: „что Константинополь достанется Русскимъ“.

Время къ открытію кампаніи приближалось, а состояніе арміи графа Румянцева во многихъ отношеніяхъ не было удовлетворительно, недоставало людей, а наличные были плохо одѣты и обуты. Исправить эти недостатки къ предстоящему походу не было никакой надежды, однако графъ Румянцевъ дѣятельно готовился къ выступленію и ожидалъ только исправленія дорогъ, совершенно распутившихся отъ дождей. Но раннее начало кампаніи могло обезпечить успѣхъ предстоящихъ дѣйствій, не давая противнику времени собраться и усилиться, а потому нужно было употребить всѣ усилія къ открытію похода.

23го апрѣля армія графа Румянцева начала выступать частями изъ расположенія на зимнихъ квартирахъ къ Хотину, гдѣ назначалось сборное мѣсто и устроенъ былъ мостъ для

переправы черезъ Днѣстръ. Для удобства движенія, вся армія была раздѣлена на семь колоннъ; 4я и 5я колонны (3я дивизія, въ которой состоялъ Кабардинскій полкъ) при генералъ-аудиторѣ Олицѣ слѣдовали отъ мѣстечка Грудекъ на Вышневецъ, Стефанешки и Должокъ.

Безпрерывные дожди до того испортили дороги что графъ Румянцевъ принужденъ былъ слѣловать нѣсколько лишнихъ раздыховъ противъ назначенныхъ въ маршрутѣ, отчего войска пришли къ Хотину только 12го мая и стали лагеремъ на берегу Днѣстра противъ крѣлости. Тутъ графъ Румянцевъ простоялъ еще нѣсколько дней, чтобъ отставшіе обозы могли присоединиться къ своимъ частямъ; но для дальнѣйшаго движенія впередъ представилось неожиданно новое препятствіе: явилась чума... Хотя появленіе язвы въ Молдавіи угрожало нашему отряду въ ней расположенному и могло значительно стѣснить дѣйствія графа Румянцева, но онъ рѣшился въ точности исполнить повелѣніе императрицы, состоявшее въ томъ, чтобы безъ крайней надобности не оставлять занятыхъ земель. До сихъ поръ опасности отъ заразы подвергался одинъ Молдавскій корлусъ. Но съ открытіемъ кампаніи и главныя силы Румянцева по необходимости должны были имѣть тѣсную связь съ войсками расположенными въ Молдавіи, что могло также распространить заразу и между ними. Тѣмъ не менѣе выжидать времени пока повѣтріе ослабѣетъ графъ Румянцевъ не рѣшался, потому что это могло вселить непріятелю мысль о затруднительности нашего положенія и сверхъ того давало ему время усиливаться въ Молдавіи.

Онъ рѣшился продолжать движеніе впередъ; а для предохраненія войскъ отъ заразы предполагалъ избѣгать сношеній съ Хотиномъ. Затѣмъ въ тѣхъ же видахъ, не вступая въ Молдавію, двигаться внизъ по лѣвому берегу Прута, мѣстами малонаселенными, гдѣ моровое повѣтріе еще не проявлялось. Притомъ же такое направленіе соответствовало и стратегическимъ соображеніямъ, потому что ставило армію графа Румянцева въ болѣе тѣсную связь со Второю арміей.

Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, графъ Румянцевъ рѣшилъ 15го мая Днѣстръ у Хотина, не входя въ городъ. А между тѣмъ турецкая армія, какъ медленно ни собира-

лись ея части, все-таки достигла значительной цифры 200.000, тогда какъ у Румянцева было съ казаками и пр. 31.000. Турки открыли наступательныя дѣйствія и начались безпрестанныя стычки съ передовыми войсками Молдавскаго корпуса. Ужасные дожди прелютствовали движенію и Румянцева долженъ былъ простоять на мѣстѣ до 25го мая, а затѣмъ двинулся небольшими переходами впередъ, улаживая войска въ построеніяхъ и движеніяхъ вновь введенными походными и боевыми колоннами. Преодолевая большія трудности по испорченнымъ, гористымъ дорогамъ, гдѣ артиллерію и обозы приходилось тащить на людяхъ, армія при всемъ желаніи послѣдшить вынуждена была дѣлать небольшіе переходы. Наконецъ 9го іюня Румянцева расположился на Прутѣ и вошелъ въ связь съ отдѣльнымъ Молдавскимъ корпусомъ, находившимся въ виду сильнаго непріятеля въ опасномъ положеніи. 10го іюня авангардъ нашъ уже имѣлъ дѣло съ непріателемъ, а 15го Турки были разбиты у Рябой Могилы. Послѣ этого армія наша двинулась къ рѣкѣ Серетъ. Предвидѣлась близость сильнѣйшаго столкновенія съ главными турецкими силами и неизбежность быстрыхъ передвиженій. Поэтому графъ Румянцева обратилъ особое вниманіе на обезпеченіе войскъ хлѣбомъ; а тутъ какъ нарочно язва въ Хотинѣ и окрестностяхъ не уменьшалась, а транспортъ съ продовольствіемъ долженъ былъ проходить черезъ Днястръ у Хотина. Но приняты были всѣ мѣры предосторожности, а такихъ полководцевъ какъ Румянцева ничто въ туликъ не ставитъ. Не взирая на свою малочисленность и на то что непріатель въ сильныхъ массахъ находился на обоихъ берегахъ Прута, не взирая на невозможность остановиться на основательномъ соображеніи что намѣренъ предпринять противникъ, главнокомандующій нашъ, руководствуясь въ-которыми извѣстіями и сообщеніями перебѣжчиковъ, убѣдился что намъ готовятъ ударъ на лѣвомъ берегу Прута и сдѣлаавъ соотвѣтствующія распоряженія, заключавшіяся въ томъ главнѣйше что, какъ выразился Румянцева на собраніи генераловъ, слава и достоинство наше не терпятъ чтобы сносить присутствіе непріятеля стоящаго въ виду насъ, не наступая на него, и потому слѣдуетъ атаковать. Послѣ ежедневныхъ авангардныхъ стычекъ, 7го іюля произошелъ знаменитый бой въ долину рѣки Ларга, гдѣ 80.000 Турокъ было

разбито 15.000 русскихъ войскъ и притомъ съ весьма ничтожною потерей. Румянцевъ первый въ Россіи получилъ за это орденъ Георгія Іго класса. Визирь не особенно смущался пораженьемъ его войскъ при Ларгѣ и все еще оставался въ увѣренности что самъ онъ съ своими силами не побѣдимъ и что стоить только лично ему перейти Дунай чтобъ уничтожить Русскихъ. На собранномъ совѣтѣ паша съ восторгомъ выслушала его намѣреніе атаковать насъ, тѣмъ болѣе что по свѣдѣніямъ русскія войска нуждаются въ продовольствіи и Крымскій ханъ обещалъ атаковать ихъ съ тылу въ то время какъ визирь атакуетъ съ фронта. Раздѣливъ свою армію на три колонны, визирь оставилъ себѣ центръ, а фланги поручилъ двумъ лучшимъ пашамъ, для поощренія коихъ пожаловалъ имъ по шубѣ. Всѣ поклялись не отступать не разбивъ Русскихъ. Такимъ образомъ состоялось движеніе визиря къ озеру Кагулу. При всемъ желаніи тотчасъ двинуться на непріятеля, графъ Румянцевъ не считалъ однако возможнымъ тронуться не имѣя съ собою по крайней мѣрѣ семидневнаго провіанта, почему и послалъ приказаніе о немедленномъ слѣдованіи обозовъ, а для ускоренія на встрѣчу выслалъ полковыя повозки, вооружилъ и усилилъ погонщиковъ. Въ ожиданіи прибытія провіанта, графъ Румянцевъ не могъ двинуться далѣе и тѣмъ самымъ далъ непріятелю возможность усилить турецкія войска на Кагулѣ всею арміей визиря, такъ что она возрасла до 50.000 чел. пѣхоты и 100.000 конницы. Кромѣ того 80.000 Татаръ стояло у озера Яллуха, намѣреваясь атаковать наши обозы и транспортъ шедшій отъ Фальчи, послѣ чего Татары могли напасть на нашу армію съ тыла. Такимъ образомъ положеніе графа Румянцева было слѣдующее: предъ фронтомъ его стояло 150.000 Турокъ; вправо и лѣво длинныя озера Кагулъ и Яллухъ, прелютствовавшія свободному движенію, продовольствія оставалось дня на три или на четыре. Положеніе крайне опасное. Въ случаѣ неудачи армія была бы приведена въ совершенную крайность; запертая въ узкомъ пространствѣ между двухъ рѣкъ и большихъ озеръ, атакующая съ фронта и съ тылу противникомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ, она, по мнѣнію Турокъ, должна была положить оружіе.

Выйти изъ этого опаснаго положенія графъ Румянцевъ могъ легко, — ему стоило только отступить къ Фальчи,

соединиться съ своими транспортами, и обезпечивъ себя продовольствіемъ выжидать нападенія противника на избранной позиціи. Тогда, даже въ случаѣ потери сраженія, онъ могъ отступить на соединеніе со Второю арміею и совокупными силами снова перейти въ наступленіе.

Но вѣрный своему правилу: „не сносить присутствія непріятеля не атаковавъ его,“ онъ, какъ древній Римлянинъ, не считалъ числа непріятеля, а искалъ только гдѣ онъ.

Намѣреваясь идти на встрѣчу верховнаго визиря, графъ Румянцевъ приказалъ армейскимъ обозамъ, слѣдовавшимъ отъ Фальчи къ рѣкѣ Сальчѣ, перейти къ рѣкѣ Кагулу, въ обезпеченіе ихъ отъ нападенія Татаръ изъ-за Яллуха.

Турки, замѣтивъ неподвижность графа Румянцева, думали что она происходитъ отъ признанія собственнаго безсилія. Поэтому въ 10 часовъ утра, 20го іюля, они снялись съ своей позиціи и двинулись къ селенію Грачеви. Графъ Румянцевъ, взойдя на высокій холмъ, наблюдалъ движенія непріятеля, который остановился къ вечеру верстахъ въ двухъ не доходя Троянова вала, и казался выбиралъ позицію.

Несмотря на сравнительную малочисленность арміи, въ которой за отдѣленіемъ до 6.000 человекъ въ прикрытіе транспортовъ оставалось всего до 17.000 человекъ, графъ Румянцевъ, рассматривая непріятеля въ подзорную трубу, обратился къ окружавшему его штабу и сказалъ: „если Турки осмѣлятся въ этомъ мѣстѣ разбить хоть одну лалатку, я ихъ атакую въ эту же ночь“. Непріятель дѣйствительно началъ разбивать свой лагерь верстахъ въ семи отъ нашихъ войскъ, на лѣвомъ берегу рѣки Кагула, близъ ея устья. Въ послѣдствіи мы узнали что послѣ рекогносцировки нашей позиціи 19го іюля, визирь составилъ слѣдующій планъ къ атакѣ. Показывая видъ наступленія на нашъ центръ, онъ всѣ главныя силы свои хотѣлъ устремить на лѣвое крыло, стараясь опрокинуть насъ въ рѣку Кагулъ. Въ то же время Крымскій ханъ, услышавъ выстрѣлы, немедленно долженъ былъ перейти рѣку Сальчу и всѣми своими силами ударить на насъ съ тылу. Приближеніе визиря къ нашей позиціи не оставляло сомнѣнія въ его намѣреніи атаковать насъ. Плѣнные дѣйствительно утверждали что визирь и ханъ намѣрены произвести атаку 21го іюля. При такихъ обстоятельствахъ важнѣе всего было выиграть время.

Главное дѣло состояло теперь въ томъ чтобы предупредить нападеніе противника и атаковать Турокъ прежде нежели Татары успѣютъ напасть на насъ съ другой стороны. Для этого въ часъ ночи на 21е іюля войска выступили съ позиціи и заняли назначенныя имъ мѣста. Соблюдая возможную тишину, продолжали слѣдовать къ Троянову валу. Во время этого движенія въ непріятельскомъ лагерѣ произошла фальшивая тревога; раздались ружейные выстрѣлы и нѣсколько лошадей въ полной сбруѣ подбѣгали къ нашему фронту; вскорѣ однако спокойствіе въ турецкомъ лагерѣ снова возстановилось, но уже во всю остальную ночь всѣ находились на сторожѣ, какъ бы предчувствуя приближеніе нашихъ войскъ, хотя ихъ еще и не было видно. На разсвѣтѣ войска наши перешли Трояновъ валъ и выстроились въ линію. Лишь только непріятель замѣтилъ атакующихъ, какъ выслалъ изъ лагеря огромныя массы конницы, которая, растянувшись предъ всѣмъ нашимъ фронтомъ, повела атаку на всю линію. Карее наши остановились и открыли жестокую пальбу по непріятелю. Въ особенности былъ губителенъ огонь батарей Мелисино. Дѣйствіемъ артиллеріи непріятель былъ отбитъ отъ нашего центра.

Отбитый здѣсь непріятель бросился вправо, для усиленія атаки на колонны генерала Брюсса и князя Репнина. Пользуясь ложиной, бывшею между кареями, непріятель спустился въ нее и ударилъ на эти каре окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. (Въ каре Брюсса былъ Кабардинскій полкъ.) Пока здѣсь происходилъ усиленный бой, Румянцевъ отправилъ изъ атакowanychъ колоннъ резервы, имѣвшіе назначеніе занять ложину и угрожать Туркамъ въ ихъ пути отступленія къ лагерю и ретрашаментамъ.

Этотъ маневръ вполне удался. Непріятель, боясь потерять отступленіе, съ оглушительнымъ крикомъ кинулся изъ ложины къ ретрашменту, подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ нашей артиллеріи. По отступленіи непріятеля въ этомъ пунктѣ, конница турецкая, атаковавшая прочіе каре на правомъ и лѣвомъ флангахъ, также послѣдно отступила. Потерпѣвъ неудачу въ центрѣ и на правомъ своемъ флангѣ, непріятель не былъ счастливъ и на лѣвомъ, гдѣ генералъ Бауръ не только отразилъ его, но перейдя въ наступленіе подъ жаркимъ огнемъ штурмовалъ 25ти-пушечную

батарей и взялъ ее, а затѣмъ и ретраншаментъ, овладѣвъ всего 93 орудіями.

Отразивъ такимъ образомъ первый жестокій натискъ противника, войска наши въ 8 часу утра двинулись далѣе къ главному ретраншаменту, весьма скоро и искусно устроенному Турками для прикрытія своего лагеря.

Когда наши войска подошли на близкое разстояніе къ этому укрѣпленію, непріятель открылъ свои большія батареи, направляя преимущественно огонь на каре генераловъ Олица и Племянникова. Эта послѣдняя колонна уже приближалась къ ретраншаменту, оставалось пройти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ 10.000 янычаръ, составлявшихъ гордость Турокъ, какъ отборное войско, спустились въ лощину, бывшую между центромъ и лѣвымъ флангомъ укрѣпленія, и съ отчаянною стремительностью выхвативъ сабли ринулись на каре, ворвались въ него, смяли нѣкоторыя части и бросились на другія сзади; смятеніе произошло ужасное, все каре было разстроено, въ рукахъ янычаръ было уже два нашихъ знамени и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, многіе солдаты спасались бѣгствомъ, стараясь укрыться въ каре генерала Олица, приводя и это въ разстройство. Замѣтивъ все это и опасаясь за участь центральнаго каре, графъ Румянцевъ обратился къ принцу Брауншвейгскому, бывшему около него, и очень спокойно сказалъ: „Теперь настало наше дѣло.“ Съ этими словами онъ поскакалъ изъ каре Олица къ бѣгущимъ войскамъ Племянникова и однимъ словомъ: „Ребята, стой!“ удержалъ бѣгущихъ, которые видя что графъ Румянцевъ подвергается личной опасности отъ янычаръ, сгруппировались около него. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано было приказаніе произвести жесточайшій огонь изъ батареи Мелусино на янычаръ; кавалерію ударить на нихъ же съ двухъ сторонъ; генералъ Бауръ, вступившій уже въ ретраншаментъ, отправилъ отъ себя баталіонъ егерей для атаки янычаръ слѣва, и для продольнаго обстрѣливанія бывшего предъ ретраншаментомъ рва, въ которомъ также застѣли янычары; наконецъ 1й гренадерскій полкъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, произведеннымъ взорваніемъ заряднаго ящика, бросился въ штыки. Янычары, потерпѣвшіе много отъ взорваннаго ящика, были обращены въ бѣгство и кавалеріи нашей пришлось только преслѣдовать ихъ. Въ то же время разстроенныя части были

приведены въ порядокъ, а боковыя колонны успѣли занять весь ретраншаментъ и отбить захваченныя Турками знамена.

Приведенный въ ужасъ непріятель, потерявъ свои укрѣпленія, артиллерію и обозы, увидѣлъ что корпусъ князя Репнина заходить ему въ тылъ и думая только о своемъ спасеніи, оставилъ въ 9 часовъ утра весь лагерь и обратился въ совершенное бѣгство, поражаемый фланговыми выстрѣлами изъ корпуса князя Репнина.

Напрасно верховный вѣзиръ Хамиль-паша съ саблѣй въ рукѣ старался остановить бѣгущихъ; слова его пропадали напрасно: не больше пользы принесли и его просьбы во имя Пророка и султана...

Въ отвѣтъ ему Турки кричали: „нѣтъ силъ сбить Русскихъ, которые поражаютъ насъ огнемъ какъ молніей.“ Напрасно также Мустафа-паша, стоявшій сзади арміи, рубилъ отступавшимъ уши и носы, никто никого уже не слушалъ, всѣхъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Во время отступленія Турки встрѣтили отрядъ Анатолійскихъ войскъ, состоявшій большею частію изъ Курдовъ, извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ. Отрядъ этотъ выступилъ утромъ изъ Картала, слѣдовалъ на присоединеніе къ визирю при Кагулѣ; увидѣвъ же бѣгущихъ Турокъ, онъ вмѣсто помощи напалъ на нихъ и ограбилъ что могъ.

Послѣдностью съ какою непріятель отступалъ и усталость людей, бывшихъ на ногахъ съ часу пополудни, послѣ бѣя продолжавшаго съ пяти часовъ до половины десятаго, не позволили продолжать преслѣдованіе далѣе четырехъ верстъ. Только кавалерія была выслана впередъ. Затѣмъ графъ Румянцевъ занялъ позицію сзади бывшаго непріятельскаго лагеря.

Трофеи наши въ этомъ знаменитомъ сраженіи состояли изъ ста сорока хорошихъ пушекъ на лафетахъ, со всѣми принадлежностями; весь непріятельскій багажъ, обозы и лагерь. Множество палатокъ, верблюдовъ, скота, разной посуды, экипажей, фуръ съ приласами и прочаго досталось побѣдителямъ. Даже денежная казна визиря была оставлена на полѣ битвы; но казаки или Арнауты успѣли раздѣлить ее между собой прежде чѣмъ о томъ узнали. Казначей визиря полавшій въ лѣвѣхъ подтвердилъ потерю визирской казны и указывалъ даже на муловъ, отиѣченныхъ особыми знаками, которые возили ее на себѣ. Графъ Румянцевъ

велѣлъ отыскать захватившихъ денежную сумму, но поиски были напрасны. Потеря непріятеля въ людяхъ была чрезвычайно велика; на полѣ предъ ретраншаментомъ, въ самомъ ретраншаментѣ и въ лагерѣ поднято 3.000 труловъ. По пути отступления непріятеля отъ мѣста сраженія, на разстояніи до семи верстъ, вездѣ лежали груды тѣлъ. По умѣренному счету, непріятель потерялъ до 20.000 человѣкъ подъ Кагуломъ; нѣкоторые же плѣнные увѣряли что Турки считали потерю свою до 40.000.

Безъ сомнѣнія эта цифра преувеличена: вѣроятно не малое число Турокъ разбѣжалось послѣ такого рѣшительнаго пораженія. Въ особенности пострадала турецкая пѣхота. Послѣ этой битвы Янычары потеряли свое грозное нѣкогда значеніе и славное имя. У насъ убито 353, безъ вѣсти пропало 11, ранено 550 человѣкъ.

Отправивъ съ донесеніемъ о побѣдѣ бригадира Озерова, того самого который съ первымъ гренадерскимъ полкомъ рѣшилъ побѣду, графъ Румянцевъ выражается такъ: „Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня, настоящее дѣло улодобить дѣламъ древнихъ Римлянъ, коимъ ваше величество мнѣ велѣли подражать: не такъ ли армія вашего императорскаго величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, а ищетъ только гдѣ онъ.“

Отдавая полную справедливость начальникамъ войскъ разбившихъ визиря, а также и тѣхъ которыя во все время боя прикрывали съ полнымъ успѣхомъ тылъ арміи и ея транспорты отъ нападений Крымскаго хана, графъ Румянцевъ доносилъ что: „прочіе всѣ чины арміи не требуютъ моей похвалы: дѣла ихъ, когда они величайшія силы непріятеля сокрушили толь малымъ числомъ, наилучшимъ служить доводомъ, сколь они храбры и усердны къ повелѣніямъ своей монархини.“ „Къ ихъ славѣ“ — продолжаетъ графъ Румянцевъ—„я присоединю ту только истину что я прошелъ все пространство степи до береговъ Дунайскихъ, не дѣлая предъ непріателемъ нигдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поставляя ихъ мужество и добрую волю во всякомъ мѣстѣ за непреодолимую преграду.“

Кагульская битва доставила безсмертную славу графу Румянцеву въ потомствѣ. Императрица возвела его за это дѣло въ званіе фельдмаршала. Пренебреженіе къ опасности,

когда графъ Румянцевъ выскакалъ изъ дивизіи Олицы къ разстроенному каре Племянникова, окруженному янычарами; его твердый и спокойный голосъ: „ребята стой“, наконецъ небывалое приведеніе въ порядокъ разбитаго совершенно и перемѣшавшагося съ превосходнымъ непріятелемъ каре, заслуживаютъ полнаго удивленія. Сама императрица, въ рескриптѣ къ графу Румянцеву, говоритъ объ этомъ предметѣ такъ: „Одно ваше слово „стой!“ проложило путь новой славы, ибо по сіе время едвали слыхано было чтобъ въ какомъ-либо народѣ, тѣми же людьми, и на томъ же мѣстѣ, вновь формировался разорванный однажды каре, въ виду непріятеля, и чтобъ еще въ тотъ же часъ, идучи впередъ, имѣлъ онъ участіе въ побѣдѣ.“ Не менѣе лестно было и письмо короля Фридриха Великаго къ графу Румянцеву, съ поздравленіемъ съ Кагульской побѣдой.

Конечно успѣхъ возстановленія каре былъ слѣдствіемъ нравственныхъ достоинствъ графа Румянцева. Онъ былъ любимъ войсками, солдаты имѣли къ нему неограниченное довѣріе. Одного присутствія его было достаточно для возбужденія мужества; къ тому же онъ подвергался личной опасности, и потому всѣ старались сгруппироваться около него. Затѣмъ распоряженія сдѣланныя во время атаки янычаръ рѣшили побѣду. И въ военномъ журналѣ, веденномъ при арміи, и въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ упоминается, между прочимъ, что когда графъ Румянцевъ благодарилъ войска послѣ Кагульскаго сраженія, то солдаты, эти безпристрастные цѣнители достоинствъ своего начальника, говорили ему: „Ты самъ прямой солдатъ“. Было ли такъ въ дѣйствительности сказано, въ чемъ можно усомниться, такъ какъ фраза слишкомъ похожа на риторическое украшеніе, или нѣтъ,—особаго значенія для дѣла имѣть не можетъ, и побѣда подъ Кагуломъ останется на всегда памятникомъ гениальнаго полководца и несравненныхъ качествъ русскихъ войскъ. Великою заслугой графа Румянцева въ эту кампанію была еще и радикальная реформа въ нашей тактикѣ. Для удержанія непріятельской конницы, вмѣсто рогатокъ, онъ началъ употреблять усиленное дѣйствіе артиллеріи, ставя ее цѣлыми батареями предъ фронтомъ каре, отдѣльное положеніе которыхъ давало возможность взаимной обороны. Такъ подана была помощь изъ центрального каре Племянникову и Брюсу. Сверхъ того, отдѣльные каре могли

удобно двигаться по всякой мѣстности и легко обходить препятствія, не разстраиваясь. Уничтоженіе рогатокъ, которыя служили тросу заградой, а храброму помѣхой, еще болѣе увеличило подвижность пѣхоты противъ кавалеріи. До какой степени протирались во всѣхъ этихъ, а также послѣдующихъ сраженіяхъ заслуги собственно Кабардинскаго пѣхотнаго полка, можно судить отчасти по количеству награжденныхъ офицеровъ полка, которыхъ графъ Румянцевъ произвелъ въ слѣдующіе чины 13 человекъ изъ тогдашняго ограниченнаго комплекта, а еще болѣе по той исключительной чрезвычайной рекомендаціи, которую графъ дѣлалъ о командирѣ полка полковникѣ Францѣ Кличкѣ. Объ немъ сказано что во время замѣшательства въ нашихъ атаковавшихъ ретраншаментъ колоннахъ и какъ непріятель выскочилъ на нихъ, Кличка поднялся съ своимъ полкомъ на гору и овладѣлъ ретраншаментомъ, за что въ награду испрашивалось ему: „Староство по его иностранству“ (то есть въ западномъ краю имѣніе). Вслѣдъ затѣмъ новое представленіе за послѣдующія дѣла и блистательныя дѣйствія особо съ полкомъ за Дунаемъ, за что удостоенъ Георгія 3й степени, кромѣ староства. Вообще реляціи о полковникѣ Кличкѣ вовсе не стереотипныя фразы, встрѣчающіяся противъ большинства представляемыхъ къ наградамъ. Видно что это былъ замѣчательный штабъ-офицеръ. Наконецъ онъ, не аристократъ, безъ всякихъ связей, удостоился быть отправленнымъ въ Петербургъ для личнаго представленія донесенія императрицѣ и изложенія подробностей дѣйствій. Вообще полкъ былъ счастливъ на командировъ, большинство коихъ извѣстно въ военной исторіи своимъ выдающимся положеніемъ. Предъ Кличкой командовалъ Игельстромъ, извѣстный въ послѣдствіи боевой генералъ, командовавшій въ Варшавѣ войсками, гдѣ обманутый иезуитскими ласками былъ усыпленъ и подвергся внезапному нападенію возмущавшагося населенія. Командовалъ Кабардинскій полкомъ и Германъ, въ послѣдствіи начальникъ несчастной Голландской экспедиціи при Павлѣ, умершій въ лагнѣ, и много другихъ историческихъ людей. Это не могло не дѣйствовать на образованіе въ полку славныхъ боевыхъ преданій, передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Надменный непріятель, до Кагульскаго пораженія все еще надѣявшійся на счастливый для него исходъ кампаніи,

теперь смирился и потерялъ всякую энергію. Визирь утѣшался тѣмъ что такъ видно Богу угодно было не допустить его до побѣды, а войска его удивились великодушію побѣдителей, которые, имѣя возможность, не истребляли ихъ и обращались такъ милостиво съ плѣнными. Отступивъ за Дунай, Турки ломышляли только о защитѣ своихъ крѣпостей, Крымскій же ханъ съ своею ордой, при ругательствахъ турецкаго населенія, удалился въ Аккерманъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

* Матеріалы: дѣла Военно - Ученаго Архива и *Исторія войнъ 1769—1774*. А. Петрова, изд. 1866.

НА ГОРАХЪ*

XL.

Верстахъ въ четырехъ отъ того городка гдѣ у Смолокурова была осѣдлость, вдоль сухохода, когда-то бывшаго рѣчкой, раскинулась небольшая деревня. Сосновкой она прозыва. Населена та деревушка людьми вольными, что звались во время оно экономическими. Ихъ дѣды и прадѣды старые годы были за какимъ-то монастыремъ, потомъ поступивъ въ вѣдомство Коллегіи Экономіи, стали писаться „экономическими“, а управляться наравнѣ съ казенными крестьянами. Земли при Сосновкѣ было не много, полевые участки самые маломѣрные. Глинистая почва каждый годъ требовала сильнаго удобренья, а скота у Сосновскихъ мужиковъ была самая малость, потому что луговъ ни десятины и навозу стало-быть взять не откуда. При самомъ лучшемъ урожаѣ у Сосносцевъ своего хлѣба дольше Великаго Поста никогда не хватало, и нужда заставила ихъ за промыслъ приняться—все-таки подспорье убогому хозяйству.

Отъ края до края Сосновки при каждомъ изъ тридцати пяти дворовъ стояли небольшія прядильни, тамъ и мушчины и женщины всю зиму и часть лѣта сасовку прядли,** сбывая

* См. *Русск. Вѣстн.* № 5 и 10й 1875, № 8 и 10й 1876 и № 5 и 6й 1877.

** Сасово село Тамбовской губерніи, Елатомскаго уѣзда. Оттуда много идетъ пеньки и ее зовутъ по имени села „сасовкой“.

пряжу въ сосѣдній городъ канатнымъ заводчикамъ, особливо Марку Давидычу. Не болѣе выгодный промыселъ, а все-таки подсоба малоземельнымъ.

Изъ всѣхъ Сосновскихъ хозяевъ только одинъ былъ зажиточный. У него и синий кафтанъ ради праздника и кови добрые на дворѣ, и домъ всѣмъ исправный. По всему околотку только у него одного каждый Божій праздникъ мясные щи да пироги съ говядиной на столѣ ставились, каждый годъ къ Васильеву дню свиная голова къ обѣду подавалась, на Никиту рѣлпортѣза—гусь, на Кузьму Демьяна—курица, на Петра и Павла—жареная баранина. * Звали того крестьянина Силой Петровымъ, прозывали Чубаловымъ. Никогда бы ему не выбратъся изъ ряда бѣдныхъ однодеревенцевъ, да счастье помогло. Былъ у него дядя, человѣкъ безсемейный, долго служилъ онъ въ Муромѣ у богатаго купца въ прикащикахъ и оставилъ по смерти племяннику съ чѣмъ-то двѣ тысячи лѣтомъ и кровью нажитыхъ денегъ. Такія деньги крестьянину богатство не малое, ежели сумѣетъ путемъ да съ толкомъ въ оборотъ ихъ пустить. Сила Петровъ мужикъ былъ не лющій, толковый, разчетливый, бережливый, велъ хозяйство не разина ротъ. Слыхалъ что по инымъ мѣстамъ денежные мужики отъ торговли бычками хорошую пользу получаютъ, разспросилъ кой-кого какъ, они это дѣлаютъ, раскинулъ умомъ, раскумекалъ ** разумомъ. Съ Вукола, какъ тѣлятся жуколы, *** власть до поздней весны разтѣзжалъ онъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ и екупалъ двухъ-и трехнедѣльных бычковъ почти за безцѣнокъ. Телятины нашъ простой народъ ни за что на свѣтѣ въ ротъ не возьметъ, въ городъ возить ее изъ далекаго захолустья накладно, вскормить бычка тожъ не барышъ какой, другое дѣло телушка, та по времени хозяйку молокомъ за кормъ да за уходъ наградить. Разчитывая такъ, мужики съ радостью

* Васильевъ день—1 января, Никита рѣлпортѣза, иначе гусаря, гусятника—15 сентября, Кузьмы Демьяна—1 ноября, Петра и Павла—29 июня.

** Раскумекать—смекнуть, собразить, а потомъ и понять въ чемъ дѣло.

*** День Св. Вукола 6го февраля. Жуколы—коровы обходившіяся въ время перваго сгона на полѣ. По Заважью особенно Костромско-у жуколами зовутъ также всѣхъ черныхъ коровъ.

продавали Чубалову бычковъ, брали деньги хоть и не большія, да все-таки годились онѣ колу не на соль, а на деготь, такъ на выливку. А Сила Петровицъ собиралъ да собиралъ бычковъ, откармливалъ ихъ бардой, а бралъ ее даромъ съ городской ливоварни. Послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ либо продавалъ раскормленныхъ бѣтковъ на бойню, либо самъ развозилъ по деревнямъ мясо, продавалъ бурлакамъ на суда солонину, а кожи сырьемъ отвозилъ на заводы. Навозу было вдоволь, и вскорѣ надѣльные его полосы всѣмъ соседямъ стали на зависть и удивленіе. Своего хлѣба теперь у него не только на прожитокъ до самой нови * становилось, да и бычкамъ на зимній кормъ оставалось. Многие годы такъ хозяйствуя Сила Петровъ сталъ изъ первыхъ мужиковъ по цѣлому уѣзду, и былъ въ почетѣ у крестьянъ, и господа имъ не брезговали. Жилъ себѣ да поживалъ Чубаловъ, копилъ деньги, копилъ, да всякое добро наживалъ, и въ голову никому не приходило чтобы богатый домъ его могъ когда-нибудь совсѣмъ лоруситься.

Было у Силы Петрова трое сыновъ, двое большихъ, Иванъ да Абрамъ, третій подростокъ, материнъ бѣловникъ Гаранюшка. Старшіе парни были смиренныя, работающіе; съ ранняго возраста много отцу помогали. Гаранюшка не туда сызмала смотрѣлъ. Двѣнадцатый годъ пошелъ ему, а изъ трехъ пеньковыхъ прядей ворóвина ** свить не умѣлъ, хоть отецъ не разъ порченну веревку на спилѣ его пробовалъ. Къ полевой работѣ Герасимъ тоже не прилагалъ старанья — люди пашню пахать, а онъ руками махать, люди на поле жать, а ему бы подъ межою лежать.... Съ грустью, съ досадою смотрѣлъ работающій домовитый отецъ на нелутное чадо, самъ про себя раздумывалъ и хозяйкѣ говаривалъ: „не быть въ Гаранькѣ луту, станетъ у Бога даромъ небо коптить, у царя даромъ землю толтать. Будетъ толку отъ него что отъ гнилой соломы въ ометѣ, станетъ вѣкъ свой бродить да по людямъ бабы разводить“. Робко заступалась мать за любимца, тѣмъ его оправдывала что онъ еще махонькій, а вотъ дескать дастъ Богъ въ разумъ войдетъ, тогда попра-

* Новый хлѣбъ.

** Ворóвина (отъ вервь) — самая простая веревка. Въ Оренбургскомъ краѣ — арканъ, въ Вятскомъ — сапожная драфта.

вится. Крѣпко стоять за сына не смѣла — хозяинъ подѣ часть крутенежъ бывалъ.

Вскрай Сосновки, въ кельѣ на усадѣ дальняго сродника жилъ старый бобыль, Нефедычемъ звали его. Смолоду крестьянскимъ дѣломъ онъ брезговалъ, все бы ему на молитвѣ стоять, да сидѣть надъ книгами. Жизни былъ доброй, самъ великій постникъ, смиренникъ, къ тому же начетчикъ большой. У окольныхъ раскольниковъ былъ за наставника, на духъ къ нему много народа прихаживало и всѣ требы онъ имъ исправлялъ, oprичъ крестинъ да свадебъ. По Сласову согласію Нефедычъ былъ, а въ томъ согласіи крестить и браки вѣнчаютъ только у попа церковнаго, великороссійскаго.... Не оралъ Нефедычъ не сѣялъ, а денежкамъ въ мотнѣ перевода у него не бывало, жилъ онъ себѣ не ту-жилъ, у всѣхъ въ любви и почетѣ былъ, о чемъ кого ни попросить, всякъ ему съ радостью услужить чѣмъ только сможетъ.

Полюбила жизнь Нефедыча меньшому сыну Чубалова. Каждый Божій день бывало къ нему да къ нему въ келейку. „Чѣмъ тебѣ зря болтаться да шалолайничать, молвилъ однажды старикъ лѣтяю Герасиму, хотъ бы грамотѣ чтоли учился. Можетъ впередъ пригодится, слыхалъ чать люди, чтѣ люди говорятъ про ученье? Кто грамотѣ гораздо тому не пропасть... Хочешь лѣсажу за азбуку?“ Герасимъ согласился, давно припадала ему охота учиться, да не зналъ какъ приняться. Положилъ передъ нимъ Нефедычъ букварь, далъ въ руки указку, учить сталъ. Грамота далась Герасиму. Нефедычъ не могъ надивиться какъ это скоро сумѣлъ все понять мальчуганъ и чтѣ разъ училъ того никогда не забывалъ... Недѣли черезъ двѣ Герасимъ читалъ ужъ по складамъ, черезъ мѣсяцъ по толкамъ, * *Часовникъ* живо прочелъ... Нефедычъ за *Псалтырь* его посадилъ, и году не минуло, какъ Герасимъ ужъ двадцату каѣнзму ** дочитывалъ.

Не по праву пришлось это Силѣ Петрову. „Грамотей не пахарь, говаривалъ онъ, а Гаранькѣ ни понять *** ни приказнымъ быть. Много стало новѣ грамотныхъ, да что-то

* Читать по толкамъ — бѣгло, читать зная притомъ хорошо титамъ и подтитамъ.

** Конецъ *Псалтыря*, состоящаго изъ 20 каѣнзмъ.

*** Быть за попа, исполнять поповскія требы.

мало сытыхъ изъ нихъ видится, и ему пожалуй придется съ грамотой вѣкъ свой по міру бродить.“ Видѣтъ Чубаловъ не могъ сына за книгой — тотчасъ бывало расправа. Что было дранья, что колотушекъ, потасовокъ, ничто не помогло. Не отдавали лобомъ отъ книгъ тринадцатилѣтняго мальчика; чѣмъ больше били его, тѣмъ прилежнѣе читалъ онъ ихъ, а всяка работа больше да больше противѣла. Прежде хотъ дровъ въ избу натаскаетъ, хотъ воды принесетъ, либо за курами да за бычками присмотритъ, а теперь на все рукой махнулъ. Только и отрады было у малаго что къ Нефедычу бѣгать за книгами, а учитель въ книгахъ ему никогда не отказывалъ. Налюбоваться не могъ старикъ на ученика своего; часто цѣлые вечера бесѣдовалъ съ нимъ отъ Святаго Писанія. Какъ ни былъ уважаемъ Нефедычъ дѣтми своими духовными, какъ ни любилъ его Чубаловъ, однакожь сталъ побранивать его, за то что сбилъ у него сына съ пути, за то что грамотой ото всякой работы отвадилъ его. Добродушный, смиренный, незлобивый Нефедычъ на брань и покоры кланялся только. Чуть не земные поклоны клалъ передъ Силой Петровымъ и тихимъ, смиреннымъ, голосомъ одно только слово ему приговаривалъ: „прости Христа ради“. Когда же отецъ грозно потребовалъ чтобъ онъ не портилъ больше Герасима, не давалъ бы книгъ ему, а каждый разъ какъ къ нему забѣжитъ лалкой бы гвалъ отъ себя, Нефедычъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, этого сдѣлать я не могу“. Грозился Чубаловъ что ежели такъ, такъ онъ со всей семьей отшатнется отъ старой вѣры и уйдетъ въ великороссійскую, но и это не подѣйствовало на Нефедыча. „Свой разумъ въ головѣ имѣешь, Сила Петровичъ, сказалъ онъ на то. Какъ знаешь такъ и поступи, коли о душѣ своей думать не хочешь.“

Говорилъ однакожь учитель ученику чтобъ ходилъ къ нему онъ порѣже, не раздражалъ бы отца, но книги все-таки давалъ полпрежнему. Заберется бывало Гаранька на чѣракъ и зимнимъ временемъ плотно прижавшись къ чуть теплой трубѣ сидитъ по нѣсколько часовъ сряду надъ какимъ-нибудь *Дѣтникомъ* либо *Прологомъ*, а по воскресеньямъ и поведѣльникамъ уходилъ въ несовсѣмъ еще остывшую послѣ субботней толки баню и тамъ до позднихъ сумерекъ просиживалъ надъ книгой. Лѣтомъ ему привольнѣе было: на недѣлю, на двѣ убѣгалъ онъ въ лѣсъ, и тамъ читая книги Нефедыча, питался имъ же данными сухарями. Иногда слускался

изъ лѣсу и тамъ на берегу Оки читалъ ловцамъ житіа угодниковъ, за то кормили они чтеца ухой да жареной рыбой, а иной разъ и на дорогу краюхой мягкаго хлѣба снабжали. Пустынное житіе полюбилось юному грамотею, и подъ шумъ вѣтвистыхъ, густозеленыхъ дубовъ читая сказанія о Сирійскихъ и Фиваидскихъ отшельникахъ, ревновалъ житію ихъ и положилъ завѣтъ въ своемъ сердцѣ, провести дни свои до скончанія живота въ подвигахъ, плоть изнуряющихъ, духъ же возвышающихъ.

Склоняется бывало день къ вечеру, въ лѣсу потемнѣетъ, со всѣхъ сторонъ повѣетъ прохладой. Стихнеть шумъ деревьевъ и станетъ трава росой покрываться. Тогда сложить книгу юный отшельникъ, и полной грудью начнетъ дышать свѣжій, ароматный воздухъ. Неподвиженъ, безмолвенъ стоитъ устремивъ взоры на ломеркающее небо что сквозить межъ высокихъ древесныхъ вершинъ. Сладкимъ потокомъ разольется тогда по душѣ его умиленіе, и онъ счастливъ бывалъ въ своемъ отъ людей отчужденіи. Струятся по лицу несмыслыныя ему слезы, и сама собой слетаетъ съ устъ его пустынная лѣсня:

Ты пустыня моя матушка —
 Помилѣй мнѣ отца съ матерью,
 Вы лѣса мои кудравые —
 Помилѣй мнѣ роду племени,
 Вы дуга, дуга зеленые —
 Помилѣе красна золота,
 Вы раздольца широкія —
 Помилѣе чиста сѣребра,
 Вы кусты, кусты ракиковы —
 Помилѣе скатна жемчугу.
 Вы заветны мелки платечки —
 Схороните мои косточки
 На чужой дальнѣй сторонѣ,
 Во прекрасной во пустыньскѣ.

Совсѣмъ бывало стемнѣетъ, зелеными передливчатыми огоньками загорятся въ сочной травѣ Ивановы червяки, и станутъ въ тиши ночной раздаваться лѣсные голоса; то сова запищитъ какъ ребенокъ, то дергачъ издали затрещитъ, то въ древесныхъ вѣтвяхъ птица въ просонкахъ завопится, а юный пустыняникъ не чуя ночнаго холода, въ полномъ забытьи, стоитъ, долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, поднявъ

голову и вперивъ очи въ высокое небо, чуть-чуть видное въ просвѣтахъ темной листвы деревьевъ....

Каждый разъ какъ возвращался отшельникъ въ деревню его встречали упрёками, бранью, лобоями, но все сносилъ онъ безропотно и въ духовной радости любезно принималъ всякія озаобленія, памятуя мучениковъ, за Христа когда-то еще не то претерпѣвшихъ. На пятнадцатомъ году Герасимъ совсѣмъ скрылся.... Не нашли его ни въ лѣсу, ни у ловцовъ; самъ Нефедычъ не зналъ куда онъ дѣвался. Думали въ рѣкѣ потонулъ, но вода нигдѣ мертвого тѣла не вынесла; думали не волки ли съѣли его, но сколько по лѣсу ни ходили—ни косточки, ни остатковъ Герасимовой одежды не нашли. Отецъ куда слѣдуетъ подавъ объявленіе; Герасима по всѣмъ городамъ и уѣздамъ будто бы разыскивали, извели на то не мало бумаги, но какъ нигдѣ не нашли, то и завершили дѣло тѣмъ что зачислили Герасима Чубалова безъ вѣсти пропавшимъ.

Чтеніе книгъ безъ разбора и безъ разумнаго руководства развило въ немъ пытливость ума до болѣзненности. Еще въ лѣсу много начитался онъ объ антихристѣ, о выѣзшихъ послѣднихъ временахъ и о томъ что истинная вѣра Христова въ людяхъ изсякла и еще во дни патріарха Никона взята на небо, на землѣ же сохранилась точію у малаго числа людей пребывающихъ въ сокровенности, тѣхъ людей про которыхъ самъ Господь сказалъ въ Евангеліи: „не бойся малое стадо“.

Но гдѣ жъ оно, гдѣ это малое стадо? Въ какихъ пустыняхъ, въ какихъ вертепахъ и пролестяхъ земныхъ сіяетъ сіе невидимое чуждымъ людямъ свѣтило? Не знаетъ гдѣ, но къ нему стремятся всѣ помыслы молодого отшельника, и онъ нося въ душѣ надежду быть причтеннымъ къ малому стаду пошелъ искать его по бѣлому свѣту.

Изъ книгъ и разказовъ Нефедыча Герасимъ подробно зналъ ученіе и обрядность всѣхъ почти раскольничьихъ толковъ, и думая надъ ними уразумѣлъ что истиной правой вѣры Христовой нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ... Спасово согласіе чуждается и церковниковъ и половщины и безполовщины, а само дробится на множество толковъ, одинъ другаго строже, одинъ другаго нетерпимѣе. Всякій изъ нихъ крѣпко стоитъ за каждую букву, за каждый обрядъ не одной церковной, но даже обиходной жизни; всякій почитаетъ великороссійскую

церковь погибельною, еретическою, ведущею широкимъ путемъ въ вѣчныя муки, а между тѣмъ отъ нея принимаетъ освященіе браковъ и самое крещеніе. Какъ же это такъ? разсуждаетъ Герасимъ. Говоримъ и читаемъ: „таинства ея вѣсть таинства“, а сами ихъ принимаемъ.... Говоримъ и читаемъ что она погибельна, что антихристъ царитъ въ ней, и что ея „крещеніе еретическое и потому оно вѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“, а сами тѣмъ крещеніемъ крестимся... Стало-быть сквернымъ себя и заранѣе души свои Сатанѣ предаемъ.... Какъ же это?... Половина какъ и мы честить господствующую церковь отлаваши отъ истины и всѣ дѣйствія ея и чиновства почитаетъ безблагодатными, а сама священный чинъ отъ нея пріемлетъ и чрезъ него и все освященіе, всѣ таинства.... И тутъ что-то не такъ, и тутъ истины что-то не видится.... Безполовцы ни таинствъ, ни освященія не имѣютъ, отрицаютъ они Христову церковь въ вышши послѣдніи времена. Христосъ обѣщалъ пребывать въ церкви до скончанія міра.... Какъ же это?... Гдѣ жъ истина, гдѣ правая вѣра?...

Такъ еще въ пустынномъ лѣсу на глинистыхъ берегахъ Оки по часамъ разсуждалъ Герасимъ, но сколько ни думалъ, отвѣта на пытливые вопросы свои не могъ найти.... Со слезными молебамъ, припадая къ ногамъ Неведыча и его о томъ спрашивалъ, но и свѣдой наставникъ не могъ удовлетворить пытливаго юношу.... Гдѣ же она, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ та правая вѣра Христова, въ ней же единой можно спастись? Вѣдь есть же гдѣ-нибудь, безъ нея вѣдь міръ не могъ бы стоять. И съ каждымъ днемъ распалялся оныя необоримымъ стремленьемъ искать на землѣ „малое стало“ Христово и въ немъ пребывая вѣчнаго спасенья достигнуть.... Для того и оставилъ онъ отца своего и мать свою и поспѣдовалъ по пути исканія истинной, правой вѣры. Въ „страство“ Герасимъ пошелъ.

Во всѣ времена, во встѣхъ сторонахъ много бывало на Руси такихъ искателей правой вѣры. Въ стремленіи къ вѣчному блаженству жадно, но тщетно ищутъ они разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ пытливыхъ ихъ умахъ и мятущихъ смущенную душу. Но негдѣ, неоткуда, не отъ кого получить отвѣтовъ на такіе вопросы, и пытливый челоуѣкъ цѣлую жизнь проищеть ихъ.... Некому научить, некому указать на путь правый.... И поидетъ пытливый

умъ блуждать изъ стороны въ сторону, кидаться изъ одной крайности въ другую и все-таки не найдетъ того чего ищетъ, все-таки не услышитъ ни отъ кого раствореннаго любовью живаго, разумнаго слова.... Отсюда наши расколы, отсюда и равнодушiе къ вѣрѣ высшихъ слоевъ Русскаго народа.... Кто виноватъ?... Дiаволь конечно?... А кромѣ его?...

Странствовалъ Герасимъ по разнымъ странамъ ни мало ни много пятнадцать годовъ съ половиной. Въ десяти вѣрахъ перебивалъ и въ каждой вѣрѣ бывалъ не простымъ рядовымъ человѣкомъ. Огромная начитанность, необычайная память, быстрое соображенъе, мастерское умѣнье вести споры и побѣждать совопросника давали ему первыя мѣста въ каждой сектѣ, въ какую онъ ни вступалъ. За учительныя бесѣды называли его Златоустомъ, когда еще у него едва пробивался, когда жь возмужалъ Герасимъ, въ какой толкъ ни перейдетъ, въ каждомъ сразу дѣлается наставникомъ, учителемъ, большакомъ. А это и самолюбію его льстило и достатокъ умножало — щедръ въ дѣла старообрядцы къ тому кто полюбится имъ, кому они вѣрятъ и вручать совѣсть свою и помышленья. А Герасимъ вездѣ требовъ исправлялъ, вездѣ пастыремъ бывалъ и учителемъ. Лучше его и болѣе знающаго въ дѣлахъ вѣры никогда не могли найти. Укоряли его, проклятыями даже осыпали за частые переходы изъ вѣры въ вѣру, но въ совѣсти Герасимъ спокойнъ былъ: онъ ищетъ истинную вѣру и правую церковь, но куда ни придетъ—ея нѣтъ какъ нѣтъ.... нигдѣ не находилъ ихъ. Сначала-то ревностно влдается онъ въ ученъе и обрядность избраннаго толка, да тотчасъ и убѣдится что и не бывало въ томъ толкѣ истины, что и въ этотъ толкъ антихристъ пустилъ тѣтворную прелесть свою... Послѣ долгихъ размышленій, послѣ мучительныхъ колебаній совѣсти, отступалъ онъ наконецъ отъ избранной было вѣры, отрицался Сатаны и всѣхъ дѣлъ его и олять уходилъ искать истинную, правую вѣру. Переходя изъ одного толка Сласова согласія въ другой, переходя потомъ изъ одной секты безлоповщины въ иную, шесть разъ Герасимъ перекрещивался и перемѣнялъ имя, а поступая въ Бондаревскую секту самокрещенцовъ * самъ себя окрестилъ въ

* Секта самокрещенцовъ возникла еще въ прошломъ столѣтіи. Въ нынѣшнемъ саратовскіи купецъ Бондаревъ далъ ей организацію,

дождевой водѣ, собранной въ кулель устроенную имъ самимъ изъ молодыхъ древесныхъ лобѣговъ и обмазанную глиной вывutoй изъ земли на трехъ саженьяхъ глубины, да не осквернится та кулель дыханіемъ вездѣ присущаго антихриста, владѣющаго всѣмъ видимымъ міромъ, всѣми морями, всѣми рѣками и земными источниками.... И тутъ не нашелъ ни правды ни истины... Перешелъ въ секту „Петрова крещенія“ *, гдѣ ужъ не надо было вновь перекрещиваться ни въ рѣчной водѣ, ни въ небесной, ** но тою креститься какою Петръ апостолъ крестился послѣ отреченія отъ Христа, той водою что течетъ изъ живаго источника, человеческого сердца. Слезами крестилъ себя Герасимъ, въ умиленіи стоя передъ Спасовымъ образомъ. То былъ послѣдній его переходъ изъ вѣры въ вѣру. Петровымъ крещеньемъ кончилось пятнадцатилѣтнее хожденіе Чубалова въ странствѣ ради обрѣтенія истинной правой вѣры Христовой, ради отысканія „малаго стада“ избранныхъ, но сокроенныхъ людей Божіихъ.

Все изъ книгъ узналъ и все во очію видѣлъ Герасимъ, обо всемъ горячій искатель истины сто разъ передумалъ, а правой, спасительной вѣры такъ-таки и не нашелъ. Вездѣ заблужденье, всюду антихристъ... И залапа ему на душу тяжкая дума: „нѣтъ видно больше истинной вѣры, все видно раставно прелестью врага Божія. Покинулъ свой міръ Господь Вседержитель, предалъ его во власть Сатаны...“ И въ душевномъ отчаяньи, въ злобѣ и ненависти покинулъ онъ странство...

И къ людямъ и къ себѣ самому та злоба была. Отчего жъ она вдругъ напала на Герасима?... Не задавался онъ этимъ вопросомъ, да никогда бы и отвѣта на него не придумалъ. Жилъ доселѣ умомъ однимъ, сердце у него молчало, никогда не бывало у Герасима никакихъ привязанностей. Онъ искалъ истины ради удовлетворенія пылливости ума, но любви и добра, исходящихъ отъ сердца, не искалъ, даже никогда не думалъ о нихъ. Это былъ сухой аскетъ, все человеческое было чуждо ему, никогда любовь не озаряла

написавъ такъ-называемые *Бондаревскіе отъѣзды*. По имени его и секта называется Бондаревскою.

* Отрасль такъ-называемой *Глухой Нѣтовщины*.

** Дождь.

т. сxxx.

его загрубѣвшаго сердца, оттого злоба и свила въ немъ гнѣздо.

Воротился на родину. Не лѣшеходомъ, съ котомкой за плечами домой воротился—три подводы съ добромъ въ Сосновку привелъ. Всѣмъ было то видимо, а про то что Герасимъ былъ опоясанъ чѣресомъ * и что на гайтанѣ съ тѣльникомъ вмѣстѣ ** висѣлъ у него на шеѣ туго набитый бумажникъ, того не видѣлъ никто. Много ль зашито серебра да золота въ чѣресѣ, много ль цѣнныхъ бумагъ положено въ бумажникъ, про то зналъ да вѣдалъ одинъ лишь Герасимъ. И послѣ никто никогда о томъ не узналъ.

Воротясь въ Сосновку тщетный искатель истинны попрежнему сталъ называться Герасимомъ Силинымъ Чубаловымъ, а до того мѣнялъ имена при каждомъ новомъ перекрещиваньи бывалъ онъ и Никифоромъ, и Прокопиемъ, и Савельемъ, и Никитой, Иринархомъ и Меодіемъ. Отъ того прежніе друзья единовѣрные, теперь возненавидѣвшіе его за отступничество, называли его „десятивѣрнымъ“ да „семиименнымъ“. До Сосновки и того не дошло.

XLI.

Когда Герасимъ разошелся съ послѣдователями „Петрова крещенія“ рѣшился онъ прекратить напрасныя исканія правды вѣры и возвратиться въ покинутый имъ міръ. Но легко было подумать „возвратиться“, каково было сдѣлать?.. Куда идти, гдѣ поселиться, къ какому обществу приписаться ему пятнадцать лѣтъ пропадавшему? Звался онъ гдѣ Прокофьемъ, гдѣ Савельемъ, проживалъ либо съ чужими, либо съ фальшивыми паспортами, проживалъ и вовсе безъ нихъ, а цюгда и съ паспортомъ „изъ града Бога Вышняго,

* Кожаный кошель сшитый въ видѣ кумки, съ пряжками и застежками. Въ него кладутъ деньги и имъ опоясываются. Въ старину *чресла* (отъ этого слова *чресла*) значило окружность тѣла надъ тазомъ.

** *Гайтанъ*—шнурокъ, на которомъ носятъ *тѣльникъ*, т.-е. крестъ.

изъ Сіонской полиціи“ *. Куда явишься съ такими письменными видами?... А ему хотѣлось покинуть скитальческую жизнь съ ея опасностями и лишениями, жить въ локоѣ и тишинѣ, занимаясь какимъ-нибудь дѣломъ. Денегъ успѣлъ накопить довольно, да опричь денегъ иное богатство было у него очень цѣнное: до тысячи книгъ старопечатныхъ и старописьменныхъ, собранныхъ во время странствій отъ Поморья до Кавказа и отъ безполовскихъ селеній въ Пруссіи до отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Думалось Чубалову въ купцы гдѣ-нибудь приписаться и заняться торговлей старин-

* Паспорты странниковъ или бѣгуновъ Сопѣлковскаго согласия имѣютъ преимущественно такую форму: „Объявитель сего рабъ Ісуса Христа *имя рекъ*, уволенъ изъ Іерусалима града Божія въ равныя города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а лити и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прекословить, но токмо Бога славословить; убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться, ходить правымъ путемъ по Христу, дабы не задержали бѣси раба Божія нигдѣ. Утверди мя Господи во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока — Тебя, Христе, къ Западу сирѣчь ко антихристу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого ся убою, Господь защититель живота моего—кого ся устрашу? Аще оплоащется на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ Богъ, прибѣжище Христосъ, покровитель и просвѣтитель Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ Господиномъ моимъ знаться, а Царь мой и Господинъ Самъ Ісусъ Христосъ Сынъ Божій. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя со антихристомъ во адъ готовить. Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Гоагооекаго квартала. Приложено къ сему пачпорту множество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы боялися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито—на страшный Христовъ судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка. Явленъ пачпортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ.“ Это паспортъ Пошехонскихъ бѣгуновъ (Ярославской губерніи). Есть и другіе варианты. Съ такими паспортами странники или бѣгуны приходять въ дома незнакомыхъ имъ лично „страннопримцовъ“, иначе „жиловыхъ христіанъ“ и принимаются ими какъ самые близкіе родные.

ными книгами, иконами и другой древней утварью церковной и обиходной, сдѣлаться „старинщикомъ“. Зналъ онъ такихъ не мало и ему всегда по душѣ приходились ихъ занятія. Поиски за старинными вещами, необходимыя для старинщика, были для него дѣломъ не столь труднымъ, какъ для другаго. Онъ зналъ гдѣ чего искать. Не поѣдетъ онъ, какъ иной неумѣлый, наавось да наобумъ, деньги и время даромъ терять. Погоня за стариной по глухимъ захолустьямъ своего рода странство, а къ нему Герасимъ Чубаловъ очень приобыкъ и оно ему, вѣроятно, очень нравилось. Таковъ ужъ съ роду былъ: на одномъ мѣстѣ не сидѣлось, переходить бы все съ мѣста на мѣсто, жить бы въ незнакомыхъ дотоле городахъ и селеньяхъ, встрѣчаться съ новыми людьми, заводить новыя знакомства, и какъ только прискучить гдѣ, на новыя мѣста къ новымъ людямъ идти.

Было время когда предки наши мощной рукой Петра Великаго выдвинутые изъ московскаго застоя въ жизнь западную быстро усвоили ее не разбирая дурнаго отъ хорошаго, пригоднаго Русскому народу отъ непригоднаго. Налудренное и щеголявшее въ разшитыхъ золотымъ французскихъ кафтанахъ поколѣніе ничѣмъ не походило на бородатыхъ отцовъ и дѣдовъ. Съ дѣтскимъ увлеченьемъ опрометью кинулось оно въ омутъ новой жизни и стало презрительно глядѣть на все прежнее, на все старинное, дѣдовское. Съ легкомысліемъ дикаря мѣняющаго золотые слитки на стеклянныя бусы, налудренные щеголи опрастывали дѣдовскія кладовыя, гдѣ въ продолженіе не одного столѣтія накопилось много всякой всячины. И продавали все за безцѣнокъ, отдавали здаромъ, обзавестись бы только поскорѣй на вырученныя деньги игрушками новой роскоши. Старинныя братины, ядовы, столы и кубки, жалованныя прежними царями ковши и чары съ пелюстками, чумы, росольники, передачи и крошмъ, сулей и флаги, жбаны и четвертины * безжалостно

* *Братина*—горшокъ съ поддономъ и крышкой. *Ядовы*—родъ горшка, сверху съ разваломъ, ко дну узкій, съ носкомъ, какъ у чайника. *Стопа*—большой стаканъ съ крышкой и съ рукоятью на поддонѣ. *Кубки* бывали разнообразной формы: „на братинное дѣло“ (то-есть въ формѣ братины), на стаканное дѣло, на тыквенное (въ формѣ тыквы) и пр. *Чара* или *чарка*—круглый глубокій сосудъ. Чары

продавались въ домъ на переплавъ. На придачу шли иногда и ризы, и оклады съ иконъ родительскихъ.... Всего бывало. Хвастались даже тѣмъ. Иной какъ выгоднымъ дѣломъ хвалился что купилъ породистаго жеребца, да борзаго кобеля на деньги вырученныя отъ продажи стараго, никуда, по его мнѣнью, негоднаго хлама: расшитыхъ жемчугами и золотыми дробницами бабушкиныхъ убрусовъ, шамшуръ изъ волоченаго золота, кукъ и рясъ съ ахонтами, съ лалами, съ бирюзой и изумрудами. * Другой бывало наравдаться не можетъ промѣнявъ дѣдовскую богомольную золотую греческаго дѣла кацею ** на парижскую табатерку. Третій тѣмъ

дѣлались всегда на поддонахъ съ небольшими рукоятками, но еще чаще съ *пелюстками*—плоскими въ видѣ расплюснутаго листа рукоятками, прикрѣпленными къ верхнему краю чары. *Чумъ*, или *чумичъ*—ковшъ съ длинной рукояткою; посуда поваренная. *Росамникъ*—блюдечко на ножкѣ съ поддономъ, на него клали разные сласти и плоды. *Передача*—большая чаша съ рукоятками и крышкой въ родѣ нынѣшней миски. *Крѣшня*—корзина въ видѣ чаши съ крышкой на поддонѣ; крѣшни бывали разнообразныхъ формъ. *Судей*—сосудъ въ видѣ большой бутылки съ пробкой изъ того же металла, которая заворачивалась; вмѣсто рукоятки у судей бывали цѣпи прикрѣпленныя по бокамъ. *Фляга*—то же что судей только безъ горлышка. *Жбанъ*—родъ кружки, кверху нѣсколько поуже, съ крышкой, рукояткой и носкомъ какъ у чайника. *Четвертина*—сосудъ со втукой и тискомъ (завинчивавшаяся крышка къ верху которой придѣлывалось кольцо). Четвертины бывали четвероугольныя, шестиугольныя и осмигранныя. Всѣ эти вещи дѣлавались обыкновенно изъ серебра и золотились. У менѣе достаточныхъ людей вся эта посуда была по формѣ такая же, но сдѣлана изъ олова.

* *Убрусъ*—головной уборъ замужнихъ женщинъ, изъ шелковой ткани, большею частью тафты; концы убруса (застѣжки) висѣвшіе по сторонамъ головы вышивались золотомъ и бывали унизаны жемчугами и маленькими дробницами (золотыя дощечки). *Шамшура* или *волосникъ*—головная сѣтка вязанная или плетеная изъ волоченаго (пряденаго) золота и серебра; напередѣ волосника надо обомъ носили прикрѣпленное къ нему *очелло* съ *подзоромъ* (каймою) богато расшитое золотомъ и унизанное жемчугомъ и дорогими камнями. *Кика* самый нарядный головной уборъ, въ родѣ нынѣшняго мужскаго картуза безъ козырька. *Ряса*—длинная прядь изъ жемчуга въ перемежку съ драгоценными камнями и золотыми *пронизками* (бусы). По три, по четыре *рясы* висѣло по бокамъ кики.

** *Кацея*—ручная кадишница.

бывало кичится, тѣмъ бахваляется * что дорогой дамаоскій булатъ, дѣломъ его во время Чигиринской войны въ бою съ Турками добытый, удалось ему промѣнять на модную французскую плаженку. Кой-что изъ этихъ легкомысленно расточаемыхъ остатковъ старины попадало въ руки старообрядцевъ и спасалось такимъ образомъ для будущей науки, для будущаго искусства отъ гибели, безпощадно имъ уготованной лекоуміемъ обезьянствовавшихъ баричей... Когда иное время настало, когда и у насъ стали родною стариной дорожить, явились такъ-называемые „старинщики“, большей частью, если не всѣ поголовно старообрядцы. Съ рѣдкою настойчивостью, доходившею до упорства, они разыскивали по захолустьямъ старинныя книги, образа, церковную и хоромную ** утварь. Этимъ и обогатились книгохранилища наши и собранія рѣдкостей. Однимъ изъ такихъ спасителей неоцѣненныхъ ламятниковъ старины былъ Герасимъ Силычъ Чубаловъ.

—

Лѣтомъ, въ Петровки, въ воскресный день, у колодца, что вырытъ былъ супротивъ дома Чубаловскаго, сидѣлъ подгорюнясь середній сынъ Силы Петровича—Абрамъ. Видитъ онъ: вѣдутъ по деревнѣ три нагруженные кладью воза и становятся возлѣ его дома. „Проезжіе торговцы коней хотятъ половить“, думаетъ Абрамъ, но видитъ что одинъ изъ нихъ, человѣкъ еще не старый, по виду и одѣжѣ зажиточный, сная шалку, тихою поступью подходитъ къ Абрамову дому и передъ мѣднымъ крестомъ, что прибитъ на середкѣ воротной прѣтолоки, *** справляетъ уставной семиклоный началъ. Диву дался Абрамъ, всталъ съ мѣста, подходитъ. А тотъ человѣкъ его спрашиваетъ:

— Дома ль Сила Петровичъ?

— Померъ давно, отвѣчаетъ Абрамъ.

* Бахваляется—хвастаться, похваляться.

** Хорошая утварь, иначе обиходная — всякія домашнія вещи, за исключеніемъ иконъ и всего до вѣры относящагося.

*** Воротная прѣтолока—верхній брусъ, или перекаладина что лежитъ на веряхъ. У старообрядцевъ, а также и у живущихъ среди ихъ православныхъ сохранился старинный благочестивый обычай прибывать къ прѣтолокѣ мѣдный крестъ.

Понику проѣзжіи головой, снова спрашиваетъ Абрама:

— А хозяйка Силы Петровича? Федосья Мионовна?

— Тоже давно померла.

Вздыхнулъ и еще ниже поникъ головою проѣзжіи.

— А Иванъ Силычъ? спросилъ онъ.

— Ивана Силыча по жеребью въ солдаты сдали. На чужой сторонѣ жизнь покончилъ свою. И жена Иванова и дѣтки его тоже все примерли. Одинъ я остался въ живыхъ.

— Абрамушка! братанъ!... * вскрикнулъ Герасимъ, и братья горячо обнялись.

„Не чаялъ тебя видѣть такимъ, думаетъ воротившійся въ отчий домъ странникъ. Былъ ты здоровъ, кровь съ молокомъ, молодецъ, ясный соколъ. Осымну хлѣба ровно лутошку на плечѣ себѣ вскидывалъ—богатырь былъ какъ есть... И былъ ты веселый забавникъ, всѣхъ бывало смѣшишь, жотѣшаешь. На осеннихъ ли посидкахъ, на святочныхъ ли игрищахъ только бывало появишься ты—у всѣхъ и смѣхи, и потѣхи, и забавы... Дѣвушки все до единой на тебя заглядывались, гадали объ тебѣ, ворожили, каждая только то и на мысляхъ держала какъ бы съ тобой повѣчаться... А теперь—все облысѣлъ, сморщился ровно грибокъ, блѣденъ сталъ какъ мертвецъ!... Босой, въ вѣтхой рубахѣ!... Что за бѣда случилась съ тобою, братанъ?...“

Грустно поглядѣлъ Герасимъ и на домъ родительскій: на бокъ скривился, крыша сгнила, замѣсто стеколъ въ окнахъ грязны тряпицы, расписанные когда-то красками ставни оторваны, слѣда отъ нихъ не осталось, на улицѣ передъ воротами травка-муравка растетъ, значить ворота не растутся. „Нѣтъ видно ни коней доброѣзжихъ, ни коровъ холмогорскихъ, ни бычковъ что родитель бывало откармливалъ“, подумалъ Герасимъ. И въ самомъ дѣлѣ не было у Абрама ни скотины ни животины, какова есть курица и той давнымъ-давно на дворѣ у него не бывало.

На говоръ братьевъ вышла изъ калитки молодая еще женщина, босая, въ истасканномъ до нельзя сарафанишкѣ, испитая вся, блѣдая, сморщенная. Только ясные, добрые, голубые глаза говорили, что недавно еще было то время, когда пригожествомъ она красилась. То была братаниха **

* Братанъ—старшій братъ.

** Братаниха—жена братана.

Герасиму, хозяйка Абрамова—Палагея Филиппевна. За нею высыпалъ цѣлый рой ребятишекъ малъ мала меньше. Всѣ оборваны, всѣ отреланы, блѣдные, тощiе, изнуренные... Это племянники да племянницы Герасима Силыча. Окруживъ со всѣхъ сторонъ мать и держась рученками за ея подолъ они ровно галчата разинувъ рты, робко и пугливо глядѣли изъ-подлобья на незнакомаго имъ человѣка.

Взглянувъ на полунагихъ и видимо голодныхъ дѣтей, Герасимъ Силычъ ощутилъ въ себѣ новое, досель еще не знакомое ему чувство. Рѣшаясь захватить въ родную деревню, къ отцу матери на побывку, такъ думалъ Герасимъ въ гордыни: „Отецъ теперь разжился, а все же нѣтъ у него такихъ капиталовъ какіе мнѣ нажить довелось въ эти пятнадцать годовъ... Стукну, бракну казной да и моваю родителю: ну, вотъ, батюшка, ни пахать, ни боронить, ни сѣять, ни молотить я не умѣю, прѣсть на прядильнѣхъ веревки тожъ не гораздъ... Училъ ты меня, родной, уму-разуму, бивалъ чѣмъ ни попадо, а самъ приговаривалъ: вотъ тебѣ, неразумный сынъ, ежели не образумишься, будешь даромъ небо колтить, будешь таскаться подъ оконьемъ!... Ну, родитель-батюшка, скажи не утай—много ль ты въ эти пятнадцать годовъ нажилъ казны золотой?... Давай-ка мѣряться-считаться! И покажетъ отцу свои капиталы... И поникнетъ отецъ головою, и предо мною, сыномъ проладшимъ, смирится... Вотъ тебѣ грамотей, а не пахарь, скажу я родителю. За что бивалъ, за что бранивалъ?... Смирится старшій, а я изъ деревни вонъ—прощай да лихою не поминай... И колѣбуки не дамъ...“

Не то вышло на дѣлѣ: черствое сердце суроваго отреченника отъ людей и отъ міра дрогнуло при видѣ братней нищеты и болѣзненно заняло жалостью. Въ напыщенной духовною гордыней душѣ промелькнуло: „Не напрасно ль я пятнадцать годовъ провелъ въ странствѣ? Не лучше ли бы провести эти годы на пользу ближнихъ, не бѣгая міра, не проклиная суетъ его?...“ И жалкимъ сумасбродствомъ показалась ему не разъ испытанная созерцательная жизнь отшельника... Съ дѣтства ни разу не плакивалъ Герасимъ, теперь слезы просочились изъ глазъ.

И съ того часа ровно переродился онъ, стало у него на душѣ и легко и радостно. Тутъ впервые понялъ онъ что значить слова любимаго ученика Христова: „Богъ любы

есть.“* „Вотъ она гдѣ истина-то, подумалъ Герасимъ, вотъ она гдѣ правая-то вѣра, а въ странствіи, да въ отреченьи отъ людей и отъ міра наврядъ ли есть спасенье... Вздоръ одиный, ложь. А кто отецъ жи?... Дьяволъ. Онъ это все выдумалъ для обольщенья людей... А они сдуру-то вѣрятъ ему, врагу Божию!...“

Братнина нищета и голодъ дѣтей сломили въ Чубаловѣ самообольщенье духовной гордостью. Проклялъ онъ это исчадіе ада, и изъ людей ненавистника, изъ отреченника отъ міра преобразился въ существо разумное — сталъ человѣкомъ... Много вышло изъ того хорошаго для другихъ, а больше того для самого Герасима Силыча.

XLII.

Не успѣвъ возвратившійся странникъ войти подъ кровлю отчаго дома, какъ вся Сосновка обѣжалась поглазѣть на чудо дивное, на человѣка что лятнадцать годовъ въ мертвыхъ вмѣняемъ былъ и вдругъ ровно съ того свѣта вернулся. Праздникъ былъ, дома всѣ... Скоро пропасть народу набралось у колодца и у избы Чубаловской. Дивились на Герасима, еще больше дивились на воза съ коробами и ящиками, въ какихъ кулцы товары развозять... „Вонъ онъ куда выѣзъ! Глазъ-ка какимъ богатствомъ сталъ!“ Зависть и досада звучали въ праздныхъ словахъ празднаго народа... Тѣ кто были постарше признали въ пріѣзжемъ лятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ обѣжавшаго Богъ вѣсть куда грамотья, и теперь какъ старые знакомцы тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Глядя на его тонкаго сукна черный кафтанъ и на луговую шаллу, а лучше всего посматривая на воза, мелкимъ бѣсомъ они разсылались передъ Чубаловымъ, называя бывшего Гараньку то Герасимомъ Силычъ, то „почтеннымъ“ и даже „вашимъ степенствомъ“. Воза свели съ ума и матерей, дочери коихъ заневѣстились. Умилно стали онѣ поглядывать на Герасима и закидывать ему ласковыя словечки, наломивая про былое прошлое время, а сами держа на умѣ „вотъ бы женишокъ дѣвчуркѣ моей“, хоть пріѣзжій вовсе не глядѣлъ женихомъ и никто не зналъ

* Первое посланіе Іоанна, IV, 16.

холостъ онъ, аль не женатый... А молодки, стоя особнякомъ вкругъ колодца, завистливо косились на Абрамову жену и такими словами межъ собой перекидывались: „Вотъ тѣ и Чубалуха, вотъ тѣ и нищенка!... Доселева была Палашка рвана рубашка, стала теперь Пелагея Филипповна!... Пустыя щи, и то не каждый день, отонкомъ * ихъ хлѣбала, а теперь гляди-ка-сь въ какія богачихи пошла!... Вотъ дура-мъ-то счастье! Правда молвится что дура спать, а счастье у ней въ головахъ сидитъ!...“

И молодые пары и тѣ у кого въ бородѣ ужъ зашевелилось равно великой радостью слышали Герасима порадовать — извѣстили его что теперь въ Сосновкѣ у нихъ свой кабакъ завелся, звали туда его съ прїѣздомъ поздравить. Герасимъ отказался, но на четвертуху ** денегъ далъ. Тутъ весь міръ собрался и объявилъ рѣшительно что четвертухи очень мало, надо де цѣло ведро для такой радости поставить, потому что въ пятнадцать лѣтъ Герасимовой отлучки ревизскихъ душъ у нихъ въ Сосновкѣ много понабавилось. На полведро далъ Чубаловъ. Міръ остался недоволенъ. „Мы за тебя, Герасимъ Силычъ, сколько годовъ подати-то платили?... Изъ ревизіи ты еще вѣдь не выписанъ,“ сказалъ деревенскій староста, плутъ мужикъ, стоитъ только взглянуть на него. „Съ брата твоего взять нечего, говорили другіе, и за свою-то душу ему нечѣмъ платить... И то на немъ столь недоимки накопилось, что страсть!... Твоя душа, да родителя твоего, да брата, Ивана, что въ солдаты сданъ, — на міръ разложены у насъ. Потому, ваше отечество, тебѣ и слѣдуетъ цѣло ведро міру предоставить, чтобы мы выжили на радостяхъ про твое здоровье... Больно вѣдь ужъ рады мы что ты воротился... Такъ-то, почтенный!“

Далъ Герасимъ на ведро. Міръ не удовольствовался. Немного погодя, когда Герасимъ ужъ въ родительскомъ домѣ сидѣлъ, шастъ къ нему староста. Вошелъ, Богу какъ слѣдуетъ помолился, всѣмъ поклонился, „здравствуйте“ сказалъ, а потомъ и зачалъ доказывать что ведерка на міръ очень недостаточно, и потому Герасиму Силычу безпремѣнно надо пожертвовать на другое. Не до старосты тогда было Герасиму, не до мірокой попойки, далъ ни слова не

* Столтаный, изношенный лапоть.

** Четверть ведра.

мова на другое ведро, просилъ старосту міръ-народъ уго-
ститъ. Староста дачей денегъ остался доволенъ и сталъ
изъ кожи лѣзть, упрашивая обоихъ Чубаловыхъ ровно Богъ
знаетъ о какой милости чтобы шли они на лужокъ у кабака
вмѣстѣ съ міромъ винца испить. Оба брата отказались,
уходя изъ избы староста изо всей мочи хлопнулъ дверью,
чтобы хоть чѣмъ-нибудь сердце сорвать. Надивиться не
могъ онъ отчего не пошли на лужокъ съ нимъ Чуба-
ловы. „Ну лущай, говорилъ онъ шедшему рядомъ съ нимъ
десятику, лущай Абрамка не льетъ пожалуй оттого
что пить досель было не на что, а этотъ скаредъ, сква-
лыга, этотъ, распроклятой, отчего не льетъ?“ То же
говорилъ староста и на лужайкѣ міру-народу, разливая по
стаканамъ новое ведерко, и мудрый міръ-народъ рѣшилъ
что Чубаловы и тотъ и другой дураки. Потому міръ-народъ
заявлялся дѣломъ общественнымъ. Составился вкругъ лорож-
няго ведерка сходъ, и на томъ сходѣ было рѣшено завтра жъ
ѣхать старостѣ въ волость, объявить тамъ о добровольной
явкѣ изъ бѣговъ пропадавшаго безъ вѣсти крестьянина
Герасима Чубалова, внести его въ списки и затѣмъ взы-
скать съ него переплаченные обществомъ за него и за се-
мейство его подати и повинности, а по взысканіи тѣхъ
денегъ, пропить ихъ не откладывая, въ первое жъ послѣ
того взыска воскресенье. Постановивъ такой вѣсѣмъ по ду-
шѣ пришедшійся приговоръ, міръ-народъ еще выпилъ на
радостяхъ. Играли на гармоникахъ, орали пѣсни влооть до
разсвѣта, дракъ было достаточно; по утру больше половины
бабъ вышло къ деревенскому колодцу съ подбитыми глаза-
ми, а мужья всѣ до одного лежали похмѣльные.... Такъ радо-
ство встрѣтила Герасима Силыча родимая сторонущка.

Когда Герасимъ вошелъ въ родительскій домъ и помо-
лившись семейнымъ иконамъ оглянулъ съ дѣтства знакомую
избу, сердце его еще больше уало. Нищета, бѣдность
крайняя.... Нигдѣ что-называется ни крохи, ни зерна, вездѣ
голымъ-голодъ, вездѣ хоть шаромъ локати: скотины тараканъ
да жуелица, посуды крестъ да луговица, одѣжи мѣшокъ
да рядно. Дворъ раскрытъ, безъ повѣти стоитъ; у воротъ
ни запора, ни подворотни, да и зачѣмъ?—голый что святой:
ни разбоя, ни воровъ не боится. Въ первую пору стран-

ства, когда Герасимъ въ средѣ старообрядцевъ еще не прославился, самъ онъ иногда голодовалъ, холодовалъ и другую нужду терпѣлъ, но такой нищеты какъ у брата въ дому, и во снѣ не видалъ. Вспомнилъ про надѣльные полосы, при выкормкѣ бычковъ родителемъ до того удобренныя что давали онъ урожая вдвое и втрое супротивъ сосѣднихъ надѣловъ, и спросилъ у брата каково идетъ у него полевое хозяйство. Молчитъ, глаза въ землю потупя Абрамъ.... Со слезами отвѣчаетъ деверю невѣстка что вотъ де ужъ болѣ пяти годовъ какъ нѣтъ у нихъ никакого хозяйства, и у нея нѣтъ никакихъ бабьихъ работъ — ни въ полѣ жнитва, ни въ огородѣ полотья. „Вотъ какимъ пахаремъ сталъ,“ подумалъ Герасимъ. И въ самомъ дѣлѣ избной полъ сталъ у Абрама, какъ въ людяхъ молвится, подъ озимымъ, лечь подъ яровымъ, палати подъ паромъ, а полавочье подъ локосомъ. Такого было у него хозяйство что даже мыши въ анбарѣ перевелись съ голодухи.

Молчанье брата, грустный, жалобный голосъ невѣстки, скучившіеся въ углу у коника полуднагіе ребятишки въ конецъ растопили сердце Герасима.

Пуще всего жаль было Герасиму малыхъ дѣтей, а ихъ было вдосталь и не для такой скудости въ какой жилъ братъ его: семеро на ногахъ, восьмой въ зыбкѣ, а старшему только десятый годокъ.

— А что, невѣсткушка, чѣмъ гостя подчивать станешь? спросилъ садясь на лавку онъ Палагею.

Та закрывъ лицо передникомъ, тихо безмолвно заплакала. Молчитъ и Абрамъ, сумрачно смотритъ на брата ровно черная туча.

— Болѣзнь ты мой, родной, притоманный! съ трудомъ могла наконецъ промолвить хозяйка. — Было щецъ маленько, за обѣдомъ поѣли. Съ великой бы радостью тебя, мой душевный, поподчивала, да нѣтуту у насъ теперъ ничего.

А хозяйка голову передъ братомъ повѣсила и потупила глаза. Слеза ихъ прошибла.

— На нѣтъ и суда нѣтъ, невѣсткушка, сказалъ Герасимъ, и тоже печально склонилъ свою голову.

— Нѣтъ, вотъ что, родненькій, вспомнивъ, молвила Палагея. — Схожу-ко-сь я къ Матренѣ Прокофьевнѣ, — обратилась она къ мужу, — къ нашей старости, — пояснила деверю, — покучусь у ней молочка хоть криночку да яичекъ да маслаца,

лишенку-глазунью гостю дорогому сострялаю. Может не откажетъ: изъ всѣхъ бабъ она до меня всѣхъ милостивѣй.

И, накинувъ на плечи истреланный, дырявый шушунъ, * слѣшно пошла вонъ изъ избы.

— Постой невѣстуха, постой родная, остановилъ Палагею Герасимъ.—Такъ не годится. У васъ на деревнѣ кабакъ завелся, чать есть при немъ и закусовая? обратился онъ къ брату.

— Какъ не быть, есть, тихо отвѣтилъ Абрамъ.

— На-ка тебѣ, молвилъ Герасимъ подавая Абраму рублевку.—Сходи да купи харчей какіе найдутся. Пивца бутылочку прихвати, ливцо-то я маленько употребляю, и ты со мной стаканчикъ выльешь. На всю бумажку бери, сдачи приносить не могу ни единой копейки. Пряниковъ ребяткамъ купи, орѣховъ, подсолнуховъ.

— Чтѣ это, брательникъ? ** Зачѣмъ? молвилъ Абрамъ.— Они у насъ непривычны, не надо.

— А ты, Абрамушка, дѣлай не по своему, а по моему, добродушно улыбаясь сказалъ на то Герасимъ.—Подъ-ка, а ты, подъ поскорѣе.

Постоялъ маленько Абрамъ, вздохнулъ и взявши съ кола *** шалку, пошелъ изъ избы почесывая въ затылкѣ.

— Ну невѣстуха, сказалъ по уходѣ брата Герасимъ,—ты

* Шушунѣ, смотря по мѣстности, называется разная верхняя женская одежда. За Окой на югъ отъ Москвы, въ губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Тульской и др., гдѣ сарафановъ не носятъ, шушунѣ зовутъ холщевую женскую рубашку, длиною немного пониже коленъ, съ алымъ шитьемъ и кумачными красными прѣшивками; онъ надѣвается къ паневѣ сверхъ рубахи. На сѣверѣ (губерніи: Новгородская, Вологодская, Вятская) шушунѣ называется крашеный старушечій сарафанъ, а въ Олонецкой и по инымъ мѣстамъ—сарафанъ изъ краснаго кумача съ воротомъ и висячими назади рукавами. Въ волжскомъ верховьи (Тверская, Ярославская, Костромская) шушунѣ зовется кофта съ рукавами и отложнымъ воротникомъ, отороченная кругомъ ленточкой—*шугой*. На Горахъ, начиная съ Нижегородской губерніи, шушунъ—верхняя крашеная короткая сорочка-растегай въ родѣ блузы, надѣваемая поверхъ сарафана.

** Брательникъ—меньшой, младшій братъ.

*** Деревянный гвоздь или тычекъ вбитый въ заднюю стѣну избы у входа для вѣшанія шапокъ.

бы теперь мнѣ маленько мѣстечка гдѣ-нибудь опростала. Одну-то телѣгу надо скорѣй опростать.

— Да вонъ тащи хоть въ заднюю избу, молвила Палагея, — а не то въ клѣтъ—пустымъ-пустехонька. А ежели боюсь къ спѣху, такъ локамѣсть въ сѣняхъ положь; сѣни-то у насъ большія, просторныя, всю свою подлажу уложишь.

— Ладно, отвѣтилъ Герасимъ.—Въ сѣняхъ такъ въ сѣняхъ.

И выйдя изъ избы сказалъ возчикамъ, сняли бы съ одного воза кладъ, а въ опростанную телѣгу заложили лошадь. Пока они перетаскивали короба и ящики Герасимъ подсѣлъ къ столу и вынувъ изъ кармана бумагу сталъ что-то писать карандашомъ, порой останавливаясь, будто что приложила. Кончивъ писанье вышелъ на дворъ и подозвавъ одного изъ пріѣхавшихъ съ нимъ, сказалъ ему:

— Ну Симонушка, сослужи ты мнѣ братецъ теперь не въ службу, а въ дружбу. Хоть ты и усталъ и давно бы пора отдохнуть тебѣ, да ужъ пожалуста похлопочи, сдѣлай для меня такую милость.

Семенъ Ермолаичъ былъ у Чубалова за прикѣщика. Пожилой человекъ, степенный, грамотей тоже и немалый знатокъ въ старинныхъ книгахъ, особенно въ иконахъ. Радъ онъ былъ сослужить службу хозяину.

— Здѣшні мѣста знаешь? спросилъ у него Чубаловъ.

— Какъ мнѣ здѣшнихъ мѣстовъ не знать? молвилъ Семенъ Ермолаичъ.—Самъ не дальній отсель.

— Такъ вотъ что, сказалъ Чубаловъ.—Въ городъ дорогу найдешь?

— Какъ не найти. Ъхали сюда, въ виду у насъ былъ.

— Моихъ денегъ есть ли сколько-нибудь при тебѣ? спросилъ Чубаловъ.

— Есть довольно...

— Сдѣлай же все по этой запискѣ. Только сдѣлай милость скорѣй управляйся, засвѣтло бы назадъ послѣтъ. Услѣшь, думаю, тутъ всего четыре версты, да и тѣхъ пожалуй не будетъ, молвилъ Чубаловъ.

— Какъ засвѣтло не послѣтъ, сказалъ Ермолаичъ.—Далеко ли тутъ? Для брата что ль? примолвилъ онъ бѣгло взглянувъ на записку.

— Да, молвилъ Герасимъ.—Не чаялъ я, Симеонушка.

— Жалости подобно, сказалъ Семенъ Ермолаичъ.—Покалякалъ я кой съ кѣмъ изъ здѣшнихъ про твоего брата.

Мужикъ сказываютъ лю всему хорошій, смиренный, работающій, вина калли въ ротъ не беретъ. Да какъ лошли слышь на него бѣды за бѣдами, такъ его сердечнаго въ конецъ и доковало... Опять же больно ужъ много ребятокъ-то онъ наплодилъ, что слышь ни годъ, то полъ матицу зыбку подвизывай *. Поглядѣть на богатыхъ—дѣти у нихъ не стоятъ, родилася, глядь анъ и гробикъ ладъ, а у Абрама Силыча всѣ до единого вживѣ остались... Шутка ль восемь человекъ малъ мала меньше!... Работникъ-отъ онъ одинъ, а ротъ цѣлый десятокъ. Какъ тутъ не пойти подъ оконья?...

— Нешто побираются? мрачно насупясь спросилъ у Ермолаича Герасимъ.

— Самъ-отъ нѣтъ, самъ слышь всегда за работой, и хозяйка не ходитъ, отъ дому-то ей отлучаться нельзя. Опять же Христа ради собирать ей и зазорно—брата изъ хорошаго дома, свои капиталы въ дѣвкахъ имѣла, сродники слышь обобрали ее до чиста... А большееньки ребятки, говорили бабенки, каждый слышь день побираются.

Пуще прежняго нахмурился Герасимъ Силычъ, смотреть ровно осенняя ночь.

— Поѣзжай лоскорѣй, Ермолаичъ, вдругъ заторопилъ онъ прикащикъ.—Засвѣтло надо здѣсь быть непремѣнно. Пожалуста лоторалливайся.

— Какъ засвѣтло не воротиться, воротимся, молвилъ разговорившійся Ермолаичъ оправляя сулонъ на лошади.—Эки собаки, прости Господи! И сулонъ-то кой-какъ затянули, и гужи-то къ оглоблямъ не пристегнули. Все бы кой-какъ да какъ-нибудь, а дорогой конь распряжется, глядишь остановка, меледа... ** Да, Герасимъ Силычъ, правда въ людяхъ молвится: „безъ дѣтей горе, а съ дѣтьми вдвое“... Только ужъ лаче мѣры плодилъ братанъ-отъ у тебя... Конечно, ежели поможетъ ему Господь всѣхъ на ноги поставитъ—работниковъ будетъ у него вдоволь, пять сыновъ, всѣ погódки... Тогда справится.

— А ты поѣзжай, поѣзжай, Симеонушка, торолилъ его Герасимъ.

* Матица — брусь поперекъ избы, на ней кладется потолочный тесъ. Зыбка — колыбель, люлька, въ крестьянскихъ домахъ обыкновенно подвѣшиваемая къ потолочной матицѣ. Есть въ каждой избѣ и другая матица—бабка на которую полъ настилается.

** Мѣшкотное дѣло, задержка.

Ермолаичъ сѣлъ наконецъ въ телѣгу, а все-таки свое продолжалъ:

— Да, плодливъ, бѣда какой плодливый... Шутка сказать, восьмеро ребятшекъ!.. И у богатаго при такой семьищѣ голова кругомъ пойдетъ. Поди-ка вспой, вскорми каждого да выучи!.. Ой бѣда, бѣда!

Наконецъ-то двинулся въ путь. Выйдя изъ воротъ Герасимъ посмотрѣвъ вслѣдъ Ермолаичу и въ избу пошелъ.

XLIII.

Облокотясь на столъ и прилавъ рукою къ щецѣ тихими слезами плакала Палагея Филитьевна, когда исправивши дѣла свои воротился въ избу Герасимъ. Трое большевнкихъ мальчиковъ молча стояли у лѣчки въ грустномъ молчаньи глядя на грустную мать. Четвертый забился въ углу коника за наваленный тамъ всякаго рода подранный и поломанный хламъ. Младшій сынокъ съ двумя крошечными сестренками возился подъ лавкой. Прикутанный въ грязныя отрелья грудной ребенокъ спалъ въ лубочной вонючей зыбкѣ, подвѣшенной къ оцѣлу *.

— Чтѣ невѣстуха пригорюнилась? О чемъ слезы роднись родная? ласково, участливо спросилъ Герасимъ сядясь возлѣ нея на лавку.

— Какъ не плакать мнѣ, какъ не убиваться?.. захлебываясь слезами чуть могла промолвить Палагея Филитьевна.—Не видишь развѣ, желанный, каково житье наше горьгорькое?.. А живали и мы хорошо... Въ достаткѣ живали, у людей были въ любви и почетѣ. И все-то прошло, прокатилось, ровно во снѣ привольно-то житье я видѣла... Охъ родной, родной!.. Тебя и въ живыхъ мы не чаяли, и вотъ Господь далъ—пріѣхалъ, воротился. Радоваться бы твоему пріѣзду намъ да веселиться, а у насъ куска хлѣба нѣтъ покормить тебя... Точно, родимый, тошнехонько!..

И бросивъ на столъ бѣлыя, исхудалыя, полокоть обнаженные руки прижала къ нимъ скорбное лицо и горько зарыдала. У Герасима сердце повернулось...

— Полно, родная, перестань убиваться, любовно молвилъ онъ ей, положивъ руку на плечо ея.—Богъ не безъ милости,

* Оцѣлъ, иначе очель, журавъ, журавецъ — персякъ, слегка или жердь прикрѣпленная къ матицѣ.

не унывай, а на Него уловай. Снова пощлеть Онъ тебѣ хорошую жизнь и спокойную. Молись, невѣстужка, молись всемилосердому Господу—вѣдь мы къ Нему съ земной печалью, а Онъ Свѣтъ къ намъ съ небесной милостью. Для того и не моги отчаяваться, не смѣй роптать. То знай, что на каждаго человѣка Богъ по силѣ его крестъ налагаетъ.

— Не ропщу родной, николи. Бога тѣмъ не гнѣвала я, сказала Палагея тихо, лодняявъ голову и взглянувъ на деверя чистымъ, яснымъ, правдой и смирениемъ горѣвшимъ взоромъ.

— И хорошее дѣло, невѣстужка. За то Господь тебя не покинетъ, воззритъ на печаль твою. Надѣйся, Палагеюшка, надѣйся.... На Бога положишься не обѣдишься. Утри-ка слезы-то да покажь мнѣ дѣтокъ-то. Я вѣдь хорошенько-то еще и не знаю племянниковъ. Показывай, невѣстужка, начинай со старшенькаго.

Отерла слезы Палагея. Теперь она была уже увѣрена что богатый деверь не покинетъ ихъ въ бѣдности, дастъ вздохнуть, выведетъ изъ горя и нищеты.

— Подъ сюда Иванушка, подойди поближе къ дяденькѣ-то, сказала она старшему мальчику.

Тихо, но не робкой поступью подошелъ бѣловолосый, блѣдный, истощенный Иванушка съ ясными, умными глазками. Подоидя къ дядѣ онъ покраснѣлъ до ушей.

— Это нашъ большевнкій, молвила Палагея,—Иванушкой звать.

— Много-ль ему? спросилъ Герасимъ, глядя по головѣ племянника.

— Десятый годокъ передъ лѣтнимъ Николой пошелъ, отвѣтила Палагея Филильевна.

— Умненькій мальчикъ, молвилъ Герасимъ, зорко поглядѣвъ въ глаза Иванушкѣ.

— Ничего, ларенокъ смышленный, скорбно улыбулась мать глядя на своего первенца.

— Грамотѣ учишься? спросилъ у него дядя и тотчасъ же одумался что напрасно спросилъ о томъ. „Какая грамота ежели ходить побираться?“

Мальчикъ еще больше зардѣлся. Тоскливымъ, печальнымъ взоромъ, но смѣло, открыто взглянулъ онъ на дядю и чуть слышно вымолвилъ:

— Нѣтъ.

— Какая ему грамота, родимый ты нашъ!... дрожащими отъ приступа слезъ губами прошептала мать.—Куда ужъ намъ о грамотѣ думать, хоть бы только поскорѣй пособниками-то отцу стали.... А Иванушка ларенокъ у насъ смышленный, понятливый... Теперь помаленьку прядильному дѣлу сталъ навывать.

— Хорошее дѣло, Иванушка, думчиво молвилъ Герасимъ, глядя племянника по бѣлымъ какъ лѣнь волосенкамъ.— Доброе дѣло отцу подмогать....

И замолчалъ вливвъ очи въ умняющее личико мальчика.

Вспали тутъ на разумъ бывшему страннику такіа мысли что прежде онъ почелъ бы ихъ бѣсовскимъ искушеніемъ, дьявольскимъ навожденіемъ.... „Вотъ я дожилъ слишкомъ до тридцати годовъ, а кому послужилъ хоть на малую пользу?... Вѣру искалъ, въ словопреніяхъ лутался.... Вѣру-то истинную искалъ, искалъ, мыкался, мыкался по всему свѣту вольному, а сегодня дома нашелъ.... А въ пятнадцать годовъ шатанья, скитанья, черноризничанья успѣлъ отстать отъ добрыхъ людей.... Нѣшто люди тѣ были, нѣшто самъ-отъ я былъ человѣкомъ?... Гробы поваленныя!... Войъ тогда въ Сызрань, два года тому назадъ, соборна бесѣда была у насъ... Я въ первыхъ сидѣлъ... долгое шло разсужденіе въ какомъ разумѣ надо понимать Христовы словеса: „милости хочу, а не жертвы“... Никто тѣхъ словесъ смысломъ обнять не возмогъ, судили, рядили и врозь и вкось. Меня спросили... наказывалъ я имъ и не вѣсть чего и про жертву-то ветхозаконую, и про милости-то Царя Небеснаго къ вѣрнымъ праведнымъ, а самъ ровнехонько ничего не понималъ что имъ говорю и къ чему рѣчь клоню.... Много довольны остались, похваляли меня за остроту разума, за вѣдѣніе Святаго Писанія... Не доступны тогда были моему разумѣнію святыя словеса евангельскія, а теперь только-что поглядѣлъ я на этихъ мальцовъ, да поболѣлъ о нихъ душою, ровно меня осіяло и дадеся мнѣ сила разумѣнія.... Познаю разумъ словъ Твоихъ Спасе!... Милости, милости хочешь Ты Господи, а не черной рясы, не отреченья отъ людей, не проклятія міру Тобой созданному!“

— А хотѣлось бы тебѣ грамотѣ-то поучиться? мягкимъ, полнымъ любви голосомъ спросилъ Герасимъ Силычъ у племянника.

— Какъ же не хотѣться? въ землю потуливъ глаза чуть слышно отвѣтилъ Иванушка.—Я бы пожалуй и самоучкой учиться сталъ, безъ мастерицы *, только бы кто показалъ... Да азбуки нѣтъ.

— Завтра жъ будетъ она у тебя, молвилъ Герасимъ.—И станешь ты учиться не самоучкой, не у мастерицы, самъ а учить тебя стану... Хочешь?

— Хочу, дяденька, больно хочу, радостно вскрикнулъ маленькій Иванушка и голубые глазенки его такъ и залпыгали...

— Вотъ и ладно, вотъ и хорошо, съ чувствомъ молвилъ Герасимъ пальцами перебирая кудри Иванушки.—Станемъ, станемъ учиться... Только смотри у меня, съ уговоромъ—учись, а отцовскаго дѣла покинуть не смѣй. Старайся праять хорошенько. Учись этому, Иванушка, навывай. Грамота дѣло хорошее, больно хорошее, однакожь если у грамотея никакого мірскаго дѣла не будетъ, работы то-есть никакой онъ не будетъ знать, ни къ какому промыслу съ измальства не обыкнетъ, будетъ ему грамота на лагубу. Станешь ли при грамотѣ праять хорошенько? Станешь ли при грамотѣ отцу пособлять?

— Стану, дяденька, стану, порывисто отвѣтилъ Иванушка, весело глядя на дядю и прижимаясь къ нему.

— Ежелибъ годиковъ семь нашимъ грѣхамъ Господь потерпѣлъ, да сохранилъ бы въ добромъ здоровьѣ Абрама Силыча, мы бы, родимый, во всемъ какъ слѣдуетъ справились, тихо промолвила Палагея.—Иванушкѣ пошелъ бы тогда семнадцатый годокъ, а другіе сынки всѣ погодки, Саввушкѣ, меньшенькому, и тому бы тогда было двѣнадцать лѣтъ и онъ бы ужъ праялъ... И тягло бы полпрежнему тогда на себя мы приняли и земельку бы стали пахать олять, скотинушку завели бы... А теперь вѣдь у насъ ни лашенки, ни скотинушки, какова лтица курица, и та у насъ ло двору давненько не бразивала...

— Знаю, родная, все знаю я, со вздохомъ отвѣтилъ Герасимъ.—Только ты смотри у меня, невѣстужка, не мочи унывать... Въ отчаянье не вдавайся, духомъ бодрись, на Свѣта Христа уловай... Христосъ-отъ отъ насъ грѣшныхъ одной вѣдь только милости требуетъ и только за нее свои милости

* Мастерица—деревенская учительница грамоты.

невидимо намъ посылаетъ.—Все пошлетъ Онъ милосердый тебѣ, невѣстущка, и лапню, и справный домъ, и скотинушку и полные закрома...

— У меня только и есть надежды что на милость Его. Тѣмъ только и живу, слезнымъ, умоленнымъ взоромъ смотрю на иконы, отвѣтила Палагея.—Не надѣялись бы мы съ Абрамомъ на милость Божию, давно бы сгинули да пропали...

— Показывай другихъ дѣтокъ, невѣстущка, молвилъ немного погодя Герасимъ.

— Вотъ другой сынокъ нашъ—Гаврилушка, сказала она, подводя къ деверю остроглазого крѣпыша мальчугана.—За недѣлю до Благовѣщенья девятый годокъ пошелъ.

— Ну что жъ ты, Гаврилушка, прядешь чтоли?... приласкавши племянника спросилъ у него Герасимъ.

— Татка не даетъ, боѣко отвѣтилъ мальчикъ, глядя дядѣ прямо въ глаза.

— Куда еще ему, родной? улыбаясь и мягкимъ, полнымъ любви взоромъ лаская мальчика, сказала Палагея Филиппевна.—Развѣ съ будущаго лѣта станетъ отецъ обучать его помаленьку.

— Давай, мамка, леньки — сейчасъ напряду, вскричалъ Гаврилушка.

— Какъ тебѣ не леньки?... Ишь какой умѣлый, улыбнувшись сказала Палагея и приложивъ ладонь къ сыновнему лбу заботно спросила:—прошла ль головушка-то у тебя, болѣзнь?

— Прошла, отвѣтилъ весело Гаврилушка.

— Ну, слава Богу, молвила мать, погладивъ его по головкѣ и прижавъ къ себѣ.—Давеча съ утра сама не знаю съ чего головушка у него разболѣлась, такая горячая стала, а глазыньки-то такъ и помутнѣли у сердечнаго.... Перепугалась я совсѣмъ. Много ль надо такому маленькому?... продолжала Палагея Филиппевна, обращаясь къ деверю.

И по взглядамъ и по голосу ея Герасимъ смекнулъ что Гаврилушка материнъ сынокъ, любимчикъ, бабовникъ, какъ самъ онъ былъ у покойницы Федосьи Мионовны.

— А тебѣ чего хочется, Гаврилушка? Выростешь большой, чѣмъ хочешь быть? спросилъ у него дядя.

— Маркомъ Данилычемъ, съ важностью отвѣтилъ Гаврилушка.

— Какимъ Маркомъ Данилычемъ? спросилъ Герасимъ.

— Кулець тутъ у насъ есть въ городѣ. Смолокуровъ Марко Данилычъ, усмѣхнулась на затѣйный отвѣтъ своего любимчика Палагея. — На него по нашей деревнѣ всѣ прядутъ. Богатыщій. Вишь куда захотѣлъ! глядя на головкѣ сына обратилась она къ нему. — Губа-то видно у тебя не дура.

— Смолокуровъ? Помню что-то я про Смолокурова, молвилъ Герасимъ. — Никакъ батюшка покойникъ работалъ на него?

— Надо-быть такъ, отвѣтила Палагея.

— Работай хорошенько, да не балуй, будешь такимъ же богачомъ какъ и Марко Данилычъ, промолвилъ Герасимъ и спросилъ Палагею про третьяго сына.

— Вотъ и онъ, молвила Палагея Филильевна. — Харламушка, подь къ дяденькѣ.

— Тебѣ который годъ? спросилъ Герасимъ у подошедшаго къ нему и глядѣвшаго изъ-подлобья лузатенькаго мальчугана, поднимая ему головку и взявъ за подбородокъ.

— Восьмой, отвѣчалъ Харламушка.

— Что подѣлываешь?

— Побираться хожу, бойко отвѣтилъ онъ.

Промолчалъ Герасимъ, а Палагея отвернулась будто въ окно, поглядѣть. Тоже ни слова.

— А четвертый гдѣ? спросилъ у нея Герасимъ послѣ недолгаго молчанья.

Подошла Палагея къ углу коника, куда забила четвертый сыночекъ, взяла его за ручёнку и насильно подвела къ дядѣ. Дикій мальчуганъ упирался насколько хватало силёнки.

— Этотъ у насъ веручной, какъ есть совсѣмъ дикой, молвила Палагея. — Всего боится, думаю не испортилъ ли кто его.

— Какъ зовутъ тебя? спросилъ четвертаго племянника Герасимъ, взявъ его за плечо.

Всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ мальчикъ отъ прикосновенья. Робко смотрѣлъ онъ на дядю, а самъ ни словечка.

— Скажи, Максимушкой молъ зовутъ меня, дяденька, учила его мать, но Максимушка упорно молчалъ.

— Какой годокъ? спросилъ Герасимъ.

Сколько мать Максимухѣ ни подказывала, сколько его ни подталкивала, онъ стоялъ передъ дядей ровно нѣмой. Наконецъ разинулъ ротъ и заревѣлъ въ источный голосъ.

— Чтѣ ты, Максимуха? Чтѣ ты, голубчикъ? Объ чемъ раслакался, ласково уговаривалъ его Герасимъ, но ребенокъ съ каждымъ словомъ его ревѣлъ сильнѣй и сильнѣе.

— Страшливый онъ у насъ, такой оласливый, всѣхъ боится, ничего нѣ вида тотчасъ и ревку задастъ, говорила Палагея Филильевна.—А одинъ когда, не на глазахъ у большихъ, первый прокурать *. Отпусти его, родной, не то онъ до ночи проревеетъ. Подъ Максимуха, стулай въ свое мѣсто.

Не успѣла сказать, а Максимуха стрѣлой съ лука прынулъ въ тотъ уголокъ, откуда его мать вытащила. Но не сразу унялись его вслипыванья.

— А меньшенькой-то гдѣ жъ у тебя, невѣстуха? спросилъ Герасимъ,

— Саввуха, гдѣ ты, родной? крикнула мать, оглядываясь.

— Здѣсь! раздался изъ-подъ лавки дѣтскій голосокъ.

— Зачѣмъ забился туда?

— Съ Устькой да съ Дунькой въ коски игъемъ, подъ стряпной лавкой, ** картавилъ маленькій мальчикъ.

* *Прокурать*—проказникъ, шутникъ, забавникъ, отъ слова *прокудить*—шалить, проказничать. На сѣверѣ и на востокѣ, а также на крайнѣй Великой Россіи и въ Бѣлороссіи „прокудить“ значитъ—дѣлать вредъ, то же что бѣдокурить и прокуратить, а также обманывать, притворяться.

** Великорусская изба на сѣверѣ, на востокѣ и по Волгѣ имѣетъ вездѣ одинаковое почти расположеніе: направо отъ входа въ углу печь (рѣдко ставится она налѣво, такая изба зовется „непряхой“, потому что на долгой лавкѣ, чтѣ противъ печи отъ красного угла до коника, прясть не съ руки—правая рука къ стѣнѣ при ходится и не на свѣту). Уголъ налѣво отъ входа и прилавокъ отъ двери до угла зовется *коникъ*, тутъ мѣсто для спанья хозяина, а подъ лавкой кладутся упряжь и разные пожитки. Передній уголъ направо—*красный, святой*, тамъ образа, передъ ними столъ. Лавка отъ коника до красного угла зовется *долгой*. Передній уголъ налѣво отъ входа—*бабій кутъ* или *стряпной*; онъ часто отдѣляется отъ избы досчатой перегородкой. Лавка отъ святаго угла до стряпнаго называется „большою“, а иногда „красною“. Прилавокъ отъ

— Ну вы котятки мои, ласково молвила мать, — вылезайте скорѣй къ дяденькѣ... Дяденька пряничковъ дастъ.

Пятилѣтній мальчикъ проворно вылезъ изъ-подъ лавки, за нимъ вылозали и двѣ крошечныя сестренки его.

— Пряничковъ, льяниковъ!... радостно смѣясь и весело глядя на Герасима, подобравъ руки въ рукава рубашеки и прыгая на одной ножкѣ весело вскрикивалъ Савушка.

Дѣвочки, глядя на братишку, тоже прыгали, хохотали и лепетали о пряникахъ, хоть вкусу въ нихъ никогда и не знавали. Старшія дѣти услышавъ о пряникахъ тоже стали другъ на дружку веселенько поглядывать и посмѣиваться. Даже дикій Максимушка пересталъ ревѣть и поднялъ изъ-подъ грязныхъ тряпокъ бѣлокурую головку.... Пряники! да это такое счастье нищимъ голоднымъ дѣтямъ, какого они и во снѣ никогда не видывали.

— Это вотъ Устя, а это Дуняша, положивъ руку на бѣлокурую головку старшей дѣвочки и взявъ за плечо младшую сказала Палагея Филиппевна.

Сколько ни заговаривалъ дядя съ братанишнями *, онѣ только весело улыбались, но ни та, ни другая словечка не проронила. Крѣпко держа другъ дружку за рубашки жались онѣ къ матери, посматривали на дядю и посмѣивались старому ли смѣху, что подъ лавкой былъ, обѣщаннымъ ли пряникамъ—Господь ихъ вѣдаетъ.

— А въ зыбкѣ Федосѣюшка, молвила Палагея деверю, показавъ на славшаго ангельскимъ сномъ младенца.—Въ Духовъ день ее принесла, восьмая недѣлька дѣвчуркѣ лопала.

— Да, семейка! грустно покачавъ головою, молвилъ Герасимъ.—Трудновато мелюзгу вслупить, вскормить, да на ноги поставить. Дивиться еще надо братану и тебѣ, невѣстущка, какъ могли вы такую бѣдноту съ такой кучей дѣтей перенести.

— Господь! вздохнула она, набожно взглянувъ на святые иконы.

бабьяго кута къ печкѣ—*стряпная лавка*, рядомъ съ нею до самой печи—*„стряпной ставецъ“*, въ родѣ шкапчика и стола вмѣстѣ; на немъ кушанье готовится.

* Братанишна—дочь старшаго брата, братана.

XLIV.

Подъ самое это слово Абрамъ воротился съ локулками. Слѣдомъ за нимъ пришла и закусочница, малаго роста, разбитная, шустрая солдатка—теткой Ариной звали ее. Была бабенка на всѣ руки: свадьба ль гдѣ—молодымъ баню толить, покойникъ ли—обмывать, обряжать, ссора ль гдѣ случится, сватовство ли, раздѣлъ имѣній, сдача въ рекруты, родины, крестины, именины—тетка Арина тутъ какъ тутъ. Безъ нея ровно никакого дѣла и сдѣлать нельзя. А какъ всѣ эти дѣла случались не каждый день, такъ она какъ только кабакъ въ Сосновкѣ открыли, къ нему присосѣдилась, стала закусочницей и принялась торговать нехитрыми снѣдами да пряниками, орѣхами и другими деревенскими сластями. Торговля не Богъ знаетъ какіе барыши ей давала, было то теткѣ Аринѣ дороже всего что она каждый день отъ возвращавшихся съ работъ изъ города Сосновскихъ мужиковъ, а больше того отъ проѣзжихъ узнавала вѣстей по три короба и тотчасъ дѣлилась ими съ бабами, прибавляя къ слухамъ и своихъ небылицъ, и каждую была краснымъ словцомъ разукрашивая. Возвратъ лятнадцать годовъ пропадавшего безъ вѣсти Герасима такой находкой былъ вѣстовицѣ, какая съ роду ей не доставалась. Прослышавъ что мужики хотятъ опивать Чубаловскій пріѣздъ, съ жаднымъ нетерпѣньемъ ждала она когда соберется міръ-народъ на заѣтной лужайкѣ, и Герасимъ Чубаловъ станетъ ему разказывать про свои похождения. Олѣшила она, узнавъ что мужики льютъ на счетъ пріѣзжаго, а самого залучить къ себѣ не могутъ. Какъ же раздобыться новостями, какъ же узнать ихъ?... Отъ самого ль Герасима, отъ брата ль его, а ль отъ невѣстки?... Идти самой Аринѣ къ Палагѣи нельзя — больно ужъ часто обижала она и ее самое и ребятишекъ.... Вдругъ Абрамъ передъ нею.... Ровно рассыпанному мѣшку золота обрадовалась Арина Исаишна приходу его. Не знаетъ гдѣ посадить, не знаетъ какъ улестить, а передъ тѣмъ близко къ лавченокъ своей его не подпустила бы, неравно дескать стянеть что-нибудь съ голодухи. Отрѣзала по спросу его добрый кусокъ соленой рыбы, дала

лучекъ зеленого луку, хлѣба коровай, два десятка печеныхъ яицъ да два пирога съ молитвой. * Только всего и оставалось у ней, остальное мужики разобрали вино Чубаловское закусывать. Ребятишкамъ отлустила пряниковъ, каленыхъ орѣховъ, подсолнуховъ. Больше ничего не нашлось, но не дожидаясь Абрамова спроса нацѣдила большой жбанъ холоднаго квасу, говоря что послѣ рыбы братцу безпрѣмѣнно надо будетъ кваску испить. Хотѣлъ было Абрамъ заплатить за квасъ, но тетка Арина сколь ни жадна была, поглядѣла удивленными глазами и такое слово молвила: „Никакъ ты въ разумъ рехнулся, Силычъ, съ радости-то? Нешто за квасъ деньги берутъ? Окстись милый человекъ!“ У тетки Арины разчетъ тутъ былъ—всѣ покулки да жбанъ Абраму заразъ захватить не сподручно, и она ровно добрая вызвалась донести ему до избы кое-что. „А тамъ Герасима увижу, рассуждала она, и все отъ него разузнаю, а вечеромъ у старостина двора бабамъ да молодкамъ разкажу про его похождение.“ Надивиться не могъ Абрамъ неожиданной услужливости вздорной, задорной тетки Арины. Повстрѣчавъ дорогою деревенскихъ дѣвчонокъ, что шли изъ лѣсу съ грибами да съ ягодами, тетка Арина посоветовала Абраму купить у ея дѣвчурки за трешаицу лукошечко ягодъ. „Безъотмѣнно купи, говорила она, да скажи брательнику-то, ягодки молъ изъ самаго того лѣску, куда онъ подросткомъ будучи спасаться ходилъ—вѣрѣ мнѣ,

* Въ Великой Россіи слово *пирогъ* употребляется не вездѣ въ смыслѣ хлѣбнаго печенья изъ пшеничной муки съ какой-нибудь начинкой. На сѣверъ отъ Москвы пирогомъ зовутъ ситный хлѣбъ изъ лучшей ржаной муки чисто смолотой и просѣянной (той, котору пекалевали — отсюда пекалеванный хлѣбъ). Еще дальше на сѣверъ—въ Вологодской, Вятской и Пермской губерніяхъ пирогомъ зовется хлѣбъ изъ ячной или полбенной муки. На югъ отъ Москвы (въ Тульской, Рязанской, Тамбовской и отчасти Владимірской губерніяхъ) пирогомъ зовутъ пшеничный хлѣбъ безо всякой начинки. Въ Костромской и Нижегородской пирогомъ зовутъ печенье съ начинкой, зовутъ пирогомъ и хлѣбъ безъ начинки, но больше такой хлѣбъ въ видѣ пирога зовется *пирогомъ съ молитвой*. Ниже по Волгѣ, въ Нижегородской, Казанской и дальше пирогомъ зовется ужъ одно только печенье съ начинкой, а хлѣбъ безъ начинки зовется палушникомъ и калачомъ.

по вкусу придутся.“ Взялъ Абрамъ лукомко со смѣшанной ягодой: больше всего было малины, но была и темносиняя черника, и алая костяника и сизый гонобобель, красная и черная смородина, даже горькой калины полало въ лукомко достаточно. Подходя къ дому Абрамъ поблагодарилъ тетку Арину за квась и безлокойство, сказалъ-было что ларничка ея ному въ избу къ нему внести, но Арина и слушать того не хотѣла. „Дай, батька, на брательника-то поглядѣть, сказала она, я вѣдь его цѣлыхъ лятнадцать годовъ не видала.... Чать не убудеть его у тебя, коль минуточку другую погляжу на него да маленько съ нимъ покалякаю.“ Не посмѣлъ Абрамъ прекословить закусочницѣ.

Войдя въ избу и поставивъ жбанъ на стряпной поставецъ тетка Арина сотворила передъ иконами семилотклонный началъ. Кладла крестъ по писанному, поклоны веда по наученному, потомъ пріѣзжему гостю низехонько поклонилась и съ ласковой ужимкой примолвила:

— Добраго здоровья чести вашей, Герасимъ Силычъ, господинъ честной! Съ пріѣздомъ васъ!...

И еще разъ поклонилась. Всталъ съ лавки Герасимъ, молча отдалъ Аринѣ поклонъ.

Къ хозяйкѣ подошла тетка Арина, поликовалась съ ней трижды крестъ на крестъ со щеки на щеку и тотчасъ зататорила.

— Здоровенько ль поживаешь, Филильевна? Ну вотъ, matka, за твою простоту да за Свою доброту воззрѣлъ Господь на тебя радостнымъ окомъ. Какого дорогаго гостя, сударыня моя, дождалась!... Вотъ ужъ какъ молвится, не свѣтило, не горѣло, да вдругъ прилекло. Родной-этъ твой, притоманный-этъ твой, и вживѣ-то его не чаялъ никто, и память-то объ немъ извелась совсѣмъ, а онъ сердечный гляко-сь, на вонъ поди, ровно изъ гроба возсталъ, ровно изъ мертвыхъ воскресъ, ровно съ неба свалился, ровно изъ яичка вылупился.... Ахъ ты матушка, матушка, сударыня ты моя Палагея Филильевна!... Какую радость-то Богъ тебѣ послалъ, какую радость-то!... Телерь, matka, всѣ лечали да болѣсти въ землю, могутъ въ тѣло, а душа заживо къ Богу... Жить тебѣ, сударыня, да богатѣть, добра наживать, а лиха избывать... Дай тебѣ Царица Небесная жить сто годовъ, нажить сто коровъ, меренковъ стаю, овецъ полонъ хлѣвъ,

свивей подмостье, кошекъ шестокъ... Дастъ Богъ, больша-чокъ* отъ * твоей, сударыня, олятъ тягло приметъ, олятъ возметъ за сошку, за кривую ножку. Подай вамъ Господи большихъ урожаевъ, лодай вамъ Господи прибыли хлѣбной въ полѣ ужиномъ, на гумнѣ умолотомъ, въ сусѣкѣ споромъ, въ квашнѣ выходомъ... Изъ колоска бы тебѣ, Филиппевна, осина, изъ единого зернышка коровай.

Смокла на минутку духъ перевести.

— Садись, Арина Исаишна, гостя будешь, обычный привѣтъ сказала ей Палагея Филиппевна.

О томъ помышляла хозяйка чтобы какъ-нибудь поскорѣй спровадить незваную гостью, но нельзя было не просить ее садиться. Не водится такъ. Опять же и того опасалась Палагея Филиппевна, что не пригласи она присѣсть первую по всему околотку вѣстовщицу, такъ она такихъ сплетенъ про нее назвонитъ, что хуже нельзя и придумать.

— Напрасно, мать моя, безлокоишь себя. Не устала я, сударыня, сидѣла все, отвѣчала тетка Арина и повела привѣты свои съ причитаемыми.

Не надивуется Палагея Филиппевна сладкимъ рѣчамъ первой по деревнѣ зубоскальницы, злой пересмѣшницы, самой вздорной, задорной бабенки. Съ той поры какъ разорились Чубаловы ни отъ одной изъ своихъ и окольных бабъ такихъ насмѣшекъ и брани она не слыхивала, такихъ обидъ и наладокъ не испытывала, какъ отъ разудалой солдатки Арины Исаишны. А сколько ребятинки терпѣли отъ ехидства ея.

Наговоривъ съ три кораба добрыхъ пожеланій тетка Арина ловко повернулась осерѣдъ избы и бойкимъ взглядомъ окинувъ Герасима Силыча спросила его нараспѣвъ умильнымъ голосомъ со слащавой улыбкой.

— А вы меня не признаете, Герасимъ Силычъ? Не узнали меня?

— Не могу признать, сухо отвѣтилъ Герасимъ.

— Какъ же это такъ, сударь мой? молвила тетка Арина ближе и ближе къ нему подстулая.—Да вы взглянитесь хорошенько въ меня.... Какъ бы кажись не узнать, хоть и

* Большакъ—глава семьи, а также глава какой-либо безпоповщинской секты, либо толка Спасова согласія.

много съ тѣхъ поръ воды утекло какъ въ деревню нашу покинули? Неужто не узнали?

— Нѣтъ, хмурая съ досады лобъ отрывисто отвѣтилъ Герасимъ.— Не могу васъ признать.

— А у васъ сымальства память такая острая была, сударь мой Герасимъ Силычъ, покачивая головой укорила его тетка Арина.— Да вѣдь мы отъ родителей-то отъ вашихъ жили всего черезъ дворъ... Исаиву избу нешто забыли? Я вѣдь изъ ихней семьи—Арина. Вмѣстѣ бывало съ вами въ салазкахъ катались, на качеляхъ качались, по ягоды, по грибы, по орѣхи хаживали.... При вашей бытности и замужъ-то я выходила за Миронова сына. Помните чать Милона-то? Вскрай деревни у всполя изба была съ зелеными еще ставнями, росшивка на воротахъ стояла? *

— Не помнится что-то, нехотя отвѣтилъ Герасимъ.

— Коротка жъ у васъ память-то стала! Коротенька!... продолжала тетка Арина, будто обиженнымъ голосомъ.— Ну а сами-то вы, сударь, въ какихъ странахъ лобывали?

— Въ разныхъ мѣстахъ, всего не припомнись.

— Коротенька память, коротенька!... свое продолжала неотвязная тетка Арина.— Гдѣ жъ вы въ послѣднее-то время, сударь мой, проживали, чѣмъ торговали?

— По разнымъ мѣстамъ я проживалъ, оквозъ зубы промолвилъ Герасимъ и отворотясь отъ надоедливцы высунувъ голову въ окошко и сталъ смотрѣть по сторонамъ.

— Видно, гдѣ день гдѣ ночь, куда пришелъ тотчасъ и прочь.... Дѣло! насмѣшливо молвила Арина Исаишна.

Герасимъ не отвѣчалъ больше. Молчали Абрамъ съ Палагеей. Дѣти, не видавшія дома такой лакомой ѣды какую принесъ отецъ, съ жадностью пожирали ее глазами, но не смѣли дотронуться при чужомъ человѣкѣ. Стала было тетка Арина Абрама разспрашивать гдѣ былъ-лобывалъ брательникъ его, чѣмъ торгъ ведетъ, гдѣ торгуетъ, но онъ и самъ еще не зналъ ничего и ничего не могъ ей отвѣтить. А ужъ какъ хотѣлось закусочницѣ хоть что-нибудь разузнать и сей-

* Въ среднемъ Поволжѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ занимаются судостроеніемъ, часто можно встрѣтить на воротахъ небольшую оснащеную и раскрашеную росшиву или другое судно. Въ послѣднее время стали появляться и модели пароходовъ.

часть же ло деревнѣ разблаготворить. Увидала она наконецъ что видно хоть вечеръ и ночь у Абрама въ избѣ сиди, ничего не добьешься, жеманно сузила ротъ, и въ лодгѣлоса хозяйкѣ промолвила.

— Опростала бѣ ты мнѣ, Филиппевна, посудинку-то. Пора ужъ, matka, домой мнѣ идти. Мужики поди на лужайкѣ гуляютъ, можетъ имъ что-нибудь и потребуется. Перецъ-ди-ка квасокъ отъ, моя милая, опростай жбанъ-отъ.... Это я тебѣ, сударыня, кваску-то отъ своего усердія, а не то чтобъ за деньги.... Да и ягодки-то пересыпала бы, сударыня, найдется чай во что пересылать-то, а лукошечко-то я возьму; это вѣдь моя Анятка ради вашего гостя ягодокъ-то набрала.

Низко поклонилась и поблагодарила тетку Ариу Палагея. Ягоды высыпала на лавку въ стряпномъ углу, а квась не во что было ей перелить опричь пустаго горшка изъ подъ шей. Съ злорадствомъ глядѣла тетка Арина на ея смущенье и злоба ее разбирала при мысли что пришелъ конецъ убожеству Чубаловыхъ. А когда домой шла такіа мысли въ умѣ раскидывала. „Чѣмъ лукавый не шутить? Заживетъ телерь Палашка—рвана рубашка что твоя барыня. Шутка сказать, три вѣза товаровъ, да вѣза-то все грузные, одиѣ опростали, чуть не всѣ сѣни коробами завалили.... А деньжищъ то что, чать, у него лоботряса!... Видимо-невидимо, казна безчетная... А онъ, побродяга, и говорить со мной не хочетъ.... Слова отъ проклятаго не добилась. „Забылъ да не помню“ только и рѣчей.... Можетъ ло ночамъ на большой дорогѣ да въ лѣсу торговалъ, мѣрилъ не аршиномъ, а топоромъ да кистенемъ.... Гдѣ пятнадцать-то годовъ въ самомъ дѣлѣ шатался, ло какимъ мѣстамъ, ло какимъ городамъ? Еще угодись можетъ-быть къ дядѣ въ каменный домъ.... * Не увернешься разбойникъ, не увернешься, душегубецъ... А Палашка-то, Палашка-то, поди-ка какъ носъ-отъ свой поганый вверхъ задеретъ.... Фу ты, ну ты, вотъ расфуфырится-то!... Вѣдьма ты этакая, Эеіолка треклятая! Первымъ же бы сладкимъ кускомъ тебѣ подавиться, свѣту бы Божьяго тебѣ не взвидѣть, ни дна бы тебѣ ни локрышки, ни дыху ** ни передышки!... Приступу

* Въ острогъ.

** Дыханіе.

не будетъ къ ней, поклоновъ ото-всѣхъ потребуешь.... Только ужь на меня, сударыня, не надѣйся, моихъ поклоновъ въ вѣкъ тебѣ не видать, въ жизнь не дождаться. И не жди ихъ анаемская душа твоя!...”

И ужь чего-то, чего не наплела тетка Арина про Чубаловыхъ, придя на лужайку, гдѣ плясывалъ на даровщину Сосновскій міръ-народъ.

XLV.

Только-что вышла тетка Арина Абрамъ положилъ передъ братомъ на столъ есколько-то мѣдныхъ денегъ и молвилъ:

— Сдача.

— Чтожь ты, братанъ, меня не послушалъ? Сказано тебѣ на всѣ покупай. Зачѣмъ же ты этакъ?... попрекнулъ брата Герасимъ.

— Братъ-то нечего больше, отвѣтилъ Абрамъ.—Что видишь, только то и было у ней въ закускойной.

— Такъ пряниковъ бы больше купилъ, молвилъ Герасимъ.

— Зачѣмъ, родимый? вступилась Палагея.—И того съ нихъ станетъ, вѣдь они непривычны. И то должны за счастье почестъ.

— Такъ возьми жь ты эти деньги къ себѣ, невѣстуха, да утрѣ похололочи, чтобъ ребятишкамъ молоко было, молвилъ Герасимъ, подвигая къ Палагѣй кучку мѣдныхъ.

— Моёко, моёко! закартавилъ и радостно залпрыгалъ веселевскій Саввушка. Глазенки у него такъ и загорѣлись, даже угрюмый Максимушка улыбнулся.

— Право напрасно, родной, легонько отодвигая отъ себя деньги, говорила Палагея.—Они вѣдь у насъ непривычны.

— Такъ пусть привыкають, перебилъ Герасимъ.—Какъ малымъ дѣтямъ безъ молока?... Особенно этой крошкѣ, прибавилъ указывая на зыбку.—Нѣтъ, невѣстуха, возьми, не обижай меня. Да не упрямыся же. Экъ какая непослушная!

Взяла деньги Палагея и медленно отошла къ бабьему куту и выдвинувъ изъ-подъ лавки укладку * положила туда деньги.

* Укладка иначе *коробѣй*—маленькій сундучокъ.

На глазахъ опять слезы у ней показались, а Абрамъ стоялъ передъ братомъ, равно не въ себѣ — вымолвить слова не можетъ.

— Садитесь родные, закусимъ покамѣстъ, весело сказалъ Герасимъ. — А ты невѣстуха хозяйничай. Ивакушка, Гаврилушка, тащите переметку, * голубчики, ставьте ее къ столу. Вотъ такъ. Ну теперь молютеся Богу.

И всѣ положили по семи поклоновъ передъ иконами.

— Усаживайтесь, дѣтушки, усаживайтесь. Вотъ такъ. Ну теперь подчуй насъ хозяйюшка да и сама кумай.

— Палагея накрошила коренной съ душикомъ рыбы и хлѣба въ щанную ** чашку, зеленого луку туда наръзала, квасу налила. Хоть рыба была соль голая, а квасъ такой что только хлѣбни, такъ глаза въ лобъ уйдутъ, но тюря *** голодной семьѣ показалась до того вкусною, что чашка за чашкой быстро опростались. Бли такъ, что только, какъ говорится, за ушами трещало.

— А вамъ бы, ребятки, не больно на тюрю-то наваливаться; питье одолѣветъ. Богъ пошлетъ, получше будетъ ѣда, сказалъ Герасимъ. — Хозяйюшка, давай-ка сюда яица..

Послѣ яицъ, пирога съ молитвой поѣли, большіе ливца испили, малыхъ дядя ягодами одѣлилъ.

Встали изъ-за стола, Богу помолились, и Абрамъ, громко зарыдавъ, младшему брату въ ноги поклонился.

— На добротѣ на твоей поклоняюсь тебѣ, братецъ родной, черезъ силу онъ выговаривалъ. — Поклонъ тебѣ до земли какъ Богу, Царю, аль родителю!... За то тебѣ земной поклонъ что не потнушался моимъ убожествомъ, не обошелъ пустого моего дома, накормилъ, напоилъ и лѣтѣшилъ малыхъ моихъ дѣтушекъ.

И Палагея со слезами въ ноги повалилась дѣверю. Ребятишки глядя на отца съ матерью подумали что такъ и сѣдетъ дядю благодарить, тоже въ ноги упали.

— Полноте, полноте, говорилъ смущенный Герасимъ, поймавъ съ полу невѣстку и брата. — Какъ не стыдно вамъ?

* *Переметка* или *переметная скамья* — скамейка приставляемая къ столу во время обѣда или ужина.

** *Щанная чашка* — изъ которой щи хлѣблютъ.

*** *Хлѣбная* или *сухарная окрошка* на квасу.

Переставьте жь Господа ради!... Нешто разобидѣть хотите?... И вы, мелюзга, туда же!... Идите ко маѣ, Божьи лтенчики, идите къ дядѣ, ангельски душеньки.... Держите крѣпче подолы, гостинцами васъ одѣлю.

И сталъ въ подолы рубашенокъ класть пряники, орѣхи, подсолнухи. Дѣти ногъ подъ собой не слышали.

— Оедосьюхѣ ни орѣховъ, ни подсолнуховъ не дамъ, шутливо молвилъ Герасимъ.—Не заслужила еще такой милости, зубовъ не выростила, а вотъ на-ка тебѣ жемочковъ, невѣстунка, сдѣлай ей сосочку, лущай и она дядиныхъ гостинцевъ отвѣдаетъ. Сама-то что не берешь? Кушай, голубка, позакормись.

Палагея только кланялась, рѣчей не стало больше у ней.

— Рыбку-то я тебѣ, родной, къ ужину схороню, сказала она потомъ, ставя тюрю въ стряпной поставецъ.

— Не примай лишней заботы, молвилъ Герасимъ.

— Родной ты мой, нѣтъ вѣдь у меня ничѣмъ-ничегохонько.... Это я было тебѣ лоуживать.

— Сказано, не хлопочи. Обожди маленько; скоро мой Ермолаичъ прїѣдетъ изъ города.

Замолчала Палагея, не понимая про какого Ермолаича говорить деверь. Дѣти съ гостинцами въ подоллахъ въ переговышки любѣжали на улицу; хвалиться передъ деревенскими ребятишками орѣхами да пряниками. Герасимъ оставшись съ глазу-на-глазъ съ братомъ и невѣсткой сталъ разспрашивать отчего они дошли до такой бѣдности.

Вотъ что узналъ онъ:

Скоро послѣ Герасимова ухода старшаго женатаго брата забрали въ солдаты. По ревизкимъ сказкамъ и по волостнымъ слускамъ семейство Силы Чубалова значилось въ четверникахъ: отецъ изъ годовъ еще не вышелъ, а было у него два взрослыхъ сына, да третій подростокъ, шестнадцати лѣтъ. Когда сказанъ былъ наборъ и съ семьи Чубаловской рекрутъ потребовался, отцомъ матерью рѣшено было — и самъ Абрамъ, тогда еще холостой, охотно на то соглашался — идти ему въ солдаты за женатаго брата, но во время приѣма нашла у него какой-то недостатокъ. Надо было женатому въ службу идти. Сдали его, и году не прошло какъ новобранцевъ угнали въ полки, лади вѣсти что померъ онъ въ какой-то больницѣ. Двоихъ

ребятишекъ что остались послѣ него, одного за другимъ тоже снесли на погостъ, а невѣстка-солдатка въ овечьемъ дому жить не пожелала, ушла куда-то далеко и не стало про нея ни слуху ни духу.... Тутъ оженили Абрама. Женился онъ на круглой сиротѣ, а бралъ ее изъ-за Волги, изъ одной казенной деревеньки что стоитъ въ „Чишнѣ“ *, неподалеку отъ лѣсовъ Керженскихъ и Чернорамевокихъ.

Одна-одинешенька Палагея Филипповна осталась послѣ родителей. Только-что восемь годковъ ей совершилось какъ оба они въ короткомъ времени померли: отецъ въ веселую распутицу переѣзжая Волгу въ лодкѣ утонулъ, а мать послѣ того недѣль черезъ восемь померла въ одночасье.... Оставалось восьмилѣтней Палашѣ послѣ родителей тысячника завидное для крестьянскаго быта имѣнье: большой, новый домъ и въ немъ полная чаша, кромѣ того товару цѣлковыхъ тысячи на полторы, тысяча безъ малого въ долгахъ, да тысячи двѣ въ наличности. Отецъ-отъ „теплымъ товаромъ“ промышлялъ, при заведеніи работниковъ держалъ, а самъ по базарамъ да у Макарья сапогами да замками торговалъ. И по закону и по заведенному обычаю мѣръ-народъ долженъ былъ принять сироту на свое попеченье и приставить къ наслѣдству надежнаго олекуна. Въ той волости изстари велся обычай олекуновъ къ сиротамъ назначать изъ постороннихъ, потому что сродники черезчуръ ужъ смѣло правятъ имѣньемъ малолѣтнихъ, свои дескать люди, послѣ сочтемся. Но, тутъ подвернулся двоюродный дядя сиротки, что жилъ у ея отца въ работникахъ, онъ укладывалъ и уложилъ мѣръ чтобъ ему сдали олеку, а де всѣ дѣла покойника знаю и товаръ сбуду, и долги беру, все облажу какъ слѣдуетъ. Сдѣлавшись олекуномъ взялъ онъ племянницу въ домъ къ себѣ, а ея домъ и что было въ домѣ продалъ, товаръ въ самомъ дѣлѣ распродалъ и долги собралъ, всего цѣлковыхъ тысячъ шесть было выручено. Торговать олекунъ сталъ на эти деньги, и всѣмъ говорилъ что желаетъ умножить имѣнье сродницы до ея совершенныхъ годовъ. А торговалъ онъ такъ что когда Палаша замѣтилаась оставалось у ней имѣнья: голубъ рожи, да кусокъ земли, гребень да вѣникъ, да три алтына денегъ.

* Узкая безлѣсная полоса вдоль лѣваго берега Волги.

Однако отричь олекуна про то никто не зналъ, всё считали сиротку богатой невѣстой. Стали къ ней свахъ засылать, но олекунъ ихъ отъ дома отъаживалъ... Тутъ свела судьба Палашу съ Абрамомъ.... Честью олекунъ не выдалъ ее; они свадьбу сыграли уходомъ. Стала молодая требовать родительскаго имѣнья, а олекунъ будто не его дѣло.... Жалобу принесла—пошли судъ да дѣло. Много разъ сходился мѣръ по этому дѣлу; сначала рѣшили учеть олекуна, а сиротское имѣнье отдать наследницѣ сполна, но каждый разъ сходка кончалась тѣмъ что ошивали отвѣтчика. Тяжба шире да дальше, дошло дѣло до окружнаго, до палаты, но какъ у олекуна ничего не оказалось, то судьи праведные и рѣшили, на нѣтъ де и суда нѣтъ. Не досталось Палагеѣ Филиппевнѣ ни гроша, да и дядя остался безъ барыша—что у него было все по водѣ сплыло. Суды да палаты не дешево стоить, — семья олекуна по міру пошла, а самъ по кабакамъ.

Скоро послѣ женитьбы Абрама померъ Сила Петровичъ, а вслѣдъ за нимъ увесли на погостъ и Федосью Миронову. Остался Абрамъ въ домѣ полнымъ хозяиномъ. Сначала все шло у него какъ отцомъ было заведено и года полтора жилъ онъ въ полномъ достаткѣ, а потомъ и пошелъ по бѣдамъ ходить. Скотина зачумѣла и вся до послѣдняго бычка повалилась, потомъ были сряду два хлѣбныхъ недорода, потомъ дикіе люди калѣть подломали и все добро повытаскали, потомъ овинъ сгорѣлъ, потомъ Абрамъ больше года безъ вина въ острогѣ по ошибкѣ, а скорѣй по злому произволу прокурора высидѣлъ. Врозя разлѣзлось и хизнуло хозяйство, упалъ самый справный по деревнѣ домъ, а у Палагеи Филиппевны что ни годъ то ребенокъ.... Скоро дошелъ Абрамъ до того что лахатъ пересталъ и сдавъ землю міру, на одной канатной пряжѣ остался. А прядильный промыселъ не споръ, за нимъ двумя руками десять ртовъ не накормить. И стала Чубаловская семья съ корочки на корочку перебиваться, съ крохи на кроху переколачиваться.

Выслушавъ про бѣды и несчастія брата Герасимъ долго молчалъ, сидя неподвижно на лавкѣ. То представлялась ему горько плачущая обиженная, кругомъ до ниточки обобранная сиротка что вступила къ свекру въ домъ тысящицей, а на повѣрку вышла безприданницей; то видѣлся ему убитый напастями братъ... Вотъ онъ изъ силъ выбивается, ста-

раясь удержать въ заведенномъ порядкѣ родительское домоводство, но бѣды за бѣдами падаютъ на него и онъ въ изнеможеніи отъ непосильной борьбы опускается все ниже и ниже. Вотъ онъ въ арестантскомъ халатѣ на тюремныхъ нарахъ, съ болью въ сердцѣ, съ отчаяньемъ въ душѣ, а рядомъ съ нимъ буйный разгулъ товарищей по заключенью, дикій хохотъ, громкія лѣсви, безстыдная похвальба преступностью, ругательства, драки... А въ деревнѣ у Палагеи Филипповны недостатки, бѣдность, нищета и — голодные дѣти... Такъ одно за другимъ представлялось Герасиму и недавній странникъ, съ гордостью про себя говорившій, „града настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую“, теперь вполне почувствовалъ себя семьяниномъ, сознавая что онъ съ братомъ одно, одного отца матери дѣти, и что должно имѣ „другъ друга тяготы носить“. Тутъ же положилъ онъ крѣпкій завѣтъ въ обновленномъ сердцѣ: жить съ братомъ и съ его семьей за едино, что есть — вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Но ни брату ни невѣсткѣ пока того не повѣдалъ. „Не хвальна, думалъ онъ, похвала до дѣла.“

Высоко еще солнышко въ небѣ стояло какъ изъ города съ грузнымъ возомъ воротился Семенъ Ермолаичъ. Одно за другимъ вмѣстѣ съ Абрамомъ въ избу вносили онъ... Палагея Филипповна только руками всплескивала. Вносили и раскладывали по лавкамъ и одежду и обувь, и посуду и припасы: мѣшки съ мукой, крупой, солодомъ, лшеномъ, картофелемъ, свеклой, морковью, мясо, соленую рыбу, капусту, квасу боченокъ, молока три кувгана, яицъ два лукошка. Опрічь того привезъ Семенъ Ермолаичъ на уху свѣжей рыбы и даже самоваръ съ полнымъ чайнымъ приборомъ. Глазамъ не вѣрили Абрамъ съ Палагеей, а дѣти такъ и прыгали отъ радости.

— Разводи огонь, невѣстуха, вари ушицу къ ужину, давненько не ѣдалъ я рыбки изъ родимой Оки, говорилъ Герасимъ. — Да обнови самоваръ-отъ свой, сахарцу накопи, чайку завари, да полотчуй насъ.

Въ сумерки старыя бабы, дѣвки, молодки, малы ребята, всѣ опрічь мужиковъ да ларней что полойку вели на лужайкѣ, густой толпой собрались у колодца. Прибѣжали даже

туда изъ трехъ окольныхъ деревень что стоятъ съ Сосновкой съ поля на поле. И никто не могъ вдоволь надивиться на чудеса небывалыя. Въ убогой избѣ Абрамовой не лучина дымить, а свѣчи горять, а промежъ тѣхъ свѣчей самоваръ на столѣ ровно жаръ горитъ, вкругъ стола сидятъ большіе и малые, изъ хорошихъ одинакихъ у всѣхъ чашекъ чай разливаютъ съ мягкимъ лалушникомъ. А въ печкѣ на шесткѣ на желѣзномъ таганѣ новая мѣдная кострюля стоитъ. „Ухъ видно хлѣбать собираются, толкуютъ межъ собой бабы на улицѣ, Палагея-то на стряпномъ поставѣ рыбу чистила, да все-то стерлядей... Вотъ тѣ и Палажка—рвана рубашка!“

Послѣ ужина лошелъ Герасимъ въ заднюю избу, тамъ дорожную постель его невѣстка постлала. Залерся изнутри, зажегъ передъ иконою свѣчу и сталъ на молитву. Молился не очень долго. Но чудное дѣло: бывало ночи напролетъ на молитвѣ онъ ставалъ, до одуренья земныхъ поклоновъ сотъ по двѣнадцати отвѣшивалъ, всѣ бывало двадцать каѳизмъ Псалтыря заразъ прочитывалъ, желѣзные вериги одно время носилъ, ради умерщвленія плоти не ѣдалъ по недѣлямъ, но никогда молитва такъ благотворно на душу его не дѣйствовала какъ теперь послѣ свиданья съ братомъ и семьей его. Такую отраду, такое высокое духовное наслажденіе почувствовалъ онъ, какихъ до тѣхъ поръ и представить себѣ не могъ.... То была дѣйственная сила любви, матери всякаго добра и блага. Еще впервые осіяла она зачерствѣлое сердце отреченника отъ міра, сердце полное гордыней ума, нетерпимое ко всему живому, человѣческому.

XLVI.

Герасимъ въ скоромъ времени брата на ноги поставилъ. Избу поновилъ, два новыхъ вѣнда подвелъ подъ нее, проконопатилъ, покрылъ свѣжимъ тесомъ, переложилъ печи, ухитилъ дворъ, холостыя строенья кои исправилъ, кои заново поставилъ, однимъ словомъ все привелъ въ такой видъ что чистый, просторный Чубаловскій домъ опять сталъ лучшимъ въ деревнѣ, и по всей околности. Абрамъ взялъ на себя родительское тягло, но тѣхъ полось что были удобрены бычками покойника Силы Чубалова міръ возвратитъ не по-

желалъ, а отрѣзалъ воротившемуся въ общину тягачу самыя худыя полосы изъ заловныхъ, куда съ локоновъ вѣку ни одной телеги навоза не вывозили. Сколько ни жалобился на то Абрамъ, мужики и слушать не хотѣли. „Что мѣръ порадилъ, то Богъ разсудилъ“, говорили они Абраму, а межъ собой такъ толковали: „Теперь у Чубаловыхъ мощна-то туга, смогутъ и голый лесокъ доброй лашей сдѣлать, потому и поступиться имъ долпрежнимъ ихъ полосами міру будетъ за великую обиду“.... Чубаловы поспорили, поспорили, да дѣло такъ и бросили.... Какъ съ міромъ сладить?... Хоть мѣръ и первый въ свѣтѣ разбойникъ, а суда на него не вдругъ сыщешь... Двухъ работников нанялъ Герасимъ Чубаловъ, скотины много завелъ и по примѣру родительскому, сталъ опять бычковъ скулатъ. Пошло у него дѣло на ладъ полпрежнему. Себѣ Герасимъ поставилъ на усадѣ не келью, а большую латистѣнную избу и поселился въ ней съ Семеномъ Ермолаичемъ да съ Иванушкой. Думали—женится, но не пожелалъ Герасимъ женой да дѣтми себѣ руки вязать.

Иванушку въ дѣти взявъ, обучилъ его грамотѣ, сталъ его и къ старымъ книгамъ пріохачивать. Хотѣлось Герасиму чтобъ вышелъ со временемъ изъ племянника толковый, знающій старинщикъ и былъ бы ему въ торговлѣ за правую руку. Мальчикъ былъ острый, уменъ, рѣчистъ, ламать на рѣдкость. Сытѣй хлѣба стали ему книги; семнадцати лѣтъ еще не минуло Иванушкѣ, а онъ ужъ такимъ сильнымъ начетчикомъ сдѣлался что ежели кто не гораздо боекъ въ Писаніи—лучше съ нимъ и не связывайся, въ лухъ и прахъ загоняетъ такого малецъ.

Герасимъ только-что устроилъ домъ, такъ и принялся за свою торговлю. Не однѣ книги теперь были у него, иконъ стало много, крестовъ, лѣстовокъ, кацѣй и всякихъ другихъ старинныхъ вещей. Попадутся подъ руку и гражданской печати подержанныя книги, онъ и ихъ покупалъ, попадаются старинныя жемчужныя куки и кокошники, серебряная посуда, старое оружіе, сѣдла, древняя конская сбруя, покупалъ, и все у него въ свое время сходило съ рукъ. Разъѣзжая по ярманкамъ и для поисковъ за старинкой, всегда бралъ съ собой Иванушку, чтобы смолоду на людей насмотрѣлся, вызналъ свѣданіе ихъ и обычаи и копилъ бы разумъ. Дома сидѣть вѣдь вичего не высидишь, а чуж-

бина научить всему. Не нарадовался Герасимъ на братанича, * любилъ его лучше чѣмъ отецъ съ матерью; не могъ налюбоваться на своего вѣучка. **

Сколько денегъ привезъ съ собою Герасимъ, того никто не зналъ доподлинно. О томъ не было у него рѣчей ни съ братомъ, ни съ невѣсткой, когда выросъ Иванушка, и тому ни слова не молвилъ. При возвратѣ его на родину у всѣхъ было на виду что три полныхъ воза съ товаромъ было при немъ. Уложены были тѣ товары точно въ такіе коробы, въ какихъ офени красный товаръ развозятъ. Думали что тутъ ситцы, холстинки, платки, сарлики, иголки, булавки, гребни, наперстки, ножницы, тесемки и всякій другой красносельскій и сидоровскій товаръ. *** Бабы тотчасъ стали смекаать сколько тутъ какого товару должно быть положено и чего онъ стоить — считали, считали, отчетъ потеряли, такъ и бросили. Но всѣ въ одинъ голосъ рѣшили что Герасимъ Чубаловъ темный богачъ и стали судить и рядить, гадать и догадываться, гдѣ бѣ это онъ былъ-побывалъ, въ какихъ сторонахъ, въ какихъ городахъ и какимъ способомъ столько добра накопилъ. Вдругъ откуда ни возьмись въ бабьемъ кругу тетка Арина и понесла околесаю. Бабы, уши развѣсивъ, слушаютъ ее, набираются сказовъ да пересудовъ отъ закусочницы, и прошла о Герасимѣ худая молва, да еще не одна: и въ разбои-то онъ хаживалъ, и фальшивы-то деньги работывалъ, и живучи у кулца въ прикащикахъ, обокралъ его, и будучи у кулчихи въ любовникахъ, все добро забралъ у нея... Столько было болтовни, столько было про Герасима сплетень, смутковъ **** и клеветы, что

* *Братаничи, братичи*—племянникъ, сынъ старшаго брата, *сестреничи, сестричи*—племянникъ по сестрѣ.

** *Вѣучекъ*—кончившій ученье ученикъ относительно своего учителя.

*** Мѣдныя, бронзовыя и оловячныя бездѣлушки съ самоцѣтными камнями, то-есть съ цѣтными стекашками—серьги, перстки, кольца, цѣпочки, брошки, булавки и т. п. Ихъ дѣлаютъ въ селахъ Сидоровскомъ и Красномъ Костромской губерніи. Чрезвычайно дешевы (брошка 7 копѣекъ, булавка съ камнемъ-самоцѣтомъ 3 коп.). Расходится этотъ товаръ во множествѣ по деревнямъ, идетъ даже за границу (въ Галицію).

**** *Смутокъ*—наговоръ, навѣтъ.

только послушать такъ уши завянуть. Когда жъ узнали что привезъ онъ не холстинки, не сарпинки, а только стары книги, тогда вѣра въ несмѣтность его богатства исчезла, и тогда же молва про его лохожденья замолкла.

По времени, приходили къ Герасиму старики изъ всей окольности, ближней и дальней. Кланялись ему, величали, звали на праздное мѣсто Нефедыча. „Ты у насъ книжный, ты у насъ поученый, въ Писаніи силу разумѣешь, жизни степенной—стулай къ намъ за пола.“ Но какъ ни улащали оми Герасима, какъ слезно его ни улащивали, онъ наотрѣзъ имъ отказалъ. Горькимъ для души, тяжелымъ для совѣсти опытомъ дошелъ онъ до убѣжденья, что правой вѣры на землѣ не осталось, что во всѣхъ толкахъ, и въ половичнѣ, и въ безлоповичнѣ, и въ сласовичнѣ, вѣра столь же лестра какъ и Никонова. „Нѣтъ больше на землѣ освященія, нѣтъ больше и спасенія“, думалъ онъ, „въ нынѣшні послѣдні времена осталось одно ради спасенія души отъ вѣчной гибели—стань съ умиленіемъ передъ Спасовымъ образомъ да молишь Ему со слезами: „Нѣсть правыхъ на землѣ пути—самъ Ты, Спасе, спаси мя, ими же вѣси лутами.“ Укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, Герасимъ сталъ крайнимъ „нѣтовцомъ“* и считалъ постыднымъ дѣломъ, противнымъ Богу и совѣсти быть слѣплымъ пастыремъ стада слѣпыхъ.

Шли годы одинъ за другимъ; Иванушкѣ двадцать минуло. Въ семьѣ семеро ревизскихъ душъ—рекрутъ скоро потребуется, а по времени еще не одинъ, первая же ставка Иванушкѣ. Еще за долго до срока Герасимъ положилъ не допустить любимца своего до солдатской лямки, выправить за него рекрутску квитанцію, либо пріискать охотника, чтобъ за него на службу пошелъ.

Сказалъ о томъ брату съ невѣсткой; тѣ не знаютъ какъ и благодарить Герасима за новую милость.... А мало погодя у Палагеи Филипповны задрожалъ подбородокъ, затряслись губы и хлынули слезы изъ глазъ. Вскочивъ съ мѣста

* „Нѣтовщина“ отвергаетъ и таинство и освященіе и общую молитву.... По ея убѣжденіямъ теперь нѣтъ ничего. Отъ того и поучила еще въ прошломъ столѣтіи названіе *нѣтовщины*.

послѣшно хотѣла она уйти изъ избы, но деверь остановилъ ее на порогѣ.

— О чемъ прилежалась? спросилъ у нея.

Долго не хотѣла сказать горя своего Палагея, наконецъ послѣ долгихъ, неостотупныхъ уговоровъ девера, робко и тако промолвила:

— Стало въ солдаты Гаврилаушкѣ надо будетъ идти, голубчику моему ненаглядному, пареньку моему безсчастному, бесталанному?

Задумался Герасимъ. Материно горе, ея слезы и рыданья напали откликъ въ любящемъ сердцѣ. Бодро поднимая оныя склонившуюся было голову и съ веселой улыбкой оканалъ Палагетъ:

— Не рови слезъ напрасно, Филиппевна, придетъ пора да пособить Господь и Гаврилаушку выслободимъ. Не плачь родная, не надрывай себя полусту.

Тутъ Абрамъ голову повѣсилъ и руки опустилъ. Третій сынъ Харламушка былъ его любимцемъ. Паренекъ выросъ толковый,мышленый, смиренный какъ красная дѣвушка, а на работу огонь. И по крестьянству и по прядильному промыслу такой былъ работникъ, что не вдругъ другаго такого найдешь. Голландску ли бичеву, отбойну ли нитку * такъ чисто выпрядывалъ онъ что у Марка Данилыча на обширной прядильнѣ его не выпускалось ни одного работника чтобы могъ потягаться съ Харламушкой. Оттого больше и любилъ его отецъ, больше всѣхъ на него надѣялся и больше всѣхъ боялся за него. Но ни слова не сказалъ Абрамъ, виду брату не подалъ.

— О Харламушкѣ задумался? улыбаясь спросилъ его Герасимъ.

— Какъ же объ немъ не задуматься? грустно отвѣтилъ Абрамъ.—Теперь хоть по-крестьянству его взять—пахать ли, боронить ли—первый мастакъ, сѣять даже ужъ выучился. Опять же на счетъ лошадей.... О прядильномъ дѣлѣ и поминать нечего, кого хошь спроси, всякъ тебѣ скажетъ, что сѣлпротивъ Харлама нигдѣ нѣтъ другаго работника да никогда и не бывало. У Марка Данилыча нитка его на отборъ

* Голландская бичева, въ толщину вязальной иглы, идетъ на спицы парусовъ; отбойная нитка употребляется плотниками и столярами для отбоя прямой черты мѣломъ.

идеть и продать оны ея, слышь, дороже противъ всякой другой.

— До его череды еще времени довольно, молвилъ Герасимъ,---Богъ дастъ и для Харламушки что-нибудь придумаемъ.... Смотри жь у меня, братанъ, головы не вѣшай, домашнихъ не печаль....

Потомъ немного помолчавъ оказалъ брату и невѣсткѣ Герасимъ.

— Значить, по времени на Царскую службу надо будетъ идти либо Максиму либо Саввушкѣ.

— Надо жь кому-нибудь, семья большая, едва слышно продолжилъ Абрамъ.

— Который лапеецъ ни укуси, все одина боль, со скорбнымъ вздохомъ сказала Палагея.

Ни слова не молвилъ на то Герасимъ и молча пошелъ къ себѣ на усадь.

На другой день сталъ онъ хлопотать, чтобы все братнино семейство отъ рекрутства освободить. Для этого стоило имъ изъ казенной волости выписаться и выйти въ купцы.

Когда еще была въ ходу по большимъ и малымъ городамъ третья гильдія, куда, внося небольшой годовой взносъ, можно было записаться съ сыновьями, внуками, братьями и племянниками и тѣмъ избавиться всѣмъ до единого отъ рекрутства, повсемѣстно, особенно по маленькимъ городкамъ, много было купцовъ ничѣмъ не торговавшихъ. Бывали такіе города что изъ семисотъ горожанъ ста по три бывало купцовъ, а лавокъ всего три, четыре. По двадцати да по двадцати пяти человекъ бывало къ одному капиталу приписывалось и никто изъ нихъ не боялся отдачи въ солдаты. Часто у такихъ купцовъ денегъ съ роду и не важивалось, передъ взносомъ въ казну гильдейскихъ пошлинъ на гильдію они Христа ради собирали. Герасимъ хоть для того же чтобъ избавить всю семью отъ рекрутчины въ купцы выходилъ, но собирать денегъ ему не довелось, своихъ достаточно было. Выходъ въ купечество значительно уменьшилъ его капиталъ и сократилъ если не торговлю, такъ по-иски за старинкой, но онъ надъ этимъ не задумался.

Записаться въ купцы! Скоро сказать, да не скоро

сдѣлать. И времени много ушло на хлопоты и дѣло обошлось не дешево. Безъ малаго полгода времени чуть не каждую недѣлю, а въ иную и по два раза надо было поить міръ-народъ сначала деревни Сосновки, потомъ чуть не цѣлой волости. Пришлось задаривать писаря и волостнаго голову съ засѣдателями и добросовѣстными, разсыльныхъ, сторожей и тѣхъ обойти нельзя было, чтобъ по ихъ милости дѣла какъ-нибудь не испортить. Изъ волостнаго правленія дѣло объ увольненіи Чубаловыхъ изъ общества государственныхъ крестьянъ пошло къ окружающему. Тамъ пришлось мощно пошире распуститъ, а когда дѣло поступило въ палату, пришлось и больно ее растряссти. Въ большую копѣйку стали Герасиму хлопоты, но онъ не тужилъ, объ одномъ только думалъ, избавить бы племянниковъ отъ солдатской ямки, не дать бы имъ покинуть родительскаго дома и привычныхъ работъ, а послѣ что будетъ — то Богъ дастъ. Ни на минуту не выходили изъ размышленій Герасима судьба племянниковъ, особливо Иванушки, и беспокойные, начеистые хлопоты не тяготили его. Какъ-то здоровѣй онъ сталъ, и духомъ бодрѣй, и веселъ былъ всегда и доволенъ всѣмъ. Перемежата бывало хлопоты на недѣлю либо на двѣ, ему ужъ и скучно, и дома ему не сидится, тотчасъ сберется и поѣдетъ кого надо поторавливать. За то когда всѣ заботы и суеты ложились и Герасимъ воротился въ отчий домъ съ кулеческимъ свидѣтельствомъ по третьей гильдіи и родная семья встрѣтила его какъ избавителя, такую отраду почувствовалъ онъ, такое душевное наслажденіе какихъ во всю жизнь еще не чувствовалъ.

Обѣдать сѣли: купецъ, купецкій братъ, купецкіе племянники. Послѣ обѣда молвилъ брату Герасимъ:

— А вѣдь давеча какъ я посчиталъ во что обошлось все дѣло, выходитъ мы ровнехонько на тысячу цѣлковыхъ въ барышахъ.

— Какъ въ барышахъ? изумился Абрамъ.

— А какъ же? Считаю, сказалъ Герасимъ.—Иванушка, дай счеты, голубчикъ, вонъ они на полочкѣ. Гляди, братанъ, снова обратился къ Абраму и сталъ на счетахъ выкладывать.—Вина міру пропоено на двѣсти на десять цѣлковыхъ.... здѣшнему старостѣ двѣ сивенькихъ—десять рублей.... писарю сотня.... головѣ пятьдесятъ.... въ правленіи

тридцать.... окружному пятьсотъ.... помощнику окружнаго да приказнымъ пятьдесятъ.... управляющему тысяча.... палатскимъ приказнымъ триста.... да по мелочамъ, на угощенья да на извозчиковъ приказнымъ, секретаря въ баню возить, соборному полу на ряску купилъ, отецъ секретарю-то, секретаршѣ шаль, всего двѣсти лятьдесятъ; итого значить двѣ съ половиной тысячи. Въ думѣ за приписку да по рубкамъ двѣсти рублей разошлось, да на лошаины, да на гербову бумагу, какъ разъ три тысячи. * А квитанцію ли купить, охотника ль нанять, дешевле восьмисотъ цѣлковыхъ и думать нечего. Значить за лятерыхъ-то надо бы было четыре тысячи заллатить. Какъ же тутъ не барышъ въ тысячу цѣлковыхъ? Самъ считай.

И засмѣялся добрымъ смѣхомъ новый купецъ.

Только-что избылъ Герасимъ одѣвъ хлопоты, другія подослѣли. И самъ онъ и братняя семья Сосновскимъ мужикамъ отрѣзаннымъ ломтемъ стали. Разъ они ужъ воспользовались на диво удобренной отцомъ Чубаловыхъ землею, теперь разгорѣлись у нихъ зубы и на запольныя полосы, что отрѣзаны были Абраму по возвращеньи Герасима, и въ десять лѣтъ изъ худородныхъ стали самыми лучшими изъ всей Сосновской окружной межи. Чужимъ здоровьемъ болѣя міръ-народъ говорилъ: „Они-ста кулцы теперь стали, для чего жъ на нашей мірской землѣ сидятъ и тѣмъ крестьянскому обществу поруху чинятъ? Коли ты купецъ, живи въ городѣ, не слѣдъ твоей чести середь свѣрыхъ мужиковъ болтаться? У насъ въ деревнѣ общество, значить здѣсь тебѣ нечего дѣлать—въ городъ ступай, тамъ себѣ хоромы ставь, а домъ твой на нашей мірской землѣ ставлень, значить его слѣдуетъ въ общество отдать.“ Послѣ столь мудрыхъ и справедливыхъ разсужденій пришелъ отъ лица міръ-народа къ Чубаловымъ староста и объявилъ мірское рѣшеніе: перебирались бы они всѣ на житье

* Взято дословно изъ домашней памятной записки одного купца, вышедшаго изъ государственныхъ крестьянъ лѣтъ 25 тому назадъ. Къ этой запискѣ внизу приписано: „прокурору да стряпчему за „читалъ“ дано шестьдесятъ рублей—то особый счетъ.“ Что за „особый счетъ“ не понятно, но плата за „читалъ“ понятна. Прокуроры и стряпчие „пропускали“ журналы присутственныхъ мѣстъ, подписывая на нихъ одно слово „читалъ“; за это словечко и получали они благостыню.

въ городъ, а домъ и надѣльные полосы въ мѣръ отдали бѣ. Сколько ни спорили Чубаловы, мѣръ-народъ на своемъ стоялъ: „стулай вонъ изъ деревни“ да и только. Посудили Чубаловы мужикамъ вина и всякаго другаго угощенья за разговоръ чтобы за ними оставалось все попрежнему. Вино мѣръ-народъ выпилъ, угощенье съѣлъ, а отъ своего не отсталъ. Опять староста во дворъ, опять усадьбу и землю требуетъ именемъ мѣра. За старостой весь мѣръ-народъ къ Чубаловскому двору привалилъ. Пытался было Герасимъ съ Абрамомъ убѣдить мужиковъ, что не дѣла они требуютъ, не по правдѣ поступаютъ—толку не вышло. Говорили Чубаловы съ тѣмъ, съ другимъ мужикомъ порознь, говорили и съ двумя, съ тремя заразъ, и всѣ соглашались что хотятъ изъ деревни ихъ согнать не по-божески, что это будетъ и передъ Богомъ грѣхъ и передъ добрыми людьми зазорно, но какъ только мѣръ-народъ въ кучу сберется, инья рѣчи отъ тѣхъ же самыхъ мужиковъ зачнутся: „Вонъ изъ деревни Чубаловыхъ! и дѣло съ концомъ“... Такова правда въ пресловутой русской общинѣ, такова справедливость у этого мѣръ-народа, что изстари крѣпкими столами на ведеркахъ водки стоитъ... Самъ народъ говоритъ: „мужикъ уменъ, да мѣръ дуракъ“. Никто такъ не тяготится общиннымъ владѣніемъ земли и судомъ мѣръ-народа, какъ самъ же народъ. И это всюду отъ Бѣлаго Моря до Чернаго, отъ люднаго Питера до безлюдной Камчатки. Дорога пресловутая община тѣмъ лишь, кому въ угоду круговая порука.

Сколько ни убѣждали Чубаловы, мѣръ-народъ ихъ слушать не хотѣли. Мужичкій мѣръ что твоя рогатина, какъ улрется такъ и стоитъ—не возьметъ его ни отъваръ ни присылка. Судъ да дѣло пошай, опять хлопоты стали въ немалую копѣйку Герасиму. Усадьбу отхлопотали, палата безъ году на это лѣтъ укрѣпила ее за Чубаловыми за сходную плату, но земельного надѣла какъ ни старались они отхлопотать не смогли. Второй разъ сильно удобренныя трудомъ и коштомъ Чубаловыхъ полосы мѣръ-народу достались. А покинуть соху съ бороной Чубаловымъ была не охота: дѣло привычное, къ тому жъ хлѣбъ всему голова, а лѣхота вялому промыслу царь. На ихъ счастье о ту пору одинъ молодой баринъ по сосѣдству наследство послѣ отца полу-

челъ и вздумалъ доставшимся имъ имъ распорядиться разомъ по своему. Просту сказать, спустить съ рукъ имъ, чтобъ жить безъ хлопотъ. Пустошь была у него десятины въ пятьдесятъ возлѣ Сосновки, межа подошла къ самымъ овинамъ; баринъ и ее вздумалъ ебыть. Герасиму было то на руку, онъ купилъ пустошь, къ немалой досадѣ завидущаго мѣръ-народа.

— Земелька-то намъ за полцѣны досталась, сказалъ брату Герасимъ, воротясь изъ города съ кулчей крѣпостью.

— Какъ за полцѣны?

— Да какже? Въдъ по сороку рублей десятина-то пошла, сказалъ Герасимъ,—выходить всего двѣ тысячи. Одну тысячу изъ залежныхъ барину-то я выдалъ, а другу изъ барышей.

— Изъ какихъ барышей? спросилъ Абрамъ.

— Забылъ ужъ! засмѣялся Герасимъ.—Эка память-то у тебя короткая стала, братанъ! Лѣтось какъ о кулечествѣ хлопотали, тысяча въдъ въ барышахъ-то осталась, ну вотъ она теперь и пошла. Оно правда—купчая наша, ну и расходы тоже были, безъ того ужъ нельзя.... Да что объ этомъ толковать—теперь у насъ земелька своя, міру кланяться не пошто, горлодеровъ да коштановъ * ни виномъ, ни чѣмъ инымъ уважать не станемъ, круговая порука до насъ не касается и во всемъ нашемъ добрѣ мы сами себѣ хозяева; никакое мѣрское начальство съ насъ теперь шипа не возьметъ. И землицы, слава Богу, досталось достаточно, по семи десятинамъ на душу выходить. Гдѣ, въ какомъ селѣ, въ какой деревнѣ такой надѣлъ найдешь?...

— Охъ! Денегъ-то у тебя что на насъ изошло! съ глубокимъ вздохомъ молвила Палагея глядя умиленнымъ взоромъ на деверя.

— Не деньги насъ наживали, а мы ихъ нажили, добродушно улыбаясь молвилъ Герасимъ.—Чего ихъ жалѣть, коль на пользу пошла....

Глядя на расходы Герасима всѣ, даже его семейные думая, что у него деньгамъ нѣтъ ни счета ни края, и никогда не будетъ имъ заговѣнья. На двѣ выходило однако

* Коштанъ—мѣръдѣзъ, живущій на мѣрской счетъ, ходокъ, ходатай по мѣрскимъ дѣламъ, горланъ и коноводъ на мѣрскихъ сходкахъ, лутъ, обманщикъ, пролазъ, тажебникъ.

не такъ. Возвращаясь на родину, правда, привезъ онъ очень большія для крестьянскаго обихода деньги, но послѣ устройства дома, приписки въ купцы и локулки земли, залежныхъ у него осталось только двѣ тысячи. Торговлей добывалъ онъ достаточно, но по роду ея необходимо было ему всегда имѣть при себѣ не малые деньги. Вдругъ падетъ слухъ что въ такомъ-то мѣстѣ, у такого-то человека можно купить такіа-то старинныя вещи, надо тотчасъ же ѣхать, чтобъ другой старинщикъ не перебилъ, а иной разъ надо ѣхать очень и очень далѣко. На все расходы, а рѣдкостныя вещи всегда покупаются за наличныя. Тутъ нѣтъ ни сроковъ, ни векселей, ни переводовъ, ни расписокъ—деньги въ руки и дѣло съ концомъ.

XLVII.

Вскорѣ послѣ локулки земли, когда мощна у Герасима Силыча поистощилась, узналъ онъ что гдѣ-то на Низу можно хорошія книги за сходную цѣну купить. Сказывали что книги тѣ были когда-то въ одномъ изъ старообрядскихъ монастырей, собираемы были долгое время, причѣмъ денегъ не жалѣли, лишь бы только купить. Времени не медля, дѣломъ не волоча, Герасимъ тотчасъ же слалъ на Низъ, недѣли двѣ проискавъ гдѣ находятся тѣ книги и наконецъ нашелъ ихъ гдѣ-то не подалеку отъ Саратова. Книгъ было до трехсотъ и все рѣдкія, замѣчательныя. Тутъ были всѣ почти изданія первыхъ пяти патріарховъ, было не мало переводныхъ * были, даже такіа рѣдкости какъ *Библия* Скорины, веницѣвскія изданія Божидаровича, виленьскія Мамоничей и острожскія. ** Кромѣ старопечатныхъ

* „Переводными книгами“ старообрядцы зовутъ напечатанныя преимущественно въ прошломъ столѣтіи книги съ книгъ Іосифа патріарха буква въ букву, титло въ титло, строка въ строку, переносъ въ переносъ.

** „*Библия Русская*“, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изъ славнаго града Позоцька. Богу по чти и людямъ послужитымъ къ доброму наученію. Прага Чешская. 1517 — 1519.“ Изданіе чрезвычайно рѣдкое. Венеціанскія изданія типографіи Божидара Вуковича, а послѣ него сына его Викентія Божидаровича печатались съ тридцатыхъ по семидесятые года XVI столѣтія. Въ типографіи бывшей

книгъ въ отысканномъ Чубаловымъ собраньи было больше двухъ десятковъ древнихъ рукописей, въ томъ числѣ шесть харатейныхъ, очень рѣдкихъ, хотя и не лопаныхъ. Продавецъ дорожилъ своими книгами, но не зная ни толку, ни цѣны не очень дорожился, все уступалъ за три тысячи цѣбковыхъ, конечно съ обычнымъ условиемъ: деньги тотчасъ на столъ. Внимательно разсмотрѣвъ Герасимъ книги, увидалъ что уступаютъ ихъ за совершенный безцѣнокъ и ухватился за выгодную покупку. Но вотъ бѣда, денегъ при немъ всего лишь двѣ тысячи, дома ни колѣбаки, а продавецъ цѣны не слускаетъ и въ розницу не продастъ. Чубаловъ туда-сюда за деньгами, ничего не можетъ подѣлать. А улустить такого рѣдкаго случая не охота, знаетъ Герасимъ что такіа собранья и такая сходная покупка можетъ быть въ двадцать, въ тридцать лѣтъ одинъ разъ выпадаютъ на долю счастливому старинщику и что если эти книги продать любителямъ старины да въ казенныя библіотеки—второе, вчетверо выручишь, а пожалуй и больше того... Но тысячи цѣбковыхъ нѣтъ какъ нѣтъ.

Въ тоскливомъ раздумьѣ, въ безнадежномъ уныньи, ничего не видя, ничего вокругъ себя не слыша, проходилъ Герасимъ Силычъ по шумной Саратовской пристани и въ первый разъ возропталъ на себя, зачѣмъ весь почти капиталъ потратилъ онъ. Но взглянувъ на шедшаго рядышкомъ Иванушку, вспомнивъ скорбный взглядъ Абрама, какимъ встрѣтилъ онъ его при возвращеніи на родину, вспомнивъ слезы на глазахъ невѣсткихъ и голодавшихъ ребятишекъ, тотчасъ прогналъ отъ себя возникшую мысль, какъ нечестивую, какъ грѣховную.... И въ самую ту минуту столкнулся лицомъ къ лицу съ Маркомъ Давилычемъ. Въ то время у Смолокурова баржи сухимъ судакомъ да лещемъ грузились и онъ распоряжался погрузкой.

— Ба, землякъ! ласково, даже радостно воскликнулъ Марко Давилычъ.—Здорово Герасимъ Силычъ. Какъ поживаетъ? Какими судьбами въ Саратовъ попалъ?

— Дѣлацо выпало неподалеку отселѣ, отвѣчалъ Чуба-

въ Острогѣ книги печатались съ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія; послѣдняя извѣстная намъ книга этой типографіи (Часословъ) относится къ 1612 году. Типографія Мамоничей была въ Вильнѣ и печатала книги съ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія до начала XVII.

ловъ. Онъ тоже обрадовался неожиданной встрѣчѣ со Смолокуровымъ.

— Ахъ на золоту удочку хочешь рѣдкостныхъ вещей половить? спросилъ Марко Данилычъ.

— Есть около того, молвилъ Чубаловъ.

— Клянется? спросилъ Смолокуровъ.

— То-то и есть что клясть-то клясть, да на удочку нейдетъ. Ничего пожалуй и не выудить, усмѣхался сказалъ Герасимъ.

— Какъ такъ?

— Удочка-то маловата, Марко Данилычъ. Вотъ что, молвилъ Чубаловъ. А самъ думаетъ: „вотъ Богъ-отъ на мое счастье нанесъ его. Надо вокругъ его покружить хорошенько... На деньги кремь, а кто знаетъ, можетъ-быть и разщедрится“.

— Что лову? съ любопытствомъ спросилъ Марко Данилычъ.

Смолокуровъ тоже любилъ собирать старину и зналъ въ ней толкъ, но собиралъ не много, развѣ ужъ очень рѣдкія вещи.

— Книги все, отвѣчалъ Герасимъ.—Рѣдкостныя и довольно ихъ. Такія, а вамъ скажу, Марко Данилычъ, книги, что просто на удивленіе. Сколько годовъ съ нами возусь, а цѣны самъ въ первый разъ вижу. Вещь дорогая!

— На ловца значить звѣрь бѣжитъ, молвилъ Марко Данилычъ.—А какія книги-то?.. Божественныя однѣ, ахъ есть и мірскія?

— Книги старинныя, Марко Данилычъ, а въ старину, сами вы не хуже меня знаете, мірскихъ книгъ не печатали, и въ заводахъ ихъ не бывало, отвѣчалъ Чубаловъ.—*Уложенье царя Алексѣя Михайловича да Ученіе и хитрость ратнаго строя* *, вотъ и всѣ мірскія-то, ежели не считать учебныхъ, азбукъ то-есть, букварей, грамматикъ да *Лексикона* Памвы Беринды. ** Памва-то Беринда кievской печати въ

* *Уложенье*. Москва 1649. *Ученіе и хитрость ратнаго строя*. Москва 1647; обѣ въ листъ.

** *Лексиконъ Славяноороскій и именъ тѣлесованіе*. Киевъ 1627. Второе изданіе въ Кутеинѣ 1653. Оба въ четвертку. *Лексиконъ* Беринды перепечатанъ Сахаровымъ по второму томѣ *Сказаній Рускаго народа*.

томъ собраніи что торгую есть, есть и *Грамматики* Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго. *

— Другихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, другихъ нѣтъ, отвѣтилъ Чубаловъ.

— Кулишь—покажи, можетъ что отберу ежели понравится. Налпередъ только сказываю: безумной цѣны не запрашивай. Не дамъ, сказалъ Марко Данилычъ.

— Зачѣмъ безумныя цѣны запрашивать? отозвался Чубаловъ.—Да еще съ земляка, съ сосѣда, да еще съ благодѣтеля?

— Землякъ-то я тебѣ землякъ и сосѣдъ тоже, возразилъ Смолокуровъ,—а какой же я для тебя благодѣтель? Что въ твою пользу я сдѣлалъ?...

— Какъ знать что будетъ впередъ, хитрое словечко закинулъ Чубаловъ.

Марко Данилычъ догадливъ былъ. Разомъ смекнулъ куда гнетъ свои рѣчи старинщикъ. „Ишь какъ подтѣзжаетъ, подумалъ онъ, то удочки у него маловаты, то въ благодѣтели попалъ я къ нему.“

— А не будетъ ли у тебя, Герасимъ Силычъ, *Минеи мѣсячной*, Иосифовской **?... спросилъ онъ.

— Есть, только не полная, три мѣсяца въ недостаѣ, отвѣчалъ Чубаловъ.

— Да мнѣ полной-то и не надо, молвилъ Марко Данилычъ.—У меня тоже безъ трехъ мѣсяцовъ. Не пополнись ли изъ своихъ?

* Л. Зизанія *Грамматика Словенска сверженнаго искусства осми частей слова*. Вильно 1596, въ восьмушку... Мелетія Смотрицкаго *Грамматика Словенская*. 1619. Второе изданіе въ Москвѣ 1648, съ перемѣнами и дополненіями. Обѣ въ четвертку.

** *Минеи* въ церковномъ кругѣ три: *Минея Общая*, гдѣ, какъ сказано въ первомъ ея московскомъ изданіи 1599 года, помѣщены: „службы общія, пѣваемы на праздники на господскія и на праздники богородичны и коемуждо святому, во вселѣтное годище“. *Минея Служебная* или *Мѣсячная* 12 книгъ. По предисловію къ первому ея московскому изданію 1607 года, „въ ней написаны непремѣннаго Божія смотрѣнія тайны и похвалы и Того пренепорочнаго Матери и божественнымъ безплотнымъ невещественнымъ силамъ и всѣмъ святымъ: праотцемъ и отцемъ, пророкамъ и апостоламъ, святителямъ и мученикомъ и пр.“ *Минея Четы* (то-есть для чтенія) житія святыхъ. Иосифовская Мѣсячная Минея печатана въ Москвѣ въ 1645—1646 годахъ.

— Отчего жь не пополнить, ежели подойдетъ мѣсяца, отвѣтилъ Чуболовъ.—У васъ какіе въ недостаткѣ?

— Ну, братъ, этого я на память тебѣ сказать не могу, молвилъ Марко Данилычъ.—Одно знаю, алрѣя не хватаетъ.

— Алрѣя у меня есть, сказалъ Чуболовъ.

— Вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, ты мнѣ и пополнишь, молвилъ на то Смолокуровъ.— А то на мои именины, на Марка Евангелиста, двадцать лѣтое число алрѣя мѣсяца, ежели когда на дому у меня служба справляется, правятъ ее по *Общей Миней*—апостоламъ службу, а самому-то ангелу моему Марку Евангелисту служить и не по чемъ.

— Можно будетъ подобрать, можно, сказалъ Чуболовъ.— На этотъ счетъ будьте благонадежны.

— Ладно. Ежели на этотъ разъ удружишь, такъ и я коли-нибудь пригожусь тебѣ, молвилъ Марко Данилычъ.

Герасимъ тутъ же денегъ у него хотѣлъ попросить, но подумалъ „лучше еще маленько позаманить его“.

— Есть у меня икона хороша Марка-то Евангелиста, сказалъ онъ.—Рѣдкостная. За Рублевскую * выдавать не стану, а больно хороша. Московскихъ старыхъ писемъ **. Годовъ сотъ четырехъ развѣ что безъ маленькаго.

— Ой ли? съ сомнѣніемъ покачавъ головой молвилъ Марко Данилычъ.—Неужто на самомъ дѣлѣ столь древняя?

— Толкъ-отъ въ иконахъ маленько знаемъ, отвѣтилъ Чуболовъ.—Приметались къ старинѣ-то, понимать можемъ....

— Да не подстаринная ль? *** усмѣхнувшись лукаво и прищуривъ лѣвый глазъ, спросилъ Смолокуровъ.

* Инокъ Андрей Рублевъ, знаменитый московскій иконописецъ первыхъ годовъ XV вѣка. Старинныя иконы, подходящія къ его пошибу (стилю), зовутся Рублевскими.

** Старинныя иконы московскія раздѣляются на иконы *старыхъ писемъ*, до XVII вѣка, *вторыхъ писемъ*, первой половины XVII вѣка, и *бразѣское* — конца XVII вѣка. Въ иконахъ старыхъ писемъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ, на нихъ тѣни рѣзкія, свѣтъ (поле, фонъ) всегда красочный, а не золотой.

*** Иконники, а также иныя и изъ старинщиковъ нерѣдко поддѣлываютъ подъ старинныя иконы и эти поддѣлки называются „подстаринными“. Чтобы болѣе походило на старину пишутъ икону темными красками, съ темными лицами и на темномъ полѣ. Особенно занимаются этимъ въ Холуѣ (Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда). Поддѣлка производится такъ искусно что только

Это взорвало Чубалова. Всегда бывало обидно ему ежели кто усумнится въ его знаніи на счетъ древностей, но если намекнуть на подлогъ, а онъ водился и водится у старинщиковъ, то честный Герасимъ тотчасъ бывало изъ себя выйдетъ. Забылъ что денегъ хочетъ просить у Марка Данилыча, кивнулъ на грубость его рѣзкое слово:

— Мошенникъ я что ль какой? Ты бы еще сказалъ что деньги поддѣлываю.... Кажись бы я не заслужилъ такихъ словъ. Меня, слава Богу, люди знаютъ и никто ни въ какомъ обычномъ дѣлѣ не примѣчалъ.... А ты что сказалъ? А?...

— Ну, ужъ ты и заершился, мягкимъ, заискивающимъ голосомъ сталъ говорить Марко Данилычъ.—Въ шутку слова молвить нельзя—тотчасъ закипятится.

Марка-то Евангелиста больно не хотѣлось ему улустить. Оттого и поддѣлжалъ онъ теперь къ Чубалову. Не будь того, инымъ бы голосомъ заговорилъ съ нимъ.

— Какая жъ тутъ шутка? Помилуйте, Марко Данилычъ. Не шутка это, сударь, а кровная обида. Вотъ что-съ, маленько помягче промолвилъ Чубаловъ.

— А ты, землякъ, за шутку не скорби, въ обиду не вдавайся, а если ужъ очень оскорбился, такъ прости меня Христа-ради. Вотъ тебѣ какъ передъ Богомъ говорю: слово молвлено было за всяко просто, заговорилъ Смолокуровъ, оласавшійся улустить хорошаго Марка Евангелиста.—Такъ больно хороша икона-то? спросилъ онъ заискивающимъ голосомъ у Герасима Силыча.

— Икона хорошая, сухо отвѣтилъ тотъ.

— У меня тоже не изъ худыхъ ангела моего икона есть. Только много будетъ помоложе—Баронскихъ писемъ.*

— Что жъ и Баронское письмо хорошо, къ фряжскому** подходить, промолвилъ Чубаловъ.

опытный глазъ можетъ ее замѣтить, поддѣлываютъ даже трещины, мѣста отставшія отъ грунта, скоробаянныя доски и другія признаки старинной работы.

* Баронскія или „третьи Строгоновскія“ иконы писались въ концѣ XVII столѣтія и въ XVIII. Иконопись въ нихъ переходитъ во фряжское письмо и даже отчасти въ живопись; краски свѣтлыя, пробѣлы въ ризахъ и другихъ изображаемыхъ одѣяніяхъ золотые.

** Фряжское письмо, то-есть западное, европейское, живописное

— Твоя-то много будетъ постарше. Вотъ что мнѣ дорого, сказалъ Смолокуровъ. — Ты мнѣ ее покажи. Безпремѣнно вымѣняю. *

— Да, моя ста на полтора годовъ будетъ постарше, сквозь зубы промолвилъ Чубаловъ.

— Съ орломъ?

— Неужто со львомъ? ** усмѣхнулся Чубаловъ. — Сказываютъ тебѣ что икона старыхъ московскихъ писемъ. Какъ же ей со львомъ-то быть?..

— Ну, да, ну, да, конечно, спохватился Марко Давилычъ. — Такъ ужъ ты пожалуста, Герасимъ Силычъ, не позабудь. Какъ скоро во своахъ прибудемъ, ты мнѣ ее и тащи. Вымѣняю непременно. А нѣтъ ли у тебя кстати старинненькой иконы прелодобной Евдокии?

— Прелодобной Евдокии, во ичествѣ Евфросиньи? Нѣтъ, такой нѣтъ у меня, сказалъ Чубаловъ.

— Какая тутъ Афросинья! Евдокии, говорю, прелодобной надо. Понимаешь?... Знаешь, Великимъ Постомъ Авдотья Плющиха бываетъ, Авдотья-подмочи-подоль. Эту самую.

— Перваго марта? спросилъ Чубаловъ.

Фрагами или Фразинами называли у насъ Итальянцевъ. Фражское письмо, составляющее переходъ отъ старинной иконописи къ живописи, распространилось въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XVII вѣка.

* Никогда не говорится *купить* икону, крестъ или другое священное изображеніе, а *вымѣнять*. Въ иныхъ мѣстахъ набожные люди и о церковныхъ свѣчахъ, деревянномъ маслѣ и т. п., ни за что не скажутъ купилъ, но „вымѣнялъ“.

** Символическое изображеніе при Маркѣ—левъ, при Іоаннѣ—орелъ. Но у старообрядцевъ наоборотъ, потому что при первыхъ пяти патріархахъ такъ изображались Евангелисты. Такъ велось въ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтій, но древнѣйшія изображенія таковы же какъ и теперь употребляемыя церковью. Такъ напримѣръ въ самомъ древнѣйшемъ русскомъ рукописномъ Евангеліи 1066 года, Остромировомъ, Маркъ Евангелистъ изображенъ со львомъ. Въ томъ же Евангеліи на изображеніи Іоанна Богослова, находящемся въ узорчатой каймѣ, Духъ Святый въ видѣ орла подаетъ ему Евангеліе, а надъ каймой нарисованъ идущій левъ, но безъ вѣнчика, то-есть безъ очертанія сіянія вокругъ головы (символъ святости).

— Какъ есть! Вѣрно. Ее самую, подтвердилъ Марко Данилычъ.

— Такъ вѣдь она не преподобная, а преподобно-мученица, съ насмѣшливой улыбкой замѣтилъ Чубаловъ. — Три Евдокии въ году-то бываютъ: одна преподобная, седьмого іюля, да двѣ преподобно-мученицы, одна перваго марта, другая четвертаго августа.

— Господь съ тѣми. Мнѣ Плющиху давай, коли есть. Дунюшка у меня на тотъ день именинница, на первое-то марта, сказалъ Смолокуровъ.

— Найдется, молвилъ Чубаловъ. — Есть у меня преподобно-мученицы Евдокии чудо, а не икона.

— Стара?

— Старенька-то, она старенька. Больше двухсотъ годовъ. При святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ писана царскимъ жалованнымъ изографомъ Іосифомъ. * Другой такой пожалуй всю Россію обшарь—не сыщешь. Самая рѣдкостная, говорилъ Чубаловъ.

— А мѣры какой? спросилъ Марко Данилычъ.

— Штилистовая ** благословенная, отвѣтилъ ему Чубаловъ.

— Такую и требуется, съ радостью сказалъ Марко Данилычъ. — Оставь за мной, вымѣняю. И Марка Евангелиста и Евдокию вымѣняю. Такъ и залиши для памяти. Дунюшка у меня теперь въ такіе года входить что пожалуй по скорости и благословенная икона потребуется. Спасомъ заласся, Богородица есть хорошая Владимірская—это знаешь для благословенья подъ вѣнецъ, а ангела-то ея и не хватаетъ. Есть правда у меня Евдокия, икона хорошая, да молода—

* Въ XVII столѣтіи при Оружейной Палатѣ для государевыхъ дѣлъ (работъ) находились постоянные *жалованные* и *кормовые* иконописцы, зографы. Имъ управлялъ оружейничій и дьякъ. Жалованные состояли на службѣ, получали денежное жалованье и кормы и находились при Палатѣ постоянно; кормовые работали временно по мѣрѣ надобности. Жалованные были пекущие кормовыхъ. Изографъ Іосифъ жилъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Жалованные иконописцы раскрашивали также игрушки царевичамъ и царевнамъ.

** Штилистовая—шести вершковъ вышины.

поморскаго письма, на заказъ писана. * Хоть по древнему преданію писана, однако жь, все-таки новость. А ежели твоя, какъ ты говоришь, царскихъ жалованныхъ мастеровъ, чего жь еще лучше? Подъ пару бы моей Богородицѣ, та тоже царскихъ изографовъ дѣло, на затылѣ подлисъ: „Писалъ жалованный иконописецъ Послѣвъ“. **

— Сидоръ Послѣвъ? спросилъ Чубаловъ.

— Вѣрно, подтвердилъ Смолокуровъ.

— Хорошая должна быть икона, добрая. Послѣвскихъ не много теперь видится, и все-таки годиковъ на двадцать будетъ помоложе моей Евдокіи, замѣтилъ Чубаловъ.

— Разница не велика, молвилъ Марко Давилычъ.

— Моя Евдокія вельми чудная икона, немного помолчавши сказалъ Чубаловъ. — Царицы Евдокіи Лукьяновны комнатная. ***

— Полно ты! сильно удивился, а еще больше обрадовался Марко Давилычъ.

— Знающіе люди доподлинно такъ завѣряютъ, спокойно отвѣтилъ Чубаловъ. — Опять же у насъ на счетъ самыхъ рѣдкостныхъ вещей особыя записи ведутся. **** И та икона съ записью. Была она послѣ также комнатной иконой у царицы Евдокіи Алексѣевны, царя Алексѣя Михайловича меньшей дочери, а отъ нея господамъ Хитровымъ досталась, а отъ нихъ въ другіе роды пошла, а теперь и до нашихъ рукъ достѣла.

— Въ окладахъ иконы тѣ? спросилъ Марко Давилычъ.

— Царицына въ золотой ризѣ сканнаго дѣла † съ лазу-

* Поморскаго письма иконы приготовлялись въ Поморскихъ безполовщинскихъ монастыряхъ (Даниловъ и Лексъ Олонецкой губерніи). Иконы что писались въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ похожи на поморскія и часто за нихъ бывали выдаваемы.

** Сидоръ Послѣвъ, жалованный иконописецъ, писалъ иконы для Московскаго большаго Успенскаго собора въ 1644 году.

*** То-есть изъ образной царицы.

**** Такія записи есть или по крайней мѣрѣ бывали у нѣкоторыхъ старинниковъ, впрочемъ имъ далеко не всегда можно вѣру давать.

† Сканное дѣло—сканъ, сканье (отъ стариннаго глагола *скать*—сучить, свивать, тростить). Сканъ—волооченное, вытянутое въ тонкую проводочку золото или серебро, мелкая проводочная работа,

ревыми яхонта, съ жемчугами, работа тонкая, думать надо греческая, а Маркъ Евангелистъ въ басмѣнномъ окладѣ. *

У Марка Данилыча еще не видя рѣдкихъ иконъ глаза разгорѣлись.

— За мной оставь, Герасимъ Силычъ, пожалуста за мной, стань онъ просить Чубалова.—А ежели другому уступишь, звать тебя не хочу, тогда и на глаза мнѣ не кажись.... Слышишь?

— Слышу, Марко Данилычъ, сказалъ Чубаловъ.—Отчего жъ не сдѣлать для васъ удовольствія?... На то и вымѣнены чтобъ предоставить ихъ кому надобность случится или кто хорошую цѣну дастъ.

— А вѣдь дорого поди возьмешь? Служишь такъ что послѣ дома не скажешься, съ усмѣшкой молвилъ ему Смолокуровъ.

— Дешево взять нельзя, отвѣтилъ Герасимъ. — Сами увидите каковы иконы. На счетъ Божьяго милосердія сами вы человѣкъ не слѣпой, увидите чего стоять, а увидите такъ меня не обидите.

— Ну ладно, ладно... За деньгами не лостою ежели полюбаюсь, самодовольно улыбаясь, молвилъ Марко Данилычъ.—Такъ ты ужъ кстати и *Минею*-то мнѣ подбери. Какъ ворочусь домой въ тотъ же день записочку тебѣ пришлю какихъ мѣсяцовъ у меня не хватаетъ.

— На счетъ *Минеи* теперь ничего не могу вамъ сказать, сказалъ Чубаловъ. — Достанется ли мнѣ, не достанется ли, самъ еще не знаю того. Больно дорого просятъ за всѣ-то книги, а рознить не хотятъ. Бери всѣ до послѣдняго листа.

— Ну и бери всѣ до послѣдняго листа, сказалъ Смолокуровъ. — Нешто хламу много?

— Какой хламъ! Хламу вовсе нѣтъ, книги рѣдкостныя

филюграмъ. Сканные дѣла одно изъ красивѣйшихъ металлическихъ производствъ, за то и труднѣйшее. Сканныя старинныя вещи очень цѣнны. Изъ проволоки составляли разные узоры въ сѣтку. Лучшія издѣлія были *греческія* или *турскія*. Въ XVII столѣтіи мастера сканнаго дѣла наученные Греками появились и въ Москвѣ.

* *Басменное дѣло* отъ *басма* — тонкое, легковѣсное, листовое серебро, на которомъ тиснули разные узоры (травы). На иконахъ басменными дѣлались только *оклады*, то-есть каймы образа. По легкости и дешевизнѣ басменное дѣло было очень распространено. Въ Москвѣ была особая слава басменщиковъ—теперь Басманная.

и всё какъ на подборъ. Кладъ, одно слово кладъ, говорилъ Чубаловъ.

— Чтѣ жъ не покупаешь? сказалъ Марко Данилычъ. — Бери все дочиста; я первый твой покупатель. Какъ до домовъ доберемся, весь твой запасъ перегляжу и все что полюбится за себя возьму. Нѣтъ, Герасимъ Силычъ, не улу-скай, послушайся меня, бери все сполна.

— Не подъ силу будетъ мнѣ, Марко Данилычъ, молвилъ на то Чубаловъ. — Денегъ-то велику́ больно сумму за книги требуютъ, а объ разсрочкѣ и слышать не хотятъ, сейчасъ всё деньги сполна на столъ. Надо сполна будетъ отказаться отъ такого сокровища.

— Полно скряжничать-то, вскрикнулъ Смолокуровъ. — Раз-визывай гамзу-то *, распоясывайся. Покупай, въ накладъ не будешь.

— Гамзы-то не хватить, горько улыбнулся Чубаловъ. — Столько наличныхъ при мнѣ не найдется.

— А много ль не хватаетъ? сдержанно спросилъ у него Марко Данилычъ.

— Цѣлой тысячи, молвилъ Чубаловъ. — Просилъ, Христа ради молилъ, подождали бъ до Макарья, вексель давалъ, поруку представлялъ, не хотятъ да и только....

— Утрѣсь зайдѣ пораньше ко мнѣ, слегка нахмурясь по-слѣ недолгаго молчанья сказалъ Смолокуровъ. — Авось обла-димъ какъ-нибудь твое дѣло.

И сказалъ гдѣ сыскать квартиру его.

— Заходи жъ смотри, молвилъ Марко Данилычъ на пре-щанье. — А скоро ль домой-то?

— Да ежели бъ удалось купить, дѣя бы черезъ два от-правился. Дѣлать здѣсь больше нечего мнѣ, сказалъ Чуба-ловъ.

— И распрекрасное дѣло, молвилъ Марко Данилычъ. — И у меня послѣзавтра погрузка кончится. Вотъ и поѣдемъ вмѣстѣ на моей баржѣ. И товаръ-отъ твой по водѣ будетъ везти гораздо способнѣе. Книги не перетрутся. А мы бы дорогой-то кой-что изъ нихъ и переглядели. Приходи жъ

* Гомонъ, гамза—бумажникъ, кошелеъ, вообще хранилище денегъ. Гамза (но никогда гомонъ) употребляется и въ смыслъ деньги, ка-питалъ. Говорятъ также *гамзить*—копить деньги, *гамзилка*—тотъ кто деньги копить.

завтра непременно этакъ въ ранни обѣды. Безпрерывно зайди.... Слышишь?

На другой день Марко Давидычъ снабдилъ Чубалова деньгами, и взялъ съ него вексель до востребованія, для лучшей вѣрности, какъ говорилъ онъ. Проценты за годъ вычелъ напередъ.

— Нельзя безъ того, другъ любезный, онъ говорилъ, — дѣло торговое, олять же всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Не ровень случай, мало ль что съ тобой аль со мной сегодня же можетъ случиться? Самъ ты, Герасимъ Силычъ, понимать это долженъ...

Чубаловъ не прекословилъ. Сроду не биралъ и не выдавалъ онъ векселей и потому не очень хотѣлось ему исполнить требованье Марка Давидыча, но выгодная покупка тогда непременно бы изъ рукъ ускользнула. Онъ согласился. „Проценты взялъ Смолокуровъ за годъ впередъ, подумалъ Герасимъ Силычъ, стало-быть и платежъ черезъ годъ... А я, срока не дожидаясь, нынѣшнимъ же годомъ у Макарья съ нимъ разочтусь....“

Для черезъ три отправилъ онъ на баржу Марка Давидыча короба съ книгами. Мѣдной полужки никогда не упустилъ Смолокуровъ и потому напередъ заявилъ Герасиму Силычу что при случаѣ вычтетъ съ него какую слѣдуетъ плату за провозъ клади и за проѣздъ его самого.

XLVII.

Вмѣстѣ вверхъ выплывали по Волгѣ на баржахъ, вмѣстѣ воротились во свояси. Для черезъ три по пріѣздѣ въ Сосновку Герасимъ Силычъ разобравъ купленные книги и сдѣлавъ имъ разцѣнку, не дожидаясь записки отъ Марка Давидыча поѣхалъ къ нему съ образами Марка Евангелиста и прелодобной Евдокии и съ нѣсколькими книгами и рукописями, отобранными дорогой Смолокуровымъ. Образа очень полюбились Марку Давидычу, радъ былъ радехонекъ имъ, но безъ того не могъ обойтись чтобъ не прижать Чубалова, не взять у него все за безцѣнокъ. За двѣ рѣдкихъ иконы, десятка за полтора рѣдкихъ книгъ и рукописей Чубаловъ просилъ цѣну умеренную — полторы тысячи, но Марка

Давилычъ только засмѣялся на то и вымолвилъ рѣшительное свое слово, что больше семисотъ лятидесяти цѣлковыхъ онъ ему не дастъ. Чубаловъ и слышать не хотѣлъ о такой цѣнѣ, но Смолокуровъ уперся на своемъ.

— Нѣтъ ужъ, видно мы съ вами, Марко Давилычъ, не сойдемся! сказалъ послѣ долгаго торгованья Чубаловъ.

— Видно что не сойдемся, Герасимъ Силычъ, согласился съ нимъ и Смолокуровъ.

— А не сойдемся такъ разоидемся, молвилъ Герасимъ и началъ укладывать въ коробы иконы и книги.

— Видно что надо будетъ разойтись, равнодушно проговорилъ Марко Давилычъ при этомъ и зѣвнулъ съ лютяго-той—со скуки ль, отъ истомы ль—кто его знаетъ.—Пошли тебѣ Господи тороватыхъ да слѣпыхъ локупателей, чтобъ полторы тысячи тебѣ дали, а я денегъ зря кидать не хочу.

— Найдемъ и зрячихъ, Марко Давилычъ, усмѣхнулся Чубаловъ, завязывая коробы.—Не такія вещи чтобъ залежаться. Богъ дастъ у Макарья съ руками оторвуть.... На иконы-то у меня даже и локупатели есть въ виду. Я вѣдь ихъ къ вашей милости единственно потому только привезъ, что чувствую и помню одолженіе что тогда одѣлали мнѣ въ Саратовѣ. Безъ вашей помощи тѣхъ книгъ я бѣ какъ ушей своихъ не видалъ. На другой же день какъ купилъ ихъ, двое книжниковъ пріѣзжало—одинъ изъ Москвы, другой изъ Ржева.... Не случись вотъ, они какъ разъ перебили бы. Очепно благодаренъ остаюсь вамъ, Марко Давилычъ, никогда не забуду вашего одолженья.

— И за то спасибо, что помнишь, сухо промолвилъ Марко Давилычъ.

— Какъ можно забыть? Помилуйте! Не безчувственный я какой, не деревянный. Могу ль забыть какъ вы меня выручили? сказалъ Чубаловъ.—По гробъ жизни моей того не забуду.

— Домой что ли сряжаешься? дружелюбно спросилъ у Чубалова Марко Давилычъ, когда тотъ уложивъ свое добро взялся за шалку.—Посидѣлъ бы у меня маленько, Герасимъ Силычъ, поалакаали бы мы съ тобой, потралезовали бы чѣмъ Богъ послалъ, чайку бы испили.

— Нѣтъ ужъ, Марко Давилычъ, увольте. Никакъ мнѣ нельзя, недосужно. Дѣла теперь у меня по-горло—къ Ива-

нову дню надо въ Муромъ на ярмарку послѣть, а я еще и не укладывался, да и къ Макарью ужъ пора помаленьку собираться, говорилъ Чубаловъ.

— Да, не за горами и Макарьевская, замѣтилъ Марко Давылычъ.—Время-то подумаешь какъ летитъ, Герасимъ Силычъ. Давно ль кажется была Пасха, давно ль у меня льяницы работныя избы спалили, и вотъ уже и Макарьевска на дворѣ. И не видишь какъ время идетъ: мѣсяцъ за мѣсяцемъ, года за годами, только считать успѣвай. Не успѣешь оглянуться, анъ и вѣкъ прожилъ. И отъ чего это, Герасимъ Силычъ, чѣмъ дольше человѣкъ живетъ, тѣмъ время ему короче кажется? Бывало маленькимъ какъ былъ я—зима, тянется, тянется, конца ей нѣтъ, а теперь только какъ выпалъ снѣгъ, оглянуться не успѣешь, анъ и Рождество, а тамъ и Масляница и Святая съ весной. Чудное право дѣло!

— Такова жизнь человѣческая, Марко Давылычъ, молвилъ Чубаловъ.—Такъ ужъ Господь опредѣлилъ намъ. Сказано: „яко сѣнь преходитъ животъ нашъ и яко листвіе падаютъ дни человѣчи.“

— Это откуда? Въ Псалтыри такихъ словъ, помнится, не положено, замѣтилъ Смолокуровъ.

— Денисова Андрея Іоанновича, изъ его надгробнаго слова надъ Исакіемъ Лексинскимъ, молвилъ Чубаловъ.—Ученѣйшій мужъ былъ Андрей Іоанновичъ. Человѣкъ твердаго духа и дивной памяти, купно съ братомъ своимъ Симеономъ, риторскимъ краснорѣчіемъ сіяли яко свѣтила и всѣхъ удивляли....

— Знаю я... Какъ не знать про Денисовыхъ? По всему старообрядству знамениты.... молвилъ Марко Давылычъ.

— За тѣмъ счастливо оставаться, сказалъ Чубаловъ, подавая Смолокурову руку.

— Прощай, Герасимъ Силычъ, прощай дружище. Да что рѣдко жалуешь? Завертывай, побесѣдовали бы когда, сказалъ Марко Давылычъ, провожая гостя.—Воротись же изъ Мурома прѣзжай непремѣнно. Твоя бесѣда мнѣ слаще меду.... Не забывай же меня....

— Постараюсь, Марко Давылычъ, отвѣчалъ Чубаловъ, и взявъ коробью пошелъ вонъ изъ горницы.

Смолокуровъ проводилъ его до крыльца, а когда Чубаловъ сѣвши въ телегу взялъ вожжи, подошелъ къ нему и

еще разъ попрощался. Чубаловъ хотѣлъ со двора ѣхать, но Марко Давилычъ будто вдругъ спохватился.

— Эка память-то какая у меня стала! оказалъ онъ.—Изъ ума было вошь... Вотъ что, Герасимъ Силычъ: деньги мнѣ, братецъ ты мой, необходимо надо послѣзавтра на Низъ посылать, на доверенныхъ ватагахъ рабочихъ надобно разчитать, а въ сборѣ маловато наличныхъ. Такая крайность что не придумаю какъ извернуться. Привези пожалуста завтра долларъ-отъ.

— Какой долларъ? съ удивленіемъ спросилъ озадаченный неожиданнымъ вопросомъ Чубаловъ.

— И у тебя видно память-то такая жъ короткая стала, что у меня, усмѣхнулся Марко Давилычъ.—Давеча какъ торговались помнилъ, а теперь и забылъ.... Саратовскій-отъ долгъ! Тысяча-то!...

— Да вѣдь тому долгу уплата еще въ будущемъ году, придерживая лошадь съ изумленнымъ видомъ молвилъ Герасимъ Силычъ.

А у него на ту пору и двухсотъ въ наличности не было, а въ Муромъ надо ѣхать, къ Макарыю сражаться.

— Въ вексель сроку, любезный ты мой, не поставлено, съ улыбкой сказалъ Смолокуровъ.—Писано: „до востребованія“, значитъ когда захочу, тогда и потребую деньги.

— Да какъ же это, Марко Давилычъ?... жалобно заговорилъ оторопѣвшій Чубаловъ.—Вѣдь вы и проценты за годъ впередъ получаете.

— Получилъ, отвѣтилъ Смолокуровъ.—Точно что получалъ. Что жъ изъ того?... Мнѣ твоихъ денегъ, другъ любезный, не надо, обижать тебя я никогда не обижу. Учетъ по завтрашній день учинимъ; сколько доведется съ тебя за этотъ мѣсяцъ со днями процентовъ получить, а остальное что тобой лишняго заплачено изъ капитала вычту, тѣмъ и дѣлу конецъ.

— Я такъ располагалъ, Марко Давилычъ, чтобъ у Макарья расплатиться съ вами, молвилъ Чубаловъ.

— Не могу, любезный Герасимъ Силычъ... И радъ бы душой, да никакъ не могу, оказалъ на то Смолокуровъ.—Самому крайность не повѣришь какая. Прядильщиковъ вотъ еще надо разчестъ, за лѣсъ заллатить, съ плотниками, что работныя избы у меня достраиваютъ, тоже надо расплатиться, а гдѣ наличныхъ достать, какъ извернуться, самъ не знаю. Радъ бы всей душой подождать не то что до Макарья, а

пожалуй хоть и годъ дольше того, да самому, братецъ, хоть въ летаю полѣзай... Нѣтъ ужъ ты пожалуста, Герасимъ Силычъ, должокъ-отъ завтра привези мнѣ, на тебя одного только у меня и надежды... Растрясси мощну-то, что ее жалѣть-то? Важное дѣло тебѣ тысяча рублей!... И говорить-то тебѣ объ ней много не стоитъ....

— Ей Богу не при деньгахъ я, Марко Давылычъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Чубаловъ на рѣчи Смолокурова.— Воля ваша, а завтрашняго числа уплатить я не могу.

— Льготныхъ десять дней положуть, молвилъ Марко Давылычъ.

— Не то что черезъ десять, черезъ тридцать не въ силахъ расплатиться.... екнувъ голову сказалъ на то Чубаловъ.— Помилосердуйте, Марко Давылычъ, явите Божескую милость, потерпите до Макарьевской.

— Не могу, любезный, видитъ Богъ, не могу, отвѣчалъ Смолокуровъ.

— Вся воля ваша, а я не заплачу, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Чубаловъ и хотѣлъ было ѣхать со двора. Смолокуровъ остановилъ его.

— Какъ же такъ? вскрикнулъ онъ.— Нешто забылъ пословцу: „умѣлъ взять, умѣй и отдать“?... Нельзя такъ, любезнѣйшій!... Торгуешься—кряпцись, а какъ деньги платить, такъ плати, хоть толпись. У насъ такъ водится, почтеннѣйшій, на этомъ вся торговля стоитъ... Да полно шутки-то шутить, Герасимъ Силычъ!... Знаю вѣдь я что ты при деньгахъ, знаю что завтра привезешь мнѣ должокъ!... Пріѣзжай часу въ одиннадцатомъ, разочтемся да послѣ того пообѣдаемъ. Севрюжки, братецъ ты мой, какой мнѣ намереніи прислалъ, да балыковъ. Объяденье, пальчики оближешь!... Завтра съ ботвиньей похлеббаемъ. Да смотри не запоздай, гляди чтобы мнѣ не голодать тебя дожидаясь.

— Марко Давылычъ, истинную правду вамъ докладываю, нѣтъ у меня денегъ, и достать негдѣ, со слезами даже въ голосъ заговорилъ Чубаловъ.— Будьте милосерды, потерпите маленько... Гдѣ жъ я къ завтраму достану вамъ?... Помилуйте!

— Нѣтъ ужъ, ты потрудишься пожалуста. Ежели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, достань гдѣ-нибудь, рѣшительно сказалъ Смолокуровъ.— Не то, самъ знаешь: дружба дружбой, дѣло дѣломъ. Сердись на меня, не сердись, а ежели завтра не

расплатиться, векселекъ-отъ я ко взысканью предоставляю... Въ Муромъ-отъ тогда пожалуй и не угодись, а ежели по-слабъ десяти дней не расплатишься такъ и къ Макарью не попадешь.

— Какъ же это въ Муромъ-отъ я не угожѣ?... Какъ это къ Макарью не попаду?... Экъ что сказалъ!... воскрикнулъ сильно взволнованный Чубаловъ.

— Такъ же и не угодись, спокойно отвѣтилъ ему Марко Данилычъ.—Не знаешь развѣ что городской голова и земскій исправникъ мнѣ оба съ руки? И льготнаго срока не стануть ждать — до десяти днѣй наложуть узду..... Да. Имѣнье подъ арестъ и тебя подъ арестъ—они, братъ, шутить не любятъ... Ну да вѣдь это я такъ, къ слову только сказалъ... Этого не случится, до того дѣла не доведешь. Расплатишься завтра, векселекъ получишь обратно и конецъ дѣлу... Прощай, любезный Герасимъ Силычъ... Пожалуста не залоздай, до обѣда бы покончить, да тотчасъ и за ботвинью.

Тѣмъ дѣло кончилось, что Чубаловъ за восемьсотъ рублей отдалъ Марку Данилычу и образа и книги. Разочался; пятьдесятъ рублей Герасимъ Силычъ долженъ остался. Какъ ни уговаривалъ его Марко Даниловъ остаться обѣдать, какъ ни соблазнялъ его севрюжиной и балыкомъ, Чубаловъ не остался и во всю прыть погналъ свою быстроногую кауренькую со двора Смолокуровскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВЪ

Н О В Ъ С Т Ь

(СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО ИЗЪ ФЕРАРИ)

I.

Въ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ Ливорно, въ общей залѣ, у круглаго стола покрытаго газетами, книгами, альбомами, сидѣлъ господинъ высокаго роста, довольно пріятной наружности, лѣтъ сорока. Онъ перелистывалъ маленькую книжку, но видно было что мысли его заняты не чтеніемъ... Онъ всталъ, вышелъ на террасу поглядѣлъ нѣсколько минутъ на море, потомъ опять вернулся въ залу и позвонилъ. Явился *cameriere*, ничѣмъ ни отличающійся отъ большинства своихъ собратьевъ въ Италіи: красивое, веселое лице, курчавые волосы, закрученные усики, въ петлицѣ фрака букетикъ цвѣтовъ, въ обращеніи съ *господами* смѣсь почтительности и фамиллярности.

— Піетро!... обратился къ нему господинъ, какъ бы медея еще произнести приказаніе.

— Эчеленца?...

— Въ которомъ часу отправляется сегодня пароходъ въ Чивита-Векію?

— Въ шесть часовъ.

— Прикажите взять для меня мѣсто, и приготовьте счетъ.

— Слушаю-съ, эчеленца... Адвокатъ Романи только что спрашивалъ, изволите ли вы уѣзжать сегодня... да вотъ они и сами... прибавилъ Пьетро, указывая на послѣднюю входившаго господина.

Адвокатъ Романи, какъ называлъ его Пьетро, былъ чловѣкъ также ужъ не первой молодости, но съ замѣчательно интереснымъ лицомъ. Черная, густая борода и темный, съ нѣсколько бронзовымъ отливомъ, цвѣтъ лица придавали еще болѣе характерности его тонкимъ, благороднымъ чертамъ.

— Здравствуй... я тутъ внизу въ кафе слышалъ что „маркизь Клавезано сегодня уѣзжаетъ“, сказалъ онъ,—и признаюсь вдвойнѣ былъ озадаченъ... и этою новостью, и тѣмъ что услышалъ ее отъ другихъ.

— Я вчера еще говорилъ тебѣ что вѣроятно скоро оставлю Ливорно, возразилъ маркизь.—Поутру я рѣшилъ уѣхать сегодня же...

— Но почему?... Ты бы хоть обождалъ результата выборовъ.

— Я уѣзжаю по многимъ причинамъ... отвѣчалъ маркизь, уклоняясь отъ прямого отвѣта,—но повѣрь... мнѣ тяжело разстаться съ тобою...

Романи пожалъ ему руку.—Ты знаешь, здѣсь не вѣрятъ въ искренность нашей дружбы—улыбка скользнула по его серіозному лицу;—мы „или обманываемъ другъ друга, или намъ изъ-за какихъ-нибудь *тайныхъ цѣлей* понадобилось во время выборовъ сыграть эту комедію“... „мыслимо ли чтобъ адвокатъ Романи, этотъ истый демократъ, и маркизь Клавезано, этотъ крайній консерваторъ, чтобъ эти представители противоположныхъ политическихъ убѣжденій и партій относились другъ къ другу не только съ искреннимъ уваженіемъ, но и съ сердечною пріязнью?! Боже избави! Имъ вѣроятно необходимо въ данный моментъ *прикинуться* друзьями.“

— Что заботиться объ этихъ лошакыхъ толкахъ... перебилъ его Клавезано съ выраженіемъ невольной брезгливости, точно онъ наткнулся на какое-нибудь отвратительное животное или нечаянно ступилъ въ грязь.—Ты скажи мнѣ лучше: благодаря какому благодатному талисману, ты сегодня какъ будто забылъ быть угрюмо-задумчивымъ?

Вместо отвѣта, Романи взялъ подъ руку маркиза и повелъ его на террасу. Вдали дымился пароходъ и приближался къ пристани.

— Ты видишь этотъ пароходъ? спросилъ онъ. — Тамъ дѣйствительно находится „благодѣтельный“ для моря талисманъ, даже два...

Клавезано расхохотался. — Ого... два?... вопросъ усложняется... замѣтилъ онъ весело.

— Я не шучу; тамъ двѣ женщины которыхъ я люблю всѣми силами души; одну я не видалъ лѣтъ одиннадцать; ей тогда было не болѣе шести...

— Начинаю понимать... другая въ то время была очаровательная женщина лѣтъ двадцати двухъ?... Не такъ ли?

— Ты ошибаешься. Другой я никогда не видалъ.

— Тогда ничего не понимаю.

— Пока могу только сказать тебѣ что я въ эту минуту счастливъ и что право грѣхъ тебѣ что ты именно сегодня уѣзжаешь... Богъ вѣсть когда намъ опять удастся свидѣться... Твой отъѣздъ портитъ мнѣ этотъ радостный день; первый послѣ долгихъ горестныхъ годовъ...

— И я хотѣлъ бы заинтересовать тебя *тайнственными* намеками, сказалъ шутливо Клавезано, — хорошее расположение Романи сообщилось и ему, — на томъ же самомъ пароходѣ находится одна женщина которую я *не желаю* видеть.... припоминая извѣстную поговорку: „не шути съ огнемъ“.... Но впрочемъ мнѣ ничто не мѣшаетъ быть любезнѣе тебя и открыть тебѣ свою *тайну*. Исторія самая обыкновенная: Я любилъ одну молодую дѣвушку, но не могъ на ней жениться по той простой причинѣ что она любила другаго.... который, какъ меня увѣряли, и не подозревалъ о своемъ счастьѣ, а она съ горя, или по принужденію, не знаю, вышла за третьяго.... Какъ видишь, это „старая исторія“, какъ говоритъ Гейне, и сердце мое если и не совсѣмъ разбилось, то все-таки сильно, очень сильно наболѣло.... Я тогда оставилъ на долгое время Италію. Я потерялъ и слѣдъ моей героини, и послѣ столькихъ годовъ, совершенно случайно узнавъ что она ѣдетъ въ Ливорно, я обращаюсь въ бѣгство.... Сегодня утромъ я рѣшилъ что это будетъ весьма благоразумно съ моей стороны, но пожалуй окажется что оно будетъ только смѣшно. Моя героиня можетъ быть давно ужъ изъ прелестнаго сознанія превратилась въ толстую пренекрасивую барыню....

— Да ты бы хоть посмотрѣлъ на нее, перебилъ его Романи засмѣявшись,—погоди немного, удостовѣрся прежде существуетъ ли еще опасность.

— Нѣтъ, это все вздоръ.... сказалъ Клавезано,—мимолетное воспоминаніе о заблужденіяхъ молодости. Главнымъ образомъ я уѣзжаю изъ Ливорно чтобъ избавиться отъ своихъ *политическихъ друзей*. Они совершенно одолѣли меня! Помилуй, минуты свободной нѣтъ! Легитимистская партія уторопится въ желаніи провозгласить меня депутатомъ Ливорноскаго округа....

— Да ты отчего собственно отказываешься, отъ кандидатуры?

— Ахъ, мой другъ, я было попробовалъ пуститься въ разсужденія съ моими избирателями.... такая путаница.... такіа противорѣчія въ мнѣніяхъ и требованіяхъ что я бѣгу отъ предложенной мнѣ чести.

— Еще одно сближеніе между нами, сказалъ Романи:—не далѣе какъ вчера вечеромъ и я отказался отъ той же самой кандидатуры.

— Предложу тебѣ тотъ же вопросъ что ты мнѣ—отчего?

— Еслибы ты зналъ, перебилъ Романи,—какъ я утомленъ, какъ мнѣ тяжело переносить какую-либо новую житейскую борьбу, сталкиваться съ новыми людьми.... Какъ иногда хочется дотащиться до послѣдней страницы моей жизни и увидѣть слово: „конецъ“.

— Ты ужь кажется забылъ что тутъ недалеко отъ пристани есть кто-то.... замѣтилъ съ улыбкой маркизъ.

— Еслибы не этотъ *кто-то*, опять перебилъ его Романи,—я бы ужь давно приблизилъ „конецъ“.... и разорвалъ бы книгу....

— Романи схватилъ раскрытую книгу, лежавшую на столѣ.

— Осторожнѣе, проговорилъ Клавезано, отнимая у Романи книгу,—ты пожалуй готовъ разорвать эту ни въ чемъ неповинную книгу. Позволительно истреблять плохія книги, но никакъ не хорошія.... кстати, ты читалъ это? *О дуэли* Адріано Денорди; замѣчательная вещь, много ума, таланта, смѣлости, но все-таки это чистѣйшая утопія проповѣдывать уничтоженіе дуэли!

Ироническая улыбка пробѣжала по лицу Романи.

— О, конечно!.... воскликнулъ онъ. — Дуэль, это одно изъ

разумнейшимъ общественнымъ учрежденіямъ, „необходимыхъ для управленія и исправленія воѣхъ не предусмотрѣнныхъ ошибокъ страсти“.... Я знаю эту книгу и когда-то знавалъ автора.... да, онъ былъ „утопистомъ“. Впрочемъ и имя его повредило этому сочиненію.

— Такъ это тотъ самый герцогъ Деворди? Онъ кажется замѣшанъ въ какое-то темное, некрасивое дѣло? спросилъ маркизъ.—Я слышалъ о немъ за границей еще.... давно ужъ....

— Да, тотъ самый, повторилъ Романи, съ ослѣплымъ удареніемъ на каждомъ словѣ,—заподозрѣнный въ самыхъ низкихъ поступкахъ и осужденный за покушеніе на убійство....

— Не помню.... мнѣ говорили кажется что вышелъ изъ тюрьмы, онъ отправился въ Бразилію, и потомъ вернулся подъ другимъ именемъ чтобы сражаться въ нашихъ послѣднихъ войнахъ.... Боюсь,—прибавилъ маркизъ,—что мнѣ еще предъ моимъ отъѣздомъ придется сегодня видѣться съ субъектомъ, также не заслуживающимъ *особеннаго уваженія*.... Одна ассоціація избирателей во Флоренціи посылаетъ сюда своего уполномоченнаго чтобы склонить меня къ принятію кандидатуры. Его ждутъ сегодня утромъ, а пароходъ отходить только въ шесть часовъ!... Я его мало знаю, но однако довольно чтобы избѣгать его. Кажется это одинъ изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей которые хлопчутъ объ *общемъ* благѣ тѣмъ усердіемъ чѣмъ необходимѣе для нихъ отклонить общественное вниманіе отъ своей *частной* жизни. Говорятъ онъ ловкій господинъ и очень, между прочимъ, заботится о нужной въ извѣстныхъ случаяхъ *тисе ен эсене*, напримеръ вся его *сита* въ орденахъ, онъ не признаетъ призерженца не украшеннаго орденомъ.

Въ эту минуту на террасѣ показался маленькій, толстенькій господинъ, съ кругленькою лысиной, съ гладко-выбритымъ лицомъ, также кругленькимъ и немного приплюснутымъ, съ довольно большимъ брюшкомъ и съ красною ленточкой въ петлицѣ сюртука.

— Посмотри, сказалъ смѣясь Романи,—ужь не изъ числа ли твоихъ флорентійскихъ избирателей?

— Повѣришь ли? Со вчерашняго дня каждый мирный житель Ливорно съ ленточкой въ петлицѣ сюртука навостритъ на меня непобѣдимый страхъ!...

На этотъ разъ бѣдный маркизъ не ошибся. Піетро

деловалъ ему, что какой-то господинъ спрашиваетъ его. Съ террасы точно внялось въ залу кругленькое существо съ красною ленточкой.

— Я долженъ оставить тебя на произволъ этого избирателя; ты видишь, пароходъ ужь у пристави, шелнулъ Романа маркизу, и быстрыми шагами вышелъ.

Между тѣмъ толстенькій господинъ лавинею подкатился къ Клавезано.

— Имѣю честь говорить съ маркизомъ Клавезано, признаюсь оны низко кланяясь, — съ бывшимъ тайнымъ совѣтникомъ двора?

— Да, я маркизъ Клавезано, перебилъ его маркизъ. — Ваше имя?

— Вы узнаете, если соблаговолите прочесть письмо моего высокопочитаемаго и знаменитаго друга графа Тенари.

Онъ суетливо вынулъ изъ кармана письмо и съ новымъ поклономъ передалъ его маркизу. Въ письмѣ заключалось только нѣсколько строкъ, написанныхъ размахистыми элегантными почеркомъ. Посреди листа, какъ и на конвертѣ, красовалась графская коронка. Подпись: „Графъ Антонио Тенари“ была особенно тщательно выдѣлана и оканчивалась длиннымъ, красиво закрученнымъ хвостомъ. Графъ рекомендовалъ „любезнѣйшему маркизу своего друга кавалера Джардини“, и сообщалъ ему что самъ въ непродолжительномъ времени надѣется быть въ Ливорно.

— Чѣмъ могу служить вамъ? спросилъ маркизъ, садясь и указывая кавалеру Джардини на стулъ.

— О маркизъ! воскликнулъ толстенькій избиратель, — вы можете только приказывать, а я исполнять ваши приказанія. Вамъ конечно извѣстно, господинъ совѣтникъ....

— Безъ этихъ титуловъ, прошу васъ, перебилъ его маркизъ, съ трудомъ побѣждая неудовольствіе, — тѣмъ болѣе что этотъ титулъ мнѣ болѣе и не принадлежитъ.

— Извините! воскликнулъ съ жаромъ избиратель, — вслѣдствіе послѣднихъ событій титулъ этотъ вамъ *de facto* не принадлежитъ, но для людей благомыслящихъ, не признающихъ новаго порядка вещей, вы *de jure* остались прежнимъ тайнымъ совѣтникомъ. Я никогда не перестану титуловать чиновниковъ правительства, которое хотя фактически и прекратилось, но существуетъ по праву. Такимъ образомъ въ каждомъ моемъ словѣ громкій протестъ противъ совершившагося насилія. Я человѣкъ принциповъ, и во

во всех случаях жизни всё мои поступки, всё мои малейшія дѣйствія строго, неуклонно и точно соблюсти традиціямъ. Напримеръ, мнѣ нисколько грубое оскорбленіе, а не отвѣчу тѣмъ же, нѣтъ! Я скажу: вашъ неаристократическій поступокъ оскорбляетъ не мнѣ члена общества, онъ оскорбляетъ само общество; вы членъ того же общества, следовательно: въ практической примѣненіи ударъ достался мнѣ, но по здравымъ разсудкамъ о правѣ, вы стоите ударъ дами самому себѣ.

— Оригинальная теорія.... замѣтилъ съ извольною улыбкой маркизъ.

— Я всегда оставался ей вѣренъ, возразилъ съ достоинствомъ кавалеръ Джардини.

Маркизъ начинать гадать на сивого собесѣдника съ какихъ-нибудь интересовъ, точно ему пришлось разсматривать какого-нибудь некрасиваго, но рѣдкаго зятря.

— А... вы имѣли случай примѣнить вашу теорію на дѣлѣ?... спросилъ онъ.

— О! нѣсколько разъ, отвѣчалъ съ тѣмъ же серьезнымъ достоинствомъ Джардини. — Еще въ первой моей молодости, когда я учился въ Пизѣ — я долженъ тутъ же замѣтить что я не мѣняю съ годами своихъ убѣжденій, какъ некоторые господа — съ тѣхъ поръ какъ я былъ студентомъ я ни на волосъ не измѣнилъ ихъ.... такъ вотъ — съ мои университетскіе товарищи, ознакомленные съ моими теоріями, употребили ихъ во зло....

— Итакъ за обиду дѣйствіемъ вы наказываете....

— Я бью и наказываю, перебилъ Джардини, — разсужденіями. Другое дѣло различіе *мнѣній*.... Это не грубый поступокъ, какъ обида дѣйствіемъ, здѣсь путемъ логики можно иногда дойти до дуэли. По моимъ принципамъ дуэль, это...

Маркизъ нетерпѣливо всталъ. — Простите пожалуйста.... проговорилъ онъ, стараясь казаться любезнымъ, — я сегодня очень занятъ, меня ждутъ.... Просту васъ объяснить мнѣ причину вашего любезнаго посѣщенія....

Маркизу казалось что онъ ужъ достаточно разглядѣлъ это въ некоторомъ образомъ любопытное существо.

— Я послѣдшилъ сюда, началъ Джардини, разомъ входя въ роль парламентаря, — чтобъ еще до прибытія моего высокопочитаемаго друга графа Тенари, переговорить съ вами, господинъ совѣтникъ, и узнать ваше окончательное рѣшеніе.

— Я, сегодня уѣзжаю и вѣроятно буду лишень удовольствія видѣть графа. Прошу передать ему что отказъ мой принять кандидатуру основанъ на весьма серіозныхъ причинахъ.... во всякомъ случаѣ я въ этомъ дѣлѣ не сталъ бы руководствоваться просьбами моихъ друзей, а только собственною совѣстью.

Джіардини уже приготовился отвѣтить маркизу длинною, мастерски составленною фразой, кашаянулъ уже чтобъ очистить голосъ, но вовремя замѣтилъ что маркизъ отвернулся и все свое вниманіе обратилъ на двухъ вошедшихъ дамъ.

Старшей было на видъ лѣтъ за тридцать. Она была замѣчательно хороша. Высокаго роста, сложена великолѣпно, черты лица классически правильныя. Другая была совсѣмъ еще молоденькая. Маленькая или скорѣе мینیатюрная. Она смотрѣла бы совершенно ребенкомъ, еслибы не серіозная линия около рта и глубокій, нѣсколько грустный взглядъ большихъ темныхъ глазъ, да брови черныя, тонкія, близко сдвинутыя и придающія выраженіе силы и энергіи этому дѣтски-прилежному личику.

— Ваши комнаты, сударыня, готовы.... доложилъ Піетро съ своею стереотипною улыбкой старшей дамъ.

— Хорошо.... Скажите, это кажется маркизъ Клавезано?

— Точно такъ, сударыня.

— Элиза, лоды, отдохни пока, обратилась она къ молодой дѣвушкѣ.—Я надѣюсь что онъ скоро придетъ.... Я останусь немного здѣсь. Это одинъ изъ его лучшихъ друзей.

— Отца?... спросила дѣвушка съ свѣтлою улыбкой.

— Да, Я хочу поговорить съ нимъ.

Она приблизилась къ маркизу.

— Графиня Клара!... Я не ошибаю... воскликнулъ маркизъ.

— Я тотчасъ узнала васъ, хотя мы столько лѣтъ не видались.

— Къ несчастью, графиня, я долженъ уѣхать сегодня еще....

— Можетъ-быть мнѣ удастся удержать васъ? Вы не отвѣчаете, маркизъ....

— Сударыня, я могу указать вамъ на вѣятельнаго союзника моего, высокопочитаемаго графа Тенари.... вдругъ заговорилъ Джіардини, явно обрадовавшись что онъ можетъ сказать хоть что-нибудь; это вынужденное молчаніе въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ тревожило его.

Графиня Клара поблѣднѣла.—Графъ Тенари въ Ливорно? обратилась она къ маркизу. Голосъ ея казался спокойнымъ.

— Его ждутъ каждый часъ, каждую минуту! опять выѣхался Джіардини.

„Надобно эту фигуру представить... подумалъ маркизъ, хотя повидимому въ его принципахъ обходиться безъ всякаго представленія...“ Онъ назвалъ его графинѣ, и предоставивъ ему время раскланяться и произнести довольно красивый сличъ, далъ ему понять „что долѣе не смѣетъ его задерживать...“

— Помилуйте, маркизъ! воскликнулъ Джіардини съ нѣкоторымъ лаѳосомъ, — я на то и прибылъ въ Ливорно чтобы находиться неотлучно при вашей особѣ, чтобы предугадывать малѣйшія ваши желанія, исполнять всѣ ваши приказанія...

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ зайти ко мнѣ черезъ часъ... послѣднѣе проговорилъ маркизъ.

— О! гость некстати — это истинное бѣдствіе, и уласи меня Небо чтобъ я когда-нибудь былъ причиной подобнаго бѣдствія!.. И потому, маркизъ, прибавилъ Джіардини, вынимая часы и внимательно вглядываясь въ стрѣлки, — ровно на часъ оставляю васъ. Онъ сталъ раскланиваться.

— Еще нѣсколько подобныхъ избирателей, и станешь проклинать всякую политическую дѣятельность!.. проговорилъ ему вслѣдъ маркизъ.

— Надобно мириться и съ темными сторонами вашего положенія... Скажите, маркизъ, вы близки съ графомъ Тенари? спросила графиня послѣ короткаго молчанія.

— Я его избѣгаю....

— Маркизъ, я никакъ не ожидала что вы именно въ день моего пріѣзда послѣдите уѣхать... сказала графиня съ шутивымъ упрекомъ и какъ будто не обративъ никакого вниманія на отвѣтъ маркиза.

— Да я главнымъ образомъ и уѣзжаю потому что вы пріѣхали.

— Вы шутите, но признаться, не очень любезно...

— И вы въ самомъ дѣлѣ увѣрены что я шучу?

— Но согласитесь однако....

— Мнѣ сказали, перебилъ ее маркизъ,—что сюда ждутъ графиню Фортини, что это та самая графиня Клара которая.... Я болѣе не спрашивалъ и тутъ же рѣшилъ что безопаснѣе будетъ вовсе не видѣть васъ.

— Знаете, маркизъ, это становится даже обиднымъ! воскликнула графиня. Ея лицо приняло выраженіе искренней досады.— Неужели и такой умный человѣкъ какъ вы воображаетъ что невозможно находиться нѣсколько минутъ вдвоемъ съ женщиной, не наговоривъ ей кучу—простите—пошлостей?... Мы въ первый и въ послѣдній разъ видѣлись когда вы еще были студентомъ, а я пансіонеркой—и то въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ... потомъ мы никогда болѣе не встрѣчались, и вы хотите утѣрить меня что подобное впечатлѣніе можетъ длиться столько лѣтъ...

— Я вамъ напоминаю одинъ эпизодъ изъ вашей жизни, началъ маркизъ, пристально глядя на графиню.—Сколько мнѣ помнится это было во Флоренціи, на вечерѣ у извѣстнаго Калони, въ присутствіи многихъ знаменитостей, также нашего Джюсти. Одинъ молодой поэтъ читалъ свои стихи. Въ этой толпѣ онъ можетъ-быть васъ и не замѣтилъ. Вы съ нимъ даже и не говорили... но впечатлѣніе это было такъ сильно... что оно сдѣлало меня глубоко несчастнымъ. Правда, многое способствовало этому обаянію—его талантъ, торжество.... онъ былъ какъ и вы изъ Неаполя, эти страстные стихи, звуки его говора живо напоминающіе вамъ вашу родину... но вѣдь вы его видѣли всего одинъ разъ... Почему же вы не вѣрите что „какіе-нибудь два мѣсяца“ какъ вы изволили выразиться, могли рѣшить судьбу человѣка? Почему вы удивляетесь силѣ впечатлѣнія первой молодости?... Или оно у васъ давно совсѣмъ изгладилось?... прибавилъ Клавезано медленно.

Графиня нѣсколько секундъ промолчала.—У меня другое... начала она тихо, какъ бы про себя,—моя жизнь такъ тяжело сложилась.... эта мечта пансіонерки была для меня единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ.... Къ тому же, хотя я болѣе никогда его не видала, я имѣла возможность узнать его ближе.... обстоятельства такъ сложились.... Но довольно объ этомъ, поговоримъ о другомъ... сказала графиня съ своею прежнею спокойною улыбкой,—о вашихъ политическихъ друзьяхъ, напримѣръ. Вы кажется мнѣ сказали что избѣгаете графа Тенари?...

— Да. Онъ, я думаю, человѣкъ не хорошій.

— Скорѣе безхарактерный—это не всегда одно и то же.

— Вы его хорошо знаете?

— Да. Въ настоящую минуту не лишнимъ будетъ чтобъ и вы его узнали....

— Говорятъ что онъ онъ когда-то, во время первой молодости своей, былъ яркимъ революционеромъ?

— Не думаю чтобъ онъ и тогда дѣйствовалъ по убѣжденію, а такъ, чтобъ развлечься и поиграть въ революцію.... какъ онъ теперь играетъ въ парламентаризмъ.

— Но кажется Неаполитанское правительство его присудило къ тюремному заключенію?

— Въ тюрьмѣ онъ послѣшилъ отречься отъ своихъ политическихъ убѣжденій....

— Закрѣпивъ это внезапное обращеніе разными открытіями?... такъ эти толки справедливы....

— Да; онъ былъ прощенъ, но выйдя изъ тюрьмы, повидавшись со своими прежними друзьями, встрѣчая всюду явное презрѣніе, онъ не выдержалъ своего стыда, какъ прежде мученій тюрьмы, и рѣшился застрѣлиться. Выстрѣлъ былъ неудачный—правда, онъ опасно себя ранилъ, долго хворалъ, однако выздоровѣлъ...

— И пережилъ униженіе, стыдъ и самоубійство.... перебилъ Клавезано.—Положеніе невыносимое, но два раза сряду врядъ-ли кто лишаетъ себя жизни....

— Графъ Тенари предпочелъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Ему удалось очаровать, опутать одного старика аристократа. Старикъ былъ вообще человѣкъ увлекающійся. Онъ увидѣлъ въ графѣ Тенари всѣ задатки политическаго дѣятеля.... который въ данный моментъ только нуждается въ поддержкѣ „чтобы ступить на путь добродѣтели и славы“....

Клавезано начиналъ слушать графиню съ возрастающимъ вниманіемъ. Біографія графа Тенари не слишкомъ интересовала его, но онъ находилъ что для обрисовки посторонняго человѣка, графиня говорила съ черезчуръ большимъ жаромъ.

— Вы знавали этого старика-аристократа?... спросилъ онъ.

— Да. Его дочь, дѣвушка молодая, безотвѣтная, должна была выйти за графа Тенари....

— Что жъ.... эта исторія кончается женитьбой, подобно каждой комедіи....

— Это скорѣе годилось бы для новомоднаго романа. Такіе люди встрѣчаются теперь не рѣдко, это герой нашего

времени, человекъ очень даровитый, но безъ серьезной подготовки, безъ стойкихъ убѣждений.... онъ не умѣетъ стать на крѣпкую почву и кидается на всѣ стороны.... Сегодня революционеръ, завтра сражается за правительство.... то вдругъ избираетъ артистическую карьеру, на основаніи нѣсколькихъ сдѣланныхъ альбомныхъ рисунковъ, то оставляетъ искусство чтобы перейти къ служебной карьерѣ.... потомъ, такъ же *неожиданно* для другихъ и даже для самого себя, дѣлается литераторомъ, публицистомъ, основателемъ новаго журнала и наконецъ, испробовавъ не совсѣмъ удачно и не слишкомъ разборчиво всякіе пути, подобный герой еще ставитъ послѣднюю карту на новую затѣю: онъ бросается на политическое поприще и задается чуть ли не намѣреніемъ преобразовать всю страну....

— Прибавьте еще, графиня, что къ несчастью такіе люди обладаютъ способностью увлекать и зазлекать....

— Да.... но не надолго....

— Чтожь графъ Тенари?... спросилъ Клавеzano (онъ хотѣлъ непременно чтобы графиня продолжала говорить о немъ), его *самоубійство* примирило его съ представителями либеральной партіи?

— Нѣтъ, они отшатнулись отъ него; но партія реакціи тогда уже падала, и его приверженцы не были столь строги въ своемъ выборѣ.... Извините, маркизъ, я говорю съ вами откровенно....

— *Исторія* должна остаться *исторіей*.... сказалъ съ легкой улыбкой Клавеzano.

— Графъ Тенари сообразилъ что легитимистскій лагерь можетъ еще послужить удобною почвой для его честолюбія, но прежде нужно было какимъ-нибудь эффектнымъ образомъ....

— Загладить попытку неудавшагося самоубійства? перебилъ маркизъ.

— Да.... пожалуй. Въ то время главой либеральной партіи въ Неаполѣ былъ одинъ молодой человекъ замѣчательно даровитый и идеально-благородный. Онъ принадлежалъ къ знати, и тѣмъ еще опаснѣе казался Бурбонамъ. Правительство не знало какъ избавиться отъ него. Графъ Тенари взялъ этотъ трудъ на себя. Ловко пущенная клевета, трусость или подкупность судей — это вѣдь еще происходило во время Бурбоновъ — и гибель жертвы совершилась. У него

отняли естественное и заключили его въ тюрьму. Его жена не перенесла горя, она слегла и умерла. Остался ихъ ребенокъ... маленькая дѣвочка... въ бѣдности, съ именемъ покрытымъ стыдомъ... Графиня остановилась.

„Что волнуетъ ее теперь? спрашивалъ себя Клавезано, — чувство негодованія... или боязнь выказаться еще больше?“

— Что же случилось съ этою дѣвочкой?... спросилъ онъ.

— Нашлась женщина которая поняла что ей, именно ей, Провидѣніе велитъ тутъ помочь, вступить... Она старалась облегчить участь невиннаго страдальца... и позаботилась о его дитяти...

— А графъ Тенари?...

— Онъ, я думаю, не зашелъ бы такъ далеко, еслибы тутъ не было замѣшано чувство личной ненависти... Въ немъ есть хорошее... Вы улыбаетесь?... Онъ не прочь рыцарски помочь кому-нибудь въ нуждѣ, отдать бѣдному послѣднія свои деньги, какъ и способенъ въ случаѣ надобности составить фальшивые документы... Онъ можетъ поступить въ должностъ правительственнаго шпіона, но и готовъ храбро драться на баррикадахъ... Безхарактерность при честолюбіи и даровитости нерѣдко доводитъ до низости... до преступленія...

— Вы его давно не видали? спросилъ маркизъ.

— Да... года лютора...

— А жена его?...

— Она живетъ одна... въ уединенномъ имѣніи...

„Конечно... *спланировать* было бы, подумалъ маркизъ, оставить ее въ этомъ заблужденіи... она думаетъ что не высказала своей тайны... но я хочу ее предостеречь... оно глупо, ошибно—эта женщина мнѣ еще дорога.“

— Графиня, я узналъ что графъ Тенари сегодня пріѣзжаетъ сюда, произнесъ онъ медленно. — Онъ остановится въ этой гостиницѣ...

Графиня уже успѣла совладать съ волненіемъ охватившимъ ее во время ея разказа.

— Да, и я слышала... отвѣчала она совершенно спокойно, —этотъ господинъ что вы представили мнѣ, кажется, говорилъ что-то объ этомъ?... Пріѣздъ графа Тенари не имѣетъ для меня никакого значенія...

Вотелъ Романи. — Что, пріѣхали? спросилъ Клавезано, приблизившись къ нему.

— На этомъ пароходѣ я ихъ не нашелъ. Сегодня должны придти еще другой...

— Познакомлю тебя съ новою прѣзжайей...

— Ради которой ты вспоминалъ поговорку объ „дегиз“ и хочешь бѣжать изъ Ливорно?

— Именно. Позвольте, графиня, сказалъ Клавезано, подходя съ Романи къ ней, — представить вамъ адвоката Романи, моего милѣйшаго политическаго врага... Онъ съ своей стороны хотя и обязанъ пылать ко мнѣ ненавистью, но искренно любитъ меня. Я могъ бы еще прибавить что онъ способенъ околдовать всякаго... но вѣдь васъ предупреждаетъ...

— Мечта пансіонерки... перебила его шутливо графиня.

— Да! заставившая меня возмнѣть глубокую антипатію къ вечерамъ у Калони, ко всѣмъ юнымъ постанъ вообще и къ постанъ воспѣваемымъ Джюсти въ особенностяхъ... Попытшусь окончить представленіе: графиня Клаара Фортини. Я долженъ, прибавилъ Клавезано, — предъ отъѣздомъ кой-чѣмъ распорядиться и къ сожалѣнію оставить васъ...

Назвавъ графиню, Клавезано смотрѣлъ на нее и не видѣлъ какъ при ея имени Романи вздрогнулъ, какъ оживилось его лицо... Еще слышались на террасѣ шаги удаляющагося Клавезано, какъ ужъ Романи былъ около графини.

— Такъ это вы.... вы! говорилъ онъ, цѣлуя ея руки, — да благословить васъ Господь за все!... А Элиза? Гдѣ же моя Элиза?

— Пойдемте скорѣе къ ней.... сказала графиня. — Элиза ждала... она считала минуты... Элиза... твой отецъ.... проговорила графиня, входя съ Романи.

Элиза вскрикнула, побѣднѣла. Романи подмалъ ее какъ ребенка и крѣпко прижалъ къ груди.

— Дитя мое.... мое дорогое дитя.... повторилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея личико, волосы, руки, — дай же пошепотѣть на тебя... да какая ты хорошенькая!...

Элиза и смѣялась, и слезы капали изъ глазъ.

— Отецъ, знаешь.... я все боялась что случится что-нибудь.... что я не доживу до этой минуты.... говорила она, — прежде, когда я еще была въ пансіонѣ, въ монастырѣ, я меньше знала тебя.... но съ тѣхъ поръ какъ живу у татап — ты знаешь, я ее называю татап — вѣдь я права, да?...

— Да, да, мой другъ.... говори, говори!.... Романи хотѣлъ слышать ея голосъ, какъ хотѣлъ глядѣть, все глядѣть на нее; онъ даже не вслушивался хорошенько въ ея слова....

— Такъ вотъ, съ тѣхъ поръ какъ я у татап, продажа-

да Элиза, прижавшись головкой къ плечу отца, — вотъ ужъ скоро годъ будетъ. Мы каждый день говоримъ о тебѣ; она мнѣ много, много рассказывала.... и я совсѣмъ стесковалась по тебѣ.... я просила, плакала, умоляла.... татапа все говорила что нельзя еще, что она не можетъ еще всего сказать мнѣ.... что почему-то ты теперь не можешь еще назвать меня при всѣхъ дочерью. Правда, не можешь?

Романи покачалъ головой.

— Ну, чтожь.... я обижала татапа что буду осторожна.... да и не все же бываешь при другихъ.... но татапа все боялась.... Я расхворалась — видишь какая я бѣдная?... Тогда татапа рѣшилась прѣвхаться къ тебѣ.... Вѣдь хорошо что прѣвхали, хорошо? — И она обѣими руками горячо обнимала отца. — Знаешь, я помню тебя!.... только мнѣ кажется, ты тогда смотрѣлъ немного иначе — лицо какъ будто перемѣнилось, но глаза все тѣ же.... Помню, ты тогда на меня точно такъ глядѣлъ какъ вотъ теперь, въ эту минуту.... и голосъ все тотъ же....

Долго еще говорила Элиза. Рассказывала какъ ей жилось въ монастырѣ тихо и мирно.... уроки, да садъ, да книги — еще все такіа хорошія, что татапа привозила. Особенныхъ пріятельницъ не было — такъ, со всѣми была хороша.... и чаще одна бывала.... и все думала, когда доведется увидѣть отца!... да все поджидала татапа.... она прѣвхалась часто и всегда такая добрая, любящая.... и тамъ ужъ, когда бывала въ монастырѣ, а теперь какъ взяла ее къ себѣ.... такъ ужъ такъ она добра!.... Родная мать не можетъ быть лучше, нѣтъ, нѣтъ, невозможно!....

Комнаты графини также выходили на террасу. На террасѣ никого не было. Графиня стояла опершись локтемъ о мраморную колонну съ цвѣтами и глядѣла на море.... тишь совершенная!.... опять прибылъ пароходъ. У близкой пристани толпился и суетился народъ.... графиня нарочно оставила Романи и Элизу вдвоемъ. „Я имъ дорога, вѣрю.... думала она — но вѣдь все же я чужая.... я одна....“ Она провела рукой по лбу, точно чтобы разогнать недобрыя мысли.

— Вы такъ задумались.... сказалъ Романи, — я ужъ нѣсколько минутъ здѣсь, я васъ искалъ.... Элиза много говорила со мною, графиня... еслибъ я въ эту минуту умѣлъ.... еслибъ....

— Еслибы вы теперь могли произнести гимнъ благодар-

ности? перебила его графиня съ улыбкой, да? я угадала?... Но скажите, развѣ я не награждена за то что вы называете мной „великодушнѣмъ“... Вы теперь видѣли Элизу, вы поймете, какая она мнѣ радость въ моей безцвѣтной жизни.... Итакъ покончимъ вопросъ о „благодарности“, намъ надобно о многомъ переговорить. Графъ Тевари знаетъ что вы въ Ливорно?

— Ему вѣроятно извѣстно что „адвокатъ Романи“ здѣсь.

— Графа Тевари сегодня ждутъ сюда.

— Слышала... сдѣдуетъ позаботиться не столько обо мнѣ, сколько о васъ....

— Онъ уже свылся съ мыслью что мы теперь должны встрѣчаться какъ чужіе. Да и прїѣздъ его не будетъ помѣхой для исполненія моего намѣренія, напротивъ.

— Помѣхой этому буду я, графиня. Возстановить мою репутацію, мое доброе имя... Но вѣдь это возможно только посредствомъ гибели вашего мужа... Вы скажете что вы теперь живете однѣ... вы поселились въ вашемъ замкѣ, удалились отъ свѣта... вы это сдѣлали для Элизы—для нея вы были всегда графиней Фортини—ея впечатлительная натура лугала васъ; вы не хотѣли чтобъ она знала чѣмъ былъ вашъ мужъ въ жизни ея отца; взявъ ее къ себѣ вы стали и при другихъ называться этимъ именемъ, но вѣдь вы не формально разстались съ вашимъ мужемъ—для свѣта и даже для вашего отца вы остались графиней Тенири—и я не хочу чтобъ и малѣйшая тѣнь позора пала на ваше имя, на васъ... Еслибъ это было прежде... но теперь?... Я давно умеръ для свѣта, меня забыли, я воскресъ другимъ. Въ моей новой жизни я желаю одного—увидѣть Элизу и васъ... Теперь еще одно желаніе у меня есть: объясните мнѣ слова Клавезано... прошу васъ, я долженъ это знать... Скажите, этотъ „молодой поэтъ на вечерѣ у Капони“... эта „мечта пансіонерки“... Графиня, мнѣ довольно одного слова...

— О, я скажу вамъ нѣсколько словъ, сказала графиня, весело засмѣявшись,—но о другомъ, дѣйствительно важномъ вопросѣ. Я прочла въ газетахъ что вы отказываетесь быть депутатомъ? Вы конечно хотите чтобы я вѣрила въ вашу готовность броситься для меня въ огонь и въ воду—да? Вы знаете, случай къ совершенію геройскихъ подвиговъ рѣдко дается, а пока я только прошу васъ принять эту кандидатуру. Это проще и легче. Вы первый разъ меня видите,

во думаю хорошо знаете по письмам... вы знаете какъ я упряма, настойчива...

— Да будетъ воля ваша... перебилъ ее Романи улыбувшись.

— Спасибо вамъ! сказала серьезно графиня и крѣпко пожала ему руку.

На террасу вошло нѣсколько человѣкъ. Пьетро, еще другой *cameriere*; носильщикъ тащилъ козенькій чемоданъ, большой, изящно сдѣланный мѣшокъ и шляпочную картонку. Джіардини съ суетливымъ, озабоченнымъ видомъ велъ за шнуркѣ, привязанномъ къ серебряному шейнику, великолѣпнаго бѣлаго сеттера. Вozаѣ Джіардини шелъ господинъ, стройный, красивый, въ элегантномъ дорожномъ костюмѣ. На первый взглядъ онъ казался еще очень молодымъ. Густые бѣлокурые волосы, усы, эспаньютка и даже черты лица напоминали нѣсколько портретъ Вандейка. Вглядѣвшись пристальнѣе, можно было замѣтить на лбу и около глазъ нѣсколько морщинъ, да и во всемъ выраженіи лица отбѣнокъ болѣзненнаго утомленія.

— Такъ вотъ чтѣ!.. маркизъ Клавезано серьезно стоитъ на отказѣ... проговорилъ онъ, небрежно разваливаясь на одномъ изъ диванчиковъ.

Графиня при первомъ словѣ узнала голосъ.

— Графъ Тенари... шепнула она Романи.—Мы не должны прятаться... садьте тутъ, поговоримъ немного...

— Ахъ да! послушай... обратился графъ Тенари къ Джіардини,—не забудь взять ложу на сегодняшній балетъ въ театрѣ Россини; тамъ, говорятъ, прехорошенькія танцовщицы. Помни: день для работы, вечеръ для удовольствія. Похлопочи также чтобы мой Орестъ былъ хорошо помѣщенъ здѣсь.

Онъ погладилъ сеттера. Орестъ повидалому только этого и ждалъ. Опустивъ было меланхолически морду, уши и хвостъ, онъ разомъ оживился, быстро замахалъ хвостомъ, сталъ на заднія лапы и съ улыбающимися глазами и оскаленными зубами началъ нѣжно ласкаться около своего господина.

— Ну, ну, хорошо, довольно... знаю, мы великіе друзья... повторялъ Тенари, треля и глядя сеттера.—А!.. тутъ дама сидитъ, въ очень изящномъ туалетѣ... Ба, ба ба!.. это графиня... вотъ сюрпризъ!.. проговорилъ онъ какъ бы про себя.—Джіардини, не знаешь ли кто это сидитъ около этой дамы?

— Адвокатъ Романи, редакторъ газеты *Il Pensiero*... поспѣшно отвѣчалъ Джіардини.

— Адвокатъ Романи?.. перепросилъ графъ, — странно!..

„Странно... подумалъ онъ, эти черты напоминаютъ мнѣ другаго человѣка... удивительное сходство!.. что это? Игра воображенія, случай, или какая-то дьявольщина?..“

— Итакъ, оказался еще третій кандидатъ? обратилъ онъ олятъ къ Джіардини, не сводя однако глазъ съ графини и Романи.

— Да, кандидатъ демократической партіи...

Графиня и Романи встали.

— Не знаю какъ благодарить маркиза Клавезано что онъ представилъ меня вамъ, графиня, сказалъ Романи.

— Я давно желала познакомиться съ вами.

Романи провелъ графиню до дверей ея комнаты. Чтобы оставить террасу онъ долженъ былъ пройти мимо Тенари.

— Странно... очень странно... повторилъ Тенари вслухъ, глядя ему вслѣдъ. Онъ быстрыми шагами прошелся по террасѣ. „Мнѣ кажется еслибы снять ему бороду, да прическу переменить, да еще еслибы цвѣтъ лица не былъ такой темный, оказалось бы совершенно то же самое лицо. Отчего это они захотѣли увѣдомить меня что Клавезано ихъ познакомилъ?...“

Носильщикъ давно уже стоялъ безъ чемодана и мѣшка и неловко переступалъ съ ноги на ногу.

— Ваше сіятельство... сказалъ наконецъ Пьетро, — ваши вещи перенесены, прикажете заллатить?

— Что ты ждешь? Чего желаешь, народъ самодержавный? обратился Тенари къ носильщику.

— Вещи ваши принесъ, эшеленца.... оно лучше если господа сами платятъ... отвѣчалъ съ улыбкой носильщикъ, тотчасъ смекнувъ что баринъ веселый, хорошій...

— Помятое дѣло! сказалъ Тенари вынимая бумажникъ.

— Ишь какой тяжелый!...

— Тамъ, другъ мой, нѣсколько журнальных статей... На, бери, народъ самодержавный, три франка изъ твоего достоянія. Послушай, обратился Тенари къ Джіардини, — узнать какъ и по какимъ причинамъ отказался кандидатъ демократической партіи. Залужи. (Джіардини вынулъ книжечку и сталъ записывать; по выраженію его лица можно было думать что онъ стенографируетъ важную законодательную рѣчь.) Разузнай подробности относительно адвоката Романи,

продолжалъ Тенари.—Да, и когда прибыла сюда графиня Фортини. Такъ ее назвалъ Клавезано? (Джіардини сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.) Узнать подъ этимъ ли именемъ она значится тутъ въ списокъ пріѣзжихъ? На деньги не скупись: давай кому слѣдуетъ... Разузнай хорошенько. Есть еще у тебя?

— Есть... произнесъ въ полголоса Джіардини, оглядываясь и невольно дивясь безцеремонной смѣлости своего высокопочитаемаго друга.

— Ну то-то!... Не экономничать!... особенно теперь, въ послѣдніе дни. Обѣдать мы будемъ здѣсь, ужинать въ *All Ardenza*. Залиши. Тамъ всегда останавливаются разныя хорошенькія женщины, en disponibilité... Не забудь включить въ меню фриттуру изъ сардинокъ. Залиши. Наконецъ я накачу борьбу. Клавезано упорствуетъ въ своемъ отказѣ, несмотря на мои увѣщанія, и я соглашаюсь занять его мѣсто; все идетъ какъ слѣдуетъ, какъ я предвидѣлъ... Станутъ шумѣть, противодѣйствовать при первомъ нападѣніи, я кого-нибудь изъ своихъ политическихъ враговъ вызываю на дуэль—одно изъ лучшихъ средствъ создать себѣ хорошую репутацію. Ты будешь моимъ секундантомъ, другаго вызову по телеграфу пожалуй изъ Пизы. Вызвать секунданта по телеграфу—произведетъ эффектъ. Своего противника постараюсь застрѣлить—это нѣсколько умиротворитъ моихъ прочихъ враговъ и освободитъ меня отъ послѣдующихъ дуэлей... Впрочемъ если и меня убьютъ, это не разрушитъ моихъ плановъ. Ясно: если я убью своего противника, моя карьера сдѣлана, если я буду убитъ, я избавленъ отъ труда ее сдѣлать... Да, вотъ еще что, голубчикъ Джіардини, вели ты теперь накормить Ореста. „Это удивительное сходство не перестаетъ преслѣдовать меня“... опять промелькнуло у него въ мысляхъ.

Джіардини суетливо и съ важнымъ видомъ спряталъ въ карманъ записную книжечку и кинулся къ Оресту, только что погрузившемуся на солнышкѣ въ сладкій сонъ. При звукѣ своего имени, онъ поднялъ заспанную морду, всталъ, тряхнулъ ушами, съ любовью взглянулъ на Тенари, махнувъ при этомъ хвостомъ и съ покорностью послѣдовалъ за Джіардини. Въ дверяхъ Джіардини столкнулся съ высокимъ, худощавымъ господиномъ. Подобно Джіардини онъ былъ гладко выбритъ, имѣлъ порядочную лысину и красную

ленточку въ петлицѣ сюртука. По этому послѣднему признаку маркизъ Клавезано причислилъ бы его къ свитѣ графа Тенари. Онъ дѣйствительно тотчасъ спросилъ про него.

— Графъ здѣсь, на террасѣ... отвѣчалъ Джіардини.— Да! Скажу вамъ, удивительный человѣкъ! Чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, какъ бы ни командовалъ мною, я ему повинуюсь!... Онъ меня точно околдовывалъ.... прибавилъ онъ, разводя руками и дернувъ при этомъ шнуркомъ Ореста, очень не-пріятнымъ образомъ для сего послѣдняго.

— А! докторъ Роверо! повернулся Тенари къ входящему господину.— Мой милый Эскулапъ, другъ, избиратель, и мой телеграфъ! Какія новости?

— Кандидатъ демократической партіи только-что принялъ кандидатуру.

— Его имя?

— Адвокатъ Романи.

Тенари поблѣднѣлъ. „Это сходство.... не выходитъ у меня изъ головы“, чуть было не сказалъ онъ вслухъ. Раздался колокольчикъ.

— А, наконецъ!... насъ зовутъ къ обѣду.... произнесъ Тенари весело.— Въ настоящую минуту это для меня наиважнѣйшій вопросъ: я страшно голоденъ.

Въ столовую надобно было идти черезъ террасу. Графиня и Элиза, Клавезано, разговаривая съ кѣмъ-то, уже прохаживались по террасѣ. Тенари приблизился къ Клавезано. Вошелъ Романи подъ руку съ молодымъ офицеромъ, разговаривавшимъ съ большимъ жаромъ.

— Прощаюсь.... Я еще не могу придти въ себя отъ этого неожиданнаго успѣха! сказалъ онъ, сжимая обѣ руки Романи.— Я, правду сказать, скорѣе по нѣкоторымъ личнымъ причинамъ принялъ порученіе отправиться къ тебѣ въ Ливорно и мало надѣлся на свое краснорѣчіе.... Считаю себя хорошимъ офицеромъ, но далеко неумѣлымъ политическимъ агентомъ—это не по моей части.... Твои избиратели рассчитывали на наши дружескія отношенія, но вѣдь дружба дружбой, а я знаю.... тебя уговорить не такъ-то легко!... И вдругъ, съ первыхъ моихъ словъ ты поддаешься.... принимаешь кандидатуру.... члены избирательнаго комитета осылали меня похвалами.... А! вотъ она!... вдругъ воскликнулъ онъ; его выразительные глаза радостно заблестѣли.

— Кто? спросилъ Романи.

— Видишь, эта молодая дѣвушка... Посмотри что за прелесть... точно Гётевская Миньйона... уже нѣсколько недѣль я за ней всюду ѣзжу — я тебѣ все это разкажу.... я и въ Ливорно поэтому послѣдшилъ. Мы пріѣхали вмѣстѣ на одномъ пароходѣ.... Видишь, какъ она на меня смотритъ.... да что это? она, кажется, смотритъ на тебя....

Элиза дѣйствительно повернула головку и не сводила глазъ съ Романи.

— Меня сегодня имъ представили.

— А!.. тѣмъ лучше! Ты будешь разговаривать съ графиней, а я.... онъ не докончилъ и взявъ олять подъ руку Романи быстро подошелъ съ нимъ къ графинѣ и Элизѣ.

Тенари продолжалъ разговаривать съ Клавезано.

— Итакъ вы положительно неумолимы? проговорилъ онъ.

— Повторю, графъ, возразилъ Клавезано съ холодною вѣжливостью,—я вамъ крайне благодаренъ за ваше довѣріе, но не измѣню своего рѣшенія. Я сегодня уѣзжаю.

Въ эту минуту Піетро приблизился къ маркизу.

— Эчеленца, къ вамъ, сказалъ онъ, передавая ему записку,—я еще давеча искалъ васъ....

— Вы извините, графъ?... обратился Клавезано къ Тенари.

— О, помилуйте!... Тенари узналъ почеркъ графини.

„Отложите вашъ отъѣздъ“, писала графиня, „мнѣ можетъ-быть скоро понадобится присутствіе такого друга какъ вы....“

Въ дверяхъ столовой графиня встрѣтилась съ Клавезано.

— Вы уѣзжаете? спросила она.

— Я остаюсь.

Слова эти были сказаны въ полголоса, но Тенари ихъ слышалъ. Остается... вслѣдствіе полученной отъ нея записки... кто же? Этотъ или другой?... спрашивалъ онъ себя, и опять съ какимъ-то жгучимъ чувствомъ любопытства и невольной боязни сталъ глазами искать Романи.

II.

Въ гостиной графини Клары былъ гость, молодой офицеръ, другъ Романи, по фамиліи Роберти, по нраву добродѣшій малый. Симпатичный, простой, хотя многое въ его жизни могло ему вскружить голову. Онъ былъ богатъ, онъ уже былъ извѣстенъ въ арміи своею храбростью, своими

довольно основательными военными познаніями, и несмотря на свои двадцать шесть лѣтъ уже сдѣлалъ хорошую карьеру, былъ капитаномъ и находился въ полку на очень хорошемъ счету.

Графиня сидѣла у письменнаго стола и разбирала разныя бумаги. Элиза разсматривала, только очень ужъ разсѣянно, альбомъ съ рисунками. Она помѣстилась на кушеткѣ. Роберти стоялъ около нея. Наканунѣ за табльд'отомъ онъ попросилъ у графини позволенія явиться къ нимъ. Графиня находила что для перваго раза визитъ этотъ длится черезчуръ ужъ долго, но Роберти повидимому и въ голову не приходило что онъ ужъ болѣе двухъ часовъ находится тутъ...

— Это все виды Флоренціи? спросила Элиза.

— Да. Вотъ это церковь *Santa Croce*. Я ужъ говорилъ вамъ что я еще новичокъ на политическомъ полприщѣ, мои друзья насилу уговорили меня принять такое трудное порученіе.

— А это что? спросила Элиза, перелистывая альбомъ.

— Церковь *Santa Croce*, отвѣчалъ Роберти, не глядя на альбомъ и перекрестивъ соборъ *Maria del Fiore* въ новое имя.

— Переубѣдить такого человѣка какъ Романи! Правда, я пользуюсь его благосклонностью, смѣю сказать его дружбой. Мы двѣ кампаніи сдѣлали вмѣстѣ...

— Онъ храбро сражался, я знаю.

— Онъ получилъ золотую медаль „за храбрость“.

— Да, я знаю, при Палестрѣ.

— А!... вы и это знаете? спросилъ Роберти,—и кажется вамъ это доставляетъ какое-то особенное удовольствіе.

— Всегда пріятно видѣть людей заслужившихъ эту медаль, проговорила графиня. Она замѣтила что Элиза медлить отвѣтомъ.

— Въ такомъ случаѣ... сказалъ Роберти,—боюсь только чтобы вы не подумали что тутъ желаніе хвастовства...

— О, я знаю! перебила его Элиза,—и вы имѣете эту медаль, я замѣтила это еще въ Неаполѣ, когда вы ѣздили верхомъ мимо нашей гостиницы. „Ахъ Боже мой, къ чему я это сказала, вдругъ подумала Элиза, это было глупо, ну что если и онъ найдетъ что это глупо?“

— Я былъ такъ счастливъ что вы...

— А это что? спросила Элиза, низко нагнувшись над альбомомъ.

— Это церковь *Santa Croce*. На этотъ разъ Роберти такъ назвалъ садъ *Боболи*, но и Элиза, казалось, была совершенно удовлетворена этимъ объясненіемъ.—Я былъ такъ счастливъ, продолжалъ Роберти,—что вы замѣтили меня когда я...

— Кто же не замѣчаетъ военныхъ съ медалью „за храбрость“, сказала графиня, приходя опять Элизѣ на помощь.

— У васъ прелестная лошадка, но такая бѣшеная! замѣтила Элиза.

— Да, она разъ чуть не сбросила меня, но это впрочемъ не ея вина была, я все смотрѣлъ вверхъ и не видѣлъ, что ѣдетъ на встрѣчу женщина на мулѣ.

— Еще съ ребенкомъ на рукахъ; я такъ испугалась что вскрикнула!...

— А, вы видѣли? васъ не было на террасѣ, я не догадался взглянуть на окна...

— Это что? спросила Элиза, опять наклоняясь и приближая къ спасительному альбому.

— Церковь *Santa Croce*. Мнѣ показалось что окна завішаны шторами.

— Какой однако странный альбомъ, замѣтила графиня съ невольною улыбкой,—онъ весь состоитъ изъ изображеній *Santa Croce*.

Роберти сконфузился не хуже Элизы.

— Ахъ виноватъ, проговорилъ онъ, взглянувъ на альбомный рисунокъ,—это набережная *Лунгарно*. Да, я все смотрѣлъ вверхъ.

— Скажите, когда вы согласились отправиться съ вашимъ порученіемъ въ Ливорно? спросила графиня, чтобы дать другой оборотъ разговору.

— На концертъ Вьетана, отвѣчалъ Роберти.

— И мы тамъ были! воскликнула Элиза.

Дипломатическая попытка графини оказалась довольно неудачною.

— Предо мной сидѣли двѣ дамы. Ихъ разговоръ о лѣздкѣ въ Ливорно заставилъ меня рѣшиться. Прямо изъ концерта я послѣдшилъ въ комитетъ избирателей Ливорискаго округа и сообщилъ имъ что готовъ ѣхать къ Романи...

— Элиза вопросительно указала на новый рисунокъ.

— *Лунгарно* пояснилъ Роберти, не глядя на альбомъ.—Одна

изъ этихъ дамъ такъ заманчиво описывала прелѣсть предстоящей поѣздки, „видѣ Везувія съ моря“, говорила она, „особенно при восходѣ солнца“.

— Нѣтъ! матан сказала „при лунномъ освѣщеніи“, перебила Элиза, и тотчасъ же мысль о „новой сказанной гаупости“ такъ напугала ее что и альбомъ не помогъ. Она, правда, еще разъ вопросительно указала на рисунокъ, еще разъ услышала поясненіе что это Лунгарно (рисунокъ изображалъ площадь *Signoria*), но все еще не рѣшалась поднять головки. Роберти не сводилъ съ нея глазъ; „да, она думала обо мнѣ, ждала меня“...

Графиня рѣшилась прекратить наконецъ этотъ первый визитъ.

— Элиза, сказала она,—я хочу прокатиться съ тобой по окрестностямъ, ты должна переодѣться.

— Графиня, я положительно еще не научилась быть дипломатомъ, произнесъ твердо, безъ запинки Роберти, приближаясь къ ней,—и вы поэтому, я надѣюсь, простите меня, если я безъ особенныхъ предисловіи прямо скажу вамъ что прошу позволенія объясниться съ вами, и что отъ этого позволенія зависитъ счастье моей жизни...

„Никогда еще такъ сердце у меня не билось, никогда,“ подумала Элиза.

— Я также прямо отвѣчу вамъ, сказала графиня,—что теперь еще не могу исполнить вашего желанія...

— Хорошо, я подожду до болѣе удобнаго времени. Онъ поклонился и вышелъ.

„Что со мною?“ спрашиваетъ себя Элиза, а слезы такъ и капаютъ изъ глазъ. „Да, я люблю его, и давно, въ первый разъ какъ его увидала тогда въ загонѣ, когда мы вышли изъ имѣнія матан, тогда ужъ... да, съ тѣхъ поръ я все думаю о немъ, все вижу его...“

Вошелъ Романи.

— Что съ Элизой? спросилъ онъ тревожно въ полголоса графиню.

— Я должна переговорить съ вами, я часто боюсь за нее. Она дитя, но сколько страсти, силы въ ея чувствахъ, мысляхъ... Я вамъ писала—эта тайна въ ея жизни, въ судьбѣ отца ея давно томить ее, рѣшайте сами, настала ли пора ей все сказать...

Романи приблизился къ Элизѣ и съ нѣжностью обнялъ ее. Элиза вытерла слезы, тонкія брови сдвинулись еще ближе.

— Отецъ, начала она послѣ короткаго молчанія немного дрожащимъ голосомъ,—со вчерашняго дня я все хочу сказать тебѣ что ты не долженъ „беречь“ меня, что я не „слабая дѣвочка“... Не бойся моей молодости... Ты знаешь, мнѣ было всего шесть лѣтъ когда умерла моя мать... помню какъ я бросилась къ ней... меня хотѣли оттащить; я стала цѣловать, звать ее... ни ласки, ни слова въ отвѣтъ... Съ того дня, сама этого не постигаю, но ясно помню, какъ вдругъ, разомъ, зажила въ моей крошечной головкѣ тяжкая дума, и кажется съ тѣхъ поръ я не много перемѣнилась... Говорятъ, я осталась ребенкомъ—и тяжкая дума все живетъ во мнѣ.... Хочу еще сказать тебѣ, я въ силахъ выслушать всякое открытіе, самое тяжелое, самое....

— Дитя мое, перебилъ ее Романи, онъ еще крѣпче трясъ ее къ себѣ,—я долженъ пока молчать еще... и предъ другими мы еще должны казаться чужими другъ для друга, Перенеси съ твердостью и это испытаніе; ты видишь, другъ мой, я дѣйствую по твоему желанію, не берегу тебя.

На террасѣ между тѣмъ происходилъ оживленный разговоръ. Тенари сидѣлъ развалившись на удобномъ диванѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ газету, въ другой закуренную папироску. Джіардини сидѣлъ на кончикѣ стула около него. Роверо прохаживался, заложивъ руки за спину и останавливаясь только когда очередь доходила до него сказать что-нибудь.

— Вы оба никогда не измѣняете себѣ... проговорилъ Тенари засмѣявшись:—одимъ выражается съ законизмомъ телеграммы, другой многорѣчивъ точно передовая статья... продолжайте, продолжайте!... Приложу всѣ старанія чтобы уразумѣть смыслъ вашего отчета, мой любезнѣйшій Эскулапъ, и чтобы прослушать до конца донесенія Джіардини... Я весь слухъ, что впрочемъ не помѣшаетъ мнѣ продолжать чтеніе, хотя въ тѣ минуты когда нашъ другъ Джіардини станетъ увлекаться собственнымъ краснорѣчіемъ... Ну-съ, милѣйшій синьйоръ Роверо?

— Ложа взята, ужинъ заказанъ, сказалъ Роверо.

— Адвокатъ Романи пріѣхалъ въ 59 году изъ Бразиліи чтобы принять участіе въ Ломбардской войнѣ, началъ Джіардини, точно читая служебный отчетъ.—Въ 60 году онъ опять сражался въ рядахъ бунтовщиковъ въ Сициліи;

потомъ поселился здѣсь въ Ливорно, гдѣ основалъ журналъ *Il Pensiero*... возмутительный, гнусный по своему направленію... Журналъ *Il Pensiero*, который расходился въ числѣ 20.000 экземпляровъ, который долженъ приводить въ бѣшенство каждаго здравомыслящаго человѣка, каждаго...

— Углубляюсь въ чтеніе!... перебилъ графъ.— Докторъ, какую-нибудь телеграмму!

— Графиня Фортини сегодня въ полдень прибыла сюда, донесъ Роверо.— Съ нею молодая дѣвушка...

— Узнать побольше, замѣтилъ графъ.— Джіардини!

— Свѣдѣнія собранныя мною относительно кандидата демократической партіи...

— Слушаю, слушаю!

— Еще болѣе утверждаютъ меня въ моемъ всегдашнемъ убѣжденіи что непоколебимость намѣреній не можетъ идти рядомъ съ политическимъ направленіемъ которое такъ давно противорѣчитъ началамъ здоровой философіи, и поэтому...

— Приходится опять углубиться въ чтеніе!... воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Тенари.

— Откладываю до другаго раза изложеніе своей мысли... возразилъ Джіардини, почтительно наклоня голову.

— Хвала богамъ!

— Продолжаю: адвокат Романи сегодня еще въ двѣнадцать часовъ непоколебимо стоялъ на своемъ отказѣ, а черезъ полчаса, виноватъ немного больше: въ двѣнадцать часовъ и тридцать пять минутъ онъ объявляетъ своимъ избирателямъ что готовъ принять предложенную кандидатуру... вы изволите читать или слушать?...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не читаю... отвѣчалъ Тенари. Онъ всталъ и быстрыми шагами сталъ прохаживаться.— Все начинается выясняться... Вамъ извѣстна причина этой внезапной перемѣны?...

— Съ кѣмъ бесѣдовалъ Романи эти тридцать пять минутъ? Съ графиней Фортини, потомъ перекинулъ двѣ-три фразы съ капитаномъ Роберти и объявилъ въ комитетѣ что доводы Роберти заставили его измѣнить намѣреніе. Но развѣ Роберти довольно значительная личность чтобы повліять, да еще такъ скоро, на столь важное рѣшеніе?... Его имя прикрываетъ настоящую причину; слѣдовательно Романи боялся признаться кто его переубѣдилъ... Почему? Потому что это была женщина, графиня Фортини.

— Ясно, проговорилъ Роверо.

Кончивъ свое донесеніе, Джіардини взглянулъ на Тенари съ улыбкой наивнаго самодовольствія, въ надеждѣ услышать словечко одобренія. Но Тенари ловидимому и вниманія не обратилъ на это, какъ казалось самому Джіардини, столь блистательно формулованное изложеніе... онъ молча продолжалъ свою прогулку по террасѣ. „Да, это онъ!... повторялъ онъ мысленно. Болѣе всякихъ доводовъ логики, болѣе этого поразительнаго сходства, меня въ этомъ убѣждаетъ странное... отвратительное чувство, охватившее меня когда я увидѣлъ этого челоуѣка около нея. Еслибъ это былъ онъ!... Маркизъ Клавезано отказывается отъ кандидатуры, а адвоката Романи я уничтожаю однимъ словомъ! дѣло выиграно...“

Графиня и Элиза вышли изъ своей комнаты, на нихъ были туалеты для прогулки, и направились къ выходной двери.

„Я долженъ удостовѣриться... удостовѣриться тотчасъ же“... подумалъ Тенари.

— Джіардини! когда увидишь меня съ графиней, шепнулъ онъ быстро,—подойди и скажи мнѣ нѣсколько таинственно: „Мы отправляемся къ адвокату Романи“, ни одного слова больше, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, если тебѣ это возможно...

Тенари приблизился къ графинѣ.

— Надѣюсь, графиня, произнесъ онъ съ почтительнымъ поклономъ,—что вы не откажете мнѣ въ позволеніи переговорить съ вами...

— Очень сожалѣю... но меня ждутъ...

— Простите, что осмѣливаюсь прервать вашъ разговоръ... заговорилъ приблизившись Джіардини,—но въ виду важности обстоятельства...

— Графъ... итакъ, мы теперь отправимся къ адвокату Романи... перебилъ его Роверо.

— Хорошо... сказалъ Тенари.

Джіардини и Роверо раскланялись и вышли.

— Впрочемъ... я могу еще нѣсколько минутъ остаться... проговорила графиня.—Элиза, подожди меня въ твоей комнатѣ...

Да... это онъ! подумалъ Тенари. Онъ готовъ былъ запрыгать отъ радости, какъ Гамлетъ по окончаніи подготовленнаго имъ театральнаго представленія.

— Ваше желаніе удивляетъ меня... сказала графиня. — Чего вы хотите?... налугать меня?... Или оправдываться?... Какая бы ни была ваша цѣль, угроза, или обманъ, не забывайте что я одна васъ никогда не боялась, и что меня вы никогда не обманете...

— Вы ошибаетесь. Я не хочу лугать васъ, потому что никого въ цѣломъ свѣтѣ такъ не уважаю, не цѣню какъ васъ... и не хочу оправдываться предъ вами, потому что знаю, вы не допустите чтобы моя мечта возстановить себя въ нашемъ мнѣніи осуществилась... Я только хотѣлъ бы предостеречь васъ. Былъ одинъ человѣкъ... Всегда, въ самыя важныя минуты моей жизни, я встрѣчалъ его поперекъ своей дороги... Я рѣшился избавиться отъ него. Я думалъ онъ погибъ, мнѣ сказали, онъ умеръ—но и это не помогло мнѣ... онъ продолжалъ мучить, терзать меня, и не сошелъ съ моей дороги, онъ остался живымъ въ моей совѣсти... Не улыбайтесь такъ недоувѣрчиво... Какъ бы ни лалъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ, извращенъ, вы найдете въ глубинахъ его души какой-нибудь губительный софизмъ, которымъ онъ оправдываетъ предъ самимъ собою свое нравственное паденіе; горе ему если этотъ софизмъ окончательно разрушается предъ сознаніемъ истины... Повѣрьте, графиня, только въ плохихъ романахъ встрѣчаются люди спокойно признающіе себя преступными... Не бойтесь... Я не стану описывать вамъ свои внутреннія страданія, не имѣю и малѣйшаго намѣренія разжалобить васъ. Хочу только сказать вамъ, что я такъ существовать не въ силахъ болѣе... что я долженъ, во что бы то ни стало, чѣмъ-нибудь наполнить свою испорченную жизнь... Любовь?... Вы одна могли бы...

Въ его голосѣ звучала искренность...

— Оставимъ это... перебила графиня. Горькая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Вы правы... между нами вѣдь все кончено... Остается честолюбіе. Въ свѣтѣ честолюбіе является во всѣхъ формахъ, отъ самаго великаго до самаго смѣшнаго... Какъ тутъ каждому не найти что-нибудь подходящее?... Вотъ и я нашелъ. Я хочу быть членомъ палаты. Это меня займетъ, и можетъ-быть дастъ случай сдѣлать что-нибудь хорошее... повторяю графиня, совершеннаго ничего нѣтъ, и даже такому человѣку какъ я можетъ иногда придти желаніе добра. Всѣ обстоятельства сложились благопріятно. Я былъ

уже у цѣли; единственные мои два соперника отказались... Тенари сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, — и вдругъ одинъ изъ нихъ объявляетъ что онъ принимаетъ кандидатуру — и кто же это?... олять и олять все тотъ и тотъ же человѣкъ! Встрѣчаю его не въ моей собственной совѣсти воскресшимъ изъ мертвыхъ, а живымъ и здоровымъ на террасѣ Ливорнской гостиницы. Какая-то таинственная Эгерія вдохновляетъ его и управляетъ рѣшеніями этого Нумы... Я не хочу ничего знать. Я даже не спрашиваю имѣетъ ли волшебное вліяніе этой Эгеріи достаточно божественный характеръ, достойный ея неземнаго происхожденія... Я вамъ только объявляю, графиня, что если она не воспользуется своими инспираціями чтобы столкнуть этого человѣка съ моей дороги, я ни предъ чѣмъ, ни *предъ чѣмъ*, графиня, не останавлиюсь чтобы безъ ея помощи проложить себѣ свободный путь!...

Тенари былъ блѣденъ, губы его слегка дрожали. Свѣтски любезный тонъ рѣчи замѣнился почти грубою рѣзкостью.

— Не знаю, сказала графиня, — должна ли я видѣть въ вашихъ словахъ какую-то чудовищную откровенность, или маску боязни, хитрое стараніе отвратить неудачу, пожалуй опасность... Мнѣ все равно! Вы хотите ослучить, налугать меня ложью и клеветой. Я буду отвѣчать истиной на всѣ ваши туманные намеки, сравненія... Къ чему все это?... Вы напрасно прибѣгнули къ именамъ Эгеріи и Нумы, проще было бы назвать меня и адвоката Романи...

— Боюсь что ваша правдивость не пойдетъ дальше этого имени...

Холодное спокойствіе графини было невыносимо для Тенари, онъ терялъ и послѣднюю сдержанность.

— Вы ошибаетесь, возразила графиня. — Я еще скажу вамъ что адвокат Романи никто иной какъ Герцогъ Денорди, никто иной какъ человѣкъ котораго вы нашли „живымъ въ вашей совѣсти“, повторяю одно изъ вашихъ собственныхъ выраженій, графъ.

— Герцогъ Денорди былъ осужденъ за покушеніе умертвить предательски, изъ-за угла вашего мужа, произнесъ Тенари съ ѣдкою провіей, — а благодѣтельная графиня Тенари послѣдила заняться судьбой преступника, смягчая его страданія въ тюрьмѣ, заботясь о воспитаніи его дочери.

— Долгъ повелѣвалъ мнѣ исправить, насколько это было

въ моихъ силахъ, послѣдствія вашего безчестнаго поступка.

— Графиня!... воскликнулъ Тенари.

— Не возмущайтесь такъ скоро, погодите... Вы можете-быть теперь вспомните *кто* именно васъ ранилъ тогда въ Неаполѣ во время этого „предательскаго ночнаго нападенія“... Вы можете-быть не совсѣмъ забыли что вы написали *секретную* записку къ маркизу Дибари, первому министру короля Фердинанда, гдѣ вы жаловались „что правительство не обращаетъ должнаго вниманія на вашу преданность Бурбонамъ, хотя вы, чтобъ избавить ихъ отъ опаснаго врага, сами нанесли себѣ рану... которая чуть было не сдѣлалась смертельною, и хотя вамъ удалось обвинить герцога Денорди въ уголовномъ преступленіи“... Когда Бурбоны бѣжали, записка эта нашлась въ архивѣ секретной корреспонденціи министерства, теперь она находится въ рукахъ *герцога Денорди*... или *адвоката Романи*, все равно!... графъ, въ подобныхъ случаяхъ никогда не слѣдуетъ писать... прибавила презрительно графиня.

По мѣрѣ того какъ графиня говорила, Тенари становился все блѣднѣе; чувство муки, злобы, бѣшенства, казалось ему, отнимаютъ у него способность произнести хоть единое слово.

— Кому же я обязанъ? сказалъ онъ, наконецъ (онъ даже попробовалъ пронычески улыбнуться). — Нѣжности божественной Эгеріи, или великодушію Нумы, что подобный интересный документъ до сихъ поръ еще не перешелъ отъ тьмы тайны къ свѣту всевѣднія?

— Вы употребили точное выраженіе—да, вы обязаны „великодушію этого человѣка“ что вы до сихъ поръ еще не изобличены публично. Считаая себя умершимъ для свѣта, онъ не рѣшается опозорить васъ потому... потому что я ношу ваше имя.

— Тогда это дѣло остается за вами, графиня... замѣтилъ Тенари, сумѣвъ наконецъ совладать съ собою и придать своимъ словамъ характеръ холодной ироніи? Вѣдь вы несете и покаяніе за мои грѣхи... вы поставили себѣ задачей жизни заглаживать мои преступленія, чего же лучше? Эта секретная записка прелестная находка для вашихъ *высокоидеальныхъ* стремленій—послѣшите вы опубликовать ее...

Циническое слокействіе въ словахъ Тенари произвело на графиню впечатлѣніе непобѣдимаго отвращенія.

— Дѣйствительно, это была бы моя прямая обязанность... сказала она.—Мнѣ не слѣдуетъ терпѣть чтобы честный человекъ оставался подѣ позоромъ такой клеветы...

— Не имѣю претензіи возводить себя въ судьи христіанскихъ подвиговъ, но вы, графиня, не находите ли что желаніе женщины погубить своего мужа ради посторонняго человека, оригинальнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ христіанскихъ добродѣтелей? Не стану утверждать что я примѣрный мужъ, не забываю также что въ настоящую минуту вы являетесь такъ - сказать инкогнито... Для пребыванія въ Ливорно, гдѣ васъ мало знаютъ, оно пожалуй и удобно... но вѣдь собственно вы носите мое имя, графиня... о чемъ вы сами только-что изволили вспомнить... и вашъ отецъ даже никогда иначе не называетъ васъ... Конечно, вездѣ, во всемъ есть закулисная сторона... Адвокатъ Романи, прежде герцогъ Денорди, вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ чарующій юноша что произвелъ на васъ такое неизгладимое впечатлѣніе... Извѣстно какъ свѣтъ золь: когда узнаютъ про этотъ поэтическій эпизодъ изъ вашей жизни, станутъ, пожалуй, иначе смотрѣть на ваши строгія понятія о долгѣ... и на вашъ пріѣздъ въ Ливорно...

— Повторяю, вамъ не удастся налугать меня... Даже еслибъ я не знала что вступая съ вами въ борьбу отъ меня зависить васъ уничтожить...

— Не совѣтую вамъ, графиня, помышлять о „борьбѣ“ со мною. Вспомните лучше что часто самой святой добродѣтели приходится крайне плохо посреди невѣрующаго свѣта... Я виконтъ... я „презрѣнный человекъ“... Но Денорди не можетъ предать меня публичному позору не замаравъ имени своей благодѣтельницы... а вы не можете предъ цѣлымъ свѣтомъ стать на его сторону, не признавъ этимъ въ немъ вашего любовника. Надѣюсь, графиня—прибавилъ Тенари, возвращаясь къ тону свѣтской любезности,—что вы не усомнитесь болѣе въ основательности моего предостереженія...

— Сужденія свѣта... проговорила графиня. Она остановилась. Терраса стала наполняться посѣтителемъ. Вошли Роверо, Джіардини, Романи, Роберти, нѣсколько военныхъ и статскихъ, разговаривая съ оживленіемъ. Показался и Клавезано. Графиня отошла въ сторону. Тенари приблизился къ маркизу.

— А, дорогой маркизъ!... воскликнулъ онъ,—я именно жду васъ...

— Что вамъ угодно, графъ? спросилъ сухо Клавезано.

— Графъ, простите что прерываю... заговорилъ Джіардини, подходя къ Тенари. Онъ былъ весь проникнутъ важностью своей роли,—нѣкоторые лица просить о чести... желаютъ представиться вамъ... и потому...

— Очень радъ, очень радъ... перебилъ безжалостно Тенари заготовленный сличъ.—Сейчасъ буду къ ихъ услугамъ... Но прежде, любезнѣйшій маркизъ, я хочу просить васъ представить меня графинѣ Фортини и адвокату Романи...

— Не знаю, графиня, позволите ли вы?... проговорилъ Клавезано, замѣтно озадаченный выходкой Тенари. Онъ бы много далъ чтобъ избавить графиню отъ этого представленія...

— О да, разумѣется.... отвѣчала спокойно графиня.

— Графъ Антоніо Тенари.... произнесъ Клавезано, обращаясь къ графинѣ и Романи. Всѣ трое раскланялись.

— Теперь позвольте вамъ объяснить, маркизъ, главную причину моей просьбы. Собравшія здѣсь лица выразили желаніе познакомиться со мною. Я хотѣлъ бы чтобъ это сдѣлалось въ присутствіи графини Фортини и адвоката Романи. Они мои соотечественники, долго, какъ и я, жили въ Неаполѣ, имъ легко будетъ контролировать истину моихъ словъ.... Мои слова получаютъ въ настоящую минуту нѣкоторое значеніе, потому что я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ кандидатъ къ своимъ избирателямъ. Да, милостивые государи, послѣ упорнаго отказа моего высочайшаго друга, маркиза Клавезано, я рѣшился „принести жертву увѣщаніямъ моихъ друзей“, вѣдь такъ кажется обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ? спросилъ онъ съ легкою, чрезвычайно пріятною улыбкой—и принять предложенную мнѣ кандидатуру. Сегодня я постараюсь уклониться отъ всякихъ политическихъ вопросовъ.... Прежде всего я хочу чтобы въ краѣ гдѣ меня лично еще не знаютъ, общественное мнѣніе не было обмануто ложными слухами о моемъ прошедшемъ, оно легко можетъ подать къ этому поводъ.... Моя юность была отмѣчена необычайными превратностями судьбы.... во многомъ я былъ самъ тяжело виновенъ, но я также и былъ глубоко несчастенъ....

Послышалось нѣсколько одобрительныхъ возгласовъ. Сам-

латичная наружность, звучный голосъ Тенари, нотка искренности что звучала въ его словахъ, или которую онъ умѣлъ придать имъ, уже брали свое.

— Какой даръ слова!... Сколько чувства, ума.... шелгулъ Джардини какимъ-то двумя военнымъ.

— Изложу только простые факты... продолжалъ Тенари, — комментариіи ваше дѣло. Мои противники скажутъ вамъ: „графъ Тенари поплатился за свои либеральныя идеи заключеніемъ въ тюрьму, а купилъ свободу измѣною своей партіи.... это правда. (Между слушателями произошло маленькое движеніе, нѣкоторые болѣе приблизились къ Тенари; другіе стали перешептываться.) Но къ этому надо прибавить что мнѣ тогда было всего двадцать лѣтъ, что я только-что вышелъ изъ учебнаго заведенія іезуитовъ.... что я впервые столкнулся съ жизнью только-что высвободившись изъ-подъ монашескаго вліянія. При такой подготовкѣ я познакомился съ герцогомъ Денорди, страстнымъ поборникомъ демократическихъ идей; онъ меня очаровалъ, увлекъ... но едва пришелъ я въ прикосновеніе съ его партіей и тотчасъ же подвергся испытанію двойной муки: страданіямъ жестокаго тюремнаго заключенія и тяжкому сомнѣнію въ правотѣ моихъ новыхъ убѣжденій...

— Хорошо, очень хорошо.... слышалось нѣсколько голосовъ.

— Рожденъ быть ораторомъ!... сказалъ довольно громко Роверо.

— Еще два факта, продолжалъ Тенари, — мои открытія скомпрометтировали нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ единомышленниковъ. Герцога Денорди я спасъ. Но онъ не хотѣлъ простить мнѣ. Я нашелъ что онъ правъ и въ первый же день только - что добытой свободы пустилъ себя пулю въ лобъ.... Вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ, еще слѣды опасной раны, прибавилъ онъ, красивымъ движеніемъ руки отбрасывая свои густые волосы назадъ.—Какъ видите, если я остался живъ, это случилось помимо моей воли.... (Хорошо, bravo!!! опять раздалось между слушателями).—Мои противники еще станутъ разказывать вамъ о моихъ стараніяхъ погубить герцога Денорди—и тутъ будетъ правда.

— Слушайте, слушайте!... проговорилъ какой-то господинъ съ рыжею бородою и выпученными глазами, толкнувъ локтемъ своего сосѣда.

— Прошло нѣсколько лѣтъ.... опять началъ Тенари.—Съ мучительною тоской я сталъ сознать свое одиночество.... свое ложное положеніе... Мнѣ казалось что развѣ только въ семейныхъ радостяхъ я могу найти нѣкоторое примиреніе съ жизнью... Я полюбилъ одну молодую дѣвушку; страстно, глубоко... Я женился на ней. Она, со свойственною ей прямою, объявила мнѣ что „повинуется волѣ отца, но любить меня не можетъ, потому что любить другаго“... Правда, одѣлавшись моею женой, она никогда больше не видала его. (При этихъ словахъ рыжая борода насмѣшливо кашлянула.)—Милостивые государи, сказалъ съ достоинствомъ Тенари,—не думайте чтобъ и въ этомъ вопросѣ я принадлежалъ къ большинству (послышался легкій смѣхъ), чтобъ я былъ изъ числа наивныхъ мужей... Я могъ вѣрить своей женѣ. Но это не помѣшало мнѣ возненавидѣть моего соперника, хотя его имя даже мнѣ было еще неизвѣстно. Я долго допытывался... и наконецъ убѣдился что этотъ „другой“ былъ ни кто иной какъ герцогъ Деорди...

Романи вдрогнулъ, его глаза сверкнули радостью, но у него хватило силы не взглянуть въ эту минуту на графиню.

— Мнѣ легко удалось, продолжалъ Тенари,—найти предлогъ чтобы вызвать герцога на дуэль. Онъ отказался отъ поединка.

— Ого!... вотъ какъ!... проговорила рыжая борода.

— Я повторилъ вызовъ, оскорбивъ его публично, но и это ни къ чему не повело, или нѣтъ, виноватъ, повело къ тому что мой противникъ предалъ меня суду...

Тенари остановился, какъ бы избѣгая вдаваться въ дальнѣйшія подробности. Между присутствующими прошелъ ропотъ неодобренія.

— Я долженъ однако замѣтить, господа, произнесъ Тенари съ особенною отчетливостью, — что герцога Деорди ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать трусомъ... (послышался смѣхъ.) Да, я смѣло утверждаю это, прибавилъ Тенари съ силой, — онъ не былъ трусомъ, онъ былъ идеалистомъ, горячимъ апостоломъ на словахъ и на дѣлѣ своихъ принциповъ. Уничтоженіе дуэли находилось въ числѣ его принциповъ, и поэтому онъ имѣлъ мужество не драться. (Опять послышался смѣхъ, еще громче прежняго.) Согласитесь, сказалъ Тенари съ улыбкой,—что для этого необходима извѣстная доля храбрости.—Тенари подождать пока перестали смѣяться. — Меня это, конечно, не могло

удовлетворить, началъ онъ опять, еще съ большимъ одушевленіемъ (эффектъ произведенъ, думалъ онъ),—я сталъ преслѣдовать герцога Деворди всюду, вездѣ, всячески... и наконецъ разъ мнѣ удалось вывести его изъ себя, сдвинуть его хотя на мгновеніе съ твердой почвы его принциповъ. Онъ кинулся на меня... что сдѣлалось потомъ, я не помню, я потерялъ сознаніе, и очнулся только на другой день въ постели, окруженный медиками, опасно раненымъ... Ранилъ ли меня именно герцогъ Деворди?... Не знаю!... Свидѣтели показали на него, судьи подтвердили ихъ показаніе, но я и тогда, несмотря на мою мою ненависть къ нему, склонился ко мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ (между прочимъ и жены моей, всегда уважая безпристрастіе ея сужденій) считавшихъ герцога Деворди неспособнымъ на такое гнусное преступленіе, на убійство изъ-за угла... Это происшествіе и семейное горе отстранили меня отъ свѣта... Я долгіе годы посвятилъ наукѣ, изученію своей страны и переработкѣ самого себя, чтобы когда-нибудь сдѣлаться достойнымъ предложить свою жизнь, очищенную трудомъ и несчастіемъ, на служеніе отечеству!

Продолжительные аллюдиоменты и громкіе возгласы: браво! очень хорошо! превосходно! покрыли послѣднія слова Тенари. Джардини перекачивался какъ шарикъ отъ одной группы къ другой, выражая самымъ краснорѣчивымъ образомъ свои восторженные отзывы о Тенари.

— Если въ мои слова вкралась какая-нибудь неточность, произнесъ еще Тенари, съ подобающею въ эту минуту скромностью, графиня Фортини и адвокатъ Романи (мои соотечественники) могутъ указать на нее... Надѣюсь также, маркизъ, обратился онъ къ Клавезано,—что мнѣ удалось разсѣять ваши предубѣжденія... что и вы теперь не откажете мнѣ въ вашемъ содѣйствіи...

— Мое „содѣйствіе“ сдѣлалось невозможнымъ, графъ, отвѣчалъ съ холодною вѣжливостью Клавезано, потому что нѣсколько минутъ тому назадъ и я объявилъ моимъ избирателямъ что рѣшился принять предложенную мнѣ кандидатуру.

— И вы, маркизъ?!... Превосходно! воскликнулъ Тенари.—Мы вдругъ сдѣлались соперниками!... Онъ громко засмѣялся.—Я зналъ что вы уже не уважаете, и мысленно благода-

риалъ вліятельную фею оумѣвшую удержать васъ, но не знала...

— Я принялъ кандидатуру для того только чтобы закрыть путь другому, перебилъ его Клавезано, пристально глядя на него.

— А!... вотъ оно что!... „чтобы помѣшать другому“... проговорилъ Тенари, повернувъ голову въ сторону гдѣ стоялъ Романи и бросая на него насмѣшливый взглядъ.— Жалѣю, очень жалѣю что я объявилъ свое согласіе... но теперь, любезнѣйшій маркизъ, я не могу ужъ отступиться отъ своего слова... Эти непрестанныя превращенія изъ „да“ въ „нѣтъ“ и наоборотъ доказываютъ несомнѣнно силу внутренней борьбы, и я уважаю это чувство въ другихъ; но подобный образъ дѣйствій слишкомъ противорѣчить моему натурѣ, быть-можетъ черезчуръ искренней и прямой. Итакъ въ здѣшнемъ округѣ вдругъ оказалось три соперника: вы, маркизъ, я и герцогъ Деворди... виноваты!... то есть адвокатъ Романи,—послѣдствіемъ поправилъ себя Тенари.— Это фатальное имя всегда меня преслѣдуетъ,—прибавилъ онъ съ досадой,—и иногда невольно вырывается... Спасибо вамъ, милостивые государи, что вы такъ внимательно и свисходительно выслушали меня... Затѣмъ, до болѣе радостнаго свиданія! Онъ съ достоинствомъ поклонился и ушелъ, перекинувшись еще нѣсколькими словами у дверей съ Роверо и Джіардини.

— Зайдите ко мнѣ, обратилась графиня къ Романи.— Самъ адъ въ союзъ съ этимъ человѣкомъ.

— Сейчасъ буду; хочу только сказать два слова Клавезано.

Графиня вошла къ себѣ. Романи быстрыми шагами приблизился къ маркизу. Онъ былъ замѣтно взволнованъ.

— На кого вы намекали, спросилъ онъ вполголоса, но отчетливо произнося каждое слово,—когда вы оказали что приняли кандидатуру „чтобы закрыть путь другому“?... Я это долженъ знать.

— Вашъ вопросъ слишкомъ походить на требованіе, отвѣчалъ Клавезано сухо. Онъ взялъ газету и сталъ пересматривать ее.

Романи поглядѣлъ на него долго, пристально... Потомъ подошелъ къ периламъ террасы и какъ-то безсознательно сталъ смотрѣть на море. Лицо его казалось еще блѣднѣе обыкновеннаго. Горькая улыбка сжимала губы. Море вол-

новалось. Небо покрывалось тучами, полаяла зима. Волны лижались, росли и съ шумом разбивались одна о другую. Вдали качались парусные корабли, башенные, мадезийские... Къ берегу приближалась лодка; она то исчезала, то снова опять показывалась... Два человека уселись в гребни...

Послѣ ухода Тенари, на террасѣ сформировались еще болѣе тѣсныя и оживленныя группы.

— Не знаю какъ вамъ, господа, прозвонитъ худенькій, дамди, дѣлая при этомъ очень некрасивую гримасу, благодаря неудачно вставленному на глазъ отекающую, — а мнѣ графъ Тенари пришелся по сердцу.

— По крайней мѣрѣ не выставитъ себя идеальнымъ героемъ, и говорить о своемъ прошедшемъ безо всякихъ прикрасъ, замѣтилъ какой-то немолодой и некрасивый толстякъ.

— Но, признаться, проговорилъ рыжая борода съ умышленною гримасой, — его прошлое ужъ что-то чрезвычайно богато разными темными исторіями.

— Ну, господа, ларенбалъ улыбался Ревара, — кто безъ грѣха, тотъ пусть и броситъ въ него первымъ камнемъ... Въ засмѣялись.

— Достоверно то что графъ Тенари тѣмъ разумно-практическаго чина, произнесъ Джардини докторально, сморщивъ при этомъ очень сильно лобъ и брови.

— А что вы, господа, скажете, опять заговорили рыжая борода, — о замеской добродѣтели? оуруги графа Тенари?

— Что касается меня, замѣтилъ засмѣвавшійся полковникъ, хорошенькій офицеръ, — то я вѣрно въ добродѣтели женщинъ только той страны гдѣ я не нахожусь въ гарнизонѣ.

— Графъ говорилъ о своей женѣ съ замѣчательными благодарствомъ... сказалъ некрасивый толстякъ.

— Это образецъ джентльмена! воскликнулъ съ энтузіазмомъ Джардини.

— А какъ вамъ, господа, нравится герцогъ Денорди?... спросила рыжая борода: — Хорошъ... нечего сказать!...

— Помилуйте... возразилъ худенькій дамди съ новою гримасой, — храбрѣйшій господина, изъ храбрости даже драться не захотѣлъ.

— Острота дамди была награждена громкимъ смѣхомъ.

— Графъ Тенари выражался о герцогѣ Денорди съ удивительною сдержанностью... обратился толстякъ къ Джардини.

— Видь я же говорилъ вамъ! Это тиль благороднаго консерватора, и также не изъ тѣхъ жалкихъ людей что говорятъ то „нѣтъ“, то „если“...

— Чтобы подь конецъ сказать „да“... перебилъ Роберо.

— Какъ „добродѣтельными“ женщины тѣхъ мѣютъ пѣть я стою въ гарнизонѣ... сказалъ молоденькій офицеръ.

Опять засмѣялись. Шумъ увеличивался. Романи не слушать. Мучительное чувство овладѣло имъ. Нѣтъ, это невыносимо, подумалъ онъ, я долженъ объясниться съ нимъ, прямо, теперь.... Онъ подошелъ къ Клавезано.

— Послушай, сказалъ онъ, — какая причина твоей внезапной холодности? Отчего мы стали говорить другъ другу „вы“.... скажи мнѣ прямо въ чемъ дѣло....

Клавезано пожалъ ему руку. — Ты правъ, мы должны переговорить.... намъ легче будетъ.

— И онъ не изъ тѣхъ комедіантовъ, опять возвысилъ голосъ Джардини, — которые разыгрываютъ роль искреннихъ друзей своихъ политическихъ противниковъ.

— Точно собака и кошка что кормятся изъ одной тарелочки....

— Вотъ тоже готовится комедія.... сказалъ лживо рыжій господинъ, указывая на Романи и Клавезано.

Роберти сидѣлъ все время у столика и читалъ журналъ. Все происходившее на террасѣ его мало интересовало. Онъ и не подозрѣвалъ что многое тутъ касается людей столь дорогихъ ему. Признаться, сами выборы тоже не имѣли особенной важности для него, и журналъ-то читалъ онъ такъ, не слишкомъ понимая собственно о чемъ рѣчь; его мысли были поглощены другимъ. Однако онъ услышалъ послѣднія слова рыжаго господина, подошелъ къ Романи и отвелъ его въ сторону.

— Одѣлай мнѣ одолженіе, сказалъ онъ, — уйди ты наконецъ отъ этого маркиза.

— Отчего? спросилъ Романи съ удивленіемъ.

— Развѣ ты не видишь какое это неблагоприятное впечатлѣніе производить въ политическомъ мірѣ?...

— Мы поговоримъ объ этомъ когда-нибудь, сказалъ Романи, презрительно улыбувшись.

Говоръ на террасѣ продолжался.

— Однимъ словомъ, господа, покрывалъ голосъ Джардини всѣхъ остальныхъ, — въ итогъ остается несомнѣннымъ что

графъ Тенари типъ человѣка сдержаннаго, практическаго, серьезнаго, осторожнаго!... Онъ долго жияъ во Франціи, основательно изучилъ всю Бельгію, окончилъ свое образованіе въ Германіи, идеи у него часто англійскія, говоритъ онъ какъ истый Американецъ... Онъ долженъ засѣдать въ парламентѣ Италіи.

— Да, это правда! Его слѣдуетъ выбрать!... Разумѣется, послышалось множество восклицаній.

„Эффектъ произведетъ“, могъ бы повторить графъ Тенари, „дѣло выиграно.“

III.

Смѣхъ, шумъ на террасѣ, даже нѣкоторыя фразы ясно доходили до слуха графини. Она въ сильномъ волненіи прохаживалась по комнатѣ. Романи стоялъ облокотившись о ампиръ.

— Вы видѣли, сказалъ онъ, — какое впечатлѣніе графъ Тенари произвелъ на своихъ слушателей? Судите потому какой бы былъ результатъ еслибы вы исполнили ваше назначеніе...

— Я только вижу что виновный торжествуетъ, а пловръ еще тяжелѣе ложится на невиннаго, я только знаю что я могу однимъ словомъ уничтожить эту низкую клевету.... что истина, совѣсть мнѣ это повелѣваютъ, а мнѣ говорить что свѣтъ меня за то жестоко осудить, потому что человѣкъ такъ ужасно пострадавшій, быть-можетъ, мой любовникъ....

— Теперь мучить меня новая тревога... проговорила графиня, послѣ нѣкотораго молчанія, — мой мужъ объявилъ мнѣ безъ всякихъ обиняковъ, что если вы будете „попѣхой къ достиженію цѣлей, онъ ни предъ чѣмъ не остановится“.... Я хотѣла васъ предупредить.... онъ можетъ васъ оскорбить, вызвать васъ на дуэль.... вы знаете, это ему ни по чѣмъ....

— Дуэль эта невозможна, сказалъ Романи хладнокровно.

— Вы не знаете графа Тенари!...

— Сознаюсь, графиня, одиночество въ борьбѣ за идею становится иногда не подъ силу.... Я ужъ не юноша болѣе, я ужъ привыкъ, если не мириться со всѣмъ, то многое переносить. Но и теперь я не поддамся вѣлѣному „обще-

отвѣтному мнѣнію, что каждый, негодяй, выражающій кого-нибудь на дуэль, этимъ оскверняетъ все свои подлости, и вдругъ дѣлается человекомъ достойнымъ уваженія.... тутъ я и теперь еще готовъ идти одинъ противъ всѣхъ.... Если дуэль мыслима, то не иначе какъ при равенствѣ чести, это такъ же необходимо какъ равенство оружія! Съ графомъ Тенари я драться не могу и не стану.

— И вы увѣрены что останетесь непоколебимы?

— Даже еслибъ и мое новое имя подверглось карѣ общественнаго мнѣнія....

Разговоръ былъ прерванъ Элизой. Она вопла замѣтно встревоженная.

— Что съ тобой, мой другъ?... спросила озабоченно графиня.

— Я только-что получила вотъ эту записку... проговорила Элиза, — прѣнтя.... и ты отецъ прочти. Записка была отъ Роберта.

„Графиня не позволила мнѣ еще съ ней говорить“, писалъ онъ, „но она не запретила писать къ ней. Прилагаю при семъ письмо на ея имя. Отъ васъ зависитъ передать ей письмо, или разорвать его. Отъ васъ зависитъ вся моя участь“....

— Ты это письмо не разорвала?... не правда ли?... спросила съ улыбкой графиня.

— Нѣтъ маман.... отвѣчала Элиза, ласкаясь къ ней, — вотъ оно.... Графиня распечатала письмо и прочла его громко. Какъ и письмо къ Элизѣ, оно заключало въ себѣ только нѣсколько строкъ: „Графиня! Имѣю честь просить васъ руки снѣдьбры Элизы“....—Нельзя упрекнуть его въ пристрастіи къ длиннымъ предисловіямъ, замѣтила графиня.—„Можетъ-быть вы найдете что мнѣ сдѣлало бы еще подождать, но эта неизвѣстность выше силъ моихъ. Вы, можетъ-быть, также найдете что еще недостаточно знаете меня, въ такомъ случаѣ я готовъ немедленно доставить самыя точныя свѣдѣнія относительно моего происхожденія, состоянія и всей моей прошлой жизни“....

При послѣднихъ словахъ улыбка исчезла съ лица графини. Она остановилась.

— Да! ему это возможно.... проговорилъ Романи, какъ бы про себя, почти шепотомъ, но Элиза услышала эти слова. Она взглянула на отца. Его лицо выражало страданіе.

— А тебѣ тяжело, невозможно сдѣлать то же самое? спро-

стала Элиза, сдвинувъ бровки и притально глядя на отца.— Да.... разумеется.... предъ моимъ женихомъ всякая тайна немислима.... Но не тревожься.... отъ меня зависѣло передать или уничтожить это письмо, я вамъ его не передавала.... Она взяла у графини письмо и разорвала его.

— Дитя мое, вѣдь ты любишь Роберти! воскликнулъ Романъ. Онъ и страдалъ за Элизу, и любовался ею....

— Въ эту минуту я только одно сознаю: тайна твоей жизни такъ тяжела.... что ты не рѣшаешься открыть ее.... даже цѣною моего счастья.... Отецъ, когда бы ты зналъ что я испытываю при этой мысли.... или когда приходится выслушивать разные намеки.... всѣ эти....

— „Намеки“?... перебила ее графиня,—кто же могъ взять на себя этотъ трудъ?...

— Какъ тебѣ сказать, татап.... никто и многіе.... Въ Неаполѣ мнѣ часто приходилось замѣчать что посторонніе люди при встрѣчѣ съ нами какъ-то странно переглядывались.... начинали перешелтываться.... у меня все духу не хватало говорить съ тобою объ этомъ... Разъ, на гуляньи въ Кастелламаре, близко насъ произнесено было нѣсколько словъ въ полголоса.... слова эти такъ поразили меня что я невольно стала вслушиваться.... „Вы знаете какія отношенія существуютъ между графиней и ея пріемною дочерью?“ спросилъ кто-то. „Говорятъ какія-то страшныя и не совсѣмъ понятныя“... отозвался другой—„О, напротивъ, очень понятныя“.... опять заговорилъ все тотъ же злобный голосъ—„отецъ этой молодой дѣвушки убилъ или хотѣлъ убить мужа красивой графини“.—„На дуэли?“—„Нѣтъ, изъ за угла“.... Я тебѣ ничего, татап, не сказала.... все это тогда меня сильно взволновало.... точно также какъ и васъ обоихъ въ эту минуту,—прибавила Элиза, взглянувъ на графиню и отца.—Но потомъ изгладилось изъ моей памяти какъ тяжелый сонъ.... какъ нѣчто невозможное!... Теперь же, вдругъ, я все вспомнила.... и я.... разорвала письмо Роберти.... Элиза залилась слезами.

— Элиза, другъ мой, воскликнула графиня,—причина всей этой „тайны“ не въ сознаниі какой-либо вины, а въ чрезвычайномъ великодушіи твоего отца....

Элиза поджала головку; слезы текли еще по щекамъ, но все личико свѣтилось радостью.

— Отецъ, прости.... прости меня!... проговорила она, обвиваясь руками около его шеи.

— Я тебѣ все разкажу, другъ мой, сказалъ Романи,—ты поймешь меня.... ты все узнаешь....

— Не телерь, отецъ!... въ эту минуту ничего не хочу слышать.... говорила Элиза, горячо цѣлуя руки отца,—ничего не хочу знать.... я только хочу молиться.... и благодарить Господа!...

На другое утро Романи рано вышелъ на террасу. Онъ началъ было работать, писать, но не могъ продолжать; взялъ книгу, но ему не читалось. Самые разнородныя мысли и чувства волновали его.... Видъ моря всегда успокаивалъ его точно присутствіе друга.... Долго онъ глядѣлъ въ эту безконечную синюю даль.... Мѣрный плескъ волнъ какъ бы убаюкивалъ его усталую душу.. Онъ былъ прерванъ въ своихъ мысляхъ Роберти.

— Есть какія-нибудь новости?... спросилъ Романи.

— О да.... отвѣчалъ Роберти.—Я послѣдилъ къ тебѣ. Сраженіе началось, всѣ журналы заговорили сегодня разомъ. но разумѣется не въ унисонъ....

— Я еще не читалъ. Всѣхъ, конечно, братья....

— Безпощадно! Тебя, графа Тенари, маркиза Клавезано и въ то же время всѣхъ трехъ восхваляютъ до небесъ.... каждый изъ васъ „можетъ послужить примѣромъ гордой независимости, благородства, высокой чести“.... и каждый изъ васъ „проданъ министерству, извѣстенъ своими темными продѣлками, интригами“—смотря по журналу. Невообразимая путаница мнѣній, сужденій, предсказаній. однимъ словомъ: избирательная борьба.... Твоя статья въ *Pensiero* произвела фуроръ. Графъ Тенари взбѣшенъ, его друзья взбѣшены.... Взбѣшены и друзья Клавезано, потому что въ *Corriere* его строго упрекаютъ въ двуличности относительно тебя.... Статейка очень остроумна, подписана какимъ-то *Иксъ*.

— Усердные друзья послѣдили съ этою статейкой къ маркизу?

— О, разумѣется! И сумѣли навести его на мысль что этотъ *Иксъ* твой пріятель и сотрудникъ *Pensiero*.

— Милое подозрѣніе!....

— Но за то въ *La Fede* немилосердно достается тебѣ.... даже утверждается что ты скрываешь свое настоящее имя!... Слушай какъ оканчивается статья—я нарочно захватилъ номеръ.

Роберти начал громко читать: „Мы можем подтвердить наши слова свидетельствомъ лучшаго друга адвоката Романи... Маркизь К. спрошенный по этому поводу отвѣчалъ: Адвокатъ Романи никогда не говорилъ мнѣ о своемъ прошедшемъ, а я никогда не сталъ бы его спрашивать объ этомъ... Отвѣтъ въ высшей степени уклончивый, чтобы не сказать больше...“

— Дѣйствительно... замѣтилъ Романи,—особенно когда онъ переданъ въ журналъ издаваемомъ бывшимъ секретаремъ маркиза...

— Еслибы ты слышалъ что здѣсь происходитъ внизу! Какіе толки, сплетни, какая непослѣдовательность сужденій... Сколько лжи и клеветы!.. И все это не какой-нибудь простой народъ, а джентльмены изящно одѣтые, въ безукоризненныхъ перчаткахъ... Люди образованные!.. Нѣтъ, не по мнѣ политическая карьера!.. Послѣшу назадъ въ свои казармы... Я умѣю сражаться за отечество прямо и честно, со штыками и при лучечной пальбѣ, а не въ избирательной борьбѣ—это не по мнѣ!

— Чудакъ ты право! сказалъ улыбувшись Романи.—Раздорившія сильнѣйшія страсти въ ходу, а ты хотѣлъ бы чтобы дѣло происходило съ аркадскимъ баагодушіемъ... Да разсуди самъ, развѣ мы съ тобою многимъ лучше всѣхъ этихъ господъ?

— Ну хоть бы въ настоящую минуту, скажи, на кого мы были похожи?... Ты возмущался что поусердствовали тотчасъ же сообщить статью гна Икса маркизу Клавезано, а я что маркизь могъ заподозрить меня въ сообщничествѣ съ этимъ господиномъ Иксомъ, и тутъ же ты послѣшилъ прочесть мнѣ вслухъ статью *La Fede*, а я приписать ее вѣянію маркиза...

— Въ твоихъ словахъ какъ будто есть доля истины.... сказалъ Роберти, засмѣявшись, — однако тебя можно было бы опровергнуть.... прибавилъ онъ серьезно.—Въ другой разъ оно бы мнѣ пожалуй и удалось, но сегодня я такъ поглощенъ одною мыслью.... Признаюсь тебѣ чистосердечно, и выборы, и ихъ результатъ, и всѣ политическіе вопросы кажутся мнѣ такимъ ничтожествомъ.... для меня гораздо важнѣе узнать было ли одно письмо, что я написалъ, передано по адресу, или уничтожено.... Роберти хотѣлъ продолжать, но терраса стала опять наполняться. Къ Романи подошли разные лица.

— Это будетъ кажется что-то въ родѣ вчерашняго митинга.... проговорилъ Роберти.

Вопелъ Клавезано, отглянувшись и прямо подошелъ къ Романи.

— Если порядочные люди, сказалъ онъ,—хотятъ остаться друзьями, несмотря на всякіе пересказы, сплетни,... то они прежде всего должны прямо объясниться....

— Или скорѣе, перебилъ Романи,—отнестись съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всѣмъ возможнымъ слетнямъ и пересказамъ....

— Подобный совѣтъ не мѣшало бы дать нѣкому господину Иксу, автору статьи *Corriere*.... замѣтилъ съ насмѣшливою улыбкой Роверо.

— Или редактору *La Fede*, проговорилъ Роберти.

— Просту васъ, господа, произнесъ Клавезано — онъ замѣтно старался не горячиться,—предоставить намъ самимъ требовать другъ у друга отчета въ нашихъ собственныхъ лобужденіяхъ и поступкахъ, а не въ дѣйствіяхъ разныхъ X, Z, и т. д.

— Ты мнѣ сказалъ что отклоняешь кандидатуру, обратился къ нему Романи.

— Я былъ совершенно искрененъ — одно обстоятельство заставило меня измѣнить намѣреніе.

— Желаніе „заградить путь другому“.... опять вставилъ свое слово Роверо.

— Пожалуста, господа.... сказалъ Романи, невольно возвышая голосъ,—позвольте намъ объясниться безо всякаго посторонняго вмѣшательства!... Не въ принятіи кандидатуры тутъ дѣло, продолжалъ Романи обращаясь къ Клавезано, и сохраняя тотъ же діалогъ,—а въ признаніи что ты этимъ только хочешь „помѣшать другому“.... причемъ графъ Тенари жестомъ прямо указалъ на меня, и произнесъ фразу....

— Я не могу отвѣчать за „жесты“ и „фразы“ другихъ! перебилъ запальчиво Клавезано.—Развѣ я подтвердилъ ихъ? Или уполномочивалъ его къ тому?

— Это недостаточно! Надобно было имѣть мужество указать на ложность этой инсинуаціи! Молчаніе было тутъ уже виной!...

— Спрошу тебя, имѣлъ ли ты достаточно мужества прямо высказаться когда я намедни при тебѣ заговорилъ про кангу о дуэли и про ея автора герцога Денорди?... Какъ ты назовешь твое тутъ „молчаніе“?...

— А если такъ, проговорилъ Романи, сдерживаясь, — то лучше довольно! Ни слова больше... Дружба безъ довѣрія невозможна.

— Ты ~~сдерживаешь~~ довѣріе съ легковѣріемъ...

Романи отошелъ, свѣзъ у одного изъ столиковъ и сталъ пересматривать газету.

Публика на террасѣ увеличивалась. Среди оживленныхъ группъ часто омышались имена Клавезано и Романи. Ихъ крупный разговоръ комментировался на всевозможные лады. Явился Джіардини, ему тотчасъ ообщили о спорѣ „двухъ заковычныхъ друзей“. Но Джіардини и не дослушалъ коротенько интересной новости. Онъ былъ видимо занятъ чѣмъ-то особенно важнымъ.

— Адвокатъ Романи тутъ, на террасѣ? спросилъ онъ, такъ, ради большого эффекта, потому что будучи въ дверяхъ еще онъ замѣтилъ у столика Романи. Не дождавшись отвѣта, онъ направилъ шаги свои по направленію гдѣ сидѣлъ Романи.

— Позвольте мнѣ, милостивый государь, представиться вамъ, началъ Джіардини съ торжественностью, передавая Романи свою визитную карточку. — Надѣюсь что вы позволите мнѣ теперь же переговорить съ вами.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Мое порученіе къ вамъ весьма тяжелое. Но вы знаете, дружба и честь тождественны съ самоотверженіемъ, и обязываютъ иногда къ услугамъ самаго непріятнаго свойства...

— Въ чемъ дѣло?

— Мой высокопочитаемый другъ, графъ Антоніо Тенари, прочелъ статью появившуюся сегодня на столбцахъ *Репюбле*, и поручилъ мнѣ спросить васъ, какъ редактора названнаго журнала, принимаете ли вы на себя отвѣтственность за появленіе названной статьи?

— Я самъ ее написалъ.

— Такая благородная искренность съ вашей стороны меня и мало не удивляетъ, сказалъ Джіардини, поклонившись съ достоинствомъ, — но въ такомъ случаѣ я принужденъ, къ своему крайнему сожалѣнію, предвидя возможность горестнѣйшихъ послѣдствій, я принужденъ именемъ моего высокопочитаемаго друга, требовать отъ васъ удовлетворенія... Онъ уполномочилъ меня спросить васъ о выборѣ вашихъ секундантовъ.

— Я драться не стану.

— Вы отказываетесь?

— Рѣшительно.

— Но позвольте-съ, это однако... это невозможно...

Джіардини совершенно растерялся. Подготовленные, так ловко составленные слухи начали улетучиваться, мысли положительно не клеились, да и кто могъ ожидать подобной выходки? Какъ тутъ быть готовымъ къ возраженію?.. наконецъ ему удалось составить фразу.

— Но позвольте однако узнать, на чемъ вы основываете подобный отказъ?..

— На томъ, во первыхъ, что графъ Тенари не имѣетъ основанія требовать отъ меня удовлетворенія. Въ своей статьѣ я обсуждалъ его какъ политическаго дѣятеля, а не какъ частнаго человѣка, и воспользовался только правами даннымъ каждому публицисту. Я понимаю, прибавилъ съ силой Романи,—что можно жертвовать своею жизнью, но не для того, конечно, чтобы потворствовать деспотизму забіякъ и дуэлистовъ по ремеслу... Больше мнѣ ничего не остается сказать вамъ. Если вамъ угодно еще въ чемъ-либо объясниться, вы можете обратиться къ моему другу капитану Роберти. Романи вѣжливо поклонился и подошелъ къ Роберти, поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, онъ опять принялся за прежнюю газету и незаметнымъ образомъ для самого себя дѣйствительно углубился въ чтеніе.

Джіардини оставовился на мѣстѣ окончательно ошеломленный. Что дѣлать?... Что графу сказать?... Какъ онъ это приметъ?.. Пожалуй скажетъ: „Ну Джіардини, ты плохъ...“ Кто же могъ ожидать?!.. Подобныя отрывочныя мысли вертѣлись у него въ головѣ, но онъ точно онемѣлъ—и одного слова не находилъ.

— Ну что? спросилъ Роверо, приблизившись къ нему—Джіардини только махнулъ рукой.—Какой же результатъ?.. Вы понимаете, это весьма важно для всей нашей партіи...

— Да что тутъ толковать... „какой результатъ“!.. произнесъ наконецъ Джіардини съ мелодраматическимъ выраженіемъ,—признаетъ себя авторомъ статьи, но отказывается отъ дуэли.

— Отказывается отъ дуэли?! воскликнулъ довольно громко Роверо.

— Что такое?.. какъ вы сказали?.. слышалось нѣсколько голосовъ. Джіардини и Роверо обступили.

— Отказываюсь от поединка, объявилъ Роверо.

— Что такое? графъ Тенари не хочет драться? спросилъ кто-то.

— Да нѣтъ же, возразилъ Роверо съ неудовольствіемъ, у него всегда во время выборовъ разливалась желчь, и нервы страшно разотраивались.—Тенари вызвалъ Романи на дуэль, за его статью въ *Pensiero*. Романи не отказывается отъ статьи, но отъ поединка, молвилъ Роверо съ сильнымъ удареніемъ на каждомъ словѣ.

— Соглашается извиниться?! спросилъ какой-то господинъ съ крючковатымъ носомъ и вылученными глазами.

— Вѣроятно.

— А Тенари молодецъ, право! замѣтилъ вчерашній худой дяди.—Но крайней мѣрѣ не позволяетъ шутить съ собою.

— Но Романи хорошъ, нечего сказать! проговорилъ оказавшійся тутъ же избиратель съ рыжею бородой. Экая подлость, прибавилъ онъ съ унывающими пренебреженіемъ.

— Какъ же вы намѣрены поступить? обратился Роверо къ Джіардини.

— Да развѣ теперь же переговорить съ Роберта? спросилъ какъ-то нервно Джіардини. Онъ былъ сильно обескураженъ.

— Да, лучше всего будетъ, отвѣчалъ Роверо.

Джіардини вынулъ тонкій бѣлый платокъ, вытеръ себѣ лобъ, поправилъ рѣденькіе волосы, и сталъ подходить къ Роберта.

— Вы кажется уполномочены, началъ онъ, еще не совсемъ приближившись къ нему,—окончательно разъяснить вопросъ возбужденный графомъ Тенари, по случаю сегоднешней статьи... сегоднешней статьи, которая... (чортъ знаетъ что такое, подумалъ Джіардини, не клеится у меня сегодня!) Неужели вашъ другъ упорствуетъ въ своемъ отказѣ драться? вдругъ кончилъ онъ, какъ-то неожиданно для самого себя.

— Положительно, отвѣчалъ Роберти.

— Но вѣдь это невысказано! Развѣ вы не находите что... что...

— Я тутъ лично ничего не могу находить, сказалъ Роберти. (Джіардини опять вытеръ себѣ лобъ платкомъ.)—Адвокатъ Романи отрицаетъ всякое основаніе къ сдѣланному вызову.

— Взгляды на оскорбленіе чести бываютъ, конечно, различны.

— Дѣйствительно, графъ Тенари, напримеръ, считаетъ себя вынужденнымъ драться изъ-за статьи гдѣ только осуждаются, и то съ большою сдержанностью, его способности какъ политическаго дѣятеля, но не думаетъ нарушить миролюбія относительно редактора *Corriere*, гдѣ весьма непочтительно ему достается какъ частному человеку.

— Какое сравненіе! воскликнулъ Джіардини. — *Corriere*. Стоитъ ли волноваться изъ-за журнала который насчитываетъ не болѣе какихъ-нибудь пятидесяти подписчиковъ!

— Я не зналъ, сказалъ улыбувшійся Роберти, — что вопросы объ „оскорбленіи чести“ измѣряются числомъ подписчиковъ.

— Но согласитесь однако, проговорилъ Джіардини сконфузившійся (отыратительный день выдался сегодня! подумалъ онъ), — вѣдь свободенъ же наконецъ графъ Тенари рѣшить съ кѣмъ онъ желаетъ драться!

— О конечно... хотя бы выборъ этотъ обуславливался единственно числомъ подписчиковъ того или другаго журнала... Но согласитесь также что одному драться невозможно, развѣ последовать примѣру Донъ-Кихота блаженной памяти, и выбрать такихъ же противниковъ какъ онъ.... Какъ ни желаетъ графъ Тенари чтобы этотъ поединокъ состоялся, его желаніе не можетъ исполниться, по той простой причинѣ что адвокатъ Романи рѣшительно не принимаетъ его вызова, что я и уведомленъ передать вамъ, прибавилъ Роберти съ вѣжливымъ поклономъ.

— Вы понимаете что я положительно ничего не умѣю придумать...

— Совершенно понимаю... возразилъ Роберти съ тою же вѣжливостью.

— Мнѣ необходимо переговорить съ нашимъ высокопочтеннымъ другомъ, графомъ Тенари... Я буду имѣть честь сообщать вамъ лично его мнѣнія, предположенія... его рѣшеніе... а пока позвольте распрощаться...

Джіардини раскланялся, и даже постарался любезно улыбнуться, но вышла очень некрасивая гримаса. У выхода онъ наткнулся на Роверо.

— Ну что? Когда дерутся? спросилъ Роверо.

— Какое тамъ!... отвѣчалъ Джіардини съ отчаяннымъ жестомъ, — кажется дуэли вовсе не бывають!

— Чего же вы-то смотрѣли, а?... Вы знаете какъ это под-

вало бы графа Тенари, какъ это важно для нашей партіи... Роверо злобно улыбнулся и подвелъ плечами.

— Хотѣлъ бы я васъ, докторъ, видѣть на моемъ мѣстѣ! воскликнулъ съ чувствомъ обиженного самолюбія Джіардини.—Такъ и предчувствовалъ что еще на меня свалить всю вину.... да что!... Онъ махнулъ рукой, выражая этимъ что онъ съ покорностью подчиняется несправедливости судьбы.—Вѣдь ужъ кажется не могу пожаловаться на недостатокъ красноречія.... ничто не помогло!... Бѣгу къ моему высокопочитаемому другу....

— Пойдемъ.... сказалъ послѣднее Роверо, — графъ ждетъ мизу.

Группы на террасѣ не расходились. Все какъ будто чего-то ждало. Нѣкоторые перешептывались, насмѣшливо поглядывая на Романи.

— Позоръ, да и только, проговорилъ худенькій данди.

— И туда же лѣзетъ въ депутаты! Хорошъ!.. замѣтилъ рыжій господинъ.

— Господа! Графъ Тенари идетъ сюда! воскликнулъ хоромскій офицерикъ, взглянувъ на дверь.

— А я чуть-было ужъ не ушелъ.... оказалъ данди, — вотъ бы оплошалъ!..

Все взоры обратились ко входной двери. Тенари былъ очень блѣденъ. Онъ вошелъ куря папироску. Шлапа была на немъ чуть-чуть набокъ. За нимъ садовали Джіардини, Роверо и вѣселою челоюкъ статекныхъ и военныхъ. Тенари остановился шагахъ въ двухъ отъ Романи. Романи не переставалъ читать.

— Вамъ угодно будетъ, началъ Тенари съ ироніей и надменностью, — мнѣ лично подтвердить то что мнѣ только-что было передано отъ вашего имени?

— А что вамъ было передано? спросилъ спокойно Романи.

— Что вы объявили себя авторомъ статьи въ *Pensiero*....

— Да, я написалъ ее.

— И что вы отказываетесь дать мнѣ требуемое мною удовлетвореніе?

— Да, дѣйствительно.

— По причинѣ?...

— По той причинѣ что я не признаю за вами права требовать отъ меня какого бы то ни было удовлетворенія.

— А!.. вотъ что!... Такъ вы изволите находить что эта статья написана въ мою пользу?...

— Ни мало. Но въ ней только разбираются ваши политическія способности.

— А если я этого не хочу допустить? воскликнул Тенари. Онъ начиналъ терять и наружное спокойствіе.

— Это не отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ все съ тѣмъ же спокойствіемъ Романи.

— Если мнѣ ваша статья не нравится... понимаете ли?... не нравится... повторилъ Тенари, возвысивъ голосъ.

— Это, конечно, ваше дѣло, возразилъ Романи, пожимая плечами.—Противъ этого я ничего не могу сказать.

— Берегитесь, милостивый государь! воскликнулъ еще громче Тенари.—Уже разъ... много лѣтъ тому назадъ... я наткнулся на удобную теорію что слѣдуетъ „избѣгать дуэли“ во что бы то ни стало... какими бы то ни было путями... Такимъ забавнымъ утопистомъ былъ тогда герцогъ Денорди, теперь я встрѣчаю подобнаго же утописта въ адвокатѣ Романи... По милости этой милой утопіи какой-то дьявольскій элементъ опуталъ мое существованіе,—довольно!.. Ручаюсь вамъ что я, наконецъ, сломаю, уличаю эту дьявольщину, и на этотъ разъ не подчинюсь никакимъ нелѣпымъ теоріямъ!.. Вы должны понять что если человѣкъ не дорожитъ своею жизнью болѣе чѣмъ потухшею палпирской... прибавилъ Тенари, бросая палпирскую,—для него это не будетъ трудно!

— Любопытно, графъ, оказалъ Романи,—какъ вы приметесь за дѣло, потому что, могу васъ увѣрить, я съ вами драться не стану.

Бѣшенство захватило у Тенари дыханіе. Между присутствующими раздался, какъ и наканунѣ, ролетъ неодобренія.

— Господа! произнесъ твердо Романи.—Эти изъясненія неодобренія не измѣнять моихъ убѣжденій и не событь меня съ толку. Пора покончить, наконецъ, съ подобною суетею, и не воображать что каждый человѣкъ уважающій свою жизнь меньше выкуреной палпирской, можетъ-быть потому что не дорожитъ ни своимъ будущимъ, ни своимъ прошлымъ,—въ правѣ прибѣгать къ нетрудному героизму дуэлей... для того ли чтобъ избавиться отъ постыдной жизни, или чтобъ эффектною выходкой занять, заглушить общественное мнѣніе и спастись отъ приговора правдиваго суда!

— Вы забываете предъ кѣмъ вы! воскликнулъ въ себя Тенари.

— Напротивъ, это-то я превосходно и помню... и еще скажу вамъ одно: если ваша жизнь вамъ въ тягость, совѣтую вамъ прискаты мѣстечко въ морѣ, гдѣ можно съ вѣрностью утопиться, или найдите какую-нибудь высокую башню, откуда можно удобно броситься... Если же моя жизнь вамъ мѣшаетъ, то не убивайте меня на поединкѣ какъ ловкій дуэлистъ, рыцарски замахиваясь шлагой, а ужъ потрудитесь подкараулить меня ночью, гдѣ-нибудь изъ-за угла... постарайтесь кинуться на меня невзначай, съ тайно спря-таннымъ кинжаломъ, и совершить убійство какъ опытный убійца... а потомъ отправляйтесь хвастать вашими подви-гами въ обществѣ разбойниковъ и каторжниковъ, но не въ средѣ порядочныхъ людей.

— Не стану унижаться до дальнѣйшихъ объясненій съ вами... проговорилъ Тенари, задыхаясь отъ бѣшенства.—Но любопытно, не измѣните ли вы вашей теоріи, превратившись изъ обидчика въ обиженного... Онъ сдернулъ перчатку и съ поднятою рукою кинулся впередъ. Роверо быстрымъ движеніемъ загородилъ ему дорогу и съ силой удержалъ его.

— Я долженъ предупредить васъ, сказалъ Романи,—что дѣйствительно и для подобныхъ случаевъ у меня есть теорія...

— А!.. Вотъ какъ... перебилъ Тенари.—Ну, послушаемъ... послушаемъ!.. Онъ громко захохоталъ.—Господа, какъ вы думаете? Это будетъ нѣчто чрезвычайно интересное... прибавилъ онъ, обращаясь къ постороннимъ лицамъ, столпившимся въ одну большую группу, и продолжалъ хохотать.

— Какъ для кого... проговорилъ Романи.—Я того мнѣнія что человѣкъ котораго я такъ глубоко презираю какъ васъ, ничѣмъ меня не можетъ оскорбить.

— Вы осмѣливаетесь!.. Тенари вырвался изъ рукъ Роверо, но его обступили со всѣхъ сторонъ и разлучили съ Романи. Роберти быстрыми шагами приблизился къ Романи. Поднялся страшный шумъ, говоръ, ропотъ, слоры. Большая группа раздѣлилась на двѣ части, точно два лагеря. Нѣкоторые приблизились къ Романи...

— Графъ! Ни слова больше! обратился Роверо къ Тенари.—Теперь это *наше* дѣло, въ васъ обижена цѣлая партія!

— Милостивый государь! произнесъ торжественно Джардини, выступивъ на середину террасы и обращаясь къ Романи.—Мы всѣ... всѣ здѣсь присутствующіе объявляемъ

вамъ что вы не въ правѣ далѣе отказывать моему высокопочитаемому другу графу Тенари въ требуемомъ имъ удовлетвореніи! Общественное мнѣніе, милостивый государь, это... это...

У Джіардини опять рѣчь не клеилась, что впрочемъ легко объяснилось—онъ находился въ крайнемъ разстройствѣ.

— Общественное мнѣніе, это *власть* которой *должно* покориться!.. окончилъ Роверо недосказанную фразу бѣднаго Джіардини. Онъ также былъ очень взволнованъ. Лицо казалось желтѣе обыкновеннаго. Губы немного дрожали.

— Власть должна быть основана на истинѣ и справедливости, сказалъ съ силой Романи,—иначе она не что иное какъ грубое насилие... Если дуэль пока еще признается „единственнымъ средствомъ для разрѣшенія извѣстныхъ столкновений“, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ понять наконецъ хоть то, что „удовлетворенія чести“ въ правѣ требовать только тотъ въ комъ честь есть. Этого права я не признаю за графомъ Тенари!

— Милостивый государь! раздался голосъ Джіардини, покрывая опять поднявшійся шумъ, — вы вашими словами оскорбляете цѣлую партію. Мой высокопочитаемый другъ не только графъ Тенари, онъ мы, мы онъ!.. Требуемое имъ удовлетвореніе должно быть оказано партіи, которой онъ служить представителемъ!

— Пусть же эта партія найдетъ болѣе достойнаго представителя, и тогда...

— Господа! произнесъ громко Клавеzano, вставая и бросая газету на столъ. Онъ все время, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все происходившее.—Господа... повторилъ онъ,—я предлагаю вамъ себя.

— Bravo!.. хорошо!.. очень хорошо!.. раздалось нѣсколько голосовъ.

— Я къ вашимъ услугамъ... проговорилъ Романи, бросая долгій взглядъ на Клавеzano. Опять послышались возгласы одобренія.

— Вы признаете во мнѣ человека достойнаго уваженія... сказалъ Клавеzano, приближаясь къ Романи, — имѣющаго право словомъ и кровью постоять за интересы и честь своей партіи...

— Да, отвѣчалъ Романи.

— Остается узнать, возможно ли признать подобное же право за вами!

— Маркизь!.. Вы уже болѣе года называете себя моимъ другомъ!..

— Въ настоящую минуту я не знаю кто этотъ человѣкъ которому я болѣе года дружески жму руку...

„Я точно радъ... думалъ Клавезано,—да, радъ что могу говорить такъ съ нимъ... а вѣдь я его любилъ, любилъ искренно... что стало между нами?.. сомнѣнiе, недовѣрiе... только?.. или еще другое... женщина?..“

— Неужели я слышу тебя?!.. васъ, маркизь... воскликнул Романи съ невольнымъ горестнымъ упрекомъ.

— Романи?.. проговорилъ маркизь,—я этого имени болѣе не знаю!..

— Романи, это имя, сказалъ съ силой Роберти,—которое произносится съ уваженiемъ всѣми воинами нашей армii и имя это по приказанiю Виктора-Эммануила вырѣзано на золотой медали за заслуги и храбрость!

Между присутствующими произошло замѣтное движенiе.

— Господа! произнесъ Клавезано,—мы всегда должны, не правда ли? принимать свидѣтельство нашего короля, и всегда преклоняться предъ заслугами сражавшихся за него и наше отечество.—Громкiе аплодисменты покрыли слова маркиза. — Буду ждать вашихъ секундантовъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Романи, и вѣжливо поклонившись, возвратился къ своему столу съ газетами.

Романи молча пожалъ руку Роберти, поклонился маркизу и вошелъ въ свою комнату. Послѣ его ухода шумъ, говоръ, споры на террасѣ еще усилились. Тенари сидѣвшiй все время вдали, окруженный густою толлою, ничего не говорилъ, и какъ будто ничего не видѣлъ, не слышалъ что происходило, что говорилось вокругъ него. Облокотясь на столъ и склонивъ голову на руку, онъ не трогался, какъ-то странно, бессмысленно глядя все время внизъ, на кончики своихъ красивыхъ салоговъ. Вдругъ онъ всталъ, немного потянувшись, окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и подошелъ къ Роберти. Его лицо приняло свое обыкновенное, надмѣнно-насмѣшливое выраженiе.

— Вы кажется имѣете честь быть другомъ адвоката Романи? спросилъ онъ сквозь зубы.

— Да, дѣйствительно, я имѣю эту „честь“... отвѣчалъ серьезно Роберти.

— Мнѣ желательно было бы удостовѣриться, раздѣляете

ли и вы удобныя теоріи вашего друга о дуэли... и такой ли и вы какъ онъ трусь?...

— Милостивый государь! воскликнулъ Роберти побѣднѣвъ.

— А!.. вы выходите изъ себя.. проговорилъ Тенари, громко разсмѣявшись,—очень пріятно... очень пріятно, прибавилъ онъ, не переставая хохотать,—что вы хотя не обманули моихъ надеждъ...

— Вамъ хочется драться?

— Непремѣнно. А вы только - что догадались?... хочу драться теперь же, съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы съ вами!... прибавилъ онъ, дѣлая презрительный жестъ рукой.

— Я согласенъ... извольте!

— А, наконецъ... не всегда же въ жизни бывать неудачамъ, замѣтилъ Тенари, опять захохотавъ.—Мой милѣйшій Орестъ! Ты какъ тутъ очутился?... обратился онъ ласково ко вбѣжавшей собакѣ. Орестъ съ бѣшеною радостью кидался на своего господина, но подымаясь на заднія лапы, опускалъ свою длинную морду и пряталъ ее на его груди, точно просилъ извиненія за свое самовольное появленіе. Тенари ласкалъ и гладилъ собаку.

— Ты хорошій, славный пёсъ, это давно между нами рѣшенное дѣло... говорилъ онъ. На лицѣ его появилась пріятливая, дѣтски-веселая улыбка....

VI.

Ужъ далеко было за полночь, а бѣдный Піетро и думать еще не могъ о снѣ. Одни не уходили, другіе приходили, въ нѣкоторыхъ нумерахъ еще не ложились, въ другихъ уже вставали... Піетро вышелъ на террасу—надобно все въ порядокъ привести, къ утру приготовить... да и свѣжимъ воздухомъ подышать не мѣшаетъ... вѣдь цѣлый день кутерьма, суматоха... что они только тутъ сегодня шумѣли, кричали—уласи Господи!... За Піетро слѣдовалъ на подмогу подкельнеръ Луиджи. Главная разница между нимъ и Піетро была въ томъ что только глядя спереди на него, можно было думать что онъ во фракѣ, а сзади хвостовъ не было—это была только куртка, да лицо немного помоложе, и услужливость нѣсколько суетливѣе — впрочемъ, тѣ же красивыя черты лица, черные волосы, веселая улыбка.

— Ишь порядокъ какой надѣлали!... заговорилъ съ не-удовольствіемъ Піетро,—стулья хорошо разставлены!... а газеты, книги!... Собери, Луиджи, и положи какъ слѣдуетъ все на свое мѣсто. Ну ужъ денекъ выдался! Пару можно держать что ни въ одной гостиницѣ въ Ливорно того не дѣлается! Вчера, сегодня.... вѣдь народу сколько набралось!... и каждому еще отвѣчай.... говори....

— Да за то и гостиница наша вѣдь первая, значитъ главные господа и останавливаются у насъ.... замѣтилъ Луиджи.

— Это такъ.... конечно....

— Находится при такой гостиницѣ что-нибудь да значить! продолжалъ съ гордостью Луиджи, ободренный словами Піетро.

— Это совершенно вѣрно!... возразилъ Піетро, немного развеселившись благодаря удачному замѣчанію Луиджи,—да жизнь-то каторжная, право!... Ну хоть бы сегодня.... всю ночь какъ есть на ногахъ: то ужинать лосать театра подавай, то поѣздъ изъ Флоренціи.... вотъ еще какъ нарочно сегодня балъ тутъ напротивъ у князя Колонны; такъ погоди, еще съ бала притащутся сюда; кофе подавай, сигары... да еще эти выборы проклятые, хоть бы они кончились поскорѣе.... Дуэль затѣяли тоже.... не въ моготу становиться!... Удивляюсь я право всѣмъ этимъ господамъ!... прибавилъ Піетро, зѣвая во всю глотку.—Будь я какимъ-нибудь графомъ, или маркизомъ, то кажется бы и не вставалъ съ постели, все спалъ бы, спалъ, да спалъ... а они всю ночь не ложатся.

Разсужденія Піетро были прерваны приходомъ Роберти, худенькаго данди, хорошенькаго офицера и еще двухъ-трехъ военныхъ.

— Видишь?... олять народъ лѣзетъ сюда.... проговорилъ, уже mezza voce, Піетро,—экое наказаніе!

— Адвокатъ Романи у себя? спросилъ его Роберти.

— Точно такъ-съ.... еще не изволили ложиться.... отвѣчалъ Піетро съ неминуемою улыбкой, разомъ замѣнявшею недovolное выраженіе.

— Что жъ, господа, спросилъ Роберти,—нашли вы хорошее мѣсто?

— Превосходное.... тутъ не далеко, у взморья.... Романи и Клавезано также тамъ близко будутъ драться.... отвѣчала перебивая другъ-друга данди и офицеры. Они оба

видимо были въ восторгѣ, особенно данди, что выбраны въ секунданты и принимаютъ участіе въ этомъ событіи.

— Значить все устроено и готово, проговорилъ Роберти.

— Не могу не предупредить васъ, произнесъ басомъ вѣтѣвшійся тутъ офицеръ съ длиннѣйшими усами и воинственнымъ видомъ, — вы будете драться съ какимъ-то бѣшеннымъ дуэлистомъ.... за ужиномъ онъ уже успѣлъ изъ пустяковъ подготовить еще двѣ дуэли....

— Можетъ-быть мнѣ удастся помѣшать этому.... отвѣчалъ засмѣявшись Роберти. — Теперь только половина четвертаго, прибавилъ онъ, — еще время, пойдемъ въ кафе покурить. Онъ зажегъ палироску и вышелъ.

— Скажу вамъ, господа, замѣтилъ хорошенькій офицерикъ, слѣдуя съ другими за Роберти, — этотъ Тенари мнѣ чрезвычайно нравится — молодецъ! Вы видѣли его теперь въ столовой? Какъ онъ мило шутилъ....

— Я больше всего удивляюсь его умѣнью пить, возразилъ не безъ нѣкоторой зависти офицеръ съ длинными усами, — всю ночь лилъ какъ истый Англичанинъ, и ничего!...

Тенари бесѣдовалъ въ столовой съ хорошенькою танцовщицей, пріѣхавшею съ ночнымъ повѣдомъ изъ Флоренціи.

Онъ шутилъ и смѣялся съ большимъ оживленіемъ.

— За ваше здоровье, прелестная Терпсихора, сказалъ онъ, наливая себѣ бокалъ шампанскаго и выливая его залпомъ. — Къ сожалѣнію я долженъ оставить васъ.... важныя дѣла принуждаютъ меня разстаться съ вами. — Танцовщица разсмѣялась. — Вы не вѣрите?... Вотъ спросите Джіардини. Получилъ письма, телеграммы?... обратился онъ къ нему.

Джіардини сидѣлъ за столомъ противъ Тенари, и употреблялъ большія усилія чтобы не заснуть. Но какъ онъ ни старался таращить глаза, они дѣлались все меньше и меньше, а голова выдѣлывала престранныя и совершенно невольныя движенія то внизъ, то въ бокъ.

— Да ты кажется ужъ совсѣмъ спишь? А?... Джіардини! крикнулъ Тенари засмѣявшись.

— Чтò?... Чтò такое?... Нѣтъ, какъ можно, заговорилъ послѣднимъ Джіардини, вскакивая съ мѣста.

— Письма есть?

— Получены.

— Ну пойдемъ, надобно прочесть, времени остается немного.... Пойдемъ на террасу, въ комнатахъ задохнуться

можно.... Тенари всталъ и направился къ террасѣ. По его походкѣ рѣшительно не было замѣтно что онъ „всю ночь былъ какъ истый Англичанинъ“, только его щеки, обыкновенно блѣдныя, сильно разгорѣлись. Въ дверяхъ онъ остановился и повернулся. — Прощайте, очаровательная Сильфида!... сказалъ онъ, посылая поцѣлуй.

Уже начинало свѣтать. Тенари взглянулъ на море, открытое утреннею мглой, взглянулъ на еще свѣтло-голубое небо. Его черты приняли серьезное выраженіе. Немного махнулъ глазами смотрѣли мягко, кротко, губы слегка шевелились—ужь не молился ли онъ?

Прошло нѣсколько минутъ, пробило четыре часа.

— А! ужь скоро пора.... проговорилъ Тенари. Прежняя улыбка, полунасмѣшливая, полумадменная, опять заиграла на его лицѣ.

— Знаешь ли что такое дуэль? обратился онъ къ Джіардини садясь на диванъ.—Девяносто девять разъ на сто это трагикомедія, при которой главною публикой непремѣнно какая-нибудь женщина, видимая или невидимая...

— Тогда сегодняшній поединокъ между Романи и маркизомъ приходится на цифру сто... Джіардини зѣвнулъ.

— Это, пожалуй, потому что нашею публикой будутъ двѣ женщины, а не одна.—Слѣдовало бы предвидѣть что сегодня можетъ быть дуэль, сказалъ съ укоромъ Тенари, видя что Джіардини опять зѣваетъ, — и вчера еще хорошенько выспаться... Какія получены письма?

— Телеграмма и письмо.

— Прочтите, голубчикъ, оно вамъ можетъ-быть и сонъ немного разгонитъ...

— Телеграмма изъ Рима: „Пріѣзжайте безъ отлагательства, вы принуждены объявить себя несостоятельнымъ. Адвокатъ Дженари.“

— Вотъ оно что!.. проговорилъ Тенари.—Я думалъ протянуть еще мѣсяцевъ пять-шесть... Письмо!

— Изъ Флоренціи, отъ вашего управляющаго, сказалъ Джіардини, распечатавъ письмо. „Ваше сіятельство!“ началъ онъ немного возвысивъ голосъ, „Слѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что синьора Фофо, продавъ всю свою мебель, фортепіано, картины, лошадей, серебро и т. д. (и даже прелестную коляску, купленную вашимъ сіятельствомъ для нея на прошлой недѣлѣ...) исчезла въ эту ночь изъ Фло-

ренція, вмѣстѣ съ кассиромъ дома Шилоки; въ кассѣ дома Шилоки не досчитываютъ болѣе ста шестидесяти тысячъ франковъ.“

— Молодецъ!.. воскликнулъ Тенари.—Ну да впрочемъ это меня не слишкомъ удивляетъ; вѣдь я же ему и доставлялъ это мѣсто, а ужъ я больно несчастливъ въ выборѣ своихъ протеже... Но Фофо!... Никакъ не ожидалъ отъ нея подобной выходки!... Смотрѣла такую герцогиней, и вдругъ!... Хотѣ бы врозь уѣхала, а то съ подамымъ воронкомъ, а все еще толковала о хорошемъ обществѣ... Ужъ не время ли?... прибавилъ онъ, вынимая часы и слегка зѣвнувъ.—Нѣтъ, далеко еще нѣтъ... Любопытно знать, прострѣла ли я этого красиваго капитанчика, или самъ отправлюсь къ праотцамъ?...

Послышался шорохъ шелкового платья. Тенари повернулся и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя графиню. Онъ послѣдно всталъ. Какая еще красавица!... подумалъ онъ.

— Графъ, мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами... сказала графиня, видимо встревоженная.

— Я къ вашимъ услугамъ, графиня... возразилъ съ почтительнымъ поклономъ Тенари. — Джіардини! вы можете пойти пока въ мою комнату и кстати немного выслаяться.

Джіардини раскланялся и послѣдшилъ исполнить совѣтъ своего высокопочитаемаго друга.

„Какъ не удивляться, не завидовать этому человѣку?... думалъ онъ, съ наслажденіемъ разваливаясь на удобной кровати — все ему дается!... И красивыя женщины къ нему льнуть... и спать ему никогда не хочется...“

Солнце начинало всходить. Небо и спокойное, точно не движущееся море были залиты розово-золотистымъ сіяніемъ. Все было тихо.

— Антоніо... проговорила графиня.

— Вы удостоиваете называть меня по имени?

— Антоніо... Я хочу удостовѣриться, правда ли, что въ вашей душѣ не совсѣмъ еще потухло чувство добра...

— Потому что?

— Вамъ удалось довести до лоединка двухъ искреннихъ друзей, двухъ людей высокой честности...

— Вы развѣ намерены не слышали, перебилъ Тенари,—что именно только такіе-то два человѣка „самой высокой честности“ и имѣютъ право другъ друга проколоть?

— Вы вызвали Роберти на дуэль безо всякой причины, безо всякаго основанія...

— Да я его собственно вовсе не вызывалъ, онъ тутъ какъ-то подвернулся... Что еще, графиня?...

— Вы знаете кто эта молодая дѣвушка что со мною... она любить Роберти... онъ проситъ ея руки... я его предложенія не приняла еще, потому что не рѣшалась... не могла еще ему все сказать... Благодаря вамъ, тяжкая тайна тяготѣетъ надъ жизнью Элизы; благодаря вамъ она уже въ дѣтствѣ была разлучена съ отцомъ, потеряла мать, имя... И вамъ всего этого какъ будто еще мало!... Теперь вы сумѣли подвергнуть опасности жизнь ея отца, и готовитесь убить человѣка котораго она любитъ....

— Внимайте не меня, а благодѣянія Эгеріи и великодушіе Нумы...

— Боже мой! и вы въ состояніи еще шутить?!

— Мнѣ очень весело...

— Я вамъ не вѣрю, вы могли найти ваше веселье развѣ только въ винѣ, вы слишкомъ несчастны...

— О, „слишкомъ“... этого я не скажу... немножко... да, пожалуй...

— Еслибы вы хотѣли повѣрить моимъ словамъ, совѣтамъ, просьбамъ, спокойствію... счастье было бы еще возможно...

— Вы крайне добры, графиня... перебилъ Тенари съ язвительною ироніей.—Я угадываю при какихъ условіяхъ вы предлагаете мнѣ „счастье“... Я вамъ донельзя благодаренъ,—прибавилъ онъ съ поклономъ,—за намѣреніе посредствомъ вашихъ душевнѣйшихъ рѣчей направить такого лавшаго человѣка какъ я на путь истины и благодати... Но я этой чести не стою. Хотите слышать всю правду?—опять началъ Тенари, переходя постепенно отъ насмѣшки и ироніи до ожесточенія и отчаянія.—Въ винѣ истина!... хотя не полное веселье, какъ вы справедливо изволили замѣтить... Я не пьянъ, вы видите, но я пилъ, я много пилъ... въ винѣ истина... Я усталъ! Мнѣ не подъ силу становится вѣчно, всюду наталкиваться на упрекъ моего прошлаго... Хочу упрочить свое положеніе въ свѣтѣ, хочу создать себѣ серьезную, благородную дѣятельность — неудача! Хочу найти кого-нибудь кто потрудился бы отправить меня на тотъ свѣтъ—и тутъ неудача! отказъ, униженіе! Вѣдь это смѣшно! прибавилъ онъ, громко захохотавъ.—Смѣшно, графиня,

не правда ли?... Что жъ вы не смѣтаетесь?... Да что!... развѣ вы, съ вашею чистою добродѣтелью, съ вашею прозрачною душою можете постигнуть что происходитъ во мнѣ!... Всѣ ваши слезы, горестные возгласы, нравственныя страданія ничто, слышите ли?... ничто, слышите ли? ничто въ сравненіи съ одною крошечною морщинкой на моемъ лбу, когда между шуточкой, карточнымъ столомъ и желаніемъ зѣвнуть, меня иногда вдругъ охватываетъ чувство стыда, раскаянія... Раскаянія?... Я произнесъ это слово?... Графиня, я пошутилъ... Нѣтъ! чортъ возьми, я сказалъ правду. Да, раскаяніе... Не ради всего дурнаго что я совершилъ въ жизни... знаю, многое было дурно, гадко, подло... много вреда я сдѣлалъ другимъ... но вѣдь по вашему же „кающіеся грѣшники“ прощаются... Нѣтъ, не то!... Меня адски мучитъ раскаяніе что я погубилъ себя!... что я испортилъ, залащаль свою жизнь!... Это не эгоизмъ только... мнѣ жалко себя... потому что сознаю что во мнѣ есть хорошее... и сознаю что я погибшій человѣкъ!... Я все потерялъ — я потерялъ васъ... проговорилъ Тенари съ невольною нѣжностью.—О, теперь я къ вамъ совершенно равнодушенъ, прибавилъ онъ послѣднѣе, разомъ измѣняя тонъ, — свою любовь я теперь отдаю разнымъ сивѣйорамъ Фофо... что обворовываютъ меня, исчезаютъ вмѣстѣ съ кассирами-мошенниками... Но когда-то, Клара, я васъ любилъ...—его голосъ опять зазвучалъ тепло и задумчиво.—И какъ подумаешь что, напри- мѣръ, теперь... въ настоящую минуту... Посмотрите, уже почти день... я могъ бы находиться въ Неаполѣ, въ моемъ великолѣпномъ палаццо... я былъ бы уже вставши, работалъ бы въ своемъ кабинетѣ... и мнѣ стоило бы только тихонько, осторожно открыть дверь чтобъ увидѣть васъ тутъ, около меня—еще безмятежно спящею... прекрасною, моею!... Знаете ли что со мной дѣлается когда приходятъ эти мысли?... Я начинаю плакать, плакать какъ ребенокъ!... Какъ я плакалъ тогда въ двадцать лѣтъ, прибавилъ онъ, вдругъ опять возвращаясь къ рѣзкому, ѣдкому тону,—очутившись въ низкой, душной тюрьмѣ, и, чтобы выйти оттуда, сдѣлался шпіономъ... (Онъ бросился на стулъ, закрывъ лицо руками.) Графиня... проговорилъ онъ,—вы пожалуй думаете что я и теперь плачу?... Вздоръ!... Я смѣюсь...

Чувство жалости, глубокой, томительной охватило графиню. „Боже мой!... думала она, еслибы возможно было ему

помочь, его спасти..." Она приблизилась къ мужу и положила руку на его плечо.

— Антонио... не стыдитесь ваших слезъ... сказала она мягко, ея голосъ точно ласкалъ,—удержите это мгновеніе... Бываетъ мужество выше готовности изъ-за всякихъ лустяковъ рисковать жизнью... Разкажите все маркизу Клавезано прямо, искренно... Теперь времени терять нельзя... Объяснитесь съ Роберти. Оба они, повѣрьте, тогда съ уваженіемъ станутъ относиться къ вамъ. Всѣмъ вамъ грозитъ несчастье, смерть... Въ вашихъ рукахъ все устранить, умиротворить... Антонио... повѣрьте словамъ моимъ!... Потому разстаньтесь съ вашею недостойною жизнью, и тогда... тогда вы можете призвать къ себѣ вашу жену...

— Графиня!... Клара!... воскликнулъ Тенари.

Его лицо точно преобразилось.

— Вы знаете, продолжала графиня,—исполненіе долга для меня выше всего... Можетъ-быть мое уваженіе, моя дружба будутъ вамъ поддержкой... Другое чувство не зависитъ отъ васъ... Я никогда не могла бы любить человека котораго не уважаю... но если...

Она остановилась.

— Сперва уваженіе, потомъ дружба... проговорилъ какъ бы про себя Тенари, сжимая руку графини,—потомъ... потомъ въ дальнемъ будущемъ можетъ-быть любовь... Клара, Клара! ты не отнимаешь руки... Клара, еслибы ради чувства долга ты попробовала измѣнить этотъ порядокъ... и начать съ конца...

— О, это невозможно!... сказала графиня, быстро освобождая руку.

Эти слова были сказаны, рука была отнята необдуманно, революционно, точно инстинктивно...

Тенари всталъ. Его черты опять приняли холодно-надменное выраженіе.

— Простите, графиня... произнесъ онъ почтительно,—я ошибся. Прошу васъ забыть мои слова. Поговоримъ о другомъ... Да! вотъ что: если меня убьютъ, это собственно выйдетъ кстати, а то скоро увидать какъ я въ потертомъ сюртукѣ, въ лошошенной измятой шляпѣ буду направлять шаги свои изъ дешевенькаго кафе въ свою квартиру, гдѣ-нибудь въ шестомъ этажѣ на чердакѣ... и станутъ показывать: „Посмотрите, посмотрите! до чего дошелъ графъ Антонио Тенари!..."

— Что вы хотите сказать? Что все это значить?...

— У меня ничего больше нѣтъ. Послѣзавтра я буду объявленъ несостоятельнымъ.

— Несостоятельнымъ?! Но отчего же мнѣ объ этомъ до сихъ поръ ни слова?! воскликнула графиня.—Ваша жена никогда не допуститъ чтобы вы были доведены до подобной крайности.... Я довольно богата чтобы...

— Я не зналъ что вы до такой степени презираете меня, графиня... перебилъ ее Тенари съ холодною гордостью.—Вы считаете меня слособнымъ принять отъ васъ милостыню?... Или пожалуй думаете что я допущу чтобы мое исправленіе было куплено и заплачено этою милостыней моей жены?... Тогда ужъ право лучше убить этого Роберти, прибавилъ онъ засмѣявшись.—Согласитесь сами, графиня, это будетъ по крайней мѣрѣ менѣе постыдно!...

— Выслушайте меня!... прошу васъ!...

Графиня остановилась: она увидѣла въ дверяхъ Элизу. Графиня бросилась къ ней.

— Элиза, другъ мой! почему ты встала и вышла сюда?... Теперь такъ прохладно!... говорила она.

Ея голосъ прерывался. Она не была въ состояніи скрыть волненія.

— Скажи мнѣ... ради Бога скажи!... что здѣсь происходитъ?... спросила Элиза,—отчего ты такъ взволнована?... отчего ты до сихъ поръ и не думаешь ложиться?...

— Мнѣ что-то не спится.... я вышла полюбоваться моремъ.... и потомъ....

— Ты не умѣешь говорить неправду!... перебила ее Элиза.—Я вижу, ты обманываешь меня.... предо мною что-то скрываютъ, я ужъ это замѣчала цѣлый день—скрываютъ что-то ужасное.... А это кто?... спросила она, замѣтивъ Тенари,—я его кажется ужъ видѣла.... Кто это?

— Это.... графъ Тенари....

— Онъ насъ знаетъ?... Почему онъ такъ странно смотритъ на меня?... Ты не отвѣчаешь?... Элиза пристально посмотрѣла на Тенари, ихъ взгляды встрѣтились, ея большіе глаза сверкнули рѣшимостью, она приблизилась къ Тенари.—Извините.... сказала она,—что обращаюсь къ вамъ.... говорю съ вами.... но я должна знать.... скажите.... Я васъ не знаю, отчего же вы смотрите на меня съ участіемъ.... Да!.... съ состраданіемъ....

— Это весьма естественно; вы такъ замѣтно взволнованы....

— Вы знаете все! воскликнула Элиза.—Да.... я увѣрена!.... Скажите мнѣ.... ради самого Создателя, говорите что вы знаете?!

— Я только знаю, сеньора, и могу васъ увѣрить, что *съ моей стороны* вамъ нечего бояться. Тенары поклонился Элизѣ и графинѣ и вошелъ въ свою комнату.

„Что онъ хотѣлъ сказать?... думала графиня, глядя вслѣдъ мужу,—да, онъ способенъ и на хорошее.... можетъ-быть онъ пощадить его, Элизу.“

Элиза нѣсколько секундъ стояла неподвижно.

— Я угадываю!.... воскликнула она вдругъ. Она хватилась за спинку креселъ, у нея подкосились ноги. Но это было только одно мгновеніе.—Я должна видѣть моего отца, сейчасъ, теперь, сказала она твердо.

— Теперь?... но помилуй....

— Да, тап-тап....

Прежде чѣмъ графиня, могла опомниться, удержать ее, она уже перебѣжала террасу и исчезла. Легкими, быстрыми шагами она шла по длинному корридору.... Дверь въ комнату Романи была отворена. Онъ хотѣлъ ужъ выйти, и только еще залечатывалъ лапоть съ бумагами.

— Это ты, моя Элиза?... сказалъ онъ. — Я шелъ къ тебѣ. Хотѣлъ просить графиню разбудить тебя, хочу съ тобой поговорить—теперь время.

Элиза взяла его за обѣ руки.

— Отецъ.... проговорила она,—ты идешь на дуэль!

— Да, отвѣчалъ спокойно Романи.—Съ маркизомъ Клавезано, чрезъ полчаса.

— О Господи!.... воскликнула Элиза, съ рыданіемъ.

— Вчера ты мнѣ сказала что жизнь научила тебя съ твердостью переносить испытанія судьбы. Я повѣрилъ, Элиза, твоимъ словамъ.

— Да, ты правъ.... сказала Элиза, подымая голову и стараясь удержать рыданія.

— Вотъ такъ, мой другъ, моя Элиза, моя славная дѣвочка. Теперь мы можемъ говорить спокойно.

— Да.... отецъ.... Элиза послѣдно вытерала слезы, а онъ непослушныя текли ручьями по ея блѣдному личику.

. — Можетъ-быть я скоро, чрезъ какой-нибудь часъ времени, вернусь къ тебѣ.... Но можетъ-быть и нѣтъ.... Это тебѣ принадлежитъ.—Онъ передалъ ей запечатанный лакей.— Если мнѣ суждено будетъ тебя болѣе не увидѣть, ты эти бумаги, прочитайъ ихъ, передашь маркизу Клавезано.

— Хорошо.

— Ты найдешь тутъ мою исповѣдь. Ты узнаешь что адвокатъ Романи, мой лучший другъ, умеръ на моихъ рукахъ въ Бразиліи.... мое настоящее имя герцога Денорди. Ты узнаешь что ты въ правѣ сказать человѣку котораго любишь что гордишься быть моею дочерью—называйся я адвокатомъ Романи, или герцогомъ Денорди....

— Отецъ.... я не хочу больше обманывать тебя.... себя.... воскликнула Элиза съ неудержимымъ отчаяніемъ и опять громко зарыдавъ.—Нѣтъ во мнѣ силы, твердости—неправда!.... Я слабая дѣвушка.... твое бѣдное, измученное дитя.... Не иди на эту дуэль, не отнимай у меня отца, вѣдь я только-что нашла, увидала тебя.... послѣ долгой тоски ожиданія....

— Элиза, успокойся.... ради Бога!

— Не лущу я тебя!... О, еслибы ты шелъ сражаться за отечество, противъ непріятеля, я молчала бы и только бы плакала да молилась.... Но дуэль!... Намедни ты самъ говорилъ что это подъ именемъ суда чести заранее подготовленное убійство.... развѣ не говорилъ самъ?!... Нѣтъ, я не допущу чтобы ты шелъ на смерть!... Элиза обвила отца руками такъ крѣпко, точно у нея дѣйствительно хватило бы силъ не пустить его....

— Элиза, дитя мое, выслушай меня. Когда-то я проповѣдывалъ уничтоженіе дуэли, я стоялъ за эту идею громко, смѣло, неустанно.... Явился случай примѣнить ее къ жизни. Одинъ человѣкъ изъ высшаго круга былъ моимъ врагомъ и долгое время всячески преслѣдовалъ меня. Я отвѣчалъ однимъ презрѣніемъ. Но разъ, въ публичномъ собраніи, онъ приблизился ко мнѣ и ударилъ меня въ лицо.... Ты возмущена?... Я подалъ на него жалобу въ трибуналъ. Человѣку какъ я больше конечно нужно было храбрости чтобы отказаться отъ дуэли нежели чтобы драться.... Но сила предрасудковъ такъ велика, что видишь!.. и ты сама даже, и даже въ эту минуту не можешь уйти отъ внутреннего, невольнаго порицанія этого поступка.... Началось

дѣло. Судъ призналъ моего противника виновнымъ. Но когда онъ вышелъ изъ залы засѣданія, собравшаяся у входа толпа слѣлала ему восторженную овацію, меня готовы были закидать грязью, и я думаю прокуроръ и мой собственный адвокатъ болѣе всѣхъ другихъ желали опикать меня.... Мой противникъ не удовольствовался этимъ, онъ продолжалъ преслѣдовать меня насмѣшкой, клеветой, бранью... и выждавъ удобный случай, вторично поднялъ на меня руку. На этотъ разъ я не совладалъ съ собою... я бросился на него.... Когда насъ разлучили, я увидѣлъ моего врага раненымъ. На меня пало подозрѣніе въ покушеніи на гнусное убійство....

— Но вѣдь это была неправда?!

— Въ этихъ бумагахъ ты найдешь доказательство что тогда... не я равилъ этого человѣка....

— И ты не оправдалъ себя?!

— Мое оправданіе покрыло бы позоромъ не только моего противника, но также имя твоей второй матери... Онъ ея мужъ.

— О, Господи!...

— Прошли годы. Я сталъ себя спрашивать, слѣдуетъ ли какъ злодѣя что кидаетъ камнемъ въ своего ближняго, подвергать карѣ закона и порядочнаго человѣка бросающаго перчатку въ лицо своему врагу?... Всегда ли законъ можетъ разрѣшить всѣ вопросы?... И также неотразимо какъ онъ защищаетъ жизнь, собственность, можетъ защитить оскорбленнаго въ чувствѣ его чести?... Теперь я еще спрашиваю тебя, Элиза, что выбрать?... Говори, я слушаюсь тебя.

— Иди на дуэль....

— Ты меня не обманула... сказалъ Романи, горячо прижимая Элизу къ груди,—ты умѣешь быть сильною и твердою. Мнѣ пора... прощай дитя мое....

— Прощай отецъ, да хранить тебя Господь!

Романи еще разъ обнялъ дочь, еще разъ поцѣловалъ. Элиза упала на колѣна, закрыла лицо руками и залилась гучими слезами. Она удерживала громкія рыданія, боясь чтобъ отецъ не услыхалъ въ корридорѣ ея голоса.

V.

Комната Клавезано была смежная съ комнатою Романи. Уличнаго шума еще не было, и Клавезано слышалъ весь разговоръ между Романи и Элизой. „Эта дуэль невозможна теперь... положительно невозможна!.. повторялъ онъ мысленно чуть ли не въ сотый разъ. Я поступилъ необдуманно... неблагородно... какъ мальчишка!.. Я не былъ искрененъ самъ съ собою... Сомнѣніе на его счетъ не было тутъ главнымъ... другое чувство... студенческое воспоминаніе...“ подтрунивалъ онъ съ озлобленіемъ надъ собою.—„Какъ все это пристало серьезному человѣку, такъ называютъ меня... и изъ-за женщины которая никогда не думала обо мнѣ, никогда не станетъ думать... Завтра же выйду изъ Ливорно и покончу съ этимъ нелѣпымъ ребячествомъ.... А эта дуэль, ея не будетъ. Я могъ его подозревать, этого чистѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка, моего друга....

— Эчеленца, перебилъ Піетро тревожныя размышленія Клавезано, постучавъ и отворивъ дверь,—карета готова.

— Адвокатъ Романи еще у себя? спросилъ маркизъ.

— Нѣтъ-съ, только-что изволили выйти на террасу.

Клавезано съ лихорадочною послѣдностью пробѣжалъ корридоръ. На террасѣ никого кромѣ Романи не было.

— Другъ мой, проговорилъ не смѣло Клавезано, приблизившись къ нему.

— А, это вы, маркизъ, сказалъ Романи, поворачиваясь.

— Другъ мой, я не могу, не стану драться съ тобою...

— Вамъ кажется угодно шутить, маркизъ? спросилъ Романи съ холодною улыбкой.

— Я былъ теперь тутъ у себя; твои слова долетали до меня, невольно я все слышалъ. Дуэль эта для меня теперь немислима!

— Вы становитесь на ложную точку зрѣнія, маркизъ. Тутъ вопросъ не въ личной враждѣ или пріязни. Въ настоящую минуту мы оба представители двухъ партій и не имѣемъ права дѣйствовать руководствуясь только нашими личными побужденіями. Я не могу отказаться отъ дуэли, если вы публично не извинитесь предо мною. Ваше дѣло знать можете ли вы? и позволять ли вамъ на это рѣшиться. Затѣмъ до скоро о свиданья, маркизъ!

Романи вѣжливо поклонился и послѣдовалъ на встрѣчу входящему Роберти.

— Я тебя давно жду, сказалъ Романи.—Я до сихъ поръ еще не знаю на какихъ условіяхъ ваша дуэль.

— Разстояніе на десять шаговъ, каждому дается три выстрѣла, а потомъ предоставляется еще право прибѣгнуть къ шлагамъ. Этотъ графъ Тенари какой-то сумашедшій, прибавилъ Роберти тономъ критика, точно рѣчь шла о совершенно постороннемъ ему дѣлѣ.—Да впрочемъ и я-те самъ немогимъ благоразуміе, а секунданты наши также повидимому не въ своемъ умѣ...

— Бѣдная Элиза! невольно вырвалось у Романи.

— „Бѣдная Элиза!“... Ты произнесъ ея имя, воскликнулъ Роберти.

— Я ее лучшій другъ, ты это скоро узнаешь...

— И ты думаешь что она меня любитъ? Романи молча пожалъ ему руку.

— Тогда тебѣ нечего бояться за меня, ея любовь меня охранитъ!

Роберти горячо обнялъ Романи.

— Теперь прощай, сказалъ онъ,—или лучше до свиданья, мнѣ еще вужно зайти на минутку къ себѣ...

Его голосъ слегка задрожалъ.

— До свиданья!... еще разъ повторилъ онъ уже въ дверяхъ.

Клавезано между тѣмъ съ большимъ оживленіемъ говорилъ съ Роверо. Докторъ Роверо уже явился чтобы въ качествѣ одного изъ секундантовъ маркиза провожать его.

— Помилуйте, маркизъ, какъ это можно! воскликнулъ онъ съ желчною горячностью, выслушавъ маркиза.—Теперь какія-нибудь десять минутъ предъ назначеннымъ часомъ... когда...

— Переговорите, прошу васъ, вы не можете отказать мнѣ, перебилъ его маркизъ.

— Но вѣдь это напрасно будетъ, увѣрялъ Роверо съ улыбкой, которая должна была быть свѣтски-вѣжливой, но вышла чрезвычайно кислой.

— Не теряйте времени, прошу васъ, настаивалъ маркизъ.— Мнѣ сказали что многіе послѣ бала у князя Колонны собрались тутъ въ кафе и рѣшились здѣсь дожидаться исхода дуэлей. Вы можете переговорить...

Роверо пожалъ плечами, но все-таки отправился исполнить порученіе маркиза.

„Каждая минута тянется такъ долго, думалъ Клавеzano, а съ другой стороны я бы хотѣлъ каждую минуту удерживать... ихъ остается немного!...“

Роверо не заставлялъ себя долго ждать. Онъ вскорѣ явился въ сопровожденіи Джіардини и еще нѣсколькихъ господъ во фракахъ и въ мундирахъ. Джіардини лоснявшю своими мелкими шагами опередилъ другихъ и остановился предъ маркизомъ.

— Маркизь, началъ онъ, тотчасъ же возвысивъ голосъ (предстоящій слухъ совершенно разогналъ ему сонъ),— маркизь, мой товарищъ и другъ, кавалеръ и докторъ Роверо передалъ намъ ваше намѣреніе. Мы всѣ крайне поражены, несказанно поражены!... Маркизь! Отступленіе иногда можетъ быть достохвальнымъ дѣломъ, но въ настоящемъ случаѣ оно было бы нашимъ пораженіемъ, униженіемъ цѣлой партіи!

— Это всеобщее мнѣніе, маркизь, сказалъ Роверо,—мнѣніе всѣхъ здѣсь присутствующихъ, какъ и тѣхъ что остались ввизу...

— Дуэль необходима!... Положительно необходима, раздалось нѣсколько голосовъ.

— Хорошо, господа, сказалъ Клавеzano,—да будетъ воля ваша. Вы кажется всѣ противники деслотизма?.. Я тотчасъ буду къ вашимъ услугамъ. Докторъ, обратился онъ къ Роверо,—черезъ пять минутъ я буду ждать васъ ввизу.

Въ дверяхъ маркизь чуть не былъ сшибенъ съ ногъ господиномъ съ длинными растрепанными волосами и съ большою, густою бородой, вбѣжавшимъ на террасу съ сильно озабоченнымъ видомъ. Это былъ одинъ изъ сотрудниковъ *Pensiero* и одинъ изъ секундантовъ Романи.

— Время ѣхать, проговорилъ онъ, остановившись около Романи.—Надѣюсь что все это одни ложные слухи и толки? прибавилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Чтѣ такое? спросилъ Романи.

— Что будто бы произошло примиреніе...

— О, я могу совершенно успокоить васъ, отвѣчалъ съ насмѣшливою улыбкой Романи.—Дуэль непременно будетъ; не позже какъ черезъ нѣсколько минутъ я отправляюсь съ вами на условленное мѣсто.

На террасу вошло еще нѣсколько человѣкъ.

— Неужели это правда?! спросил вчерашний толстый господинъ,—дурал не будетъ?

— Вотъ потѣха, отовзался избиратель съ рыжею бородой (при всѣхъ подобныхъ сходкахъ онъ всегда былъ тутъ налицо),—столько разговоровъ, шума изъ ничего! Предъ самою дузавою на полотный дворъ....

— А!... одивъ уже отправляется, замѣтилъ толстакъ, видимо успокоившись.

Темари прошелъ чрезъ террасу, за нимъ Джіардини съ ащикомъ пистолетовъ въ рукахъ. Тотчасъ же вслѣдъ за Темари и Джіардини прощали, громко и весело разговаривая Роберти, худенькій данди и офицеръ съ длинными усами.

— А вотъ и другой, продолжалъ толстый баринъ, глядя свой выбритый подбородокъ,—эти-то по крайней мѣрѣ на вѣрное дерутся.

Дверь въ комнаты графини отворилась; на порогѣ показалась Элиза, за нею графиня.

— Элиза! прошу тебя, не ходи туда, говорила графиня стараясь удержать Элизу.

— Оставь, маман, я хочу видѣть сама...

— Вы слышали на какихъ условіяхъ дерутся графъ Темари и Роберти?.. долетѣлъ чей-то голосъ до Элизы.—Три выстрѣла, потомъ плаги...

— Боже милосердый! воскликнула Элиза.

— А!.. видите, все это была одна выдумка, опять заговорилъ толстый господинъ,—и эта дузавъ состоится, прибавилъ онъ съ явнымъ удовольствіемъ; вотъ и Романи отправляется.... Романи взявъ шляпу и сдѣлавъ знакъ давнему волосому сотруднику *Pensiero*, послѣшнѣ вышелъ...

— До свиданья, господа! крикнулъ сотрудникъ, прерывая къ своему крайнему сожалѣнію какой-то остроумный анекдотъ, и суетливо отправляясь вслѣдъ за Романи.

Увидѣвъ отца, Элиза кинулась впередъ.

— Оба!... и онъ.... и отецъ... проговорила она.

Графиня уже была около нея.

— Элиза, другъ мой, говорила она въ испугѣ, глядя на помертвѣвшее лицо Элизы и сжимая ея похолодѣвшія руки.

— Ничего, маман, пройдетъ, не бойся.... сердце схватило. Ты о себѣ позаботься, вѣдь ты сама чуть жива.

Всеобщее вниманіе обратилось на графиню и Элизу, тѣмъ болѣе что это было нѣчто новое.... вопросъ: состоится или

нѣтъ дуэли, уже былъ нортшемъ. Явилась совѣты, вода, оделонъ.

— Чтѣ это?.. Кому-то сдѣлалось дурно?.. Чтѣ случилось?.. слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Какая она хорошенькая, замѣтилъ кто-то.

— Я слышалъ, проговорилъ другой,—что эта молодая дѣвушка дочь одного изъ дуэлистовъ.

— Нѣтъ, невѣста.... бѣдная!..

— А вѣдь признайся, дуэль иногда ужаснѣйшая нечѣсть, произнесъ не совсѣмъ смѣло какой-то молодой человѣкъ съ пріятнымъ лицомъ и синими очками.

— Подчасъ даже жестокость, подлость!.. воскликнулъ совершенно неожиданно для всѣхъ толстый господинъ.— Посмотрите теперь на эту бѣдную дѣвушку!..

— Ну хоть бы, напримѣръ, Романи и Клавезано, сказали господинъ съ очками,—вчера еще были лучшими друзьями...

— А сегодня отправились убивать другъ друга.... перебилъ съ жаромъ толстякъ.—Да, вы правы, это сущая нечѣсть!...

Графиня повернулась къ разговаривающимъ; ея щеки горѣли, темные глаза сверкали негодованіемъ.

— Когда Романи отказался отъ дуэли съ графомъ Тенари, вы всѣ готовы были закидать его грязью.... произнесла она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Когда маркизь Клавезано и Романи рѣшились драться, вы имъ аплодировали!.... Настоящіе дуэлисты не они, а *вы*.... Вы имъ вкладываете оружіе въ руки, но въ это время *сами* остаетесь въ безопасности.... и только шутите, забавляетесь шлагамъ и жизнью другихъ.... въ это время *ваши* матери, жены, дочери не томатся въ тоскѣ, страхѣ, отчаяніи!..

Элиза залилась слезами и бросилась къ графинѣ....

— Теперь, маман, мнѣ легче, говорила она;—а то плакать не могла.... такъ сердце сжало....

— Пойдемъ, дитя мое, сказала графиня, уводя ее,—ждемъ лучше у себя.... уповай на милосердіе Божіе....

— Въ ея словахъ была доля истины, проговорилъ господинъ въ очкахъ.

— Да, конечно.... Пожалуй, раздалось нѣсколько голосовъ.

— Но, впрочемъ, какъ же взволнованной женщиной иначе и судить? сказалъ миниатюрный господинчикъ съ тѣненькимъ голоскомъ.

— О конечно!... замѣтилъ рыжій избиратель.—А что.... Я думаю они теперь уже дерутся? прибавилъ онъ, оживляясь и вынимая часы.—Да, вѣроятно.... Жаль что я не попалъ въ секунданты, интересно бы посмотреть... Пойдемъ внизъ, тамъ скорѣе узнаемъ....

Терраса опустѣла. Солнце взошло роскошно. Поднялась легкая зыбь. Шума и играя волны весело куда-то слѣзили, капризно перебрасываясь радужно-бриллиантовыми брызгами....

Въ комнатахъ графини все было тихо. Какъ графиня привела Элизу и усадила ее, такъ она осталась, неподвижно, молча, со взглядомъ упорно устремленнымъ на одно мѣсто. Графиня ходила взадъ и впередъ и также не произносила ни слова. Ежеминутно она смотрѣла на часы. Прошло уже двадцать пять минутъ... Она вышла въ первую комнату и позвонила. Вошелъ Пьетро.

— Нѣтъ еще извѣстій? спросила она.

— О чемъ, ваше сіятельство?

— О дуэляхъ?...

— Должно-быть есть тяжело раненные, прислали за нашею каретой, извозицы для такого случая не совсѣмъ удобны....

— Вамъ извѣстно мѣсто гдѣ дуэли?

— Тутъ недалеко....

— Пользайтесь, не теряя минуты, туда.... вернитесь съ точными извѣстіями.... обещаю вамъ пятьдесятъ.... сто франковъ... пользайтесь!

— Сю секунду, ваше сіятельство! воскликнулъ Пьетро, мгновенно оживившись и съ послѣднимъ словомъ исчезая за дверью.

Графиня сѣла, почти упала на диванъ, силы оставляли ее. Она измучилась душевно и физически.... „Тяжело раненные“.... все слышалось ей. „Боже милосердый! за кого мнѣ больше бояться? чего желать? чего страшиться?“

— Еще никого нѣтъ? спросила Элиза.

Графиня и не видѣла какъ она подошла.

— Я послала туда Пьетро и просила его тотчасъ вернуться.... Элиза, не падай духомъ; отчего же ждать худшаго....

— Да, да.... Но ты сама такая блѣдная.... скажи, это правда? Они условились чтобъ эти дуэли были обѣ на смерть?...

— Ты знаешь, всегда преувеличиваютъ....

— Маман! пойдѣмъ туда... сейчасъ... такъ томиться нѣтъ силъ!

— На террасу кто-то пришелъ, можетъ-быть оттуда, сказала графиня,—пойдемъ....

Она ужь и не думала удерживать Элизу и сама повела ее на террасу. Господинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, вѣроятно, одинъ изъ бальвыхъ посягателей князя Колонны, прохаживался на террасѣ. Увидѣвъ входящихъ дамъ, онъ приближился къ нимъ.

— Извините, сударыня, оказалъ онъ графинѣ, — что осмѣливаюсь обратиться къ вамъ.... Вы ничего не изволите знать о дуэляхъ?... Я слышалъ что трое ранены, два очень опасно.... Вообще я не понимаю какъ это въ самомъ дѣлѣ всѣ эти дуэли допускаютъ! Вѣдь есть же наконецъ трибуналъ, законы.... чего же смотритъ наша прокуратура?!.. Онъ остановился, онъ такъ увлекся своею разсудительною рѣчью что только теперь замѣтилъ въ какомъ состояніи обѣ дамы.—Ахъ Боже мой!... воскликнулъ онъ съ участіемъ,—я не сообразилъ.... не зналъ.... мои слова повидимому совершенно разстроили васъ.... Но повѣрьте, еще нечего такъ пугаться, это обыкновенные слухи когда дуэль: сперва всѣ тяжко ранены, убиты, а потомъ всѣ являются здоровешенькіе и въ величайшей дружбѣ.... А вотъ одинъ изъ моихъ друзей, можетъ-быть что-нибудь знаетъ.

Вбѣжалъ рыжій избиратель. Насмѣшливая улыбка какъ-то странно покосила его некрасивое лицо.

— Вообрази!... началъ онъ еще издали,—никто говоритъ не раненъ даже.... (Элиза съ радостнымъ возгласомъ бросилась къ графинѣ). Всѣ четверо.... продолжалъ онъ засмѣявшись,—преспокойно, кажется, отправились позавтракать въ кафе Ardenza.... Потѣха и только—одна кукольная комедія!... шуты!...

— Не говорилъ я вамъ?... обратился господинъ во фракѣ къ графинѣ.—Приходится вспомнить названіе Шекспировской комедіи: „Много шуму изъ ничего“.... Дуэли!... Секунданты съ торжественностью отмѣриваютъ шаги, съ похоронною физиономіей вручаютъ оружіе.... и все кончается вкуснымъ завтракомъ.... И затѣвается-то дуэль чаще всего чтобы заставить въ свѣтѣ поговорить....

— И въ свѣтѣ, перебила графиня,—если дуэль оканчиваетъ-

са несчастіемъ, начинаютъ нападать на законы, судей, прокуратору; а если по милости Божьей противники остаются живы, ихъ слѣдуетъ осмѣять....

— Да, да! Это, сударыня, совершенно вѣрное замѣчаніе!... возразилъ рыжій вмѣсто господина во фракѣ, который не сказалъ ни слова.—Да и вообще сужденія свѣта чаще всего лишены всякаго здраваго смысла....

— Ваше сіятельство.... хорошія извѣстія!... раздался голосъ Піетро вбѣжавшаго залыхавшись,—вѣдь правда, и вашъ мужъ тамъ былъ?... спросилъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Да, да!... что же?

— Онъ велѣлъ вамъ сказать что онъ, маркизъ Клавезано и капитанъ Роберти живы и здоровы.

— А четвертый?! воскликнула Элиза.

— Четвертый раненъ и кажется смертельно.

— Смертельно раненъ?! повторила Элиза съ крикомъ отчаянія....

— Но, сударыня, вы не поняли меня—одна дуэль совершенно благополучно кончилась, вашъ отецъ живъ....

— Мой отецъ?!

— Или я перепутала.... развѣ мужъ графини и вашъ отецъ не одно лицо?...

— Вотъ маркизъ Клавезано и капитанъ Роберти!... воскликнулъ господинъ во фракѣ.

Графиня и Элиза кинулись имъ на встрѣчу. Обѣ были сильно встревожены.

— Кто раненъ? спросила графиня.

— Графъ Тенари, отвѣчалъ Клавезано.—Романи съ нимъ.... По какой-то необъяснимой странности—впрочемъ какъ и прочія эксцентричныя выходки этого человѣка—графъ Тенари пожелалъ чтобъ именно Романи свѣлъ съ нимъ въ карету и привезъ его сюда.

— Его рана опасна?

— Не знаю что сказать вамъ, графиня.... Докторъ Роверо находитъ что она смертельна, и не хотѣлъ даже позволить чтобы его трогали съ мѣста, но самъ онъ смѣется, шутитъ, утверждаетъ что все это вздоръ, и потребовалъ чтобы его перевезли сюда. Мнѣ онъ смѣясь сказалъ „что съ такимъ дуэлянтомъ какъ онъ никогда несчастія и случиться не можетъ“....

— Да, дѣйствительно, скорѣе можно было бояться за его противника....

— Могу васъ увѣрить, графиня, сказалъ Роберти,—что тутъ не было ни моей вины, ни моей заслуги... до сихъ поръ не могу объяснить себѣ какъ все это случилось! Графъ Тенари предложилъ мнѣ начать не пистолетами, а шпигами; я согласился, и старался только ларировать, нападая ослѣпка. Графъ спарировалъ два-три раза съ большою ловкостью, но вдругъ неловкимъ образомъ не досмотрѣвъ бросился на встрѣчу моего удара; я не могъ уже его отвратить! Мы всѣ подбѣжали къ нему, онъ пожалъ мнѣ руку: „спасибо вамъ, капитанъ“, сказалъ онъ мнѣ, „вы оказали мнѣ большую услугу.“

Отворились обѣ половинки двери. Ввели графа Тенари. Синеватая блѣдность покрывала его лицо. Красивые волосы были въ беспорядкѣ. Прямой носъ казался еще прямѣе и длиннѣе, на запыленныхъ губахъ играла улыбка. Онъ держалъ во рту зажженную палиросу. Съ одной стороны поддерживалъ его Романи, съ другой Роверо. Джардини и еще нѣсколько человекъ слѣдовали за нимъ.

Графиня послѣшью подошла и заняла мѣсто Романи. Крупныя слезы неудержимо текли по ея щекамъ.

— Графиня, помилуйте, что вы, не безпокойтесь, проговорила Тенари.—Простите что я курилъ, прибавилъ онъ кладя палироску на столъ,—я не зналъ что вы здѣсь.

— Сядьте, отдохните, говорила графиня, помогая ему удобнѣе усясться.

— Вы кажется перепуганы, графиня? и боитесь за меня?.. вы слишкомъ добры... и напрасно такъ безпокойтесь. Тенари сдѣлалъ видимое усиліе чтобы побѣдить нестерпимыя физическія страданія.—Докторъ Роверо самый отчаянный лессимистъ какого я когда-либо встрѣчалъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—я часто за это надъ нимъ подтрунивалъ; страсть у человека заживо хоронить всѣхъ!.. Вотъ и теперь, утверждаетъ что я смертельно раненъ—сущій вздоръ! Скажите, господа, развѣ я похожъ на умирающаго?

— Нѣтъ, конечно, проговорила графиня.—Но мы лучше переведемъ васъ въ вашу комнату, вамъ тамъ будетъ удобнѣе и спокойнѣе.

— Да, пожалуй...

Тенари оглянулся. Около нихъ никого не было. Всѣ стояли подальше, въ сторонѣ. Романи и Элизы не было. Элиза

ушла отъа къ себѣ, и выслушивала со страстнымъ вниманіемъ всѣ подробности о дуэляхъ.

— Вы такъ встревожены, бѣдны, сказалъ тихо Тенари. Онъ взялъ руку графини. — Ваша рука холодна какъ ледъ... вы не спите... спасибо вамъ!.. Клара, вы добры... Простите меня!.. Вы видите, я все сдѣлалъ что могъ: не тронулъ Роберта, жениха Элизы, и всѣ усилія употребилъ чтобы избавить васъ отъ себя.

— Антонио!.. Антонио!.. ради Бога, перестань!.. не говори такъ! воскликнула графиня. Жалость, томлящая, глубокая, охватившая ее еще прежде, когда она говорила съ мужемъ предъ дуэлемъ, возрѣла. теперь до невыносимой муки.. И не только одна жалость... Боже мой!.. отчего онъ умиралъ теперь, думала она. Она съ мучительною тоской взглянула на него; его уста шептали, казалось ей, несвязныя слова, взглядъ помутился.

— Спасибо капитанъ, проговорилъ онъ громче, въ полубреду. — Денорди, твою руку... Клара... Спаситель умеръ за грѣхи всѣхъ людей, но я вѣдь только бѣдный грѣшникъ... Я отдалъ жизнь за собственные грѣхи; мнѣ будетъ прощено...

Онъ вдругъ страшно вскрикнулъ, его взглядъ опять ожилъ.

— Ахъ извините, графиня! Я напугалъ васъ этимъ крикомъ, не вытерпѣлъ, боль ужасная... Да, вотъ еще что: я сказалъ Денорди, для меня будетъ большимъ успокоеніемъ если я умру съ мыслью что онъ женится на васъ.

— Антонио, ради самого Создателя, перестань! Еслибы ты остался живъ, я бы вѣчно благодарила Господа, я бы...

— Вѣрю, Клара, перебилъ Тенари, — ты вѣдь никогда не умѣла обманывать... Теперь ты даже можешь-быть стала бы и немножко любить меня... Такова ужъ прорія судьбы, этого я могу достигъ только своею смертию.

— Не говори такъ!..

Рыданія захватывали у нея дыханіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... я пошутилъ только... Видите, мнѣ совсемъ хорошо... Онъ всталъ, придерживаясь за спинку кресла, и опять взялъ папироску. — Извините, графиня, сказалъ онъ громко, — если позволю себѣ немного покурить, это для того только чтобы совершенно успокоить васъ. Я никогда не слыхалъ чтобы кто-либо умеръ съ папироской во рту... не правда ли, господа?...

— Въ подобномъ случаѣ, это весьма усложнительный признакъ, заговорилъ Джіардини (на немъ лица не было).— Признакъ присущей внутренней силы, которая...

— Окажи мнѣ милость, замолачи ты сегодня... услышишь ты еще завтра наговориться... перебилъ его съ кроткимъ упрекомъ Тенари. — Ну, теперь я все-таки послѣдую вашему совѣту, графиня, и лучше перейду къ себѣ... Всѣ эти господа, эта публика кажется не безъ удовольствія готовится посмотреть *какъ я окончу дни свои*... Но я положительно не раздѣляю этого пристрастія къ *последнимъ картинамъ* старомодныхъ трагедій, и еще менѣе желаю представить героя подобной картины. Я всегда находилъ что умирать при другихъ—это величайшій *mauvais genre*... Да впрочемъ я теперь и малѣйшаго намѣренія не имѣю попомянуть эти ожиданія... прибавилъ онъ, засмѣявшись, — и предпочитаю покурить...

Непобѣдимая боль прервала его смѣхъ, онъ со страшно измѣнившимся лицомъ хватился за бокъ.

— Нѣтъ, это ничего... сказалъ онъ, — такъ, маленькая слабость. Милѣйшій Эскулапъ, вашу руку... Роверо и графиня его медленно повели. — И вы около меня, графиня... какъ вы добры... Онъ крѣпко сжалъ ея руку.— Джіардини! ножлауста, другую напаросу, моя куда не годится... извини за безпокойство, прибавилъ онъ съ любезною улыбкой,—и вы также, графиня...

Перешагнувъ порогъ своей комнаты, онъ лишился чувствъ.

На террасѣ стало пусто. Оставшіеся говорили шепотомъ. Клавезано и Роберти прохаживались молча, въ томительномъ ожиданіи.

Вошелъ Піетро, за нимъ какой-то господинъ въ форменномъ сюртукѣ. Піетро приблизился къ маркизу.

— Ваше сіятельство... началъ онъ нерѣшительно, — вотъ тутъ судебный приставъ спрашиваетъ васъ... Онъ указалъ на вошедшаго съ нимъ господина.

— Что ему надобно?

— Двѣ повѣстки съ вызовомъ къ суду по поводу дуэли, проговорилъ отчетливо приставъ. — Одна на имя маркиза Клавезано, другая на имя адвоката Романи.

Приставъ вѣжливо положилъ обѣ повѣстки на столъ.

— Следовательно, вы должны имѣть подобную же ловѣтку и на мое имя?... сказалъ Роберти.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Но если вамъ извѣстна дуэль маркиза, то вы должны были узнать и о второй дуэли...

— Да-съ... но это насъ не касается.

Въ дверяхъ показался Джіардини.

— Ну что?!... спросилъ Роберти, кинувшись къ нему.

— Господа!... произнесъ Джіардини съ торжественностью прерывающимся отъ слезъ голосомъ. — Мой высокопочитаемый другъ... графъ Антоніо Тенари... сію минуту... скончался!

— Скончался!... скончался... послышалось нѣсколько голосовъ.

— Умеръ!... проговорилъ Роберти, поблѣднѣвшій самъ точно умирающій. — Прошу васъ яснѣе объяснить, обратился онъ къ приставу, — вы слышали... именно дуэль въ которой я участвовалъ кончилась несчастіемъ, смертью моего противника!... Следовательно, болѣе чѣмъ кто-либо я подлежу за бывшую дуэль преслѣдованію законовъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ приставъ, — есть постановленіе по которому офицеръ, отказывающійся отъ дуэли, исключается изъ своего полка.

— Видно и для законодательства, сказалъ маркизъ Клавеzano, — не только для общества, дуэль до сихъ поръ еще вопросъ нерѣшенный!...

Конецъ?... Да, конечно, вѣдь герой скончался. А графиня, Элиза?... вышла замужъ?... Да, разумеется, по истеченіи траурнаго года. Следовательно, и тутъ „конецъ“, если брать въ соображеніе не дѣйствительную жизнь, а правила и обычаи введенные съ искони вѣковъ во всякія ловѣсти и комедіи... Одно только слѣдуетъ прибавить: память графа Тенари, имѣвшаго столь роковое влияніе на судьбу Романи, графини, Элизы, чтилась этими людьми съ искреннею любовью, съ теплою молитвой... Часто вспоминались между ними его послѣднія слова: „Я отдалъ жизнь за грѣхи свои; мнѣ будетъ прощено...“

ИЗА ЛАСКОСЬ.

ОТВѢТЪ Г. КОСТОМАРОВУ

Въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1876 годъ напечатано письмо въ редакцію этого журнала г. Костомарова съ возраженіями на нашу статью о древнемъ русскомъ правѣ въ издаваемой имъ *Исторіи* *. Означенное весьма объемистое письмо нисколько не разъяснило заключающихся въ названной статьѣ юридическихъ вопросовъ, хотя написано „изъ уваженія къ научной истинѣ“ и съ цѣлью изобличенія насъ въ полномъ отъ нея уклоненіи. Въмѣсто серьезныхъ опроверженій высказанныхъ нами мнѣній, въ своемъ отвѣтѣ на нихъ, авторъ *Исторіи въ жизнеописаніяхъ* употребляетъ обыкновенныя журнальныя уловки, обычныя уклоненія въ сторону отъ главнаго предмета изслѣдованія, съ явнымъ усиленіемъ защитить нѣсколькими неудачными ссылками то, чего никакъ защитить нельзя. Наконецъ, въ заключительныхъ словахъ указаннаго письма г. Костомаровъ спеціальные вопросы древняго русскаго права, требующіе кропотливыхъ, продолжительныхъ изысканій, переноситъ какъ бы въ область всеневной фельетонной литературы, и торжественно призываетъ въ третейскіе судьи „всѣхъ благоразумныхъ читателей“, предоставляя имъ рѣшить, за кѣмъ изъ насъ остается болѣе „правды“: за его ли защитой, или за нашимъ „нападеніемъ“.

* См. *Русс. Вѣст.* майск. кн. 1876 года.

Подобный призывъ со стороны ученаго автора не можетъ не казаться страннымъ. Впрочемъ, не надѣясь вѣроятно на благоразумное рѣшеніе такой толпы судей, г. Костомаровъ не затрудняется заранее окончить дѣло въ свою пользу. Онъ высказываетъ прямо и откровенно то убѣжденіе (въ чемъ, какъ онъ думаетъ, должны будутъ согласиться и его читатели) что всѣ наши возраженія не только опровергнуты, но опровергнуты легко и явно приведенными имъ противъ насъ историческими свидѣтельствами.

Въ словахъ этихъ весьма много самоуверенности и значительная доля сознанія собственной нелогичности. Но замѣтимъ что историческія свидѣтельства бываютъ иногда *орудіемъ весьма острымъ*. Какимъ бы сильнымъ ни считалъ себя въ нихъ нашъ противникъ, но и онъ самъ можетъ ими же уколотся.

Скажемъ пока что противъ трехъ отдѣловъ нашей статьи г. Костомаровымъ не представлено ни одной ссылки на историческіе памятники, слѣдовательно заявленіе его о пораженіи насъ *легко и ясно* на всѣхъ безъ изъятія пунктахъ, на основаніи будто бы источниковъ, оказывается уже на половину невѣрнымъ. Что же касается остальныхъ трехъ отдѣловъ той же нашей статьи, то значеніе приведенныхъ противъ нихъ историческихъ свидѣтельствъ мы постараемся указать ниже. Въ виду всего этого раздѣлимъ нашъ отвѣтъ автору *Русской Истории въ жизнеописаніяхъ* на двѣ части: сперва поговоримъ о тѣхъ мѣстахъ его письма въ которыхъ находятся ссылки на источники, и затѣмъ о тѣхъ въ которыхъ не содержится никакихъ подобныхъ ссылокъ.

I. Объ историческихъ свидѣтельствахъ въ письмѣ г. Костомарова.

Историческія свидѣтельства, указаны г. Костомаровымъ противъ трехъ отдѣловъ нашей статьи, именно о *Судебникѣ* 1497 года вообще, о древнемъ русскомъ двоесудіи и о значеніи дѣленія древней Руси на уѣзды, станы и волости. Разсмотримъ вѣтъ эти свидѣтельства по порядку исчисленныхъ отдѣловъ.

а) О Судебникѣ 1497 года вообще.

Въ своей Исторіи г. Костомаровъ, какъ извѣстно, утверждаетъ что по *Судебнику* Іоанна III, за всѣ уголовныя преступленія, кромѣ первой простой татьбы, назначалась смертная казнь.

Мы позволяли себѣ не согласиться съ такимъ выводомъ, и доказывали: 1) что не всѣ извѣстныя въ то время преступленія наказывались по означенному *Судебнику* смертію, а только болѣе важныя, и 2) что даже важныя преступленія, по теченію того же *Судебника*, влекли за собою лишеніе жизни не всегда, а лишь при совершеніи ихъ людьми *завдомо лихими*. Изъ уваженія къ научной истинѣ, г. Костомаровъ не считаетъ возможнымъ признать наше мнѣніе правильнымъ, и для опроверженія его и оправданія собственнаго своего взгляда, выписываетъ слѣдующую статью *Судебника* 1497 года: „а доведуть на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, и *будетъ вѣдомою лихой*, и боярину того велѣти казнити смертною казнью.“ Не понимая въ слѣдствіе какихъ непостижимыхъ логическихъ соображеній означенная цитата приведена въ видѣ сокрушительнаго аргумента противъ насъ, тогда какъ, по обыкновенному простому образу мышленія, этотъ аргументъ поражаетъ вовсе не наше мнѣніе, а взглядъ самого г. Костомарова.

Вѣдъ изъ смысла имъ же указанной статьи *Судебника* прямо вытекаетъ что не всѣ важныя преступленія наказывались смертію, а только тѣ изъ нихъ кои совершались людьми *завдомо лихими*, т.-е. вытекаетъ то же самое что и мы утверждали. Говоря это мы нисколько не отступаемъ отъ научной истины, и полагаемъ что сказанное нами выше объ историческихъ свидѣтельствахъ, поражающихъ иногда тѣхъ кто ихъ приводитъ—не лишено основанія. Но приведенною цитатою не оканчивается наше *ясное порицаніе* въ глазахъ автора разбираемаго письма. Отстаивая во что бы то ни стало свой взглядъ, г. Костомаровъ хочетъ подорвать правильность нашего еще и тѣмъ доводомъ, будто бы мы не такъ поняли значеніе словъ: *вѣдомою лихой*.

Правда, по безспорной ясности этого понятія *намъ* не

приходило въ голову останавливаться на немъ долго и входить въ подробное его разъясненіе. Мы сказали только что людьми *звѣдомо лихими* назывались тѣ, которые прежде того изоблачались въ какихъ-либо важныхъ преступленіяхъ, или противъ которыхъ былъ *доводъ* что они именно такіе. Г. Костомаровъ не соглашается съ нашимъ краткимъ разъясненіемъ, и въ опроверженіе его приводитъ слѣдующую статью *Судебника* Іоанна III: „а съ поличнымъ приведуть впервые, а возмолвять на него человекъ лять или шість, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ тать вѣдомой.... ино того казнить смертною казнію“. Основываясь на этой статьѣ, нашъ противникъ утверждаетъ что подъ словомъ: *вѣдомой лихой* слѣдуетъ разумѣть не только того кто не одинъ уже разъ попадался въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, но и того кто хотя не *совершалъ* прежде преступленія, но признавался вѣдомо лихимъ нѣсколькими лицами подъ крестнымъ цѣлованіемъ. Значить, говоря яснѣе, человекъ за которымъ прежде не вѣдали никакаго лихаго дѣла, могъ, какъ полагааетъ г. Костомаровъ, признаваться вѣдомымъ лихимъ.

Неужели такіе выводы позволительно величать научными? Неужели выписанный г. Костомаровымъ законъ допуская собственное ли на чемъ не основанное благоусмотрѣніе присягавшихъ, то-есть ложь подъ присягой? Безъ всякаго сомнѣнія нѣтъ. Онъ разумѣется требовалъ чтобы присягавшіе сказали правду о приведенномъ татѣ, то-есть дѣйствительно ли онъ вѣдомый лихой или нѣтъ. Если такъ, то что же именно обязаны были они удостовѣрить, произнося клятву, какое понятіе для нихъ и вообще для того времени соединялось съ понятіемъ „вѣдомой лихой“? Объ этомъ г. Костомаровъ благоразумно умалчиваетъ и не менѣе благоразумно пропускаетъ въ выписанной имъ выше статьѣ *Судебника* выраженіе весьма существенное для рѣшенія спора. Достаточно выписать это *пропущенное* выраженіе и предшествовавшія ему слова, именно: „онъ тать *вѣдомый* и *прежъ* того *неодиново крадывалъ*“, чтобы затѣмъ считать излишними всякія словолренія съ г. Костомаровымъ относительно правильности его толкованія слова „вѣдомый“. Далѣе, послѣднее возраженіе ученаго автора противъ нашего взгляда на *Судебникъ* заключается въ томъ, будто приведенные нами примѣры изъ древняго русскаго судопроизводства

о назначеніи иногда смертной казни за важныя преступления, доказываютъ лишь разногласіе между закономъ и судебною практикой и ничего болѣе. „Г. Ланге“, говоритъ нашъ противникъ, „какъ видно придаетъ много вѣса тому что изъ дѣлъ XV и XVI вѣковъ, именно того періода, когда надлежало бы *Судебнику* служить главнѣйшимъ руководствомъ въ судопроизводствѣ, не усматривается чтобы за всякое уголовное преступленіе казнили смертію, напротивъ, оказываются примѣры помесенія преступниками много рода наказаній. Это показываетъ, продолжаетъ увѣренно г. Костомаровъ, что на Руси въ старину не исполнялось писанныя законоположенія строго въ томъ смыслѣ, въ какомъ были написаны.“ Несмотря на такое категорическое заявленіе автора *Исторіи съ жизнеописаніемъ* о смыслѣ указанныхъ въ нашей статьѣ примѣровъ изъ древней судебной практики, оно положительно невярно. Начало, по которому важные преступники, если они не были людьми завѣдомо лхими, не наказывались смертію, присуще самому *Судебнику* 1497 года и оно проглядываетъ въ приведенныхъ нами выпускахъ изъ уголовныхъ приговоровъ самымъ несомнѣннымъ образомъ. Въ нихъ не видно ни малѣйшаго отступленія отъ закона, а напротивъ между закономъ и его практическимъ приложеніемъ обнаруживается полнѣйшее соответствіе. Притомъ замѣтимъ что рѣзкое противорѣчіе между постановленіямъ уголовного кодекса и рѣшеніями уголовныхъ дѣлъ является у насъ гораздо позднѣе *Судебника* 1497 года. По крайней мѣрѣ при дѣйствіи этого законодательнаго памятника, мы не встрѣчали такого явленія и очень будемъ рады, если г. Костомаровъ намъ его укажетъ. Въ концѣ своего отдѣла о *Судебникѣ*, авторъ письма въ редакцію *Вѣстника Европы* упрекаетъ насъ еще въ томъ что мы нашли что-то предосудительное въ его словахъ: „Тяжбы рѣшались посредствомъ судебного поединка, а въ уголовныхъ дѣлахъ допускалась и пытка.“ Да, мы дѣйствительно находимъ въ этихъ только-что приведенныхъ словахъ нѣчто предосудительное, но лишь въ настоящее время и потому что слова эти несогласны съ текстомъ *Исторіи*, откуда взяты. Въ текстѣ *Исторіи* говорится: „тяжбы рѣшались посредствомъ судебного поединка или лоя, а въ уголовныхъ дѣлахъ допускалась пытка“; въ цитатѣ же сдѣлана ловидимому самая незначительная

прибавка противъ текста, прибавленъ лишь союзъ „и“ предъ словомъ „пытка“, между тѣмъ смыслъ рѣчи совершенно измѣняется. Будь такъ сказано въ подлинникѣ какъ въ телеграфной цитатѣ, мы разумѣется не стали бы въ видахъ научной истинны трогать этого мѣста въ *Истории* г. Костомарова.

б) О древнемъ русскомъ двоесудіи. .

Въ этомъ отдѣлѣ нашей статьи мы утверждали между прочимъ что вѣче, особенно въ Новгородѣ, производило иногда кровавую расправу надъ людьми навлекавшими ло чему-либо его негодованіе, но что оно, дѣйствуя всегда мгновенно, подъ вліяніемъ гнѣва или страсти, не постановляло и не могло постановлять судебныхъ приговоровъ въ формахъ обычныхъ нашему древнему праву, искони выработавшему извѣстныя правила судопроизводства, и установившему опредѣленныя доказательства какъ для обвиненія, такъ и для оправданія подсудимыхъ. Другими словами, мы старались доказать что вообще вѣче не отправляло правосудія даже по древнимъ о немъ понятіямъ, а совершало лишь казни безъ суда и безъ изслѣдованія дѣла. Мы думали и теперь думаемъ что кровавая расправа деспота, хотя бы и тысячеголоваго, не составляетъ суда и что называть такую расправу судомъ—значитъ забывать что въ старину подъ нимъ разумѣли на Руси. Но г. Костомаровъ, переиначивая нѣсколько наши мысли, считаетъ Новгородское вѣче не только политическою формой быта, о чемъ никто не спорить, но и *судебною институціей*. Въ доказательство такого вывода онъ главнымъ образомъ ссылагается на Судную Новгородскую грамоту 1474 года, которую и мы съ своей стороны позволяемъ себѣ привести въ нашу собственную защиту. Дѣйствительно эта грамота, въ которой подробно говорится о судѣ святительскомъ, о судѣ посадника и тысяцкаго, ни однимъ словомъ не обмолвилась ни о вѣчевомъ судѣ, ни о порядкѣ производства его на вѣчѣ. Правда, въ одномъ лишь мѣстѣ означенной грамоты находится выраженіе: „казнить всѣмъ Великимъ Новгородомъ“, но развѣ мы отрицали власть у вѣча производить такія казни безъ суда? Развѣ другое приведенное г. Костомаровымъ мѣсто изъ лѣтописи, о сверженіи Новгородцами въ рѣку съ

моста двухъ крамольниковъ, доказываетъ отправленіе правосудія, какъ понимали его сами Новгородцы, а не короткую кровавую расправу? Развѣ казни Іоанна Грознаго, которыхъ никто не назоветъ отправленіемъ правосудія, отличались чѣмъ-либо существенно отъ деспотическихъ казней Новгородскаго вѣча? Вѣчевая толпа въ Новгородѣ, будучи жалкимъ орудіемъ тогдашнихъ политическихъ партій, убивала, грабила и жгла потому только что чувствовала себя безотчетнымъ властелиномъ, но она никогда не производила и не могла производить суда, какъ и всякая толпа. Толпа бываетъ иногда палачомъ, но не судьей. „Лѣтописныя извѣстія“, говоритъ далѣе г. Костомаровъ, „положительно и ясно указываютъ что Новгородцы въ своихъ буйныхъ вѣчевыхъ сходкахъ имѣли *юридическія побужденія*.“ Мы съ этимъ совершенно согласны, но имѣть *юридическія побужденія* для своихъ дѣйствій и *отправлять правосудіе* не одно и то же. Приведенный авторомъ разсматриваемаго нами писъма примѣръ удаленія отъ княжества Новгородцами князя Ярослава въ 1270 году тоже обнаруживаетъ юридическія къ тому побужденія, но какъ въ указанномъ случаѣ, такъ и въ другихъ ему подобныхъ, вовсе не усматривается, по нашему мнѣнію, производства надъ князьями уголовнаго суда въ собственномъ смыслѣ этого слова. Князья управляли Новгородомъ на основаніи особыхъ съ нимъ договоровъ, и вслѣдствіе того Новгородцы, признавая князя нарушившимъ договоръ, отказывали ему отъ княженія, говоря: „княже, поиди прочь, не хотимъ тебе“. Здѣсь мы видимъ не приговоръ уголовнаго суда, присуждавшаго князя къ извѣстному наказанію, а просто *расторженіе договора между договаривавшимися не подчиненными другъ другу сторонами*. Вѣче при этомъ могло и обсуждать поступки князя, но оно обсуждало ихъ не для опредѣленія ему рода казни, а для рѣшенія вопроса о томъ, оставаться ли князю на княженіи или вѣтъ, т.-е. вопроса чисто политическаго, а не судебнаго. Притомъ, князья хотя и состояли въ зависимости, но не были въ полномъ подчиненіи у вѣча, слѣдовательно это послѣднее и не могло ихъ судить и наказывать, какъ лицъ ему вовсе не подвластныхъ.

Упрекая насъ (хотя и несправедливо) будто мы не признаемъ никакого юридическаго значенія за вѣчами, г. Костомаровъ ставитъ намъ въ вину также и то, что мы не

чего не хотимъ знать о выборномъ началѣ въ судопроизводствѣ, ни о выборныхъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей судныхъ мужахъ, тогда какъ значеніе ихъ, по мнѣнію нашего противника, было велико. Дѣйствительно мы хотимъ знать о судныхъ мужахъ не иллюзію г. Костомарова, а только то что можно о нихъ знать на основаніи источниковъ. Значеніе лучшихъ мужей на судѣ мы опредѣлили въ нашей статьѣ. Это были не судьи, а только свидѣтели, понятые. Они находились не только при судопроизводствѣ, но и при всякихъ осмотрахъ, напримѣръ при осмотрѣ труновъ убитыхъ людей (*Ак. Ист.* т. I, № 125). Но откуда взялъ авторъ письма въ редакцію *Вѣстника Европы*, что *добрые и лучшие люди* на судѣ намѣстниковъ и волостелей *выбирались отъ обществъ*? Слѣдовало бы прежде это доказать, а затѣмъ уже писать громкія тирады о великомъ значеніи у насъ въ древности выборнаго народнаго элемента при отправленіи правосудія. Мы утверждаемъ что въ нашихъ памятникахъ XIV и XV вѣка нѣтъ никакихъ указаній чтобы *добрые и лучшие люди* назначались въ судъ по выбору той или другой общины. Скорѣе можно допустить что судные мужи въ указанное нами время приглашались присутствовать при рѣшеніи дѣлъ самими намѣстниками и волостелями по собственному усмотрѣнію, или же старостами и сотскими, дѣйствительно выборными лицами, изъ коихъ тотъ или другой всегда находились въ судѣ вмѣстѣ съ добрыми и лучшими людьми. Не спорю, что въ послѣдствіи было иначе (*Ак. Эксп.* т. I, № 196), особенно со времени установленія кое-гдѣ излюбленныхъ судей, но не вездѣ и не всегда. Даже въ XVI вѣкѣ, въ числѣ судныхъ мужей, мы видимъ въ провинціяхъ иногда и *князей* и *подъячигъ*, которыхъ никакъ нельзя признавать выборными лицами отъ крестьянскихъ обществъ (*Ак. Юрид.* издан. Калачева, стр. 215 и 216. *Ак. Юрид.* № 8, 13, 16). Притомъ, въ одномъ судебномъ дѣлѣ 1635 года прямо сказано, что „судейка (выборный судья) прибралъ себѣ для сидѣнія въ судѣ въ мужи людей добрыхъ: Демида Тихонова, Луку Иванова, Бѣлая Иванова.“ Это прямо указываетъ на то, что судные мужи назначались для присутствованія при судопроизводствѣ по усмотрѣнію самого судьи, а не по выбору общества (*Архивъ Калачева* кн. III, 1859. *Критика област. учрѣжд.* Чичерина, стр. 43).

Вообще на Руси въ старину никакія общія начала не проводились въ жизнь повсемѣстно, безъ всякихъ исключеній, и при введеніи дѣйствовали не по кабинетнымъ напередъ составленнымъ системамъ, а по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ мѣста и времени.

в) О значеніи дѣленія древней Руси на уѣзды, станы и волости.

Возражая на этотъ отдѣлъ нашей статьи, г. Костомаровъ, вслѣдствіе своего особаго представленія о древнихъ русскіхъ намѣстникахъ и волостеляхъ, утверждаетъ что на нихъ налагались не только судебныя, но и полицейскія обязанности, „подобно тому, какъ иногда на священниковъ при богослуженіи налагаются обязанности дьяконскія“. Такой выводъ, кромѣ ссылки на священниковъ, нашъ критикъ подкрѣпляетъ одною лишь выпиской изъ Двинской уставной грамоты о порученіи сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ ловить татей и разбойниковъ (*Ак. Эк.* т. I, № 250). Вотъ и всѣ аргументы выставленные противъ насъ по означенному предмету ученымъ авторомъ. Мы видѣли въ какой мѣрѣ наши мнѣнія о *Судебникѣ* и вѣчевомъ судѣ „легко и явно“ опровергаются въ письмѣ г. Костомарова, приступимъ теперь къ разсмотрѣнію его взгляда на намѣстниковъ и волостелей. Но прежде всего предложимъ вопросъ: отчего непременно слѣдуетъ приурочивать полицейскую дѣятельность къ намѣстникамъ и волостелямъ, а не къ *городовымъ прикащикамъ*, въ вѣдѣніи которыхъ находились цѣлые уѣзды съ весьма многосложными обязанностями? * Вѣдь въ виду допущеннаго г. Костомаровымъ способа

* Городовые прикащики: 1) заведывали городовымъ дѣломъ, то-есть исправленіемъ „городней и плетней“ въ городѣ (городскихъ укрѣпленій) посредствомъ крестьянъ всего уѣзда по сохамъ; 2) составляли описи селамъ и деревнямъ для опредѣленія слѣдовавшаго съ нихъ количества дани или оброка; 3) размежевывали земли и 4) наблюдали за отбываніемъ ямской повинности, за производствомъ торговъ въ дозволенныхъ только мѣстахъ и за неуклоненіемъ никого отъ таможенныхъ платежей, поступавшихъ въ пользу откупныхъ таможенниковъ *Ак. Экс.* т. I, №№ 169, 177, 182, 188, 223, 251, 271, 286, 317 и 337. *Ак. Юрид.* №№ 104, 150, 152 и 171).

изслѣдованія, священникъ служащій за дьякона и сотскій съ товарищами задерживавшій тата или разбойника, могутъ въ одинаковой мѣрѣ быть пригодными для доказательства полицейскаго значенія и городскихъ прикащиковъ? Дѣйстви- тельно, при сужденіяхъ основанныхъ на однихъ гаданіяхъ и сравненіяхъ не трудно утверждать все что угодно. Ска- жемъ сперва что неправильность выводовъ какъ относи- тельно административнаго дѣленія древней Руси, такъ и относительно существа власти старинныхъ ея должност- ныхъ лицъ, коренится главнымъ образомъ, какъ мы дума- емъ, въ томъ что на эти предметы переносить нерѣдко со- временныя намъ представленія объ администраціи и судѣ. То же самое случилось и съ г. Костомаровымъ, хотя пра- вительственный механизмъ существовавшій на Руси въ XIV, XV и въ XVI вѣкахъ чрезвычайно своеобразенъ и никакъ не укладывается въ рамки понятій настоящаго, и не такъ отдаленнаго отъ насъ времени. Автору *Истории о жизнеописаніяхъ* древніе русскіе намѣстники и волосте- ли представляются очевидно чѣмъ-то въ родѣ нашихъ прежнихъ губернаторовъ, въ лицѣ которыхъ сосредо- точивалась не только административная и судебная власть, но и полная олека надъ ввѣрившимся ихъ управле- нію народонаселеніемъ. Ничего подобнаго не знала на- ша старина. Русскій народъ при великихъ князьяхъ и первыхъ царяхъ вовсе не находился въ такой полицей- ской олектѣ, какою былъ окруженъ въ послѣдствіи. Общины сельскія и волостныя управлялись у насъ въ древности са- ми собою, безъ особаго контроля правительства. Онѣ сами заведывали сборомъ наложенныхъ на нихъ даней и оборо- комъ и отправкой ихъ въ Москву; продавали и мѣняли во- лостныя, тяглыя земли по собственному усмотрѣнію, толь- ко съ переводомъ тягла (*Ак. Юрид.* №№ 9, 23, 87, 151). Верховная власть нерѣдко обращалась съ повелѣніями пря- мо къ общинамъ, и выдавала на ихъ имя уставныя и дру- гаго рода грамоты. Должностнымъ лицамъ запрещалось лично собирать слѣдовавшіе имъ кормы и ѣздить для того по селамъ и деревнямъ. Свои кормы получали они отъ ста- рости, сотскихъ и десятскихъ въ городахъ и станахъ (*Ак. Эк. Т. I.* №№ 123, 150, 189). Притомъ эти самыя об- щины, которыя, по мнѣнію г. Костомарова, находились въ гдѣніи правительственной полицейской власти, не только

сопротивлялись намѣстникамъ и волостелямъ безнаказанно, но даже наносили имъ лобовъ. Такія дѣйствія общинъ, столь преступныя по современнымъ понятіямъ, вовсе не признавались въ то время событіями чрезвычайной важности, требовавшими самыхъ энергическихъ мѣръ къ ихъ прекращенію, напротивъ, постоянныя жалобы на это намѣстниковъ и волостелей считались въ Москвѣ лишь одною *dokykoy*. „Отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и ихъ пошлинныхъ людей, говорится въ нашихъ актахъ, намъ (великимъ князьямъ и царямъ) *dokyka* и *челобитья* многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ.“ (Ак. Экс. Т. I, № 242, 243.) При такомъ порядкѣ вещей, именно при самоуправленіи общинъ, при особомъ отношеніи къ нимъ намѣстниковъ и волостелей, а также при отсутствіи въ самой Москвѣ взгляда на этихъ должностныхъ лицъ какъ на мѣстные центральные органы правительства, мимо которыхъ немислимы были бы никакія сношенія съ общинами, возможно ли серьезно утверждать что Русскій народъ тогда находился въ полицейской олекѣ у названныхъ кормленщиковъ, и что на намѣстникахъ и волостеляхъ лежали какія-то полицейскія обязанности? Подобныя обязанности возникаютъ вообще въ болѣе развитомъ чѣмъ у насъ въ то время строѣ государственной жизни. Первые простые начатки полицейской дѣятельности, единственно что только было извѣстно у насъ въ старину, именно задержаніе татей и разбойниковъ, предоставлялись самимъ общинамъ чрезъ выборныхъ ими лицъ, а не правительственнымъ должностнымъ лицамъ. Притомъ, изъ приведенныхъ выше жалобъ намѣстниковъ и волостелей видно что посадскіе и волостные люди не давались имъ только „подъ судъ“, о неловиновеніи же этихъ людей въ полицейскомъ отношеніи не говорится ни слова, тогда какъ такое неловиновеніе, если предположить существованіе полицейскихъ обязанностей, естественно случалось бы гораздо чаще, чѣмъ уклоненіе отъ судебного преслѣдованія, и въ жалобахъ не могло быть о томъ умолчено. Кромѣ того, кормленщики, какими являются намѣстники и волостели, почти за всякое свое служебное дѣйствіе, какъ извѣстно, получали пошлыны, и если мы не находимъ полицейскихъ пошлынъ, то въ правѣ поэтому заключить что и никакихъ полицейскихъ обя-

занностей для правительственныхъ должностныхъ лицъ въ то время еще не возникало. Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія спора г. Костомарову, вмѣстѣ общихъ фразъ, слѣдовало бы только перечислить эти обязанности, но онъ ихъ не перечислилъ и перечислить разумѣется не могъ.

Далѣе, говоря о значеніи доводчиковъ, нашъ противникъ полагаетъ что должность ихъ съ большимъ вѣроятіемъ можно назвать полицейскою, что онъ не встрѣчалъ ни одного извѣстія, чтобы доводчики гдѣ-нибудь творили судъ, что они посылались по разнымъ сыскнымъ порученіямъ, напримѣръ для дознанія какъ происходило дѣло (на правду), что имъ, именно съ цѣлію разслѣдованія, предоставлялось ходить незваннымъ на пиры и братчины, и что все это заставляетъ видѣть въ доводчикахъ оыщиковъ или судебныхъ слѣдователей. Въ отвѣтъ на это скажемъ прямо что въ древней русской жизни, по самому характеру тогдашняго уголовного процесса, не мыслимы были никакія сыскныя порученія, никакія предварительныя слѣдствія. Всякое дѣло разслѣдывалось на самомъ судѣ предъ судьей чрезъ допросъ подсудимаго и свидѣтелей, и затѣмъ излагалось въ судномъ спискѣ.

Выраженіе древнихъ актовъ *платъ на правду* вовсе не означало посылки доводчика для какихъ-то дознаній, и странно какъ это до сихъ поръ не извѣстно ученому автору. Довольно прочесть слѣдующія мѣста: „они послались на правду на сусѣдъ своихъ; а сошлются съ суда на правду, и случится доводчику на правду ѣхать и правду предъ прикащикомъ ставить; а случится ссылка съ суда на правду человекъ на десять или пятнадцать“ (*Ак. Юрид.*, № 18; *Ак. Ск.*, т. I, №№ 221 и 357), чтобы убѣдиться въ истинномъ значеніи словъ „ѣхать на правду“. Изъ одного суднаго дѣла, разбиравшагося тіуномъ Двинскаго намѣстника Сумароковымъ, также усматривается что судья велѣлъ доводчику поставить предъ собой Еюима Кузьмина, на котораго сослалась одна изъ сторонъ (*Ак. Юрид.*, № 19). Все это показываетъ что выраженіе „ѣхать на правду“ означало отправленіе доводчика за свидѣтелями для представленія ихъ на судъ, а вовсе не то что предполагаетъ г. Костомаровъ. Другой его выводъ, будто бы доводчикамъ дозволялось приходиться незванными на пиры и братчины для полицейскихъ разслѣдованій, тоже не вѣренъ.

Въ уставныхъ грамотахъ постоянно говорится: „а тиунамъ и намѣстничьимъ людямъ на лиры и братчины незванымъ не ходити (Ак. Эк., т. I, №№ 123, 143, 144, 324), а кто позоветъ къ себѣ тиуна или доводчика лить въ лирь или братчину, и они павши да тутъ не ночуютъ, а ночуютъ въ иной деревнѣ (Ак. Эк., т. I, № 150); а у котораго сельчанина или деревенщика случится лирь или братчина, ему, доводчику, на лирь и братчину не ходити“ (Ак. Эк., т. I, № 201). Въ одной только уставной Онежской грамотѣ сказано: „а тиуну и инымъ намѣстничьимъ людямъ на лирь и братчины незванымъ ѣкъ нимъ не ѣздити, *опричь доводчика*“. Итакъ, на основаніи этого одного извѣстія, противорѣчащаго большинству извѣстій, г. Костомаровъ выводитъ заключеніе что доводчику дозволялось являться незванымъ на всякій лирь и братчину, какъ *сыщикъ*, отправлявшемуся туда для разслѣдованій. Заключеніе совершенно неправильное и несогласное съ указаннымъ выше характеромъ древняго русскаго уголовного суда и притомъ едва ли практически исполнимое, потому что братчики при такомъ порядкѣ вещей безъ сомнѣнія стали бы устраивать свои лиры скрытно отъ доводчиковъ. Напротивъ, предоставленіе въ одной Онежской землѣ доводчику права лить на лирахъ и братчинахъ безъ зова указывало не на то что онъ былъ *сыщикъ*, а составляло лишь *прибавку къ его кормленію*, и больше ничего. Далѣе г. Костомаровъ говоритъ: „Мы не встрѣчали ни одного извѣстія показывающаго чтобы доводчикъ гдѣ-нибудь творилъ судъ, да и не могъ онъ творить суда, потому что по стариннымъ актамъ доводчикъ является лицомъ не живущимъ постоянно и долго нигдѣ; ему вмѣняется такое правило: гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ не ночевати.“ Изъ этого видно что доводчикъ представляется нашему противнику чѣмъ-то въ родѣ одушевленнаго *perpetuum mobile*, вѣчно шатавшимся изъ одного мѣста въ другое, и нигдѣ не имѣвшимъ постоянного яребыванія. Положеніе весьма тяжелое, еслибы дѣйствительно было такъ. Но правило указанное г. Костомаровымъ означаетъ не болѣе какъ предусмотрительность законодательства относительно необременительнаго распредѣленія между общинами кормленія доводчиковъ при поѣздкахъ ихъ по стану во время отправленія своихъ обязанностей: одна деревня должна была доставлять ему

обѣдъ, а другая ночлегъ. Притомъ, доводчики вовсе не были такими шатунами какъ думаетъ нашъ противникъ: они имѣли постоянное пребываніе въ станахъ и станovýchъ дворахъ, которые нарочно для нихъ строились, а самыя поѣздки тихъ должностныхъ лицъ происходили только время отъ времени въ случаѣ надобности.

Въ одной уставной грамотѣ было даже опредѣлено чтобы оводчики проѣзжали по стану только *два раза въ годъ* (Ак. Эк., т. I, № 150). Слѣдовательно въ этомъ отношеніи существовало для нихъ препятствіе заниматься иногда управленіемъ правосудія.

Въ справедливости же заявленія г. Костомарова, что онъ не встрѣчалъ ни одного извѣстія о производствѣ доводчиками суда, мы нисколько не сомнѣваемся. Такое заявленіе указываетъ лишь недостаточное его знакомство съ предметомъ, по которому онъ счелъ нужнымъ намъ возражать. Извѣстіе которое просмотрѣлъ ученый авторъ, помѣщено въ первомъ томѣ *Актовъ историческихъ* и заключается въ грамотѣ данной въ 1546 году крестьянамъ утмановскаго стана. Вотъ оно: „и доводчику утмановскотѣхъ крестьянъ судити и поля спущати, и управу дати въ Утмановѣ на стану. А случится тѣмъ крестьямъ каково дѣло, и доводчику у нихъ имать пошлинъ рубля по гривнѣ, а побьется поля, и онъ у нихъ пошлины емлетъ по тому жъ“ (Ак. Ист. т. I, № 299). Разумѣется доводчики творили судъ не вездѣ. Прямые ихъ обязанности состояли въ представленіи на судъ свидѣтелей и поданныхъ, въ отдачѣ послѣднихъ на поруки и въ выемкѣ личнаго съ лопатыми, по требованію потерпѣвшихъ лицъ, не иначе какъ по приказанію намѣстника, или волостеля, или ихъ тиуновъ. Такъ напримѣръ, когда въ 1541 году убили отъ Приклонскихъ двѣ дѣвки, Чернявка и Селянка, убравши своихъ господъ, и Приклонскіе дождались что дѣвки находятся во дворѣ Воынскаго, то били челомъ ну Бокшѣ и просили у него пристава „тѣ дѣвки и лопное вынати“. По такой просьбѣ тиунъ Бокша далъ потерпѣвшимъ доводчика Грача, который вмѣстѣ съ людьми черпѣвшихъ и съ лопатыми наѣхалъ Чернявку и Селянка „татыбы не наѣхалъ ничего“. Затѣмъ доводчикъ съ Чернявку и Селянку и своихъ лопатыхъ поставъ предъ тиуномъ Бокшею (Ак. Юрид. № 21). При

этомъ доводчикамъ запрещалось переѣзжать изъ стана въ станъ: „кійждо, говорится въ актахъ, вѣдаетъ свой станъ“ (Ак. Эк. т. I №№ 123, 181, 242, 243). Такимъ образомъ эти должностныя лица, если не производили сами суда, были только исполнителями приказаній судебной власти.

Итакъ, если въ рассматриваемое нами время не лежало никакихъ полицейскихъ обязанностей на правительственныхъ органахъ власти, то само собою разумѣется не могло быть и *дѣленія уѣздовъ въ полицейскомъ отношеніи*, а слѣдовательно и станы не составляли такого дѣленія, тѣмъ болѣе что доводчики, къ которымъ станы приурочивались, вовсе не имѣли значенія полицейскихъ сыщиковъ.

II. Объ остальныхъ частяхъ письма г. Костомарова, въ которыхъ нѣтъ ссылокъ на историческія свидѣтельства.

Разбирая отдѣлы нашей критики о головной татьбѣ, о судѣ боярскомъ и не боярскомъ и о значеніи древняго суда какъ доходной статьи, г. Костомаровъ, хотя и не приводитъ никакихъ цитатъ изъ источниковъ и не дѣлаетъ никакихъ возраженій, а излагаетъ только свои объясненія, но тѣмъ не менѣе этихъ объясненій мы не можемъ пройти молчаніемъ.

Названіе „головная татьба“, говоритъ нашъ противникъ для большинства читателей устарѣло и сдѣлалось непонятнымъ, и потому онъ въ скобкахъ даетъ объясненіе этому названію: „кража людей“, и не думаетъ чтобы кто-либо изъ его *Исторіи въ жизнеописаніяхъ* могъ найти пониманіе кражи людей въ буквальномъ смыслѣ. Дѣйствительно, такъ никто не найдетъ ничего подобнаго, но при совершенномъ безмолвіи автора по этому предмету, не откроетъ также толкованія противнаго тому. Однакожь, если г. Костомаровъ безмолствуетъ о значеніи выраженія „головная татьба“ въ издаваемой имъ *Исторіи*, за то въ своемъ письмѣ къ редакцію *Вѣстника Европы* впадаетъ въ противоположную крайность, именно создаетъ цѣлый рядъ ни на чемъ не основанныхъ предположеній, подчиняясь лишь силѣ присущей ему фантазіи. „На старинномъ языкѣ“, утверждаетъ онъ, „подъ головою татьбой разумѣлось всякое противъ законное овладѣніе человѣческимъ существомъ, а способомъ

такого овладѣнія было много: всѣ они вѣроятно входили въ общее понятіе о головной татьбѣ.“ „Объясненіе г. Ланге, продолжаетъ г. Костомаровъ, не обнимаетъ всѣхъ представлений изъ которыхъ сложилось понятіе о такой татьбѣ. И въ самомъ дѣлѣ развѣ способъ указываемый г. Ланге на основаніи Герберштейна и дополнительной статьи къ *Судебнику*, былъ единственнымъ видомъ овладѣнія человѣческою свободою? Не могло развѣ быть еще другихъ способовъ? Развѣ кто-нибудь не могъ, ставившись не съ вольнымъ человѣкомъ, а съ чужимъ холопомъ, увести его къ себѣ въ домъ и называть своимъ холопомъ, не составляя даже никакого подложнаго вида? Не могло быть развѣ такого случая: кто-нибудь схватилъ другаго кого-нибудь и держалъ у себя въ домѣ въ залперти съ цѣлію вымучить у него какую-либо уступку въ свою пользу? Не входили ли и такіе случаи въ общее понятіе о головной татьбѣ? Не мало можно вообразить подобныхъ случаевъ.“

Не споримъ что вообразить можно весьма многое и что для воображенія нѣтъ границъ, но при юридическихъ изысканіяхъ его услуги совершенно не пригодны. Съ каждымъ древнимъ юридическимъ терминомъ, въ данной моментъ исторіи, соединяется то или другое ясно очерченное представление, которое въ послѣдствіи видоизмѣняется такъ или иначе. Задача изслѣдованія такихъ терминовъ состоитъ въ опредѣленіи по источникамъ какъ существа присущаго имъ понятія въ извѣстный періодъ времени, такъ и постепеннаго измѣненія или расширенія этого понятія. Тутъ нѣтъ мѣста воображенію, все должно основываться на самыхъ точныхъ указаніяхъ историческихъ памятниковъ. Поэтому напрасно г. Костомаровъ, предаваясь разнымъ произвольнымъ гаданіямъ, упрекаетъ насъ въ недостаточномъ перечисленіи всѣхъ представлений изъ которыхъ будто бы сложилось понятіе о головной татьбѣ. Напротивъ мы изслѣдовали въ этомъ отношеніи все что было возможно, разумѣется не улекаясь фантазіей.

Относительно суда боярскаго и не боярскаго объясненія нашего противника до того неудачны что лучше было бы для него умолчать объ этомъ предметѣ. „Критику не вразится, оправдывается г. Костомаровъ, что говоря о намѣстникахъ и волостеляхъ съ боярскимъ судомъ, и предполагая что выраженіе съ *судомъ боярскимъ* будетъ для многихъ

читателей непонятнымъ, я привелъ въ скобкахъ слѣдующее объясненіе означеннаго выраженія: т.-е. съ *правомъ судить* подвѣдомственныхъ имъ лицъ подобно боярамъ въ своихъ вотчинахъ.“ Замѣтимъ на это что тутъ дѣло идетъ вовсе не о вкусахъ, не о томъ что намъ нравится или не нравится: намъ кажется страннымъ что ученый историкъ прибѣгаетъ для объясненія суда боярскаго къ неправильнымъ сравненіямъ и подобіямъ, тогда какъ значеніе такого суда точно и ясно опредѣлено въ самыхъ судебныхникахъ.

Но послушаемъ дальше нашего противника. „Несомнѣнно“, повѣствуетъ онъ, „что всѣ владѣльцы населенныхъ имѣній имѣли *нѣкоторое право суда* надъ крестьянами, какъ это видно изъ послушныхъ грамотъ, въ которыхъ крестьянамъ вмѣняется въ обязанность слушаться и повиноваться своимъ владѣльцамъ.“

Итакъ, по мнѣнію г. Костомарова, вмѣнять крестьянамъ въ обязанность *слушаться и повиноваться* кому-нибудь значитъ признавать за нимъ въ то же время и право творить судъ надъ этими крестьянами. Чтобы утверждать это, нужно быть слишкомъ увѣреннымъ въ несообразительности „благоразумныхъ читателей“. Однакожъ, все вышеизложенное не получить надлежащей полноты безъ слѣдующаго объясненія автора.

Онъ говоритъ: „Бояре въ своихъ вотчинахъ судили тѣхъ лицъ которыя зависѣли отъ нихъ во всемъ своемъ житейскомъ строѣ, намѣстнику же и волостелю, пользовавшемуся правомъ боярскаго суда, также приходилось судить тѣхъ которые во всемъ ходѣ своихъ житейскихъ отношеній зависѣли отъ него, какъ своего правителя. Вотъ почему, упомянувши о намѣстникахъ и волостеляхъ съ боярскимъ судомъ, я для объясненія этого боярскаго суда у намѣстниковъ и волостелей *умѣстнымъ* счелъ сравнить ихъ боярскій судъ съ судомъ бояръ въ ихъ вотчинахъ.“

Позволяемъ себѣ замѣтить что въ приведенныхъ нами словахъ ученаго автора содержится не научная истина, а туманъ научныхъ, ничего не объясняющихъ фразъ. Мы показали выше какими правителями были намѣстники и волостели, и объяснили что крестьянскія общины вовсе не находились у нихъ въ полной зависимости во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Поэтому сравненіе намѣстниковъ и волостелей съ вотчинниками по праву боярскаго суда, ра-

ли одинаковости будто бы отношенія къ тѣмъ и другимъ подсудныхъ имъ лицъ—совершенно неумѣстно. Притомъ, не для чего было прибѣгать къ неудачнымъ сравненіямъ, а слѣдовало бы только изучить по актамъ что именно у насъ разумѣлось въ старину подъ боярскимъ судомъ и не боярскимъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ на замѣчанія г. Костомарова относительно нашего мнѣнія о значеніи древняго суда какъ доходной статьи. „Трудно объяснить“, удивляется ученый авторъ, „зачѣмъ критикъ коснулся этой стороны вопроса. Едва ли стоить, продолжаетъ онъ, распространяться въ мелочахъ и подробностяхъ, въ которыхъ быть-можетъ найдется какое-нибудь различіе между *нашими взглядами*“. Взглядъ г. Костомарова собственно говоря мы не знаемъ. Коротенькая употребленная имъ въ его сториі фразы: „судъ былъ доходною статьей“ была для насъ лишь слабымъ эхомъ, напомнимъ намъ мотивированныя мнѣнія по этому предмету гг. Чичерина и покойнаго Самарина. (*Рус. Бесѣда* 1857, т. II.) Возраженія Самарина противъ взгляда автора „Областныхъ учрежденій Россіи въ XVII вѣкѣ“, хотя болѣе теоретическія, мы признавали совершенно основательными, и только старались подкрѣпить ихъ въ нашей статьѣ фактическими указаніями. Означенная фраза г. Костомарова дала лишь намъ къ тому удобный поводъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Костомаровъ осуждаетъ насъ за то, что мы вскользь назвали издаваемую имъ *Историю* исполненною явно предвзятой своеобразности, и видятъ въ этомъ желаніе бросить на его сочиненіе какое-нибудь пятнышко. „Приговоръ г. Ланге, говоритъ онъ далѣе, гласитъ прямо, что я въ своей *Истории* служилъ не истинѣ, а поклонялся случайному вкусу большинства, или собственнымъ симпатіямъ и антипатіямъ.“ „Рѣшившись изречь надо мною, продолжаетъ г. Костомаровъ, такой суровый приговоръ, надобно было и подкрѣпить его какими-нибудь доказательствами, иначе высказанный голословно приговоръ надъ моею *Исторіей* даетъ г. Ланге мѣсто не въ ряду добросовѣстныхъ служителей научной истины, а въ толпѣ такихъ писакъ, которыхъ голосъ уносить вѣтеръ также легко какъ и наносить.“

Не претендуя ни на какое мѣсто въ литературѣ, даже и на то которое такъ охотно предоставляетъ намъ г. Костомаровъ, мы тѣмъ не менѣе поняли, что онъ самъ значить причисляетъ себя къ ряду добросовѣстныхъ служителей научной истины. Такое сознаніе для ученаго всегда невыразимо отрадно, даже и въ томъ случаѣ, когда оно является слѣдствіемъ одной только самонадѣянности и самомнѣнія. Мы говорили исключительно о древнемъ русскомъ правѣ, и высказали лишь мимоходомъ взглядъ на *Исторію* г. Костомарова. Впрочемъ, если необходимо, мы постараемся указать на предвзятость историческихъ мнѣній г. Костомарова даже въ его настоящемъ отвѣтѣ на нашу статью, не имѣя ни времени, ни желанія лускаться въ болѣе подробныя указанія въ этомъ направленіи. Говоря о вѣчѣ вообще, мы выписали изъ посланія митрополита Іоны къ Новгородцамъ то мѣсто, гдѣ онъ весьма неодобрительно отзывается о ихъ вѣчевыхъ сходкахъ, на которыхъ, по его словамъ, происходили нерѣдко кровопролитія при содѣйствіи напередъ подкупленныхъ льяницъ и бродягъ. Этой оцѣнкѣ Новгородскаго вѣча, несочувственной почему-то г. Костомарову, онъ не *спритъ*, и не вѣритъ не вслѣдствіе какихъ-либо изслѣдованій, не вслѣдствіе серіознаго критическаго взгляда на личность митрополита Іоны, а по одной лишь данной ему ученымъ авторомъ кличкѣ: *Москвичъ*. Но если бы нашъ противникъ далъ себѣ трудъ остановиться на личности митрополита Іоны, и уяснить себѣ цѣль его посланія, то онъ безъ сомнѣнія пришелъ бы къ убѣжденію въ несомнѣнной правдивости его словъ. Митрополитъ Іона, родомъ изъ Галича, еще въ древности причтенный къ лику святыхъ, составляетъ одно изъ свѣтлыхъ явленій въ исторіи русской іерархіи. Отецъ нищихъ и угнетенныхъ, онъ пишетъ свое посланіе не кому-либо другому, а самимъ Новгородцамъ, и пишетъ имъ объ ихъ же вѣчевыхъ сходкахъ не изъ угожденія земной власти, а скорбя душой, по латырскому долгу. Обращая же свое слово ко всѣмъ жителямъ Великаго Новгорода, онъ не могъ говорить имъ въ глаза о небылицахъ, а разумѣется упоминалъ о дѣйствительныхъ, всякому тогда извѣстныхъ и не разъ повторявшихся, событіяхъ. И точно, въ самихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы находимъ полнѣйшее подтвержденіе словъ святителя Іоны. За годъ до его посланія, въ нихъ подъ 1447 годомъ разказывается какъ посадникъ Сокира и „без-

правдивые“ бояре, напоивъ дольна „ливца и вѣща се-ребрянаго“ Оедора Жеребца, научали его оговаривать на вѣчѣ многихъ людей, какъ затѣмъ, по пьянымъ рѣчамъ Жеребца, происходили въ Новгородѣ убійства и грабежи, и какъ наконецъ „голодники“, „ябедники“ и „посульни-ки“ „тому радовались, только бы кого оговорилъ“. Между этими разказами лѣтописи и словами названнаго посла-ня нельзя не признать поразительнаго соотвѣтствія. Из-ложенныя событія въ Новгородѣ и были вѣроятно пово-домъ вызвавшимъ самое посланіе. Но для г. Костомарова митрополитъ Іона не больше какъ *Москвичъ*, которому, вслѣд-ствіе такого печальнаго для него обстоятельства, нельзя вѣрить. Впрочемъ, если митрополитъ Іона лживъ, потому только что *Москвичъ*, за то иностранецъ Герберштейнъ у автора *Истории въ жизнеописаніяхъ* безусловно справедливъ, даже и тогда, когда называетъ Русскихъ на войнѣ *трусами*, какъ бы желавшими сказать непріятелю: *бѣгите или мы сами побѣдимъ* (стр. 352, вып. II). Неужели все это можно назвать результатомъ безпристрастнаго изслѣдованія науч-ной истины? Неужели это не предвзятость мнѣній? Мы не признаемъ также чтобы разобранное нами письмо г. Ко-стомарова въ редакцію *Вѣстника Европы* было напечатано изъ уваженія къ научному изслѣдованію. Разсмотрѣвъ это письмо подробно, мы убѣдились, что ученому автору доста-точно было сослаться невольно на двѣ статьи изъ *Судеб-ника* и на судную Новгородскую грамоту, привести ниче-го не доказывающіе разказы изъ лѣтописей о князѣ Яро-славѣ, о крамольникахъ, и указать на священниковъ служа-щихъ за дяконовъ, и на сотскихъ съ помощниками, до-бившихъ преступниковъ,—чтобы въ концѣ своего письма съ увѣренностью провозгласить, что всѣ наши возраженія опровергнуты имъ *легко и легко* несомнѣнными историче-скими свидѣтельствами, и что вся его защита преисполнена „правды“. Слова безспорно громкія, но вытекающія, какъ мы кажется достаточно доказали, изъ весьма зыбкихъ осно-ваній. Этимъ мы окончимъ нашъ отвѣтъ г. Костомарову, и полагаемъ, что если не всѣ „благоразумные читатели“, то по крайней мѣрѣ люди знакомые съ предметомъ о которомъ идетъ рѣчь не найдутъ нашего отвѣта голословнымъ.

НИКОЛАЙ ЛАНГЕ.

ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО

1800—1868

(ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ)

Предлагаемая статья не есть литературное произведение въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть это не вымыселъ и не *записанный* разказъ. Это—подлинная автобіографія крѣпостнаго изъ зажиточной, потомъ обѣдѣвшей семьи, автобіографія крестьянина, мыкавшаго горе бѣднымъ ларнемъ, бѣгавшаго за Дунай, возвратившагося по Всемилостивѣйшему манифесту, окончившаго свою жизнь въ Москвѣ купцомъ 2й гильдіи, агентомъ одного большого завода, человекомъ извѣстнымъ всему биржевому и торговому кругу и всѣми уважаемымъ; подлинная хроника, *писанная имъ самимъ* на склонѣ дней. Если изъ крѣпостнаго крестьянскаго быта у насъ выходило не мало замѣтныхъ въ томъ или другомъ отношеніи людей, то кажется еще не было примѣра чтобы вышедшій изъ крѣпостнаго состоянія, но оставшійся въ крестьянской или примыкающей къ нему мѣщанской, промышленной, торговой средѣ, оставилъ по себѣ *собственноручныя записки*. Уже въ этомъ отношеніи помѣщаемыя ниже строки заслуживаютъ вниманія. Всякій оценить въ нихъ конечно, кромѣ историческаго и бытоваго значенія и довольно любопытныхъ подробностей, еще двѣ

черты: независимость отзыовъ какъ о „баринѣ“, такъ и о своей крестьянской братѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшую незлобивость и дѣльность сужденій. Къ сожалѣнію, рукопись не могла быть напечатана въ своемъ сыромъ видѣ. Во первыхъ, она состоитъ изъ очевидно необработанныхъ черновыхъ набросковъ; во вторыхъ, она изобилуетъ повтореніями и подчасъ вдается въ неоправдываемое потребностями изложенія многословіе, естественное со стороны человѣка умнаго, бывалаго, читавшаго на своемъ вѣку, но едва грамотнаго. Нужно было очистить эту кору чтобы получить простой и складный разказъ, какой вѣроятно самъ авторъ написалъ бы на бумагу, еслибъ имѣлъ болѣшую привычку къ письменности. Но сокращая и устрояя лишнее, я ни одного почти слова не прибавилъ отъ себя и старался сохранить своеобразность рѣчи вездѣ, гдѣ она проявлялась.

Подлинная рукопись (112 страницъ большаго формата и очень мелкаго письма) подарена мнѣ моимъ добрымъ московскимъ знакомымъ И. Д. Гв., большимъ пріятелемъ покойнаго автора, который предъ смертію передалъ свою автобіографію въ его распоряженіе.

I.

Великое Село (Ярославской губерніи, въ 35 верстахъ отъ Ярославля, на востокъ отъ большой дороги оттуда въ Ростовъ), мѣсто нашей родины, съ незапамятныхъ временъ подлежало съ окружными деревнями вѣдѣнію дворцоваго государева приказа. Церковь, два базарные дня въ недѣлю, производство крестьянской обуви, рукавицъ, варежекъ, шерстяныхъ чулокъ—остались памятниками той давней поры. Этими руководѣлями и держалась искони базарная торговля. Лѣтомъ она оживлялась добавочною продажей холстовъ и тонкихъ носовыхъ платковъ (многимъ вѣроятно и теперь болѣе извѣстныхъ чѣмъ самое село Великое), зимой льна, подъ названіемъ „гаинца“, котораго въ окрестности издревле была порядочная залапка и который испоконъ вѣка славился своимъ качествомъ. Въ XVIII столѣтіи вся вотчина съ двадцатью тремя деревнями и селомъ Плещеевымъ какимъ-то манеромъ (не умѣю объяснить, кажется подарена

т. сѣх.

Екатерина) перешла во владѣнiе князя Петра Ивановича Репнина. Вельможа любилъ село, поставилъ тамъ деревянные хоромы, часто самъ въ нихъ жила, дружилъ съ тогдашнимъ воеводой, содержалъ псарню, держалъ особой породы гончихъ, бѣгалъ съ гостями за зайцемъ, ходилъ на медвѣдя. Строится, пристраивается и перестраивается онъ былъ большой охотникъ, и въ прихотливыхъ его перемѣнахъ крестьянамъ доставалось довольно работы. За то онъ не стѣснялъ ихъ много денежнымъ сборомъ, а во всемъ прочемъ была имъ волягота. Старики даже хвастались: „Вотъ была жизнь при князѣ! Мужики мелкой сошки сворачивали съ дороги. Земскіе крючки и носу не показывали. Грѣшнымъ дѣломъ подопьемъ и повольничаемъ, напроказимъ что—все съ рукъ сойдетъ: приди на утро съ повинною къ князю, принеси гостинчикъ дворецкому, и концы въ воду. А оуется какой смѣльчакъ на насъ жалобы изводить, да будетъ резоны выставлять,—ну и попробуетъ на конюшнѣ аралника.“

Точно, князь защищалъ своихъ крестьянъ и не тяготилъ оброкомъ, но плохо то, что вовсе не занимался онъ хозяйственною экономіей и не служилъ крестьянамъ хорошимъ примѣромъ, а изъ одной доброты вышла лотачка зла. Люди стали негодьями, пьяницами, лѣнливцами, и полно разбирать, какъ досталась колѣвка! Съ того же времени заведось въ селѣ два *крестьянскихъ каменныхъ* дома, очень примѣчательныхъ: одинъ тѣмъ что хозяинъ его, мужикъ, самъ для себя кирпичи выжегъ, другой—по иной причинѣ. Этого хозяинъ былъ сыромятникъ. Случился разъ скотскій падежъ; онъ драгъ съ чумнаго скота кожи, выдѣлывалъ ихъ подъ защитой князя, продавалъ съ большимъ барышомъ, тѣмъ изъ ладаи и палаты поставилъ. Толкують, будто лишь одному еще человѣку, кромѣ кирпичника, и доставался хлѣбъ честнымъ трудомъ: старику одному который выводилъ голубей и нѣсколько лѣтъ сряду возилъ ихъ въ Москву по заказу тогдашняго тамъ большаго вельможи (плорода и теперь слыветъ знаменитомъ).

А залущенное хозяйство и дало себя знать. Зажиточныхъ крестьянъ не было, напоследокъ же князю вдругъ помадобились деньги. Онъ прежде всего обратился къ своимъ, назначилъ выкупъ ихъ свободы со всею землею и

угодами за двѣ тысячи пятьсотъ душъ — шестьдесятъ тысячъ, значить по двадцать-четыре рубля за душу: крестьяне и того не могли собрать! У нихъ и подати: коли не поможетъ князь, частенько приходилось стоять на правежѣ.

Чѣмъ кончилась денежная надобность князя? Разумѣется продажей вотчины. Въ ту пору людей сбывали безъ дальнихъ затѣй, какъ рабочій скотъ. Нужны помѣщику деньги — вѣскольکو человекъ крестьянъ на базаръ. Покупать могъ всякій свободный, формальныхъ крѣпостныхъ записей не было, требовалось только письменное свидѣтельство помѣщика. И цѣлую вотчину тоже можно было поворотить на базаръ. На это водились люди въ родѣ маклеровъ (они же занимались ябедами въ судахъ, вѣда знакомство съ богатыми). Черезъ одного такого дѣльца продана была и вся наша вотчина, не помѣщику, а богачу изъ купцовъ, бывшему тогда въ Петербургѣ откупщикомъ литейныхъ сборовъ, Саввѣ Яковлевичу Собакину (въ послѣдствіи съ перемѣной фамиліи Яковлеву). Слышно было отъ стариковъ что этотъ Савва Яковлевичъ вышелъ изъ Осташковскихъ мѣщанъ, служилъ въ Петербургѣ работникомъ у придворнаго поставщика зелени, мущина былъ красивый, кровь съ молокомъ, здоровый, видный. Умѣлъ выйти въ люди и пользовался благосклонностью тогдашняго вѣка такого лица, которое имѣло способъ изъ бобыля сдѣлать богача. Не знаю счастье ли или способности и природная сметливость, но Савва Яковлевичъ имѣлъ расположеніе многихъ знатныхъ господъ. Только разъ, по одному важному случаю, допущена была въ Петербургъ на одинъ день безденежная расливка вина по вѣсімъ литейнымъ заведеніямъ, въ родѣ какъ бы угощеніе народу. Откупщикъ, въ надеждѣ на покровителей, и поставъ въ разчетъ съ казной неломѣрно ужъ много будто бы израсходованныхъ имъ литей, что-то вдвое чѣмъ былъ у него весь годичный запасъ: хватилъ черезъ край, а главное — не поладилъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Вышелъ доносъ, и у Саввы Яковлевича откулъ отбрали, а самого выслали изъ Петербурга.

Непріятно, конечно, но съ деньгами вездѣ жить хорошо: вотъ онъ и купилъ нашу княжескую вотчину, да еще приобрѣлъ себѣ въ Сибири у Демидова желѣзные заводы, а потомъ еще въ Ярославѣ полотняную мануфактуру съ

мастеровыми людьми до тысячи душъ. Въ Петербургѣ же и Москвѣ было у него много домовъ.

До этого времени или послѣ, не знаю, родилось у него пять сыновей и одна дочь: Петръ, Иванъ, Гаврило, Михаилъ, Сергій. По тогдашнему обычаю богатыхъ людей, сыновей записали на службу, они получали чины, въ послѣдствіи вышло имъ и дворянство. Послѣ смерти родоначальника, пять сыновъ (всѣ не женатые), раздѣлили имѣніе на пять частей. Сергѣю, по службѣ уже подполковнику, досталось наше село, безъ окружныхъ деревень (1130 десятинъ пахатной земли, 160 лѣсу и 600 луговъ), кромѣ того въ Сибири желѣзные заводы съ душами.

Съ той поры какъ богатый откупщикъ купилъ вотчину, жизнь крестьянская пошла иначе. Буйная свобода замѣнилась рабскою покорностью, за прежнее ото всѣхъ посылались укоры, земскіе крючки стали безпрестанно наѣзжать въ село по дѣлу и безъ дѣла, жить тамъ и кормиться; нѣтъ ужъ бывшей барской защиты: за все откулайся деньгами! Новый владѣлецъ устроилъ при рѣкѣ близъ села бумажную фабрику, и на работу туда поставилъ всѣхъ кто неисправно вносилъ положенный оброкъ, то-есть чуть не всю вотчину. Тогда только старики догадались что для избавленія отъ тяжелой барщины нужно изыскивать средства приобрести колѣвку, но пересолили и въ другую сторону противъ прежняго: всякій сталъ думать только о себѣ, а предприимчивость новыхъ способовъ добычи денегъ ограничилъ мелочнымъ расчетомъ, прибѣгая къ тому же ко всякимъ средствамъ. Съ этого кажется времени и начали постепенно измѣняться нравы нашихъ предковъ. Старики, сознавая прежнюю ошибку, говорили: „Господь прогнѣвался, и жизнь наша безотрадная за грѣхи наши.“ А другіе и то прибавляли: „Не за то Богъ на насъ гнѣвъ положилъ что при князѣ вольничали, а за то что отступились отъ вѣры по старымъ книгамъ, погубила насъ Никоновщина и сожительство съ табачниками.“ Домашніе грамотѣи затолковали даже о послѣднихъ временахъ, о печати антихристовой и о близкомъ появленіи звѣря съ титуломъ 666. А какъ тогдашнее духовенство не только не обратило на это состояніе головъ никакого вниманія, но еще приводило крестьянъ въ соблазнъ своею жизнью, то невѣжественные толки укрѣпили расколъ во всѣхъ почитавшихъ важность христіанскихъ

обрядовъ. Сужденіями о двулерствѣ сложени креста и о чтеніи церковной саужбы по старымъ книгамъ увлеклись всѣ слабые разсудки, особенно женщины, и стали жертвой Пахомыча, который былъ однимъ изъ главныхъ тогдашнихъ наставниковъ раскола (хотя втихомолку придерживался чарочки), и завелъ въ селѣ моленную.

Все это происходило хотя неизвѣстно мнѣ въ какихъ именно годахъ, но знаю что въ бѣдственномъ барщинномъ положеніи предки наши находились около пятнадцати лѣтъ, до самаго раздѣла наслѣдниковъ богатаго откупщика. Слѣдовательно, это было до тысяча восьмисотаго, потому что въ 1790 молодой владѣлецъ-подполковникъ писаннымъ приказомъ всѣмъ нашимъ сельчанамъ объявилъ волю своего повелѣнія, что отнынѣ впредь крестьяне нашей родины (1.250 душъ) освобождаются отъ фабричной работы, и владѣтъ имъ всею пахотною землею, сѣнокосными лугами и дровянымъ лѣсомъ, а за все то вносить годичный оброкъ 15.000 рублей ассигнаціями. Казеннаго сбора платили полтора рубля съ души. Господскій налогъ по тогдашнему времени показался довольно тягостнымъ; притомъ и пахатной земли пришлось меньше чѣмъ десятина на душу, только и есть что скотъ пасти, а посѣвы-то хлѣбные и не затѣвай. Наши старики и всплакнули было что когда князь хотѣлъ со всей вотчины взять шестьдесятъ тысячъ, и быть ей вѣчно вольною, такъ не могли собрать по своей той разгульной жизни.

Однако что дѣлать, прошлаго не воротить! Пошли рѣчи: „Слава Богу что хоть избавились отъ барщины. Дѣла-то авось торжашки справятъ. Оброчному крестьянину хоть и тяжело, все-таки лучше зашибетъ копѣйку, тутъ и бабы помогутъ: онѣ у насъ мастерицы ткать тонкія новинки; нарочно въ село пріѣзжаютъ кулцы, платятъ дорого и хвалятъ, лучше дѣнѣтъ такихъ новинъ. Да еще спасибо молодому барину и за то что въ управленіе вотчины назначилъ выбирать намъ самимъ бурмистра. Свой человекъ, какой ни есть, лучше чужаго. Вотъ хоть заводскій управляющій, толстый Нѣмецъ: сколь ни будь исправенъ на работѣ, а какъ не принесешь къ празднику яичекъ, маслица, или жена полотенецъ да холста, такъ и гляди что придерется ни къ чему, проклятый, да и отдеретъ тебя,—куда пойдешь жаловаться? А коли не къ чему прицѣлиться, позоветъ

тебя къ себѣ въ покой; идешь себѣ попросту, ну чуточку и замараешь полъ; вытеръ бы хоть кафтаншкомъ, такъ нѣтъ: велить слизать языкомъ, а то бородой вытереть, и не отстанетъ, сулостатъ, пока не вытрешь начисто...”

Въ молодости моей эти пересказы стариковъ слабое имѣли впечатлѣніе. Потомъ уже вспомнилось, и укрѣпилась во мнѣ мысль, что да, горькая была крестьянская наша зависимость!

II.

Новый владѣлецъ нашъ, подполковникъ, не злой человѣкъ, но съ дѣтства раслуценный, не такъ-то охотно держался солиднаго круга знакомыхъ своего семейства, даже тяготился приличіемъ визитовъ и жилъ по-своему, такъ что прежнія связи разстроились и даже родные не хотѣли съ нимъ знаться. Въмѣсто ихъ нашлись ему угодники, люди не казистые, но съ отличнымъ достоинствомъ: попить, покутить готовы одинъ за троихъ, да восхвалить добродѣтель хозяина и умъ его Соломоновъ, да посплетничать, или и познакомить съ красивенькимъ личикомъ. Жизнь шла какъ по маслу. Сытный столъ ежедневно готовился на тридцать и болѣе особъ разнаго званія и пола. Въ шесть часовъ кончался обѣдъ, потомъ окна на Невскій (жилъ подполковникъ въ самомъ Петербургѣ) закрывались ставнями, и начиналась потѣха. Музыканты, лѣсенники, буфетъ. Предъ полпойкой обыкновенно хоромъ кантъ: „Братья, рюмки наливайте, осушайте въ рюмкахъ дно!“ Потомъ лѣсви и ляски. Наскучить—въ разсыпную, въ залѣ настелютъ мягкихъ ковровъ, сядутъ на нихъ чинно рядышкомъ и затаянутъ любимую „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Когда и это надоѣло, готова другая забава: въ теплой комнатѣ можно щеголять въ Адамовомъ костюмѣ...

Втерлся въ расположеніе нашего барина также и люди имѣвшіе цѣль не только покутить, но въ домѣ богатаго хозяина открыть карточную игру. Коноводы этой „золотообрѣзной компаніи“, какъ ихъ называли, народъ тонкій, хитрый, повели свое дѣло съ умѣньемъ: они залучили нѣсколько человѣкъ пристрастныхъ къ банку изъ знатной молодежи. Хозяинъ самъ не имѣлъ большой охоты къ картамъ, но увлекался фамиллярностью знатныхъ посѣтителей, слу-

чалось тоже „примазывался“ и полаачивался: что ему значило потерять нѣсколько тысячъ! Только разъ получилъ онъ отъ одной иностранной конторы значительный кушъ за проданное желѣзо. Провоухали объ этомъ пріятели. Одни явились къ обѣду, привезли мѣшокъ червонцевъ и дали хозяину на сохраненіе не считая. Другіе пріѣхали когда подполковникъ, уже сытый и пьяный, взявъ рюмку провозглашалъ обычный стихъ: „Ну друзья, Богъ вино намъ далъ на радость, Старость въ немъ находитъ младость и всѣмъ горестямъ конецъ“. Подтянули, выпили хорошенько, затѣмъ открыли игру. Привезенныя деньги разложили по столамъ. Сперва пробавлялись все мелкими ставками, такъ что хозяину, хоть и не игроку, досадно сдѣлалось зачѣмъ никто не рискуетъ докрутить. Въ поощреніе онъ самъ ставитъ карты на всѣхъ столахъ: три выигрываютъ, одна убита, еще нѣсколько даны, всего получилъ около десяти тысячъ. Богачу это не находка, онъ лишь радъ что развеселилъ гостей. Оставилъ ихъ, въ другой комнатѣ еще подкуражилъ, а тутъ ему кричать.

— Сергій Савичъ! безъ васъ игра опять затихла.

— Ну, говорить,—такъ я же имъ дамъ!

Входитъ, ищетъ столъ гдѣ куча денегъ побольше, беретъ шестерку, „ва-банкъ!“

Убита...

Нечего дѣлать, надобно расплатиться. „Сколько“, спрашиваетъ. Сосчитали, и въ грудѣ золота оказалось банковыми билетами двѣсти тысячъ.... Приказалъ управляющему заплатить сполна, только въ этотъ вечеръ сильно наѣзлся.

Кромѣ бахвальства и замашки кутнуть, баринъ нашъ имѣлъ еще охоту къ лошадямъ, не зная въ нихъ толку, а хотѣлъ всѣхъ перещеголять. Такіе охотники большой кладъ для барышниковъ, они его и оплели. Поладили съ лакеями, чтобы вовремя доложили, повели дружбу съ кучерами, сперва продавали хорошо, честно, а потомъ и повадила всякая кляча. Такими покупками биткомъ набились барскія конюшни въ городѣ и на дачѣ. Когда же увидѣли прошлецы что лошадей дѣвать больше некуда, тогда пошла иная манера. Приходятъ, бывало, и который портчистѣй докладываетъ:

— Эхъ, батюшка, Сергій Савичъ, лошади-то ваши хороши, только позастоялись, да и давненько изволили въ

стойла поставитъ; нужно бы свѣженькими обзавестись. Вотъ намъ съ Битюга ведутъ коньковъ Масоловскаго завода, и свидѣтельство имѣемъ: вотъ бы вамъ ужь какъ къ рукѣ!

А онъ:

— Чтѣ, ребята, купить бы купилъ, дѣвать некуда. Развѣ мѣняться?

— Изволя, отецъ, лишь бы угодить твоей милости...

И велитъ трехъ за одну отдать, да еще съ прибавкой надичными (безъ чистогану барышникъ не отойдетъ).

Такъ и всѣ шли дѣла домашнія. Исключительною довѣренностью нашего барина пользовался управляющій, Иванъ Савичъ Сквозникъ, человѣкъ изъ тѣхъ чтѣ знаютъ гдѣ раки зимуютъ. Онъ въ десятилѣтнюю службу при подполковникѣ хорошо проникъ барина, приковился ко всѣмъ его прихотямъ, да всѣмъ и ворочалъ. Аккуратности онъ по счетамъ былъ неимовѣрной. Днемъ ли, ночью захочетъ баринъ провѣрить деньги, все налицо до копѣечки. А того и не въ домекъ, что съ каждой продажи желѣза, мѣди, съ каждой покупки вещей для дома Ивану Савичу большой процентъ отъ купцовъ и поставщиковъ, чтобы продалъ подешевле, купилъ подороже. Сильно наживался. Бывало вышли всѣ деньги, желѣзо еще не сбыто, оброкъ не полученъ, нужно перехватить на текущіе большіе расходы. „Похлопочи, любезный Савичъ“, приказываетъ баринъ, „гдѣ хочешь достань, чтѣ нужно заплати.“ Онъ будто и достаетъ за жидовскій ростъ впередъ: деньги изъ своей шкатулки въ барскую на время перекладываетъ. А прикидывался бѣднякомъ, и въ доказательство своей худости, въ угодность барину, женился на нашей же крѣпостной дѣвушкѣ, говорятъ не чужой барину, который далъ ей вольную и двѣсти рублей. Сквозника конечно деньги не интересовали, но женщина была слодручна. Она смотрѣла въ домъ за всѣмъ въ родѣ каючницы: вмѣстѣ удобно было работать.

Еще былъ молодецъ, главный поваръ, какой-то „мусье“. Ему была поручена покупка провизіи и винъ, однимъ словомъ буфетъ, господскій столъ и продовольствіе дворни, и онъ почти ничего не дѣлалъ какъ только каждое утро въ бѣлой курткѣ и колпакѣ придетъ къ барину поклониться, потомъ зайдетъ на кухню сказать ребятамъ чтѣ готовить, послѣ пойдетъ къ земляку въ погребъ выпить и закусить,

походить по поставщикамъ за своимъ барышомъ, къ обѣду явится посмотреть въ столовой, за особымъ столикомъ локушаетъ, и отправится въ буфетъ сидѣть до полудни, курить кнастеръ, потягивать мадеру и грогъ. Это ничего: онъ велъ порядокъ. Плохо то, что многовѣко выгадывалъ на провизіи дворни. Было ее всякаго возраста и пола больше сотни человѣкъ, и многіе изъ нихъ просто нуждались кускомъ хлѣба. Лакеямъ и поварамъ еще доставалось кое-что съ барскаго стола, бѣдные же музыканты и пѣсенники частенько орали и трубили съ голоднымъ брюхомъ.

И намъ на селѣ было не легко. Оброкъ-то подавай сполна, а кромѣ того для дворни посылай лучшихъ молодцовъ. Въ одинъ годъ сорокъ человѣкъ взято было въ музыканты, въ лакеи, въ гайдуки за каретой стоять, да послѣ потребовалось двадцать дѣвушекъ.

Наскучила наконецъ барину безалаберная жизнь; вдругъ онъ бросилъ кутить и открылась въ немъ охота къ театру: нанялъ ложу, почти каждый вечеръ тамъ бывалъ. Сотралезнику его сытнаго обѣда остался только тотъ, кто тоже любилъ театръ. Домъ затахъ, пирушки прекратились, компанія игроковъ лишилась теплаго пріюта. Баринъ сталъ даже чисто-плотенъ, каждое утро перемѣнялъ бѣлье, одѣвался щегольски, ѣздилъ куда-то съ визитами... Вдругъ приказано передѣлать домъ на дачѣ, купить туда новую мебель. И на дачу переѣхали раньше обыкновеннаго. Стали толковать, будто баринъ женится на какой-то актрисѣ.

Такъ оно и случилось. Въ домъ явилась хозяйка, Настасья Борисовна, которая на другой же день первымъ дѣломъ призвала всю прислугу, разспросила кто чѣмъ занимается, не имѣетъ ли въ чемъ нужды, все ласково, пріятливо. Не знали, какъ благодарить. И завелся порядокъ. Сквознику велѣно искать другое мѣсто, повара тоже разчитали, для всей отчетности открыли домашнюю контору, главную кассу поставили въ кабинетъ барина, вмѣсто управляющаго взяли дворецкаго изъ своихъ крѣпостныхъ, добраго и хорошаго человѣка. Съ этого времени всѣ люди въ домѣ были сыты и довольны. Добрая молва пошла и по городу, дошла до братьевъ, родственная холодность ихъ начала понемножку исчезать, начали, сперва изрѣдка, будто мимоходомъ, посѣщать барина и прежніе знакомые. И баринъ съ молодою супругой тоже сталъ ѣздить по господскимъ домамъ. Такъ все и пошло ладно.

Девять лѣтъ продолжалось семейное счастье. Тогда всѣмъ было хорошо. Дворни убавилось на-половину, нѣкоторые получили свободу; о рожденіи каждой дочери (сыновей Богъ не давалъ) извѣщалось въ вотчинное правленіе, а священникамъ высылалось по сту рублей на молебень. Случился въ нашемъ селѣ большой пожаръ,—съ крестьянъ не взяли оброка за годъ и сверхъ того дали имъ вспоможеніе на постройку. На десятомъ же году замужства, Настасья Борисовна, родивъ барину седьмую дочь, чрезъ двѣ недѣли скончалась... Похоронили ее въ Лаврѣ, подъ мрачнымъ памятникомъ, гдѣ наверху гнѣздышко съ лтенцами.

Съ ея кончиной дочери поступили подъ надзоръ гувернантокъ, въ домѣ хотъ и не былъ водворенъ прежній домъ, однако исчезъ и заведенный порядокъ, знакомства стали рѣдѣть, развѣ кто заглянетъ навѣстить сиротъ. Баринъ тоже свой домъ почти покинулъ и частенько заглядывалъ въ чужой, гдѣ говорятъ у хозяйки нѣмецкой фамиліи стали рождаться малютки на него похожія, и куда постоянно поступало полное продовольствіе, прислуга, экипажъ. Слышно было что это семейство въ послѣдствіи обезпечено полумилліономъ рублей въ билетахъ Сохранной Казны.

Такъ шло до 1808 года, когда по случаю разрыва съ Англіей прекратился отпущъ туда желѣза. Цѣны на него чрезвычайно улали, и заводскіе наши доходы до того уменьшились что баринъ едва былъ въ состояніи содержать крѣпостныхъ заводскихъ людей. Тутъ вдругъ умеръ его старшій не женатый братъ, извѣстный скряга, о которомъ можно судить изъ того что онъ своихъ металловъ никогда не продавалъ, а все копилъ, такъ что послѣ его смерти найдена гряда желѣза, вросшая на три аршина въ землю. Деньги онъ тоже собиралъ. Съ желѣзомъ тогда некуда было дѣваться, но какъ четвертая часть всего огромнаго наслѣдства скупецъ перешла къ нашему барину, то дѣла и поправились, такъ что въ Двѣнадцатомъ Году онъ могъ сдѣлать крупное пожертвованіе, за которое получилъ чинъ статскаго совѣтника. Въ послѣдствіи за другое дали ему и дѣйствительнаго. Съ генеральскимъ титуломъ онъ охотнѣе сталъ вести знакомства и самъ принимать гостей. Вскорѣ двѣ взрослыя дочери были выданы, тоже за генераловъ.

Баринъ скончался въ 1817 году. Наслѣдницами его оста-

лись двѣ замужнія дамы и пять взрослых дѣвицъ, тоже вскорѣ сочетавшихся бракомъ. По общему совѣту, не дѣла имѣнія, учредили надъ нимъ контору общаго управленія подъ фирмой „наслѣдницъ такого-то“.

III.

Предки наши, бывъ крѣпостными одного лица, платя опредѣленный оброкъ, лишь временно выполняя какія-либо особыя приказанія помѣщика, не изнурялись (какъ одно время было) фабричною работою и, живя безъ притѣсненій постороннихъ управляющихъ, имѣли полную свободу въ развитіи своихъ промысловъ. Имъ споспосовствовали центральное расположеніе села, двухдневные каждую недѣлю базары, двухнедѣльная ярмарка въ сентябрѣ мѣсяцѣ, собственная сметка. Только не доставало при ней честности и добросовѣстности, оттого немногіе изъ нашихъ крестьянъ разжились, и быть тогдашній вообще былъ не красивъ. Самая наружность жилищъ явно показывала бѣдность, такъ что изъ шестисотъ саишкомъ домовъ села только десять было каменныхъ, и не болѣе десяти деревянныхъ отличались своимъ видомъ отъ лачугъ.

Изъ числа этихъ немногихъ каменныхъ домовъ одинъ принадлежалъ нашей семьѣ, которая издавна пользовалась уваженіемъ и довѣренностью даже постороннихъ окружныхъ и городскихъ жителей. О родоначальникахъ своихъ я ничего не знаю, кромѣ того, что въ незапамятныя времена они жили въ одной изъ двадцати трехъ новотчиныхъ намъ деревень, называвшейся Пурлево, почему, когда переселились при князѣ Репнинѣ въ село, то и были названы Пурлевскими. Много же я былъ слышалъ о дѣдушкѣ своемъ Петрѣ Петровичѣ. покойный родитель мой Дмитрій Петровичъ имѣлъ великую почтительность къ дѣдамъ его и часто разказывалъ чему изъ нихъ самъ былъ очевидецъ. Всего живѣе осталось въ моей памяти обстоятельство, что когда дѣдушку избралъ мѣръ въ бурмистры, то помолившись Богу онъ собралъ въ правленіе все общество и сказалъ:

„Православные, созвалъ я васъ не для того, чтобы сдѣлать раскладку оброка: дѣло это должно идти своимъ

порядкомъ и каждый самъ долженъ о немъ заботиться. Моя же теперь обязанность присмотрѣть, чтобы вообще все было лучше. Должно безъ утайки показать вамъ бѣдственное ваше положеніе, которому вы сами причиной. Дѣла хоть и малыя, честно исполняемыя, сами за себя говорятъ и открываютъ путь. Чистосердечно себя поставлю вамъ въ примѣръ. Довольство моего состоянія основано на добросовѣстномъ трудѣ. Меня никто не упрекнетъ въ лѣности или въ обманѣ. Если мы Всевышнимъ Промысломъ обречены быть крѣпостными, то не совсѣмъ лишены средствъ устроить свой бытъ: хотя земли нашей лахатной и недостаточно къ прокормленію, мы свободны въ выборѣ заниматься каждый чѣмъ кому сподручнѣе, а мѣсто нашего жительства сугубо замѣняетъ недостатокъ земли, потому что даетъ средства торговать и иначе промышлять какъ кому вздумается. Мы и расторопны къ домашнему торгу, во многіе ли изъ насъ умѣютъ хорошенько имъ пользоваться? На базарѣ-то всѣ выйдутъ, да цѣлый день и хлопочутъ — изъ алтына! И ремесломъ тоже мы не вышли: работаемъ какъ при царѣ Горохѣ. Притомъ ни порядочнаго калача нѣтъ въ селѣ, ни пряника прѣзжему полакомиться, ни кузницы лошадь подковать. Окружные жители, продавъ свой привозъ, что могутъ у насъ купить кромѣ вязы и обуви? Все берутъ у постороннихъ! У насъ въ домѣ чужіе пользуются!“

Дѣду на это отвѣчали:

— Да мы не можемъ ничѣмъ обзавестись, мы люди бѣдые....

Онъ повелъ другую рѣчь.

„Слушайте, говорить,—я вамъ скажу. Не бѣдность причиной плохой нашей жизни, а нѣтъ между нами согласія. Расколъ у насъ въ вѣрѣ, и между собой, и несправедливости, и обманъ, — оттого недовѣріе одного къ другому. Будь мы бѣдавы, да честны и правдивы, нашлось бы и пособіе. Вѣдь и дурная слава о насъ пошла, никто на насъ не полагается, потому что мы промежь себя пререкаемся. Давайте, постановимъ приговоръ, что съ этого дня всѣ ручаемся одинъ за другаго въ такихъ-то деньгахъ, по способности и поведенію каждаго. А кто какой поруки заслуживаетъ, пусть разберутъ выборные люди и выдадутъ открытые на годъ листы. А на кого жалоба, долгъ заллатить, самого же изъ поруки вонъ, и взыскивать своимъ манеромъ. Буде же кто

злостный расточитель чужаго добра, того считать вреднымъ міру и отдавать въ царскую службу.“

Для начала дѣла дѣдъ первый предложилъ двѣ тысячи рублей изъ собственнаго капитала на десять лѣтъ, безъ процентовъ, въ общій складъ для раздачи бѣднымъ на торговлю, а платить имъ по шести копѣекъ въ годъ съ рубля въ возвратъ собранныхъ денегъ. Приговоръ состоялся единодушно и хранится въ правленіи. Всего сейчасъ было собрано шесть тысячъ пятьсотъ рублей, которые въ послѣдствіи процентами и другими сборами увеличились до тридцати тысячъ.

Съ того времени (это было въ 1794 году) наши крестьяне точно переродились и одинъ предъ другимъ стали хлопотать. Не далѣе какъ черезъ три года на пустой прежде площади выросли лавочки, не только съ мелочнымъ, даже съ краснымъ товаромъ и всѣмъ нужнымъ для крестьянскаго обихода. О кузницахъ и говорить нечего. Въмѣсто прежней обуви стали работать нѣмецкіе салоги съ острыми носками и со окрипомъ (ихъ охотно покупали и сосѣдніе помѣщики). Повсемѣстному заведись маслобойни, устроилось нѣсколько небольшихъ кирпичныхъ заводовъ, торговля льномъ и холстами увеличилась. Съ продажей своихъ издѣлій стали выѣзжать и на посторонніе базары.

Оставался дѣдушка бурмистромъ съ 1794 по 1802 годъ, и старался во всемъ завести порядокъ. Такъ онъ ввелъ письменную отчетность по книгамъ, для чего два молодыхъ парня были обучены счету дѣлу. Умеръ же дѣдъ Петръ Петровичъ въ октябрѣ 1802 года, шестидесяти лѣтъ. Какъ онъ такой у насъ вышелъ? А вотъ какъ. Старшій братъ его много лѣтъ жилъ въ Москвѣ прикащикомъ у одного купца, взявъ туда и брата, который провель въ Москвѣ двадцать два года мальчикомъ, потомъ тоже прикащикомъ очень умнаго человека, и почерпнулъ отъ него московскій навыкъ къ торговлѣ и прочему. Возвратившись въ село самъ торговалъ. Когда же приобрѣлъ себѣ во взросломъ снѣхѣ, можетъ родителѣ, надежнаго помощника, могъ на досугъ вникнуть въ положеніе односельчанъ, понять ихъ нужды и обдумать средства.

Торговля дѣдушки состояла — зимой, въ покупкѣ льна славца и ручной крестьянской пражы. Первый продавался

отчасти на мѣстѣ пріѣзжающимъ изъ разныхъ мѣстъ по-
купщикамъ, большею же частью вологодскимъ кулцамъ для
Архангельскаго порта, а въ послѣдствіи и прямо архангель-
скому дому Половыхъ. А крестьянская пряжа доставлялась
на полотняныя фабрики въ Ярославль, Кострому, для по-
лотенъ фламскихъ, равендука и тиковъ. Лѣтними базарами
покупались тоже пряжи, болѣе узкіе крестьянскіе хол-
сты, крученые и гладкіе: тѣ и другіе продавались москов-
скимъ кулцамъ,—крученые для украинской торговли, глад-
кіе для Москвы и для казенныхъ поставщиковъ. Оборотъ
былъ довольно порядочный: собственный капиталъ дѣдуш-
ки считался въ двадцать тысячъ,—большая сумма по тог-
дашнему времени!

Въ семейной жизни дѣдушка славился хлѣбосольствомъ.
Запасу было довольно: пироги разные не переводились, до-
машняя брага, липовый медъ. Чаю тогда почти не употреб-
ляли, но дѣдъ имѣлъ уже мѣдный чайникъ и весь къ нему
приборъ, который всегда красовался въ голубомъ за стек-
лами шкафъ и вынимался только послѣ бани или съ доро-
ги въ холодную пору, или когда въ праздники послѣ обѣд-
ни приходилъ священникъ съ матушкой и близкая родня.
Когда бывали по дѣламъ городскіе гости, мѣдный чайникъ
выходилъ на первый планъ. Въ этой компаніи выливалась
чарка наливочки, но во всю жизнь никто не видалъ дѣдуш-
ку пьянымъ. Себя и домашнихъ держалъ онъ въ строгой
дисциплинѣ. Едва ли не всѣхъ болѣе доставалось моему по-
койному родителю, который бывъ уже женатымъ въ при-
сутствіи отца все-таки держалъ руки по швамъ. „Идеже
страхъ, тамъ и благочестіе“, говаривалъ дѣдушка. И никто
не ропталъ, только послѣ матушка при случаѣ поминала
что „кормилецъ свекрушко былъ строгонекъ, и чуть замѣ-
титъ что, взглянетъ такъ что задрожитъ, хоть и не дерзокъ
былъ на руку“. Наружности дѣдъ былъ красивой, рѣчь: „Подъ
веселый часъ какъ станетъ говорить, такъ бы все и
слушалъ“, рассказывалъ мой родитель.

Не задолго до своей кончины былъ дѣдушка въ Москвѣ,
молился въ Кремлевскихъ соборахъ и у Троицы-Сергія, и
привезъ съ собою маленькій самоваръ, изъ котораго ему
кажется не довелось и чайку попить: вскорѣ онъ захво-
ралъ. Предъ смертью дѣдъ велѣлъ подать икону Божіей
Матери Казанской, благословилъ отца моего и сказалъ
торжественно:

— Ну, любезный сынокъ, отъ сего времени ты полный хозяинъ своей жизни. Будь христіанинъ и сынъ православной церкви. Почитай мать и поминай меня, люби жену съ сыномъ, защищай правду. Все имѣніе предоставляю тебѣ, но платье мое праздничное сохрани для внука, пусть помнитъ дѣдушку. На церковь сто рублей, и поламъ сто рублей на ломянки, а отцу Семену мою камышевую трость и луковую шляпу. Таковъ мой послѣдній сказъ въ присутствіи Невидимаго Бога.

Слова эти буквально были записаны моимъ родителемъ, и бумажка передана мнѣ матушкой послѣ его смерти. Скончался же дѣдушка принявъ Святыхъ Таинъ, простившись съ домашними, въ полномъ сознаніи: такъ разказывали объ его смерти.

IV.

Родителю моему было тогда ужъ около тридцати лѣтъ, и имѣлъ онъ давнишній навыкъ къ торговлѣ. При собственномъ капиталѣ и посторонней довѣренности ему не трудно было вести домъ. Кромѣ его и матушки моей Дарьи Егоровны, насъ было: бабушка Прасковья Ивановна да я, отъ роду двухъ лѣтъ (родился я 5го января 1800). Твердо себя я помню съ четырехлѣтняго возраста. Съ тѣхъ поръ память моя все сохранила. Зналъ и хорошо помню наружность своихъ, помню свои тогдашнія удовольствія, непріятности и наклонности, помню строгое преслѣдованіе шалостей покойнымъ родителемъ, иногда лишь дѣлавшимъ мнѣ снисхожденіе въ уваженіе бабушкѣ, которая одна могла доставить отлущеніе грѣхамъ моимъ. Матушка бывало говорить: „Ну что это у тебя за манера такая стращать дитя, онъ и такъ уже налуганъ что боится всѣхъ.“ Отвѣтъ короткій:— „Молчать!“ Съ бабушкой иное дѣло. Говорить бывало отцу: „Ну ужъ, Митя, я потерпѣлась и тогда страху, какъ тебя школилъ нашъ покойникъ, такъ теперь не дамъ тебѣ воли. Въдъ только и есть одно дѣтище. Ну захвораетъ и умретъ“....

Отецъ не возражалъ, а только улыбался и отходилъ въ сторону.

Одну мою тогдашнюю шалость никогда не забуду. Въ день сошествія Св. Духа, отецъ съ матерью поѣхали на

храмовой праздникъ въ другое село. Я остался съ бабушкой домовничать. То-то было раздолье! Все утро земли подъ собою не слышалъ, будто по воздуху леталъ, и пришелъ мнѣ на мысль давнишній замыселъ. Товарищи часто хвалились: одинъ то нашелъ, другое иное, показываютъ бывало старый грошъ или ржавый лятакъ откопанный въ землѣ, а мнѣ никогда не доставалось откопать и полушки: нечѣмъ похвастать. Какъ набѣгался я въ этотъ день, пришло мнѣ въ голову: подъ кроватью отца лежать мѣшки съ мѣдными деньгами, по двадцати-пяти рублей въ каждомъ.... Вытащилъ я одинъ, развязалъ, вижу: лятаки и гроши Екатерининскіе, всѣ ржавые. Ладно, думаю, и беру сколько захватить могу, стараясь набрать ихъ штукъ побольше. Рядомъ съ нашимъ домомъ былъ пустырь, гдѣ въ старину стоялъ домъ одного зажиточнаго бездѣтнаго старика. Я туда, зарываю въ разныхъ мѣстахъ лятаки и гроши, на каждой клажѣ кладу мѣтку, и иду къ товарищамъ. Тѣ въ бабки играли. Прихожу, и говорю за секретъ: нашелъ-молъ на пустырь нашемъ два лятака и грошъ, которые налицо и показалъ. Тѣ сейчасъ бабки бросили, всѣ маршъ на пустырь, и я тоже съ ними. Одинъ тамъ копается, другой въ иномъ мѣстѣ, все безъ успѣха; а я что ни копаю, то грошъ или лятакъ: всѣхъ привелъ въ изумленіе и самъ пришелъ въ какой-то безотчетный восторгъ. Бабушка въ это время сидѣла на лавочкѣ у нашего дома съ другими крестьянками. Я нѣсколько разъ приносилъ ей свои „находки“, и поднялись въ этой компаніи толки о бывшемъ хозяинѣ пустыря, который де въ самомъ дѣлѣ могъ зарыть въ землю деньги. Между тѣмъ день пошелъ къ вечеру; пріѣхалъ отецъ. Бабушка давай хвалиться моимъ счастьемъ. Отецъ выслушалъ какъ-то холодно, посмотрѣлъ на меня и должно-быть сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ приказалъ работнику убрать лошадь, а самъ пошелъ въ горницу и прямо подъ кровать. Потянулъ одинъ мѣшокъ, другой, видитъ сомнительно въ завязкѣ; сосчиталъ. Недочету до двухъ рублей. Я стою въ сосѣдней комнатѣ ни живъ, ни мертвъ. Вдругъ, слышу зовъ. Вхожу. Отецъ грозно спрашиваетъ, говоритъ: — Такъ-то находишь деньги! Молодъ еще мошенничать! Сказывай, кто научилъ?

Слезы у меня брызнули, паль я на колѣни: „Тятенька, голубчикъ! виноваты! самъ сдѣлалъ, никто меня не училъ.“

И разказалъ, какъ давно уже мнѣ досадно было что товарищи все что-нибудь находятъ, а я ничего. Бабушка и мать смотреть, захоловули, ожидаютъ расправы. Но родитель мой, выслушавъ признаніе, только къ бабушкѣ обратился: „Вотъ, матушка, что значить безъ надзора дѣти.“

Такъ розги и не были лущены въ дѣло, а велѣно лишь положить предъ образомъ нѣсколько земныхъ поклоновъ.

V.

Бабушку тогда больше всѣхъ я любилъ, но недолго пользовался ея опорой. Въ 1805 году она крѣпко захворала и чрезъ нѣсколько недѣль скончалась. Горько я плакалъ, не о томъ кажется что она померла, а о томъ что безъ нея никому будетъ меня оборонить: мать хоть втихомолку меня и жалѣла, но отцу не смѣла сказать ни слова. Однако, не знаю я ли сдѣлался осторожнѣй, или отецъ снисходительнѣй, только рѣдко случалось мнѣ быть битымъ, развѣ иногда олапашешь, заиграешься въ бабки и улестишь время обѣда. Да и тутъ выглянетъ бывало въ окошко или выйдетъ за ворота: „Саушка!“ Бросишь все и бѣжишь, становишь какъ вкопанный: „Чего изволите?“ Посмотрить, если все исправно и не замаранъ, только скажетъ полусердито: „Полудничать время.“ А если испачканъ, задастъ трепку волосамъ.

Разъ только мнѣ жестоко досталось. Сижу я на завалинкѣ, покачиваюсь, и въ ладъ приговариваю одно нехорошее слово, которое гдѣ-то слышавъ, заучилъ не понимая. Отецъ и услышалъ. Подкрался, да какъ вытянетъ меня ремнемъ по спинѣ: „Не смѣй, говорить, болтать такихъ словъ.“ Матушка едва водой отпоила, а за что любить, не сказано, и я уже много послѣ разобралъ.

Такъ росъ я до седьмага года. Любилъ слушать сказки, особенно когда разказывала тетка Данильевна, да чтобы самому вычитывать ихъ изъ книгъ, гдѣ сказывала она ихъ много, втихомолку сталъ учиться грамотѣ, выучилъ азы и нѣсколько даже могъ складывать, но не смѣлъ говорить объ этомъ отцу. Онъ самъ замѣтилъ что я все роюсь въ его книгахъ, которыхъ у него было не мало. Какъ-то въ

веселый часъ онъ вдругъ и спрашиваетъ: „Ты можетъ хочешь учиться?“

Я молчу.

— Что же ты языкъ прикусилъ?

— Да, говорю, тятенька, я бы желалъ.

— Молодъ еще.

Однако изъ первой своей поѣздки въ Ярославль привезъ Часовникъ и Псалтирь. „Ну говорить, Сауныка, теперь молись Богу, книги готовы, скоро поступишь къ мастеру.“ И точно, дождавшись декабря, въ день святаго пророка Наума, отслуживъ молебень, прямо изъ церкви отецъ самъ повелъ меня къ приходскому дячку Ивану Петровичу. Дали мнѣ азбуку церковной печати и костяную указку. „Мастеръ“ мой (такъ называли у насъ учителя), въ присутствіи отца, взявъ мою руку съ указкой, провелъ первую линію буквъ съ произношеніемъ каждой, я повторялъ за нимъ, потомъ нѣсколько разъ самъ громко выговорилъ „азъ, буки“ и такъ далѣе до „живете“. Тѣмъ и кончилась начальный урокъ.

Выучить всѣ буквы и даже двойные и тройные склады большого труда мнѣ не было, потому что я уже видѣлъ ихъ дома (*Азбука*, хоть и новенькая, была мнѣ старою знакомой). То и другое скоро было окончено. Но когда дошло до словъ подъ титлами, это какъ-то не клеилось. Я вовсе не понималъ, для чего оно и къ чему, и съ помощью только привычки звуки остались-таки въ моей памяти и я одолѣлъ эту премудрость. Предстоялъ еще подвигъ: выучить грамматическіе знаки, звательства, кавыки, двоеточія, точки; тутъ хотя рѣшительно ничего не понималъ, однакоже памятью усвоилъ. Потомъ взялись за Часословъ и Псалтирь. Я хорошо вытвердилъ всѣ показанныя учителемъ мѣста и читалъ исправно выученные зады, а „мастеръ“ нашъ, Иванъ Петровичъ, лежа на лежи, поправлялъ, никогда не смотря, по книгѣ читаютъ или на память. Къ году курсъ моей словесности былъ оконченъ; начался курсъ скорописанья: черточки, кривульки, потомъ буквы и самыя слова, напимѣръ: „Кто имѣетъ Бога, тотъ все имѣетъ.“ Съ полгода чертилъ я и портилъ бумагу...

Въ продолженіе всего моего ученія отцу какъ-то не доводилось проэкзаменовать меня. Вдругъ, помню, въ осенній вечеръ, приказываетъ онъ написать что-нибудь. А у меня

нѣтъ подъ рукою прописи... Взялъ я перо, не знаю что писать и какъ.

— Что жъ ты не пишешь?.. И видишь что я маусь.—Ну, пиши: во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.

— Я, говорю,—такихъ словъ не училъ.

— Какъ не училъ? Склады училъ, ну и складывай.

А я безъ книги складывать не могу, уставился на перо, не шелохнусь.

Какъ теперь гляжу, родитель мой всталъ, выпрямился, воззрѣлъ на меня.

— Э, любезный, такъ-то васъ обучаютъ. Послѣ этого, знаешь ли ты и читать? Тащи сюда Псалтирь.

Раскрываетъ какъ разъ начало шестой каѳизмы: „Господи, да не яростью Твоею обличиши“, — подходящій текстъ, и мнѣ знакомый, но на этотъ разъ память измѣнила отъ страха, въ глазахъ зарябило, такъ что давно выученныя буквы никакъ я не могъ привести въ порядокъ слоговъ... Вотъ тогда-то мнѣ досталось, съ приговоркой: „а еще самъ назывался учиться“ и съ наказомъ въ три дня быть исправнымъ чтецомъ, иначе ожидать еще бѣльшаго наказанія.

Послѣ того дѣло пошло моими собственными стараніями, Иванъ же Петровичъ, несмотря на жалобы отца, продолжалъ слушать зады съ лежи. Такъ родитель, положивъ шесть рублей мѣдными въ аккуратненькій мѣшочекъ, приказалъ вручить ихъ „мастеру“ съ поклономъ. Ученіе же мое продолжалось дома. Родитель мой, хотя тоже ограниченнаго ученія, былъ любитель чтенія, не ограничиваясь одними духовными книгами. Увлекала его и гражданская словесность того времени, такъ что послѣ него осталось нѣсколько періодическихъ изданій: *Вѣстникъ Европы*, *Почта Духовъ*, *Живописецъ*, а изъ книгъ, помню, были: *Сочиненія Карамзина*, *Кадмъ и Гармонія*, *Золотой Оселъ*, много разныхъ романовъ и театральныхъ піесъ, между прочимъ фонъ-Визина. На получаемыя въ подарокъ деньги я тоже составлялъ свою бібліотеку, которую пряталъ на полатяхъ: *Ерусланъ Лазаревичъ*, *Бова Королевичъ*, *Илья Муромецъ*, *Емеля Дурачокъ*, *Семь Симеоновъ*, и блаженствомъ моимъ было бойко читать все это по вечерамъ домашнимъ, только безъ отца. Ему это мое упражненіе было непріятно, завелъ онъ другое: не позволялъ читать безъ его назначенія гражданскія книги, и

заставилъ ежедневно упражняться въ Священной Исторіи, Четьи-Миней и Каѳизмахъ, требуя въ прочтенномъ изъясненія и награждая за то чашкой чая. И какъ онъ въ разговорахъ жалѣлъ что не въ состояніи выучить меня правиламъ начальныхъ предметовъ грамматики, ариметики и правописанія, потому что самъ былъ не обученъ, на селѣ способныхъ къ тому людей не было, а въ городѣ въ училище крѣпостныхъ тогда не принимали! Онъ могъ лишь приучать меня подъ своимъ наблюденіемъ къ торговлѣ и къ счетоводству по счетамъ.

VI.

Чтеніе подъ надзоромъ родителя и разговоры съ нимъ кажутся способствовали къ развитію дѣтскаго моего повятія, и я уважалъ его не только какъ отца, но и какъ знающаго человѣка. Одно только крѣпко меня огорчало. Родитель мой къ несчастью своему имѣлъ губительную слабость, или, можно сказать, непонятную болѣзнь. Обыкновенно онъ никогда не употреблялъ хмѣльных напитковъ, даже по цѣлому году и больше, но иногда случалось былъ своей болѣзни подверженъ двѣ и три недѣли сряду, до того что все просить вина, а кушать хлѣба не можетъ. Если бывало ему откажутъ, или не усмотрятъ, то выбѣжить изъ дому въ одной рубашкѣ, и всякому встрѣчному готовъ въ ноги поклониться, дай только ему на вино. Такой солидный человѣкъ за рюмку водки готовъ былъ тогда отдать послѣднее! А послѣ двухнедѣльнаго залога слабѣлъ, тощалъ, дѣлался совершенно больнымъ въ родѣ горячки; чуть встанетъ съ постели, съ нимъ приладокъ такой что съ трудомъ приводили въ чувство, и всѣ были въ страхѣ, и трелетали за его жизнь. Кожа съ тѣла и даже съ языка лентами сдиралась! Какъ только выносило здоровье!

Правда, по сложенію и по всему отецъ былъ чисто русскій богатырь. Ростомъ два аршина восемь вершковъ, не толстый, но плотный, темнорусые волосы, недлинная окладистая борода, сѣротемные большіе открытые глаза, вся наружность подъ стать его всегдашней поговоркѣ: „будь важенъ безъ гордости, а низокъ безъ подлости“. Одѣвался онъ всегда прилично своему крестьянскому званію и соотвѣтственно кругу знакомства: рубашка красная на выпускъ,

плисовые штаны, суконный камзолъ, салого козловыя (натягивались крючками) и халатъ были его домашнимъ костюмомъ. Въ праздничные дни, въ лѣтнее время онъ носилъ тонкаго свѣтлосилаго сукна кафтанъ и луховую шляпу, зимой — тулутъ суконный на калмыцкомъ мѣху, опушенный бобромъ, опоясанный золотистымъ шелковымъ лѣрсидскимъ кушакомъ и высокую круглую бобровую шапку. Въ домѣ онъ любилъ порядокъ, чистоту и опрятность. Ихъ соблюдала мать моя, Дарья Егорьевна, красивая и добрая женщина, которая сама трудилась готовить кушанье и вести въ домѣ обиходъ, но при всемъ томъ занималась и работой, зимой тонкою пряжей, лѣтомъ ткачествомъ лодотень и платковъ, поэтому имѣла свои деньги на праздничное платье. Тогда носили въ праздники, лѣтомъ, ферязи шелковыя съ позументомъ или кружевомъ, шелковый полушубокъ, на головѣ остроконечный жемчужный кокошникъ, покрытый наметкой или платкомъ; на шею надѣвали жемчужныя нитки и на цѣпочкѣ серебряный крестъ; зимой надѣвали шубейку заячью изъ ларчи или штофа, покрывались платкомъ, а если слишкомъ холодно, то сверху натягивали шубку бархатную съ куньею опушкой. Обыкновенное же платье было: бѣлая рубашка, красный кумачный и китайчатый сарафанъ съ луговками, голова же покрывалась сначала ловойникомъ, потомъ бумажнымъ или шелковымъ платкомъ. Домъ нашъ былъ въ селѣ изъ первыхъ: каменный, полуторазтажный, лять большихъ окошекъ по лицу, съ двумя чистыми комнатами, а черезъ сѣни на дворъ кухня съ чуланомъ, внизу двѣ кладовыя со сводами для складки товара. Въ одной чистой комнатѣ принимали гостей, другая служила намъ спальней. При домѣ всегда были работникъ и работница; первый жилъ у насъ около тридцати лѣтъ, работницы иногда перемѣнялись, но одна провела у насъ тоже лѣтъ пятнадцать.

Кромѣ знакомства по торговлѣ, отецъ пользовался большимъ расположеніемъ окрестныхъ помѣщиковъ. Особенно семейство Карновичей и самъ старикъ Степанъ Степановичъ часто посѣщали нашъ домъ, угощаясь чаемъ и мягкими пирогами, которые матушка мастерица была печь. Вообще мы жили хорошо: въ скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорокъ, потомъ русскіе щи или лапша, жаркое баранина или курица, часто готовился

гусь, утка. Осенью молодые барашки почитались лучшимъ кушаньемъ. Гуси, утки, куры были всегда домашніе; что покупали, обходилось очень дешево, начиная съ хлѣба, который хотя былъ не мѣстнаго урожая, а привозный водой изъ Тамбовской губерніи, но весной по приходѣ судовъ продавался: мука ржаная за куль въ 9 пудовъ отъ 6 до 7 рублей, рожь такого же вѣса отъ 5 до 6 рублей; горохъ кульковый лучшій 80 колѣбекъ четверикъ, пшено кульковое отборное тоже; крупа гречихная четверть въ 8 пудовъ 4 рубля; говядина 3 колѣйки; баранина 2 колѣйки за фунтъ; гусь кормленый 30 к.; утка 15 к., курица еще дешевле; яйца 4 колѣйки десятокъ; масло коровье 15 колѣбекъ фунтъ, постное 5 кол.; привозная красная рыба, осетры и бѣлуга 7 и 10 колѣбекъ фунтъ; икра лаюсная 15 колѣбекъ; медъ лучшій казанскій отъ 6 до 10 рублей пудъ. Все это не на серебро, а на мѣдныя деньги или ассигнаціи. При видѣ этихъ цѣнъ продовольствія за шестьдесятъ лѣтъ и сравнивая ихъ съ цѣнами настоящаго времени, * можно думать что тогда люди были въ лучшемъ довольствѣ.

Утвердительно скажу: нѣтъ. Въ народѣ было тогда больше нужды. Простонародье сѣверныхъ губерній кормилось почти однимъ чернымъ ржанымъ хлѣбомъ и сѣрыми щами, калачъ почитался рѣдкимъ лакомствомъ, пряникъ — богатымъ подаркомъ. Въ крестьянскомъ быту отъ своего скотоводства всѣ молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а платились горохомъ, толокномъ да рѣпой пареной. Наше село не въ счетъ. Промыслы доставляли намъ средства не въ примѣръ лучше другихъ мѣстъ.

VII.

Дѣла по торговлѣ нашей хотя шли заведеннымъ порядкомъ, но не такъ удачно, какъ при дѣдушкѣ. Потонулъ грузъ пшеницы, кое-какіе должники не заплатили, и капиталъ нашъ значительно уменьшился. При всемъ томъ, откупъ не былъ поставленъ въ затрудненіе по своимъ оборотамъ. Крѣпостнымъ состояніемъ своимъ онъ не тяготился, но ча-

* Подлинникъ писанъ въ шестидесятыхъ годахъ.

стенько скучалъ, когда приходилось исполнять прихоти помѣщика, который разъ наприимѣръ вызвалъ его въ Петербургъ и держалъ тамъ почти годъ только для того чтобы показать гостямъ „вотъ какіе у меня крестьяне!“ Отношенія впрочемъ между помѣщикомъ и моимъ родителемъ были самыя лучшія. Отцу даже поручено было управлять вотчиной и ходатайствовать по дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ подполковникъ затѣялъ какую-то тяжбу съ племянниками, что стоило намъ большихъ хлопотъ и упущеній по торговлѣ, а главное, приказныя пьявки часто вводили отца въ искушеніе вылить.

Въ августѣ 1811 года родитель мой послѣ залога крѣпко заболѣлъ. Случилось это такъ. Потѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Москву. Тамъ, привыкнувъ уже гулять съ приказными, въ веселой компаніи подгулялъ, да и продолжалъ потомъ съ ведѣлю пить одинъ. Дошли до села слухи, послали родственника выручать. Человѣкъ онъ былъ видно не такъ-то опытный въ этомъ дѣлѣ, схватилъ отца и помчалъ домой на перекладныхъ-почтовыхъ, не давая дорогой ни отдыха, ни водки. Привезъ въ село такого что съ повозки не могъ сойти. Кровь, говорятъ залежалась, и на этотъ разъ натура не выдержала. Сентября 4го родитель мой скончался на 42 году. Духовнымъ завѣщаніемъ онъ предоставилъ все въ распоряженіе матушки, поручая меня попеченію всѣхъ пріятелей и родственниковъ, а служащему у насъ работнику писалъ: „Михайло, не оставляй сына и будь его руководителемъ въ торговлѣ“.

Съ этого времени началась трудовая полоса моей жизни. Матушка моя, хотя добрая и хорошая хозяйка, въ торговлѣ ничего не понимала, оттого что покойникъ не допускалъ ее до дѣла. На бѣду, въ этотъ годъ почти весь капиталъ нашъ былъ по счетамъ за вологодскими кулцами, которые повесели значительные убытки при Архангельскомъ портѣ. Матушка заботилась, хлопотала, нѣсколько разъ сама ѣздила въ Вологду, но плохой имѣла успѣхъ, и выручила всего, помнится, тысячи двѣ ассигнаціями. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и я тоже не имѣлъ настоящей опытности. Руководитель мой Михайло былъ только вѣрный человѣкъ, самъ-по-себѣ ни на что неспособный. Матушка не довѣряла нашему уму, и держала деньги у себя: только пятьсотъ рублей дала намъ, чтобы я привыкалъ къ дѣлу. Съ

такимъ капиталомъ обороты сдѣлались мелкими; кончили зиму, прибыли не оказалось. А тутъ наступилъ Двѣнадцатый Годъ... Повсемѣстно упала торговля; что же могло быть съ нашей! Въ селѣ Великомъ тогда не о торговлѣ думали, а о спасеніи, молились Богу, зарывали и прятали имущество, готовились выѣзжать. Мужескій полъ отъ десятилѣтняго возраста до шестидесяти годовъ весь былъ вооруженъ ликами и по ночамъ ходилъ патрулемъ на сторожѣ. Всѣ жизненные припасы подорожали, заработковъ у насъ не было, прежній денежный запасъ каждодневно тратился на необходимыя потребности, такъ-что едва осталось у насъ и пятьсотъ рублей, платить же нужно было казенныя подати и господскій оброкъ неукоснительно, всего до ста рублей. Матюшка плакала что деньги выходить. Насилу кое-какъ держались, груста и скорбя о себѣ и при видѣ идущихъ и вѣдущихъ изъ Москвы, спасшихъ только свою жизнь. Вздохнули лишь когда Наполеонъ вышелъ изъ столицы по прежней дорожкѣ и Свѣтлѣйшій сталъ локоачивать его сорванцовъ.

Впрочемъ, всего тогдашняго я не могу передать, потому что мѣстность наша имѣетъ разстоянія отъ Москвы около двухсотъ верстъ, слѣдовательно на долю моей любознательности мало пришлось видѣть замѣчательнаго. Помню только что тѣла мертвыхъ непріятелей, считаемыхъ служителями ада, не предавались землѣ, а кострами положенныя сжигались.

VIII.

Къ исходу осени все затихло, и въ Москву начали постепенно возвращаться жители. Они встрѣтили на своихъ пелищахъ большой недостатокъ въ продовольствіи и нужныхъ вещахъ къ обзаведенію начальнаго хозяйства, и эта общая потребность повсюду стала извѣстна. Я рѣшился просить у родительницы позволенія, вѣхать мнѣ съ Михайломъ въ Москву съ товарцемъ. Долго не соглашалась, наконецъ отпустила. На двѣсти рублей своихъ купила, да на триста одолжились сапогами, чулками, рубашечнымъ холстомъ, мелочью для обихода чернорабочихъ людей. Въ шесть дней нашъ обозъ благополучно доѣхалъ и остановился на постоялыхъ дворахъ у Креста. На утро же явились локу-

патели, и разомъ все начисто разобрали. Получивъ деньги съ хорошею пользою, пошли смотрѣть Москву. Крайняя часть, гдѣ мы пристали, не имѣла почти признаковъ разоренія, но когда пошли дальше за Сухареву внутрь, повсюду опустошеніе. Въ самомъ Городѣ Китаѣ ужасно было глядѣть: обгорѣлые дома, развалины, безъ стеколъ окна, вездѣ по лавкамъ лустота. А какъ увидѣли разрушенный Кремль, дрогнуло сердце и слезы полились ручьями. За полтора-два года съ покойнымъ родителемъ я видѣлъ Кремль во всей его красѣ!

Въ тотъ же вечеръ мы отправились домой. Матушка чрезвычайно обрадовалась нашему возвращенію и удачѣ, когда сосчитавъ деньги увидѣла пользы за всѣми расходами болѣе двухсотъ рублей наличными, я же былъ въ настоящемъ самоуслажденіи. Но когда разказалъ ей видѣнное, всѣ мы навзрыдъ заплакали и забыли полученные барыши....

Однако корысть всегда останется для людей приманкой. Чрезъ мѣсяцъ мы пустились по той же дорожкѣ, съ тѣмъ же запасцемъ, только на этотъ разъ не согрѣшили выгодною продажей, а едва кое-какъ выручили свои деньжонки, даже съ небольшимъ убыткомъ, потому что нашего товара было навезено изъ разныхъ мѣстъ видимо-невидимо. Въ Москвѣ же уже начиналась жизнь и замѣтное движеніе. А какъ помѣщенія, по недостатку еще жителей, были очень дешевы, то можно было съ небольшимъ капиталцемъ приискать мѣстечко для торговли. Стѣло только завести гдѣнибудь возлѣ рынка сбивенную лавочку. Такая пришла мнѣ мысль въ голову, и денегъ на это своихъ хватило бы, Михайло же нашъ былъ въ старину сбивеньщикомъ и готовилъ его на славу.

Съ этою мыслью я и уѣхалъ въ село. Подумалъ, подумалъ. Михайло одобряетъ, говоритъ: „съ тобою пойду на это дѣло“; рѣшился сказать матушкѣ. Она ужасно осердилась, закричала что я съ ума сошелъ и запретила поминать о такой глупости, приказавъ: „Дѣдъ твой и отецъ здѣсь вели торговлю, веди и ты“.

Былъ у меня тогда одинъ любимый товарищъ, Никита, немножко постарше меня; вмѣстѣ мы учились у Ивана Пегровича, и по праздникамъ онъ всегда приходилъ къ намъ поиграть, сказку почитать. Послѣ отказа матери, я разказалъ ему свой московскій планъ. Онъ смѣтилъ это дѣло,

возьми да скажи своему отцу. Тотъ поѣхалъ. И отправился Никита съ отцомъ въ Москву, дорогой наняли они въ одномъ селѣ сбитеньщика, а недѣлю чрезъ двѣ открыли на Моховой лавочку. Чрезъ мѣсяцъ отецъ Никиты возвратился: привезъ мнѣ спасибо за совѣтъ. Чрезъ годъ на-вернулъ на село Никита: привезъ сѣтку, пряниковъ, и говоритъ по секрету, что у него теперь три тысячи рублей. Взялъ съ собою брата (ихъ было трое сыновъ у отца), того поставилъ въ сбитенную, самъ открылъ бакалейную, и эти два брата (Лебедевы по фамиліи) дѣтъ въ десять нажили сто тысячъ, выкупились на волю, женились, къ тридцатому году имѣли большой капиталъ и два каменныхъ дома. Въ первую московскую холеру вся семья ихъ вымерла.

Когда доходили до насъ слухи что Никитушка богатѣетъ, я не досадовалъ, напротивъ, въ душѣ гордился что планъ мой и совѣтъ ложили ему въ прокъ и доволенъ былъ тѣмъ что получалъ отъ него письма, иногда кое-какіе подарки. Самъ же я все проживалъ въ селѣ Великомъ, торгуя льномъ и пряжей на колѣйки, больше по окрестнымъ селамъ. Лошадки не на что было купить, поэтому я лѣшечкомъ ходилъ себѣ по базарамъ и ярмаркамъ въ окружности. Что гдѣ услышишь купить, тамъ и продашь, что возьмешь барыша, съ тѣмъ и возвратишься въ село. Труды мои были тяжкіе, а едва хватало на наше пропитаніе съ матерью.

Время идетъ, впереди нѣтъ ничего. Этакъ въ году восемь-соть семнадцатомъ, родительница стала намекать на женитьбу. „Ты, говоритъ, на возрастѣ, я нездорова, домикъ у насъ порядочный, дадутъ невѣсту богатую.“

Не хотѣлось мнѣ огорчать мать отказомъ, попросилъ я только чтобы позволила мнѣ предъ тѣмъ сходить лѣшечкомъ въ Москву, помолиться угодникамъ, можетъ и найти что полезное. Родительница на этотъ разъ какъ-то скоро согласилась меня отпустить. Думка же моя была та, что теперь Никита разжился: неужели онъ не одолжитъ мнѣ на мою торговлю рублей триста или двѣсти хоть на одинъ годокъ? Я бы съ этими деньгами нашелъ дѣло.

Въ такой надеждѣ прихожу въ Москву, отыскиваю пріятеля, смотрю: Никита ужъ не тотъ. Поздоровался однако, позвалъ въ трактиръ, напоилъ съ дороги чайкомъ, спросилъ о житіи моемъ, какъ и что. Я откровенно говорю: „Живемъ попрежнему, трудовъ много, денегъ мало, почти-

что ничего. Будь у меня въ рукахъ сотня-другая, можно бы и въ селѣ нажать колѣвку, а то и всего въ оборотѣ рублей съ полсотни. На нихъ чего кулимъ? Возьмешь барыша рубля три, да и бѣжишь съ этимъ за тридцать верстъ домой.“

Хотѣлъ было по старой памяти прибавить, „не одолжишь ли, братъ, на торговлю“, но языкъ не поворотился: ожидалъ что старый товарищъ самъ скажетъ, „а много тебѣ надо на нужду?“

Но мой Никитумка смѣтилъ, зачѣмъ я пришелъ, и давай жаловаться, что онъ хотѣ имѣть капиталъ, а въ деньгахъ тоже нуждается, товару де много, наличныхъ почти нѣтъ, а вотъ подходитъ время что надо оправдать свой кредитъ.

Не ожидалъ я такой отговорки, скрѣпилъ сердце, зомолчалъ. Никита и спрашиваетъ:

— Долго ты въ Москвѣ проживешь?

— Сегодня же домой.

— Да, говорить, въ Москвѣ харчи дорогіе; не шутка и денекъ продневать.

Въ то же время вынимаетъ изъ боковаго кармана бумажникъ полнехонекъ ассигнацій. Подѣзъ, вынулъ синенькую пятирублевую, и говоритъ:

— Возьми-ка себѣ на дорогу, да захвати съ собою московскую саечку, нашему учителю Ивану Петровичу: онъ лоди еще здравствуетъ?

Я отвѣчалъ что „слава Богу, живъ-здоровъ“, сайку взялъ, отъ бумажки отказался. „Благодарю за пріязнь и угощеніе, прощайте, будьте здоровы“, и стремглавъ выскочилъ изъ трактира.

Не помню какъ я прошелъ Москвой, какъ очутился за восемнадцать верстъ въ Мытищахъ. Тамъ изъ громоваго колодца выпилъ ковшикъ воды, посидѣлъ немножко, у Троицы-Сергія заночевалъ, спалъ крѣлко, утромъ помолился Угоднику, на третій день явился домой. Матуська не ожидала меня такъ скоро, удивилась даже и спрашивала:

— Да былъ ли ты полно въ Москвѣ?

— Былъ, матуська, только она на этотъ разъ мнѣ не понравилась.

Мать не стала много разспрашивать: рада была что воротился.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. ЩЕРБАНЬ.

О Ч Е Р К И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

III.

Въ настоящее время когда совершаются грозныя событія, долженствующія по общему убѣжденію всѣхъ друзей чело-вѣчества имѣть великія и самыя счастливыя послѣдствія для благоденствія Европы, вниманіе наше и въ области исторической литературы естественно сосредоточивается на тѣхъ произведеніяхъ которыя относятся къ Востоку. Мы намѣрены лобесѣдовать съ читателями объ одномъ изъ нихъ, отличающемся несомнѣнными достоинствами. Принадлежитъ оно австрійскому ученому г. Кремеру и носитъ заглавіе *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen* (Исторія культуры Востока при калифахъ). Конечно, только спеціалисты могутъ судить о томъ въ какой мѣрѣ эта книга удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, но въ этомъ отношеніи всѣ отзывы о ней клонятся въ ея пользу; особенно хвалятъ второй томъ его монографіи, посвященный изображенію религіи, общественной жизни, промышленности и торговли, литературы и науки при Омайядахъ и Аббасидахъ. Въ нашихъ глазахъ обширный трудъ г. Кремера имѣетъ цѣну главнымъ образомъ потому что еще не удавалось

* См. майскую книжку *Русскаго Вѣстника*.

намъ читать о средневѣковой цивилизаціи Востока ничего что отличалось бы такимъ увлекательнымъ, блестящимъ изложеніемъ, что рисовало бы такую яркую картину отдаленной эпохи. Говоря объ этой книгѣ мы будемъ имѣть въ виду и другую, а именно *The history and conquests of the Saracens* (Исторія и завоеванія Сарацинъ) англійскаго писателя Эдварда Фримана. По обширности свѣдѣній относящихся къ Востоку, автора ея нельзя конечно поставить на ряду съ г. Кремеромъ; онъ самъ объясняетъ что не могъ обращаться къ источникамъ, а пользовался лишь литературными пособіями, но многосторонняя его начитанность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и въ небольшомъ по объему сочиненіи своемъ, составившемся изъ лекцій, которыя были имъ читаны въ Единбургскомъ философскомъ институтѣ, разсѣялъ онъ много остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній.

Читатели наши ошиблись бы предположивъ что вопросъ о судьбахъ Востока за нѣсколько сотъ лѣтъ предъ симъ не можетъ представить для нихъ большого интереса. Напротивъ, интересъ этотъ очень великъ и не лишенъ даже, такъ сказать, современнаго значенія. Теперешніе поборники турецкаго ига надъ христіанами не переставали до самой послѣдней минуты утверждать что Турція способна переродиться, что магометанская религія сама по себѣ отнюдь не ставитъ препонъ прогрессу даже въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его европейское общество; они любятъ вспоминать о славныхъ временахъ калифата, „когда—по выраженію одного писателя—единая вѣра господствовала на берегахъ Инда и на берегахъ Дура, когда возносились молитвы за единого государя въ мечетяхъ Нарбонны и Самарканда“. Еще не далѣе какъ на дняхъ англійскій журналъ *Quarterly Review* доказывалъ что было время когда восточная или магометанская цивилизація неизмѣримо превосходила цивилизацію христіанскую. „Мракъ, въ который погрузилась средневѣковая Европа, восклицалъ онъ, былъ бы вдвое, даже втрое мрачнѣе, еслибъ Аравитяне не сіяли среди этого поголовнаго невѣжества и пороковъ своимъ искусствомъ, литературой, философіей, своими добродѣтелями, еслибъ они не дали Европѣ такихъ ученыхъ и мыслителей какъ Авиценна и Аверроесъ, такихъ ламятниковъ архитектуры какъ Альгамбра и Альказаръ.“ Чтобъ убѣдиться въ живучести

магометанскаго міра, продолжаетъ тотъ же журналъ, въ богатствѣ нравственныхъ его силъ, стоитъ только прослѣдить его исторію: „припомните какъ гениальная мысль зашла въ голову простаго пастуха и была усвоена вначалѣ лишь тѣснымъ кружкомъ его друзей и родственниковъ; какъ послѣ изгнанія его въ Медину вѣра которую проповѣдывалъ онъ вдругъ получаетъ быстрое распространеніе, приводитъ его съ торжествомъ въ родной городъ и покоряетъ ему всю Аравію; какъ по смерти Пророка всѣ начинанія его готовы были исчезнуть безъ слѣда, и какъ свои были они вызваны къ жизни религіознымъ энтузіазмомъ Абу-Бекра и мечомъ Омара; какъ приверженцы Магомета вступили въ борьбу съ Римскою Имперіей съ одной стороны и съ Персидскою монархіей съ другой, оттѣсняя въ побѣдоносномъ своемъ шествіи христіанство на сѣверъ и западъ, идолопоклонство на югъ и востокъ; какъ распространилось мусульманское владычество по двумъ материкамъ и проникло на третій, угрожая затопить его, еслибы Карлъ Мартеллъ не остановилъ этого потока; какъ на всемъ протяжении завоеванныхъ Аравитянами странъ терпимость замѣнила фанатизмъ, невѣжество уступило мѣсто знанію, варварство цивилизаціи...“ Выводъ отсюда, по мнѣнію англійскаго журнала, является самъ собою: если магометанство пережило столько опытаній и вышло изъ нихъ съ торжествомъ, если даже въ позднѣйшій и менѣе блестящій періодъ своего существованія оно обрѣло въ себѣ достаточно силъ чтобы разрушить Римскую Имперію и утвердить престолъ султановъ въ Византіи, если въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сряду оно являлось двигателемъ просвѣщенія, то возможно ли утверждать что роль его теперь окончена и что оно не способно примѣниться къ требованіямъ современныхъ имъ христіанскихъ народовъ?

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, не можетъ быть конечно оставленъ въ сторонѣ. Если указываютъ на прѣдную цивилизацію народовъ ислѣдывавшихъ религію Корана, то необходимо разсмотрѣть что это была за цивилизація. Книга г. Кремера содержитъ относительно этого въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія.

Прежде всего было бы нехотѣло отрицать что владычество Аравитянъ въ различныхъ странахъ, гдѣ они господствовали, было дѣйствительно ознаменовано широкимъ развитіемъ

емъ культуры. Несомнѣнные факты свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ. Читатели увидятъ изъ дальнѣйшаго нашего изложенія что дѣлая области, послѣ того какъ онѣ были заняты Аравитянами, пробудились къ жизни; возникли обширные города съ весьма дѣятельнымъ народонаселеніемъ; частная жизнь высшихъ классовъ отличалась поразительною и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченною роскошью; торговля и промышленность получили необыкновенное развитіе; ученые вышедшіе изъ среды мусульманъ съ успѣхомъ разрабатывали различныя отрасли науки. Это ли не цивилизація? Отдавая ей однако полную справедливости, необходимо остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на вопросъ, откуда она возникла и чѣмъ обуславливалось ея процвѣтаніе? Съ перваго взгляда можетъ показаться что эта цивилизація представляеть нѣчто чрезвычайно странное, какъ будто она не имѣетъ ни начала, ни конца: дѣйствительно, не изъ родныхъ же своихъ пустынь принесли ее съ собою Аравитяне, не въ Меккѣ и не въ Мединѣ слѣдуетъ искать ея зародыша. Мы знаемъ что племя это, такъ далеко распространившее свои завоеванія, приступило къ нимъ когда оно еще находилось на самой низкой стелени развитія, когда оно было племенемъ дикимъ въ полномъ смыслѣ слова. Никакихъ цивилизующихъ элементовъ не привнесло оно съ собою въ покоренныя имъ страны, ибо само не имѣло ни малѣйшаго понятія о цивилизаціи. Затѣмъ, если обратимся къ позднѣйшимъ временамъ, то увидимъ что отъ цивилизаціи этой не осталось и слѣдовъ. Востокъ погружается мало-по-малу въ тотъ непробудный сонъ, въ которомъ онъ пребываетъ и теперь: прежніе промышленные и торговые центры исчезаютъ; повсюду господствуетъ крайняя грубость нравовъ; суевѣріе и фанатизмъ подавляютъ всякое умственное движеніе. Не сохранилось почти и воспоминаній о томъ что развивалась здѣсь когда-то дѣятельная жизнь и что вниманіе людей, по крайней мѣрѣ избраннаго между ними меньшинства, было привлекаемо къ высокимъ интересамъ. Чему же приписать явленіе о которомъ говоримъ мы? Вѣдь не Коранъ же въ самомъ дѣлѣ способствовалъ процвѣтанію цивилизаціи? Ученіе Магомета имѣло громадное значеніе для усвоившихъ его народовъ: оно связало ихъ одно время тѣсною связью, пробудило въ нихъ религіозное одушевленіе, благодаря ему создано было громадное государство, но не только

нѣтъ въ немъ ничего такого что вызывало и поощряло бы развитіе культуры, но напротивъ оно способно лишь подавлять ее. Коранъ какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ тому что мы теперь видимъ на Востока, но никакимъ образомъ нельзя приписать ему то что происходило тамъ въ теченіе Среднихъ Вѣковъ. Утверждать противное можно было бы только доказавъ что Коранъ не ставитъ полигамію и рабство въ основу общественнаго устройства, что онъ не проповѣдуетъ фанатизма, что онъ не предписываетъ своимъ приверженцамъ фанатическую ненависть ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, что онъ не претендуетъ содержать въ себѣ всю истину, съ которою мусульмане обязаны сообразоваться не только въ дѣлахъ вѣры, но также въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ. Ничего подобнаго доказать однако нельзя, ибо Коранъ налицо. А если такъ, то какимъ же образомъ могъ бы онъ содѣйствовать возвышенію матеріальнаго благосостоянія народовъ и процвѣтанію науки въ ихъ средѣ?

Въ упомянутой нами книгѣ англійскаго писателя г. Фримана встрѣчаемъ мы по этому поводу слѣдующія соображенія: „Не подлежитъ сомнѣнію что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сряду Сарацины, преимущественно Сарацины испанскіе, значительно превосходили христіанскіе народы Залада своими свѣдѣніями въ астрономіи, медицинѣ, логикѣ и своимъ искусствомъ въ архитектурѣ. Конечно ученость ихъ была совершенно дѣтскою въ сравненіи съ тою которою мы обладаемъ теперь, но она была выше современной имъ учености Англіи, Германіи и Франціи. Но когда хотятъ насъ увѣрить будто бѣ они не только сдѣлали важные успѣхи въ разныхъ отрасляхъ науки, но будто бы вся тогдашняя наука сосредоточилась у нихъ, то происходить это отъ того что люди разсуждающіе подобнымъ образомъ совершенно забываютъ объ учености существовавшей въ тѣ времена какъ въ восточной, такъ и въ западной Европѣ. Откуда заимствовали Сарацины свои знанія? Отвѣчая на этотъ вопросъ мы не должны забывать о нашемъ старомъ другѣ—Грекѣ Византійской Имперіи. Ара비아не изучали Аристотеля, но конечно они сами познакомились съ нимъ черезъ посредство греческихъ ученыхъ; Аристотеля читали въ переводѣ и въ Самаркандѣ и въ Лисабонѣ, когда онъ не былъ еще извѣстенъ даже во

имени въ Оксфордѣ и Эдинбургѣ, но въ то же самое время читали въ подлинникъ въ Константинополѣ и Фессалоникахъ. Изъ Греціи пришла къ Аравитянамъ вся ихъ мудрость, и сами они — т.-е. совершенно самостоятельно — не изобрѣли и не выдумали кажется ровно ничего.“ По словамъ г. Фримана къ Сарацинамъ вполне примѣняется то глубоко вѣрное замѣчаніе которое высказалъ древній поэтъ о Греціи по отношенію къ Риму:

*Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio....*

Намъ кажется что эта истина не подлежитъ сомнѣнію, и что по меньшей мѣрѣ странно мнѣніе напримѣръ англійскаго историка Дрелера, который въ желаніи своемъ унижить христіанство рѣшается утверждать будто восточная цивилизація временъ калифата не только не находилась въ тѣсной и подчиненной зависимости отъ цивилизаціи западной но напротивъ сама наложила на нее свою неизгладимую печать. Если отъ области интеллектуальныхъ интересовъ обратимся мы къ другой, а именно къ матеріальному благосостоянію, которымъ ознаменовалось господство Сарацинъ, то увидимъ что вопервыхъ, оно отличалось совершенно особымъ характеромъ, исключительно свойственнымъ Востоку, а что затѣмъ и тутъ заслуга принадлежала далеко не однимъ Аравитянамъ и еще менѣе магометанству, что на этой почвѣ дѣйствовали другіе факторы, имѣвшіе возможность перевѣшивать губительное вліяніе того ученія которое заключалось въ Коранѣ, до тѣхъ поръ пока вліяніе это не подавило наконецъ и ихъ.

Книга г. Кремера содержитъ въ себѣ массу самыхъ убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ по своей силѣ доказательствъ въ пользу этого взгляда. Мы убѣждаемся изъ нея въ слѣдующихъ фактахъ: распространеніе мусульманскаго владычества и мусульманской вѣры въ различныхъ странахъ Азіи, Африки и даже Европы было дѣломъ Аравитянъ; они были главными виновниками того могущества которымъ пользовались калифы одновременно на трехъ материкахъ; но никакъ не имъ слѣдуетъ всецѣло поставить въ заслугу все то чѣмъ созданныя ими государства оставили по себѣ память въ исторіи. По причинамъ о которыхъ мы скажемъ подробнѣе, очень скоро началось сліяніе

между Аравитянами и покореннымъ ими народонаселеніемъ; одна часть этого населенія приняла Коранъ, другая сохранила свои прежнія вѣрованія, но вліяніе и этой послѣдней въ общемъ строѣ государства отражалось очень осязательно. Такимъ образомъ возникла мало-по-малу смѣшанная раса, которой собственно и принадлежитъ то что мы называемъ культурой Востока, господствовавшей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣ смерти Магомета. Судьба Аравитянъ была въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе счастлива. Они утвердили свое господство надъ многими изъ такихъ странъ, въ которыхъ цивилизація была дѣломъ далеко не новымъ, которыя уже находились подъ вліяніемъ Греціи или Рима, и гдѣ вліяніе это напоминало о себѣ на каждомъ шагѣ; христіанство проникло сюда по сѣверному берегу Африки; въ Египтѣ, Сиріи, а также и въ другихъ азіатскихъ областяхъ оно имѣло многочисленныхъ приверженцевъ. Вспомнимъ о томъ положеніи въ какомъ находилась тогда западная Европа; если вслѣдствіе феодализма не было единства въ средѣ каждаго отдѣльнаго государства, то и между всѣми ими разорвана была связь; трудно указать эпоху въ которую было бы такъ мало общенія между европейскими народами, хотя они исповѣдывали одну и ту же вѣру и имѣли почти одинаковыя учрежденія. Что касается до областей завоеванныхъ Аравитянами, то завоеваніе объединило ихъ; рушились всѣ препоны которыя затрудняли торговые ихъ взаимныя сношенія, ибо въ теченіе всего времени пока калифатъ не распался еще на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, не существовало въ немъ ничего подобнаго таможеннымъ, пошлинамъ и т. д.; арабскій языкъ сдѣлался господствующимъ и послужилъ средствомъ для обмѣна идей даже людямъ которые не принадлежали къ классу завоевателей. Не удивительно что при этихъ условіяхъ вспыхнулъ проблескъ цивилизаціи тамъ гдѣ уже лежали ея корни, снова пробудилось дѣятельное умственное движеніе, получили широкое развитіе матеріальные интересы, — это былъ послѣдній энергическій порывъ, который долженъ былъ однако уступить разрушительному вліянію магометанства и затѣмъ наступаетъ уже непробудный сонъ, охватившій Востокъ до сихъ поръ. Вся заслуга Аравитянъ, говоритъ г. Фриманъ, состояла въ томъ что они не мѣшали этому движенію, позволяли ему развиваться безпрепятствен-

но. Заслуга ихъ, скажемъ мы, была даже нѣсколько важнѣе: они сами принимали въ немъ участіе, хотя со стороны ихъ это было лишь дѣломъ меньшинства, хотя мы не замѣчаемъ вовсе той живой связи между избранными личностями въ ихъ средѣ и массою общества, которою собственно обезпечивается долговѣчность цивилизаціи. Аравитяне выказали себя весьма способными учениками, чего нельзя объяснить инымъ какъ врожденною талантаивостью этого племени, рѣзко отличающею его ото всѣхъ другихъ племенъ принявшихъ ученіе Магомета. „Способные, говоритъ г. Кремеръ, столь же страстно какъ и европейское племя воодушевляться идеей, не менѣе его проникнутые гордымъ сознаніемъ своей національности, обладавшіе такою же богатою, но еще болѣе творческою фантазіей, не уступавшіе Финикіянамъ и Карфагенянамъ въ наклоности къ войнѣ и торговлѣ, но превосходившіе ихъ своею предприимчивостью, Аравитяне совмѣщали въ себѣ всѣ блестящія и мрачныя свойства семитическихъ племенъ.“ Этотъ народъ былъ достоинъ конечно несравненно лучшей участи чѣмъ та которая выпала на его долю. Благодаря магометанству онъ имѣлъ свою пору блеска и величія, но магометанство же и погубило его, извративъ всѣ природныя черты его характера и сдѣлавъ его неспособнымъ къ тому чтобъ усвоить себѣ плоды истинной культуры.

Сохранился разказъ что одинъ изъ посланцевъ калифа явившись къ Персидскому царю, который сталъ упрекать Аравитянъ ихъ прежнимъ образомъ жизни, отвѣчалъ ему слѣдующими словами: „Все что ты сказалъ, вполнѣ вѣрно. Пищей для моихъ соотечественниковъ служили зеленныя ящерицы; они зарывали живыми въ землю своихъ малолѣтнихъ дочерей; многіе изъ нихъ питались падалью и пили кровь, другіе умерщвляли родственниковъ и хвастались если этимъ средствомъ удавалось имъ обогатиться; вмѣсто одежды носили они звѣриныя шкуры, не знали никакого различія между добромъ и зломъ. Вотъ каково было наше положеніе, но Богъ въ милосердіи своемъ послалъ намъ Пророка, который научилъ насъ истинной вѣрѣ.“ Дѣйствительно, заслуги Магомета относительно Аравитянъ были огромны. Онъ отвратилъ ихъ отъ идолопоклонства и внушилъ имъ понятіе о единомъ Богѣ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что уже и прежде мысль о единобожіи была имъ вовсе не

чужда; они чтѣли единое Верховное Существо, но—по словамъ Корана—„давали ему и сотоварищей“. Магометъ совершенно отмѣнилъ варварскій обычай своихъ соотечественниковъ зарывать живыми въ землю малолѣтнихъ дѣвочекъ, когда онѣ становились бременемъ для семейства. Во всемъ остальномъ онъ вовсе не считалъ возможнымъ бороться съ существовавшимъ зломъ, а старался только ограничить его. Такъ напримѣръ, между Арабами господствовала крайняя распущенность нравовъ,—Магометъ узаконилъ полигамію, дозволивъ однако каждому правовѣрному имѣть не болѣе четырехъ женъ, но самъ же онъ въ послѣдніе годы своей жизни показалъ примѣръ какъ мало слѣдуетъ стѣсняться подобнымъ ограниченіемъ. У Арабовъ были уже рабы. Пророкъ допустилъ и рабство, предписавъ однако—и предписанія эти вошли въ послѣдствіи въ Коранъ—обращаться по возможности милосердно съ рабами; понятно однако что правило такого рода должно было оказаться весьма шаткимъ на практикѣ, главное же дѣло состояло въ томъ что рабство становилось освященнымъ самою религіею учрежденіемъ. Точно то же и относительно кровавой мести: Магометъ не пытался вступать въ борьбу съ этимъ укоренившимся обычаемъ, а постановилъ ему лишь извѣстные предѣлы. Словомъ, хотя Магометъ и стоялъ выше уровня понятій своего народа и своего времени, онъ въ главныхъ основаніяхъ совершенно раздѣлялъ ихъ; онъ не проповѣдывалъ безусловныхъ принциповъ нравственности, а строго примѣнялся къ окружавшей его средѣ; все что было въ этой средѣ безобразнаго, вошло и въ его законодательство, но только въ болѣе смягченной формѣ. Конечно, сравнительно съ прошлымъ это былъ важный шагъ впередъ, относительно же будущаго это должно было привести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Реформа Магомета, какъ справедливо замѣтилъ г. Фриманъ, была вполне пригодна для Аравитянъ въ томъ состояніи въ которомъ они находились, и въ то время когда она была возвыщена имъ; они имѣли полное право видѣть въ ученіи своего Пророка истину, ибо дѣйствительно оно представлялось для нихъ истинной при сопоставленіи его съ ихъ прежнимъ чисто-варварскимъ міровоззрѣніемъ. Но Магометъ былъ твердо убѣжденъ что проповѣдь его, которая, какъ мы замѣтили сейчасъ, была предназначена лишь для

извѣстнаго народа и для извѣстной эпохи, должна имѣть универсальное значеніе, отвѣчать духовнымъ потребностямъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ; онъ внушилъ своимъ приверженцамъ увѣренность что въ ученіи этомъ, содержащемъ въ себѣ лишь малую долю правды наряду съ волюющею ложью, заключается вся истина которую слѣдуетъ усвоить людямъ, и что малѣйшее уклоненіе отъ нея должно считаться въ высшей степени грѣховнымъ. „Мусульманамъ, замѣчаетъ г. Фриманъ, имѣетъ въ своемъ обладаніи нѣчто такое чѣмъ онъ считаетъ себя въ правѣ гордиться и что кажется ему непреложнымъ догматомъ. Предположимъ что какое-нибудь племя дикарей принимаетъ магометанскую вѣру: подобное дѣйствіе будетъ для него конечно огромнымъ приобрѣтеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно уже будетъ отказаться отъ всякой надежды на дальнѣйшее совершенствованіе. Еслибъ оно осталось въ своемъ дикомъ первобытномъ состояніи, то быть-можетъ со временемъ удалось бы ему воспринять непреложную истину, усвоить себѣ настоящую цивилизацію, но магометанство закрываетъ ему для этого путь.“ Въ такомъ именно положеніи очутились и Аравитяне. Посланецъ ихъ, произнесшій Персидскому царю приведенныя нами выше слова, былъ съ своей точки зрѣнія вполне правъ, когда сравнивая жалкое положеніе своего племени до появленія Магомета съ тѣмъ могуществомъ котораго достигло оно позднѣе, приписывалъ это влиянію мусульманской религіи: отъ его взора было только закрыто что это племя, несмотря на блестящія природныя свои способности, никогда уже въ будущемъ не могло занять мѣста среди истинно цивилизованныхъ народовъ.

Какъ у многихъ дикихъ племенъ, у Аравитянъ — прежде чѣмъ выступили они на историческое поприще — грубые пороки совмѣщались съ замѣчательно хорошими свойствами характера. Магометъ, какъ мы видѣли, удержалъ и узаконилъ главнѣйшія безобразія ихъ общественнаго быта; онъ старался только смягчить, обуздать ихъ, но случилось такъ что именно его ученіе должно было развить эти безобразія до высшей степени. Что касается до привлекательныхъ чертъ въ характерѣ Арабовъ, то и онъ указали совершенно подъ влияніемъ магометанства. Вотъ тотъ выводъ къ которому придетъ, кажется намъ, всякій здраво-

мыслящій читатель, ознакомившись съ книгой г. Кремера.

Остановимся прежде всего на полигаміи. Она существовала конечно у Аравитянъ и прежде, но никакимъ образомъ нельзя сравнивать ее съ тою которая стала развиваться у нихъ преимущественно со II или III вѣка геджиръ. Арабы, какъ придется еще намъ сказать объ этомъ подробнѣе, отличались въ высшей степени аристократическимъ чувствомъ; они гордились своимъ происхожденіемъ, принадлежностью своею къ тому или другому роду, и брачныя узы съ женщиной стоявшею на низшей ступени считались дѣломъ въ высшей степени постыднымъ. Въ лалаткѣ Араба полною хозяйкой и распорядительницей была равная ему по крови жена, остальные находились на ступени наложницъ и стояли немного выше домашней прислуги. Арабъ обращался съ этою главною своею женою какъ равный съ равною, онъ относился къ ней съ уваженіемъ, а она съ своей стороны никогда не теряла сознанія собственного достоинства. Такъ продолжалось и въ первыя времена Ислама, когда онъ не успѣлъ еще извратить совершенно установившіеся обычаи: женщина не считала нужнымъ скрывать свое лицо отъ посторонняго взора, не считала мужа полновластнымъ своимъ господиномъ, не низводила себя на степень рабыни, созданной для его утѣхи; въ женщинѣ цѣнили не физическую только красоту, но происхожденіе, умъ и врожденную гордость. Въ преданіяхъ сохранился между прочимъ разказъ объ Аейшѣ, внукѣ калифа Абу-Бекра и племянницѣ извѣстной супруги Пророка. Однажды вздумали упрекнуть ее тѣмъ что она ходитъ безъ покрывала. „Богъ надѣлилъ меня красотой, отвѣчала она, и мнѣ пріятно чтобы люди видѣли и распознавали на мнѣ даръ Божій; я не хочу скрывать своего лица, ибо нѣтъ въ томъ никакой вины предъ Богомъ.“ Женщины безпрелютственно появлялись въ мужскомъ обществѣ и могли сами выбирать себѣ мужей. Если подобныя нравы господствовали въ высшемъ классѣ народонаселенія, то въ низшихъ слояхъ его женщина пользовалась еще большею свободой и самостоятельностью. „Не мало примѣровъ этому, говоритъ г. Кремеръ, видимъ мы въ самыя первыя времена распространенія мусульманства. Женщинъ восплѣвали въ исполненныхъ страсти и нѣжности стихотвореніяхъ и

окружали ихъ образъ всѣми чарами поэзіи. Въ легендахъ сѣверо-арабскихъ племенъ считается дѣломъ самымъ благороднымъ, славнымъ и достойнымъ подражанія если воинъ презирая какія бы то ни было опасности, даже жертвуя собственною жизнью, спасаетъ женщину отъ плѣна и вообще отъ бѣды; именно такимъ образомъ Антаръ оканчиваетъ свою жизнь безъ страха и упрека: при нападеніи враговъ онъ одинъ вступаетъ въ борьбу съ ними чтобы дать время женщинамъ своего племени спастись отъ угрожающаго имъ безчестія. Чѣмъ же объяснить подобное явленіе? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Древняя поэзія и сказанія Аравитянъ доказываютъ что уже издавна женщина окружена была у нихъ уваженіемъ и почетомъ; она сохраняла за собою эту роль до тѣхъ поръ пока не наступило разложеніе въ средѣ самого Арабскаго племени, пока вслѣдствіе слиянія своего съ другими элементами народонаселенія не утратило оно свою первоначальную фizioномію. „Первымъ шагомъ къ печальному перевороту, читаемъ мы у г. Кремера, послужилъ повсемѣстный упадокъ старой арабской аристократіи. Знатные роды, вышедшіе изъ Мекки, которые въ самомъ началѣ удерживали за собою господство какъ бы по праву наслѣдія, мало-помалу исчезаютъ подъ вліяніемъ безпрерывныхъ войнъ и мѣсто ихъ занимаетъ какая-то помѣсь самаго разнообразнаго происхожденія, которой чужды благородные помыслы.“ Но главную причину гибельнаго упадка семейной жизни слѣдуетъ все-таки искать въ ученіи Магомета. Обратимъ только вниманіе на то, какую роль преуготовило оно для Аравитянъ. Коранъ воспламенилъ ихъ религіознымъ фанатизмомъ и повелѣвалъ имъ оружіемъ распространять религію: они дѣйствовали самымъ энергическимъ образомъ въ смыслѣ этого предписанія; они завоевали обширныя страны, распространили свое владычество въ отдаленныхъ предѣлахъ, но среди покоренныхъ ими народовъ Аравитяне составляли лишь меньшинство. Арабскіе гарнизоны, арабскія военныя колоніи представлялись не болѣе какъ оазисами на огромномъ протяженіи самыхъ разнородныхъ областей. Держать въ повиновеніи эти области можно было только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы быстро увеличивалась численность завоевателей, а Коранъ указывалъ на полигамію какъ на одно изъ вѣрныхъ для этого средствъ. Вотъ почему именно въ немъ лежалъ

главный корень зла: онъ подвинулъ Аравитянъ на завоеваніи несообразныя съ ихъ силами и онъ же осудилъ ихъ на громадное развитіе губительнаго учрежденія, которое уже лежало у нихъ въ зародышѣ.

Полигамія принимаетъ у Аравитянъ громадныя размѣры именно одновременно съ распространеніемъ ихъ завоеваній. Въ началѣ обстоятельства какъ нельзя болѣе облегчали ея развитіе. Матеріальное положеніе завоевателей было вполнѣ обезпечено: всѣ сколько-нибудь пользовавшіеся между ними почегомъ получали участки земли, обогащались добычей; сверхъ того казна, прибѣгавшая къ неимовернымъ поборамъ, была очень щедра относительно ихъ. Но подобное положеніе длѣть не могло быть продолжительно; тѣ источники доходовъ, о которыхъ упомянули мы сейчасть, оказались отнюдь не неисчерпаемыми, или же стали пользоваться ими исключительно люди принадлежавшіе къ высшему управленію и стоявшіе близко ко двору калифовъ. Жизнь съ каждымъ годомъ становилась все труднѣе и полигамія среди этихъ измѣнившихся обстоятельствъ сдѣлалась истиннымъ бѣдствіемъ для народа. А между тѣмъ она уже приносила свои обычные плоды: „Полигамія, говоритъ г. Кремеръ, разрушила всякую правильную семейную жизнь, изъ нея какъ изъ смертоноснаго зародыша, развились всѣ язвы которыя угрожаютъ гибелью любому изъ мусульманскихъ государствъ. Представимъ только себѣ мысленно внутренній бытъ старинныхъ гаремовъ, гдѣ проживали десятки, иногда даже сотни молодыхъ людей, которые матерями своими воспитывались въ чувствахъ взаимной ненависти и недовѣрія: какія понятія, какія побужденія были внушаемы имъ невѣжественными и ослѣпленными ревностью женщинами! Чѣмъ многочисленнѣе было семейство, тѣмъ менѣе заботился отецъ о своихъ сыновьяхъ. Онъ всецѣло предавался ихъ вліянію своихъ наложницъ, любимымъ занятіемъ коихъ было вести между собою ожесточенную войну...“

Эти замѣчанія г. Кремера о развитіи полигаміи у Аравитянъ кажутся намъ въ высшей степени любопытными. Конечно, когда Аравитяне жили въ своихъ стеляхъ, у нихъ не было понятія о семьѣ въ высокомъ значеніи этого слова; они допускали многоженство; но есть ли возможность утверждать что имъ не суждено было когда-нибудь выступить на лучшій путь, если вспомнимъ о томъ уваженіи ко-

торымъ они окружали женщину даже среди варварскаго своего состоянія? Добро боролось у нихъ со зломъ, и если зло окончательно взяло верхъ, то они обязаны были этимъ Корану. Ученіе Магомета возвелъ полигамію въ принципъ, осыатило ее своимъ авторитетомъ и съ этой минуты для Аравитянъ не существовало уже исхода. Мы видимъ однако что въ самыя первыя времена Ислама они еще не усваиваютъ себѣ тотъ крайне презрительный взглядъ на женщину который утвердился у нихъ въ послѣдствіи. „Сомнительная заслуга унижить и олозорить женскій полъ принадлежала, замѣчаетъ г. Кремеръ, угрюмымъ и фанатическимъ толкователямъ Корана. Конечно, сами они были далеко не равнодушны къ женской красотѣ—объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ гаремы—но предаваясь распутству гаремной жизни, эти люди все-таки считали долгомъ проповѣдывать о порочности міра и легкомысліи прекраснаго пола. Заботливо собирали они изреченія Пророка изъ которыхъ можно сдѣлать выводъ что женщины предназначены для ада.“ Этотъ переворотъ въ понятіяхъ и вообще въ положеніи женщины относитъ г. Кремеръ къ періоду времени отъ послѣднихъ годовъ владычества Омайядовъ до Гаруна-Рашида.

Если отъ полигаміи обратимся къ рабству, то увидимъ что и оно достигло громаднхъ размѣровъ лишь послѣ принятія Аравитянами магометанской вѣры. Это было тоже однимъ изъ послѣдствій безпрерывныхъ войнъ. Въ прежнее время въ отношеніяхъ Арабовъ къ ихъ рабамъ проявлялся патріархальный характеръ, — теперь онъ исчезъ вовсе и рабъ былъ низведенъ почти на степенъ животного. Послѣ завоеванія Персіи и Сиріи особенно стала процвѣтать торговля красивыми невольницами. О блескѣ восточной цивилизаціи мы можемъ судить между прочимъ по той привлекательной обстановкѣ которою былъ окруженъ этотъ промыселъ. Не мало относящихся сюда свѣдѣній собралъ г. Кремеръ въ своей книгѣ. Онъ разказываетъ напримѣръ что при калифѣ Мансурѣ большою славой пользовался нѣкто Ибнъ-Заминъ, домъ котораго привлекалъ толпы богатыхъ мусульманъ. Въ этомъ домѣ содержались невольницы, одна красивѣе другой: онѣ занимали гостей разговоромъ, пѣніемъ, танцами, брали въ присутствіи ихъ музыкальные уроки. Крайняя раслуцечность нравовъ господствовала здѣсь

и за деньги можно было достигнуть всего. Въ Куфѣ находился и другой *café chantant*, какъ выражается г. Кремеръ, содержателемъ коего былъ Зораукъ; для его шли самымъ блистательнымъ образомъ: одну изъ своихъ невольницъ продалъ онъ за 100.000 диргамъ *, другую за 90.000; онъ снабжалъ не только гаремы знатнѣйшихъ лицъ, но и гаремъ самого калифа. „Богатые люди, говоритъ авторъ, все болѣе и болѣе лѣнились обществомъ этихъ прелестницъ, которыя постулали къ нимъ въ домъ и все захватывали тамъ въ свои руки; цинизмомъ своимъ заражали онѣ все общество. Такимъ образомъ распространилось то непостижимое для Европейца отсутствіе деликатности, то безстыдство, съ которымъ на Востоку даже люди высшихъ классовъ касаются тайнъ брачнаго сожитія.“

Посмотримъ же какое зрѣлище представляло это общество, культура коего встрѣчаетъ и до сихъ поръ восторженныхъ поклонниковъ. Начинаемъ съ вершины зданія, со дворца калифовъ. Не ставемъ излагать подробно какимъ образомъ подъ вліяніемъ Корана сложилась верховная власть у Аравитянъ, но отмѣтимъ лишь тотъ несомнѣнный фактъ что въ самомъ началѣ она была далеко не тѣмъ чѣмъ является нашимъ взорамъ въ послѣдствіи. При первыхъ четырехъ калифахъ — по выраженію г. Кремера — государство основанное ими было не болѣе какъ „обширною религиозно-политическою ассоціаціей арабскихъ племенъ, которыя направляли совокупныя свои усилія для грабежа и завоеваній подъ знаменемъ Ислама, съ извѣстнымъ лозунгомъ: кѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его!“ Во главѣ этого полчища стояли калифы, считавшіеся непосредственными преемниками Пророка; они направляли всѣ военныя предпріятія, завѣдывали казною, были верховными судьями и сосредоточивали въ своихъ рукахъ все что касалось богослуженія и религіи. Никакой царственный блескъ не окружалъ ихъ и не было у нихъ ничего похожаго на сколько-нибудь пышный дворецъ; своимъ образомъ жизни они не отличались отъ толпы и каждый свободный Арабъ считалъ себя равнымъ съ ними. Происходило это отъ того что Аравитяне отдаленной эпохи были племенемъ весьма не охотно подчинявшимся какому бы то ни было авторитету; они признавали надъ собою только власть избранныхъ ими

* Диргама равняется почти франку.

самими вождѣй, которыхъ могли смѣстить во всякое время, такъ что званіе вождя крайне рѣдко оставалось достояніемъ какого-нибудь одного семейства. Понятіе о наследственности власти было имъ совершенно чуждо. Вслѣдствіе того въ первыя времена и калифы смѣняли одинъ другого не иначе какъ на основаніи избранія; воцареніе ихъ было утверждаемо согласіемъ народа. Все это обратилось мало-по-малу въ пустую формальность, затѣмъ и отъ нея не остается слѣда и по истеченіи нѣкотораго времени упрочивается деспотизмъ въ такой формѣ въ какой онъ можетъ существовать только на Востоцѣ.

Г. Кремеръ изобразилъ блестящую картину Багдада, главной резиденціи калифовъ изъ династіи Аббасидовъ. Городъ этотъ лежитъ, какъ извѣстно, у Тигра и въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Евфрата, въ обширной и чрезвычайно плодородной долинѣ, орошаемой судоходными каналами. Онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; стѣны защищали его отъ внезапнаго нападена и проникнуть внутрь города можно было лишь чрезъ массивныя желѣзныя ворота. Внутри раздѣлялся онъ на кварталы, сообщавшіеся между собою тоже воротами; въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены были базары, изъ которыхъ каждый, точно такъ же какъ и теперь повсюду на Востоцѣ, предназначень былъ для отдѣльныхъ ремеслъ и промысловъ: на одномъ базарѣ торговали только металлическими произведеніями, на другомъ шелковыми тканями, на третьемъ свѣдами, былъ особый базаръ для продажи невольниковъ и т. п. Зданія, лоразавшія своею роскошью и обширными размѣрами, стояли наряду съ убогими хижинами, свидѣтельствовавшими о крайней нищетѣ ихъ обитателей; съ перваго взгляда можно было замѣтить, что тутъ жилось привольно людямъ скопившимъ въ своихъ рукахъ огромныя богатства, но что масса народонаселенія обречена была на крайне незавидное существованіе. „Багдадъ, говоритъ одинъ поэтъ того времени, счастливое мѣстопробываніе для богатыхъ, но для бѣдняковъ это юдоль тяжкихъ бѣдствій и лишеній; въ смущеніи бродилъ я по его улицамъ, затерявшись среди нихъ какъ Коранъ въ жилищѣ безбожника.“ Другой поэтъ восклицаетъ: „Багдадъ созданъ только для богатыхъ, неимущимъ не даетъ онъ ничего кромѣ горя.“ Надъ всѣмъ господствовалъ и все подавлялъ собою дворецъ

или вѣрнѣе сказать обширное пространство, цѣлый кварталъ занятый дворцомъ калифовъ и принадлежавшими къ нему зданіями. Это былъ какъ бы особый городъ, огражденный со всѣхъ сторонъ стѣнами. Тысячи людей проживали здѣсь на счетъ своего верховнаго властелина, обращая всѣ свои помыслы на то, чтобъ заслужить его благоволеніе. Дворецъ былъ громаднѣе размѣровъ (требовалось не менѣе двухъ часовъ чтобы обойти его кругомъ) и вмѣщалъ въ себѣ роскошные сады, галлерей, портики, кіоски съ драгоценными коврами и занавѣсами; роскошь внутренней отдѣлки была необычайна, — мраморъ, золото, серебро, китайскій фарфоръ видѣлись на каждомъ шагу. Сады поражали своими рѣдкими растеніями, толпы невольниковъ и невольницъ ходили не иначе какъ въ богатыхъ одеждахъ. Позднѣйшіе калифы не довольствовались однако этимъ дворцомъ, а начали строить себѣ другіе недалеко отъ Багдада. Вскорѣ возникъ цѣлый рядъ зданій, превосходившихъ одно другое своимъ великолѣпіемъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи Мотаваккиль (847 — 861): онъ израсходовалъ на подобныя постройки около 300 милліоновъ дирхамъ. Уже поэтому можно судить въ какой мѣрѣ властелины правотѣрныхъ не стѣснялись удовлетворять свои прихоти. На рѣкѣ, около ихъ дворца, стояла цѣлая флотилія судовъ, о которыхъ г. Кремеръ приводитъ слова современныхъ писателей, что и богатствомъ своей отдѣлки превосходили они крайніе предѣлы всего что только возможно было придумать.

Любопытно взглянуть на образъ жизни этихъ деспотовъ. „Безграничный произволъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, непомерное, ничѣмъ не сдерживаемое наслажденіе матеріальными благами, распутство въ гаремахъ, крайнее презрѣніе къ людямъ вслѣдствіе окружавшаго ихъ работѣлія, привычка къ ежедневнымъ истязаніямъ и казнямъ—все это въ связи съ неизбѣжнымъ пресыщеніемъ, до котораго доводили ихъ всякаго рода излишества, породили въ нихъ какую-то нервную раздражительность, сдѣлавшуюся наследственнымъ ихъ недугомъ и доходившую у нѣкоторыхъ изъ этихъ правителей до безумнаго пьянства или до Нероновской страсти къ убійствамъ.“ Первый изъ Аббасидовъ заслужилъ прозвище „кровопроливца“ за то хладнокровіе съ которымъ истреблялъ онъ членовъ прежней вра-

ждебной ему династїи. Братъ и преемникъ его Майсуръ безпощадно и самымъ зѣрскимъ образомъ умертвилъ Абу-Мослима, доставившаго ему престолъ. Онъ постоянно страшился измѣны и считалъ себя безопаснымъ только среди своихъ войскъ или ближайшихъ своихъ приверженцевъ; подъ вліяніемъ этого страха онъ превратилъ дворецъ въ укрѣпленный лагерь и приказалъ владѣльцамъ сосѣднихъ домовъ переселиться въ другое мѣсто; провинившихся зарывалъ онъ живыми въ землю, отрѣзывалъ имъ руки и ноги. Точно такіе же ужасы разказываютъ о сынѣ его Мади, извѣстномъ между прочимъ преслѣдованіемъ противъ Манихеевъ. Придворные доложили ему однажды что молодой человѣкъ, сынъ главнаго министра, относится неуважительно къ религіи. Мади призвалъ этого несчастнаго, задалъ ему нѣсколько вопросовъ изъ Корана и получивъ неудовлетворительные отвѣты сказалъ присутствовавшему при этой сценѣ его отцу: „Если ты собственными руками умертвишь сына, то велика будетъ твоя заслуга предъ Богомъ.“ Старикъ медлилъ; тогда по знаку халифа молодой человѣкъ былъ убитъ придворными. Болѣзненная, нервная раздражительность, которую г. Кремеръ считаетъ отличительною чертою всѣхъ Аббасидовъ, и причины коей такъ мѣтко указаны имъ, проявлялась между прочимъ и въ знаменитомъ Гарунѣ-Рашидѣ. Вотъ имя, хорошо знакомое даже людямъ которые не занимались сколько-нибудь внимательно исторіей Востока! Подъ вліяніемъ извѣстныхъ сказокъ, гдѣ онъ является дѣйствующимъ лицомъ, составилось о немъ понятіе какъ о правителѣ конечно на восточный образецъ, но все-таки любившемъ справедливость и обнаруживавшемъ замѣчательную мудрость. Онъ былъ однимъ изъ сыновей Мади и царствовалъ послѣ своего брата, одного изъ самыхъ вѣдомыхъ тирановъ. Всѣ черты восточнаго деспота преобладали и въ немъ: если при предшественникахъ его заботы о государственномъ управленіи были возлагаемы на недостойныхъ фаворитовъ, то при Гарунѣ-Рашидѣ зло это достигло крайнихъ размѣровъ; огромныя суммы скопавшіяся отъ грабежа провинцій шли на удовлетвореніе дѣкихъ прихотей; когда калифъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, онъ буквально сыпалъ деньгами. Такъ однажды прельщенный лѣнїемъ своихъ одалисокъ онъ приказалъ раздать имъ все что находилось

въ ту минуту въ придворной казнѣ—не менѣе шести милліоновъ дирхамъ; въ другой разъ въ уплату за невольницу рѣдкой красоты предоставлялъ онъ въ аренду ея господину сборъ податей въ Персію на семь лѣтъ. Мы привели только самыя крутые примѣры чтобы дать понятіе о расточительности этого безумца. Но когда овладѣвалъ имъ гнѣвъ, то жесточайшія и отличавшіяся однако изобрѣтательностью казни слѣдовали одна за другою. Разумѣется фавориты старались развлекать калифа, отстраняли все что могло бы раздражить его, но подобная задача была отнюдь не легкою: человѣкъ пресыщенный удовольствіями, съ юныхъ лѣтъ погрязавшій въ развратѣ гаремной жизни, онъ рѣшительно не владалъ собою и достаточно было какой-нибудь мелочи чтобы вывести его изъ себя. Онъ или предавался безумному веселію, или неутѣшно плакалъ, или становился разъяреннымъ звѣремъ и наводилъ трепетъ на окружавшихъ его. „Но Гарунъ, замѣчаетъ г. Кремеръ, не менѣе семи или восьми разъ въ теченіе своего царствованія совершалъ путешествіе въ Мекку, и этого было вполне достаточно для поздравлявшихъ лѣтоисцевъ чтобы изобразить его идеаломъ мудраго и богобоязненнаго государя, тогда какъ въ сущности это былъ не болѣе какъ капризный и дошедшій почти до умопомѣшательства восточный деспотъ.“

И это былъ однако лучший въ династіи Аббасидовъ. Обращеніе жизни какъ его, такъ и другихъ можно назвать лишь непрерывною оргіей. Вотъ на примѣръ описаніе одного праздника, происходившаго при калифѣ Ради: „Калифъ, разсказываетъ очевидецъ, сидѣлъ въ лавальионѣ Шадколѣ; онъ приказалъ заблаговременно скупить всѣ розы и въ Багдадѣ и въ его окрестностяхъ; когда собрались гости, поднялся занавѣсъ, за которымъ были расположены съ одной стороны лѣвцы, а съ другой музыканты. Между тѣмъ служители взобрались на крышу лавальиона и чрезъ отверстія безостановочно осыпали оттуда присутствовавшихъ дождемъ розъ и золотой монеты; въ то же время женщинамъ, принадлежавшимъ къ гарему, разносили коробки съ крупнымъ жемчугомъ.“ Книга г. Кремера наполнена подобными описаніями. Всѣ свѣдѣнія которыя сообщаетъ авторъ о Багдадскомъ дворѣ гласятъ только о безумной роскоши, утонченномъ развратѣ, о праздности, для разсѣянія коей раздраженная фантазія придумывала различныя средства. Невольно

раждается вопросъ: какимъ же образомъ,—если безграничная власть сосредоточивалась въ рукахъ калифовъ и если эти владетелины милліоновъ народонаселенія вели подобный образъ жизни, если въ огромномъ большинствѣ были они безлутные и расточительные тираны,—могли развиваться въ государствѣ промышленность, торговля и даже научныя занятія? „Царствованіе Гаруна-Рашида, читаемъ мы у г. Кремера, было эпохой высшаго процвѣтанія калифата.“ Мы знаемъ однако что такое былъ Гарунъ-Рашидъ. Какіе же элементы заключались въ восточной цивилизаціи для того чтобы слободна была она развиваться даже при подобныхъ деспотахъ?

Вопросъ этотъ заставляетъ насъ обратиться къ самому народонаселенію.

Не слѣдуетъ предполагать чтобы все племя Аравитянъ покинуло для предпринятыхъ имъ завоеваній полуостровъ служившій первоначальнымъ его мѣстопробываніемъ. Выселлась оттуда лишь часть его и притомъ выселалась она болѣе или менѣе многочисленными толпами и въ различныя времена: между этими двумя частями одного и того же племени, тѣмъ которое осталось на родинѣ и тѣмъ которое съ оружіемъ въ рукахъ распространило свое господство въ отдаленныхъ странахъ, возникаетъ мало-по-малу рѣзкое различіе. Иначе не могло и быть. Въ началѣ завоеватели тщательно отстранялись отъ всякаго сближенія съ покоряемыми ими народами; они ограждены были отъ нихъ различіемъ языка и религіи, но долго продолжаться это не могло. Вопервыхъ, несмотря на свою воинственность, Аравитяне чувствовали себя весьма неловко среди окружающей ихъ, хотя и подавленной, но все-таки враждебной имъ громадной массы населенія; вовторыхъ, это самое населеніе стало стремиться къ тому чтобы найти доступъ въ ихъ среду: оно было подавляемо тяжкими налогами и чтобъ избавится отъ нихъ было только одно средство, перемѣнить вѣру, принять магометанство. Любопытно что этотъ переворотъ встрѣчаетъ въ началѣ какъ бы отпоръ со стороны завоевателей; они не могли конечно относиться враждебно къ тому что язычникъ или христіанинъ принималъ ученіе Пророка, но имъ было въ высшей степени противно приравнять къ себѣ чужеземца только потому что онъ становился магометаниномъ. Врожденная имъ гордость, высокое

сознаніе своего племеннаго превосходства, противились этому. Вотъ почему, когда переходъ въ мусульманскую вѣру принимаетъ даже весьма широкіе размѣры, рѣзкая черта продолжаетъ отдѣлять новообращенныхъ отъ чистокровныхъ Аравитянъ. Жители покоренныхъ странъ, усваивавшіе религію Корана, вынуждены были вступать въ подчиненныя отношенія къ побѣдителямъ, они признавали надъ собою покровительство того или другаго знатнаго семейства и извѣстны были обыкновенно подъ названіемъ кліентовъ. Въ первое время своимъ отступничествомъ отъ вѣры своихъ отцовъ они лишь до нѣкоторой степени облегчали тяготѣвшее надъ ними бремя: такъ напримѣръ попрежнему подлежали они поголовной подати. Такимъ образомъ мы видимъ что Аравитяне старались обособиться не только отъ народонаселенія сохранявшаго старинныя свои вѣрованія, но даже и отъ той части его которая уже соединилась съ ними общими религіозными узами. Но и эта попытка не могла кончиться удачно: Исламъ исполненъ былъ духа прозелетизма, онъ стремился пріобрѣсти какъ можно болѣе приверженцевъ, и упомянутый нами сейчасъ образъ дѣйствій, вслѣдствіе коего масса людей исповѣдывавшихъ ученіе Пророка обречена была на приниженное положеніе, встрѣчалъ упорное противодѣйствіе съ его стороны. Что касается до правительства калифовъ, то оно очень скоро отказалось отъ мѣръ стѣснительныхъ для такъ-называемыхъ кліентовъ и стало оказывать имъ явное расположеніе: по большей части это были люди трудолюбивые, сдѣлавшіеся ревностною опорой новаго порядка вещей, послѣ того какъ они принесли ему въ жертву даже свои вѣрованія, и правительство считало несправедливымъ придерживаться относительно ихъ какой бы то ни было нетерпимости.

Переворотъ совершился такимъ образомъ не въ пользу господствовавшаго племени, но понятно что окончательное торжество этого переворота наступило не скоро. Оппозиція Аравитянъ коренилась въ воззрѣніяхъ, нравахъ, привычкахъ, а оппозиція такого рода бываетъ, какъ извѣстно, особенно упорна. Лишь только стала ослабѣвать она, какъ обнаружались очень важныя ея послѣдствія. Арабы располагались до того времени среди покоренныхъ ими народовъ укрѣпленными лагерами; они не принесли съ собою изъ своихъ пустынь тѣхъ качествъ и наклонностей которыхъ

необходимы для развитія городской жизни. Многолюдные города начинают возникать именно съ тѣхъ поръ какъ упомянутые нами лагеря наполняются людьми другаго происхожденія, принявшими магометанство, людьми давно уже привыкшими къ осѣдлой жизни, къ занятіямъ промыслами и торговлей. „По мѣрѣ того какъ возрастаетъ народонаселеніе городовъ, говоритъ г. Кремеръ, обнаруживается рѣзкое различіе между двумя слоями общества,—тѣмъ который тянулъ преимущественно къ городамъ и прежними номадами, которые болѣе или менѣе все еще знали только скотоводство и разбойничьи набѣги; одновременно съ этимъ наступаетъ перемѣна и въ военномъ бытѣ, является постоянное войско, получающее жалованье. Означенный переворотъ произошелъ при первыхъ Аббасидахъ. Управленіе общественными дѣлами сосредоточивается въ рукахъ горожанъ, а чисто арабскій элементъ населенія отодвигается замѣтно на второй планъ. Такимъ образомъ господство переходитъ отъ потомковъ завоевателей къ смѣшанному народонаселенію, образовавшемуся изъ господствовавшего до тѣхъ поръ племени и изъ жителей покоренныхъ имъ странъ. Эти послѣдніе замѣтно являются преобладающимъ элементомъ.“

Что же извлекли для себя Аравитяне изъ упомянутаго переворота—пользу или вредъ? Съ одной стороны польза его была такъ несомнѣнна и такъ велика что она безъ всякихъ объясненій должна быть понятна для каждаго. Владычество Аравитянъ было вполнѣ упрочено, потому что численность мусульманъ возрасла до огромныхъ размѣровъ. Съ тѣхъ поръ какъ завоеванныя области начали усваивать религію Корана, судьба этихъ областей была рѣшена окончательно. Но если взглянемъ на послѣдствія переворота такъ—сказать въ нравственномъ отношеніи, то тутъ дѣло представляется въ двоякомъ свѣтѣ. Сліяніе Аравитянъ съ чуждыми имъ по происхожденію народами губительно подѣйствовало на нихъ, ибо все болѣе и болѣе исчезаютъ врожденные имъ привлекательныя и доблестныя черты характера. Мы уже имѣли случай замѣтить выше какое вредное вліяніе оказало на нихъ ученіе Магомета, которое способно было только развить все что было у нихъ дикаго и безобразнаго, а сліяніе съ покоренными народами въ свою очередь способствовало тому чтобъ исказить первоначаль-

ный ихъ тилъ. Многіе изъ этихъ народовъ значительно превосходили ихъ своею цивилизаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличались глубокимъ нравственнымъ растлѣніемъ, которое неминуемо должно было заразить и ихъ. Г. Кремеръ постоянно указываетъ въ своей книгѣ, какъ быстро развращалось Арабское племя, какъ неудержимо стало оно утрачивать все то что способно было привлечь къ нему симпатіи, когда находилось оно еще даже въ варварскомъ состояніи. Съ другой стороны, не слѣдуетъ однако забывать что какъ ни великъ былъ нравственный упадокъ общественной среды въ которой расплылось Арабское племя, оно чрезвычайно много заимствовало отъ нея. Только этому элементу и обязаны были Востокъ своею цивилизаціей при калифахъ. „Кліентамъ, говоритъ г. Кремеръ, не трудно было, благодаря превосходству ихъ знаній и умственного развитія, во всемъ превзойти Аравитянъ. Перебравъ вѣру, эти люди продолжали предаваться ученымъ занятіямъ; они внесли совершенно новыя идеи въ Исламъ; обратившіеся въ магометанство христіане, Евреи, Персы достигаютъ высшихъ должностей въ государствахъ, и уже въ самомъ началѣ проявляется рѣзкая реакція противъ гегемоніи Аравитянъ со стороны другихъ національностей. Рѣшительно на всемъ отражается ихъ вліяніе. Если обратимся даже къ богословской наукѣ мусульманъ, то и тутъ проявляются слѣды Евреевъ въ усиленной ревности комментировать Коранъ, въ особомъ предпочтеніи преданій и въ заботливости о собираніи ихъ. То же самое видимъ мы и въ области государственнаго управленія. Такъ какъ въ первыя времена завоеватели были слишкомъ горды и слишкомъ невѣжественны чтобы заниматься канцелярскою перелискою, счетоводствомъ, распределеніемъ налоговъ и т. л., то все это было поручаемо прежнимъ иновѣрцамъ. Исключительно изъ нихъ состоялъ административный персоналъ въ областяхъ оторванныхъ отъ Византійской Имперіи или находившихся въ-когда подъ персидскимъ владычествомъ. Только мало-помалу и послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ опытовъ стали привлекать къ подобнымъ занятіямъ и природныхъ Аравитянъ. Различныя отрасли финансоваго управленія поручались даже лицамъ не принадлежавшимъ къ господствовавшей религіи, а христіанамъ и Евреямъ сохранившимъ свои вѣро-

ванія. Въ Египтѣ и Сиріи это удержалось въ обычаяхъ и до сихъ поръ.“

Все сказанное нами относится къ мусульманскому населенію, образовавшемуся, какъ мы видѣли, изъ завоевателей Аравитянъ и массы жителей соединившихся съ ними узамъ религіозныхъ вѣрованій. Любопытно прослѣдить каково было положеніе людей упорно отвергавшихъ ученіе Магомета, и преимущественно христіанъ. Въ началѣ положеніе это представляется довольно сноснымъ. Было бы впрочемъ большою ошибкой объяснять это терпимостью, которой всегда по самому существу своему въ высшей степени чуждаяся Исламъ. Завоеватели ненавидѣли христіанское народонаселеніе со всѣмъ тѣмъ мѣстовымъ фанатизмомъ къ которому побуждаетъ ихъ Коранъ, но обойтись безъ его усаугъ было очень трудно. Христіане терпѣли жестокаго гоненія тамъ гдѣ не представлялось въ нихъ особенной нужды, напримѣръ въ селахъ; напротивъ, въ городахъ, гдѣ они могли быть очень полезны своими знаніями и своимъ трудолюбіемъ, было оказываемо имъ покровительство. Мы упомянули сейчасъ что они занимали даже видныя должности въ администраціи, могли безпрепятственно входить въ мечети, многіе изъ нихъ пользовались почетомъ при дворѣ. Это сравнительно выгодное ихъ положеніе измѣняется лишь со вступленіемъ на престолъ Гарунъ-Рашида: онъ началъ систематически разрушать христіанскія церкви, онъ приказалъ христіанамъ носить особую одежду въ отличіе отъ мусульманъ, но даже и при этомъ калифъ допускаемы были исключенія въ пользу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Христіане въ числѣ другихъ профессій, сдѣлавшихся почти исключительнымъ ихъ достояніемъ, славились между прочимъ какъ весьма искусные медики; не только предшественники Гарунъ-Рашида, но и онъ самъ очень цѣнилъ въ этомъ отношеніи ихъ услуги. Придворнымъ его врачомъ былъ христіанинъ Гавріиль, получавшій 120.000 диргамъ ежегоднаго жалованья, кромѣ того 50.000 на гардеробъ, 60.000 столовыхъ, не говоря уже о богатыхъ подаркахъ. Разказываютъ что помѣстья подаренныя ему калифомъ приносили не менѣе 800.000 диргамъ дохода. Все это огромное состояніе перешло къ его сыну, оставшемуся вѣрнымъ христіанской религіи. Объ образѣ жизни этого послѣдняго мы можемъ судить по слѣдующему описанію одного изъ его современ-

никовъ: „Я посѣтилъ сына Гавріила въ чрезвычайно жаркую погоду и засталъ его въ комнатѣ убранной роскошными коврами, окна коей были завѣшаны шелковою тканью; потолокъ сдѣланный въ видѣ кулола изъ тростника былъ покрытъ тончайшимъ полотномъ. Хозяинъ имѣлъ на себѣ кафтанъ изъ южно-арабской шелковой матеріи, а сверхъ него еще мантию. Я изумился такому одѣянію среди невыносимаго зноя, но лишь только усѣлся на диванъ какъ почувствовалъ сильный холодъ. Сынъ Гавріила засмѣяся, приказалъ подать мнѣ точно такіе же какъ на немъ кафтанъ и мантию и въ то же время заставилъ слугу отодвинуть рѣзную стѣну: оказалось что за этою стѣной былъ маленькій дворъ, наполненный въ огромномъ количествѣ снѣгомъ. Невольники стояли тамъ и огромными опахалами старались навѣять холодный воздухъ въ комнату. Между тѣмъ подали угощеніе; столъ былъ загроможденъ самыми рѣдкими и дорогими кушаньями, между прочимъ особенно понравились мнѣ жаренныя куры, которыхъ откармливали только миндалемъ и сѣменемъ котуны *, а вмѣсто воды давали имъ лить сокъ изъ гранатъ. Въ другой разъ посѣтилъ я сына Гавріила въ холодный зимній день: онъ принялъ меня въ комнатѣ обращенной въ роскошный садъ; приятная теплота господствовала въ ней, ибо посредию стояла серебряная жаровня, непрерывно нагрѣваемая алое и другими лахучими деревьями.“ Мы привели этотъ разказъ, потому что онъ даетъ понятіе о роскоши какою могли окружать себя хрістіане даже въ тотъ періодъ времени когда положеніе ихъ ухудшилось, когда окрѣпшее мусульманство считало возможнымъ дать полный просторъ своей ненависти къ нимъ. Но въ первые вѣка калифата, повторяемъ еще разъ, замѣчаніе это относится преимущественно къ хрістіанскому населенію городовъ, они быстро обогащались благодаря своему превосходству во всемъ что касалось промышленности, торговли и вообще такого рода дѣятельности которая требовала извѣстныхъ знаній.

Пусть же обратятъ вниманіе читатели, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ слагалась культура Востока въ лучшія времена калифата. Съ перваго взгляда можетъ показаться что эта культура должна быть всецѣло поставлена

* Kotuna извѣстна въ ботаникѣ подъ названіемъ *plantago limysl.* p.

въ заслугу Исламу: съ того времени какъ онъ утвердилъ свое господство въ различныхъ странахъ Азии и Африки наступаетъ благотворный переворотъ въ судьбѣ этихъ странъ,—какъ же повидимому отрицать культурное значеніе мусульманской религіи? И вотъ мы привыкли слышать разсужденія о великой роли которая выпала на долю Аравитянъ, о томъ какъ они вслѣдствіе того что приняли ученіе Магомета сдѣлались могущественнымъ народомъ, утвердили цивилизацію тамъ гдѣ она находилась въ упадкѣ, и такъ сильно подвинули эту цивилизацію впередъ что опередила даже Европу. Выканувъ однако внимательно въ дѣло, мы видимъ что Аравитяне расплылись среди завоеванныхъ ими народовъ, что если научились они чему-нибудь, то именно эти народы были ихъ учителями, что въ теченіе долгаго времени они поневолѣ должны были обнаруживать извѣстнаго рода терпимость относительно населенія чуждавшагося ихъ религіи, что даже масса людей обращавшихся въ магометанство рѣшалась на это вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, съ цѣлью избавиться отъ невыгоднаго положенія; что подобные люди, принявъ Исламъ изъ разчета, не могли очень скоро проникнуться его духомъ, и что они-то между прочимъ явились главными дѣятелями и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ промышленности, и въ торговлѣ. „Ни одно изъ этихъ благъ не обязано Аравитянамъ ничѣмъ инымъ какъ только тѣмъ что они позволяли ему существовать“ (none of these blessings owe more to the Arabs than the permission to exist)—это выраженіе г. Фримана имѣетъ глубоко вѣрный смыслъ. Не новая оригинальная цивилизація создана была Аравитянами, а проявились слѣды цивилизаціи старой, которая уже существовала нѣкогда въ занятыхъ ими областяхъ; не они были ея виновники, а древніе Греки, Римляне и затѣмъ христіанское общество. Между Аравитянами нашлось только не мало такихъ которые присоединились къ этому движенію, и произошло это потому что, какъ мы уже замѣтили, племя ихъ отличалось рѣдкими способностями. Оно утратило хорошія свои качества уже позднѣе, подъ вліяніемъ Ислама, точно такъ же какъ Исламъ былъ виной глубокаго застоя, воцарившагося на Востоку послѣ временнаго его пробужденія.

Сообразивъ все сказанное, нельзя удивляться тому зрѣлищу какое представляетъ намъ состояніе общества подѣ

властію калифовъ: какъ будто усиленную и разностороннюю дѣятельностью отличалась лишь извѣстная часть его, тогда какъ огромное большинство погружало въ праздности и нищету или же усвоило себѣ—замѣчаніе это относится къ высшимъ классамъ—только матеріальную сторону цивилизаціи, заимствовало изъ нея лишь то что удовлетворяло страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ. Уже говоря объ обстановкѣ Багдадскаго двора, объ образѣ жизни калифовъ, мы должны были задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ могла бы развиваться цивилизація при подобныхъ правителяхъ? Точно такое же недоумѣніе овладѣваетъ нами при взглядѣ на картину тогдашняго общества.

Высшіе слои его состояли изъ лицъ пользовавшихся расположеніемъ двора или занимавшихъ доходныя должности въ администраціи, изъ нѣкоторыхъ членовъ мусульманскаго духовенства, изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, купцовъ и т. п. Особенно хорошо жилось сановникамъ которымъ было вѣряемо управленіе провинцій: жалованье ихъ было, правда, не велико—при Омарѣ I всего 12.000 франковъ, а при Аббасидахъ оно возвысилось до 48.000, но каждый изъ нихъ пользовался властью для самаго безсовѣстнаго грабежа: такъ между прочимъ одинъ изъ подобныхъ сатраповъ получалъ не менѣе 13 милліоновъ въ годъ—сумма неутѣрпимая, еслибъ она не была подтверждена вполне достоверными извѣстіями. Иногда и сами калифы назначали неслыханное содержаніе своимъ любимцамъ: при Мамунѣ первый визирь его имѣлъ три милліона въ годъ. Низшіе чиновники тоже не могли жаловаться на свою судьбу; казна была далеко не щедра относительно ихъ, но они возмѣщали это самымъ безсовѣстнымъ взяточничествомъ. Приведемъ одинъ примѣръ: секретарь Дивана, собиравшагося подъ предсѣтельствомъ самаго калифа, получалъ всего 300 франковъ въ мѣсяцъ, но онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ, могъ оказывать важныя услуги и дѣйствительно оказывалъ ихъ за приличное вознагражденіе. Въ 905 году нужно было назначить новаго восторіанскаго католикоса; нѣсколько кандидатовъ добивались этого званія и одинъ изъ нихъ восторжествовалъ надъ своими соперниками, обѣщая взятку секретарю Дивана. Какъ велика была взятка, можно видѣть изъ того что новый католикосъ долженъ былъ тотчасъ же назначить трехъ митрополитовъ, заставивъ ихъ уплатить

себѣ 170.000 франковъ, иначе онъ не имѣлъ средства расплатиться съ своимъ покровителемъ. Грабежъ невѣроятный, превышавшій всякую мѣру, господствовалъ всюду. Все что принадлежало къ администраціи на различныхъ сколько-нибудь видныхъ ея ступеняхъ обогащалось не по днямъ, а по часамъ, и при всемъ этомъ калифы изъ династіи Аббасидовъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ государственнаго управленія, пользовались для своего двора бюджетомъ въ 400 милліоновъ франковъ. Не трудно составить себѣ понятіе, какую тяжкую участь терпѣло народонаселеніе провинцій, изъ коего буквально были выжимаемы соки. „Сокровища двухъ частей свѣта, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, стекались въ столицу, но какъ ни были они громадны, все-таки оказывались недостаточны для расточительности двора. Въ провинціи, служившей средоточіемъ государства, преимущественно же въ самомъ Багдадѣ, царила невѣроятная роскошь, жажда удовлетворять самыя безумныя прихоти, подобія чему сѣдуетъ искать развѣ только въ древнемъ Римѣ.“ Калифы окружены были тысячами тунеядцевъ, которые наслаждались жизнью на ихъ счетъ; всѣ они обильно черпали изъ придворной казны, но особенно не существовало никакихъ преградъ въ этомъ отношеніи для лицъ принадлежавшихъ къ царствовавшей фамиліи. Такъ напримѣръ годовое содержаніе матери Гарунъ-Рашида опредѣлено было въ 160 милліоновъ франковъ. Въ Багдадѣ дворцы богатѣйшихъ лицъ какъ бы старались превзойти одинъ другой своимъ великолѣпіемъ: ко дворцамъ этимъ великрытыя галереи такой высоты чтобы можно было проѣзжать по нимъ на верблюдахъ; ворота ихъ были дѣлаемы изъ дорогаго матеріала, напримѣръ изъ чернаго дерева съ позолотой; при входѣ въ самыя дворцы взоръ останавливается прежде всего на портикахъ изъ бѣлаго мрамора; въ обширныхъ залахъ расположены были такіе же фонтаны, поддерживаемые золотыми львами; драгоценныя ковры покрывали полъ этихъ комнатъ, а на карнизахъ стояли китайскія вазы и другіе изящные сосуды, съ потолка опускались лампы изъ золота, серебра или рѣдкаго кристалла—обычай заимствованный Аравіянами отъ Грековъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ слова одного поэта: „и звѣзды блистали подобно греческимъ кристалльнымъ свѣтильникамъ“. Около дворцовъ находились обыкновенно

обширные сады, поражавшіе своею растительностью, которая была поддерживаема искусственнымъ орошеніемъ.

Мы привели выше разказъ о томъ какою роскошью окружалъ себя христіанинъ пользовавшійся почетомъ при дворѣ Гарунъ-Рашида; сохранилось не мало описаній образа жизни богатыхъ мусульманъ. Ограничиваемся небольшимъ отрывкомъ: „Магометъ Ибнъ-Насръ, разказываетъ лѣтописецъ, принявъ меня въ комнату, изъ которой чрезъ огромное окно открывался видъ на звѣринецъ, гдѣ бѣгали антилопы и стояла громадная клетка, наполненная множествомъ самыхъ рѣдкихъ птицъ. Обозрѣвая все вокругъ себя, я не могъ удержаться чтобы не сравнить жилища моего пріятеля съ раемъ. Вскорѣ начались приготовленія къ обѣду: невольники принесли столъ изъ оникса, превосходившій великолѣпіемъ все что я когда-либо видѣлъ; по срединѣ его стояла чаша тоже изъ оникса, съ позолотой по краямъ, наполненная розовою водою, а вокругъ нея ониковыя блюда съ соусами и различными лакомствами. Когда, утоливъ голодъ изысканною пищею, вышли мы въ другую залу, то подали намъ огромную вазу изъ бѣлаго китайскаго фарфора, въ которой среди фіалокъ и левкоевъ лежали сирійскіе плоды: вотъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, наша обычная утренняя закуска....“

Роскошный столъ игралъ важную роль въ жизни этихъ восточныхъ эпикурейцевъ. Не даромъ даже одинъ изъ Аббасидовъ, принцъ Ибрагимъ-Ибнъ-Мади, написалъ подробный трактатъ о кулинарномъ искусствѣ. Однажды, когда у этого принца обѣдалъ калифъ Рашидъ, подано было блюдо изъ рыбьихъ языковъ, стоившее болѣе 1.000 фр. Во время обѣдовъ усыпали полъ столовой розами, угощали приглашенныхъ отборными винами и пьянство принимало широкіе размѣры, несмотря на запрещеніе Корана. Любопытные найдутъ въ книгѣ г. Кремера много подробностей о томъ какимъ образомъ устраиваемы были подобныя лиришества и какія суммы поглощали они. Дѣломъ хорошаго тона считалось обнаруживать роскошь не въ своемъ только кругу, но и относительно черни, прислуги или паразитовъ, которые толпились въ домахъ богатыхъ людей: единственнымъ побужденіемъ къ подобной расточительности было тщеславіе, желаніе выказать себя предъ другими и возбудить о себѣ толки. Такъ, напримѣръ, нѣкто Гафаръ, праздная свою

свадьбу, приказалъ разставить по улицамъ Багдада столы съ обильною пищею; всякій кто хотѣлъ обѣдать на его счетъ; мало того, во многихъ мѣстахъ находились для общаго употребленія золотые сосуды съ духами. Другой богачъ не допустилъ однако затмить себя и объявилъ что въ Меккѣ будетъ онъ содержать на свой счетъ ежегодно въ теченіе четырехъ дней всѣхъ собирающихся туда пилигримовъ. Если, какъ мы видѣли выше, калифы раздавали огромныя суммы придворнымъ поѣтамъ, отличавшимся предъ ними необузданною лестью, то и знатные люди старались подражать имъ: намѣстникъ одной провинціи Манъ-Ибнъ-Заидъ подарилъ 200.000 фр. стихотворцу, вослѣвшему этого государственнаго мужа за его доблести, между которыми хищничество занимало вѣроятно первое мѣсто.

Читая разказы о невѣроятныхъ богатствахъ скоплавшихся въ рукахъ высшаго сословія, невольно задаешь себѣ вопросъ: какими же средствами были приобрѣтаемы они? Относительно этого не можетъ быть недоразумѣнія. Конечно, многіе обогащались торговлей, но большинство жило на счетъ массы народа, который разоряемъ былъ тяжкими налогами и подвергался систематическому грабежу. Сами калифы и люди пользовавшіеся ихъ милостями не останавливались ни предъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ прихотей, у нихъ всегда находились для этого обильныя средства, а армія напримѣръ по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ не получала жалованья: „офицеры и солдаты, говорить г. Кремеръ, вынуждены были довольствоваться крайне скуднымъ своимъ содержаніемъ, пополняя его всякаго рода вымогательствами съ мирныхъ жителей въ городахъ и селахъ“. Средоточіемъ промышленности и торговли служили конечно горада, но „въ городахъ, даже въ такомъ городѣ какъ Багдадъ, низшее населеніе состояло буквально изъ пролетаріевъ, боровшихся съ самою крайнею нуждой“. Словомъ, обширное государство, которымъ управляли калифы, много напоминало телерешню Турцію: въ Турціи еще и нынѣ, при всемъ ея уладкѣ, дворцы султановъ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, султаны въ частной своей жизни окружены роскошью и блескомъ, сановники ихъ или потомки этихъ сановниковъ, на счастливую долю коихъ выпадало управленіе различными провинціями, пользуются громаднымъ состояніемъ, но все это составляетъ тѣмъ

болѣе поразительный контрастъ съ плачевною нищетою на которую осуждены миллионы турецкаго населенія. Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ чтобы зажиточность высшихъ классовъ во времена калифата условливалась трудолюбіемъ и энергіей тогдашняго общества. Богатство развивается правильно только тамъ гдѣ существуетъ извѣстное благоустройство, а между тѣмъ мы видимъ что благоустройства этого не было вовсе, что если жители съ одной стороны не были ограждены отъ алчности и произвола мѣстныхъ правителей, то съ другой эти правители оказывались очень часто совершенно безсильными обезпечить спокойствіе и порядокъ. Вотъ поразительный примѣръ того, до какихъ размѣровъ доходило это зло: въ царствованіе калифа Моктафи разбойники овладѣли на время не какимъ-нибудь ничтожнымъ городомъ, а самымъ Багдадомъ; они безпрепятственно расположились въ немъ, образовали изъ себя корпорацию и на глазахъ правительства занимались вербовкой своихъ приверженцевъ; съ этою цѣлью разъѣзжали они по улицамъ и захватывали людей, которые казались имъ пригодными для избранной ими профессіи. Губернаторъ сначала потерялъ голову, но вскорѣ вывернулся очень ловко, хотя на нашъ взглядъ и нѣсколько странно, изъ своего затруднительнаго положенія: онъ заставилъ своего племянника присоединиться къ разбойникамъ. Этотъ юноша былъ принятъ ими съ большимъ почетомъ, облекся въ особаго рода штаны, служившіе главнымъ отличіемъ ихъ одежды, былъ провозглашенъ даже начальникомъ своихъ новыхъ сотоварищей и съ этой минуты разбойничья шайка была какъ бы признана самимъ правительствомъ. Такъ мало ограждена была даже столица отъ дикой неурядицы. Что касается до провинцій, то у г. Кремера находимъ мы разказъ въ высшей стелени рельефно изображающій ихъ положеніе. Городъ Нисибинъ съ своимъ округомъ въ сѣверной Сиріи былъ расположенъ среди чрезвычайно благоприятной мѣстности—въ плодородной долинѣ, обильно орошаемой водами, стекавшими сюда съ окрестныхъ горъ. Онъ славился своею зажиточностью когда находился подъ властію византійскихъ императоровъ; на обширномъ пространствѣ вокругъ него взоръ обнималъ роскошные сады, отлочно воздѣланные поля, каналы, и хотя съ тѣхъ поръ какъ мусульмане завладѣли имъ, благосостоя-

ніе это замѣтно понизилось, но все-таки онъ умѣлъ сохранить его до извѣстной степени. Въ первое время жители выплачивали правительству ежегодно окодо милліона франковъ. Но въ концѣ Xго столѣтія — слѣдовательно въ то время которое привыкли считать временемъ наибольшаго процвѣтанія калифата—наступаетъ печальная перемѣна въ ихъ судьбѣ. Они до такой степени были обременены налогами что племя Бану-Габибъ (не забудемъ что населеніе упомянутаго округа давно уже приняло мусульманскую вѣру) рѣшилось искать убѣжища въ сосѣдней византійской области. Не менѣе 12.000 человекъ съ своимъ скотомъ и пожитками двинулись туда, были приняты тамошними властями весьма радушно и почти тотчасъ же всѣ они сдѣлались христіанами. Византійское правительство отдало имъ удобные участки земли; переселенцы устроились какъ нельзя лучше, вслѣдствіе чего и остальные ихъ соплеменники, колебавшіеся покинуть, окрестности Нисибина, рѣшились послѣдовать ихъ примѣру. Эта христіанская община прониклась непримиримою ненавистью къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, мусульманамъ, и часто напоминала имъ о себѣ своими набѣгами. „Едва ли нужны какія-либо объясненія, замѣчаетъ г. Кремеръ, чтобъ оцѣнить всю важность подобнаго событія. Должно-быть положеніе дѣлъ было дѣйствительно невыносимо, если даже въ то время когда Исламъ съ высокомѣріемъ взиралъ на выродившееся христіанское общество Византіи, цѣлая часть мусульманскаго населенія навсегда покидаетъ родину, отправляется на чужбину и принимаетъ христіанскую вѣру... Но пусть не подумаютъ что это были лишь единичные факты: система финансовой эксплуатаціи порождала повсюду самыя губительныя послѣдствія, хотя конечно не въ одинаковой формѣ и не въ одинаковыхъ размѣрахъ...“

Правительство и толпа его клевретовъ ставили себѣ задачей выжимать деньги вездѣ гдѣ можно, не обращая вниманія на бѣдствія народа. Налоги были собираемы съ неслыханною жестокостью. За недоимки жителямъ привязывали на шею тяжелые камни и выставляли ихъ на палящій зной. Цѣлыя области сдаваемы были на откупъ богачамъ, или же эти богачи скупали хлѣбъ для того чтобы возвысить до невѣроятной цифры цѣнность жизненныхъ припасовъ. Съ теченіемъ времени это зло постоянно возрастало,

и нѣтъ ничего удивительнаго если въ послѣдствіи у путешественниковъ, при упоминаніи о какомъ-нибудь городѣ, непрерывно встрѣчается фраза: „нынѣ городъ этотъ превратился въ пустыню“.

Вотъ сѣдовательно на какихъ основахъ опиралось громадное богатство высшаго сословія въ предѣлахъ калифата. Пусть же судять читатели до какой степени великолѣпіе и роскошь, которыми отличалась домашняя жизнь означеннаго сословія, можетъ служить признакомъ широко развитейшей цивилизаціи. „Люди близкіе ко двору, говоритъ г. Кремеръ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ пользовались своимъ положеніемъ и скопляли въ своихъ рукахъ громадныя суммы, которыя также скоро и исчезали. На Востокѣ богатый человѣкъ любитъ жить очень расточительно; домашнее хозяйство требуетъ баснословныхъ расходовъ, о сбереженіи нѣтъ и рѣчи, вслѣдствіе чего деньги быстро переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія. Этому обстоятельству слѣдуетъ между прочимъ приписать что цивилизація въ калифатѣ столь же скоро достигла процвѣтанія какъ и пришла въ упадокъ. Она походила на теплицу, гдѣ все цвѣтетъ лишь благодаря искусственной теплотѣ и искусственному орошенію. Почти каждый изъ калифовъ умирая оставлялъ своему преемнику совершенно пустую казну; точно такъ же и любой саяновникъ расходовалъ все что удавалось ему наgrabить,—богатство не долго служило достояніемъ одного и того же семейства, а потому и нельзя было воспользоваться имъ для созданія чего-либо прочнаго: оно шло лишь на удовлетвореніе безсмысленныхъ прихотей.“

Въ рѣзкомъ противорѣчій съ представленными нами сейчасъ замѣчаніями находится ловидимому развитіе промышленности и торговли въ странахъ на которыя простиралась власть калифовъ. Г. Кремеръ посвящаетъ этому предмету одну изъ наиболѣе любопытныхъ главъ своей книги. Онъ подробно излагаетъ, какими продуктами славилась Востокъ въ то время и какія дѣятельныя торговыя сношенія завязалъ онъ съ самыми отдаленными странами. Конечно, явленіе о которомъ говоримъ мы находилось въ непосредственной связи съ возникновеніемъ калифата; оно не обнаружилось бы со всѣми благими своими послѣдствіями, если бы Аравитяне не создали громаднаго своего государства; но при этомъ слѣдуетъ однако опредѣлить въ точности въ

чемъ именно заключалась ихъ заслуга, въ какой мѣрѣ содѣйствовали они упомянутому явленію. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Кремеръ: „Законъ Корана господствовалъ отъ береговъ Индіи до Пиринеевъ; Средиземное море точно такъ же какъ Индійскій океанъ покрыты были торговыми судами Аравитянъ, а многочисленные караваны облегчали сухопутныя сношенія. Въ древности обмѣнъ товаровъ былъ въ высшей степени затрудняемъ пограничными таможнями, мѣстными лошадьми и сборами всякаго рода; Исламъ отстранилъ всѣ эти неудобства; между всѣми провинціями государства господствовало совершенно свободное сообщеніе; можно было везти товаръ не останавливаясь ни предъ какими заставами и не опасаясь встрѣтить на своемъ пути какихъ бы то ни было надсмотрщиковъ.“ Нѣтъ основанія предполагать чтобы подобный порядокъ вещей былъ слѣдствіемъ сознательныхъ экономическихъ воззрѣній, но во всякомъ случаѣ онъ существовалъ и ознаменовался плодотворными результатами: Области занятыя Аравитянами извѣстны были еще до появленія ихъ своею производительностью и великую торговлю; понятно что когда всѣ эти области вошли въ составъ одного государства и когда рушились раздѣлявшія ихъ препоны, онѣ какъ нельзя лучше воспользовались этою счастливою перемѣной. Высшее процвѣтаніе торговли совпадаетъ со вступленіемъ на престолъ Аббасидовъ; однимъ изъ главнѣйшихъ ея центровъ былъ Багдадъ, но область въ которой лежалъ онъ славилась еще задолго прежде своими обширными торговыми сношеніями. Въ V столѣтіи по Р. Х. городъ Гира, — при одномъ изъ рукавовъ Евфрата, на юго-западѣ отъ древняго Вавилона, — служилъ сборнымъ пунктомъ для торговыхъ судовъ, приходившихъ изъ Краснаго Моря, отъ береговъ Индіи, Китая и Аравіи; столь же важное значеніе имѣла Обола, древній Алологъ, расположенная нѣсколько южнѣе отъ саянія Тигра и Евфрата: сюда приставали всѣ корабли плававшіе по этимъ рѣкамъ, и важное значеніе этого пункта видно между прочимъ изъ того что еще при послѣднихъ Сассанидахъ онъ былъ сильно укрѣпленъ для огражденія его отъ индійскихъ пиратовъ. Мореходство, тамъ гдѣ оно процвѣтало при Аравитянахъ, вовсе не имѣло обязано своимъ первоначальнымъ развитіемъ. „Очень можетъ быть, замѣчаетъ г. Кремеръ, что Аравитяне ввели здѣсь нѣкоторыя

улучшенія; такъ, напримѣръ, по словамъ одного достойнаго писателя, впервые намѣстнику Гаггару пришла мысль отправлять въ море осмоленные и скрѣпленные огромными гвоздями корабли, тогда какъ прежде (впрочемъ отчасти это сохранилось еще и теперь на Африканскомъ берегу Краснаго Моря) скрѣпой для нихъ служили лишь канаты, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно что еще до распространенія Ислама морская торговля господствовала въ значительныхъ размѣрахъ.“

При Аравитянахъ она получила только гораздо болѣе широкое развитіе. Мы видѣли что имело содѣйствовало этому: Аравитяне отстраняли отъ нея всякія искусственныя прелатствія и сами оказались очень смѣтливými учениками. Торговля ихъ была чрезвычайно разнообразна и производительная ихъ дѣятельность отличалась замѣтательною изобрѣтательностью. Многие изъ ихъ продуктовъ порождали изумленіе въ Европѣ: достаточно вспомнить разказъ Эгивгарда о томъ какой эффектъ произвели роскошные подарки присланные императору Карлу Великому Гарунъ-Рашидомъ. „Въ описываемую эпоху, замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, роли были распределены между Востокомъ и Западомъ совершенно иначе чѣмъ теперь. Въ настоящее время Европа своими изобрѣтеніями, изящствомъ своихъ продуктовъ неизмѣримо превосходитъ Востокъ, а тогда съ Востока приходило все что отличалось новизной и искусствомъ отдѣлки.“ Это было дѣйствительно такъ: Европа переживала тяжкій кризисъ, цивилизація ея находилась въ упадкѣ, но не Европой ли насаждено было некогда почти все чѣмъ воспользовались Аравитяне, и долговѣчны ли были успѣхи Аравитянъ на полприщѣ матеріальнаго благосостоянія? Только воспоминанія сохранились о немъ, между тѣмъ какъ Европа, послѣ временнаго застоя, снова и могучими шагами двинулась впередъ.

Картина цивилизаціи калифата была бы далеко не полною еслибы мы не остановились на процвѣтаніи литературы и науки въ его предѣлахъ. Поэзія Аравитянъ отличалась несомнѣнными достоинствами; она была присуща имъ когда еще они не выступали въ своей исторической роли и эта поэзія древнѣйшаго ихъ періода въ сравненіи съ тою которая возникла у нихъ въ послѣдствіи дышетъ особою прелестью, отмѣчена рѣдкою красотой и энергіей. „Первыя

впечатлѣнія юности, читаемъ мы у г. Кремера, оставляютъ въ душѣ неизгладимыя черты и имѣютъ могущественное вліяніе на образованіе характера. Если человѣкъ провелъ молодые годы безмятежно, среди привлекательной обстановки, то уже этимъ самымъ положена въ немъ основа смѣлаго, увѣреннаго въ самомъ себѣ и полагающагося на счастливую свою звезду міровоззрѣнія. Именно такимъ путемъ слагаются энергическія натуры. Напротивъ, если сизмала испытываетъ человѣкъ бѣдность и горе, если вынужденъ онъ склоняться подъ гнетомъ, то остается въ душѣ его осадокъ горечи, отъ котораго трудно освободиться ему въ послѣдствіи. Никогда не забудетъ онъ мрачныя сцены, отравлявшія его юношеское существованіе: обстоятельства могутъ радикально измѣниться для него, но не удастся ему побороть въ себѣ чувства раздраженія и недовольства при воспоминаніи о печально проведенномъ времени, которому слѣдовало бы быть счастливѣйшимъ временемъ въ жизни. Конечно и при самыхъ неудовлетворительныхъ обстоятельствахъ выходятъ люди съ твердою волей, но по большей части преждевременное напряженіе и трата силъ въ борьбѣ за существованіе надламываютъ человѣка, и на закатѣ своихъ дѣтей съ грустью обращается онъ взоромъ ко всему что суждено было ему испытать и выстрадать.... Замѣчаніе это можно примѣнить не къ отдѣльнымъ только личностямъ, но и къ цѣлымъ народамъ. Между прочимъ судьба Аравитянъ замѣчательна именно потому что имъ, въ ранній періодъ ихъ существованія, не суждено было извѣдать тѣ тяжкія условія, о которыхъ упоминали мы сейчасъ. Удаленные отъ водоворота мірской жизни, не затрогиваемые потрясеніями, которымъ подвергались другіе азіатскіе народы, они дышали свѣжимъ сухимъ воздухомъ своихъ степей, вели жизнь безлечную и счастливую уже потому что потребности ихъ были ограничены. Арабское племя довольствовалось тѣмъ что имѣло, не подвергалось никакимъ неблагоприятнымъ постороннимъ вліяніямъ, было совершенно предоставлено самому себѣ,—все это развило въ немъ духъ отважный, гордый, способный къ энергическимъ порывамъ. Этому способствовала и самая мѣстность гдѣ жила сѣверная часть этого племени, пользовавшаяся преобладаніемъ до появленія Магомета. Почва ея камениста, бѣдна растительностью, но изобилуетъ травами,

какъ нельзя болѣе пригодными для скотоводства; воздухъ чистъ и сухъ, вообще вся природа отличается ни съ чѣмъ несравнимымъ величiемъ. Обширныя каменистыя или песчаныя плоскія возвышенности, на которыхъ солнечныя лучи отражаются съ поразительнымъ блескомъ и порождаятъ обманчивыя воздушныя явленія, чередуются съ дикими зубчатыми цѣлями неприступныхъ горъ. На вершинахъ этихъ горъ вѣетъ свои гнѣзда орелъ, скалы ихъ служатъ и становищемъ для каменныхъ барановъ, между тѣмъ какъ азель и антилопа охотно спускаются внизъ и соперничаютъ быстротой со страусомъ; тамъ гдѣ сквозь отвердѣвшую почву пробивается небольшой источникъ, пальмы гордо возвышаютъ свою голову; въ другихъ же мѣстахъ нельзя встрѣтить ничего кромѣ колючей акаціи и тамариска. Если днемъ освѣтляетъ блескъ солнца, то по ночамъ луна съ необычайнымъ великолѣпiемъ проливаетъ свои лучи съ темноголубаго неба: въ этотъ поздній часъ дикіе звѣри покидаютъ свои логовища,—крики шакала смѣшиваются съ отвратительнымъ хрилымъ смѣхомъ гиены, въ горахъ раздается ревъ голоднаго льва, алчной до крови пантеры, и провикунутый ужасомъ одинокій путникъ изъ всѣхъ силъ погоняетъ своего дромадера, крѣпко сжимая въ рукѣ копье или мечъ. Но не такіе еще ужасы приходится ему испытывать въ пустынѣ: иногда поднимаются громадныя стѣны песка, которыя съ необычайною силой несутся впередъ, все уничтожая и ниспровергая на своемъ пути, или же облака пропитанныя электричествомъ превращаются въ огненное море изъ котораго ниспадаетъ настоящій ураганъ дожда и града. Среди подобныхъ-то явленій природы, столь же необычайныхъ какъ по своей красотѣ, такъ и по своимъ ужасамъ, жило могучее, одаренное богатою фантазіей племя: неувѣрительно что поэзія была издавна знакома ему, и что поэзія эта навѣяна была глубокимъ чуткимъ созерцанiемъ природы... Отсутствіе рефлексіи — вотъ что составляло отличительное свойство древне-арабской поэзіи, вотъ въ чемъ заключалась ея прелесть и вмѣстѣ съ тѣмъ слабая ея сторона: жители пустыни умѣли съ дѣтскою легкостью воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и воспроизводить ихъ въ привлекательной формѣ—вотъ и все. Они не слаждались тѣмъ что давала имъ природа, не задумывались надъ чѣмъ бы то ни было и не помышляя о будущемъ.

обыкновенно вѣрное и поэтическое изображеніе чудесъ окружающихъ жителей пустыни, изображеніе растительной и животной жизни, военныхъ набѣговъ, охоты и т. п.,— вотъ что представляютъ намъ стихотворенія Арабовъ въ древній періодъ ихъ существованія. Они были неподражаемы по своей безыскусственной красотѣ, тайна коей исчезла вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Аравитяне въ завоеванныхъ ими областяхъ измѣнили свой образъ жизни. „Позднѣйшіе арабскіе писатели, замѣчаетъ г. Кремеръ, пытались исправлять то что въ старинныхъ стихотвореніяхъ дошло до нихъ въ испорченномъ видѣ или казалось имъ непонятнымъ: они ложились при этомъ на тѣхъ дюжинныхъ живописцевъ, которые стараются реставрировать картину и только портятъ ее, а между тѣмъ картина, несмотря на неудачныя поправки и на свой поблекшій колоритъ, производить неотразимое обаяніе....“

Съ принятіемъ Аравитянами магометанской вѣры и съ образованіемъ государства въ областяхъ о которыхъ они и не ломышляли когда горизонтъ этого племени ограничивался только родными его степями, наступаетъ переворотъ въ ихъ поэзіи. Стала ли она лучше прежней? Отразилось ли на ней и въ какой степени выгодно для нея влияние Ислама? Скажемъ прежде всего что калифатъ изобиловалъ поэтами,—произведенія ихъ усвоили новую форму, выражали незнакомыя ихъ предшественникамъ ощущенія и идеи, но, какъ замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, если всѣ эти стихотворцы считали себя призванными, то мало между ними оказывалось избранныхъ. Г. Кремеръ не перечисляетъ ихъ подробно, но останавливается лишь на самыхъ замѣчательныхъ: то были Моти-ибнъ-Айя, Абу-Новасъ, Абуль-Атахія. Помимо совершенно различной степени ихъ таланта, насъ поражаетъ одна общая имъ черта—полнѣйшее противорѣчіе въ которомъ находились они къ мусульманскимъ вѣрованіямъ и мусульманскому міровоззрѣнію. О первомъ изъ этихъ поэтовъ г. Кремеръ говоритъ что онъ отличался „глубочайшимъ индифферентизмомъ въ вопросахъ вѣры“; у Абу-Новаса, котораго г. Кремеръ сравниваетъ съ Гейне, индифферентизмъ этотъ выражался еще болѣе рѣзко; что касается до Абуль-Атахіи, то онъ превзошелъ обоихъ названныхъ сейчасъ поэтовъ своею оппозиціей Исламу. „Онъ усвоилъ ученія философовъ, отвер-

галъ загробную жизнь, держался того мнѣнія что Богъ изъ ничего создалъ двѣ противоположныя субстанціи, изъ которыхъ возникъ видимый міръ, обреченный олять и безсѣдно разложиться на нихъ, что знанія достигаются людьми вполнѣ естественнымъ путемъ наблюденія и мышленія, и что для людей нѣтъ необходимости въ откровеніи.“ Въ этихъ идеяхъ, составлявшихъ содержаніе поэзіи Абуль-Атахіи и заключалось, по мнѣнію г. Кремера, главнѣйшее ея достоинство, но не Исламъ конечно внушилъ ихъ ему; онѣ были порожденіемъ философіи чуждой мусульманскому обществу, проникшей къ нему со стороны и усвоенной лишь немногими исключительными умами въ его средѣ. Вотъ почему между прочимъ „произведенія Абуль-Атахіи не цѣнились его современниками и дошли до насъ лишь въ отрывкахъ“. Г. Кремеръ называетъ еще одного поэта—Маарри, жившаго въ концѣ X столѣтія и которому онъ придаетъ едва ли не болѣе значенія чѣмъ всѣмъ другимъ. Оно условливается въ его глазахъ точно такимъ же, но выражавшимся еще болѣе рѣзко, духомъ отрицанія, который вносилъ Маарри въ область религиозныхъ вѣрованій. Съ большимъ трудомъ удавалось покровителямъ этого поэта отстаивать его отъ преслѣдованій мусульманскихъ богослововъ. Ненависть къ нему была весьма понятна, ибо непрерывно выражалъ онъ мысли не встрѣчавшія ни малѣйшаго оправданія къ Корану; даже личность и призваніе Пророка не находили у него пощады. „На избраннаго Богомъ человѣка, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, возлагаетъ народъ надежды; этотъ человѣкъ долженъ выступить впередъ, когда толпа тревожно обращаетъ взоры кругомъ, ища руководителя. Безумна эта мечта, ибо божественнымъ руководителемъ можетъ быть только вашъ собственный разумъ; онъ съ утра до вечера долженъ управлять вашими дѣйствіями“. Намекая на почетъ воздаваемый гробу Пророка, Маарри выражается слѣдующимъ образомъ: „Мы призывали окружать благоговѣніемъ останки человѣка, которыми—когда протекуть года—суждено превратиться въ прахъ.“ Или же вотъ стихотвереніе гдѣ идетъ рѣчь о главной святынѣ мусульманъ: „Дѣвица, остановись; пойми что путешествіе въ Мекку не составляетъ обязательнаго исполненія долга для женщинъ и дѣвушекъ. Въ скалистой доли нѣ Мекки обитаютъ злые люди, недостойные хранители

храма и святыхъ мѣстъ. Когда пилигримы собираются предъ Каабой, то члены семейства Шауба * вталкиваютъ ихъ поларно во внутренность святилища, а сами предаются неистовому ольяванію съ кошачьими криками. Всѣ ихъ заботы направлены на то чтобы выманить побольше денегъ; за деньги они готовы влустить въ Каабу даже Жидовъ и христіанъ. Замѣни лучше путешествіе туда добрыми дѣлами, и когда потребуется совершить какое-либо изъ нихъ, будь всегда къ тому готовымъ.“ Не можетъ не удивлять насъ то обстоятельство что Маарри рѣшался выражать подобныя мысли, но объясняется это отнюдь не терпимостью тогдашнихъ властей и не уваженіемъ ихъ къ свободѣ: по замѣчанію г. Кремера, онъ относился съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ къ выходкамъ противъ Ислама, ибо сознавали что Исламъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни, что этими выходками трудно поколебать его, и главнѣйшая ихъ забота сосредоточивалась на томъ чтобы кто-нибудь не выдумалъ проповѣдывать враждебныхъ ему вѣрованій. Маарри не присваивалъ себѣ такой роли, онъ не являлся въ качествѣ проповѣдника, онъ былъ исключительно поэтъ и въ поэзіи своей высказывалъ идеи служившія отголоскомъ греческой философіи: громадное большинство мусульманскаго общества до такой степени было не причастно имъ что, какъ говоритъ г. Кремеръ, поколѣніе непосредственно слѣдовавшее за Маарри вовсе не понимало его произведеній.

Болѣе вѣрными истолкователями общественныхъ тенденцій служили стихотворцы восплѣвавшіе преимущественно любовь, вино и всѣ матеріальныя блага и наслажденія жизни. Ихъ былъ цѣлый легионъ и въ рядахъ ихъ упражнялись даже лица принадлежавшія къ царствовавшему дому. „Не было недостатка, говоритъ г. Кремеръ, въ такихъ высокопоставленныхъ поэтахъ, точно такъ же какъ въ риёмоллетахъ толпившихся съ своими хвалебными лѣснями во дворцахъ знатныхъ и богатыхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ очень ловко владѣли языкомъ, произведенія ихъ отличались смѣлыми сравненіями, искусными оборотами рѣчи и игрой

* Семейство которому принадлежалъ тогда и принадлежитъ теперь надзоръ за храмомъ Каабы.

словъ, но ни одному изъ нихъ не удалось произвести ничего оригинальнаго, не удалось проложить для искусства новые пути: полагаю что этотъ приговоръ, основанный на моихъ собственныхъ, конечно не всеобъемлющихъ свѣдѣнiяхъ, — ибо легионы тогдашнихъ поэтовъ извѣстны, за немногими исключенiями, лишь въ отрывкахъ и безсвязныхъ извлеченiяхъ, — вполне подтвердится когда упомянутая область арабской литературы будетъ болѣе тщательно изслѣдована.“

Читатели могутъ видѣть изъ этого въ какой мѣрѣ благотворно отразилось влiянiе Ислама на поэтическое творчество Аравитянъ, отличавшемся нѣкогда столь богатыми зародышами.

Научное движенiе въ ихъ средѣ представляется въ совершенномъ иномъ видѣ. Аравитяне въ первоначальный періодъ своей исторiи были совершенно чужды наукъ, которая проникаетъ къ нимъ даже и не вскорѣ послѣ того какъ калифатъ сдѣлался обширнымъ и сильнымъ государствомъ. Не трудно прослѣдить откуда возникла эта наука: она была заимствована ими отъ локоренныхъ ими народовъ, уже обладавшихъ, хотя и въ различной степени, культурой. Аравитяне познакомились съ нею изъ переводовъ древне-греческихъ, византiйскихъ, персидскихъ и сирiйскихъ книгъ; даже переводчиками были исключительно лица обратившіяся съ теченiемъ времени въ мусульманство; они были главными виновниками того что на арабскомъ языкѣ появилось знаменитое собраніе индiйскихъ сказокъ Сидганта, индiйскiй же трактатъ объ астрономiи, сочиненiя Аристотеля, Птолемея, книга Евклида и т. л. „Какъ скоро, говоритъ одинъ арабскiй историкъ, сдѣлались извѣстны эти произведенiя, многіе стали ревностно изучать ихъ.“ Нѣтъ ничего страннаго что научный интересъ возбужденъ былъ между Аравитянами, но мы не перестаемъ настаивать на томъ фактѣ что главная заслуга принадлежала не имъ, что умственное движенiе возбуждено было народами болѣе или менѣе обладавшими цивилизаціей уже задолго прежде чѣмъ эти народы очутились лицомъ къ лицу съ Исламомъ, и что Аравитяне приняли въ немъ лишь участіе, да и то въ незначительномъ меньшинствѣ. Необходимо затѣмъ обратить вниманіе на то какимъ характеромъ отличалась наука въ ихъ средѣ. „Наибольшая производительность Аравитянъ, говоритъ г. Кремеръ, обнаружилась на полприщѣ

эмпирическихъ знаній, на полприщѣ того что было ими самими испытано и надѣ чѣмъ изоощрилось ихъ зрѣніе. Они умѣли съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ собирать, наблюдать и приводить въ порядокъ. Вотъ почему въ описаніи и разказѣ проявлялась главнымъ образомъ ихъ дѣятельность; въ ученой ихъ литературѣ первое мѣсто принадлежить географіи и исторіи. Много замѣчательнаго и лѣтѣмъ же причинамъ произведено было ими въ области математики и астрономіи, а также языкознанія и грамматики. Напротивъ, касаясь идеальной дѣятельности духа, абстрактнаго мышленія, они или ограничивались тѣмъ что рабски слѣдовали по столамъ Платона и Аристотеля, или же въ попыткахъ своихъ произвести что-нибудь самостоятельное предавались, подъ вліяніемъ своей необузданной фантазіи, такимъ грезамъ и мечтамъ, которыя въ концѣ-концовъ приводили ихъ къ безсодержательному мистицизму.“ Г. Фриманъ держится почти такого же взгляда, съ тою лишь разницей что хотя онъ и цѣнитъ заслуги Аравитянъ въ области напримѣръ исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ что они не слободны были даже ловпмать и цѣнить произведенія древнихъ греческихъ историковъ. Вотъ мнѣніе англійскаго писателя: „Просматривая тѣ главы Абулфарагіа, гдѣ онъ исчисляеть ученыхъ людей своего народа, я пришелъ къ тому заключенію что, во первыхъ, всѣ знанія усвоенныя Аравитянами были заимствованы ими изъ греческихъ книгъ; во вторыхъ, Аравитяне ограничилисъ знакомствомъ лишь съ неизмѣримо-малою частью греческой литературы, и третьихъ, многіе изъ наиболѣе знаменитыхъ ученыхъ при дворѣ калифовъ были даже не мусульмане, а Евреи или христіане. Аравитяне не занимались кажется изученіемъ какого бы то ни было языка кромѣ своего собственнаго; они не читали греческихъ авторовъ въ подлинникъ и даже для переводовъ не всегда останавливались на образцовыхъ твореніяхъ. Еще Гиббонъ замѣтилъ что не существовало у нихъ перевода ни одного изъ греческихъ поѣтовъ, ораторовъ или историковъ. Правда, Абулфарагій уломинаеть о переводѣ двухъ лѣсней Гомера, но переведены были онѣ не мусульманиномъ на арабскій языкъ, а сирійскимъ христіаниномъ на языкъ сирійскій. Иной любѣдоносный калифъ, нанесши поражение Византійскому императору, забиралъ въ добычу множество книгъ; онъ увозилъ съ собою Птолемея, Гилло-

крата, Аристотеля, сочиненія по математикѣ, физикѣ, но не интересовался вовсе лѣсными Гомера, Пиндара, трагедіями Эсхила, рѣчами Лизія и Демосфена, историческими твореніями Демосфена и Полибія и даже тѣмъ трактатомъ въ которомъ Аристотель разсуждаетъ о человѣкѣ какъ о гражданинѣ свободной республики... Никто не станетъ упрекать ни народъ, ни отдѣльнаго человѣка за то что они не усвоили себѣ древней греческой литературы, если не представлялось для нихъ возможности познакомиться съ нею; но признаюсь, не высоко я цѣню умственные достоинства тѣхъ которые, будучи въ состояніи дѣлать выборъ между писателями Эллады, относятся съ пренебреженіемъ къ ея повстанъ, ораторамъ и историкамъ.“

Въ книгѣ г. Кремера читатели найдутъ подробный перечень всего что совершенно было подъ господствомъ Аравитянъ въ области науки. Авторъ излагаетъ, какими успѣхами ознаменовалось изученіе ими собственнаго языка; какія важныя историческія произведенія дошли до насъ отъ того времени, произведенія которыя посвящены были изображенію судьбы не магометанскихъ только, но и другихъ народовъ; какъ значительно расширилась область географіи трудами тогдашнихъ путешественниковъ и ученыхъ; какъ въ тѣсной связи съ географическими знаніями развивались математика, астрономія и естественныя науки; какого сравнительно съ прежнимъ совершенства достигла оптика и механика; какъ подвинулась впередъ медицина и съ какимъ прилежаніемъ занимались тогда нѣкоторыми отраслями философіи. Предъ нами проходитъ цѣлый рядъ ученыхъ съ обстоятельною оцѣнкой ихъ дѣятельности. Сравнивая движеніе центромъ коего служили на Востокѣ школы, бібліотеки, обсерваторіи, съ тѣмъ что происходило тогда въ Европѣ, авторъ долженъ былъ конечно отдать предпочтеніе цивилизаціи восточной предъ европейскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ его же книги видимъ мы что корни и началомъ всего служили вліянія чуждыя Аравитянамъ и только съ теченіемъ времени присоединившіяся къ мусульманству. Возьмемъ для примѣра языкознаніе: не Аравитянамъ ли, казалось бы, слѣдовало заняться ученою разработкой своей родной рѣчи? Напротивъ, этотъ трудъ былъ предпринятъ изслѣдователями которые нашлись въ средѣ покоренныхъ ими народовъ, а Аравитяне долгое время и

тутъ оставались только учениками. „Преимущественно кліенты, говоритъ г. Кремеръ, а не настоящіе Арабы (keine echten Araber) занимались филологіей. Этихъ чужеземцевъ, съ необыкновеннымъ рвеніемъ трудившихся надъ Кораномъ, Суяной и памятниками старинной поэзіи, слѣдуетъ считать истинными основателями языкознанія. Позднѣйшіе арабскіе писатели утверждали будто честь составленія арабской грамматики принадлежала ихъ соотечественникамъ, но это показаніе не основано ни на чемъ и опровергается несомнѣнными извѣстіями. Ученая дѣятельность, о которой мы говоримъ, возникла въ Бассорѣ, гдѣ Аравитяне раньше чѣмъ въ другихъ городахъ подверглись слиянію съ чуждыми имъ элементами.“ Но еще гораздо замѣчательнѣе что даже въ той сферѣ которая долженствовала бы оставаться исключительнымъ достояніемъ Аравитянъ и вообще мусульманъ, а именно въ сферѣ религіозныхъ ихъ вѣрованій, отразилось постороннее вліяніе—вліяніе христіанства и іудейства. Одновременно съ тѣмъ какъ Исламъ распространялъ свое господство, началось броженіе въ его средѣ; явилось множество сектъ и нѣкоторыя изъ нихъ усвоили себѣ идеи находившіяся въ явномъ противорѣчіи съ Кораномъ; не трудно прослѣдить откуда онѣ нашли доступъ въ его среду. Такъ на примѣръ въ Дамаскѣ возникла секта кадаритовъ, имѣвшая значительное число приверженцевъ; основное ея воззрѣніе заключалось въ томъ что она отстаивала свободу воли противъ ученія Пророка о предопредѣленіи, отрицала предначертанную заранѣе необходимость человѣческихъ дѣйствій. Но Дамаскъ давно уже служилъ мѣстопробываніемъ замѣчательныхъ византійскихъ богослововъ; между ними особенно славилась Θεодоръ и Іоаннъ Дамаскинъ; они вступили въ оживленную полемику съ Исламомъ, на которую мѣстные власти смотрѣли въ началѣ довольно равнодушно, бытъ-можетъ подъ вліяніемъ горделиваго убѣжденія въ превосходствѣ своей вѣры и въ надеждѣ что полемика послужитъ лишь къ ея торжеству. Іоаннъ Дамаскинъ между прочимъ съ особеннымъ одушевленіемъ развивалъ мысль о томъ что на самомъ человѣкѣ лежитъ отвѣтственность за его дѣйствія, что онъ обладаетъ полною свободой направлять ихъ въ ту или другую сторону, и что хотя Богъ всевѣдущъ, Онъ не связалъ однако людей предопредѣленіемъ. „Подобныя идеи, замѣчаетъ г. Кремеръ, подробно развиваемыя

въ словопрепіяхъ между христіанами и мусульманами, ввели мало-по-малу этихъ послѣднихъ въ кругъ міросозерцанія византійскихъ богословъ. Отсюда возникли первоначальныя догматическія и религіозно-философскія стремленія мусульманскихъ сектъ. Такимъ образомъ въ вопросахъ объ основныя принципахъ вѣры они лишь заимствовали многое отъ греческихъ писателей.“ То что сказано нами о кадаритахъ слѣдуетъ примѣнить къ другой сектѣ—моргитамъ, а также къ шіитамъ, въ первоначальномъ ученіи коихъ о вторичномъ прішествіи, о томъ что Али снова долженъ явиться на землю, видимо отразилось вліяніе христіанства. „Очень важно было бы прослѣдить, говорить г. Кремеръ, означенное явленіе и относительно другихъ сектъ, но въ настоящее время приходится лишь довольствоваться предположеніями и догадками на этотъ счетъ, за недостаткомъ письменныхъ памятниковъ отъ первой эпохи распространенія магометанской религіи.“

Мы видѣли какимъ образомъ развивалась цивилизація Востока подъ владычествомъ калифовъ, — теперь является вопросъ, какія же причины породили ея упадокъ? Г. Кремеръ полагаетъ что цивилизація эта начала ослабѣвать вслѣдствіе постепеннаго распада каалифата, а распадъ былъ порожденъ религіозными распрями въ его средѣ. Калифатъ былъ въ полномъ смыслѣ слова теократіей; онъ до такой степени отождествлялъ церковь и государство что всякая рознь въ дѣлахъ вѣры вызывала политическія смуты, и что каждая изъ сколько-нибудь важныхъ политическихъ смутъ непременно прикрывалась религіозными дѣлами. Калифъ пользовался неограниченною властью только потому что онъ былъ имамомъ правовѣрныхъ; тѣ которые не хотѣли признавать его имамомъ не могли видѣть въ немъ и своего законнаго государя; съ другой стороны, для всѣхъ возмущавшихся противъ его свѣтской власти единственнымъ оправданіемъ долженствовало служить лишь то что онъ былъ недостойнъ въ глазахъ ихъ считаться намѣстникомъ Пророка. Такимъ образомъ церковное раздробленіе шла рука объ руку съ раздробленіемъ политическимъ; съ теченіемъ времени оно принимало все большіе размѣры: обширное вѣкогда государство распалось на множество владѣній или вполне независимыхъ, или находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ другимъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ

емъ того былъ упадокъ торговли, промышленности, вообще матеріальнаго благосостоянія, ибо не осталось и слѣдовъ той тѣсной связи которая въ экономическомъ отношеніи соединяла прежде разноплеменныхъ подданныхъ калифовъ; къ этому слѣдуетъ присоединить непрерывныя кровопролитныя войны и междуусобія; наконецъ нужно упомянуть объ эпидеміяхъ и заразительныхъ болѣзняхъ, въ значительныхъ размѣрахъ уменьшавшихъ численность народонаселенія. Г. Кремеръ помѣстилъ въ своей книгѣ подробную таблицу въ которой перечислилъ эти эпидеміи за періодъ времени отъ 638 до 1015 года по Р. Х.

Конечно, всѣ упомянутыя явленія весьма важны, но намъ кажется положительно невозможнымъ приписывать исключительно имъ упадокъ восточной цивилизаціи. Достаточно только вспомнить что происходило въ средневѣковой Европѣ одновременно съ существованіемъ калифата: развѣ торговля сношенія между ея народами были болѣе правильно обезпечены, развѣ не страдала она столь же сильно отъ междуусобій и войнъ и развѣ населеніе ея не было подвержено точно такимъ же естественнымъ бѣдствіямъ, отъ которыхъ при тогдашнемъ младенческомъ состояніи научныхъ свѣдѣній оно не умѣло оградить себя? Европа вышла однако съ торжествомъ изъ этого глубокаго мрака, и ни одно изъ сѣмянъ культуры брошенныхъ въ ея почву не заглохло безслѣдно. Востокъ имѣлъ напротивъ явное преимущество предъ нею: задолго до того какъ началось распаденіе калифата образовались уже въ его предѣлахъ обширныя промышленныя, торговые, даже научныя центры, и слѣдовало бы кажется надѣяться что оторванные другъ отъ друга они не погибнутъ, не перестанутъ распространять свое вліяніе. Такъ конечно и случилось бы, еслибы цивилизація о которой мы говоримъ имѣла прочныя корни,—но имѣла ли она ихъ?

Г. Кремеръ, подобно многимъ другимъ писателямъ, расположенъ придавать ей слишкомъ большое значеніе. „Въ то время, говоритъ онъ, восточными учеными высказаны были мысли которыя лишь гораздо позднѣе приобрѣли господство въ Европѣ. Вспомнимъ напримѣръ что рационалистъ Назамъ, жившій около 835 года по Р. Х., произнесъ великую истину: „главнѣйшая основа всякаго знанія есть сомнѣніе“. Багдадскіе юристы выставляли слѣдующія правила: ника-

кое показаніе на судѣ не должно считаться дѣйствительнымъ если оно вынуждено пыткой; никто не можетъ быть лишенъ свободы только по подозрѣнію и безъ достаточныхъ уликъ въ томъ что онъ совершилъ преступное дѣйствіе; жизнь иновѣрцевъ и даже рабовъ столь же неприкосновенна какъ и жизнь мусульманина. Ученые обсуждали вопросы—можетъ ли женщина занимать судебныя должности, слѣдуетъ ли принимать на государственную службу людей не исповѣдующихъ ученія Пророка, и не было недостатка въ голосахъ отвѣчавшихъ на эти вопросы утвердительно. Едва ли какой-либо изъ телерешныхъ друзей челоуѣчества клеймилъ постыдный торгъ евнухами съ такимъ негодованіемъ какъ сдѣлалъ это одинъ мусульманскій писатель IX в. по Р. Х. Даже высказываемы были мнѣнія о необходимости принимать строгія мѣры противъ жестокаго обращенія съ животными.“ Конечно, то обстоятельство что подобныя идеи проявлялись въ столь отдаленную эпоху заслуживаетъ глубокаго вниманія, но особенно поражаетъ насъ рѣзкое непримиримое противорѣчіе этихъ идей со всѣми вѣрованіями, понятіями, со всѣми политическими и гражданскими учрежденіями того общества среди котораго онѣ возникали. Ни малѣйшей связи не находимъ мы между восточными мыслителями и учеными и окружавшимъ ихъ религиознымъ и общественнымъ бытомъ. Самъ г. Кремеръ долженъ былъ указать на это необычайное явленіе. „Не слѣдуетъ однако обольщаться, говоритъ онъ, слишкомъ заманчивою картиною; интеллектуальное движеніе въ эпоху калифата не коснулось ни двора, ни администраціи, ни огромнаго большинства народонаселенія. Восточный деспотизмъ обнаруживался тогда въ самой дикой формѣ, и во дворцѣ калифовъ царилъ лишь одинъ законъ — ничѣмъ необузданный произволъ властнаго и его фаворитовъ.“ Отдѣльныя личности толковали объ уваженіи къ закону, а вокругъ нихъ господствовало такое грубое своеволие, о которомъ европейскія общества даже въ эпохи самаго печальнаго своего упадка не имѣли никакаго понятія; они желали возвысить положеніе женщины, а весь окружавшій ихъ общественный строй основанъ былъ на полигаміи и женщина низведена была на степень рабыни; они проповѣдывали о милосердіи къ рабамъ, а между тѣмъ самое отвратительное рабство неудержимо росло и плодилось на ихъ глазахъ.

Нѣтъ рѣшительно никакого признака чтобы великодушныя идеи, разбросанныя въ книгахъ тѣхъ или другихъ писателей, встрѣчали хотя малѣйшій отголосокъ, чтобы подъ вліяніемъ ихъ возникла какая-нибудь оппозиція противъ безобразій лежавшихъ въ основѣ восточнаго общества. Оппозиціи не могло и возникнуть, потому что безобразія эти условливались Исламомъ, составлявшимъ основной принципъ государства подвластнаго калифамъ, а враждебныя имъ идеи порождены были цивилизаціей чуждой Исламу и могли развиваться лишь до тѣхъ поръ пока Исламъ не успѣвалъ совершенно подавить ихъ.

Р.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1. Военныя дѣйствія за Дунаемъ.

Въ июльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за неимѣніемъ еще подробностей о совершившейся переправѣ нашей арміи черезъ Дунай у Сисова, мы ограничились приведеніемъ только краткихъ телеграфныхъ извѣстій. Теперь опишемъ это славное дѣло согласно официальнымъ донесеніямъ Его Высочества Главнокомандующаго, командира 8го корпуса генерала Радецкаго, начальника 14й дивизіи генерала Драгомирова.

12го іюня Его Высочество Главнокомандующій, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и помощникомъ его, тайно выѣхалъ изъ Плоешти и произвелъ личную рекогносцировку береговъ Дуная, отъ Зимвицы до Турна. Убѣдившись лично въ тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ съ которыми сопряжено форсированіе переправы въ окрестностяхъ Николая, и съ другой стороны, удостовѣрившись самъ что у Зимвицы состояніе уровня воды позволяетъ устройство переправы, Его Высочество окончательно выбралъ мѣсто у этого послѣдняго пункта, но желая скрыть это намѣреніе онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) О томъ что переправа будетъ у Зимницы онъ объявилъ только командиру 8го корпуса, части котораго должны были начать переправу. При этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ даже отъ своихъ, приказалъ направить 9ю пѣхотную дивизію отъ Александріи по прежнему маршруту, къ Пятрѣ. Только 14ю пѣхотную дивизію съ гвардейскою сводною ротой, двумя ротами пластуновъ, 4ю стрѣлковою бригадою, всею горною лѣвшею артиллеріей (двѣ батареи, 16 орудій) и всѣми лонтовыми ларками двинулъ отъ Бею прямо къ Зимницѣ, съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на лонтовыми лодками въ ночь съ 14го на 15е іюня.

2) Кавказской казачьей дивизіи не идти на Зимницу, а оставаться у Бею впредь до приказанія.

3) 12му корпусу идти не на Салчу, а къ Воеводѣ и Крошкѣ, чтобы приблизить его къ Зимницѣ. Туда же идти и Болгарскому ополченію.

4) 9му корпусу Его Высочество объявилъ что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды и поэтому долженъ, немедленно по прибытіи въ Сегарчу, перейти оттуда къ Сакѣ, оставивъ въ Турну лишь небольшой пѣхотный отрядъ, и смѣнивъ по линіи Дуная 8ю кавалерійскую дивизію—9ю.

5) 13му корпусу двинуться изъ Александріи къ Пятрѣ, имѣя въ головѣ 35ю пѣхотную дивизію.

6) Начиная съ 12го іюня, осадной артиллеріи у Журжева ежедневно бомбардировать Руцукъ, а съ вечера 13го начать бомбардированіе Никополя, продолжая его безостановочно впредь до приказанія.

Къ 14му іюня вся армія сосредоточилась на указанныхъ мѣстахъ. Главная Квартира была переведена 13го іюня изъ Слатины на бивакъ у деревни Драча, на рѣкѣ Калмацуй, туда же перешла, 14го іюня, и Главная Квартира Его Императорскаго Величества.

12го іюня начато бомбардированіе Руцука, причемъ, однако, Турки открыли огонь первые. Несмотря на массу вышущенныхъ снарядовъ, наши войска въ Журжевѣ и Ольтевицѣ (по которой въ тотъ же день стрѣляли изъ Туртукая) не понесли въ первый день никакой потери; только самый городъ, изъ котораго впрочемъ жители успѣли уйти, сильно пострадалъ. На второй день, 13го іюня, былъ раненъ въ

Ольтеницъ пулею въ шею командующій 11ю пѣхотною дивизіей, генералъ-майоръ Эрнротъ.

Можно предполагать что выстрѣлы нашей артиллеріи противъ Руцукъ были довольно удачны, такъ какъ двѣ батареи совершенно умолкли, а на нѣкоторыхъ другихъ прекращалась на значительное время стрѣльба.

13го іюня, вечеромъ, было начато бомбардированіе Николая, а 14я дивизія вмѣстѣ со стрѣлковою бригадою выступила къ мѣсту переправы. Наступило 14е іюня. Войска начали готовиться къ выполнению возложеннаго на нихъ порученія.

14я пѣхотная дивизія съ прикомандированными къ ней частями (4я стрѣлковая бригада, двѣ роты пластуновъ, гвардейская рота конвоя Его Величества и часть салеръ) были раздѣлены для переправы на шесть рейсовъ; рейсы должны были состоять: первые два—изъ 12 ротъ пѣхоты, 60 казаковъ и восьми горныхъ орудій каждый; послѣдующіе—такой же силы, но вмѣсто горныхъ орудій назначены при каждомъ рейсѣ по шести полевыхъ орудій.

Понтоны начали спускать на воду въ Зимницѣ въ 9 часовъ вечера, когда уже стемнѣло; ихъ привели къ австрійской таможнѣ, гдѣ была назначена посадка первому рейсу; второй и послѣдующіе рейсы должны были садиться на понтоны ниже, у острова Адда, * 3й, 4й и 5й понтонные баталіоны назначены были для перевозки пѣхоты, а 6й предназначенъ исключительно для перевозки артиллеріи и казаковъ, для чего заблаговременно устроены ларомы.

Для прикрытія переправы и для дѣйствія по мониторамъ, въ случаѣ ихъ появленія, къ берегу были поставлены пять 9тифунтовыхъ батарей, изъ которыхъ: три батареи 14й артиллерійской бригады расположились у австрійской таможни, примыкая къ оной своимъ правымъ флангомъ, а двѣ батареи 9й артиллерійской бригады расположились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Для прикрытія батарей назначены 35 пѣхотный Брянскій полкъ, который двумя баталіонами и частью стрѣлковъ занималъ островъ. Артиллерія была поставлена на означенныхъ мѣстахъ вечеромъ 14го іюня, одновременно съ началомъ спуска на воду понтоновъ.

Предварительныя мѣры, какъ-то: сосредоточеніе отряда

* Островъ Адда противъ австрійской пристани.

отъ Бео къ Зимницѣ, спускъ понтоновъ, вязка ларомовъ, постройка моста черезъ одинъ изъ затоновъ Дуная, расположеніе батарей для поддержки десанта—удалось исполнить вполнѣ скрытно отъ Турокъ, такъ что когда къ 12 часамъ ночи на берегу сосредоточились первые эшелоны десанта, на непріятельскомъ берегу не обнаруживалось признаковъ тревоги.

Тихо и безъ суеты былъ посаженъ на понтоны первый эшелонъ, подъ начальствомъ полковника Родіонова, въ составѣ: одиннадцати ротъ Волинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка, сотни ластуновъ, № 2 горной батареи и полсотни Донскаго казачьяго № 23 полка; вмѣстѣ съ эшелономъ слѣдовалъ командиръ 1й бригады генералъ-майоръ Іошницъ съ генеральнаго штаба капитаномъ Мальцевымъ.

Ровно въ часъ ночи отвалилъ отъ берега первый рейсъ и двинулся, согласно съ предположеніемъ, къ устью ручья Текиръ-дере; но усилившееся волненіе на Дунаѣ начало сносить понтоны и какъ только голова десанта подошла къ караульному дому *, турецкіе лѣхотные посты открыли огонь по понтонамъ. Эшелонъ продолжалъ подвигаться впередъ къ долинѣ Текиръ-дере, но за темнотой и въ особенности вслѣдствіе сильнаго теченія, затруднившаго подходъ къ берегу, часть понтоновъ была снесена почти на версту ниже, а часть прибила къ берегу выше предположеннаго мѣста высадки, и только нѣсколько понтоновъ подошли къ устью Текиръ-дере. Такимъ образомъ, высадившіяся двѣнадцать ротъ поневола растянулись на правомъ берегу, скучившись въ трехъ пунктахъ.

Между тѣмъ, Турки, воспользовавшись замедленіемъ высадки десанта, успѣли собраться на кручѣ Дуная, по обѣ стороны Текиръ-дере, и открыли сильный огонь по десанту, причинившій ощутительный ущербъ; нѣсколько понтоновъ было прострѣлено и одинъ ларомъ съ двумя горными орудіями былъ пущенъ ко дну; при этомъ командиръ 2й горной батареи полковникъ Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ, лейбъ-гвардіи 1й артиллерійской бригады подпоручикъ Тюрбертъ и 19 артиллеристовъ нашли славную смерть въ волнахъ Дуная.

* Турецкій пакетъ—близъ устья рѣки Текиръ-дере.

Уже разсвѣтало. Къ огню турецкой пѣхоты присоединилась артиллерія: батарея изъ нѣсколькихъ орудій, находившаяся у Систова, открыла огонь по лонтонамъ. Немедленно наша батарея, находившаяся у мѣста посадки десанта, начала обстрѣливать турецкую батарею, что отвлекло отъ стрѣльбы по десанту часть орудій, завязавшихъ перестрѣлку съ нашею артиллеріей.

Несмотря на страшный огонь почти въ упоръ и на то что безъ преувеличиванія можно считать что противъ каждого бойца нашей славной передовой дружины приходилось по десятку враговъ, Волынскія роты взбирались на кручи берега, и куча за кучей, какъ пришлось, штыками выбивали Турокъ. Тѣмъ временемъ успѣли высадиться и изготовиться шесть горныхъ срудій, немедленно открывшихъ огонь по непріятельской цѣли на разстояніи въ 230 сажень.

Къ двумъ часамъ ночи передовой эшелонъ, выбивъ штыками Турокъ, занялъ отдѣльными кучами караульный домикъ, мельницу у Текиръ-дере и высоту у мостика черезъ этотъ ручей. Въ тотъ же часъ вернулся назадъ первый лонтонъ, а затѣмъ постепенно стали прибывать и другіе лонтоны. Для ускоренія прибытія подкрѣпленій было рѣшено послать войска на тотъ берегъ поротно и при этомъ только одну пѣхоту, выславъ впередъ гвардейскую роту.

Но слѣдующимъ эшелонамъ пришлось выносить еще болѣе губительный огонь, такъ какъ уже стало совсѣмъ свѣтло, и Турки, встревоженные первыми выстрѣлами, прибыли изъ сосѣдняго лагеря и отъ Систова и устрѣлили стрѣлковыми цѣлями береговые кручи и ближайшія высоты, образовавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линію огня въ нѣсколько ярусовъ. Во время рейсовъ этихъ эшелоновъ отъ непріятельскаго стрѣлковаго огня потонуло нѣсколько лонтоновъ; много было убитыхъ, и нѣкоторые лонтоны приходилось отводить назадъ, такъ какъ снесеніемъ къ отвѣснымъ обрывамъ берега они не могли высаживать находившійся на нихъ десантъ. Такъ, несмотря на всѣ усилія поскорѣе подкрѣпить находившіяся на правомъ берегу части, это достигалось съ большимъ трудомъ.

Тогда, съ разрѣшенія генерала Радецкаго поручивъ веденіе дальнѣйшей переправы генералъ-майору Рихтеру и оставивъ при немъ за офицера генеральнаго штаба Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, генералъ Драго-

Digitized by Google

мировъ вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ и состоявшимъ при немъ свиты Его Величества генераль-майоромъ Скобелевымъ, генеральнаго штаба подполковникомъ Сухотинымъ, капитаномъ Ласковскимъ и штабъ-ротмистромъ Цуриковымъ перешахъ на правый берегъ Дуная.

До 5 часовъ утра вновь подходившіе эшелоны десанта отдѣльными партіями частію направлялись по долинѣ Текиръ-дере, преимущественно же двигались направо и налѣво, подкрѣпляя сначала высадившіеся эшелоны, послужившіе основаніемъ боевому порядку обращенному фронтомъ къ Руцукъ и къ Систову. Около того же времени почти одновременно вся лѣвая сторона боевого порядка * двинулась на штурмъ высотъ, причемъ дѣятельную помощь оказали батареи стоявшія у лѣваго фланга мѣста посадки десанта. **

Сильный и мѣткій огонь въ перекрестъ поражающъ храбрыхъ, принужденныхъ почти безъ выстрѣла взбираться на высокія кручи покрытыя виноградниками и садами. Но, наконецъ, послѣ ожесточеннаго боя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходившаго до штыковой свалки, Турки сдали и уступили намъ рядъ высотъ окаймляющихъ съ востока устье Текиръ-дере. Къ 6 часамъ утра Турки настолько были отодвинуты назадъ отъ берега что высадка десанта могла производиться уже въ оласности отъ непріятельскаго стрѣлковаго огня. Къ тому же времени по указанію генераль-майора Голашина былъ изготовленъ слускъ для десанта нѣсколько выше устья Текиръ-дере. Послѣ этого можно было приступить къ болѣе систематическому распредѣленію высаживавшихся частей.

Передвиженіе впередъ первыхъ эшелоновъ, какъ упомянуто выше, въ направленіяхъ къ востоку и западу отъ Текиръ-дере было вынуждено тѣмъ что Турки своимъ мѣткимъ огнемъ съ окружающихъ командующихъ высотъ дѣлали невозможнымъ движеніе нашихъ войскъ вверхъ по долинѣ рѣчки; между тѣмъ, такое движеніе имѣло слѣдствіемъ, волпервыхъ, растянутость позиціи на которой стояли роты

* То-есть часть боевого порядка обращенная къ Руцукъ между Текиръ-дере и Дунаемъ, состоявшая изъ гвардейскаго отряда и ротъ Воынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ

** Дѣй батареи 9 артиллерійской бригады.

Волынскаго и Минскаго полковъ,—а именно около пятнадцати ротъ занимали фронтъ до трехъ верстъ,—и, восторыхъ, въ центрѣ образовался прорывъ.

Выславъ часть вновь прибывшаго эшелона на заполненіе прорыва и приказавъ затѣмъ вновь высаживавшимся частямъ собираться въ долину у мельницы для образованія резерва, начальникъ 14й дивизіи предполагалъ временно приостановить наступленіе, однако это пока оказалось невозможнымъ. Вскорѣ появилась новая турецкая батарея изъ двухъ орудій дальняго боя, и съ высоты противъ нашего центра стала поражать послѣдній, а также фланги и тылъ нашихъ боевыхъ частей; кромѣ того, Турки видимо обнаружили намѣреніе наступать на нашъ центръ, не прекращая въ то же время дѣятельной и мѣткой стрѣльбы съ фронта противъ лѣвой стороны нашего боевого порядка. Все это вызвало новое передвиженіе боевыхъ частей. Дружно помогая другъ другу, гвардейцы, Минскіе и Волынскіе, бросились на врага и овладѣли виноградниками, занявъ такимъ образомъ еще полосу въ нѣсколько сотъ шаговъ шириной и окончательно отбросивъ Турокъ съ высотъ.

Къ 8 часамъ утра генераль Драгомировъ приостановилъ наступленіе на всемъ фронтѣ; бригадѣ генераль-майора Толшина было приказано только удерживаться на занятыхъ высотахъ. Турки перестали напирать на центръ, а ихъ двухъ-орудійная батарея направила огонь на пароходъ только-что начавшій перевозку войскъ; затѣмъ все дѣло свелось къ безплодной перестрѣлкѣ,—отъ времени до времени то разгоравшейся, то утихавшей.

Считая дѣло переправы обезпеченнымъ съ восточной стороны, Драгомировъ рѣшилъ подготовить достиженіе главной цѣли дня—занятіе хребта командующаго городомъ Систовымъ, для чего воспользовался 2ю бригадой генераль-майора Петрушевскаго.

Первые эшелоны этой бригады, вмѣстѣ съ командиромъ ея, прибыли еще раньше, и тотчасъ же двинулись на усиленіе правой стороны боевого порядка обращенной къ Систову. Затѣмъ остальнымъ эшелонамъ было приказано по сборѣ баталіоновъ продвинуться впередъ, сквозь утомленные и потерпѣвшія части 1й бригады, и взять направленіе на Систовскія высоты, не принимая однако рѣшительнаго наступленія до прибытія стрѣлковой бригады и артиллеріи.

Между тѣмъ, все время производилась самая дѣятельная работа на Дунаѣ; несмотря на обстрѣливаніе лѣваго берега Систовскою батареей, неутомимые лантонеры, Уральцы моряки и гребцы отъ войскъ молодецки подвозили войска; наконецъ около 8 часовъ утра прибылъ пароходъ.

Благодаря особенно дѣятельной помощи оказанной пароходомъ, уже къ 10¼ часамъ прибыли эшелоны стрѣлковой бригады, и съ 11ти часовъ можно было начать наступленіе противъ Систовскихъ высотъ.

Тогда было отдано приказаніе: 2й бригадѣ генералъ-майора Петрушевскаго двинуться на Систовскія высоты съ фронта, направляясь отъ Дуная; стрѣлковой бригадѣ генералъ-майора Цвѣдинскаго поддержать это наступленіе, направляясь за лѣвымъ флангомъ 2й бригады; а затѣмъ обѣимъ бригадамъ, сдѣлавъ захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ, направиться: 2й бригадѣ—къ Систову, а стрѣлковой бригадѣ—въ обхватъ главнаго и командующаго гребня Систовскихъ высотъ; бригадѣ же генералъ-майора Голшина оставаться на занятыхъ высотахъ.

Генералъ-майоръ Петрушевскій повелъ свою бригаду черезъ виноградники, причемъ пришлось преодолѣть весьма серьезныя прелятствія, и въ особенности Подольскому пѣхотному полку, при овладѣніи ближайшимъ предгоріемъ Систовскихъ высотъ; послѣднему оказала помощь наша артиллерія, стоявшая на лѣвомъ берегу. Турки охватываемые съ праваго ихъ фланга стрѣлковыми цѣлями руководимыми свиты Его Величества генералъ-майоромъ Скобелевымъ, и правѣе его, частями Житомирскаго и Подольскаго полковъ, быстро занявшими дефилеи Рущукской дороги *, отступили безъ особеннаго сопротивленія.

Въ 2 часа пополудни бригада генералъ-майора Петрушевскаго уже занимала Систовскія высоты и подступы къ этому городу. Около трехъ часовъ дня наши войска вошли въ городъ, встрѣченныя на пути гражданами города—Болгарами, объявившими что турецкія войска и турецкое населеніе покинули городъ.

* Дефилеями Рущукской и (Тырновской) дороги названа часть дороги идущей изъ Систова въ тѣснинѣ между двумя высотами лежащими ниже колѣна этой дороги.

Такъ былъ занятъ городъ Систо, почти безъ выстрѣла, и только баталіону подполковника Бакова пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ по непріятелю появившемуся вѣжо отъ командующаго гребня и тотчасъ же оставившему свою позицію, угрожаемую справа цѣлью стрѣлковъ генералъ-майора Скобелева.

Бой 15го іюня обошелся не дешево отряду: первые эшелоны, то-есть Волынскій и Минскій пѣхотные полки, гвардейскій отрядъ, горная батарея и пластунскія сотни въ сложности лишились 636 человекъ, слѣдовательно, почти седьмой человекъ выбылъ изъ рядовъ. Но смѣло можно сказать что эти эшелоны честно исполнили свой долгъ: несмотря на весьма упорное сопротивленіе Турокъ, на ихъ убійственный и мѣткій огонь, не взирая на безвыходное положеніе въ которомъ они находились въ первые часы переправы, когда встрѣченные вдесятеро превосходившимъ непріателемъ они могли ясно видѣть что разчитывать на скорую помощь съ берега нельзя, — несмотря на все это, наши храбрецы беззавѣтно шли въ штыки, сбрасывали Турокъ съ кручъ и овладѣвали ими; не было возможности гдѣ-либо укрыться и временно передохнуть немного: изъ каждаго куста летѣли пули и вырывали изъ строя храбрецовъ.

Характеристическою чертой боя было то что первыя вступившія въ бой части не составляли не только цѣльных баталіоновъ или ротъ, но даже взводовъ; каждая вновь прибывавшая часть пристраивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ, и такими-то импровизованными „частями-товариществами“ наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой: каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ что дѣлается у сосѣдей, и какъ только послѣдніе подавались впередъ или имъ угрожалъ непріятель, немедленно слѣдовала помощь, или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей.

Что касается образованія общаго резерва, то объ этомъ можно было подумать только по переправѣ послѣднихъ эшелоновъ 14 дивизіи, то-есть около 9½ часовъ утра, слѣдовательно почти черезъ восемь часовъ по завязкѣ боя.

Горная батарея оказала громадную поддержку лѣвому флангу.

Всѣ чины войскъ, по отзыву начальника дивизіи, исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Начальники, начиная съ субалтернъ-офицеровъ и до старшихъ чиновъ дивизіи, а равно состоявшіе при ней: генераль, штабъ- и оберъ-офицеры, выполняя возложенныя на нихъ назначенія и порученія, почти все время находились въ передовыхъ цѣляхъ. Дѣлалось это не изъ лустой залядчivosti, а потому что только такимъ путемъ можно было сколько-нибудь судить о положеніи дѣлъ въ боевой части: крайне пересѣченная мѣстность, до такой степени закрыта что достаточно было отойти шаговъ на 50 назадъ отъ цѣли чтобы не имѣть уже никакого понятія о происходящемъ въ ней; отсутствіе не только конныхъ ординарцевъ, но даже лошадей у начальствующихъ лицъ не допускали иного способа управлять боемъ, такъ какъ своевременное полученіе приказаній въ боевыхъ участкахъ было почти невысказимо при разъединеніи ихъ крутыми и глубокими оврагами и длинными скатами высотъ на которыхъ стояли наши боевыя части.

Турки дрались упорно и стрѣляли мѣтко; къ несчастію, тѣ изъ нихъ которые оказались отрѣзанными въ кустахъ и оврагахъ дали не одинъ примѣръ вѣроломства, стрѣлая и бросаясь съ ножами на одиночныхъ санитаровъ убиравшихъ раненыхъ.

Съ нашей стороны было не мало подвиговъ безпримѣрнаго мужества со стороны какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, въ особенности же отличились: Минскаго полка поручикъ Моторный, Волынскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ, прапорщикъ Сергѣевъ и конно-горной батареи поручикъ Лихачевъ, которые явили самоотверженіе, хладнокровіе и распорядительность изъ ряда выходящія.

Первымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ генералу Драгомирову были свиты Его Величества генераль-майоръ Скобелевъ, принимавшій на себя съ полною готовностью всѣ назначенія, не исключая и ординарческихъ, и оказывавшій самое благотворное вліяніе на молодежь своимъ неизмѣнно яснымъ спокойствіемъ.

Кромѣ того въ этомъ дѣлѣ отличился особенною распорядительностью и мужествомъ Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

Къ девяти часамъ вечера (15го іюня) всѣ полки 9й пѣхотной дивизіи были перевезены на правый берегъ. Турки

отступили по двумъ направленіямъ: большая часть—на Рущукъ, а другая—на Тырново.

Вообще турецкія войска защищались весьма упорно; мѣстность вполнѣ благоприятствовала оборонѣ, Турки вездѣ находили закрытія, изъ-за которыхъ открывали частый и мѣткій огонь какъ только наши войска бросались на нихъ въ штыки, между тѣмъ ихъ приходилось со всѣхъ позицій выбивать штыками. Особенно трудно пришлось сначала 53му пѣхотному Волынскому полку, а также и 54му Минскому: они первые высадились и имъ пришлось выдержать самый сильный ружейный огонь. Потери наши въ этотъ день были слѣдующія: убиты шесть оберъ-офицеровъ и до 289 нижнихъ чиновъ; ранены: три штабъ-офицера, 19 оберъ-офицеровъ и 398 нижнихъ чиновъ, кромѣ того потонули: одинъ штабъ-офицеръ, два оберъ-офицера и 38 нижнихъ чиновъ, слѣдовавшихъ при двухъ горныхъ орудіяхъ въ первомъ рейсѣ.

Какъ только генералъ Драгоміровъ сталъ твердою ногой на правомъ берегу Дуная къ отряду его стали прибывать остальные части 8го корпуса и за ними потянулись войска 9го и 12го корпусовъ. Генералъ Радецкій немедленно приступилъ къ укрѣпленію Систова и окружающихъ его высотъ, дабы обезпечить на всякій случай отступление на лѣвый берегъ Дуная, и въ то же время было приступлено къ сооруженію моста, части котораго были заблаговременно приготовлены на рѣкѣ Алутѣ и за симъ подъ выстрѣлами съ батарей Никополя были сущены къ Зимницѣ, причемъ на первомъ ларомѣ, шедшемъ въ головѣ, находился Великій Князь Алексѣй Александровичъ и развѣвался его флагъ. Къ 17му числу мостъ былъ готовъ, но буря разорвала его и окончателно онъ былъ устроенъ только къ 20му іюня. По постройкѣ мостъ этотъ есть образцовое произведеніе военнаго искусства. Онъ состоитъ изъ пяти частей. Отъ Румынскаго берега первый мостъ имѣетъ 30 сажень въ длину и состоитъ изъ 22 пантоновъ; второй мостъ, переброшенный черезъ болото, имѣетъ 5 сажень въ длину и поддерживается устоями; третій, длиной въ 200 сажень, состоитъ изъ 95 пантоновъ; четвертый, въ 160 сажень, изъ 92 пантоновъ; пятый и послѣдній мостъ, достигающій турецкаго берега, имѣетъ 180 сажень въ длину и состоитъ изъ 65 пантоновъ и устоевъ. На каждомъ изъ этихъ пантоновъ находятся

понтонеры и два матроса, наблюдающїя за прочностью причаловъ и мостовника. Сверхъ того приняты всѣ предосторожности для предохраненїя этого пути сообщенїя отъ нападенїя турецкихъ мониторовъ. Выше и ниже моста погружена въ Дунай двойная линїя торпедъ. Но если сверхъ чаянїя непрїятельское судно перейдетъ эту грозную преграду, то для нападенїя на него готовы десять миноносныхъ лодокъ. Наконецъ если и это второе средство защиты окажется неудачнымъ, то 500 матросовъ готовы броситься къ непрїателю на abordажъ. вмѣстѣ съ устройствомъ моста было обращено вниманїе на разработку спусковъ къ Дунаю и вообще на исправленїе путей. Какъ только всѣ эти подготовительныя работы были выполнены немедленно было приступлено къ передвиженїю на правый берегъ обоза и тяжелой артиллерїи и въ то же время началось движенїе частей арміи впередъ.

Судя по послѣднимъ даннымъ цѣль движенїя впередъ была тройкая: 1) оно должно было обезпечить намъ обладанїе оборонительною линїей вдоль рѣки Янтры и способствовать къ обложенїю Руцука; 2) быстрымъ натискомъ впередъ завладѣть проходами въ Балканскомъ хребтѣ и 3) обезпечить тылъ арміи съ запада, дѣйствуя къ сторонѣ Никополя, Плевны, Ловчи и далѣе къ Софіи и Виддину.

Обратимся къ обзору нашихъ дѣйствїй къ сторонѣ Балкановъ, которые, какъ уже извѣстно, увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

18го іюня состоялся приказъ о сформированїи особаго передоваго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, которому было предписано:

„Выдвинуться въ направленїи Тырнова и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣйшему наступленїю. Затѣмъ, когда послѣдуетъ приказанїе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго — двинуться впередъ и стараться овладѣть Балканскими проходами. Кавалерїю же выслать за Балканы.

„Подъ прикрытїемъ передоваго отряда будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенїя обозовъ и тяжестей.“

Въ составъ передоваго отряда вошли:

Пѣхота: 4я стрѣлковая бригада (четыре баталїона) и Болгарское ополченїе (шесть баталїоновъ); двѣ сотни пѣсту-

новъ (подбаталіона). Вся горная артиллерія: двѣ батареи (14 орудій).

Кавалерія: 1) Драгунская бригада, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максимиліановича: 8й драгунскій Астраханскій и 9й драгунскій Казанскій полки и 16я конная батарея, итого восемь эскадроновъ и шесть орудій.

2) Сводная бригада, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича: 9й гусарскій Кіевскій имени Его Высочества полкъ, Донской казачій № 30го полкъ и Донская № 10го батарея. Итого 10 эскадроновъ и сотенъ и шесть орудій.

3) Донская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Чернозубова: Донскіе №№ 21го и 26 полки и Донская № 15го батарея. Итого 12 сотенъ и шесть орудій.

4) Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Туттолмина: 2й Кубанскій и Владикавказско-Осетинскій полки съ Донскою конно-горною батареей. Итого 12 сотенъ и шесть орудій.

5) Сводный гвардейскій полуэскадронъ.

6) Конно-піонерный отрядъ, подъ начальствомъ полковника графа Роникера, сформированный изъ Кавказскихъ Донскихъ и Уральскихъ казаковъ, заблаговременно подготовленныхъ къ саперному дѣлу въ Журѣ.

7) Уральская казачья сотня.

Всего 10½ баталіоновъ, 43½ эскадрона (не считая конно-піонернаго отряда) и 38 орудій (18 конныхъ, 6 горныхъ и 14 лѣвшихъ горныхъ).

20го іюня утромъ былъ окончательно готовъ мостъ черезъ Дунай, а 21го передовой отрядъ переправился на болгарскій берегъ и двинулся впередъ. Кавказская казачья бригада была, немедленно послѣ переправы, отряжена вправо, къ сторонѣ Никополя и Плевно, такъ что наступленіе къ Балканамъ передовой отрядъ началъ въ составѣ 10½ баталіоновъ, 31½ эскадрона и 32 орудій. Начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ Гурко, незадолго предъ тѣмъ вызванный изъ Петербурга, нагналъ отрядъ уже на походѣ.

Къ 24му іюня, отрядъ, не встрѣчая по пути ни войскъ ни вооруженныхъ жителей, занялъ слѣдующее расположеніе:

Сводная бригада—Сухундолъ. Драгунская бригада—Мра-

дего. Донская казачья бригада — Никуль. Главныя силы отряда — Батакъ.

Не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній о расположеніи и численности непріятельскихъ войскъ въ Тырновѣ, генераль-лейтенантъ Гурко рѣшился передвинуть главныя силы отряда къ Мрадего, произвести 25го іюня рекогносцировку Тырнова съ западной стороны, и назначилъ для этого драгунскую бригаду. На 26е іюня, генераль Гурко предполагалъ двинуться съ Донскою бригадою отъ Никула, съ цѣлью осмотрѣть Тырновъ съ восточной стороны. Въ этомъ, однако, не встрѣтилось надобности: 25го іюня Тырновъ былъ взятъ такъ-сказать съ налету.

25го іюня генераль-лейтенантъ Гурко двинулся съ драгунскою бригадою, гвардейскомъ полуэскадрономъ и 16ю конною батареей отъ Мрадего къ Тырнову черезъ Михалцы, Яларъ, Каябунаръ и Бѣлаковцы, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ:

Донской бригадѣ выслать отрядъ на поддержку драгунской бригады. Полковникъ Чернозубовъ выслалъ четыре сотни донскаго № 26го полка.

Сводной бригадѣ выдвинуть къ деревнѣ Михалцы, въ видѣ резерва драгунской бригады, весь Кіевскій гусарскій полкъ съ двумя орудіями.

Остальнымъ частямъ передоваго отряда оставаться на своихъ мѣстахъ.

Пройдя деревню Каябунаръ, генераль Гурко замѣтилъ съ вершины высокой и скалистой горы, лежащей къ востоку отъ этой деревни, что на возвышенной равнинѣ у подножія этой горы скопилась въ значительныхъ силахъ турецкая кавалерія. Чтобы заставить ее развернуться и показать свои силы, былъ слущенъ съ горы взводъ гвардейскаго полуэскадрона, подъ командой штабсъ-капитана гвардейской конной артиллеріи Савина; а для поддержки его были выдвинуты на вершину горы два орудія 16й конной батареи, подъ прикрытіемъ слѣдующаго 2го эскадрона 9го драгунскаго Казанскаго полка *.

Турки, замѣтивъ взводъ штабсъ-капитана Савина, тотчасъ двинулись противъ него. Штабсъ-капитанъ Савинъ, замѣтивъ что у непріятеля было болѣе 300 коней, остановился,

* См. планъ сраженія при Бѣлоховцѣ.

слѣшили взводъ и открылъ огонь, заставивъ этимъ Турокъ также слѣшиться и тѣмъ упустить время. Тотчасъ же на поддержку были спущены съ горы другой взводъ гвардейскаго полускадрона и дивизіонъ драгунъ. Турки, замѣтивъ это, тотчасъ сѣли на коней и стали уходить къ Тырнову: отступление это, подъ огнемъ нашихъ конныхъ орудій, мало-по-малу обратилось въ бѣгство. Гвардейскій полускадронъ и дивизіонъ драгунъ бросились преслѣдовать непріятеля; вся остальная кавалерія и артиллерія спустились вслѣдъ за ними и на горѣ оставлены только, для прикрытія на всякій случай пути отступления, одна сотня Довскаго № 26 полка съ двумя конными орудіями.

Въ четвертомъ часу полудни войска стали подходить къ Тырнову въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ первой линіи—гвардейскій полускадронъ и два эскадрона драгунъ, прикрытые цѣлюю наѣздниковъ.

За серединою первой линіи—одинъ эскадронъ драгунъ.

Во второй линіи—остальные пять драгунскихъ эскадроновъ, три сотни казаковъ и четыре орудія 16й конной батареи.

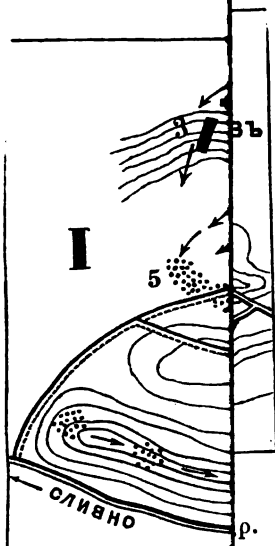
Турки, какъ оказалось, уже очистили городъ, перешли на правый берегъ Янтры и начали отступать по направленію къ Османъ-Базару, оставивъ только небольшой арьергардъ, который, давъ нашей кавалеріи подойти къ городу, открылъ по ней артиллерійскій огонь. Генералъ Гурко приказалъ батареѣ выѣхать на позицію, драгунамъ слѣшиться, а арьергарду, оставленному на горѣ, послалъ приказаніе присоединиться къ отряду, такъ какъ уже было очевидно что непріятель отступаетъ и опасаться за свой собственный путь отступления нечего. *

Подполковникъ Ореусъ, несмотря на крайнюю пересѣченность мѣстности (сплошные виноградники, разгороженные множествомъ каменныхъ стѣнокъ), лихо вывелъ свою батарею на позицію подъ фланговымъ непріятельскимъ огнемъ, быстро пристрѣлялся, и такъ мѣтко сталъ поражать непріятельскую батарею, что она вскорѣ взяла на задки и стала отступать на Османъ-Базаръ. На турецкой арьергардной позиціи осталась лишь пѣхота, открывшая чрезвычай-

* См. планъ сраженія при Тырновѣ.

Авангардное дѣло

28

Масштабъ 7 каго

I Застѣянные полѣния.

II Застѣянные полѣ

Виноградники

1. 1й взводъ гвар
2. 2й взводъ гвар
3. Эскадронъ 8 д
4. Эскадронъ 9 д

5. Турецкая ка

Направление д

Шоссейная д

Грунтовая д

III

Юи

исъ

ой-

26

въ

то

ку

хъ

а

бе-

ко-

ю-

ой-

ли

зг-

я,

ла,

лѣ

лѣ

го

ю

о-

в-

ле-

о-

н-

ла.

н-

а-

о-

и

а-

о-

е-

бъ

и-

спѣши
 также
 подде
 скаго
 это, т
 стула
 ло-ма
 и див
 вся о
 ними
 случа
 съ дв
 Въ
 къ Т
 Въ
 рона
 За
 Во
 новъ,
 тарен
 Ту
 прав
 Осма
 торы
 по н
 батар
 гарду
 нитьс
 пріят
 отсту
 Под
 ность
 множ
 рею в
 быст
 пріят
 стада
 ной л

но частую стрѣльбу: 16я конная батарея направила свои выстрѣлы на нее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенантъ Гурко, убѣдившись въ томъ что непріятель отступаетъ, приказалъ всѣмъ войскамъ двинуться впередъ, а одной сотнѣ Донскаго № 26 полка идти на рысяхъ въ городъ. Такъ какъ городъ Тырновъ приходился на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, то сотня эта должна была выйти, по переходѣ черезъ рѣку Янтру, во флангъ Туркамъ. Это движеніе заставило ихъ окончательно сняться съ позиціи и начать отступленіе; а когда вслѣдъ за ними двинулись и перешли на правый берегъ Янтры наши головныя войска, подъ начальствомъ командира 9го драгунскаго Казанскаго полка, полковника Корево (два эскадрона драгунъ, двѣ сотни казаковъ, гвардейскій полусэскадронъ и два орудія) и когда орудія открыли огонь, то отступленіе превратилось въ совершенное бѣгство. Турки уходили безъ оглядки, бросая по дорогѣ ружья, патроны и амуницію. Тырновскій губернаторъ, Саидъ-паша, по разказамъ жителей, не дождался даже лошади и бѣжалъ пѣшкомъ.

Между тѣмъ, сотня Донскаго № 26го полка, которую велъ бывавшій еще прежде въ Тырновѣ урядникъ 2го Кубанскаго полка князь Церетелевъ, вступила въ городъ; за нею остальныя войска. Невозможно описать восторгъ съ которыми встрѣчали насъ жители: все населеніе Тырнова выбѣжало на улицы съ неумолкаемыми криками *ура* и *да здѣе Императоръ Александръ III*! Когда генералъ-лейтенантъ Гурко дошелъ до собора, то немедленно было отслужено торжественное молебствіе за здравіе Его Императорскаго Величества.

Весь турецкій лагерь, со всѣми боевыми продовольственными и медицинскими запасами, съ брошеннымъ тамъ знаменемъ и оружіемъ достался въ наши руки.

У Турокъ было: пять баталіоновъ регулярной пѣхоты, по видимому, низама; 400 человекъ арнаутской кавалеріи и шесть горныхъ орудій. Изъ разспросовъ лѣтяныхъ оказалось, что къ концу сраженія подходили на помощь, со стороны Османъ-Базара, еще три баталіона; но, узнавъ у деревни Лесковице (въ пяти верстахъ не доходя Тырнова) объ отступленіи Турокъ изъ Тырнова, отступили также, не принявъ никакого участія въ дѣлѣ.

Наша потеря состояла только изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и восьми раненыхъ лошадей.

Тотчасъ по занятіи Тырнова, генералъ-лейтенантъ Гурко приказалъ подойти туда же всѣмъ остальнымъ частямъ передоваго отряда. Къ 27 іюня расположеніе войскъ этого отряда было слѣдующее:

Главные силы (4я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, 1я и 2я бригады Болгарскаго ополченія, гвардейскій полудескадронъ, Уральская сотня, конно-піонерный отрядъ, 12 горныхъ орудій, Кіевскій гусарскій полкъ и 4 орудія Донской № 10 батареи; всего 8¹/₄ баталіоновъ, 5¹/₂ эскадроновъ и 16 орудій) въ Тырновѣ.

Драгунская бригада (8 эскадроновъ, 6 орудій) — Мерданъ (на перекресткѣ дорогъ въ Хозаровицу и Заатарвицу).

Донской № 30 полкъ съ двумя орудіями Донской № 10 батареи, — у Пушева (къ югу отъ Болвана).

Донская казачья бригада (12 сотенъ и 6 орудій) — къ югу отъ Тырнова, у соединенія дорогъ ведущихъ въ Габрово и Елену, имѣя одну сотню вдоль берега рѣки Ятры.

Весь обозъ подъ прикрытіемъ третьей бригады Болгарскаго ополченія, съ двумя горными орудіями — позади Тырнова, у Решена.

Въ этомъ расположеніи генералъ-лейтенантъ Гурко оставался до 30го іюня, собирая свѣдѣнія о непріятелѣ, о дорогахъ вообще и о горныхъ проходахъ въ особенности, организуя продовольственную часть и выучный обозъ для своего отряда.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній, генералъ Гурко составилъ слѣдующій планъ дѣйствій, который и былъ одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ.

1) Для движенія за Балканы избранъ путь ведущій отъ Тырнова черезъ Присово, Пляково, Войнешти, Райковецъ и Паровцы на Хаинкюй въ долину рѣки Тунджи (путь этотъ ни на какихъ картахъ не обозначенъ).

2) Двинуть по этому пути весь отрядъ, кромѣ Донскаго № 30 полка при 2хъ орудіяхъ, которому выдвинуть двѣ сотни съ обоими орудіями къ Габрову для наблюденія за горнымъ проходомъ Габрово-Шибка-Казанлыкъ, а четыре сотни оставить въ Тырновѣ.

3) Отряду оставить въ Тырновѣ, подъ прикрытіемъ сбор-

ной команды отъ всѣхъ частей отряда, весь колесный обозъ, взявъ съ собою лишь вновь организованный выучный, въ которомъ имѣть неприкосновенный запасъ: на пять дней сухарей и на три дня фуража. Запасъ этотъ расходовать лишь въ случаѣ совершенной крайности, продовольствуясь, по возможности, средствами страны.

4) Порядокъ движенія: а) въ авангардѣ—конно-піонерный отрядъ, которому выступить двумя днями раньше главныхъ силъ; д) главные силы—4я стрѣлковая бригада съ горною артиллеріей; двѣ бригады Болгарскаго ополченія; двѣ сотни лластуновъ; гвардейскій полускадронъ; Уральская сотня; драгунская бригада; Донская бригада; в) арьергардъ—бригада Болгарскаго ополченія и Кіевскій гусарскій полкъ. Арьергарду оставаться въ Тырновъ до прибытія войскъ 8го корпуса.

5) По занятіи выхода изъ дефиле въ долину Тунджи у Хаанкюй генералъ-лейтенантъ Гурко рѣшилъ двинуться на Казанлыкъ съ тѣмъ чтобъ атаковать перевалъ Шибка съ тыла, причемъ оставленная имъ у Габрова сотня казаковъ съ двумя орудіями должна вести въ тотъ же день демонстративную атаку съ фронта. По разчету, одновременно атака на Шибку съ фронта и съ тыла должна была состояться 5го іюля.

Съ своей стороны, Его Высочество Главнокомандующій, тотчасъ по прибытіи въ Тырново (30го іюня), принявъ слѣдующія мѣры для облегченія генералу Гурко атаки Шибкинскаго перевала.

Въ Габрово были переведены всѣ остальные сотни Донскаго № 30 полка, кромѣ одной, посланной въ Сельви для очищенія окрестностей этого города отъ собравшихся тамъ баша-бузуковъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ двинутъ въ Габрово 36й пѣхотный Орловскій полкъ съ одною батареей. Такимъ образомъ, 3го іюля, въ Габровѣ собрался отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, пяти сотенъ и десяти орудій (въ томъ числѣ два конныхъ, бывшихъ тамъ уже раньше), подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Дерожинскаго; отряду этому предписано было начать атаку съ фронта перевала Шибка 5го іюля.

Согласно этому плану, генералъ-лейтенантъ Гурко выслалъ 28го іюня авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Рауха, а 30го іюня выступилъ изъ Тырнова съ

главными силами самъ, пославъ сперва полковника Чернозубова съ казаками къ Еленѣ и Беброву посмотреть, не приближается ли оттуда непріятель. Полковникъ Чернозубовъ дошелъ до Беброва, обезоружилъ жителей, убѣдился что въ окрестностяхъ нѣтъ непріятели, и затѣмъ присоединился къ главнымъ силамъ.

Переночевавъ съ 30го іюня на 1е іюля у Средней Калибы (авангардъ генераль-майора Рауха былъ въ это время уже за Балканами, у входа въ послѣднее ущельѣ, ведущее въ Хаинкію), генераль-лейтенантъ Гурко прибылъ около часа по полудни къ деревнѣ Паровцы и сдѣлалъ тамъ большой привалъ; затѣмъ двинулся дальше и къ вечеру 1го іюля уже былъ на южной сторонѣ перевала со всею лѣхотой, 4мя казачьими сотнями и всѣми 14ю горными орудіями. Съ этими войсками онъ и заночевалъ съ 1го на 2е іюля верстахъ въ 15ти не доходя деревнѣ Хаинкію; остальная кавалерія и конная артиллерія ночевали за переваломъ и отчасти на самомъ перевалѣ.

2го іюля утромъ генераль-лейтенантъ Гурко снялся съ bivvака и къ 10 часамъ утра подошелъ къ деревнѣ Хаинкію, гдѣ застигъ совершенно врасплохъ около 300 человекъ анатолийскаго низама. Послѣ слабого сопротивленія, Турки бѣжали по направленію на Сливно, преслѣдуемые двумя стрѣлковыми баталіонами съ 2мя горными орудіями и 4мя сотнями казаковъ (остальная кавалерія еще не подошла). Итакъ, утромъ 2го іюля выходъ изъ Балкановъ былъ уже въ нашихъ рукахъ и генераль-лейтенантъ Гурко, выдвинувъ авангарды, остановился у деревни Хаинкію чтобы подтянуть весь свой отрядъ. Занятіе Хаинкіи стоило намъ одного человека убитымъ и пяти ранеными.

Пройденный нашими войсками путь былъ чрезвычайно тяжелъ. Отъ Тырнова до деревни Паровцы онъ вполнѣ удобенъ: на всемъ протяженіи есть только два крутые подъема, но и на нихъ, при помощи буйволовъ, можно втянуть даже девяти-фунтовые орудія. Трудности начинаются отъ деревни Паровцы. Начинающійся тамъ подъемъ на главный перевалъ чрезвычайно тяжелъ. Орудія втаскивали навверхъ съ величайшимъ трудомъ: два конныя орудія оборвались и упали съ лошадьми въ кручу, но къ счастью ихъ удалось вытащить. Спускъ съ перевала и дорога по ущелью на южномъ склонѣ еще тяжелѣе, въ особенности послѣднія 5—6 верстъ.

Конныя орудія едва-едва провозили; что же касается до зарядныхъ ящиковъ, то протаскиванье ихъ потребовало почти сверхъестественныхъ усилій. Даже и это трудное движеніе было возможно лишь благодаря предварительнымъ работамъ авангарда. Генераль-майоръ Раухъ, подъ руководствомъ котораго производилась разработка пути, выполнилъ свое порученіе блистательно; положительно можно сказать что безъ этой предварительной разработки движеніе отряда было бы задержано.

Въ самый день выхода въ долину Туаджи и занятія деревни Хаикіюй, 2го іюля, вечеромъ, непріятель, получившій подкрѣпленіе, перешелъ въ наступленіе отъ деревни Твардицы. Въ авангардѣ у деревни Конары стоялъ 14й стрѣлковый баталіонъ съ двумя сотнями пластуновъ и двумя горными орудіями, который и двинулся на встрѣчу непріятелю. Не доходя деревни Козосмади, авангардъ нашъ развернулся и завязалъ перестрѣлку, которая и продолжалась до прибытія подкрѣпленій, посланныхъ генераломъ Гурко отъ деревни Хаикіюй (15й стрѣлковой баталіонъ съ двумя орудіями); тогда непріятель началъ отступленіе. Наши стрѣлки преслѣдовали его только до Твардицы; дальше не могли, за наступленіемъ темноты, и возвратились на позицію къ деревни Конаро. Мы овладѣли двумя лагерями между деревнями Эсекчи и Твардица, гдѣ наши брошенное оружіе, патроны, предметы обмундирования и снаряженія, хирургическіе инструменты и перевязочные припасы; въ лагерь взяли семь человѣкъ. Непріятель, котораго было четыре баталіона, отступилъ къ Сливно. Мы потеряли: одного убитаго и шесть тяжело раненыхъ (изъ коихъ двое умерли отъ ранъ въ тотъ же день).

3го іюля генералъ-лейтенантъ Гурко оставался въ Хаикіюй, выславъ къ сторонѣ Енизагры и Сливно двѣ сотни донскаго № 26 полка и Уральскую сотню. Отрядъ этотъ былъ встрѣченъ за деревнею Орезари толпами баши-бузукъ и Черкесовъ, за которыми слѣдовали три баталіона пѣхоты съ двумя орудіями. Наши казаки тотчасъ слѣпились, завязали перестрѣлку и послали просить подкрѣпленія. Въ 5 часовъ пополудни къ нимъ посланъ былъ 9й драгунскій Казанскій полкъ съ четырьмя конными орудіями. Какъ только этотъ отрядъ показался—Турки обратились въ попятѣйшее бѣгство. Уральская сотня преслѣдовала ихъ до наступленія темноты; конныя орудія, пришедшія съ драгу-

нами, провожали бѣгущихъ своимъ огнемъ. Въ часть ночи вернулись на бивуакъ драгуны; въ 2 часа ночи — Уральцы. Тѣ и другіе привезли съ собою много побросаннаго оружія, нѣсколько значковъ и одно знамя. Драгуны потери не имѣли; Уральцы потеряли одного убитымъ и трехъ ранеными, изъ которыхъ два тяжело.

Двѣ сотни этаго полка на другой день, 4го іюля, двинулись дальше, дошли до города Енисагра и порвали тамъ телеграфную проводку.

4го іюля генераль-лейтенантъ Гурко выступилъ изъ деревни Хаинкіой по дорогѣ на Казанлыкъ съ 6½ баталіоновъ, 14½ эскадроновъ и сотенъ и 16 орудій (4я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, одна бригада Болгарскаго ополченія, гвардейскій полуэскадронъ, драгунская бригада, Уральская сотня, Кіевскій гусарскій и Донской № 21 полки, конно-піонерный и вся конная артиллерія). Въ арьергардѣ у деревни Хаинкіой оставлены были, подъ начальствомъ генераль-майора Столѣтова, — четыре баталіона, 14 горныхъ орудій и шесть сотенъ (двѣ бригады Болгарскаго ополченія, обѣ горныя лѣвшія батареи и Донской № 26 полкъ, двѣ сотни котораго, какъ сказано выше, находились 4го іюля у города Енисагры). Арьергарду приказано выступить вслѣдъ за отрядомъ 5го вечеромъ или 6го іюля утромъ.

По дорогѣ изъ Хаинкіой въ Магличъ (на половинѣ пути между деревни Хаинкіой и городомъ Казанлыкъ), шедшая во главѣ отряда сотня казаковъ была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ садовъ деревни Уфлани. Это было около 10 часовъ утра 4го іюля. Чтобы выбить непріятеля изъ его крѣпкой позиціи, пришлось развернуть всю стрѣлковую бригаду и выдвинуть на позицію всю конную артиллерію (16 орудій). Послѣ упорнаго сопротивленія, непріятель былъ выбитъ штыками и яреслѣдуемъ съ фронта стрѣлками, а съ праваго фланга драгунами и Кіевскими гусарами, заскакавшими ему въ тылъ. Въ дѣлѣ особенно отличились 13й и 15й стрѣлковые баталіоны; 15й баталіонъ взялъ знамя. Забрано много лѣвннхъ; въ числѣ ихъ казанлыкскій каймакамъ, по показанію котораго въ дѣлѣ было пять баталіоновъ анатолійскихъ войскъ, подъ командой Кулуоси-паши. Потеря непріятеля огромная; однихъ убитыхъ на полѣ сраженія до 400. Мы потеряли до 60 человекъ, въ томъ числѣ два тяжело раненые офицера. Къ вечеру генераль-лейте-

навѣтъ Гурко дошелъ до Маглича, гдѣ и расположился на ночлегъ.

Между тѣмъ, на сѣверномъ склонѣ Балкановъ происходило сѣдующее.

Генералъ-майоръ Дерожинскій, съ 36мъ пѣхотнымъ Орловскимъ полкомъ, одною батареей и четырьмя сотнями Донскаго № 30 полка, 3го іюля прибылъ въ Габрово, присоединилъ къ себѣ еще одну сотню (6ю) Донскаго № 30 полка съ двумя донскими орудіями и тотчасъ же послалъ одну сотню на подкрѣпленіе въ Сельви, гдѣ есаулъ Антоновъ, съ 3ю сотней казаковъ того же № 30 полка и съ взводомъ Владикавказско-Осетинскаго полка, со 2го іюля удерживался противъ атакъ толпы баши-бузукъ и Черкесовъ, въ числѣ около 1.500 человекъ. Сотня эта (6я), подъ командой есаула Аванасьева, прибыла въ Сельви 4го іюля, въ 6 часовъ утра, и, соединившись съ сотней Антонова, перешла въ наступленіе, прогнала Турокъ и окончательно упрочила за нами обладаніе городомъ Сельви.

Изъ числа остальныхъ четырехъ сотенъ Донскаго № 30 полка, 2я сотня (сотника Галдина) 3го іюля еще была выдвинута въ горы, дошла до перевала Бердекъ, сбила роту турецкой пѣхоты, заняла перевалъ и начала уже спускаться въ долину, какъ была встрѣчена непріятельскою пѣхотой, силой около баталіона, и принуждена отступить за перевалъ, позади котораго и остановилась въ разстояніи около одной версты, пославъ просить подкрѣпленія. Въ помощь ей были высланы, 4го іюля утромъ, 1я и 2я роты 36го пѣхотнаго Орловскаго полка подъ начальствомъ майора Бойно-Родзевича, при капитанѣ генеральнаго штаба Андріановѣ. Къ 7 часамъ вечера 4го іюля этотъ отрядъ соединился съ сотней сотника Галдина; но по причинѣ большаго утомленія людей, атака отложена до трехъ часовъ утра 5го іюля. Ко времени прибытія пѣхоты, Турки уже успѣли сильно окопаться на перевалѣ Бердекъ.

Въ то же время были сдѣланы на 5е іюля всѣ распоряженія для атаки главнаго перевала Шибка съ сѣверной стороны, въ томъ разчетѣ что отрядъ генералъ-адъютанта Гурко атакуетъ въ то же время этотъ перевалъ съ тыла.

Но генералъ-адъютанту Гурко пришлось весь день 5го іюля идти съ боемъ, такъ что онъ успѣлъ до наступленія

темноты дойти только до деревни Шибка, у подножія южнаго склона перевала того же названія.

Между тѣмъ отрядъ генераль-майора Дерожинскаго, надъ которымъ принялъ главное начальство самъ начальникъ 9й пѣхотной дивизіи генераль-адъютантъ князь Святотополь-Мирскій, — ничего не зная о препятствіяхъ встрѣченныхъ генераль-адъютантомъ Гурко — въ условленный день, 5го іюля, началъ фронтальную атаку перевала Шибка.

Въ 3 часа утра началъ атаку отрядъ майора Бойно-Родзевича, а въ 7 часовъ утра начали наступленіе всѣ три колонны назначенныя для атаки Шибки.

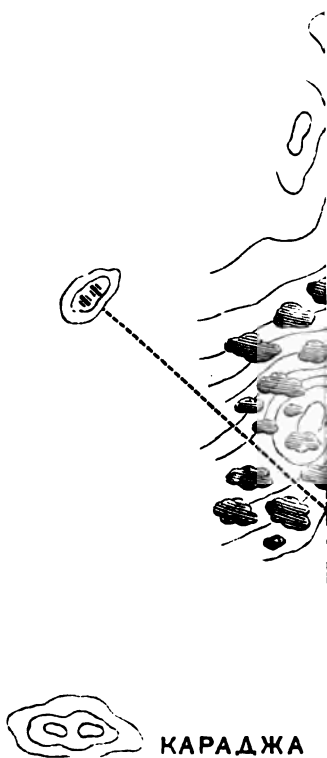
Правая колонна дошла къ 12 часамъ дня до деревни Зелено-Древо и, оставивъ тамъ на позиціи всѣ четыре орудія съ ротой въ прикрытіе, въ часъ пополудни продолжала безпрепятственно свой маршъ на перевалъ Иметлія, куда и прибыла къ 7 часамъ вечера, не встрѣтивъ непріятеля.

Средняя колонна въ 9 часовъ утра пришла къ перекрестку дорогъ: той по которой шла правая колонна и такъ-называемаго шоссе, которое есть въ сущности очень плохая горная дорога, не исправлявшаяся въ теченіе двухъ лѣтъ, вслѣдствіе особаго на то приказанія Турецкаго правительства. У перекрестка этихъ дорогъ средняя колонна остановилась на привалѣ. Здѣсь, въ 10 часовъ утра, было получено донесеніе майора Бойно-Родзевича о взятіи непріятельскаго редута на перевалѣ Бердекъ, съ просьбой прислать подкрѣпленіе. Вслѣдствіе этого туда была послана еще одна рота (4я), изъ числа двухъ которыя были оставлены при обозѣ.

Подъемъ на гору былъ чрезвычайно утомителенъ; 2я стрѣлковая рота, при которой находился начальникъ штаба 9й пѣхотной дивизіи полковникъ Эллерсъ, дошла до первой караулки въ 2 часа пополудни. Впереди этой роты шелъ съ казачьимъ разъѣздомъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, полковникъ Струковъ. Въ 2 часа 20 минутъ пополудни онъ пріѣхалъ къ полковнику Эллерсу съ извѣстіемъ что непріятель идетъ ему на встрѣчу. Полковникъ Эллерсъ тотчасъ выбралъ на высотѣ позицію для 2й стрѣлковой роты и придвинулъ 6ю и 7ю роты, расположивъ ихъ за покатостью высоты занятой 2ю стрѣлковою ротой.

Около 3хъ часовъ пополудни, генераль-адъютантъ князь

ШИЫ

Святополкъ-Мирскій, вмѣстѣ съ генералъ-майоромъ Дерожинскимъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, прибылъ на позицію, чтобы разсмотрѣть неприятельское расположеніе. Въ это время раздался залпъ. Турки открыли огонь изъ двухъярусной траншеи, блокгауза и редута. За первымъ залпомъ, сдѣланнымъ одновременно четырьмя ротами, послѣдовалъ второй залпъ, уже не выдержанный; затѣмъ началась частая перекрестная пальба изъ укрѣпленій всей первой линіи.

2я стрѣлковая рота немедленно отвѣчала; для усиленія огня были введены тотчасъ же въ дѣло 6я и 7я роты. Въ резервѣ осталась одна 12я рота, которой и приказано подойти ближе.

Перестрѣлка эта продолжалась до семи часовъ вечера и затѣмъ прекратилась. Четыре орудія, оставленные правою колонною у деревни Зелено-Древо, для содѣйствія атакѣ средней колонны, не могли исполнить этого за дальностью разстоянія (около трехъ верстъ). Обѣ стороны остались къ вечеру на своихъ позиціяхъ.

Около 3хъ часовъ пополудни въ средней колоннѣ слышенъ былъ артиллерійскій огонь въ тылу турецкихъ позицій; полагали что это атака отряда генералъ-адъютанта Гурко, но оказалось что это были турецкіе пушечные выстрѣлы по лѣвой колоннѣ капитана Клиентова.

Лѣвая колонна была проведена проводникомъ не по лѣсной, а по другой дорогѣ, по которой колонна вышла въ 2 часа дня изъ лѣсу прямо на ружейный выстрѣлъ отъ двухъ турецкихъ лагерей, близъ перевала Шибка. Только быстрота съ которою авангардъ 8й роты рассыпался въ цѣль и открылъ огонь дала возможность остальнымъ частямъ колонны вытянуться по одиночкѣ по горной тропинкѣ изъ лѣса и мало-по-малу пристроиться къ авангарду. Бой длился отъ 2 до 6 часовъ пополудни; до 4 часовъ капитанъ Клиентовъ держался, но затѣмъ, въ виду подавляющаго перевѣса въ силахъ, началъ отводить свою колонну, будучи уже раненъ тремя пулями.

Крайняя лѣвая колонна майора Бойно-Родзевича въ 3 часа утра 5го іюля подошла на разстояніе около 400 шаговъ къ турецкимъ заваламъ и безъ выстрѣла бросилась: лѣхота въ штыки, а казаки въ приклады. Послѣ часового боя Турки были опрокинуты и завалы взяты. Первыми

вскочили въ укрѣпленіе: сотникъ Галдинъ и генеральнаго штаба капитанъ Андріановъ. Всѣ вообще офицеры отряда и самъ майоръ Бойно-Родзевичъ все время были впереди и лично работали штыками, воодушевляя своимъ примѣромъ солдатъ. Почти каждый офицеръ закололъ нѣсколько Турокъ.

Такимъ образомъ, въ 5мъ часу утра, двѣ роты и сотня казаковъ взяли укрѣпленія, защищаемыя двумя баталіонами анатолійскаго редифа. Баталіоны эти, оставивъ на мѣстѣ болѣе 100 убитыхъ и забравъ раненыхъ съ собою, отошли на слѣдующую высоту, а къ вечеру 5го іюля сняли лагерь и отошли къ горѣ Св. Николая.

Но несмотря на этотъ успѣхъ, пришлось все-таки отвести всѣ колонны въ ночь съ 5го на 6е іюля назадъ, такъ какъ отступленіе колонны капитана Кліентова совершенно открывало непріятелю лѣсную дорогу, выходящую въ тылъ всѣмъ войскамъ отряда генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго. Къ тому же, всѣ резервы были уже израсходованы.

Вообще, весь 36й пѣхотный Орловскій полкъ велъ себя геройски, но, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ; убиты два офицера и 77 нижнихъ чиновъ; ранены четыре офицера и 128 нижнихъ чиновъ.

Въ то время когда шелъ бой въ Балканахъ на сѣверныхъ перевалахъ, отрядъ генераль-адъютанта Гурко сражался у Казанлыка и, разбивъ непріятеля, подошелъ къ Шибкѣ съ юга. Вотъ какъ было это дѣло.

5го іюля, рано утромъ, генераль-адъютантъ Гурко выступилъ изъ Маглича (гдѣ имѣлъ ночлегъ) тремя колоннами:

Правая, изъ полутора баталіона, должна была двинуться горами и атаковать Казанлыкъ съ сѣверо-восточной стороны.

Средняя, изъ пяти баталіоновъ при десяти орудіяхъ,—вдоль подошвы высотъ и атаковать городъ съ восточной стороны.

Лѣвая колонна, изъ всей кавалеріи (съ остальными шестью орудіями),—вдоль рѣки Тунджи, стараясь взять непріятеля въ обхватъ.

Непріятель уже ожидалъ нашъ отрядъ на позиціи, верстахъ въ восьми впереди города Казанлыка: тамъ стояли два баталіона анатолійскаго низама, часть анатолійскаго же редифа и три орудія. Кромѣ того, со стороны Шибки при-

ближалась еще пѣхотная колонна, желавшая, повидимому, занять гребень высотъ и угрожать оттуда нашему правому флангу.

Около семи часовъ утра завязался артиллерійскій бой нашей средней колонны. Пока шла канонада наша правая колонна успѣла предупредить непріятельскую колонну шедшую съ Шибки, заняла тотъ самый гребень на который эта колонна направлялась и начала обходить непріятельскую позицію. Въ то же время лѣвая (кавалерійская) колонна обошла правый флангъ непріятельской позиціи и открыла по ней артиллерійскій огонь. Непріятель отступилъ въ городъ Казанлыкъ и, не имѣя возможности отойти на Карлово, началъ отступать къ Шибкѣ, куда уже отступила вышеупомянутая колонна, пытавшаяся обойти нашъ правый флангъ.

Но такъ какъ лѣвый флангъ непріятеля былъ также обогнутъ нашею правою колонною, то уйти въ Шибку Турки не успѣли и обратились въ самое беспорядочное бѣгство. Во время этого бѣгства были взяты съ боя всѣ три пушки и болѣе четырехсотъ человѣкъ лѣвннхъ, въ томъ числѣ три офицера.

Мы потеряли убитыми три, ранеными одиннадцать человѣкъ.

Около двѣнадцати часовъ дня городъ Казанлыкъ былъ окончательно въ нашихъ рукахъ. Генералъ-адъютантъ Гурко хотѣлъ тотчасъ же идти къ деревнѣ Шибкѣ и въ тотъ же день занять перевалъ; но пѣхота была такъ утомлена палящимъ зноемъ, подъ которымъ ей приходилось сражаться и преслѣдовать непріятеля, что необходимо было дать ей отдыхъ.

Поэтому генералъ-адъютантъ Гурко двинулся къ Шибкѣ съ одною кавалеріей; пѣхота же подошла уже тогда, когда начинало смеркаться. Вслѣдствіе этого, отрядъ генералъ-адъютанта Гурко и не могъ атаковать Шибку 5го іюля, одновременно съ атакой Орловскаго пѣхотнаго полка, какъ было предположено.

Утромъ 6го іюля, генералъ-адъютантъ Гурко послалъ въ атаку на перевалъ 13й и 15й стрѣлковыя баталіоны и обѣ роты пластуновъ, уведоливъ о своемъ прибытіи и атакѣ начальника Габровскаго отряда запиской, посланной чрезъ Болгарина. Болгаринъ доставилъ эту записку по назначе-

нію, но было уже слишкомъ поздно, такъ что атака отряда генералъ-адъютанта Гурко на переваль Шибка съ юга сдѣлалась такою же изолированной какъ и атака Габровскаго отряда наканунѣ.

Оба стрѣлковые баталіона стали взбираться на кручу, по лѣсной тропинкѣ, съ восточной стороны; обѣ роты пластуновъ—съ южной. Скрытно подобравшись къ первой непріятельской позиціи, оба стрѣлковые баталіона заняли ее сразу и хотѣли продолжать наступленіе, какъ вдругъ на слѣдующей позиціи, на горѣ Св. Николая, показался бѣлый флагъ и Турки стали показывать знаками что хотятъ сдаться. Въ то же время два турецкихъ офицера, также съ бѣлыми флагами въ рукахъ, отдѣлились отъ войскъ и стали спускаться съ горы Св. Николая къ нашимъ стрѣлкамъ. Командиры обоихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ тотчасъ остановили наступленіе и приказали прекратить огонь, что и было немедленно исполнено. Изъ нашихъ рядовъ вышли на встрѣчу предполагаемымъ парламентарамъ: одинъ стрѣлковый офицеръ, прусскій военный уполномоченный майоръ Лигницъ, вольноопредѣляющійся Тихоновъ и одинъ рядовой, владѣющій турецкимъ языкомъ. Но тогда турецкіе офицеры тотчасъ же повернули назадъ; на непріятельской сторонѣ раздались какіе-то сигналы, и турецкіе баталіоны дали по нашимъ стрѣлковымъ баталіонамъ залпъ.

Послѣ такого вѣроломства наши стрѣлки тотчасъ возобновили атаку, взяли два укрѣпленія и находившійся при нихъ лагерь и подошли къ главной позиціи. Но будучи встрѣчены оттуда артиллерійскимъ и двухъяруснымъ ружейнымъ огнемъ, которымъ былъ убитъ командиръ 13го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Климантовичъ, не видя атаки Орловскаго лѣхотнаго полка, на которую разчитывали,—оба стрѣлковые баталіона и обѣ роты пластуновъ, по приказанію командира 15го стрѣлковаго баталіона, начали отступать. Отступленіе было совершено въ полномъ порядкѣ: Турки провожали насъ только артиллерійскимъ огнемъ, но сами изъ-за укрѣпленій не выходили. Во время отступленія былъ убитъ командиръ пластунскихъ сотенъ, есаулъ Баштанный. Общая потеря отряда простирается свыше 150 человекъ убитыми и ранеными, но въ точности еще не выяснена.

Къ вечеру 6го іюля весь отрядъ генералъ-адъютанта Гурко расположился слѣдующимъ образомъ:

У деревни Шибки, съ южной стороны перевала: 4я Стрѣлковая бригада, одна Болгарская дружина, Кіевскій гусарскій полкъ, вся драгунская бригада и всѣ три конныя батареи (пять баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 16 орудій).

У города Казанлыка—остальные части, то-есть остальные пять Болгарскихъ дружинъ, двѣ роты пластуновъ, Донская бригада, гвардейскій полуэскадронъ, Уральская сотня и вся горная артилерія (5½ баталіоновъ, 13½ сотенъ и 14 орудій).

6го же іюля былъ убитъ командиръ конно-піонернаго отряда полковникъ графъ Роникеръ.

Въ виду безвыходнаго положенія непріятеля, генераль-адъютантъ Гурко, еще утромъ 6го іюля, до начала атаки, послалъ письмо лашѣ съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію. Рано утромъ 7го іюля къ генераль-адъютанту Гурко явился турецкій офицеръ съ письмомъ отъ лаши, въ которомъ онъ изъявлялъ полное согласіе на предложенную капитуляцію. Тотчасъ же были написаны ея условія и перядокъ обезоруженія, началомъ котораго было назначено 12 часовъ дня 7го іюля.

Прошло 12 часовъ дня: парламентеръ не возвращался. Тогда генераль-адъютантъ Гурко началъ подовѣрять что Турки обманули его присылкой парламентера и затѣяли переговоры только для того чтобы выиграть время и уйти по горнымъ тропинкамъ безъ преслѣдованія. Такъ и вышло,

Для разъясненія того что дѣлается въ турецкомъ лагерь генераль-адъютантъ Гурко послалъ партію охотниковъ, а для поддержанія ихъ въ случаѣ повторенія вѣромства, приказалъ приготовиться одному стрѣлковому баталіону и одной Болгарской дружинѣ съ четырьмя горными орудіями. Но еще прежде чѣмъ охотники могли что-нибудь выслѣдить,—вернулись около 2хъ часовъ по-полудни нѣсколько савитаровъ съ донесеніемъ, что турецкіе лагери на перевалѣ всѣ брошены и Турокъ тамъ уже больше нѣтъ. Всѣмъ затѣмъ пріѣхалъ посланный отъ свиты Его Величества генераль-майора Скобелева съ донесеніемъ, что перевалъ уже занятъ имъ съ тремя ротами 36го пѣхотнаго Орловскаго полка и что къ вечеру туда подойдутъ еще шесть ротъ съ четырьмя орудіями. Поэтому генераль-адъютантъ Гурко приказалъ всему своему отряду, сильно утомленному, оставаться на бивуакахъ у деревки Шибки и Казанлыка и

поѣхалъ на перевалъ только со своимъ штабомъ и небольшимъ кавалерійскимъ конвоемъ. А для того чтобы по возможности переловить разбѣжавшихся по горнымъ тропинкамъ Турокъ, онъ приказалъ драгунамъ съ артиллеріей занять южные выходы изъ горныхъ тропинокъ, спускающихся къ деревнямъ Иметли и Софярлѣ (къ западу отъ Казанлыка).

Между тѣмъ, на сѣверной сторонѣ, въ Габровскомъ отрядѣ, происходило слѣдующее:

6го іюля отрядъ оставался на мѣстѣ.

7го іюля, въ 4 часа утра, были двинуты къ перевалу девять ротъ Орловскаго пѣхотнаго полка съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-майора Скобелева. Изъ этого отряда была послана въ авангардъ 2я стрѣлковая рота Орловскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ адъютанта Его Высочества Главнокомандующаго полковника Струкова, съ приказаніемъ занять опять ту же высоту, на которой происходилъ бой средней колонны 5го іюля. Но отрядъ Струкова уже не нашелъ непріятеля. Въмѣсто непріятеля имъ представилась ужасающая картина: кругомъ на горѣ и по скату валялись обезглавленные и обезображенные трулы нашихъ стрѣлковъ и пластуновъ; болѣе двадцати отрѣзанныхъ головъ лежали тутъ же въ перемежку съ неубранными турецкими убитыми. Видно было что Турки не только изувѣчили убитыхъ, но и истязали раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія. Въ послѣдствіи при уборкѣ и погребеніи тѣлъ, только два трупа найдены не обезображенными: полковника Климантовича и одного фельдфебеля того же (13го) стрѣлковаго баталіона; и то вѣроятно лишь потому что тѣла эти лежали довольно далеко отъ турецкаго лагеря и Турки не успѣли ихъ разыскать.

Въ лагерѣ на главномъ перевалѣ былъ такой безпорядокъ и такіе же явные слѣды послѣдшаго и недавняго бѣгства, какъ и въ другихъ лагеряхъ: три круловскія пушки такъ и стояли повороченными на южную сторону, какъ были во время дѣла 6го іюля; даже клинья изъ нихъ Турки не вынули. Здѣсь же найдена неоконченная передачей депеша военно-походнаго телеграфа.

Вскорѣ по прибытіи свиты Его Величества генералъ-майора Скобелева съ тремя ротами 36го пѣхотнаго Орловскаго полка на вершину горы Св. Николая, подошли туда же

уборки ране-
а, сѣверный и
итарамъ на-
ныхъ турец-
изученными

лъ генералъ-
ѣлъ оставлен-
ама по себѣ,
въ нѣсколько
по восемь ору-
дъ Турки
продовольстви-
бы сопряже-
чувствитель-
войсками въ
стожками въ
кулакъ ихъ

ла Гурко за-
улся къ сто-
гносцировки,
окруживъ ее
роты Галиц-
еревню Вубе,
удержались
расположился

ю отданному
безъ потерь
овыхъ орудій,
еями предло-
расположен-

невы, но мо-
отрядъ гене-
налъ у дерев-
о диспозицію,
около 3 ча-
ій бой; уронъ
е какъ, надо

поѣхалъ на з
шимъ кавалер
ности перел
Турокъ, онъ з
ные выходы
деревнямъ И

Между тѣмъ
рядѣ, происх
6го іюля от
7го іюля, в
вать ротъ О
діями, подъ в
майора Скобе
гардъ 2я стр
подъ начальс
дующаго по.
опять ту же
колонны 5го
пріятеля. Вм
картина: круп
ные и обезобр
новъ; болѣе
въ перемежку
было что Ту
зали ранены
стѣи при уб
лены не обез
ного фельдфе
то вѣроятно
далеко отъ т
скать.

Въ лагерѣ
и такіе же я
какъ и въ др
и стояли пов
время дѣла 6
нули. Здѣсь
военно-поход

Вскорѣ по
ора Скобелев
го полка на

посланные генераль-адъютантомъ Гурко для уборки раненыхъ санитары и такимъ образомъ оба отряда, сѣверный и южный, вошли между собою въ связь. Но санитарамъ нашимъ пришлось заботитя только объ оставленныхъ турецкихъ раненыхъ; наши же всѣ оказались уже изувѣченными и обезглавленными.

Около 6 часовъ вечера прибылъ на перевалъ генераль-адъютантъ Гурко со штабомъ и лично осматрѣлъ оставленную непріятелемъ позицію. Будучи сильна сама по себѣ, она была такъ сильно и искусно укрѣплена въ нѣсколько рядовъ и такъ вооружена (на позиціяхъ найдено восемь орудій, въ томъ числѣ три круловскихъ), что еслибы Турки были снабжены въ достаточномъ количествѣ продовольствіемъ и не упали духомъ, взятіе перевала было бы сопряжено съ величайшими жертвами. Поэтому тѣ чувствительныя потери, которыя были понесены нашими войсками въ дѣлахъ 5го и 6го іюля, можно признать ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ результатомъ который купленъ ихъ цѣною.

Одновременно съ движеніемъ отряда генерала Гурко за Балканы 9й корлусъ генерала Криднера двинулся къ сторонѣ Никополя и послѣ произведенной рекогносцировки, баронъ Криднеръ рѣшился взять крѣпость, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ. Въ виду этого, 2е іюля двѣ роты Галицкаго полка 31й пѣхотной дивизіи атаквали деревню Вубе, и несмотря на сильный артиллерійскій огонь, удержались въ ней до прибытія всего полка, который и расположился тутъ бивуакомъ.

Ночью со 2го на 3е іюля, согласно приказанію отданному въ диспозицію на 2е іюля, безъ выстрѣла и безъ потерь были вырыты пять батарей для девятифунтовыхъ орудій, наравнѣ и правѣ деревни Вубе. Этими батареями предполагалось обстрѣливать непріятельскія батареи расположенныя на высотахъ впереди Никополя.

Всѣ движенія по диспозиціи были исполнены, но мосты на Осмѣ не успѣли захватить, и отрядъ генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера ночевалъ у деревни Дебо. На 3е іюля войска получили новую диспозицію, согласно которой съ разсвѣтомъ 3го іюля около 3 часовъ, 9фунтовые батареи начали артиллерійскій бой; уронъ съ нашей стороны былъ незначителенъ, равно какъ, надо

полагать, и у Турокъ, потому что было чрезвычайно трудно демонтировать ихъ орудія, которые стояли въ углубленныхъ полевыхъ укрѣпленіяхъ.

Въ то же время командиръ 5й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ выстроилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ на высотѣ деревни Дебо, упираясь правымъ флангомъ на рѣку Осму, и началъ наступленіе по теченію рѣки, стараясь зайти своимъ лѣвымъ флангомъ такимъ образомъ чтобы выравнять его на одну высоту съ 9фунтовыми батареями и остальными войсками стоявшими у деревни Вубъ и правѣ. На лѣвомъ берегу Осмы, по продолженію Слатинскаго оврага, противъ деревни Мыслеу, были построены Турками три батареи и ложементы для стрѣлковъ обращенные фронтомъ на югъ, а сѣвернѣе ихъ и перпендикулярно къ нимъ по рѣкѣ Осмѣ былъ построенъ другой фронтъ изъ ложемента и батареи на 6 орудій для фланкированія подступовъ къ Никополю.

Въ то время когда генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ началъ наступленіе, генералъ-майоръ Ломкаревъ выслалъ взводъ казачьей № 2 конной батареи Рытуква, который можно сказать вкарабкался на позицію, смялся съ передковъ и открылъ огонь; первый же выстрѣлъ былъ настолько удаченъ что ударилъ около непріятельскаго орудія, и вслѣдъ за тѣмъ Турки покинули позицію. Перейдя къ ложементу, непріятель началъ обстрѣливать эти два орудія съ трехъ сторонъ; снаряды ложились около, но взводъ не потерпѣлъ. Тѣмъ временемъ генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ атаковалъ позицію Турокъ, придерживая Архангелогородскій полкъ (свой правый флангъ) чтобы Вологодцами зайти лѣвымъ плечомъ. Оба полка съ артиллеріей исполнили плавыя атаки. Наступленіе было на время остановлено чтобы дать людямъ отдохнуть. Въ половинѣ втораго началось уже общее наступленіе. Артиллерія, выбирая позиціи, обстрѣливала непріятельскіе завалы и дѣйствовала по орудіямъ. Изъ центра пошли Галицкій и Козловскій полки; Тамбовскій полкъ, стоявшій въ резервѣ, былъ направленъ правѣ Галицкаго. Одинъ баталіонъ Козловскаго полка, для поддержанія атаки генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднера, перешелъ съ боемъ на лѣвый берегъ Осмы; баталіонъ этотъ съ движеніемъ впередъ получилъ приказаніе присоединиться къ полку; но находя обратный переходъ похожимъ на отступленіе.

ніе съ разѣ занятой позиціи, онъ перешелъ опять-таки съ сильными боемъ рѣку по мосту, гораздо ниже перваго, у деревни Джерлусело. Трудно было нашимъ храбрымъ полкамъ: они наткнулись на рядъ укрѣпленій которыя приходилось постоянно брать штурмомъ. Турки встрѣчали ихъ чрезвычайно искусно и скрытно перебѣгая съ одной укрѣпленной позиціи на другую, и такъ себя прикрывали что видны были лишь одні красныя фески. Нашимъ приходилось наступать совершенно открыто, а потому у насъ раненые были во всѣ части тѣла, Турки же почти исключительно лишь въ головы. За то, доходя до заваловъ, перебивали и перекалывали всѣхъ. Огонь былъ жестокій; кромѣ того что у непріятеля было до 200 и свыше патроновъ на человѣка, во всѣхъ ложементахъ для стрѣлковъ были подѣланы норки въ которыхъ лежали развязанныя пачки и склады съ открытыми ящиками. За то и потери наши были велики.

На лѣвомъ флангѣ наступалъ генераль-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ. Вологодцы завладѣли четырьмя орудіями и обратили ихъ противъ отступавшихъ Турокъ, и къ вечеру 3го іюля части обоихъ полковъ ворвались въ городъ съ западной стороны, завладѣвъ предъ тѣмъ мостами на Осмѣ. Въ центрѣ наступали Козловцы, имѣя одинъ баталіонъ на лѣвомъ берегу Осмы (до его перехода на правый у деревни Джерлусело) и два баталіона, уступомъ, на правомъ берегу. Козловцамъ было особенно трудно, приходилось взбираться по крутизнамъ и подъ мѣткимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и изъ заваловъ брать грудью непріятельскій рядъ позицій.

Галицкій полкъ 6½ верстъ за своимъ командиромъ, полковникомъ Разгильдяевымъ, лѣвъ на турецкія укрѣпленія и позиціи, опрокидывая все на своемъ пути. При этомъ прапорщикъ Пальчиковъ съ десятью рядовыми взялъ крупновое дальнобойное орудіе съ лафетомъ и заряднымъ ящикомъ, которое дѣйствительностью своихъ выстрѣловъ наносило намъ большой вредъ.

Тамбовцы соперничали, правѣе, съ Галичанами и захватили лагерь; при этомъ двѣ роты ворвались въ каменный редутъ, но не будучи поддержаны резервомъ, были отброшены, причемъ человѣкъ десять раненыхъ отхваченныхъ Турками были ими изрублены въ куски и выброшены изъ

укрѣпленія. Видя это, Тамбовцы остервенились, снова ворвались въ редутъ и выбивъ Турокъ, сплошь покрыли его своими и непріятельскими тѣлами. На правомъ флангѣ наступали Пензенцы.

Во время дѣла, легко раненные, не давая себя перевязывать, просили толко воды и снова возвращались въ бой.

Къ вечеру когда солнце уже зашло и настолько смерклось что едва можно было различать окрестность, Никополь былъ окруженъ какъ бы стальнымъ кольцомъ штыковъ. Съ трехъ сторонъ еще продолжали огонь наши батареи. Во многихъ мѣстахъ городъ пылалъ. Турки засѣли въ домахъ и мечетяхъ, ихъ артиллерійскій огонь прекратился, но еще шла сильная ружейная перестрѣлка. Наступила темнота. Генералъ-лейтенантъ баронъ Кридверъ собралъ начальниковъ и отдалъ приказъ прекратить огонь и оставаться на занятыхъ мѣстахъ до разсвѣта. „Я почти увѣренъ, прибавилъ генералъ, что Никополь нашъ, а если еще нѣтъ, то съ разсвѣтомъ будетъ нашъ.“ Все стихло. Надъ городомъ мѣстами рисовался багровый свѣтъ пожара, на горизонтѣ чуть показался серебряный серпъ новаго мѣсяца. Наступила совершенная темнота. Надъ только-что смолкнувшимъ полемъ битвы слышны были одни стоны тяжело раненныхъ.

Къ войскамъ, гдѣ было возможно, подвезли артельные повозки. Съ утра все окрестное населеніе вышло на поле битвы съ водой, съ телѣгами и дѣлательно помогало санитарамъ въ уборкѣ раненныхъ до глубокой ночи.

Вотъ уже второй разъ что санитарныя роты съ полнымъ высоко-христіанскимъ самоотверженіемъ слѣдуютъ за своими частями и подъ огнемъ, не отставая ни на шагъ, даже изъ дѣлей убираютъ своихъ раненныхъ.

Раненныхъ было такъ много и на такомъ обширномъ полѣ сраженія что врачи работали безостановочно до глубокой ночи, открывая перевязочные пункты тамъ гдѣ было удобно, подъ деревомъ, у колодезь. Едва залялась заря какъ дѣятельность ихъ снова возбуждалась, опять появились ланцетники, воловыя телѣги и стали свозить раненныхъ въ общіе пункты. При этомъ было подобрано до 60 Турокъ. Замѣчательно что ночью несмотря на страшное утомленіе отъ работъ на батареяхъ въ предшествовавшую ночь и лагающій зной въ теченіе всей битвы, люди настолько подобрались

Д.

— СИЛИСТРІЯ.

что съ разсвѣтомъ вокругъ Никополя опять стояли стройные баталіоны.

Съ разсвѣтомъ генералъ-лейтенантъ баронъ Криднеръ разсылавъ стрѣлковъ съ казаками въѣхалъ со своимъ штабомъ на гласисъ противъ крѣпостныхъ воротъ. На ближайшемъ бастіонѣ торчала лалка съ бѣлымъ платкомъ. Изъ амбразуры у воротъ высунулся турецкій бимъ-баши и бросивъ свою шалку въ ровъ, сказалъ: „амавъ“, и началъ махать бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько стрѣлковъ передѣзли черезъ валъ и отворили ворота. Крѣпость сдалась безусловно. Турки разбросанные по всему Никополю стали бросать въ кучи свое оружіе. Вошла небольшая часть нашихъ войскъ. Обезоруженные Турки стали выходить мимо генералъ-лейтенанта барона Криднера изъ крѣпости. Начальникъ Никопольскаго отряда Мустафа-Гассанъ-паша, средняго роста, съ окладистой черною бородой и выразительнымъ лицомъ, подѣхалъ верхомъ къ генералу и спросилъ черезъ переводчика кому онъ сдается въ плѣнъ. „Командиру 9го корпуса генералъ-лейтенанту барону Криднеру.“ Тогда паша спросилъ какія условія предписываетъ ему генералъ. Баронъ протянулъ ему руку и сказалъ: „Уважая вашу храбрую оборону, я сохраняю вамъ и всѣмъ офицерамъ оружіе, а затѣмъ гарнизонъ сдается безусловно.“

Въ это время водрузили на крѣпостномъ валу русское знамя, увидѣвъ которое съ батарей Турнъ-Магурельскихъ отвѣтили салютомъ изъ всѣхъ орудій, а штурмовавшія войска огласили воздухъ восторженнымъ крикомъ ура.

16го іюля генералъ-адъютантъ Шамшевъ занялъ безъ боя Бабадагъ. Во всѣхъ христіанскихъ деревняхъ по пути и въ самомъ Бабадагѣ отрядъ нашъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ восторгомъ. Духовенство вышло навстрѣчу въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и пѣніемъ многолѣтія нашему Государю, при неумолкаемыхъ ура! мѣстныхъ жителей. Воззваніе Государя Императора къ Болгарамъ, прочитанное собравшемуся народу, было принято со слезами умиленія. Кромѣ христіанъ навстрѣчу генералъ-адъютанту Шамшеву вышло и мѣстное Еврейское общество, во главѣ котораго привѣтствовалъ нашего генерала раввинъ. Немедленно по прибытіи отряда въ Бабадагъ начали стекаться представители Болгарскихъ и Русскихъ обществъ изъ окрестныхъ деревень съ хлѣбомъ-солью. Черкесскія деревни, а также

черкесскіе и турецкіе дворы были все покинуты и все имущество вывезено; нѣкоторые мусульмане удалились внутрь страны еще полтора мѣсяца тому назадъ. Еще по пути въ Бабадагъ генералъ-адъютанту Шамшеву приходилось все время выслушивать горькія жалобы христіанъ на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость Черкесовъ. По прибытіи въ Бабадагъ онъ получилъ уже точное указаніе что Черкесы и башу-бузуки неистовствуютъ въ деревняхъ Кацилкой, Каранасуфъ, Сарыюртъ и Хаманджи: * убиваютъ тамъ Болгаръ, насилаютъ женщинъ и оскверняютъ православныя храмы; что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ лица. Въ виду этого генералъ-адъютантъ Шамшевъ послалъ 17го іюля утромъ полковника Измайлова съ небольшимъ отрядомъ казаковъ на поискъ. Полковникъ настигъ двѣ черкесскія шайки, числомъ около 100 человѣкъ, разбилъ ихъ и отнялъ 70 штукъ оружія, 50 лошадей и до 10.000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 37 тѣлъ, не считая тѣхъ которые погибли въ плавняхъ въ то время, когда бѣжали туда отъ спѣшнѣхъ казаковъ. Въ лѣвъ взяты семь человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ Кура-Мустафа (Турокъ) и Арабъ Аадемъ; первый свирѣлствовалъ въ краѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ, наводилъ ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ Турецкаго правительства въ качествѣ лазутчика. Послѣ помянутой стычки, которая сразу заставила всѣхъ башу-бузуковъ и Черкесовъ скрыться изъ окрестностей,—полковникъ Измайловъ вернулся въ Бабадагъ, выдавъ предварительно мѣстнымъ жителямъ христіанамъ отобранное у Черкесовъ оружіе и скотъ. Потеря наша: два раненыхъ казака, одна убитая и лять раненыхъ лошадей. Въ продолженіе времени съ 17го до 18го іюня отрядъ полковника Измайлова прошелъ 100 верстъ. Другой отрядъ, высланный изъ Бабадага на поискъ къ сторонѣ деревень Татаръ-Рымкинъ и Татаръ-Ирмивикъ, **

* Первые два селенія находятся верстахъ въ 35—40 южнѣ Бабадага, близъ берега Синяго лимана. Селенія Сарыюртъ и Хаманджи лежатъ близъ большой дороги изъ Бабадага, верстахъ въ 25—30 юго-западнѣ города.

** Пункты эти находятся близъ большой дороги изъ Бабадага въ Меджидіе и Кюстенджі, верстахъ въ 35 южнѣ Бабадага.

подъ начальствомъ полковники Слюсарева, нигдѣ Черкесовъ не нашелъ, но видѣлъ кровавые слѣды ими оставленные. На улицахъ деревни Сарыюртъ лежало 15 труповъ, страшно обезображенныхъ. Жителей не было, они все укрылись въ лѣса. Въ послѣдствіи оказалось что Черкесы свирѣлствова-ли въ деревнѣ Сарыюртъ 17го іюня, въ то самое время, когда полковникъ Измайловъ имѣлъ вышеупомянутую стычку съ двумя другими ихъ шайками. Изъ разспросовъ оказа-лось что Турки отступили къ Меджидіе и далѣе за Трая-ловъ валъ. 17го же іюня приходилъ изъ Меджидіе въ дерев-ню Кучикіой турецкій регулярный эскадронъ, но узнавъ о присутствіи нашего отряда въ деревнѣ Кацалкіой,—немед-ленно ушелъ обратно. 19го іюня въ Бабадагѣ разнесся слухъ, будто наши войска намѣрены уйти оттуда. Это произвело ужасное смятеніе: толпы народа окружали генералъ-адъю-танта Шамшева, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять городъ на жертву лютому мщенію Ту-рокъ. Затѣмъ явилось духовенство съ тою же мольбою—не покидать христіанъ, уже ограбленныхъ почти до-нага, на вѣрную мучивическую смерть. Генералъ-адъютантъ Шам-шевъ послѣдшилъ успокоить встревоженное населеніе.

О дѣйствіяхъ Руцукскаго отряда состоящаго подъ на-чальствомъ Наслѣдника Цесаревича нѣтъ еще подробныхъ офиціальныхъ данныхъ. Извѣстно только что отряду это-му удалось 5го іюля занять городъ Бѣлу и овладѣть такимъ образомъ переправой на рѣкѣ Янтрѣ и что за симъ главныя силы этого отряда направились къ Руцуку, и къ 8 іюля занята была линія рѣки Кара-Ломъ.

Такимъ образомъ къ половинѣ іюля во владѣніи нашей арміи находилась вся часть Болгаріи между Ени-Загрой и Калаферомъ на югѣ; Ени - Загрой, Тырновомъ и рѣкой Кара-Ломъ на востокѣ; Калаферомъ, Ловчей и Никололемъ на западѣ.

Кромѣ того мы владѣли къ этому времени всеѣмъ Добру-дженскимъ полуостровомъ до линіи Черноводъ, Меджидіе и Кюстенджа.

Но въ это время по смѣнѣ главнокомандующаго, Турки перешли въ наступленіе: армія Османа-пашы, занимавшая Видинъ, усилившись отрядами изъ Никша и Софіи, двину-лась къ Плевнѣ, которую и заняла 8го іюня.

По послѣднимъ извѣстіямъ, несмотря на неоднократныя атаки, Османъ-паша изъ Плевны еще не выбитъ. Наша армія перешла въ оборонительное положеніе, причемъ отрядъ генерала Гурко, занимавшій долину рѣки Тунджи, перешелъ къ переваламъ.

II. Военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи.

На Азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій послѣ дѣла подъ Зивиномъ всѣ отряды Русской арміи стянулись къ границамъ, причемъ отрядъ генерала Оклобжіо занялъ Мухавстативскую позицію, ту самую которую онъ занялъ съ боя въ началѣ компаніи; отрядъ генерала Комарова остался въ Ардаганѣ; отрядъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова снялъ осаду Карса перешелъ къ Кюрюкъ-Дара; а отрядъ генерала Тергукасова перешелъ русскую границу и сталъ у Игдыря; но на слѣдующій же день вышелъ къ осажденному гарнизону Баязида.

Остановимся нѣсколько, пользуясь извѣстіями сообщаемыми кавказскими газетами, на подробностяхъ относящихся до блокады Турками нашего гарнизона Баязидской цитадели и снятія этой блокады отрядомъ генерала Тергукасова.

Съ переходомъ Эриванскаго отряда за границу, 15го апрѣля, населеніе Курдистана все время при появленіи нашихъ войскъ смиренно являлось съ изъявленіемъ покорности, не покидало своихъ жилищъ, не угоняло стадъ, вело съ нами торговлю и имѣло свободный доступъ въ нашъ лагерь; но какъ только отрядъ удался до Зейдекиа, стали доходить тревожные слухи о поголовномъ возстаніи противъ насъ Курдовъ; слухи эти подтвердились: громадныя скопища Курдовъ присоединились къ Ванскому отряду, собиравшемуся обложить занятый нашими войсками Баязидъ. Назначенный начальникомъ отряда подполковникъ Крымскаго полка Пацевичъ, узнавъ о перемѣнѣ настроенія Курдовъ и о сборѣ ихъ въ шайки, предпринялъ изъ Баязида рекогносцировку къ сторонѣ крѣпости Ванъ, куда Курды начали стекаться, послѣ чего было узнано о дѣйствительномъ намереніи Курдовъ присоединиться къ турецкимъ регулярнымъ войскамъ, находившимся въ сборѣ около названной

крѣпости. 6го іюня войска наши, оставленныя около крѣпости Баязида, въ количествѣ: баталіона Ставропольскаго полка, двухъ ротъ Крымскаго полка, двухъ орудій 4й батареи 19й бригады и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и милиціи—должны были отступитъ въ виду большей численности непріятеля, оставить бивуакъ и войти въ крѣпость или вѣрнѣе Баязидскую цитадель, для упорной обороны. Какъ только наши войска вошли въ цитадель, непріятель немедленно обложилъ ее. Этому способствовала мѣстность прилегающая къ Баязиду: къ тремъ сторонамъ города, по срединѣ котораго расположена цитадель, примыкаютъ значительныя вершины горнаго края Кызыгъ-дагъ (6.700 футъ) перерѣзываемыя глубокими оврагами; нѣкоторыя вершины отстоятъ отъ цитадели не далѣе хорошаго ружейнаго выстрѣла; длина цитадели около 120 шаговъ, высота стѣнъ около трехъ сажень; по верху стѣнъ каменная настилка, за которою выстроены посрединѣ небольшой домъ, дворецъ паши, съ минаретомъ и мечетью; внизу, между стѣнъ, расположены разныя помѣщенія для войскъ: казармы, кухни, погреба и пр. Такую незначительную крѣпостцу конечно легко было обложить, такъ какъ подойти къ стѣнамъ цитадели не представляется ни малѣйшаго препятствія: крѣпостца стоитъ одиноко на скалѣ, обороняется бойницами или окнами продѣланными въ жилыхъ помѣщеніяхъ, по обѣ стороны, въ стѣнахъ цитадели. На другой день по занятіи нашими войсками цитадели, Турки отвели воду, проведенную туда изъ отдаленнаго родника, и потому гарнизонъ нашъ сразу сталъ терпѣть большія лишенія. Жители города Баязида, преимущественно Армяне, съ занятіемъ войсками цитадели, остались частію еще на своихъ мѣстахъ и потому была надежда чрезъ ихъ посредство добывать кое-что изъ продуктовъ, но такая надежда скоро исчезла; на другой же день по занятіи нашими войсками цитадели, турецкія войска, по преимуществу Курды и баши-бузуки, ворвались въ городъ и начали свою обычную расправу; жители въ страхѣ стали бѣжать кто куда лопало, но несчастные были догоняемы безпощадными разбойниками и убиваемы на мѣстѣ. Нѣшъ гарнизонъ, видя творившіяся безчинства въ городѣ, ничего не могъ сдѣлать по причинѣ значительнаго превосходства

въ силахъ непріятеля, нахлынувшего для избіенія беззащитныхъ христіанъ. Послѣ избіенія жителей города Баязида и отвода болѣе молодыхъ въ крѣпость Ванъ, положеніе нашего гарнизона стало еще труднѣе. Разчитывать на добычу продовольствія внѣ стѣнъ цитадели было нельзя необходимо стало сократить выдачу провіанта изъ запаса оставшагося въ наличности; поэтому стали выдавать сначала половину положеннаго, потомъ сократили до четверти и наконецъ къ концу осады людямъ отпускалось только по $\frac{1}{4}$ фунта сухарей въ день на человѣка; такъ что въ день снятія осады, 28го іюня, оставалось еще до 10 пудовъ сухарей или продовольствія почти на два дня. Для поддержанія питанія людямъ выдавалась конина: такъ какъ лошади, оставаясь безъ воды, падали весьма скоро, то было рѣшено рѣзать ихъ и выдавать мясо на порціи. Гарнизонъ цитадели съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терпѣлъ недостатокъ въ продовольствіи, но главный недостатокъ ощущался въ водѣ; добываніе ея стоило каждый разъ крови; доставать воду возможно было только выходя изъ стѣнъ цитадели, направляясь подъ выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ къ ручью отстоящему отъ цитадели въ полутораста шагахъ. Чтобы по возможности сократить убыль людей посылаемыхъ за водой добычу ея производили преимущественно по ночамъ. Въ одинъ день пошелъ сильный проливной дождь; такою благодатью гарнизонъ конечно воспользовался: всѣ набрали воды во что только было возможно, даже въ сапоги, и потомъ долгое время люди обходились набранною дождевою водой. Особенное горе и нужду терпѣли больные и раненые: томимые мучительною жаждой, они не могли утолить ея; всѣ получали воды по стакану въ сутки. Свѣжаго воздуха вокругъ цитадели не было: все ближайшее вокругъ нея пространство буквально было завалено трупами людей разновременно убитыхъ изъ числа ходившихъ за водой, лошадей лавшихъ въ цитадели и выброшенныхъ за стѣны и наконецъ трупами избитыхъ жителей города Армянъ. Зловоніе было распространено страшное; даже вода въ ручьѣ была отравлена гніющими трупами, такъ какъ они валялись около самыхъ истоковъ ручья. Вообще, когда отрядъ Тергукасова подошелъ къ цитадели 28го числа, картина была ужасная: невозможно было дышать отъ смрада; были улицы въ го-

родѣ, по которымъ надо было проходить не иначе какъ по трупамъ людей.

Турки ежедневно, въ продолженіи 23хъ суточной осады цитадели, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ четырехъ или пяти орудій по осажденнымъ; сначала начинали канонаду въ полдень, потомъ почему-то перемѣнили и открывали ее съ пяти часовъ вечера, продолжая до наступленія темноты. Снаряды ложились постоянно на поверхности цитадели, но такъ какъ калибръ орудій непріятеля весьма малъ, а каменные стѣны цитадели весьма толсты и прочны, то турецкіе снаряды не могли причинить особенно важныхъ поврежденій. Наши два полевыхъ 4хъ-фунтовыхъ орудія, находившіяся въ цитадели, по временамъ отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы, но не могли сбить турецкихъ орудій.

При занятіи нашимъ отрядомъ Баязида въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было найдено въ цитадели много турецкихъ ружей системы Снайдера и до 35.000 къ нимъ металлическихъ патроновъ; во время осады этотъ запасъ оказался весьма пригоднымъ: наши стрѣлки, въ видахъ сбереженія своихъ патроновъ, разобрали турецкія ружья и во все время осады стрѣляли изъ нихъ по непріятелю.

Во время осады, Турки неоднократно присылали нашему гарнизону записки, въ которыхъ предлагали разныя условія чтобы Русскіе сдались, уведомляли гарнизонъ о разбитіи корпуса генерала Лористъ-Мелікова, о совершенномъ уничтоженіи Эриванскаго отряда Мухтаръ-пашей, послаъ чего гарнизону ждать де помощи не откуда; предлагали въ случаѣ сдачи отвести гарнизону кварталъ въ городѣ Баязидѣ, кормить и офицерамъ выдавать положенное жалованье; въ другой запискѣ, писанной по-русски и подписанной какимъ-то Полякомъ предлагалось проводить гарнизонъ съ оружіемъ до границы и пр.; когда наконецъ гарнизону надоѣло получать записки, то былъ данъ категорическій отвѣтъ, что если еще разъ пришають подобныя недѣлости, то посланный будетъ повѣшенъ на минаретѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено что гарнизонъ сдастся лишь тогда, когда не останется ни одного человѣка въ живыхъ. Послаъ такого отвѣта, присылка писемъ прекратилась.

При входѣ гарнизона въ цитадель, было при войскахъ два пѣхотныхъ штабъ-офицера: Крымскаго полка подполковникъ Пацевичъ и Ставропольскаго майоръ Ковалевскій; оба

они лази: первый умеръ отъ полученной въ плечо тяжелой раны, а второй убитъ наповалъ при вылазкѣ изъ цитадели, еще въ началѣ осады. Жена майора Ковалевского находилась также въ Баязидѣ сестрой милосердія при подвижномъ госпиталѣ; лишившись мужа, эта женщина, въ довершеніе своего горя, еще испытала всю тяжесть 23хъ-дневной осады; она была единственная женщина въ Баязидскомъ гарнизонѣ.

27го іюня Эриванскій отрядъ поднялся на Чингильскія высоты, откуда тремя орудійными выстрѣлами извѣстилъ Баязидскій гарнизонъ о своемъ прибытіи. Въ послѣдствіи оказалось что выстрѣлы въ Баязидѣ не были слышны гарнизону; въ это время у нихъ шла оживленная перестрѣлка которую Турки сразу прекратили, увидавъ появленіе нашего отряда на Чингильскихъ высотахъ. Отрядъ отдохнувъ спустился внизъ къ селенію Карабулахъ и къ вечеру, не доходя около пяти верстъ до Баязида, расположился для ночлега бивуакомъ.

Утромъ 28го іюня войска отряда двинулись по направленію къ Баязиду; непріятеля нигдѣ не было видно; между тѣмъ по собраннымъ свѣдѣніямъ общая численность турецкихъ блокадныхъ войскъ простиралась до 13.000 человекъ при шести орудіяхъ. Подойдя ближе къ городу войска наши увидали наконецъ непріятеля, занявшаго преимущественно высоты по лѣвую сторону цитадели; всѣ высоты, господствующія надъ впереди лежащею мѣстностью, состоятъ изъ голыхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, вершины коихъ оканчиваются рядомъ острыхъ каменныхъ шпилей; за ними были видны засѣвшіе турецкіе стрѣлки. На одной изъ плоскихъ вершинъ было поставлено Турками два орудія, стрѣлавшія все время по цитадели; теперь они могли обстрѣливать отчасти наши наступающія войска. Въ центрѣ Турки заняли каменную стѣну разрушившагося укрѣпленія и вершину ближайшей острой горы, прилегающую къ нему; съ этого мѣста непріятель удобно обстрѣливалъ улицы города, цитадель и пространство лежащее отъ цитадели до ближайшей вершины, у стѣны разрушеннаго укрѣпленія. По правую сторону цитадели, мѣстность менѣе возвышенная и каменистая, но за то буквально излещена такими перестрѣлками, какія трудно себѣ представить. Движеніе нашей артиллеріи впередъ было совершенно немислимо, поэтому

наши батареи оставались на равнинахъ при началѣ города и должны были дѣйствовать снизу вверхъ по лѣхотѣ и орудіямъ непріятеля.

Рѣшено было съ нашей стороны сперва начать обходное дѣйствіе на правый флангъ непріятеля; съ этою цѣлю былъ направленъ сюда 1й баталіонъ Крымскаго полка а въ поддержку ему данъ 4й баталіонъ того же полка; остальные полтора баталіона были оставлены со стрѣлковымъ баталіономъ въ общемъ резервѣ. Три баталіона Ставропольскаго полка были направлены для дѣйствія на нашъ правомъ флангѣ, правѣ цитадели. Нѣсколько сотенъ казаковъ поставлены охранять нашъ лѣвый флангъ; остальная кавалерія съ конною полубатареей стала на правомъ флангѣ нашего боевого расположенія. Когда боевая линія подошла ближе къ Баязиду, Турки открыли пальбу изъ орудій, наша артиллерія немедленно стала отвѣчать; Турки на своемъ лѣвомъ флангѣ выставили орудіе большаго калибра и гранаты ихъ весьма мѣтко дожились вокругъ нашей батареи, но не принесли ей никакого вреда. Когда 1й баталіонъ Крымцевъ подошелъ къ правому флангу непріятеля, Турки открыли огонь изъ-за возвышенностей. Чтобы выбить ихъ оттуда, потребовалось продолжительное время для обхода ихъ лѣвымъ нашимъ флангомъ. Въ центрѣ, изъ разрушенной стѣны укрѣпленія, Турокъ также долго не могли выбить, несмотря на то что въ цѣль была послана рота стрѣлковаго баталіона, и выставлено одно орудіе для разбитія стѣны; когда же послали одно звено стрѣлковъ, для продолжнаго обстрѣливанія засѣвшихъ за стѣной и когда звено подобралось и открыло огонь, тогда Турки въ испугѣ побросали оружіе и сдались; въ то же время нашъ лѣвый флангъ успѣлъ обойти по крайнимъ вершинамъ правый флангъ непріятеля и фланговымъ огнемъ тоже отбросилъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Немедленно послѣ этого вся наша боевая линія сразу перешла въ общее наступленіе и живо отбросила Турокъ, которые послѣднее бѣжали бросая оружіе и почти не отстрѣливаясь. Намъ достались четыре орудія, съ патронными ящиками, лагерь непріятеля и 80 человекъ лѣвннхъ. При снятіи блокады съ Баязидской цитадели мы понесли уронъ: 22 человека нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ раненный. Убыль въ Баязидскомъ гарнизонѣ оказалась очень велика: изъ каждой

роты выбыло, среднимъ числомъ, болѣе 20 человекъ. Къ вечеру отрядъ собрался внизу Баязида и расположился на ночлегъ, забравъ съ собою гарнизонъ Баязида и все имущество. Утромъ 29го іюня отрядъ выступилъ и послѣдовалъ въ обратный путь въ Игдыръ. Непріятель не рѣшился преслѣдовать.

Кромѣ этого геройскаго эпизода, на Азіятскомъ театрѣ войны происходило нѣсколько отдѣльных незначительныхъ стычекъ. По послѣднимъ извѣстіямъ Кавказская армія, усиленная подкрѣпленіями, снова переходитъ въ наступленіе.

III. Военныя дѣйствія на морѣ.

Іюль мѣсяцъ ознаменовался многими событіями на морѣ, въ которыхъ наши моряки имѣли случай показать себя достойными потомками незабвенныхъ героевъ Чесмы, Наварина, Сивона, Севастополя, брига *Меркурія* и т. д.

Морская кампанія нашихъ пароходныхъ крейсеровъ началась въ послѣднихъ числахъ іюня.

Въ ней принимали участіе крейсера: *Владиміръ*, *Константинъ*, *Ливадія* и *Веста*. Суда эти совершили довольно продолжительное путешествіе поперекъ всего Чернаго Моря чуть не въ самый Босфоръ. Но на всемъ пути (около 600 миль) наши суда не встрѣтили ни одного броненосца и потому благополучно вернулись 6го іюля въ Одессу, кромѣ яхты *Ливадія*, которая пошла въ Очаковъ.

7го іюля пароходъ *Аргонавтъ* вышелъ изъ Севастополя и 8го числа, подойдя въ два часа къ Сулинѣ, нашелъ тамъ четыре турецкихъ броненосца. Подойдя на лучечный выстрѣлъ, *Аргонавтъ* открылъ огонь изъ мортиры. Снаряды дожились довольно близко отъ броненосцевъ, изъ которыхъ два, имѣющіе преимущество въ ходѣ, атаковали нашъ пароходъ и сильно прижимали его къ берегу; но послѣ четырехчасовой погоны, по неизвѣстной причинѣ, броненосцы повернули обратно, а пароходъ *Аргонавтъ*, продолжая свой курсъ, съ разсвѣтомъ 9го іюля благополучно прибылъ въ Очаковъ, откуда 10го снялся въ Николаевъ.

Въ заключеніе занесемъ на страницы нашей лѣтописи одно изъ славныхъ дѣлъ которое займетъ видное мѣсто въ

исторія Русскаго флота. 11го іюля принятый Морскимъ Министерствомъ отъ Общества Пароходства и Торговли и вооруженный въ двѣ недѣли коммерческій пароходъ *Веста* имѣлъ пятичасовой бой съ сильнымъ турецкимъ броненосцемъ и обратилъ его въ бѣгство.

Приводимъ въ подлинникахъ рапорты объ этомъ дѣлѣ генералъ-адъютанта Аркаса и командира *Весты* нынѣ капитана 2го ранга флигель-адъютанта Н. М. Баранова, въ которыхъ безъ прикрасъ рельефно выступаетъ все геройство совершеннаго подвига.

Рапортъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ управляющему Морскимъ Министерствомъ, отъ 14 іюля.

„Съ отраднымъ благоговѣйнымъ чувствомъ благодарности ко Всевышнему за спасеніе парохода *Весты* и его экипажа въ столь неравномъ бою съ непріятельскимъ сильнымъ броненосцемъ, я посылаю вашему превосходительству копію донесенія командира его, капитанъ-лейтенанта Баранова, въ которой изволите увидѣть всѣ подробности славнаго пятичасоваго боя, благоразумную во всемъ распорядительность, и подвиги отваги, неустрашимости и доблести, выказанныя въ этомъ дѣлѣ начиная отъ командира до послѣдняго юнга. Честь русскаго имени и честь нашего флага поддержаны вполне. Непріятель имѣвшій брону, сильную артиллерію и превосходство въ ходѣ, вынужденъ былъ постыдно бѣжать отъ желѣзнаго слабого парохода, вооруженнаго только бѣдиюймовыми мортирами и 9тифунтовыми орудіями, но сильнаго геройскимъ мужествомъ командира, офицеровъ и команды. Ими одержана полная побѣда, и морская исторія должна будетъ внести въ свои страницы этотъ блистательный подвигъ, поставя его наравнѣ съ подвигомъ брига *Меркурій*.

„Изъ телеграммъ посланныхъ мною вашему превосходительству вамъ уже извѣстно что я по изготовленіи парохода *Весты*, превращеннаго въ продолженіе двухъ недѣль времени изъ коммерческаго въ боевой, послалъ его предварительно въ составъ отряда къ Пендереку, причемъ имѣлъ въ виду дать возможность командиру, офицерамъ и командѣ приспособить свое боевое вооруженіе, сдѣлать разныя испытанія съ аппаратами Давыдова

и вообще ознакомиться съ судномъ и его силою. Послѣ этого онъ возвратился въ Одессу и, снабдивъ пароходъ углемъ, отправился 10го іюля, согласно моему назначенію, въ крейсерство къ румелійскому берегу.

„11го числа, въ 35 миляхъ отъ Кюстенджи, пароходъ *Веста* встрѣтилъ двухмачтовый турецкій броненосецъ. Приблизившись на разстояніе выстрѣла, онъ далъ залпъ изъ баковыхъ орудій и затѣмъ вступилъ въ бой, маневрируя все время такимъ образомъ чтобы скрывая отъ сильнаго врага свой слабый бортъ, постоянно держать его за кормой, и бить изъ своихъ трехъ кормовыхъ мортиръ и одного 9тифунтоваго наръзнаго орудія. Расчеты командира парохода, капитанъ-лейтенанта Баранова, на то что онъ будетъ имѣть преимущество хода, не оправдались. Противникъ оказался однимъ изъ самыхъ быстроходныхъ турецкихъ броненосцевъ *, и съ самаго начала боя началъ замѣтно выигрывать въ разстояніи. При этихъ условіяхъ капитанъ-лейтенанту Баранову нужно было употребить все свое искусство, для того чтобы не получить удара тараномъ, и такъ какъ стрѣльба турецкаго броненосца была при помощи особаго зеркальнаго инструмента чрезвычайно мѣтка и наносила много вреда, то онъ уже рѣшился на абордажъ, или еслибы противникъ увернулся, то хотѣлъ взорвать его своими кормовыми буксирными минами шестами. Смертельная рана минаго офицера лейтенанта Михаила Перелешина бго не позволила ему сдѣлать этотъ смѣлый маневръ. Въ послѣдствіи бой происходилъ на близкомъ разстояніи и непріятель началъ осыпать пароходъ картечью и ружейными пулями. Отвѣчая выстрѣломъ на выстрѣлъ, *Веста* потеряла двухъ артиллерійскихъ офицеровъ и мѣста ихъ тотчасъ же заняли лейтенанты Кротковъ и Рождественскій. Первый изъ нихъ получилъ 17 ранъ, а второй, вслѣдствіе удачнаго выстрѣла, былъ виновникомъ окончанія боя. Бомба луценная имъ упала въ блиндированный казематъ и долнула внутри, около амбразуры большаго орудія, повидимому повредивъ его настолько что онъ долженъ былъ прекратить огонь изъ носоваго орудія, и началъ стараться лечь къ *Вестѣ* лагомъ чтобы дѣйство-

* Можно думать что это былъ одинъ изъ броненосцевъ типа *Фетхи-Булендъ*.

вать изъ кормоваго *. Видя безуспѣшность этихъ попытокъ, онъ началъ отставать и наконецъ скрылся отъ *Весты*.

„Командиръ *Весты* капитанъ-лейтенантъ Барановъ не преслѣдовалъ его собственно потому что вдали стали показываться рангоуты непріятельскихъ судовъ и онъ не зналъ еще о серьезности полученныхъ пароходомъ поврежденій. Происшедшій во время боя пожаръ надъ кормовою крѣпостною камерой и бомбовымъ погребомъ, блиндированными мѣшками съ лескомъ, могъ бы имѣть весьма губительныя послѣдствія для судна, но самоотверженіе которое проявили старшій офицеръ лейтенантъ Перелешинъ 4й и посланные съ нимъ офицеры спасло *Весту*.

„Въ рапортѣ своемъ капитанъ-лейтенантъ Барановъ говоритъ подробно о томъ, съ какимъ геройствомъ исполняли свое дѣло всѣ офицеры и команда парохода во время боя. Всѣхъ ихъ онъ рекомендуетъ какъ достойныхъ высшей похвалы. Основываясь на его донесеніи, я считаю своимъ долгомъ ходатайствовать о награжденіи старшаго офицера лейтенанта Владиміра Перелешина 4го и лейтенанта Зиновія Рождественскаго орденами Св. Георгія 4й степени, какъ лицъ которымъ принадлежитъ честь спасенія парохода и рѣшеніе боя удачно произведеннымъ выстрѣломъ. О награжденіи же по достоинству всѣхъ остальныхъ офицеровъ и команды прошу ходатайства вашего превосходительства.

„Рапортъ этотъ вмѣстѣ съ копіей рапорта капитанъ-лейтенанта Баранова будетъ представленъ вамъ лейтенантомъ Рождественскимъ, котораго какъ участника боя посылаю курьеромъ для представленія личныхъ объясненій объ этомъ сраженіи, покрывшимъ новою славой нашъ флагъ, и котораго покорнѣйше прошу прислать обратно, какъ состоящаго при мнѣ по артиллерійской части.“

Подлинный подписалъ: генералъ-адъютантъ *Аркасъ*.

Рапортъ командира парохода „Весты“ капитанъ-лейтенанта Баранова главному командиру Черноморскаго флота и портовъ, отъ 12го іюля 1877.

„11го сего іюля находясь въ 35 миляхъ отъ Кюстенджа, имѣя курсъ WSW, въ 7½ часовъ утра, съ салюта *Весты* на S былъ усмотренъ черный дымъ.

* Лагъ—бортъ судна, лечъ лагомъ означаетъ повернуться бортомъ.

„Въ машинѣ приказано было паръ поднять до возможно большаго давленія и курсъ былъ взятъ StW, дабы можно было рассмотреть шедшее судно и, буде это былъ бы турецкій коммерческій или слабо вооруженный военный пароходъ, отрѣзать его отъ берега.

„Около 8 часовъ можно было рассмотреть, несмотря на нѣкоторую бывшую пасмурность, что встрѣченное судно былъ большой, сильный турецкій броненосецъ, который поднявъ флагъ выстрѣлилъ по пароходу *Веста* изъ орудія большаго калибра. Тогда на *Вестѣ* былъ поднятъ русскій военный флагъ и данъ залпъ изъ баковыхъ орудій *. Затѣмъ, давъ машинѣ полный ходъ, я поворотилъ и легъ на курсъ Nt0, дабы держать его въ возможности бить *Весту* поперекъ борта ** и дабы имѣть одновременно возможность бить турецкій броненосецъ изъ трехъ 6тидюймовыхъ мортиръ и одного 9тифунтоваго наръзнаго орудія, могущихъ дѣйствовать почти на корму.

„Принимая это положеніе я сильно разчитывалъ на возможность командовать ходомъ надъ противникомъ, предполагая что онъ не можетъ имѣть скорость болѣе 10 или 11 узловъ, а потому я разчитывалъ, пользуясь аппаратами автоматической стрѣльбы Давыдова, или уничтожить его навѣснымъ огнемъ или заставить сдаться.

„Я вскорѣ замѣтилъ что къ удивленію моему не мы обладаемъ скоростію хода, несмотря на то что послѣдняя была развита до 12 узловъ, а турецкій броненосецъ съ каждымъ моментомъ выигрывалъ въ разстояніи и черезъ нѣсколько времени сблизился до того что 9тифунтовое орудіе поставленное на элевацию 12кабельтоваго разстоянія стало брать далѣе чѣмъ слѣдовало.

„Подполковникъ морской артиллеріи Черновъ, съ неподражаемымъ мужествомъ дѣлавшій наблюденія за стрѣльбой и распоряжавшійся огнемъ кормовыхъ орудій, пришелъ ко мнѣ на мостикъ, гдѣ я стоялъ у штурвала, и шепотомъ доложилъ мнѣ что его роль, какъ управляющаго индикаторами аппарата Давыдова, кончается, что непріятель такъ близко

* Баковое орудіе, находящееся на передней части палубы, на бакѣ.

** Цилиндры машины гораздо выше ватеръ-линіи.

приближается къ намъ что аппараты эти хотя и дѣйствуютъ прекрасно, но болѣе помочь намъ не могутъ, такъ какъ даже въ промежутокъ полета нашего снаряда разстояніе дѣлается менѣе и менѣе. Видя что шекъ * неприятеля приближается, снаряды его осылаютъ шрапнеловою картечью ** снасти, рангоутъ, машинный люкъ и мостики, я согласился на просьбу подполковника Чернова и поручилъ ему, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Рождественскимъ, попробовать сдѣлать еще сосредоточенный залпъ. Два залпа сошлись. Снаряды турецкаго броненосца, какъ кажется по осколкамъ, 11ти и 7мидюймового калибра, ударили насъ въ корму: былъ разрушенъ калитанскій вельботъ, затѣмъ пробита верхняя палуба и одна бомба лопнула частью въ жилой, а частью на верхней палубѣ. Внизу бомба произвела пожаръ надъ самою крытой-камерой, а на верхней палубѣ разрывъ ея былъ ужасенъ: онъ залилъ палубу кровью, уничтожилъ одну изъ мортиръ и перебилъ всѣ проводники Давыдова аппарата, положилъ на мѣстѣ двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, управлявшихъ дѣйствіемъ орудій. Прапорщику Яковлеву вырвало часть горла и правое плечо, подполковникъ же Черновъ, смертельно раненый, прежде чѣмъ уласть, сказалъ: „прощайте; бейте изъ правой кормовой, она наведена“, и мертвый упалъ. Предъ самымъ этимъ залпомъ, видя безнадѣжность продолжать долго маневрированіе, заключавшееся въ томъ чтобы, скрывая бортъ, подставлять неприятелю корму и отвѣчать ему выстрѣлъ за выстрѣломъ, и замѣтивъ желаніе противника меня таранить, я рѣшилъ: приготовить кормовой шестъ съ минами, положить лѣво на бортъ, въ моментъ его залпа, и пойти прямо на него, дабы абординовать его, или еслибъ онъ отъ того увернулся, взорвать кормовыми минами. Для исполненія этого я попросилъ къ себѣ на мостики миннаго офицера лейтенанта Михаила Перелешина и поручилъ ему осмотрѣть: не перебиты ли проводники шестовыхъ минъ и изготавить шестъ. На это Перелешинъ заявилъ мнѣ что онъ и лейтенантъ

* Шекъ—надводная часть передней части судна (форштевень).

** Кромѣ шрапнеловой и обыкновенной картечи Турки стрѣляли еще какими-то снарядами начиненными англійскимъ № 11мъ дробію. До 30ти дробинъ бекасинника вынуто изъ ранъ лейтенанта Кроткова.

Жеребко-Ротмистренко просятъ разрѣшить имъ броситься на двухъ минныхъ катерахъ въ море и атаковать среди бѣла дня. Несмотря на весь рискъ связанный съ исполненіемъ подобной просьбы, я бы ее исполнилъ, но зыбь была такъ велика что паровые катера вѣроятно не выгребли бы, а потому я отказалъ. Едва Перелешинъ спустился съ мостика, какъ долнувшая вдоль палубы бомба однимъ изъ осколковъ своихъ почти оторвала ему ногу у самого паха, и въ этомъ видѣ, несомый раненый желалъ мнѣ сообщить еще нѣсколько данныхъ объ употребленіи минныхъ катеровъ.

„Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитые офицера, четыре раненые, пожаръ въ жилой палубѣ—не могли утратить лихой экипажъ вѣреннаго мнѣ судна; офицеры, начиная со старшаго и кончая молодымъ мальчикомъ, юнкеромъ Яковлевымъ, братомъ убитаго, явили себя героями; на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ офицеровъ сталъ лейтенантъ Кротковъ, и хотя въ тотъ моментъ какъ наводилъ орудіе, граната долнувшая сзади пробила его платье по крайней мѣрѣ въ сорока мѣстахъ и опалила всѣ волосы на головѣ, онъ, опаленный и съ 17ю ранами въ тѣлѣ, продолжалъ наводить мортиру которая не могла дѣйствовать аппаратами Давыдова, ибо проводники уже не существовали. Лейтенантъ же Рождественскій, занявъ мѣсто подполковника Чернова, распоряжался дѣйствіемъ другой мортиры, стоя на возвышеніи банкета индикатора Давыдова. Благодаря ему, брошенная бомба ударила непріятеля въ крышу башни и долнула внутри около амбразуры большого орудія. На палубѣ Турокъ произошло сильное замѣшательство, кѣторымъ, къ несчастью, мы вполне не могли воспользоваться, ибо осколкомъ бомбы согнуло штуртрость и руль, къ ужасу моему, пересталъ дѣйствовать: пароходъ бросило лагомъ и дало возможность Туркамъ осыпать насъ гранатами, начиненными всякою гадостью. Одна изъ гранатъ перерѣзала паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостикъ, убивъ на повалъ двухъ стрѣлковъ, взятыхъ мною къ себѣ и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей по амбразурамъ непріятельскихъ логонныхъ орудій *. Въ это же время по-

* Погонное орудіе находится на самомъ носу судна.

слѣдній артиллерійскій офицеръ Кротковъ былъ раненъ осколками въ лицо, а же легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ мой, юнкеръ Яковлевъ, тоже контуженъ въ голову; вся машина осылана осколками, но благодаря Бога блицдировка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрацами сверху машиннаго люка, спасли машину отъ лорчи. Это былъ послѣдній серьезный залпъ непріятеля. Изъ его большой логонной пушки онъ дѣйствовать болѣе не могъ; онъ все старался лечь къ намъ лагомъ, что, конечно, я ему не давалъ исполнить—и онъ замѣтно сталъ отставать, такъ что вкорѣ вмѣсто ружейныхъ лулъ перестали долетать до непріятеля и наши 9тифунтовые снаряды. Затѣмъ у него изъ палубы повалилъ густой ларъ или дымъ, и послѣ еще двухъ-трехъ нашихъ выстрѣловъ, непріятель легъ сперва на курсъ NtW, а потомъ NW и сталъ быстро уходить.

„Видя два орудія у себя подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми и четырехъ ранеными, и палубу заваленную осколками и разорванными человѣческимъ мясомъ, и что главное—видя что машинисты и кочегары едва держатся на ногахъ, послѣ пятичасоваго боя, я не рѣшился энергично преслѣдовать убѣгавшаго быстроходнаго врага. Тѣмъ болѣе что онъ подыалъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангоуты судовъ.

„Доносить о подвигахъ особенно отличившихся гг. офицеровъ я по совѣсти не могу; какъ честный человѣкъ могу сказать одно, что кромѣ меня, исполнявшаго лишь свой долгъ, остальные заслуживаютъ удивленія героизму ихъ и тому достоинству съ которымъ они показывали примѣръ мужества и необычной храбрости. Старшій офицеръ, лейтенантъ Владиміръ Перелешинъ, былъ мною посланъ тушить пожаръ въ жилой палубѣ; пробѣгая туда онъ наткнулся на носилки со страдальцемъ его братомъ; Владиміръ Перелешинъ несмотря на то что дѣлалось у него на душѣ, не останавливаясь, пробѣжалъ къ мѣсту пожара и съ помощью мичмана Петрова и гардемарина Казнакова погасилъ пожаръ надъ пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотрѣ въ Севастополѣ докторами раненыхъ, оказалось что лейтенантъ Перелешинъ контуженъ въ голову. Убиты подполковникъ Черновъ, пралорщикъ Яковлевъ

и девять человекъ нижнихъ чиновъ. Умеръ, на другой день послѣ ампутаціи, лейтенантъ Передешинъ.

„Долгъ мой заставляетъ меня уломануть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина: замѣтя что мостикъ въ осербиности осылается снарядами и что нѣкоторые изъ неприятельскихъ снарядовъ локрыли уже кровью весь мостикъ, деblindированный мною отъ коекъ, въ виду прикрышки ими машины, Голицынъ, подъ всякими предлогами, старался заслонить меня, желая лишь служить щитомъ.

„Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ все время у штурвала задомъ къ неприятелю, не отрывая глазъ отъ картушки компаса и отъ души сердясь на лопанье гранатъ, заставлявшее картушку прыгать, а во время одного изъ неприятельскихъ залповъ, не обращая вниманія на то что сзади его дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать исковерканный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ видахъ того что желѣзо ствола можетъ вредить девиации компаса, и не замѣчая что ружье это принадлежало одному изъ несчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбой на мостикъ.

„Увидя бѣгство броненосца, я велѣлъ подобрать трупы и предполагая что прибыль воды отъ пробоинъ не позволитъ разчитывать на сохраненіе порядочнаго хода, а слѣдовательно могъ ожидать повторенія атаки отъ новыхъ турецкихъ броненосцевъ, я приготовилъ судно насколько могъ къ новому бою; затѣмъ приказалъ командѣ пролѣтъ громко молитву въ благодарность Богу за побѣду, послѣ чего дружно прокричали троекратно ура! въ догонку уходившему врагу, не отвѣчавшему болѣе на наши выстрѣлы.

„Изъ нижнихъ чиновъ мнѣ также очень трудно указать наиболѣе отличившихся—отличны были всѣ. Но сколько я могъ замѣтить, болѣе другихъ выдавались боцманъ Влазовъ и два комендора, оставшіеся живыми при кормовыхъ орудіяхъ; рулевые, не обращая вниманія на происходившее вокругъ нихъ, правили рулемъ какъ бы въ обыкновенномъ плаваніи.

„Съ какимъ броненосцемъ имѣлъ я дѣло—не знаю, но онъ всего болѣе похожъ по конструкціи на типъ турецкихъ корветовъ-тарановъ; у него орудія были двояко установлены: самое большое отъ 10 до 11 дюймового калибра, впереди въ стѣрой башнѣ; вѣроятно такое же орудіе было и на кор-

мѣ; посрединѣ же судна былъ блокаузъ, изъ котораго дѣйствовали четыре орудія 7мидьюмоваго калибра, кромѣ того было нѣсколько малыхъ орудій, 4хъ или 9тифунтовыхъ. Бой турецкихъ ружей не уступалъ нашимъ, и на разстояніи 600 и 800 сажень Турки посылали намъ залпъ за залпомъ изъ ружей, оставившіе слѣды на пароходѣ. Видя безвредность огня изъ ружей я употреблялъ свои только тогда когда Турокъ нагналъ насъ такъ что между нами оставалось не болѣе 350 или 400 сажень. Въ это время я ясно видѣлъ красныя фески въ амбразурахъ орудій, одну феску на мостикѣ подѣлъ какого-то зеркальнаго инструмента, наводившагося на насъ и управлявшагося нѣсколькими лицами въ европейскомъ костюмѣ синяго цвѣта. Мнѣ сильно хотѣлось обить уломиваемый инструментъ и европейскія фуражки, и я объявилъ тремъ лучшимъ стрѣлкамъ и командиру энгстремовскаго орудія премию за исполненіе моего желанія. Залпъ ружей и орудія раздался, двѣ синія куртки упали, феска исчезла, но инструментъ остался. Остается добавить что старшій механикъ подпоручикъ Плигинскій, его помощникъ и судовой докторъ титулярный совѣтникъ Франковскій, во все время боя, а послѣдній и долгое время потомъ, каждый дѣйствовали неподражаемо хорошо. Вели себя также примѣрно дворяне Джевецкій и Мельниковъ — два юнга, переводчикъ греческо-подданный Спиропулло и вольный штурманъ Викторъ, — всѣ шесть постоупившіе на *Весту* врантерами.“

Подлинный подписалъ: капитанъ-лейтенантъ *Барановъ*.

М.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПО СМЕРТИ АННЫ КАРЕНИНОЙ

Анна Каренина. Романъ графа Л. Н. Толстаго. Часть восьмая и послѣдняя. Москва. 1877.

Объявляя что въслогъ *Анны Карениной* не появится на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, мы замѣтили что романъ съ трагическою смертью героини собственно окончился. Насколько мы были правы, теперь можетъ судить всякій имѣя предъ глазами конецъ произведенія отдѣльно изданный авторомъ и названный имъ восьмою и послѣднею частью романа. Авторъ поясняетъ что „послѣдняя часть *Анны Карениной* выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ, а не въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, потому что редакція этого журнала не пожелала печатать эту часть безъ нѣкоторыхъ исключеній на которыя авторъ не согласился“. Читателямъ, безъ сомнѣнія, мало интереса знать подробности и поводъ возникшаго несогласія между авторомъ и редакціей, и мы не намѣрены

вести бесѣду ни о тѣхъ исключеніяхъ какія намъ казались желательными, ни объ исключеніяхъ и прибавленіяхъ тѣмъ не менѣ сдѣланныхъ авторомъ. Но читателямъ слѣдившимъ за движеніемъ романа не безынтересно узнать что послѣдовало за смертью героини и во что разрѣшилось это такъ давно занимавшее ихъ произведение.

Свѣча вспыхнула и потухла. Страшный лѣтѣздъ прогрѣмѣлъ, общающее на первой страницѣ отмщеніе свершилось. Анна погибла, сложивъ голову подъ колесницу Джагер-наута нашего вѣка. Какія послѣдствія имѣло потрясающее самоубійство, въ его новомодной формѣ? Какъ отнеслись къ нему въ томъ мірѣ живыхъ лицъ, среди котораго съ такою поразительною наглядностію представленія умѣлъ держать насъ авторъ въ продолженіе своего разказа? Что почтенный Алексѣй Александровичъ, какъ принялъ онъ вѣсть о страшномъ концѣ жены? Что пережилъ въ душѣ своей предметъ роковой страсти героини, Вронской? Какое впечатлѣніе произведено въ Аркадіи Левиныхъ и въ семействѣ доброй Долли? Что сталося вообще съ лицами романа, и какую можно предполагать предъ ними перспективу? Къ сожалѣнію, обо всѣхъ этихъ интересныхъ вещахъ читатель не много узнаетъ изъ послѣдней части романа; можно сказать не узнаетъ почти ничего. Конечно не сказать вовсе уже ничего о Вронскомъ и о впечатлѣніи Анниной смерти было невозможно. Тѣмъ Вронскаго проходить предъ читателемъ, читатель слышитъ также мелькомъ что Алексѣй Александровичъ былъ на похоронахъ жены. Но вотъ и все. Не многимъ менѣ узналъ бы читатель еслибы просто было сказано что нравственно разбитый Вронской уѣзжаетъ въ Сербію, а объ Алексѣѣ Александровичѣ и вовсе не было бы ничего сказано. До послѣдней части романа можно было замѣтить что авторъ съ любовью художника относился къ каждому изъ изображаемыхъ имъ лицъ, съ удивительнымъ тщаніемъ останавливался на каждой чертѣ способной придать рельефность образу. Теперь, въ послѣдней части, онъ совсѣмъ разлюбилъ свою Анну и слышать о ней не хочетъ. Она даже не названа ни разу по имени. Весь интересъ автора не только къ героинѣ, но и къ сюжету и къ плану всего разказа, въ его главномъ замыслѣ, какъ бы исчезъ. Даже Вронскому авторъ придалъ сильную зубную боль чтобы тотъ не только говорить, но и

думать не могъ много объ Аннѣ. Въ семействѣ Левиныхъ собралось не мало народу, тутъ и Сергѣй Ивановичъ, и Катавасовъ, и старый князь, и Долли съ дѣтьми, говорятъ о многомъ, но для всей этой компаніи какъ бы и не было страшнаго эпизода, такъ поразившаго даже читателей знакомыхъ съ Анной только изъ разказовъ, а не изъ личнаго знакомства какъ эти господа. Точно апрѣльская книжка *Русскаго Вѣстника* не дошла еще въ деревню Левиныхъ.

Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ ѣдетъ въ деревню къ брату Левину. Книга ученаго славянофила не имѣла успѣха, но онъ теперь забылъ о ней думать поглощенный славянскимъ вопросомъ, котораго онъ былъ и прежде однимъ изъ дѣятельныхъ возбуждителей. Онъ работалъ весну и часть лѣта, едва успѣвая отвѣчать на всѣ обращаемыя къ нему письма и требованія. Въ июлѣ собрался поѣхать отдохнуть у брата въ деревнѣ. Съ нимъ вмѣстѣ ѣдетъ спорщикъ-естествоиспытатель Катавасовъ давно сбиравшійся къ Левинымъ.

Едва Сергѣй Ивановичъ съ Катавасовымъ успѣли подъѣхать къ особенно-оживленной нынче народомъ станціи Курской желѣзной дороги, и выйдя изъ кареты осматрѣвъ подъѣзжавшаго сзади съ вещами лакея, какъ подъѣхали и добровольцы на четырехъ извозикахъ. Дамы съ букетами встрѣтили ихъ и въ сопровожденіи хлынувшей за ними толпы вошли въ станцію.

Одна изъ дамъ, встрѣчавшихъ добровольцевъ, выходя изъ залы, обратилась къ Сергѣю Ивановичу.

— Вы тоже пріѣхали проводить? спросила она по-французски.

— Нѣтъ, я самъ ѣду, княгиня. Отдохнуть къ брату. А вы всегда провожаете? съ чуть замѣтною улыбкой сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да нельзя же! отвѣчала княгиня.—Правда что отъ насъ отправлено ужъ восемьсотъ? Мнѣ не вѣрилъ Мальвинскій.

— Больше восьмисотъ. Если считать тѣхъ которые отправлены не прямо изъ Москвы,—уже болѣе тысячи, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ну вотъ. Я и говорила, радостно подхватила дама.—И вѣдь правда что пожертвовано теперь около милліона?

— Больше, княгиня.

— А какова нынѣшняя телеграмма? Опять разбили Турокъ.

— Да, я читалъ, отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

Они говорили о послѣдней телеграммѣ, подтверждавшей то что три дня сряду Турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ и бѣжали, и что назавтра ожидалось рѣшительное сраженіе.

— Ахъ да, знаете, одинъ молодой человекъ прекрасный просился. Не знаю почему сдѣлали затрудненіе. Я хотѣла

просить васъ, я его знаю, напишите пожалуйста записку. Онъ отъ графини Лидіи Ивановны присланъ.

Разспросивъ подробности которыя знала княгиня о происшедшемъ молодомъ человѣкѣ, Сергѣй Ивановичъ, пройдя въ первый классъ, написалъ записку къ тому, отъ кого это завистаю, и передалъ княгинѣ.

— Вы знаете, графъ Вронской, извѣстный... ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ, сказала княгиня съ торжествующею и многозначительною улыбкой, когда онъ опять напелъ ее и передалъ ей записку.

— Я слышалъ что онъ ѣдетъ, но не зналъ когда. Съ этимъ поѣздомъ?

— Я видѣла его. Онъ здѣсь; одна мать провожаетъ его. Все-таки это — лучшее что онъ могъ сдѣлать.

— О да, разумѣется.

Въ то время какъ они говорили, толпа хлынула мимо нихъ къ обѣденному столу. Они тоже подвинулись и услышали громкій голосъ одного господина, который съ бокаломъ въ рукѣ говорилъ рѣчь добровольцамъ. „Послужить за вѣру, за человѣчество, за братьевъ нашихъ“, все возвышая голосъ, говорилъ господинъ. „На великое дѣло благословляетъ васъ матушка Москва. *Живіо!*“ громко и слезно заключилъ онъ.

Всѣ закричали *Живіо!* и еще новая толпа хлынула въ залу и чуть не сбита съ ногъ княгиню.

— А! княгиня, каково! сія радостною улыбкой, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ появившійся въ серединѣ толпы. — Не правда ли, славно, тепло сказалъ? Браво! И Сергѣй Ивановичъ! Вотъ вы бы сказали отъ себя такъ нѣсколько словъ, знаете, ободреніе; вы такъ это хорошо, прибавилъ онъ съ нѣжною, уважительною и осторожною улыбкой, слегка за руку подвигая Сергѣя Ивановича.

— Нѣтъ, я ѣду сейчасъ.

— Куда?

— Въ деревню, къ брату, отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Такъ вы жену мою увидите. Я писалъ ей, но вы прежде увидите; пожалуйста скажите что меня видѣли и что all right. Она пойметъ. А впрочемъ, скажите ей, будьте добры, что я назначенъ членомъ комиссіи соединеннаго... Ну, да она пойметъ! Знаете, les petites misères de la vie humaine, какъ-бы извиняясь обратился онъ къ княгинѣ. — А Мягкая-то, не Лиза, а Бибишъ, посылаетъ-таки тысячу ружей и двѣнадцать сестеръ. Я вамъ говорилъ?

— Да, я слышалъ, неохотно отвѣчалъ Козышневъ.

— А жаль что вы увѣжаете, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Завтра мы даемъ обѣдъ двумъ отъѣзжающимъ: Дюмеръ-Бартинскій изъ Петербурга и нашъ Веселовскій Гриша. Оба ѣдутъ. Веселовскій недавно женился. Вотъ молодецъ! Не правда ли, княгиня? обратился онъ къ дамѣ.

Княгиня, не отвѣчая, посмотрѣла на Козмышева. Но то, что Сергѣй Ивановичъ и княгиня какъ-будто желали отдѣлаться отъ него, насколько не смущало Степана Аркадьевича. Онъ улыбаясь смотрѣлъ то на перо шляпы княгини, то по сторонамъ, какъ-будто припоминая что-то. Увидавъ проходившую даму съ кружкой, онъ подозвалъ ее къ себѣ и положилъ пятирублевую бумажку.

— Не могу видѣть этихъ кружекъ спокойно пока у меня есть деньги, сказалъ онъ. — А какова нынѣшняя делеша? Молодцы Черногорцы!

— Что вы говорите! вскрикнулъ онъ, когда княгиня сказала ему что Вронской ѣдетъ въ этомъ лѣздѣ. На мгновеніе лицо Степана Аркадьевича выразило грусть, но черезъ минуту, когда, слегка подрагивая на каждой ногѣ и расправляя бакенбарды, онъ вошелъ въ комнату гдѣ былъ Вронской, Степанъ Аркадьевичъ уже вполнѣ забылъ свои отчаянные рыданія надъ трупомъ сестры и видѣлъ во Вронскомъ только героя и стараго пріятеля.

— Со всѣми его недостатками нельзя не отдать ему справедливости, сказала княгиня Сергѣю Ивановичу, какъ только Облонскій отошелъ отъ нихъ. — Вотъ именно вполнѣ русская, славянская натура! Только я боюсь что Вронскому будетъ непріятно его видѣть. Какъ ни говорите, меня трогаетъ судьба этого человѣка. Поговорите съ нимъ дорогой, сказала княгиня.

— Да, можетъ-быть, если придется.

— Я никогда не любилъ его. Но это выкуластъ многое. Онъ не только ѣдетъ самъ, но эскадронъ ведетъ на свой счетъ.

— Да, я слышалъ.

Послышался звонокъ. Всѣ затолпились къ дверямъ.

— Вотъ онъ! проговорила княгиня, указывая на Вронскаго въ длинномъ пальто и въ черной съ широкими полями шляпѣ, шедшаго подъ руку съ матерью. Облонскій шелъ подлѣ него, что-то оживленно говоря.

Вронской, нахмурившись, смотрѣлъ предъ собою, какъ-будто не слыша того что говоритъ Степанъ Аркадьевичъ.

Вѣроятно по указанію Облонскаго, онъ оглянулся въ ту сторону гдѣ стояли княгиня и Сергѣй Ивановичъ, и молча приподнял шляпу. Постарѣвшее и выражавшее страданіе лицо его казалось окаменѣлымъ.

Выйдя на платформу, Вронской молча, пропустивъ мать, скрылся въ отдѣленіи вагона.

На платформѣ раздалось *Боже Царя храни* потомъ крики: *ура!* и *живо!* Одинъ изъ добровольцевъ, высокій, очень молодой человѣкъ со ввалившеюся грудью, особенно замѣтно кланялся, махая надъ головой войлочною шляпой и букетомъ. За нимъ высовывались, кланяясь тоже, два офицера и пожилой человѣкъ съ большою бородой въ засаленной фуражкѣ.

Поезд тронулся. На первых станциях оvation продолжались, Катавасовъ съ любопытствомъ наблюдателя разспрашивалъ Сергѣя Ивановича о добровольцахъ и по совѣту его самъ отправился къ нимъ во второй классъ. Впечатлѣніе было далеко не въ ихъ пользу. Въ городѣ куда прибылъ поездъ, добровольцы были встрѣчены олять криками и лѣніемъ, дамы подносили букеты, явились сборщики и сборщицы съ кружками. Но „все это было гораздо слабѣе и меньше чѣмъ въ Москвѣ“.

Во время остановки въ губернскомъ городѣ, Сергѣй Ивановичъ не пошелъ въ буфетъ, а сталъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

Проходя въ первый разъ мимо отдѣленія Вронскаго, онъ замѣтилъ, что окно было задернуто. Но проходя въ другой разъ, онъ увидалъ у окна старую графиню. Она подозвала къ себѣ Кознышева.

— Вотъ яду, провожаю его до Курска, сказала она.

— Да, я слышалъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, останавливаясь у ея окна и заглядывая въ него. — Какая прекрасная черта съ его стороны! прибавилъ онъ, замѣтивъ что Вронскаго въ отдѣленіи не было.

— Да, послѣ его несчастья что жъ ему было дѣлать?

— Какое ужасное событіе! сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ахъ, что я пережила! Да заходите... Ахъ, что я пережила! повторила она, когда Сергѣй Ивановичъ вошелъ и сѣлъ съ нею рядомъ на диванъ. — Этого нельзя себѣ представить. Шесть недѣль онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, и былъ только тогда, когда я умоляла его. И ни одной минуты нельзя было оставить его одного. Мы отобрали все чѣмъ онъ могъ убить себя; мы жили въ нижнемъ этажѣ, но нельзя было ничего предвидѣть. Вѣдь вы знаете, онъ уже стрѣлялся изъ-за нея же, сказала она, и брови старушки нахмурились при этомъ воспоминаніи. — Да, она кончила, какъ и должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую.

— Не намъ судить, графиня, со вздохомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ, — но я понимаю, какъ для васъ это было тяжело.

— Ахъ, не говорите! Я жила у себя въ имѣніи, и онъ былъ у меня. Привосять записку. Онъ написалъ отвѣтъ и отослалъ. Мы ничего не знали, что она тутъ же была на станціи. Вечеромъ я только ушла къ себѣ, мнѣ моя Мери говорить, что на станціи дама бросилась подъ поездъ. Меня какъ что-то ударило! Я поняла что это была она. Первое, что я сказала: не говорить ему. Но они ужъ сказали ему. Кучеръ его тамъ былъ и все видѣлъ. Когда я прибѣжала къ его комнатѣ, онъ былъ уже не свой — страшно было

смотреть на него. Онъ ни слова не сказалъ и поскакалъ туда. Ужъ я не знаю, что тамъ было, но его привезли какъ мертвого. Я бы не узнала его. Prostration complète, говорили докторъ. Потомъ началось почти бѣшенство.

— Ахъ, что говорить! сказала графиня, махнувъ рукой.— Ужасное время! Нѣтъ, какъ ни говорите, дурная женщина. Ну что это за страсти какія-то отчаянныя! Это все что-то особенное доказать. Вотъ она и доказала. Себя погубила и двухъ прекрасныхъ людей—своего мужа и моего несчастнаго сына.

— А что ея мужъ? спросилъ Сергій Ивановичъ.

— Онъ взялъ ея дочь. Алеша въ первое время на все былъ согласенъ. Но теперь его ужасно мучаетъ, что онъ отдалъ чужому человѣку свою дочь. Но взять назадъ слово онъ не можетъ. Каренинъ прѣзжалъ на похороны. Но мы старались, чтобы онъ не встрѣтился съ Алешей. Для него, для мужа, это все-таки легче. Она развязала его. Но бѣдный сынъ мой отдался весь ей. Бросилъ все, карьеру, меня, и тутъ-то она еще не пожалѣла его, а нарочно убила его совсѣмъ. Нѣтъ, какъ ни говорите, самая смерть ея—смерть гадкой женщины безъ религіи. Прости меня Богъ, но я не могу не ненавидѣть память ея, глядя на погибель сына.

— Но теперь какъ онъ?

— Это Богъ намъ поможетъ. Это Сербская война. Я старый человѣкъ, ничего въ этомъ не понимаю, но ему Богъ это послалъ. Разумѣется мнѣ, какъ матери, страшно; и главное, говорить, *ce n'est pas très bien vu à Pétersbourg*. Но что же дѣлать! Одно это могло его поднять. Яшвинъ—его пріятель—онъ все проигралъ и собрался въ Сербію. Онъ заѣхалъ къ нему и уговорилъ его. Теперь это занимаетъ его. Вы пожалуста поговорите съ нимъ, мнѣ хочется его развлечь. Онъ такъ грустенъ. Да на бѣду еще у него зубы разболѣлись. А вамъ онъ будетъ очень радъ. Пожалуста, поговорите съ нимъ, онъ ходитъ съ этой стороны.

Сергій Ивановичъ сказалъ, что онъ очень радъ, и перешелъ на другую сторону лѣзды.

Въ косой вечерней тѣни кулей наваленныхъ на платформу, Вронской въ своемъ длинномъ пальто и надвинутой шляпѣ, съ руками въ карманахъ, ходилъ какъ звѣрь въ клеткѣ, на двадцати шагахъ быстро поворачиваясь. Сергію Ивановичу, когда онъ подходилъ, показалось что Вронской его видитъ, но притворяется не видящимъ. Сергію Ивановичу это было все равно. Онъ стоялъ выше всякихъ личныхъ счетовъ съ Вронскимъ.

Въ эту минуту Вронской въ глазахъ Сергія Ивановича былъ важный дѣятель для великаго дѣла, и Козышневъ считалъ своимъ долгомъ поощрить его и одобрить. Онъ подошелъ къ нему.

Вронской остановился, взглянулъ, узналъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу Сергію Ивановичу, крѣпко-крѣпко пожалъ его руку.

— Можетъ-быть, вы и не желали со мной видѣться, сказалъ Сергѣй Ивановичъ;—но не могу ли я вамъ быть полезнымъ?

— Ни съ кѣмъ мнѣ не можетъ быть такъ мало непріятно видѣться какъ съ вами, сказалъ Вронской. — Извините меня. Пріятнаго въ жизни мнѣ нѣтъ.

— Я понимаю, и хотѣлъ предложить вамъ свои услуги, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, вглядываясь въ очевидно страдающее лицо Вронскаго.—Не нужно ли вамъ письмо къ Ристичу, къ Милану?

— О нѣтъ, какъ будто съ трудомъ понимая, сказалъ Вронской.—Если вамъ все равно, то будемте ходить. Въ вагонахъ такая духота. Письмо? Нѣтъ, благодарю васъ; для того чтобъ умереть не нужно рекомендацій. Нешто къ Туркамъ... сказалъ онъ, улыбувшись однимъ ртомъ. Глаза продолжали имѣть сердито-страдающее выраженіе.

— Да, но вамъ можетъ быть легче вступить въ сношенія, которыя все-таки необходимы, съ человѣкомъ приготовленнымъ. Впрочемъ, какъ хотите. Я очень радъ былъ услышать о вашемъ рѣшеніи. И такъ ужъ столько наладковъ на добровольцевъ, что такой человѣкъ какъ вы поднимаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи.

— Я, какъ человѣкъ, сказалъ Вронской, — тѣмъ хороше, что жизнь для меня ничего не стоитъ. А что физической энергіи во мнѣ довольно чтобы врубиться въ каре и смять или лечь,—это я знаю. Я радъ тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мнѣ не то что не нужна, но ластыла. Кому-нибудь пригодится.

И онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе скулой отъ перерастающей, ноющей боли зуба, мѣшавшей ему даже говорить съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ онъ хотѣлъ.

— Вы возродитесь, предсказываю вамъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя себя тронутымъ.—Избавленіе своихъ братьевъ отъ ига есть цѣль достойная и смерти и жизни. Дай вамъ Богъ успѣха вѣшняго, — и внутренняго мира, прибавилъ онъ, и протянулъ руку.

Вронской крѣпко пожалъ протянутую руку Сергѣя Ивановича.

— Да, какъ орудіе, я могу годиться на что-нибудь. Но, какъ человѣкъ, я—развалина, съ разстановкой проговорилъ онъ.

Щемящая боль крѣпкаго зуба наполнявшая слюной его ротъ мѣшала ему говорить. Онъ замолкъ, вглядываясь въ колеса медленно и гладко подкатывавшагося по рельсамъ тендера.

И вдругъ, совершенно другая, не боль, а общая мучительная внутренняя неловкость заставила его забыть на мгновеніе боль зуба. При взглядѣ на тендеръ и на рельсы, подъ вліяніемъ разговора съ знакомымъ, съ которымъ онъ не встрѣчался послѣ своего несчастія, ему вдругъ вспло-

мвилась она, то-есть то что оставалось еще отъ нея, когда онъ какъ сумасшедшій вбѣжалъ въ казарму желѣзнодорожной станціи: на столѣ казармы, безстыдно растянутое посреди чужихъ окровавленное тѣло, еще полное недавней жизни; закинутая назадъ удѣвлявшая голова со своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на вискахъ и на прелестномъ лицѣ, съ полукрытымъ румянымъ ртомъ, застывавшее странное, жалкое въ губкахъ и ужасное въ остановившихся незакрытыхъ глазахъ выраженіе, какъ бы словами выговаривавшее то страшное слово, о томъ что онъ раскается, которое она во время ссоры сказала ему.

И онъ старался вспомнить ее такою какою она была тогда, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее тоже на станціи, таинственною, прелестною, любящею, ищущею и дающею счастье, а не жестоко-мстительною, какою она вспоминалась ему въ послѣднюю минуту. Онъ старался вспоминать лучшія минуты съ нею; но эти минуты были навсегда отравлены. Онъ помнилъ ее только торжествующую, свершившуюся (*sic*) угрозу никому не нужнаго, но неизгладимаго раскаянія. Онъ пересталъ чувствовать боль зуба, и рыданія искривили его лицо.

Пройдя молча два раза подлѣ кулей и овладѣвъ собой, онъ спокойно обратился къ Сергѣю Ивановичу.

— Вы не имѣли телеграммы послѣ вчерашней? Да, разбиты въ третій разъ, но на завтра ожидается рѣшительное сраженіе.

И поговоривъ еще о провозглашеніи королевѣ Милана и объ огромныхъ послѣдствіяхъ которыя это можетъ имѣть, они разошлись по своимъ вагонамъ послѣ втораго звонка.

Здѣсь мы и авторъ окончательно прощаемся съ Бронскимъ и съ романомъ. Разказъ, правда, еще дается, но самая память о бѣдной Аннѣ исчезаетъ.

Авторъ заинтересовался славянскимъ вопросомъ, и созданныя имъ лица правятъ тризну по героинѣ романа разсужденіями на эту тему.

Старый оригиналъ князь, отецъ Кити и Долли, спрашиваетъ, обращаясь къ Сергѣю Ивановичу: „Куда ѣдутъ всѣ эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?“ — „Съ Турками“, не безъ основанія отвѣчаетъ Сергѣй Ивановичъ. „Да кто же объявилъ войну Туркамъ, Иванъ Ивановичъ Рогозовъ и графиня Ладія Ивановна съ мадамъ Шталь?“ допрашиваетъ князь. „Никто не объявлялъ войны“, съ тою же основательностію замѣчаетъ Сергѣй Ивановичъ. Левинъ, хотя послѣ обращенія и давшій себѣ зарокъ не спорить, не выдержавъ вступаетъ въ пренія.

— Но князь говорить не о помощи, сказалъ Левинъ, заступаясь за теста, — а о войнѣ. Князь говорить что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

— Костя, смотри, это пчела! Право, насъ искусають, сказала Долли, отмахиваясь отъ осы.

— Да это и не пчела, это оса, сказалъ Левинъ.

— Ну-съ, ну-съ, какая ваша теорія? сказалъ съ улыбкой Катавасовъ Левину, очевидно вызывая его на споръ. — Почему частные люди не имѣють права?

— Да моя теорія та: война, съ одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говоря уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбежно. Съ другой стороны, и по наукѣ, и по здравому смыслу, въ государственныхъ дѣлахъ, въ особенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергій Ивановичъ и Катавасовъ заговорили вмѣстѣ. Катавасовъ лустился въ теорію народной воли, Сергій Ивановичъ въ указанія что движеніе добровольцевъ простое проявленіе состраданія къ ближнему и слѣдствіе общенароднаго сочувствія. Князь просилъ пояснить ему почему всѣ Русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ Славянъ, а онъ къ нимъ никакой любви не чувствуетъ и, поддержанный Левинымъ, утверждаетъ что народъ ничего и знать не знаетъ. Красивый старикъ-пчельникъ неподвижно стоитъ „держа чашку съ медомъ, ласково и спокойно, съ высоты своего роста глядя на господъ, очевидно ничего не понимая и не желая понимать.“

— Да вотъ, спросите у него. Онъ ничего не знаетъ и не думаетъ, сказалъ Левинъ. — Ты слышалъ Михайлычъ о войнѣ? обратился онъ къ нему. — Вотъ что въ церкви читали? Ты что же думаешь? Надо намъ воевать за христіанъ?

— Что жъ намъ думать? Александръ Николаевичъ Императоръ насъ обдумалъ, онъ насъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй. Хлѣбушка не принесть ли еще? Парнишкѣ еще дать — обратился онъ къ Дарьѣ Александровнѣ, указывая на Гришу, который дождавъ корку.

Къ сожалѣнію, благоразумное замѣчаніе Михайлыча послужило только къ утвержденію Левина въ его теоріи, не было оцѣнено даже и почтеннымъ Сергѣемъ Ивановичемъ, который вмѣсто длинныхъ опроверженій могъ бы также

просто указать что движеніе, происходившее на глазахъ правительства, не могло произойти вопреки его воли. Едва ли бы впрочемъ и этотъ аргументъ подѣйствовалъ на Левина, почему-то раздраженнаго на невольныхъ добровольцевъ. Тщетно указываетъ ему Сергій Ивановичъ какъ сотни и сотни людей бросаютъ все, „приносятъ свои гроши или сами идутъ и прямо говорятъ зачѣмъ.“ Что же это значить? спрашиваетъ Сергій Ивановичъ.

— Значить по моему, сказалъ начинавшій горячиться Левинъ,—что въ восьмидесятимилліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы—въ шайку Пугачева, въ Хиву, въ Сербію....

Вотъ какъ!

Теорія Левина произвела, повидимому, сильное впечатлѣніе на автора, такъ что онъ посвящаетъ развитію ея еще страницу, хотя самъ Левинъ досадовалъ что втянулся въ споръ и думалъ: „Нѣтъ, мнѣ нельзя спорить съ ними, на нихъ непроницаемая броня, а я голый.“

Онъ (т.-е. Левинъ по словамъ автора) уже видѣлъ, что брата и Катавасова убѣдить нельзя, и еще менѣе видѣлъ возможности самому согласиться съ ними. То что они проповѣдывали, была та самая гордость ума которая чуть не погубила его. Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ чтобы десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того что имъ рассказали сотни приходившихъ въ столицы краснабеевъ добровольцевъ, говорить что они съ газетами выражаютъ волю и мысль народа, и такую мысль которая выражается въ мщеніи и убійствѣ. Онъ не могъ согласиться съ этимъ, потому что и не видѣлъ выраженія этихъ мыслей въ народѣ, въ средѣ котораго онъ жилъ, и не находилъ этихъ мыслей въ себѣ (а онъ не могъ себя ничѣмъ другимъ считать, какъ однимъ изъ людей составляющихъ Русскій народъ), а главное потому, что онъ вмѣстѣ съ народомъ не зналъ, не могъ знать того въ чемъ состоитъ общее благо; но твердо зналъ что достиженіе этого общаго блага возможно только при строгомъ исполненіи того закона добра, который открытъ каждому человеку, и потому не могъ желать войны и проповѣдывать для какихъ бы то ни было общихъ цѣлей. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ Михайлычемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи Баряговъ: „Княжите и владѣйте нами. Мы радость общаемъ полную покорность. Весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя; но не мы судимъ и

рѣшаемъ. "А теперь народъ, по словамъ Сергѣя Ивановича, отрекался отъ этого, куплезнаго такою дорогою цѣной, права...

Сербскій вопросъ и добровольцы только раздражали Левина, но философскія сомнѣнія терзали его въ такой мѣрѣ что онъ, счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, былъ въскольکو разъ близокъ къ самоубійству, пряталъ пистолетъ чтобы не повѣситься и боялся ходить съ ружьемъ чтобы не застрѣлиться. Счастливое обращеніе произошло вдругъ подъ озареніемъ разговора съ подавальщикомъ Федоромъ.

Подавальщикъ былъ изъ дальней деревни, изъ той, въ которой Левинъ прежде отдавалъ землю на артельномъ началѣ. Теперь она была отдана дворнику въ наймы.

Левинъ разговорился съ подавальщикомъ Федоромъ объ этой землѣ и спросилъ, не возьметъ ли землю на будущій годъ Платонъ, богатый и хорошій мужикъ той же деревни.

— Цѣна дорога, Платону не выручить, Константинъ Дмитріичъ, отвѣчалъ мужикъ, выбирая колосья изъ лотной лазухи.

— Да какъ же Кирилловъ выручаетъ?

— Митюхъ (такъ презрительно назвалъ мужикъ дворника), Константинъ Дмитріичъ, какъ не выручитъ! Этотъ нажметъ, да свое выберетъ. Онъ хрестьянина не пожалѣетъ, а дядя Фоканычъ (такъ онъ звалъ старика Платона) развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спустить. Анъ и не доберетъ. Тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значить—люди разные; одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набиваетъ, — а Фоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ. Бога помнитъ.

— Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ? почти вскрикнулъ Левинъ.

— Извѣстно какъ, по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка....

— Да, да, прощай! проговорилъ Левинъ, задыхаясь отъ волненія, и, повернувшись, взявъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ дому. При словахъ мужика о томъ что Фоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по Божью, неясныя, но значительныя мысли, толпой какъ-будто вырвались откуда-то изъ-заперти и, всѣ стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ....

....Слова сказанныя мужикомъ произвели въ его душѣ дѣйствіе электрической искры, вдругъ преобразившей и слагившей въ одно цѣлый рой разрозненныхъ, безсильныхъ отдѣльныхъ мыслей, никогда не перестававшихъ занимать его.

Обращеніе подало Левину поводъ ко многимъ страницамъ размышленій о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ, размышленій не всегда впрочемъ ясныхъ, а по части астрономіи и не совсемъ точныхъ.

Развѣ я не знаю что звѣзды не ходятъ? спросилъ онъ себя, глядя на измѣнившую уже свое положеніе къ высшей вѣткѣ березы яркую планету. Но я, глядя на движеніе звѣздъ, не могу представлять себѣ вращеніе земли, и я правъ говоря что звѣзды ходятъ.

И развѣ астрономы могли бы понять и вычислить что-нибудь еслибы они принимали въ расчетъ всѣ сложныя разнообразныя движенія земли? Всѣ удивительныя заключенія ихъ о разстояніяхъ, вѣсѣ, движеніяхъ и возмущеніяхъ небесныхъ тѣлъ, основаны только на видимомъ движеніи свѣтила вокругъ неподвижной земли, на томъ самомъ движеніи которое теперь предо мной и которое было такимъ для миллионовъ людей въ продолженіи вѣковъ и было и будетъ всегда одинаково, и всегда можетъ быть подтверждено.

Мечтатель забылъ что удивительныя заключенія о разстояніяхъ, вѣсѣ, движеніяхъ и возмущеніяхъ небесныхъ тѣлъ астрономы вывели именно принимая въ расчетъ, по его выраженію, „всѣ сложныя разнообразныя движенія земли“.

Милая Китти, вся поглощенная ребенкомъ и домашними заботами, не давала впрочемъ большой цѣны философскимъ страданіямъ мужа и конечно лучше самого автора знала что добрыйшій Костя просто дуришь. Даже въ то время когда тотъ пряталъ шнурокъ и не бралъ ружья Китти всегда „съ улыбкой думала о невѣріи мужа и говорила сама себѣ что „онъ смѣшной“. Авторъ вводитъ насъ въ кругъ ея наивныхъ, но въ настоящемъ случаѣ весьма здравыхъ мыслей.

„Для чего онъ цѣлый годъ все читаетъ философіи какія-то?“ думала она. „Если это все написано въ этихъ книгахъ, то онъ можетъ понять ихъ. Если же неправда тамъ, то зачѣмъ ихъ читать? Онъ самъ говоритъ что желалъ бы вѣрить. Такъ отчего жъ онъ не вѣритъ? Вѣрно отъ того что много думаетъ. А много думаетъ отъ удивленія. Все одинъ, одинъ. Съ ними нельзя ему всего говорить. Я думаю, гости эти будутъ пріятны ему, особенно Катавасовъ. Онъ любитъ разсуждать съ ними“, подумала она, и тотчасъ же перенеслась мыслью къ тому гдѣ удобнѣе положить спать Катавасова, отдѣльно или вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ. И тутъ ей вдругъ пришла мысль, заставившая ее вздрогнуть отъ волненія и даже встревожить Митю, который за это строго взглянулъ на нее. „Прачка, кажется, не привосила еще бѣлая, а для гостей постельное бѣлье все въ расходѣ.

Если не распорядиться, то Агаея Михайловна подастъ Сергѣю Ивановичу отеленное бѣлье“, и, при одной мысли объ этомъ кровь бродилась въ лицо Китти.

„Да, я распорядюсь“, рѣшила она, и возвращаясь къ прежнимъ мыслямъ, вспомнила, что что-то важное душевное было не додумано еще, и она стала вспоминать что. „Да, Костя невѣрующій“, опять съ улыбкой вспомнила она.

Добрая Китти не знаетъ что „невѣрующій Костя“ увѣровалъ. Такъ она и не узнала этого до конца. Онъ не рѣшается сказать ей свою тайну даже на послѣдней страницѣ вскорѣ послѣ общей семейной радости по случаю что Митя началъ признавать своихъ.

— А, ты не ушелъ? сказалъ вдругъ голосъ Кити, шедшей тѣмъ же путемъ въ гостиную.

— Что ты ничѣмъ не разстроены? сказала она, внимательно воглядываясь при свѣтѣ звѣздъ въ его лицо.

Но она все-таки не рассмотрѣла бы его лица, еслибъ опять молнія, скрывшая звѣзды, не освѣтила его. При свѣтѣ молніи она рассмотрѣла все его лицо, и увидавъ что онъ спокоенъ и радостенъ, улыбнулась ему.

„Она понимаетъ, думалъ онъ, она знаетъ, о чемъ я думаю. Сказать ей, или нѣтъ? Да, я скажу ей.“ Но въ ту минуту какъ онъ хотѣлъ начать говорить, она заговорила тоже.

— Вотъ что, Костя! Сдѣлай одолженіе, сказала она,—поди въ угловую и посмотри какъ Сергѣю Ивановичу все устроили. Мнѣ неловко. Поставили ли новый умывальникъ.

— Хорошо, я пойду непременно, сказалъ Левинъ, вставая и цѣлуя ее.

„Нѣтъ, не надо говорить, подумалъ онъ, когда она прошла впередъ его. Это тайна для меня одного важная, важная и невыразимая словами. Это новое чувство не измѣнило меня, не осчастливило, не просвѣтило вдругъ, какъ я мечталъ,—такъ же какъ и чувство къ сыну. Никакого сюрприза тоже не было. А вѣра—не вѣра—я не знаю что это такое, но чувство это также незамѣтно вошло страданіями и твердо засѣло въ душѣ. Такъ же буду сердиться на Ивана кучера, такъ же буду спорить, буду не кстати высказывать свои мысли, такъ же будетъ стѣна между святой-святыхъ моей души и другими, даже женой моей, такъ же буду обвинять ее за свой страхъ и раскаиваться въ этомъ, такъ же буду не понимать разумомъ, зачѣмъ я молюсь, и буду молиться,—но жизнь моя, теперь вся моя жизнь, каждая минута ея, не только не бессмысленна, какъ была прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра, который я властенъ вложить въ нее!“

Такъ разсуждаетъ увѣровавшій Костя, и этимъ кончается эпилогъ или „восьмая и послѣдняя“ часть романа. Въ чемъ состоитъ внезапное озареніе случившееся съ Левинымъ, это остается неизвѣстнымъ для читателей какъ осталось неизвѣстнымъ для жены Левина, какъ осталось неизвѣстнымъ для самого Левина. Хуже всего то что онъ грозитъ и впредь остаться такимъ же несноснымъ спорщикомъ какимъ былъ въ своемъ невѣріи. А даръ молитвы который онъ обрѣлъ въ себѣ? Но это не новость: Костя и прежде, до разговора своего съ подавальщикомъ Федоромъ, когда приходилось туго, молился очень усердно. А между тѣмъ для читателей нѣтъ никакихъ обезпеченій что вѣра его будетъ серьезнѣе чѣмъ было его безвѣріе. Во всякомъ случаѣ просвѣтленіе Кости явилось случайно, не обусловлено ходомъ дѣла и не имѣетъ ни внутренней, ни внѣшней связи съ судьбою главной героини.

Вотъ и все содержаніе заключительныхъ главъ, не попавшихъ въ *Русскій Вѣстникъ*.

Не лучше ли оборвать музыку диссонансомъ чѣмъ оканчивать придѣланными мотивами, не имѣющими связи съ темой?

Романъ остался безъ конца и при „восьмой и послѣдней“ части. Идея дѣла не выработалась. Для чего, всякій можетъ спросить, такъ широко, такъ ярко, съ такими подробностями, выведена предъ читателями судьба злополучной женщины, именемъ которой романъ названъ? Судьба эта остается мастерски разказаннымъ случаемъ очень обыкновеннаго свойства, и послужила только нитью на которую накинаны прекрасные характеристики и эпизоды. Но если произведеніе не доработалось, если естественнаго разрѣшенія не явилось, то лучше кажется было прервать романъ на смерти героини чѣмъ заключить его толками о добровольцахъ, которые ничѣмъ не повинны въ событіяхъ романа. Текла плавно широкая рѣка, но въ море не влила, а потерялась въ пескахъ. Лучше было заранѣе сойти на берегъ чѣмъ выплыть на отмель.

**ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА**

ПРОДАЕТСЯ

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ
Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и из-
данный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (мифологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Нелота, Ливія, Виргилія, Горация и Овидія.

Полный Словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря въ конторѣ типографіи и у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Кромѣ того въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ бесплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпляровъ бесплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соответственное число оплаченных экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать — по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпущаемый экземпляръ Полнаго Лексикона за пять фунтовъ. Такъ, напри- мѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Гг. иногородные со своими требованіями могутъ обращаться: въ Москву, въ контору Университетской Типографіи (М. Катковъ), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

— Да, Нелль, отвѣчалъ Джемсъ Старръ.—Взгляни какъ эта вершина гордо выдѣляется среди кулы дубовъ, березъ и лиственницы, которыми усыяна нижняя полоса горы. Съ вершины ея можно увидѣть двѣ трети нашей Старой Каледоніи. Вотъ здѣсь эта восточная часть озера служила обычнымъ мѣстопребываніемъ клану Макъ-Грегоровъ. Недалеко отсюда находятся уединенныя ущелья, гдѣ неоднократно проливали кровь Якобиты и Гаяноверцы. Тамъ чудныя ночи освѣщаются этою блѣдною луной, получившею въ старыхъ преданіяхъ названіе *фонаря Макъ-Ферлана*. Тамъ до сихъ поръ повторяются гордымъ эхо безсмертныя имена Робъ-Роя и Макъ-Грегора Кампбелла!

Бенъ-Ломондъ, послѣдняя вершина цѣли Грампианъ, по истинѣ достоинъ былъ кисти великаго шотландскаго художника-романиста. Какъ справедливо замѣтилъ Джемсъ Старръ, существуютъ болѣе высокія горы, главы которыхъ увѣнчаны вѣчными снѣгами, но врядъ-ли существуетъ въ цѣломъ мірѣ болѣе поэтической уголокъ земли.

— И, прибавилъ онъ,—какъ подумаешь что Бенъ-Ломондъ составляетъ собственность герцога Монроза! Его свѣтлость владѣетъ этою горой также спокойно какъ лондонскій житель зеленою лужайкой въ своемъ палисадникѣ.

Тѣмъ временемъ *Sinclair* причалилъ къ селенію Тарбету, лежащему на противоположномъ берегу озера, гдѣ вышли на берегъ путешественники отправлявшіеся въ Инверрари. Съ этой стороны Бенъ-Ломондъ являлся во всей красотѣ своей: бока его изборозжденные потоками сверкали какъ пластинки расплавленнаго серебра. По мѣрѣ того какъ *Sinclair* пробирался у подножія горы, мѣстность становилась все болѣе и болѣе пустынною. Кое-гдѣ только видѣлись удивенныя деревья, между прочимъ ивы, гибкіе прутья которыхъ употреблялись нѣкогда вмѣсто веревокъ чтобы вѣшать людей низкаго происхожденія.

— Для того чтобы не тратить напрасно леньки, замѣтилъ Джемсъ Старръ.

Къ сѣверу озеро суживалось и принимало болѣе удлиненную форму; боковыя горы сжимали его тѣснѣе. Пароходъ обогнулъ еще нѣсколько островковъ, Инвергласъ, Эйладъ-Гу, гдѣ видны еще были остатки крѣпости принадлежавшей Макъ-Ферланамъ. Наконецъ оба берега слились, и *Sinclair* остановился у станціи Инверледъ.

Пока готовили завтракъ, Нелль и ея спутники пошли посмотрѣть на потокъ который падаетъ съ довольно значительной высоты въ озеро, близъ того мѣста гдѣ находится пристань. Онъ какъ будто созданъ былъ природою для вящаго удовольствія туристовъ. Надъ kloкочащими водами его перекинутъ былъ дрожащій мостъ, постоянно окруженный водною пылью. Отсюда взоръ могъ обнять большую часть Ломонда, и *Sinclair* казался не болѣе какъ точкой на его поверхности.

Послѣ завтрака рѣшено было отправиться на озеро Катрайнъ. Въ распоряженіе путешественниковъ предоставлены были кареты съ гербами фамиліи Бридельбоновъ,—члены этой фамиліи снабжали нѣкогда бѣглеца Робъ-Роя дровами и водой,—и эти экипажи отличались настоящимъ англійскимъ комфортомъ, характеризующимъ всѣ англійскія произведенія этого рода.

Гарри, согласно современной модѣ, усадилъ Нелль на империалъ; прочіе размѣстились рядомъ съ нею. Величественный кучеръ въ красной ливреѣ взялъ въ лѣвую руку вожжи, и запряженная четверней карета начала подниматься по горному склону, держась извилистаго русла потока. Дорога шла круто вверхъ, и по мѣрѣ того какъ она поднималась, окрестныя вершины какъ будто принимали другую форму. Гордо воздымалась вся цѣль на противоположномъ берегу озера и вершины Аррокгара господствовавшія надъ долиной Инвергласа. Надъ живо рисовался Бенъ-Ломонъ съ его крутымъ сѣвернымъ склономъ.

Лежащая между озерами Ломондомъ и Катрайнкомъ страна представляла пустынный видъ. Узкіе дефиле вели къ долинѣ Аберфойля,—названіе это пробудило въ молодой дѣвушкѣ горестное воспоминаніе о тѣхъ ужасающихъ безднахъ гдѣ протекло ея дѣтство. Джемсъ Старръ послѣдилъ развлечъ ее своими разказами.

А разказывать было о чемъ,—вѣдь на берегахъ маленькаго Ардскаго озера совершились главнѣйшія событія изъ жизни Робъ-Роя. Тамъ высились мрачныя горы известковой формаціи съ примѣсью кремнезема, превратившейся дѣйствіемъ времени и атмосферныхъ явленій въ твердый цементъ. Бѣдные шалаши, наломившіе собою звѣриные берлоги, видѣлись тамъ и сямъ среди развалив-

шихся овчарень. Трудно было сказать, были ли они обитаемы человеческими существами или дикими звѣрями; въсколько сурковъ съ полинявшею отъ измѣнчивости климата шерстью удивленными глазами слѣдили за проѣзжавшими мимо каретами.

— Вотъ эта мѣстность, сказалъ Джемсъ Старръ,—и можетъ по справедливости назваться страной Робъ-Роя. Здѣсь захваченъ былъ милиціей графства Ленокса славный судья, Николь Джерви, достойный сынъ своего отца діакона. На этомъ самомъ мѣстѣ онъ ловись зацѣпившись своими штанами, которыя, къ счастью, сшиты были изъ прочнаго шотландскаго сукна, а не изъ легкаго французскаго камлота! Недалеко отъ источниковъ Форта до сихъ поръ существуетъ еще бродъ черезъ который переходилъ нашъ герой, чтобы спастись отъ преслѣдованія солдатъ гарцога Монроза. О, еслибъ ему извѣстны были мрачные закоулки нашихъ копей, то онъ могъ бы укрыться тамъ отъ всяческаго преслѣдованія. Видите ли, друзья мои, нельзя сдѣлать ни одного шага по этой чудесной странѣ чтобы не встрѣтиться съ воспоминаніями прошедшаго, вдохновлявшими Вальтеръ-Скотта, когда онъ изложилъ въ великолѣпныхъ стихахъ призывъ къ оружію клана Макъ-Грегоровъ.

— Все это прекрасно, Мистеръ Старръ, возразилъ Джекъ Райанъ,—но если правда что Николь Джерви ловись на своихъ штанахъ, то что же значить наша пословица: *хитеръ будетъ тотъ кто откинетъ штаны у Шотландца?*

— Ты правъ, Джекъ, отвѣчалъ смѣясь Джемсъ Старръ,—и это значить только, что въ тотъ день нашъ судья былъ одѣтъ не по старинной модѣ своихъ предковъ.

Карета, взобравшись по крутому берегу потока, спустилась въ долину гдѣ не было ни деревьевъ, ни воды и только виднѣлся скудный верескъ. Мѣстами попадались тамъ сложенные въ кучу въ формѣ пирамидъ камни.

— Это керны, сказалъ Джемсъ Старръ.—Всякій проходъ долженъ былъ класть на этомъ мѣстѣ камень въ память героя похороненнаго въ этой могилѣ. Отсюда и взялась поговорка: *Горе тому кто пройдетъ мимо керны не положивъ на нее камня послѣдняго привѣтствія.* Еслибы сыновья держались завета отцовъ, то эти кучи камней представляли бы теперь цѣлые холмы. Всѣ картины этой

страны способствуютъ развитію въ душѣ горцевъ врожденнаго поэтическаго чувства. То же самое можно сказать и обо всѣхъ прочихъ жителяхъ гористыхъ странъ. Воображеніе ихъ невольно поддается вліянію всѣхъ этихъ чудесъ, и еслибы Греки населяли страну состоящую изъ однихъ только равнинъ, то они никогда бы не создали своей мифологіи.

Во время этого разговора карета углубилась въ дефиле узкой долины, вполнѣ приспособленной къ подвигамъ домашнихъ духовъ великой Мегъ Мерриальсъ (въ романѣ Вальтеръ-Скотта *Гай-Маннерингъ*). Влѣво отъ нихъ лежало въ сторонѣ небольшое озеро Арклеть, а по отлогому склону вилась предъ ними дорога въ гостиницу Стронаклакаръ, на берегу озера Катрайна. Тамъ качался прицѣпленный къ легкимъ сваямъ небольшой пароходъ, носившій разумѣется названіе *Робъ-Роя*. Путешественники тотчасъ пересѣли на него,—онъ готовился къ отплытію.

Озеро Катрайнъ имѣетъ не болѣе десяти миль въ длину и не болѣе двухъ миль въ ширину. Первые прибрежные холмы носятъ еще отпечатокъ древняго величія.

— Итакъ вотъ это озеро, воскликнулъ Джемсъ Старръ,—которое такъ справедливо заслуживаетъ сравненіе свое съ длиннымъ угремъ! Говорятъ что оно никогда не замерзаетъ. Я не знаю этого, но не надо только забывать что оно было нѣкогда театромъ подвиговъ *Озерной Феи* Вальтеръ-Скотта. Я увѣренъ что еслибы нашъ пріятель Джекъ внимательно посмотрѣлъ на него, то онъ увидѣлъ бы на его поверхности скользящую по волнамъ легкую тѣнь прекрасной Елены Дугласъ.

— Безъ сомнѣнія, мистеръ Старръ, отвѣчалъ Джекъ Райанъ,—почему же бы мы и не увидѣть ея? Почему бы этой хорошенькой женщиной не появиться на водахъ озера Катрайна, когда мы видимъ домовыхъ нашего подземеля на волнахъ Малькольмскаго озера?

Въ эту минуту кормъ парохода *Робъ-Рой* раздались громкіе звуки музыки. Тамъ горный Шотландецъ въ національномъ костюмѣ заигралъ прелюдію на своей волынкѣ. Прилѣвъ Шотландца былъ простъ, нѣженъ и музыкаленъ. Поистинѣ можно подумать что эти національныя мелодіи не сочинены кѣмъ-нибудь, а произошли отъ

естественнаго смѣшенія дуновенія вѣтерка, журчанія воды и шелеста листьевъ. Форма прилѣва, повторяющагося черезъ правильные промежутки, была весьма оригинальна. Вся фраза его состояла изъ трехъ тактовъ въ два темпа и изъ одного такта въ три темпа, который оканчивался на слабомъ времени.

Истинно счастливымъ чувствовалъ себя въ эту минуту Джекъ Райанъ. Онъ зналъ эту лѣсню Шотландскихъ озеръ. И подъ акомпаниментъ волюмки горда онъ пропѣлъ своимъ звучнымъ голосомъ гимнъ посвященный поэтическимъ легендамъ Старой Каледоніи.

Было уже три часа по-полудни. Западные берега озера Катрайна, не столь возвышенные какъ восточные, выдѣлялись въ двойной рамкѣ Бенъ-Ана и Бенъ-Веню. На разстояніи полумили отъ путешественниковъ видѣлся узкій бассейнъ, въ который долженъ былъ войти *Робъ-Рой* и высадить путешественниковъ, отправлявшихся въ Стиралингъ черезъ Каллендеръ.

Нелль изнемогла отъ постоянного напряженія ума. Изъ устъ ея вылетало только одно слово: „О Боже! о Боже!“ при видѣ каждаго новаго предмета, вызывавшаго ея восхищеніе. Необходимо было дать ей нѣсколько часовъ полного отдыха, хотя бы для того чтобы видѣныя ею чудеса сильнѣе запечатлѣлись въ ея памяти. Въ эту минуту Гарри взялъ ее за руку. Онъ съ умиленіемъ поглядѣлъ на молодую дѣвушку и сказалъ ей:

— Нелль, милая Нелль, мы скоро теперь должны будемъ возвратиться въ наше мрачное подземелье. Не будешь ли ты жалѣть о чемъ-либо что ты видѣла въ эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ тобою на землѣ при яркомъ дневномъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, Гарри, отвѣчала дѣвушка,—я буду помнить все что видѣла здѣсь, но я съ наслажденіемъ вернусь обратно вѣстѣ съ тобою въ наши возлюбленныя колы.

— Нелль, спросилъ Гарри, съ трудомъ сдерживая свое волненіе,—желаешь ли ты чтобы священные узы соединили насъ предъ Богомъ и людьми? Согласна ли ты выйти за меня замужъ?

— Согласна, Гарри, отвѣчала Нелль, глядя на него своими невинными глазами,—согласна, если только ты думаешь что я сумѣю сдѣлать тебя счастливымъ...

Недѣль не успѣла еще докончить своей фразы, отъ которой завистъла вся будущность Гарри, какъ произошло слѣдующее необычайное явленіе. Пароходъ *Робъ-Рой*, хотя онъ находился еще въ лулумилѣ отъ берега, почувствовалъ какой-то неожиданный толчокъ. Килевою частью своею онъ задѣлъ за дно озера и, несмотря на всѣ маневры своей машины, не могъ сдвинуться съ мѣста. Дѣло объяснилось тѣмъ что восточная часть озера Катрайна внезапно обмелѣла, какъ будто подъ его русломъ открылось громадное отверстіе. Оно мгновенно высохло, подобно прибрежью во время сильнѣйшаго отлива въ періодъ равноденствія. Почти вся вода вытекла изъ него и прошла внутрь почвы.

— Друзья мои, воскликнулъ Джемсъ Старръ, внезапно уяснивъ себѣ причину этого неожиданнаго явленія, — да сохранить Господь Новый Аберфойль!

XIX. Последняя угроза.

Въ тотъ день работы въ Новомъ Аберфойлѣ шли обычнымъ порядкомъ. Издали доносился трескъ динамитовыхъ патроновъ съ помощью которыхъ взрывали каменноугольныя жилы. Здѣсь раздавались удары кирки и лома по пластамъ угля; тамъ слышенъ былъ скрилъ машинъ, которыми просверливали массу песчаника или сланца. Всюду стоялъ какой-то глухой гулъ. Вбираемый машинами воздухъ проходилъ сквозь галлереи, устроенныя для вентиляціи. Деревяныя двери съ шумомъ хлопали подъ напоромъ врывавашагося туда воздуха. Въ нижнихъ тоннеляхъ ходили, со скоростью 15 миль въ часъ, поѣзды съ вагончиками, снабженными механическимъ двигателемъ, между тѣмъ какъ автоматическіе звонки предупреждали рабочихъ о принятіи мѣръ предосторожности чтобы не попасть подъ поѣздъ. Корзинки съ углемъ неустойно то спускались внизъ, то поднимались вверхъ, приводимыя въ движеніе громадными барабанами машинъ, устроенныхъ на поверхности почвы. Электрическія солнца ярко сіяли, освѣщая весь Коль-Сити. Работы кипѣли. Каменноугольныя жилы переходили въ вагоны, а послѣдніе перегружались на повозки въ глубинѣ выходной шахты. Пока одна партія рабочихъ отдыхала отъ ночныхъ трудовъ, партія дневныхъ рабочихъ работала безъ усталости.

Симонъ Фордъ и Меджъ, отобѣдавъ, расположились на дворѣ коттеджа. Старый углеколь наслаждался по обыкновенію своимъ послѣобѣденнымъ отдыхомъ, покуривая трубку, набитую отличнымъ французскимъ табакомъ. Предметомъ разговора обоихъ супруговъ были попеременно то Нелль, то Гарри, то Джемсъ Старръ и экскурсія ихъ на поверхности земаи. Гдѣ они теперь, что-то они подѣлываютъ? Какъ могутъ они оставаться такъ долго на верху и не соскучиться по колямъ?

Въ этотъ моментъ раздался страшный гулъ, какъ будто громадный водопадъ обрушился на колп. Симонъ Фордъ и Меджъ вскочили съ мѣста. Вслѣдъ за тѣмъ воды Маалькольмова озера быстро поднялись, — высокая волна прилила къ берегу и ударила о стѣну коттеджа. Симонъ Фордъ, схвативъ Меджъ, быстро увлекъ ее въ верхній этажъ дома. Въ это мгновеніе отовсюду раздались крики въ Коаль-Сити, которому грозило неожиданное наводненіе. Жители искали убѣжища на вершинахъ сланцевыхъ скалъ, окаймлявшихъ озеро.

Паника была всеобщая. Нѣсколько семей углеколовъ, на половину обезумѣвшихъ отъ страха, бросались къ тоннелю чтобы пробраться въ верхніе этажи копей. Ола-сались чтобы море не хлынуло въ колп, галлерей которыхъ доходили до самаго Сѣвернаго канала; въ такомъ случаѣ все подземелье, несмотря на его обширность, было бы окончательно затоплено, и ни одинъ изъ обитателей Новаго Аберфойла не укрылся бы отъ смерти. Но въ ту самую минуту какъ первые бѣглецы очутились у входа въ тоннель, Симонъ Фордъ, выбѣжавшій предъ тѣмъ изъ коттеджа, остановилъ ихъ слѣдующими словами:

— Остановитесь, друзья мои, остановитесь! Еслибы селенію нашему суждено было сдѣлаться жертвой наводненія, то вода во всякомъ случаѣ опередила бы васъ, и никто бы не убѣжалъ отъ нея! Но вода, какъ оказывается, не прибываетъ уже болѣе, стало-быть всякая опасность миновала.

— А наши товарищи которые работаютъ теперь на самой глубинѣ? воскликнули нѣсколько углеколовъ.

— За нихъ тоже нечего опасаться, отвѣчалъ Симонъ Фордъ, — работы производятся въ этажѣ лежащемъ выше дна озера.

Фактъ оправдалъ слова стараго углекола. Вода хлынула

внезапно, но отхлынувъ въ нижній этажъ обширныхъ колеи она подняла лишь на нѣсколько футовъ выше обыкновеннаго уровень Малькольмова озера. Итакъ Коль-Сити находился въ полнѣйшей безопасности, и можно было надѣяться что вода направившаяся въ самыя низменныя, еще дотолѣ не извѣданныя глубины коли, не причинила никому вреда. Что же касается до самаго наводненія, то трудно было сказать отчего оно произошло,—вслѣдствіе ли излітія какой-нибудь внутренней водной массы въ отверстія шифернаго свода, или какого-нибудь потока, русло котораго обрушилось, а воды устремились въ нижніе этажи колеи? Въ одномъ только не сомнѣвался никто — что это самое обыкновенное событіе изъ числа тѣхъ какія ло временамъ случаются въ каменноугольныхъ коляхъ.

Но вечеромъ того же дня все дѣло объяснилось. Въ газетахъ графства появилось извѣстіе о необыкновенномъ феноменѣ, театромъ котораго было озеро Катрайна. То же подтвердили послѣдившіе возвратиться назадъ въ коли Нелль, Гарри, Джемсъ Старръ и Джекъ Райанъ. Путешественники наши съ великою радостью услышали что бѣдствіе это въ Новомъ Аберфойлѣ ограничилось незначительнымъ матеріальнымъ ущербомъ.

Значить дно озера Катрайна внезапно треснуло и воды его протекали сквозь широкую щель въ самыя коли. Въ любимомъ озерѣ шотландскаго романиста, по крайней мѣрѣ въ южной части его, не оставалось воды и настолько чтобы могла погрузить въ нее свои хорошенькія ножки *Озерная Фей* Вальтеръ-Скотта. На мѣстѣ озера образовался прудъ въ нѣсколько акровъ.

Сколько шума надѣлало это странное происшествіе! Конечно, ни гдѣ еще не бывало чтобы въ какія-нибудь двѣтри минуты вода изъ озера могла излиться въ нѣдра земли. Теперь оставалось только вычеркнуть это озеро изъ карты Соединеннаго Королевства до того времени пока его не наполняютъ снова при помощи общественной подписки—предварительно заткнувъ трещину. Вальтеръ-Скоттъ умеръ бы съ горя, еслибъ ему довелось дожить до этого!

Какъ бы то ни было, а случай этотъ можно было объяснить. И дѣйствительно между глубокимъ подземельемъ и ложемъ озера находится лишь тонкій слой вторичныхъ

пластовъ, вслѣдствіе особаго геологическаго расположенія почвы. Но если и слѣдовало объяснить обвалъ этотъ какою-нибудь естественною причиною, то тѣмъ не менѣе Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Гарри невольно задавали себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли приписать его чьему-нибудь злоумышленію? Подозрѣнія эти овладѣвали ими все болѣе и болѣе. Не затѣваетъ ли ихъ злой геній какого-нибудь преслѣдованія противъ разрабатывающихъ эти богатые копи?

Нѣсколько дней спустя послѣ разказаннаго приключенія, Джемсъ Старръ бесѣдовалъ объ этомъ въ коттеджѣ со старымъ углекопомъ и его сыномъ.

— Симонъ, сказалъ онъ,—несмотря на то что фактъ этотъ можетъ разъясниться самъ собою, у меня есть какое-то предчувствіе что онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, причину которыхъ мы тщетно пытаемся открыть.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе, мистеръ Старръ, отвѣчалъ Симонъ Фордъ,—но, вѣрьте мнѣ, намъ не слѣдуетъ разглашать этого, а мы сами должны доискаться причины.

— Ахъ! воскликнулъ инженеръ,—я заранѣе могу предсказать результатъ нашихъ изысканій!

— А каковъ будетъ этотъ результатъ?

— Мы найдемъ послѣдствія злоумышленія, а не самого злоумышленника.

— А между тѣмъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, отвѣчалъ Симонъ Фордъ,—но вопросъ въ томъ, гдѣ онъ скрывается? Одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ золъ, не можетъ довести до конца такое адское предпріятіе какъ обвалъ въ озерѣ? Право, кончится тѣмъ что я повѣрю, какъ Джекъ Ратанъ, что какой-нибудь духъ озлобился на насъ за то что мы овладѣли его подземнымъ жилищемъ!

Само собою разумѣется что Нелль не присутствовала никогда при этихъ совѣщаніяхъ. Она и сама какъ будто помогала имъ не посвящать ее въ тайну этихъ подозрѣній. Только глядя на нее, можно было сказать что она раздѣляетъ опасенія пріютившей ее семьи. Лицо ея было печально, и на немъ можно было ясно прочесть волновавшую ее внутреннюю борьбу.

Какъ бы то ни было, а Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Гарри рѣшили что они снова отправятся на мѣсто обвала и попытаются доискаться причины его. Они никому не говорили о своемъ планѣ. Человѣку незнакомому съ

совокупностью фактовъ на которые они опирались, мнѣніе Джемса Старра и его друзей показалось бы совершенно неосновательнымъ.

Нѣсколько дней спустя, всѣ трое сѣли въ легкій челнокъ, которымъ правилъ Тарри, и поплыли съ цѣлью осмотрѣть тѣ самую природой созданныя столбы, которые поддерживали массу пластовъ подъ самымъ дномъ озера Катрайна. Они вскорѣ убѣдились что столбы эти носили на себѣ слѣды недавняго взрыва. Черныя пятна, были явно видны, такъ какъ вода убывла вслѣдствіе просачиванія, и можно было добраться до самаго основанія этой подземной постройки.

Обвалъ одной части сводовъ купола произведенъ былъ съ намѣреніемъ и не иначе какъ рукой человѣка.

— Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ Джемсъ Старръ.—И кто знаетъ что бы случилось, еслибы обвалъ этотъ открылъ сюда доступъ не волнамъ озера, а всего моря!

— Да, воскликнулъ старшій углекопъ съ гордостью,—цѣлое море потребовалось бы для затопленія нашего Аберфойля! Но, повторяю, какая выгода можетъ быть для негодая въ томъ чтобы погубить наши работы?

— Нелостижимо! сказалъ Джемсъ Старръ.—Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о какой-нибудь шайкѣ гнусныхъ разбойниковъ, которые выходятъ изъ своихъ темныхъ норъ съ цѣлью воровства и грабежа. Такія дѣла непременно обнаружались бы въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ. Также нельзя предположить, какъ я думалъ прежде, чтобы тутъ скрывались контрабандисты или фальшивые монетчики, которые, поселясь въ какой-нибудь неизвѣданной нами глубинѣ этихъ обширныхъ пещеръ съ цѣлью схоронить отъ всѣхъ свое позорное ремесло, старались бы всячески прогнать насъ отсюда? Вѣдь контрабанда и фальшивая монета существуютъ не для того чтобы скрывать ихъ. Ясно что какой-нибудь безплощадный врагъ поклялся истребить Новый Аберфойль, и имѣетъ какую-нибудь побудительную причину употребить всѣ зависящія отъ него средства къ тому чтобы излить на насъ свою злобу. Безъ сомнѣнія онъ слишкомъ слабъ, чтобы дѣйствовать открыто, но онъ тайно строитъ намъ ковы и дѣйствуетъ при этомъ такъ разумно что наводитъ страхъ на насъ. Друзья мои, ему лучше нашего извѣстны всѣ тайны нашего подземелья, такъ какъ онъ

столько времени съ успѣхомъ укрывается отъ нашихъ преслѣдованій. Это мастеръ своего дѣла, самый ловкій изъ всѣхъ ловкихъ людей; не сомнѣвайтесь, Симонъ! Доказательствомъ тому служить его образъ дѣйствій, что мы и видѣли на дѣлѣ. Ну скажите мнѣ, былъ ли у васъ когда личный врагъ, на котораго могли бы пасть ваши подозрѣнія? Подумайте хорошенько. Вы знаете, бываютъ такіа монумента ненависти что даже время не изглаживаетъ ихъ. Призовите на память если нужно самый ранній періодъ вашей жизни. Все что совершается на нашихъ глазахъ есть плодъ холоднаго и упорнаго безумія; вы должны возвратиться къ самымъ отдаленнымъ воспоминаніямъ.

Симонъ Фордъ не отвѣчалъ ни слова; видно было что честный старикъ, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, добросовѣстно старался припомнить всѣ факты своей прошлой жизни. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Нѣтъ, говорю какъ предъ Богомъ, ни Меджъ, ни я никогда не дѣлали никому зла, и мы не думаемъ чтобъ у насъ могъ быть хотя одинъ врагъ.

— Ахъ! воскликнулъ инженеръ,—хотя бы Нелль рѣшилась наконецъ высказаться!

— Мистеръ Старръ и вы, батюшка, проговорилъ Гарри,—умоляю васъ обоихъ, сохраните въ тайнѣ наши изслѣдованія. Не допрашивайте мою бѣдную Нелль! Я и безъ того вижу что она постоянно находится въ какомъ-то страхѣ и ужасно страдаетъ. Я вижу ясно что у нея на сердцѣ есть какая-то тайна, которую она съ трудомъ скрываетъ и которая просто душитъ ее. Если она хранитъ молчаніе, то потому только что ей или нечего сказать, или она считаетъ своимъ долгомъ молчать. Мы не можемъ усомниться въ привязанности ея къ намъ, ко всѣмъ намъ. Въ послѣдствіи, если она сообщитъ мнѣ что-нибудь такое, вы сейчасъ же узнаете обо всемъ.

— Хорошо, Гарри, сказалъ инженеръ,—а между тѣмъ молчаніе это, если только что-нибудь извѣстно Нелль, кажется мнѣ непостижимымъ.

И тутъ видя что Гарри собирается возражать, инженеръ послѣдшилъ прибавить:

— Будь спокоенъ; мы ничего не станемъ говорить той которая скоро будетъ твоею женой.

— И которая теперь же должна выйти за меня, если вы, батюшка, согласны на это.

— Сынъ мой, отвѣчалъ Симонъ Фордъ,—ровно чрезъ мѣсяцъ мы отпразднуемъ твою свадьбу. Вы будете посаженымъ отцомъ нашей Нелль, мистеръ Старръ?

— Будьте въ томъ увѣрены, Симонъ, отвѣчалъ иже-неръ.

Джемсъ Старръ и товарищи его снова возвратились въ коттеджъ. Они не говорили болѣе ни слова о результатѣ своихъ розысковъ и для всѣхъ прочихъ обитателей копей обвалъ сводовъ остался результатомъ простой случайности. Только въ Шотландіи стало однимъ озеромъ меньше.

Мало-по-малу Нелль принялась за свои обычные занятія. Она сохранила живое воспоминаніе обо всемъ что видѣла на поверхности земли, и Гарри постарался воспользоваться этимъ для ея дальнѣйшаго развитія. Но это знакомство съ внѣшнимъ міромъ не возбуждало въ ней никакихъ сожалѣній. Она любила попрежнему свое мрачное убѣжище, гдѣ ей суждено было проводить свою жизнь и послѣ замужства, также какъ она провела въ немъ дѣтство и годы ранней молодости.

Между тѣмъ предполагаемое бракосочетаніе Гарри Форда и Нелль надѣлало не мало шума въ Новомъ Аберфольѣ. Со всѣхъ сторонъ въ коттеджъ посыпались поздравленія, и въ числѣ первыхъ явился съ ними Джекъ Райанъ. Его не разъ заставляли въ уединеніи за разучиваніемъ лучшихъ лѣсенъ къ предстоящему торжеству, въ которомъ должно было принять участіе все населеніе Коль-Сити.

Но случилось такъ что въ теченіе мѣсяца, оставшагося до свадьбы, Новый Аберфоль подвергся большимъ испытаніямъ. Казалось, приближающееся бракосочетаніе Нелль и Гарри вызвало цѣлый рядъ катастрофъ. Теперь явленія эти обнаруживались главнымъ образомъ на самой глубинѣ копей, а причина ихъ все-таки оставалась неизвѣстна. Разъ вспыхнулъ пожаръ, истребившій деревянныя постройки въ нижней галлерей, и тамъ же нашли лампу, употребленную для этой цѣли поджигателемъ. Гарри и товарищи его подверглись немалой опасности, бросившись тушить пожаръ, который грозилъ истребить всѣ задежи, и имъ удалось это только при помощи гасильниковъ наполненныхъ водою налитанною углекислотою, въ которой къ счастью не было недостатка въ коляхъ. Въ другой разъ,

произошелъ обвалъ, причиною котораго было паденіе подпорокъ шахты, и Джемсъ Старръ убѣдился что подпорки эти были наполовину подлилены; Гарри, надзиравшій за работами въ этомъ мѣстѣ, заваленъ былъ обломками и какимъ-то чудомъ сбежалъ отъ смерти. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, на желѣзной дорогѣ, поѣздъ съ вагончиками, на которомъ находился Гарри, наткнулся на какой-то предметъ и опрокинулся,—оказалось что поперекъ лугу положено было бревно. Словомъ, такого рода явленія обнаруживались все чаще и чаще, такъ что углекопами овладѣла настоящая паника. Одно только присутствіе начальниковъ удерживало ихъ на мѣстахъ гдѣ производились работы.

— Значить ихъ цѣлая шайка, этихъ мошенниковъ! повторялъ Симонъ Фордъ,—и мы не можемъ поймать ни одного.

Привыкли снова за прежніе лопоки. Полиція графства была на-сторожѣ день и ночь, и все-таки ничего не могла открыть. Джемсъ Старръ запретилъ Гарри, который ловимому былъ главною мишенью всѣхъ этихъ злодѣяній, выходить одному изъ центра работъ. То же самое сдѣлали и относительно Неллы, отъ которой, по настоятельной просьбѣ Гарри, все еще скрывали эти преступные замыслы, такъ какъ послѣдніе могли возбудить въ ней воспоминаніе о прошломъ. Симонъ Фордъ и Меджъ стерегли ее неотступно день и ночь съ особенною строгостью или скорѣе съ самою свирѣлою заботливостью. Бѣдняжка видѣла это, но не дѣлала ни какого замѣчанія и не произносила ни одной жалобы. Можетъ-быть она понимала что они постулаютъ такъ въ видахъ ея личной безопасности. Но и она съ своей стороны какъ-будто тоже старалась бодрствовать надъ всѣми, и была спокойна тогда только, когда всѣ дорогіе ей люди были въ коттеджѣ. Вечеромъ, когда возвращался Гарри, она не могла подавить движенія безумной радости, столь мало свойственной ея природѣ, болѣе сдержанной нежели увлекающейся. Когда наступало утро, она раньше всѣхъ была на ногахъ, и когда наставало время уходить на работы, ею попрежнему овладѣвало безпокойство.

Гарри желалъ, ради ея спокойствія, чтобы свадьба совершилась какъ можно скорѣе. Ему казалось что въ виду этого нерасторжимаго союза всякіе злые умыслы, разъ сдѣлавшись безполезными, исчезнутъ непрѣмнно, и Нелла

будетъ тогда только чувствовать себя въ опасности, когда она сдѣлается его женой. Нетерпѣніе Гарри разделяли Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Меджъ, и всѣ считали дни остававшіеся до свадьбы. Дѣло въ томъ что каждому изъ нихъ томили самыя мрачныя предчувствія. Всякій думалъ про себя что тайный врагъ ихъ, котораго они не могутъ ни отыскать, ни побѣдить, непременно долженъ былъ быть заинтересованъ судьбой Нелль. Торжественная церемонія бракосочетанія Гарри съ молодою дѣвушкой должна была подать поводъ къ новымъ злодѣйствамъ со стороны ихъ заклатаго врага.

Однажды утромъ, за недѣлю до дня назначеннаго для свадьбы, Нелль, побуждаемой вѣроятно какимъ-нибудь горестнымъ предчувствіемъ, удалось выйти первой изъ коттеджа, окрестности котораго она желала осмотрѣть какъ можно тщательнѣе. Очутившись на порогѣ, она вдругъ испустила отчаянный крикъ. Крикъ этотъ раздался по всему дому, и въ одну минуту къ ней сбѣжались Меджъ, Симонъ Фордъ и Гарри. Нелль стояла блѣдная какъ смерть, — все лицо ея исказилось, черты ея выражали неописанный ужасъ. Будучи не въ силахъ выговорить ни слова, она устремила неподвижный взоръ на входную дверь коттеджа, которую она только-что предъ тѣмъ отворила, — судорожно сжатая рука ея указывала на слѣдующія начертанныя на двери строки, которыя вѣроятно появились тутъ во время ночи, и одинъ видъ которыхъ приводилъ ее въ такой страхъ:

„Симонъ Фордъ, ты укралъ у меня послѣднюю жилу нашихъ старыхъ копей! Гарри, сынъ твой, укралъ у меня мою Нелль! Горе вамъ обоимъ! Горе всѣмъ! Горе Новому Аберфоллю!

„Сильфаксъ.“

— Сильфаксъ! воскликнули въ одинъ голосъ Симонъ Фордъ и Меджъ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ Гарри, смотря поперемѣнно то на отца своего, то на молодую дѣвушку.

— Сильфаксъ! повторяла Нелль въ отчаяніи, — Сильфаксъ!

И она дрожала всѣмъ тѣломъ, произнося это имя, и Меджъ, взявъ ее за руку, почти насильно увелъ ее въ комнату.

Джемсъ Старръ прибѣжалъ въ свою очередь. Прочитавъ

нѣсколько разъ сряду начертанную на двери угрозу, онъ сказалъ:

— Строки эти написала та же рука которая отправила мнѣ нѣкогда письмо, служившее опроверженіемъ вашему, Симонъ! Имя этого человѣка—Сильфаксъ! Вижу по вашему взволнованному лицу что вы его знаете. Кто же такой этотъ Сильфаксъ?

XX. Кающійся грѣшникъ.

Имя это было цѣлымъ откровеніемъ для стараго углекола. Оно принадлежало послѣднему „кающемуся грѣшнику“ коли Дочарта.

Въ былое время, до изобрѣтенія предохранительной лампы, Симонъ Фордъ знавалъ этого свирѣлаго человѣка, который рискуя своею жизнью, отправлялся ежедневно производить частные взрывы газа. Онъ видалъ какъ это странное существо бродило въ коли, всегда сопровождаемое огромнымъ „гарфангомъ“, особой породы чудовищнымъ филиномъ, который помогалъ ему въ его опасномъ дѣлѣ, относя зажженный фитиль туда куда не могла достигнуть рука Сильфакса. Однажды старику этотъ исчезъ и одновременно съ нимъ маленькая сиротка, родившаяся въ коли и не имѣвшая другихъ родственниковъ кромѣ его, ея прадѣда. Это дитя, очевидно, была Нелль. Значитъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ они оба жили въ какой-нибудь тайной проласти до того дня когда Нелль была спасена стараніями Гарри.

Старый углеколь, взволнованный чувствомъ гнѣва и сожалѣнія, передалъ инженеру и своему сыну все что открыло ему это имя Сильфакса.

Это объяснило всю тайну. Сильфаксъ былъ таинственнымъ существомъ которое такъ тщетно отыскивали въ глубинахъ Новаго Аберфойля!

— Значитъ, вы знавали его, Симонъ? спросилъ инженеръ.

— Да, конечно, отвѣчалъ старику.— Человѣкъ съ гарфангомъ! Онъ и тогда уже былъ не молодъ. Онъ долженъ быть иѣтъ на пятнадцать или на двадцать старше меня. Какой-го дикарь, не говорившій ни съ кѣмъ, не боявшійся, какъ вѣтряли, ни воды, ни огня! Онъ по охотѣ выбралъ себѣ ремесло „кающагося грѣшника“, которымъ мало кто

соглашался заниматься. Эта опасная профессія разстроила его голову. Говорили что онъ золь, а можетъ-быть онъ былъ только помѣшанъ. Силы онъ былъ необыкновенной. Онъ зналъ копь въ совершенствѣ — по крайней мѣрѣ также хорошо какъ знаю ее я. Говорили что онъ имѣетъ нѣкоторый недостатокъ. По чести, я думалъ что онъ уже давно умеръ!

— Но, сказалъ Джемсъ Старръ,—что онъ разумѣлъ подѣ словами: „ты укралъ у меня послѣднюю жилу нашихъ старыхъ колеѣ“?

— Вотъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Симонъ Фордъ.—Давно уже Сильфаксъ, мозгъ котораго, какъ я еказалъ вамъ, былъ всегда разстроенъ, предъявлялъ какія-то права на Старый Аберфойль. Оттого онъ становился все свирѣпѣе и свирѣпѣе по мѣрѣ того какъ копь Дочарта,—его копь!—истреблялась. Казалось, что каждый ударъ кирки вырывалъ у него кусокъ тѣла! Ты должна помнить это, Меджъ.

— Да, Симонъ, отвѣчала старая Шотландка.

— Мнѣ пришло это на память телерь, продолжалъ Симонъ Фордъ,—когда я увидѣлъ имя Сильфакса на этой двери; но повторяю, я считалъ его умершимъ, и не могъ вообразить себѣ что зловредное существо, которое мы такъ долго искали, былъ прежній „кающійся грѣшникъ“ коли Дочарта.

— И дѣйствительно, сказалъ Джемсъ Старръ,—все телерь объясняется. Случай открылъ Сильфаксу существованіе новой залежи. Въ своемъ безумномъ эгоизмѣ онъ задумалъ сдѣлаться ея охранителемъ. Проживая въ коли, проходя ее днемъ и ночью, онъ подмѣтилъ вашу тайну, Симонъ, и узналъ что вы приглашали меня какъ можно скорѣе въ коттеджъ. Вотъ разгадка письма, противорѣчившаго вашему, и камня улавшаго предъ нами, когда мы шли въ коттеджъ съ Гарри, и истребленія лѣстницы въ шахтѣ Яроу; этимъ же объясняется и замазываніе скважинъ въ стѣнѣ новой залежи, и наконецъ наше заключеніе и потомъ освобожденіе, благодаря помощи Нелъ, конечно безъ вѣдома этого Сильфакса и наперекоръ ему.

— Вы излагаете дѣло какъ оно должно было происходить, мистеръ Старръ, сказалъ Симонъ Фордъ. — Старый грѣшникъ очевидно долженъ быть телерь помѣшанъ.

— Это было бы лучше, замѣтила Меджъ.

— Не знаю, сказалъ Джемсъ Старръ, покачивая головой,—

безуміе его должно-быть страшное. Я понимаю что Нелль не может подумать о немъ безъ ужаса, и понимаю также что она не хотѣла выдать своего дѣда. Какіе печальные годы она должна была провести съ этимъ старикомъ!

— Да, очень тяжелые! отвѣчалъ Симонъ Фордъ,—между этимъ дикаремъ и его гарфангомъ, столь же дикимъ какъ и онъ! Птица эта навѣрное еще жива. Она несомнѣнно погасила нашу лампу, и она же едва не перервала веревку, на которой висѣли Гарри и Нелль....

— И я понимаю, сказала Меджъ,—что извѣстіе о свадьбѣ нашего сына съ его внучкой возбудило злобу и удвоило ярость Сильфакса!

— Дѣйствительно, бракъ Нелль съ сыномъ того кого онъ обвиняетъ въ похищеніи у него послѣдней Аберфойльской залежи, не могъ не довести раздраженія его до неистовства, замѣтилъ Симонъ Фордъ.

— Но ему придется же наконецъ примириться съ этимъ бракомъ! воскликнулъ Гарри.—Какъ онъ ни чуждъ общей жизни, его заставляютъ понять наконецъ что новое существованіе Нелль гораздо лучше того которое она вела съ нимъ въ пропастяхъ коли. Я убѣжденъ, мистеръ Старръ, что еслибы мы могли поймать его, то мы успѣли бы его наконецъ образумить.

— Съ сумасшедшими не разсуждаютъ о разумныхъ вещахъ, мой бѣдный Гарри, отвѣчалъ инженеръ,—конечно, лучше знать своего врага, чѣмъ не знать его; но еще не все кончено, потому только что мы его узнали. Будемъ же стараться, друзья мои, и прежде всего разспросимъ Нелль. Это необходимо! Она пойметъ что въ настоящую минуту ей нѣтъ причины молчать. Она должна говорить даже въ интересахъ своего дѣда. Для него также какъ и для насъ необходимо разстроились его зловѣщія планы.

— Я не сомнѣваюсь, мистеръ Старръ, отвѣчалъ Гарри,—что Нелль по собственному побужденію предупредитъ ваши разспросы. Вамъ извѣстно теперь что она молчала по совѣсти, по чувству долга. По совѣсти и по чувству долга она заговоритъ, какъ только вы пожелаете. Матушка хорошо сдѣлала что увела ее въ свою комнату. Ей очень нужно было собраться съ духомъ, но я пойду къ ней...

— Не бзелокойся, Гарри, произнесъ твердый и звучный

голосъ молодой дѣвушки, входившей въ эту минуту въ большую залу коттеджа.

Нелль была блѣдна. По глазамъ ея видно было что она много плакала; но очевидно было также что она рѣшилась на признаніе, котораго въ настоящую минуту требовала ея искренность.

— Нелль! воскликнулъ Гарри, бросаясь къ дѣвушкѣ.

— Гарри, сказала Нелль, останавливая движеніемъ руки своего жениха,—необходимо чтобы твой отецъ, твоя мать и ты узнали все теперь. Вамъ также, мистеръ Старръ, должно быть извѣстно все что касается дитяти, котораго вы приняли не зная его, и котораго Гарри къ своему несчастью извелъ изъ пропасти.

— Нелль! воскликнулъ Гарри.

— Оставь ее, пусть она говоритъ, сказалъ Джемсъ Старръ, прерывая его.

— Я внука стараго Сильфакса, продолжала Нелль,—я никогда не знала матери, до тѣхъ поръ пока не пришла сюда, прибавила она, взглянувъ на Меджъ.

— Да будетъ благословенъ этотъ день, дочь моя! отвѣчала старая Шотландка.

— Я никогда не знала отца, продолжала Нелль,—до того дня, когда увидѣла Симона Форда; никогда не знала друга до того дня, когда рука Гарри коснулась моей руки! Одна я жила въ продолженіе шестнадцати лѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ коли съ моимъ дѣдомъ. Когда онъ исчезъ изъ Стараго Аберфойля, то укрылся въ этихъ глубинахъ, одному ему извѣстныхъ. Онъ былъ по-своему добръ ко мнѣ, хотя и страшень. Онъ кормилъ меня тѣмъ что приносилъ извнѣ; но я смутно помню что сначала, въ самые молодые мои годы, кормилицей моей была коза, потеря которой меня привела въ отчаяніе. Видя мое горе, дѣдъ замѣнилъ ее другимъ животнымъ, собакой, какъ онъ сказалъ мнѣ. Къ несчастью собака была веселая. Она лаяла. Дѣдъ мой не любилъ веселья. Онъ ненавидѣлъ шумъ. Онъ приучилъ меня къ молчанію, но не могъ приучить къ тому же собаку. Бѣдное животное вкорѣ исчезло. Солутникомъ дѣда была свирѣлая лтица, гарфангъ, которая сначала наводила на меня страхъ; но эта лтица, несмотря на отвращеніе которое она мнѣ внушала, такъ привязалась ко мнѣ что наконецъ я ее полюбила. Она стала даже повиноваться мнѣ

болѣе чѣмъ своему господину, и это меня тревожило за нее. Дѣдъ былъ ревнивъ. Мы съ гарфангомъ скрывали сколько могли нашу дружбу. Мы понимали что это было необходимо!... Но я слишкомъ много говорю о себѣ! Теперь дѣло касается васъ...

— Нѣтъ, дитя мое, сказала Джемсъ Старръ,—разказывай все, какъ тебѣ удобнѣе.

— Дѣдъ мой, продолжала Нелль,—всегда очень неблаго-склонно смотрѣлъ на ваше сосѣдство въ копи. А между тѣмъ мѣста было достаточно. Далеко, очень далеко отъ васъ, онъ выбиралъ себѣ пріюты. Ему непріятно было чувствовать, что вы тутъ близко. Когда я разспрашивала о людяхъ живущихъ на верху, то лицо его омрачалось, онъ не отвѣчалъ, и надолго становился какъ бы нѣмымъ. Но гнѣвъ его разразился тогда, когда онъ увидѣлъ, что не довольствуясь вашимъ старымъ владѣніемъ, вы намѣревались пробраться въ его владѣнія. Онъ поклялся что если вы успѣете проникнуть въ новую копи, до сихъ поръ извѣстную только ему одному, то вы погибаете! Несмотря на его лѣта онъ еще обладаетъ необыкновенною силой, и его угрозы заставляли меня трепетать за васъ и за него!

— Продолжай, Нелль, сказалъ Симонъ Фордъ молодой дѣвушкѣ, остановившейся на минуту, какъ бы для того чтобы собрать свои воспоминанія.

— Послѣ вашей первой попытки, продолжала Нелль,—когда дѣдъ увидѣлъ что вы пробрались въ галерею Новаго Абер-фойля, онъ заткнулъ отверстіе и заключилъ васъ какъ бы въ тюрьму. Я знала васъ только какъ тѣни, смутно мелькавшія въ темной копи; но я не могла перенести мысли, что людямъ грозитъ голодная смерть въ этихъ глубинахъ, и я успѣла украдкой приносить вамъ въ продолженіе вѣсколькихъ дней понемногу хлѣба и воды! Я желала бы вывести васъ оттуда, но обмануть бдительность дѣда было невозможно! Вамъ предстояло умереть! Джекъ Райанъ и его товарищи прибыли... Богу угодно было чтобы я ихъ встрѣтила въ этотъ день. Я указала имъ путь къ вамъ. На возвратномъ пути дѣдъ настигъ меня. Гнѣвъ его былъ ужасенъ. Я думала что погибну отъ его руки. Съ того дня жизнь стала для меня невыносима. Голова моего дѣда совершенно помутилась. Онъ провозглашалъ себя царемъ тѣней и огня! Когда онъ слышалъ, какъ ваши кирки ударяли

по этимъ залежамъ, которыя онъ считалъ своею собственностью, онъ приходилъ въ ярость и осыпалъ меня ударами. Я хотѣла бѣжать, но это было невозможно, потому что онъ слишкомъ тщательно стерегъ меня. Наконецъ, три мѣсяца тому назадъ, въ припадкѣ страшнаго безумія, онъ опустилъ меня въ пропасть, гдѣ вы нашли меня, и потомъ исчезъ, тщетно призывая гарфанга, который остался со мною. Сколько времени я пробыла тамъ? не знаю. Знаю только что я чувствовала приближеніе смерти, когда ты явился, мой Гарри, и спасъ меня! Но ты видишь что внука стараго Сильфакса не можетъ быть женой Гарри Форда, потому что дѣло идетъ о твоей жизни и о жизни всѣхъ васъ!

— Нелль! воскликнулъ Гарри.

— Нѣтъ, продолжала дѣвушка.—Я рѣшилась на эту жертву. Единственное средство отвратить вашу гибель—возвратиться мнѣ къ моему дѣду. Онъ угрожаетъ всему Новому Аберфойлю!... Душа его недоступна прощенью, и никто не въ состояніи угадать что внушить ему духъ мести! Моя обязанность очевидна. Я буду недостойнѣйшею изъ тварей если поколеблюсь выполнить ее. Прощайте и примите мою благодарность! Вы показали мнѣ что значить счастье. Что бы ни случилось, знайте что сердце мое всегда останется съ вами!

При этихъ словахъ Симонъ Фордъ, Меджъ и Гарри, обзвѣвшіе отъ горя, вскочили съ мѣста.

— Какъ! Нелль, воскликнули они съ отчаяніемъ,—ты хочешь насъ оставить?

Джемсъ Старръ устранилъ ихъ повелительнымъ жестомъ, и подошедши къ Нелль, взялъ ее за обѣ руки.

— Прекрасно, дитя мое, сказалъ онъ.—Ты сказала то что должна была оказать, но вотъ что мы отвѣтимъ тебѣ. Мы тебя не отпустимъ и если понадобится удержимъ тебя силой. Ужели ты считаешь насъ столь малодушными что мы примемъ твое благородное предложеніе? Угрозы Сильфакса опасны, пусть такъ! Но какъ бы то ни было человекъ все-таки человекъ и мы примемъ наши предосторожности. Ты можешь однако въ интересъ самого Сильфакса сообщить намъ объ его привычкахъ, разказать намъ гдѣ онъ скрывается. Мы желаемъ только одного: отнять у него средства дѣлать вредъ и можетъ-быть привести его въ разсудокъ.

— Вы желаете невозможнаго, отвѣчала Нелль.—Дѣдъ мой

вездѣ и нигдѣ. Я никогда не знала гдѣ онъ скрывается. Я никогда не видывала чтобъ онъ спалъ. Когда онъ находилъ какое-нибудь убѣжище, то оставлялъ меня одну и исчезалъ. Принимая мое рѣшеніе, мистеръ Старръ, я знала все что вы можете сказать мнѣ. Повѣрьте мнѣ! Есть только одно средство обезоружить моего дѣда: необходимо чтобъ я возвратилась къ нему. Онъ невидимъ, но самъ видитъ все. Подумали ли вы, какимъ бы образомъ онъ открывалъ самыя тайныя ваши мысли, отъ письма отправленнаго къ мистеру Старру до предположенія моего замужества съ Гарри, еслибы не былъ одаренъ необъяснимою способностью знать все, что его интересуетъ. Мой дѣдъ, сколько я могу судить, при всемъ своемъ безуміи человѣкъ сильнаго ума. Бывало, онъ говорилъ мнѣ много прекраснаго. Онъ научилъ меня знать Бога и обманулъ меня только въ одномъ случаѣ: онъ увѣрилъ меня, что всѣ люди вѣроломны, и старался внушить мнѣ ненависть ко всему человѣчеству. Когда Гарри привелъ меня въ этотъ коттеджъ, вы думали только что я ничего не знала! Нѣтъ, я была запугана! О, простите меня, но въ продолженіе нѣсколькихъ дней я считала себя во власти злыхъ существъ и хотѣла бѣжать отъ васъ! Умъ мой научился истинѣ отъ васъ, Меджъ, не изъ словъ вашихъ, а изъ вашей жизни, изъ того какъ любили и уважали васъ вашъ мужъ и вашъ сынъ! Потомъ, когда я увидѣла какъ эти счастливые и добрые рабочіе уважали мистера Старра, рабами котораго я сначала считала ихъ, когда въ первый разъ я увидѣла какъ все Аберфойльское населеніе собралось въ церкви, преклонило колѣна, молилось Богу и благодарило Его за Его бесконечныя милости, то я сказала самой себѣ: „Мой дѣдъ обманулъ меня!“ Но теперь, узнавъ все чему вы меня учили, я думаю что онъ обманулся самъ! Итакъ я пойду тайными путями, по которымъ я нѣкогда его сопровождала. Онъ долженъ подстергать меня. Я его позову... Онъ услышитъ меня и, кто знаетъ, можетъ-быть возвращеніе мое къ нему дастъ мнѣ возможность убѣдить его въ истинѣ.

Всѣ предоставили молодой дѣвушкѣ высказаться. Всякій чувствовалъ что ей полезно было открыть сердце друзьямъ въ ту минуту, когда въ своей великодушной иллюзіи, она думала что разстанется съ ними навсегда. Когда, утомленная и съ глазами полными слезъ она замолчала, то Гарри, обращаясь къ Меджъ, сказалъ:

— Что бы вы подумали, матушка, о человѣкѣ который оставилъ бы благородную дѣвушку, сейчасъ говорившую съ вами?

— Я подумала бы, отвѣчала Меджъ,—что человѣкъ этотъ негодяй, и еслибъ онъ былъ мой сынъ, то я отреклась бы отъ него и прокляла бы его!

— Нелль, ты слышишь что говоритъ наша мать? продолжалъ Гарри.—Куда бы ты ни пошла, я послѣдую за тобой. Если ты настаиваешь чтобы уйти, мы пойдемъ вмѣстѣ...

— Гарри, Гарри! воскликнула Нелль. Но впечатлѣніе было слишкомъ сильно. Губы дѣвушки лобѣднѣли и она упала на руки Меджъ, которая попросила инженера, Симона и Гарри оставить ихъ однихъ.

XXI. Свадьба Нелль.

Собесѣдники разошлись, но предварительно было рѣшено чтобы жители коттеджа были болѣе прежняго на-сторожѣ. Угроза стараго Сильфакса была высказана слишкомъ прямо и не считаться съ нею было невозможно. Невольно представлялся вопросъ, не обладаетъ ли бывший „кающійся грѣшникъ“ какимъ-нибудь страшнымъ средствомъ, которое можетъ истребить весь Аберфойль.

Такимъ образомъ вооруженные сторожа были поставлены у различныхъ выходовъ коли съ приказаніемъ бодрствовать день и ночь. Всякій неизвѣстный человѣкъ посѣщавшій колъ долженъ былъ являться къ Джемсу Старру для удостовѣренія его личности. Жителямъ Колъ-Сити не оласались сообщить угрозы направленные противъ подземной колоніи. Сильфаксъ не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, а сѣдовательно нельзя было предполагать никакой измѣны. Нелль сообщила обо всѣхъ принятыхъ мѣрахъ предосторожности, и она нѣсколько успокоилась. Но рѣшеніе Гарри послѣдовать за нею, куда бы она ни пошла, болѣе всего помогло исторгнуть у нея обѣщаніе что она отложитъ всякую мысль о бѣгствѣ.

Въ продолженіе недѣли, предшествовавшей свадьбѣ Гарри и Нелль, ничто не потревожило спокойствія Новаго Аберфойля. Вслѣдствіе этого углеколы, нисколько не ослабляя устроеннаго наблюденія, оправились отъ лавики, грозившей разстроить эксплуатацію.

Джемсъ Старръ, между тѣмъ, продолжалъ разыскивать Сильфакса. Такъ какъ мстительный старикъ объявилъ что Нелль никогда не будетъ женой Гарри, то слѣдовало ожидать что онъ не остановится ни -предъ какимъ средствомъ для разстройства этого брака. Всего лучше было бы захватить его, не касаясь, конечно, его жизни. Вслѣдствіе этого тщательное изслѣдованіе Новаго Аберфойля было произведено снова. Сдѣланы были розыски въ галлерейхъ до верхнихъ этажей, примыкавшихъ къ развалинамъ Дондональдъ-Кастля въ Ирвингѣ. Предполагали, не безъ основанія, что Сильфаксъ посредствомъ стараго замка имѣлъ сообщеніе съ вѣншимъ міромъ и что онъ запасался предметами необходимыми для своего жалкаго существованія, добывая ихъ или локулкой, или воровствомъ. Что касается „огненныхъ фей“, то Джемсъ Старръ полагалъ, что какая-нибудь струя газа, вылетѣвшая изъ той части коли, могла быть зажжена Сильфаксомъ и произвести это явленіе. Онъ не обманывался, но всѣ розыски были напрасны.

Джемсъ Старръ во время этой ожесточенной борьбы противъ неуловимаго существа былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ, хотя онъ и не показывалъ этого. По мѣрѣ приближенія дня назначеннаго для свадьбы, опасенія его увеличивались, и онъ счелъ своимъ долгомъ сообщить о нихъ, въ видѣ исключенія, старому углеколу, который вскорѣ сталъ тревожиться еще болѣе его.

Наконецъ наступилъ день свадьбы. Сильфаксъ не подавалъ никакого признака жизни.

Съ утра вся колонія Коль-Сити была на ногахъ. Работы Новаго Аберфойля были пріостановлены. Начальники и рабочіе желали всѣ оказать вниманіе старому Форду и его сыну. То было выраженіемъ признательности двумъ смѣлымъ и настойчивымъ людямъ, которые сумѣли возратить коли ея прежнее благосостояніе.

Церемонія должна была совершиться въ 11 часовъ, въ часовнѣ Сень-Джилля, воздвигнутой на берегу Малькольмова озера.

Въ назначенный часъ изъ коттеджа вышли Гарри подъ руку съ своей матерью и Симонъ Фордъ подъ руку съ Нелль.

За ними слѣдовали инженеръ Старръ, спокойный по натурѣ, но готовый на все, и Джекъ Райанъ, великолѣпный въ своемъ костюмѣ волящика.

Затѣмъ слѣдовали прочіе инженеры коли, почетная лица Коль-Сити, друзья, товарищи стараго Форда, всѣ члены этой многочисленной семьи углеколовъ, составлявшіе населеніе Нового Аберфойла.

Снаружи былъ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ августовскихъ дней, которые особенно тяжелы въ сѣверныхъ странахъ. Бурный воздухъ проникалъ даже въ глубину коли, гдѣ температура поднялась ненормальнымъ образомъ. Атмосфера тамъ пропиталась электричествомъ, проходившимъ чрезъ шахты и обширный Малькольмкій тоннель.

Въ этотъ день барометръ въ Коль-Сити значительно понизился, что было явленіемъ довольно рѣдкимъ. Можно было спросить себя, не разразится ли какая-нибудь гроза подъ сводомъ шифера, составлявшимъ небо громаднаго подземелья. Но дѣло въ томъ, что никто внутри его не заботился объ атмосферическихъ угрозахъ извнѣ.

Каждый надѣлъ, разумѣется, лучшее свое платье по поводу торжества. Костюмъ Меджъ напоминалъ бывшее время. На головѣ у нея былъ *tou*, какъ у прежнихъ матронъ, и на плечи накинута была родъ клѣтчатоу мантильи, которую Шотландки носили съ нѣкоторою граціей. Недѣла дала себѣ слово не обнаруживать своего волненія. Она не позволяла сердцу своему биться, она сдвливала свои опасенія, и успѣла принять спокойный и сосредоточенный видъ. Одѣта она была просто, и простота ея костюма, который она предпочла всѣмъ богатымъ украшеніямъ, увеличивала еще прелесть ея наружности. Единственнымъ и главнымъ уборомъ ея былъ *jabod*, разноцвѣтная лента, которою обыкновенно украшаются шотландскія дѣвушки. На Симонѣ Фордѣ была одежда отъ которой не отказался бы достойный барон Вальтеръ-Скотта Николь Джерви.

Все это общество направилось къ часовнѣ, которая была роскошно убрана. На небѣ Коль-Сити электрическія солнца блистали какъ настоящее солнце. Сіяющая атмосфера наполнила весь Новый Аберфойлъ. Въ часовнѣ электрическія лампы горѣли также ярко и разноцвѣтными окнами сверкали подобно огненнымъ калейдоскопамъ.

Совершать церемонію долженъ былъ прелодобный Вильямъ Гобсонъ. У дверей часовни Сень-Джилла онъ ожидалъ новобрачныхъ. Шествіе приближалось, обогнувъ велич-

ственно Малькольмово озеро. Въ эту минуту раздался звук органа и обѣ четы, предшествуемыя Гобсономъ, направились къ алтарю.

Сначала призвано было благословеніе Небесъ на все собраніе, потомъ Гарри и Нелль остались одни предъ священникомъ, державшимъ въ рукахъ святую книгу.

— Гарри, спросилъ преподобный Гобсонъ,—желаете ли вы взять Нелль себѣ въ жены и клянетесь ли вы ее любить всегда?

— Клянусь! отвѣчалъ молодой человѣкъ громкимъ голосомъ.

— А вы, Нелль, продолжалъ священникъ,—желаете ли взять себѣ въ мужья Гарри Форда и...

Дѣвушка не успѣла отвѣтить, какъ страшный шумъ раздался извнѣ. Одна изъ огромныхъ скалъ, образующихъ террасу, возвышающуюся на берегу Малькольмова озера, во ста шагахъ отъ часовни, разсѣлась внезапно безъ взрыва, какъ будто ея паденіе приготовлено было заранѣе. Изъ лодъ вея воды лились въ глубокое отверстіе, существованія котораго никто тамъ не подозрѣвалъ.

Затѣмъ вдругъ, между разсѣвшимися утесами появился челнокъ который сильнымъ толчкомъ былъ выдвинутъ на поверхность озера.

На этомъ челнокѣ стоялъ старикъ, одѣтый въ темный плащъ, со включенными волосами, съ длинною сѣдою бородой, падавшею на грудь. Въ рукѣ у него была лампа Девы, въ которой горѣло пламя, огражденное металлическою сѣткой. Старикъ кричалъ громкимъ голосомъ: „Газъ! газъ! горе вамъ, горе, горе!“

Въ эту минуту легкій залахъ характеризующій углеводородъ распространился въ воздухѣ. Случилось это потому что паденіе скалы открыло проходъ громадному количеству взрывнаго газа, заключеннаго въ громадныхъ скопленіяхъ, отверстіе которыхъ заграждалъ шиферъ. Струи его поднимались къ сводамъ купола лодъ давленіемъ пяти, шести атмосферъ.

Старикъ зналъ о существованіи этихъ скопленій газа и быстро открылъ ихъ чтобы наполнить газомъ атмосферу подземелья.

Между тѣмъ Джемсъ Старръ и еще нѣсколько человѣкъ послѣдно высочили изъ часовни на берегъ озера.

— Вонъ изъ коли! вонъ изъ коли! закричалъ инженеръ, который, понявъ неизбежность опасности, испустилъ этотъ тревожный крикъ у двери часовни Сень-Джилла.

— Газъ! газъ! повторялъ старикъ, выходя вперёдъ на поверхности озера.

Гарри, увлекая за собою свою невѣсту, отца и мать, быстро вышелъ изъ часовни.

— Вонъ изъ коли! вонъ изъ коли! повторялъ Джемсъ Старръ.

Но бѣжать было слишкомъ поздно. Старый Сильфаксъ былъ тамъ, готовый исполнить свою послѣднюю угрозу, готовый помѣшать замужеству Нелль съ Гарри и похоронить все населеніе Коль-Сити подъ развалинами коли.

Надъ его головой леталъ его огромный гарфангъ, бѣлая крылья котораго были локрыты черными кралинами.

Но тогда бросился въ воды озера человѣкъ, поплывшій быстро къ челноку. Человѣкъ этотъ былъ Джекъ Райлаъ. Онъ пытался достигнуть безумнаго, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ бы исполнить свое дѣло разрушенія.

Сильфаксъ увидѣлъ его. Онъ разбилъ свою лампу и вырвавъ изъ нея зажженный фитиль провелъ имъ по воздуху.

Гробовое молчаніе господствовало посреди всего окаменѣвшаго отъ ужаса собранія. Джемсъ Старръ, готовый на все, удивлялся что неизбежный взрывъ не уничтожилъ еще Новаго Аберфойля.

Сильфаксъ, съ искаженнымъ лицомъ, понималъ что газъ, слишкомъ легкій чтобы держаться въ низкихъ слояхъ, собрался на высотѣ купола. Но тогда гарфангъ по знаку Сильфакса, схвативъ въ свою лапу гибельный фитиль, какъ онъ дѣлывалъ это нѣкогда въ галлерейхъ коли Дочарта, началъ подниматься къ верхнему своду, на который ему указывалъ старикъ.

Еще нѣсколько минутъ и Новому Аберфойлю наступить конецъ!...

Въ эту минуту Нелль вырвалась изъ рукъ Гарри.

Спокойная и какъ бы вдохновенная свыше, она бросилась къ берегу озера, къ самой водѣ.

— Гарфангъ! Гарфангъ! закричала она звучнымъ голосомъ,—ко мнѣ! лети ко мнѣ!

Вѣрная птица остановилась какъ бы въ удивленіи и недоумѣвала что ей дѣлать. Но вдругъ, узнавъ голосъ Нелль,

она уронила зажженный фитиль, и очертивъ широкій кругъ, опустилась къ ногамъ молодой дѣвушки.

Верхніе взрывные слои, гдѣ газъ смѣшался съ воздухомъ, достигнуты не были!

Тогда раздался лодъ сводами страшный крикъ. То былъ послѣдній крикъ Сильфакса.

Въ ту минуту когда Джекъ Райанъ схватился за край челнока, старикъ, видя что мщеніе его не совершилось, бросился въ воды озера.

— Спасите его, спасите его! закричала Нелль раздирающимъ голосомъ.

Гарри услышалъ ее. Бросившись также въ воду, онъ скоро соединился съ Джекомъ Райаномъ и нѣсколько разъ нырнулъ въ глубину.

Но усилія его были напрасны. Воды Малькольмова озера не отдали своей добычи. Онъ навсегда закрылся надъ старымъ Сильфаксомъ.

XXII. Легенда стараго Сильфакса.

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ этихъ происшествій отпразднована была въ часовнѣ Сенъ-Джилла свадьба Гарри и Нелль, прерванная такъ внезапно. По благословенію ихъ союза прелодобнымъ Гобсономъ, новобрачные, еще одѣтые въ трауръ, возвратились въ коттеджъ. . . .

Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ, совершенно уже спокойные, весело предавались на празднествѣ, послѣдовавшемъ за брачною церемоніей и продолжавшемся до слѣдующаго утра.

Въ этихъ достопамятныхъ обстоятельствахъ Джекъ Райанъ, облеченный въ свой живописный костюмъ, огласилъ своды Новаго Аберфойля звуками своей волынки; онъ игралъ, пѣлъ и танцевалъ при рукоплесканіяхъ всего собранія.

И на другой день работы пошли своимъ чередомъ лодъ руководствомъ инженера Джемса Старра.

Само собою разумѣется что Гарри и Нелль были счастливы. Эти два сердца, перенесшія столько испытанийъ, нашли въ союзѣ своемъ счастье, котораго они заслуживали.

Что касается Симона Форда, почетнаго старшины Новаго Аберфойля, то онъ надѣялся прожить столько чтобъ

отпраздновать свою золотую свадьбу съ Меджъ, которая также отъ души этого желала.

— А потомъ почему бы не отпраздновать еще такую же? говорилъ Джекъ Райанъ.— Два пятидесятилѣтія брачной жизни не слишкомъ много будетъ для васъ, мистеръ Симонъ.

— Ты правъ, мой милый, отвѣчалъ спокойно старый углеколь.— Что удивительнаго, если въ жилищѣ Новаго Аберфойла, въ этой средѣ чуждой вѣтви нелогодъ, человѣкъ проживетъ два вѣка?

Будутъ ли присутствовать когда-нибудь жители Коаль-Сити при этой вторичной церемоніи? Одно будущее можетъ дать отвѣтъ.

Во всякомъ случаѣ необыкновеннаго долголѣтія должна была достигнуть птица стараго Сильфакса. Она проживала попрежнему во мракѣ подземелья. Хотя Нелль, по смерти старика, пыталась удержать гарфанга при себѣ, онъ скрылся черезъ нѣсколько дней. Не говоря о томъ что человеческое общество также мало нравилось ему какъ и его бывшему господину, гарфангъ повидимому питалъ особую неприязнь къ Гарри; ревнивая птица узнала въ немъ перваго похитителя Нелль, у котораго она оспаривала ее съ такимъ ожесточеніемъ во время ихъ подъема изъ пропасти.

Съ этого времени Нелль видала его только черезъ дощатые промежутки, летающаго надъ Малькольмовымъ озеромъ. Желала ли онъ увидѣть свою прежнюю подругу? Желала ли проникнуть своими зоркими глазами въ глубину пропасти, поглотившей Сильфакса?

Оба мѣнянія были приняты, ибо гарфангъ сдѣлался легендарнымъ и внушилъ Джеку Райану множество фантастическихъ разказовъ.

Благодаря этому весельчаку, до сихъ поръ на шотландскихъ вечерахъ распѣваютъ дѣгенду о птицѣ стараго Сильфакса, бывшаго „кающагося грѣшника“ Аберфойльскихъ колей.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

НАБАБЪ

ФРАНЦУЗСКІЕ НРАВЫ

АЛЪФОНСА ДОДЭ

Переводъ съ французскаго

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ

1877

НАБАВЪ

ФРАНЦУЗСКІЕ ПРАВЫ

АЛЬФОНСА ДОДЭ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ЧАСТЬ I.

I. Больные доктора Дженкинса.

Въ одно ноябрьское утро, на крыльцѣ своего маленькаго отеля, на Лисабонской улицѣ, стоялъ гладко выбритый, съ блестящими глазами, съ полукрытыми отъ внутреннего довольства устами, съ длинными съ легкою просвѣдою волосами падавшими на воротникъ плаща, широкоплечій, крѣпкій и здоровый, знаменитый ирландскій докторъ Робертъ Дженкинсъ, кавалеръ Меджидіэ и ордена Карла III Испанскаго, членъ многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, президентъ-основатель Виелеемскаго заведенія, Дженкинсъ, изобрѣтатель Джекинсовыхъ пилюль съ мышьякомъ, то есть модный врачъ 1864 года, самый занятой человекъ въ Парижѣ; онъ готовился сѣсть въ карету, когда въ бельэтажѣ открылось окно на внутренній дворъ отеля, и женскій голосъ робко спросилъ:

— Возвратитесь ли вы домой завтракать, Робертъ?

О! какою доброю и чистосердечною улыбкой вдругъ озярившись эта прекрасная голова ученаго и глашатая врачебной мудрости, и какъ легко было въ нѣжномъ привѣтѣ, который глаза его послали вверхъ къ теплему бѣлому леньюару, мелькавшему изъ-за приподнятой занавѣски, угадать одну изъ тѣхъ супружескихъ привязанностей, спокойныхъ и надежныхъ, которыя привычка скрѣпляетъ всею гибкостью и прочностью своихъ узъ.

— Нѣтъ, госпожа Дженкинсъ.... (Онъ любилъ такъ публично придавать ей титулъ законной супруги, находя въ этомъ душевное удовольствіе, нѣчто въ родѣ удовлетворенія совѣсти относительно женщины которая доставляла ему столько счастья).—Нѣтъ, не ждите меня сегодня утромъ. Я завтракаю на Вандомской площади.

— Ахъ, да!... Набавъ, сказала красавица госпожа Дженкинсъ съ весьма замѣтнымъ отгѣнкомъ уваженія къ этому лицу изъ *Тысячи и Одной Ночи*, о которомъ съ мѣсяцъ уже говорилъ весь Парижъ; потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, очень нѣжно, очень тихо, сквозь тяжелыя занавѣски, она проговорила такъ что слышалъ ее только одинъ докторъ.

— Въ особенноти, не забудьте то что вы мнѣ обѣщали.

Повидимому дѣло шло о чемъ-то весьма трудномъ для выполненія, ибо при воспоминаніи объ этомъ обѣщаніи брови глашатая мудрости нахмурились, улыбка окаменѣла, все лицо его приняло выраженіе невѣроятной суровости, но все это только на одно мгновеніе. У изголовья своихъ богатыхъ больныхъ фізіономіи модныхъ врачей пріобрѣтають умѣнье скрывать истину. Съ самымъ нѣжнымъ, самымъ задушевнымъ видомъ онъ отвѣчалъ, выказывая рядъ зубовъ ослѣпительной бѣлизны:

— Что я обѣщаль, то будетъ исполнено, госпожа Дженкинсъ. Теперь возвращайтесь скорѣе и закройте окно. Туманъ холоденъ нынѣшнимъ утромъ.

Да, правда, туманъ былъ холоденъ, но былъ какъ свѣжыя пары, и разстилаясь за окнами кареты, онъ бросалъ кроткій отблескъ на газету развернутую въ рукахъ доктора. Тамъ въ населенныхъ кварталахъ, тѣсно сжатыхъ и черныхъ, въ Парижѣ торговомъ и рабочемъ, неизвестенъ этотъ красивый утренній туманъ, долго лежащій по большимъ улицамъ; рано утромъ дѣятельность пробужденія,

безпрерывное движеніе телѣжекъ съ огородною зеленью, омнибусовъ, тяжелыхъ повозокъ, какъ разъ раздробить его, развѣютъ и разнесутъ. Каждый прохожій уноситъ частичку его въ своемъ изношенномъ пальто, въ сильно продырявленномъ кашне, въ толстыхъ потертыхъ перчаткахъ. Онъ пропитываетъ дрожація блузы, ватерпруфы накинутае на рабочія юбки; онъ таетъ отъ дыханія всѣхъ этихъ людей, горячаго, отъ бессонницы или алкоголя, проникаетъ въ глубину пустыхъ желудковъ, распространяется по отлипающимъ лавкамъ, по чернымъ дворамъ, вдоль корридоровъ, гдѣ онъ обливаешь лѣстницы и стѣны до мансардъ не знающихъ никогда огня. Вотъ почему онъ такъ мало остается снаружи. Но въ той части Парижа, просторной и грандіозной, гдѣ проживали больные Дженкинса, на этихъ широкихъ бульварахъ, обсаженныхъ деревьями, на этихъ пустынныхъ набережныхъ, туманъ плавалъ неприкосновенный, многими слоями, клочковатый какъ вата, разстилался легкою почти сладостяною пленкой, ибо солнце, лѣживо поднимаясь на горизонтъ, начинало распространять отбѣнки слегка пурпурнаго свѣта, которые придавали туману, окутывавшему до самыхъ верхнихъ ряды стройно стоявшихъ отелей, видъ бѣлой кисеи, наброшенной на яркокрасныя ткани. Можно было подумать что то огромный занавѣсъ, прикрывающій юзднй и легкій сонъ богатства, густой занавѣсъ, сквозь который не было слышно ничего кромѣ тихаго скрипѣнія воротъ, звона жестяныхъ кувшиновъ продавцовъ молока, бубенчиковъ стада ослицъ, пробѣгающаго крупною рысью, сопровождаемаго короткимъ и лорывистымъ дыханіемъ ихъ пастиуха, и глухаго грохота кареты Дженкинса, начинавшаго свое ежедневное путешествіе.

Прежде всего въ отель Мора. Стоитъ онъ на набережной Орсе, рядомъ съ Испанскимъ посольствомъ, коего длинныя террасы служили продолженіемъ его террасъ, — великолѣпный дворецъ съ главнымъ подъѣздомъ съ Лильской улицы и съ дверями на набережную. Между двумя высокими стѣнами покрытыми плушемъ, соединенными между собою величественными сводами, карета пронеслась какъ стрѣла, возвѣщенная двумя ударами звучнаго колокольчика, извлекавшими Дженкинса изъ экстаза въ которой его погрузило чтеніе газеты. Потомъ тѣше сталъ стукъ колесъ катив-

шихся по песку обширнаго двора, и карета остановилась у крыльца отеля прикрытаго широкою маркизой въ ротонды. Сквозь туманъ видѣлся десятокъ экипажъ строившихся въ рядъ, и вдоль аллеи акацій, совершенно и обнаженной въ это время года, мелькали англійскихъ коныховъ проваживавшихъ верховыхъ лошадей герцога. Все обнаруживало роскошь стройную, сложную, грандіозную и обезпеченную.

„Какъ бы рано я ни пріѣхалъ, другіе все-таки пріѣдутъ раньше меня,“ сказалъ самъ себѣ Дженкинсъ, глядя на экипажъ въ который становилась его карета; но зная что его не заставятъ ждать, онъ прошелъ по крыльцу вверхъ голову, съ видомъ спокойнаго авторитета, въ специальное крыльцо, которое проходили ежедневно катившимися столами столько трелепущихъ честолюбій, килучихъ тревогъ.

Начиная съ передней, высокой и звучной, какъ которую кромѣ калориферовъ, горѣвшихъ день и ночь большіе каміны наполняли жизнью и блескомъ, этого помѣщенія разливалась струями теплыми и яркими. Оно походило и на оранжерею и на парокъ. Много тепла и свѣта, бѣлыя стѣны рѣзнаго дерева мраморъ, громадныя окна; ничего удручающаго и замкнутого и тѣмъ не менѣе атмосфера ровная, созданная для сузаванія избраннаго, утонченнаго и нервнаго. Дженкинсъ цвѣталъ душой на этомъ искусственномъ солнцѣ бытія, онъ привѣтствовалъ словами: „здравствуйте дѣти!“ лудренаго швейцара съ широкою золотою перевязкою въ короткихъ штанахъ, въ дивреяхъ синихъ томъ, вставшихъ предъ нимъ для выраженія своего уваженія, коснулся пальцемъ большой клятки уистити, съ ихъ рѣзкими криками и прыжками, и поднялся, посвящая по лѣстницѣ свѣтлаго мрамора, покрытой ковромъ, густымъ какъ дернъ, которая вела въ апартаменты герцога. Шесть мѣсяцевъ уже ѣздилъ добрейшій докторъ въ отель Мора и каждый разъ испытывалъ чисто-физическое впечатлѣніе веселости и легкости, которое онъ ощущалъ при первомъ вступленіи въ этотъ домъ.

Несмотря на то что вы были въ жилищѣ перваго сановника Имперіи, ничто не напоминало въ немъ администраціи и ея картоновъ полныхъ пыльными бумагами. Герцогъ

и не успѣлъ принять высокій постъ государственнаго министра-президента совѣта, только съ условіемъ что онъ останется въ своемъ отелѣ; онъ ѣздилъ въ министерство на два часа для того чтобы подписать неотложныя бумаги, и аудіенціи давалъ у себя въ спальнѣ. Въ эту аудіенцію, несмотря на ранній часъ, приемная зала была полна. Тамъ мелькали лица важныя, смущенныя, провинціальныя, префекты съ гладко выбритыми подбородками, съ административными бакенбардами, менѣе недоступныя въ этой аудіенціи, чѣмъ въ своихъ префектурахъ; судьи съ суровымъ видомъ, съ умѣренными тѣлодвиженіями, важныя бывшіе депутаты, финансовыя знаменитости, богатырскіе заводчики, между которыми тамъ и сямъ выдѣлялся сухощавый честолюбивый силуэтъ какого-нибудь подкакта или совѣтника префектуры, въ одеждѣ просителя, въ фракѣ и бѣломъ галстукѣ; и все стоя, сидя, группами, гдѣ-нибудь, безмолвно устремляя взоры на эту высокую, блестящую надъ ихъ участіемъ дверь, которая скоро отворится для нихъ и изъ которой они выйдутъ съ торжествомъ, первоначально понуривъ голову. Дженкинсъ быстро миновалъ залу и каждый съ завистью слѣдилъ глазами за этимъ удалявшимся, котораго дежурный съ цѣлью на груди, въ перчаткѣ и леденой, сидѣвшій у стола подлѣ двери, приветствовалъ улыбкой почтительною и вмѣстѣ фамиліарною. — Что у него? спросилъ докторъ указывая на комнату герцога.

Черезъ зубы, съ нѣсколькимъ проницательнымъ движеніемъ, дежурный прошепталъ имя, которое еслибы его услышали, привело бы въ негодование всѣхъ этихъ высокопоставленныхъ особъ, ожидающихъ цѣлый часъ, чтобы оперный костюмеръ окончилъ свою аудіенцію.

Вотъ голосовъ, струя свѣта... То Дженкинсъ вздохнулъ въ кордогу. Онъ никогда не ждалъ.

Спокойной спиной къ камину, въ мѣховомъ камзолѣ синяго цвета, нѣжный отблескъ котораго умѣрялъ суровость энергичнаго и гордаго лица, президентъ совѣта заставлялъ насомать у себя на глазахъ костюмъ, который герцогиня надевала надѣтъ на предстоящемъ балѣ, и дѣлалъ свои замѣчанія съ такою же важностью, какъ будто бы онъ диктовалъ какой-нибудь законопроектъ.

— Покройте очень тонкимъ рюшемъ воротничокъ и не

дѣлайте рюша на рукавчикахъ... Здравствуйте, Дженкинсъ... Я сейчасъ займусь съ вами.

Дженкинсъ наклонился и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по огромной комнатѣ, окна которой выхода въ садъ, улиравшіяся въ берегъ Сены, открывали одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ Парижа, мосты, Тюильри, Лувръ, въ промежуткахъ между черными деревьями, начерченными какъ бы китайскою тушью на волнующемся фонѣ тумана. Широкая, очень глубокая кровать, возвышенная на нѣсколько стульевъ, двѣ-три маленькія лакированные ширмочки съ неопредѣленными и фантастическими украшеніями изъ позолоты, свидѣтельствовавшія вмѣстѣ съ двойными дверями и шерстяными луиистыми коврами о доведенный до крайности боязни холода, различныя сѣдалища, длинныя кресла, кушетки, разбросанныя какъ попало, низенькія, круглыя, формы безлечной и сладострастной, составляли меблировку этой пресловутой комнаты, гдѣ трактовали о самыхъ важныхъ и о самыхъ ничтожныхъ вопросахъ съ одинаковымъ серьезнымъ выраженіемъ. На стѣнѣ прекрасный портретъ герцогини; на каминѣ бюстъ герцога, произведение Феллини Рюисъ, удостоенное на послѣдней выставкѣ первой медалі.

— Ну, Дженкинсъ, какъ проживаете сегодня утромъ? сказалъ его свѣтлость, подходя къ нему, между тѣмъ какъ костюмеръ собиралъ свои модные рисунки, разложенные по кресламъ.

— А вы, любезный герцогъ? Я нашелъ что вы были нѣсколько блѣдны вчера въ театрѣ *Variétés*.

— Полноте! Я никогда не чувствовалъ себя лучше... Ваши люлюи производятъ на меня чертовское дѣйствіе, я чувствую такую живость, свѣжесть... Какъ подумаю, какой я былъ разбитый шесть мѣсяцевъ тому назадъ!

Дженкинсъ, не говоря ни слова, приложилъ свою большую голову къ мѣховому камзолу государственнаго министра въ томъ мѣстѣ гдѣ бьется сердце у обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ послушалъ съ минуту, между тѣмъ какъ его свѣтлость продолжалъ говорить безлечнымъ, утомленнымъ тономъ, составлявшимъ характеристическую черту его бесѣды.

— Съ кѣмъ вы это были, докторъ, вчера вечеромъ? Кто этотъ высокій Татаринъ съ мѣднымъ лицомъ, который такъ громко смѣялся въ вашей ложѣ?

— Это Набабъ, герцогъ... Тотъ знаменитый Жансуае о которомъ такъ много толкуютъ въ эту минуту.

— Мнѣ бы слѣдовало догадаться. Вся зала смотрѣла на него. Актрисы для него только и играли... Вы знакомы съ нимъ? Чтò это за человѣкъ?

— Я знакомъ съ нимъ... то-есть я лѣчу его... Благодаря, любезный герцогъ, я кончилъ. Все въ исправности... Когда мѣсяцъ тому назадъ онъ прѣѣхалъ въ Парижъ, то на него неблагоприятно подѣйствовала переменна климата. Онъ пригласилъ меня и съ тѣхъ поръ очень меня полюбилъ... Я знаю о немъ только то что у него колоссальное состояніе, приобретенное въ Тунисъ на службѣ у бей, честное сердце, благородная душа, въ которой идея человѣколюбія...

— Въ Тунисъ? перерывъ герцогъ, по природѣ своей отнюдь не сентиментальный и не слишкомъ склонный къ гуманнымъ идеямъ. — Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же его называютъ набабомъ?

— Ба! Парижане не пускаются въ такія тонкости... Для нихъ всякій богатый иностранецъ набабъ, откуда бы онъ ни прибылъ... У этого, впрочемъ, всѣ принадлежности набаба: мѣдный цвѣтъ лица, глаза какъ горячіе угли, сверхъ того колоссальное состояніе, которымъ онъ, смѣло могу сказать, распоряжается самымъ благороднымъ и разумнымъ образомъ. Ему я обязанъ — при этомъ докторъ принялъ скромный видъ — что мнѣ удалось устроить Виенское заведеніе для питанія дѣтей, которое утренняа газета, сейчасъ мною прочитанная, *Messenger*, если не ошибаюсь, называетъ „великою филантропическою идеей этого вѣка“.

Герцогъ бросилъ разсѣянный взглядъ на листокъ, который подавалъ ему Дженкинсъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей на которыхъ дѣйствуютъ рекламы.

— Онъ долженъ быть очень богатъ, этотъ господинъ Жансуае, сказалъ онъ холодно. — Онъ поддерживаетъ театръ Карделяка. Монпансонъ заставляетъ его платить свои долги, Буа-Ландри устраиваетъ ему конюшню, старикъ Швальбахъ картинную галерею... Все это стоить денегъ.

Дженкинсъ засмѣялся.

— Чтò прикажете дѣлать, любезный герцогъ. Вы сильно занимаете этого бѣднаго Набаба. Прибывъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться Парижаниномъ, свѣтскимъ человѣкомъ, онъ принялъ васъ за образецъ во всемъ и не

окрою отъ васъ что ему желательно было бы изучить свой образецъ вблизи.

— Знаю, знаю... Монпавонъ уже просилъ у меня позволенія привезти его ко мнѣ... Но я хочу подождать, посмотреть... Съ этими богатствами прибывающими издалека сдѣдуетъ держать себя очень осторожно... Боже мой, я не имѣю ничего противъ него... Если я его встрѣчу гдѣ-нибудь, только не у меня, въ театрѣ, въ салонѣ...

— Господа Дженкинсъ намѣрена дать маленькій праздникъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Если вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ честь...

— Я охотно прїѣду къ вамъ, мой милый докторъ, и въ такомъ случаѣ, если вашъ Набабъ будетъ тамъ, я не прочь, чтобы мнѣ его представили.

Въ эту минуту дежурный чиновникъ пріотворилъ дверь.

— Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ голубомъ салонѣ... Онъ желаетъ сказать только одно слово вашей свѣтлости... Господинъ полицейскій префектъ ожидаетъ все еще внизу въ галлерей.

— Хорошо, сказалъ герцогъ, — иду сейчасъ... Но прежде мнѣ надо кончить съ этимъ костюмомъ... Посмотримъ, господинъ... какъ-бъшь васъ... что мы рѣшимъ съ этимъ рюшемъ. До свиданія, докторъ... вѣдь мнѣ ничего не дѣлать больше, какъ продолжать пилюли?

— Продолжайте пилюли, сказалъ Дженкинсъ, откланиваясь; и онъ вышелъ совершенно счастливый тѣмъ что ему на долю разомъ выпало два блага — честь принять у себя герцога и удовольствіе оказать услугу своему любезному Набабу.

Въ передней толпа просителей, мимо которой онъ прошелъ, была еще многочисленнѣе чѣмъ при его прїѣздѣ; вновь прибывшіе присоединились къ прежнимъ страдальцамъ; другіе поднимались по лѣстницѣ, озабоченные и совершенно блѣдые, а на дворѣ еще подѣзжали кареты и становились въ кружокъ по обѣ стороны, важно, торжественно, между тѣмъ какъ вопросъ о манифестахъ съ немалымъ торжественностью обсуждался въ кабинетахъ герцога.

— Въ клубъ, сказалъ Дженкинсъ своему кучеру.

Карета покатила въдоль набережныхъ, миновала снова мосты, достигла Площади Согласія, видъ которой уже совершенно измѣнился. Туманъ отодвинулся къ Гардъ-Мѣблю

и къ греческому храму Магдалины, и сквозь него тамъ и сямъ видѣлись то бѣлая струйка фонтана, то своды дворца, то голова статуи, то кусты Тюльріійскаго сада, прижавшіеся къ рѣшеткѣ, какъ бы дрожа отъ холода. Покрывало не приподнятое, но мѣстами разорванное, открывало клочки горизонта, и по проспекту ведущему къ Триумфальной Аркѣ видѣлись проѣзжавшіе крупною рысью фургоны, наполненные кучерами и конюхами, драгуны императрицы, пестрые ѣздовые въ наброшенныхъ на плечи шубахъ двигавшіеся попарно събряцаньемъ удилъ, шпоръ, толпотомъ копей,—все это освѣщенное еще невидимымъ солнцемъ, выходящее изъ тумана, и снова возвращающееся въ него массами, какъ быстрое видѣніе утренней пышности этого квартала.

Джеккинсъ вышелъ изъ экилижа на углу Королевской улицы. Сверху до низу большого игорнаго дома расхаживали слуги, вытрясая ковры, освѣжая салоны, гдѣ носились столбы сигарнаго дыма, гдѣ массы тонкаго, горячаго лепла падали во глубину каминовъ, между тѣмъ какъ на зеленыхъ столахъ, еще хранившихъ слѣды ночной игры, горѣли въ серебряныхъ шандалахъ свѣчи, пламя которыхъ слабо мерцало посреди блѣднаго утренняго свѣта. Шумъ и суетня останавливались на второмъ этажѣ, гдѣ нѣкоторые члены клуба имѣли свои квартиры. Въ числѣ ихъ былъ маркизъ де-Монлавонъ, къ которому отправился Джеккинсъ.

— Какъ! это вы, докторъ?... Чортъ возьми... который же часть? Дѣло въ томъ что я невидимъ.

— Даже для доктора?

— О, ни для кого... Вопросъ о приличіи, мой милый... Все равно, все-таки войдите и погрѣйте себя минуточку ноги. Я въ моей туалетной. Мы поговоримъ издали пока Францисъ окончитъ мою прическу.

Джеккинсъ, слухомъ хорошо знавшій своего почтеннаго друга маркиза де-Монлавона чтобы настаивать, взшелъ въ спальню, пошлую какъ всѣ меблированныя комнаты, и подошелъ къ огню, на которомъ накачивались парикмахерскіе щипцы всѣхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ въ соседней лабораторіи, отдѣленной отъ спальни алжирскою занавѣской, Монлавонъ предоставлялъ себя манипуляціямъ своего камердинера. Запахъ лачули, кольдъ-крема, жевыхъ волосъ вылеталъ изъ этого тѣснаго пространства, и время отъ времени, когда Францисъ являлся вынимать

щипцы, Дженкинсъ различалъ громадныя туалеты, заваленныя тысячами маленькихъ инструментовъ изъ слоновой кости, перламутра и стали, лилокъ, ножницъ, кисточекъ и щетокъ, сткланокъ, косметиковъ, снабженныхъ этикетками, выстроенныхъ въ линію, и между всею этою выставкой неловкая и уже дрожащая старческая рука, сухая и длинная, съ ногтями отдѣланнвыми какъ у японскаго живописца, колебалась посреди этихъ стаканчиковъ, тазиковъ и фаянсовыхъ игрушекъ.

Прибирая себѣ лицо, — что составляло самое продолжительное, самое сложное изъ его утреннихъ занятій, — Монлавонъ разговаривалъ съ докторомъ, сообщалъ ему о своихъ припадкахъ, о превосходномъ дѣйствиіи лилуль, которыя молодили его, какъ онъ говорилъ. Издали, не видя его, можно было подумать что слушаетъ герцога де-Мора, до такой степени онъ усвоилъ себѣ его манеру говорить. Тѣ же самыя неоконченныя фразы, съ прибавкой сквозь зубы лш... лш... лш..., слова „какъ бишь васъ“, „какъ это тамъ“ вставляемыя по всякому поводу въ рѣчь, родъ аристократическаго лепета, утомленнаго, лѣниваго, въ которомъ чувствовалось глубокое презрѣніе къ вульгарному искусству слова. Между окружающими герцога всѣ старались подражать этому говору, этимъ презрительнымъ интонаціямъ съ аффектаціей простоты.

Дженкинсъ, находя бесѣду слишкомъ продолжительною, всталъ и собрался ѣхать.

— Прощайте! я уѣзжаю... Вы будете у Набаба?

— Да, я располагаю у него завтракать... Я обѣщалъ ему привести... какъ бишь того... ну какъ его зовутъ?... Вы знаете, для нашего кружкаго дѣла... лш... лш... лш... Безъ чего, конечно, я бы не поѣхалъ туда... Домъ этотъ настоящій звѣринецъ.

Ирландецъ, несмотря на свою свисходительность, сознался что общество у его друга нѣсколько смѣшанное.

— Но на него за это нельзя быть въ претензіи. Онъ самъ этого не знаетъ, бѣднякъ!

— Онъ не знаетъ, да и учиться не хочетъ, сказалъ Монлавонъ желчно. — Вмѣсто того чтобы совѣтываться съ опытными людьми, онъ обращается къ первому встрѣчному блудлизу. Видѣли ли вы пару лошадей которыхъ заставлялъ его купить Буа-Ландри? Дрянъ сущая. Онъ заплатилъ за

нихъ двѣнадцать тысячъ. Держу пари что Буа-Ландри купилъ ихъ за шесть.

— Фи! что вы говорите!... Дворянинъ, сказалъ Дженкинсъ съ негодованіемъ благородной души, отказывающейсѣ въ-рять дурному.

Моялавонъ продолжалъ, какъ бы не слыхавъ сказаннаго:

— И все потому что лошади эти изъ конюшенъ Мора.

— Правда, что герцогъ очень занимаетъ этого любезнаго Набаба. За то я и сдѣлаю его счастливымъ когда сообщу ему...

Докторъ остановился въ затрудненіи.

— Что вы ему сообщите, Дженкинсъ?

Нѣсколько пристыженный Дженкинсъ долженъ былъ сознаться что онъ получалъ отъ его свѣтлости позволеніе представить ему его друга Жансуле. Едва онъ окончилъ свою фразу, какъ длинное привидѣніе съ дряблымъ лицомъ, съ разноцвѣтными волосами и бакенбардами, выскочило изъ кабинета въ спальню, придерживая обѣими руками на тощей, но очень прямой шеѣ, шелковый съ фіолетовыми крапинками леньюаръ, которымъ онъ окутывался какъ конфетка въ бумажку. Всего болѣе выдавался на этой герои-комической фizioноміи большой узкій носъ, блестящій кольдъ-кремомъ, и живой, острый взглядъ, слишкомъ юный, слишкомъ ясный для тяжелой и старческой рѣсницы его прикрывавшей. Больные Дженкинса всѣ имѣли такой взглядъ.

Поистинѣ, Моялавонъ долженъ былъ до крайности взволноваться чтобы выйти на свѣтъ въ такомъ видѣ, безо всякихъ прикрасъ. И дѣйствительно губы у него лобѣднѣли, голосъ дрожалъ, когда онъ съ живостью обратился къ доктору, и, не замкаясь уже на этотъ разъ, проговорилъ однимъ духомъ.

— Послушайте, мой милый, прошу чтобы между нами не было фарсовъ; ихъ не будетъ, не правда ли? Мы встрѣтились оба у одной чаши; но я не трогаю вашей доли, и желаю чтобы вы не касались моей.

Удивленный видъ Дженкинса не остановилъ его и онъ продолжалъ:

— Скажу вамъ разъ навсегда. Я обѣщалъ Набабу представить его герцогу, какъ представилъ и васъ когда-то. Не мѣшайте же въ это, это касается меня одного.

Дженкинсъ, положивъ руку на сердце, заявилъ о своей

невинности. Онъ никогда не имѣлъ намѣренія... Конечно Монлавонъ былъ слишкомъ близокъ герцогу чтобы кто-нибудь другой... Какъ могъ онъ предположить?..

— Я ничего не предполагаю, сказалъ маркизъ, болѣе спокойнымъ, но все-таки холоднымъ тономъ.—Я хотѣлъ только прямо объясниться съ вами по этому предмету.

Ирландецъ протянулъ ему руку.

— Любезный маркизъ, между людьми ставящими честь выше всего объясненія всегда прямы.

— Честь, слишкомъ громкое слово Дженкинса... Скажемъ между приличными людьми, этого достаточно.

И это приличіе, которое онъ считалъ главнымъ правиломъ жизни, наломало другъ маркизу всю комплиментность его положенія; онъ протянулъ лалецъ своему пріятелю, такъ демонстративно протянувшему ему руку, и съ достоинствомъ удался за занавѣсъ, между тѣмъ какъ тотъ уходилъ, торопясь приняться снова за свои визиты.

Какая великолѣпная практика была у Дженкинса! Все только княжескіе отели, теплыя двѣтаны, украшенныя цвѣтами по всѣмъ этажамъ, шелковистые, выстеганные альковы, гдѣ болѣзнь являлась окомною, элегантною, гдѣ отнюдь не чувствовалась грубая рука, которая бросаетъ на нищенское ложе тѣхъ, которые переатаютъ работать для того только чтобъ умереть. По справедливости кліентовъ ирландскаго доктора нельзя было назвать больными. Такихъ не принимали бы въ госпиталь. Такъ какъ органы ихъ не имѣли даже силы потрясенія, то нельзя было опредѣлить мѣста ихъ болѣзни, и врачъ выслушивающій ихъ напрасно сталъ бы отыскивать трепетъ страданія въ этихъ тѣлахъ, гдѣ уже обитали безсиліе и безмолвіе смерти.

То были люди истощенные, обезсиленные, сожженные вѣтлою жизнью, которая тѣмъ не менѣе казалась имъ столь привлекательною что они съ ожесточеніемъ старались продолжить ее. И лиялюи Дженкинса становились знамениты именно потому что онѣ служили ударами бича для этихъ истощенныхъ организмовъ.

— Докторъ, заклинаю васъ, доставьте мнѣ возможность быть сегодня вечеромъ на балѣ! говорила едва слышнымъ голосомъ молодая женщина лежавшая въ истощеніи на кушеткѣ.

— Вы поѣдете, дитя мое.

И она отправлялась на балъ и никогда не казалась столь прекрасною.

— Докторъ! во что бы то ни стало, если даже пришлось бы умереть отъ того, мнѣ необходимо быть завтра въ свѣтѣ министровъ.

И онъ вѣхалъ туда и своимъ краснорѣчіемъ и дипломатическою ловкостью торжествовалъ надъ всѣми своими противниками. А послѣ? какое дѣло до того что было послѣ.... Важно то что до послѣдняго дня лаціенты Дженкинса вызывали въ свѣтъ, показывались повсюду и обманывали жадный эгоизмъ толпы. Они умирали на ногахъ, какъ и подобаетъ свѣтокимъ людямъ.

Послѣ тысячи поворотовъ по Шоссе д'Антенъ, по Елисейскимъ Полямъ, посѣтивъ все что было богатаго и знатнаго въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре, модный врачъ остановился на углу Куръ-де-ла-Ренъ и улицы Франциска I, у округленнаго фасада, примыкающаго къ набережной, и прошелъ въ нижній этажъ, въ помѣщеніе отнюдь не похожее на тѣ, которыя онъ посѣщалъ по утру. Начиная со входа, шпалеры по стѣнамъ, старыя рамы со свинцовыми рѣшетками, робкій и смѣшанный свѣтъ, громадное деревянное изваяніе святаго насупротивъ какого-то японскаго чудища съ выпученными глазами и спиной покрытою тонкою чешуей, обнаруживали фантастическій и своеобразный вкусъ артиста. Маленькій сауга, отворившій дверь, держалъ на сворѣ арабскую борзую собаку, ростомъ болѣе себя.

— Госпожа Констансъ у обѣда, сказалъ онъ,—а барышня въ мастерской одна... Мы работаемъ съ шести часовъ утра, прибавилъ мальчикъ съ жалобнымъ зѣвкомъ, который собака поймала налету и въ свою очередь открыла огромную розовую ласть съ острыми зубами.

Дженкинсъ, который, какъ мы видѣли, входилъ такъ спокойно въ комнату государственнаго министра, дрогнувъ, поднимая занавѣску закрывавшую отворенную дверь мастерской. То была великолѣпная мастерская скульптора; уголокъ фасада представлялъ сплошную стекающую стѣну съ пилястрами по краямъ, широкой, яркой просвѣтъ, какъ бы ослеповый въ эту минуту людъ вліяніемъ тумана. Болѣе украшенная, чѣмъ обыкновенно бываютъ такія рабочія комнаты, которыя по алебастровымъ пятнамъ, по кускамъ глины, желѣзнымъ орудіямъ и кадкамъ съ водою,

болѣе похожи на жилища каменщиковъ, эта мастерская соединяла въ которое кокетство съ своимъ артистическимъ назначеніемъ. Зеленѣющія растенія по всѣмъ угламъ, нѣсколько прекрасныхъ картинъ, развѣшанныхъ на обнаженной стѣнѣ, и тамъ и сямъ на дубовыхъ консоляхъ два-три произведенія Себастьяна Рюиса, изъ коихъ послѣднее, выставленное послѣ его кончины, было покрыто чернымъ крепомъ.

Хозяйка дома, Фелиція Рюисъ, дочь знаменитаго скульптора, и сама уже извѣстная двумя образцовыми произведеніями—бюстами своего отца и герцога де-Мора,—стояла посреди мастерской, собираясь лѣпить фигуру. Одѣтая въ амазонку изъ синяго сукна, плотно охватывающую ее станъ, съ китайскою косыночкой обернутою около шеи какъ дѣтскій галстукъ, съ черными и тонкими волосами, лежавшими безыскусственно вокругъ ея античной головки, Фелиція работала съ необыкновеннымъ жаромъ, который возвышалъ ея красоту сосредоточенностью, выраженіемъ вниманія и удовольствія, разлитого по всѣмъ чертамъ ея лица.

— Ахъ, это вы, сказала она рѣзко, какъ бы пробудясь отъ сна.—Стало-быть звонили?... А я и не слыхала.

И посреди скуки и утомленія, быстро разлившихся по этому очаровательному личику, выразительными и блестящими оставались только глаза,—глаза, въ которыхъ искусственный блескъ пилюль Дженкинса оживалась еще природною неукротимостью.

О, какую смиренную и сосредоточенную интонацію принялъ голосъ доктора, когда онъ отвѣчалъ ей:

— Значить, работа ваша сильно истощаетъ васъ, милая Фелиція?... Вы дѣлаете что-то новое... Мнѣ кажется что это нѣчто очень хорошее.

Онъ подошелъ къ безформенной еще массѣ, отъ которой смутно отдѣлялась группа двухъ животныхъ, изъ которыхъ одно, борзая собака, дѣлала необыкновенный прыжокъ.

— Мысль эта пришла мнѣ въ голову ночью... Я начала работать при лампѣ... Вотъ моему бѣдному Кадору не очень весело, сказала молодая дѣвушка, ласково взглянувъ на борзую собаку, которой маленькій слуга старался разставить лапы, чтобы придать надлежащую позу.

Дженкинсъ отеческимъ тономъ замѣтилъ ей, что она напрасно такъ утомляется и съ большими предосторожностями прикасаясь къ ея рукѣ, сказалъ:

— Посмотримъ, я увѣренъ что вы въ лихорадочномъ состояніи.

Почувствовать прикосновеніе его руки, Фелиція обнаружила какъ бы невольное чувство отвращенія.

— Оставьте... оставьте... ваши лиліи тутъ не помогутъ... Когда я не работаю, мнѣ скучно, скучно до смерти, такъ скучно что я готова наложить на себя руки; мысли мои одинаковаго цвѣта съ водой которая течетъ тамъ, мутная и тяжелая... Начинать жизнь и чувствовать къ ней отвращеніе! Это жестоко... Я дохожу до того, что завидую моей бѣдной Констансѣ, которая проводитъ дни сидя въ своей комнатѣ, не раскрывая рта, но въ одиночествѣ улыбаясь прошедшему, которое она живо помнитъ... У меня даже и этого нѣтъ, у меня нѣтъ добрыхъ воспоминаній... У меня только работа... работа!

Говоря это она съ ожесточеніемъ дѣлила то инструментомъ, то пальцами, которые она отъ времени до времени обтирала о губку лежавшую на деревянной подставкѣ, поддерживавшей голову, такъ что ея жалобы, ея страданія, необъяснимыя на двадцатилѣтнихъ устахъ, озаренныхъ въ минуты спокойствія всею чистотой античной улыбки, казались произносимы были какъ попало и не обращаясь ни къ кому. Тѣмъ не менѣе Дженкинсъ казался смущеннымъ, встревоженнымъ, несмотря на очевидное вниманіе съ которымъ онъ слѣдилъ за дѣломъ художницы или точнѣе сказать за самою художницей, за торжественною граціей этой дѣвушки, красота которой какъ будто предназначена была для изученія пластическихъ искусствъ.

Чувствуя нѣкоторую неловкость отъ этого восторженнаго взгляда на нее устремленнаго, Фелиція продолжала:

— Кстати, знаете ли вы что я видѣла его, вашего Набаба... Мнѣ его показали въ прошедшую пятницу въ Оперѣ.

— Вы были въ Оперѣ въ пятницу?

— Да... герцогъ прислалъ мнѣ свою ложу.

Дженкинсъ измѣнился въ лицѣ.

— Я уговорила Констансу ѣхать со мной. Въ первый разъ по простѣвнѣ двадцати пяти лѣтъ, со времени своего профессиональнаго представленія, она была въ Оперѣ. И какое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ спектакль! Особенно во время балета, она дрожала, лицо ея оживилось, всѣ прежнія услѣхи свѣтились въ ея глазахъ. Какое счастье испы-

тывать подобныя впечатлѣнія... Настоящій типъ, этотъ Набабъ. Привезите его ко мнѣ. Вотъ голова которую я выдѣлаю съ удовольствіемъ.

— Онъ? да онъ безобразенъ!... вы вѣрно не хорошо разсмотрѣли его.

— Напротивъ, отлично разсмотрѣла. Онъ сидѣлъ прямо противъ насъ... Эта маска бѣлаго Эѳіюла будетъ превосходна изъ мрамора. И ужъ не пошлая по крайней мѣрѣ!... Къ тому же, онъ такъ дурень, что вы не будете такъ несчастливы, какъ въ прошедшемъ году, когда я дѣлала бюстъ Мора... Какое непріятное лицо у васъ было тогда, Дженкинсъ!

— Десяти лѣтъ жизни я не возьму за то чтобы повторились эти минуты, мрачнымъ голосомъ прошепталъ Дженкинсъ.—Но васъ кажется забавляютъ страданія другихъ?

— Вамъ очень хорошо извѣстно что меня ничто не забавляетъ, сказала она, пожимая плечами съ видомъ глубочайшаго пренебреженія.

Потомъ, несмотря на него, не прибавивъ ни слова, она углубилась въ ту безмолвную дѣятельность, въ которой истинные художники уходятъ отъ самихъ себя и ото всего ихъ окружающаго.

Дженкинсъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по мастерской, сильно взволнованный, готовый, но не осмѣлившійся произнести признаніе, начиналъ двѣ, три фразы оставшіяся безъ отвѣта; наконецъ, понимая что его присутствіе непріятно, онъ взялъ шляпу и направился къ двери.

— И такъ рѣшено... вамъ привезти его?

— Кого это?

— Да Набаба... Вѣдь вы сами только сейчасъ...

— Ахъ да!... сказала странная дѣвушка, фантазія которой были не продолжительны,—привезите его, если хотите; мнѣ все равно.

И ея мрачный голосъ, въ которомъ что-то было надломлено, безлечность всего ея существа, вполнѣ подтверждали истину ея словъ, что она не дорожитъ ничѣмъ на свѣтѣ.

Дженкинсъ вышелъ отъ нея сильно взволнованный, съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Но какъ только онъ вышелъ на воздухъ, къ нему возвратилась его открытая и улыбающаяся фізіономія, свойственная тѣмъ, которые въ маскахъ выходятъ на улицу. Утро подвигалось впередъ.

Туманъ, еще видимый вблизи Сены, носился только клочками и придавалъ воздушную легкость домамъ набережной, выдѣлявшимъ свои силуэты, парходамъ, колеса которыхъ не были видны, отдаленному горизонту, на которомъ куполъ Инвалиднаго Дома плавалъ подобно поволоченному аэростату. Тенюта, распространившаяся въ воздухъ, движеніе квартала, ясно говорили что полдень не далеко, что скоро пробьетъ двѣнадцать на всѣхъ колокольняхъ.

Прежде чѣмъ отправиться къ Набабу, Дженкинсъ долженъ былъ, однако, сдѣлать еще одинъ визитъ. Но визитъ этотъ казался ему очень непріятенъ. Но надо его сдѣлать, потому что онъ обѣщалъ! И садясь въ карету, онъ говорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— № 68, улица Св. Фердинанда о Тервъ.

Скандализованный кучеръ Джоэ заставлялъ повторить себѣ адресъ два раза; самая лошадь обнаружила колебаніе, какъ будто кровное животное и свѣжая ливрея возмущались при мысли о поѣздкѣ въ столь отдаленное предмѣстье, за предѣлы ограниченнаго, но блестящаго круга, гдѣ группировались лаціенты ихъ господина. Тѣмъ не менѣе карета безпрелютственно докатилась до провинціальной, неоконченной улицы и до послѣдняго зданія, лятиэтажнаго дома, который улица отравила какъ бы на рекогносцировку, чтобы узнать, можетъ ли она продолжиться въ эту сторону, — такъ одиноко стоялъ онъ посреди лустопорожнихъ земель, ожидающихъ будущихъ построекъ или наполненныхъ матеріалами разрушенія, съ грудями камней, старыми занавѣсками, висящими въ лустомъ пространствѣ, съ поломанными досками, на которыхъ торчали желѣзные гвозди — громадное кладбище цѣлаго заброшеннаго квартала.

Безчисленныя дощечки съ надписями видѣлись надъ дверями, украшенными большою рамой съ фотографіями, бѣлою отъ пыли, предъ которою на минуту остановился Дженкинсъ. Ужъ не за тѣмъ ли пріѣхалъ знаменитый врачъ такъ издалека, чтобы снять съ себя фотографическую карточку? Можно было подумать это, по вниманію съ которымъ онъ разсматривалъ эту выставку, гдѣ отъ лятинадцати до двадцати фотографій представляли одно и то же семейство въ различныхъ позахъ: старый господинъ съ подбородкомъ опирающимся на высокій бѣлый галстукъ, съ кожаной салфеткой подъ рукой, окруженный группой

молоденькихъ дѣвушекъ съ косами и въ локонахъ, со скромными украшеніями на черныхъ платьяхъ. То виденъ былъ старый господинъ только съ двумя дѣвочками; или же выдѣлялся одинъ изъ этихъ юныхъ и хорошенькихъ силуэтовъ одинокій, съ локтемъ упирающимся на обломокъ колонны, съ головой наклоненною надъ книгой, въ самой небрежной и естественной позѣ. Но вообще то былъ одинъ и тотъ же мотивъ съ вариациями, и въ витринѣ не видно было ниаго мужчины, кромѣ старика въ бѣломъ галстукѣ, чьихъ женскихъ лицъ, кромѣ его многочисленныхъ дочерей.

„Мастерская въ пятомъ этажѣ“, гласила надпись надъ рамой. Дженкинсъ вздохнулъ, смѣрилъ глазами пространство отдѣлявшее почву отъ балкона на верху, подъ облаками, и потомъ рѣшился взойти. Въ корридорѣ онъ встрѣтился съ бѣлымъ галстукомъ и съ великолѣпною кожаной сафеткой, очевидно со старымъ господиномъ красовавшимся въ витринѣ. На предложенный ему вопросъ, онъ отвѣчалъ, что г. Моранъ живетъ въ пятомъ этажѣ: „но, присовокупилъ онъ, съ успокоивающею улыбкой, этажи не высоки“. При этомъ лоощреніи Ирландецъ пустился вверхъ по лѣстницѣ, узкой и совершенно новой, съ площадками не шире одной стулени, съ одною дверью въ каждомъ этажѣ и съ узкими окнами, изъ которыхъ виденъ былъ дворъ съ некрасивою мостовою и другія клѣтка лѣстницъ, всѣ лустыя: одинъ изъ страшныхъ современныхъ домовъ, которые дюжинами строятъ спекулянты не имѣющіе ни гроша, и величайшее неудобство которыхъ составляютъ тонкія перегородки, заставляющія всѣхъ обитателей ихъ проживать какъ бы въ коммунистскомъ фаланстерѣ. Въ эту минуту неудобство это было не такъ ощутительно, потому что заняты были только четвертый и пятый этажи, какъ будто жильцы ушли туда съ неба.

Въ четвертомъ этажѣ, за дверью на которой мѣдная дощечка гласила: „Г. Жуайёзъ, экспертъ въ чистописаніи“, докторъ услышалъ свѣжій смѣхъ, молодую болтовню, шумъ дѣтскихъ шаговъ, сопровождавшіе его до слѣдующаго этажа, до фотографическаго заведенія.

Одно изъ самыхъ странныхъ явленій Парижа составляютъ эти мелкія промышленности забившіяся въ углы и какъ бы не имѣющія никакого сообщенія со внѣшнимъ міромъ. Невольно спрашиваешь себя, какимъ образомъ живутъ люди по-

мѣщающіеся въ такихъ мастерскихъ, какое заботливое Провидѣніе можетъ послать заказчиковъ напримѣръ фотографу помѣщающемуся на пятомъ этажѣ на пустопорожнихъ земляхъ, на самой высотѣ улицы Св. Фердинанда, или каллиграфу живущему подъ нимъ. Дженкинсъ, разсуждая такимъ образомъ, улыбнулся съ сожалѣніемъ, потомъ вошелъ прямо въ дверь, какъ приглашала его слѣдующая надпись: „Входите не стуча.“ Увы! позволеніе это не употреблялось во зло.... Высокій молодой человѣкъ въ очкахъ, собиравшійся писать на маленькомъ столѣ, укутавъ ноги въ дорожномъ одѣялѣ, быстро поднялся чтобы встрѣтить посетителя, котораго не узналъ по близорукости.

— Здравствуй Андрей, сказалъ докторъ, ласково протягивая ему руку.

— Господинъ Дженкинсъ!

— Ты видишь что я добръ попрежнему.... Твое поведеніе относительно насъ, твое упорство жить вдали отъ твоихъ родныхъ требовали, чтобы для сохраненія моего достоинства я соблюдалъ большую сдержанность, но твоя мать плакала, и вотъ я здѣсь.

Говоря это онъ осматривалъ эту бѣдную маленькую мастерскую, въ которой голыя стѣны, скудная мебель, совершенно новый фотографическій снарядъ, маленькая нѣмецкая лечка, также новая и никогда не выдавшая огня, печально освѣщаемы были свѣтомъ падавшимъ сверху со стеклянной кровли. Худощавое лицо и рѣдкая бородка молодого человѣка, которому свѣтлый цвѣтъ глазъ, узкій высокій лобъ, длинныя бѣлокурые волосы, отброшенные назадъ, придавали видъ какого-то фанатика, все это рѣзко выдавалось при дневномъ свѣтѣ, а равно и твердая воля этого свѣтлаго взгляда, устремленнаго на Дженкинса, холодно и заранѣе поставлявшего всѣмъ его аргументамъ, всѣмъ протестамъ неодолимое сопротивленіе.

Но добрейшій Дженкинсъ, притворяясь что онъ не замѣчаетъ этого, сказалъ:

— Тебѣ извѣстно, мой милый Андрей.... съ того дня какъ я вступилъ въ супружество съ твоею матерью, я смотрѣлъ на тебя какъ на своего сына. Я располагалъ оставить тебѣ мой кабинетъ, мою практику, поставить твою ногу въ золотое стремя, и считалъ себя счастливымъ что ты вступилъ на поприще посвященное благу человѣчества.... Вдругъ,

не говоря зачѣмъ, не заботясь о впечатлѣніи которое могъ произвести въ свѣтъ подобный разрывъ, ты отклонился отъ насъ, бросилъ свои занятія, отказался отъ своей будущности, чтобы ринуться въ какую-то безпорядочную жизнь, приняться за смѣшное ремесло, приближающее всѣхъ безпріютныхъ.

— Я принялся за это ремесло чтобы жить.... Имъ я до бываю себѣ хлѣбъ, въ ожиданіи...

— Въ ожиданіи чего? литературной славы?

И онъ бросилъ презрительный взглядъ на исписанные листы бумаги, разбросанные по столу.

— Но все это не серьезно, и вотъ что я окажу тебѣ: тебѣ представляется случай, настѣжъ открытая дверь для будущаго.... Виленское заведеніе основано!... Лучшее изъ моихъ гуманнхъ мечтаній осуществилось.... Мы купили превосходную виллу въ Нантеррѣ, чтобы помѣстить тамъ наше первое заведеніе. Управленіе этимъ домомъ, надзоръ за нимъ я располагаю довѣрить тебѣ, какъ другому самому себѣ. Княжеское помѣщеніе, жалованье начальника отдѣленія и чувство сознанія что ты оказываешь услугу великой человѣческой семьѣ.... Скажи слово и я свезу тебя къ Набабу, къ великодушному человѣку который приналь на себя расходы по нашему предпріятію.... Согласенъ ты?

— Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ такъ сухо что Дженкинсъ какъ будто сконфузился.

— Такъ, такъ... Я ожидалъ этого отказа, пріѣзжая сюда, и несмотря на то все-таки пріѣхалъ. Я принялъ себѣ девизомъ: „дѣлать добро безъ надежды“ и остаюсь вѣренъ своему девизу.... Итакъ рѣшено.... Ты предпочитаешь почетному, достойному, плодотворному существованію, которое я тебѣ предлагаю, жизнь исполненную случайностей, безъ исхода и достоинства....

Андрей не отвѣчалъ ни слова, но молчаніе говорило за него.

— Подумай хорошенько.... Ты знаешь что это рѣшеніе поведетъ за собою окончательную разлуку, но ты всегда ее желалъ.... Считаю лишнимъ говорить тебѣ что разрывъ со мною будетъ и разрывомъ съ твоею матерью. Она и я — мы составляемъ одно.

Молодой человѣкъ поблѣднѣвъ, поколебался секунду, потомъ сказалъ съ усиленіемъ:

— Если моей матери будетъ угодно навѣститъ меня здѣсь, то, конечно, я буду очень счастливъ... Но моя рѣшимость оставить васъ, не имѣть болѣе съ вами ничего общаго—неизмѣнна.

— По крайней мѣрѣ скажешь ли ты причину?

Онъ одѣлалъ знакъ что не можетъ.

На этотъ разъ Ирландцемъ овладѣлъ настоящій порывъ гнѣва. Все лицо его приняло выраженіе угрюмое, свирѣлое, которое сильно удивило бы тѣхъ которые знали только добраго и кроткаго Дженкинса; но онъ не позволялъ себѣ потребовать дальнѣйшаго объясненія, котораго можетъ быть столько же опасался сколько и желалъ.

— Прощайте! сказалъ онъ на порогѣ, оборачивая до половины голову,—и не обращайтесь никогда къ намъ.

— Никогда! отвѣчалъ его пасынокъ твердымъ голосомъ.

На этотъ разъ когда докторъ сказалъ кучеру Джозъ: „на Вандомскую площадь“, лошадь какъ бы поняла что ѣдутъ къ Набабу, гордо потрясла своею блестящею сбруей и карета понеслась какъ стрѣла.... Проѣхаться такъ далеко, чтобы встрѣтить подобный пріемъ! Современная знаменитость, съ которою такъ обращается бродяга! Пытайтесь же послѣ этого дѣлать добро!.. Дженкинсъ излилъ свой гнѣвъ въ монологъ такого рода; потомъ вдругъ страхнулъ съ себя докучную мысль словами: „все это вздоръ!“ и послѣдняя забота остававшаяся у него на умѣ разомъ разсѣялась на Вандомской площади. Солнце показывало полдень. Вышедши изъ-за своей туманной завѣски, Парижъ роскошный, пробужденный и ставшій на ноги, началъ свой тревожный день. Витрины улицы Мира сверкали. Дворцы на площади какъ бы горделиво выстроились для послѣдолоуденныхъ пріемовъ, а тамъ—въ концѣ улицы Кастильйоне, съ ея бѣлыми аркадами—Тюильри, подъ прекрасными лучами зимняго солнца.

II. Завтракъ на Вандомской площади.

Въ это утро не болѣе двадцати человѣкъ собралось въ столовой у Набаба, въ столовой изъ рѣзнаго дуба, вышедшей только наканунѣ отъ какого-то знаменитаго обои-

щика, снарядившаго разомъ четыре салона, анфилада которыхъ видна была изъ отворенной двери, разукрасившаго плафоны и доставившаго произведенія искусства, люстры, богатую посуду разставленную на этажеркахъ, даже служителей наполнявшихъ столовую. То было импровизованное жилище только - что вышедшаго изъ вагона желѣзной дороги страшно разбогатѣвшаго *parvenu*, нетерпѣливо жаждущаго насладиться жизнью. Хотя вокругъ стола не было ни одного женскаго платья, ни одного клочка свѣтлой ткани, которая оживила бы его, видъ его не былъ однообразенъ, благодаря разнородности, странности собесѣдниковъ, элементовъ всего свѣта, обращиковъ челоуѣчества взятыхъ изъ всѣхъ племенъ, во Франціи, въ Европѣ, во всемъ мірѣ, сверху и снизу соціальной лѣстницы. Во первыхъ, хозяинъ дома, родъ гиганта, каштановый, загорѣлый, шафранный, съ головою уходившею въ плечи, которому короткій носъ на раздутыхъ лицахъ, курчавые волосы, поднимавшіеся подобно мѣховой шапкѣ на низкомъ лбѣ, густыя брови съ глазами бандита поджидающаго добычи, придавали свирѣлый видъ Каалмыка, пограничнаго дикаря, живущаго войной и грабежомъ. Къ счастью нижняя часть лица, толстыя губы, которыя освѣщала восхитительно добрая улыбка, измѣняли совершенно и укрощали это свирѣлое безобразіе, эту физиономію столь оригинальную что въ ней не было ничего пошлаго. Происхожденіе снизу обнаруживалось также и голосомъ, голосомъ ронскаго лодочника, хриплымъ и густымъ, въ которомъ южное нарѣчіе являлось болѣе грубымъ чѣмъ жесткимъ, и двѣ руки широкія и короткія, съ четвероугольными пальцами почти безъ ногтей, рѣзко выдававшіяся на бѣлой скатерти, говорили о своемъ прошедшемъ съ паразитическимъ краснорѣчіемъ. Напротивъ хозяина, съ другой стороны стола, сидѣлъ одинъ изъ его обычныхъ собесѣдниковъ, маркизъ де-Монлавонъ, но Монлавонъ отнюдь не похожій на размалеванное привидѣніе которое мы видѣли выше, а превосходный господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ большимъ величественнымъ носомъ, съ наружностью вельможи, съ широкою, туго накрахмаленною полосой бѣлая безукоризненной бѣлизны, которая скрипѣла отъ постоянного усилія груди выдаться впередъ и воздымалась каждый разъ съ шумомъ индѣйскаго лѣтуча, который надувается, или лавлина распускающаго свой хвостъ. Имя его Монлавонъ шло къ нему какъ нельзя лучше.

Человѣкъ знатнаго происхожденія, съ богатымъ родствомъ, но разорившійся отъ игры и спекуляцій, онъ получилъ, благодаря дружбѣ герцога де-Мора, мѣсто сборщика податей перваго класса. Къ несчастію здоровье не позволяло ему сохранить это прекрасное мѣсто—свѣдущіе люди утверждаютъ что здоровье тутъ было не причемъ—и онъ съ годъ проживалъ въ Парижѣ, чтобы, какъ онъ говорилъ, занять его снова по своему выздоровленію. Тѣ же люди увѣряли что онъ не займетъ его никогда, и что даже не будь высокаго покровительства... Впрочемъ онъ былъ важнѣйшимъ лицомъ на завтракъ; это чувствовалось по тому какъ ему служили слуги, какъ совѣтывался съ нимъ Набабъ, называя его „господиномъ маркизомъ“, какъ во Французской Комедіи, но еще болѣе по его горделивому виду. Полный пренебреженія къ окружающимъ его, г. маркизъ говорилъ мало, свысока, и какъ бы наклоняясь къ тѣмъ, кого онъ удостоивалъ своимъ разговоромъ. Время отъ времени онъ бросалъ черезъ столъ Набабу нѣсколько фразъ загадочныхъ для всѣхъ.

— Я видѣлъ вчера герцога... Онъ много говорилъ о васъ по поводу того... дѣла... Знаете... какъ бишь его...

— Правда?... Онъ говорилъ съ вами обо мнѣ? И добрый Набабъ, совершенно довольный, озирался кругомъ съ самыми смѣшными движеніями головы, или принималъ сосредоточенный видъ богомолки, когда при ней упоминали имя Божіе.

— Его свѣтлости будетъ пріятно, если вы вступите... пш... лш... лш... въ то, знаете?

— Онъ сказалъ вамъ?

— Спросите директора банка... онъ слышалъ такъ же какъ и я.

Тотъ котораго называли директоромъ и котораго настоящее имя было Паганетти былъ маленькій человѣкъ чрезвычайно живой и подвижной, на котораго трудно было смотрѣть, до такой степени измѣнялось ежеминутно его лицо. Онъ завѣдывалъ Корсиканскою земельною кассой, обширнымъ финансовымъ предпріятіемъ, и прибылъ въ первый разъ въ домъ Набаба, привезенный Монпавономъ, почему и занималъ почетное мѣсто. Съ другой стороны Набаба, старикъ, застегнутый до подбородка въ сюртукъ безъ лацкановъ, съ прямымъ воротникомъ, какъ на восточномъ кафтанѣ, съ лицомъ изборожденнымъ множествомъ мелкихъ рубцовъ, съ бѣлыми усами, подстриженными по

военному. Это былъ Брагимъ - бей, храбрѣйшій полковникъ Тунисскаго регентства, адъютантъ бывшаго бей, составившаго состояніе Жансуле. Славные подвиги этого воина выказываясь на его лицѣ морщинами, слѣдами разврата на его нижней, вытянутой губѣ, на его глазахъ безъ рѣсницъ, красныхъ и какъ бы выжженныхъ. Одно изъ тѣхъ лицъ которыя возсѣдаютъ на скамьяхъ подсудимыхъ по дѣламъ производящимся при закрытыхъ дверяхъ. Прочіе гости сидѣли какъ попало, смотря по тому какъ они пріѣзжали, ибо домъ открытъ былъ для всякаго, и столъ накрывался каждое утро на тридцать кувертовъ.

Тутъ былъ директоръ театра на который Набабъ давалъ деньги, Кардельякъ, извѣстный своимъ умомъ, почти столько же сколько и своими банкротствами, удивительный разрѣзывать мяса, который, раздѣляя члены куропатки, приготавливалъ одну изъ своихъ остротъ и клалъ ее вмѣстѣ съ крылышкомъ на подставленную ему тарелку. Но рѣзалъ онъ лучше чѣмъ импровизировалъ, и новая мода подавать мясо по-русски, разрѣзанное предварительно, была гибельною для него, такъ какъ лишала его всякаго предлога къ приговорительному молчанію. Оттого и говорили вообще, что онъ ладаетъ. Къ тому же Парижанинъ, давди до конца ногтей, и, какъ самъ хвалился, „не имѣющій ни вотъ настолькоъ суевѣрія во всемъ своемъ существѣ“, что дозволяло ему и сообщать самыя ликантныя подробности о жемчужинахъ своего театра Брагимъ-бей, который слушалъ его, какъ перелистываютъ неприличную книгу, и толковать о богословіи съ молодымъ священникомъ, его ближайшимъ сосѣдомъ, настоятелемъ церкви какого-то маленькаго южнаго мѣстечка, худощавымъ и съ загорѣлымъ лицомъ, не отличавшимся отъ цвѣта его сутаны, съ выдающимися скулами, съ остроконечнымъ носомъ, который говорилъ Кардельяку, очень громко, покровительственнымъ тономъ и со жреческимъ авторитетомъ:

— Мы очень довольны господиномъ Гизо... онъ дѣйствуетъ хорошо, очень хорошо... это пріобрѣтеніе для церкви.

Рядомъ съ этимъ напыщеннымъ жрецомъ старый Швальбахъ, пресловутый торговецъ картинами, выставялъ свою бороду пророка, мѣстами желтѣвшую, какъ грязное овечье руно, свое пальто, протертое и засаленное, всю свою неопрятную и небрежную наружность, которая прощалась

ему во имя искусства и потому что въ модѣ было принимать къ себѣ, въ такое время, когда манія къ галереямъ вращала милліонами, человѣка занимавшаго первое мѣсто въ составленіи всякихъ артистическихъ коллекцій. Швальбахъ не говорилъ, довольствуясь тѣмъ что воеводилъ вокругъ себя своимъ огромнымъ глазнымъ стекломъ въ формѣ аулы и въ тихомолку улыбался своимъ страннымъ создателямъ, дѣлавшимъ это собраніе единственнымъ въ мірѣ. Такъ, подлѣ г. де-Монпавона—и нужно было посмотреть какъ величественный горбъ его носа шевелился при каждомъ взглядѣ его въ этомъ направленіи—сидѣлъ лѣвецъ Гарригу, „землякъ“ Жансуле, отличный чревоущатель, расцѣввавшій Фигаро на южномъ нарѣчьи и не имѣвшій себѣ подобнаго въ подражаніи животнымъ. Нѣсколько далѣе, Кабассю, другой „землякъ“, маленькій человѣчекъ, короткій и коренастый, съ бычачьею шеей, съ геркулесовскими мышцами, похожій и на марсельскаго парикмахера, и на армарочнаго силача, костоправъ, мозольный операторъ и отчасти дантистъ, ставилъ оба локти свои на столъ съ увѣренностью шарлатана которому извѣстны всѣ мелкія слабости и тайныя вѣдуги того дома гдѣ онъ находится.

Г. Бонленъ дополнялъ этотъ рядъ второстепенныхъ лицъ, имѣвшихъ какую-нибудь специальность; Бонленъ секретарь, управитель, довѣренное лицо, чрезъ руки котораго проходили всѣ дѣла дома; и достаточно было видѣть это торжественно тупое положеніе, этотъ неопредѣленный видъ, этотъ турецкій фесъ, неловко прикрывавшій эту голову сельскаго учителя, чтобы понять какому лицу были ввѣрены интересы Набаба.

Наконецъ, въ дополненіе къ этимъ описаннымъ фигурамъ, Тунисцы, Марроканцы, Египтяне, Левантинцы, и примѣшенная къ этимъ заморскимъ элементамъ парижская разнохарактерная вереница разорившихся дворянъ, подозрительныхъ промышленниковъ, исписавшихся журналистовъ, изобрѣтателей странныхъ продуктовъ, людей Юга прибывшихъ въ Парижъ безъ гроша, — словомъ все что приманивало къ себѣ это огромное богатство, какъ свѣтъ маяка приманиваетъ къ себѣ заблудившіяся суда или стаи птицъ кружащихся во мракѣ. Набабъ допускалъ къ своему столу эту сволочь по добротѣ, по великодушію, по слабости, по чрезвычайной легкости нравовъ, соединенной съ полнѣйшимъ

невѣжествомъ, по остатку той тоски изгнанія, той потребности высказаться, которыя побуждали его принимать тамъ, въ Тунисѣ, въ его великолѣпномъ дворцѣ, все что высаживалось на берегъ изъ Франціи, начиная отъ мелкаго промышленника, привозившаго на продажу парижскіе модные товары, до знаменитаго піаниста совершающаго свое артистическое путешествіе и до генеральнаго консула.

Слушая этотъ разнообразный говоръ, эти чужеземныя интонаціи, отрывистыя или дребезжащія, смотря на эти фізіономіи, столь разнообразныя, однѣ буйныя, варварскія, простонародныя, другія утонченныя, цивилизованныя, лоблѣкшія, бульварныя, — тѣ же разновидности замѣтны были и между прислугой, въ которой проходимцы только наканунѣ вышедшіе изъ какого-нибудь бюро, съ нахальными лицами, съ головами дантистовъ или банщиковъ, суетились между Эѳіопами, неподвижными и глянцоватыми, какъ подсвѣчники изъ чернаго мрамора, — невозможно было съ точностью сказать, гдѣ вы находитесь; во всякомъ случаѣ никакъ нельзя бы повѣрить что вы на Вандомской площади, въ самомъ сердцѣ и центрѣ жизни нашего современнаго Парижа. На столѣ такое смѣшеніе заморскихъ блюдъ, соусовъ съ шафраномъ и анчоусами, пряностей, смѣшанныхъ съ турецкими сладостями, цыплятъ съ жаренымъ миндалемъ, — все это вмѣстѣ съ пошлостью внутренней обстановки, съ позолотой карнизовъ, съ пронзительнымъ звономъ новыхъ колокольчиковъ, производило впечатлѣніе общаго стола въ какой-нибудь большой гостиницѣ Смирны или Калькутты или роскошной столовой трансатлантическаго пакетбота *Перейры* или *Синая*.

Казалось бы что это разнообразіе гостей — а чуть было не сказалъ пассажировъ — должно было придать лиришеству шумный и одушевленный характеръ. Ничего не бывало. Всѣ они ѣли нервно, безмолвно, поглядывая искоса другъ на друга, и даже самые свѣтскіе, тѣ которые, казалось, наиболѣе на своемъ мѣстѣ, имѣли во взглядѣ смущеніе и неопредѣленность какой-то неотвязной мысли, какой-то лихорадочной боязни, которыя заставляли ихъ говорить не отвѣчая, слушать не понимая ни одного сказаннаго имъ слова.

Вдругъ дверь столовой отворилась.

— Ахъ, вотъ Дженкинсъ! радостно воскликнулъ Набабъ. — Здравствуйте, здравствуйте, докторъ.... Какъ поживаете, любезный другъ?

И рука его протянулась ко вновь пришедшему, между тѣмъ какъ на лицахъ можно было видѣть такое выраженіе: „Зачѣмъ это пожаловалъ сюда этотъ старый проловѣдникъ? Какъ будто и безъ него здѣсь мало гостей?“

Привѣтливо улыбнувшись всѣмъ гостямъ и энергически пожавъ руку хозяину, Дженкенсъ сѣлъ противъ него, рядомъ съ Монлавнономъ, предъ приборомъ который послѣшно и не ожидая приказанія поставилъ слуга, точь въ точь какъ за общимъ столомъ. Посреди этихъ озабоченныхъ и лихорадочныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ это новое лицо выдѣлялось своимъ хорошимъ расположеніемъ духа, своею разговорчивою, привѣтливою благосклонностью, которыми Ирландцы напоминаютъ Гасконцевъ. И съ какимъ здоровымъ аплетитомъ, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ спокойствіемъ совѣсти, онъ, разговаривая, работалъ своими бѣлыми зубами.

— Ну, Жансуле, читали вы?

— Чтò такое?

— Какъ! вы не знаете?... Вы не читали чтò говорить о васъ сегодня *Messenger*?

На загорѣломъ лицѣ Набаба появился яркій румянецъ, какъ у ребенка, и съ глазами блистающими отъ удовольствія онъ спросилъ:

— Правда?... *Messenger* говорилъ обо мнѣ?

— На двухъ столбцахъ.... Какъ же это Моассаръ не показывалъ вамъ статьи.

— О! сказалъ скромно Моассаръ,—стоило ли это того?

То былъ маленькій журналистъ, бѣлокурый и щеголеватый, на лицѣ котораго замѣтна была та особаго рода завялость свойственная служителямъ ночныхъ ресторановъ, комедіантамъ и извѣстнаго разряда дѣвицамъ, поражаемая условными гримасами и блѣднымъ отблескомъ газа. Онъ слылъ за любовника на содержаніи одной изгнанной королевы, не отличавшейся строгими нравами. Это говорили о немъ потихоньку и это же доставляло ему въ свѣтѣ положеніе, возбуждавшее и зависть и презрѣніе.

Жансуле настаивалъ чтобъ ему прочли статью, нетерпливо желая знать чтò говорятъ о немъ. Къ несчастію Дженкинсъ оставилъ свой экземпляръ у герцога.

— Принести мнѣ сейчасъ *Messenger*, сказалъ Набабъ слугѣ стоявшему у него за стуломъ.

— Не нужно, вмѣшался Моассаръ,—статья должна быть при мнѣ.

И съ безцеремонностью обычнаго посѣтителя трактира, репортера, царяющего свое „разное извѣстіе“ гдѣ попало, журналистъ вытащилъ изъ кармана портфель, набитый замѣтками, гербовою бумагою, газетными вырѣзками, сатирированными записочками съ девизами, и разложилъ все это на столѣ, отодвинувъ тарелку, чтобъ отыскать корректуру своей статьи.

— Вотъ она, сказалъ онъ, передавая ее Жансуле; но Дженкинсъ воскликнулъ:

— Нѣтъ.... нѣтъ.... читайте вслухъ.

Собраніе единогласно поддержало это требованіе и Моассаръ взялъ обратно свою корректуру и началъ громко читать статью *Виолеттское заведеніе и г. Франсуа Жансуле*, — длинный дисирамбъ въ пользу искусственнаго вскармливанія дѣтей, написанный по замѣткамъ Дженкинса (ихъ можно было узнать по напыщеннымъ выраженіямъ, которые особенно любилъ Ирландецъ, каковы напримѣръ: продолжительное мученичество дѣтей; наемничество груди; коза благодѣтельница и кормилица) и окончивавшійся послѣ пышнаго описанія великолѣпнаго Нантеррскаго заведенія похвалою Дженкинсу и прославленіемъ Жансуле. „О Франсуа Жансуле! Благодѣтель младенцевъ!...“

Нужно было видѣть недовольныя, скандализованныя лица гостей. Что за интриганъ этотъ Моассаръ!... Какая безстыдная лесть!... И одна и та же завистливая, презрительная улыбка искривила всѣ уста. Хуже всего то что приходилось аплодировать, выказывать восхищеніе, такъ какъ хозяинъ дома не привыкъ къ фиміаму и принималъ очень серьезно и статью, и возбуждаемыя ею рукоплесканія. Его широкое лицо сіяло во время чтенія. Какъ часто тамъ, далеко, онъ мечталъ что его будутъ вослѣввать парижскія газеты, что онъ будетъ чѣмъ-нибудь въ этомъ обществѣ, первомъ изъ всѣхъ, на которое устремлены глаза всего міра какъ на солнце. Теперь эта мечта осуществлялась. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ этихъ людей, сидящихъ у него за столомъ, на это пышное лиришество, на эту разукрашенную столовую, которая конечно выше и шире церкви его родной деревни; онъ прислушивался къ глухому шуму Парижа, катившагося и стучавшаго ледъ его окнами, съ полнымъ сознаниемъ

что онъ сдѣлается значительнымъ колесомъ этой дѣятельной и сложной машины. И въ блаженномъ спокойствіи этого лиричества, между строками этой торжественной анологіи, предъ его глазами какъ бы дѣйствіемъ контраста, пробѣжало его прошедшее: бѣдное дѣтство, молодость столь же печальная и полная приключеній, дни безъ хлѣба, ночи безъ пріюта. Потомъ вдругъ, по окончаніи чтенія, въ преизбыткѣ радости, въ порывѣ восторга свойственнаго жителямъ Юга, заставляющаго думать вслухъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ гостямъ съ простодушною улыбкой, озарившею его толстыя губы.

— О, друзья мои, любезные друзья! Еслибы вы знали какъ я счастливъ, какую гордость я ощущаю!

Прошло не болѣе шести недѣль какъ онъ прибылъ во Францію. За исключеніемъ двухъ-трехъ соотечественниковъ, онъ зналъ людей которыхъ называлъ друзьями лишь со вчерашняго дня и потому только что давалъ имъ въ займы деньги. Понятно что такое внезапное изліяніе нѣжности показалось довольно страннымъ, но Жансуле, слишкомъ взволнованный чтобы замѣтить что-либо, продолжалъ:

— Послѣ того что я слышалъ, когда я вижу себя въ этомъ громадномъ Парижѣ, окруженный всѣмъ что онъ заключаетъ въ себѣ знаменитаго и блестящаго, я вспоминаю о родительской лавчонкѣ! Ибо я родился въ лавчонкѣ... Мой отецъ торговалъ старыми гвоздями на углу площади въ бургѣ Сентъ-Андеоля. У насъ едва было достаточно хлѣба ежедневно, а мясо мы видѣли только по воскресеньямъ. Спросите у Кабасю. Онъ знаетъ меня въ это время. Онъ скажетъ вамъ, правду ли я говорю.... Да! я испыталъ нищету.

Жансуле поднималъ голову съ гордымъ видомъ, вдыхая въ себя запахъ трюфелей, которыми пропитанъ былъ воздухъ его столовой, и продолжалъ:

— Да! я испыталъ настоящую нищету и терпѣлъ ее долгое время. Я переносилъ холодъ, голодъ, но голодъ настоящій, такой который ольняняетъ, который сжимаетъ желудокъ, сдавливая обручами голову, мѣшаетъ вамъ видѣть, какъ будто бы у васъ вырѣзываютъ глаза устричнымъ ножомъ. Я проводилъ дни въ постелѣ, за неимѣніемъ платья чтобы выйти, и былъ счастливъ что у меня есть постель,

которой не бывало иногда. Я искалъ себѣ хлѣба во всѣхъ ремеслахъ, и этотъ хлѣбъ причинялъ мнѣ такую боль, былъ такъ черенъ и жестокъ что я до сихъ поръ чувствую отъ него горечь во рту. И такъ дѣло шло до тридцати лѣтъ. Да, друзья мои, до тридцати лѣтъ, а мнѣ еще нѣтъ пятидесяти,— я былъ нищій, безъ гроша, безъ будущности, съ угрызеніемъ совѣсти что бѣдная моя матушка умирала съ голоду тамъ въ своей лавчонкѣ и что я ничѣмъ не могъ помочь ей.

Физиономіи людей окружившихъ этого амфитріона, повѣствующаго о своихъ минувшихъ бѣдствіяхъ, были очень куріозны. Нѣкоторые были скандализированы, и въ особенности Монлавонъ. Эта выставка на свѣтъ старыхъ лохмотьевъ казалась для него возмутительнымъ невѣжествомъ, рѣшительнымъ отсутствіемъ всякаго приличія. Кардельякъ, этотъ скептикъ, врагъ всякихъ нѣжныхъ сценъ, съ неподвижнымъ лицомъ разрѣзывалъ какой-то фруктъ на тоненькіе какъ лапирсная бумага ломтики. Напротивъ того, директоръ банка выразительною мимикой и восклицаніями обнаруживалъ свое сочувствіе и удивленіе; между тѣмъ какъ недалеко отъ нихъ, по странному контрасту, Брагимъ-бей, грозный воишь, на котораго чтеніе и послѣдовавшая затѣмъ конференція послѣ сытнаго завтрака навѣяли благотворный сонъ, дремалъ, слегка наклонивъ голову и подергивая своими съдыми усами. Но общимъ ощущеніемъ было равнодушіе и скука. Да и какое имъ дѣло было до дѣтства Жансуа въ бургѣ Сентъ-Андеоля, до того какъ онъ страдалъ и бѣствовалъ! Не для такихъ розказней они собрались къ нему. Оттого притворно заинтересованные лица, взгляды считающіе украшенія на потолокъ или крошки на скатерти, рты удерживавшіе зѣвокъ, обнаруживали общее нетерпѣніе, навѣянное этою неумѣстною исторіей. А онъ не унимался. Онъ съ наслажденіемъ разказывалъ о своихъ прошедшихъ страданіяхъ, подобно моряку достигшему пристани и повѣствующему о своихъ плаваніяхъ по отдаленнымъ морямъ, объ опасностяхъ и великихъ крушеніяхъ. Затѣмъ слѣдовавшая исторія его счастья, изумительный случай вдругъ вызвавшій его на путь богатства.

— Я блуждалъ по Марсельской гавани съ товарищемъ, столь же бѣднымъ какъ и я, который также разбогатѣлъ у бей, былъ моимъ повѣреннымъ, потомъ компаньйономъ и

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1877 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1877 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1877 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1877 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей**; съ доставкой и пересылкой **восемнадцать рублей**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

О М Ъ С Т О Т Р И Д Ц А Т Ы Й

1877

660040

АВГУСТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕ-ДИМИТРІЯ. Гл. I—III. П. С. Казанскаго.
- II. О ДРАМѢ. Отдѣлъ второй. Отдѣлъ третій. Гл. I—III. Д. В. Аверкіева.
- III. СТАРАЯ БОРЬБА. Разказъ въ стихахъ, служащій продолженіемъ разказу *Келотъ*. Я. П. Полонскаго.
- IV. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ ДЖОРДЖА ГЕНРИ ЛУИ-СА. Гл. XIV—XV. А. Ц. Стадлина.
- V. ПЕТЯ СКУРАТОВЪ. Повѣсть. Князя В. П. Мещерскаго.
- VI. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Гл. XI—XII. А. Л. Зиссермана.
- VII. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) „Море широкое, даль безконечная“. 2) „Ты въ пустынь моей безотрадной“. Князя Д. Н. Цертелева.
- VIII. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. Поездка по Ломбардіи и Австріи. Гл. I—IV. Виктора Тиссо.
- IX. КАМЕНЬ СИЗИФА. Еще изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. I—III. Е. Н. Леонтьева.
- X. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. А.
- XI. СЪ ПОХОДА. Князя Л. В. Шаховскаго.
- XII. ЗНАЧЕНІЕ ПОДВИГА ВЕСТЫ. В. Е. Истомина.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАБАБЪ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переведъ съ французскаго. Часть первая. Гл. III—VI.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ

Рѣшеніе вопроса о первомъ Лжедимитріи затруднительно не по недостатку современныхъ свидѣтельствъ, но по обилію ихъ. Ни объ одномъ событіи русской исторіи до-Петровскаго періода не сохранилось такъ много современныхъ сказаній какъ о появленіи и судьбѣ Самозванца. Современные писатели записали частію то что видѣли, а болѣе то что слышали, дополняя это своими соображеніями и догадками, которыя болѣею частію и выдавали за историческіе факты. Подъ образовавшимся вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ взглядомъ на это событіе, они и записывали и вниманіе читателя останавливали на тѣхъ именно фактахъ которые служили къ подтвержденію предвзятаго ими мнѣнія. Потому и теперь можно излагать исторію Лжедимитрія и рѣшать вопросъ о его личности такъ или иначе, смотря по сложившемуся уже взгляду. Карамзинъ послѣдовалъ старому русскому преданію и называлъ перваго Лжедимитрія Григоріемъ Отрепьевымъ. Г. Соловьевъ не досказалъ своего взгляда на перваго Лжедимитрія. Онъ называетъ его также Григоріемъ Отрепьевымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ того чтобъ онъ

былъ обманщикъ, а признаетъ его человѣкомъ вѣрившимъ что онъ есть Димитрій Царевичъ. Рождается вопросъ: какъ же могъ Григорій Отрельевъ вѣрить что онъ былъ Димитрій Царевичъ? этотъ вопросъ оставленъ безъ разрѣшенія. Г. Бицынъ выставляетъ двухъ Самозванцевъ. Одного, котораго готовили бояре, а другаго—выставленнаго Поляками и сыгравшаго роль Самозванца. Г. Костомаровъ въ своей диссертациі: *Кто былъ Лжедимитрій* рѣшительно не признаетъ его Отрельевымъ, видитъ въ немъ человѣка вѣрившаго въ свое царственное происхожденіе, подготовленнаго боярами; почти готовъ признать его истиннымъ царевичемъ. Въ своей *Исторіи смутнаго времени* онъ уже считаетъ его обманщикомъ, и хочетъ вывести его изъ Бѣлоруссіи. Сколько могли мы слѣдить за общимъ мнѣніемъ, оно склоняется на сторону г. Костомарова, и теперь рѣдко можно встрѣтить интересующагося русскою исторіей человѣка который бы признавалъ что первый Лжедимитрій былъ Григорій Отрельевъ.

Желаніе лично для себя уяснить вопросъ о томъ кто былъ первый Лжедимитрій было главнымъ побужденіемъ заняться этимъ предметомъ. Въ рукахъ у насъ не только не было какихъ-либо новыхъ документовъ, но нами не пересмотрѣна и половина тѣхъ, которые перечислялъ въ началѣ своего труда о смутномъ времени г. Костомаровъ. Но такъ какъ нашею задачею было не изложеніе подробной исторіи Самозванца, но только рѣшеніе вопроса о его первоначальномъ происхожденіи, то и не думаемъ мы чтобы незнакомство наше съ нѣкоторыми историческими источниками послужило въ ущербъ дѣлу. Предлагаемое нами рѣшеніе вопроса по нашему мнѣнію болѣе чѣмъ какое другое оправдывается историческими свидѣтельствами, хотя не скрываемъ и того что и для насъ оно не столь рѣшительно чтобы не допускать возможности инаго рѣшенія. Трудъ нашъ достигнетъ своей цѣли если вопросъ на той точкѣ на которую мы его ставимъ подвергнется новому критическому изслѣдованію. Заявіе этимъ вопросомъ привело насъ къ рѣшительному убѣжденію что ни одного частнаго извѣстія о Самозванцѣ—будь оно передано современникомъ—очевидцемъ—нельзя признать за несомненно-вѣрное и положить его въ основу сужденій. И это большею частію зависитъ отнюдь не отъ недобросовѣстности разсказчика, но отъ

отъ того что онъ невнимательно наблюдалъ событія, или отъ того что видѣнное дополнялъ своею догадкой, или несвоевременно записывая слухалъ нѣкоторыя подробности. Образование подобнаго рода неправильныхъ извѣстій можно наблюдать ежедневно. Еще легче впадаютъ въ заблужденіе разказывающіе о какомъ-либо событіи только по слухамъ, дополняемымъ, обыкновенно, отъ всякаго передатчика его своими объясненіями. Потому-то ко всѣмъ извѣстіямъ и современниковъ нужно относиться съ сомнѣніемъ, и повѣрять ихъ какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и отношеніемъ ихъ къ другимъ историческимъ фактамъ. Къ сожалѣнію, у насъ есть еще значительный пробѣлъ въ матеріалахъ для исследования вопроса о первомъ Лжедмитріи. Собирая сказанія иностранцевъ, мы не озаботились собрать сказанія отечественныя во всей полнотѣ, съ показаніемъ варіантовъ по разнымъ спискамъ. Никто не озаботился поискать слѣдовъ Отрѣпьева въ монастыряхъ Желѣзоборовскомъ и Сласо-Евеміевомъ Суздальскомъ; не обращено вниманія на грамоты вышедшія въ патріаршество Іова 1600—1602: не писана ли какая-либо изъ нихъ рукой названнаго Дмитрія? Г. Костомаровъ оживляетъ рѣшенія вопроса о личности первого Лжедмитрія отъ разбора польскихъ архивовъ; намъ же кажется что скорѣе рѣшенія этого вопроса можно достигнуть чрезъ разысканіе въ отечественныхъ источникахъ.

I. Пересмотръ мѣстныхъ о личности первого Лжедмитрія.

Къ Лжедмитрію, вѣроятно не задолго до его гибели, привезли астраханскаго архіепископа Феодосія, не хотѣвшаго присягать новому царю. Самозванецъ съ гнѣвомъ и утрашеніемъ, какъ лишетъ Платонъ Любарскій, оказалъ: Астраханскія смуты всѣ отъ тебя, и людямъ ты говоришь и меня называешь не прямымъ царемъ, да кто де я? Архіепископъ отвѣчалъ: вѣдаю де что ты называешься царемъ, но прямое де твое имя Ботъ вѣсть: „ибо де прирожденный царевичъ Дмитрій Іоанновичъ убіенъ на Угличѣ, и мощи

его тамо.“ * Современные намъ историки на вопросъ, кто былъ первый Лжедмитрій, отвѣчаютъ такъ же, какъ отвѣтилъ Θεодосій. Царевичъ Димитрій былъ дѣйствительно убитъ; а кто былъ первый Лжедмитрій, Богъ вѣсть.

Что это не былъ дѣйствительно Царевичъ Димитрій доказывается: 1) несомнительностію смерти истиннаго Царевича, подтвержденною формальнымъ слѣдствіемъ и публичнымъ погребеніемъ его тѣла спустя болѣе четырехъ дней послѣ его смерти. ** 2) Тѣмъ что назвавшійся Дими-

* *Герарх. Вятская и Астрах. Платона Любарскаго въ Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1848.* Г. Костомаровъ приводитъ слова Самозванца въ такомъ видѣ: „За что ты меня прирожденнаго государя называешь Гришкою Отрепьевымъ?“ (*Вист. Еер. 1866: ч. 2. стр. 14.*) Думаемъ что Любарскій точнѣе передаетъ разговоръ. По словамъ Любарскаго, Θεодосій послѣ своихъ словъ вышелъ изъ палаты вонъ и Разстрига не повелѣлъ оскорблять его. Θεодосій былъ въ Москвѣ во время убійенія Лжедмитрія, и потомъ по воцареніи Шуйскаго съ Филаретомъ Никитичемъ ѣздилъ за мощами Димитрія Царевича. Г. Костомаровъ ошибочно говоритъ что Θεодосій не могъ участвовать въ пренесеніи мощей Царевича Димитрія, ибо умеръ на дорогѣ изъ Астрахани въ Москву. Θεодосій скончался 18го декабря 1606, уже послѣ перенесенія мощей, на возвратномъ своемъ пути въ Астрахань, въ городѣ Царицынѣ. До архіерейства онъ былъ священникомъ Яковлевскаго села, въ трехъ верстахъ отъ Ярославля, и потомъ овдовѣвъ былъ игуменомъ Толгскаго монастыря, въ семи верстахъ отъ Ярославля, а потому объ убійеніи Царевича Димитрія могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія.

** Послѣ того какъ Шуйскій публично объявилъ что Димитрій Царевичъ убитъ и слѣдовательно покаялся въ ложномъ свидѣтельствѣ данномъ имъ при слѣдствіи о причинѣ смерти Царевича, намъ кажется несообразнымъ съ историческою достовѣрностію защищать истинность показаній слѣдствія объ образѣ смерти Димитрія. Признаніе Шуйскаго было совершенно противно его выгодамъ. 1) Если Царевичъ накололся самъ ножомъ, то всѣ разказы Лжедмитрія о подмѣнѣ его другимъ младенцемъ изъ опасенія замышляемаго Борисомъ убійства и объ убійствѣ этого подмѣннаго младенца, очевидно ложны. Объявляя же что Димитрій Царевичъ убитъ по наущенію Годунова, Шуйскій придавалъ вѣроятность и объясненіямъ ложнаго Димитрія о его спасеніи. 2) Показаніе Шуйскаго прямо обличало его во лжесвидѣтельствѣ. Патріархъ Іовъ, другъ Бориса, обсуждавшій слѣдственное дѣло о смерти Царевича, также объявилъ что Димитрій убитъ по наущенію злыхъ людей. По слѣдствію Димитрій играя ножомъ въ тычку закололся въ припадкѣ ла-

тріемъ не объяснилъ Русскому народу ни въ одномъ актѣ какъ онъ спасенъ и гдѣ скрывался до появленія въ Польшѣ. А между тѣмъ въ Польшѣ разказывалъ о своемъ спасеніи несогласно съ обстоятельствами дѣйствительно бывшими, утверждая что покушеніе на жизнь его было ночью, тогда какъ на девятомъ году жизни не могъ не помнить обстоятельствъ этого дня. Слѣдовательно онъ сознательно говорилъ неправду. Вступивъ въ Россію, онъ не рѣшился повторять своихъ польскихъ разказовъ, опасаясь обвиненія во лжи, и ограничился однѣми общими фразами о своемъ спасеніи. Г. Костомаровъ указываетъ на это обстоятельство какъ на доказательство что Самозванецъ былъ сознательный обманщикъ. Онъ говоритъ: король Сигизмундъ III послѣ свиданія съ Самозванцемъ въ Краковѣ писалъ письма въ которыхъ излагалъ свѣдѣнія сообщенныя ему

лучей болѣзни. Но ребенку конечно давали ножъ самый тупой, при угрѣ въ тычку онъ долженъ былъ держать его за острый конецъ, и въ случаѣ припадка падучей болѣзни сжалъ бы его въ рукахъ: ибо таково обыкновенно дѣйствіе конвульсивнаго припадка что пораженный имъ сжимаетъ то что у него въ рукахъ или хватается за что-либо самымъ сильнымъ образомъ. Ребенокъ могъ обрѣзать ладонь руки, а не горло; а между тѣмъ этого не замѣтили. Припадку падучей болѣзни хотя бываютъ и совершенно неожиданно, но въ первыя минуты они не сопровождаются очень сильными конвульсивными движеніями, и когда бываютъ въ присутствіи кого-либо, то больной можетъ быть сохраненъ отъ всякой опасности. Справедливо замѣтили послы польскіе что извѣстію о томъ будто Царевичъ самъ закололся въ припадкѣ болѣзни не повѣрять ни одинъ разсудительный человекъ, потому что больныхъ дѣтей во всякомъ хорошемъ семействѣ въ случаѣ болѣзни держать съ особенною осторожностью (Ак. З. Р. Т. IV, стр. 272). Слѣдственное дѣло о смерти Царевича дошло до насъ не вполне. Въ томъ видѣ какъ оно сохранилось Годуновъ вѣроятно хотѣлъ обнародовать его при появленіи Самозванца, но видно не стало у него на это духу. Допуская несомнѣнность убійства Царевича Дмитрія, мы не рѣшаемся думать чтобы это убійство совершено было по ясно выраженному желанію Бориса Годунова. Тогда еще слишкомъ рано было для Бориса готовить себѣ престолъ, и притомъ такою жѣрой которая легко могла погубить его тогдашнее положеніе. Совершители убійства вѣроятно слышали отъ Бориса опасеніе, что будетъ съ нимъ и другими, если вступить Дмитрій на престолъ, и рѣшились выслужаться предъ нимъ.

при личномъ свиданіи Лжедмитріемъ о своемъ спасеніи. Одно изъ такихъ писемъ, съ собственноручною подписью короля, къ Зеновичу находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь говорится будто спасли его въ ту ночь когда по повелѣнію Бориса заодно пришли убить его; а это было въ 1591 году, когда Царевичу былъ девятый годъ, и онъ не могъ не помнить что съ нимъ было. * Имѣя въ виду собственный разказъ Самозванца о томъ какъ онъ спасенъ отъ смерти, приводитъ другіе разказы, значило бы только знакомить съ различными домыслами какъ могъ спастись Царевичъ. Таковы разказы Смита, Маржерета, о томъ что Царевичъ задолго до углицкаго убійства былъ подмѣненъ другимъ младенцемъ **.

3) Мать Царевича Димитрія хотя по вступленіи въ Москву и показала видъ что признаетъ Самозванца своимъ сыномъ, но послѣ не только торжественно объявила что онъ не былъ ея сынъ, но и называла его воромъ, богоотступникомъ, истиннымъ же сыномъ признавала того младенца котораго мощи изъ Углича перенесли въ Москву. Потому несомнѣнно что онъ былъ Самозванецъ, и притомъ сознательно принявшій на себя чужое имя.

Но если названный Димитрій былъ самозванецъ, то возникаетъ вопросъ, самъ ли онъ по своимъ побужденіямъ рѣшился играть эту роль, или онъ подготовленъ былъ къ этой роли кѣмъ-либо другимъ?

Есть мнѣніе что первый Самозванецъ былъ подготовленъ іезуитами; это мнѣніе раздѣляли многіе современники Самозванца изъ лютеранъ, такъ что Маржеретъ призналъ нужнымъ остановиться на разборѣ этого мнѣнія.

Митрополитъ Платонъ въ своей *Церковной Россійской Исторіи* (гл. 67 и 68) первый въ нашей литературѣ высказалъ мысль что Самозванецъ былъ подготовленъ іезуитами, и эту мысль обставилъ довольно вѣскими доказательствами, такъ что мы считаемъ нужнымъ сдѣлать дословную выписку изъ него.

„Утверждая обще со всѣми нашими писателями что Гришка не былъ Царевичъ Димитрій, но точнѣй самозва-

* *Русск. Стар.* 1875 года, январь стр. 5.

** См. Костом. *Кто былъ первый Лжедмитрій?* Спб. 1864 года, стр. 36—40.

нецъ, отваживаясь изъяснить мое новое мнѣніе, что сей первый Самозванецъ не былъ и Гришка Отрельевъ, дворянина галичскаго сынъ, но *никто подставной*; отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ; или можетъ-быть и самый Гришка Отрельевъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный, а не тотъ каковаго наши лѣтописцы выдають; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только на однихъ наружныхъ и открывшихся обстоятельствахъ, а не проникая во глубину сего злохитраго и огромнаго замысла.

„Итакъ я мню что скоро по убіеніи Царевича Димитрія, какъ многіе поражены были слухомъ о его неповинной смерти, и чрезъ сіе царскій корень пресѣкъся, и ненавидя царя Бориса, который чрезъ сіе убійство и чрезъ разныя царскаго рода мужей изгнанія и умерщвленія самъ сталъ царемъ, и потому почти общее всѣхъ было неудовольствіе и роптаніе. Сіе неудовольственное народа расположеніе слыша и видя, нѣкоторые враждебные, и конечно изъ Поляковъ, яко всегдашнихъ Россіи враговъ, скоро по убіеніи Царевича Димитрія подхватили себѣ въ Польшу другаго ли кого, или самого Гришку Отрельева, сходнаго съ лѣтами Царевича Димитрія, лѣтъ девяти или десяти, и нѣсколько похожаго на него лицомъ; и взявъ его къ себѣ, изучили его въ Польшѣ наукамъ, латинскому и польскому языку. Вложивъ въ него мысли чтобъ ему себя назвать Царевичемъ Димитріемъ, и показавъ ему всѣ тѣ способы и хитрости какими ему сіе дѣло производить, отправили его въ Россію, державъ у себя лѣтъ пять или шесть: и конечно отправили не одного, ибо никакъ бы онъ по младости лѣтъ такое отважное дѣло самъ собою предпріять и производить не могъ; а отправили съ нимъ одного или двухъ изъ хитрыхъ духовъ, кои бы его во всемъ наставляли и руководствовали, и кои хотя очень скрытно, но неотступно тамъ близко были гдѣ онъ находился.

„Разсудили же его отправить въ Россію, чтобъ онъ тамъ, во первыхъ, себя открылъ чрезъ разныя, яко непорочно разсѣваемые слухи, что онъ и учинилъ: а чрезъ то боаѣ дать сему вымыслу вѣроятности что онъ аки бы не оттуда выйдетъ, но изъ самой среды Россіи.

„Что же приговорено, дабы онъ постригся и опредѣлился бы жить въ Чудовъ монастырь, и сіе примѣчается учинено для того дабы подъ симъ покрываломъ не столь обратитъ вниманія на себя, и бывъ близъ патріаха и двора, удобнѣе все высматривать и выслушивать, а чрезъ то нужныя для себя дѣлать примѣчанія и заключенія... Такъ какъ Гришкино дѣло производилось не отъ Россіянъ, и не отъ россійской вѣры людей, то они сіе постриженіе почитали за ничто и нисколько не прелятствующимъ имѣть требованіе на царскій престолъ, когда бы къ тому возможность и случай открылись.

„Положивъ такое мнѣніе, удобно рѣшить всѣ сомнѣнія и развязать всѣ залутанности какія въ семъ дѣлѣ встрѣчаются.

„Мнѣніе же сіе утверждаю я нижеслѣдующимъ образомъ:

1) Совсѣмъ непостижимо, а потому и невозможно, чтобы мелкаго дворянина сыну, въ дальнемъ и дикомъ Галичскомъ уѣздѣ воспитанному, и въ самой младости 14 или 15 лѣтъ сущему, могло придти когда на мысль чтобы себя почестъ и разгласить что онъ Царевичъ Димитрій. Но положивъ то что прежде мною сказано, сему быть было возможно и удобно.

„Можно ли вообразить чтобы 2) природный Россіянинъ и по-русски воспитанный, при враждѣ Поляковъ къ Россіи, отважился бѣжать въ Польшу домогаться Русскаго престола, когда Поляки могли или пренебречь его, или умертвить, или обратитъ сей случай къ разоренію Россіи? Но положивъ что онъ въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ жилъ, и тамъ воспитанъ, и ко всему приготовленъ и лестно обнадеженъ, и тамошнюю вѣру принялъ, и къ нравамъ ихъ привыкъ, и къ тому призыванъ или паче веденъ былъ: то все оное удобно стать могло, и онъ въ Польшу шелъ яко на готовое.

3) Привязанность Самозванца къ вѣрѣ латинской и пренебреженіе своей, и обѣщаніе торжественное, а потому и стараніе всемѣрное чтобы всю Россію обратитъ въ латинскую вѣру есть несомнительный доводъ что онъ былъ или не Россіянинъ, или и Россіянинъ Гришка Отрѣпьевъ, но еще въ малолѣтствѣ въ Польшу захваченный, тамъ обучавшійся и принявшій ихъ вѣру, и къ ней лестными хотя и обманчивыми надеждами привязанный. Самозванецъ былъ конечно воспитанъ яко въ Галичѣ и малозначущаго дворянина сынъ, въ грубости и невѣжествѣ, и едва ли грамотѣ знать

могъ; ибо тогда и знатные вельможи многіе грамоты не умѣли. А сіе невѣжество тѣмъ болѣе ко всѣмъ и мелкимъ наружностямъ вѣры весьма привязывало. Какъ же бы могъ онъ оказать такое къ своей вѣрѣ и ко всѣмъ ея обрядамъ пренебреженіе и къ руссійскому духовенству презрѣніе, такъ что вѣру Русскихъ называлъ не *своею*, но вѣрою *иго*?

4) Кто не удивится что Самозванецъ былъ не только искусенъ въ чтеніи, но и въ писаніи, такъ что патріархъ Іовъ заставилъ его у себя книги переписывать, а еще болѣе что даже самъ сочинялъ каноны святымъ. Откуда ему сія благодать? Отъ галичскаго ли узданнаго воспитанія? Да хотя бѣ онъ и царевичъ былъ, и воспитанъ былъ особо; то едвали бы достигъ до сего совершенства чтобъ ему самому сочинять каноны святымъ, да еще въ такой младости, будучи 17ти или 18ти лѣтъ? Примѣра еще въ Россіи не было. А сіе убѣдительно доказывается что онъ уже въ младолѣтствѣ въ Польшѣ не малое время обучался, и въ наукахъ довольно успѣлъ. 5) Всѣ Самозванца нравы, всѣ поступки были совсѣмъ на Россіянина не похожи: любилъ музыку, танцы, заводилъ маскарады, и сіе заводилъ даже въ монастырѣ, не ходилъ никогда въ баню, ѣлъ мясное и въ посты, ѣлъ и телятину. Все сіе почиталось тогда крайне соблазнительнымъ: музыка — скоморошествомъ, танцы — Иродіадинымъ плясаніемъ, маскарады — дьявольскимъ преображеніемъ, нарушение постовъ — бусурманствомъ, яденіе телятины — недозволеннымъ, а хожденіе въ баню — обыкновеніемъ для всѣхъ общимъ. Откуда же Россіянинъ и руссійски воспитанный такъ вдругъ измѣнился, и всѣ русскіе обычаи оставилъ? Скажутъ что онъ навывкъ сему будучи въ Польшѣ. Но онъ въ Польшѣ, слѣдуя лѣтописцамъ, не болѣе былъ какъ года съ два: ибо явно открылся въ Польшѣ въ 1603 году; въ Россію вошелъ въ 1604. Какъ же бы онъ чрезъ столь краткое время обучился и польскому и латинскому языку и ко всѣмъ обычаямъ польскимъ привывкъ, а свои природныя оставилъ и возненавидѣлъ; даже и къ вѣрѣ своей, въ коей родился и воспитанъ, столь отвратительное возымѣлъ бы расположеніе? Очень мало для сего двухъ лѣтъ времени. Непремѣнно заключить должно что онъ въ младенчествѣ въ Польшу захваченъ, тамъ воспитанъ, и ко всему тамошнему приобученъ и привывкъ; а свое все или забылъ, или по долговременной привычкѣ къ польскому, все русское ему отвратительнымъ казалось.

„Скажутъ на сіе, что онъ много дѣлалъ, особливо въ разсужденіи вѣры, единственно угождая Полякамъ и тайнымъ своимъ совѣтникамъ.

„Правда; но еслибъ онъ былъ Царевичъ Димитрій, или Гришка Отрельевъ, и воспитанъ въ Россіи, и былъ бы только два года въ Польшѣ, то непремѣнно не оставила бы природа и воспитаніе сколько-нибудь открывать его природной привязанности къ вѣрѣ и обычаямъ рускимъ; невозможно чтобы чувствіе природы и до двадцати лѣтъ воспитанія привычку совсѣмъ чрезъ два года летушить.

„6) Россійскій народъ вида таковыя Самозванца несвойственныя Россіянину нравы и посылки всѣхъ лучше сіе дѣло рѣшилъ, вопія велегласно: невозможно чтобы отъ древнихъ государей происшедшій толикое презрѣніе ко всѣмъ русскимъ обычаямъ могъ показывать, царь еретикъ, хуже Турки, а не сынъ царя Іоанна Васильевича.

„7) Князь Щербатовъ пишетъ что знатнѣйшіе изъ Поляковъ писатели называли Самозванца то побочнымъ сыномъ Стефана Баторія, то Волохомъ, то Италіянцемъ. Въ подтвержденіе всего вышеписаннаго прилагаю разсужденіе Гофмана, нѣмецкаго писателя, ко времени самозванцевъ близкаго, напечатанное въ такъ-называемомъ „Лексиконѣ Гофмановомъ“ въ томѣ 3мъ, подъ литерою Р., въ Лейденѣ въ 1698 году. Онъ между прочимъ пишетъ:

„Лжедмитрій 1й по кончинѣ Θεодоровой Московское государство возмутилъ. Повѣствуютъ что іезуиты въ Польшѣ сіе злодѣяніе предпріять дерзнули. Имѣли они въ нѣкоторой коллегіи своей младаго юношу Россіянина, Отрельева боярина нѣкотораго изъ города Галича сына, коему имя Григорій Отрельевъ. Они его отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ будущей трагедіи изрядно наставили, и правилами какъ государствовать такъ напустили что онъ нѣсколько времени всю прельстилъ Россію. Итакъ онъ сими хитростями наставленный и притомъ стараніемъ литовскаго князя Адама Вишневецкаго и старосты Сендомірскаго вспомооществуемый, по смерти царя Θεодора до того въ Россіи свое дѣло довелъ, что какъ между тѣмъ восхитившій престолъ Борисъ Годуновъ умеръ, отъ всѣхъ за истиннаго Димитрія, за сына царя Іоанна Васильевича и за наслѣдника Имперіи принять и всенародно былъ коронованъ лѣта Господня 1605, іюня 25 дня.“

Что этотъ „прехитрый и необыкновенный замысел“ выдуманъ іезуитами, митрополитъ Платонъ доказываетъ общимъ характеромъ іезуитовъ, пребываваніемъ въ Москвѣ при царѣ Іоаннѣ IV іезуита Поссевина и открытіемъ доступа въ Россію іезуитамъ. Іезуитъ Поссевинъ выдалъ книгу въ которой предлагаетъ разные способы какъ въ Россіи ввести латинскую вѣру, и между прочимъ совѣтуетъ дѣтей русскихъ дворянъ въ Вильнѣ обучать наукамъ и располагать къ римской вѣрѣ. Іезуиты приставлены были къ Самозванцу и когда отъ него не отступали, а іезуитовъ наставлялъ самъ лапа. Изъ исторіи Самозванца видно что со стороны Польши не столько думано о завладѣніи Россіи или о полученіи отъ нея какихъ-либо выгодъ, а наиболее чтобы ввести въ нее римскую вѣру. Но это могло быть дѣломъ только іезуитовъ и лапы.

„А по всему сему никакъ не сумнительно что Самозванецъ не явился въ Польшѣ самъ собою, и будто тамъ только случай открылся признать его такимъ и учинить ему пособіе; нѣтъ, давно уже сіе было приуготовано, расположено и обработано. Да и въ манифестѣ Шуйскаго тоже сказано что Лжедмитрія сомозванство бысть по совѣту дьявольскихъ и лихихъ людей, которые всегда Московскому государству хотятъ разоренія и кровопролитія. Если Щербатовъ появленіе втораго Самозванца приписываетъ іезуитамъ, которые самъ льстили себя довести Россію подъ власть лапы, то отнести нужно сіе и къ первому, ибо второе самозванство было только послѣдствіемъ перваго.“

Мысль митрополита Платона усиленно защищалъ г. Бидинъ въ своей статьѣ: „Правда о Лжедмитріи“. По его мнѣнію Лжедмитрій былъ лицомъ воспитаннымъ и подготовленнымъ іезуитами. Іезуиты, пользуясь прекращеніемъ царствующей въ Россіи династіи, съ цѣлю проложить доступъ въ Россію католичеству, напали одного ребенка по внѣшнимъ примѣтамъ и лѣтамъ сходнаго съ Углицкимъ Димитріемъ, воспитывали его въ своихъ школахъ, и когда пришло время объявили его Димитріемъ Углицкимъ чудесно спасеннымъ отъ убійцъ. Доказательствомъ сего служить сильное участіе іезуитовъ въ дѣлѣ Самозванца. Іезуиты сводятъ Самозванца съ Вишневецкимъ, знакомятъ съ Секдомірекимъ, убѣждаютъ Польскаго короля дать ему помощь. Іезуитъ Рангони помазуетъ его муромъ; исповѣдуетъ

его іезуитъ; изъ Кракова ему солутствуютъ іезуиты, сопровождаютъ его въ походѣ, останахъ при немъ въ Москвѣ и служатъ посредниками сношеній его съ папой. Все это показываетъ болѣе чѣмъ простое участіе и есть свѣдѣтельство умысла въ которомъ таился колоссальный планъ всемірнаго господства папы Римскаго. Присоединить Лжедимитріевыми руками Россію къ Римской церкви, потомъ чрезъ его содѣйствіе освободить отъ Турокъ Константинополь, и распространить власть папы по Востоку — не такова ли политическая система ясными чертами заявившая себя въ краткое Лжедимитріево царствованіе? Вспомнимъ что братство прославленное духомъ любочестія и ревности къ обращенію всѣхъ въ папѣство находилось тогда въ зенитѣ своей славы, и съ особенною силою подвизалось тогда въ Польшѣ. Примемъ въ соображеніе что для прочной побѣды надъ православіемъ нужно было нанести главнѣйшій ударъ именно въ Руси Великой, и что вообще Русская церковь, какъ первенствующая изъ православныхъ, не переставала привлекать жадные глаза Римскаго первосвященника, и мы получимъ самыя первоначальныя комбинаціи, уловимъ тончайшія нити которыми завязывалась и приводилась въ дѣйствіе великая цитрага.

Довольно сильныя основанія для подтвержденія мнѣнія митрополита Платона и г. Буцына представляютъ нѣкоторыя выраженія въ письмахъ папы Павла V. Въ августѣ 1605 онъ писалъ кардиналу Мацѣевскому: „Мы узнали что Димитрій не только напоевъ отъ отрочества (а *pueritia imbutus*) католическою религіей, но и воспламененъ ревностію по Богѣ, и отаично расположенъ ко святой Римской церкви.“ Въ письмѣ къ воеводѣ Сендомірскому тогда же писанномъ онъ говоритъ: „Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ что Димитрій чудесно убѣжавшій изъ отечества у васъ съ отрочества научился католическою религіей.“ Просить далѣе воеводу поддерживать въ Димитріи усердіе къ папскому престолу и католической церкви, которое внушено было ему съ отрочества. Къ самому Лжедимитрію папа въ іюлѣ 1606 года пишетъ: „Благодаримъ Всемогущаго Бога допустившаго тебя сперва претерпѣть изгнаніе чтобы въ юности управить стопы твоей на путь спасенія и теперь просвѣщеннаго свѣтомъ католической вѣры благоволившаго воз-

весть тебя на родительскій престолъ.“ * Въ другомъ письмѣ пишетъ онъ: „Въ отрочествѣ противъ тебя устроили ковы, ты лишенъ отцовскаго наслѣдія и долженъ былъ удалиться подъ чуждое покровительство, чтобы только безопасно жить и дышать. **

Слова папы Павла V, не объясняя того какъ спасся Димитрій отъ гибели, представляютъ его съ отрочества воспитанникомъ Сандомірскаго воеводы. Вассенбергъ пишетъ что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ іезуитской школѣ и совершенно узнавъ латинскій языкъ вступилъ на службу Адама Вишневецкаго. ***

Подготавливаемаго такимъ образомъ Самозванца іезуиты могли отправить на время въ Москву и потомъ въ Кіевъ познакомиться съ обрядами богослуженія православнаго, пустить молву между казаками о спасеніи Димитрія, и наконецъ заставить его у Вишневецкаго объявить себя Царевичемъ Димитріемъ.

Буссовъ пишетъ, что послѣ битвы при Добрыничахъ Лжедмитрій объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить: кто замышлялъ на его жизнь, кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцомъ, какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему польскіе вельможи, и какимъ образомъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ онъ пріѣзжалъ съ польскимъ посломъ великимъ канцлеромъ Салѣгой въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего Бориса. Такія грамоты, разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ государства, имѣли удачное дѣйствіе. Такой же разказъ встрѣчается у Товчанскаго. **** О томъ что Самозванецъ былъ въ Москвѣ при посольствѣ Салѣги говорить и Масса.

Есть извѣстіе что на сеймѣ 1605 года однимъ польскій дворянинъ въ своей рѣчи, въ которой доказывалъ необходимость изгнанія іезуитовъ изъ Польши, † между прочимъ

* *Histor. Russiae monum.* t. 2 pp. 58, 61, 68, 72.

** *Ibid.* p. 89.

*** *Ист. Госуд. Росс.* Кар. т. XI, пр. 577. Де-Ту пишетъ что Самозванецъ настолько зналъ латинскій языкъ что могъ порядочно написать папѣ письмо по-латыни.

**** *Ист. Росс. Сол.* т. VIII, стр. 83.

† Переводъ сей рѣчи помѣщенъ въ *Духовной Бесѣдѣ* 1864 №№ 41—44. По показанію переводчика рѣчь эта издана была въ 1609.

сказалъ слѣдующее: „еслибы они (іезуиты) дали намъ въ королѣ своего Димитрія Московскаго.“ Они постоянно хвалятся тѣмъ что они думали сдѣлать въ Россіи. Но въ-первыхъ, это предпріятіе опиралось на самомъ шаткомъ основаніи: они прибѣгали къ самымъ безнравственнымъ мѣрамъ, которыя однакоже не имѣли успѣха. При всемъ томъ, незрѣлые планы, составленные іезуитами на счетъ Россіи, вдохнули въ нихъ столько гордости что они считали для себя позволительнымъ все что имъ угодно. Въ извѣстительной грамотѣ патріарха Іова о появленіи Самозванца сказано: „по сатанинскому ученью, по Вишневецкихъ князей воровскому умысленію и по королевскому велѣнію сталъ называться княземъ Димитріемъ.“ Но кто какъ не іезуиты были главными руководителями политики Сигизмунда.

Сказка о спасеніи Димитрія Царевича во время покушенія на его убійство ночью, разказываемая Самозванцемъ, показывала что сочинители ея не хорошо знали событія углицкаго убійства и слѣдовательно жили не въ Россіи.

Современники замѣчали что названный Димитрій не чисто говорилъ по-русски, не точно произносилъ нѣкоторыя слова. Польскія привычки и забавы казалось съ малолѣтства усвоены имъ; обычаевъ же русскихъ не только онъ не сохранялъ, но издѣвался надъ ними. Онъ не оказывалъ уваженія и къ обрядамъ Русской церкви. Палъ далъ онъ обѣщаніе подчинить Русскую церковь его власти, и патріарха заставилъ палъ написать письмо съ признаніемъ его главенства *. Если онъ не много сдѣлалъ въ пользу Римской церкви въ теченіе своего одиннадцатилѣтняго правленія, то потому что встрѣтилъ особое нерасположеніе къ католикамъ въ Русскихъ, которые громко и рѣзко выражали свои опасенія за цѣлость вѣры и посему волновались противъ новаго царя. Для утвержденія своего на тронѣ Самозванецъ долженъ былъ удержаться на время отъ дѣйствій въ пользу католицизма. Это положеніе Самозванца вполне понималъ король Польскій; убѣдились въ этомъ и въ Римѣ, такъ что слишкомъ ретиваго нунція въ Польшѣ

въ латинскомъ переводѣ и потомъ въ 1729 на французскомъ языкѣ въ Амстердамѣ. Указанныя нами мѣста читаются на стр. 216 и 257.

* *Histor. Russiae* Том. I. II, p. 77.

удерживали отъ посылки въ Москву его племянника. Бучинскій говорилъ боярамъ что послѣ убіенія ихъ Лжедмитрій хотѣлъ ввести римскую вѣру въ Россію.

Можно указать еще и на то, что Валуевъ нанесъ смертельный ударъ Самозванцу, назвалъ его польскимъ свистуномъ.

Несмотря на силу доказательствъ въ пользу того мнѣнія что Лжедмитрій былъ подготовленъ иезуитами, противъ него столько представляется возраженій что нѣтъ возможности окончательно на немъ остановиться.

Какъ митрополитъ Платонъ, такъ и г. Бицынъ, поставили причиною появленія Самозванца прекращеніе Рюриковой династіи и несчастія и жестокости царствованія Бориса. Но смертію Царевича Димитрія не прекращалась еще династія Рюрика; въ слѣдующемъ же году у Θεодора Іоанновича родилась вскорѣ умершая дочь Θεодосія, могъ родиться и сынъ. Самъ Θεодоръ Іоанновичъ, правда, былъ болѣзненный человекъ, но могъ прожить и долго. При такихъ обстоятельствахъ готовить Самозванца подъ именемъ Димитрія Царевича немыслимо. Скончался царь Θεодоръ, и престолъ Русскій долго не былъ занятъ. Еслибы лѣтъ семь готовился Самозванецъ, то какъ удобно было бы въ это время произвести имя Царевича Димитрія, когда и царица Ирина, и братья ея Борисъ отказывались отъ престола. Но въ это время не произошло и молвы о томъ что живъ Царевичъ Димитрій. Соборомъ всей Русской земли Борисъ Годуновъ избранъ въ цари, и первые два года его царствованія были самыми счастливыми. Только тогда какъ Годуновъ началъ преслѣдовать бояръ, опасныхъ для утвержденія его династіи на престолѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ наступившій голодъ началъ порождать неудовольствіе и въ народѣ, тогда только явилась возможность думать о самозванцѣ, котораго можно бы съ успѣхомъ противопоставить Борису. Этотъ переломъ въ царствованіи Бориса совпадаетъ съ пребываніемъ въ Москвѣ посольства Льва Салтѣги. И отъ проникательнаго государственнаго мужа, какимъ былъ Левъ Салтѣга, и притомъ вынесшаго много непріятностей отъ Бориса, не могло скрыться направленіе умовъ въ Россію, принимавшее неблагопріятный для Бориса характеръ. Итакъ, если и допустить что Самозванецъ приготовлялся въ Польшѣ, то это дѣло могло начаться не ранѣе

1601 года, то-есть почти одновременно съ появленіемъ Григорія Отрельева въ польскихъ владѣніяхъ.

Если отъ общихъ соображеній обратимся къ историческимъ указаніямъ, то встрѣтимъ подтвержденіе того что Лжедмитрій не былъ подготовленъ заранѣе въ Польшѣ иезуитами или кѣмъ-либо другимъ.

1) Еслибы Самозванецъ съ отрочества воспитывался у иезуитовъ, то при разказахъ о своемъ спасеніи онъ долженъ былъ бы говорить что вскорѣ послѣ своего спасенія отъ убійства онъ удалился въ Польшу. Между тѣмъ всѣ передававшіе разказы Самозванца о его походахъ говорятъ что онъ юность свою провелъ въ предѣлахъ Россіи. Кромѣ показаній короля Сигизмунда, мы укажемъ на донесеніе о Лжедмитріи, найденное въ библиотекѣ князя Барберини въ Римѣ, писанное вскорѣ послѣ того какъ Самозванецъ завладѣлъ престоломъ. Дмитрій, сказано здѣсь, спасенный наставникомъ-Нѣмцемъ, воспитывался у одного дворянина. Послѣ смерти его пошелъ въ монастырь, изъ одного переходя въ другой, изъ опасенія, *какъ онъ самъ сказывалъ*, чтобы его не узнали или же не заставили постричься въ монахи. Наконецъ, отнюдь не открывая никому своего имени, ушелъ тайно въ Польшу съ другимъ какимъ-то монахомъ изъ монастыря, находящагося на Киевской границѣ, и тамъ, скинувъ съ себя рясу, пошелъ онъ въ услуженіе,—сначала присталъ ко двору киевскаго воеводы князя Острожскаго, потомъ къ одному польскому пану, по фамиліи Горскому, и сказывалъ что служилъ тамъ въ поваренкахъ. Налослѣдокъ, услышавъ о ненависти которую сталъ питать народъ къ Борису, разсудилъ открыться князю Вишневецкому*.

2) Самы иезуиты говорятъ что они узнали его и приняли подъ свое покровительство незадолго до его похода противъ Бориса Годунова. Краковскіе иезуиты своимъ братьямъ писали что Дмитрій ушелъ изъ Россіи, имѣя болѣе 20 лѣтъ, и уже получивъ помощь отъ вельможъ польскихъ, рѣшился искать опоры у ихъ ордена и присоединился къ Римской церкви**. Велевицкій передаетъ со словъ Каспара Савицкаго, который съ самаго сближенія съ орденомъ

* Сказ. иностр. о Россіи. Спб. 1843. Переводъ Любича-Романовича.

** Карамз. Т. XI, пр. 213.

іезуитовъ приставленъ былъ къ Самозванцу, что Лжедмитрій облизался съ іезуитами только въ Краковѣ, послѣ уже перваго частнаго представленія королю Сигизмунду *.

Велевицкій и Чилли описываютъ обряды сопровождавшіе присоединеніе Лжедмитрія къ католической церкви. Чилли самъ присутствовалъ при отреченіи его отъ православія. Еслибы Самозванецъ былъ воспитанъ съ отрочества въ католической религіи, то не стали бы присоединять его къ католицизму въ зрѣлые годы, и притомъ тайно.

3) Поляки единогласно говорили что Лжедмитрій былъ Русскій по происхожденію и воспитанію **, Москвитяниномъ называлъ его Янъ Замоѣскій ***, то же говорили послы Польскаго короля въ Москвѣ послѣ убіенія Лжедмитрія. На сѣздѣ 1608 года польскіе послы говорили что Поляки Дмитрія, яко Москвитянина чужеземца, никогда предъ тѣмъ не знали ****. Въ дневникѣ Борши приводятся слова Самозванца: † „я имѣлъ о Полякахъ хорошее мнѣніе, а теперь вижу что они такіе же люди какъ и другіе.“ Очевидно что Самозванецъ не только не считалъ себя Полякомъ, но даже не очень долго былъ съ ними знакомъ. Борша приводя эти слова безо всякой оговорки очевидно также не признавалъ его Полякомъ.

4) Покровитель іезуитовъ король Польскій Сигизмундъ въ инструкціи Самуилу Бѣльскому, отправлявшемуся посломъ въ Испанію, прямо называетъ Лжедмитрія обманщикомъ, чего онъ, конечно, не сказалъ бы еслибы Самозванецъ подготовлялся въ Польшѣ іезуитами. Съ своей стороны и Лжедмитрій, еслибы былъ воспитанникъ іезуитовъ, долженъ бы сохранить чувства преданности къ другу и покровителю іезуитовъ Сигизмунду. Между тѣмъ послѣ вступленія своего на престолъ онъ какъ бы отыскиваетъ средства раздражить его, и вѣроятно, не безъ основанія нѣкоторые думали, что войско собираемое Лжедмитріемъ на юго-западныхъ границахъ съ объявляемою цѣлію войны противъ Турокъ могло обратиться противъ Сигизмунда.

* *Зап. Шелк.*, ч. 2, стр. 124—130.

** *Русск. Истор. Библ.* т. I. *Дисен. Пол. Сейма.* 1605 стр. 2.

*** *Записки Жолк.* ч. 2, стр. 2.

**** *Ак. З. Р.* т. IV, стр. 267.

† *Русск. Ист. Библ.* т. I, стр. 375.

5) Борисъ Годуновъ и потомъ московскіе бояре могли бы имѣть болѣе или менѣе опредѣленные слухи о воспитаніи Самозванца у іезуитовъ, и упрекнуть этимъ Поляковъ. Но упрекая Поляковъ за содѣйствіе Самозванцу, бояре и намека не дѣлаютъ на то чтобы Самозванецъ подготовленъ былъ и воспитанъ въ Польшѣ. Они говорятъ о Самозванцѣ какъ о человѣкѣ низкаго происхожденія, котораго происхожденіе слѣдовательно имъ извѣстно; справедливо или нѣтъ называя его Григоріемъ Отрѣпьевымъ, признаютъ этимъ его Русскимъ и по рожденію, и по воспитанію.

6) Дѣло Углицкое послѣ погрома постигшаго гражданъ Углича и родственниковъ убитаго Царевича предано было глубокому молчанію, и сдѣлалось своего рода государственною тайной, о которой не смѣли и говорить при жизни Бориса Годунова; а потому немудрено что въ тихомолку составлялись свои сказанія объ этомъ событіи и назвавшійся Димитріемъ могъ не знать въ точности подробностей убійства. Но вѣроятно же что онъ зналъ подробности убійства, зналъ, что оно совершено днемъ; ибо собираясь играть роль Димитрія Царевича долженъ былъ запастись всеми возможными свѣдѣніями. Такія свѣдѣнія могъ онъ получить и отъ матери Царевича, и отъ родственниковъ его и отъ другихъ лицъ, такъ какъ событіе совершилось не задолго. Онъ предпочелъ разказать что его подмѣнили ночью, и ночью вмѣсто него убить другой подмѣненный младенецъ, чтобы не могло показаться не вѣроятнымъ какъ днемъ не признали лица, которое хотѣли убить. Притомъ утверждая что убійство подмѣеннаго младенца совершилось ночью, такъ что и мать не знала о томъ что убить не ея сынъ, Самозванецъ обезопасивалъ себя на тотъ случай еслибы мать Царевича Димитрія стала отречься отъ него.

7) Русскіе обвиняли Самозванца въ томъ что онъ хотѣлъ православные храмы замѣнить римскими костелами, что онъ допускалъ иновѣрцевъ въ храмы православные, неуважительно отзывался о соборахъ вселенскихъ; но въ дѣйствіяхъ Самозванца относительно религіи виденъ скорѣе индифферентизмъ, нежели ревность собственнаго по католической вѣрѣ, какой нужно бы ожидать отъ воспитанника іезуитовъ. Въ пользу Римской церкви долженъ былъ онъ нѣчто сдѣлать за помощь ему оказанную и оказываемую,

по желанію поддержать связь съ латвой съ цѣлью имѣть содѣйствіе европейскихъ державъ при затѣваемомъ имъ походѣ противъ Турокъ, также вслѣдствіе данныхъ имъ обѣщаній и можетъ-быть наклонности къ униі. Но еслибъ онъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ, то едва ли бы допустилъ чтобы патріархъ Игнатій въ своей окружной грамотѣ убѣждалъ православныхъ молиться Богу, да возвыситъ Онъ руку Димитрія надъ *латинствомъ* и бесерменствомъ. Не знаемъ сознательно или безсознательно, но онъ устроилъ подъ видомъ коронованія присоединеніе къ православной церкви своей невесты чрезъ миропомазаніе и причащеніе. Конечно всѣ такіа дѣйствія вынуждались положеніемъ Самозванца среди народонаселенія крѣпко преданнаго православію. И если вѣрять объясненію Бучинскаго данному имъ боярамъ послѣ гибели Самозванца, то Самозванецъ имѣлъ въ виду постепенно, мало-по-малу приготовить Рускихъ къ переходу въ унию. Но то самое обстоятельство что реформатъ Бучинскій былъ самымъ близкимъ къ нему человекомъ, что іезуитъ Савицкій долженъ былъ прибѣгнуть къ особенному ходатайству чтобъ открыть себѣ свободный доступъ во дворецъ, показываетъ что іезуиты не пользовались исключительнымъ вліяніемъ на Лжедмитрія. По смерти Лжедмитрія они жаловались что: 1) Димитрій много измѣнился и не былъ уже похожъ на того который былъ въ Польшѣ; 2) что о вѣрѣ и религіи католической (вопреки столь многимъ обѣщаніямъ) онъ мало думалъ, и что 3) о ладѣ, которому, по словамъ посланныхъ изъ Польши лясемъ, онъ посвящалъ и себя и своихъ подданныхъ, теперь онъ говорилъ безъ уваженія, даже съ презрѣніемъ и 4) всѣ еретики имѣли къ нему доступъ и онъ преимущественно сѣдовалъ ихъ совѣтамъ и внушеніямъ *. Іезуиты умѣютъ на своихъ воспитанниковъ налагать неизгладимую печать; ея и сѣдовъ нѣтъ на Самозванцѣ; въ немъ нѣтъ той выдержки характера, того умѣнья владѣть собою, чѣмъ особенно отличаются іезуиты.

8) Если справедливо что Валуевъ называлъ Лжедмитрія польскимъ свистуномъ, то потому что тотъ любилъ польскія забавы, почему, и къ трулу его приложили маску и гудокъ.

* Зал. Жолк., ч. 2, стр. 171, 172.

Прочія доказательства подготовленія Самозванца іезуитами и вообще его не русскаго происхожденія достаточно опровергнуты Маржеретомъ. Мы приведемъ почти буквально его разсужденія, какъ выраженіе взгляда современника, которому доступны были для наблюденія нѣкоторыя частности, скрытыя отъ насъ временемъ.

Маржереть разсуждаетъ такъ:

Если Самозванецъ воспитывался у іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать латинскій языкъ, но я увѣряю что Димитрій не умѣлъ на немъ говорить и еще меньше читать и писать, какъ я докажу подписью его имени, очень нетвердою *. Кроме того тогда онъ оказалъ бы іезуитамъ болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое, и то съ польскими войсками, не имѣвшими другихъ патеровъ. Одинъ изъ нихъ послѣ царскаго вѣнчанія отправился въ Римъ по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще что Димитрій не чисто объяснялся по-русски, но и это несправедливо: слышавъ какъ онъ разговаривалъ на русскомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашелъ выраженія его столь правильными, какъ нельзя лучше; только для красоты онъ примѣшивалъ иногда польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Димитрія, еще до пришествія его въ Москву; ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ чтобъ этотъ государь былъ иноземецъ, если впомнимъ сколько долго съ юныхъ лѣтъ онъ не видалъ отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то что онъ осмѣивалъ русскія обыкновенія и нравы и только для вида соблюдалъ обряды религіи. Это не удивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Русскихъ. Если Борисъ Θεодоровичъ, коренной Русскій, ненавидѣлъ пороки ихъ и произвелъ нѣкоторое

* Дѣйствительно Самозванецъ вмѣсто *imperator* подписывался *in pegerator*. Когда рѣчь говорила ему по-латыни, то переводчикъ переводилъ ее для Димитрія. Письма которыя онъ посылалъ къ папѣ на латинскомъ языкѣ были писаны конечно іезуитами. По крайней мѣрѣ о первомъ письмѣ которое онъ послалъ папѣ изъ Кракова, Велевицкій говоритъ что оно было написано по-польски, и потомъ другими переведено на латинскій языкъ.

преобразование въ обычаяхъ, могъ ли Димитрій, знавшій отчасти свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, въ странѣ свободной, среди знатныхъ вельможъ, довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу? Онъ не строго соблюдалъ обряды религіи: я знаю многихъ Русскихъ также постулавшихъ, между прочимъ Постника Димитрія, который любилъ посланникомъ въ Даніи, шутилъ явно въ кругу пріятелей надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Димитрій не могъ дѣлать того же, познакомившись въ Польшѣ съ разными вѣроисповѣданіями? Впрочемъ я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется не много какъ иноземцевъ такъ и Русскихъ которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ этомъ случаѣ; онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, * хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать университетъ. Если бы Самозванецъ воспитывался въ Польшѣ какъ орудіе іезуитовъ, то долженъ былъ бы тамъ найти болѣе усердную себѣ поддержку. Правда что сеймъ отказалъ королю въ поддержкѣ Самозванца, а потому помощь ему могла быть дана только частными лицами. Но было время когда и частныя лица по требованію короля оставили его.

Все это заставляетъ допустить что лапа Павелъ V писалъ о Самозванцѣ не получивъ вѣрныхъ свѣдѣній. По сказанію Велевицкаго Лжедмитрій первое письмо къ лапѣ писалъ изъ Кракова въ апрѣлѣ 1604; второе письмо его было изъ Самбора отъ 30го іюля. Отвѣтъ полученъ былъ Лжедмитріемъ 8го ноября, но неизвѣстно что писалъ лапа, такъ какъ письмо это не сохранилось **. Климентъ умеръ 1го марта 1605; преемникъ его Левъ только 26 дней прожилъ послѣ избранія. Мая 6го 1605 избранъ былъ въ лапы кардиналъ Боргезе, подъ именемъ Павла V. Это былъ человекъ глубоко проникнутый мыслию о неизмѣримомъ величіи папской власти и желаніемъ все подчинить себѣ.

* Объ исполненіи Лжедмитріемъ обрядовъ православной церкви мы будемъ говорить послѣ, теперь замѣтимъ что духовникомъ Лжедмитрія былъ Рождественскаго Владимірскаго монастыря архимандритъ Исаія. (Ак. до юрид. быта Росс., т. I, стр. 236. Случи Сборн. Мухан. Изд. 2, стр. 204—205).

** Собр. Госуд. грам. Т. II, стр. 168.

Получивъ уже извѣстіе о вступленіи Лжедмитрія на престолъ, папа начинаетъ живую переписку со Лжедмитріемъ и съ Юріемъ Мишкемъ и съ духовенствомъ польскимъ пишетъ и къ Маринѣ. Заботясь болѣе всего о томъ чтобъ утвердить Московскаго царя въ преданности Римской церкви, убѣдить его ввести въ Россію католическую вѣру, папа не позаботился собрать точныхъ свѣдѣній о первоначальной судьбѣ новаго царя, такъ что и о письмѣ Лжедмитрія къ папѣ Клименту онъ узналъ не скоро. А потому и указанія писемъ его не точны. Юрій Мишекъ объяснялъ ему что Димитрій обязанъ своимъ обращеніемъ Францисканцамъ, которые примѣромъ своей жизни и своими наставленіями привели его къ познанію истины. Изъ этого свидѣтельства видно что не іезуиты воспитали съ отрочества въ католической вѣрѣ Лжедмитрія, но что онъ предрасположенъ былъ къ принятію этой вѣры Францисканцами уже въ отроческихъ лѣтахъ, такъ какъ могъ убѣждаться примѣромъ жизни ихъ и ихъ наставленіями. Можетъ быть Мишекъ и увеличилъ заслугу Францисканцевъ, и въ виду свои побужденія. Дѣло въ томъ что папа гнѣвался на орденъ Францисканцевъ и хотѣлъ уничтожить его. Мишекъ и постыжился выставить заслуги его, — и этимъ дѣйствительно отклонилъ гнѣвъ папы. Но было же вѣроятно и у папы основаніе признать справедливымъ показаніе Мишека. Велевицкій сообщаетъ что Марина съ самаго дѣтства вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ привыкъ обращаться къ Бернардинамъ (Францисканцамъ), и что дѣховникъ самборскій Францъ Помасскій былъ особенно друженъ со Лжедмитріемъ *.

Высказанныя нами замѣчанія, кажется, достаточно показываютъ что Лжедмитрій не былъ воспитанъ и подготовленъ іезуитами въ Польшѣ.

Отвергая ту мысль что Самозванецъ былъ заранее подготовленъ іезуитами, мы не отвергаемъ того что іезуиты явились самыми ревностными поборниками Самозванца дѣла въ Польшѣ, а потому были одними изъ главныхъ виновниковъ его успѣха. Мы не отвергаемъ и того что Сигизмундъ, поддерживая Самозванца, преслѣдовалъ болѣе религіозныя чѣмъ политическія цѣли, т.-е. прежде всего

* Зал. Жолк. Ч. 2, стр. 142.

желалъ достигнуть подчиненія Русской церкви Римскому первосвященнику.

Еще менѣе вѣроятно мнѣніе Буссова что Григорій Отрельевъ отыскалъ въ Бѣлоруссіи человека согласившагося назваться Царевичемъ Димитріемъ. Не мыслимо чтобъ убѣжденія забѣглаго монаха могли склонить кого-либо на такое дерзкое предпріятіе. Притомъ и Отрельевъ, насколько знаемъ мы объ его характерѣ, былъ не изъ тѣхъ людей чтобъ онъ поручилъ играть роль Самозванца другому, когда предполагалъ возможность успѣха отъ такого предпріятія.

Справедливо замѣчаетъ Маржеретъ что человеку не имѣющему близкаго знакомства съ обстоятельствами Россіи невозможно было рѣшиться на такое предпріятіе, когда Русскіе не сомнѣвались въ смерти Царевича, когда Борисъ Θεодоровичъ царствовалъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину. И Бѣлоруссу и Малороссу, замѣчаетъ Маржеретъ, слѣдовало прежде обучиться русскому языку. Кромѣ того, Самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія, предложенные ему, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно. Россія, пишетъ Маржеретъ, не такая свободная страна куда всякъ воленъ приходить учиться языку, вывѣдывать то и другое и потомъ удалаться. Въ этомъ государствѣ, почти недопустимомъ, все дѣлается съ такою тайной что очень трудно угадать истину если не видишь ее собственными глазами *. Дѣйствительно, не Русскій, даже не Москвитинъ, взявшійся за подобное дѣло, могъ бы обличить себя на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ.

II. Доказательства мнѣнія что первый Лжедмитрій былъ Григорій Отрельевъ.

До сихъ поръ всѣ усилія назвать по имени какое-либо лицо игравшее роль Димитрія Царевича кромѣ Григорія Отрельева остались тщетными.

Архіепископа Θεодосія, словами котораго мы начали свое исследование, чувство приличія заставляло не гово-

* *Сказанія соер. о Самозв.* Изд. 3, ч. 1, стр. 311—312.

реть въ глаза первому Самозванцу: ты Гришка Отрельевъ. Притомъ онъ конечно и не зналъ лично Григорія Отрельева, а потому и не могъ самъ утверждать это.

Но всѣ современники Θεодосія какъ въ официальныхъ отзываютъ, такъ и въ частныхъ сказаніяхъ, единогласно называютъ перваго Самозванца Григоріемъ Отрельевымъ. Это убѣжденіе сохранялось до нашего времени. Мнѣніе митрополита Платона, который впрочемъ не совсѣмъ отказывался отъ мысли что первый Самозванецъ былъ Григорій Отрельевъ, подавлено было мнѣніемъ Карамзина. Но теперь многіе вслѣдъ за г. Костомаровымъ рѣшительно отвергаютъ тожество перваго Самозванца съ Григоріемъ Отрельевымъ. Кажется самая безуспѣшность указать какое-либо иное лицо должна бы заставить внимательнѣе изслѣдовать сказанія о Григоріи Отрельевѣ. Не отъ того ли происходитъ вся безуспѣшность усилій узнать кто былъ первый Лжедмитрій что рано отвергли первое преданіе, положительно указывавше что это была за личность, и тѣмъ сошли съ того луты которымъ можно было добраться до истины; не сдѣлано достаточно усилій для того чтобы примирить и объяснить тѣ противорѣчія какія повидимому встрѣчаются въ жизни и дѣятельности Лжедмитрія съ тѣмъ положеніемъ что это былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря.

Въ самомъ дѣлѣ, не безъ причины же возникло и держалось убѣжденіе у современниковъ и ближайшихъ потомковъ эпохи Самозванцевъ что первый Самозванецъ былъ Григорій Отрельевъ. Г. Костомаровъ говоритъ что нужно было Борису и патріарху какое-нибудь имя для явившагося въ Польшѣ самозванца, и вотъ, воспользовавшись побѣгомъ Гришки Отрельева за границу, назвали его Отрельевымъ.

Но всю силу сохраняетъ замѣчаніе Карамзина. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли чтобы въ столь важномъ дѣлѣ * Бо-

* Не только о Борисѣ и патріархѣ Іовѣ—людяхъ вообще разсудительныхъ—странно было утверждать такую необдуманную мѣру, но мы думаемъ что самое неосмотрительное правительство не сдѣ-

ристь легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедмитрія бѣглецомъ чудовскимъ. Когда многіе люди знали его въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца. Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедмитрія живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали его діакономъ Григоріемъ: ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздавался въ потомствѣ до нашего времени.

Къ сему можемъ прибавить что царь Борисъ объявилъ публично Самозванца Отрельевымъ не по первой вѣсти о его появленіи, но спустя болѣе года, хотя онъ слышалъ о томъ кто былъ этотъ Самозванецъ. Было время Борису собрать свѣдѣнія и обдумать послѣдствія завѣдомо лживаго извѣстія. Первые обстоятельныя свѣдѣнія о Григоріи Отрельевѣ Борисъ получалъ отъ дяди Отрельева, Смирного-Отрельева. Хрущовъ показывалъ что Смирной-Отрельевъ принимаемъ былъ Борисомъ въ тѣхъ покояхъ куда токмо знатные господа и любимцы допускаются. Видно что Борисъ считалъ показанія его очень важными. Дякъ Смирной Васильевъ не заплатилъ бы жизнью за то * что не исполнилъ приказа о ссылкѣ Отрельева, еслибы Борисъ не увѣренъ былъ что онъ виновникъ спасенія Самозванца.

Первая обличительная грамота противъ Лжедмитрія послана была воеводой черниговскимъ Кашинымъ-Оболенскимъ за полтора года, какъ опредѣленно говорятъ послы польскіе **, до грамоты посланной Борисомъ къ королю Сигизмунду съ посланникомъ Огаревымъ, въ сентябрѣ 1604, слѣдовательно не позже апрѣля 1603 года. *** Въ этомъ же году писали бояре и къ князю Острожскому. Въ

ладо бы этого. Можно солгать частному человѣку, но для публичнаго акта подобныя выходки немислимы.

* Впрочемъ Хрущовъ передаетъ другую причину казни Смирнова, именно онъ на банкетѣ вмѣстѣ съ меньшимъ Булгаковымъ пилъ за здоровье явившагося въ Польшу Дмитрія. *Собр. Гос. Гр.* Т. 2, 177.

** Отъ Бориса или отъ бояръ послѣ грамоты изъ Чернигова отъ Кашина-Оболенскаго полтора года присылки не было. *Ак. З. Р. Т. IV*, стр. 308—274.

*** *Ак. З. Р. Т. IV*, 267. Дата 7.112 приведенная послами польскими относится къ третьему листу Кашина-Оболенскаго, посланному на имя самого Лжедмитрія; она можетъ указывать на время въ сентябрѣ 1603 года.

грамотѣ Кашина-Оболенскаго вѣроятно Самозванецъ уже назывался Григоріемъ Отрепьевымъ, ибо послы польскіе приводятъ изъ грамоты слова что чернецъ назвавшійся Димитріемъ бѣжалъ изъ Чудова монастыря. Офіціальное же объявленіе о Самозванцѣ выдано въ январѣ 1605.

Изъ грамоты Бориса къ Сигизмунду, посланной въ сентябрѣ 1604 съ Огаревымъ * видно что Борисъ имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ кто и куда посыланъ былъ распространять вѣсть о мнимомъ Димитріи. И напрасно видятъ признакъ сомнѣнія Бориса касательно тождества явившагося Лжедимитрія съ Отрепьевымъ въ словахъ что еслибъ это лицо былъ настоящій Димитрій, то и тогда онъ не имѣлъ бы права на престолъ, какъ рожденный отъ седьмой жены Грознаго. Это сказано только чтобы болѣе убѣдить Сигизмунда не вступаться за появившагося царика. Борисъ естественно могъ думать что многіе не повѣрятъ тому что это разстрига Отрепьевъ, и счелъ нужнымъ прибавить новую причину почему Сигизмундъ не долженъ покровительствовать назвавшемуся Димитріемъ. И въ крестоцѣловальной грамотѣ на имя Θεодора Борисовича непременно нужно было сказать, *и того вора что называется Димитріемъ Углеукомъ* на Московское государство видѣти не хотѣти, при томъ колебаніи въ мысляхъ о личности явившагося Самозванца какое было въ народѣ. Силу этого выраженія хорошо поняли тѣ которые отказались по этой формѣ присягать Θεодору Борисовичу. Впрочемъ при быстрыхъ успѣхахъ Самозванца, при общемъ говорѣ что явился Димитрій Царевичъ, возможно колебаніе и въ мысляхъ самого Бориса. Иногда обстоятельства слагаются такъ что начинаешь сомнѣваться и въ томъ что считалъ прежде несомнѣннымъ. Потому можно признать справедливымъ свидѣтельство одного дѣтолнца русскаго, что самъ Борисъ бысть въ великомъ сумнѣніи помышляя, егда будетъ и вправду ли разстрига, а Царевичъ Димитрій **, и воеводы царя Θεодора Борисовича могли разсуждать: худу и неславу человеку отъ поселянъ Гришкѣ разстригѣ какъ такое начинаніе возможно и смѣти начати, да не безума пошли и Литовскій

* Сборт. Обол. 1838, № 8.

** Врем. XVI, иное сказаніе о Самозванцѣ, стр. 22, 23.

король ему пособляетъ и русскіе люди съ грады ему предаются, да и всего Россійскаго государства люди стоятъ противу его не хотятъ. * Это колебаніе въ мысляхъ, объясняющее почему многіе приняли Самозванца за истиннаго Димитрія, ничего еще не говоритъ противъ того что этотъ Самозванецъ былъ Григорій Отрепьевъ. Что сказано было Годуновымъ о первомъ Лжедмитріи при его появленіи, то повторено было Шуйскимъ и Боярекою Думой послѣ его гибели. Предъ лицомъ Филарета и Ивана Никитичей Романовыхъ и конечно съ согласія ихъ сказано что Отрепьевъ служилъ въ юности въ холодахъ у дѣтей Никитичевыхъ Романовыхъ. И послѣ вступленія на престолъ Михаила Θεодоровича, когда не стало уже ни одного Лжедмитрія, продолжали утверждать то же. Имя Григорія Отрепьева внесено и въ чинъ проклятій въ недѣлю Православія. Патріархъ Филаретъ могъ бы безопасно вычеркнуть изъ этого списка Григорія Отрепьева если онъ безвѣстно прежде былъ включенъ сюда. А патріархъ Филаретъ лучше другихъ могъ бы знать что первый Лжедмитрій не былъ Отрепьевъ, если это дѣйствительно было такъ.

Далѣе: мы не можемъ не признать важнымъ свидѣтельство о личности первого Самозванца сохранившееся въ Сергіевой Лаврѣ у Авраамія Палицына, Симона Азарьина и князя Шаховскаго, повѣсть котораго объ Отрепьевѣ внесъ Симонъ Азарьинъ въ лаврское книгохранилище; потому что Авраамій и Симонъ были люди близкіе къ Діонисію архимандриту, у котораго въ Старицахъ доживалъ послѣдніе дни свой патріархъ Іовъ, и конечно съ Діонисіемъ какъ съ настоятелемъ монастыря и человекомъ духовной жизни былъ искрененъ въ своихъ бесѣдахъ. Эти писатели безо всякаго колебанія признаютъ первого Самозванца Григоріемъ Отрепьевымъ.

Если мы сравнимъ сказанія русскихъ источниковъ со сказаніями польскими и другими иноземными, то придется признать не только достовѣрнымъ, даже вѣрнымъ вполнѣ объявленіе Годунова что первымъ Самозванцемъ былъ тотъ самый монахъ который въ Россіи назывался Григоріемъ Отрепьевымъ.

* Тамъ же, стр. 23.

Г. Костомаровъ, желая доказать что извѣстіе лущенное Годуновымъ ложно, разбираетъ въ подробностяхъ то что сообщали объ Отрельевѣ патріархъ Іовъ, митрополитъ Исидоръ и послѣ Шуйскій. Усматривая несогласія и противорѣчія въ ихъ сказаніяхъ, онъ отсюда выводитъ заключеніе о лживости самаго извѣстія. Но нѣтъ ничего удивительнаго что частныя обстоятельства бѣгства Отрельева разказываются неодинаково. Таковъ характеръ устныхъ извѣстій которыя не могутъ быть провѣрены формальнымъ слѣдствіемъ. При множествѣ сказаній о первомъ Самозванцѣ разнорѣчій такъ много что еслибы сдѣлать отсюда выводъ о недостоверности всѣхъ разказовъ, то пришлось бы отказаться отъ вѣры въ большую часть событій его жизни. Такъ напримѣръ, король Сигизмундъ въ письмѣ къ Замойскому пишетъ что Димитрій, открывшася и объявивъ уже себя, явился къ Адаму Вишневецкому, тогда какъ по другимъ извѣстіямъ польскимъ, онъ жилъ немалое время у Адама Вишневецкаго неизвѣстнымъ слугою и здѣсь только объявилъ себя царевичемъ; и потомъ на нѣсколько разныхъ ладовъ разказывается какъ онъ у Вишневецкаго объявилъ о себѣ. Но г. Костомаровъ отсюда не вывелъ такого заключенія, что названный Царевичъ не былъ у Вишневецкаго. Потому достаточно если мы ограничимся только указаніемъ на важнѣйшія событія въ жизни Григорія Отрельева и сравнимъ извѣстія русскіхъ источниковъ съ тѣми свѣдѣніями какія со словъ Самозванца передавали Поляки близкіе къ нему.

По русскимъ извѣстіямъ Отрельевъ былъ сынъ бѣднаго дворянина изъ Галичской области; * въ молодости былъ онъ постриженъ въ монахи, переходилъ изъ одного монастыря въ другой, наконецъ жилъ въ Чудовѣ и занимался письменными дѣлами у патріарха Іова; въ 1602 году ** бѣжалъ въ Польшу, сначала въ Кіевъ, потомъ былъ у князя

* Въ хронографѣ Кубасова: Бысть нѣкоторый сынъ боярскій Галичской вѣси, имя ему Гришка Отрельевъ, отъ юности восхотѣ иноческій образъ носити. Постриженіе бѣ его во единой отъ убогихъ пустынь въ Галичской сторонѣ, Борка зовомой, а отецъ и мать его близъ того монастыря жителство имѣху. Избор. Попова, стр. 281.

** Въ грамотѣ объ избраніи Михаила Феодоровича указанъ именно 1602 годъ.

Острожского, въ Гоцѣ, и наконецъ перешелъ къ Адаму Вишневецкому и здѣсь объявилъ себя Димитріемъ Царевичемъ.

Король польскій Сигизмундъ передавалъ конечно со словъ самого Самозванца что онъ скрывался въ Россіи подъ одеждой монаха. И уже въ Польшѣ признавшись и объявивъ что онъ сынъ великаго князя, явился къ Адаму Вишневецкому. * По дневнику Марины, Димитрій съ докторомъ спасшимъ его отъ смерти бѣжалъ къ Ледовитому океану. Докторъ умирая совѣтовалъ Димитрію постричься. Скрываясь въ одеждѣ инока, онъ достигъ зрѣлыхъ лѣтъ и изъ монастыря своего перешелъ въ другой ближайшій къ столицѣ монастырь, потомъ въ третій и т. д. Въ послѣдствіи онъ кѣмъ не знаемый явился въ Москву, гдѣ предъ глазами самого Бориса нѣсколько времени находилась въ палатахъ патриаршихъ. Убѣжавъ въ Польшу, училъ дѣтей какого-то шляхтича. ** Вишневецкій снялъ съ него иноческую одежду послѣ того какъ одному игумену открылъ онъ свое происхожденіе. ***

Юрій Мнишекъ говорилъ боярамъ московскимъ о Самозванцѣ: Прежде чѣмъ появился, пребывалъ онъ въ Кіевѣ, въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи; а потомъ бывъ у господина воеводы кіевского не хотѣлъ оказаться, и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая что онъ есть истинный потомокъ усложнаго великаго князя Московскаго Ивана, предлагая то какъ Господь Богъ помощію доктора его отъ смерти спасъ, положи на то мѣсто инога мальчика который въ Угличѣ зарѣзанъ: а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который тогда совѣтовалъ скрыться ему между чернецами. ****

Итакъ, въ показаніяхъ польскихъ, особенно въ показаніи дневника Марины и Мнишка, повторяется разказъ рус-

* Зап. Жолк. Ч. 2, стр. 5—8.

** Въ краткой повѣсти о заплочіи и счастіи в. к. Димитрія (*Чтенія Общ. Ис. и Дрест.* 1875, ч. 3, отдѣлъ IV) сказано что Димитрій въ домѣ дворянина Гойскаго училъ дѣтей его читать и писать по-гречески (славянски?). Наскучивъ ученіемъ пошелъ въ Брагинъ.

*** Сказ. совр. о Самозв. Изд. 3, ч. 2, стр. 130—131.

**** Сборн. госуд. гр. II, 293—296.

окихъ источниковъ о Григоріи Отрельевѣ. Онъ воспитанникъ вѣзнатнаго боярскаго сына, въ юности постриженъ въ монашество, переходилъ изъ монастыря въ монастырь; наконецъ жилъ въ патріаршихъ палатахъ. Изъ Москвы убѣжалъ въ Польшу, былъ сначала въ Кіевѣ, потомъ у князя Острожскаго, и наконецъ у Адама Вишневецкаго объявлялъ себя сыномъ Грознаго.

Что Царевичемъ Димитріемъ объявлялъ себя именно тотъ монахъ котораго Русскіе называютъ Григоріемъ Отрельевымъ, это подтверждается достаточными свидѣтельствами. Отрельевъ, по русскимъ показаніямъ, со своими слутниками Мисаиломъ и Варлаамомъ, пробывъ три недѣли въ Кіевѣ, отправился къ князю Острожскому, и отъ него посланъ былъ въ Дерманскій монастырь. Сохранилась въ Загоровскомъ монастырѣ Волинской епархіи книга Василия Великаго со слѣдующею подписью: „лѣта отъ сотворенію миру 7371 (7110) мѣсяца Августа въ 11 день сию книгу Великаго Василия далъ намъ Григорію зъ братію съ Варлаамомъ да Мисаиломъ Константинъ Костинновичъ нареченный во святомъ крещеніи Василей Божіею милостию пресвѣтлое княже Острожское, воевода Кіевскій.“ * Подъ словомъ Григорію внизу подписано тою же рукою, но нѣсколько другими чернилами: царевичу Московскому; вѣроятно эти слова послѣ прибавлены. Почеркъ подписи не сходенъ съ извѣстнымъ намъ почеркомъ Акедимитрія; она слѣдуетъ кѣмъ-либо изъ его слутниковъ. Во всякомъ случаѣ эта подпись есть свидѣтельство что Григорій Отрельевъ дѣйствительно съ Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ Яцкамъ былъ у князя Острожскаго въ 1602 году и что именно этотъ Григорій сталъ послѣ считаться Царевичемъ Димитріемъ. Нѣмцевичъ приводитъ письмо Януша Острожскаго къ королю: „Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія; онъ прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца моего, а потомъ у анабалтистовъ.“ ** Слѣдовательно и Янушъ считаетъ Дими-

* Извѣстіе о сей подписи и снимокъ съ нея напечатаны въ *Зап. Импер. Археол. Общества*. Т. 8, переч. зашѣд. стр. 56—73.

** Карамз. Т. XI, пр. 200. Варлаамъ показывалъ что Отрельевъ не пошелъ въ Дерманскій монастырь, но прямо ушелъ въ Гоцю. Но онъ можетъ-быть не считалъ за жизнь въ Дерманскомъ монастырѣ кратковременное пребываніе въ немъ Отрельева, или Янушъ, зная распоряженіе отца своего о жителствѣ Григорія въ Дерманѣ, допустилъ что онъ и жилъ тутъ.

тріемъ того же монаха который жилъ у его отца, потомъ посланъ въ Дерманскій монастырь, отсюда перешелъ къ анабаптистамъ въ Гоцу.

Русскіе бояре писали посламъ польскимъ что Поляки повѣрили Самозванцу, основываясь на свидѣтельствѣ Петровскаго, двухъ монаховъ и холода воеводы Сендомирскаго.* Послы королевскіе въ отвѣтахъ боярамъ московскимъ на посольскомъ съѣздѣ 1608 году хотя и уклоняются отъ названія Лжедмитрія Григоріемъ Отрельевымъ, но соглашались что онъ тотъ монахъ который въ 1601 году пришелъ изъ Москвы въ Кіевъ и въ Печерскій монастырь; не отвергаютъ и того что съ нимъ пришли только два монаха. Они признаютъ вѣрнымъ и то что первые признали Москвича явившагося у Вишневецкаго Димитріемъ Царевичемъ Петровскій, два монаха и холода воеводы Сендомирскаго. Видно что боярамъ Московскимъ до подробностей извѣстны были походы Отрельева.

Мисаилъ Повадинъ и Варлаамъ Яцкій, думается намъ, были первыми лжесвидѣтелями въ пользу Отрельева. Князь Семень Шаховской въ своей повѣсти „о нѣкоемъ мнихѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса въ отмщеніе крове праведнаго Царевича Димитрія“, пишетъ что Отрельевъ съ двумя единомысленными иноками, достигнувъ Кіева, началъ оказывать со иноки тѣмъ умыслиати, како бы ему желаемое улаучити. И разболѣся лестію и повелѣваетъ призвати священника греческія вѣры и пр. Здѣсь прямо Мисаилъ и Варлаамъ представляются соучастниками затѣи Отрельева. Варлаамъ въ своей челобитной разказывающій о томъ какъ онъ обличалъ Самозванца въ Краковѣ вѣроятно являлся туда съ другими Русскими чтобы свидѣтельствовать предъ королемъ Польскимъ что назвавшійся Димитріемъ есть дѣйствительно Димитрій Царевичъ. Принимая во вниманіе съ одной стороны слова короля Польскаго къ Яну Замойскому, что Димитрій уже открывшись и объявивъ себя явился къ Адаму Вишневецкому, ** съ другой стороны

* *Акты Зап. Р. Т. IV, 274.*

** Согласно съ королемъ, Велевецкій также не говоритъ чтобы Самозванецъ открылся у Вишневецкаго, а только что принять былъ въ домъ какъ Царевичъ (*Зап. Жол. Ч. 2, стр. 119—120.* Послы польскіе тоже говорятъ: потомъ пришелъ къ Вишневецкому, называя

разнорѣчивыя показанія о томъ какъ онъ открылся у Вишневецкаго мы склоняемся признать вѣроятнымъ извѣстія сказанія о томъ еже содѣяся и пр., что Самозванецъ открылся первоначально у воеводы Остерскаго, Михаила Ратомскаго и у Свирскихъ. По свидѣтельству пословъ польскихъ, первыя обличенія Самозванца пограничнымъ русскимъ воеводой Кашинымъ-Оболенскимъ были посланы къ воеводѣ Остерскому. Михаилъ Ратомскій былъ послѣ вѣрнымъ спутникомъ Самозванца въ походѣ противъ Бориса и остался въ Москвѣ; Свирскіе и возбуждали казаковъ присоединиться къ Самозванцу и солугествовали также въ походѣ. Здѣсь, въ Стодольскомъ монастырѣ, Михаилъ Повадинъ и Варлаамъ признали его Царевичемъ. Ихъ подписи подъ именемъ Григорія—царевича Московскій—была можетъ-быть однимъ изъ первыхъ дѣйствій пропаганды въ пользу его. Ратомскій, вѣроятно, или самъ представилъ Вишневецкому или указалъ на него какъ на болѣе сильнаго и дерзкаго лава, притомъ оскорбленнаго Борисомъ разореніемъ его имѣнія, какъ на готоваго и способнаго содѣйствовать Самозванцу. Итакъ, мы можемъ прослѣдить какъ Григорій Отрельевъ, бѣжавшій изъ Москвы, преобразился въ Димитрія Царевича. Указанія на этотъ переходъ есть. Варлаамъ сказалъ что Отрельевъ изъ Гоши исчезъ неизвѣстно куда, для того чтобы скрыть свое участіе въ объявленіи Отрельева Димитріемъ Царевичемъ.

Есть у иностранцевъ и прямыя извѣстія что первый Лжедимитрій былъ Григорій Отрельевъ монахъ. Гетманъ Жолкѣвскій, лучше другихъ знакомый съ русскими и польскими дѣятелями времени Лжедимитрія, не имѣвшій никакой причины повторять сказку еслибъ она сочинена была Борисомъ, прямо называетъ перваго Самозванца Гришкой Отрельевымъ, растрогой. * Петрей пишетъ что отчаянный

себя княземъ Углицкимъ. Ак. З. Р. Т. IV, 266. То же говоритъ, какъ выше приведено, и Юрій Мишекъ. Сказаніе, еже содѣяся, содержитъ такіа частныя подробности о Самозванцѣ какихъ нѣтъ у другихъ; сказочный же элементъ есть равно во всѣхъ сказаніяхъ, только авторъ этого сказанія, наивнѣе повторяетъ то что дошло до него по слуху, и тѣмъ возбуждаетъ довѣріе къ своей добросовѣстности.

* Зап. Жолк. стр. 2, 7.

монахъ Гришка Отрепьевъ, сынъ простаго дворянина, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова. Имѣя лукавый, пронырчателъный умъ, онъ скоро подружился съ однимъ хитрымъ монахомъ, Борисовымъ недоброжелателемъ. Этотъ монахъ предугадывалъ что Гришка рожденъ къ чему-то необыкновенному; онъ походилъ на убиеннаго Царевича Димитрія нѣкоторыми признаками на носу и на правой рукѣ, имѣлъ лицо смуглое, густые, черные волосы. Монахъ познакомилъ его съ русскими лѣтописями и научилъ разнымъ плутнямъ тѣмъ удобнѣе что самъ былъ чернокнушникъ, а пріятель понималъ его наставленія очень быстро. Злой шокъ объяснилъ ему въ какомъ положеніи были дѣла государственныя, какъ ненавидѣли царя вельможи и что надлежало предпринять для исполненія замысла. Утверждая что первый Лжедмитрій былъ Григорій Отрепьевъ, Петрей доказываетъ это тѣмъ что вскорѣ послѣ его вѣнчанія пришелъ монахъ изъ того же монастыря изъ котораго тайкомъ убѣжалъ Гришка. Онъ открыто разказывалъ что онъ знаетъ новаго коронованнаго великаго князя, и что онъ, Гришка Отрепьевъ, бѣглецъ, обманщикъ, потому что это тотъ самый который выучилъ его читать и писать, и ему хорошо извѣстно откуда онъ родомъ и кто его родители и за что упрятали въ монастырь, сколько времени онъ тамъ оставался и куда ушелъ оттуда. Дядя этого Гришки, Елеазарьевичъ Отрепьевъ,* тоже говорилъ не только большимъ боярамъ, королю Сигизмунду и всему Польскому сенату въ Польшѣ, но и королю Шведскому Карлу что Лжедмитрій сынъ его брата и отдавъ былъ въ монастырь за кое-какія шалости и мошенничество, чтобы монахи держали его въ строгости. Но такъ какъ суровая жизнь была ему не по вкусу, то онъ и убѣжалъ тайкомъ изъ монастыря въ Польшу, занимался тамъ разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ, потомъ убрался оттуда, и съ помощію какихъ-то злыхъ людей, особливо по умыслу, совѣту и настроенію одного монаха, которые всѣ не желали добра Борису, выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича.

* Въ 1612 году Смирной Елизарьевичъ Отрепьевъ служилъ въ Новгородѣ когда овладѣли имъ Шведы и былъ въ числѣ уполномоченныхъ отъ Новгорода для переговоровъ съ княземъ Пожарскимъ. *Допол. къ Атм. Ист.* т. I, 287, т. II, 40.

Олеарій также называетъ перваго Лжедмитрія Григоріемъ Отрельевымъ. * Въ Московской исторіи Мильтона Самозванецъ также называется Григоріемъ Отрельевымъ. ** Въ 1604 году отъ лица бояръ посланъ былъ въ Польшу для облаченія Самозванца дядя Гришки Отрельева, Смирной Отрельевъ, къ ланамъ; бояре просили дать ему очную ставку съ племянникомъ, но ланы до этого не допустили. Польскіе послы отклоняли этотъ упрекъ тѣмъ что Смирной Отрельевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами; одна была къ виленскому воеводѣ съ жалобой что не послано судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, а другая къ литовскому канцлеру о томъ что вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Дмитрія не было ни слова, и даже самъ Смирной не сказался чѣмъ онъ былъ посланъ, посланникомъ или гонцомъ, какъ всегда дѣлалось, а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. Какъ же можно, говорили Поляки, чтобы Смирной, съ такими грамотами присланный о другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Дмитріемъ? Если жъ бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано....

Это объясненіе польскихъ словъ свидѣтельствуеетъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно что Смирной-Отрельевъ былъ посланъ для того чтобы на очной ставкѣ съ Гришкой Отрельевымъ убѣдиться въ его личности, что ланы польскіе считали опаснымъ для своихъ затѣй допустить его до этой ставки и не допустили. Они указываютъ на то что въ грамотахъ Смирного не упомянуто о порученіи имѣть очную ставку съ Отрельевымъ, а только говорилось о мелочныхъ спорахъ пограничныхъ и въ одной изъ нихъ не упомянуто имя Смирного-Отрельева. Но требовать формально чтобы въ чужомъ государствѣ дали съ кѣмъ-либо очную ставку и притомъ въ дѣлѣ государственномъ — нельзя. Неважность officialнаго предмета посольства показывала что Смирной-Отрельевъ имѣлъ другую не объявленную цѣль. Главное заявленіе его требованія могло бы воспрепятствовать исполненію его. Съ этою цѣлью въ одной грамотѣ умолчано имя

* Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1868, ч. 4, стр. 230.

** Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1874, ч. 3, отд. IV, стр. 25.

Отрепьева, чтобы оно не помешало быть допущенным до свиданія съ Самозванцемъ. Официальный посланникъ или гонецъ не могъ добиваться прямого сношенія съ появившимся Самозванцемъ, а потому Смирному не было дано ни того, ни другаго титула. Онъ явился въ качествѣ развѣдчика. Видно что Годуновъ хорошо зналъ что цыгирига ведется ланами. Жолкѣвскій пишетъ что все произошло отъ Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго, который изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ рѣшился покровительствовать и вести на царство Московское Гришку сына Отрепьева *. Канцлеръ Замойскій говорилъ что самозванство Димитріево обнаружилось бы предъ королевемъ, еслибы не поспѣшили Димитрій, по совѣту дурныхъ людей, оставить дворъ **. Въ томъ же 1604 году Годуновъ посылалъ грамоту къ королю Польскому съ Огаревымъ, въ которой объявившаго себя Димитріемъ называетъ Григоріемъ Отрепьевымъ. Отъ грамоты Огарева не могли отказаться мослы, потому что эта грамота заявлена была официально, но все равно по ней ничего не сдѣлано ***.

И Буссовъ и Маржеретъ, не признающіе перваго Самозванца Григоріемъ Отрепьевымъ, все-таки съ быствомъ Отрепьева изъ Москвы связываютъ появленіе Самозванца. По Буссову Григорій Отрепьевъ отыскиваетъ какого-то побочнаго сына Баторія и заставляетъ его играть роль Самозванца. И потомъ самъ отправляется къ казакамъ возбуждать ихъ подать помощь царевичу, находящемуся въ Польшѣ. Что Отрепьевъ былъ у Запорожскихъ казаковъ

* *Записк. Жолкѣв.*, стр. 2.

** *Русск. Ист. Библ. Дневн. Пол. Сейма*, 1605 стр. 4. Но сомнительно чтобы Сигизмундъ когда-либо дѣйствительно вѣрилъ исторіи разказываемой Лжедмитріемъ.

*** Въ соборномъ посланіи владыкъ росіійскихъ къ князю Василию Острожскому, посланномъ въ 1606 году, въ іюнь, говорится что въ 1603 и 1604 годахъ воеводы и бояре Сѣверской земли много разъ писали князю объ Отрепьевѣ, а потомъ патріархъ Іовъ посылалъ Афанасія Пальчикова, но князь не отвѣтилъ на письма; Пальчикова задержалъ и потомъ отпустилъ ни съ чѣмъ. (*Доп. къ Ак. Ист.* т. I. № 151.) Впрочемъ посланіе Іова не осталось безъ дѣйствія: Поляки, отправившись съ Самозванцемъ въ Россію, опасаясь войскъ князя Острожскаго, намѣревавшихся будто воспринять вторженіе ихъ въ Россію.

вскорѣ послѣ бѣгства изъ Россіи, это говорятъ русскія извѣстія. Потомъ въ началѣ 1604 года король Сигизмундъ писалъ что Димитрій отправился къ низовымъ казакамъ. Никакъ нельзя думать чтобъ онъ у казаковъ явился какъ Царевичъ, а вѣроятно подъ прежнимъ именемъ Отрепьева, чтобы расположить въ пользу явившагося въ Польшѣ Димитрія. Прямо явившись Царевичемъ, онъ могъ опасаться быть выданнымъ Борису и притомъ ему еще недоставало признанія со стороны короля Польскаго, чтобы рѣшительно выдавать себя за Димитрія. По Маржерету вѣсть съ Отрепьевымъ бѣжалъ дѣйствительный Царевичъ Димитрій въ одеждѣ монаха. Свидѣтельства и Буссова и Маржерета показываютъ что правительственное сообщеніе о Григоріи Отрепьевѣ не было случайною сказкой, придуманною для того чтобы выпутаться изъ труднаго положенія, что въ личности Григорія Отрепьева вся завязка этого дѣла. Вѣсть съ тѣмъ очевидно что время появленія Самозванца соединяется со временемъ бѣгства Отрепьева. Посему всѣ возраженія, заимствуемыя изъ хронологіи событій, теряютъ свою силу. Но при разборѣ хронологическихъ указаній мы не найдемъ ни одного указанія которое бы не могло быть примирено съ исторіей Отрепьева.

Въ большей части русскихъ источниковъ сказано что Отрепьевъ бѣжалъ въ Польшу въ 1602 году въ Великій Постъ; объявилъ себя Димитріемъ Царевичемъ въ 1603 году. Польскіе источники появленіе Самозванца также относятъ къ 1603 году. Такъ сказано у Яна Велевицкаго, и въ дневникѣ событій относящихся къ смутному времени и въ друг. Правда, Маскевичъ говоритъ что Димитрій явился въ Брягинѣ у Адама Вишневецкаго въ 1602 году, въ томъ же году былъ въ Краковѣ у короля, а въ 1603 выступилъ въ походъ въ Россію съ воеводой Сендомирскимъ. Очевидно, Маскевичъ ошибся въ годахъ. Противъ того, думаю, никто не будетъ спорить, что Самозванецъ только въ 1604 году вторгнулся въ Россію. Слѣдовательно и появленіе его у Адама Вишневецкаго, по словамъ Маскевича бывшее за годъ до сего, нужно отнести къ 1603 году.

У Маржерета встрѣчается извѣстіе что въ 1600 году разнеслась молва о Димитріѣ Ивановичѣ. Но контекстъ рѣчи показываетъ что здѣсь допущена описка, и нужно читать въ 1603 году. Маржеретъ въ хронологическомъ порядкѣ изла-

гаетъ исторію царствованія Бориса. Описавъ подъ 1600 годомъ прибытіе польскаго посла Льва Салтыга, въ 1601 трехлѣтній голодъ, въ 1602 прибытіе принца Датскаго, онъ продолжаетъ *наконецъ* съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ.... Далѣе: „Въ 1604 году обваружилось то чего Борисъ столько опасался. Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ Россію съ 4.000 воиновъ“. Очевидно по связи рѣчи что вмѣсто 1600 года здѣсь нужно читать 1603. Этого требуетъ и хронологическій порядокъ разказа, и то что о 1603 годѣ не было бы ничего сказано, вопреку начатому съ 1600 года авторомъ по годамъ изложенію событій царствованія Бориса.

Масса, признающій также что первый Самозванецъ былъ монахомъ Чудова монастыря и занимался перепиской книгъ у игумена,—сѣдовательно, повторяя сказаніе общее о Григоріи Отрельевѣ, говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ что этотъ монахъ убѣжалъ въ Польшу прежде 1600 года, но Масса сообщаетъ не какіе-либо ему извѣстные факты, но слухи распространявшіеся въ кругу иностраннаго купечества и очевидно неосновательные. Онъ говоритъ что Самозванецъ до 1601 года нѣсколько разъ изъ Польши приходилъ въ Москву, то въ видѣ крестьянина, то въ видѣ нищаго, что въ 1600—1601 онъ былъ въ Москвѣ съ польскимъ посломъ, выдавая себя за дворянина. А между тѣмъ ранѣе сказалъ что въ 1601 году ко Льву Салтыгу, послу короля Польскаго, пріѣзжалъ гонецъ, привезшій предупрежденіе Борису о появленіи въ Польшѣ человека называвшагося сыномъ Івана Васильевича. * Лица составляющія свиту посольскую всѣ переписывались и всѣ были извѣстны. Допущеніе Самозванца не могло быть безъ вѣдома посла. Какъ же онъ дѣлалъ предупрежденіе противъ человека который былъ въ его свитѣ? Масса прибавляетъ что Борисъ въ это время не обратилъ вниманія на предупрежденіе короля. Въ 1602 году, говоритъ Масса, уже говорили что въ Польшѣ ходятъ слухи о царскомъ сынѣ Димитріи. Въ 1602 году дѣйствительно могли ходить слухи о царскомъ сынѣ Димитріи, если справедливо извѣстіе, сообщаемое не только русскими, но и нѣкоторыми польскими

* Послѣдующая исторія Самозванца показала что Сигизмундъ отнюдь не намѣренъ былъ предупреждать Бориса о предстоящей опасности.

источниками что Отрельевъ еще въ Киевѣ пытался объявить себя Царевичемъ Димитріемъ. Въ Польшѣ не боялись разказывать эти вѣсти, и не мудрено что тамъ скоро распространился слухъ о семъ. Но странно олятъ замѣчаніе Массы: это дошло до Бориса, но онъ, не имѣя еще достаточно вѣрныхъ извѣстій, не могъ ясно понять того что говорили о Димитріи. * Имѣя года за полтора предъ тѣмъ предупрежденіе отъ короля, Борисъ не могъ при вторичномъ извѣстіи не обратить на него вниманія. Вообще видно что Масса, незнакомый съ русскимъ языкомъ, мало знакомъ былъ съ исторіей Лжедимитрія до его появленія въ предѣлахъ Московскаго государства. Масса пишетъ что Самозванецъ обстоятельно разказывалъ о томъ какимъ образомъ онъ бѣжалъ при содѣйствіи царедворцевъ. Видно что Масса не имѣлъ свидѣній о томъ что говорилъ о себѣ Самозванецъ. Его свидѣтельство о Самозванцѣ любопытно какъ образецъ предположеній какія отроили современники для объясненія этой загадочной личности, но историческаго достоинства оно не имѣетъ никакого. ** Изъ письма короля Сигизмунда къ Яну Замойскому несомнѣнно видно что до половины февраля 1604 года король не видалъ Самозванца. И мы не понимаемъ, какъ г. Костомаровъ ссылается на это письмо въ доказательство того что Самозванецъ еще въ 1603 году представлялся королю. Король, разказавъ о мнимомъ спасеніи Димитрія и о томъ что онъ находится у Адама Вишневецкаго, продолжаетъ: „Вишневецкій далъ намъ знать о немъ, а мы приказали чтобъ онъ прислалъ его къ намъ; до сего времени онъ не прислалъ его, и до насъ доходить слухъ будто бы Димитрій отправился къ низовымъ казакамъ.“ *** Дѣйствительно, у Бусова находимъ мы извѣстіе что Самозванецъ былъ въ это время у казаковъ; объ этомъ писалъ Іоаннъ Тирфельдъ изъ Нарвы въ январѣ 1604 года. Въ этомъ же году и мѣсяцѣ Степанъ Степановичъ Годуновъ, отправленный въ Казань и Астрахань, встрѣтилъ много казаковъ, которые, по убѣжденію Отрельева, шли къ Путиваю

* Масса, стр. 82.

** Если считать что Масса говоритъ о появленіи Самозванца на стр. 75, 82, 102, ясно видно что онъ передаетъ разные слухи, изъ которыхъ одинъ уже обличаетъ невѣрность другаго.

*** Зап. Жолк. ч. 2, стр. 7.

помогать мнимому Димитрію занять престолъ. Письмо короля писано февраля 15го 1604 года. Изъ письма къ Замойскому Юрія Мишска отъ 23го апрѣля и самого Лжедмитрія отъ 25го апрѣля 1604 года видно что король уже принималъ Самозванца. По сличенію * показаній Галли и Велевицкаго, открывается что король въ мартѣ принималъ его приватно, а въ апрѣлѣ публично.

Послы польскіе въ отвѣтныхъ статьяхъ московскимъ боярамъ на сѣздѣ 1608 года говорили о Лжедмитріи: „А въ Польскую границу пришелъ онъ до Кіева, и до Печерскаго монастыря въ году 7109, а то вже коли онъ пришелъ, не только Москвѣ, але и нашимъ людямъ духовнымъ Русскимъ и свѣтскимъ въкоторымъ тамошнимъ, у которыхъ заразъ вышедши зъ Москвы жилъ, явно и вѣдомо было.“ ** Это свидѣтельство отодвинуто было на годъ ранѣ бѣгства Отрельева изъ Россіи, еслибы было вѣрно. Но изъ всѣхъ отвѣтовъ польскихъ пословъ видно, что они съ умысломъ иногда неточно передаютъ факты и здѣсь они могли имѣть въ виду заложить официальное извѣстіе объ Отрельевѣ. У Бареццо-Барреци въ сказаніи о Лжедмитріи, писанномъ, какъ полагаютъ, иезуитомъ Пассевинымъ, говорится: Димитрій около трехъ лѣтъ пробывъ въ предѣлахъ Литвы въ кругу дворянъ польскихъ уже научился говорить польски и отчасти латыни. *** Это сказаніе, составленное въ то время какъ живъ былъ еще Самозванецъ, и когда слѣдовательно не было причины искажать хронологію его походовъ, совершенно согласуется съ показаніемъ русскихъ источниковъ. Отрельевъ былъ въ Литвѣ въ 1602, 1603 и 1604 годахъ, около трехъ лѣтъ.

Итакъ хронологическія показанія всѣхъ историческихъ источниковъ нисколько не противорѣчатъ провозглашенному Русскимъ правительствомъ объявленію что Лжедмитрій былъ Григорій Отрельевъ.

(До слѣдующаго №.)

ПЕТРЪ КАЗАНСКІЙ.

* *Зап. Жолк.* ч. 2, стр. 5—14.

** *Ак. Зап.* Р. т. IV, стр. 268.

*** Послы польскіе говорятъ о Самозванцѣ: „ходилъ въ чернеческомъ платьѣ, называлъ себя чернецомъ, и прозывался чужимъ именемъ, а не своимъ властнымъ.“ *Ак. З. Р.* т. IV стр. 267.

О ДРАМѢ*

ОТДѢЛЪ II

ТРАГЕДІЯ КАКЪ ПОДРАЖАНІЕ ДѢЙСТВІЮ ДОСТОЙНОМУ СТРАХА И СОСТРАДАНІЯ

I.

Обстоятельства трагическаго дѣйствія.—Страданіе какъ непремѣнная часть трагическаго міа.—Двойное значеніе изображенія страданія.—Мысли Шиллера.—Лессингъ о страданіяхъ Филоклеты.

Въ началѣ настоящаго разсужденія „о Драмѣ“ (Отд. I, глава III), мы привели полное данное Аристотелемъ опредѣленіе трагедіи, сопроводивъ его крайне необходимыми и возможно краткими разъясненіями; опредѣленіе это въ сжатой формѣ исчерпываетъ всю сущность трагическаго искусства. Затѣмъ мы приступили къ подробному раскрытію формулы, къ послѣдовательному толкованію ея членовъ. Первый отдѣлъ былъ посвященъ уясненію понятія *міа*, какъ совокуhlenія дѣйствій и какъ плана трагедіи; въ своемъ мѣстѣ было оговорено что сказанное доселѣ о *міа* приложимо въ равной мѣрѣ какъ къ трагедіи, такъ и къ комедіи; мы говорили покуда о драматическомъ дѣйствіи

* Продолженіе. См. *Рус. Вѣст.* 1877. №№ 3 и 5.

вообще, изучали условія хорошаго драматическаго миеа. Трагедія же, какъ мы видѣли, не есть подражаніе просто дѣйствию, но дѣйствию извѣстнаго рода, качествомъ коего обусловливается самая ея форма, а именно дѣйствию достойному страха и состраданія. Теперь намъ предстоитъ рассмотреть частныя условія хорошей трагедіи, изучить обстоятельства собственно трагическаго миеа.

Аристотель различаетъ три обстоятельства трагическаго дѣйствія: 1) *переломъ*, 2) *узнаніе* (по Лесингу *Erkennung*) и 3) *страданіе*.

Переломъ или перепетіей называется поворотъ дѣйствія въ противную сторону, какъ-то: измѣненіе въ рѣшеніи дѣйствующаго поступить извѣстнымъ образомъ или переизмѣна его счастья въ несчастіе. Такъ Отелло, любившій Дездемону и вѣрившій въ ея чистоту, подъ вліяніемъ наговоровъ Яго начинаетъ ревновать ее, и съ тѣмъ вмѣстѣ начинается несчастіе его жизни. Та сцена, гдѣ изображается этотъ переходъ, составляетъ переломъ дѣйствія. Или Коріоланъ, рѣшась отмстить Римлянамъ за свое изгнаніе, подъ вліяніемъ просьбъ матери измѣняетъ свое рѣшеніе, что ведетъ его къ гибели.

Узнаніе бываетъ весьма разнообразно; оно можетъ относиться и къ предметамъ и къ лицамъ; дѣйствующій вообще можетъ узнавать нѣчто, получать свѣдѣнія о томъ что сдѣлало или не сдѣлало другое лицо; наконецъ,—и этотъ видъ узнаванія, особенно когда онъ соединяется съ переломомъ дѣйствія, греческій философъ полагаетъ высшимъ,—дѣйствующіе могутъ взаимно узнавать другъ друга, или только одинъ изъ нихъ другаго, причемъ такое узнаваніе поведетъ къ дружбѣ или враждѣ между ними, смотря по условіямъ дѣйствія. Примѣръ такого узнаванія находимъ въ IV сценѣ Пушкинскаго *Каменнаго Гостя*, когда донна Анна узнаетъ въ человѣкѣ котораго полюбила донъ-Жуана, убійцу своего мужа.

Третье обстоятельство, какъ сказано, есть *страданіе* дѣйствующихъ.

Трагедіи заключающія въ себѣ переломъ и узнаваніе порознь или въ соединеніи Аристотель называетъ *сплетенными* или сложными; трагедіи не заключающія въ себѣ этихъ обстоятельствъ *простыми*. Въ примѣръ простой

(изображающей одно страданіе) трагедіи онъ ставитъ Эсхилова *Прометея* *.

„Переломъ и узнаніе, говоритъ Лессингъ, суть тѣ чѣмъ сластенный мнѣзъ отличается отъ простаго; поэтому они не суть существенныя части мнѣа, они только содѣлываютъ его разнообразнѣе и въ силу этого прекраснѣе и интереснѣе, но дѣйствіе и безъ нихъ можетъ обладать полными единствомъ, законченностью и величиной. Безъ третьяго же обстоятельства, напротивъ, не мыслимо вовсе трагическое дѣйствіе; виды страданія, паѣи, должна заключать въ себѣ всякая трагедія, ибо они въ прямой зависимости отъ цѣли трагедіи, отъ возбужденія страха и состраданія“ **.

Состраданіе, по словамъ Аристотеля въ *Реторику*, возбуждается въ насъ при видѣ нѣкотораго бѣдствія разрушительнаго и болѣзненнаго; согласно съ этимъ, указывая въ *Питику* на страданіе какъ на главное обстоятельство трагическаго мнѣа, философъ опредѣляетъ его именно какъ дѣйствіе болѣзненное и разрушительное; на примѣръ смерть на сценѣ, мученія, раны и т. п. ***. Такимъ образомъ онъ выставляетъ внѣшніе, такъ-сказать наглядные признаки страданія. Что изображеніе такихъ страданій свойственно не только древней, но и новой трагедіи, о томъ не можетъ быть спора; стоить припомнить сумашествіе Лира и Офеліи, падучую Отелло, болѣзнь леди Макбетъ, боль Донъ-Жуана отъ пожатія „каменной десницы“ командора, раны и смерть трагическихъ героевъ, и т. д.

Нѣкоторые критики весьма поспѣшно осуждаютъ какъ Аристотеля за сказанное опредѣленіе, такъ равно греческихъ трагиковъ и Шекспира за изображеніе „слишкомъ грубыхъ и матеріальныхъ“, по ихъ мнѣнію, страданій. Обычная ошибка подобныхъ сужденій относительно трагиковъ заключается въ томъ что нѣкоторая частность, именно изображеніе того или иного страданія, рассматривается въ отдѣльности, сама по себѣ, безо всякаго соотношенія къ общему, безо всякаго вниканія въ сущность предмета.

* Пушкинскіи *Моцартъ* и *Сальери* можетъ также служить примѣромъ простой трагедіи.

** *Hamb. Dram. Stück* 38.

*** Ср. выше Отд. I гл. III въ примѣчаніи, исчисленіе предметовъ болѣзненныхъ и разрушительныхъ.

Ошибка же относительно греческаго философа состоятъ въ томъ что исчисленіе нѣкоторыхъ вѣдшихъ признаковъ страданія принимается за правило обязательное для трагиковъ, причемъ предполагается будто Аристотель въ сказанномъ мѣстѣ предписываетъ изображеніе страданій самихъ по себѣ. Такое толкованіе и произвольно и превратно; въ сказанномъ мѣстѣ Аристотель просто указываетъ на известное обстоятельство трагическаго мѣста; онъ не могъ предписывать изображенія *только* вѣдшихъ страданій, какъ потому что не разъ въ своей *Поэтикѣ* осуждаетъ изображеніе вѣдшне-страшнаго, или эффектнаго какъ сказали бы мы, такъ и потому что по его мысли не всякое страданіе возбуждаетъ въ насъ состраданіе *; далѣе, онъ не отдѣляетъ изображенія страданія отъ изображенія страдающаго и, какъ увидимъ ниже, весьма опредѣленно обозначаетъ при какихъ именно условіяхъ страдающее лицо становится истинно-трагическимъ. Изображеніе страданій, въ томъ числѣ и физическихъ, входитъ въ составъ трагедіи, но отсюда никакъ не слѣдуетъ что для произведенія трагическаго впечатлѣнія достаточно изобразить любое страданіе или что такое изображеніе важно само по себѣ и составляетъ цѣль искусства. Прекрасно рассуждаетъ объ этомъ Шиллеръ.

„Изображеніе страданія, просто какъ страданія, говоритъ онъ, никогда не было цѣлью искусства, но въ высшей степени важно какъ средство для ея достиженія. Конечная цѣль искусства есть изображеніе сверхчувственнаго **, и трагическое искусство въ особенности достигаетъ этого тѣмъ что дѣлаетъ для насъ наглядною независимость нравственнаго начала отъ законовъ природы въ состояніи аффекта ***. Мы распознаемъ существованіе въ насъ свободнаго начала только изъ противодѣйствія которое оно обнаруживаетъ относительно силы чувствъ; противодѣйствіе же измѣряется только силой натиска. Поэтому-то для обнаруженія

* Ср. Отд. I, гл. III.

** Или „внутренняго человека“, какъ сказали бы мы.

*** Слово аффектъ не имѣетъ равнозначущаго на русскомъ языкѣ; его переводятъ словами: „чувство, душевное движеніе, страсть, раздраженіе“. Оно выражаетъ однако собственно состояніе человека одержимаго сильными чувствами, страстью и т. д. и ближе можетъ быть передано словомъ *одержаніе*.

разумнаго начала въ человѣкѣ, какъ силы независимой отъ природы, требуется чтобы сама природа первоначально являлась предъ нашими очами своею мощью. Чувственное существо должно страдать глубоко и жестоко; тутъ долженъ быть лаосез, дабы разумное существо могло при этомъ обнаружить свою независимость и быть изображено въ *déitéité*.

„Пока мы не убѣдимся что твердость духа не есть слабость нечувствительности, до того никакъ нельзя узнать происходитъ ли эта твердость отъ дѣйствія нравственной силы. Не мудро владѣть чувствами, когда они легко и мимолетно касаются поверхности души; способность противодѣйствія, безконечно болѣе возвышенная чѣмъ всѣ силы природы, тогда проявляется когда въ волненіи, вздымающемъ всю чувственную природу, человѣкъ удерживаетъ за собою свободу духа. Поэтому изображенія нравственной свободы возможно достигнуть только при помощи живаго изображенія страдающей природы, и трагическій герой, раньше чѣмъ мы признаемъ его существомъ разумнымъ и повѣримъ въ его духовную мощь, долженъ явиться предъ нами существомъ чувствующимъ.

„Падость поэтому есть первое и непремѣнное требованіе отъ трагическаго художника, и ему позволительно простирать изображеніе страданія доколѣ оно не вредитъ его конечной цѣли, доколѣ нравственная свобода не является подавленной.

„Страдающая природа говоритъ правдиво и искренно, глубоко проникаетъ въ наше сердце при чтеніи Гомеровыхъ поэмъ и у трагиковъ; всѣ страсти выражаются непринужденно, законы приличія не сдерживаютъ чувствъ. Герои столь же воспріимчивы къ страданіямъ какъ и всѣ мы, и именно то обстоятельство что они, глубоко и сильно чувствуя страданія, не побораются оными, и одѣлываютъ ихъ героями. Они также горячо, какъ мы, любятъ жизнь, но это чувство не подчиняетъ ихъ настолько, чтобы они не могли разстаться съ жизнью, когда того требуетъ долгъ чести или человечности. Филоктетъ наполнялъ стопами греческую сцену; даже яростный Гераклъ не скрывалъ боли. Обреченная на жертву Ифигенія сознается съ трогательною откровенностью что она скорбитъ, расставаясь съ солнечнымъ свѣтомъ. Грекъ никогда не полагалъ славы въ притупленности чувствъ или равнодушіи къ страданіямъ; она заклю-

чалаеъ для него въ перенесеніи страданія, при сохраненіи полной къ нему впечатлительности.

„Эта вѣжная впечатлительность къ страданію и заключающаяся въ ней теплая, искренняя, правдивая и откровенная природа, которыя производятъ на насъ такое глубокое и жизненное впечатлѣніе въ произведеніяхъ греческаго искусства, есть образецъ для подражанія всѣмъ художникамъ и законъ предписанный искусству греческимъ гениемъ.

„Первымъ закономъ трагическаго искусства было изображеніе страдающей природы. Второй заключался въ изображеніи нравственнаго противодѣйствія страданію“ *.

Итакъ,—повторимъ вкратцѣ мысли Шиллера,—изображеніе страданія просто какъ страданіе не составляетъ цѣли искусства; оно изображается не ради самого себя, но потому что при этомъ дѣлается возможнымъ изображеніе въ дѣйствіи внутренняго міра человѣка, человѣческой и человѣчной личности. Человѣчность познается и обнаруживается свою мощь чрезъ страданіе; нечувствительность къ страданіямъ, притупленность или закаленность чувствъ не суть человѣческія достоинства; тотъ человѣкъ обнаруживаетъ силу духа, который, сохраняя полную впечатлительность къ страданіямъ, мужественно переноситъ ихъ. Поэтъ властенъ заставить страдать изображаемое лицо какъ ему угодно и доводитъ изображеніе страданій до какой ему угодно степени, лишь бы при этомъ онъ не терялъ изъ виду ту благородную цѣль которая преслѣдуется искусствомъ и составляетъ его незыблемый законъ. Изображеніе страданій есть одно изъ могущественныхъ средствъ ведущихъ къ изображенію человѣческой личности въ дѣйствіи. Мы узнаемъ человѣка особенно по тому какъ онъ переноситъ страданія и всякія испытанія; его внутренняя мощь становится особенно ясна для насъ, когда ему приходится дѣйствовать „въ волненіи вздымающемъ всю его чувственную природу“.

Взглядъ Шиллера вполнѣ подтверждается Лессинговымъ разборомъ страданій Софоклова Филоктета **. Приведемъ главнѣйшія положенія этого разбора; они не только послужатъ къ болѣе отчетливому уясненію разсматриваемаго вопроса, но и поведутъ насъ къ дальнѣйшимъ заключеніямъ.

* *Ueber das Pathetische.*

** *Laokoon*, IV.

Лессингъ начинаетъ разборъ указаніемъ на то какъ Софоклъ сумѣлъ удивительно усилить и расширить идею тѣлесной боли тѣмъ что 1) избралъ страданіе отъ раны и 2) присоединилъ къ этому полное одиночество, голодъ и всѣ тѣ неудобства жизни подъ суровымъ небомъ, которыя приходится испытывать въ одиночествѣ.

По мысли германскаго критика, даже обстоятельства даннаго событія можно считать какъ бы зависящими отъ выбора поэта, поскольку онъ избираетъ сюжетомъ цѣлое событіе именно по причинѣ этихъ, удобныхъ для него, обстоятельствъ. Софоклъ избралъ страданія отъ раны. О нихъ мы можемъ составить болѣе живое представленіе чѣмъ о страданіяхъ отъ внутренней болѣзни, хотя бы оба были одинаково мучительны; такая боль такъ-сказать нагляднѣе, а потому пригоднѣе для драматическаго изображенія. Далѣе, Филоктетъ страдаетъ по приговору боговъ и рана его особаго качества. Она непрестанно источаетъ ядъ; послѣ сильнѣйшаго припадка боли, Филоктетъ впадалъ въ обморочный сонъ, нѣсколько укрѣплявшій его измученную природу, дабы она снова могла подвергаться мученіямъ.

Страданія эти безспорно велики, но они не возбуждали бы въ насъ особенно сильнаго состраданія, есаябы не сопровождались вышесказанными обстоятельствами одиночества и безпомощности. „Представимъ себѣ, говоритъ Лессингъ, человѣка въ подобныхъ обстоятельствахъ, не здороваго, сильнаго и могущаго работать,—то будетъ Робинзонъ Крузъ, который мало тревожитъ наше состраданіе, хотя мы отнюдь не вовсе равнодушны къ его судьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы рѣдко бываемъ настолько довольны людскимъ сообществомъ чтобы насъ не лѣзла мечта о людяхъ которымъ наслаждаемся въ онаго, особенно при мысли, для всякаго пріятной, что можно постепенно привыкнуть обходиться безъ посторонней помощи. Съ другой стороны, представимъ себѣ человѣка одержимаго мучительною и неизлѣчимою болѣзью, но окруженнаго услужливыми друзьями которые не допускаютъ его терпѣть въ чемъ-либо недостатокъ, дѣлаютъ все возможное чтобы облегчить его несчастіе и предъ кѣмъ онъ можетъ открыто стновать и стонать; безспорно, мы будемъ сострадать такому человѣку, но наше состраданіе будетъ не долго и наконецъ, пожимая плечами, мы посоветуемъ ему быть потерпѣли-

вѣе. Только при соединеніи обоихъ случаевъ, когда одинокій не властенъ надъ своимъ тѣломъ, когда больному никто не помогаетъ и онъ самъ не въ силахъ помочь себѣ, когда его стоны теряются въ пустынномъ воздухѣ;—тогда мы видимъ какъ на несчастнаго обрушиваются всѣ бѣдствія какія только могутъ постигнуть человѣческую природу, и даже когда въ мимолетной мысли мы ставимъ себя на его мѣсто, насъ беретъ ужасъ и содроганіе. Въ его страшномъ образѣ мы видимъ только одно отчаяніе, а никогда состраданіе не бываетъ сильнѣе и такъ не проникаетъ насъ всю душу какъ именно тогда когда къ нему присоединяется представленіе отчаянія. Именно такое состраданіе чувствуемъ мы къ Филоклету, особенно въ то мгновеніе когда видимъ что онъ лишился лука, единственной вещи при помощи которой могъ поддерживать горькую свою жизнь.“

Далѣе, имѣя въ виду устранить нѣкоторые упреки дѣлаемые Филоклету, Лессингъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ сценъ гдѣ Филоклетъ не является уже оставленнымъ всѣми страдальцемъ; гдѣ ему представляется надежда разстаться съ безутѣшнымъ одиночествомъ и возвратиться на родину; гдѣ все его несчастіе ограничивается болью отъ раны. И тутъ онъ стонетъ, кричитъ, съ нимъ дѣлаются отвратительныя корчи. Упрекъ заключается въ томъ что такое поведеніе недостойно мужа, что мы готовы презирать человѣка который не можетъ терпѣливо переносить страданій, а кричить и плакать. „Не всегда, отвѣчаетъ Лессингъ, и не сразу; не тогда когда видимъ что страдалецъ дѣлаетъ все возможное чтобы скрыть свою боль; не тогда когда знаемъ его за мужа стойкаго; еще менѣе, когда онъ при всѣхъ своихъ страданіяхъ обнаруживаетъ стойкость, когда мы видимъ что боль въ силахъ принудить его кричать, но не болѣе; когда онъ скорѣе готовъ подвергнуться продолженію боли чѣмъ въ малѣйшемъ измѣнить своему образу мыслей и своимъ рѣшеніямъ, хотя бы такое измѣненіе обѣщало ему окончаніе страданія. Все это находимъ мы въ Филоклетѣ. Правдивое величіе у древнихъ Грековъ полагалось въ неизмѣнной любви къ друзьямъ и непреклонной ненависти ко врагамъ. Это величіе Филоклетъ сохраняетъ при всѣхъ мученіяхъ. Боль не настолько иссушила его глаза чтобы онъ не могъ пролить слезы о судьбѣ своихъ прежнихъ друзей. Боль не настолько охлила его чтобы

онъ, ради избавленія отъ нея, простилъ врагамъ и дозволялъ сдѣлать себя орудіемъ ихъ своекорыстныхъ цѣлей.“

Приведенныя разсужденія заключаются слѣдующими, еще болѣе уясняющими основную мысль словами:

„Сознаюсь, я вообще не большой поклонникъ философіи Цицерона; въ особенности того что онъ высказываетъ во второй книгѣ Тускуланскихъ вопросовъ относительно претерпѣнія тѣлесной боли. Подумаешь, онъ желалъ наставить гладиатора, до того усердно осуждаетъ наружное выраженіе боли. Въ немъ онъ видитъ, кажется, одну нетерпѣливость, не принимая въ соображеніе что оно часто бываетъ совершенно произвольно, между тѣмъ какъ истинная храбрость можетъ обнаружиться только въ дѣйствіяхъ произвольныхъ. Онъ слышитъ у Софокла единственно стоны и воли Филоклетета и цѣликомъ проглядываетъ его стойкость въ остальномъ. Иначе какъ бы ему найти поводъ къ риторической выходкѣ противъ поэтовъ? „Они расслабляютъ нашъ духъ тѣмъ что выставляютъ храбрѣйшихъ людей горько плачущими.“ Поэты должны заставлять ихъ плакать, ибо сцена не арена. Осужденному или наемному бойцу надлежало благопристойно дѣйствовать и страдать. Отъ него требовалось чтобы не было слышно жалобнаго стога, не было видно болѣзненнаго содроганія. Его раны, его смерть должныствовали забавлять зрителей, а потому онъ долженъ былъ научиться скрывать всякое чувство. Малѣйшее выраженіе онаго возбудило бы состраданіе, а часто возбуждаемое состраданіе положило бы конецъ этимъ холодно-жестокимъ зрѣлищамъ. Но чего не слѣдовало возбуждать въ этомъ случаѣ, то составляетъ единственную цѣль трагической сцены, а потому и требованія ея совершенно противоположны. Трагическіе герои должны выказывать чувство, должны выражать свои страданія, и не прелятствовать обнаруживаться природѣ. Выказывая они выдержку и принужденность, наше сердце оставалось бы холоднымъ: бойцу въ котурнахъ мы могли бы развѣ удивляться. Такого именно наименованія заслуживаютъ всѣ герои трагедій приписываемыхъ Сенецѣ, и я твердо убѣжденъ что гладиаторскія игры были главнѣйшею причиною почему въ трагическомъ искусствѣ Римляне остались далеко ниже посредственности. Зрители въ кровавыхъ амфитеатрахъ научались превратно судить о природѣ, и тамъ могъ научиться

своему искусству развѣ Ктезій, но никакъ не Софоклъ. Трагическій талантъ, привыкшій къ этимъ искусственнымъ сценамъ смерти, долженъ былъ впасть въ высокопарность и напыщенность. Но сколь бессильны напыщенные рѣчи возбуждать истинное героичество, столь же мало способны разслаблять духъ воли Филоктета. Онъ плачетъ какъ человѣкъ, но его дѣянія — дѣянія героя. Соединеніе того и другаго образуетъ человѣчнаго героя, который не слабъ и не закаленъ, но является то тѣмъ, то другимъ, смотря по тому побуждается ли природой, или убѣжденіемъ и долгомъ. И это есть высочайшее что только можетъ произвести мудрость; высочайшее, чему только можетъ подражать искусство.“

Приведемъ еще замѣчанія Лессинга о томъ впечатлѣніи которое оказываютъ страданія и воли Филоктета на окружающихъ, замѣчанія весьма важныя въ томъ отношеніи что наглядно показываютъ какъ чрезъ изображеніе страданія достигается изображеніе *въ дѣйствіи* не только самого страдальца, но и другихъ лицъ.

„Если, говоритъ онъ, мы не всегда презираемъ того кто плачетъ отъ тѣлесной боли, то бесспорно также что мы чувствуемъ къ нему менѣе состраданія чѣмъ, новидимому, того требуютъ его воли. Какъ же должны относиться къ Филоклету тѣ кто имѣютъ съ нимъ дѣло? Должны ли они являться потрясенными въ высокой степени? Но это было бы противно природѣ. Или же должны они оставаться холодными и смущенными, какъ то дѣйствительно обычно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ? Но это значило бы представить зрителямъ отвратительный диссонансъ. Софоклъ избѣгъ этого тѣмъ что у него другія лица имѣютъ свой собственный интересъ; тѣмъ что ихъ занимаетъ не одно впечатлѣніе производимое волями Филоктета. Зритель по-этому обращаетъ вниманіе не столько на соразмѣрность ихъ состраданія съ его волями, сколько на тѣ измѣненія которыя происходятъ въ ихъ собственныхъ намѣреніяхъ и умыслахъ подъ вліяніемъ состраданія, какъ бы оно ни было слабо или сильно. Неолтодемъ и хоръ обманули несчастнаго Филоктета; они знаютъ въ какое отчаяніе повергнетъ его ихъ обманъ. И вотъ предъ ихъ глазами дѣлается съ нимъ страшный припадокъ; если этотъ припадокъ не въ силахъ возбудить въ нихъ значительнаго

симпатическаго впечатлѣнія, то все-таки можетъ побудить ихъ одуматься, уважить столь сильное злосчастіе и не желать усиливать его предательствомъ. Зритель ждетъ этого, и его ожиданіе не обманывается благороднымъ Неолтолемъ. Владѣй Филоктетъ своими страданіями, Неолтолемъ не вышелъ бы изъ притворства. Филоктетъ, котораго боль содѣлываетъ неспособнымъ притворяться, какъ бы то ни казалось ему необходимымъ, дабы будущіе его слутники не послѣдили раскаяться въ томъ что обѣщали взять его съ собой; Филоктетъ, который весь натура, возвращаетъ и Неолтолема къ природѣ. Такое обращеніе превосходно и тѣмъ трогательнѣе что побудительная причина его—чистая человѣчность.“

II.

Выводы изъ предыдущаго.—Примѣры подтверждающіе выводы.—Разборъ страданій Лира.—Значеніе изображенія страсти въ трагедіи.—Страданія Отелло.—Еще нѣсколько примѣровъ.

Сводя къ одному высказанное Шиллеромъ и Лессингомъ о значеніи изображенія страданій, мы приходимъ къ слѣдующимъ весьма важнымъ результатамъ. Изображеніе страданія ведетъ къ изображенію челоѣка въ дѣйствиіи, и притомъ именно въ такъ-называемой драматической формѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно представляетъ могущественное средство для изображенія внутренняго міра челоѣка, челоѣческой личности въ высочайшихъ ея проявленіяхъ. Наконецъ страданіе, какъ неперемѣнная часть трагическаго міра, способствуетъ къ изображенію въ дѣйствиіи лицъ, вступающихъ въ тѣ или иныя отношенія къ лицу страдающему, или трагическому герою, чѣмъ, понятно, достигается стройное совокупленіе дѣйствиіи.

Какъ многообразны челоѣческія страданія, такъ многообразны и вызываемыя ими въ душахъ страдальцевъ ощущенія, потрясенія и противодѣйствиія. Тутъ скрытъ безконечный, неисчерпаемый міръ трагическаго искусства. Изучимъ же на нѣсколькихъ примѣрахъ какъ одновременно съ развитіемъ дѣйствиія обнаруживается предъ нами чрезъ страданіе внутренній міръ трагическихъ лицъ. Начнемъ съ

просвѣтлѣнія души Лира подѣ влияніемъ выпадающихъ на его долю несчастій. *

Мы узнаемъ Лира на верху могущества, когда, утомленный долговременною властью, онъ слагаетъ съ себя бремя правленія; мы видимъ въ немъ крутого и самовластного старика, привыкшаго считать всѣ свои мысли, желанія, поступки и даже причуды за нѣчто весьма достойное всякаго уваженія и почтенія и уже ни коимъ образомъ не подлежащее прямому противорѣчію; короля привыкшаго на все что онъ ни скажетъ слышать безличныя „да“ или „нѣтъ“, выражающіе неволю отвѣчающаго, а волю спрашивающаго; окруженнаго придворными, „лѣстившими ему какъ собаки“; утверждавшими, желая прославить его многомудрую олытность, что „въ его бородѣ сѣдые волосы выросли раньше черныхъ“.

При первомъ ударѣ несчастія, при первомъ оскорбленіи Гонериллы, Лиръ, невольно вспоминая о Корделии, уже называетъ ея лостулокъ, казавшійся ему столь отвратительнымъ, ничтожною виной.

Обиженный тѣмъ что герцогъ Корвальскій и Регана отказываются принять его подѣ предлогомъ усталости и нездоровья, саморазвѣнчанный властитель, посреди презрительныхъ и гнѣвныхъ насмѣшекъ надѣ герцогомъ, хотя и мимоходно, но няталкивается на мысль что быть-можетъ герцогъ и дѣйствительно боленъ и что къ больному нельзя быть слухомъ требовательнымъ.

И такіа рѣчи слышатся изъ устъ Лира, кому такъ недавно еще было въ ничто лишить дочь наслѣдства за отказъ потѣшить его самолюбіе ласкательнымъ словомъ; было въ ничто изгнать, подѣ страхомъ смерти, изъ своихъ владѣній вѣрнаго вельможу за правдивое слово!

Окончательно оскорбленный обѣими старшими дочерьми, Лиръ идетъ въ дождь и бурю самъ не зная куда, не зная даже гдѣ придется преклонить сѣдую голову. Онъ готовъ подвергнуться всѣмъ случайностямъ, только бы не подчиниться тому что, по его убѣжденію, единственно лишенный разума можетъ снести покорно. Онъ не покажетъ оскорбителямъ всей глубины своихъ страданій; онъ скрѣпится

* На такое значеніе страданій Лира впервые указалъ А. В. Дружининъ въ превосходномъ предисловіи къ своему переводу Шекспировой трагедіи.

чтобы не заплакать, хотя сознается что есть полная причина для плача; нѣтъ, скорѣе сердце его разобьется на тысячу кусковъ. Но чего стоить ему удержаться отъ слезъ. „Ахъ, шутъ, говоритъ онъ уходя, — я сойду съ ума.“

За воротами замка, гдѣ на многія мили вокругъ нѣтъ почти ни кустика, въ голой степи, онъ не боится выказать свое горе. Онъ клянется, свирѣлствуетъ, рветъ себѣ волосы, плачетъ. Непрестанная мысль о дочерней неблагодарности не даетъ ему покоя, но собственное несчастье уже настолько смягчило его высокомерную душу что она стала доступна состраданію и, насквозь промоченный дождемъ, онъ вспоминаетъ о несчастной голи, которой негдѣ укрыться отъ нападений безжалостной бури. „Какъ-то защитить васъ, говоритъ онъ, отъ такой какъ теперь погоды, ваши бездомныя головы, ваши тощія бока и ваши дырявыя лохмотья въ прорѣхахъ?“ И затѣмъ обращается съ трогательнымъ упрекомъ къ самому себѣ: „О, какъ мало заботило это меня!“

Горе сводить его съ ума — новыя страданія. Безумство Лира возвышается сопровождающими его проблесками мудрости, чѣмъ несомнѣнно усиливается наше состраданіе къ его несчастію. На что же устремляется его мысль въ эти свѣтлыя мгновенія? На ничтожество вѣшняго величія, своимъ обманнымъ блескомъ затмѣвающего людскія очи. Сорвите съ человѣка всю эту навѣшенную на него пышность, и что останется? „Голое несчастное животное на двухъ распоркахъ.“ Онъ прозрѣваетъ что всѣ его гордыя думы о своемъ непобѣдимомъ могуществѣ были только лживыми увѣреніями льстецовъ. „Когда дождь промочилъ меня и вѣтеръ заставилъ стучать зубами, когда громъ не замолчалъ по моему приказу, тогда я лопаялъ ихъ, узналъ чѣмъ они пахнутъ. Полно, ихъ слово не вѣрно; они толковали мнѣ что я все; ложь: я беззащитенъ противъ лихорадки.“

Въ то же время Лиръ сохраняетъ величіе, и это величіе теперь, какъ онъ одинокъ и безсиленъ, когда новыя мысли освѣтили его истерзанное сердце, указываетъ на силу его духа. Думая что ему угрожаетъ опасность, онъ говоритъ: „я умру бодро, какъ разряженный для овадьбы женихъ“.

Перестрадавшій Лиръ не только сознаетъ свою вину предъ Корделіей, не только смиренно проситъ у нея прощенія, но при новомъ обрушившемся на него, уже вмѣстѣ съ младшею дочерью, несчастіи находитъ въ себѣ довольно

душевной бодрости чтобъ утѣшать ее мечтами о тѣхъ невинныхъ радостяхъ которыя ждутъ ихъ въ темницѣ. Страданія Лира привели его къ душевному просвѣтлѣнію.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе производятъ его страданія на нѣкоторыхъ изъ окружающихъ его лицъ. Корделія во многомъ вылитый портретъ отца; у нея отцовскія улоство и упрямство. Лиръ снисходительнѣе къ ней чѣмъ къ другимъ, и нѣсколько разъ проситъ ее измѣнить раздражающую его рѣчь. Корделія готова скорѣе подласть подъ гнѣвъ отца, идти на вѣрную съ нимъ ссору, чѣмъ сдѣлать хотя небольшую уступку его старческой прихоти.* Ей, кромѣ того, не хочется встать на одну доску съ сестрами, злой и скрытный нравъ которыхъ ей хорошо извѣстенъ. Несчастія отца производятъ на нее глубокое впечатлѣніе; разказъ объ этомъ джентльмена Кенту ** слишкомъ извѣстенъ чтобы повторять его содержаніе. Она слѣшитъ на помощь отцу, и когда Лиръ, сознавая свою прошаую вину предъ нимъ, говоритъ что у нея есть причина не любить его, она отвѣчаетъ: „Никакой, никакой“. Глостеръ человѣкъ мало-самостоятельный, осторожный, мнительный; онъ не знаетъ той душевной смѣлости которая заставляетъ Кента не смолчать видя неправду короля. Глостеръ, самъ испытавшій несчастье отъ сыновней непокорности, хотя и мнимой, выходитъ изъ пассивной роли; когда раздраженный дочерью Лиръ уходитъ изъ замка, Глостеръ осмѣливается проводить его и даже выразить относительно его нѣкоторое сожалѣніе предъ лицомъ оскорбителей. Того мало, подвигнутый разъ на состраданіе, онъ не останавливается на полпути и несмотря на страхъ возмездія со стороны Реганы и Гонериллы, оказываетъ посильную помощь королю, за что самъ подвергается жестокой казни.***

Изъ самого разбора приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, надѣемся, достаточно ясны безъ особаго толкованія тѣ многосторонніе результаты къ коимъ ведетъ изображеніе

* Приведенными замѣчаніями о характерѣ Корделіи я обязанъ извѣстному знатоку драматическаго искусства, С. А. Юрьеву.

** Дѣйствіе IV, сцена III.

*** Замѣтимъ кстати что именно вслѣдствіе выхода Глостера изъ пассивной роли подъ вліяніемъ состраданія къ Лирѣ достигается единство дѣйствія трагедіи; два параллельно идущія дотола дѣйствія связываются имъ въ крѣпкое цѣлое.

страданія, а равно то высокое истинно-христіанское значеніе которое придалъ Шекспиръ страданію, особенно въ изображеніи душевнаго просвѣтлѣнія Лира.

Страсть не рѣдко является однимъ изъ сильныхъ побудителей человѣческой дѣятельности; на многіе людскіе постулки она явственно налагаетъ свою печать. Понятно что и въ трагедіи, какъ подражаніи дѣйствию, лица также весьма нерѣдко являются дѣйствующими подъ вліяніемъ той или иной страсти. Заключать изъ этого, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, будто изображеніе страсти есть непремѣнное условіе трагическаго искусства, значило бы придавать страсти значеніе единственнаго направителя человѣческихъ дѣяній, утверждать нѣчто въ родѣ того что всѣ безъ исключенія наши постулки обусловливаются, и притомъ исключительно, страстію. Всякому извѣстно что подобное же значеніе имѣютъ мысли, убѣжденія, нравъ, а равно весьма разнообразныя душевныя движенія, чувства, мечты и впечатлѣнія, порою мгновенныя и скоропреходящія. Присутствіе страсти, правда, придаетъ извѣстный, болѣе или менѣе яркій, цвѣтъ дѣйствіямъ человѣка, но то же производятъ и другіе аффекты, другія одержанія, чѣмъ бы они ни обусловливались: мыслью, чувствомъ, страстію и т. д. Изображеніе одной голой страсти ни мало не ведетъ къ изображенію человѣческой личности. Видящіе въ Отелло на примѣръ одну олицетворенную ревность видятъ немного. Ревность далеко не составляетъ причины всѣхъ его поступковъ. Сравните Отелло съ другимъ Шекспировскимъ же ревнивцемъ Леонтомъ въ *Зимней Сказкѣ*, и вы наглядно убѣдитесь что одна и та же страсть можетъ проявляться въ лицахъ совершенно различныхъ и что характерные признаки страсти, общіе въ обоихъ случаяхъ, именно въ силу этой общности не могутъ почтяться чертами характерными для одержимыхъ ею лицъ. Полагающіе страсть непремѣнною стихіей трагическаго дѣйствія забываютъ, кромѣ того, что одержимые на примѣръ тою же ревностью лица могутъ являться и въ комическомъ свѣтѣ. Стоить припомнить Сганареля въ *Le coqui imaginaire* Мольера или Форда въ *Merry wives of Windsor* Шекспира или нотариуса въ *Le Chandelier* Альфреда де-Мюссе. Какимъ же образомъ изображеніе человѣческихъ страстей можетъ стать исключительною задачею трагическаго искусства?

Нельзя не согласиться съ Шиллеромъ что quasi-трагическое изображеніе страсти самой по себѣ, безъ изображенія противодѣйствующей ей нравственной силы, пошло. Такого эпитета въ особенности заслуживаютъ тѣ изображенія гдѣ страсть, какъ то къ сожалѣнію нерѣдко видимъ, является побудителемъ, не только объясняющимъ, но и вполне оправдывающимъ самыя возмутительныя дѣйствія. Такія изображенія, не точно называемыя реальными, служатъ зеркаломъ только животвенной и даже звѣрской стороны человѣческой природы и столь же живы какъ и противоположныя имъ изображенія, гдѣ человекъ является лишеннымъ чувственной природы, а его доблести—приторно-напыщенными и безлично-ходульными. *

* Считаю не лишнимъ привести въ примѣчаніи нѣкоторыя мысли Шиллера относительно изображенія аффектовъ вообще. „Аффектъ какъ аффектъ, говоритъ онъ, есть нѣчто безразличное, и его изобразеніе, разсматриваемое само по себѣ, лишено всякаго эстетическаго достоинства; ибо, повторимъ еще разъ, ничто относящееся только къ чувственной природѣ не достойно изображенія. Поэтому не только всѣ ласкающіе аффекты, но въ особенности также всѣ *вышія степени* какихъ бы то ни было аффектовъ ниже достоинства трагическаго искусства.

„Ласкающіе аффекты принадлежатъ къ области *пріятнаго*, съ которою изящное искусство не имѣетъ ничего общаго. Они, убаюкивая или ослабляя, просто тѣшатъ чувство и относятся только ко вѣшнему, а не внутреннему состоянію человека. Многие изъ нашихъ романовъ и трагедій, особенно такъ-называемыя драмы (среднее между комедіей и трагедіей), а равно любимыя картины семейныхъ нравовъ принадлежатъ къ этому классу. Они причиняютъ только отдѣленіе изъ суетной желѣзы и сладостное облегченіе сосудовъ, но духъ ничего изъ нихъ не выноситъ и благородная сила въ человѣкѣ ни мало ими не укрѣпляется. Точно также, говоритъ Кантъ, имѣя полагаетъ что назидается проповѣдью, а въ немъ при этомъ не создается ничего добраго.

„Съ другой стороны, изъ области искусства должны быть исключены тѣ степени аффекта, которыя только терзаютъ чувство, ничѣмъ за то не вознаграждая духа. Они болѣю не менѣе подавляютъ свободу духа чѣмъ первые убаюкиваньемъ, а потому могутъ возбудить только отвращеніе, а не впечатлѣнія достойныя искусства.“ И ниже:

„Поэтому тѣ художники и поэты, которые надѣются достигнуть пафоса при помощи чисто чувственной силы аффекта и возможно

Послѣ отдѣльных замѣчаній, перейдемъ къ разбору страданій Отелло.

Не ревность, а страданіе есть существенный элементъ Шекспировой трагедіи. Личность Отелло вполнѣ раскрывается для насъ не при посредствѣ страсти, а чрезъ страданіе. Мы узнаемъ Отелло въ счастливейшія минуты его жизни, когда легко и непринужденно обнаруживается его душевная красота: простосердечіе, незлобіе, дѣтская доверчивость, ясная откровенность, чистая любовь. Онъ является предъ нами мужемъ долга спѣшащимъ не задумываясь, по первому призыву, на защиту усыновившаго его государства, хотя этотъ призывъ и послѣдовалъ въ день его свадьбы. Онъ требователенъ и отъ другихъ относительно долга, и не пощадитъ нарушителя его какъ бы тотъ ни былъ ему любезенъ и дорогъ.

Ревность быстро охватываетъ его именно въ силу того что онъ слишкомъ чувствителенъ, такъ-сказать щекотливъ относительно чести и долга. Она ведетъ его къ дѣйствіямъ грубымъ, суровымъ, безчеловѣчнымъ. Не сопровождайся они глубочайшими страданіями, Отелло явился бы разъяреннымъ отъ ревности звѣремъ и производилъ бы отвратительное впечатлѣніе. Когда же мы видимъ что для него вопросъ чести есть вопросъ жизни и смерти, что съ потерей ея онъ не видитъ для себя никакого дѣла на землѣ, когда мы видимъ его потрясеннымъ до глубины,—тогда убѣждаемся что предъ нами человѣкъ высокой души, для коего душевная святость выше всего на свѣтѣ. Шекспиръ прибавилъ къ этому физическія страданія; съ Отелло дѣлается припадокъ ладучей и по замѣчанію Яго уже не первый; „вчера былъ еще одинъ“. Такъ взволнована и потрясена крѣпкая природа этого человѣка, привыкшаго съ семи лѣтъ владѣть мечомъ, закаленного противъ зноя и холода!

Ревность, однако, не въ силахъ побѣдить его любви къ Дездемонѣ, не въ силахъ заглушить въ немъ сознанія. Онъ знаетъ что намѣренъ совершить страшное дѣло; ему тяжело и горько; онъ плачетъ и самъ называетъ свои слезы

живаго изображенія страданія, худо разумѣютъ искусство. Они забываютъ что само страданіе никогда не можетъ быть конечною цѣлью искусства и непосредственнымъ источникомъ удовольствія, которое мы получаемъ отъ трагическаго“. (Ueber das Pathetische).

жестокими, но скорбь, вызвавшая ихъ, для него небесна: „она разитъ тамъ гдѣ любить“. Онъ не хочетъ душевной гибели любимой женщины, онъ даетъ ей время покаяться; по его мысли, онъ намѣренъ не убійство совершить, а привести жертву. Чему же или кому онъ приноситъ эту тяжелую жертву? Чести; ничего изъ сдѣланнаго имъ онъ не сдѣлалъ изъ ненависти, но все изъ чести. Въ этомъ-то сознаниіи и состоитъ нравственное противодѣйствіе бушевающей его страсти; оно охраняетъ его человѣческое достоинство. Отелло, вполне ослѣвленный страстью, совершающій убійство въ полномъ умоизступленіи, могъ бы получить развѣ оправдательный приговоръ присяжныхъ, но возбуждалъ бы только ужасъ смѣшанный съ сожалѣніемъ, но никакъ не состраданіе. Шекспиръ не слагаетъ вины на страсть, не старается оправдать совершителя тяжкаго грѣха, онъ только ни на минуту не забываетъ что этотъ грѣшникъ—человѣкъ. Тѣмъ-то и великъ Шекспиръ что его герои въ самые жестокіе моменты своей жизни остаются людьми въ полномъ смыслѣ слова. Ошибка многихъ, весьма почтенныхъ впрочемъ писателей, бравшихся за сюжеты подобные *Отелло*, состоитъ именно въ томъ что они доводили изображеніе страсти до самой крайней степени, желая тѣмъ оправдать кровавые поступки своихъ героевъ. Они являлись болѣе или менѣе искусными адвокатами и обнаруживали порою при этомъ не малую изворотливость ума, добываясь отъ зрителя или читателя приговора: „не виновенъ“. Но поскольку они являли сказанныя качества, постольку же теряли право на названіе трагическихъ поэтовъ, какъ ихъ герои, вполне побѣжденные страстью,—на имя разумнаго существа.

Будь изображеніе страсти главной задачей *Отелло*, трагедія кончалась бы убійствомъ Дездемоны: ревность сдѣлала свое дѣло. На дѣлѣ не такъ: личность Отелло дорисовывается въ дѣйствиіи при помощи глубочайшаго несчастья выпадающаго на его долю. Мы видѣли Отелло въ счастіи откровеннымъ, благороднымъ, любящимъ. Сцены послѣ убійства служатъ тяжкимъ испытаніемъ сказанныхъ качествъ. Счастіе вообще дѣлаетъ человѣка добрѣе и лучше; не мудрено также быть откровеннымъ, когда откровенность не только ничѣмъ не грозитъ, но даже способствуетъ благому исходу дѣла. Совершившій преступленіе весьма

не расположенъ къ откровенности. Прямое сознаніе Отелло именно въ ту минуту, когда является наибольшая возможность самымъ легкимъ и удобнымъ образомъ открыть свою вину, не служитъ ли наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ доказательствомъ что онъ совершилъ страшное дѣло не изъ ненависти, а изъ чести? Онъ заблуждался, онъ впадалъ въ тягчайшій грѣхъ, но онъ не злодѣй, онъ только глубоко-несчастный человѣкъ. Раскрытіе роковой ошибки сопровождается страшными страданіями; Отелло плачетъ покаянными и въ то же время отчаянными слезами, онъ считаетъ себя достойнымъ всякаго возмездія. Но какъ раньше въ страсти, такъ теперь въ горѣ, не теряетъ человѣческаго достоинства: онъ не умаляетъ, но и не увеличиваетъ своей вины; онъ хочетъ чтобы всѣ знали въ чемъ именно она состоитъ, ея истинные предѣлы. И за тѣмъ что остается ему на землѣ? Пережить потерю для него невозможно; но его самоубійство не сопровождается ни чувствомъ боязни грядущаго стыда, столь обычнымъ у самоубійцъ, ни страхомъ новыхъ сильнѣйшихъ страданій. Онъ выражалъ искреннюю свою мысль, когда говорилъ что дѣла чести для него дѣло жизни; честь заставила его убить любимую женщину, но не убила его любви къ ней. Раненый на смерть, онъ, перемогая страданія, испускаетъ духъ съ прощальнымъ поцѣлуемъ Дездемоны.

Страданія же ведутъ къ изображенію личности Дездемоны. Не вдаваясь въ подробный разборъ, отмѣтимъ только нѣкоторыя сцены. Въ характерѣ Дездемоны есть нѣкоторая скрытность или вѣрнѣе стремленіе къ затаиванію въ себѣ испытываемыхъ чувствъ. Такъ она сумѣла вложить утаить отъ отца любовь свою къ Мавру; эта же черта характера проявляется въ томъ что она умѣетъ таить свое горе. Въ первомъ случаѣ, скрытность ведетъ къ нѣкоторому проступку противъ отца; во второмъ, то же свойство, сопровождаемое и возвышаемое страданіемъ, свидѣтельствуетъ о великой душевной красотѣ. При первыхъ проявленіяхъ ревности Отелло, при первыхъ оскорбленіяхъ съ его стороны, Дездемона всячески старается выгородить и оправдать мужа. Правда, въ этомъ ею можетъ руководить не только сказанное желаніе, но и желаніе утѣшить себя, доказать себѣ во что бы то ни стало что мужъ просто сорвалъ на ней сердце, но въ сущности сердитъ вовсе

не на нее. Оскорбленія возобновляются въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ; для Дездемоны нѣтъ уже сомнѣннй что мужъ подозрѣваетъ ее въ невѣрности. Но и тутъ она не позволяетъ себѣ ни одного рѣзкаго сужденія о мужѣ; когда Эмилиа начинаетъ разговоръ съ явнымъ намѣреніемъ неодобрительно отозваться объ Отелло, Дездемона сначала притворяется будто не понимаетъ о комъ та говоритъ и затѣмъ проситъ совѣтъ не говорить объ этомъ, потому что ей пришлось бы отвѣчать одними слезами. „Тѣ, кто учатъ маленькихъ дѣтишекъ, говоритъ она Яго, дѣлаютъ это нѣжно, выговариваютъ легко, и онъ могъ бы также побранить меня, потому что я, право же, ребенокъ котораго приходится побранить.“ Дальше этого не заходятъ ея осужденія. На слова Эмилии: „лучше бы вамъ никогда его не видѣть“, она отвѣчаетъ что такъ любить мужа что ей нравятся даже его рѣзкость, его упреки и грозные взгляды; она и въ нихъ находитъ нѣчто милое и прелестное. Чтобы скрыть причину своихъ слезъ, она схватывается за воспоминаніе о старой служанкѣ своей матери и лѣсенкѣ обшнвъ, которую та плѣла. Умирая, она не только покрываетъ виновника своей смерти, но проситъ Эмилию „поклониться своему милому мужу“. Черезчуръ просвѣщенные критики настаиваютъ особенно рѣзко на грубомъ обращеніи Мавра съ женой и на ея мученіяхъ,—они проглядываютъ какой чудный женскій обликъ вырисовывается при этомъ; они забываютъ что насколько были бы слабѣе оскорбленія и страданія Дездемоны настолько же понизилась бы ея душевная красота.

Страданія Дездемоны трогаютъ Эмилию, но въ началѣ ея состраданіе выражается въ отрицательной формѣ: она всячески негодуетъ на ихъ виновника. Эмилиа могла бы, конечно, при спросѣ о платкѣ прямо заявить гдѣ онъ, но ей пришлось бы выдать и себя, и мужа котораго она любитъ, не подозрѣвая всей его гнусности. Когда же она видитъ до чего довелъ ея необдуманный поступокъ, то не въ силахъ ничего скрывать; ни угрозы, ни рана не въ силахъ остановить ея пробудившейся правдивости. *

* Такимъ образомъ чрезъ изображеніе страданія достигается между прочимъ то обстоятельство что Эмилиа въ концѣ какъ бы ведетъ дѣйствіе. Мы упоминали уже объ этомъ въ первомъ отдѣлѣ;

Приведемъ еще нѣсколько частныхъ примѣровъ, какъ чрезъ изображеніе страданія достигается изображеніе самыхъ разнообразныхъ чертъ, свойственныхъ тому или иному лицу.

Всякій подвигъ цѣнится по той жертвѣ или опасности, съ которою онъ сопряженъ для совершителя. Чѣмъ менѣе опасность сознается совершителемъ подвига, или чѣмъ легкомысленнѣе онъ смотритъ на нее, тѣмъ менѣе цѣненъ и самый подвигъ. Сознваемая же опасность, конечно, причиняетъ извѣстныя страданія; человѣку не свойственно въ такія минуты хладнокровно смотрѣть на предстоящіе горе, или гибель. Только выдуманнѣмъ, ходульно-благороднѣмъ и сверхъестественно-самоотверженнѣмъ героямъ ни во что всякія опасности, и только въ этомъ смыслѣ Джонсонъ правъ, говоря что Шекспировскія лица не герои, а живые юди.

Коріоланъ разорвалъ связь съ роднымъ городомъ; соединясь съ врагами, онъ началъ мстить родинѣ за причиненное ему оскорбленіе, не признавая себя нимало виновнымъ. Видя подходящую мать, предчувствуя ея просьбы, онъ нѣсколько смягчается, но въ то же время боится что окажется не крѣпче другихъ людей. Онъ гонитъ отъ себя состраданіе какъ нѣчто недостойное мужа; нѣтъ, пусть Вольски вспашутъ Римъ; онъ не плетень чтобы повиноваться ивстинкту, онъ будетъ стоекъ какъ будто самъ себя создалъ и никогда не зналъ родителей. Онъ долго сопротивляется и даже рѣзко отказывается и матери, и женѣ. Тогда мать дѣлаетъ послѣднее усиліе, и Коріоланъ наконецъ тронутъ и разражается слезами. „О матушка, матушка, говоритъ онъ,—ты добыла счастливую побѣду для Рима; но ты повѣрь, о повѣрь!—ты опасно, если не на смерть, побѣдила сына“.* Но ни горе, ни живое чувство смертельной опасности не заставляютъ его отступиться отъ того что стало святыней его души теперь, когда частное уступило государственному и личное человѣческому.

теперь же обращаемъ вниманіе на то что такое „веденіе дѣйствія“ достигается при помощи непремѣнной стихіи трагическаго мѣста, страданія.

* Превосходно изображаетъ этотъ моментъ Росси; кажется что каменная статуя вдругъ очеловѣчилась и разразилась слезами.

Джyльеттѣ выпадаетъ тяжкое испытаніе. Однодневная жена Ромео, она не только должна скрывать ото всѣхъ горе причиненное изгнаніемъ мужа, но отецъ принуждаетъ ее выйти за другаго. Открыть тайну невозможно, еще невозможно стать двумужницей; смерть краше чѣмъ такой позоръ, такое нарушеніе священнаго обѣта. Отецъ Лоренцо предлагаетъ средство: выпить соннаго зелья и быть погребенною, какъ мертвецъ. Джyльетта радостно соглашается. Наступаетъ ночь; она простилась съ матерью, отпустила кормилицу, остается выпить зелье. Ей страшно; она дрожитъ, чувствуетъ что холодѣетъ вся. Не позвать ли назадъ мать, не кликнуть ли кормилицу чтобъ они успокоили ее? И Джyльетта невольно вскрикиваетъ: „кормилица!“ Поборовъ этотъ первый приступъ страха, она исполняется рѣшимости и твердости: не подѣйствуетъ декоктъ, не заснетъ она отъ него, тогда клянжалъ избавить ее отъ безчестья. Встревоженное воображеніе не въ силахъ успокоиться; оно рисуетъ новые страхи, новыя опасности. Почему знать, монахъ, боясь отвѣтственности за тайное повѣнчанье, могъ вмѣсто соннаго зелья дать яду. Пѣтъ, онъ святой человѣкъ, и грѣшно такъ дурно думать о немъ. Но развѣ она не можетъ задохнуться подъ сводомъ раньше чѣмъ Ромео придетъ освободить ее? Пусть этого не случится, все-таки она можетъ проснуться раньше прихода мужа, и тогда какъ подѣйствуетъ на ея умъ окружающій мракъ вмѣстѣ съ мыслью что она между мертвыми? Она живо представляетъ себѣ ужасы безумія, и выпиваетъ зелье. Предъ нами дѣвочка, привыкшая какъ цыпленокъ въ минуту опасности прятаться подъ теплое крылышко; предъ нами женщина, поддающаяся впечатлѣнію, страшливая и несмѣлая, дрожащая и блѣднѣющая; предъ нами съ тѣмъ вмѣстѣ жена свято любящая мужа, глубоко сознающая долгъ и полная рѣшимости спасти свою честь, какія бы страданія ни томили ее и какія бы бѣды ни грозили ей.

Страданіе приближаетъ къ намъ, дѣлаетъ болѣе человѣчными самыя демоническія натуры. Демонъ властолюбія вполнѣ владѣетъ леди Макбетъ; онъ заглушаетъ въ ней все человѣческое; ради его она готова задушить въ себѣ даже чувства матери, столь присущія женщинѣ. И только видя ея мучительныя страданія, порожденныя гнетущею совѣстью, мы убѣждаемся что предъ нами человѣческое существо.

Ричардъ III хвалится тѣмъ что ничто не въ силахъ выдавить слезъ изъ его глазъ, что состраданіе вполне незнакомо ему.

*Мнѣ токи слезъ!.... тому кто никогда
Одной слезы изъ глазъ своихъ не пролилъ!
Когда Эдвардъ съ отцомъ моимъ рыдала
Заслышавши, какъ Рутлендъ застоналъ
Подъ взметомъ сабли смуглаго Клиффорда,
И въ пору ту, когда отецъ твой грозный
Разказывалъ, какъ умеръ мой отецъ,
И какъ дитя печальную ту повѣсть
Десятки разъ рыдая прерывалъ,
Когда у всѣхъ стоящихъ тутъ лились
Потоки слезъ, какъ дождь съ древесныхъ листьевъ,—
Мои глаза при горькомъ томъ разказѣ
За стыдъ сочли бы жалкую слезу! **

Вся жизнь его, по собственному сознанию, была одно дьявольское притворство. Подъ гнетомъ страшнаго сновидѣнія, онъ исполняется ужасомъ при мысли о своихъ дѣлахъ, его душу грызетъ раскаяніе, сопровождаемое отчаяніемъ предъ сознаниемъ всей своей гнусности, предъ пробужденіемъ омерзения къ самому себѣ. И въ этомъ извергѣ чрезъ страданіе просвѣчиваетъ дальній отблескъ человѣческаго достоинства.

III.

Трагическіе страхъ и состраданіе. — Условія трагическаго героя, выведенныя изъ сущности трагедіи. — Толкованіе Лессинга. —
Заключенія и выводы.

Приведенными примѣрами достаточно установлены непремѣнность и значеніе страданія какъ существенной ступени трагическаго міа. Въ разборахъ мы по преимуществу обращали вниманіе на то какъ чрезъ изображеніе страданія достигается изображеніе человѣческой и человѣчной личности и строгое совокуленіе дѣйствій. Есть однако другая, не менѣ важная сторона вопроса, на которую мы указывали покуда только мимоходомъ, а именно зависимость степени нашего состраданія отъ качествъ лица страдающаго.

* По переводу А. В. Дружинина.

Лессингъ въ разборѣ Филоктета указываетъ какъ извѣстный родъ страданій способенъ возбудить въ насъ сильнѣйшее состраданіе, лишь только мы вообразимъ себя хоть на мгновеніе на мѣстѣ страдальца. Несомнѣнно однако легкость и готовность съ которою мы сдѣлаемъ это зависать не столько отъ рода страданій, сколько отъ качествъ трагическаго лица. Положимъ что страданія Филоктета выпали на долю леди Макбетъ или Ричарда III. Развѣ свойства этихъ лицъ не будутъ въ той или иной мѣрѣ препятствовать намъ вообразить себя на ихъ мѣстѣ? При одинаковости страданій, при полной ихъ тождественности мы все-таки съ большею готовностью представимъ ихъ возможность для насъ самихъ соответственно достоинствамъ страдающаго лица, и въ зависимости отъ этого будетъ и степень возбужденнаго въ насъ состраданія. Итакъ, слѣдуетъ опредѣлить условія при которыхъ злосчастіе трагическаго героя способно возбудить въ насъ наибольшее состраданіе; условія эти очевидно будутъ заключаться въ самой его личности и характерѣ.

Аристотель, какъ мы знаемъ, опредѣляетъ трагедію какъ подражаніе дѣйствию не только достойному состраданія, но и страха. Именно въ страхѣ, возбуждаемомъ трагедіей, и заключаются искомые условія. По мысли философа, именно то, чего мы боимся для себя или для близкихъ намъ, способно возбудить наше состраданіе. Страхъ, который разумѣетъ Аристотель, стало-быть не есть страхъ за судьбу трагическаго лица, а тѣмъ менѣе ужасъ возбуждаемый его дѣяніями, или страхъ испытываемый имъ самимъ, но страхъ что подобная же судьба возможна для насъ или близкихъ намъ. Это, по выраженію Лессинга, есть страхъ что мы сами (или близкіе намъ) можемъ стать предметомъ состраданія, или на насъ самихъ (или близкихъ намъ) обращенное состраданіе.

Нѣтъ необходимости чтобы мы сознательно ставили себя на мѣсто трагическаго героя; эта страсть или аффектъ возбудится въ насъ непроизвольно и безсознательно при соблюденіи трагическимъ поэтомъ извѣстныхъ условій въ изображеніи страдающаго лица, и съ тѣмъ вмѣстѣ пробудится въ насъ и состраданіе, ибо трагическое состраданіе не есть чувство независимое отъ сказаннаго страха. Оно неразрывно съ нимъ связано, опредѣляется имъ. Какъ скоро

нѣтъ возможности страха, такъ нѣтъ мѣста и состраданію; Аристотель не говоритъ что трагедія возбуждаетъ въ насъ раздѣльно *или* страхъ, *или* состраданіе; онъ утверждаетъ что ею возбуждается совмѣстно и нераздѣльно *и* страхъ, *и* состраданіе.

Когда же, по мысли философа, возможенъ для насъ страхъ? Когда трагическое лицо равно намъ. А когда возможно состраданіе? Когда страданія его не заслужены. Вотъ два условія отъ трагическаго героя, условія нераздѣльныя и совмѣстныя, какъ и аффекты возбуждаемые трагедіей. Другими словами, не достаточно чтобы трагическій герой былъ равенъ намъ по человѣческимъ достоинствамъ, былъ такой же какъ всѣ мы человѣкъ, необходимо еще чтобъ онъ страдалъ незаслуженно; равно для произведенія трагическаго впечатлѣнія недостаточно изображенія одного незаслуженнаго страданія или трогательнаго положенія, требуется также чтобы лицо страдающее было равно намъ.

Поэтому, по словамъ Аристотеля, ни вполне добродѣтельный, ни вполне порочный не годятся въ трагическіе герои. Когда полный праведникъ переходитъ отъ счастья въ злое счастье, то этимъ не возбуждается ни страха (мы вѣдь не праведники, не обладаемъ всѣми совершенствами), ни состраданія (вслѣдствіе указанной выше его связи со страхомъ); это просто возмущительно. Равно, видя злосчастіе человѣка слишкомъ порочнаго, полнаго злодѣя, мы не можемъ чувствовать ни страха (онъ не равенъ намъ), ни состраданія (онъ страдаетъ по-дѣломъ). Въ послѣднемъ случаѣ однако возможно возбужденіе чувства подобнаго состраданію, но не равнаго ему, которое Аристотель называетъ филантропіей, а русскій переводчикъ *Піутики*, согласно толкованію Лессинга, передаетъ выраженіемъ „жалость по человечеству“.*

Итакъ, остается человѣкъ *средній* между указанными крайностями, то-есть человѣкъ не обладающій ни совершенною добродѣтелью, ни полною правдивостью, владающій въ

* Аристотель указываетъ еще третій случай: злодѣй переходитъ отъ злосчастія къ счастью. Такой мнѣз совершенно не трагиченъ, онъ не возбуждаетъ въ насъ ни филантропію, ни состраданія, ни страха.

злосчастіе не вслѣдствіе порочности или подлости, но подвергающійся ему вслѣдствіе болѣе или менѣе тяжкаго грѣха (ибо всѣ мы повинны грѣху), или же *человѣкъ болѣе хорешій чѣмъ дурной*. Остается уяснить условіе „незаслуженности“ страданія. Развѣ человѣкъ впавшій въ тяжкій грѣхъ не заслуживаетъ страданія? Страданія будутъ не заслужены въ той мѣрѣ насколько они превышаютъ совершенный грѣхъ и насколько самый грѣхъ не есть слѣдствіе порочности или безчестности трагическаго героя, но его ошибки, заблужденія, слабости, несовершенства. Другими словами, трагическое лицо должно имѣть право повторить слова Лира: „Я согрѣшилъ менѣе чѣмъ согрѣшили противъ меня.“

Къ сказанному прибавимъ толкованіе Лессинга, устраняющее, между прочимъ, нѣкоторыя невольнаго приходящія возраженія.

„Аристотель, говоритъ онъ, полагалъ что злосчастіе, которое должно быть предметомъ нашего состраданія, необходимо должно быть таково чтобы мы страшились его также для себя или для кого-либо изъ своихъ. Гдѣ нѣтъ такого страха, тамъ нѣтъ мѣста и состраданію. Ибо ни тотъ, кто такъ глубоко подавленъ несчастіемъ что уже не видитъ ничего страшнаго для себя впереди, ни тотъ, кто до того вполне счастливъ что вовсе не понимаетъ откуда бы могло приключиться несчастіе; ни отчаявшійся, ни надменный не могутъ имѣть состраданія къ другому.“* Посему онъ и объяснялъ страшное и достойное состраданія одно посредствомъ другаго. Все то, говоритъ онъ, намъ страшно чтѣ—случись оно съ другимъ или долженствуй съ нимъ случиться—возбудило бы наше состраданіе; и все то находимъ мы достойнымъ состраданія чего страшились бы, еслибъ оно предстояло намъ самимъ. Слѣдовательно, недостаточно чтобы несчастный, кому мы должны сострадать, не заслуживалъ своего несчастья, хотя бы онъ навлекъ его какою-либо слабостью; его страдающая невинность или, вѣрнѣе, его слишкомъ сильно наказанная вина была бы для насъ потеряна, не была бы въ состояніи возбудить нашего состраданія, еслибы мы не видѣли никакой возможности что и насъ могутъ постигнуть его страданія. Эта же возможность имѣется тогда когда поэтъ изобразить его не худшимъ чѣмъ мы обычно бываемъ,

* Ср. выше. Отд. I, гл. III.

т. сxxx.

когда онъ заставить его дѣйствовать и думать совершенно такъ какъ мы бы дѣйствовали и думали на его мѣстѣ (или по крайности полагаемъ что дѣйствовали бы и думали); коротко, когда онъ изобразить его равнымъ намъ по честности и правдивости. Изъ этой равенности истекаетъ страхъ что наша судьба весьма легко можетъ стать также похожею на его судьбу, какъ мы чувствуемъ что похожи на него, и этотъ страхъ будетъ тѣмъ что, равнымъ образомъ, заставить созрѣть состраданіе.“

Такъ думалъ Аристотель о состраданіи, и изъ этого только понятна причина почему онъ при объясненіи трагедіи поставилъ подлѣ состраданія единственно страхъ. Не потому чтобъ этотъ страхъ былъ тутъ особою отъ состраданія независимою страстью, которая можетъ быть возбуждена то вмѣстѣ съ нимъ, то безъ него, какъ и состраданіе, то вмѣстѣ со страхомъ, то безъ него (въ каковую ошибку впасть Корнель); но потому что, по его объясненію состраданія, оно необходимо заключаетъ въ себѣ страхъ; потому что ничто не возбуждаетъ нашего состраданія что въ то же время не можетъ возбудить нашего страха.

„Но что еслибъ объясненіе даваемое Аристотелемъ состраданію оказалось ложно? спрашиваетъ Лессингъ. Что если мы можемъ чувствовать состраданіе къ такимъ бѣдствіямъ и несчастнымъ случаямъ, коихъ ни коимъ образомъ не можемъ ожидать для себя?“

„Правда, для того чтобы почувствовать скорбь при видѣ физическаго злосчастія любимаго нами субъекта—не требуется страха. Эта скорбь истекаетъ просто изъ представленія его несовершенствъ, какъ любовь изъ представленія его совершенствъ; изъ сліянія же этого удовольствія со скорбію истекаетъ смѣшанное ощущеніе, называемое нами состраданіемъ.“

„Однако я не думаю чтобы чрезъ это устранялись положенія Аристотеля.“

„Ибо если мы можемъ чувствовать состраданіе къ другому и безъ страха за насъ самихъ, то неоспоримо также что состраданіе, когда къ нему прिवходитъ страхъ, становится гораздо живѣе, сильнѣе и глубже чѣмъ было бы безъ него. И что мѣшаетъ намъ принять что смѣшанное чувство при видѣ физическаго бѣдствія любимаго предмета возрастаетъ“

до степени на которой заслуживаетъ названія аффекта только вслѣдствіе прѣходящаго страха за насъ самихъ?

„Аристотель дѣйствительно принималъ это. Онъ судилъ о состраданіи не на основаніи производимыхъ имъ первичныхъ возбужденій, но рассматривалъ его только какъ аффектъ. Не отвергая сказаннаго, онъ только отказывалъ искрѣ въ названіи пламени. Сострадательное ощущеніе, безъ страха за насъ самихъ, онъ называетъ филантропіей, и только сильнѣйшія возбужденія этого рода именуетъ состраданіемъ. Именно, онъ утверждаетъ что несчастье злодѣя не возбуждаетъ въ насъ ни страха, ни состраданія, но этимъ не отказываетъ ему въ способности производить на насъ извѣстное дѣйствіе. И злодѣй еще человекъ, существо обладающее при всѣхъ своихъ нравственныхъ несовершенствахъ, еще достаточными совершенствами, дабы мы не желали охотно его гибели, его уничтоженія и чтобы при этомъ не чувствовали кое-чего похожаго на состраданіе или лучше зачатковъ состраданія. Но, какъ сказано, это подобное состраданію чувство онъ называетъ не состраданіемъ, а филантропіей.

„Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, чтобы злодѣй переходилъ отъ несчастья къ счастью, ибо это самое не трагичное какое только возможно; въ немъ не заключается ничего что должно быть въ трагическомъ; оно не возбуждаетъ ни филантропіи, ни состраданія, ни страха. Также переходящій отъ счастья къ несчастью не долженъ быть полнымъ злодѣемъ, ибо подобное обстоятельство можетъ еще возбудить филантропію, но не возбудить ни состраданія, ни страха. Я не знаю ничего пустѣе и безтолковѣе какъ обычные переводы этого слова „филантропія“. Прилагательное отъ него передаютъ по-латынѣ чрезъ *hominibus gratum*, по-французски: *ce que peut faire quelque plaisir*, и по-нѣмецки: *was Vergnügen machen kann*. * Только одинъ Гоульстонъ (*Goulston*), насколько я понимаю, не исказилъ мысли философа, переводя филантропю чрезъ *quod humanitatis sensu tangat*. Ибо всеконечно подъ этою филантропіей, на которую имѣетъ право

* Русскій переводчикъ, какъ указано выше, согласно толкованію Лессинга, передаетъ слово филантропія чрезъ „жалость по человечеству“, но прилагательное отъ него переводитъ чрезъ „жалостное“, что не совсѣмъ удачно.

злосчастіе даже злодѣя, слѣдуетъ разумѣть не радость о достойномъ ему возмездіи, но симпатическое чувство чело-вѣчности, которое въ минуту его страданія все-таки пробуждается въ насъ къ нему, несмотря на представленіе что его страданія заслужены.

„Посмотрите, говоритъ авторъ писемъ объ ощущеніяхъ,* посмотрите на толпу, плотными кучами тискающуюся вокругъ осужденнаго на казнь. Они слышали о всѣхъ ужасахъ совершенныхъ злодѣемъ; они презирали его поступки и быть-можетъ его самого. Теперь его, обезображеннаго и безсильнаго, влекутъ на страшный эшафотъ. Пробираются сквозь толпу, встаютъ на цыпочки, вскарабкиваются на крыши чтобы видѣть какъ ходъ смерти обезобразить его лицо. Приговоръ прочитанъ, палачъ подходитъ; черезъ мигъ рѣшится его судьба. Какъ пламенно желаютъ теперь всѣ сердца чтобы его помиловали! Его? Предметъ ихъ отвращенія, кого они сами минуту назадъ приговорили бы къ смерти? Чѣмъ же снова возбуждается въ нихъ лучъ челоувѣколюбія? Не близостью ли наказанія, не видомъ ли ужаснаго физическаго бѣдствія, которыя какъ бы примираютъ насъ даже со злодѣемъ и ему снискиваютъ нашу любовь? Безъ любви мы не могли бы быть сострадательны къ его участи.“

„И именно эта любовь, говорю я, отъ нея же мы не можемъ никогда вполне отрѣшиться по отношенію къ ближнему, любовь тлѣющая не погасая подъ пепломъ, коимъ ее покрываютъ другія сильнѣйшія ощущенія, и ожидающая только благопріятнаго дуновенія несчастія, страданія и гибели чтобы разгорѣться пламенемъ состраданія; именно эта любовь и есть то что Аристотель разумѣетъ подъ словомъ филантропія. Мы правы, понимая ее подъ словомъ состраданіе. Но и Аристотель не неправъ, давая ей особое названіе, дабы, какъ сказано, отличить ее отъ высшей степени сострадательнаго ощущенія, становящагося аффектомъ чрезъ присоединеніе правдоподобнаго страха за насъ самихъ.“

„Теперь слѣдуетъ устранить еще одно возраженіе. Если по мысли Аристотеля аффектъ состраданія необходимо долженъ быть связанъ со страхомъ за насъ самихъ, то для чего ему было упоминать отдѣльно о страхѣ? Слово со-

* Моисей Мендельсонъ.

страданіе заключаетъ его въ себѣ, и было бы достаточно, скажи онъ просто: трагедія чрезъ состраданіе совершаетъ очищеніе нашихъ страстей. Ибо прибавка слова „страхъ“ ничего не добавляетъ, а только дѣлаетъ то что онъ желалъ выразить шаткимъ и неопредѣленнымъ.

„Я отвѣчаю: еслибъ Аристотель хотѣлъ насъ просто научить, какія страсти можетъ и должна возбуждать трагедія, то могъ бы онъ, конечно, побережься и не прибавлять страха, и безъ сомнѣнія поберегся бы, ибо не было чловѣка бережливѣе его на слова. Но онъ хотѣлъ научить насъ одновременно, какія страсти должны очищаться въ насъ страстями возбужденными трагедіей, и поэтому-то долженъ былъ отдѣльно упомянуть о страхѣ. Ибо хотя по его мнѣнію аффектъ состраданія ни въ театрѣ, ни внѣ онаго не можетъ быть безъ страха за насъ самихъ; хотя страхъ есть необходимый ингредіентъ состраданія, но это непримѣнимо обратно, и состраданіе къ другому не есть ингредіентъ страха за насъ самихъ.

„Неоспоримо, прибавляетъ Лессингъ, что Аристотель не желалъ вообще давать строгаго логическаго опредѣленія трагедіи. Ибо, не ограничиваясь одними существенными свойствами, онъ присоединилъ различныя случайныя, ради того что это стало необходимо въ силу тогдашняго употребленія. Однако, вычитая послѣднія и приводя остальное къ одному знаменателю, получимъ совершенно точное опредѣленіе, а именно что трагедія, однимъ словомъ, есть такое поэтическое произведеніе, которое возбуждаетъ состраданіе. По роду, она есть подражаніе дѣйствию, какъ и эпопея и комедія; по виду же—подражаніе достойному состраданія дѣйствию. Изъ этихъ двухъ понятій можно вполне вывести всѣ ея правила, а равно опредѣлить и ея драматическую форму.“ *

Въ нашемъ разсужденіи мы старались слѣдовать указанной Лессингомъ методѣ, выдѣляя случайное и частное, ** и выводя всѣ правила изъ существенныхъ свойствъ трагедіи.

Таково же и правило относительно качествъ трагическаго героя. Оно, какъ и всѣ другія, по справедливому замѣ-

* *Hamb. Dram.* St. 75, 76 und 77.

** На нѣкоторыя изъ этихъ частныхъ мы будемъ имѣть случай вкратчѣ указать.

чанію Лессинга, разчитано на самое высшее трагическое впечатлѣніе; невозможно также представить правила менѣе существеннаго для поэта. Только человѣкъ *столь* порочный и *столь* праведный не годится въ трагическіе герои. Остается средній между ними, или же человѣкъ болѣе доблестный чѣмъ худой. Пусть человѣкъ явится предъ нами со всѣми слабостями, пусть онъ, подобно Отелло, навлечетъ на себя злосчастіе тяжкимъ грѣхомъ, только бы не совершилъ этого грѣха вслѣдствіе подлости или глубокой нравственной испорченности; другими словами, онъ долженъ остаться при этомъ человѣкомъ, сохранить человеческое достоинство. Трагическій герой, далѣе, можетъ быть не только равенъ намъ, но человѣкомъ болѣе доблестнымъ чѣмъ хулымъ, лучше насъ, человѣкомъ великой силы духа, великой доблести, только не полнымъ праведникомъ, не вполне невиннымъ страдальцемъ *. Видѣть страданія невиннаго возмутительно; возможность такого явленія возмущаетъ насъ до глубины души и дѣлаетъ невозможнымъ проявленіе состраданія.

„Возмутительное въ страданіяхъ праведника, говоритъ Лессингъ, заключается не въ возбуждаемыхъ негодованіи или отвращеніи, но въ самомъ злосчастіи, невинно на него обрушившемся. Возмутительная мысль что человѣкъ можетъ быть несчастливъ безо всякой вины. Древніе старались удалять отъ себя насколько возможно эту мысль. Неужто же мы станемъ приближать ее къ себѣ? неужто мы станемъ восхищаться драмами ее представляющими? мы, кого религія и разумъ должны бы убѣдить что она столь же несправедлива какъ и богохульна?“

IV.

Новыя условія трагическаго міа, выведенныя изъ сущности трагедіи.—Аристотель о причинахъ почему трагическіе поэты не рѣдко обращаются за сюжетами къ исторіи.—Обстоятельства усиливающія трагическое впечатлѣніе.—Идеальность трагическихъ героев.

Разсмотримъ остальные условія трагическаго міа.

Дѣйствія въ трагедіи должны быть болѣзненные или разрушительныя, ибо только такія дѣйствія возбуждаютъ наше состраданіе; совмѣстно и неразрывно съ этимъ они

* Ср. ниже слѣдующую главу.

должны быть страшныя, то-есть такія, возможности коихъ мы страшились бы для себя или близкихъ намъ. Дѣйствія болѣзненныя и разрушительныя могутъ совершаться или между людьми другъ другу близкими, или между врагами, или между людьми другъ другу совершенно посторонними. Понятно что чѣмъ ближе между собою лица совершающія сказанныя дѣйствія, особенно же если они связаны между собою дружбой, любовью или кровнымъ родствомъ, тѣмъ сильнѣе будетъ возбуждено наше состраданіе, ибо тѣмъ охотнѣе и готовнѣе мы поставимъ себя на ихъ мѣсто. Не будь Дедемона женой Отелло, и не люби онъ ее всѣми силами души, трагедія Шекспира не производила бы такого сильнаго впечатлѣнія. Еще бы меньшее впечатлѣніе дѣлала она, еслибы Дедемона оказалась невѣрною женой. И здѣсь приходится сдѣлать то же замѣчаніе какъ при разборѣ страданій Отелло: всякій внѣшній поводъ, оправдывающій грѣхъ Отелло, умалялъ бы возвышенность его личности.

Въ только-что разобранномъ условіи, между прочимъ, кроется причина, почему трагическіе поэты столь не рѣдко обращаются къ сюжетамъ или мѣстамъ сохраненнымъ исторіей или народнымъ преданіемъ. Не потому только что дѣйствительно-случившееся вѣроятнѣе *, но главнѣйше потому что тотъ или иной случай какъ нельзя удобнѣе для ихъ цѣли. Поэты, по замѣчанію Аристотеля, пришли къ избранію нѣкоторыхъ сюжетовъ невольно и безсознательно. Прежде, говоритъ онъ, они брали для трагедій какіе пришлось мѣны (сюжеты); теперь же лучшія трагедіи изображаютъ судьбу только немногихъ семействъ, напримѣръ: Алкменъ, Эдипъ, Орестъ, Мелеагръ, Тіетъ, Телефъ. Почему же? именно потому что эти лица совершили нѣчто достойное страха, либо пострадали отъ такихъ дѣйствій.

Шекспиръ, какъ извѣстно, не только бралъ сюжеты изъ преданій, но также обращалъ къ сюжетамъ раньше его обработаннымъ другими драматургами. Не въ новости сюжета, какъ полагаютъ критики судящіе по внѣшнимъ признакамъ, а въ его достодолжной обработкѣ состоитъ достоинство произведенія. На одинъ и тотъ же сюжетъ можетъ

* Ср. выше отд. I, гл. XIII.

быть написано нѣсколько трагедій (ибо поэтомъ могутъ быть измѣнены и прибавлены тѣ или иные обстоятельства, иначе совокуллены дѣйствія, иначе изображены личности); но пальма первенства остается отнюдь не за тѣмъ поэтомъ который раньше другихъ обратилъ вниманіе на сюжетъ, а за тѣмъ который претворилъ его въ болѣе совершенный трагическій мифъ. Шекспиръ превышаетъ своихъ предшественниковъ по обработкѣ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ тѣмъ что тамъ, гдѣ для однихъ было происшествіе болѣе или менѣе занимательное или достопамятное, онъ видѣлъ судьбу достойную состраданія; гдѣ для другихъ были только голые факты, онъ прозрѣвалъ дѣянія человѣческія, и притомъ какихъ высокихъ личностей. Для трагическаго поэта достоинства того или иного мифа заключаются не въ его историчности или народности, а въ возможности преобразить его въ дѣйствіе способное возбудить состраданіе. Достоинства же трагическаго поэта состоятъ не въ изображеніи того или иного лица, прославленнаго исторіей или живущаго въ памяти народной, а въ созданіи трагическаго героя. Оттого-то далеко не всѣ историческія лица годятся въ трагическіе герои, и трагическій поэтъ избирающій данное лицо въ герои только ради его историческихъ заслугъ или ради того что память его сохранилась въ народѣ, обнаруживаетъ вѣншее отношеніе къ своему искусству или пристрастіе не къ сущности, а только къ роду искусства. Такъ какъ не всѣ дѣянія историческаго лица, даже соединяющаго въ себѣ условія трагическаго героя, суть въ то же время дѣйствія достойныя состраданія, то въ этомъ отношеніи предлежитъ поэту сдѣлать выборъ. Последнее положеніе, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ закона единства дѣйствія.

Припомнимъ теперь что, по мысли Аристотеля, отчаявшійся и надменный не способенъ къ состраданію, ибо не способенъ къ страху за себя или своихъ. Отчаяніе и надменность, безспорно, не принадлежатъ къ числу человѣческихъ достоинствъ, и свидѣтельствуютъ о слабости духа людей одержимыхъ ими; особенно, если человѣкъ пришелъ къ отчаянію не столько вслѣдствіе дѣйствительной сколько воображаемой громадности постигшей его бѣды, или сталъ надменемъ не столько въ силу дѣйствительной сколько

воображаемой непоколебимости своего вѣшняго величія. * Люди совершенно неспособные къ состраданію, полные эгоизма отъ отчаянія или надменности, составляютъ нѣкоторые предѣлы, представляютъ исключеніе, болѣе или менѣе рѣдкое; вообще же люди склонны къ преувеличенію своихъ бѣдствій и умаленію чужихъ, а равно къ большому или меньшему высокомыслію о своемъ значеніи и къ надменности. По мысли философа, какъ мы знаемъ, полезно чтобы люди стрѣпились бѣдствій, не считали себя изъятими отъ нихъ, а стало-быть съ тѣмъ вѣстѣ были бы существами сострадательными. Поэтому, говоритъ онъ, нужно показывать имъ что и другіе люди, могущественнѣе ихъ, страдали **. Этимъ мыслямъ, высказаннымъ въ *Реторику*, соответствуетъ правило *Питики* чтобы трагическій герой избирался изъ среды людей „пользовавшихся великимъ почетомъ, или счастіемъ, напримѣръ Эдипъ, Тiesteъ.“ Вотъ еще причина почему поэты, сознательно или инстинктивно, обращаются къ исторіи при избраніи героевъ.

Избраніе въ герои человека могущественнаго или пользующагося великимъ вѣшнимъ счастіемъ не есть однако требованіе существенно необходимое; такое обстоятельство само по себѣ не производитъ трагическаго впечатлѣнія, а только усиливаетъ оное. Подобное же, усиливающее впечатлѣніе, обстоятельство имѣетъ въ виду слѣдующее приведенное уже нами правило *Реторики*: для возбужденія состраданія „нужно показывать людямъ что подобные имъ страдаютъ или страдали, и притомъ *отъ тѣхъ отъ кого не чаяли, и тогда когда не чаяли.*“ Здѣсь усиленіе заключается въ нечаянности, въ постоянной возможности несчастія для насъ самихъ или близкихъ намъ.

* Косвенно справедливость взгляда Аристотеля подтверждается тѣмъ что люди эгоистическихъ склонностей весьма не расположены къ трагическому искусству; они жалуются что трагедіи слишкомъ тревожатъ ихъ и требуютъ чтобы искусство являлось забавой, пожалуй не только пріятною, но и полезною, но забавой, чѣмъ то въ родѣ *morale amusante*, какъ бываетъ *physique amusante*. Этимъ объясняется ихъ пристрастіе къ французскимъ псевдо-драматистамъ, изъ коихъ многіе держатся столь же низменныхъ взглядовъ на искусство, ублажая тѣмъ вкусъ своей публики и въ то же время развивая въ ней этотъ вкусъ.

** Ср. Отд. I, гл. III.

Если переходъ къ несчастію отъ вѣшняго могущества и наслажденія благами міра сего, а равно нечаянность бѣдствія порознь производятъ усиленіе трагическаго впечатлѣнія, то, понятнo, ооединеніе обоихъ обстоятельствъ еще болѣе будетъ тому способствовать. Несомнѣнно также что они будутъ способствовать и достиженію нравственной цѣли трагедіи, состоящей въ подъемѣ нравственныхъ и духовныхъ силъ зрителя чрезъ возбужденіе состраданія. Подъемъ этотъ будетъ однако еще сильнѣе, если мы вѣшнее могущество героя замѣнимъ или усилимъ душевною мощью, или пользованіе благами міра сего—наслажденіемъ отъ душевнаго счастья; другими словами, если повтъ покажетъ что не только высшіе насъ по могуществу и силѣ, но и лучшіе изъ насъ по духовнымъ и нравственнымъ качествамъ подлежатъ страданію; что не только гордые благами міра, но испытывающіе счастье внутреннее могутъ внезапно власть въ несчастіе когда того не чають, и отъ тѣхъ отъ кого не чають.

Лиръ, какъ человѣкъ влвшій въ несчастіе съ вышей ступени человѣческаго могущества, конечно, возбуждалъ бы наше состраданіе, будь онъ просто среднимъ человѣкомъ, вполнѣ равнымъ большинству людей. Лиръ, мракъ безумія котораго какъ зарницами освѣщается проблесками мудрости, Лиръ умудренный и просвѣтленный страданіемъ, конечно возбуждаетъ еще большее состраданіе. Отелло, со всеми доблестями какія мы видимъ въ немъ, возбуждалъ бы меньшее состраданіе, не зная мы всей полноты его счастья; оно такъ велико въ минуту овиданія съ Дездемоной послѣ разлуки * что у Отелло невольно вырывается восклицаніе, что величайшимъ благополучіемъ было бы умереть въ такое мгновеніе; „ибо, говоритъ онъ, моя душа такъ безмѣрно счастлива что ей,—боюсь я—уже не доведется испытать подобнаго наслажденія въ невѣдомомъ будущемъ.“ Внезапность и быстрота перехода отъ такого счастья къ глубочайшему страданію не мало также служатъ къ усиленію впечатлѣнія. Нельзя не замѣтить при этомъ что у Шекспира сказанное усиленіе въ обоихъ случаяхъ, далеко не единственныхъ въ его трагедіяхъ, растетъ одновременно съ ходомъ дѣйствія. Правила относительно усиленія возбу-

* Актъ. II, сцена. I.

ждаемаго состраданія приводятъ насъ къ заключенію что трагедія невольно стремится къ изображенію *лучшихъ* людей, какъ говоритъ Аристотель, или идеальныхъ, какъ нынѣ обычно говорится. Идеальность трагическаго героя должна характеризоваться не столько отрицательнымъ путемъ, или отсутствіемъ недостатковъ и несовершенствъ, сколько положительнымъ, то-есть проявленіемъ въ свойственномъ трагедіи дѣйстви великихъ нравственныхъ достоинствъ, великой доблести, великой душевной силы. Великій человѣкъ не есть синонимъ человека вполне безупречнаго и праведнаго; величіе совмѣстимо съ большими или меньшими недостатками и слабостями. Оно не совмѣстимо только съ безчестностью.

Поэтъ элическій или лирическій въ правѣ обращать усиленное вниманіе на одни добрыя качества своего героя, или на одну какую-либо свойственную ему и выдающуюся доблесть. Имѣя высокую цѣль показать или прославить доблести самоотверженія, любви къ отечеству, храбрости, всепрощенія и т. д., и тѣмъ возбудить въ людяхъ ревностное стремленіе къ нимъ, или сочувственное удивленіе, энтузіазмъ къ герою,—онъ въ правѣ вовсе не упоминать о слабостяхъ героя или сказать о нихъ мимоходомъ.* Поэтъ трагическій, по самой сущности своего искусства, не въ правѣ постулировать такимъ образомъ; изобразивъ страданія человека вполне безупречнаго, полнаго праведника, онъ не только не достигнетъ цѣли искусства, но достигнетъ цѣли совершенно противоположной, возбудивъ не только впечатлѣнія отвращенія и негодованія, но и возмутительную мысль о возможности злополучія ни въ чемъ невиннаго человека. Слабости великихъ людей, повергающія ихъ въ несчастіе, уравниваютъ ихъ съ нами, дѣлаютъ возможнымъ возбужденіе состраданія; доблести же, обнаруживаемыя ими въ несчастіи, усиливая наше состраданіе, чрезъ то способствуютъ болѣе высокому подъему нашихъ нравственныхъ силъ. Цѣль искусства въ обоихъ случаяхъ одна и та же: споспѣшествовать душевному и нравственному совершенствованію людей, но пути, коими она достигается, различны. Требовать же отъ трагическаго поэта дабы онъ изображалъ идеальныхъ людей подобно элику значитъ не постигать сущности трагическаго искусства.

* Напр. Петръ въ *Полтавѣ*, или *Пиръ* Пушкина.

Истинные трагическіе люты. никогда и не преступаютъ этого правила. Изображеніе безукоризненныхъ героевъ и чрезмерно порочныхъ злодѣевъ, какъ извѣстно, было ошибкой псевдо-классической трагедіи.

V.

Развязка трагедіи.—Второстепенныя обстоятельства трагическаго мѣста.—Органическая связь всѣхъ до нынѣ изложенныхъ правилъ трагическаго мѣста.

Остается рассмотреть еще одно, послѣднее условіе трагическаго мѣста. Къ чему должна оканчиваться трагедія? Аристотель указываетъ на двѣ возможныя развязки, называемыя имъ одна—простою, другая—двойною. * Первая состоитъ въ конечномъ злосчастьи, полной катастрофѣ трагическаго лица. Вторая развязываетъ дѣйствіе двояко: счастьемъ однихъ, именно добрыхъ, и несчастьемъ другихъ, именно злыхъ, и притомъ трагедія въ такомъ случаѣ оканчивается при обстоятельствахъ противоположныхъ тѣмъ при коихъ началась; то-есть для кого началась счастьемъ, для тѣхъ оканчивается злосчастьемъ, и наоборотъ.

Аристотель отдаетъ предпочтеніе первой развязкѣ, поставляя въ достоинство ея впечатлѣніе производимое на зрителей; „трагедіи съ такою развязкой, говоритъ онъ, кажутся самыми трагичными.“ Онъ защищаетъ Эврипида противъ упрековъ дѣлаемыхъ ему именно за такую развязку, находя что Эврипидъ, хотя во многихъ отношеніяхъ и уступаетъ другимъ поэтамъ (особенно въ изображеніи характера), но по развязкамъ трагедій оказывается самымъ трагическимъ.

Сужденіе философа требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Простая развязка безъ сомнѣнія окажется наилучшею, самою трагическою въ томъ случаѣ, когда будетъ способствовать усиленію нашего состраданія, а это будетъ имѣть мѣсто въ особенности тогда когда трагическимъ героемъ

* Соотвѣтственно той или иной развязкѣ и самый мѣстъ будетъ или простой, или двойной. Не слѣдуетъ этого различія по развязкѣ смѣшивать съ различіемъ отъ присутствія или отсутствія „узнанія“ и „перелома“.

явится человекъ болѣе доблестный чѣмъ дурной, человекъ лучше насъ. Таково впечатлѣніе развязки *Эдина*, *Антигоны*, *Лиры*, *Отелло*.

Двойную развязку Аристотель считаетъ болѣе свойственнымъ комедіи, чѣмъ трагедіи, * и находитъ что если она нравится болѣе простой, то единственно по слабости сужденія зрителей, требующихъ отъ трагедіи впечатлѣній не согласныхъ съ ея сущностью; поэты же, придерживающіеся ея, побуждаются желаніемъ угодить публикѣ.

Кто не знаетъ всей пошлости развязки многихъ піесъ оканчивающихся наградой добродѣтели и наказаніемъ порока? Пошлость заключается, конечно, не въ идеѣ сказанныхъ наградъ и наказанія, и не въ самомъ фактѣ такого явленія, а въ подстроенности всего хода піесы къ условному концу, въ желаніи подкупить зрителя возбужденіемъ пріятнаго, ласкающаго нервы ощущенія, и въ нераздѣльной отъ такихъ стремленій нехудожественности произведенія. Есть однако случай, когда двойная развязка становится необходимою по самому свойству изображеннаго дѣйствія, а именно когда трагическій герой является болѣе злымъ, чѣмъ добрымъ, хотя человекомъ не лишеннымъ тѣхъ или иныхъ достоинствъ, напримѣръ Ричардъ III, и когда притомъ въ составъ трагедіи входитъ элементъ борьбы: дѣйствіе оканчивается счастливо именно для лицъ вступающихъ въ борьбу со сказанными героями. Когда же нѣтъ элемента борьбы, то очевидно и въ трагедіяхъ съ подобными героями нѣтъ необходимости въ двойной развязкѣ. Въ указанномъ случаѣ двойная развязка не имѣетъ значенія награды и наказанія; она способствуетъ возбужденію филантропическаго чувства, хотя не равнаго, но подобнаго состраданію. **

Простая развязка, стало-быть, должна быть признана лучшею не ради того единственно что оканчиваетъ трагедію катастрофой героя, но потому что предполагаетъ такой мнѣе, при которомъ трагедія наилучшимъ образомъ достигаетъ своей цѣли. Критики противорѣчащіе въ этомъ отно-

* Въ комедіи, говоритъ онъ, хотя бы были выведены такіе враги, какъ Орестъ и Эгистъ, въ концѣ они окажутся друзьями, причѣмъ никто не убьетъ другаго.

** Сравни слѣдующій отдѣлъ: *О характерахъ трагическихъ лицъ*, особенно главу III.

шеніи Аристотелю, обычно впадаютъ въ ту ошибку что разсматриваютъ развязку самое по себѣ, забывая что она не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія, независимаго отъ общаго хода дѣйствія; иначе она была бы не развязкой, а искусственно придѣланнымъ концомъ трагедіи.

Мы окончили разсмотрѣніе трагическаго міа поскольку онъ обуславливается, непременною своею стихіей, страданіемъ. Но изъ того что страданіе есть главная стихія трагедіи не слѣдуетъ чтобъ она была единственною ея стихіей. Полагать это значило бы угодничать тѣмъ мало искуснымъ критикамъ, которые, относясь поверхностно къ своему дѣлу и узнавъ Аристотелево опредѣленіе трагедіи, но не понимая его смысла, отъ любой сцены трагедіи требуютъ чтобъ она непременно возбуждала страхъ (или даже ужасъ), или состраданіе.

Аристотель, какъ мы знаемъ, указываетъ еще на два обстоятельства міа, именно переломъ и узнаніе; ни то, ни другое однако не связаны съ сущностью трагедій; они могутъ, по выраженію Лессинга, дѣлать произведеніе прекраснѣе и разнообразнѣе; порой они могутъ также слособствовать усиленію, но никогда произведенію трагическаго впечатлѣнія. Такъ напримѣръ Аристотель считаетъ лучшимъ переломомъ въ трагедіи тотъ, который ведетъ отъ счастья къ несчастію, и притомъ, вытекаая изъ предыдущаго по вѣроятію или необходимости (условіе общее для всѣхъ обстоятельствъ дѣйствія безъ различія), въ то же время неожиданъ, нечаянъ. *

Греческій философъ особенно долго останавливается на разборѣ узнанія, въ силу того что это обстоятельство весьма часто встрѣчалось въ греческихъ трагедіяхъ. Имѣя въ виду разъяснить по преимуществу существенное въ трагедіи, мы окажемъ только какое узнаніе считаетъ онъ наилучшимъ. Узнаніе должно быть основано не на внѣшнихъ предметахъ дѣйствующихъ, или на вещахъ имъ принадлежащихъ, но вытекать изъ дѣйствія по необходимости или вѣроятію. Далѣе, оно должно быть таково, чтобы лица, готовящіяся совершить трагическое дѣйствіе, узнавъ другъ друга, или одно другаго, не совершили его; съ этимъ будетъ

* Ср. выше гл. IV настоящаго отдѣла.

сопряженъ нѣкоторый переломъ дѣйствія. * Несомнѣнно, такое узнаніе производитъ сильное впечатлѣніе, хотя конечно не трагическое. Именно этотъ лучший видъ узнанія и встрѣчается въ цитованной уже выше IV сценѣ Пушкинскаго *Каменнаго Гостя*.

Ко второстепеннымъ же стихіямъ трагическаго дѣйствія должно отнести обстоятельства борьбы и столкновенія, или коллизіи, не рѣдко въ наше время выдаваемыя за главные и опредѣляющія драматическую форму произведенія. Нельзя, конечно, отрицать что оба названныя обстоятельства споспѣвуютъ изображенію челоуѣка въ дѣйствіи, но для того чтобъ они опредѣляли трагическое или комическое необходимо прибавить къ какимъ именно дѣйствіямъ они приводятъ борющихся или приходящихъ въ столкновение лицъ. И въ этомъ-то отысканномъ эпитетѣ и будетъ заключаться опредѣленіе трагедіи или комедіи, а никакъ не въ борьбѣ или столкновеніи самихъ по себѣ.

Еще болѣе второстепенное значеніе имѣетъ присутствіе или отсутствіе въ трагедіи комическаго элемента. Присутствіе его полагается необходимымъ, дабы зрителю, какъ говорится, было надъ чѣмъ отдохнуть отъ трагическихъ впечатлѣній, или ради пріятнаго разнообразія дѣйствія. Точка зрѣнія весьма опасная, ибо вставъ на нее, въ концѣ-концовъ придется признать что главное достоинство поэта не въ творчествѣ, а въ умѣнны угодять зрителямъ, а трагедіи—не въ произведеніи свойственнаго впечатлѣнія, а въ услѣхѣ обусловленномъ рабскою угодливостью сочинителя.

Окончивъ разсмотрѣніе особенныхъ условій хорошаго трагическаго мѣта, мы считаемъ не лишнимъ оглянуться на пройденный путь.

Трагедія есть подражаніе дѣйствію возбуждающему въ насъ и страхъ и состраданіе. Отсюда слѣдуетъ что дѣйствіе трагедіи должно быть болѣзненное и разрушительное, или иными словами что трагедія изображаетъ переходъ людей отъ счастья къ несчастію, вообще ихъ страданія. Вотъ основы изъ коихъ выводятся всѣ правила трагическаго мѣта; ими же объясняется и самая форма трагедіи. Далѣе,

* Нѣкоторые видѣли противорѣчіе между этимъ правиломъ и правиломъ о развязкѣ трагедіи. Разрѣшеніе этого мнимаго противорѣчія см. въ 38й и 39й статьяхъ *Гамбургской Драматургіи*.

мы видѣли что изображеніе страданія ведетъ къ изображенію человѣческой личности, внутренняго челоѣка; оно связано съ изображеніемъ высочайшихъ проявленій челоѣческой доблести. Это въ свою очередь обусловливаетъ стремленіе трагедіи къ изображенію лучшихъ людей. Наконецъ, страданіе, какъ непремѣнная стихія трагическаго мѣта, способствуетъ строгому совокупленію дѣйствій въ цѣлое единое и нераздѣльное.

Въ этой мысленной цѣли всѣ звенья связаны неразрывно и органически. Выньте одно, и вы разрушите все зданіе. Эта-то органическая связь, свидѣтельствуя о достоинствахъ теоріи, объясняетъ почему истинно-трагическіе поэты какъ бы сознательно слѣдовали ей въ своихъ произведеніяхъ. *

Какъ скоро художественная теорія вѣрна,—а она будетъ таковою, когда основана не на признакахъ вѣшнихъ и случайныхъ, а проникаетъ въ сущность предмета,—поэтъ, свободно творящій, не можетъ не слѣдовать ей, подобно тому какъ явленія природы слѣдуютъ законамъ, выведеннымъ изъ ихъ наблюденія и изученія. Такова именно Аристотелева теорія трагедіи, и если мы не признаемъ ея основъ, то по выраженію Лессинга должны будемъ сознаться что вовсе не знаемъ что такое трагедія.

* Доказательствомъ сказаннаго служить теорія Корнея. Отступивъ отъ Аристотеля въ объясненіи страха и состраданія (ради оправданія своихъ произведеній), онъ постепенно принужденъ былъ измѣнить ея правила греческаго философа. См. *Hamb. Dram.* 76 и слѣд.

ОТДѢЛЪ III.

О характерѣ трагическихъ лицъ.

I.

Общія правила для изображенія характера.—Непременное условіе характера трагическаго лица въ связи съ сущностью трагедіи.

Мы опредѣлили характеръ, * какъ направленіе воли, какъ выраженіе нравственной стороны человека, какъ его нравъ (или воровъ), какъ естественность къ тому или иному что ему нравится (или, по народному выраженію, воровится).

Нравъ (*ἦθος*), по Аристотелю, выражается въ тѣхъ только рѣчахъ или поступкахъ дѣйствующихъ, гдѣ они обнаруживаютъ склонность къ чему-нибудь или уклоненіе отъ чего-нибудь. Характеръ или нравъ есть самая выдающаяся черта человѣческой личности, наиболѣе ее опредѣляющая. Изображеніе характера въ драмѣ, какъ мы видѣли, подчиняется изображенію дѣйствія, и именно въ томъ смыслѣ что характеръ долженъ выясняться динамически, а не статически, чрезъ дѣйствіе, въ удобные для того моменты.

Аристотель ставитъ четыре правила изображенія характера въ трагедіи; три изъ нихъ имѣютъ общее значеніе въ поэзіи, обязательны для всѣхъ родовъ ея и вытекаютъ изъ понятія поэзіи какъ творчества по образу и подобию созданнаго Богомъ; одно составляетъ частное условіе, зависящее отъ сущности трагедіи.

Разсмотримъ сперва три первые.

1) Характеръ долженъ быть *похожъ*, то-есть изображенъ такъ чтобы мы легко повѣрили въ возможность и вѣроятность что такіе точно характеры существуютъ въ дѣйствительности; похожъ на то что бываетъ въ дѣйствительности.

2) Характеръ долженъ быть *сообразенъ*. Аристотель поясняетъ это условіе такимъ образомъ: рисуя напримѣръ мужественный (отважный, храбрый) характеръ не слѣдуетъ

* Отд. I, гл. I.
т. сxxx.

забывать что съ природою женщины не сообразно являться столь же мужественною и грозною какъ мужчина. Шекспиръ изображаетъ леди Макбетъ женщиной твердаго и суроваго нрава, являющей подъ давленіемъ страсти большую напряженность воли чѣмъ ея воинственный мужъ; когда же страсть охлаждается и пробуждается совѣсть содѣяннаго, — ослабѣваетъ и напряженіе ея воли и вся натура ея разшатывается и разсыпается. Напротивъ, Макбетъ, характеръ истинно-мужественный, крѣпнетъ подъ ударами судьбы и не дрожитъ, когда болѣе слабый человѣкъ пришелъ бы въ отчаяніе; напряженіе его воли растетъ подъ ударами несчастія. Обратное изображеніе было бы несообразно. Въ разборѣ страданій Дездемоны мы видѣли какъ Шекспиръ удивительно сочеталъ женственную робость съ рѣшительностью воли, подкрѣпляемой сознаніемъ долга. Шиллеръ также прекрасно сумѣлъ соединить природную женственность Іоанны съ непобѣдимымъ мужествомъ, чудеснымъ даромъ небесъ.

3) Характеръ долженъ быть *ровенъ*, или какъ мы говоримъ выдержанъ. Мы указывали уже, какъ выдержана скрытность или стремленіе къ затаиванію въ себѣ чувствъ въ характерѣ Дездемоны. Философъ прибавляетъ что если лицо обладаетъ неровнымъ характеромъ, то сама эта неровность должна быть выдержана въ теченіе всей пьесы, такъ чтобы лицо постоянно походило на самого себя. Прямѣрою выдержанности неровныхъ характеровъ можетъ послужить Гамлетъ и Ричардъ II.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію четвертаго правила. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы видѣли что въ условіи хорошей трагедіи входятъ нераздѣльно какъ условія зависящія отъ качества дѣйствія, такъ и зависящія отъ качества трагическаго лица. Правило относительно характера такого лица очевидно, должно быть тѣсно связано и вытекать изъ условій втораго рода. Именно правило это состоитъ въ томъ чтобы нравъ его былъ *честенъ*, чтобы его склонности были *честными*. * Трагическій герой, какъ мы видѣли, можетъ въслѣдствіе слабости, того или иного несовершенства или

* Корнель замѣнилъ это правило такимъ: le caractère brillant et élevé d'une habitude vertueuse, ou criminelle, selon qu'elle est propre et convenable à la personne qu'on introduit.

недостатка власть въ болѣе или менѣе тяжкій грѣхъ, и тѣмъ навлечь на себя злосчастіе, но грѣхъ этотъ не долженъ быть сдѣлствомъ порочности или подлости; безчестный человѣкъ совершаетъ грѣхъ именно по своей порочности. Безчестныя склонности, ведущія къ несчастію, сдѣлають послѣднее заслуженнымъ, а какъ мы уже знаемъ, одно изъ условій для возбужденія истинно-трагическаго впечатлѣнія заключается именно въ незаслуженности несчастія.

Понятно что условіе честнаго права, честныхъ склонностей характера относится не ко всѣмъ лицамъ трагедіи, но именно къ тѣмъ чья судьба должна возбуждать въ насъ состраданіе. Въ *Отелло*, напримѣръ, это требованіе приложимо къ самому Мавру и Дездемонѣ; ихъ характеры должны удовлетворять всѣмъ четыремъ условіямъ; остальные же лица—только тремъ общимъ.

Правило о характерѣ трагическаго героя Аристотель сопровождаетъ замѣчаніемъ что честнымъ можетъ быть человѣкъ во всякомъ положеніи, и женщина, и рабъ; замѣчаніе вызванное современными противоположными мнѣніями.*

Весьма важно по отношенію къ вопросу о характерѣ обратить вниманіе на другое замѣчаніе греческаго философа, находящееся въ XVIII главѣ *Поэтики*. Говоря о неумѣстности эпизодовъ въ трагедіи, онъ замѣчаетъ что трагическіе лозы при помощи простыхъ мисовъ и передомовъ, безо всякихъ вставокъ, достигаютъ предположенной цѣли. Онъ выставляетъ при этомъ такіе примѣры: когда человѣкъ умный, но не безъ злости или подлости, попадаетъ въ разставленныя имъ сѣти, напримѣръ Сизифъ, или же когда человѣкъ мужественный, но несправедливый, побѣждается. Такія дѣйствія онъ называетъ и трагическими, и возбуждающими филантропическое чувство.

Изучимъ теперь на примѣрахъ какъ неперемѣнное условіе трагическаго характера, такъ и тотъ случай, когда герой дѣйствительно или только повидимому не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ отъ трагическаго характера. Для перваго разсмотримъ трагическіе ли характеры Борисъ Годуновъ и Донъ-Жуанъ; для втораго разберемъ Макбета и Ричарда III.

* Ср. выше, Отд. I, гл. VIII.

II.

Разборъ характера Бориса и Донъ-Жуана.

Борисъ является предъ нами въ тотъ моментъ, когда согласился принять вѣнецъ, избранный народною волей въ цари. Въ рѣчи своей къ патріарху и боярамъ онъ изъясняетъ желаніе быть справедливымъ; онъ молитвенно обращается къ своему предшественнику, къ Ангелу-Царю, какъ онъ его называетъ, и проситъ его благословенія:

Да правлю я во славу свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты!

Въ этомъ онъ искрененъ, но конечно далеко не такъ, говоря боярамъ что его душа „обнажена предъ ними“, что онъ пріемлетъ власть только „со страхомъ и смиреніемъ“. Въ рѣчи повтому чувствуется нѣкоторая раздвоенность. Мы знаемъ причину такой раздвоенности, тотъ тяжкій грѣхъ, въ который впалъ Борисъ; мы знаемъ и причину этого грѣха (властолюбіе), но обстоятельства при коихъ произошло его совершеніе находятся внѣ трагедіи. О томъ было ли убійство простымъ злодѣйствомъ со стороны Бориса или только тяжкимъ грѣхомъ, какъ мы сказали, возможно однако судить по его послѣдующимъ дѣйствіямъ, по тому какимъ онъ является въ страданіяхъ. Борису нѣтъ счастья; его желанія и надежды рушатся; онъ думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славу успокоить,
Щедротами любовь себѣ снискать,

и приходитъ къ горькой мысли что

Живая власть для черни ненавистна,
Они любятъ умиютъ только мертвыхъ.

Что же приводитъ его къ такому взгляду? Народъ проклиналъ его за помощь во время голода, упрекалъ его за пожаръ, но того мало что всѣ его добрыя дѣла, всѣ явныя заботы о народномъ благѣ не признаются, или истолковываются въ дурную сторону,—его лукаво и рекаютъ

Виновиномъ дочерняго вдовства,

на него злобно клеветуютъ, на него взводятъ многія убійства. Можетъ ли большее горе постигнуть человека сознающаго свои достоинства, который, положа руку на сердце, смѣло можетъ сказать что его дѣла имѣли высочайшую цѣль, человека который вдобавокъ хорошій семьянинъ, нѣжно любящій отца. Но какъ ни горько убѣжденіе что народъ умѣетъ любить только мертвыхъ, что власть сама по себѣ ему ненавистна, какъ ни тяжелы вообще обстоятельства обуславливающія возникновеніе такихъ мыслей, однако они сами по себѣ въ человѣкѣ достойномъ этого имени, въ человѣкѣ сознающемъ свой долгъ,—не въ силахъ уничтожить стремленіе къ совершенію дѣлъ которыя онъ считаетъ дѣлами достойными. Борисъ самъ чувствуетъ что у него достало бы твердости духа чтобы не пасть предъ такимъ испытаніемъ, что онъ могъ бы побороть возникающее отчаяніе. Отчего же такая возможность не переходитъ въ дѣйствительность? Дѣло въ томъ что его горькія думы не суть плодъ только холодныхъ наблюденій ума или горестнаго разочарованія сердца: они плодъ нецѣлости его души.

Оттого-то онъ и не можетъ побороть возникающее отчаяніе что необходимая для этого нравственная опора въ самомъ себѣ встрѣчаетъ нелюбимую преграду въ совѣсти. Пусть лгано на ней завелось случайно, пусть оно будетъ единымъ, но оно тутъ, несмываемое и вѣчно напоминающее о себѣ; оно берется и нелюбовью народа, и лукавою клеветой, и тѣмъ сильнѣе что служить какъ бы оправданіемъ клеветы. Глубоко лавшему разъ въ жизни не хотятъ вѣрить, его считаютъ на все способнымъ злодѣемъ. Да, есть отчего кружиться головѣ и сердцу быть налитымъ ядомъ! Злодѣй старался бы заглушить голосъ совѣсти, потопить его въ крови, Борисъ же изнемогаетъ предъ сознаніемъ что:

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста! *

* Выведенное нами изъ страданій Бориса согласуется со взглядомъ самого Пушкина на совершеніе Борисомъ преступленія. „Неужели вы думаете, говорилъ онъ Погодину, что человѣкъ сколько-нибудь нравственный, не злодѣй, можетъ спокойно обдумывать преступный умыселъ? Нѣтъ, онъ всегда торопится отъ него прочь, удерживая только первую мысль, какъ она попалась; ему также возвращаться къ своему намѣренію, и онъ старается какъ бы скорѣе отбѣжаться. Вотъ почему Годунову не могли придти въ голову

Страхъ подвергнуться мученіямъ сопряженнымъ съ „единымъ случайнымъ“ лятвомъ на совѣсти есть страхъ дѣйствія возможнаго для насъ всѣхъ и именно такой страхъ, который, по выраженію Лессинга, заставитъ созрѣть состраданіе при видѣ подобныхъ мученій другаго.

Иныя страданія окаяннаго и близкаго къ отчаянію Бориса, составляющія главное обстоятельство трагедіи, вытекаютъ изъ того же источника. Положимъ что мученіе совѣсти есть не только необходимое послѣдствіе грѣха, но и его заслуженное наказаніе; очевидно однако что цѣлый рядъ все усиливающихся несчастій есть обстоятельство превышающее вину; онъ могъ послѣдовать за грѣхомъ, но могъ и не послѣдовать. Извѣстіе о появленіи Самозванца обрушивается на Бориса неожиданно, въ минуту спокойствія, когда онъ любовно говоритъ съ сыномъ, увѣренный что престолъ законно перейдетъ къ его наслѣднику. Онъ свысока, съ нѣкоторою надменною готовится выслушать „важную вѣсть“ Шуйскаго. Одно слово, „пустое имя“ подымаетъ бурю въ его душѣ, заставляетъ трепетать все его существо. Онъ слѣшно удаляетъ царевича въ предчувствіи чего-то страшнаго имѣющаго совершиться, но чего именно, онъ не въ силахъ дать себѣ яснаго отчета. Привычка властвовать, чувство царственности, подкрѣпляемая инстинктомъ самосохраненія, не оставляютъ его и въ эту минуту; онъ твердо отдаетъ приказъ о необходимыхъ мѣрахъ и хочетъ затѣмъ отпустить Шуйскаго. Овладевъ такимъ образомъ собою, онъ уже готовъ свысока смотрѣть на услышанную вѣсть, какъ вдругъ его беретъ сомнѣніе: „а что если Царевичъ живъ?“ Вотъ самый важный для Бориса вопросъ, смутное предчувствіе возможности котораго заставило его удалить сына. Если Димитрій живъ, то что дѣлать? И первое: не слѣдуетъ ли уступить ему? Во всякомъ случаѣ, утвердительный отвѣтъ Шуйскаго разрушитъ все дѣло жизни Бориса. Отрицательный отвѣтъ „лукаваго царедворца“ ясенъ, не допускаетъ и тѣни сомнѣнія. Несмотря на муки возбужденныя и усиленныя внезапною вѣстью, Бо-

тъ соображенія коихъ вы теперь у него требуете. Вотъ почему не могъ онъ приготовиться чтобы отвѣчать по пунктамъ на ваши логическіе запросы“ (см. Погодина *Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ*, Москва 1860, стр. 59.)

рисъ со спокойною совѣстью можетъ дѣйствовать противъ Самозванца, защищать отъ обманщика свой престолъ и наследіе дѣтей своихъ; этого требуютъ его царственныя обязанности. Но при исполненіи этихъ самыхъ обязанностей онъ наталкивается на новыя страданія, сильнѣе прежняго ушибаетъ большое мѣсто. Такое дѣйствіе оказываетъ именно совѣтъ патріарха, повидимому столь безхитростный и столь цѣлесообразный. Рядъ страданій не остается безъ послѣдствій для Бориса; на открытое обличеніе юродиваго Борисъ уже отвѣчаетъ только: „молись за меня“ и съ терпѣливымъ молчаніемъ сноситъ страшный отвѣтъ юродиваго.

Борису уже нечѣмъ жить для себя, и царственное дѣло ни мало бы не занимало его, еслибы не любовь къ сыну. Эта черта съ особою силой и ясностію выражается въ предсмертной сценѣ, гдѣ Борисъ не только перемогая физическія страданія, но вполне забывая о себѣ, слѣшитъ дать послѣдніе совѣты Федору какъ отецъ сыну и какъ царь наследнику. * Но по волѣ Промысла и это самопожертвованіе Бориса разсыпается прахомъ.

Заключительная сцена *Бориса Годунова* поэтому имѣетъ не только значеніе указанія на будущую судьбу Самозванца, „предрекая близкій судъ и заслуженную кару преступленію,“ значеніе справедливо ей приписываемое г. Анненковымъ, ** но и высокое трагическое значеніе: она рисуетъ послѣднее и конечное, посмертное несчастіе Бориса.

Перехожу къ Донъ-Жуану. Главныя черты его характера ясны съ первой сцены; онъ смѣлъ, отваженъ, беззаботенъ, пожалуй даже легкомысленъ, но легкомысліе его происходитъ не отъ душевной пустоты, а отъ кипучей и юркой полноты жизни, оно мѣшаетъ ему удерживать долгое вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ. Дѣло его жизни—любовь; онъ не мимолетно забавляется ею, но весь поглощенъ

* Замѣчали сходство этой сцены съ предсмертною же сценою въ *Генрихъ IV* Шекспира какъ по внѣшнему положенію лицъ, такъ и по смыслу нѣкоторыхъ совѣтовъ, но при этомъ упускали изъ виду обстоятельство имѣющее важное трагическое значеніе, а именно—самопожертвованіе Бориса ради сына,—обстоятельство, подобнаго которому нѣтъ въ *Генрихъ IV*.

** См. примѣчанія къ *Борису Годунову* въ Анненковскомъ изданіи сочиненій поэта.

ему; кромѣ любви онъ ничего не знаетъ въ мірѣ, да и не предполагаетъ что есть что-либо достойное вниманія. Тутъ всѣ его думы и воспоминанія, мечты и надежды. Онъ не обманулъ ни одной женщины; каждою онъ увлекался, искренно цѣня ея особую прелесть. Ему дорого воспоминаніе объ Инезѣ, ему дорога и живая Лаура, каждая по-своему, и еслибы пришлось рѣшить, да которая же изъ всѣхъ любимыхъ имъ до сихъ поръ всѣхъ дороже, онъ не разобрался бы въ своемъ сердцѣ. И потому-то что такой выборъ для него невозможенъ, потому-то что нѣтъ у него одной болѣе всѣхъ любящей и любимой, онъ неустанно, хотя и безсознательно, ищетъ ее, ищетъ новой и новой любви. Это исканіе любви настоящей, самой полной и поглощающей все прошлое, дѣлаетъ его неспособнымъ къ холодному обдумыванію что онъ скажетъ при свиданіи любимой женщины, какъ обольститъ ее; онъ вѣчный „импровизаторъ любовной пѣсви“. Для него любовная побѣда не торжество удовлетвореннаго самолюбія, а радостная надежда что давно желанное наконецъ достигнуто. Его не тревожитъ безлокойное сознаніе что увлеченіе пройдетъ, что онъ снова обманется; онъ не знаетъ даже и тѣни такого сознанія.

Въ любви къ донавъ Аннѣ для него все ново, свѣжо, не бывало завлекательно: и обстановка первой встрѣчи, и дальнѣйшія свиданія при гробницѣ мертваго супруга, и почтительная память вдовы къ покойному, и ея почти дѣтскія невѣдѣніе и простодушіе, олутывающія душу сильнѣе самыхъ хитрыхъ сѣтей лукаваго кокетства. За то какъ онъ и торжествуетъ побѣду надъ ней! Онъ готовъ обнять весь міръ. Въ радостномъ чувствѣ торжества сливаются двѣ побѣды: и надъ сердцемъ женщины, и надъ ея благочестивымъ уваженіемъ къ памяти мужа. Подмываемая этимъ чувствомъ, столь ствойственная Жуану отвага пѣвнится и бьетъ черезъ край; онъ не только торжествуетъ надъ мертвымъ соперникомъ, онъ кощунственно издѣвается надъ нимъ. Кощунство навлекаетъ на него гибель. Онъ встрѣтитъ ее храбро, лицомъ къ лицу, чувствуя вполнѣ боль отъ тяжкаго пожатія „каменной десницы“, но не побѣжденный ею.

Обстоятельства при коихъ совершается гибель Доновъ-Жуана имѣютъ важное трагическое значеніе и заслуживаютъ внимательнаго разбора.

Невольныо высказываетъ онъ донавъ-Аннѣ свою тайну; не

высказать всего съ полною откровенностью не въ характерѣ Жуана; высказать все и жутко, и страшно. Онъ чувствуетъ что дѣло идетъ къ развязкѣ, но къ какой? Какова бы она ни была, онъ встрѣтитъ ее также отважно и смѣло, какъ и все въ жизни. Жданная развязка оказывается все-таки неожиданною. Чтò бы ни думалъ о ней Жуанъ, какое бы смутное предчувствіе ни тревожило его, дѣйствительность не отвѣчаетъ ожиданію. Узнаніе сражаетъ донну Анну; придя въ себя, она можетъ только *слабо* упрекнуть его. И въ чемъ упрекъ? Въ томъ что онъ отнялъ у нея единственное благо жизни: возможность любить его. И затѣмъ, точно сравнивая про себя все слышанное отъ другихъ съ испытаннымъ самою, она въ простодушномъ изумленіи спрашиваетъ: „такъ это Донъ-Жуанъ?“

Жуанъ потрясенъ до глубины душевной. Особою искренностью и живою сердечностью дышать эти слова:

Мнѣ кажется, я весь переродился!
 Васъ полюба, люблю я добродѣтель —
 И въ первый разъ смиренно передъ ней
 Дрожащія колѣна преклоняю.

Телѣрь только, послѣ этихъ словъ, въ доннѣ Аннѣ просыпается женская стыдливость, заставляющая ее ослабить силу невольна вырвавшагося признанія; но чтò бы она ни придумывала въ этомъ отношеніи, всѣ ея наивныя „женскія хитрости“ окончатся подтвержденіемъ признанія, хотя и въ отрицательной формѣ: „Ахъ, еслибъ васъ могла я ненави-дѣть!“

Подѣлау „въ залогъ прощенья“ прерывается стукомъ. Входитъ командоръ. Какъ ни храбръ Жуанъ, но въ первое мгновеніе онъ не можетъ не быть пораженъ ужаснымъ явленіемъ. О комъ же онъ думаетъ, на кого направлены его ломыслы, едва онъ справляется съ собою? Думаетъ ли онъ о себѣ, о своемъ спасеніи? Достаточно крика донны Анны чтобы Жуанъ, забывъ все, бросился къ ней на помощь. „Брось ее, говоритъ командоръ,—все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?“ О! если онъ и дрожитъ телѣрь, то никакъ не за себя. И несмотря на невыносимыя физическія страданія, несмотря на сознаніе гибели, Жуанъ умираетъ съ мыслію о доннѣ Аннѣ, съ мыслію о той кто заставилъ его въ первый разъ склонить дрожащія колѣна предъ добродѣтелью.

III.

Разборъ характеровъ Макбета и Ричарда III.—Правило выведенное изъ этого разбора.

Трагедія о Макбетѣ есть изображеніе въ дѣйствиіи постепеннаго паденія доблестной души. Въ началѣ драмы мы узнаемъ о дѣломъ рядѣ необыкновенныхъ подвиговъ Макбета; онъ храбрый военачальникъ и преданный слуга короля Дункана, исполненный къ нему сыновняго почтенія и щедро награжденный властителемъ, вознесенный имъ на высокую ступень. Паденіе такого человѣка по истинѣ страшно, и тѣмъ страшнѣе что оно неожиданно и глубоко. Какимъ же образомъ могло оно совершиться, что заставило благороднаго тана сойти съ прямого и великаго пути?

Разсуждая о чрезмѣрныхъ злодѣйствахъ героя одной вѣмецкой драмы, Лессингъ замѣчаетъ что греческіе художники изыскивали всевозможныя средства какъ бы уменьшить виновность героя, когда ему приходилось совершать какое-нибудь чрезвычайное преступленіе. „Они охотнѣе, говоритъ онъ, сваливали вину на судьбу, охотнѣе приписывали преступленіе вмѣшательству мстящаго божества, охотнѣе превращали свободнаго человѣка въ машину, чѣмъ заставляли насъ пребывать въ отвратительной мысли что человѣкъ по природѣ способенъ къ такой развращенности.“

Подобный же художественный приѣмъ, притомъ употребленный съ величайшею мудростью, находимъ мы и въ *Макбетѣ*. Злая воля пробуждается въ шотландскомъ танѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ адскихъ силъ, и это вліяніе не только не уменьшается въ теченіи трагедіи, но напротивъ усиливается вмѣшательствомъ самой Гекаты въ дѣло гибели Макбета. Отнимите это обстоятельство, и паденіе Макбета станетъ непонятно. И не только онъ, но и сама леди Макбетъ дѣйствуетъ возбужденная скорымъ и точнымъ исполненіемъ части пророчества вѣщихъ сестеръ. Впрочемъ леди Макбетъ занимаетъ въ трагедіи второе мѣсто; Шекспиръ, рисуя ея мученія, опускаетъ моментъ ея

* *Hamb. Dram.*, 74.

гибели и выставляеть только отраженіе оной на душѣ Макбета. Леди Макбетъ обладаетъ твердостью характера и быстро вслѣхивающею, яркѣ разгарающеюся и сжигающею ее самое энергіей, но мы не знаемъ за ней никакихъ доблестей въ полномъ смыслѣ слова. Ея мученія, конечно, возбуждаютъ филантропическое чувство, но никакъ не состраданіе. *

Возвратимся къ шотландскому тану. Первыя, еще неясныя мысли о преступленіи мелькають въ его головѣ еще до свиданія съ женой, при исполненіи „пролога къ царственной драмѣ“. Корень его злыхъ замысловъ и ихъ совершенія лежитъ не просто во властолюбіи, какъ обычно полагается, но главнѣйше въ особенномъ душевномъ настроеніи, представляющемъ странную смѣсь вѣры въ слова вѣщихъ сестеръ съ недоувѣріемъ къ нимъ, и протекающемъ отсюда желаніи не только пользоваться предсказанными дарами сѣлаго счастія, но и быть въ то же время полнымъ распорядителемъ своей судьбы. Вотъ гдѣ направляющая линія его воли. Макбетъ думаетъ что коли судьбѣ будетъ угодно, то онъ, хотя бы и не шевелился, все-таки станетъ королемъ, какъ сталъ таномъ Кавдорскимъ, но не въ силахъ дожидаться, когда судьбѣ благоугодно будетъ даровать ему королевскій санъ. Предсказанное ему такъ или иначе вполнѣ сбылось; ловидимому, это должно бы укрѣпить вѣру Макбета въ неложность пророчества вѣщихъ, а онъ слѣшитъ убить Банко и Флинса. Неудача въ этомъ отношеніи—новое подтвержденіе правды предсказанія; откажется ли Макбетъ послѣ этого отъ желанія управлять своею судьбой? Ничуть; онъ только пожелаетъ знать судьбу свою до конца, чтобъ имѣть всегдашнюю возможность предупредить грозящую опасность, даже тѣмъ ея. Макбетъ идетъ къ вѣщимъ. Судьба его завидна: ему нечего бояться пока Бирнамскій лѣсъ не пойдетъ на Дунсинавъ, и рожденный женщиной ему не страшенъ! „Живи же, Макдуффъ“, восклицаетъ Макбетъ, „съ чего я стану бояться тебя?“ И слѣдомъ за этимъ неудержимое желаніе быть свободнымъ распорядителемъ настоящаго и будущаго, влекущее за собою такое рѣшеніе: „Но я сдѣлаю увѣренность вдвое вѣрною,

* Замѣчательно, что какъ леди Макбетъ, такъ и Яго, просятъ у ада помощи для совершенія злыхъ дѣлъ, молятся чернымъ силамъ.

я возьму закладъ съ судьбы: ты (Макдуффъ) не долженъ жить, дабы могъ я сказать блѣдносердому страху что онъ лжетъ, и спать наперекоръ громамъ.“ Смысь вѣры и невѣрія въ одно и то же зависитъ отъ темнаго сознанія не покидающаго Макбета, что злыя силы могутъ привести человека только къ гибели, и это сознаніе ясно высказывается послѣ узнанія что Макдуффъ-то и есть тотъ страшный человекъ кого онъ долженъ бояться. „Да будетъ проклятъ“, восклицаетъ Макбетъ, „языкъ сказавшій мнѣ это (что рожденный женою ему не страшенъ), ибо онъ забилъ во мнѣ лучшее и человѣчное (my better part of man), и да никто не вѣритъ этимъ обманщикамъ-врагамъ, которые ускользаютъ отъ насъ въ двусмысленности, сдерживая обѣщанное какъ звукъ и разбивая его какъ надежду.“

Макбетъ въ теченіе трагедіи падаетъ все глубже и глубже; въ убійствѣ семьи Макдуффа онъ становится безсмысленно кровожаденъ, срывая просто злобу по тому случаю что задуманное имъ огражденіе себя отъ страха не удалось. Паденіе сопровождается все усиливающимися страданіями. Макбетъ, столь стремившійся ко вѣшной славѣ и почету, столь дорожившій жизнью, приходитъ къ кощунственному отчаянію, къ презрѣнію той жизни, для защиты которой отъ мнимыхъ и прямыхъ враговъ онъ пролилъ столько крови.

Послѣ сдѣланнаго очерка личности Макбета, обратимся къ рѣшенію занимающихъ насъ вопросовъ. Можно ли сказать что Макбетъ обладаетъ честнымъ правомъ? Могутъ ли почестъся незаслуженными его страданія и гибель, въ часъ которой, сбросивъ съ себя дьявольскія луты, онъ снова становится прежнимъ безмѣрно храбрымъ Макбетомъ?

Какъ скоро мы станемъ обращать вящее вниманіе на вѣшнія дѣла Макбета, на его злодѣянія, отвѣтъ будетъ вполне отрицательный. Какъ скоро мы признаемъ что злодѣйства Макбета есть слѣдствіе его паденія, навожденія, временнаго порабощенія его души адскими силами, а не плодъ развращенности и подлости, отвѣтъ получится иной; самъ по себѣ, по натурѣ, Макбетъ честенъ, и его паденіе поэтому не можетъ не возбудить состраданія. Его страданія и гибель заслужены, если видѣть въ немъ только человека какимъ онъ сталъ послѣ паденія, но не заслужены для человека какимъ онъ былъ раньше, пока лучшее и человѣчное не было въ немъ забито.

Ричардъ III несомнѣнный злодѣй, человѣкъ несомнѣнно злой, хотя непоколебимой и упорной воли. Мы уже видѣли * какъ страданіе выбиваетъ изъ него блѣдную искру чело-вѣческаго достоинства. Трагическій геній Шекспира ска-зался какъ въ этомъ, такъ и въ томъ что въ часъ гибели Ричардъ являетъ чудеса храбрости. Онъ не знаетъ и тѣни робости; пусть солнце не хочетъ свѣтить на восходѣ, про-роча кому-нибудь черный день,—

Что жъ мнѣ до солнца? Если надо мною

Грозовъ нависло небо, то оно же

Не веселѣй на Ричмонда глядитъ.

Разбитый Ричардъ „творитъ въ бою за чудомъ чудо“. Только бы коня ему, и побѣда за нимъ. „Коня, коня! пре-столъ мой за коня!“ таковы его послѣднія слова **.

Такая энергія невольно подкупаетъ въ пользу Ричарда, и его гибель возбуждаетъ въ высокой степени филантро-пическое чувство. Трагическое впечатлѣніе усиливается при этомъ невольно мелькающею мыслью: „какой великій человѣкъ былъ бы Ричардъ, будь его энергія направлена на доброе дѣло.“

Отсюда мы позволяемъ себѣ вывести такое правило: въ тѣхъ случаяхъ, когда данное лицо по условіямъ характера будетъ лицомъ не вполне трагическимъ, возбуждаемое его злосчастіемъ филантропическое чувство тѣмъ ближе бу-детъ къ состраданію (а съ тѣмъ вмѣстѣ и сама трагедія болѣе совершенною) чѣмъ сильнѣе будетъ возможность представить что тотъ же человѣкъ, при иныхъ склоно-стяхъ или при обузданіи своихъ безчестныхъ склонностей, могъ бы явить тѣ или иные положительные доблести *.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

* Отд. III, гл. II.

** Извѣстный знатокъ и любитель театра, В. И. Родиславскій, передавалъ мнѣ что когда Мочаловъ произносилъ эти слова, то невольно вѣрилось что будь только у Ричарда конь, онъ завоевалъ бы весь міръ. Весьма важно было бы собрать замѣчанія объ испол-неніи знаменитымъ актеромъ подобныхъ наиболѣе трагическихъ мѣстъ ролей.

*** Примѣры трагедій возбуждающихъ филантропическое чувство у Пушкина: *Скупой Рыцарь* и *Моцартъ и Сальери*.

СТАРАЯ БОРЬБА

РАЗКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ, СЛУЖАЩІЙ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
РАЗКАЗУ *КЕЛЛЮТЪ* *

I.

Межъ темныхъ волнъ и золотой
Передразсвѣткою звѣздой
Ложится розовая мгла;
Спитъ клефтовъ мирный островокъ;
А тамъ надъ моремъ, вѣтерокъ
Несетъ, скосивши на Востокъ,
Судовъ турецкихъ вымпела.
Вглядѣвшись въ розовую мглу,
Обычный сторожъ на валу
Не вѣрнуть засланнымъ глазамъ:
„Куда? Зачѣмъ?... Ужели къ намъ?...“
И долго взоромъ онъ слѣдитъ
Какъ лавируютъ корабли,
И вотъ размахисто бѣжитъ
Не видя подъ собой земли, —
Бѣжитъ и будить рыбаей
Среди развѣшенныхъ сѣтей,

* См. *Озими*, 2 часть, стр. 133.

И корабельныхъ мастеровъ
 Онъ будить около судовъ,
 Крича: Османовъ корабли!
 Османовъ корабли пришаи!...
 И далеко пронесся крикъ:
 Въ дома, въ пещеры онъ проникъ,
 И дрогнули сердца мужей —
 Не за себя — за участь женъ, —
 Встревоженный сбѣгаетъ сонъ
 Съ ихъ мягко постлаанныхъ ковровъ;
 Гдѣ?... Чтѣ?... Огня... Живѣ!... Гей!...
 И вотъ, срываются съ гвоздей
 Стволы тяжелыхъ штуцеровъ...
 Вскочили женщины, — со сна
 Перепугалась не одна,
 Вотъ, выбѣгаютъ босикомъ,
 Карабкаются по скаламъ,
 И озираются кругомъ;
 Рубашки ихъ, то здѣсь, то тамъ,
 Вдуваются какъ ларуса,
 Прильнули складки къ ихъ ногамъ
 И размѣтались волоса;
 Но въ это утро, въ этотъ часъ,
 Ихъ пропускаютъ мимо глазъ,
 Растрепанныхъ, полунагихъ,
 Никто не замѣчаетъ ихъ.

Врагъ у двери — заклятый врагъ,
 Тревога, бѣготня, и вотъ,
 Семейный позабыть очагъ.
 По всѣмъ ущельямъ гулъ растетъ,
 Одинъ попрежнему поетъ
 Пѣтухъ — для одного его
 Заря и — больше ничего...

II.

Вотъ, солнце провизало мглу,
 Чтобъ посвѣтить добру и злу,
 И міръ его восходу радъ,
 И волны весело блестятъ,

И къ островку, надъ бездной водъ,
 Въ полмилѣ, медленно идетъ
 Турецкій парусный фрегатъ,
 За нимъ два брига и корветъ.
 Собрались клефты на совѣтъ
 И вотъ ужъ къ нимъ ядро летитъ,
 Скачками волны бороздитъ,
 И исчезаетъ въ лѣнѣ водъ:
 Такъ, съ недомчавшимся ядромъ
 Ударилъ громъ — турецкій громъ...

III.

Рѣшились Турки отомстить
 Отважнымъ клефтамъ; окружить,
 Войти, нагнать, захватить —
 Убитыхъ уши посолить,
 Живыхъ въ Стамбулъ препроводить
 На казнь, въ колодкахъ и цѣляхъ,
 Женъ изнасиловать въ глазахъ
 Мужей, въ виду у матерей
 Предать позору дочерей,
 На лики насадить дѣтей,
 И чтобъ изъ мести вышелъ толкъ
 Ови послали чуть не полкъ,
 Сѣрокалущечный фрегатъ
 И много ядеръ и гранатъ.

IV.

Предъ осажденнымъ островкомъ
 Стоитъ фрегатъ и мечетъ громъ,
 Клаблясь растетъ надъ моремъ дымъ
 И бомбы фыркаютъ летать,
 И что же? островъ невредимъ:
 Падеземъ, взрывами гранатъ
 Одинъ тростникъ кой-гдѣ измѣтъ,
 Кой-гдѣ песокъ прибрежный взрытъ,
 И какъ орудья ни гремѣтъ —
 Никто не раненъ, не убитъ.

И вотъ, на высадку рѣшась,
 Съ оружіемъ, не торолясь,
 Садятся Турки въ катера
 И машутъ веслами. *Ура!*
Ура! изъ-за своихъ засадъ
 Имъ клефты весело кричать.
 Давно прошелъ имъ первый страхъ,
 И какъ на выстрѣлъ въ камышанъ
 Задѣтый пулею кабанъ
 Впередъ бѣжитъ Деоло Стефанъ,
 Въ надеждѣ разрядить свое
 Тяжеловѣсное ружье.
 Вотъ по леску за нимъ идетъ
 Кирилъ, аеонскій келіотъ;
 При видѣ этихъ кораблей
 Онъ вспомнилъ родины своей
 Страданья, домъ свой на юру,
 Отца убитого, сестру
 Въ гаремѣ стараго лаши—
 Все вспомнилъ, и отъ всей души,
 Забывъ монашескій обѣтъ
 (Не знать друзей, не знать враговъ),
 Онъ мстить за родину готовъ;
 Не даромъ старый пистолетъ
 Онъ стиснулъ: старая мечта
 Ему твердить что месть свята
 За поруганіе Креста.
 За бѣдную свою семью,
 За участь жалкую свою;
 Не даромъ грозенъ онъ лицомъ:
 Савянский духъ проснулся въ немъ,—
 Дыша воинственнымъ огнемъ,
 Откинувъ пыльный калашонъ,
 Босой, на камнѣ онъ стоитъ
 И какъ Стефанъ, со всѣхъ сторонъ
 Открытый, на море глядитъ,
 И хотъ устами шевелить,
 Едва ли понимаетъ онъ,
 Въ тревогѣ за исходъ борьбы,
 Слова святой своей молебны.

V.

Но катера плывутъ съ трудомъ:
 Изъ нихъ два-три, понавъ на рифъ,
 И тамъ обь камни дно разбить,
 Уже качаются заверкъ аномъ;
 Другіе повернули вспять,
 И начинаютъ выплывать
 Тѣла изъ лѣвы, и олатъ
 Въ ту жь лѣву силою волны
 Зарытыя, разможжены....
 Два трула въ желтыхъ сапогахъ
 У рифа въ каменныхъ зубахъ
 Увязли,—

А Деспо орётъ:

„Вонъ феска красная плыветъ!...
 Того гляди что подожжетъ
 Всѣ наши лодки, всѣ суда...“
 „Куда плыветъ?...“ „Сюда, сюда!...“

VI.

Зубчатый краѣ подводныхъ скалъ
 Врагамъ проходу не давалъ:
 И кто жь безъ лощмана найдеть
 Волнами спрятанный проходъ?
 Здѣсь скачутъ волны въ перебой,
 Широкой жидкой полосой,
 А тамъ отвѣсною стѣной
 Утесы каменной мятой
 Уходятъ въ волны, и такой
 Межъ трещинъ ихъ шумитъ прибой,
 Что Турки хоть и обошли
 Имъ ненавистный островокъ,
 Въ него проникнуть не могли,
 Имъ не помочь святой Пророкъ—
 И ядра, и гранаты ихъ
 Для скалъ высокихъ и крутыхъ

Казались мячиками,—громъ
Ихъ мѣдныхъ пушекъ раздражалъ
Одно лишь эхо.

Простоялъ

Два дня, двѣ ночи ихъ фрегатъ,
И со стыдомъ ушелъ назадъ,
За нимъ, поднявши вымпела,
И вся ихъ сила улыбая.
И клефты проводили ихъ,
Заклятыхъ недруговъ своихъ,
Насмѣшкой,—врагъ имъ сталъ смѣшонъ.
И въ ихъ лецерахъ, у цѣпкѣ,
Гдѣ, вмѣсто вербъ, давно торчатъ
Тѣ вѣтви лалымъ, что изъ страны
Невѣрныхъ къ нимъ занесены
Съ холмовъ Сионскихъ, ужъ горятъ
Лампадки, свѣчи зажжены.
И полъ, единственный ихъ полъ,
Какъ и они сердечно радъ,
Кадить усердно и поетъ
Молебны: помнитъ оны едва
Молитвъ заветныя слова,
Но въ книгу смотритъ, и никто
Не знаетъ что съдой старикъ
Давно читать по ней отвыкъ.
За то всѣ молятся, за то
Имъ богъ поэзи даетъ
На чудной родинѣ своей
Не мало праздничныхъ ночей.

VII.

На чудной родинѣ своей,
Народъ среди садовъ и скалъ,
По старинѣ залпировалъ:
Подъ музыку морскихъ валовъ
Неустающихъ въ тишинѣ
Невозмутимыхъ вечеровъ
Ласкать извивая береговъ;
При ослабительной лунѣ,
У роуи, гдѣ руины спятъ,

Гдѣ горные ключи журчатъ,
 Трещатъ смолистые костры.
 Кругомъ разложены ковры,
 И чашь серебряныхъ чеканъ
 Блеститъ, и женщины свой станъ
 Спрямая, медленно идутъ
 И, молчаливыя, несутъ
 Изъ темныхъ погребовъ своихъ
 Кувшины, и надъ головой
 Красиво подпирають ихъ
 Концами пальцевъ. Подъ горой,
 Гдѣ гуще тѣнь и круче скать,
 Кой-гдѣ на встрѣчу къ нимъ слѣшать
 И свѣтать факелы, и вотъ,
 Островитянокъ хороводъ
 Кругомъ обходить, и вино
 Руками ихъ обнесено.
 И веселье лиръ.

Часы бѣгутъ,
 Одни кричатъ, другіе лѣютъ,
 Но чу!.. за рощею—тамланъ,
 Гитары, бубны... хоръ поетъ,
 Хоръ приближается, и вотъ
 Изъ-за басовъ, какъ бы смычокъ,
 Волшебный, жемчужный голосокъ,
 Стыдливо, робко, лѣжа слухъ,
 Дрожить и таетъ, и вдругъ
 Могучій, страстный, молодой
 Все покрываетъ:

„Милый мой!

Приди, приди, луна зашла
 Приди! Мاستику я зажгла!“
 И чуткія по берегамъ
 Тѣснятся тѣни: Много тамъ
 Поджатыхъ ногъ и покрывалъ,
 И бѣлыхъ рукъ и олягалъ,
 И жемчуговъ и ятарей,
 И бласъ серебряныхъ...

„Приди!“

Трелещеть въ воздухѣ, въ груди.

Лашь дѣти шепчутся порой,
 Прилавъ усталой годовою
 Къ шальварамъ смуглыхъ матерей,
 Лашь паликаръ къ плечу своей
 Красавицы лицо скломя,
 Ей шепчетъ: полюби меня....
 И страстной музыки полна,
 Она дрожить, она бѣдна,
 „Ахъ! если хочешь быть любимою...
 Будь и въ любви неустранимою!“

.....
 Но этихъ шашней молодыхъ
 Не замѣчаютъ старики,
 И ухмыляются, у нихъ
 Въ губахъ дымятся чубуки,
 И сладокъ мягкій ихъ дымокъ;
 Любовь не тѣшитъ ихъ давно,
 Милый имъ старое вино.
 Такъ безмятежно островокъ
 Проводить ночь.

Одинъ Стефанъ

Десло, угрюмъ, быть-можетъ пьянъ,
 Быть-можетъ горемъ обуянъ;
 Далеко бродить.

Лашь одинъ

Монахъ Кириллъ, какъ оцрота,
 Въ тѣни развѣсистыхъ вершинъ,
 У размариваго куста,
 Стоитъ поодаль, явно онъ
 Видѣнемъ ночи пораженъ.
 Ужели, мыслить келіотъ,
 Ихъ Богъ за это проклинаетъ!
 Когда же женскій голосокъ
 Залѣзъ „приди, приди!“ Кириллъ
 Невольно руки опустилъ,
 Чуть не заплакалъ: онъ не могъ
 Не вспомнить голоса своей
 Сестры Олимпіи, и змѣй
 Завистливый въ груди его
 Зашевелился отъ того

Что не забывалъ онъ ничего
Изъ тѣхъ первоначальныхъ дней...
И тяжело вздыхаетъ онъ:
Да.... это... это.... не Аэонъ!..

VIII.

Проходятъ мѣсяцы и дни
И вотъ, какъ бы изъ коленъ
Обычной выбитъ каліотъ,
Поздоровѣлъ онъ, сталъ смуглѣй,
И не чуждается людей,
И даже дружество ведетъ
Съ Стефаномъ Десле; взглядъ его
Ужъ не пугаетъ никого;
Но онъ ужасенъ всякій разъ,
Когда, не опуская глазъ,
Въ горахъ, встрѣчаетъ онъ одну
Высокогрудую жену;
У ней въ глазахъ огонь и мгла,
У ней въ лицѣ горитъ заря:
И ничего не говоря,
Она какъ будто поняла,
Какую страсть таить монахъ;
Не даромъ на ея губахъ
Улыбка тонкая дрожитъ,
Когда спокойная на видъ,
Она съ младенцемъ на груди
Проходить мимо.

Никому

Кириллъ не скажетъ, что ему
Еще все слышится: „Приди,
Приди! мастику я зажгла!“
Но дума темная съ чеда
Его не сходить и въ глазахъ.
Порой мелькаетъ тотъ же страхъ,
И снова, тяжело дыша,
Уходитъ онъ, какъ бы слѣша
Куда-то въ горы, можетъ-быть
Чтобъ кровь свою уговорить,
Чтобъ рѣзкій воздухъ высоты
Уговорилъ его мечты.

IX.

И недовѣрчивый народъ
 Сталъ наблюдать, сталъ толковать,
 Зачѣмъ Аеовскій келіотъ
 Такой на видъ святой, ведетъ
 Такую дружбу съ тѣмъ кто пьетъ,
 Буянить и мутить народъ,
 Съ Стефаномъ Десло? Отчего
 Онъ вѣчно съ ними пьетъ у него?
 И слухъ идетъ, что по ночамъ
 У Десло въ домѣ слышенъ гамъ
 И дикій хохотъ, словно тамъ
 Себѣ гнѣздо нечистый свилъ.
 Неужели отецъ Кириллъ
 Свое призванье покинулъ?

X.

Среди семейной тишины,
 Полуденныхъ жаровъ, мнѣй,
 Попоекъ, ссоры безъ войны,
 Съ борьбой безъ тысячи смертей,
 Не уживалось клефты, тѣмъ
 Пороховой былъ нуженъ дымъ
 Какъ лица, какъ вино, какъ совѣтъ,
 Какъ праздникъ, иначе они
 Страдали скукой—слетали жѣны
 Ихъ развлекали, были дни,
 Когда они изобрѣтатъ
 Готовы были всякій вздоръ,
 Чтобъ осуждать, подовѣривать,
 Хитрить, судить и долгій споръ
 Вести о томъ, кто правъ, кто вѣтъ.
 (Таковъ ивашъ хваленый свѣтъ.)
 Но вдругъ все встрефенулось, вдругъ
 По островку процѣлся слухъ,
 Какъ дѣкій благодатный громъ,
 Въ засуху брызнувшій дождемъ.

Откуда слухъ и кто занесъ
Его на островъ? Сей вопросъ
Забить, не нуженъ, потому
Что всѣ повѣрили ему,
И восторгаясь, говорятъ:
Вы слышали? Ты слышалъ братъ,
Уже Адрианополь взять,
Балканы пройдены,—Стамбулъ
Дрожить и Русскихъ въ гости ждать?..
Такъ иногда событій гулъ
Изъ одного въ другой народъ
Какъ электричество течетъ
И шевелитъ сердца.

Чамбулъ!

Опять военный каучъ—опять
Спѣшать корабликъ снаряжать.
Пестрить народомъ чумный валъ,
Чугунъ и пушки и кули
Везутъ и тащутъ, и металлъ
Блеститъ на солнцѣ, и съ земли
На палубу проведены
Подмости, и засмолены
Бока фелукъ и корабля.
Такъ съ моремъ сходится земля,
Съ войною—миръ, и такъ порою
Душа расходится съ душой:
Женихъ съ невѣстой молодой,
Съ дѣтьми—родитель, мужъ съ женой.

XI.

То былъ воинственный порывъ,
И клецы выбрали вождя,
И, всѣхъ на сходку пригласивъ,
Вождь сталъ имъ говорить:—Судя
По всѣмъ событіямъ, должны
Мы всѣ теперь желать войны,
Но мы покуда подождемъ.
— Не нужно ждать, чего тутъ ждать!
Вскричалъ Десно и сталъ ворчать.

— Молчи Десно, молчи кабанъ!
 Но улыбуясь капитанъ
 И продолжалъ: — Мы подождемъ,
 Переговоры заведемъ,
 И будемъ дѣйствовать не врозь.—
 Авось зашевелится Критъ,
 Авось, аѳинскій сибаритъ,
 Чтобъ послѣ плакать не пришлось.
 Пришлетъ намъ золота, авось,
 Могучій православный Царь
 Въ Софіи древній намъ алтарь
 Велитъ къ всенѣ возстановить,
 И тамъ молебень отслужить,
 За то, что Богъ благословилъ
 Не распроклятую луку,
 А крестоносную войну,—
 И въ насъ надежды лютовалъ.
 Такъ если полетитъ султанъ,
 Для православныхъ христіанъ
 Для Эллиновъ и для Славянъ,
 Начнется мудрость только тамъ,
 Гдѣ Мудрости священный храмъ
 Принадлежитъ и имъ и намъ.
 Такъ говорилъ онъ, и въ глазахъ,
 На всемъ лицѣ его, въ рубцахъ,
 Сквозь синеву пороховыхъ
 Обжоговъ и бровей стѣныхъ,
 Сквозила хитрость: онъ какъ Грекъ,
 Былъ прозорливый человекъ,
 Зналъ Калодистрію, Ратко,
 Подъ знаменами ихъ стяжалъ
 Извѣстность, видѣлъ далеко
 (Не видѣлъ то что близко), зналъ
 Что рискъ опасенъ, и мечталъ
 Архипелагъ и всѣ суда
 Пиратовъ (имъ же нѣтъ числа)
 Сперва слотить, и ужъ тогда
 Идти грозой; но не въ Босфоръ,
 Къ ущельямъ Македонскихъ горъ,
 На Оссу и на Соловики. Да,
 Да, говорилъ онъ, вотъ куда

Должны мы двинуться! Сто разъ
Промѣримъ, чтобъ отразить. Вотъ
Что я хотѣлъ сказать.

Народъ

Поспорила съ нами и разоидясь,
Стала выжидать.

XII.

Стефанъ Десло, ты какъ на грѣхъ
Остался съ носомъ: больше всѣхъ
Ты жаждалъ битвы, каждый день.
Одольвалъ свою тѣлѣнь,
Ходилъ на процѣпъ, не рыцалъ,
Не спорилъ, только обнажалъ
Свой потный торсѣ, чтобъ какъ-нибудь
Изъ мѣди вылитую грудь
Дыханьемъ моря освѣжить;
Ты на сплавъ кули таскалъ,
Какъ Геркулесъ, ты помогалъ
Родной корабликъ снарядить;
Ты думалъ, ты мечтаалъ, въ бою
Не нынче, завтра можетъ-быть
Не лодвигъ, чудо совершить,
И тѣмъ локомотивъ жизнь свою.
И вдругъ—отерочка! Для чего?
И ты хотѣлъ поднять народъ;
Но ты не взбунтовалъ его,
Напротивъ, твой бранивый ротъ
Замазали насмѣшкой; ты,
Палимый мстыю и стыдомъ,
Ушелъ домой, задать виномъ
Отважныя свои мечты,
Свое презрѣнье, злость на всѣхъ,
Тоску и тотъ ужасный грѣхъ,
Который Богомъ не прощенъ
И смертными не отомщенъ.
И мыслишь ты, что на Азонъ
Тебѣ дорогу заградилъ
Самъ Богъ, что бѣдный келіюгъ,
На что былъ чистъ и святъ, и тотъ

Своимъ разказомъ остудилъ
 Твои стремленья. Ты узналъ,
 Что и слодвижники грѣшатъ,
 И что вездѣ гровить намъ адъ,
 Что тѣло брѣнное сваливъ,
 Ты не уйдешь, братъ, отъ него,
 Какъ и отъ тѣла своего
 Ты не уйдешь, пока ты живъ.
 Чтò жь остается? Все забыть,
 Все истребить и нить, лить, лить.
 Спасибо бѣднѣмъ келіотъ
 Какъ братъ, какъ другъ не отстаеъ,
 И самъ твердить что онъ съ тобой
 На вѣки связанъ той рукой,
 Которая толкаетъ въ адъ.

XIII.

Стефанъ Десло подъ утро спитъ,
 Кириллъ проснулся. Тусклый видъ
 Стекланныхъ чашъ и видъ стола
 Въ монахѣ совѣсть шевелить:
 Вчера забыться онъ хотѣлъ
 И слушалъ брань и много вѣлъ,
 И много лилъ.

Но ужъ давно
 Въ душѣ имъ было рѣшено,
 Что онъ погибъ, что не волаа,
 Не вѣтеръ — грозный сатаа
 Воздвигъ гоненье на него,
 И моремъ перемесъ его
 Туда, гдѣ торжествуетъ плоть,
 Гдѣ не найдетъ его Господь,
 И не услышитъ.

И вѣлао
 Его отчаянье на зло.
 Но страшно страсти разуздать,
 Тому, кто ихъ привыкъ держать
 Всю жизнь въ тяжелыхъ кандалахъ,
 Ужасно, своротивъ съ пути,

Одолавать то стыдъ, то страхъ,
И въ сѣти къ женщинамъ лези
И биться въ ихъ сѣтихъ.

Теперь

Ожесточенный, онъ глядѣлъ
На занавѣшенную дверь.
И молча думалъ:

Буду смѣлѣть.

Достану ключъ и цоутру,
Когда уйдетъ онъ, отпирю
Сю лещеру, сей подвалъ,
Съ какой-то щелью между екалъ.
Что за бѣда что мой Степанъ —
Закалѣтый врагъ магометанъ,
Покинулъ тамъ и заморилъ
Ту плоть, которую любилъ,
Ту плоть что въ образѣ жены
Была орудьемъ сатаны.
Воображаю, какъ она
Лицомъ красна, душой черна,
Всѣмъ тѣломъ ластилась къ нему,
До боли цѣловалась съ нимъ
И такъ онъ страстно былъ любимъ.
Такъ счастливъ былъ, что эту тѣлу
Грѣховную за рай небесъ
Не уступилъ бы никому —
И каково полутанъ бѣсъ!
Теперь за дверью слышится онъ
То женскіе шаги, то стоны
То вѣжливый плачъ.

Безумецъ онъ!

Я слушалъ, ждалъ и, ничего!
Когда-то не боялся онъ
Проклятой красоты, и вотъ,
Боятся что къ нему войдетъ
Мертвецъ проклятый? а чего
Его бояться!!

Можетъ-быть

Смердацій духъ его спасетъ
Меня отъ сладострастныхъ сновъ,

Отъ сладкозвучныхъ фелосовъ,
 Что, напѣвая про любовь,
 Мнѣ день и ночь возмущать кровь,
 Спасеть, спасеть! Кого спасать?...
 Уже поздно!... Стоило начать,
 Чтобъ въ адъ, на все махнувъ рукой,
 Идти дорогою прямой.
 Уже корабликъ снаряжень,
 И улыбку мужа безъ женъ,
 И другъ мой Десне уплынуть....
 Онъ мнѣ оставитъ этотъ гротъ...

XIV.

Свѣтъ утра проникалъ едва
 Въ ту горницу, гдѣ голова
 Кирилла въ стѣну уперлась,
 И безъ скуфы, на этотъ разъ
 Косматилась, какъ грова льва;
 Чернѣлась, до полу висѣвъ
 Конецъ накидки, въ полумгнѣ
 Мелькали четки на столѣ;
 На грязной лавкѣ чуть жемчужъ
 Босой ноги его носокъ,
 Еще Стефанъ Десно хранилъ;
 Но келіотъ уже не могъ
 Забыться своимъ, онъ дѣлалъ часъ
 Не могъ отвести тяжелыхъ глазъ
 Отъ этой двери что ведетъ
 Въ заповѣднѣй, проклятый гротъ.
 При тусклыхъ сумеркахъ утра,
 Глядѣлъ онъ на узоръ ковра,
 На щель, на петлю, на замѣкъ,
 И успокоиться не могъ,
 Какъ будто тамъ, за дверью той
 Былъ кто-то близкій и родной,
 И хоть грѣшна была мечта,
 Похолодѣвшія уста
 Порой шептали: Спасе мой!
 Порой вѣсной головой
 Дерзалъ онъ мыслить: задавалъ

Вопросы, Бога искушая,
 И инстинктивно прозревая,
 Въ мытарствахъ жизни путь иной.
 И весь онъ задрагивалъ лерой,
 Какъ будто палецъ ледяной
 Вдоль по спинахъ его блуждалъ.
 Вдругъ...

Что это?

Кириллъ привсталъ
 Отъ ужаса.... и сердце въ немъ
 Вдругъ замерло, и волоса,
 Какъ будто вѣщимъ вѣтеркомъ
 На нихъ повѣяла гроза,
 Зашевелились.

Въ томъ углу,
 Гдѣ щели двери замертой
 Ковромъ прикрыты, на полу
 Стоитъ Турчанка:

Красотой
 Недвижной, темной и вѣной.
 Мерцаетъ ликъ ея; рука,
 У золотого пояса,
 Въ крови и латкахъ (покусалъ
 Ее не голодъ ли, въ тотъ часъ,
 Когда ея разсудокъ гасъ,
 И пламень жизни догоралъ
 Въ разбитомъ сердцѣ, какъ елей
 Въ забытой лампѣ) и темна;
 Ея коса, еще темнѣй.
 Ея ресницы, мракъ очей
 Невыразимый, взоръ открытъ,
 Въ немъ точкой огненной окрываетъ
 Безсмертье....

Въ ужасъ глядитъ,
 Кириллъ, и видитъ, рядомъ съ ней
 Еще стройнѣй, еще блѣднѣй,
 Другая шевелится тѣнь,
 И томной полунаготой
 Мелькаетъ, какъ передъ зарей
 На горизонтѣ смутный день,
 Или вѣрнѣй какъ лунный свѣтъ
 На бѣломъ мраморѣ.

Гладить.

Кирилл и думаетъ что спитъ,
И видитъ страшный сонъ, но нѣтъ,
Не спитъ онъ, и не страшный сонъ
Онъ видитъ.

Та, которой онъ

Не могъ помочь, не смѣлъ помочь,
Въ ту сокрушительную ночь,
Когда царль надъ нимъ Аeonъ,—
Та дѣвочка, которой онъ
Въ залогъ спасенья далъ цвѣтокъ,
Изъ-за которой проклятъ онъ,
Которой онъ забыть не могъ,
Олять стоитъ, какъ бы въ очью,
И также наготу свою
Прикрыла рванымъ рукавомъ
Рубашки, также бооикомъ;
Съ цараливою на одномъ
Колѣнѣ....

Но зачѣмъ она

Ему предстала не одна?
Зачѣмъ съ Турчанкою вдвоемъ?
И мысли путаются въ немъ,
И хочетъ онъ спросить: зачѣмъ?
Но бѣдѣвъ, недвижимъ и нѣмъ,
Онъ на Турчанку смотритъ, ждетъ,
И чудится ему, вотъ - вотъ,
Она сейчасъ произнесетъ
Имъ ожидаемый упрекъ.
Грознѣ стала темнота
Ея очей, ея зрачокъ;
Сталъ ярче, алыя уста
Полураскрыты хотятъ
Заговорить, они дрожатъ,
Какъ будто вѣчную печать
Молчанья сиятся сломать,
Какъ вдругъ, все спуталось: черты
Ея восточной красоты,
Рука, и поясъ золотой,
Потускли, и мохнатый край
Ковра (коймы его узоръ)

Сталъ виденъ за ея сливой,
Какъ за туманомъ, и свой дворъ

Кириллъ невольно перенесъ
На образъ дѣвushки.... Видалъ
Бѣсовъ овъ.... во подобныхъ грезъ
Ему еще не снилось.

Въ немъ
Проснулась жажда закінать
Видѣнье Господомъ Христомъ,
Хоть что-нибудь ему сказать
И слышится ему: „прости.
Жди примиренья на пути
Къ Авоу“.

Тщетно напрягалъ
Онъ слухъ свой: гоголь прозвучалъ
Какъ бы въ пустынь, и заглохъ,
Какъ вѣтра мимолетный вздохъ.
Таинственные звѣзды глазъ
Потухли, тихо поднялась
Она, и руку подняла,
И какъ прозрачный дымъ ушла.
Куда? въ какія страны?! но
Кто будетъ спрашивать?...

XV.

Въ окно
Уже сіялъ лазурью день,
Оконной занавѣски тѣнь
Ужъ колыхалась на полу,
А онъ—онъ все еще въ углу
Сидѣлъ и думалъ.

Вздрилъ онъ
Что это былъ не бредъ, не сонъ,
И даже не игра бѣсовъ,
Не дьявольское навожденье, да,
Онъ вздрилъ, ибо никогда
Ни отъ кого не слышалъ онъ
Обычныхъ намъ ученыхъ словъ:

„Галлюцинація“, „законъ
 Олтическій“, „рефлексы“.... Онъ
 И не повѣрилъ бы уму,
 Такъ этотъ умъ былъ въ немъ забить,
 Запутанъ, сдвоенъ, не развитъ,
 Направленъ съ дѣтства на одну
 И ту же мысль—спасать свою
 Трудолюбивую семью,
 Спасать свой домъ, свою страну,
 Сей вѣчно подневольный край,
 И если не откуда ждать
 Спасенья, все забыть, бѣжать,
 Слестись отъ духа злобы — въ рай
 Уйти изъ ада жизни, да,
 Уйти безъ слезъ и безъ слѣда,
 Какъ узникъ подъ эгидой тьмы
 Уходитъ изъ своей тюрьмы,
 Въ непроходимые лѣса,
 Куда одни лишь небеса,
 Заглядывая кажутъ путь
 Въ тотъ край, гдѣ можно отдохнуть
 Отъ рабства, грабежа, цѣпей
 И отъ неправедныхъ судей....

Его знобило.... выступалъ
 Холодный потъ; онъ не страдалъ,
 Онъ только силился понять
 Все то, что силились сказать
 Ему два духа, эти два
 Живыхъ когда-то существа,
 Двухъ вѣръ, двухъ націй, двухъ племенъ,
 Среди двухъ православныхъ странъ
 (Такихъ какъ островъ и Афонъ),
 Отъ двухъ восточныхъ христіанъ
 (Такихъ какъ Десло и какъ онъ)
 Погибшихъ, и увы! для нихъ
 Прекрасныхъ, близкихъ, дорогихъ...

.....
 Жужжали осы, жукъ гудѣлъ,
 А Десло все еще хралѣлъ;
 Былъ и во снѣ свирѣлъ лицомъ,

Весь потный, съ сжатымъ кулакомъ,
И спящій, онъ глядѣлъ бойцомъ,
Но чу! шаги... идутъ, кричатъ,
Колотать въ дверь:

— Вставай Стефанъ!

Тебя зоветъ нашъ капитанъ,
Да не съ тобой ли келіютъ?
Онъ и его къ себѣ зоветъ.
— Кто тамъ? кричитъ Десло,—сейчасъ!
И туша съ лавки поднялась.

XVI.

Идетъ и думаетъ Стефанъ:
А! понимаю, капитанъ
Сердить и дать мнѣ нагоняй
Намѣренъ: дескать, негодяй,
Какъ смѣешь ты шумѣть, орать,
Мою политику ругать,
И какъ дерзаешь ты, свинья,
Прохожимъ кукиши казать?
На это что отвѣчу я?
На это что ему скажу?
Да ничего. Пойду, нальюсь,
И набуяню, докажу,
Что никого я не боюсь,
И никого не уважаю. Нѣтъ,
Постой! я дамъ ему совѣтъ,
Скажу ему: положимъ, я
Такой-сякой, буянъ, свинья,
Но терпѣливъ ты, такъ-сказать,
Благоразуменъ, любишь ждать—
И подожди теперь! Когда
Объявленъ будетъ намъ походъ,
Тогда ты можешь безъ суда,
Безъ всякихъ такъ-сказать хлопотъ,
Меня повѣсить, а теперь
Ты подожди! я вольный звѣрь
Я птица вольная, — скорѣй
Себя позволю изрубить
Чѣмъ локориться и не пить....

И тяжело ступалъ Стефанъ
 Межъ сѣрыхъ камней, по травѣ,
 И у Стефана въ головѣ
 Съ похмѣлья былъ еще туманъ.
 А солнце ярко и тепло
 Сіяло; моря длинный валъ,
 Крутясь, дробился какъ кристаллъ
 Иль какъ зеленое стекло;
 Кой-гдѣ лиловыя отъ скалъ
 Ложились тѣни по пути,
 Гдѣ въ рытвинахъ могли расти
 Алоэ, кинамонъ, шалфей,
 Кусты колючихъ дикихъ розъ,
 И даже бусы для дѣтей
 Изъ Богородицыныхъ слезъ.
 За Десло слѣдомъ шелъ Кириллъ;
 Онъ былъ задумчиво унылъ,
 Зачѣмъ зовутъ его, не зналъ,
 Не спрашивалъ, не унывалъ,
 Не волновался.... весь онъ былъ
 Своимъ видѣньемъ поглощенъ,
 Бояся смыслъ его лопать.
 Бояся Бога вопрошать:
 Да придетъ царствіе Его!
 Да будетъ въ мірѣ власть Его!...

XVII.

Вождь клефтовъ грузно отдыхалъ,
 Полусидѣлъ, полулежалъ,
 На шкурѣ барса, на полу,
 То въ мѣдный тазикъ выбивалъ
 Изъ трубки сѣрую золу,
 То усъ поглаживалъ сѣдой
 Лѣвовой жесткою рукой
 Съ отбитымъ пальцемъ; тишина
 Была кругомъ, но не темна
 Была пещера, виденъ былъ
 Въ углу старинный образокъ
 (Съ мечомъ Архангелъ Михаилъ),
 Въ другомъ углу мучной мѣшокъ,

Пила, походный котелокъ,
 А вдоль стѣны, какъ серебро,
 Стволы мелькали, для вина
 Стояли кубки, для пшена
 Посуда, словомъ, все добро—
 Добыча жизни боевой—
 Была видна ему, дѣльцу,
 Политику и храбрецу,
 И хвалится онъ простотой.
 И не усатый часовой,
 Съ ружьемъ и саблею кривой
 Сидитъ у входа въ гротъ—одна
 Старуха; можетъ-быть она
 Была подругой и рабой
 Вождю, въ дни славы молодой,
 И бережетъ его локой
 Въ дни устарѣвшей славы; но
 Что бъ ни было, она давно
 Сидитъ у входа. Кто идетъ,
 Всѣхъ окликаетъ,—и прадетъ,
 Съдой кивая головой.
 Но вотъ, она съ своей скамьи
 Привстала, какъ щитомъ, рукой
 Прикрыла слабые свои
 Глаза и—струсила:

Стефанъ

Деспо, какъ нѣкій великанъ,
 Шелъ съ пистолетами, съ лицомъ
 Свирилымъ; а за нимъ Кириллъ
 Зловѣщей тѣнью подходилъ,
 Чернобородый, съ блѣднымъ ртомъ,
 Въ измятой рясѣ, босикомъ...
 Что за фигуры? Эка страсть!
 Старуха перестала прясть,
 Отбросила веретено
 И любѣжала доложить.
 — Ага! разбойники! Давно
 Я поджидаю ихъ—влустить!
 И усмихнулся капитанъ.

XVIII.

Пыхтя вошелъ къ нему Стефанъ,
 И келіотъ ему поклонъ
 Отвѣсилъ низкій, поясной,
 Смиренный, но не подлый; онъ
 Такъ безкорыстенъ былъ душой
 Что вслѣдъ за гибкою спиною
 Не преклонялъ души своей.
 И вотъ, привѣтствуя гостей,
 Хозяинъ приказалъ имъ сѣсть,
 Велѣлъ старухѣ имъ подвѣсть
 По чаркѣ стараго вина
 И подогрѣтаго лшена,
 И даже меду съ имбиремъ,—
 Поговорилъ о томъ, о семъ,
 И наконецъ сказалъ:—Друзья!
 Затѣялъ дѣло я одно;
 Но тайны требуетъ оно,
 Ума, терпѣнья. Долго я
 Соображалъ, кого бѣ избрать
 На подвигъ сей, кого бѣ послать,
 Кто не обманетъ ни меня,
 Ни Бога, ни честной народъ;
 Кто не боится ничего,
 Ни бурь, ни ядеръ, и пойдетъ
 Одинъ на чорта самого,
 И лорѣшилъ что ты таковъ,
 Стефанъ Деспо.

Деспо разцвѣлъ.

Кириллъ очнулся.

— Наливай,

Стефанъ, не церемонься братъ...
 И ты, отецъ Кириллъ, вкушай,
 Чтѣ Богъ послалъ.

Я очень радъ,
 Что ты въ горахъ покинулъ скитъ.
 Тамъ по ночамъ зѣло знобитъ,
 И если къ Богу ближе, то

Не очень, можетъ-быть верста,
 Другая—что за высота...
 Но я хотѣлъ сказать не то,
 А вотъ что... Ты отецъ Кириллъ,
 а Должно-быть Богу угодилъ,
 И если браннымъ тѣломъ хилъ,
 То духомъ бодръ: не даромъ мнѣ
 Приснился сонъ, и мнѣ во снѣ
 Какой-то царь (хозяинъ вралъ,
 Онъ сна такого не видалъ),
 Какой-то царь повелѣвалъ,
 Чтобъ я послалъ, тебя Кириллъ,
 Въ святыя горы, на Аѳонъ,
 И чтобъ ты Деспо проводилъ.

И поднялъ голову Кирилъ,
 Всѣмъ тѣломъ встрепенулся онъ,
 — Меня! онъ вскрикнулъ—на Аѳонъ!
 Въ святыя горы! для чего!?
 И онъ едва не досказалъ
 Въ порывѣ сердца своего,
 Какъ изъ Аѳона онъ бѣжалъ
 И вѣроятно проклялъ, но
 Подумалъ, то что рѣшено
 На небесахъ, перерѣшать
 Не мнѣ...

И началъ развивать
 Хозяинъ мысль свою, сказалъ,
 Что русскій духъ и русскій штыкъ
 Такъ далеко на югъ проникъ,
 Что всюду, гдѣ поруганъ Крестъ
 Гдѣ Оттоманскою ордой
 На церковь наложенъ арестъ,
 Гдѣ христіанскою слезой
 И кровью каждый уголокъ
 Земли пропитанъ,—весь Востокъ
 Все христіанство поднялось,
 Что вѣра подавила страхъ
 И страхъ исчезъ,—что даже тамъ,
 Въ Аѳонѣ, на святыхъ горахъ,
 По скитамъ и монастырямъ,

Опять брожение началось,—
Какъ бы отъ Бога пронеслось
Дыханье бурное,—что вѣсть
Къ нему дошла, что тысячь шесть
Монаховъ (больше, если счесть)
Готовы на врага возстать,
Что если порохъ имъ послать,
Да ружья, то такая рать
Могла бы смѣло помогать
И Грекамъ и Славянамъ; и
Отважныхъ клефтовъ корабли,
Въ одинъ соединившись флотъ,
Къ веснѣ на помощь къ нимъ пойдутъ,
Кавалу приступомъ возьмутъ,
Солунь... Корею... но должны
Монахи знать, что до весны
Имъ это слѣдуетъ скрывать,
И что расчетъ вѣрнѣй меча.

Нѣтъ, мечъ вѣрнѣе, сгорая
Подумалъ Десло, но смолчалъ.
Неукротимый сей нахалъ
И льяница уже внималъ
Почтительно и положивъ
Одну ладонь себѣ на грудь,
Былъ какъ послушникъ молчаливъ,
И какъ ребенокъ радъ былъ въ луть
Опасный ринуться; ужь онъ,
Узналъ, что моремъ на Аеонъ
Доставить порохъ долженъ онъ
Остаться тамъ недѣли три,
И обойти монастыри...
Но ни храбрецъ Десло Стефанъ,
Ни велемудрый калитанъ,
Мечтая о такой войнѣ,
Ни разу не были въ странѣ,
Гдѣ аскетизма духъ царитъ.
Кириллъ объ этомъ лучше знаетъ,
Но вѣрилъ въ чудо и молчалъ.

XIX.

И вотъ, Деспо почти не лъетъ,
 Забылъ свой домъ, чуть не живетъ
 На пристани, то подбочась,
 Сердито смотритъ, какъ смолятъ,
 Чернятъ, скрѣпляютъ и снастятъ
 Готовый для него барказъ
 Двухъ-парусный, почти гребной,
 Турецкой кровью политой.
 То онъ съ матросами сидитъ
 На палубѣ, какъ удалой
 Пиратъ, и хрипло говоритъ:
 Какой-то вѣтеръ Богъ намъ дастъ?
 Не слишкомъ ли тяжелъ балластъ?
 Какъ лучше обойти имъ рифъ
 И какъ высокъ морской приливъ?
 Онъ явно въ духъ—всякій разъ
 Трунить, когда Кириллъ, трудясь
 До лоту, тощій и босой,
 Своею огорбленной спиной
 Таскаетъ тяжести.

Едвадь

Кто ловимаетъ какъ ему,
 Кириллу, жаль, что ни кому
 Не нуженъ онъ, какъ страшно жаль
 Ему разстаться съ островкомъ.
 Печаль его была не та ль
 Когда-то юная печаль,
 Когда впервые отчій домъ
 Онъ покидалъ?

Иль онъ не тотъ

Отшельникъ, юный келіотъ?
 Неужели ему сталъ милъ
 Архипелага уголокъ,
 Гдѣ онъ никакъ найти не могъ
 Чего искалъ: утраты силъ
 Уединенья.

Да, Кирилл

Уже не тотъ; онъ полюбилъ
 Скалистый островъ, этихъ горъ
 Зубчатыхъ каменный узоръ,
 Пещеры, дворики, сады,
 Тропинки отъ дверей къ дверямъ,
 И даже—даже тѣ слѣды,
 Которые ведутъ къ ключамъ
 Каскадистымъ, куда лорой
 Островитянки за водой
 Идутъ съ кувшинами. Великъ
 Былъ первый искусь; но привыкъ
 Онъ каждый день встрѣчать черты
 Здоровой женской красоты,
 И даже думать, что она
 На радость Богомъ создана.

XX.

Готовъ барказъ, и настаетъ
 Канунъ отплытья. Келіотъ
 Голодный, чтобъ тоску унять,
 Идетъ по острову блуждать,
 И странно! каждому цвѣтку,
 Пугливой птичкѣ, мотыльку,
 Извилистому ручейку,
 Травѣ и камушкамъ,—всему,
 Всему онъ какъ ребенокъ радъ!
 Какъ жаденъ слухъ, какъ жаденъ взглядъ,
 Какъ дивно все! Цвѣтокъ ему
 Киваетъ, шепчется ручей,
 И птичка издали въ кустахъ
 Ему поетъ: сюда, скорѣй
 Сюда, сюда, бѣги монахъ!
 И мотылекъ,—какъ будто ждетъ,
 Чтобъ онъ поймалъ его,—раскрылъ
 Два лепестка двухъ чудныхъ крылъ
 Пурпурныхъ, съ крупной бирюзой,
 Съ жемчужинами и каймой,
 Приицъ къ цвѣтку, самъ сталъ цвѣткомъ,
 И убаюканъ вѣтеркомъ.

Вѣдь это все уже не разъ
 Видалъ Кирилль, зачѣмъ же онъ
 Ни разу не былъ такъ влюбленъ
 Въ природу?

Но всему дивясь,
 Всѣмъ наслаждаясь, келію
 Какъ будто смутно сознаетъ,
 Что для него недостаетъ
 Чего-то; но чего же ждать?
 Чего?!. и хочется рыдать.
 Какъ мальчикъ трогателемъ онъ,
 Какъ взрослый жалокъ и смѣшонъ.
 Но кто идетъ? Ужель она
 Та чародѣйка, та жена,
 Которой онъ встрѣчать не могъ
 Безъ трепета, чей темный взоръ,
 И яркій, огненный зрачокъ
 Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, въ упоръ
 Глядитъ въ глаза ему, и въ немъ
 Читаетъ все что онъ таитъ
 Томимый страхомъ и стыдомъ,
 И съ нимъ улыбкой говоритъ,
 Какъ будто дразнить.

Боже мой!

Куда она въ тѣни сырой,
 Между оврагомъ и скалой,
 Несетъ ребенка въ пеленахъ,
 И не сводя съ него очей
 Его колышетъ на своей
 Грудь, какъ любящая мать?

Пошелъ на встрѣчу ей Кирилль
 И тихо съ ней заговорилъ:
 — Дай мнѣ ребенка подержать.

Красавица не поняла,
 Зачѣмъ ему ребенокъ! Страхъ
 Что онъ вампиръ, а не монахъ,
 Вдругъ промелькнулъ у ней въ очахъ,
 Вся лоблѣднѣвъ, она плотнѣй
 Къ груди разстегнутой своей

Прижала сонное дитя,
Его прикрыла рукавомъ,
И стала въ полуоборотъ
И смотреть изъ-подлобья, ждетъ
Что будетъ...

— Буду я, прощай,
Сказалъ Кирилль.—Дай испытать
Что значить на рукахъ держать
Дитя... Чего бояться? Знай
Тебя любить не смѣлъ я, но
Ребенка твоего давно
Люблю...

— Его ты любишь? да?!..
Перекрести его.

И вотъ,
Согбенный, блѣдный келіотъ
Перекрестилъ его.

— Куда
Ты уѣзжаешь?

— На Афонъ.

Ей стало стыдно что монахъ
Вампиромъ оказался ей
(Злымъ мертвецомъ что у дѣтей
Высасываетъ кровь), и страхъ
Уже смѣшонъ ей сталъ, и вотъ,
Она, смѣясь, передаетъ
Ему съ рукъ на руки дитя.

И умиленный, смотреть онъ,
Свои рѣсницы опустя,
На безмятежный дѣтскій сонъ,
На нѣжную округлость щекъ,
На пальчики что въ кулачокъ
Свернулись...

И его глаза
Увлажнились, и осыня
Рѣсницу, крутая слеза
Повисла.

— Такъ-то и меня

Когда-то бѣдный, бѣдный мой
Отецъ держалъ, и можетъ-быть
Мечталъ о внукахъ!..

И косясь

На близость женщины,—стыдясь
Волненья страстнаго, боясь
Дитя лобзаньемъ разбудить,
Или обжечь слезой своей,
Его назадъ онъ отдалъ ей.
Подкашивались у него
Колѣна, и въ ушахъ былъ звонъ,
И голова кружилась,—онъ
Уласть боялся.

Ничего

Красавица не поняла,
И, равнодушная, взяла
Назадъ дитя свое, и съ нимъ
Простилась.

Скоро за крутымъ

Оврагомъ, въ роищахъ, она
Исчезла, какъ видѣнье сна,
Какъ чудный призракъ.

Цѣлый часъ

На томъ же мѣстѣ онъ стоялъ,
Быть-можетъ сердцемъ догоралъ
Какъ мученикъ—и тихо гасъ.

XXI.

Десло безъ лоцмана, рѣшась
Неловоротливый барказъ
Сберечь отъ вѣроломныхъ скалъ,
Благополучно миновалъ
Подводный рифъ, и распустилъ
Два паруса, какъ два крыла,
И въ часъ когда заря и мгла
Уже сливались, уходилъ
Съ полутнымъ вѣтромъ на просторъ,
На сѣверъ отъ родимыхъ горъ,

Которыхъ высь надъ бездною водъ
 Туманилъ неба темный сводъ.
 Съ нимъ были вѣрный келіотъ,
 Два юнга, человѣкъ лять-шесть
 Матросовъ, чтобъ въ затишье грести,
 Чтобъ въ шквалъ иль бурю закрѣплатъ
 Канаты, воду отливать,
 И наконецъ, на случай, ботъ
 Стоялъ на палубѣ.

Стефанъ
 Какъ самовластный капитанъ
 Ведеть себя; онъ сознаетъ,
 Что тѣсенъ трюмъ, не высока
 Каюта, что съ собой везетъ
 Онъ луль ружейныхъ два мѣшка,
 Два ящика пороховыхъ
 Четырнадцати-пудовыхъ,
 Да ружья, и Стефанъ не пьетъ,
 Не куритъ, запретилъ курить,
 Онъ даже запретилъ варить
 Похлебку,—сухари жуетъ;
 Но что за дѣло до того,
 Тещъ или сытъ мамонъ его,
 Когда и такъ не мало думъ
 Наводитъ волнъ знакомый шумъ,
 Скрылъ мачты, мутныхъ облаковъ
 Густыя латна, моряковъ
 Воинственные лѣсна.

— Нѣтъ,

Въ отвѣтъ Кириллу онъ хрилитъ,—
 Вотъ, мнѣ ужъ скоро сорокъ лѣтъ,
 А все еще душа болитъ,
 А все еще не унялась
 Въ душѣ возня: вотъ почему
 Я такъ извѣжился, такой
 Сталъ непотребною овцой,
 Что даже у себя, въ домѣ,
 Вернувшись къ ночи, не избилъ,
 Не изругалъ тебя, Кирилъ,
 За то что ты послѣдній мой,
 Послѣдній мой кувшинъ разбилъ,
 И разлилъ все мое вино...

Усталъ я, мнѣ хотѣлось пить,
А ты?!

— И мнѣ хотѣлось, но
Твою Зюлейку видѣлъ я...
Такъ лено видѣлъ, какъ тебя
Сію минуту вижу.

— О!..
Ты видѣлъ!..

— Бога призову
Въ свидѣтели что наяву
Она явилась мнѣ. Ты спалъ,
Во снѣ метался и стоналъ,
А я завидовалъ тебѣ.
Твоей погибельной судьбѣ
Завидовалъ и проклиналъ....
Ты жилъ, любилъ, ты счастье зналъ,
Я не жилъ, не любилъ, спасалъ
Себя отъ жизни и не могъ
Спастись отъ жизни! Видить Богъ
Какъ я боролся!... Помню, дрогъ
Я въ это утро: плоть моя
Была въ огнѣ... тоска-змѣя
Сосала сердце мнѣ—и вотъ,
Я сталъ мечтать: когда въ походъ
Уйдешь ты, и съ тобой уйдетъ
Женатый молодой народъ,
Я заберусь въ твой тайный гротъ,
И тамъ, въ угоду сатанѣ
И грѣшной плоти, можетъ-быть,
Лукавый бѣсъ поможетъ мнѣ
Разставить сѣти, соблазнить
Кого-нибудь, и также скрыть
Свой блудъ, какъ ты его скрывалъ
За темной дверью между скалъ,
Какъ вдругъ, у двери встала та,
Которую сгубилъ ты. О!
Какъ я наказанъ! Красота
Явилась мнѣ не для того
Чтобъ соблазнить меня, она
Была строга и холодна,
И выражали мнѣ укоръ

Ея уста и жгучій взоръ
Меня какъ бы насквозь пронзалъ,
Какъ бы язвилъ и улрекалъ.
Я млѣлъ отъ ужаса. Куда
Дѣвались грѣшныя мечты
При видѣ этой красоты!
И стало стыдно мнѣ, когда
Очнулся я.... и, брате мой!
Съ тѣхъ поръ, мнѣ думалось порой,
Что дружество мое съ тобой
Грѣшнѣе чѣмъ ея любовь.
При ней ты не лилъ, а со мною
Сталъ винной бочкою и вновь
Твоей душою овладѣлъ
Духъ злобы...

Молча поглядѣлъ
Деспо въ глаза ему, но взглядъ
Былъ страненъ (совы такъ глядятъ,
Не ночью, днемъ, когда хотятъ
Понять, кто потревожить смѣлъ
Покой ихъ), онъ не захотѣлъ
Разспрашивать, онъ отвернулъ
Лицо свое, и сталъ глядѣть
Туда, гдѣ смутно проглянулъ
Край неба, и мелькнула сътъ
Созвѣздій; но не о звѣздахъ
Онъ думалъ, онъ не видѣлъ ихъ,
Былъ вѣщій страхъ въ его глазахъ,
Слегка прищуренныхъ и злыхъ.
Ему казалось, пронеслась
Душа ея среди ночныхъ
Тѣней, и на его барказъ
Шла вмѣстѣ съ темною волной,
И вѣтеръ мокрою косою
Трепалъ, и бѣлою фатою
То обвивалъ ее кругомъ,
То рвалъ, на клочья, и въ ночномъ
Дыханьи, точно огонекъ
Фосфорный, звѣздочки серегъ
И кольца на ея рукахъ
Дрожали и сверкали—ахъ!

Десло и разглядѣть не могъ
 Того что видѣлъ, то была
 Фантазія, то былъ хаосъ
 Воспоминаній, страсти, зла,
 Тоски отчаянья и слезъ.

XXII.

Нѣтъ бури, но валы встаютъ
 И морщатся, * и бьютъ въ бока
 Барказа; низко облака
 Сплываясь по вѣтру плывутъ,
 И дождь несутъ они, и нѣтъ
 Дождя ни капли, солнца свѣтъ
 Вдали серебрянымъ лянкомъ
 Блуждаетъ, тускнеть, и опять
 Вездѣ, гдѣ лѣны не видать,
 Даль моря кажется свинцомъ,
 Такимъ же какъ и небеса,
 Нѣтъ бури, только паруса
 Надулись: кажется вотъ-вотъ
 Сейчасъ ихъ вѣтеръ оборветъ
 Иль судно бортомъ зачерпнетъ...
 Десло слѣшить забыться сномъ:
 Уходить, но не мало рукъ
 Цѣпляется за снасти; люкъ
 Закрѣтитъ, и толотня кругомъ,
 У якоря стоитъ Кирилль,
 Простоволосый, босикомъ,
 Перелоясанный ремнемъ,
 И вдаль стремить свой взоръ: забылъ
 Недавнее, возобновилъ
 Забытое—и, скорби полнъ,
 Онъ видитъ какъ изъ темныхъ волнъ
 Раскинутымъ шатромъ встаетъ
 Одна гора, и узнаетъ
 Онъ эту гору—то Аѳонъ.
 Не даромъ онъ челомъ поникъ:

* Въ сильную бурю морскіе валы сглаживаются, а не морщатся, какъ это бываетъ въ сильный вѣтеръ.

Что ждетъ его на той горѣ?
 Чѣмъ онъ отвѣтитъ за каукъ?
 И бѣглеца въ монастырѣ
 Простятъ ли? Избѣжитъ ли онъ
 Азаемы или суда?
 Онъ самъ останется ли тамъ,
 Иль удалится навсегда
 Въ несчастный край, къ роднымъ горамъ,
 Въ свои Балканы, чтобъ учить
 Дѣтей Болгарію любить
 И за нее средь бурь и битвъ
 Не забывать святыхъ молитвъ,
 Учить какъ ихъ учили старики,
 Отецъ его?...

И келіотъ,
 Увы! невольно сознаетъ
 Что въ мірѣ къ міру онъ привыкъ,
 Груститъ и свѣтлую таитъ
 Надежду что Господь проститъ
 Его какъ нѣкогда простилъ
 Онъ сына блуднаго, какъ
 Онъ простилъ разбойника.
 Но вотъ тотъ мысъ,
 Тотъ каменный Афонъ,
 Клочкомъ тумана заслоненъ,
 Какъ бы исчезъ.

И келіотъ
 Очнувшись слышитъ за собой
 Тревогу, смотритъ: рулевой
 Какъ будто выбился изъ силъ;
 Стефана кто-то разбудилъ,
 И вновь командуетъ Стефанъ.
 А тамъ, гдѣ золотымъ лятномъ
 Лучъ солнца свѣтитъ сквозь туманъ,
 Онъ видитъ по морю идетъ
 Фрегатъ дымясь какъ пароходъ,
 Фрегатъ турецкій ларовой,
 Военный, съ золотой луной
 На флагѣ....

Надо отступать
 Чтобъ этой встрѣчи избѣжать,

Ворчитъ Стефанъ, съ просовья злой,
 — Враги не страшны намъ. Впередъ!
 — Что бъ ни было, не пропадемъ,
 Сказалъ Кириллъ, — не даромъ вы,
 Избравъ меня проводникомъ,
 Нашли крестъ; * а подъ крестомъ
 Аэона, всюду мы пройдемъ,
 И волосъ съ нашей головы
 Безъ воли Божьей не спадетъ....
 Что бъ ни было, впередъ, впередъ!

XXIII.

Барказъ замѣченъ былъ; фрегатъ
 Пошелъ ему наперерѣзъ.
 Паша былъ храбръ, но простоватъ,
 Сэръ-Вальтеръ Брукъ промолвилъ:

— Yes!...

Чтобъ осторожно поступать
 Необходимо наблюдать.
 Я вижу въ трубку — флагъ съ крестомъ,
 Добавилъ онъ, — но это вздоръ...
 Обманъ...

— Разбойники кругомъ,

Рѣшилъ паша, потуля взоръ,
 Затѣмъ онъ приказалъ догнать
 Барказъ и строго обыскать.
 И сталъ сэръ-Вальтеръ разговоръ
 Съ лашой спокойно продолжать:
 — Yes! Я скажу вамъ напередъ
 Что Русь Стамбула не возьметъ,
 Мы не допустимъ.

— Было бъ грѣхъ

Вамъ допустить, сказалъ паша,
 Вдохнулъ и допилъ не слѣша
 Свой кофе. — Русскаго успѣхъ
 Хлопотъ не мало причинить:
 Возстанетъ Греція и Критъ
 И даже Сербія...

* Суда принадлежащая Аэону нашиваютъ черный крестъ на парусахъ или на флагъ.

— О, намъ,

Вздохнулъ сэръ-Вальтеръ,—долгъ велить
Спасать торговлю. Никогда
Россія васъ не покоритъ
И никогда, благодаря
Британіи, калризь Царя
Отъ ига не освободитъ
Ему сочувственныхъ Славянъ,—
Сихъ допотопныхъ христіанъ
И неучей. Но вашъ расчетъ
Единственный, и напередъ
Вы знайте что по временамъ
Должны вы мазать по губамъ
Народъ что помогаетъ вамъ
Платить долги, и какъ господъ,
Васъ кормить.

— Да, народъ
Для насъ полезный, отвѣчалъ
Паша и закурилъ кальянъ.

XXIV.

Барказъ напрасно поднималъ
Всѣ паруса, лавировалъ
(И тѣмъ себя изобличалъ).
Напрасно самъ Десло Стефанъ
Рулемъ ворочалъ и рычалъ;
Напрасно клефты налегли
На весла, чтобъ идти назадъ,
Ихъ вѣтеръ и валы несли
Впередъ, на вражескій фрегатъ.
И бросивъ руль, Стефанъ сказалъ:
Ну, вѣтъ,—я обыскать не дамъ
Барказа, чортъ возьми! я самъ,
Полпробуй взять меня! начну
Стрѣлять или пойду ко дну,
Или взорвусь.

И лодбочась,
Шагаетъ онъ, прищурилъ глазъ,
И смотритъ, какъ идетъ фрегатъ,

Какъ отъ фрегата отдѣлясь,
 За ними гичка логналась;
 Вотъ откачнулося назадъ
 Двѣнадцать фесокъ, поднялось
 Двѣнадцать весель,—гички носъ
 Приподнялся, и опустьясь
 Прорѣзалъ лѣну; вотъ стволы
 Ружейные, перекосясь,
 Мелькають ближе всякій разъ,
 Когда на сизые валы
 Взлетаетъ гичка.

— Надо васъ

Немного осадить, сказалъ
 Стефанъ, и рѣзко закричалъ: —
 Пали! пали! и первый самъ
 Спустилъ куроку, и по волнамъ
 Ружейный закрутился дымъ,
 Но прежде чѣмъ другой патронъ
 Былъ скусанъ, дымъ былъ увесенъ
 Порывомъ вѣтра.

Недвижимъ

Подъ мачтою стоялъ Кирилъ
 И улыбался.

XXV.

Не видать,

Чтобъ выстрѣлы кого-нибудь
 Задѣли въ голову и грудь,
 Но гичка стала отставать
 И потерявши два весла,
 Казалось никуда не шла,
 Должно-быть струсили гребцы.
 И по-турецки сталъ кричать
 Стефанъ Десло:—Геті! молодцы!
 Ловите весла; я мѣшать
 Не стану вамъ, да не стрѣлять!
 Не подступать!

И кулакомъ

Грозиться началъ онъ, суля
 Имъ новый залль.

Вдругъ дыму комъ
 Взвился надъ бортомъ корабля.
 Раздался выстрѣлъ и картечь
 Рванула воздухъ.—О, чтобъ васъ
 Трекаятыхъ дьяволовъ!... но рѣчь
 Десло невольно порвалась;
 Онъ гордо оглянулся, цѣлъ
 Былъ экипажъ, и келіотъ
 Еще стоялъ съ минуту; но
 Вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно,
 И покачнулся, точно спать
 Вдругъ захотѣлъ онъ, и прилегъ
 У мачты: судорожный вздохъ
 Сталъ тяжело приподнимать
 Животъ и грудь его, но страхъ
 Лица его не искажилъ;
 Съ улыбкой странной на губахъ
 Лежалъ онъ на сырыхъ доскахъ,
 И за руку его схватилъ
 Стефанъ, ему въ лицо глядитъ:
 Зоветь его: очнись Кирилъ!
 И видитъ,—блѣдный келіотъ
 Не наловалъ еще убить;
 Но смерть на ликъ его кладетъ
 Свою печать;—не умеръ онъ,
 Но черезъ пять минутъ умретъ;
 И мнитъ ся сквозь предсмертный сонъ,
 Съ причастьемъ чашу видитъ онъ,
 И имя Дѣвы и Христа
 Лелецуть блѣдныя уста.

XXVI.

Десло себя ударилъ въ грудь,
 И молвилъ: въ тотъ же долгій путь
 И я отправлюсь за тобой,
 Единственный пріятель мой!
 И прослезившись, созвалъ онъ
 Матросовъ:
 — Видите, фрегатъ,
 Сказалъ онъ,—этотъ сулостатъ

Сильнѣ насъ вооруженъ,
 Онъ захватить насъ будетъ радъ,
 И насъ задумать какъ щенять.
 Но слушайте... и знайте, я—
 (Тутъ Десло сдѣлалъ знакъ рукой,
 Отлично понятый толпой)
 Но слушайте и—знайте, я
 Одинъ хочу сѣлится съ нимъ...
 Итакъ спасайтесь, друзья,
 Садитесь въ лодку,—и за симъ
 Прощайте! Вотъ мощна моя
 Мое оружье, сухари,
 Все, все берите. До зари
 Вы проберетесь на Аѳонъ;
 Скажите тамъ что нашъ отецъ
 Кирилъ страдальческій вѣнецъ
 Пріялъ отъ мусульманъ,

Что я...

Что жизнь окончена моя,
 Что эта жизнь была грѣшна;
 Но тотъ кто душу отдаетъ
 За братьевъ, тотъ ее спасетъ.
 Авось Аѳонъ произнесетъ
 Съ молитвой наши имена,
 И ланафиду отлоетъ.
 И молча клефты обнялись
 Съ Стефаномъ Десло (не нашлись
 Чтò отвѣчать), не безъ труда
 Спустили ботики, и когда
 Они за весла принялись,
 И стали удаляться, онъ
 Поставилъ парусъ свой ребромъ,
 И круто повернувъ рулемъ,
 Сталъ плыть къ фрегату.

Съ двухъ сторонъ

Къ нему слывались гички, и
 Готовили багры свои
 Чтобъ захватить его въ полонъ.

XXVII.

На ютъ фрегата собрался
 Весь экипажъ, и самъ паша
 Былъ радъ что дерзкій отдался
 И самъ лыветь къ нему, слѣша
 На собственную казнь, и вотъ,
 Барказъ къ фрегату пристаеъ,
 Какъ вдругъ Десло исчезъ...

И вдругъ

Все опрокинуто... самъ Брукъ,
 Паша, кожухъ, скамьи, треща
 Сломилась мачта,—трелеща
 Взвились на воздухъ паруса,
 И грянулъ взрывъ, ужасный взрывъ,
 Двухъ ящиковъ пороховыхъ,
 Четырнадцать - лудовыхъ;
 И дымъ какъ туча поднялся,
 И потемнѣли небеса,
 И волны щелками покрывъ,
 Исчезъ барказъ. Гдѣ келіотъ?
 Гдѣ Десло? Нѣтъ ихъ. Бездна водъ
 Ихъ незамѣтно приняла,
 И уже за версту несетъ
 Ихъ искаженныя тѣла.

XXVIII.

Зари вечерней изъ-за тучъ
 Не видно; но румяный лучъ
 Ея сталъ по небу блуждать,
 И море начало стихать,
 И стала зыбь ровнѣй дышать,
 Круглясь какъ грудь океанидъ,
 И какъ стальной сверкаа щитъ.
 Матросы Десло спасены,
 Гребутъ и, медленно съ волны
 На новую переходя,

Плывутъ и крестятся; имъ жаль
 Ихъ безшабашнаго вожда,
 Жаль келіота, и печаль
 Туманить лица ихъ; но взглядъ
 Невольно брошенный назадъ,
 Когда гулъ взрыва ихъ потрясъ,
 Утѣшилъ ихъ: логибъ барказъ;
 Погибъ ихъ вождь, за то фрегатъ
 Стоялъ накрепко; явно онъ
 Обезображенъ былъ, лишенъ
 Возможности луститься въ луть,
 Какъ сильно раненый не въ грудь
 Такъ въ ногу. Не было межъ нихъ
 Рѣчей (на умъ не шли слова);
 Но сердце клефтовъ молодыхъ
 Конечно не безъ торжества
 Когда-нибудь заговорить
 И далеко распространить
 Молву о томъ какъ угостилъ
 Стефанъ Деспо враговъ своихъ,
 Какъ надорвалъ онъ судно ихъ,
 А можетъ - быть и потопилъ.
 Какъ онъ пожертвовалъ собой
 И какъ безстрашенъ былъ Кирилъ...
 Но... кто же... кто же не герой!
 Мечтаютъ клефты, да и врагъ
 Не позабудетъ никогда,
 Что значить въ греческихъ водахъ
 Архипелажскія суда
 Ловить и грабить.

Ночь сошла

На нихъ, какъ Божья благодать,
 И звѣзды стали имъ мигать,
 И стали моряки гадать,
 Куда грести имъ; можетъ-быть,
 Инымъ изъ нихъ не въ первый разъ
 Случалось въ морѣ находить
 Свой путь при свѣтѣ этихъ глазъ
 Безчисленныхъ, которыхъ взглядъ
 Неугасимъ, глубоко святъ,
 Безстрастенъ и невозмутимъ.

При этихъ трелетныхъ звѣздахъ
 Подобно лчеламъ золотымъ
 Разсылавшимся въ небесахъ;
 Не даромъ чудилось имъ,
 Что къ нимъ на встрѣчу шлетъ Аeonъ
 Своихъ святыхъ, и тихій звонъ
 Пустынной вѣя тишиной,
 Какъ бы проносится порой
 Надъ святогорскою волной...

1877 апрѣля бго.

Э П И Л О Г Ъ

I.

Почти полвѣка минуло съ тѣхъ поръ,
 И что же? — Давняя, кровавая борьба
 Креста Спасителя съ луною Магомета
 Опять волнуетъ міръ, становится вчерашней,
 Сегодняшней и завтрашней борьбой!
 Опять идетъ рѣзня забитыхъ христіанъ;
 И Македонья, и Фессалья стонутъ,
 И не хотятъ рабами быть Славяне,
 И съ осени до осени стоитъ
 Надъ ихъ землею зарево пожаровъ
 И дымъ погрома. Снова по слѣдамъ
 Своихъ отцовъ и дѣдовъ мы несемъ
 Свою хоругвь къ ущелистымъ Балканамъ,
 И за Дунаемъ слышенъ грохотъ пушекъ
 И стоны раненыхъ. Побѣда или смерть!
 Исхода нѣтъ. — Крестовые походы
 Еще не кончены и рыцари Креста,
 Средь торгашей, льстецовъ и лицемѣровъ,
 Еще не вымерли. Мы Средніе Вѣка
 Переживаемъ, льется наша кровь...
 На сценѣ міра братья наши, дѣти...
 Знакомые — на нихъ глядитъ Европа
 Холодная, разчетливая, злая...
 Одна Россія рукоплещетъ имъ.

И прославляетъ ихъ презрѣныя къ смерти,
 Ихъ юное геройство. Мы одни
 Оплакиваемъ трупы ихъ, когда
 Баши-бузукъ надъ ними жадно тѣшитъ
 Свой звѣрскій нравъ иль мщенье, Боже!
 Когда же наконецъ враждѣ и фанатизму,
 Невѣжеству и варварству народовъ
 Положишь Ты предѣлъ!... Когда исчезнетъ рознь
 Религій, расъ, племенъ, идей и націй,
 И всепревозмогающе станетъ
 Одна святая сила: истина!...

II.

Что будетъ,
 Не намъ рѣшать,—
 Но музыка войны
 Сильнѣе, громче музыки стиховъ,
 Послѣдній слухъ изъ-за Дуная сталъ
 Дороже риѣмъ. Мечту превозмогла
 Дѣйствительность. Фантазія молчи!

9 августа, 1877.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ДЖОРЖА ГЕНРИ ЛУИСА*

(Вопросы о Жизни и Духъ. Problems of Life and Mind)

XIV. Идея Субстанціи.

1. Понятія сущности, субстанціи, вещи самой по себѣ и пр.

Zwar sind sie an das Beste nicht gewöhnt,
Allein sie haben schrecklich viel gelesen.

Goethe.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ о реальности матеріальнаго міра находятся знаменитыя философскія проблемы *субстанціи, причины и силы*. Во главѣ X мы видѣли къ какимъ страннымъ положеніямъ привела Луиса его доктрина *раціональнаго реализма* относительно реальности того что является намъ въ видѣ матеріальныхъ предметовъ, вѣшняго міра. „Реальнымъ“ было признано все то „что чувствуется нами“, причемъ реальность вовсе не полагалась въ независимомъ отъ нашего сознанія, дѣйствительномъ существованіи предметовъ, а исключительно только въ самомъ фактѣ *ощущенія*. Оказалось что объектъ есть

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 7, 10, 12ü 1876 и № 5 и 7ü 1877.

по необходимости „объекто-субъектъ“, что „нашъ міръ возникаетъ въ сознаниі“ и существуетъ „лишь насколько онъ воплощенъ въ нашемъ духѣ“; словомъ, выводы Лунса дошли до поразительнаго сходства съ положеніями неагностическаго ему идеализма. Теперь посмотримъ къ какимъ результатамъ приводитъ его „раціонально-реалистическій“ методъ въ примѣненіи къ вопросамъ о субстанціи, причинѣ и силѣ.

Положительное знаніе имѣетъ своимъ предметомъ явленія, а не сущности. Наука изучаетъ явленія, ихъ связь, послѣдовательность и взаимныя отношенія, ихъ ближайшія условія и законы; до *причинъ* же существующаго ей нѣтъ дѣла. Наука отвѣчаетъ на вопросъ: *какъ?* а не на вопросъ: *почему?* Эти и подобныя изреченія до того часто повторялись и повторяются во всевозможныхъ книгахъ и статьяхъ, въ спеціальныхъ и популярныхъ сочиненіяхъ, что сдѣлались всѣмъ извѣстными ходячими афоризмами. Казалось бы что смыслъ этихъ изреченій вполнѣ ясенъ: научное изслѣдованіе обнимаетъ собою явленія и ихъ законы, не касаясь сущностей и причинъ. Значитъ ли это что наука отрицаетъ сущности и причины, словомъ то что не входитъ въ ея программу? Нисколько; занимаясь исключительно одною стороною всего существующаго, отказываясь отъ изслѣдованія другой, болѣе скрытой стороны, наука этимъ самымъ признаетъ дѣйствительность и *этой* стороны бытія, то-есть сущности лежащей въ основѣ явленій, причины обнаруживающейся въ дѣйствиі законовъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть при отрицаніи всякой причины или сущности, самое заявленіе объ ограниченіи научной сферы областью явленій и законовъ было бы чистою бессмыслицей. Въ самомъ дѣлѣ, если существуютъ лишь одни явленія, если феноменальностью исчерпывается самое бытіе, то было бы смѣшно говорить о какомъ-либо ограниченіи положительнаго знанія: изучая міръ феноменовъ, наука изучала бы рѣшительно *все* дѣйствительно сущее; предметъ ея было бы самое бытіе.

Какъ это ни просто и очевидно, но весьма многіе держатся инаго взгляда. Съ общеизвѣстными изреченіями объ исключеніи изъ области положительной науки вопросовъ о сущности и первичныхъ причинахъ соединяется странное, но очень распространенное мнѣніе, будто наука потому собственно устраняетъ эти вопросы что они, дескать, лишены

действительнаго значенія, что всякія „субстанции, сущности, субстраты“ и пр. суть выдумки и изобрѣтенія метафизиковъ, не имѣющія никакого основанія ни въ реальномъ, объективномъ мірѣ, ни, слѣдовательно, въ научномъ мышленіи, ниже, тѣмъ болѣе, въ обиходѣ простаго здраваго смысла. Но такой ходячій взглядъ крайне ошибоченъ и представляетъ обращикъ тѣхъ странныхъ недоразумѣній которыя сплошь да рядомъ приобрѣтаютъ право гражданства и значеніе аксіомъ въ міровоззрѣніи массы полубразованныхъ людей, скромно именующихъ себя „нашею интеллигенціей“.

На самомъ дѣлѣ понятія сущности, субстанции, субстрата, причины и т. д., какъ вообще всѣ философскія понятія, суть не иное что какъ коренные элементы *всякаго* мышленія, необходимыя основы всякой вообще разсудочной дѣятельности. Роль метафизики ограничивается тѣмъ чтобы прослѣдить происхожденіе, развитіе, значеніе и взаимную связь тѣхъ идей которыя, ясно или смутно сознанныя, во всякомъ случаѣ управляютъ умственной дѣятельностью всѣхъ и каждого. Создать или „выдумать“ эти основныя понятія философія не въ состояніи; но она можетъ и должна выдѣлать ихъ изъ хаотической массы, составляющей сырой матеріалъ, сложное содержаніе сознанія, очистить ихъ отъ постороннихъ примѣсей, установить ихъ субъективное и, по возможности, объективное значеніе, словомъ, довести анализъ этихъ идей до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ. Въ виду крайне распространенныхъ недоразумѣній происходящихъ главнымъ образомъ отъ ошибочнаго, часто противорѣчиваго значенія, какое придается этимъ понятіямъ, и вообще отъ шаткаго, неопредѣленнаго употребленія терминовъ, мы считаемъ не лишнимъ установить вкратцѣ точный смыслъ нѣкоторыхъ изъ этихъ понятій и терминовъ.

Какъ-то особенно досталось у насъ заполучнымъ „сущностямъ“, а между тѣмъ какъ самое слово, такъ и выражаемое имъ понятіе совершенно общеупотребительны. Въ обыкновенной рѣчи, какъ и для философіи, слово, „сущность“ означаетъ *действительное*, то что *есть* на самомъ дѣлѣ, въ противоположность *мнимому*, тому что *кажется*. Сущностью какого-нибудь предмета или факта или происшествія мы называемъ ихъ сокровенную, какъ бы „закулисную“

сторону, ту сторону которая, опредѣлая и обусловливая собою предметъ, фактъ, событіе, не подлежитъ между тѣмъ непосредственному наблюденію, не бросается прямо въ глаза. На такой смыслъ термина указываютъ, между прочимъ, фразы въ родѣ слѣдующихъ, воѣми и каждымъ употребляемыхъ: „*Посидимому* дѣло было такъ, а въ *сущности* оказалось что“... и пр. и пр. Или: „Вы упустили изъ виду такія-то данныя, просмотрѣли такія-то обстоятельства, а въ нихъ-то и заключается вся *суть* дѣла“.

Никто, вѣроятно, не скажетъ что подобнаго рода сужденія свойственны однимъ лишь метафизикамъ, и что слѣдовательно слово и понятіе „сущность“ чужды простому уму-разуму, не входятъ въ составъ общечеловѣческаго сознанія. Въ томъ именно и заключается превосходство человека надъ животными что онъ не довольствуется непосредственными данными чувственныхъ воспріятій, не останавливается на внѣшности, на простой видимости. Подъ этою внѣшностью онъ доискивается внутренней, интимной стороны предметовъ и явленій; за видимостью его умъ чувствуетъ невидимое, скрытое нѣчто, словомъ—человѣкъ вездѣ и во всемъ стремится проникать *въ глубь*, давать себѣ *отчетъ*. А давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, проникать въ глубь предметовъ, это и значить допытываться ихъ истинной природы или сущности. Такимъ образомъ всякое объясненіе предмета или факта, всякое изслѣдованіе условій, причинъ и связи явленій есть попытка раскрыть нѣкоторую сущность объясняемаго предмета или факта или изслѣдуемаго явленія. Въ этомъ же состоитъ высшая цѣль науки вообще и каждой отдѣльной отрасли знанія въ частности: каждое научное открытіе, каждый успѣхъ изслѣдованія,—словомъ, каждый шагъ впередъ есть приближеніе къ познанію сущности вещей.

Но тутъ возникаетъ слѣдующее, весьма естественное возраженіе: если такъ, то какой же смыслъ имѣть утвержденіе будто наука ограничивается областью явленій, будто ей нѣтъ дѣла до „сущности“? вѣдь это явное противорѣчіе! На самомъ дѣлѣ противорѣчія тутъ нѣтъ никакого, а есть лишь нѣкоторая двусмысленность выраженія, происходящая оттого что одно и то же слово (сущность) употребляется то въ обширномъ, не строго опредѣленномъ значеніи, какое свойственно ему въ разговорномъ языкѣ, то въ болѣе

тѣсномъ, точно опредѣленномъ смыслѣ, какое придаютъ ему философія и наука. Въ первомъ случаѣ подъ „сущностью“ разумѣется вообще совокупность условій даннаго явленія или же его пятимыя стороны, недоступныя чувственному воспріятію основанія; очевидно что въ этомъ смыслѣ „сущности“ не устранимы наукой, а напротивъ составляютъ прямой предметъ ея изслѣдованій. Философія же опредѣляетъ это понятіе точнѣе и называетъ „сущностью“ каждой вещи то что вещь *есть* сама въ себѣ, независимо отъ нашихъ чувствъ, то-есть отъ производимыхъ ею на насъ впечатлѣній, словомъ, внѣ всякаго отношенія къ намъ. Формулованное такимъ образомъ понятіе „сущности“ совершенно тождественно съ тѣмъ что Кантъ называетъ *ноуменомъ* (νοῦμενον) или Ding an sich и составляетъ прямую противоположность съ понятіемъ „явленіе“ (Phänomenon). Въ этомъ-то смыслѣ сущности или вещи *per se* (сами по себѣ) не могутъ быть предметомъ положительной науки, кругъ которой ограничивается отношеніями, феноменальностью, міромъ явленій.

Теперь спрашивается: на чемъ собственно основано философское опредѣленіе сущности или вещи самой въ себѣ? Не есть ли это понятіе чистый продуктъ отвлеченія, реализація логическихъ процессовъ мысли, короче призракъ, миражъ умозрѣнія? Отвѣчаю: призрачными могутъ оказаться разныя попытки метафизиковъ *объяснить* сущности, раскрыть *что такое* вещи *per se* въ абсолютномъ смыслѣ, но самое понятіе сущности или ноумена ни въ какомъ случаѣ не есть миражъ; оно имѣетъ твердое и притомъ весьма простое основаніе, одинаково непоколебимое, будемъ ли мы держаться реалистическаго или идеалистическаго воззрѣнія на существующее. Что мы знаемъ только наши впечатлѣнія, что внѣшній міръ дѣйствуетъ на насъ однимъ лишь явленіями, что посредствомъ чувствъ мы воспринимаемъ одни только качества предметовъ, это—истина признанная нынѣ всѣми школами, психологическій фактъ нѣтъ не оспариваемый. Допустимъ ли мы согласно инстинктивному вѣрованію человѣческаго рода и также ученію реализма что предметы существуютъ внѣ насъ, самостоятельно, своимъ собственнымъ бытіемъ, независимо отъ нашихъ ощущеній и представленій, словомъ, что для своего существованія міръ нисколько не нуждается въ субъектѣ, то-есть

въ существованіи нашего *я*? Очень хорошо. Но въ такомъ случаѣ міръ и существующіе въ немъ предметы должны же быть сами по себѣ *что-нибудь*, а это неизвѣстное намъ *что-нибудь* и есть ихъ „сущность“. Скажемъ ли мы вслѣдъ за идеалистами, что вещи существуютъ лишь въ нашемъ представленіи, что ихъ *esse est percipi*, то-есть что бытіе ихъ заключается въ воспріятіи, въ ощущеніи; или вмѣстѣ съ Липсомъ, что „міръ возникаетъ въ сознаниі“ и существуетъ лишь „насколько онъ воплощенъ въ нашемъ духѣ“? Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ должна же быть *какая-нибудь причина* тому что не существующій самъ по себѣ міръ существуетъ однако для насъ въ нашемъ представленіи; должна же быть *какая-нибудь сила* производящая этотъ хоть прозрачный міръ, сила, какъ дѣйствіе коей придется разсматривать явленія. Эта неизвѣстная *причина*, эта непостижимая *сила* и будетъ опять-таки „сущностью“ вещей, то-есть феноменовъ. Итакъ, понятіе сущности остается неприкосновеннымъ и вполне реальнымъ, какъ бы мы ни отвѣсались къ вопросу о бытіи или реальности вѣшняго міра.

Но, быть-можетъ, дѣло приметъ иной оборотъ, если мы, игнорируя общепризнанную истину что чувства воспринимаютъ одни лишь качества, отбросимъ всякое различіе между вещью самой въ себѣ и ея качествами и ставемъ съ *наибольшимъ* реализмомъ утверждать что ощущеніе имѣетъ дѣло непосредственно съ самими предметами каковы они *есть*. Не отдѣлаемся ли хоть тогда отъ назойливаго призрака „сущностей“? Возьмемъ же какой-нибудь, по возможности осязательный и внушительно-крупный предметъ, хоть напимѣръ земной шаръ, и дадимъ ему безпрелютственно воздѣйствовать на наши пять чувствъ.

Вотъ журчитъ ручеекъ, вотъ по небу скользитъ облако, вотъ запахло ароматомъ цвѣтовъ, вотъ мимо пронеслась ласточка, вотъ гдѣ-то мелькнулъ огонекъ и проч. и проч. Знаемъ ли мы теперь что такое земной шаръ? Нѣтъ; вѣдь мы обозрѣли только весьма ничтожное пространство его, да и то мелькомъ: мало ли что существуетъ и творится тамъ, дальше, направо и налево, впереди и позади насъ, въ безпредѣльной дали, лежащей за чертой нашего кругозора! Мало ли что кроется и происходитъ подъ поверхностью, въ нѣдрахъ земли, куда не проникаетъ взоръ, откуда до насъ не долетаетъ никакой звукъ. Да еслибы мы даже могли обнять весь земной шаръ однимъ взглядомъ, по

ведить направлениѣмъ, вдоль и поперекъ и даже насквозь, еслибы мы могли одновременно получить чувствєнные впечатлѣнїя отъ всего движущагося и покоющагося на поверхности и въ глубинахъ, то и тогда мы имѣли бы лишь изумительно-разнообразную картину, роскошную панораму, словомъ, чистую виѣшность. Внутренняя же сторона всего видѣннаго нами, условїя, связь всего происходящаго предъ нашими глазами попрежнему остались бы для насъ тайной. Дѣлать нечего, надобно взять какой-нибудь другой предметъ, не столь сложный. Ну вотъ, положимъ, простой жукъ; казалось бы не трудно добраться до самой сокровенной сути сей маловажной твари. Тщательно осмотрѣвъ нашъ экземпляръ со всѣхъ сторонъ, обнюхавъ и ощутивъ его надлежащимъ образомъ, составивъ себѣ точное понятїе объ его формѣ, цвѣтѣ, запахахъ, о расположенїи разныхъ частей крошечнаго тѣла, знаемъ ли мы теперь *что такое* нашъ жукъ? Увы! О внутреннемъ составѣ веществъ образующихъ различныя части его тѣла наши чувства не говорятъ намъ ровно ничего; точно также они нѣмы относительно процессовъ лїтанїя, роста, кровообращенїя, чувствительности и пр., происходящихъ въ этомъ миниатюрномъ организмѣ. Все это такъ и останется неизвѣстнымъ. Тотъ же результатъ получится, если вмѣсто живой твари—жука, мы выберемъ предметомъ нашихъ изысканїй простую каплю воды или песчинку. И въ этомъ случаѣ вмѣ предѣловъ ощущенїя и знанїя останется вся совокупность тѣхъ именно условїй вслѣдствїе которыхъ капля воды или песчинка стала тѣмъ чѣмъ она есть, совокупность условїй составляющихъ внутреннюю природу, то-есть сущность предмета.

Однако, возражать намъ, что вѣдь существуетъ наука, естествознанїе, чтобы пополнить пробѣлы случайныхъ, мимолетныхъ впечатлѣнїй, чтобы расширить предѣлы простаго ощущенїя. Никто и не говоритъ будто природа вещей познается однимъ непосредственнымъ воздѣйствїемъ объектовъ на наши чувства, посредствомъ съ нашей стороны простаго таращенїя глазъ, ощущиванїя и обнюхиванїя предметовъ. Совсѣмъ другое дѣло научное изслѣдованїе, съ его всепроникающимъ анализомъ, съ усовершенствованными приѣмами наблюденїя, съ изумительно тонкими олытами и точными измѣренїями. Совершенно вѣрно. Нѣтъ никакого сомнѣнїя что между знанїемъ вещей вытекающимъ изъ

простаго чувственнаго воспріятія, и научнымъ познаніемъ космоса—неизмѣримая разница. О томъ что обрѣтается и творится на обширной поверхности и даже въ вѣдрахъ земли и въ глубинахъ морской, о жукахъ, о капляхъ воды или песчинкахъ, вообще de omni re scibili наука перескажетъ намъ такія подробности и чудеса которыя намъ и во снѣ не смѣлись бы на основаніи однихъ только нашихъ личныхъ впечатлѣній. Но тѣмъ не менѣ внутренняя природа и *raison d'être* какъ земнаго шара, такъ и простаго жука или даже единичной песчинки остается и всегда останется для науки такою же непроницаемою тайною какъ и для простаго смертнаго, съ тою только разницею что послѣдній, особенно если онъ наивный реалистъ, иногда воображаетъ что съ помощью инструментовъ и вычисленія эта тайна можетъ быть раскрыта, тогда какъ человѣкъ науки не только знаетъ что, но даже *почему* она на вѣки непознаваема. Какъ бы далеко ни простиралось научное изслѣдованіе природы, какъ бы глубоко ни проникалъ анализъ въ порядки, взаимныя отношенія и внутреннюю связь явленій, вездѣ и всегда изслѣдованіе и анализъ доходятъ до такихъ конечныхъ, неразложимыхъ фактовъ, далѣе которыхъ идти нельзя, хотя въ нихъ очевидно еще не заключается *послѣднее* основаніе вещей. Такими конечными данными и какъ бы Геркулесовыми Столбами науки представляются основныя понятія *времени, пространства, вещества, движенія, силы, жизни, чувствительности, сознанія* и пр. Служа объясненіемъ несмѣтному множеству явленій, эти и подобные первоначальныя или конечныя факты сами по себѣ совершенно непонятны, необъяснимы, а между тѣмъ достиженіе и объясненіе ихъ есть *conditio sine qua* поп познанія „сущности“ вещей. А такъ какъ это непремѣнное условіе невыполнимо, то и самое познаніе сущностей должно быть признано и дѣйствительно признается превышающимъ оредства положительной науки.

Рядомъ и параллельно съ понятіемъ „сущности“ или „вещи самой въ себѣ (ноумена)“ философія выставляетъ идею *субстанціи* (*substantia*) или *субстрата* (*substratum*). * Какъ

* *Substantia* (отъ лат. *substare, substans*), то-есть то что находится *подъ* (явленіямъ). *Substratum* (отъ *substernere*, подкладывать) то что служить основой, неизмѣнною подкладкой измѣняющихся свойствъ.

это было замѣчено мимоходомъ еще въ главѣ XI, понятие субстанціи есть одна изъ основныхъ формъ представленія; необходимо присущихъ всѣмъ людямъ. Получая посредствомъ чувствъ одна лишь впечатлѣнія, то-есть измѣненія собственнаго сознанія, мы совершенно инстинктивно, неимѣя никакого сознательнаго разсужденія, относимъ эти впечатлѣнія къ нѣкоторой причинѣ, которую помогаемъ снѣ насъ существующей. Качества нашихъ ощущеній мы приписываемъ вѣшнымъ предметамъ, причѣмъ не отождествляемъ предметы съ этими качествами, а напротивъ, рассматриваемъ ихъ какъ нѣчто такое въ чемъ эти качества пребываютъ, что ослужить имъ носителямъ, подкладкой. Такъ напримѣръ, ощущая круглую форму, мягкость, желтый цвѣтъ, пріятный запахъ и кисловатый вкусъ, никто не полагаетъ что предметъ (напримѣръ лимонъ), возбуждающій эти впечатлѣнія, заключается только въ этихъ качествахъ и самъ по себѣ есть не иное что какъ: круглая форма, мягкость, желтизна, запахъ и вкусъ. Напротивъ, по непреодолимому вѣрованію всѣхъ людей предметъ (лимонъ) есть нѣчто отличное отъ этихъ качествъ, нѣчто такое въ чемъ качества мягкости, желтаго цвѣта и пр. заключаются. Вообще мыслить какое-либо реальное качество, или признакъ, или дѣйствіе, или атрибутъ самостоятельнымъ, безъ реальнаго же субстрата — совершенная невозможность для человѣческаго разсудка. Качество, признакъ, дѣйствіе, атрибутъ всегда и необходимо мыслятся какъ качество, признакъ чего-нибудь или кого-нибудь, какъ дѣйствіе какого-нибудь *дѣятеля*, какъ атрибутъ какого-нибудь *субъекта*. Такая необходимость мышленія, такое непремѣнное требованіе реальнаго субстрата, какъ носителя ощущаемыхъ качествъ, составляетъ основную, присущую человѣческому разуму идею *субстанціи*. Идея эта до того непреодолима и бессознательно инстинктивна что громадное большинство людей принимаетъ ея содержаніе за непосредственное данное чувственнаго воспріятія, ни мало не подозревая идеальности и субъективности самаго понятія субстанціи. На самомъ же дѣлѣ мы вносимъ это *нѣчто* или субстратъ въ явленія природы вовсе не потому чтобы мы знали что-нибудь о немъ изъ чувственнаго опыта (который даетъ намъ одни лишь качества или признаки, т.-е. явленія), но потому что мы рѣшительно не можемъ мыслить о явле-

ннхъ не привязывая ихъ къ нѣкоторой субстанціи, не можемъ представить себѣ качествъ безъ субстрата и признаковъ безъ носителя таковыхъ.

Роль философіи и тутъ ограничивается тѣмъ чтобы, во-первыхъ, выяснить и точно сформулировать содержаніе основнаго, свойственнаго всѣмъ понятія; во вторыхъ, установить, путемъ анализа, истинное значеніе этого понятія и, третьихъ, очистивъ отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей, подвергнуть всестороннему изслѣдованію субъективнаго и объективнаго основанія его. Здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ вопросахъ, если терминъ „субстанція (субстратъ)“ специально философскій, то самое понятіе вполнѣ общеупотребительное. „Во всѣ времена, говоритъ Кантъ (въ *Критикѣ Чистаго Разума*), не только философы, но и обыкновенные смертные предполагали нѣчто постоянное, какъ основу всякой снѣны явленій; въ существованіи его никто не смѣивался сомнѣваться. Философы выражали только это предположеніе нѣсколько точнѣе, именно, что при всѣхъ измѣненіяхъ въ мірѣ *сущность* пребываетъ, а снѣняются только ея принадлежності (Accidenzen).“ Итакъ, понятіе субстанціи въ философскомъ смыслѣ можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

„Нашимъ чувствамъ доступны одни лишь явленія. Явленіе же есть измѣненіе. Какъ во внѣшнемъ (для насъ) мірѣ, такъ и въ нашемъ сознаніи, во внутреннемъ мірѣ представленій, мыслей, чувствованій происходитъ безпрерывная перемѣна; одни состоянія снѣняются другими, все преходящее непостоянно, измѣнчиво. Но за преходящимъ, непостояннымъ, измѣняющимся должно же быть нѣчто непреходящее, постоянное, остающееся неизмѣннымъ во всей измѣнчивости явленій, пребывающее тождественнымъ самому себѣ во всемъ разнообразіи чередующихся состояній. Эта постоянная и неизмѣнная реальность лежащая въ основѣ всѣхъ явленій и есть *субстанція* или *субстратъ*; все измѣняющееся есть только признакъ ея существованія. Что такое эта реальность сама по себѣ, этого мы не знаемъ и никогда не будемъ знать, ибо чтобы быть познаваемою, она должна бы принять чувственный образъ или быть подведена подъ разсудочныя формы нашего ума, а этимъ самымъ она сдѣлалась бы *явленіемъ*, переставая быть субстанціей.

Изъ сказаннаго становится ясно что „субстанція“ есть то же самое что и „ноумень“ или „вещь сама въ себя“, или „сущность“, хотя съ вѣсколько иной точки зрѣнія.

Въ свою очередь понятія ноумена, сущности и субстанціи совпадаютъ съ понятіями силы, первичной причины и вообще абсолютнаго. Тождественность этихъ конечныхъ идей обнаруживается съ особенною рельефностью въ знаменитомъ опредѣленіи Спинозы, называющаго субстанціей „то что существуетъ само собою, не нуждаясь для своего собственнаго бытія въ бытіи какого-либо другаго существа“. Въ этой дефиниціи „субстанція“ принимается въ смыслѣ основанія, субстрата и причины всего существующаго; субстанція Спинозы, это абсолютное *Noûmen* то *êd kai tò pan*, словомъ—Богъ. Конечно, далеко не всѣ философы придаютъ термину такое обширное всеобъемлющее значеніе; въ противномъ случаѣ не могло бы быть вѣковѣчнаго спора о томъ, слѣдуетъ ли признать двѣ субстанціи, матеріальную и духовную, или только одну, и какую именно, духовную или матеріальную? Вообще, будучи тождественны при крайнемъ обобщеніи, понятія сущности, вещи самой въ себя, субстанціи, причины и абсолюта представляютъ однако различія или отбѣнки значенія свойственные каждому изъ нихъ въ отдѣльности и зависящіе отъ точки зрѣнія съ которой рассматривается вопросъ о существующемъ. Вотъ специфическое значеніе каждого изъ приведенныхъ выше терминовъ:

Сущностью мы называемъ сокровенную сторону, истинную природу даннаго явленія или предмета.

Вещь сама въ себя или *ноуменъ*, это те что данный предметъ есть независимо отъ произведенныхъ имъ впечатлѣній, въ всякаго отношенія къ нашимъ чувствамъ и представленіямъ.

Субстанція есть сущность рассматриваемая какъ неизмѣнное нѣчто, лежащее въ основаніи всѣхъ явленій, остающееся неизмѣннымъ и постояннымъ среди всѣхъ измѣненій.

Субстратомъ мы называемъ субстанцію, рассматриваемую какъ реальная подкладка явленій, какъ носитель признаковъ, какъ то что соединяетъ въ себя чувственные качества.

Сущность или субстанція, рассматриваемая какъ дѣятельное начало, обуславливающее всѣ явленія, будетъ *силой* или *причиной*.

Наконецъ, *абсолютное* есть сущность рассматриваемая какъ бытіе безотносительное, безконечное, отрѣшенное отъ

воихъ субъективныхъ условій чувственности и представленія.

2. Теорія Липса.

Mephistopheles: Was sich dem Nichts entgegensetzt,
Das Etwas, diese plumpe Welt,
So viel als ich schon unternommen,
Ich wusste nicht ihr beizukommen...

Goethe.

Установивъ въ самыхъ общихъ чертахъ смыслъ терминовъ и содержаніе обозначаемыхъ ими понятій, мы можемъ теперь приступить къ разбору рѣшеній предлагаемыхъ Липсомъ по этимъ основнымъ проблемамъ всякой философіи. Вся система Липса держится на двухъ аксіомахъ, составляющихъ какъ бы положительный и отрицательный полюсы его міровоззрѣнія. Первая аксіома или положительный полюсъ заключается въ утвержденіи что единственнымъ основаніемъ и мѣриломъ всякой достовѣрности служить *ощущеніе*. Оно для него есть начало и конецъ всякаго знанія, первый источникъ и крайній предѣлъ всякаго мышленія. Казалось бы что этимъ основоположеніемъ заранѣе опредѣляется отношеніе нашего философа къ вопросамъ о сущности, субстанціи и пр. „Черезъ ощущеніе, говоритъ онъ, мы вступаемъ въ прямое общеніе съ природой“ (II, стр. 128). „Реальность внѣшняго бытія, не я, составляетъ чувственный фактъ неразрывно связанный съ сознаніемъ.“ Стало-быть то что воспринимается чувственнымъ образомъ, съ чѣмъ мы имѣемъ „прямое общеніе“, несомнѣнно существуетъ внѣ сознанія, своимъ собственнымъ бытіемъ, и слѣдовательно авторъ безусловно допускаетъ реальность вещей самихъ по себѣ, то-есть существованіе предметовъ независимо отъ производимыхъ ими на насъ впечатлѣній? Но такой естественный выводъ изъ первой аксіомы, составляющей положительный полюсъ Липсовой философіи, представляется крайне неудобнымъ и щекотливымъ въ виду отрицательнаго полюса той же философіи, то-есть съ точки зрѣнія второй коренной аксіомы, выражающейся въ лаконическомъ возгласѣ: *прочь таинственность!* Очевидно что коль скоро независимое отъ нашихъ ощущеній реально-самостоятельное существованіе матеріальныхъ предметовъ будетъ

признано, *выбѣтъ* съ этимъ немедленно возникнетъ вопросъ: что же такое эти предметы *сами по себѣ*? въ чемъ заключается ихъ причина, субстанція и сущность? А такъ какъ отвѣтъ на эти вопросы въ предѣлахъ опыта, то отъ нихъ такъ и вѣтъ „тайнственностью“, основы бытія такъ и погружаются въ загадочный мракъ „непознаваемости“. Такимъ образомъ Льюисъ очутился въ такой альтернативѣ: провозгласить субстанціальную реальность матеріальныхъ предметовъ,—это значило бы чрезъ настежь отворенныя ворота влустить „тайнственность“ въ храмъ философіи, откуда выпроводилъ ее самъ же авторъ; отрицать субстанціальную реальность — это будетъ чистѣйшій идеализмъ, о которомъ авторъ отзывается не иначе какъ съ презрительно-сострадательною улыбкой! Какъ же миновать *Харибду*—тайнственность, не лопасть въ *Сциллу*—идеализмъ? Остается одно средство: искусно лавировать. Колебаніе въ ту и въ другую сторону, двусмысленность выраженій, то *да*, то *нѣтъ*—вотъ единственный способъ вывернуться изъ дилеммы, по самой природѣ своей не терпящей средняго термина.

Великую проблему о самостоятельномъ существованіи вещей Льюисъ рѣшаетъ слѣдующею сентенціей (II, 13): „Бытіе есть объективный опытъ, а опытъ—субъективное бытіе.“ Вторая половина этого изреченія ясна. „Опытъ есть субъективное бытіе“—другими словами: бытіе субъекта есть не что иное какъ опытъ, т. е. рядъ ощущеній, представлений и мыслей; явленія или модификаціи сознанія составляютъ наше *я*. Этимъ отрицается существованіе какого-либо субстрата или носителя психическихъ явленій; наше чувствующее и мыслящее *я* есть не нѣчто отличное отъ своихъ измѣнячивыхъ состояній, а есть именно совокупность этихъ состояній. Первая же часть сентенціи Льюиса можетъ быть истолкована въ двоякомъ смыслѣ. „Бытіе есть объективный опытъ“—значитъ ли это что бытіе есть дѣйствительное, объективное существованіе того что дано въ опытѣ, то-есть ощущаемыхъ предметовъ, или же—что самое бытіе предметовъ заключается въ опытѣ, то-есть что предметы суть не что иное какъ наши же ощущенія? Въ первомъ смыслѣ предложеніе будетъ безсодержательнымъ тождесловіемъ; во второмъ—исказательною формой знаменитаго изреченія: „міръ возникаетъ въ

‘сознаніи’. которое въ свою очередь представляетъ дурно замаскированную и плохую перифразу положенія крайняго идеализма: *Esse est percipi* (бытіе заключается въ воспріятіи). Когда тутъ же авторъ говоритъ что „для насъ существуетъ только то что мы ощущаемъ“, и что „предметъ существуетъ для насъ только въ его познавательныхъ отношеніяхъ“, то это какъ будто указываетъ на первое изъ упомянутыхъ толкованій: значить вещи дѣйствительно существуютъ независимо отъ насъ, но что бы онѣ тамъ ни были *сами по себѣ*, для насъ онѣ суть то что мы ощущаемъ. Противъ этого никто, конечно, спорить не можетъ. Но когда, рядомъ съ такими объясненіями, мы читаемъ: „Разсуждающее сознаніе превращаетъ ощущенія и предметы“, или: „Мы центры, вокругъ которыхъ собираются познаваемый міръ и изъ которыхъ онъ снова *исходитъ*“,—то мы поневолѣ склоняемся въ сторону второй интерпретаціи, по которой фраза: бытіе есть объективный опытъ—обозначаетъ просто то что предметы *не* существуютъ сами по себѣ, а суть одни лишь ощущенія. Какъ же разумѣть точный смыслъ оракульскаго изреченія? Что-нибудь одно изъ двухъ: или вещи существуютъ сами по себѣ, или нѣтъ. Высказаться точно и ясно на этотъ счетъ необходимо.

„На томъ основаніи, читаемъ мы далѣе (II, 17 стр.), что наши понятія двойки, философы приписываютъ реальность отрицательнымъ понятіямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приписываютъ имъ даже большее значеніе чѣмъ положительнымъ. Таково обычное различіе между предметомъ и его отношеніями, между ноуменами или вещами въ себѣ и феноменами или вещами въ ихъ отношеніяхъ. Имѣя дѣло съ міромъ чувства, они прежде всего отличаютъ его отъ міра воспринимаемаго бытія, и затѣмъ этому соотносительному отвлеченію приписываютъ *болѣе глубокую реальность* міру *жаждущаго за предѣлами явленій*, упуская изъ вида что это отвлеченіе представляетъ только отрицаніе ихъ положительнаго опыта и не можетъ быть сведено ни на *какія бы то ни было чувства* кромѣ *инаковости*—основнаго условія *каждаго* ощущенія.“ О томъ что авторъ называетъ „инаковостью“ рѣчь впереди; теперь же замѣтимъ что на „вещь въ себѣ“ или „ноуменъ“ онъ смотритъ какъ на реализацію отвлеченнаго и притомъ *отрицательнаго* понятія. Такъ какъ наши чувства воспринимаютъ только качества, то очевидно что

признаніе субстрата этихъ качествъ, признаніе вещей существующихъ сами по себѣ есть реализація чистаго понятія, а не чувственныхъ данныхъ. Совершенно вѣрно и то что собственно философское опредѣленіе ноумена или вещи въ себѣ, какъ отвлеченіе отъ всѣхъ ощущаемыхъ качествъ предмета, есть понятіе отвлеченное и даже логически-отрицательное. Но *какъ идея субстанции, какъ* необходимое, присутствующее всѣмъ людямъ инстинктивное вѣрованіе въ дѣйствительное существованіе самихъ предметовъ какъ носителей ихъ качествъ, понятіе вещи въ себѣ нельзя назвать ни отвлеченнымъ, ни отрицательнымъ. Напротивъ, это непосредственный фактъ сознанія, первобытный законъ всякаго мышленія, даже не столько понятіе, сколько инстинктъ, притомъ самый положительный, самый непреодолимый изъ инстинктовъ. Но опять-таки, пусть вѣра въ существованіе вещей самихъ по себѣ будетъ просто реализаціей отвлеченнаго и отрицательнаго понятія; не въ томъ дѣло. Основательно ли людское сознаніе реализуетъ это понятіе, другими словами: существуютъ ли предметы внѣ ощущенія, сами по себѣ, да или нѣтъ?—вотъ весь вопросъ, на который мы ждемъ краткаго и яснаго отвѣта.

Отвѣтъ? Но у автора десять отвѣтовъ; выбирайте любой! Выборъ предоставляемъ самому читателю, такъ какъ рѣшительно не видимъ возможности согласовать ихъ между собой.

Вотъ первое рѣшеніе проблемы (II, 22): „Вещи суть группы отношеній: сочетанія событій.“ Сочетанія событій! Для насъ не совсѣмъ ясно какой собственно смыслъ выражается этими словами. Что же касается до перваго опредѣленія: „вещи суть группы отношеній“,—то это значитъ что совокупность отношеній какого-нибудь предмета (къ намъ? или къ другимъ предметамъ? или то и другое вмѣстѣ?) составляетъ *то что есть* предметъ, его сущность или субстанцію.

Второе рѣшеніе (II, 28): „Исторія развитія знанія однако же сразу разрушаетъ эту иллюзію (то-есть мысль что объектъ можетъ существовать самъ-по-себѣ), показывая что *каковъ бы ни былъ* предметъ внѣ его отношеній къ нашему организму, все *что* онъ можетъ быть *для насъ* дано его познаваемыми отношеніями. Последнія же суть его качества, продукты нашихъ ощущеній. Единственный смыслъ вопроса: *что такое* предметы? *какова ихъ природа?*—можетъ

заклячатся въ слѣдующемъ: что въ нихъ можетъ быть *познаваемо*? какое они на насъ *производятъ дѣйствіе*?“ Здѣсь Луисъ, подобно Канту, Огюсту Кокту и Спенсеру, строго держится въ предѣлахъ ученія относительности: мы знаемъ одни только наши впечатлѣнія; для насъ предметы суть то чѣмъ они намъ являются, а что такое они *сами по себѣ*—это совершенно непостижимо. Но замѣьте что этимъ существованіе предметовъ внѣ отношеній къ намъ ни мало не отрицается, а констатируется лишь непознаваемость этого способа существованія *per se*. Но такъ какъ „непознаваемость“ безплодно исключается изъ программы нашего автора, то онъ навѣрное долго не остановится на этомъ рѣшеніи.

Дѣйствительно, вотъ третье рѣшеніе (II, 39): „.... Вещи суть ассоціаціи ощущеній; извѣстныя группы нервныхъ единицъ съ опредѣленнымъ названіемъ.“ Если мы влommeмъ что для Луиса *сознаніе*, а равнымъ образомъ *духъ*, словомъ, *человѣческое я*—есть *нервный процессъ*, то положеніе: „вещи суть ассоціаціи ощущеній“ представляется не только тождественнымъ съ основною аксіомой чистаго идеализма, въ чемъ и такъ не можетъ быть сомнѣнія, но даже совершенно сходнымъ съ положеніемъ абсолютнаго скептицизма. Давидъ Юмъ, философъ-скептикъ XVIII столѣтія, говоритъ: „Матерія есть совокупность ощущеній, а духъ есть цѣль впечатлѣній и идей.“ Луисъ говоритъ: „Вещи суть ассоціаціи ощущеній, и духъ есть процессъ.“ Развѣ это не одно и то же? Вся разница тутъ не въ смыслѣ, а въ способѣ выраженія. Какъ формула Юма, такъ и формула Луиса сводятся къ слѣдующему: чувствующій и мыслящій *субъектъ* (духъ или я) есть не иное что какъ самый процессъ чувствованія и мышленія, а чувствуемый *объектъ* (внѣшній міръ или не я) есть опять-таки не что иное какъ совокупность ощущеній; не существуетъ реально ни духа, ни матеріи, а существуютъ одни лишь ощущенія или идеи. Это и есть идеальная доктрина, доведенная до абсолютнаго скептицизма, до отрицанія всякой реальности. Что же касается второй половины Луисова опредѣленія вещей, дѣйствительно и безспорно лично автору принадлежащей, а именно что „вещи суть извѣстныя группы *нервныхъ единицъ*“, — то причудливѣ этой смѣси идеализма (по смыслу) и матеріализма (по способу выраженія) невозможно ничего себѣ представить! Какъ!

всѣ предметы: звѣзды и солнце, камень и дерево, вода и корабль, домъ въ которомъ живетъ авторъ, столъ за которымъ сидитъ, перо которымъ пишетъ свое изреченіе, его руки, глаза, и все тѣло—суть „группы нервныхъ единицъ съ опредѣленными названіями“? Чтò же такое въ этомъ случаѣ сами-то „нервные единицы“? Нервная единица, поясняетъ Льюисъ (I, 137), есть „дрожаніе“. Дрожаніе чего? Вѣроятно, дрожаніе нервныхъ частицъ нервного вещества. Такъ чтò же такое эти нервныя частицы, дрожанія которыхъ образуютъ собой всѣ вещи вселенной? Чтò такое нервное вещество разсматриваемое какъ вещь, какъ реальный предметъ? Если *суть* вещи суть „группы нервныхъ единицъ“, то стало-быть и вещь названная нервомъ также есть группа нервныхъ единицъ, то-есть „дрожаній“. Но, замѣтите, это не значитъ что вашъ мозгъ, напримѣръ, физически составленъ изъ группъ нервныхъ единицъ (то было бы слишкомъ просто и естественно); нѣтъ, это значитъ что вашъ мозгъ самъ по себѣ не существуетъ, онъ есть группа нервныхъ единицъ въ *моемъ* мозгу; сей послѣдній, въ свою очередь, самъ по себѣ вовсе не существуетъ, а оказывается группой нервныхъ единицъ въ *вашемъ* мозгу! Нельзя конечно толковать Льюисово опредѣленіе въ томъ смыслѣ, будто авторъ полагаетъ что нервныя единицы образуютъ химическій составъ, матерію всѣхъ вещей, напримѣръ воды, золота, камня и т. д. Онъ просто хотѣлъ выразить въ иносказательной формѣ извѣстное положеніе идеализма, что предметы суть наши ощущенія и ничего болѣе. Но такъ какъ для Льюиса ощущеніе есть группа нервныхъ дрожаній, то онъ и ухитрился придать аксіомѣ идеализма матеріалистическую окраску, называя вещи группами нервныхъ единицъ, и не замѣчая къ какимъ безвыходнымъ послѣдствіямъ приводитъ подобная формула. Говоря что предметы суть не иное чтò какъ ощущенія, то-есть наши же идеи, послѣдовательный идеалистъ этимъ отрицаетъ всякую матерію, въ томъ числѣ конечно и нервное вещество; это положеніе можетъ показаться парадоксальнымъ, однако внутренняго противорѣчія въ немъ нѣтъ никакого. Но ставя на мѣсто ощущенія „нервную единицу“ и называя *суть* вещи группами этихъ единицъ, Льюисъ отрицаетъ матеріальность всѣхъ матеріальныхъ предметовъ, сохраняя ее какимъ-то страннымъ противорѣчіемъ въ основѣ

не матеріальнаго акта, то-есть ощущенія. Словомъ, выходитъ что не существуетъ *никакой* матеріи, за *исключеніемъ* нервныхъ единицъ, а эти послѣднія опять-таки суть не вещество какое-нибудь, а *дрожаніе*. Compréhension qui rougga!

Четвертое рѣшеніе (II, 254): „Предметы суть группы отношеній, синтезы свойствъ; они не существуютъ *per se* (сами по себѣ) и являются такими лишь въ нашихъ идеальныхъ отвлеченіяхъ. Предметы суть *изъ свойствъ* и ничего болѣе.“ Итакъ новая варіація! Предметы, на этотъ разъ, „суть синтезы свойствъ“. Но возьмите десять, возьмите сто отношеній или свойствъ, соедините ихъ вмѣстѣ, какъ и сколько вамъ угодно. Развѣ изъ этого синтеза выйдетъ реальный предметъ? Тяжесть, сопротивленіе, твердость, непроницаемость, упругость—все это свойства и отношенія, но неужели *какая-либо комбинація* ихъ въ состояніи образовать вещь или быть реальнымъ предметомъ? Да и вообще можемъ ли мы мыслить свойство безъ *чего-нибудь* такого чему свойство принадлежитъ, безъ носителя или подкладки его? Достойно вниманія то обстоятельство что положенія въ родѣ выше приведенныхъ формулъ на всѣхъ языкахъ не могутъ быть выражены иначе какъ въ терминахъ тѣхъ самыхъ понятій которыя ими отрицаются. Напримѣръ: „предметы суть *изъ* свойства и ничего болѣе“. *Изъ* свойства? то-есть чьи собственно? Тутъ притяжательное „ихъ“ приписываетъ подлежащему какъ реальному собственнику то что, судя по сказуемому, составляетъ вовсе не какую-нибудь принадлежность подлежащаго, а составляетъ само же подлежащее. Если предметъ есть „свойства“ (и ничего болѣе), то стало-быть свойства суть предметъ,—такъ какъ же вдругъ послѣднему придать въ видѣ атрибута то что вовсе не есть атрибутъ, а самый же предметъ? Это обстоятельство само по себѣ конечно еще не доказываетъ несостоятельности сужденія отождествляющаго предметы съ *изъ* (?) свойствами. но за то доказываетъ совершенную невозможность реализовать такую мысль въ представленіи и даже мыслить ее иначе какъ въ формѣ фразы, лишенной всякаго реального содержанія. Тѣмъ не менѣе Луису, повидимому, именно эта дефиниція вещей чрезвычайно понравилась, по крайней мѣрѣ онъ повторяетъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ на примѣръ (II, 255) мы читаемъ: „Предметъ есть сочетаніе всѣхъ его (?) *известныхъ* отношеній и свойствъ. Этимъ

опредѣляется тщета метампирической погони за вещью *самой по себѣ* и обезпеченность опытнаго изслѣдованія, обращающагося къ однимъ познаваемымъ отношеніямъ.“ Какъ видите, теперь уже оказывается что предметы не суть даже сумма *естъ*, а только *извѣстныя* намъ отношеній и свойствъ. Такимъ образомъ сущность вещей ставится въ прямую зависимость отъ нашего знанія или незнанія. Положимъ что ваша свѣдѣнія о полярной звѣздѣ ограничиваются знаніемъ слѣдующихъ отношеній и свойствъ: она (полярная звѣзда) представляется не особенно ярко свѣтящеюся точкой, прилежною тамъ далеко, далеко къ небу; она стоитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, не участвуя въ суточномъ движеніи остальныхъ звѣздъ съ востока къ западу. Такъ неужели полярная звѣзда *сама по себѣ* есть не что иное какъ сочетаніе этихъ, единственно *извѣстныхъ* вамъ отношеній? Если предметъ обладаетъ, между прочимъ, такими свойствами о которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго помятія, которыя совершенно неизвѣстны даже людямъ науки (а отрицать возможность существованія такихъ свойствъ значило бы отрицать возможность новыхъ открытій), то неужели эти не *извѣстные* свойства не входятъ въ совокупность того что предметъ *есть* самъ по себѣ, не составляють часть его природы, его сущности? То что авторъ говоритъ о „тщетѣ погони за вещью самой по себѣ“ доказываетъ лишь полную тщету его собственныхъ усилій устроить и отрицать это таинственное, но непреодолимое понятіе. Страшное противорѣчіе! Философы которыхъ Лунс то и дѣло упрекаетъ въ неумѣстной и невозможной „погонѣ за вещью *per se*“, именно утверждаютъ что ноуманъ или сущность вещей непознаваема, тогда какъ самъ авторъ очевидно „говнится“ за этою сущностью. „Бытіе *есть* объективный опытъ.... Вещи *суть* группы отношеній.... предметы *суть* ассоціаціи ощущеній.... вещь *есть* группа первыхъ единицъ.... предметы *суть* ихъ свойства и ничего болѣе“ и пр. и пр. и пр.—развѣ всѣ эти формулы не представляютъ явныя попытки опредѣлить самую *сущность* вещей и выразить *что такое* предметы *сами по себѣ*? Поэтому —

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Ни одно изъ приведенныхъ до сихъ поръ рѣшеній не

можетъ, конечно, удовлетворить реалиста или даже простаго смертнаго, чуждаго метафизическихъ тонкостей; всѣ они явно или подразумеваемо склонятся въ сторону чистаго идеализма. Въ самомъ дѣлѣ, будутъ ли предметы сего міра группами отношеній, или сочетаніями событій, или ассоціаціями ощущеній, или группами нервныхъ единицъ, или совокупностью свойствъ—во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ вещь какъ нѣчто существующее внѣ насъ, само по себѣ, независимо отъ нашего сознанія, какъ нѣчто дѣйствительное, реальное—совершенно исчезаетъ и улетучивается, а на ея мѣстѣ остается чисто внутренній, психическій фактъ—ощущеніе. Видя это и не желая обижать реалистовъ, авторъ предлагаетъ намъ лютое рѣшеніе все по тому же вопросу. Вотъ оно (II, 414): „Обыкновенно дѣлаемое различіе между предметомъ и ощущеніемъ придаетъ извѣстный вѣсъ понятію вещи самой по себѣ, независимо отъ чувствованія. И это не устраняется ни психологическимъ ученіемъ показывающимъ неразрывное слитіе обоихъ моментовъ вмѣстѣ, ни нашею неспособностью говорить о вещахъ иначе какъ въ терминахъ чувствованія, ни тѣмъ наконецъ обстоятельствомъ что мы не можемъ вообразить себѣ *существующее* внѣ его отношеній къ *чувствующему*. Нечувствуемый объектъ есть отвлеченіе получаемое устраненіемъ одного кооперирующаго фактора, субъекта. Ни одинъ мыслящій человѣкъ не станетъ думать что добродѣтель, богатство, истина и прочее суть сущности *помимо* представляющаго ихъ ума. Однако большинство людей думаетъ что другія отвлеченія, напримѣръ: *матерія, сила, причина, законъ, количество* и прочее существуютъ *сами по себѣ* независимо отъ ума. На этомъ основаніи сужденія, что вещи не существуютъ помимо ощущеній, могутъ показаться крайнимъ парадоксомъ; но это парадоксъ такого рода который *долженъ быть признанъ*, если принять во вниманіе что вещи суть лишь то чѣмъ онѣ являются въ данныхъ отношеніяхъ, и что по отношенію къ чувствующему организму такъ-называемая *вещь* есть то что дано ощущеніемъ“.... Да помилуйте, прерываетъ нашу цитату разочарованный реалистъ, чѣмъ же это рѣшеніе лучше прежнихъ? чѣмъ оно реальнѣе? все тотъ же трансцендентный идеализмъ! Однако послушаемъ далѣе (ibidem): „Этимъ ни мало не отрицается объективный факторъ — *не я* (наконецъ-то!). Я вовсе не

утверждаю что камень, который лежит на землѣ, не представляетъ ничего больше какъ ощущенія во мнѣ или въ другомъ; я утверждаю что это *нѣчто* въ *данномъ* случаѣ есть лишь то какимъ оно чувствуется; и еслибы меня спросили (именно, мы васъ спрашиваемъ!): *что же такое* подразумеваемое мною *нѣчто* какъ не метафизическая вещь сама по себѣ, то я отвѣтилъ бы: мое *нѣчто* представляетъ отвлеченную возможность для одного изъ факторовъ продукта вступить въ отношеніе съ другимъ, отличнымъ отъ моей чувствительности, факторомъ, причѣмъ онъ существовалъ бы въ иной формѣ. Объективный факторъ являющійся предъ чувствомъ камнемъ, могъ и долженъ былъ бы быть инымъ въ другомъ отношеніи.“

Хоть это сказано нѣсколько витіевато, но тѣмъ не менѣе реальность спасена, существованіе предметовъ даже *онъ* ощущенія признано! Кстати обнаруживается что такое *инаковость* отношеній. Оказывается что „камень, который лежитъ на землѣ“, и стало-быть всякій другой предметъ, есть не только наше ощущеніе, а еще *нѣчто* такое что можетъ вступить въ *иные* отношенія къ *инымъ* чувствующимъ организмамъ, причѣмъ предметъ представился бы уже не тѣмъ чѣмъ является намъ, а *инымъ*. Но чтобъ обнаружить такую „инаковость отношеній“, для этого предметъ долженъ же существовать независимо отъ насъ и отъ нашихъ формъ чувствительности, словомъ, онъ долженъ быть чѣмъ-нибудь *самъ по себѣ*. Чѣмъ именно, этого мы не знаемъ и не можемъ знать. Вотъ все что утверждаютъ философы, которыхъ Льюисъ упрекаетъ въ призранной „ногѣ за вещь самой по себѣ“. Но то же самое допускаетъ и онъ, правда, нехотя, мимоходомъ, инсказательнымъ способомъ, именно подъ нѣсколькимъ страннымъ названіемъ, „инаковость отношеній“.

Еще въ одномъ мѣстѣ авторъ высказывается въ томъ же смыслѣ (II, 246): „Опредѣлая матерію какъ *чувствующее*, мы вовсе не думаемъ признавать идеализма. Нашимъ опредѣленіемъ мы говоримъ только что *сущность*, данная въ чувствованіи и отвлечаемая въ мысляхъ, представляетъ для насъ въ ея объективной формѣ матерію-силу. Чѣмъ бы ни была внѣшняя причина чувствованія *онъ* ея отношенія къ чувствованію,—а она *существуетъ не только по отношенію къ намъ, но и по отношенію къ другимъ чувствующимъ и нечувствующимъ существамъ*, — въ этой формѣ

она не есть матерія-сила которою мы занимаемся.“ Тутъ, какъ видите, Луисъ, отвергая всякую солидарность съ идеализмомъ, категорически признаетъ вѣднѣе, самостоятельное существованіе предметовъ или, по крайней мѣрѣ, существованіе вѣднѣй *причины* нашихъ ощущеній. Но, дѣлая такую капитальную уступку реализму, авторъ тутъ же, при словахъ: „*чтобы бы ни была вѣднѣя причина*“ — натывается на непознаваемость, на подстерегающій его фантомъ „тайственности“ и слѣдуетъ обратиться къ реализму сликой. Дѣйствительно, вслѣдъ за приведенными двумя мѣстами снова идетъ прежняя идеальная лѣбля, снова повторяется на всевозможные лады что „*вещи суть группы отношеній, ассоціаціи ощущеній, больше ничего*“ и проч. и проч. Слова на каждомъ шагѣ попадаютъ изреченія въ слѣдующемъ родѣ: (II, 256): „Намъ нѣтъ дѣла до мнѣнія *будто* матерія есть нѣчто отличное отъ качествъ (т.-е. ощущеній), подлежащее имъ“; или (II, 418): „На постулатъ метафизиковъ о существованіи болѣе глубокой *непознаваемой* реальности я въ овою очередь смотрю какъ на обманъ умозрѣнія, воплощающаго свои отвлеченія“; или (II, 415): „Вещь *сама по себѣ* есть *фикція* коренящаяся въ условномъ различіи;“ или (II 418): „Словомъ, *вещь сама по себѣ* есть метафизическій фетишъ.“ И такъ далѣе чуть не до безконечности.

Къ какому же мы пришли результату? Какъ должны мы, на основаніи вѣднѣхъ разсмотрѣнныхъ рѣшеній, отвѣчать на первоначальный вопросъ: существуютъ ли вещи *онъ* нашего ума, независимо отъ ощущеній, словомъ — сами по себѣ? Гил्लократъ говоритъ *да*, за то Галенъ говоритъ *нѣтъ*; слѣдовательно... Но въ чемъ же заключается мнѣніе автора? Въ томъ-то и дѣло что Луисъ умудрился соединить и Гиллократа и Галена, что дало ему возможность на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣчать и *да* и *нѣтъ*. Авторъ рѣшительно утверждаетъ что предметы безспорно существуютъ самостоятельно, *онъ* всякихъ отношеній къ намъ; но съ другой стороны, онъ столько же рѣшительно утверждаетъ что предметы еще безспорнѣе *не* существуютъ самостоятельно, вѣднѣ отношеній къ намъ. Это, какъ хотите, вѣднѣйшій способъ не ошибаться; вѣднѣ середины тутъ быть не можетъ; стало-быть, утверждая и отрицая одновременно, вы можете быть увѣрены что одно изъ этихъ рѣшеній непременно истинно. Чего же больше?

XV. Идея причины.

1. Понятія причинной связи, силы и закона.

Faust: Ihr Instrumente freilich spottet mein,
Mit Rad und Kämmen, Walz' und Bügel
Ich stand am Thor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.

Goethe.

Идея причинности столь же всеобща, необходима, имманентна человеческому разуму какъ и идея субстанціи. Но тогда какъ послѣдняя есть природный инстинктъ, непреодолимое вѣрованіе, облекающееся въ форму сознательно-разсудочнаго понятія лишь посредствомъ философской рефлексіи, то-есть критическаго мышленія, первая—идея причинности, напротивъ, всегда и для всѣхъ становится болѣе или менѣе опредѣленнымъ, но непремѣнно разсудочно-сознательнымъ понятіемъ. Хотя субстанція или субстратъ вовсе не входитъ въ ощутимыя качества предметовъ, тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ субстанціальномъ существованіи послѣднихъ до того неразрывно связано съ самымъ актомъ ощущенія, что навѣрно девяносто девяти людямъ изъ ста во всю жизнь ни разу не придетъ въ голову мысль хоть на минуту сомнѣваться въ томъ, что внѣшній міръ существуетъ самъ по себѣ и въ томъ именно видѣ въ какомъ онъ представляется нашимъ чувствамъ; не придетъ имъ слѣдовательно и мысль давать себѣ критическій отчетъ въ содержаніи и основаніи этой инстинктивной увѣренности. Такимъ образомъ, господствуя надъ всѣмъ сознательнымъ мышленіемъ человѣка, управляя всѣми его представленіями, идея субстанціи сама можетъ оставаться и дѣйствительно для громаднаго большинства остается чисто безсознательною, подобно тому какъ при всѣхъ нашихъ движеніяхъ мы пускаемъ въ ходъ механизмъ нервной системы, хотя быть-можетъ мы не имѣемъ никакого понятія объ этомъ механизмѣ и о самомъ существованіи нервной системы. Относительно же идеи причинности мы видимъ совсѣмъ другое: все что есть и все что происходитъ, всякое бытіе и всякая перемѣна должны имѣть причину, это убѣжденіе всеобще не только какъ инстинктъ и законъ умственной дѣятельности, но и какъ

разсудочное понятіе, какъ сознательная мысль. Это понятіе, возникающее вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія, свойственно всѣмъ возрастамъ и встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ культуры и умственного развитія: любопытство дѣтей и дикарей—общеизвѣстный фактъ. Не говоря уже о томъ что каждый, даже самый тулоумный и апатичный человѣкъ, старается дать себѣ отчетъ по крайней мѣрѣ въ предметахъ и явленіяхъ непосредственно его окружающихъ и вліяющихъ на его личное благополучіе или страданіе, но едва ли даже отыщется изъ сотни одинъ который никогда въ своей жизни не задавалъ бы себѣ вопроса о причинахъ всего существующаго, который никогда не задумался бы надъ загадками жизни, смерти, возникновенія, бытія, уничтоженія и т. д., словомъ, сознательная мысль котораго хоть случайно, хоть мимоходомъ не остановилась бы на вопросахъ тождественныхъ съ великими проблемами философіи.

Обнаруживаясь въ стремленіи человѣка къ познанію порядка и послѣдовательности окружающихъ его явленій, къ раскрытію основаній всего существующаго, идея причинности становится источникомъ всякаго прогресса, главною пружиной умственного развитія, цивилизаціи, науки, общественной; въ обладаніи этою идеей заключается громадное превосходство человѣка надъ животными, зародышъ и залогъ его господства надъ природой. Съ этимъ всѣ согласны, но за то философы эмпирической школы, начиная съ Локка, стали отрицать какъ врожденность вѣры въ причину, такъ и всеобщность ея. Понятіе причинности, по ихъ мнѣнію, пріобрѣтается изъ опыта и пріобрѣтается далеко не всѣми людьми. Несостоятельность такого взгляда обнаруживается сама собою. Если подѣ „вѣрой въ причину“ разумѣть какое-нибудь философское опредѣленіе причинности или специально-научное понятіе причинной связи какъ „неизмѣнной послѣдовательности между предшествующимъ и послѣдующимъ“, или другую чисто-теоретическую формулу, то очевидно что подобная вѣра въ причину не только не всеобща, но даже составляетъ достояніе лишь незначительнаго по численности меньшинства. Но подобный аргументъ былъ бы не болѣе какъ софизмъ, такъ какъ никто и не утверждаетъ, будто присущая всѣмъ людямъ идея причины сознается именно въ формѣ точно опредѣленной философской или научной аксіомы. Естественная и *всеобщая* вѣра въ причинность не въ философ-

скихъ формулахъ и дефиниціяхъ, а въ томъ что человѣкъ, хотя бы дикарь, не въ силахъ представить себѣ или мыслить явленіе безъ нѣкоторой какой на есть причины. Напрасно ссылаются какъ на аргументъ противъ всеобщности этой вѣры, на весьма распространенныя между людьми понятія случая и чудеснаго, сверхъестественнаго. Приписывая то или другое событіе случаю, никто на самомъ дѣлѣ не воображаетъ что оно произошло безо всякой причины; случайнымъ мы называемъ просто то что нами не предвидѣно, все неожиданное, не поддающееся расчету и вычисленію. Вѣра же въ возможность нарушеній естественной связи и преемственности явленій, вѣра въ колдовство, магію, кабалистику, словомъ, всякаго рода суевѣріе вовсе не опровергаетъ всеобщности понятія причины, а напротивъ подтверждаетъ ее, служа нагляднымъ доказательствомъ того, съ какою легкостью люди за неимѣніемъ дѣйствительныхъ причинъ явленій прибѣгаютъ къ созданіямъ своей фантазіи, къ причинамъ воображаемымъ, измышленнымъ. Во всѣхъ своихъ безконечно разнообразныхъ формахъ суевѣріе вытекаетъ именно изъ потребности человѣческаго ума все объяснять, всѣмъ отыскивать причину; а эта потребность въ свою очередь необходимо предполагаетъ присутствующую всѣмъ и каждому идею причинности. Что же касается утвержденія эмпирической школы, будто вѣра въ причинность опытнаго происхожденія и есть результатъ ежедневно, даже ежечаено повторяющихся наблюденій надъ тѣмъ что вокругъ насъ происходитъ, то подобный взглядъ опровергается именно на основаніи фактовъ и данныхъ опыта. Причина какого-либо явленія внѣшняго міра такъ же мало входитъ въ область ощущенія какъ и субстанція предполагаемая нами въ основѣ ощущимыхъ качествъ вещей. Единственно доступное чувствамъ, это—преемственность, временная послѣдовательность явленій: за извѣстнымъ фактомъ, напримѣръ нагрѣваніемъ куска желѣза или приближеніемъ зажженнаго фитиля къ пороху, слѣдуетъ другой фактъ, положимъ увеличеніе объема желѣза, взрывъ пороха. Но чтобы предшествующій фактъ былъ *причиной* послѣдующаго, чтобы между тѣмъ и другимъ существовала чинная связь кромѣ простаго чередованія, объ этомъ чувства намъ не говорятъ ровно ничего. Эту связь между предшествующимъ и послѣдующимъ, какъ между причиной и дѣй-

ствіемъ, мы уже сами вносимъ въ явленія, въ силу своей собственной нашему уму идеи причинности. Допустимъ однако въ видѣ предположенія что наблюдаемыя нами постоянство и неизмѣнная послѣдовательность извѣстныхъ явленій *наводятъ* насъ на понятіе причины, допустимъ что послѣднее такимъ образомъ есть результатъ и пріобрѣтеніе опыта. Въ такомъ случаѣ становится рѣшительно непонятнымъ, отчего люди подводятъ *всѣ* явленія, *все* существующее подъ категорію причинности, отчего они непоколебимо убѣждены что *всякое* измѣненіе должно имѣть причину. Въдѣ въ опытѣ каждаго, даже ученѣйшаго человѣка, встрѣчается несравненно больше такихъ явленій и фактовъ причинъ которыхъ онъ не знаетъ, нежели такихъ которыхъ причины ему извѣстны. Слѣдовательно, на основаніи опыта люди должны бы придти къ заключенію что многія явленія имѣютъ причину, а несравненно большее число ихъ *безпричинны*. На дѣлѣ же мы видимъ совсѣмъ другое: вѣра во всеобщую приложимость понятія причинности, невозможность мысленно допустить исключеніе, то-есть отсутствіе причины въ чемъ и гдѣ бы то ни было, составляетъ фактическій, непреложный законъ человѣческаго мышленія, законъ настолько противорѣчащій даннымъ дѣйствительнаго опыта что попытка произвести его именно изъ этого источника является болѣе чѣмъ странною.

Въ этомъ отношеніи Луизъ не раздѣляетъ мнѣнія другихъ представителей эмпирической школы. Онъ открыто признаетъ что идея причинности не есть и не можетъ быть результатомъ индивидуальнаго опыта, обобщеніемъ нашихъ личныхъ наблюденій; онъ допускаетъ ея врожденность каждому изъ насъ, въ томъ смыслѣ, конечно (согласно его теоріи апріорныхъ идей), что понятіе причины было нѣкогда опытомъ нашихъ (доисторическихъ) предковъ, а намъ досталось уже готовымъ, въ видѣ унаслѣдованной особенности нашего нервнаго организма, словомъ, какъ „регистрованный опытъ“. Но доказавъ что идея причины предварительна всякому личному опыту, установивъ для нея весьма почетную по своей доисторической древности родословную, Луизъ тѣмъ не менѣе относится очень не дружелюбно къ потомку доблестныхъ „предковъ“. Отчего же? спрашиваете вы. Увы! именно оттого что глубоко засѣвшая въ человѣческія головы идея причины вѣчно заставляетъ ихъ спрашивать: *отчего?* Будь въ арсеналѣ положительной философіи готовые

и притомъ удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, такъ это бы еще ничего; но бѣда въ томъ что многое множество такихъ „отчего“ остаются безъ положительнаго отвѣта, а такъ какъ согласно старинной схоластической аксіомѣ природа „не терлитъ пустоты“, то мѣсто отсутствующихъ отвѣтовъ мгновенно занимаютъ *таинственность, загадочность*, личные враги нашего философа. И дѣйствительно, изъ всѣхъ основныхъ понятій, подъ которыя человѣкъ подводитъ матеріалы своего внутреннего и вѣшняго опыта, ни одно не порождаетъ столько таинственности, ни одно не погружаетъ созерцаніе въ такую бездну непроницаемаго мрака какъ именно идея причинности.

Захотѣлось вамъ, положимъ, разъяснить окружающіа васъ явленія. Предметомъ вашихъ наблюденій пусть будутъ явленія тяжести или теплоты, свѣта или электричества, звука или магнетизма, химическаго сродства или органической жизни, словомъ — какіе угодно физическіе процессы, постоянно совершающіеся на вашихъ глазахъ. Даже не имѣя понятія о научныхъ приѣмахъ и точныхъ опытахъ, будучи ограничены средствами собственной проницательности, вы навѣрно не сочтете безпричинными феномены въ родѣ таинія свѣга превращенія воды въ ларъ, а непремѣнно примете ихъ за дѣйствіе теплоты. Но что такое теплота? почему она производитъ именно такіе эффе́кты? Это, конечно, остается для васъ рѣшительно непонятнымъ. Вы тутъ имѣете дѣло съ положительными, неизмѣнными фактами, которые, при всей своей положительности и неизмѣнности, совершенно непостижимы. Съ одною проницательностью тутъ очевидно далеко не уйдешь; дѣлать нечего, необходимо обратиться къ помощи кропотливыхъ изслѣдованій и точныхъ экспериментовъ; авось тогда непонятное станетъ яснымъ, непостижимость устрани́тся.

Итакъ, не довольствуясь непосредственнымъ свидѣтельствомъ чувствъ и гадательными выводами, вы приступаете къ наблюденіямъ уже съ помощью инструментовъ, точнаго вычисленія и измѣренія, словомъ, со всеми средствами всесторонняго научнаго анализа. Изучая отдѣльные случаи ладенія и равновѣсія тѣлъ, ихъ плотности и удѣльнаго вѣса давленія жидкостей и газовъ, электрическихъ и магнитныхъ притяженій и отталкиваній, теплопроводимости различныхъ веществъ, случаи перехода тѣлъ изъ твердаго въ жидкое и газообразное состояніе и *vice-versa*, случаи отраженія и преломленія свѣта, химическихъ соединеній и разложеній

и пр. и пр., вы объясняете всѣ эти явленія какъ дѣйствія нѣкоторыхъ причинъ, какъ обнаруженія нѣкоторыхъ силъ, которыми и даете подходящія названія: тяжести, электричества, магнетизма, свѣта, теплоты, химическаго сродства и пр. и пр. Извѣстно ли вамъ теперь, то-есть по тщательномъ изученіи множества отдѣльных фактовъ, *что такое* тяготѣніе, электричество, магнетизмъ и т. д.? Понятно ли теперь *отчего* эти причины или силы производить именно наблюдаемыя вами, а не какія-нибудь совершенно иныя дѣйствія? Увы! все это также неизвѣстно и непонятно теперь какъ и прежде; научный анализъ фактовъ, научное изученіе явленій не привели насъ къ рѣшенію этихъ основныхъ проблемъ. Сфинксъ отвѣчалъ на вопросъ: *какимъ образомъ?* но остался нѣмъ на вопросы: *что такое?* и *отчего?*

Но любознательность не довольствуется полуотвѣтомъ; пытливыи умъ человѣческій не останавливается предъ препятствіями, не унываетъ въ виду преградъ; его законъ и лозунгъ: вперед! Быть-можетъ основы и причины существующаго остались загадочными вслѣдствіе дробленія и специализаціи изслѣдованія, вслѣдствіе недостаточно широкаго обобщенія. Быть-можетъ мысль, занятая исключительно частными случаями, единичными фактами, не могла еще возвыситься до общаго, до цѣлаго, не успѣла соединить все частное и единичное въ обширномъ синтезѣ. Но положимъ теперь что послѣ неимоверныхъ усилій, послѣ долгихъ и терпѣливыхъ трудовъ, удалось наконецъ справиться съ необозримымъ матеріаломъ опыта и наблюденія: громадная масса фактовъ, надлежащимъ образомъ сгруппирована и распределена по соотвѣствующимъ отдѣламъ и классамъ; выдѣлено все существенное, неизмѣнное, устранено все второстепенное, случайное. Удалось свести множество самыхъ разнородныхъ, повидимому, фактовъ къ небольшому числу простыхъ, постоянныхъ данныхъ; связь и послѣдовательность явленій точно установлены, ихъ условія строго опредѣлены и выражены въ математическихъ формулахъ; словомъ, открыты *законы* изслѣдуемыхъ явленій. Безъ сомнѣнія, чрезъ это кругъ человѣческаго знанія значительно расширился; теперь ужъ отдѣльные случаи призмѣненія открытыхъ законовъ будутъ совершенно понятны. На вопросы: отчего падающій камень въ пять секундъ пробѣгаетъ пространство въ $5 \times 5 \times 4,9$ или $122\frac{1}{2}$ метра? отчего смѣсь изъ равныхъ количествъ воды при 10^0 и желѣза при

0° принимаетъ температуру 90°? Отчего объемъ газовъ уменьшается при увеличеніи давленія и наоборотъ? отчего 14 вѣсовыхъ частей азота соединяются съ тремя вѣсовыми частями водорода, дабы образовать амміакъ? и т. д. — вы отвѣчаете что все это частные случаи, прямо вытекающіе изъ общихъ законовъ, какъ-то: паденія тѣлъ, теплостокостей или удѣльныхъ теплотъ, расширенія и плотности газовъ, постоянныхъ и кратныхъ пропорцій химическихъ соединений.

Но развѣ знаніе законовъ этихъ явленій не равносильно со знаніемъ ихъ причинъ? Нисколько; ибо то что мы называемъ „закономъ“ есть не что иное какъ точное опредѣленіе наблюдаемыхъ фактовъ, болѣе или менѣе строгая математическая формула условій при которыхъ происходитъ данный рядъ явленій. Правда, эти формулы приложимы къ безконечному множеству частныхъ случаевъ, изъ этихъ опредѣленій можно вывести массу единичныхъ фактовъ; но проливая свѣтъ на хаосъ непосредственныхъ данныхъ чувствъ, законы природы, по выраженію Дж. Ст. Милля, „не даютъ намъ отчета въ своемъ собственномъ существованіи.“ Узнавъ *какимъ образомъ*, при какихъ численныхъ условіяхъ и неизмѣняемыхъ отношеніяхъ происходятъ явленія, мы полпрежнему остаемся въ полномъ невидѣніи причинъ такого лорядка вещей. *Законы*, это высшая инстанція, разрѣшающая массу затрудненій возникшихъ въ низшей инстанціи чувственного воспріятія, въ свою очередь представляется намъ загадочнымъ оракуломъ, который отвѣчаетъ на всѣ вопросы, исключая вопросовъ касающихся его самого, и объясняетъ все кромѣ своей собственной природы.

Не довольствуясь и этимъ знаніемъ, то-есть знаніемъ законовъ, точныхъ формулъ, выражающихъ фактическую сторону явленій, человѣческая любознательность идетъ дальше. Возникають догадки, гипотезы, теоріи. Эмпирически найдено напримѣръ что по своему составу всѣ тѣла сводятся къ нѣсколькимъ десяткамъ простыхъ тѣлъ или химическихъ элементовъ, различныя сочетанія которыхъ производятъ все безконечное разнообразіе неорганическихъ и органическихъ веществъ; хотя до сихъ поръ не удалось разложить эти конечныя единицы матеріи на болѣе простые элементы, но тѣмъ не менѣе, стремясь къ единству, умозрѣніе *предполагаетъ* что большинство ихъ, а можетъ-быть и всѣ суть сложные продукты, а вовсе не первоначальные элементы, что дѣйствительно первобытныхъ элементовъ всего два или

даже одинъ, хотъ напримѣръ водородъ. Такимъ образомъ все необозримое разнообразіе вещественнаго состава тѣлъ оказалось бы слѣдствіемъ различнаго способа сочетанія и группировки однородныхъ атомовъ. Для объясненія явленій тяжести, теплоты, свѣта и пр., законы которыхъ извѣстны, прибѣгали къ предположенію силъ притяженія, отталкиванія, сцѣпленія, химическаго сродства и пр., а для объясненія этихъ силъ—къ гипотезѣ невѣсомыхъ агентовъ: теплорода, свѣтового вещества, электрической и магнитной жидкостей и т. д. Что же, принимая гипотезы за доказанныя истины, допуская полную реальность этихъ разнородныхъ силъ и невѣсомыхъ жидкостей, дошли ли мы наконецъ до постиженія самой сути и первичныхъ причинъ явленій? Ниоимъ образомъ! Мы добрались до нѣкотораго субстрата видимыхъ явленій; а еслибы мы даже знали (что конечно невозможно), что такое эти силы и субстраты, то все-таки осталось бы неизвѣстнымъ *откуда* собственно они взялись и *почему* дѣйствуютъ такъ и не иначе.

То же самое будетъ если, подымаясь выше въ процессъ обобщенія, мы объявимъ всѣ эти разнородныя абстрактныя силы и невѣсомые агенты за фикцію и остановимся на слѣдующемъ положеніи: всѣ явленія вселенной сводятся къ *движенію*: движенія массъ, движенія атомныя или молекулярныя, движенія космической среды, эюра—вотъ альфа и омега міроваго процесса. Принципы механики всеобщи и примѣнимы къ самымъ малымъ частицамъ также какъ и къ самымъ громаднымъ массамъ вещества. Всѣ проблемы равновѣсія, движенія и покоя доступныхъ нашимъ чувствамъ частей матеріи разрѣшаются механикой массъ, а работа силъ внутри тѣлъ есть исключительно динамическій процессъ молекулярныхъ движеній. Такимъ образомъ всѣ явленія теплоты, свѣта, электричества, магнетизма, химическаго дѣйствія, органическихъ образованій, частичныхъ сцѣпленій, земной тяжести и всемірнаго тяготѣнія сводятся въ концѣ-концовъ къ молекулярной механикѣ, то-есть обуславливаются разнообразными движеніями, отчасти атомовъ въ-сомой матеріи, образующей химическій составъ тѣлъ, отчасти же атомовъ всепроникающей міровой среды—эюра. Движеніе присуще всякой частицѣ матеріи и, какъ она, неуничтожаемо, а такъ какъ всѣ явленія природы зависятъ отъ движенія и суть движеніе, то могутъ превращаться одна въ другія (теплота въ свѣтъ, въ механическую работу; свѣтъ

и электричество—въ теплоту, химическое дѣйствіе и т. д.), причемъ количество энергіи сохраняется, то-есть остается неизмѣннымъ, постояннымъ, неизмѣнимо-неуничтожаемымъ.

Итакъ, мы наконецъ дошли до единого начала: сущность и причина всѣхъ явленій есть *движеніе*. Не успокойтесь ли наконецъ на этомъ результатѣ вѣчно безлокойный странникъ, умъ человѣческій? Вѣдь эта теорія отнюдь не фантазія досужнаго мечтателя, а напротивъ, по крайней мѣрѣ насколько дѣло касается совокупности физическихъ явленій—общій выводъ положительной науки, высшій результатъ современнаго естествознанія.

Теперь спрашивается: зная что движеніе есть единственная причина явленій, знаемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ причину явленій? Вопросъ можетъ показаться страннымъ, а еще болѣе страннымъ отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, мы этой причины не знаемъ! А между тѣмъ это вовсе не парадоксъ. Хотя вамъ отлично извѣстно что причина звука есть волнообразное движеніе воздуха и причина свѣта—вибраціи эѳира, хотя бы даже вы знали въ точности длину и амплитуду воздушныхъ и эѳирныхъ волнъ, соответствующихъ каждому отдѣльному звуку или цвѣту, а также число и интенсивность этихъ дрожаній, вы все-таки нисколько не постигли бы *отчего* эти дрожанія воздуха и эѳира производятъ явленія звука и свѣта, *почему* извѣстное число вибрацій даетъ положимъ красный цвѣтъ, другое—зеленый, третье—впечатлѣніе теплоты, четвертое—химическое дѣйствіе и т. д. Да и откуда взялись, какъ возникли эти молекулярныя движенія? гдѣ причина этой причины? Легко сказать что движеніе нераздѣльно отъ атомовъ, что оно вѣчно присуще веществу. Отчего бы такъ? спрашивается. А priori такая необходимость далеко не очевидна, а опытно, а posteriori, она доказана быть не можетъ, такъ какъ опытъ говорить намъ лишь о томъ что *есть*, а отнюдь не о томъ что *должно* быть, что иначе быть не можетъ.

Къ тому же при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается что мнимо-единое начало, *движеніе*, на самомъ дѣлѣ вовсе не единое или, по крайней мѣрѣ, при всемъ единствѣ, весьма многостороннее. Всѣ явленія сводятся къ движенію; хорошо, но спрашивается: къ движенію чего? Вещества! И вотъ вамъ уже два начала: движеніе и *вещество*. Но вещество необходимо протяженно, а непрѣмѣнное условіе движенія есть пространство. Итакъ вотъ уже третье начало,—

пространство. Матерія есть нѣчто *пребывающее* въ пространствахъ, необходимый постулатъ движенія есть *время*; вотъ и четвертое начало. Движеніе, будучи источникомъ самыхъ разнородныхъ дѣйствій, обнаруживаясь въ безконечно разнообразныхъ формахъ тяжести, сцѣленія, тепла, звука, свѣта, электричества, химическихъ соединений и разложеній и пр. и пр., должно быть разсматриваемо какъ *сила* производящая различнѣйшіе условные эффекты. Вотъ и пятое начало или по меньшей мѣрѣ новое основное понятіе, необходимо вытекающее изъ понятія „движеніе“. Незачѣмъ продолжать перечень и увеличивать фалангу „началъ“, подразумѣваемо содержащихся въ „единомъ началѣ“; и безъ того очевидно что если намъ неоткуда взять причину „движенія“, то-есть простаго атрибута вещества, то справиться съ *матеріей, пространствомъ, временемъ и силой* и проч. не удастся и подавно.

Такимъ образомъ нѣтъ той высоты обобщенія гдѣ бы разумъ не встрѣчалъ преградъ, гдѣ бы не возникъ вопросъ: что дальше? что за этою преградой? Какъ бы далеко ни простиралось изслѣдованіе, какъ бы глубоко ни проникъ анализъ, не дойти имъ никогда до такихъ данныхъ которыя служа объясненіемъ для множества фактовъ и явленій, въ свою очередь не нуждались бы въ объясненіи и не вызвали бы вопроса о причинѣ этихъ конечныхъ данныхъ, словомъ, гдѣ не возникъ бы составляющій законъ и стимулъ человѣческой природы вѣчно неумолкаемый вопросъ: *отчего?*

2. Законъ, сила и причина по ученію Льюиса.

Schüler: Ich wünschte recht gelehrt zu werden,
Und möchte gern, was auf der Erden
Und in dem Himmel ist, erfassen,
Die Wissenschaft und die Natur.

Mephist: Da seid ihr auf der rechten Spur.

Goethe.

Не мудрено что за такую „неблагодарность“ въ позитивномъ смыслѣ Льюисъ сильно не долюбиваетъ идею причинности. Онъ желалъ вырвать ее съ корнемъ, сдѣлать то что Нѣмцы называютъ *kurzen Prozess*, то-есть, говоря языкомъ юридическимъ, постулить въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства. Онъ объявляетъ полное тождество дѣйствія и

причины, явления и закона, обнаружения силы и самой силы. Его аксіома: „эффектъ есть причина“ резко расходится, конечно, со всеобщим вѣрованіемъ людей и явно противорѣчитъ обыкновенному здравому смыслу. Да это бы еще ничего; бѣда въ томъ что природная вѣра въ причинность находить могущественную союзницу въ наукѣ, подтверждается и укрѣпляется всѣми результатами положительнаго знанія. Вѣдь принципъ причинной связи есть самая душа науки, двигатель всякаго изслѣдованія, виновникъ всякаго открытія и, по выраженію Дж. Ст. Милля, „корень всей теоріи индукціи, то-есть единственнаго способа пріобрѣтенія человекомъ дѣйствительныхъ познаній.“

Какимъ же образомъ, въ виду этого факта стереть съ лица земли понятіе причины? Задача по истинѣ не легкая. Прежде всего Лунсъ *дереализуетъ* науку, приговаривая ее, по лишенію всѣхъ правъ реальности, къ ссылкѣ въ не столь отдаленный мѣсто идеальной области. Рѣшеніе это, подробно мотивированное въ главѣ *идеальное построеніе въ наукѣ*, сводится къ слѣдующему: реально все то и *только то* что ощущается; а такъ какъ наука (въ самомъ обширномъ смыслѣ, не исключая даже естествознанія) не имѣетъ дѣла съ непосредственными данными чувствъ, а съ выводами, то ей свойственъ не реальный, а идеальный характеръ, наука есть „идеальное построеніе“. Она, говоритъ авторъ (I 286), „на крыльяхъ воображенія поднимается въ области невидимаго и неосязаемаго и населяетъ ихъ *фигурами*, которыя болѣе далеки отъ факта чѣмъ вымыслы арабскихъ сказокъ отъ вседневныхъ происшествій Оксфордской улицы.“ Такимъ изреченіемъ Лунсъ отнюдь не желаетъ, впрочемъ, „бросить тѣнь сомнѣнія“ на достовѣрность научныхъ заключеній; о нѣтъ! Наука, на его взглядъ, истинна, даже весьма истинна, поскольку ея „банкноты могутъ быть промѣниваемы на звонкую монету“, другими словами, поскольку ея выводы приводимы къ конкретнымъ, чувственнымъ даннымъ; но дѣло въ томъ что реальные факты въ дѣйствительности никогда не бываютъ тѣмъ чѣмъ они представляются въ научныхъ *фигурахъ*, то-есть въ идеальныхъ построеніяхъ науки. Слѣдовательно — это заключеніе авторомъ не высказывается, а предоставляется собственной провицательности читателя—если, между прочимъ, понятіе причины играетъ такую первостепенную роль въ наукѣ, то это еще ничуть не доказываетъ реальности

какихъ-либо причинъ явленій; причинная связь всего существующаго есть истина въ смыслѣ идеальнаго построения, но вовсе не истина реальнаго порядка, вовсе не объективный фактъ.

Отдѣливъ надлежащимъ образомъ плевелы отъ плешницы, идеальное отъ *реального*, истинное отъ *дѣйствительнаго*, науку отъ того и другаго, т.-е. отъ реальности и дѣйствительности, Лунсъ приступаетъ къ истребленію всякихъ „причинъ“ уже прямо, безъ дальнихъ околичностей. Прежде всего онъ жалуется (I, 293) на вредное вліяніе „того ошибочнаго и почти всеобщаго понятія, будто явленія природы *опредѣляются законами*“. Это понятіе, продолжаетъ авторъ, „необходимо замѣнить *болѣе точнымъ* понятіемъ, что *законы опредѣляются явленіями*; такъ-называемые законы природы суть не объективные существа, а субъективные отвлеченія, формулы въ которыхъ разнообразныя явленія теряютъ свое разнообразіе и приводятся къ единству.“

Законы опредѣляются явленіями—въ этихъ трехъ словахъ вся суть Лунсовой доктрины причинности. Если придать ей тотъ смыслъ что наше *знаніе* законовъ опредѣляется явленіями, то-есть что законы выводятся нами изъ явленій, а не наоборотъ (явленія изъ законовъ), то съ положеніемъ автора не трудно согласиться. Очевидно также что отвлеченныя понятія и формулы соответствующія въ нашемъ умѣ „законамъ природы“ не суть объективные существа, что не ими, то-есть не нашими понятіями и формулами, управляются реальныя явленія. Да развѣ кто-нибудь воображаетъ будто математическая формула, положимъ, пропорціональности массамъ и обратной пропорціональности квадратамъ разстояній есть реальная причина всемірнаго тяготѣнія и вдобавокъ объективное, матеріальное существо? Въ подобной ли нелѣпости заключается „почти всеобщее понятіе что явленія природы управляются законами“? Нисколько. Оно заключается въ томъ что всѣ явленія суть дѣйствія нѣкоторой *причины*, обнаруженія нѣкоторой *силы* дѣйствующей по правильнымъ, постояннымъ нормамъ или законамъ. Когда извѣстны эти способы и нормы дѣйствія неизвѣстной причины, то точное ихъ выраженіе называютъ „закономъ“ явленій. Когда же говорятъ что явленія управляются законами, то слово „законъ“ принимается просто въ смыслѣ „причины“ или „силы“, а вовсе не въ смыслѣ отвлеченной формулы или субъективнаго нашего понятія

о способѣ дѣйствія силъ. Это послѣднее представленіе было бы дѣйствительно крайне „ошибочно“; единственное оправданіе его заключается въ томъ что оно не только не „почти всеобщее“, а напротивъ, даже вовсе не существуетъ. Да и не противъ этого заблужденія направлена аргументація Льюиса, а прямо противъ признанія какихъ-либо причинъ или силъ въ основѣ явленій, что обнаружится вполнѣ изъ его дальнѣйшихъ разсужденій.

Въ главѣ: *Что такое законы природы?* мы читаемъ между прочимъ (I, 303): „Въ силу одной изъ тѣхъ иллюзій въ которыя легко впадаетъ философія, предполагають что законъ природы занимаетъ въ отношеніи къ естественнымъ объектамъ положеніе аналогическое съ положеніемъ законодательнаго акта въ отношеніи къ общественной жизни. Законы составляютъ родъ мудрой законодательной системы, которая держитъ де природу въ порядкѣ.“ Дѣйствительно, люди наивно полагають что вселенная держится не исключительно позитивною системой, а чѣмъ то другимъ, болѣе непостижимымъ. „Что же такое законъ?“ спрашиваетъ авторъ и тутъ же отвѣчаетъ (I 306): „Просто рядъ положеній занимаемыхъ каждымъ явленіемъ при отдѣльныхъ условіяхъ. Положеніе не опредѣляется рядомъ, явленіе не вынуждается закономъ, но каждое преемственное положеніе составляетъ равнодѣйствующую силъ дѣйствующихъ вѣсть.“ Чрезвычайно ясно, не правда ли? Законъ есть *просто* „рядъ положеній занимаемыхъ даннымъ явленіемъ“. Жаль только что подъ конецъ тирады ясность затмевается введеніемъ какихъ-то „вмѣстѣ дѣйствующихъ силъ“, какъ будто обусловливающихъ весь „рядъ положеній“, какъ будто опредѣляющихъ самое явленіе. Что же такое эти „вмѣстѣ дѣйствующія силы“ какъ не то самое что простые смертные называютъ *причиной*, а также *закономъ* явленій? Стало-быть послѣднія производятся-таки чѣмъ-нибудь? О нѣтъ! Оставляя вопросъ о „вмѣстѣ дѣйствующихъ силахъ“ въ сторонѣ, Льюисъ продолжаетъ такъ:

„Каждый процессъ, говорятъ намъ, имѣетъ законы, известные или неизвестные, согласно съ которыми онъ *долженъ* совершиться.“ Надо признаться что таково, дѣйствительно, весьма распространенное людское мнѣніе. „Я же, объясняетъ авторъ, считаю это выраженіе весьма неточнымъ или подающимъ поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Законъ и *есть* самый процессъ и въ этомъ случаѣ нѣтъ другаго

должно кромѣ того которое подразумевается въ тождественномъ предложеніи, что процессъ долженъ быть процессомъ.“ Итакъ, подобно тому какъ „предметы суть наши ощущенія и ничего болѣе“, оказывается что *законы явленія суть сами явленія* и только. Если опять-таки рѣчь идетъ о нашемъ знаніи законовъ, то очевидно что оно тождественно съ знаніемъ самыхъ явленій; формы выражающія „законы“ даннаго процесса суть не что иное какъ словесное обозначеніе самаго процесса. Да не объ этомъ идетъ рѣчь; аргументы автора мѣтатъ даальше и выше. „Еслибы, говорить онъ (I, 360), существенное тождество закона, причины и факта было должнымъ образомъ понято, то разсѣялось бы много туманныхъ умозрѣній. Люди поняли бы что словами *законы* или *причина* они выражаютъ только то что было наблюдаемо или выведено посредствомъ умозаключеній какъ фактъ. Новый терминъ не прибавилъ ничего новаго къ старому. Но несчастная (увы!) наклонность предполагать что различіемъ въ терминахъ означаетъ соответственное различіе въ вещахъ, рано привела людей къ предположенію что законъ на самомъ дѣлѣ означаетъ нѣчто находящееся вѣдѣ и выше факта. Между тѣмъ законъ природы есть не *дѣятель* и не *сила*, имѣющіе принудительную власть надъ веществами, но отвлеченное выраженіе ряда положеній принимаемыхъ субстанціями при данныхъ условіяхъ. Законъ не *творецъ* явленій, а ихъ форма. Онъ не предшествуетъ имъ и не вынуждаетъ ихъ, а развивается изъ нихъ.“ А нѣсколько строкъ ниже авторъ прибавляетъ, что „законъ и причина тождественны. Это становится яснымъ какъ только мы возстановимъ конкретны отъ которыхъ они отвлечены.“

Прямой смыслъ этихъ разсужденій не только тотъ что реальныя явленія не управляются отвлеченными идеями, то-есть словесными формулами законовъ,—противъ этого никто вѣдѣ и не спорить,—но также тотъ что дѣйствительныя законы природы, дѣйствительныя причины явленій *суть* именно не иное что какъ отвлеченныя формулы, какъ идеальныя понятія; короче: существуютъ одни лишь явленія, факты, но законовъ явленій, причинъ фактовъ не существуетъ; это не реальность, а „идеальное построеніе“. Противъ такой интерпретаціи словъ Лунса можно пожалуй спорить, ибо во всѣхъ щекотливыхъ матеріяхъ авторъ прибѣгаетъ къ такому способу изложенія что, если только разсужденіе занимаетъ четыре, пять печатныхъ строкъ,

то непременно допускаетъ два, а иногда и больше, противоположныхъ толкованій. Къ счастью, для недоумѣвающегоъ читателя Луисъ также питаетъ склонность къ краткимъ сентенціямъ въ формѣ лаконическихъ афоризмовъ. Въ этихъ афоризмахъ все просто и прозрачно; толкованій въ правую и въ лѣвую сторону, туда и сюда они не допускаютъ. Обратимся же къ этому источнику для полного разъясненія и точнаго комментарія вышеприведенныхъ разсужденій.

„Гдѣ тотъ мостъ черезъ который объектъ переходитъ въ субъектъ, а причина въ дѣйствіе?“ спрашиваетъ Луисъ (II, 16), и отвѣчаетъ категорическимъ образомъ: „Такого моста *не существуетъ*. Объектъ *есть* объекто-субъектъ; причина *есть* дѣйствіе; *natura naturans* *есть* *natura naturata*.“ Выраженная въ терминахъ простой рѣчи, и такъ-сказать, *mise à la portée des enfants*, эта сентенція означаетъ: у васъ болитъ голова либо палецъ, значитъ дѣйствіе, то-есть ощущеніе боли, *есть* въ то же время причина боли. У мужика сгорѣла изба? такъ знайте же что дѣйствіе, т.-е. самый пожаръ, *есть* единственная причина пожара. Вѣрнѣе, существуютъ одни лишь факты, положимъ головная боль или пожаръ избы, причинъ же этихъ фактовъ нѣтъ никакихъ. Да и на что онѣ вамъ, причины? Что *есть*, то и *есть*—вотъ и все!

Далѣе, съ ожесточеніемъ вооружаясь противъ „непознаваемости“ основъ бытія, признанной какъ философіей, такъ и положительною наукой, ратуя противъ *надолго* *повторяющагося положенія* что мы можемъ знать только обнаруженія силъ, дѣйствія причинъ, а что самая природа силъ и причинъ намъ совершенно неизвѣстна, Луисъ объявляетъ (II, 342): „Я же говорю, мы знаемъ въ одинаковой степени какъ причину такъ и эффектъ (дѣйствіе), *потому что причина и эффектъ одно и то же*. Паденіе тѣла *есть* тяготѣніе тѣла.“ Если это блистательное положеніе будетъ по достоинству оценено и принято какъ руководящее начало научныхъ и философскихъ изысканій, то, очевидно, задача настоящихъ и будущихъ изслѣдователей окажется упрощенною до невѣроятной степени. Пусть предметомъ вашихъ ученыхъ изслѣдованій будетъ „возникновеніе и развитіе организмовъ“ или „причины перемежающейся лихорадки“. Вы разсуждаете просто такъ: „Причина и эффектъ одно и то же“, ergo: возникновеніе и развитіе организмовъ *есть* причина такого возникновенія и развитія, а перемежающаяся лихорадка *есть* причина перемежающейся лихорадки.

„Паденіе тѣлъ есть тяготѣніе тѣлъ“, слѣдовательно химическое соединеніе разныхъ веществъ *есть* химическое сродство этихъ веществъ; повышение ртути въ барометрѣ или термометрѣ *есть* давленіе атмосферы или температура окружающей среды; рана отъ осколка гранаты *есть* осколокъ гранаты: смерть отъ яда *есть* самый ядъ, и такъ далѣе до безконечности. Словомъ, коль скоро *natura naturans* то же самое что *natura naturata*, коль скоро явленіе и причина, дѣйствіе и сила реально не различны и суть одно и то же, то все на свѣтѣ объясняется само собою или вѣрнѣе ни въ какомъ объясненіи не нуждается. Вѣдь объяснить значитъ показать основанія фактовъ, ихъ зависимость другъ отъ друга; если же такихъ основаній и зависимостей вовсе не существуетъ, то стало-быть не о чемъ и толковать.

Наглядности ради приведемъ еще два-три изреченія изъ втораго тома *Вопросовъ*. „Философы, читаемъ мы (II, 345), вообще очень легко допускаютъ непознаваемые причины создателями познаваемыхъ эффектовъ. Еслибы не было столь понятна происхожденіе этой *фукции*, то можно было бы спросить: какимъ же образомъ доходите вы до познанія присутствія непознаваемой причины въ познаваемыхъ эффектахъ?“ Весьма просто, отвѣчаемъ мы. До познанія, вѣрнѣе до признанія причины каждаго явленія въ частности и всего существующаго вообще мы собственно говоря вовсе не *доходимъ*, ибо это признаніе врождено намъ и составляетъ инстинктивное вѣрованіе, непреложный законъ самой человѣческой природы. Что же касается непознаваемости первичныхъ причинъ, то до признанія ея мы дошли какъ собственнымъ опытомъ, такъ и вѣковымъ опытомъ всего человѣчества (не опытомъ „предковъ“ якобы „регистрованнымъ“ въ нашемъ нервномъ строеніи, а результатами ихъ опыта, переданными потомству въ памятникахъ религій, философіи, науки, литературы). Усилія величайшихъ умовъ всѣхъ временъ, ихъ попытки раскрыть тайну вселенной, проникнуть въ сущность и основанія бытія остались тщетными; а еслибы это не было совершенно достаточнымъ мотивомъ для признанія непознаваемости первичныхъ причинъ, то таковымъ мотивомъ явилась бы элементарная, всѣмъ извѣстная аксіома: „часть меньше цѣлаго и не можетъ вмѣщать его въ себя.“ Въ силу этой простой аксіомы очевидно что пылунка не

можетъ обнимать собою вселенную, минута—вѣчность, отчужденное—абсолютное, а человѣческій умъ—бесконечное.

Въ другомъ мѣстѣ Льюисъ говоритъ (II, 362): „Сила есть отвлекаемое выраженіе для дѣйствія дѣятелей. Причинность есть это дѣйствіе и ничего болѣе.“ И чрезъ нѣсколько строкъ: „Вещь *есть* то что она производитъ; ея дѣйствіе есть ея существованіе.“ Стало-быть огонь есть обжогъ, саложникъ есть салогъ, а иной авторъ есть софизмъ, такъ какъ огонь *производитъ* обжогъ, саложникъ — салогъ, а авторъ — софизмы? *C'est bon à savoir!* Продолжаемъ (ibid): „Мы отвлекаемъ это дѣйствіе и олицетворяемъ отвлечение. Такимъ образомъ *тайнственность, подпущу наущенная* на представленіе *силы*, исчезаетъ какъ только мы сводимъ ее на чувственные конкреты.“ Вотъ ужъ это совершенно вѣрно! При такихъ философскихъ приемахъ *исчезаетъ* не только „тайнственность“, но вмѣстѣ съ нею и „сила“ и „причина“, словомъ, исчезаетъ и улетучивается рѣшительно все; остается одно только утѣшительное сознаніе, выражающееся въ словахъ Фауста:

Da steh' ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug, als wie zuvor.

Читатель быть-можетъ спроситъ: неужели Льюисъ такъ-таки окончательно отвергаетъ существованіе причинъ или силъ производящихъ видимыя явленія? Возможно ли чтобъ онъ, фізіологъ, психологъ и вообще горячій полупаризаторъ естествознанія и приверженецъ положительно-научнаго метода, дѣйствительно вѣрилъ въ тожество эффекта и причины и отрицалъ то что составляетъ непремѣнное условіе возможности и какъ бы душу науки, именно принципъ причинной связи? Отвѣчаемъ: въ главахъ специально посвященныхъ проблемѣ причинности Льюисъ дѣйствительно безусловно отвергаетъ существованіе „причинъ“ или „силъ“ и настойчиво проводить ихъ полное тожество съ эффектами или явленіями; во всѣхъ же прочихъ частяхъ его книги онъ вполне допускаетъ какъ причины такъ и силы, по крайней мѣрѣ его приемы, способъ изложенія и разсужденія таковы что непремѣнно предполагаютъ со стороны автора признаніе начала причинности. Точно такимъ же образомъ въ отдѣлѣ специально трактующемъ о субстанціи Льюисъ отрицаетъ независимое существованіе вещей самихъ по себѣ, утверждая что предметы *суть* наши ощущенія и

ничего болѣе, тогда какъ въ прочихъ отдѣлахъ своего философскаго ученія онъ разсуждаетъ какъ могъ бы разсуждать человѣкъ твердо и безусловно убѣжденный въ реальномъ, объективномъ, независимомъ отъ нашихъ ощущеній существованіи вещей.

Чѣмъ же объяснить такое внутреннее противорѣчіе теоретическаго отрицанія и практическаго признанія одного и того же? Объясненіе само собою вытекаетъ изъ прежде сказаннаго нами. Отрицать на словахъ можно все что угодно, но есть такія понятія которыя *на дѣлѣ* неотрицаемы, такія, словесное отрицаніе которыхъ не можетъ быть реализовано ни представленіемъ, ни мышленіемъ. Неполоколемая вѣра въ реальное существованіе вѣшняго міра являющагося нашимъ чувствамъ, столь же непоколебимая вѣра въ причинную зависимость и связь всего существующаго—суть коренныя законы человѣческой природы, а измѣнить законы нашей природы мы не властны. Отвергая на словахъ объективное бытіе субстанціи или причинности, мы рѣшительно не въ состояніи фактически освободиться отъ этихъ идей, которыя попрежнему будутъ управлять нашимъ мышленіемъ; мы не въ состояніи не вѣрить дѣйствительности того что теоретически отрицаемъ. Положеніе: „дважды два составляетъ тринадцать“ возможно какъ фраза, какъ сочетаніе словъ, но совершенно *нелогично*, и человѣкъ повторяющій его хоть тысячу разъ все-таки будетъ убѣжденъ что дважды два—четыре. Если такъ, спрашивается, то къ чему же и отрицать вещи, не вѣрить въ которыя для насъ невозможно? Къ чему? да хоть бы тенденціи ради! На то и существуетъ духъ системы чтобы не останавливаться ни предъ чѣмъ, даже предъ абсурдомъ. Фактическое признаніе субстанціи и причины есть необходимость человѣческаго ума, теоретическое же признаніе было бы признаніемъ непознаваемости этихъ постулатовъ мышленія. А такъ какъ Лувъ полагаетъ свою систему въ устраненіи всякой непознаваемости, или „тайны“, то онъ, какъ человѣкъ, преспокойно вѣритъ, какъ всѣ смертныя, и въ субстанцію и въ причинность, а какъ философъ, притомъ *позитивный*, столь же преспокойно отрицаетъ какъ ту, такъ и другую. *Se n'est pas plus malin que ça!*

(До слѣд. №)

А. СТАДЛИНЪ.

ПЕТЯ СКУРАТОВЪ

П О В Ъ С Т Ъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Кто изъ насъ не задавалъ себѣ частенько вопроса: событія нашей жизни, большія и самыя маленькія, совершаются ли такъ случайно, или по какой-нибудь *къ-мъ-то* и *гдѣ-то* предусмотрѣнной причинѣ?

Иногда думаешь такъ: неужели же мною, атомомъ въ мірозданіи, можетъ заниматься какое-то Провидѣніе, и не только знаетъ когда я сижу у себя въ комнатѣ и курю, и когда беру билетъ на желѣзную дорогу и ѣду, но даже побуждаетъ меня то и другое дѣлать безпричинно... думаю, думаю объ этомъ и иной разъ такъ это мнѣ кажется страннымъ, такъ непостижимымъ что я перестаю объ этомъ думать изъ страха сойти съ ума.

Другой разъ, напротивъ, съ такою ясностію и съ такою поразительною очевидностію извѣстное событіе въ моей жизни является предо мною *не случайнымъ*, а съ цѣлю, которую я узнаю и вижу послѣ, что я не только не схожу съ ума отъ мысли о зависимости каждаго моего шага отъ какой-то руководительной силы, но чувствую успокоеніе, ободреніе жить.

Невозможное, невѣроятное тогда перестаетъ меня пугать. Возможное, говорю я себѣ въ эти минуты, потому кажется мнѣ такимъ что я могу своимъ умомъ его себѣ объяснить, тогда какъ я признаю невозможнымъ то чего не могу себѣ объяснить, но, говорю я себѣ, если казавшееся мнѣ невозможнымъ или невѣроятнымъ, хотя бы разъ оказалось возможнымъ и вѣроятнымъ, то не слѣдуетъ ли изъ этого что и другое невозможное, непостижимое, можетъ быть возможнымъ, и не все ли равно что кака-то сила меня знающая, но мнѣ неизвѣстная, управляетъ мною при переходѣ изъ комнаты въ комнату, изъ улицы въ улицу, изъ страны въ страну, и въ то же время управляетъ міромъ, народами и каждымъ изъ насѣкомыхъ на землѣ...

Въ такомъ состояніи души я часто прихожу къ пониманію, почему въ данный моментъ я вдругъ совершенно по-видимому случайно ловлю изъ схваченнаго налету посторонняго разговора не какую-нибудь, а именно ту мысль которая или отвѣчаетъ на зародившійся въ эту минуту въ душѣ моей вопросъ, или на пришедшій въ голову замыселъ. Иногда долго несенная въ душѣ дурная мысль вдругъ получаетъ предостереженіе въ этихъ схваченныхъ налету и *какъ будто* случайно словахъ, но только *какъ будто*, ибо не случайно, а нарочно такъ устроилось чтобъ я налету услышалъ два-три слова и принялъ ихъ въ душу какъ предостереженіе....

Приломяная въ его цѣльности нижеслѣдующій разказъ, я лишь разъ убѣдился что нѣтъ того мелкаго и ничтожнаго эпизода въ жизни человѣка который не имѣлъ бы свою причину бытія, причемъ эта причина является въ связи съ тѣмъ или другимъ человѣкомъ, или съ нѣсколькими людьми, или съ цѣлымъ обществомъ.

Если я опоздалъ на поѣздъ совершенно непредвидѣнно и совершенно случайно, когда противъ одного шанса опоздать было 99 шансовъ не опоздать, то для меня стало очевиднымъ и несомнѣннымъ что опоздалъ я именно потому что надо было мнѣ встрѣтиться съ такимъ-то лицомъ и сыграть въ его жизни извѣстную роль.

Вотъ и все.

Послѣ этого нѣсколько можетъ-быть страннаго философскаго предисловія, думаю что пора приступить къ разказу.

I. Неожданная катастрофа.

Вмѣсто того чтобы сидѣть въ вагонѣ и спокойно продолжать путь мой изъ Вильны за границу, я очутился въ Виленьской гостиницѣ.

И случилось это вотъ почему. Мнѣ надо было видѣться съ однимъ товарищемъ на Виленьской станціи. Я ему телеграфировалъ. Онъ не явился. Я свѣлъ ему лисать. На станціи стояло два поѣзда. Слышу звонокъ.

— Это намъ? спрашиваю я у кого-то разсѣянно, пока внимательно дописывалъ письмо.

— Нѣтъ-съ, слышалось мнѣ, а остальныхъ словъ не слушаю.

Это „нѣтъ-съ“ меня успокоило, я принялся дописывать, благо было что сказать.

Еще звонокъ, динь, еще динь и еще, свистокъ, откликъ, второй свистокъ, откликъ длинный паровоза, и слышу заскрытъи вагоны.

Я заканчиваю письмо и надписываю адресъ.

Тутъ подвернулся лакей подававшій мнѣ котлету.

— Да вы баринъ не за границу ли?

— Да, а что?

— А вѣдь поѣздъ вашъ ушелъ! То-то я смотрю.

— Ушелъ?

Что дѣлать? До слѣдующаго поѣзда оставалось шесть часовъ. Телеграфировавъ въ Ковно на счетъ моихъ вещей въ вагонъ и за границу на счетъ моего багажа, я успокоился, и рѣшился поѣхать въ городъ, искать товарища и убить время.

Привѣжаю къ товарищу. Выѣхалъ за городъ вторыя уже сутки.

Поѣхалъ въ единственную Европейскую гостиницу. День былъ лѣтній, 10го іюня прошлаго года. Въ городѣ было душно и воняло отъ міазмъ еврейскаго торгашества.

Въ гостиницѣ взялъ номеръ, купилъ мыло, купилъ гдѣ-то бѣлье и принялся за туалетъ.

Вошелъ ко мнѣ факторъ Еврей.

— Есть тутъ что интереснаго посмотрѣть? спросилъ я у Еврея.

— А какъ же, все есть что только вамъ гашспладня угонъ.

— Напримѣръ?

— Есть магазинны, первый сортъ, гашспладня, что ни будетъ нужно, все есть, товаръ все заграничный, гашспладня, ой куда лучше противъ петербургскаго, шпигары и лиросъ, духи, помадъ, мыло, одеколоны, ножи перочинныя бритвы, самыя лучшія, бумаги, сергучъ, гашспладня, и есть, платье, пальто, шляпы, фуражки, а можетъ вы хотѣть гашспладня, и другое есть.

— Что другое?

— Красивыя дамы, есть самыя лучшія.

На этомъ кончился разговоръ. Я прогналъ фактора съ у открытаго окна смотрѣть на улицу.

Улицу наполняли всевозможныя юлившія и картонныя еврейскія голоса и развѣзжавшія дрожки-коляски.

Я смотрѣлъ на каждого прохожаго съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ. Всякій изъ нихъ былъ мнѣ все равно что муравей. Умри онъ, заболѣй, счастливъ онъ или нѣтъ мнѣ рѣшительно было все равно. Вотъ два Жида былыя переходятъ улицу. Очевидно они куда-то слѣзаетъ куда-то ихъ цѣль, а я-то съ какою цѣлью сижу у Европейской гостиницы и гляжу на этихъ чужихъ людей, про которыхъ никогда и нигдѣ ничего не буду знать.

Помню что послѣ этой мысли насталъ мигъ тишины на улицѣ, и мнѣ послышались русскіе голоса отъ подъезда.

Вотъ женскій, молодой, звонкій хохотъ.

— Петя, крикнулъ женскій голосъ, — а Петя.

Вѣроятно въ комнатѣ Петя откликнулся.

— Иди сюда.

Я высунулся.

На балконѣ, рядомъ, шагахъ въ десяти отъ меня я увидалъ красивую женщину, молодую, стройную, въ бѣломъ пеньюарѣ; я замѣтилъ на ея головѣ голубую ленту. Смотрѣлъ медленно какой-то мужчина.

Онъ сталъ ко мнѣ спиной. Но спина показалась знакомой, затылокъ тоже знакомый.

Неужто Петя Скуратовъ? подумалъ я. Пожалуй, она назвала его Петей; только съ какой стати ему быть злымъ и потомъ онъ толще, а у этого какая-то тоненькая шея и онъ весь какъ-то сгорбившись.

Незнакомецъ медленно обернулся въ мою сторону.

Я спрятался самъ не знаю почему и незнакомцу не было меня видно.

Смотрю: съ перваго же взгляда узналъ Петю Скуратова; его очеркъ лица, его волосы; но при внимательномъ разглядываніи я опять усомнился: мертвецъ какой-то. Какъ странно, отчего я вообразилъ себѣ что это Петя Скуратовъ?

Мнѣ стало почти смѣшно. Но не надолго. Этотъ незнакомый мнѣ мертвецъ сдѣлалъ головой и верхнею частью тѣла движеніе, и въ этомъ движеніи я узналъ Петю Скуратова. Да, да, это онъ, его насуленные брови, его тонкіе и длинныя усы, его природная изящность въ движеніяхъ и станѣ. Но что же это значить? спросилъ я себя съ ужасомъ, эта страшная перемена?

Кто эта женщина? Что съ нимъ случилось?

II. Кто былъ Петя Скуратовъ.

Петю Скуратова кто не зналъ въ Петербургѣ? Это былъ пріятель и другъ всякаго кто протягивалъ ему бокалъ шампанскаго, и говорилъ ему: выпьемъ братъ, но говорилъ это не съ фатовствомъ, а съ добрымъ сердцемъ. Онъ былъ однимъ изъ вѣчныхъ представителей золотой молодежи; сегодня онъ кутилъ съ гусарами, завтра съ конногвардейцами, послѣзавтра съ кавалергардами. Самъ онъ былъ въ гражданской службѣ и гдѣ-то числился. Я съ нимъ познакомился въ циркѣ, гдѣ онъ и я бывали часто. Мы заговорили о клоунѣ какомъ-то, потомъ о лошади, потомъ о наездницѣ, и къ концу вечера стали друзьями. Въ буфетѣ онъ сказалъ мнѣ: выпьемъ-те.

— Выпьемъ, сказалъ я. Вторымъ стаканомъ мы выпили брудершафтъ.

Мнѣ понравился онъ сразу. Чистосердечіе, искреніе, милѣе и правдивѣе души я не видывалъ. Потому ли что сердце у него было необыкновенно доброе, или отъ рожденія въ немъ не было задатковъ для разврата, но главная изъ его прелестей заключалась въ томъ что отъ него не вѣяло ни развратомъ, ни даже раслуценностію кутилы. Кутежъ его былъ какъ будто пассивнымъ. Онъ вездѣ кутилъ, но какъ казалось кутежъ скользилъ по немъ. Безна-

ракторность его губила. Но природные инстинкты его спасали. Къ тому же онъ не былъ ни фатомъ, ни циникомъ. Съ рѣдкою пріятностію и изяществомъ всей фигуры, онъ соединялъ немалую долю ума и даже образованія, какъ будто даже не подозревая того что онъ владѣетъ всеми этими качествами. Напротивъ, онъ какъ будто тяготился тѣмъ что въ него влюблялись женщины и имъ очаровывались всѣ съ нимъ знакомившіеся. Онъ себя цѣнилъ ниже всѣхъ на свѣтѣ и вѣрилъ этому искренно.

Странная была въ немъ натура. Впрочемъ бываютъ такіе малые между русскою молодежью. Все хорошее, умное, благородное его притягивало къ себѣ. За ужиномъ, посреди пьянѣйшей компаніи, онъ никогда не напивался настолько чтобы забыться; онъ видимо наслаждался кутежомъ, но тутъ же стоило кому-нибудь заговорить о чемъ-либо серьезномъ или хорошемъ, онъ сейчасъ точно выныривалъ изъ окружавшей его тины, и весь отдавался разговору о томъ чему онъ еочувствовалъ и чѣмъ интересовался. Иногда онъ даже до такой степени забывалъ что онъ между кутилами что отрезвлялся совсѣмъ подъ вліяніемъ разговора, уходилъ домой спать, и на другой день приходилъ на домъ къ тому съ кѣмъ говорилъ наканунѣ у Борреля, и продолжать серьезную бесѣду. А вечеромъ опять кутежъ, и опять на всю ночь.

Дружба моя съ нимъ, начавшаяся въ циркѣ, скрѣпилась какъ-то однажды за завтракомъ у Дюссо. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ говорили о лададахъ и о цѣнахъ на нихъ.

Петя Скуратовъ, съ руками въ карманѣ, всталъ изъ-за стола и подошелъ ко мнѣ.

— Какой скучный и лустой разговоръ, сказалъ онъ, и усаживаясь у моего стола, на стулъ, опустился на немъ какъ человѣкъ испытывающій какое-то утомленіе.

Я взглянулъ на Скуратова и улыбнулся.

— А я знаю отчего ты улыбаешься.

— Отчего?

— Тебѣ кажется смѣшнымъ что я это говорю.

— Вовсе нѣтъ.

— Да ужъ я вижу.

— Ну право же нѣтъ, это у меня такая глупая улыбка.

— Слушай, сказалъ мой собесѣдникъ, подсаживаясь ближе къ столу,—знаешь что я тебѣ скажу, мнѣ...

— Петя, Петя, раздались съ того стола голоса,—слушай, анекдотъ по твоей части.

— Отстаньте, отвѣтилъ Петя, махнувъ имъ рукой, и со взглядомъ сѣро-голубыхъ неизмѣримой глубины глазъ, надъ которыми темныя брови, всегда насулленные, глядѣли какъ тучки въ ясной погодѣ его лица, обратился ко мнѣ, продолжая прерванную вдругъ рѣчь.—Видишь что, мнѣ бы хотѣлось съ тобою подружиться посерьознѣе, а? ты не прочь, или ты меня ни въ грошъ не ставишь, а?

Мнѣ страхъ какъ понравились эти слова, хотя разумѣется не мало поразилъ своею неожиданностью.

— Что жь, я не прочь, отвѣтилъ я.

— Да, но серьезно.

— Серiously, пожалуй, но для этого надо намъ видѣться и ужь никакъ не въ циркѣ.

— Гдѣ хочешь; я, знаешь, хотѣлъ бы въ тебѣ найти того человѣка,—можетъ-быть я ошибаюсь, но ты мнѣ такимъ кажешься,—человѣка,—повторилъ Петя,—съ которымъ бы я могъ быть какъ со старшимъ братомъ, ты понимаешь мою мысль? Вообрази что иногда мнѣ такъ бываетъ тошно отъ этой мерзкой жизни что мнѣ до зарѣзу нужно отводить душу съ такимъ человѣкомъ, которому бы я все могъ сказать и который бы меня понималъ, и не былъ бы, знаешь, ко мнѣ очень строгъ, а такъ чтобы, лобранилъ немного, но ласково, а главное чтобы я могъ на него разчитывать, потому что иногда мнѣ вдругъ хочется сдѣлаться во что бы то ни стало порядочнымъ человѣкомъ, а иногда, наоборотъ, вдругъ потянетъ сдѣлаться мерзавцемъ, что хочешь дѣлай, тянетъ и конечно. Тутъ-то и нужно меня поддерживать, понимаешь? Я вѣдь страшно безхарактеренъ; а въ сущности, кто знаетъ, изъ меня пожалуй могъ бы выйти какой-нибудь прокъ, знаешь, à un moment donné.

Донельзя я заинтересовался этою хотя и безхарактерною, но крайне необыкновенною личностью.

— Я готовъ на все что ты отъ меня требуешь, но....

— Но что? Зачѣмъ это *но*, съ живостию перебилъ меня Петя,—ты отказываешься?

— Нисколько, напротивъ, но я хотѣлъ тебя спросить: почему тебѣ пришла въ голову мысль обратиться именно ко мнѣ?

— Очень просто, болѣе чѣмъ просто, отвѣтилъ мнѣ Ску-

ратовъ,—ты мнѣ понравилась и въ то же время ты мнѣ показался уже остепенившимся человѣкомъ.

— То-есть старикомъ, возразилъ я самымъ естественнымъ образомъ.

— Нѣтъ не старикомъ, отчего же, съ живостию отвѣтилъ Петя, видимо желая чтобъ я не думалъ что онъ меня считаетъ старикомъ,—но, но.... однимъ словомъ, ты меня помялъ.

— Помялъ.

— Такъ идетъ?

— Идетъ.

— Ну отлично, сказалъ вставая со стула Петя.—Эй Максимъ, крикнулъ онъ лакея.

— Что угодно? подсакивая спросилъ съ вѣчною салфеткой въ правой рукѣ съдовласый, подъ гребенку обстриженный Татаринъ.

— Что угодно? повторилъ Петя, и призадумался.—Вотъ что.... или нѣтъ, ничего, ничего.

Максимъ отошелъ.

Скуратовъ улыбнулся, глядя на меня такъ хитро и такъ выразительно что я тотчасъ же помялъ въ чемъ дѣло, и тоже улыбнулся.

— Ты хотѣлъ спросить шампанскаго, сказалъ я, а? признайся.

— Да, душенька, извини, какъ это ты догадался?

— По твоей улыбкѣ.

— Да я самъ засмѣялся надъ собою. Вообрази, привычка кричать: эй, шампанскаго, до такой степени ко мнѣ привилась что по улицѣ если кто-нибудь пройдетъ и скажетъ мнѣ: ну братъ, надо умирать, я закричу: эй, шампанскаго, право.

Мы разсмѣялись.

Какъ будто въ откликъ нашему смѣху раздался громкій хохотъ за веселымъ столомъ военныхъ друзей Пети. Я не успѣлъ оглянуться, какъ онъ уже былъ за тѣмъ столомъ, и весь отдался вопросу возбуждавшему всеобщій хохотъ.

Я вышелъ изъ комнаты, еще разъ удивленный оригинальностью этого легкомысленнаго, но въ то же время глубоко симпатическаго характера. И было чему удивляться.

У выходной двери чуть ли не стаскивая съ меня шубу ухватился за меня Петя Скуратовъ и сталъ тащить меня назадъ.

— Взойди, на минуту, прошу тебя.

Я вошелъ.

— Ну развѣ можно такъ уходить, не простившись, сказалъ онъ мнѣ съ упрекомъ,—ты на меня разсердился, да? скажи? Не сердись, голубчикъ, я вѣдь вѣтренная мельница, что прикажешь дѣлать, *c'est plut fort que moi*, гдѣ хохотъ, а непременно долженъ быть тамъ, я люблю смѣхъ, ты не сердись, нѣтъ?

Петя протянулъ мнѣ руку.

Я крѣпко пожалъ ее.

— За что сердиться, Богъ съ тобою, до свиданія.

— До свиданія.

Я вышелъ на улицу; дверь захлопнулась.

Вдругъ слышу уже на улицѣ голосъ Пети Скуратова.

— Гдѣ? гдѣ?

— Гдѣ? Право не знаю; пріѣзжай ко мнѣ, я всегда дома до часа, а не то я къ тебѣ пріѣду.

— Я никогда не бываю дома, нѣтъ я лучше къ тебѣ.

— Когда?

— Когда-нибудь, скоро, до свиданія, голубчикъ.

Петя Скуратовъ исчезъ за дверью.

Я запомнилъ это „когда-нибудь“. Оно никогда не сбылось.

Такъ ни разу онъ у меня и не былъ.

А видѣлись мы съ нимъ раза два въ циркѣ, да раза два на улицѣ. Заговаривалъ онъ о дружбѣ. Но такъ мы ее никогда и не дождались. Какъ встрѣтимся, онъ первый вспоминаетъ о нашемъ разговорѣ у Дюссо и начинаетъ извиняться въ томъ что онъ такъ мало меня видитъ и не даетъ мнѣ доказательствъ мечтальной дружбы.

— Да полно извиняться, говорю я ему;—некогда и конечно.

— Нѣтъ, я большая скотина, онъ мнѣ въ отвѣтъ,—мнѣ надо съ тобою видѣться, мнѣ нужна твоя дружба.

— Э полно, друзей у тебя слишкомъ много, въ томъ-то и бѣда.

— Ни одного; ты думаешь можетъ-быть что всѣ эти кутильные пріатели мои друзья? да я съ ними двухъ словъ никогда не говорилъ о чемъ-нибудь серьезномъ; развѣ они меня любятъ, а я развѣ ихъ люблю? имъ до меня дѣла нѣтъ; я для нихъ та же бутылка шампанскаго: выпита, и долой со стола.

— Послушай, рѣшился я его спросить,—ты мнѣ вотъ что объясни, у тебя отца нѣтъ?

— Нѣтъ, онъ давно умеръ; то-то и бѣда, будь у меня отецъ или братъ, я бы можетъ-быть сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ.

— А мать?

— Мать?

Скуратовъ при этомъ на меня взглянулъ съ какимъ-то недоувѣрчивымъ удивленіемъ. Его всегда доброе и добродушное лицо какъ будто выразило усиліе принять выраженіе если не злое, то все же жесткое.

Я въ свою очередь на него взглянулъ тоже съ удивленіемъ.

— Да, мать, повторилъ я,—вѣдь она здѣсь, въ Петербургѣ.

— Нѣтъ; вопервыхъ ее здѣсь нѣтъ, а во вторыхъ, если бы она и была здѣсь, все равно что ея бы не было.

Я подмывалъ снова удивленные глаза на Скуратова, не понимая вовсе что онъ хотѣлъ мнѣ дать понять.

— Моя мать одна изъ тѣхъ петербургскихъ матерей....

Петя остановился и задумался.

— Ну, однимъ словомъ, оказалъ онъ,—мать моя сама по себѣ, а я самъ по себѣ.

Такъ я отъ него ничего больше и не узналъ. А въ городѣ изъ городскихъ сплетенъ и отзывовъ провѣдалъ что его мать, княгиня Александра Андреевна Скуратова, когда-то знаменитая красавица, имѣла два довольно крутыхъ романа, одинъ при жизни, а другой послѣ смерти мужа, и затѣмъ живетъ то въ Петербургѣ, то за границей, исключительно свѣтскими связями и заботами, въ перемежку съ приладками религіознаго ханжества и удивительной строгости, только не къ себѣ, а къ другимъ.

Послѣ послѣдняго нашего свиданія въ ту зиму, когда Петя такъ странно предложилъ мнѣ свою дружбу, прошла лѣто и прошла цѣлая слѣдующая зима. Онъ пропалъ. Пріятели мнѣ сказали что онъ лѣзъ за границу, связался съ какою-то женщиной, и въ концѣ-концовъ былъ боленъ, чуть ли не тифомъ, и больше я ничего не могъ узнать.

Бѣдный Петя Скуратовъ не ошибся, вспоминая я послѣ уже не разъ, когда сравнивалъ себя по отношенію къ друзьямъ своимъ съ бутылкой шампанскаго: какъ выпита, такъ долой со стола. Добрѣе и милѣе Пети Скуратова я рѣдко

встрѣчалъ малаго въ петербургскихъ кружкахъ молодежи; а между тѣмъ досада брала за сердце отъ тѣхъ совершенно равнодушныхъ: „не знаю, а Богъ его знаетъ“, которыми отзывались о немъ его друзья, когда онъ исчезъ изъ Петербурга.

Значить въ минуту когда я завидѣлъ Петю Скуратова, или по крайней мѣрѣ мертвеца на него похожаго, въ Виленской гостиницѣ, прошло со времени послѣдняго нашего свиданія болѣе года.

III. Какъ мы свидѣлись съ Петей Скуратовымъ.

Такъ или иначе, сердце вѣдь не разсуждаетъ. Я не вытерпѣлъ, бросился изъ номера въ корридоръ и подозвалъ лакея.

- Кто здѣсь стоитъ? я указалъ на дверь.
- Русскій баринъ, отвѣчалъ польскій Еврей.
- Господинъ Скуратовъ?
- Вѣрно, господинъ Скуратовъ.
- Съ кѣмъ же онъ? Одинъ?
- Никакъ нѣтъ-съ, съ барыней.
- Она здѣсь давно?
- Вторая недѣля-съ, господинъ все очень болѣнъ.

Странно, эти послѣднія слова произвели на меня необыкновенно грустное впечатлѣнiе. Они прозвучали точно какимъ-то приговоромъ, хотя въ сущности я ничего не зналъ о томъ, серьезно онъ или не серьезно боленъ, явилось непреодолимое желанiе его увидѣть, и сердце охватило какое-то тревожное волненiе.

Я прямо отправился къ двери Петина номера и постучался.

— Негейн, отвѣтилъ какой-то кроткій и мягкій женскій голосъ.

Я отворилъ дверь. Помню что пока я ее отворялъ, сердце у меня забилося очень сильно. Я почувствовалъ что долженъ узнать что-нибудь ужасное, а ужъ о поѣздѣ и багажѣ, и о моей мысли что я въ Вильнѣ ничего общаго не имѣю съ жизнью, все было разомъ позабыто.

Я сталъ у двери.

Секунда была не совсѣмъ ловкая.

Дама, увидѣвъ незнакомое лицо, какъ будто испугалась и сконфузилась. Глажу, она встаетъ.

Я сконфузился тоже и сталъ искать глазами Петю.

Вдругъ слышу голосъ его, но увы почти безъ звучности, не только юной, но даже жизненной.

— Сережа, это ты? оказалъ этотъ голосъ.

Петя какъ будто дѣлая усилие приподнялся съ кресла и медленно подошелъ ко мнѣ, съ явнымъ желаніемъ подойти скоро. Два впечатлѣнія одновременно меня больно поразили. Я услышалъ въ дыханіи Пети зловѣщую одышку и, лежащая протянутую мнѣ руку, я почувствовалъ ея холодъ и страшную худобу.

Передать что я испыталъ въ эту минуту никогда не сумѣю.

Видѣть умирающее дорогое существо мнѣ приходилось. Много въ этомъ зрѣищѣ страшныхъ мукъ, это безспорно. Но мнѣ кажется что эти впечатлѣнія не такъ остро и безпощадно больно врѣзаются въ сердце какъ тѣ когда вдругъ, въ одну минуту, несомнѣнно и безнадежно, человѣкъ жившій для души вашей полнымъ цвѣтущаго здоровья и безконечно далеко отъ мысли о смерти, является предъ вами со всѣми признаками и ужасами смерти, уничтоженія, разрушенія, поборовшими молодость, ея силы, ея прелести.....

Что я сказалъ въ первую минуту, рѣшительно не помню. Кажется я бросился къ нему на шею; кажется онъ, насколько могъ, обнялъ меня крѣпко, но навѣрное не знаю. Помню что я увидѣлъ на его лицѣ прежнюю, давно забытую мною, но вдругъ ожившую улыбку, кроткую, добрую, ласковую и веселую, но ужасно безхарактерную..... Эта улыбка разомъ мнѣ напомнила ту зиму, наши короткія съ большими промежутками свиданія, нашу дружбу.

— Откуда? спросилъ Петя снова,—какъ я радъ тебѣ видѣть.

— Да вотъ, сказалъ я,—случайно опоздалъ на поѣздъ. Я взглянулъ на даму, какъ бы желая напомнить Петѣ что онъ долженъ меня ей представить.

Петя Скуратовъ понялъ мой взглядъ.

— Вѣра Семеновна, сказалъ Скуратовъ,—позвольте вамъ представить моего друга, Сережу Дибикова. Вѣра Семеновна

новна Зарицына, мой другъ и мой ангелъ хранитель, договорилъ Скуратовъ.

Она скромно улыбнулась, нѣжно взглянула туманнымъ взоромъ на Петю, протянула мнѣ руку, и тихо, тихо, но глубоко вдохнула, какъ разъ въ то мгновеніе, когда яложавъ ей руку, обратился къ Петѣ. Вѣра Семеновна казалась мнѣ дѣвушкой лѣтъ девятнадцати, здоровою, милою, но явно утомленною гнетомъ духовныхъ заботъ и впечатлѣній.

Когда я вошелъ, она надъ чѣмъ-то работала иголкой, потомъ встала и начала прибирать свою работу, видимо собираясь уходить.

— Куда ты? спросилъ Скуратовъ.

— Да надо вотъ шелку прикуить, сказала Вѣра Семеновна, скромно, но безъ малѣйшей принужденности, выходя изъ комнаты.

— Только не на долго, нѣтъ? нѣжно спросилъ ее Петя. Та подняла на него свои чудные, томно задумчивые черные глазки и сказавъ словами: нѣтъ, я скоро вернусь, взглядомъ сказала: развѣ я могу быть долго безъ тебя, когда ты мнѣ нуженъ и я тебѣ нужна!

Какъ тѣнь, ничего не задѣвая, ничѣмъ не шумя, легко и граціозно она вышла изъ двери, и оставила за собою вѣяніе чего-то чистаго и свѣжаго.

Первыя двѣ-три секунды ни я ничего не сказалъ, ни Петя. Потомъ я на него взглянулъ вопросительно.

— Тебя интересуетъ эта встрѣча съ незнакомою женщиной, да? охрипшимъ голосомъ спросилъ меня Скуратовъ.

— Я думалъ что это твоя жена, мнѣ такъ сказали въ гостиницѣ.

— Нѣтъ, какое, это чистая и честная дѣвушка которая изъ состраданія взяла на себя быть моею сестрой милосердія.

— Изъ состраданія?

— Да, а можетъ-быть изъ любви, съ какою-то грустною не то улыбкой, не то усмѣшкой добавилъ Петя, и притягивая кутать свои ноги въ пледъ.—Мы познакомились въ Вѣнѣ, я ей оказалъ маленькую услугу, а она вотъ какую мнѣ услугу оказываетъ; я не знаю что бы со мною было, еслибы ея не было, вѣроятно я гдѣ-нибудь бы издохъ какъ собака на дорогѣ.

— Да что же съ тобою?

— Со мною? Ты развѣ не видишь?

— Ты немного похудѣлъ.

— Немного! съ усмѣшкой повторилъ Петя; — со мною братъ, — *pi plus ni moins*, какъ конецъ.

Слова эти бѣдный Скуратовъ хотѣлъ сказать для большаго эффекта громче, и закашлялся такъ что меня прошибъ холодный потъ отъ состраданія къ нему.

Долго онъ сидѣлъ съ наклоненною головою, держась на локтяхъ за ручки кресла, и при учащенномъ дыханіи не могъ ничего говорить.

— Фу, душить какъ, сказалъ онъ наконецъ; — ну а ты что?

— Я ѣду за границу.

— Такъ?

— Такъ, для прогулки.

— Счастливецъ.

Я разказалъ Петѣ мой эпизодъ на желѣзной дорогѣ. Онъ слушалъ очень внимательно.

— Знаешь что, Сережа, сказалъ онъ, поднимая голову, и устремляя въ меня какой-то убѣжденный взглядъ, — ты не фаталистъ? нѣтъ?

— Нѣтъ, а что?

— А я фаталистъ; знаешь ли что мнѣ кажется? Помнишь нашъ первый разговоръ о дружбѣ.

— Неужели ты объ немъ помнишь?

— Еще бы: сколько разъ я за границей объ этомъ вспоминалъ; такъ видишь ли, мнѣ кажется вотъ что: наша встрѣча тогда и нашъ разговоръ не были простою случайностью, да и теперь мы встрѣчаемся не случайно: еслибы мы не должны были встрѣтиться сегодня, въ Вильнѣ, ты бы не олоздалъ на твой поѣздъ; и такъ странно еще, вѣдь согласишься что это очень странно, и ни съ кѣмъ не могло бы случиться.

— Да, пожалуй.

— И отлично что такъ; потому что я отъ тебя жаду услуги, Сережа.

— Какой хочешь?

— Остаешься сегодня со мною.

— Изволь.

— Ну вотъ отлично, спасибо братъ, сегодня ты мнѣ очень нуженъ.

— Отчего сегодня имению?

— Да сегодня моя мать прїѣзжаетъ изъ Вины, она мнѣ телеграфировала и просила дождаться ея въ Вильнѣ, для свиданія съ нею.

— А она куда же ѣдетъ?

— Она? Право не знаю. Кажется въ Петербургъ.

— А ты?

— Я въ деревню ѣду, хозяйничать.

Петя Скуратовъ оказался мнѣ въ это время бодрѣе и какъ-то оживлѣе. Считая себя очень плохимъ минутъ десять назадъ, онъ и смотрѣлъ такимъ. Теперь, когда онъ заговорилъ о своемъ желаніи хозяйничать, онъ мнѣ показался лучше. Увы, нехотя я убѣдился что эти внезапно происходившія въ немъ перемѣны въ наружности совпадали съ перемѣнами всего душевнаго настроенія и были имению послѣдствіемъ того или другаго болѣзненнаго явленія. Когда являлся жаръ, больной смотрѣлъ здоровѣе и начиналъ тотчасъ же дѣлать планы и говорить о нихъ советамъ какъ будто забывалъ о своей болѣзни. Когда жаръ спадалъ и являлась слабость, блѣдный больной забывалъ уже о своихъ планахъ, припоминалъ каждую особенность своей болѣзни и падалъ духомъ при мысли о своемъ безнадѣжномъ состояніи.

— Ты себя представить не можешь какъ мнѣ тяжело это свиданіе съ матерью; одна мысль уже меня такъ мучить что ужасъ. Что же будетъ, когда она прїѣдетъ, скажешь ты мнѣ.

— Отчего же? спросилъ я какъ-то нерѣшительно и робко.

— Ахъ, душа моя, когда я былъ здоровъ, я, какъ ты знаешь, избѣгалъ съ нею встрѣчъ, мнѣ было это непріятно, а теперь мнѣ кажется что я не въ силахъ буду этого вынести.

Голова Пети опустилась на спинку кресла, глаза его устремились къ потолку, блѣдныя губы подъ небольшими усами чуть-чуть раскрылись, румянецъ стоялъ яркими пятнами на поверхности его исхудалыхъ щекъ, грудь дышала часто и страшно коротко, и не будь дыханія, можно было бы глядя на этого, годъ назадъ красиваго, здороваго и изящнаго молодого человѣка, испугаться признаковъ смерти.

Въ эту минуту, казалось, она витала гдѣ-то недалеко отъ бѣднаго Скуратова; можетъ-быть гдѣ-нибудь она была близко или летѣла мимо, куда-то подальше, но мимоходомъ остановилась чтобы сказать ему: а скоро я и къ тебѣ приду.

Мысль эта промелькнула въ головѣ, и мнѣ стало холодно и страшно.

Я даже испугался, глядя на неподвижное лицо и закрытые глаза бѣднаго Пети.

— Петя, сказалъ я тихо,—что съ тобою?

Петя опустил глаза. Потомъ рука его поднялась и прошла по лбу.

— Видишь, сказалъ онъ, сквозь печальную улыбку,—какое дѣйствіе производитъ на меня мысль о свиданіи съ матерью, на меня точно столбнякъ находить.

— Такъ не думай объ этомъ, да наконецъ я буду здѣсь съ тобою, сказалъ я, самъ не зная почему и не понимая почему это свиданіе съ матерью можетъ производить на сына такое явно и сильно непріятное дѣйствіе.

Больной протянулъ мнѣ руку. Я испугался ея холода.

— Тебѣ дурно, Петя?

— Нѣтъ, теперь напротивъ, я успокоился. Я тебѣ такъ благодаренъ что ты останешься, а то представь себѣ, что бы я сдѣлалъ одинъ; я съ матерью не зналъ бы о чемъ говорить, она такая гордая, холодная, свѣтская... Увидя эту дѣвушку, она бы сдѣлала мнѣ сцену; я бы не вытерпѣлъ, и... нѣтъ, лучше и не думать объ этомъ.

— Да и не нужно.

— Да, да, не нужно... Когда моя мать прійдетъ, ты мнѣ общаешь что пока она будетъ здѣсь, ты меня не оставишь съ нею одною?

— Изволь, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ меня Петя,—а тебя прошу, и ты защитишь эту дѣвушку, да?

— Еще бы.

— Можетъ-быть моя мать захочетъ меня съ нею разлучить, я такъ слабъ что ничего не могу, но ты, ты помѣшаешь этому, да? даешь мнѣ слово?

— Разлучить? Это съ какой стати, когда эта дѣвушка тебѣ нужна какъ сидѣлка, какъ сестра.

— Нѣтъ, не то: я хочу на ней жениться, понимаешь, сказалъ Петя,—а мать моя этого такъ боится, она ни за что не допуститъ чтобы это случилось, понимаешь?

Я сдѣлавъ видъ что нисколько не удивился мысли бѣднаго Скуратова жениться на этой дѣвушкѣ, но у больныхъ часто есть особеннаго рода зрѣніе, чисто духовное, посредствомъ котораго они заглядываютъ въ душу, обнаруживая какую-то особенную провидительность, и крайне чуткую догадливость.

Петя на меня взглянулъ.

— Тебя удивляетъ моя мысль жениться, сказалъ онъ улыбаясь,—да?

— Нѣтъ, отчего, нисколько, Богъ дастъ, поправишься.

— Нѣтъ, какое, гдѣ мнѣ поправиться, и я не думаю объ этомъ.—У меня, голубчикъ, другая цѣль. Видишь ли что: эта дѣвушка сирота, жить ей нечѣмъ; если я на ней женюсь, и умру, она получитъ свою законную часть послѣ моей смерти, и будетъ независима, понимаешь?

— А если ты не умрешь, что надѣюсь гораздо вѣроятнѣе?

— Если я не умру, она будетъ моею женой, и больше ничего, но по крайней мѣрѣ, я одно знаю: такъ или иначе это будетъ съ моей стороны хорошимъ дѣломъ, единственнымъ хорошимъ дѣломъ въ моей жизни, понимаешь?

IV. Вѣра Семеновна.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Вѣры Семеновны.

Какъ только она вошла, лицо бѣднаго Пети вышло изъ мрака въ свѣтъ и веселая, нѣжная улыбка явилась на блѣдныхъ губахъ его полнымъ отраженіемъ того глубокаго чувства которое онъ питалъ къ этой дѣвушкѣ. Нужно ли говорить что и меня все что я успѣлъ узнать, увидѣть и понять крайне заинтересовало и сердечно привязало столько же къ бѣдному Петѣ сколько къ этой дѣвушкѣ.

Рѣдко я встрѣчалъ болѣе симпатическое лицо, по естественности въ каждомъ оттѣнкѣ, такъ-сказать, ея вѣншей личности. Объ ея прошедшемъ, объ ея исторіи я совсѣмъ еще не зналъ, но меня уже, несмотря на то, ни малѣйшимъ образомъ не тревожилъ и не смущалъ вопросъ: нѣтъ ли въ этомъ прошедшемъ, нѣтъ ли въ тайникахъ этой личности чего-нибудь такого что могло бы вооружать противъ мысли Пети жениться на этой дѣвушкѣ.

Я испытывалъ на себѣ чарующее вліяніе правдивости этой личности въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ минутъ которыми ограничилось наше первое знакомство, и какъ фаталистъ начиналъ находить что Петя Скуратовъ правъ былъ, говоря мнѣ что наши встрѣчи—и первая и эта—не случайности, а въ связи одна съ другою, и что если я не случайно, а именно по какой-то причинѣ такъ странно опоздалъ на поѣздъ, то еще менѣе случайно онъ, Петя Скуратовъ, сошелся такъ душевно близко съ этою дѣвушкой, а сошелся именно потому что въ ней были тѣ качества которыя его привязали къ ней, а ее къ нему.

Вотъ что я чувствовалъ, когда она вернулась и когда я увидѣлъ какъ Петино лицо просіяло при ея появленіи.

Для меня стало потребностью не только не мѣшать своимъ присутствіемъ простотѣ ихъ отношеній, но и сблизиться съ этою дѣвушкой и какъ можно скорѣе внушить ей къ себѣ довѣріе.

— Докторъ не былъ? спросила она.

— Нѣтъ еще.

Она остановилась посреди комнаты.

— Что жъ ты стоишь? спросилъ Петя.

— А ты не кашлялъ?

— Нѣтъ, разъ онъ сильно кашлялъ, сказалъ я.

— Да подойди же, чего же ты боишься? сказалъ Скуратовъ.

Дѣвушка подошла и подала ему руку.

Онъ поцѣловалъ эту руку.

— А меня? сказалъ онъ, подставляя свой лобъ.

Дѣвушка его поцѣловала въ лобъ.

— Только не кашляй, сказала она, какъ будто желая оправиться отъ минутной застѣнчивости.

Я не вытерпѣлъ.

— Послушайте, Вѣра Семеновна, сказалъ я,—вы не должны на меня смотрѣть какъ на чужаго, я свой человѣкъ; если вы будете меня бояться, или стыдиться, я уйду, потому что я не хочу чтобъ изъ-за меня Петя лишился вашего общества или вашей веселости; а если вы хотите чтобъ я остался, то прошу васъ быть со мною какъ съ другомъ, и быть при мнѣ съ Петей тѣмъ чѣмъ вы были до меня. Хорошо?

Вѣра прежде всего устремила на меня свои полные

жизни черные глазки, и какъ будто отдавала себѣ отчетъ въ томъ что я въ сущности за человѣкъ, и могутъ ли слова мои быть признаны безусловною правдой?

Я протянула ей руку.

Петя глядѣлъ попеременно то на меня, то на нее, и сквозь улыбку ласково одобрялъ какъ будто и ее и меня.

— Онъ отличный малый, Вѣра, ты его навѣрно полюбишь.

Вѣра протянула руку. Я крѣпко пожалъ ее, а она также крѣпко мою.

— Ну хорошо, сказала она, съ дѣтски-чистою и доверчивою улыбкой.—Какъ вы находите Петю?

— Немного измѣнился.

— Немного, отозвался Петя,—слышишь?

— Да это что теперь, сказала Вѣра,—онъ поправился, и много поправился сравнительно съ тѣмъ что онъ былъ. Вотъ бы вы тогда на него посмотрѣли, въ Вѣнѣ, напримѣръ, вотъ ужъ когда страшно было смотрѣть, а теперь что, мы молодцами стали.

Не знаю имѣлъ ли магнетическое дѣйствіе на больного восхитительно пріятный звукъ голоса этой женщины или онъ вѣрилъ ее словамъ, потому что любилъ эту женщину, но мнѣ показалось что слова эти разомъ подавали очень было опустившійся духъ бѣднаго больного.

Это видѣлось по блеску его глазъ и по тому какъ онъ слегка выпрямился, сидя на креслѣ.

— Охъ, сказалъ онъ,—кабы поскорѣе въ деревню, тамъ я поправляюсь; да, Вѣра?

— Да, да, непременно, отвѣтила Вѣра,—если только ты будешь хорошо себя вести.

— Да ты же будешь со мною, значитъ я буду поживать все что ты мнѣ велишь дѣлать, да?

— Да, отвѣтила Вѣра, какъ-то отрывисто и какъ будто послѣ маленькаго надъ собою усилія. Я увидѣлъ какъ по лицу ея очень быстро проскользнула какая-то забота, изъ тѣхъ которыя глубоко задѣваютъ душу. Увидѣлъ я также что и Петя уловилъ эту тучку на лицѣ Вѣры.

— Вѣра, сказалъ онъ.

— Что тебѣ, дружочекъ?

Петя приподнялся еще болѣе и принялъ какое-то напряженное положеніе.

— Ты... началъ было Петя, и остановился; въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ не перемѣнялъ положенія; очевидно онъ во что-то углубился, потомъ голова и тѣло его какъ будто уставъ отъ напряженія подались назадъ и прислонились къ спинкѣ кресла.

— Да, сказалъ онъ, отвѣчая на невысказанную мысль, — не веселое наше съ тобою, Вѣра, положеніе.

Я сообразилъ что вопросъ о томъ будетъ ли Вѣра съ Петей въ деревнѣ зависѣлъ отъ свиданія съ матерью, и произвелъ на обоихъ то тяжелое впечатлѣніе, котораго пришлось быть свидѣтелемъ.

— А вы знаете, обратилась ко мнѣ Вѣра, — мы съ Петромъ Павловичемъ собирались въ Сербію.

— Что вы!

— Право, спросите; онъ — добровольцемъ, а я сестрой милосердія.

— То-есть что ты хотѣла ѣхать, сказалъ Петя, — сестрой милосердія, это такъ, а я просто хотѣлъ поѣхать такъ себѣ, поглазѣть, отъ нечего дѣлать.

— Ну и что же?

— Да вотъ Петръ Павловичъ заболѣлъ; доктора не пустили, отвѣтила Вѣра, — а я къ нему пошла въ сестры милосердія, вмѣсто того чтобы къ Сербамъ идти.

— А вы гдѣ же познакомились?

— Въ Вѣнѣ, отвѣтила Вѣра. — Видите, какъ это было. Со мною случилось несчастье. Матушка моя скончалась у меня на рукахъ въ Вѣнѣ. Осталась я одна. — Дѣваться мнѣ было некуда. Денегъ у меня было немного. Близкихъ никого. Вернуться въ Россію не особенно хотѣлось. И тутъ случилось такъ что у священника нашего я познакомилась съ однимъ господиножъ, Русскимъ, изъ хорошей фамиліи.

— Хороша хорошая фамилія! замѣтилъ Петя.

— Ну все равно, человѣкъ онъ былъ семейный. — Онъ узналъ о моемъ положеніи, и предложилъ мнѣ быть при его дѣтяхъ. — Я согласилась; дѣтей я очень люблю, а эти мнѣ особенно понравились. Я поступила къ нему. Первое время онъ былъ со мною очень любезенъ и вѣжливъ. Но скоро показалъ себя такимъ дурнымъ человѣкомъ что я опрометью бросилась изъ комнаты; но онъ затеръ дверь; я закричала. Петръ Павловичъ въ это самое время проходилъ мимо: мы жили въ той же гостиницѣ, и услыжавъ крикъ, вошелъ кру-

гомъ, чрезъ другую дверь, и спасъ меня отъ этого ужаснаго человѣка. Но уже тогда онъ былъ такъ боленъ что отъ этого усилія, отъ волненія онъ только-что успѣлъ выйти со мною въ корридоръ какъ лохматнулся и упалъ.

— И ты меня поддержала, значить мы сквитались.

— Неправда ли странное знакомство? сказала Вѣра.

— Да; отвѣтилъ я,—и съ той минуты мы сдѣлались сестрой милосердія?

— Да, именно съ той минуты; не могла же я его оставить одного, онъ мнѣ, бѣдвенькій, показался такимъ жалкимъ.

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ въ дверяхъ какого-то сѣдаго господина съ очками, въ которомъ я сейчасъ угадалъ доктора.

— Ну какъ у васъ идетъ? спросилъ докторъ, съ которымъ меня сейчасъ же познакомили.—О, сказалъ онъ обратившись ко мнѣ,—я очень доволенъ что вы здѣсь встрѣтились съ господиномъ Скуратовымъ, онъ у меня больной капризный; возьмите его въ руки, вѣдь эта особа ужъ очень избаловала моего пациента, прибавилъ эскулапъ, подвигая очки и разгладывая, наклонившись, больного: — Н-ну, н-ну, ничего, живетъ, а языкъ? Н-ну, могъ бы быть похуже, дайте руку.

Докторъ вынулъ часы и сталъ считать, качая головой.

— Неровенъ немного, сказалъ онъ, и принялся, прикладывая голову къ груди, слушать ее въ разныхъ мѣстахъ, повторяя по нѣскольку разъ: — Дохните.

— А кашлялъ онъ много?

— Нѣтъ, отвѣтилъ больной,—сегодня очень мало.

— А аппетита?

— Никакого.

— А сонъ?

— Почти не спалъ.

— А боли были?

— Все тѣ же.

— А состояніе духа?

— Плохое, съ горькою усмѣшкой отвѣтилъ Петя.

— Это пустяки, убѣдительно сказалъ докторъ.

— Да чего же и быть-то въ духѣ, сказалъ больной.

— Помилуйте: такая красавица за вами ухаживаетъ, пріятель пріѣхалъ, сегодня вы ждете вашу матушку, и всего этого вамъ мало; наконецъ, не сегодня завтра мы васъ отправимъ въ деревню.

— Ужь это не сегодня такъ завтра я очень долго что-то слышу, сказала больной, опуская голову на грудь: — ужь видно не суждено мнѣ добратся до этой деревни.

— Н-ну, н-ну, зачѣмъ такое паденіе духа, молодой человѣкъ, сказалъ врачъ;—вѣроятно денька черезъ два мы васъ отпустимъ, если...

— Если что? угрюмо и жадостно спросилъ Петя.

— Если ничего особеннаго разумѣется не случится.

— Если я не умру?

— Петя! сказала Вѣра съ живостью и негодованіемъ.

— Н-ну, что вамъ умирать, успеете, отвѣтилъ докторъ, и вошелъ въ сосѣднюю комнату для прописки какого-то лошадобившагося лѣкарства. За нимъ вошла и Вѣра. Мы снова остались вдвоемъ.

— Какой ты однако чувствительный барометръ, оказалъ я Петѣ.

— А что?

— Да ты ладаешь духомъ какъ нервная женщина, такъ что тебя и поднять трудно.

— У меня всегда была такая глупая натура, прервалъ меня больной,—неправда ли какъ она прелестна?

— Да, очень мила, симпатична.

— И какой твердый у нея характеръ: посмотришь, такъ подумаешь ребенокъ... Эхъ!.. здѣсь бѣдный Петя вздохнулъ, и послѣ вздоха замолчалъ.

— И вздыхать-то больно... Что за скверная болѣзнь, продолжалъ больной.—Вѣдь у меня знаешь что?

— Нѣтъ, не знаю.

— Чихотка.

— Ну полно вздоръ говорить, просто катарръ.

— Да, какъ же; я, братъ, знаю очень хорошо что у меня чихотка, а отъ чихотки не выздоравливаютъ; что дѣлать? Досадно! Умирать ничего не сдѣлаешь; и какъ разъ въ то время, когда я встрѣчаю существо какъ Вѣра, съ которымъ я могъ бы быть и счастливымъ, и полезнымъ.

Голосъ Вѣры раздался у дверей. Олушенная голова больного поднялась и глаза устремились къ двери.

— Изволите слышать, Петръ Павловичъ, сказала Вѣра входя въ комнату,—докторъ находитъ что сегодня вамъ по-ложительно лучше.

— Да, батенька, это фактъ, подтвердилъ докторъ.

Петя какъ будто недоувѣрчиво взглянулъ сперва на доктора, а потомъ на Вѣру. Последней онъ улыбнулся.

— Да ужъ нечего, нечего на насъ смотрѣть недоувѣрчиво, поставимъ васъ на ноги.

— Плясать будете.

Скуратовъ улыбнулся, но недоувѣрчиво.

— Нѣтъ, не вѣрю, сказалъ онъ тряхнувъ отрицательно головой.

— И послѣзавтра въ деревню васъ отправимъ, заклау-чилъ докторъ,—до свиданья.

V. Оригиналь докторъ.

Я проводилъ доктора въ корридоръ и просилъ его войти ко мнѣ въ комнату.

Когда я залеръ дверь и приготовился задать ему роковой вопросъ, я чувствовалъ какъ сильно у меня билось сердце.

— Какъ вы находите больного? рѣшился я спросить у закуривающаго палиросу доктора, слыша явственно какъ дрожалъ у меня отъ замиранія сердца голосъ.

— Никакъ, сказалъ докторъ, бросая спичку въ пепельницу.

— То-есть какъ никакъ?

— Это не человѣкъ, это мертвецъ.

Я удивился въ эту минуту не тому что сказалъ врачъ, но тому что его слова не произвели на меня того потрясающаго дѣйствія какого можно было ожидать.

— Что же у него, чахотка? спросилъ я точно такимъ же тономъ, какъ бы спрашивалъ о незнакомомъ мнѣ человѣкѣ, подумавъ пре себя: Господи, какъ странны бываютъ нервы, иногда они совсемъ не то производятъ, чего отъ нихъ ожидаешь.

— И какая еще, продолжалъ лаконически отвѣчать докторъ,—я еще такой не видывалъ.

— А долго можетъ она протянуться?

— Долго?

Докторъ усмѣхнулся.

— Да, сказалъ я.

— Вы шутите? Онъ сегодня можетъ развалиться.
 — Но можетъ и протянуть.
 — Можетъ.
 — И доѣхать до деревни?
 — Можетъ.
 — Такъ значитъ онъ можетъ жить, сказалъ я, начиная испытывать какое-то раздраженіе противъ этого злобщаго эскулапа.

— Тому врачу, который опредѣлитъ вамъ сколько можете прожить его больной, я васъ попросилъ бы отъ меня, слышите, коллежскаго совѣтника Тимофея Васильевича Винтудова, сказать, что онъ дуракъ, шарлатанъ и лгуны.

Раздраженіе послѣ этой фразы у меня прошло; я начиналъ находить этого врача оригинальнымъ.

Еще оригинальнѣе показался онъ мнѣ тогда когда усѣлся очень быстро на диванъ, закрылъ себѣ лицо руками и послѣ столь неожиданнаго движенія вдругъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

Нужно ли прибавить что я смотрѣлъ на него не только съ удивленіемъ, но даже почти съ чувствомъ страха.

— Вы его давно знаете? спросилъ онъ меня вдругъ.
 — Больнаго?
 — Да.
 — Года два.
 — И вы съ нимъ были друзья?
 — Да, то-есть мы видѣлись-то собственно очень мало, но...
 — Знаете, батенька, я вамъ что скажу: когда моя судьба угрожаетъ такимъ зрѣлищемъ, какъ это, и мнѣ приходится констатировать разрушеніе въ молодые годы прекраснаго субъекта, при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни, разрушеніе насильственное, противуестественное, я не могу не выходить изъ себя. Это мерзость, чортъ знаетъ что такое: да гдѣ же, чортъ возьми, тѣ, которые по законамъ естества должны любить этого молодого человѣка, имѣть на него вліяніе, охранять его, спасти его, наконецъ, гдѣ же они, гдѣ? Вѣдь у этого человѣка была же мать, былъ отецъ, были родные, друзья. Гдѣ же наконецъ признаки того что его кто-нибудь считалъ за человѣка? я не вижу! это собака на улицѣ. Кому до него дѣло! Наконецъ, неужели въ вашей сферѣ нѣтъ дѣвушки, которую могъ бы полюбить молодой человѣкъ въ свое время и застраховать

себя отъ всей этой мерзкой кутежной жизни? Въдѣ такъ или иначе, но долженъ же быть у такого прекраснаго, симпатичнаго молодаго человѣка кто-нибудь, кто сказалъ бы себѣ: я отвѣчаю за него предъ Богомъ, его надо удержать отъ беспорядочной жизни, что же это за христіанское общество! Молодой человѣкъ съ семьей, съ состояніемъ, со связями, съ образованіемъ, со всѣми зачатками хорошаго, все равно что собака на улицѣ, никому не принадлежитъ, никому нѣтъ до него дѣла... это, это для меня ей Богу совсѣмъ непонятно....

Эти слова, полившіяся потокомъ, и притомъ неудержимымъ, изъ души человѣка, который за минуту предъ тѣмъ говорилъ моносиллабами и казался мнѣ сухимъ, скучнымъ, разомъ поставили предо мною совершенно новую личность. Слова или вѣрнѣе мысли этого человѣка показались мнѣ до того новыми, что мнѣ даже показалось что ничего подобнаго я еще не встрѣчалъ въ моей жизни.

Какъ онъ это сказалъ, мнѣ сейчасъ показалось или вѣрнѣе припомнилось, сколько такихъ Петей у насъ гибнетъ вслѣдствіе того что до ихъ жизни, именно какъ до собаки на улицѣ, ровно никому нѣтъ дѣла.

Тутъ же мнѣ припомнились слова самого Пети, за ужасомъ, когда-то въ Петербургѣ сказанныя, когда онъ сравнилъ себя относительно друзей съ бутылкой шампанскаго: Пока льется — мила, когда вылита, подъ столъ, и забыта!

Глубокое впечатлѣніе произвела на меня эта неожиданная сцена. Она смутила, заволновала и почти испугала меня; сильный толчокъ разбудилъ какъ будто дремавшую совѣсть. Да, совѣсть. Мысль о близкой кончинѣ бѣднаго Пети не такъ меня поразила, какъ внезапное сознаніе, ясное какъ день, что и на мнѣ лежитъ ответственность за разрушеніе Пети. Ужасное слово: разрушеніе, и кого же? Друга! Да, я почувствовалъ что совѣсть моя обратилась въ нѣчто живое и что это слово: *разрушеніе* призывало это нѣчто живое къ отвѣту предъ Богомъ! Онъ былъ вѣтреннаго характера; я нѣтъ, сталъ я себѣ говорить; онъ мнѣ предлагалъ быть ему другомъ, я принималъ это предложеніе. Какъ вѣтренный характеръ, онъ позабылъ про это, а я какъ не вѣтренный, развѣ если я въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя быть ему другомъ, я могъ позабыть о моемъ долгѣ и развѣ это

было честно съ моей стороны? Развѣ я не могъ и не долженъ былъ его останавливать и во что бы то ни стало добиться на него вліянія сильнаго и рѣшительнаго? Разумѣется долженъ былъ. А если я этого не сдѣлалъ, то развѣ я не изъ тѣхъ которые должны предъ Богомъ отвѣчать за разрушеніе Пети?

— Да, я изъ тѣхъ и изъ первыхъ, сказалъ я себѣ съ ужасомъ, съ болью и съ отвращеніемъ къ самому себѣ.

Вся эта душевная тревога, описанная очень долго, длилась весьма мало, можетъ-быть нѣсколько секундъ.

— У него мать, сказалъ я.

— Да что у васъ за матери, Богъ васъ знаетъ, какъ будто съ гнѣвомъ прервалъ меня докторъ, — я право не понимаю, вотъ ужъ третьяго субъекта приходится провожать ad patres потому только что ихъ матерямъ нѣтъ-моя дѣла, живы или умираютъ ихъ дѣти. И какъ умираютъ? Положимъ, вотъ свѣча горитъ. Здѣсь докторъ подошелъ къ подсвѣчнику на столѣ, взялъ спичку и зажегъ свѣчку;—такъ извольте видѣть теперь горитъ нормально и будетъ она такъ горѣть, пока хватитъ освѣтительнаго матеріала, не хватитъ—она себѣ потухнетъ спокойно и нормально, такъ? А нуте-ка теперь такъ. Докторъ точно разсердившись отворилъ форточку, подошелъ къ двери, открылъ ее,—ну, такъ глядите, сквозной вѣтеръ, а? Видите какъ горитъ, черезъ десять минутъ вся свѣча выгоритъ, ловимаете? А не будь сквознаго вѣтра она бы горѣла не десять и не двадцать минутъ, а десять часовъ. Вотъ оно что! Небось вашимъ матерямъ нѣтъ до того дѣла какъ бы дѣтей своихъ отъ такихъ условій жизни спасать, которыя ненормальнымъ образомъ ведутъ къ разрушенію. Нѣтъ, это батенька, извольте видѣть, такой нонче вопросъ, извините меня, какъ васъ зовутъ?

— Сергѣй Петровичъ.

— Сергѣй Петровичъ, такой я вамъ скажу вопросъ, который стоить, чортъ возьми, вниманія; грѣшный человѣкъ, не могу о немъ говорить хладнокровно, сердить. Ну, хорошо такъ случилось что эта прекраснѣйшая, можно сказать ангельская дѣвушка встрѣтилась съ нимъ, ну, а еслибъ этого не было; помилуйте, да онъ, князь Скуратовъ, богатый русскій джентльменъ, онъ бы на рукахъ какого-нибудь кельнерчика и умеръ бы въ первой попавшейся гостиницѣ.

Я ничего не отвѣтилъ, но чувствовалъ очень хорошо что

лицомъ и глазами я ему говорилъ: да, и что это „да“ больно, очень больно вырывалось изъ души.

— Нѣтъ, это знаете, это того.... это чортъ знаетъ что такое, продолжалъ докторъ, ходя по комнатѣ и какъ будто съ самимъ собою и въ удовлетвореніе своей жажды все излить что у него было на сердцѣ.—Извольте-ка куда ни пойдешь все слышишь жалобы на докторовъ; у этого болѣзнь не узнали, этого отравили, того заморили, а нуте-ка небось на отцовъ и матерей, которые своею безлечностью доводятъ дѣтей до всевозможныхъ видовъ саморазрушенія, не жалуются; тоже докторъ виноватъ что ему сдали на руки прокутившагося мертвеца, который могъ бы здоровымъ и крѣпкимъ прожить сто лѣтъ?... тьфу, мерзость какая!....

Докторъ плюнулъ, еще раза два прошелся по комнатѣ, посмотрѣлъ на часы и протянулъ мнѣ руку.

— До свиданія, имѣю честь кланяться, сказалъ онъ.

— Сегодня его мать прѣзжаетъ, началъ я робко.

— Ну, знаю.

— Я, признаться, боюсь этого свиданія.

— Чего бояться?

— Да онъ самъ видно такъ этого боится; какъ только онъ начинаетъ....

— Пустяки, прервалъ меня врачъ, — это чисто нервное явленіе: извѣстное дѣло, ему не можетъ доставить удовольствія свиданіе съ такою мамашей, которой должно-быть все равно что живъ онъ или умеръ, но особеннаго ничего не можетъ случиться.

— Ну, а если....

— Ну умереть въ глазахъ матери, эка бѣда, не то горе что умереть сегодня, а то бѣда что дали умереть.

И съ этою истиной во всей ея ужасной наготѣ пришлось согласиться, хотя мысль о томъ что больной умереть не приготовившись, такъ вдругъ, можетъ-быть въ минуту самой сильной сцены съ матерью, меня страшно мучила и я давно уже ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ какъ подступиться къ Петѣ съ мыслью о приготовленіи къ кончинѣ. Его мать, которую я никогда не видѣлъ, но которую узналъ изъ словъ сына, подъ впечатлѣніемъ рѣзкой правды въ устахъ оригинала доктора я уже искренно ненавидѣлъ.

Машинально протянувъ руку и пожавъ руку доктора, я не замѣтилъ какъ очутился одинъ.

VI. Я начинаю быть дѣйствующимъ лицомъ.

Отъ размысленій пробудилъ меня легкій стукъ въ мою дверь.

— Войдите, откликнулся я.

Въ комнату вошла Вѣра.

— Чтò? сказалъ я испуганно.

— Онъ заснулъ, проговорила она тихо, какъ будто больной спалъ въ моей комнатѣ, и осторожно приподнимая одну ногу за другою,—я къ вамъ, прибавила она.

— Чтò прикажете? сказалъ я, подавая ей стулъ.

— Нѣтъ, пойдемте туда, въ комнату рядомъ, неравно проснется.

Я пошелъ за ней.

Вѣра на цыпочкахъ подошла къ двери комнаты гдѣ лежалъ больной, взглянула въ нее, вернулась за дверь, тихо-нечко ее притворила и на цыпочкахъ подошла ко мнѣ.

— Чтò вамъ докторъ сказалъ?

Я посмотрѣлъ на нее, желая разрѣшить себѣ вопросъ: знаетъ ли она что Петѣ не суждено жить.

Лицо Вѣры Семеновны выражало боязливое нетерпѣнье. Значить, подумалъ я, она надѣется, значить она правды не знаетъ.

— Да ничего особеннаго, отвѣтилъ я:—онъ находитъ его въ опасности отъ слабости въ особенности, но не въ безнадежномъ состояніи.

— Честное слово, онъ вамъ это сказалъ?

Неожиданность этого вопроса меня застала върасплохъ. Но въ ту же секунду я сообразилъ что есть случаи, гдѣ лгать не только можно, но должно, и сознавая что я лицу своему не далъ обнаружить смущенья, я отвѣтилъ:

— Честное слово!

Бѣдня Вѣра мнѣ повѣрила и, судя по лицу, приняла въ душу лучъ чего-то отраднаго и свѣтлаго.

— А я такъ боюсь, сказала она.—Бываютъ минуты что мнѣ вдругъ покажется: вотъ-вотъ, сейчасъ онъ скончается.

Изъ сосѣдней комнаты послышался тихо, очень тихо голосъ больного. Чуткая Вѣра въ одинъ какъ будто прыжокъ долетѣла до него.

Черезъ минуту она меня позвала.

— Петръ Павловичъ васъ зоветъ, сказала она, и я отправилась къ больному не могъ не напомнить себѣ того что ни разу она, говоря про Петю, не назвала его при мнѣ иначе какъ Петръ Павловичъ.

— Ну что? спросилъ я, подходя къ больному.

— Отлично спалъ, отвѣтилъ мнѣ Петя,—и вообрази видѣлъ чудесный сонъ: я былъ въ деревнѣ, гулялъ по моей любимой аллѣ, и опираясь на Вѣру, рассказывалъ ей о моемъ дѣтствѣ, и представъ себѣ, какъ странно, каждое изъ малѣйшихъ воспоминаній я ей передавалъ съ такою ясностью что я самъ удивлялся. Вѣра! какънулъ Петя.

— Что?

— Завтра мы поѣдемъ въ деревню, слышишь?

— Хорошо, если....

— Никакого „если“, мнѣ такъ хочется въ деревню что я жить здѣсь не могу, въ особенности послѣ этого чуднаго сна: ажъ, какъ было прелестно; и теперь еще какъ будто легче дышется, пахло сѣномъ только-что скошеннымъ, березой послѣ дождя, цвѣтами, моею милою скромненькою резедой, фу, какъ хочется въ деревню; который часъ?

— Скоро шесть, пора обѣдать, отвѣтила Вѣра, стоявшая до того какъ статуя предъ Петей и жадно слѣдившая за каждымъ звукомъ его голоса и каждымъ дыханіемъ его груди.

— Такъ давайте обѣдать, сказалъ больной,—а послѣ обѣда поѣдемте немного покататься за городъ, тутъ такъ душно.

— Завтра мы ѣдемъ въ деревню, твердо и рѣшительно сказала Вѣра,—это рѣшено.

Я на нее взглянулъ. Тонъ которымъ она сказала эти слова и вдохновеніе вдругъ озарившее ея лицо, сказали мнѣ что въ ней внезапно воскресла угасавшая было надежда. Рѣшеніе сложилось въ ея душѣ, когда она такъ напряженно и внимательно слѣдила за словами Пети о деревнѣ. Я не ошибся. Минутъ черезъ пять она мнѣ сама это сказала.

— Вы слышали что Петръ Павловичъ говорилъ про деревню и про свой сонъ?

— Да.

— Это не случайно.

— Что? Сонъ его?

— Да, и сонъ его, и впечатлѣнiе этого сна, и это вдругъ сдѣлавшееся нестерпимымъ желанiе ѣхать въ деревню.

— Что же, поѣзжайте, отвѣтилъ я.

— А вы съ нами не поѣдете?

— Я?

Опять задала она мнѣ вопросъ озадачившiй меня своею неожиданностью.

— Серёжа, поѣдемъ съ нами, подхватилъ подслушавшiй насъ Петя, — что тебѣ за границей дѣлать, скучно.

Тутъ мнѣ вдругъ послышалось какъ будто на ухо порывисто и громко говорилъ мнѣ оригиналь - докторъ; припомнились мнѣ его слова о томъ что бѣдный Петя для всѣхъ, которые должны его любить, все равно что собака на улицѣ, да и самому мнѣ очень хотѣлось доказать Петѣ что я въ самомъ дѣлѣ его другъ, и всего этого было разумѣется слишкомъ достаточно чтобъ убѣдить меня въ необходимости бросить пока поѣздку за границу и ѣхать съ Петей въ деревню.

— Возьмете, такъ поѣду, отвѣтилъ я.

— Да развѣ вы не должны были ѣхать? спросила меня Вѣра.

— Какъ долженъ былъ?

— Вы должны были ѣхать, иначе бы вы не опоздали на вашъ поѣздъ.

— Да, вѣроятно, сказалъ я, все болѣе и болѣе испытывая сильное впечатлѣнiе не столько отъ фатализма Вѣры, сколько отъ всей ея личности. Въ ней было что-то притягательное, я это начиналъ чувствовать. И признаться сказать, я даже этого испугался.

Я боялся слишкомъ глубоко заинтересоваться ея несложною, но очевидно оригинальною натурой.

Итакъ, рѣшено было что я ѣду со Скуратовымъ въ деревню.

Вопросъ же о томъ затрали состоится нашъ отъѣздъ, зависѣлъ отъ свиданiя съ матерью Скуратова и отчасти отъ погоды.

Какъ бы то ни было, но Вѣра Семеновна съ той минуты какъ Петя Скуратовъ заговорилъ нетерпѣливо и рѣшительно о деревнѣ, совсѣмъ преобразилась. Въ ней явилась какая-то смѣлая увѣренность фаталистки что Скуратовъ непременно въ деревнѣ поправится, и что во снѣ ему явилось предвидѣнiе и предчувствiе этого событiя.

Увѣренность ея была такъ сильна, что и мать придавала что-то въ родѣ надежды и ослабила впечатлѣніе зловѣщихъ предсказаній доктора.

Когда подошелъ часъ прибытія поѣзда на которомъ ожидалась мать Скуратова, я чувствовалъ себя бодрымъ и готовымъ на какую угодно борьбу съ лицами и даже событіями.

Петя Скуратовъ началъ было волноваться при мысли о приближающемся свиданіи, но его сидѣлка дала ему капли которыя его успокоили.

Мы рѣшили затѣмъ что я поѣду на желѣзную дорогу и встрѣчу княгиню Александру Андреевну Скуратову по порученію сына, и привезу ее въ приготовленный для нея номеръ въ гостиницѣ.

Вопроса о Вѣрѣ Семеновѣ, на случай разговора матери со мной о ней, мы не коснулись ни съ Петей, ни съ нею самой. Каждый изъ насъ рѣшилъ про себя въ этомъ отношеніи положиться на рѣшеніе судьбы и сказалъ себѣ: будетъ что будетъ.

VII. Княгиня Скуратова.

Въ девятомъ часу я выѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Я хотѣлъ приготовиться ко встрѣчѣ съ матерью Скуратова, и старался себя представить и ее и себя предъ нею, и то что я ей скажу, и то что она мнѣ скажетъ. Но старанія мои не создавали мнѣ, къ сожалѣнію, ни единого образа. Я бросилъ эту умственную работу, чувствуя себя слишкомъ взволнованнымъ, и актеромъ со слишкомъ драматическою и торжественною ролью въ жизни и своей и бѣдлаго Пети. Одно однако я рѣшилъ въ умѣ безловоротно. Я сказалъ себѣ что если она со мною не заговоритъ о Вѣрѣ Семеновѣ, то я непременно о ней заговорю и представлю ей весьма вѣскіе и краснорѣчивые доводы въ отвѣтъ на предубѣжденіе противъ этой дѣвушки.

Признаться долженъ что когда поѣздъ сталъ приближаться и я улавливалъ сперва свистокъ въ отдаленіи, а потомъ перекликавшіеся сигнальные звуки стрѣлочниковъ, сердце у меня снова стало биться какъ въ гостиницѣ.

Наконецъ поѣздъ подошелъ. Я сталъ разглядывать выходившихъ пассажировъ, заручившись предварительно указаніемъ начальника станціи на тѣ вагоны гдѣ должны быть заграничные пассажиры.

Вижу изъ одного изъ вагоновъ перваго класса выходить, поддерживаемая какимъ-то на видъ не то лакеемъ, не то курьеромъ, средняго роста, довольно плотная дама, съ сѣрыми бурнусомъ, круглою на головѣ съ чернымъ перомъ шляпкой.

Я на нее обратилъ вниманіе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она показалась мнѣ грандъ-дамой, а во-вторыхъ, въ ея лицѣ, несмотря на вуаль, я съ перваго же взгляда увидѣлъ что-то холодное и гордое.

Когда обѣ ноги ея стали твердо на каменную плиту дебаркадера, она подняла вуаль, и оралинымъ взглядомъ, выражавшимъ удивленіе, осмотрѣла все что вокругъ нея имѣло человѣческій образъ.

Если это она, подумалъ я, то очевидно она удивлена тѣмъ что никто ее не встрѣчаетъ.

Гляжу, она обращается къ человѣку ей помогавшему вѣлѣзть. Лицо этого бодраго, но стараго служителя выразило почтительное сочувствіе ея удивленію.

За нею показались какія-то двѣ женскія фигуры.

Я подошелъ ближе.

— Ну найди, ищи, сказала она почти гнѣвно лежачему слугѣ. Затѣмъ слышу я какъ она говоритъ одной изъ дамъ:— *Mais il n'y a personne, ma chère, ni Pierre, ni personne, c'est drôle!*

Сомнѣнія мои исчезли. Это мать Скуратова.

Мнѣ вдругъ стало тяжело на сердцѣ. Какъ дорого бы я далъ чтобы не подходить къ этой барынѣ и съ какимъ удовольствіемъ сѣлъ бы въ уютный вагонъ этого поѣзда, и забившись въ одинъ изъ его уголковъ и стараясь забыть про всю эту драму, которая вотъ-вотъ, сейчасъ, съ перваго моего шага, должна ни съ того ни съ сего разыгратъ, и прологъ которой давалъ себя чувствовать въ замираніи сердца и другихъ неприятныхъ ощущеніяхъ.

Но рокъ толкалъ меня впередъ съ неудержимою силой, и какъ на морскихъ купаньяхъ входилъ въ холодную воду, несмотря на то что въ воздухѣ холодно, и никакой нѣтъ

охоты купаться, я внутренне перекрестился и сдѣлалъ роковой шагъ. Странно и теперь даже, сколько времени спустя, не могу вспомнить объ этомъ шагѣ безъ перваго озноба. Я подошелъ сперва къ лакею.

— Это княгиня Скуратова? спросилъ я вполголоса.

— Она-съ, отвѣтилъ лакей.

Я подошелъ къ ней, снявъ шапку, поклонился и заговорилъ по-французски, начавъ съ того что называлъ себя по фамиліи. Она на меня взглянула было съ удивленіемъ, но потомъ приняла вѣжливо и холодно-любезную физиономію.

— Меня просилъ вашъ сынъ прійхать къ вамъ на встрѣчу.

— Вы кто же, вы его другъ?

— Да.

— Пойдемте сюда.

— Она энергично и почти насильно отвела меня въ оторочу.

— Онъ на ней женился? спросила она меня замурмшавшимъ отъ волненія голосомъ.

Этотъ вопросъ меня ошеломилъ. Разомъ вся какъ есть освѣтилась предо мною нравственная фигура этой матери.

Первый вопросъ былъ о женитьбѣ сына на Вѣрѣ, а о болѣзни она не сказала ни слова.

Я былъ подавленъ неожиданностью этого вопроса и она звонко и даже пронзительно звонко крикнула въ ушахъ слова Петина доктора.

— Нѣтъ, сказалъ я,—помилуйте.

— Честное слово? прервала она меня.

— Честное слово! Гдѣ же, помилуйте, началъ было я, но она меня не слушала, а вздохнула и всецѣло, казалось, отдалась душой этому вздоху. Въ немъ космическое количество лудовъ разомъ отаегаало отъ ея груди.

Лицо княгини Скуратовой даже освѣтилось лучомъ чего-то любезнаго и пріятнаго.

— Я очень рада съ вами познакомиться, сказала она протягивая мнѣ руку,—вы мнѣ принесли такую радостную вѣсть что отнынѣ, надѣюсь, мы будемъ хорошими друзьями ужъ, прибавила она.

Я глядѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

Недоумѣніе это происходило отъ причины весьма понятной: она все-таки ни слова не сказала мнѣ о здоровьѣ сына.

Вѣроятно это недоумѣннѣе выражалось на моемъ лицѣ очень сильно, ибо княгиня Скуратова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: отчего я такъ гляжу удивленнымъ?

На вопросъ я не отвѣчалъ.

— Вы знаете, сказалъ я,—однако, что сынъ вашъ очень боленъ.

— Да, бѣдненькій; помилуйте, au fond, я собственно съ этою цѣлью и сдѣлала такой большой кругъ, я жаждала его видѣть. Ну какъ онъ теперь? Впрочемъ для меня здоровье тѣла занимаетъ второе мѣсто. Главное — здоровье души, сказала мать съ какимъ-то убѣжденіемъ искреннимъ и твердымъ въ голосъ и въ лицѣ.—Ахъ, я такъ боялась, признаться, гибели его души съ этою женщиной! Кто она? Богъ знаетъ, а? Une drôlesse?

— Въ этомъ отношеніи вамъ не только нечего бояться, княгиня, сказалъ я,—но, напротивъ, Богъ послалъ вашему сыну въ этой женщинѣ какого-то ангела любви, заботливости и чистоты; положительно я вамъ ручаюсь за это!

Мать Пети подняла на меня полугаумавивый, полугнѣвный взоръ.

— Vraiment? сказала она насмѣшливо,—charmée de l'apprendre; я не знала что ангеловъ находишь на улицахъ любого европейскаго города съ тою же легкостью съ какою находишь kokotoks и развратницъ.

Я замолчалъ.

Тутъ весьма кстати подошелъ слуга и доложилъ что все готово.

Я открылъ шествіе.

Одна изъ барышень оказалась компаньйонкой, а другая горничной княгини Александры Андреевны.

У подъѣзда слуга подошелъ ко мнѣ и наскоро спросилъ о здоровьи Петра Павлевича.

— Плохо, сказалъ я.

— Чтѣ вы? отвѣтилъ слуга. Разспросы не могли продолжаться, ибо барыня его позвала.

Мнѣ показалось что у этого слуги заговорила старая привязанность добраго сердца, и я обрадовался тому не мало.

Дамы прибыли въ гостиницу.

Я привелъ ихъ въ номера и тотчасъ же любѣжалъ къ Петѣ.

Вѣра встрѣтила меня у двери.

— Ну чтѣ? спросилъ я.

— Ну что? спросила она, замирающимъ голосомъ.

— Какъ Петя?

— Ничего, слокоенъ, есть жаръ. Ну что она?

— Она страшная; вамъ нужно спрятаться.

— Я это и рѣшила.

Послѣ этихъ наскоро обмѣненныхъ съ Вѣрой словъ я побѣжалъ къ матери Пети.

— *Quelle horreur que ses appartements*, сказала она.

— Вы теперь отправитесь къ вашему сыну? спросилъ я.

— Да. А что, развѣ онъ совсѣмъ не можетъ ходить? *c'est affreux*.

— Нѣтъ, онъ можетъ, но вечеромъ онъ устаетъ.

— *Rauve garçon*. *Marie*, ma chère, обратилась она къ компаньонкѣ,—подождите меня въ соседней комнатѣ, я имѣю сказать два, три слова этому господину.

Мы остались вдвоемъ.

— Я хотѣла съ вами поговорить вотъ о чемъ, садитесь. Я сѣлъ.

— Какіе планы у моего сына—вы знаете?

— Онъ ѣдетъ въ деревню.

— Одинъ?

— То-есть съ нею и со мною.

— О ней прошу васъ не говорить; сегодня же я ей дамъ отлускъ на всѣ четыре стороны. *C'est une horreur*, слышите!

— Не думаю, княгиня, чтобы вы рѣшились это сдѣлать.

— Это отчего вы не думаете? насмѣшливо возразила княгиня Скуратова,—влрочемъ это очень натурально, вы меня не знаете; однако прошу знать, мой почтеннѣйшій, что вы видите предъ собою женщину съ характеромъ, женщину съ принципами, и въ особенности такую мать которая отлично знаетъ свои обязанности.

Я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло и разумѣется всего менѣе былъ расположенъ въ эту минуту вести споръ. Я всталъ и отставилъ къ стѣнѣ стулъ.

— Извините меня, сказалъ я,—вашъ сынъ васъ ждетъ, ему пора спать. Здѣсь, околько мнѣ кажется, дѣло не въ принципахъ, и въ чемъ-либо предвзятомъ, а, какъ вы сами увидите, княгиня, рѣчь идетъ о томъ что вашъ сынъ крайне нуждается въ услугахъ любящаго его существа, и я думаю что вы первая, княгиня, когда вы все увидите, не рѣшитесь отдалить отъ вашего сына существо, которое ему

дорого, которое онъ цѣнить какъ друга и сестру, и которое кромѣ существенной пользы ему ничего не приноситъ.

Мы стояли у двери.

— Да; но для этого я должна ее видѣть, а я совѣтъ этого не желаю. А мои услуги вы ни во что не ставите?

— Ваши?

— Да, батюшка, мои. А для чего же я прѣхала?

— Что жь? тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе услугъ.

— Нѣтъ, мой любезный, раздѣлять роль сидѣлки у постели моего сына съ какою-то женщиной подобранной улицы я не намѣрена,—или она, или я. Вы шутите какъ-то такими серьезными вещами, Dieu me pardonne.

Ну и отлично, подумалъ я, если вопросъ ставить ты такъ, то пусть будетъ такъ: она останется, ты уйдешь.

Мы вышли въ корридоръ.

— Какая воя, сказала княгиня Скуратова въ корридорѣ затыкая себѣ носъ;—ахъ, я забыла, извините.

Она послѣшно ушла и вскорѣ вернулась, неся изъ слоеной кости вырѣзанное Распятіе.

— Это подарокъ моему сыну. Un souvenir de Rome. Мыша, постучала въ дверь къ своей компаньонкѣ княгини.

— Чтò прикажете?

— Soignez le thé ma chère, я сейчасъ вернусь.

VIII. Мать и сынъ.

Мы подошли къ комнатѣ Пети.

Я отворилъ дверь и вошелъ первый, чтобы предупредить Петю.

Петя сидѣлъ на креслѣ, а возлѣ него стоялъ тотъ самый слуга который волросомъ объ его здоровьѣ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Онъ помогъ Петѣ приподняться.

— Здравствуйте маменька, сказалъ Петя по-русски, цѣлуя ея руку.

— Bonjour mon fils, отвѣтила мать, цѣлуя сына въ лобъ,—enfin nous nous voyons. Александръ, стулайте чай матъ преготовлять, и смотрите чтобы подавали все чисто. Ты, мамъюсъ, мой другъ, съ нами будешь чай пить.

Александръ ушелъ помогши Петѣ усесться вновь въ кресло.

— *Voilà un peu, quelle mine avez vous, un peu maigri, bédienki.*

Тутъ произошла сцена которой я никогда не позабуду.

Скуратова разсматривала сына почти во мракѣ, ибо въ комнатѣ горѣла одна только свѣча, слѣдовательно она видѣть его не могла.

Сынъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы не устали отъ дороги? спросилъ онъ у матери.

— Немного, вотъ тебѣ мой подарокъ, un souvenir de Rome, сказала мать, подавая сыну Расплатіе;—не забудь cher ami что это образъ терпѣнія, символъ вѣры, напоминаніе намъ долга смиренія.

— Благодарствуйте, сказалъ сынъ, принимая подарокъ.

— Богъ посылаетъ намъ испытанія, продолжала мать по-французски,—надо умѣть ихъ переносить; жизнь не изъ розановъ слагается.

Я между тѣмъ зажегъ еще нѣсколько свѣчъ.

Лицо Пети освѣтилось. Мать сѣла напротивъ. Она взяла свой лорнетъ и посмотрѣла на сына. Я же сталъ глядѣть на нее.

Прежде всего я услышалъ что-то въ родѣ сдержаннаго, но сильнаго крика; потомъ я увидѣлъ, какъ все лицо матери искривилось отъ выраженія испуга.

Стулъ ея подался назадъ. Лорнетка выпала изъ рукъ. Княгиня Скуратова встала.

— Какъ это странно, сказала она,—вѣроятно это отъ дороги, у меня закружилась голова.

Сынъ на нее смотрѣлъ то какими-то испуганными глазами, то съ явнымъ желаніемъ его доброй и ласковой души быть ей пріятнымъ и показать ей что онъ счастливъ ея посвщеніемъ. Бѣдный, какимъ онъ показался мнѣ въ эту минуту жалкимъ. Его лицо, но въ особенности его поза, его общее такъ-сказать выраженіе носили отпечатокъ чего-то безсильнаго и покорнаго. Вотъ я, дѣлайте со мною что хотите, вы видите, я не могу сопротивляться,—вотъ что, казалось, хотѣлъ онъ сказать.

Мать между тѣмъ прошлаъ раза два по комнатѣ.

— Ты любишь чтобы было свѣтло? сказала она.

— Нѣтъ.

— Такъ потушите эти двѣ свѣчи, сказала она,—и двухъ довольно.

Я понималъ что заставило ее потушить свѣчи. Она не хотѣла видѣть сына такимъ какимъ она его разглядѣла при свѣтѣ. Затѣмъ она подошла къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Бѣдненькій, сказала она, — *rauvre garçon*.

Петя поцѣловалъ ей руку, и поднимая къ ней взглядъ, въ которомъ нельзя было не видѣть новаго усилія его души вызвать и сосредоточить на матери любовь. Но мигъ спустя выразилось въ его взглядѣ что-то другое, что-то въ родѣ вопроса его души къ ея душѣ. Ты мать моя, какъ бы говорилъ онъ, но отчего я тебя боюсь, отчего сердце мое закрывается когда я тебя вижу; отчего и теперь, когда я почувствовалъ твой поцѣлуй на моемъ лицѣ, сердце мое только дрогнуло, и объятія не поднимаются чтобы тебя объять; отчего глядя на тебя, я со страхомъ ничего другого не испытываю какъ желаніе чтобы ты ушла и меня оставила въ покоѣ. О чемъ мы будемъ говорить съ тобою? О погодѣ, о заграничныхъ впечатлѣніяхъ? Развѣ это меня можетъ интересовать? Обо мнѣ, о моей болѣзни, о моей смерти? Развѣ это тебя можетъ интересовать? А спросить тебя: отчего ты такая для меня странная мать, развѣ я могу, развѣ я имѣю право?

Не было никакого для меня сомнѣнія въ томъ что мать испытала ужасное потрясеніе при видѣ сына въ той картинѣ разрушенія, въ которой онъ предъ нею предсталъ при яркомъ освѣщеніи, и не могла скрыть этого ужаснаго впечатлѣнія, но она осталась вѣрна своей роли *странной матери*. Она не бросилась въ объятія сына, не покрывала его голову поцѣлуями и слезами, не дала воли душѣ и естественному порыву сердца; нѣтъ, она осталась вѣрною законамъ *du savoir vivre et du comme il faut*.

Она сыграла сцену какой-нибудь маркизы во французской *proverbe*, съ искусствомъ первоклассной артистки, это правда, но тѣмъ не менѣе атмосфера которая ее окружала сдѣлалась для моихъ сердечныхъ ощущеній еще болѣе ледяною. Такъ и ловляло безпощаднымъ холодомъ отъ души чужой и непонятной.

— Какъ ты себя теперь чувствуешь, спросила мать по-французски, — лучше?

— Лучше.

— А какіе у васъ здѣсь доктора? хорошіе?

— Да, одинъ у меня бываетъ, кажется хорошій.

— Я бы очень желала его видѣть, онъ когда? завтра будетъ?

— Завтра.

— Вы мнѣ непременно скажите когда онъ будетъ.

— Хорошо, непременно; ну а вы какъ себя чувствуете?

— Я ничего; холодна только была у насъ зима въ Римѣ.

Наступило молчаніе.

Я чувствовалъ что мать и сынъ находились въ затруднительномъ положеніи. Они не знали о чемъ говорить, и это послѣ того что два года кажется не видѣлись, и какъ я узналъ, были даже въ перепискѣ, но въ перепискѣ для формы.

— Какъ здѣсь жарко, сказала мать.

— Да, открой окно, Сережа.

— Нѣтъ, теперь тебѣ не годится дышать свѣжимъ воздухомъ, сказалъ я.

Опять молчаніе.

Мать кашлянула.

Я тоже кашлянулъ, и отъ незнанія что сказать зашумѣлъ салогомъ объ салогъ.

— Я думаю ты усталъ, сказала мать, — тебя надо оставить.

— Да, такъ, немного, не особенно впрочемъ.

Мать встала.

Сынъ приподнялся.

— Не вставай, пожалуйста, сказала она, удерживая его на креслѣ, — ну прощай, Богъ тебя да благословить, прибавила она, наскоро его перекрестила и поцѣловала въ лобъ, — желаю тебѣ покойной ночи.

Сынъ поцѣловалъ ей руку два раза.

— Сережа, проводи матушку, сказалъ онъ мнѣ.

Въ эту минуту послышался стукъ у дверей.

— Можно? раздался голосъ доктора.

— Можно, отвѣтилъ я, отворяя дверь.

Докторъ вошелъ и прямо подошелъ къ княгинѣ Скуратовой.

— Имѣю честь представиться, здѣшній эскулапъ, докторъ вашего сына.

— Я только-что объ васъ спрашивала.

— Ну какъ вы извоили найти вашего сыночка? ничего? а? молодцомъ?

Иронія слѣшкомъ глубоко звучала въ этихъ словахъ чтобы можно было ее не слышать.

— Онъ, бѣдненькій, очень перемѣнился, отвѣтила мать.

— Вы находите, сказалъ потирая себѣ руки докторъ, — а гдѣ наша сестрица?

Мы всѣ такъ и обомлѣли.

Я слегка толкнулъ доктора.

Онъ притворился что не понималъ моего толчка.

— Гдѣ же Вѣра Семеновна? продолжалъ онъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, — вы ее, сударыня, еще не изволили видѣть? Напрасно! Еслибы не она, вамъ сыночекъ давно бы лежалъ въ могилѣ, да еще гдѣ, въ какой-нибудь нѣмецкѣй, да-съ, за это я вамъ собственною головою ручаюсь; въ нынѣшній вѣкъ такихъ личностей и съ фонаремъ въ рукахъ не сыщешь.

Княгиня Скуратова какъ будто не слушая подошла къ двери.

— Вы ко мнѣ зайдете, докторъ, сказала она.

— Если прикажете.

Мы вышли въ корридоръ.

Я замѣтилъ что въ сосѣдней двери щелкнулъ замокъ. Очевидно бѣдная Вѣра поджидала у двери нашего выхода.

— Ну, поздравляю, если у этого человѣка, сказала она, — также мало искусства, какъ мало такта, мой сынъ долженъ быть въ хорошихъ рукахъ.

Я смолчалъ.

— Это ужасно, какъ онъ бѣдненькій перемѣнился, я до сихъ поръ не могу придти въ себя; да что же это за болѣзнь?

— Чахотка, должно-быть.

— Чахотка?

Что-то въ родѣ сильнаго чувства послышалось мнѣ въ этомъ возгласѣ.

— Вы развѣ не знали?

— Я? я? растерянно какъ будто отвѣтила мнѣ мать, — я ничего не знала, откуда мнѣ было знать.

Мы вошли въ комнату.

Самоваръ кипѣлъ на столѣ. Насколько это было возможно, чайный столъ глядѣлъ и нарядно, и даже весело. Лампа освѣщала очень свѣтло, благодаря отраженію бѣлой скатерти.

Компанийонка княгини Скуратовой причесанная и съ иглолки переодѣтая сидѣла уже у самовара.

Я невольно взглянулъ на княгиню Александру Андреевну. На этотъ разъ лицо ея выражало самое искреннее огорченіе.

— Mon Dieu, mon Dieu, повторила она, ломая себѣ руки,— да какъ же мнѣ этого никто не сказалъ, вѣдь это ужасно, à son âge.

— Прикажете напивать? спросила оказавшаяся Марьей Павловной Климовой компаньйонка.

Странная мать сѣла у чайнаго стола, спиной къ нему.

— Чтò дѣлать теперь? сказала она по-французски, не отвѣчая своей компаньйонкѣ.

— Madame, повторила та.

— Ахъ нѣтъ, merci, ma chère, мнѣ не до чаю теперь.

Она встала.

— Я же не могу его такъ оставить, я должна съ нимъ вѣхать, но куда? сказала она, усаживаясь у стола:— Дайте мнѣ чашку чаю, это придастъ мнѣ энергію, я въ ней нуждаюсь, только покрѣпче; сырыя это сливки, а?

— Не знаю, кажется.

Странная мать поднесла сливочникъ къ носу.

— Ахъ, какая гадость, кляченныя, прочь; ma chère, какъ это вы не распорядились, позвоните.

Вошелъ кельнеръ.

— Дайте сырыхъ сливокъ; кто же подаетъ къ чаю кляченыхъ сливокъ? сказала въ сердцахъ княгиня Александра Андреевна.

Кельнеръ унесъ сливочникъ.

Убѣдившись что скорбь о чахоткѣ сына подѣйствовала очень не надолго на княгиню и замѣнилась уже заботой о сырыхъ сливкахъ, я всталъ чтобъ уйти.

— Ахъ, подождите, прошу васъ, мнѣ нужно съ вами посоветоваться, да вотъ и докторъ, сказала она, увидѣвъ входившаго въ дверь оригинала врача.

— Чтò прикажете, сударыня? сказалъ онъ, ставя стулъ возлѣ княгини Скуратовой.

— Какъ вы находите его? Неужели...

— Какъ нельзя хуже, сударыня, перебилъ ее докторъ,— это мой долгъ васъ предупредить, дай Богъ чтобъ онъ какъ-нибудь добралъ до деревни.

— Господи, сказала мать,—это меня такъ поражаетъ что я не могу придти въ себя, и неужели это чахотка?

— Да-съ, и дурная чахотка.

— Не нужно ли его на Мадеру везти, въ Египетъ кун-
нибудь, вы понимаете, я обязана все сдѣлать чтобы он
сласти.

— Никуда-съ, сударыня, дайте ему только тихій и спо-
койный конецъ.

Княгиня Александра Андреевна заплакала.

Несомнѣнно она была жалка. Но странно, какъ я ни ст-
радался умилиться отъ зрѣюща ея слезъ, не могъ, и видѣ
что совершенно такого же рода впечатлѣнія испытывалъ
докторъ.

— Что же дѣлать теперь? спросила она.

— Дать имъ ложиться въ деревню, отвѣтилъ докторъ.

— Но вѣдь если въ дорогѣ... Нѣтъ, это ужасно, онъ вѣдь
готовился, ему надо говѣть, надо хорошаго священника.
Какъ досадно что это не въ Петербургѣ, а здѣсь, какъ
могутъ тутъ быть духовники?

Тутъ вошелъ лакей со сливочникомъ.

— Дайте сюда, сказала княгиня, и помыкала слани-—
жалуста, та снѣге, покрѣплче, обратилась она къ компань-
кѣ,—мнѣ нуженъ крѣпкій чай, я спать сегодня не буду.
буду сидѣть у сына.

— Нѣтъ, Боже васъ сохрани, сударыня, вы ему не да-
те спать, сказалъ докторъ.

— Присутствіе матери не можетъ тревожить сына, отъ-
тила съ чувствомъ княгиня Александра Андреевна;—когда
мой бѣдный мужъ умиралъ, я не отходила отъ его постели
семь дней и семь ночей, это долгъ.

— Право лучше вамъ не идти, сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я рѣшила,—ахъ, Боже, какіе скверные су-
хари, сказала она, ломая сухарь,—та снѣге, а гренки гдѣ же.

— Такъ больше ничего не имѣете приказать? спросилъ
докторъ, вставая.—А мой совѣтъ если вы хотите чтобы вашъ
сынъ пожилъ подольше, Бога ради не тревожьте его вашимъ
присутствіемъ ночью; безъ сна онъ погибъ, сударыня, а такъ
какъ знаете, имѣю честь кланяться.

Княгиня Скуратова встала.

— Не нужно ли консультацію?

— Если прикажете, я готовъ, отвѣтилъ докторъ,—только
по-моему это безполезно.

— Я думаю не перевезти ли его въ Петербургъ, тамъ же
крайней мѣрѣ есть хорошіе врачи, и если Богу угодно ес-

взять, тамъ онъ можетъ отаично приготовиться къ великой и страшной минутѣ.

— Не совѣтовалъ бы; одно ему можетъ продлить нѣсколько жизнь: деревня и покойнѣйшій покой, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— Но я не знаю какъ мнѣ это сдѣлать; мои вещи отправлены въ Петербургъ.

— Да вы развѣ тоже хотите въ деревню? спро силъ испуганно докторъ.

— Еще бы, это мой долгъ; правда что эта поѣздка разстраиваетъ всѣ мои комбинаціи, но....

— И не думайте, сударыня.

— Отчего?

— Да оттого, что вы его растревожите, оставьте его въ полномъ покоѣ.

— Да что же я наконецъ, палачъ его что ли? Что это у васъ нынче за новыя идеи? Я кажется мать его, раздраженно сказала княгиня Александра Андреевна;—помилуйте, это единственный у меня сынъ, и вы хотите чтобъ я его бросила на большой дорогѣ, въ руки первой встрѣчной уличной женщины.

Я увидѣлъ какъ на лицѣ доктора волыхнуло было что-то нехорошее, вслыхнуло, да тотчасъ же и потухло. Онъ еще разъ оказалъ: имѣю честь кланяться, и вышелъ въ дверь.

Въ дверяхъ показался слуга княгини Скуратовой.

Онъ медленнымъ перекачиваясь весь вошелъ въ дверь, затворилъ ее, и ставъ въ классическую позу почтительнаго слуги стараго времени, опустилъ руки.

— Пришелъ вашему сіятельству доложить насчетъ того значить что имѣю желаніе послужить Петру Павловичу, потому они очень нездоровы.

Весь этотъ докладъ сказанъ былъ твердымъ голосомъ; но только подъ самый конецъ, когда дошло дѣло до Петра Павловича, голосъ у стараго слуги какъ будто сталъ обрываться и дрожать, и руки не переставая быть опущенными ло швамъ тоже не то дрожали, не то производили какое-то невольное движеніе пальцами. Видно было что старикъ испытывалъ что-то сильное, и это сильное въ себѣ сдерживалъ.

— Я знаю, батюшка, что Петръ Павловичъ нездоровъ, я для того и пріѣхала; но Богъ дастъ онъ поправится.

Старикъ всхлипулъ и поднялъ руку.

— Нѣтъ-съ, имъ не поправиться, видно больно ужъ ихъ забрала болѣзнь, сказалъ слуга,—лучше мужицкаго сироты запустили нашего барина, прибавилъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ слуга.

— Ну ступай, благодарю тебя за твои чувства, сказала госножа,—я скажу Петру Павловичу, они будутъ очень тронуты.

— Чего говорить-то, я не для того докладывалъ, а потому собственно, осмѣливаюсь сказать что я уже при нихъ значить останусь, потому коли имъ помирать, не на чужихъ рукахъ помирать, да и прислуги порядочной имъ здѣсь не найти.

— Хорошо, ты имъ служи пока.

— Нѣтъ-съ, я ужъ осмѣляюсь доложить, къ нимъ значить совѣмъ.

— То-есть какъ?

— Да ужъ такъ значить, я къ нимъ въ камердинеры съ коньячнаго часа поступаю, а ужъ отъ себя, сдѣлайте такую милость ваше сіятельство, увольте.

— Ступай, отвѣтила сухо княгиня. — *Marie ma chère*, завтра я васъ попрошу похлопотать чтобы мнѣ наши здѣсь порядочнаго человѣка, а теперь вы можете, *ma chère*, идти спать.

— Хорошо-съ, покойной ночи, сказала компаньонка, кланяясь.

— *Bonne nuit, ma chère.*

IX. Двѣ женщины.

Мы снова остались вдвоемъ.

— Позовите мнѣ пожалуйста эту женщину.

— Какую?

— Да вотъ этого ангѣла, который меня замѣнилъ при моемъ снѣѣ.

— Вѣру Семеновну? сейчасъ.

Я было бросился къ двери. Она меня подозвала.

— Вотъ что, сказала она,—вы навѣрно знаете что между нами не было никакого романа?

— Навѣрное; это честная дѣвушка, а снѣѣ вашъ честный человѣкъ.

— Но что же это за странная такая любовь наконецъ?

— Это честная и чистая взаимная привязанность.

— Со стороны моего сына, положимъ, но съ ея стороны?

— И съ ея стороны совершенно то же.

— Я сомнѣваюсь, тутъ что-то есть.

— Да ничего нѣтъ.

— А если вы ошибаетесь, если эта женщина хочетъ выйти за Петра замужъ, *un mariage à la veille, de sa mort*, проговорила мать взволнованнымъ голосомъ.

— Господи, она объ этомъ и не думаетъ.

— Она, а онъ этого значить хочетъ, сказала вскакивая княгиня Александра Андреевна, — Да? вы его, батюшка, выдали; теперь я всю эту комедию понимаю, но этому не быть. *Un Skouratow meurt, mais ne prostitue pas son nom*. Позовите мнѣ ее.

— Бога ради, княгиня, сказалъ я, — успокойтесь.

— Батюшка, я спокойна, вы видите; развѣ вы полагаете что я теряю голову отъ такихъ мелочей.

— Нѣтъ, не то, но вы можете оскорбить эту дѣвицу, заставить ее уйти.

— Неужто? Какое несчастье! да я этого-то и хочу.

— Да вы не можете этого хотѣть.

— Это отчего?

— Оттого что это убьетъ вашего сына.

— Пустяки, волевымъ онъ совсѣмъ не такъ ужъ плохъ, какъ вы говорите, да наконецъ я его мать. Если уже суждено ему Господомъ умереть, онъ долженъ умереть чистымъ и освобожденнымъ отъ всякихъ компрометирующихъ его связей; на моихъ рукахъ онъ долженъ умереть, а не въ объятіяхъ какого-то ангела Марьи Семеновны; я этого не могу и не хочу допустить, и этого не будетъ; если у нея есть капля мозга, она должна это понять.

— Бога ради, княгиня, не берите на себя дѣла которое можетъ убить горемъ вашего сына, да и для чего? вы боитесь чтобъ она не вышла замужъ за вашего сына. Она не выйдетъ. Для чего же ее обижать, когда она никакого къ тому не подавала повода, и, какъ я вамъ сказалъ, кромѣ любви къ вашему сыну самой честной и безкорыстной, ничего не выказала.

— Я все-таки хочу ее видѣть, и я полагаю что я настолько благовоспитанна что не нуждаюсь въ наставленіяхъ отъ

чужихъ людей (княгиня сдѣлала при этомъ особенное ударе-
реніе на словѣ: чужихъ) какъ мнѣ обращаться съ кѣмъ бы
то ни было.

Я ошолчалъ и вышелъ.

Какимъ-то хаосомъ представлялась мнѣ эта княгиня, не
только какъ мать, но и какъ женщина. Я зналъ что ея
прошедшее было далеко не безпорочно, и не безупречно.
Не только христіанскія, но и семейныя обязанности были
преступлены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я зналъ что
она всю свою жизнь посвятила забыванію такъ-сказать
своего единственнаго сына. Я зналъ что она жила только
для свѣта и для его кумировъ. Что же означала эта рели-
гіозная забота о спасеніи души сына предъ смертью, когда
она такъ мало сдѣлала для его души пока онъ былъ здо-
ровымъ человекомъ? Какой смыслъ имѣла рядомъ съ рели-
гіозною заботливостью мысль о непосрамленіи Скуратовскаго
рода бракомъ Пети съ честною дѣвушкой, когда она сама
столько сдѣлала для дѣйствительнаго посрамленія этого
имени? Съ другой стороны эти слезы, проявленія чего-то
похожаго на сердце.

Какъ бы то ни было, надо было несмотря на поздній часъ
позвать Вѣру.

Она была у Пети въ комнатѣ. Больной еще не рѣшался
идти спать. Онъ ждалъ меня.

— Ну что? спросилъ онъ, когда я вошелъ, — я тебя жду, жду.

— Слава Богу, все благополучно.

— Она говорила съ тобою о Вѣрѣ?

— Да; она проситъ васъ къ себѣ, Вѣра Семеновна.

Вѣра поблѣднѣла.

— Мнѣ страшно, сказала она, и въ самомъ дѣлѣ, столько
страха прозвучало въ этихъ словахъ и показалось на ея
прелестномъ лицѣ что мнѣ ужасно стало ее жалъ.

— Вѣра, душа моя, не иди, если ты боишься.

— Нѣтъ, я должна идти, шепотомъ сказала Вѣра.

— Да, пойдете, я съ вами пойду и останусь тамъ, пока
меня не выгонятъ, сказалъ я ей, подавая руку.

— Спасибо тебѣ, Сережа, сказалъ Петя, протягивая мнѣ
руку; — сегодня видно хорошій день: ты пріѣхалъ, и мой ста-
рикъ Александръ. Какъ онъ обрадовался увидѣвъ меня. Есть
добрые люди на свѣтѣ, ей Богу, спасибо имъ.

Мы отправились съ Вѣрой Семеновной.

— Что она зла и горда? спросила меня Вѣра.

— Зла — нѣтъ, а горда, есть грѣшнѣе, сказалъ я, — она странная.

— Ахъ Боже мой, какъ страшно, такъ ноги и подкашиваются.

Мы подошли къ двери. Я вошелъ первый. За мной вошла Вѣра Семеновна. Княгиня стояла поджидала свою гостью.

— Здравствуйте, моя милая, сказала она, желая придать своему тону что-то любезное.

— Мое почтеніе, княгиня, робко проговорила Вѣра, не подымая глазъ.

— Присядайте пожалуйста.

Княгиня сѣла у стола и указала Вѣрѣ на стулъ возлѣ себя.

Я притаился у окна въ углу, и сѣлъ какъ можно тише чтобы не напомнить о своемъ присутствіи.

— Я хотѣла съ вами познакомиться немедленно, моя милая, такъ какъ я ото всѣхъ узнаю что вы играете немало-важную роль въ жизни моего сына.

— Я никакой роли, княгиня, не играю въ жизни вашего сына, я очень счастлива что могу выказать ему благодарность мою за ту услугу которую онъ мнѣ оказалъ; притомъ онъ мнѣ показался до такой степени слабымъ и больнымъ, онъ былъ одинъ, и я полагаю что всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое: я посвятила свое свободное время на уходъ за больнымъ.

Несмотря на то что голосъ бѣдной дѣвушки дрожалъ отъ страха, онъ звучалъ такъ искренно, такъ чисто и такъ задушевно что трудно было допустить чтобъ эта рѣчь не произвела впечатлѣнія на княгиню съ перваго же раза, но я ошибся.

— Я вамъ очень благодарна, сказала княгиня, — за это участіе къ моему сыну; я понимаю что за границей, гдѣ мало встрѣчаешь знакомыхъ, такіа съ вашей стороны близкія отношенія къ моему сыну могли существовать и даже быть, какъ вы говорите, весьма ему полезными. Но вы вѣроятно согласитесь со мною что въ Россіи, гдѣ надо быть весьма осторожнымъ относительно общественнаго мнѣнія и гдѣ положеніе нашего семейства всѣмъ извѣстно, эти близкія

отношенія между вами и моимъ сыномъ не совсѣмъ удобны и могутъ служить поводомъ ко всевозможнымъ толкамъ.

— Какіе же толки, княгиня? я при немъ простая сестра милосердія, онъ больной и очень больной.

— Ахъ, моя милая, какъ вы этого не понимаете, мой сынъ принадлежитъ къ высшему обществу и долженъ соблюдать во всемъ извѣстныя приличія. Вы говорите что вы сестра милосердія, да гдѣ же это написано? вы носите туалетъ, какъ вы сами видите, очень мало похожій на костюмъ сестры милосердія; одни васъ могутъ принять за жену моего сына, другіе за сестру, а третьи наконецъ вы сами знаете что могутъ про васъ подумать.

— Пускай думаютъ, тихо прошептала Вѣра.

— Совсѣмъ не пускай, какъ это вы, моя милая, такъ легко смотрите на серьезныя вещи, это не хорошо: молодая дѣвушка должна прежде всего беречь свою репутацію, вы ужъ меня навинтите, я должна дорожить репутаціей моего сына.

— Что же вамъ угодно? княгиня.

— Мнѣ вотъ что угодно, моя милая; выслушайте меня со вниманіемъ, я полагаюсь на то что вы умная дѣвушка и что вы дѣйствительно любите моего сына. Мой бѣдный сынъ очень боленъ; если Богу угодно будетъ у меня его взять, я знаю что это будетъ для материнскаго моего сердца ужаснымъ ударомъ, но я все-таки должна какъ христіанка покориться. Во всякомъ случаѣ что бы ни случилось, да будетъ Божья воля! Я теперь здѣсь при немъ, и слѣдственно для другой женщины, развѣ она была бы его женой или сестрой, согласитесь сами, какое можетъ-быть мѣсто. Тяжкая болѣзнь его, даже если Богъ дастъ онъ оправится, посылается ему съ тѣмъ чтобъ онъ могъ приготовиться къ очищенію своей души. А для того прежде всего ему нужно полное уединеніе. Я не знаю какія ваши, моя милая, религіозныя убѣжденія, но у меня на этотъ счетъ есть правила; они для меня святой законъ. Вы слишкомъ молоды и, простите меня, слишкомъ красивы, чтобы находиться при моемъ сынѣ въ такія минуты, когда онъ долженъ думать о Богѣ и о покаяніи. Вы ему не сестра, вы не сестра милосердія; я, его мать, при немъ, слѣдственно теперь у васъ при немъ не можетъ быть никакой роли.

Княгиня замолчала.

Вѣра подняла свои чудные, грустью заволокнутые глаза на гордую княгиню.

— Значить я должна вашего сына оставить? спросила она тихимъ и почти твердымъ голосомъ.

— Да, я полагаю, моя милая, и я думаю что такъ какъ при его слабости всякое волненіе можетъ быть вредно, всего лучше по моему вамъ просто завтра же утромъ уѣхать безъ прощанія съ моимъ сыномъ. Если вамъ нужны деньги на дорогу....

— Мнѣ ничего не нужно, княгиня, я не дала вамъ права предполагать что я живу на содержаніи у вашего умирающаго сына.

Усилія были слишкомъ велики для бѣдной дѣвушки и попытка слишкомъ мучительна. Дѣв слезы вырвались изъ глазъ противъ воли, голосъ звучалъ какъ слишкомъ натянутая струна, онъ сорвался, и едва Вѣра успѣла договорить послѣднее слово, какъ изъ глубины груди вырвалось рыданіе.

Но это продолжалось только мгновеніе.

Энергическая дѣвушка какъ будто устыдилась своего взрыва и разомъ вернула своему разуму и своей волѣ полное обладаніе нервами.

Она вынула платокъ, выпрямилась, подняла головку, обтерла себѣ лицо и встала.

— Извините, сказала она,—я очень нервна сегодня, то что вы отъ меня требуете, княгиня, очень жестоко; я любила вашего сына, это правда, и надѣялась что останусь при немъ, пока онъ можетъ во мнѣ нуждаться, но вамъ этого не угодно; вы его мать. Княгиня, я сдѣлаю по вашему желанію.

— Вы на меня, моя милая, надѣюсь, не сердитесь, сказала княгиня, очевидно желавшая выразить свою благодарность за такое преклоненіе предъ ея волей,—мы расстаемся друзьями?

Дѣвушка, какъ я замѣтилъ, направила только на княгиню удивленный взоръ и ничего не отвѣтила.

Тутъ, припоминая не разъ въ продолженіе этой бесѣды данное мною Петѣ обѣщаніе защищать предъ матерью бѣдную Вѣру, я призналъ нужнымъ выйти изъ моей роли безмолвно притаившагося свидѣтеля.

Я вышелъ изъ засады какъ разъ въ ту минуту когда

княгиня, взявъ руку Вѣры, нѣсколько разъ по ней ласковымъ образомъ ударила въ знакъ своего особеннаго благоволенія.

Мои шаги почти услугали княгине, успѣвшую позабыть о моемъ присутствіи. Она быстро ко мнѣ обернулась.

— А! вы здѣсь, сказала она, умышленно непріязненнымъ тономъ.

— Да-съ, княгиня, я здѣсь, и позволяю себѣ даже вмѣшаться въ вашъ разговоръ отъ имени моего друга и вашего сына.

— Ахъ Боже, какъ кстати, разговоръ нашъ кончилась; вы опоздали, отвѣтила княгиня.—Вы можете идти, моя милая, притворно ласково обратилась она къ Вѣрѣ.

Вѣра вышла, обративъ ко мнѣ умоляющій взоръ.

Х. Странная мать.

— Извольте видѣть, княгиня, я увѣренъ что все это ни къ чему равно не приведетъ хорошему.

— Можеть-быть, насмѣшливо отвѣтила княгиня.

— Вы говорили о религіозномъ настроеніи и душевномъ спокойствіи. Но вы положительно можете привести вашего сына въ такое состояніе что ему будетъ и очень скверно и въ то же время совсѣмъ не до того религіознаго состоянія о которомъ вы заботитесь. Сами согласитесь: религіозное состояніе требуетъ душевнаго спокойствія прежде всего и отсутствія всякаго раздраженія, а того и другаго нельзя ожидать, если вы сдѣлаете то что вы хотите. Вѣра Семеновна именно нужна вашему сыну для душевнаго спокойствія. Подумайте, вы его возбудите противъ себя, его раздражите, его здоровью причините такой вредъ въ которомъ вы сами потомъ раскаетесь. Мнѣ кажется, напротивъ, пускай Вѣра Семеновна будетъ вамъ помощницей, у нея есть навыкъ, опытность ухаживать за больнымъ, больной ее любитъ, къ ней привыкъ, за что же, когда дни бѣднаго князя можеть-быть уже сочтены, вы хотите, только что успѣли пріѣхать и съ нимъ свидѣться, вдругъ страшно его огорчить,—это неестественно.

— Однимъ словомъ, если, прервала меня княгиня,—вашей Вѣрѣ Семеновнѣ угодно послушаться васъ, а меня въ грошъ

не ставить, она это можетъ; я сказала свое мнѣніе; я выразила свое желаніе, а затѣмъ можетъ-быть все что я сказала такъ глупо что не стоить вниманія. Прощайте, мой милый, теперь поздно, надо всѣмъ спать.

Я подошелъ къ двери.

— Вы меня извините, началъ было я....

— Нѣтъ, сказала вдругъ разсердившись княгиня, — я васъ не извиняю, вы не имѣете никакого права вмѣшиваться въ мои дѣла съ сыномъ, я этого вамъ не позволю, понимаете, и я сумѣю, милостивый государь, доказать что я не выжившая изъ ума женщина, и то что говорю, могу того требовать.

— Да я развѣ слорю противъ этого, княгиня? но я для васъ же самихъ хотѣлъ бы избѣжать того чего вы такъ настоятельно требуете. Неужели же вы будете довольны, если вашъ сынъ умретъ, благодаря тому что вы сдѣлаете.... вы заблуждаетесь на счетъ состоянія вашего сына, оно хуже гораздо чѣмъ вы полагаете.

— Ахъ Боже! такъ я что же? Убійца моего сына? Да въ своемъ ли вы, батюшка, умѣ? Если моему сыну такъ плохо, то еще меньше я могу допустить чтобы при немъ была эта дѣвушка; умирать въ скандальной mise en scène предъ свѣтомъ, предъ Богомъ.... прекрасно, нечего сказать!... По-вашему это ничего, а по-моему это ужасно!

— А дать умереть вашему сыну отъ горя, развѣ это не хуже?

— Нѣтъ, батюшка, это не хуже; князья Скуратовы носятъ имя, а имя это обязываетъ ихъ предъ всею Россіей... Они не могутъ умирать какъ умираютъ тряпичники какого-нибудь дома Вяземскаго.

— Княгиня, умоляю васъ, не требуйте отъ Вѣры Семёновны чтобы она увѣжала. Бога ради, ради единственного вашего сына, я васъ умоляю объ этомъ, забудьте про этотъ глупый и лошлый свѣтъ, подумайте только о вашемъ сынѣ, онъ безъ того настрадался, сжальтесь надъ нимъ, умоляю васъ.

— Нѣтъ, ни за что, отвѣтила княгиня, самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Это послѣднее ваше слово? рѣшился я сказать, изнемогая отъ усилій сдерживать накопившее во мнѣ негодованіе.

— Послѣднее.... прощайте, покойной ночи.

— Такъ въ такомъ случаѣ я васъ долженъ предупредить, княгиня, что всѣ ваши усилія ни къ чему не приведутъ... Вѣра Семеновна останется при вашемъ сынѣ.

— Да?

— Да, и вспомните мое слово, когда-нибудь вы будете мнѣ за это благодарны.

— Мы это увидимъ.

— До свиданія, княгиня. Я поклонился и вышелъ. Вѣра Семеновна ждала меня въ корридорѣ.

— Петру Павловичу ничего не надо говорить, сказала мнѣ Вѣра.

— Еще бы, Боже сохрани.

Мы застали у Пети вѣрнаго слугу Александра. Опираясь на стулъ, онъ стоялъ въ почтительной позѣ предъ Петей и разказывалъ ему что-то, что тотъ со вниманіемъ выслушивалъ.

Когда мы вошли, Александръ обратился къ Вѣрѣ.

— Ужь вы, сударыня, на нашу княгиню не извольте сердчать, онъ маленько не привыкши къ вамъ; а попривыкнутъ если и поприглядятся, Богъ дастъ, лучше будетъ.

Вѣра улыбнулась.

— Ну, стулай спать, дружокъ, сказалъ ему Петя.—Подойди сюда, поцѣлуй твоего стараго пріятеля.

Александръ подошелъ, взялъ руку Пети и хотѣлъ поцѣловать ее, но Петя, насколько хватило силенки, руку взялъ назадъ, а обнялъ его и поцѣловалъ.

— На рукахъ князя носилъ, сказалъ задрожавшимъ голосомъ старикъ, и прослезился.

— Ты усталъ, дружище, стулай, прилягъ.

— Чего уставать-то.... Я ужь, Петръ Павловичъ, извините, значить, разсудилъ такъ что лягу здѣсь, неравно ночью что потребуется.

— Ну хорошо, спасибо тебѣ.

Александръ сіяя отъ душевнаго нѣжнаго чувства, получившаго полное удовлетвореніе, вышелъ изъ комнаты.

— Какой славный человекъ, сказалъ ему вслѣдъ Петя.—Мы приломинали съ нимъ сегодня все мое дѣтство. Все приломили. Эхъ, не вернешь его, канальство! съ глубокимъ вздохомъ заключилъ Петя,—ну что было? разкажите.

— Да ничего; такъ разговаривали про путешествіе, про тебя, про твое здоровье, отвѣтила Вѣра.

— И ничего больше? спросилъ Петя, устремляя глубоко-вопросительный взоръ то на Вѣру, то на меня.

— Ничего.... Клягуня не такъ страшна какъ казалась мнѣ; она добрая, послѣдила прибавить Вѣра, чтобы придать болѣе вѣроятія первымъ своимъ словамъ.

Петя ничего не отвѣтилъ. Какое-то облако пронеслось по его челу. Вспомнилъ ли онъ про что-нибудь, или просто не нашелъ въ себѣ отголоска на слова Вѣры о добротѣ матери, осталось для насъ тайной.

— Такъ мы завтра ѣдемъ, сказалъ Петя,—да?

— Надѣюсь, отвѣтилъ я.

— Я сегодня себя отлично чувствую, сказалъ Петя,—кабы завтра было то же самое, хорошо бы было. А что матушка не сказала куда она ѣдетъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я,—не сказала, вѣроятно въ Петербургъ, а можетъ-быть и съ нами, рѣшился я сказать на всякій случай, чтобы приготовить къ этому извѣстію Петю.

— Съ нами? какъ-то судорожно и болѣзненно спросилъ Петя.

— Да, можетъ-быть, отвѣтилъ я спокойно.

— Она не любитъ деревни, сказалъ какъ будто отвѣчая самому себѣ Петя,—а мнѣ такъ бы хотѣлось чтобы въ деревнѣ были со мною только тѣ которые ее любятъ.

— Ну это еще что Богъ дастъ, сказалъ я,—а теперь пора всѣмъ спать, прощай Петя.

Мы вѣжно обнялись.

Я почувствовалъ, цѣлуя Петю, какъ страшно горѣли его блѣдныя, исхудалыя щеки.

— Прощай Петя, сказала Вѣра;—послушай, вотъ что: если завтра я немного опоздаю, ты не удивляйся и не безпокойся; мнѣ нужно завтра сдѣлать много закупокъ. Вѣроятно раньше часа или двухъ я не буду.

— Хорошо, но пожалуйста не позже. Поездъ идетъ въ которомъ часу?

— Въ семь; успѣемъ еще, сказала улыбаясь Вѣра,—прощай.

Намъ на снѣгу явился Александръ.

Когда мы очутились вдвоемъ съ Вѣрой въ корридорѣ и я лопялъ, и она лопяла что намъ нужно другъ съ другомъ поговорить.

— Вѣра Семеновна, вы на что же рѣшились?

— Я еще не рѣшилась, ночью рѣшусь; вы какъ думаете, что я должна дѣлать?

— Разумѣется, остаться.

— Да, и мнѣ кажется что я не могу его бросить.

— Нѣтъ, не можете и не должны. Послушайте, намъ нужно поговорить, вы гдѣ стоите?

— Я на верху, у меня маленький номеръ.

Кстати замѣчу что Вѣра, какъ я послѣ узналъ, занимала самый скромный номеръ въ гостиницѣ и платила за все изъ собственныхъ своихъ денегъ.

— Такъ гдѣ же намъ поговорить?

— Да здѣсь, у вашей двери, мы можемъ говорить тихонько.

Пришлось согласиться на это за неимѣніемъ нейтральной комнаты.

Никогда не забуду этого разговора, въ столь страдной обстановкѣ, въ дверяхъ номера гостиницы въ Вильнѣ, ночью, въ темнотѣ, и почти шепотомъ.

— Я имѣю вамъ задать нѣсколько вопросовъ, извините меня, они покажутся можетъ-быть нескромными, но дѣлать нечего, мнѣ очень хотѣлось бы уяснить себѣ ваши отношенія къ Петѣ вполнѣ; такъ какъ я їду съ вами, то вы сами поймете что мнѣ необходимо все знать.

— Я готова отвѣтить на какой угодно вопросъ.

— Скажите во первыхъ мнѣ вотъ что: была у васъ рѣчь о будущемъ съ Петей или нѣтъ?

— Никогда. Иногда онъ заговаривалъ о своихъ планахъ, но все что касалось меня, я всегда устранила.

— Затѣмъ, извините меня, этотъ вопросъ очень нескроменъ, вы любите Петю?

— Да, со страстнымъ порывомъ шепотомъ отвѣтила Вѣра,— я его люблю; это моя первая и моя послѣдняя любовь.

— Но онъ знаетъ про это?

— Не знаю и знать не хочу.

— Но если Богъ дастъ онъ поправится?

— Тогда я ему уже не буду нужна, и я куда-нибудь уїду подальше.

Все эти отвѣты были даны такъ просто, такъ естественно что я не могъ сомнѣваться въ ихъ искренности.

Какъ это странно, подумалъ я: онъ живетъ въ надеждѣ на ней жениться, а она, любя его, какъ она говоритъ, даже не помышляетъ о томъ чтобы сдѣлаться его женой.

— А теперь, сказала она мнѣ,— я вамъ задамъ одинъ вопросъ, на который вы мнѣ должны отвѣчать также правдиво какъ я.

— Извольте.

— Зачѣмъ вы мнѣ задали эти вопросы?

Вопросъ этотъ меня озадачилъ. Сказать ей что я думалъ я очевидно не могъ, ибо намекнуть на бракъ ея съ Петей, когда она сама объ этомъ не смѣла думать, въ виду совершенной неизвѣстности будущаго, я считалъ не честнымъ, а солгать ей что-нибудь въ отвѣтъ на ея правдивыя слова и доверчивый вопросъ я тоже не могъ.

Иногда въ такія затруднительныя минуты наитіе приходитъ также вдругъ и скоро какъ приходитъ безвыходное положеніе.

Такъ и въ этотъ разъ случилось со мною.

— Очень просто, отвѣтилъ я,—я хотѣлъ провѣрить то что я говорилъ за васъ и отъ вашего имени княгинѣ.

— Что же вы сказали?

— Я ей сказалъ что вы изъ любви къ ея сыну посвятили себя уходу за нимъ и, вѣрныя этому обѣту, останетесь при немъ, пока онъ можетъ въ вашемъ уходѣ нуждаться.

— И больше вы ничего не сказали?

— Больше ничего!

— А она что?

— Она? Развѣ у нея есть логика чувствъ? Это свѣтомъ избалованная и обращенная въ камень женщина

— Завтра, завтра все рѣшится, прощайте.

Стоя близко къ ней, я почувствовалъ какъ доходилъ до меня жаръ ея горѣвшихъ щекъ.

Она подала мнѣ руку; рука была какъ ледъ.

Мы простились.

XI. Драматическій діалогъ.

Будить меня на другой день явился старикъ Александръ. Я вскочилъ.

— Что такое? спросилъ я испуганно.

— Княгиня никакъ скоро будутъ одѣты, какъ бы не вошли къ князю, князь проснулся, сказалъ слуга.

— А какъ была ночь?

— Спали, да мало, кашляли много.

— А чувствуетъ онъ себя какъ?

— Не хорошо.

Я вскочилъ съ постели и чрезъ десять минутъ уже готовый отправился къ Петѣ.

Лицо его мнѣ не понравилось. Оно показалось мнѣ утомленнѣе вчерашняго. Глаза блистали, румянецъ игралъ на щекахъ сильнѣе чѣмъ наканунѣ. Дышалъ онъ тоже труднѣе.

— Скверно, сказалъ онъ мнѣ.

— А что?

— Да такъ, слабѣю и слабѣю. Вчера я могъ утромъ ходить, сегодня не могу.

— Ну ничего, это такъ, временная слабость.

Постучали въ дверь.

Я вышелъ.

— Княгиня приказала спросить какъ изволили почивать и какъ себя чувствуете, доложила камеръ-юнгфера.

— Скажи что слава Богу, отвѣтилъ Петя.

— Онѣ приказали тоже спросить, могутъ ли онѣ къ вамъ пожаловать?

— Могутъ, сказалъ онъ съ какою-то грустною и болезненною покорностью.

— Ну, развеселись же, началъ я уговаривать, — что раскисъ, вѣдь сегодня намъ ѣхать.

Тутъ отворилась дверь и Александръ впустилъ въ комнату княгиню Скуратову.

— Какъ твое здоровье? спросила княгиня, цѣлуя въ лобъ своего сына.

— Слава Богу, лучше, отвѣтилъ Петя, — а вы какъ почивали?

— Ничего, прекрасно. Мнѣ говорили что ты сегодня хочешь ѣхать.

— Да, надѣюсь; здѣсь дольше не могу оставаться.

— Это не очень любезно для меня, я еще не успѣла отдохнуть, но все равно. Когда же идетъ поѣздъ? мнѣ нужно распорядиться съ моими вещами.

— А вы куда ѣдете?

— Я съ тобою ѣду.

— Со мною? спросилъ Петя.

Трудно передать какъ страшенъ былъ тонъ которымъ онъ сказалъ эти два слова: *со мною*. Не то удивленіе, не то испугъ, не то желаніе скрыть свое непріятное впечатлѣніе подъ любезною интонаціей, не то покорность, — все это вмѣстѣ послышалось въ словахъ Пети.

— Да, разумеется, вѣдь я же для этого пріѣхала: больному нужны женскія услуги, и я имѣю претензію замѣнить тебѣ Марью Семеновну, если ты не имѣешь ничего противъ.

— Какъ замѣнить?

— Да такъ; она была при тебѣ до сегодняшняго дня, а я буду при тебѣ теперь.

— Да она же и теперь будетъ при мнѣ.

— Нѣтъ, мой другъ, это ребячество съ твоей стороны, ей положительно нѣтъ никакихъ причинъ при тебѣ оставаться, я уже съ нею говорила.

Бѣдный Петя слушалъ съ какимъ-то странно-напряженнымъ вниманіемъ. Видно было что всѣ его фибры получили изъ глубины сердца какую-то сверхъестественную энергію, поборовшую безсиліе болѣзни.

— Такъ какъ же, продолжала княгиня, обратившись къ сыну,—я жду твоихъ инструкцій.

— У меня никакихъ нѣтъ инструкцій, отвѣтилъ больной,—дѣлайте какъ хотите. Если вамъ угодно со мною ѣхать, я буду очень радъ и очень вамъ благодаренъ, но Вѣра Семеновна тоже должна съ нами ѣхать.

— Отчего должна, cher ami, не забудь же что мы въ Россіи, нельзя такъ бравировать les arrangements et les convenances. Марья... Вѣра Семеновна очень милая женщина, но кто она? Не сестра твоя. Она, мой другъ, ты самъ это знаешь, слишкомъ красива и молода для того чтобы могла быть незамѣченною, а если ее замѣтятъ, то пойдутъ всевозможные толки.

— Ахъ, мамочка, какое мнѣ можетъ-быть дѣло до толковъ, я со свѣтомъ покончилъ слава Богу навсегда, теперь у меня одна забота, нѣсколько времени покоя, дайте мнѣ его, вотъ все о чемъ я васъ прошу; неужели и теперь вы не скалитесь надо мною?

Голосъ Пети исходилъ изъ глубины сердца.

— Cher enfant, возразила мать,—да кто же больше меня, твоей матери, можетъ желать тебѣ блага, но ты самъ разсуди, развѣ это прилично чтобы ты ѣхалъ въ такой скандальной обстановкѣ; вѣдь она не сестра твоя, не жена; и притомъ же я съ тобою; подумай, какую же роль я буду предъ нею играть, ну самъ разсуди. Я не сплорю, очень естественно было съ твоей стороны къ ней привязаться, но вѣдь ты мужчина, ты не дитя; ну, непріятно съ нею разстаться, я не сплорю, но въ твои годы надо уметь владѣть

собою; мало ли что мы должны дѣлать по долгу для себя не-пріятнаго, въ особенности, если этого просить отъ тебя твоя мать.

— Нѣтъ, съ рѣшимостію отвѣтилъ Петя,—пускай это будетъ съ моей стороны слабостью или ребячествомъ, но я не могу разстаться съ Вѣрой Семеновной; моя совѣсть чиста, моя привязанность къ ней честная, я чувствую что могу глядѣть въ глаза всему свѣту. За что же вы хотите меня принуждать къ огорченію, которое я не въ силахъ перенести, какъ будто я мало страдалъ. Нѣтъ, если вы меня хоть немного любите, то прошу васъ оставьте этотъ разговоръ, я чувствую что онъ мнѣ страшно тяжелъ!

Слезы показались на глазахъ бѣднаго Пети.

Княгиня взяла его за руку и принялась ласково трепать эту руку.

— Прости мнѣ, если я тебя огорчила, но на то есть самыя важныя причины. Твое прошедшее до меня можетъ не касаться, но настоящее твое положеніе такъ серьезно и такъ торжественно что твоя мать получаетъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ, какъ бы тяжелы онѣ ни были для ея сердца, она не можетъ отказываться. Я надѣюсь что болѣзнь твоя пройдетъ благополучно и что ты выздоровѣешь, но пока твоя болѣзнь серьезна. А въ серьезной болѣзни, другъ мой, надо думать не только о земномъ, но и о небесномъ, надо быть готовымъ дать отвѣтъ Богу. Надо, другъ мой, готовиться къ этому отвѣту, надо говѣть, сосредоточиваться въ тишинѣ и уединеніи. Мать въ такія минуты должна быть при сынѣ. Она не можетъ мѣшать ему и нарушать его уединеніе; но молодая и красивая дѣвушка, къ которой ты случайно привязался въ путешествіи, и привязался именно потому что она красива и молода, не можетъ, другъ мой, быть при тебѣ въ такія минуты. Повѣрь мнѣ, мой другъ, что это такъ, и если я рѣшилась на этомъ настаивать противъ моего сердца, то я дѣлаю это по долгу матеря; извини меня, мой другъ, но я твоя мать.

— Я буду въ деревнѣ говѣть, и говѣть вмѣстѣ съ нею, сказалъ Петя, ослабѣвшимъ уже голосомъ, и какъ будто сквозь туманъ или сонъ;—оставьте меня, прошу васъ, я такъ слабъ, пожалуйте меня.

Голова бѣднаго больного опустилась какъ будто въ изнеможеніи на кресло; онъ закрылъ глаза.

— Тебѣ дурно? спросила мать.

XII. Раненая львица.

Въ эту минуту дверь тихонько отворилась. Въ дверяхъ показалась сестра милосердія. Я чуть было не вскрикнулъ, узнавъ въ этой сестрѣ Вѣру. Она поклонилась княгинѣ. Петя былъ въ обморокѣ. Мы принялись его приводить въ чувство.

— Простите, княгиня, сказала дрожащимъ голосомъ Вѣра, — вы мнѣ сказали вчера что еслибъ я была сестра милосердія, я могла бы ухаживать за вашимъ больнымъ сыномъ. Я пошла въ сестры милосердія.

Сказавъ эти слова остолбенѣвшей отъ изумленія и ужаса княгинѣ, сестра Вѣра принялась за свое святое дѣло.

Пришелъ на звонокъ старикъ Александръ.

Княгиня въ эту минуту мнѣ была жалка. Отброшенная отъ сына чужими людьми, безсильная и бесполезная, она стояла одна какъ отчужденная.

Но врядъ ли сознавала она свое положеніе. Она казалась львицей раненною въ своей гордости. Не материнскія чувства говорили въ ней, и заставляли биться ея сердце и волноваться ея грудь. Нѣтъ! Она была вѣкъ себя отъ раны нанесенной ея княгининскому, ея Скуратовскому самолюбію этою простою дѣлушкой.

Она какъ будто видѣла себя осмѣянною въ большой, полной княгинѣ и графинѣ гостиной, гдѣ всякій указывалъ на нее пальцемъ и шушукалъ сквозь насмѣшливую улыбку:

Постоявъ минутъ пять неподвижно, княгиня, когда сынъ ея началъ приходить въ чувство, вышла изъ комнаты.

Я послѣдовалъ за нею.

— Взойдите ко мнѣ, сказала она мнѣ почти повелительно.

Я пошелъ за нею.

— Вы меня обманули.

— Чѣмъ? спросилъ я удивленно.

— Чѣмъ? Развѣ вы не слышали что онъ мнѣ сказалъ.

— Что именно?

— Онъ хочетъ съ нею говѣть въ деревнѣ.

— Такъ что же?

— Какъ такъ что же? Вы развѣ не понимаете что это значитъ что она его невѣста.

— Нѣтъ, не понимаю.

— Странно.

— Княгиня, Бога ради, да подумайте же о томъ что вашъ бѣдный сынъ приговоренъ къ смерти. Пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ. Ему такъ мало осталось наслажденій. А страданій было уже такъ много и предстоитъ такъ много. Пожалѣйте его. Онъ дурного ничего не дѣлаетъ и не можетъ одѣлать. Сжальтесь надъ нимъ! Ну лускай женится если это ему вздумается. Вѣдь дни его сочтены.

— Какъ?

Предо мною изъ земли точно вдругъ выросла тигрица.

Я испугался злаго выраженія ея лица.

— Вы хотите чтобы надъ могилой сына явились двѣ княгини Скуратовы, и чтобы послѣ траурнаго года въ Петербургскій свѣтъ одѣлала свое торжественное вхожденіе новая княгиня Скуратова, подобранная въ сорѣ виленьскихъ улицъ? Да вы съ ума сошли; десять смертей лучше этого позора имени, которое ношу я, носилъ мой мужъ, носить мой сынъ. Нѣтъ, я умру, но не сдамся, хотя чтобы помѣшать безумію моего сына, я должна была бы ускорить его смерть. Я ни на шагъ не отстану отъ него. Я буду его тѣнью. И мы посмотримъ кто сильнѣе!

Очевидно, продолжать разговоръ было не для чего и не о чемъ. Я удалился.

Петю я засталъ уже въ рукахъ доктора, весьма кстати подослѣвшаго.

Когда Петя меня увидѣлъ, онъ подозвалъ меня.

— Сережа, дай мнѣ тебя обнять, я тобою доволенъ. А? какова Вѣра, сказалъ онъ, указывая на сестру милосердія.

Вѣра сіяла. Докторъ хмурился.

— Глупости, все глупости, ворчалъ онъ.

— Такъ сегодня мы ѣдемъ, сказалъ я.

— Сегодня, сказалъ Петя,—непремѣнно.

Вѣра подошла ко мнѣ.

— Пойдемте въ другую комнату, я хочу вамъ разказать мои лохожденія.

Она увлекла меня почти насильно.

— Вы теперь понимаете что я рѣшила одѣлать вчера. Господи, еслибы вы только знали, что я перемучилась въ эти двадцать минутъ, пока я сидѣла предъ княгиней, и слушала ее, вѣрите ли, я думала что я съ ума сойду,

Но я сказала себѣ: молчи и страдай, вытерли, — будетъ же исходъ. И когда княгиня, помните, сказала мнѣ что я не сестра Петру Павловичу, не жена ему, не сестра милосердія, точно какой лучъ вошелъ ко мнѣ въ душу. Я рѣшила завтра же сдѣлаться сестрой милосердія. Такимъ образомъ, понимаете, я остаюсь при Петрѣ Павловичѣ, съ согласія его матери. Она уже не можетъ меня прогнать. Прогнать, — вдругъ прерывая свой разказъ сказала Вѣра, подымая руки, — какое ужасное слово! Чѣмъ свѣтъ сегодня я отправилась въ больницу, разспросила есть ли у нихъ сестры милосердія. Тамъ я нашла двухъ изъ нихъ, онѣ мнѣ сказали что я должна сдѣлать. Но главное, я нашла у одной изъ нихъ полный, совершенно новый костюмъ. Я купила и надѣла. Формальности я услѣю еще исполнить. Я зашла въ церковь и тамъ произнесла обѣтъ быть сестрой милосердія, и теперь я такъ счастлива что я вамъ не могу даже передать. Спокойно такъ, легко такъ на душѣ.

— Какой же вы обѣтъ дали? спросилъ я услуганно.

— Обѣтъ сестры милосердія.

— Навсегда.

Вѣра ничего не отвѣтила. Вопросъ мой былъ для нея неожиданнымъ. Она на меня посмотрѣла, потомъ опустила глаза, вслыхнула вдругъ, провела рукой по лицу какъ будто желая скрыть зардѣвшую на лицѣ ея кровь, казавшуюся подъ яркою бѣлизной ея головного убора еще краснѣе, и затѣмъ, не подымая глазъ, сказала:

— Не знаю.

XIII. Нашъ отъѣздъ и пріѣздъ въ деревню.

Вечеромъ мы двинулись въ путь.

Какъ княгиня рѣшила, она отправилась съ нами.

Ея особа показалась мнѣ большою льдиной посреди теплаго воздуха которымъ мы всѣ дышали.

Петя принявъ это рѣшеніе матери съ покорностью. Его жажда лоскорѣе дышать деревней была слишкомъ сильнымъ въ немъ чувствомъ чтобъ исчезнуть отъ вліянія неприятой необходимости имѣть спутницей свою мать.

При немъ была Вѣра, и этого ему было довольно.

Старикъ Александръ и я мы очень кстати дополняли для него дружескую атмосферу.

Поездъ нашъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Предчувствіе самаго злобщаго свойства не сходило съ души ни на минуту. Мнѣ казалось что мы вѣдемъ кого-то хоронить.

Нашъ путь лежалъ на Витебскъ и Орелъ. Имѣіе князей Скуратовыхъ, Лейкино, находилось въ Орловской губерніи. Дорога съ ночлегами длилась около трехъ сутокъ.

Особеннаго во время этой скучной и долгой ѣзды ничего не произошло. Обмороки Пети стали учащаться, вѣроятно, отъ утомленія. Присоединились къ нимъ и припадки рвоты. Но несмотря на то, сильнаго и внезапнаго ухудшенія въ его состояніи мы, слава Богу, не замѣчали, а вездѣ, гдѣ мы останавливались для отдыха, временно подкрѣпляла болѣе или менѣе врачебная помощь мѣстныхъ эскулаповъ.

Къ вечеру на третьи сутки ожидался нашъ пріѣздъ въ Лейкино, въ милое Лейкино, какъ сто разъ въ дорогѣ называлъ Петя, этотъ рай его воспоминаній и мечтаній. Посланы были телеграммы, возвѣщавшія нашъ пріѣздъ, и вытребованъ былъ ко времени пріѣзда ближайшій докторъ. На станціи, въ двадцати верстахъ отъ имѣнія, должны были ожидать насъ экипажи. Часамъ къ шести мы прибыли на станцію.

Гляжу, изъ вагона уже завидѣлись коляски со щегольскими четверками. На одной изъ нихъ сидѣлъ такой толстый кучеръ. На головѣ круглая лоярковая амфишная шапка съ лавинымъ перышкомъ. Онъ глядѣлъ на поѣздъ.

— Антошъ, Антошъ, радостно и весь просіявъ, воскликнулъ бѣдный Петя,—голубчикъ, какъ я радъ тебя видѣть!

Лицо его было залито лучами дѣтскаго счастья.

Княгиня глядѣла торжественнымъ октябремъ.

Мы вышли изъ вагона. Радость не знавшая границъ въ душѣ Пети дала ему какія-то волшебныя силы. Александръ бросился было помогать Петѣ.

— Я самъ пойду, сказалъ Петя, и въ самомъ дѣлѣ пошелъ молодцомъ, даже выпрямился, желая себя показывать молодымъ и здоровымъ предъ своимъ милымъ Антономъ.

Антошъ и два остальныхъ молодыхъ ларня—кучера въ красныхъ рубашкахъ и безрукавкахъ, изящно подпоясанные золотыми кушаками, сняли шапки.

— Добро пожаловать Петръ Павловичъ, сказалъ Антонъ.

— Здравствуй голубчикъ Антонъ.

— Пора ужъ, сказалъ Антонъ,—и то соскучились ужъ мы больно.

— И я, голубчикъ, какъ соскучился еслибы ты зналъ, посмотри-ка на кого я похожъ.

— Что жъ, ничего, отвѣтилъ Антонъ,—въ деревнѣ поправитесь; Авдилка столяръ небось похуже васъ выглядѣлъ, а монче и въ армякъ-то не влѣзаетъ.

На крыльцѣ появилась княгиня, съ нею явился роковой вопросъ, кому съ кѣмъ вѣхать.

— Ты со мной, Пьеръ, сказала она сыну, когда Антонъ широкимъ размахомъ могучихъ рукъ великоблжно подавалъ четырехмѣстную коляску и остановивъ лошадей такъ что дверцы приходились къ особѣ ея сіятельства, снялъ шалку и поклонился княгинѣ.

— Здравствуй Антонъ, холодно отвѣтила княгиня, не кивнувъ даже головой и бережно подбирая свое платье.

— Нѣтъ, я ужъ за вами, маменька, сказалъ Петя,—я съ Сережей.... И Петя не докончилъ, не желая назвать Вѣрму.

Княгиня ничего не отвѣтила, и подозвавъ компаньонку сѣла въ лейбъ-коляску съ лейбъ-кучеромъ, съ Марьей Ивановной, и со множествомъ вещицъ, мѣшковъ и подушекъ.

Во вторую коляску, съ красивымъ парнемъ Яшкой, сѣли Петя, Вѣра и я.

Былъ седьмой часъ когда мы тронулись. Зной дня уже спалъ. Отъ него осталась лишь чудесная лахучая теплынь. Мы погружались въ нее, какъ въ чудную воздушную ванну изъ настоянныхъ на горячемъ воздухѣ ароматическихъ травъ, мы жадно дышали всею грудью. Залахло мятой, залахло душистымъ клеверомъ, залахло гдѣ-то въ лѣсочкахъ начинавшими къ вечерней зарѣ благоухать ночными бѣлыми гиадинтами, повѣяло широкою, безконечно разнообразною и безпредѣльно богатою успокоеніемъ русскою деревней.

Бѣдная грудь Пети какъ будто тоже ожила отъ нужнаго ей столь давно свѣжаго воздуха.

— Какъ хорошо, Боже, какъ хорошо, повторялъ онъ по нѣскольку разъ;—эта зелень, эти островки, эти поля, это небо, эти деревушки, этотъ народъ, Господи! какъ я все это страстно люблю, какъ это хорошо!

— Сережа, сказалъ онъ мнѣ,—зачѣмъ мы не любимъ этого

въ годы нашей первой молодости? Не такими развалинами возвращались бы мы въ деревню. О, вырвалось вдругъ у Пети, точно изъ самой затаенной глубины души,—когда я вспомню про Петербургъ, про мою квартиру, про мои завтраки, обѣды, ужины, въ которыхъ заключалась моя жизнь. Боже мой что за мерзость...

— Вѣра, сказалъ онъ, взявъ ее за руку,—если я выздоровѣю... О какъ бы мнѣ хотѣлось жить!.. Боже неужели я прѣхалъ сюда умереть?.. Нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко.... О, какъ жить хочется. Умирать молодымъ, въ такую минуту когда въ первый разъ я начинаю цѣнить жизнь, любить ее, понимать ея смыслъ, ея цѣль... Ахъ сколько прекрасныхъ цѣлей у меня рождается въ головѣ!.. Вѣдь вотъ, каждая эта избенка... смотри, смотри, сколько тутъ живыхъ душъ, все это бѣдно, все это въ насъ нуждается, нѣтъ человека которому я бы не могъ быть полезнымъ; куда ли посмотришь, вездѣ есть что любить, не правда ли Вѣра?

Вѣра въ упоеніи какой-то новой, доселѣ еще неиспытанной радости не отрывала глазъ своихъ отъ Пети и крѣпко держала его руку въ своей.

— Ахъ вотъ гаяди, Лейкино, почти крикнулъ Пета, — видишь за лѣсомъ церковь, это наше милое Лейкино.... Ахъ, Господи, какая радость!

Бѣдный Пета испыталъ слишкомъ сильную радость. Съ нимъ сдѣлался обморокъ, къ счастью не долго продолжавшійся.

— Неужели опять былъ обморокъ? спросилъ онъ съ грустью, — а я надѣялся было что сталъ поправляться; да душитъ опять, и боль какая-то, ахъ, какъ скучно! Неужели и вѣдь, въ этомъ раю.... я буду также страдать какъ въ Вильнѣ?...

Лицо Пети сдѣлалось грустнымъ. Онъ вдругъ замолкъ, и погрузился въ глубокое размышленіе.

Деревенская тишина насъ окружала. Изрѣдка вскрикивалъ Яшка на козлахъ, называя коней то горькими, то молодчиками, да дружками. Съ полей въ разныхъ тонахъ и голосахъ долетали перекакиванья рабочихъ. Воробушки и жаворонки перелетали пространство, провожая насъ своимъ безлечнымъ безмотивнымъ чириканьемъ. Ласточки имъ вторили, совершая свои воздушные зигзаги съ быстротой ихъ двигавшаго калприза. Изъ лѣса доносилась грустная лѣсная иволга, а тамъ гдѣ-то въ далеки трубилъ ластухъ.

Минутъ десять спустя мы приготовились увидѣть картину Лейкина.

Выѣхали мы изъ крошечной дубовой рощицы, и предъ нами показался огромный помѣщичій домъ съ двумя флигелями, съ зелеными крышами, весь въ зелени, разные домики кругомъ, а немного вправо великолѣпная, бѣлая каменная церковь съ высокою колокольней.

Въ широкой дубовой аллѣе показались двѣ женщины одѣтыя по-нѣмецки.

— Поладьи наши, сказалъ Петя, указывая на дамъ одѣтыхъ одна въ коричневое, а другая въ лиловое платье, съ зонтиками, съ соломенными шляпами à la bergère.

Точно испуганныя, обѣ спрятались за деревья. Вотъ мы въѣхали на мостъ. Вотъ лабѣтина; проскакали по ней. Мельникъ бѣлѣе свѣга послалъ намъ поклонъ европейскій, любезный, но полный достоинства.

— Это Нѣмецъ, сказалъ Петя.

Вотъ мы въѣхали въ аллею изъ стриженной березы и затѣмъ на площадь.

Проѣхали церковь.

— А больницы тутъ вѣтъ? спросила Вѣра.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Петя,—но мы ее съ тобою устроимъ.

Вотъ подкатали къ дому.

На подѣздѣ и кругомъ подѣзда и на травѣ предъ домомъ стояла толпа.

Княгиня, пріѣхавшая первая, ждала сына.

— Гдѣ же докторъ? слышалъ я какъ она говорила кому-то пока мы подѣзжали.

Трудно передать то что испытало сердце, когда мы оставились у ступеней великолѣпнаго подѣзда окруженнаго народомъ.

Старшіе изъ крестьянъ по сану и положенію стояли впереди. Во главѣ ихъ величественно, съ хлѣбомъ-солью, выставивъ правую ногу впередъ, стоялъ широкоплечій сѣдורусый крестьянинъ, оказавшійся изъ прежнихъ бурмистровъ, Архилъ Ермолаевъ.

Съ другой стороны стояла домашняя прислуга, мужская и женская.

Вотъ прежде всѣхъ пробрался маленькаго роста старичокъ, въ черномъ длиннополномъ сюртукѣ, съ бѣлыми воло-

сами и съ бѣлымъ галстукомъ, и подошелъ сперва къ княгинѣ, а потомъ къ князю.

— Здравствуй, Гаврило, сказала княгиня.

— Съ прїѣздомъ, матушка; въ добрый часъ пожаловать.

— Вотъ сынъ мой расхворался.

— Голубчикъ, отвѣтилъ старикъ Гаврило, каючаръ и эконома дома, цѣлуя Петю.—Сглазилъ видно тебя кто. Царица Небесная, да ты въ самомъ дѣлѣ... началъ было жаловаться старикъ, но тотчасъ сообразилъ что не мѣсто и не время давать ходъ своимъ впечатлѣніямъ.

За старикомъ подошла старушка, важная и прямая.

— Добро пожаловать, сказала она каждому изъ господъ отдѣльно, прикадываясь къ рукъ.—Все приготовила, пожалуйте.

— Здравствуй Матрена, сказалъ ей Пета, трепая ее по плечу.—Какъ поживаешь? А мужъ что?

— Померъ, батюшка, въ новѣшняго Миколу, отвѣтила старуха,—царствіе ему небесное, какъ съ заутрени я-то пришла, такъ онъ и духъ вонъ, а я, слава Ти Господи, терплю Господь, вотъ только отдышка, въ погоду мучить.

— И у меня, голубушка, отдышка.

— Вижу, родимый, лица въ тебѣ нѣтъ; ну, какъ-нибудь здѣсь вылѣчимъ; сказывали такъ что у лошади есть такое средство.

Тутъ подошелъ управляющій, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, Нѣмецъ Рихтеръ, среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ и съ вѣжливостью наполовину германскаго профессора и наполовину прусскаго военнаго.

— Сейчасъ докторъ идетъ, ваше сіятельство, доложилъ онъ.

Всѣ перешли въ садъ, на балконъ, а я вышелъ на крыльцо.

— Что это, батюшка, съ нашимъ-то баринкомъ? спросилъ меня какой-то мужичокъ.

— Расхворался.

Онъ снялъ шапку и перекрестился.

— Господь съ нимъ.

Тутъ подошли и другіе.

— Баринъ ужъ больно хороший, сказалъ кто-то.

— Не помретъ, сказалъ другой.

— Куда помирать, замѣтила баба.

— Ишь какъ скручивается, разсудилъ другой,—проклятая; располагать надо что лихорадка, вишь, и на господъ идетъ, чтобъ ее...

XIV. Докторъ Фустовъ и хересь.

3. Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ доктора. Комичнѣе фигуры я не видывалъ.

Ростомъ маленькій, толстенькій, кругленькій, лицо бритое, бородка какъ была у покойнаго Наполеона III, волосы длинные, почти какъ у священника или, вѣрнѣе, какъ у нигилиста, глаза черные, цвѣтъ лица темный, усы сѣдые, лобъ большой, выраженіе лица угрюмое и нелюбезное.

— Вы докторъ? обратилась я къ нему.

— Такъ точно-съ, пропущалъ онъ почти дискантомъ.

— А у васъ не ладно.

— Что такое?

— Да вотъ у князя никакъ чахотка.

— Оно, дѣйствительно, нельзя сказать чтобъ ужъ очень было хорошо; кутилъ видно много?

— Нѣтъ, нельзя сказать.

— Такъ съ чего же пришла? Въ семействѣ у нихъ ея не было; я семейство давно знаю.

— Жаль его, бѣднаго.

— Посмотримъ, отвѣтилъ докторъ, — а потомъ и пожалѣемъ когда надо будетъ, а вы что?

— Я его пріятель.

— Такъ гостить пожаловали? Гдѣ жъ онъ? и княгиня здѣсь?

— Да.

Докторъ сдѣлалъ маленькую гримасу, ничего не сказавъ. Когда онъ появился на балконѣ, въ чудеснѣйшемъ, переполненномъ цвѣтами и фонтанами саду, Петя сидѣлъ полулежа на кушеткѣ.

— Иванъ Ивановичъ! сказалъ съ радостнымъ лицомъ Петя, увидя доктора. — Фустикъ мой милый, какъ я радъ васъ видѣть.

— Я-то не радъ, голубчикъ, васъ видѣть въ такомъ старушечьемъ положеніи. Ахъ, здравствуйте, ваше сіятельство, сказалъ врачъ, оказавшійся Иваномъ Ивановичемъ Фустовымъ, обращаясь къ княгинѣ.

— А? Въ какомъ видѣ мы его къ вамъ привезли, сказала княгиня, — ужась.

— Видъ не хорошій, сказалъ разглядывая больного Фустовъ.

— Чтò, голубчикъ, совсѣмъ скверно, сказалъ Петя.

— Д-да, не хорошо, а это чтò? спросилъ онъ, увидѣвъ Вѣру, — ужъ и сидѣлкой обзавелись.

— Это мой врачъ, душевный и тѣлесный, сказалъ Петя, убѣдившись что его мать давала какія-то приказанія Англичанину садовнику. Дѣвушка покраснѣла.

— Что жъ, дѣло хорошее, только врачъ-то вы не самый лучший. Ахъ, Иванъ, сказалъ онъ вошедшему слугѣ, — нельзя ли, батенька, мнѣ хереску, а?

— Можно-съ, отвѣтилъ слуга.

— Испортили вы его, продолжалъ Фустовъ.

— Чѣмъ? спросила испуганно Вѣра.

— Такъ-съ, продолжалъ докторъ, разглядывая больного и не отвѣчая Вѣрѣ, — не хорошо, очень не хорошо, изгадили васъ совсѣмъ, на чистоту, что-называется, гм....

Фустовъ замолчалъ.

Я слышалъ какъ тяжело дышала грудь больного; слышалъ я какъ дышала учащенно грудь бѣдной взволнованной Вѣры, слышалъ солтѣніе Фустова, казавшагося мнѣ какимъ-то изъ колдуномъ магическаго царства, слышалъ какъ тамъ въ саду шумѣлъ фонтанъ и шумѣла вода, выливавшаяся изъ леекъ на цвѣты, слышалъ какъ въ полголоса перекидывались словами работницы, слышалъ звуки долетавшіе къ намъ изъ разговора княгини съ садовникомъ.

А Фустовъ все внимательно разглядывалъ больного. Больной смотрѣлъ на него съ какимъ-то страстнымъ улованіемъ.

Потомъ, наглядѣвшись какъ будто вдоволь, Фустовъ всталъ, положилъ пухленькія ручки въ карманъ, потрясъ своею гривой, и сталъ прохаживаться по балкону.

Очевидно онъ размышлялъ.

Сдѣлавъ шаговъ десять, онъ вернулся къ больному, и схватилъ его за руку.

— Да, да, сказалъ онъ про себя, въ отвѣтъ на какое-то разсужденіе, — это такъ. Затѣмъ олять отправиася ходить.

Тутъ принесли ему хереску. Онъ выпилъ здоровую рюмку, закусилъ чернымъ хлѣбомъ, поблагодарилъ, закурилъ сигару, страшно вонючую, и ставъ въ позу наблюдателя принялся какъ будто смотрѣть съ большимъ вниманіемъ на садъ и его картины.

Мы всѣ между тѣмъ сидѣли притая дыханіе и ожидая что будетъ, что скажетъ онъ намъ.

Какъ ни смѣшно было ожидать отъ деревенскаго уѣзднаго врача-пьянчужки чего-нибудь новаго и утѣшительнаго послѣ того что извѣстные доктора призвали бѣднаго Петю неисцѣлимымъ, но совершенно безотчетно и безеознательно, по крайней мѣрѣ у меня, не знаю самъ почему, съ минуты когда я увидѣлъ странную фигуру доктора родилось въ душѣ какое-то чисто-суетвѣрное довѣріе къ этому пьянчугѣ.

Судя по лицу то же самое происходило въ душѣ Вѣры. Постоявъ въ позѣ наблюдателя минутъ пять, Фустовъ подошелъ къ намъ.

— Вотъ что-съ, сказалъ онъ, — сегодня вы должно-быть устали, я васъ осматривать не буду, а займусь я этимъ завтра, на сегодня же мы ограничимся только маленькимъ порошкомъ.

— Его рвало ужъ сегодня, докторъ, сказала Вѣра, — онъ такъ мучится отъ рвоты, бѣдвенькій.

— Да-съ? Такъ по-вашему не слѣдуетъ давать порошка, ну-съ такъ вы красавица его и лѣчите, сказалъ Фустовъ, и въ знакъ своего неудовольствія запустилъ руку въ черную гриву.

— Ахъ вѣтъ, извините, испуганно скалала Вѣра, — я только такъ, и слезы показались на лицѣ бѣдной дѣвушки.

— Ну полноте, Иванъ Ивановичъ, обижаться.

— Ну-съ, хорошо-съ, взмалоостивился Фустовъ, — такъ значитъ вы изволите ему дать одинъ порошокъ, который я вамъ принесу, и затѣмъ что если случится, вы мнѣ пришлете сказать; я буду у священника, у отца Павла; тутъ ихъ два пола, я у старшаго буду, къ младшему я не хожу, больно скулъ на прохладительные. Такъ слышите, ну а теперь не угодно ли вамъ отвѣчать мнѣ на вопросы.

И врачъ подскѣвъ близко къ больному, почти подъ ухо, сталъ его разспрашивать точно исповѣдникъ на духу.

Разспросы продолжались съ полчаса.

— Ладно, заключилъ вставая докторъ, такъ значитъ — порошокъ, а затѣмъ я ему еще калельки пришлю, по десяти два раза до сна, и будетъ съ васъ на первый разъ.

Тутъ подошла княгиня.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, она подозвала его.

— Ну что? спросила княгиня.

— Ничего не знаю, отвѣтилъ докторъ, повернулся и ушелъ.

— *Quel imbécile*, проговорила княгиня, — онъ вѣчно пьянъ, пожала плечами и вернулась на балконъ.

Я пошелъ за докторомъ.

— Какъ вы его находите? спросилъ я.

— Онъ дурень.

— Безнадеженъ?

— Это вы у Бога спросите, отвѣтилъ докторъ, — довольно и того что скверенъ.

— Но все-таки.

— Вы человекъ здѣсь новый, прервалъ меня докторъ, — такъ я вамъ вотъ что скажу: здѣсь такъ говорятъ: если докторъ Фустовъ спроситъ хересу и остается ночевать у попа Павла, это значить ниточка, хотя бы и паутинная, все равно, виситъ, не оборвалась; а вотъ когда онъ выльетъ стаканъ воды, да уѣдетъ, ну, говорятъ тогда въ народѣ: плохо дѣло, Фустовъ укатилъ. Прощайте.

Эти чудаческія рѣчи произвели на меня глубокое дѣйствіе. Какъ ни смѣшно въ томъ сознаться, но я долженъ сказать что маленькій лучъ надежды нашелъ себѣ скважину въ душу, и только потому что эта личность Фустова явилась мнѣ съ какою-то кабалистическою и фаталистическою окраской.

Всю ночь мы просидѣли у постѣли больного. Онъ былъ въ забытѣ, но къ утру заснулъ какъ будто настоящимъ сномъ.

XV. Роковое утро.

Часовъ въ восемь утра я вышелъ на балконъ.

Было чудное лѣтнее утро. Въ воздухѣ еще не успѣли остыть влажные ароматы ночи, и послѣднія ихъ вѣянія чудесно сливались уже съ нѣжными, какъ будто новыми запахами утра. Вокругъ все уже жило, двигалось и шумѣло: въ деревьяхъ, по дорожкамъ, тамъ на дугу гдѣ начиналась уже сѣнокосъ, гдѣ-то далеко на поляхъ, въ лѣсу направо отъ сада, на дворѣ, за домомъ, словомъ, всюду.

И все это шумѣло и глядѣло такъ весело.

Приелушаваясь къ этому яркому и громкому пробужденію лѣтняго дня и вдыхая пропитанный эфирною бла-

годатью воздухъ, я чувствовалъ, послѣ ночи проведенной лицомъ къ лицу со смертью, будто больно былъ я, будто прощаюсь съ жизнью я,—такъ рѣзокъ былъ переходъ отъ комнаты гдѣ мы дрожали надъ каждымъ дыханіемъ Пети къ этой роскоши и къ этому избытку жизни, свѣта и силы.

„Бѣдный Петя“, подумалъ я, „вотъ тебѣ и та деревня куда ты такъ жадно рвался; бѣдная Вѣра, вотъ тебѣ твой фатализмъ и твоя увѣренность“...

Мое размышленіе прервалъ Александръ, явившійся возвѣстить что больно проснулся.

— Скажите, Александръ, Фустовъ у васъ считается хорошимъ докторомъ? спросилъ я.

— Хорошимъ, отвѣтилъ Александръ.—Онъ у насъ здѣсь въ такой славѣ, что бѣда.

— А пьетъ шибко?

— Пить любить; да только здѣсь такая ходить значить примѣта: гдѣ онъ выпилъ, ну тамъ здоровымъ быть, а ужъ гдѣ трезвъ остался—помирай, хоть сейчасъ гробъ заказывай.

Я припомнилъ что наканунѣ сказанныя самимъ докторомъ слова о значеніи своего хереса въ народѣ вполнѣ оказывались правдой, и невольно подумавъ: экія странности бываютъ на свѣтѣ, принялся снова надѣяться.

Я засталъ Петю дѣйствительно какъ будто бодрѣе.

Онъ попросилъ чтобъ ему дали одѣться, такъ какъ ему смерть какъ хочется выйти на балконъ.

— Теперъ тамъ такъ хорошо.... я знаю, тѣмъ тамъ.... свѣжо.

Онъ всталъ съ подмогой моей и Александра, и четверть часа спустя, въ синемъ халатѣ выходилъ, опираясь на насъ, на балконъ, гдѣ его ждала Вѣра.

Лицо у него было сіяющее.

— Ты и садъ, сказалъ онъ Вѣрѣ,—вы оба меня встрѣчаете, мои милые.

Онъ утѣся въ кресло, лицомъ къ саду.

— Ахъ! вырвалось у него, когда онъ сѣлъ,—какая прелесть!... Боже, сказалъ онъ, складывая руки,—благодарю Тебя что далъ мнѣ дожить до этой минуты, я такъ боялся не дожить до нея!... Ахъ, какъ хорошо.... молодостью пахнетъ.... не правда ли, Вѣра?

Онъ на нее поглядѣлъ пристально.

— Ты счастливая, Вѣра.

— Я?

— Да; ты такъ молода!... ты весна.... май.... а я, посмотри, осень.... октябрь, сѣрый, холодный день!...

— Ну полно, прервала его Вѣра.

— Сережа, садись сюда, Вѣра и ты, поближе, я хочу много вамъ сказать.

Мы подошли къ нему съ невольнымъ замираніемъ сердца.

— Милые мои, началъ Петя почти твердымъ голосомъ, — вы не удивляйтесь если мнѣ хочется говорить, много говорить; мнѣ надо все сказать что у меня на душѣ; можетъ-быть я опять ослабѣю, надо слѣзнуть. Видите, я прожилъ почти двадцать пять лѣтъ; двадцать пять лѣтъ, это молодость, весна; да, я знаю; но вотъ что ужасно: я чувствую что я какъ будто страшно много прожилъ и кошу на себѣ тяжелое бремя. Это бремя меня давитъ и мучитъ угрызѣніями совѣсти; я ничего не сдѣлалъ изъ этой жизни, я думаю оттого-то это бремя такъ ужасно тяжело; но въ то же время мнѣ хочется жить еще, но жить ужъ не такъ. Мнѣ кажется что я теперь старикъ; а если я иначе начну жить, то я снова бы сдѣлался молодымъ... И тутъ-то приходится умирать.... Это ужасно! Да, я вотъ здѣсь началъ жизнь и здѣсь я ее кончаю. Я потому такъ и хотѣлъ сюда. Такъ и устроилось. Изъ гнѣзда вылетѣлъ и въ гнѣздо вернулся. Но еѣ чѣмъ? Ровно ни съ чѣмъ!... Да, Вѣра, я ничего не сдѣлалъ; лучшіе годы, лучшія силы—все убилъ!... Ты думала что я хорошій человѣкъ? Нѣтъ, какое, я дурной человѣкъ, я негодай!... Добрый я малый, знаешь, по-петербургскому. Когда человѣкъ ничего не дѣлаетъ; тратитъ деньги на пьянство и на развратъ, ни о комъ не думаетъ, никого не любить кромѣ самого себя, и отлично умѣетъ пить, тогда про него говорятъ: это славный малый! Что у меня перебывало друзей, изъ нашей jeunesse dorée. Казалось выйдетъ что-нибудь изъ насъ. Ничего не выйдетъ. Мы все пустые эгоисты. Пользы они не принесутъ. Впрочемъ я не объ нихъ хотѣлъ, я о себѣ хотѣлъ сказать, что передумалъ. Столько мыслей! Въ головѣ, отъ непривычки думать, какъ-то все лутается.

— Да ты не говори такъ много разомъ, сказалъ я,—успѣешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, пока есть силы. Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ, почему я сдѣлался такимъ. Меня испортили съ самаго дѣтства. И я думаю что многихъ точно такъ

же испортили. Я помню что въ дѣтствѣ я былъ чрезвычайно впечатлительный и общительный мальчикъ, любилъ ласки и душевныя, сердечныя отношенія, но всего этого мнѣ не давали. Моя мать совсѣмъ не общительнаго характера; она, я не знаю, или не любила сердечныхъ изліяній, или не понимала многихъ чувствъ и отбѣговъ души и разныхъ вопросовъ; еще ребенкомъ мнѣ уже бывало не ловко съ нею. О воспитаніи моемъ не заботились, а только о манерахъ: какъ сидѣть прямо, какъ говорить, какъ кланяться. И мнѣ кажется что почти всѣхъ насъ такъ воспитываютъ. Но это даромъ не обходится. Разъ ты привыкъ обходиться безъ того чего требовала твоя душа, когда ты былъ ребенкомъ, ты уже можешь обходиться безъ мыслей и безъ чувствъ... Я просто прокурилъ свою жизнь. Пока живешь такъ, не чувствуешь своей гадости. Но каково же въ этомъ убѣдиться! Вчера, когда мнѣ было такъ плохо, голова у меня была свѣжа, я все понималъ, и какъ нарочно я все, все помнилъ. Прошедшее казалось настоящимъ и я видѣлъ не какія-нибудь пустячныя воспоминанія, а всю перспективу потерянной жизни.... А теперь... теперь вотъ что, Вѣра. Я отъ тебя требую вотъ чего: завтра или сегодня даже Сережа пойдетъ къ священнику и все это устроить, да, сегодня ночью, это всего лучше, откладывать не надо, мы пойдемъ съ тобою въ церковь и покаяемся.

Вѣра дрогнула. Слова эти, я видѣлъ, на мгновеніе до того ее поразили что разсудокъ помутился. Взглядъ ея сдѣлался пристальнымъ и безжизненнымъ. Потомъ она пришла въ себя. Взоръ ея сверкнулъ. Щеки вспыхнули.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Петя, я сестра милосердія, я...

Я ее остановилъ, наломивъ Петѣ что теперь ни о какой свадьбѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ Петровский постъ.

На этотъ разъ обухомъ пришибло бѣднаго Петю.

Онъ страшно полюбѣдывалъ и головой припалъ къ креслу съ какимъ-то стономъ глубочайшаго отчаянія.

Потомъ онъ подвинулся.

— Господи, такъ тогда что же будетъ? со страхомъ и ужасомъ проговорилъ Петя.—Я долженъ умереть не сдѣлавши ничего, ничего изъ своей жизни. Нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко!

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Однакожъ везетъ мнѣ, сказалъ онъ,—всего сказать! Я составилъ цѣлый чудный планъ, какъ послѣ меня здѣсь въ деревнѣ Вѣра займется вмѣсто меня школой, больницей, устроить пріютъ, и...

Улыбка точно постепенно застывала на блѣдныхъ губахъ Пети и вдругъ замерла.

Вѣра сидѣла какъ преступница послѣ объявленія приговора...

— Чтѣ же мнѣ дѣлать? воскликнулъ бѣдный Скуратовъ, и схватилъ себя за голову.—Неужто же мнѣ съ матерью надо будетъ объ этомъ говорить, просить ее чтобъ она все что я мечталъ устроила послѣ моей смерти? Нѣтъ, это ужасно; да и къ чему? Она устроитъ, положимъ; изъ жалости ко мнѣ, устроитъ, но все это будетъ сдѣлано официально, а сердца тамъ не будетъ, не будетъ никогда.

— Видно Богъ хотѣлъ и рѣшаетъ иначе, сказалъ я.

Никогда не забуду я этой минуты.

Едва я успѣлъ окончить эту фразу, какъ слышались гдѣ-то шаги.

Мы оглянулись.

На балконѣ появился докторъ Фустовъ...

Лицо его было на этотъ разъ менѣе сумрачно и угрюмо чѣмъ вчера. Оно показалось мнѣ даже свѣженькимъ. Онъ повидимому не имѣлъ обыкновенія здороваться; прямо подошелъ къ больному...

— Чтѣ? спросилъ онъ.

— Сегодня я крѣпче, Иванъ Ивановичъ; а ночь была ужасная, я ужъ думалъ что отхожу.

— А я такъ другое думалъ.

Тутъ появилась въ бѣломъ пеньюарѣ княгиня.

— Ну чтѣ? спросила она,—какъ вы его находите?

Фустовъ не отвѣчалъ. Онъ попросилъ насъ отойти и приступилъ къ осмотру. Петя сильно раскатылась. Съ нимъ сдѣлался обморокъ. Мы пришли въ ужасное нервное раздраженіе.

Или онъ сумасшедшій, подумалъ я, или мерзавецъ пьяница, пролившій свое сердце, за чтѣ же онъ мучитъ бѣднаго Петю...

Вѣра блѣднѣе свѣга и дрожа какъ осиновый листъ, видимо терзалась тоже, ничего не ловимая. Княгиня бѣжала назадъ и впередъ и звала то фельдшера, то лакеевъ.

Посреди этой картины тревоги и непониманія одинъ Фустовъ казался спокойнымъ и его невозмутимое и даже оживленное какою-то улыбкой лицо рѣзко отдѣлялось отъ нашихъ встревоженныхъ физиономій.

— Ладно, говорилъ онъ, и не обращая вниманія на почти безчувственное состояніе больного, слушалъ его грудь, и слышу, точно онъ имѣлъ дѣло съ какимъ-то неодушевленнымъ автоматомъ, ворочая его во всѣ стороны, стучалъ по немъ немилосердно, что-то нащелтывалъ и какъ будто не признавалъ существованія вокругъ себя людей, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за каждымъ изъ его движеній.

Помню что тутъ раздался первый ударъ благоговѣста звучнымъ и глубокимъ сотрясеніемъ.

Врачъ перекрестился.

Княгиня перекрестила свою брошку.

— Молитвы теперь ему всего больше нужны, сказала она съ торжественною оосредоточенностью въ лицѣ;—послѣ обѣдни я заказала молебенъ.

— Ну-съ, сказалъ вдругъ докторъ,—теперь ладно, давайте-ка соли, трите укусомъ, а затѣмъ — онъ вынулъ часы—черезъ часикъ вы ему дадите столовую ложку ларнаго молока, да капельки двѣ положите въ него рому, черезъ часъ еще ложечку; если вырветъ, остановитесь, потомъ опять, ну, тогда я увижу, а теперь надо и Богу помолиться.

— Только молоко? спросилъ я.

— Да, молочное лѣченье, медъльки черезъ три онъ будетъ молодцомъ.

Мы взглянули на доктора, и я почувствовалъ что мой взглядъ выражалъ вопросъ: да въ умѣ ли ты?

— Это пустяки, сказалъ Фустовъ, уходя.

— Какъ пустяки? бросился я къ нему.

— Сильное разстройство организма, катарръ, вѣроятно все шампанское; дрянъ это вино. А въ груди вовсе не такъ дурно.

— Чохотки нѣтъ?

— Какая чортъ чохотка! Съ этой чохоткой еще справимся. .

И на этихъ словахъ Фустовъ послѣднѣю ушелъ.

Всѣ эти слова сказаны были мнѣ одному. Я имъ повѣрилъ.

На душѣ стало чудно легко и свѣтло, я бросился на балконъ. Петя уже оправился. Я его поцѣловалъ и схватилъ руку Вѣры.

— Ты думаешь что у тебя чахотка, сказалъ я,—это вздоръ. Есть надежда, есть, да, есть; вотъ что тебѣ поручилъ сказать докторъ.

— Ну! откашлялся дѣтски радостно Петя.

Вѣра, усамхавъ эти слова, затрясаась и чуть было не упала....

Старикъ Александръ—тотъ весь сіяя, перекрестился.

— Богъ милостивъ, сказалъ онъ, съ убѣжденіемъ въ лицѣ и въ голосѣ.

Княгиня, когда я ей сообщилъ слова Фустова, вздохнула и подняла глаза къ небу.

— Dieu veuille, qu'il ait raison, se drôle de Фустовъ, но я очень боюсь что онъ ошибается....

XVI. Попадья.

На другой день мы всѣ сидѣли на балконѣ за утреннимъ чаемъ.

Петя наканунѣ началъ молочное дѣченіе. Къ концу дня онъ принималъ свою десятую столовую ложку молока. Спалъ онъ въ эту ночь, какъ давно не спалъ. Всѣ мы были въ духѣ и почти веселы. Всѣ, кромѣ княгини, которая иногда шутила, иногда была любезна, но не снимала съ себя своего наряда торжественности и официальной серіозности. Мнѣ казалось что ее что-то озабочивало. И это что-то была вѣроятно мысль о томъ что станетъ съ Вѣрой, если сынъ ея дѣйствительно поправится.

Я не ошибся, какъ скажу о томъ послѣ.

Лакей пришелъ доложить о лошады Аннѣ Ивановнѣ, желающей представиться.

— Прози, сказала княгиня.

Петя насъ предупредилъ что эта лошады пресмѣшная и болтуныя страшная.

Анна Ивановна, жена старшаго священника, отца Павла, лѣтъ сорока, небольшого роста, кругленькая женщина, съ добрымъ, толстымъ лицомъ московской кулчихи, ввалилась

съ просфорой на блюдечкѣ; на ней было зеленое шелковое платье, челчикъ съ розовыми лентами и красная съ рамажами кашмировая шаль.

— Ужъ извините, ваше сіятельство. Хлѣбъ да соль, доброго аппетита, сказала попадья, отдавая просфору больному,—больному задравную просфорочку привесла на здоровье; а это вотъ вамъ, княгиня, прибавила она вынимая изъ кармана другую просфору,—на здоровье, матушка, свѣженкія совсѣмъ; нынче три выкула; отъ радости, а то до вашего пріѣзда завсегда двѣ: одну за ваше сіятельство, а другую за голубчика моего, за генерала Чернаева, не слыхали ли чего о немъ, никакъ въ Петербургѣ слышно; а то мы ужъ здѣсь совсѣмъ истомились, ей-ей: ждемъ да не дождемся; что онъ бѣдненькій, кажется ужъ очень-то ихъ притѣсняютъ, братьевъ нашихъ Сербовъ, да и Чернаеву тоже, говорятъ, становой намереніи сказывалъ, ходу не даютъ, а у насъ вѣрите ли народъ такъ вотъ и рвется, ей Богу, удержу нѣтъ: что день, все мужики, когда три, когда четыре человека къ мужу приходятъ, скоро ли насъ, говорятъ, потребуютъ? ей Богу; а какъ значить, слышно, княгиня? скоро? спросила попадья.

— Что это? спросила княгиня.

— Да война-то.

— Не знаю, матушка, ничего не могу вамъ оказать, величественно замѣтила княгиня.

— Такъ-то такъ, возразила попадья, — да что-то мы ужъ больно хвосты подъ себя поджали, ей Богу отъ тоски запыли.

— А что батюшка? спросила княгиня.

— Въ приходъ ушелъ, потребовали, матушка, онъ вотъ собирався съ почитеніемъ, какже, да прямо изъ церкви потребовали, да я вотъ и пришла, ужъ извините, мужу нелая, такъ дай-ка ужъ я пойду, подумала, да больного провѣдаю. Что это въ самомъ дѣлѣ, а? никакъ совсѣмъ расхворались? обратилась она къ Петѣ.

— Да, скверно, Анна Ивановна.

— Да ужъ чего хуже! по лицу видно, голубчикъ, что не хорошо; вишь какъ исхудали, я вчера, какъ примѣтила васъ, когда вы по аллеѣ-то проѣзжали....

— Я васъ замѣтила.

— Испугалась, ей Богу, потому гляжу, все незнакомые,

да и говорю Еленѣ Осиповнѣ: полно, князь ли это; онъ самый, говоритъ Елена Осиповна; аи не онъ, говорю я-то, что-то не показался, а это вотъ что, болѣзнь такъ измѣнилась; да ужь новѣе Богъ ихъ знаетъ, и болѣзни-то какія-то мудренныя, прежде все какъ-то больше лихорадки да горячки бывали въ ходу, ну и лѣчить знаешь какъ, а новѣе къ болѣзнямъ и ума-то не приложишь.

— А какъ у васъ крестьяне, спросила княгиня,—ходятъ въ церковь, религіозность не уменьшилась?

— Ходятъ, матушка, слава Тебѣ Господи, пожаловаться нельзя. Ходятъ, народъ хорошій, и принимаетъ какъ по-прежнему, со всѣмъ своимъ радушіемъ.

— А какъ лянство?

— Все матушка есть, но правду если сказать, никакъ чуточку меньше супротивъ прежняго, да безобразничанье какъ будто поменьше, а все какъ праздничное время, такъ и лянство; оно, правда, и то сказать надо, вѣдь кабы не лица, кабакамъ-то не для чего было бы и стоять, а безъ кабаковъ, сказываютъ умные люди, Россіи не устоять, обаякнутъ.

— Ахъ, полноте матушка, грѣшно такъ говорить, надо эту страшную болѣзнь лѣчить; какъ же можно, развѣ вашъ мужъ не отговариваетъ ихъ? спросила княгиня,—надѣюсь что да.

— Чего это?

— Пить-то.

— Пить-то? Какже, матушка, отговариваетъ, только по правдѣ если сказать, безо всякаго успѣха, да оно и понятно. Одинъ въ полѣ не воинъ.

— А школы какъ у васъ теперь идутъ?

— Идутъ, матушка, помаленечку только, помаленечку, вдругъ вѣдь тоже нельзя, да; школа вѣдь не то что кабакъ: въ кабакъ пойдешь вольно, ну, а въ школу пойти, поматужиться надо.

— Да вы уже, сколько помнитесь, имѣли школу? спросила княгиня.

— Да и по сейчасъ, матушка, она у насъ есть, слава Тебѣ Господи; мы съ батюшкой, по правдѣ сказать, для этой самой школы себя не жалѣемъ, только вотъ больно ужь насъ одолеваютъ новѣйшіе требованія; пріѣдетъ, прости Господи мои согрѣшенія, какой-нибудь бусурманинъ или вигилантъ

самъ, посмотришь, и въ Бога не вѣруешь, да вдобавокъ еще не моется, а туда же лѣзетъ: не такъ, молъ, учите, не по новѣшнему. Нераціональность какую-то выдумали, да и примѣриваютъ, да еще все про развитіе спрашиваютъ, а по нашему, какое развитіе? Чтобы Бога дѣти боялись да любили, читать и писать могли, съ удовольствіемъ, значить, да ариметика еще, чтò значить для ежедневнаго-то обихода понадобится, и довольно съ нихъ; вѣтъ, а имъ, глядишь, всего этого мало; молитвъ, молъ, вашихъ намъ не нужно, а вы намъ развитіе, да еще раціональное, подавайте, да естественности чтобы было побольше. Ну, извѣстное дѣло, мы имъ давать этого самого не хотимъ, Боже сохрани; грѣховъ ужъ безъ того на душѣ многое-множество! Ну, и выходить всякія непріятности. Батюшка скучать начнетъ. Въ иной разъ такъ огорчатъ что и слезинку прошибутъ. Ей-Богу! Я не вытерплю. Женщина, извѣстно, противъ мужины разгорячится, да и говорю: плюнь ты, батюшка, на твою школу, пускай учатъ какъ знаютъ, вѣдь окромя непріятностей ничего не наживешь.

— Ахъ, матушка, какъ это можно, это нехорошо, надо продолжать, надо терпѣть, внушительно сказала княгиня.

— Надо, княгиня, сама чувствую, батюшка и то меня бранить. „Ты чего малодушествуешь“, говоритъ. Ну, и замолчишь.

Петя слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Но при матери онъ не вмѣшивался въ разговоръ.

Попадья, замѣтивъ что она наговорила немало, встала.

— Ужъ извините, заговорила, княгиня, языкъ мой—врагъ мой, чтò дѣлать: всѣ лосты говѣю, а все не унимаюсь, ужъ видно такъ и умру болатушкой. Ей-Богу! Да вотъ ко всему интересъ имѣешь. Чтò прикажете дѣлать? Новѣче по этимъ самымъ славянскимъ дѣламъ, вѣрите ли, иной день и не слышь, а все думаешь, кабы Господь-то нашему Черныеву-то помогъ. Ему вѣдь не то что себя показать, ему народъ Русскій показать надо. Слава Богу имѣемъ чѣмъ похвастаться, да и не то что предъ одними этими нехристами-Турками. Тоже для чего-нибудь вѣку-то далъ Господь Россіи. Вѣдь не для того, помилуй Богъ, чтобы сидѣть поджавъ хвостъ или этимъ самымъ хвостомъ махать предъ Европой.

— Вы, матушка, сказала внушительно княгиня,—полити-

кой не занимайтесь, это не ваше дѣло, у васъ вотъ дѣло, вотъ школа.

— Какъ, матушка, не заниматься, да какая тутъ полетика, тутъ не полетика, тутъ дѣло народное, за живое, за самое сердце хватается! А я къ вамъ, ваше сіятельство, съ просьбицей. Ужь сдѣлайте милость, не откажите.

— Что прикажете?

— Да расчетъ газетъ; вы ужь вѣрно ихъ будете здѣсь получать; сдѣлайте божескую милость, позвольте мнѣ пользоваться. Смерть какъ читать хочется; мы было съ батюшкой ужь хотѣли выписать газетку какую-нибудь, да не хватило денегъ; семь рублей-то хватило, а больше и не хватило; какъ разъ понадобились тутъ подарки дѣткамъ въ школу; батюшка и запретилъ выписать.

— Хорошо, хорошо, буду присылать, сказала княгиня.

Поладья стала прощаться.

— Эка красавица, сказала она Вѣрѣ,—а неужто всѣ такіа у васъ сестры милосердія?

Вѣра улыбнулась.

Княгиня сдѣлала нелюбезную гримасу.

— Къ намъ пожалуйте, милости просимъ, сестричка, потолкуемъ подъ самоварчикъ.

Поладья ушла.

— Какая несносная болтунья; никакой духовной возвышенности у нея нѣтъ, *je déteste cette sorte de femmes de prêtre*, проговорила княгиня.

XVII. Около церкви и совѣсти.

Прошло двѣ недѣли.

Чудо совершалось.

Петя выздоравливалъ на нашихъ глазахъ, къ великой радости всѣхъ обитателей Лейкуна.

Молочное лѣченіе, о которомъ никто не подумалъ, кромѣ доктора Фустова, или Фустика, какъ его звалъ Пета, съ каждымъ днемъ исцѣляло больного.

Но казалось два лица не участвовали въ общей радости о выздоровленіи Пети.

Странно сказать что эти два лица были княгиня и Вѣра. Съ княгиней повидимому происходилъ духовный процессъ весьма обыкновенный въ жевщинахъ ея характера.

Она сжилась съ мыслью о кончинѣ сына. Она приготовилась къ ней. Она привыкла къ этой мысли. И траурное платье было готово, и нервы, и глаза, и слезы, и мускулы лица, и извѣстныя фразы, и извѣстныя чувства, и извѣстныя дѣйствія, все было готово.

Вдругъ все это измѣнялось или вѣрнѣе отмѣнялось.

Надо было все укладывать вновь и создавать въ себѣ новый образъ мыслей и чувствъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ надо было снова возвращаться къ жгучему вопросу о Вѣрѣ Семеновнѣ.

Княгиню очевидно для насъ всѣхъ этотъ вопросъ мучилъ и даже терзалъ, да, именно терзалъ. Съ одной стороны она не упускала случая сказать какую-нибудь колкость бѣдной Вѣрѣ; съ другой стороны она становилась все озабоченнѣе и раздражительнѣе. Бѣдная Вѣра въ свою очередь съ каждымъ днемъ становилась скучнѣе и задумчивѣе.

Петя внимательно слѣдилъ за нею, но она ни съ нимъ наединѣ, ни съ нами, даже намеками не высказывала того что происходило въ ея душѣ и противъ ея воли отражалось на ея лицѣ. Мы знали только что она въ тихомолку часто заходила, подъ предлогомъ прогулки, въ церковь, но больше мы ничего не знали. Я догадывался что въ душѣ ея происходила сильная борьба.

29го іюня былъ большой праздникъ въ селѣ Лейкинѣ. Во-первыхъ, Петя, выздоравливающій баринъ, былъ именинникъ. Вторыхъ, въ Лейкинѣ былъ храмовой праздникъ, съ ярмаркой и народнымъ гуляньемъ. Петя захотѣлъ чтобъ этотъ разъ празднику было придано особенное торжество и въ то же время онъ пожелалъ въ этотъ день отправиться къ обѣднѣ и причаститься.

Княгиня тоже говѣла и должна была причащаться вмѣстѣ съ сыномъ.

Читатель помнитъ что и Вѣра собиралась говѣть вмѣстѣ съ Петей. Такъ было рѣшено прежде. Но на вопросъ Пети, будетъ ли она вмѣстѣ съ нимъ причащаться, она сказала: не знаю, и больше ничего не отвѣтила.

Вечеромъ 28го Лейкино ужъ приняло торжественную обстановку. Церковь была снаружи вычищена съ иголки. Народъ прибывалъ отовсюду цѣлыми караванами и располагался бивуакомъ на большомъ лугу, недалеко отъ церкви, подъ деревьями аллеи. Какъ будто изъ земли выросли

палатки. Появились всевозможные разнощики. Подошли телѣги съ лошадьми въ продажу. Кое-гдѣ показались черныя фигуры проворныхъ Цыганъ-барышниковъ. Показался и снѣгій мундиръ жандарма. Зазвенѣлъ колокольчикъ становаго и засѣдателя. На тарантасикахъ стали собираться сосѣднихъ приходовъ лолики. Словомъ, вездѣ на улицѣ, и далеко, далеко за селомъ съ часу на часъ стала все больше приливать точно море ярмарочная жизнь, и мирное за нѣскольکو часовъ до этого село Лейкино было неузнаваемо.

Въ домѣ у насъ тоже было суеты не мало. Комнаты мылись, паркетъ чистился, втаскивались длинныя столы изъ кладовой для завтрашняго угощенія, ставились растенія, вѣшались гирлянды, мылась и билась безпощадно посуда. Княгиня, насколько могла, во все входила съ высоты своего величія, имѣя по правую сторону свою компаньйонку, а позади каючаря-дворецкаго, старуху Матрену и Нѣмца управляющаго...

Проходя мимо дома священниковъ, я замѣтилъ что и тамъ кутерьма происходила страшная. Крики и возгласы и разговоры нашей пріятельницы Анны Ивановны не унимались.

Когда она въ азартѣ разъ выбѣжала вытряхивать какую-то скатерть, я подошелъ къ ней.

— И у васъ суета?

— Ужь не говорите, родимый, языкъ отнялся, ноги отваливаются, руки совсѣмъ не дѣйствуютъ.

— А что батюшка? спросилъ я.

— А у него ваша барышня кажется исповѣдуется; красавица ей Богу.

Она ко мнѣ нагнулась.

— Смерть какъ любопытство беретъ спросить, а не смѣю, сказала мнѣ попадья въ полголоса.

— Чтò? спросите, коли знаю, отвѣчу.

— Не полюбила ли она нашему князю, а?

— Не знаю.

— Ну, то-то что не скажете, знала напередъ. Акулина, а Акулина, закричала попадья.

Прибѣжала растрепанная Акулина.

— Чего еще?

— Чего, а скатерть-то чего здѣсь валяется, а? Безстыдница.

— Да вы же ее уронили сами, сказалъ я.

— И точно что сама, ужь голова-то никакъ сбѣжала, прости Господи; надо-те идти ко всенощной наряжаться.

Мы разстались.

Я только-что собирался повернуть налѣво къ дому какъ увидѣлъ выходившую со двора Вѣра.

— Вы у батюшки были? спросилъ я.

— Да, мнѣ надо было, сконфуженно сказала и недокончила свою фразу Вѣра.

— Вѣра Семеновна, рѣшилъ я ей сказать,—отчего вы такъ страшно перемѣнились; вы стали даже скрытны; что васъ мучить, скажите; вы ходили исповѣдываться, да?

— Да, отвѣтила какъ-то глубоко болѣзненно Вѣра.

— Отчего же вы скрываете это? Отчего вы все скрываете отъ насъ что въ вашей душѣ происходитъ?

— Ахъ, Сергѣй Николаевичъ, зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ? Неужели вы думаете что еслибъ я могла все сказать что у меня на душѣ, я бы вамъ и Петру Павловичу не открыла бы мою душу.

— Значить вы не любите Петю?

— Не говорите про это, прошу васъ, умоляю васъ, прервала меня Вѣра,—я должна быть до завтрашняго дня спокойною и твердою; сжальтесь надо мною, умоляю васъ.

Звукъ каждаго изъ этихъ словъ до такой степени былъ отеканенъ душевною болью и глубокимъ чувствомъ что я не смѣлъ продолжать разговора....

Мы молча вернулись домой.

При свиданіи съ Петей, Вѣра приняла веселый и почти беззаботный видъ, говорила о завтрашнемъ праздникѣ, но вдругъ залилась слезами.

— Успокойся Вѣра, другъ мой, говорилъ ей встревоженный Петя,—что съ тобою, скажи.

— Прости меня Петя, прошу тебя, я такая дурная.—Вотъ уже сколько дней я не знаю гдѣ найти покой. Пойми что когда ты сталъ выздоравливать, я вмѣсто того чтобы радоваться, и благодарить Бога, стала лугаться и бояться будущаго. Ты виноватъ Петя. Помнишь то утро, когда ты былъ такъ плохъ, и говорилъ съ нами вотъ здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ; я слушала тебя, но я думала что это были твои послѣднія предсмертныя слова; то что ты сказалъ о нашемъ....

Бѣдная Вѣра остановилась, какъ будто не смѣя произнести роковаго слова.

— О нашемъ бракѣ, сказалъ вмѣсто нея Петя,—я помню моя душа, такъ чтѣ же?

— Я услугалась этихъ словъ, я никогда, видить Богъ, и думать объ этомъ не смѣла, но я знала что твоя кончина помѣшаетъ этому браку, и я успокоилась, я заставила сердце забыть это страшное потрясеніе, я думала только о тебѣ. Но когда ты сталъ выздоравливать, твои слова, похороненныя, казалось, въ моей души, вдругъ противъ моей воли ожила съ такою силою что я противъ ихъ оказалась безпомощною. Я заставляю ихъ молчать, а они еще громче стали звучать во мнѣ. И тогда-то, Господи, чего я только не передумала. Кто я, и зачѣмъ я при тебѣ? Развѣ ты такой же какъ и я? Нѣтъ, нѣтъ! Я тебя отрываю отъ твоей среды, отъ той дѣвушки, которая могла бы тебя полюбить сильнѣе меня, и достойнѣе меня. Я воспользовалась твоею болѣзнію чтобы привязать тебя къ себѣ. Это гадко, мерзко. Я похитила твою любовь, пока ухаживала за тобою, когда ты былъ умирающій! И эта-то мысль мнѣ не давала покоя ни днемъ, ни ночью. А ночью предо мною являлась твоя мать, и требовала отъ меня грознаго отвѣта! Да, и я не знала чтѣ ей отвѣчать! Я стала молиться. Но покоя все нѣтъ! Петя, прости меня, разстанемся, завтра ты причастись, я увижу тебя въ послѣдній разъ и уѣду.

Вѣра зарыдала.

Петя тихо плакалъ. Лицо его носило печать высокаго нравственнаго сосредоточенія и глубокаго чувства.

Онъ протянулъ Вѣрѣ руку.

— Вѣра, сказалъ онъ,—я сегодня съ тобою хотѣлъ именно поговорить о томъ, о чемъ ты сейчасъ говорила, но только не по-твоему, другъ мой. Я слишкомъ счастливъ теперь, слишкомъ благодаренъ Богу чтобы быть въ состояніи иначе смотрѣть на вещи чѣмъ свѣтло и радостно. Мои мысли ясны и просты. Я тебя полюбилъ, я тебя понялъ, оцѣнилъ, я чувствую и убѣжденъ что буду съ тобою счастливъ, если Богъ мнѣ дастъ выздороветь, и я прошу тебя, будь, пока я живъ, тѣмъ чѣмъ ты была пока я былъ боленъ, моимъ другомъ и моимъ ангеломъ хранителемъ.

Вѣра быстро схватила руку больного и прильнула къ ней горячимъ поцѣлуемъ.

— Я раба твоя, я вещь твоя, я твоя, твоя, предъ Богомъ, твоя, да будетъ то что ты хочешь, да будетъ то что Богъ велитъ, проговорила она со сдержанною страстью.

Какъ утомленный ребенокъ она упала къ груди Пети и приняла его первый поцѣлуй жениха.

— Богъ насъ видитъ, сказалъ Петя,—мы предъ Нимъ соединены чистою и святою любовью. Теперь ничто не можетъ насъ разъединить.

Не то крикъ, не то вздохъ счастья вырвался изъ груди Вѣры въ отвѣтъ на эти слова.

— Да, ничто, ничто ни въ этой жизни, ни въ той, пропелтала она.

— Теперь, сказалъ Петя,—иди и сними съ себя это платье, сейчасъ будетъ всенощная, ты должна быть по-праздничному.

— Нѣтъ, Петя, завтра послѣ причастія, если Богъ дастъ; я начала говѣть какъ сестра милосердія, я должна кончить.

— Да, правда, отвѣтилъ Петя, цѣлуя ея руку. — Какъ теперь мнѣ свѣтло и спокойно!...

XVIII. Наканунѣ.

Въ восьмомъ часу началась всенощная въ большой столовой. Прибыли три священника, два діакона и четыре причетника.

— Ужъ извините, сказалъ старшій священникъ басомъ, обращаясь къ княгинѣ,—третьяго батюшку пригласилъ по случаю праздника. Кривымъ соборомъ не хотѣлось служить.

— Да оно и кстати вотъ и на радость выздоровленія ихъ оіятельства втроемъ помолимся, прибавилъ добродушно улыбаясь отецъ Павелъ.

Священники облачились въ бѣлыя ризы. Старикъ дворецкій въ сюртукѣ съ иголки, въ бѣломъ галстукѣ, торопливо принесъ кадило и подалъ діакону. Причетники сдѣлали общій поклонъ; молодые по-новому, съ достоинствомъ, а два старенькихъ, въ подрясникахъ и съ косичками, сотворили поклоны пониже, по-старому. Княгиня была въ великолѣпномъ свѣтлосѣромъ платьѣ, съ челчикомъ на головѣ, съ лентами gris perle. Она стала впередъ. За нею въ креслѣ сидѣлъ Петя. Вѣра стала на другой сторонѣ упря-

тавшись въ уголъ. Когда священникъ возгласилъ громко: „Приидите поклонимся и припадемъ“. Вѣра бросилась на колѣна. Княгиня встала на колѣна, но прежде устроила себя въ видѣ подслорья стулъ. Діаконы и причетники дружно подхватили „и припадемъ“, и, несмотря на то что новыя молодые лсаломщички лѣли съ усовершенствованіями, заключающимися въ извѣстномъ оттъикѣ и отголоскѣ небрежности, а старики съ косичками лѣли по-старому, заливаясь разными по минутному вдохновенію руладами отъ избытка, такъ-сказать, охоты лѣть,—общее впечатлѣніе было пріятное. Всенощная продолжалась около часа. Послѣ всенощной должна была начаться исповѣдь. Петя, поддерживаемый мною, отправился къ матери.

— Я эту всенощную не забуду, сказалъ онъ мнѣ, — я молился какъ никогда еще не молился.

Княгиня готовилась къ исповѣди.

— Я пришелъ у васъ просить прощенія, дрожавшимъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ Петя.

— Богъ тебя проститъ, отвѣтила мать,—и ты мнѣ прости.

— Мнѣ вамъ нечего прощать: я вашъ сынъ, но вы мнѣ простите, сказалъ Петя,—простите, слезно повторилъ онъ,—я такъ часто васъ осуждалъ, я такъ часто питалъ къ вамъ дурныя чувства.

Петя бросился къ груди матери. На глазахъ матери какъ будто были слезы. Она обняла сына.

— Que le Dieu de miséricorde et d’amour tous pardonne, сказала она,—comme moi je vous pardonne.

— Маменька, сказалъ онъ твердымъ голосомъ,—теперь я еще имѣю что вамъ сказать: я сегодня далъ обѣтъ Богу жениться на Вѣрѣ и прошу вашего благословенія.

Княгиня вздрогнула и подняла голову на стоявшаго передъ нею сына. Лицо ея вдругъ исказилось чѣмъ-то черствымъ. Потомъ она также вдругъ приняла почти веселое и добродушное выраженіе.

— Нашелъ, мой другъ, время когда говорить о такихъ пустякахъ. Поди успокойся. Одумайся, Богъ дастъ, все и пройдетъ, шутивымъ тономъ отвѣтила она.

— Маменька, я не шучу, и съ такими вещами и въ такую минуту было бы грѣхъ шутить.

— Ну, полно, душа моя, ты не думаешь о чемъ говоришь! Мой сынъ не можетъ жениться на сидѣлкѣ, это было бы

сумашествіемъ, это шутка съ твоей стороны, или бредъ больной головы, оставь это, теперь не время даже думать объ этомъ, вы видите что я готовлюсь къ исповѣди; если эта дѣвушка внушаетъ тебѣ капризъ ее любить, люби ее, это меня не касается; но князь Скуратовъ не женится на первой встрѣчной женщинѣ, которую онъ полюбилъ по капризу. Да проститъ мнѣ Богъ мои слова, но вы сами виноваты, вы меня къ тому вынуждаете.

Петя какъ будто поражаемый чѣмъ-то безпощадно больно и сильно, опираясь на меня, опустился на кресло.

Потомъ онъ поднялъ голову, всталъ при моей помощи, и сказавъ только: „вы жестоки, маменька“, вышелъ изъ комнаты и отправился къ себѣ, ждать священника.

Отецъ Павелъ пришелъ съ улыбочкой и сіяющимъ лицомъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ душевнымъ состояніемъ бѣднаго исповѣдника.

Петя, прежде чѣмъ приступить къ исповѣди, вдругъ рѣшился просить отца Павла помочь ему и уговорить мать.

Онъ все разказалъ ему.

Отецъ Павелъ, играя рукой въ бородѣ, то улыбаясь, то прищуриваясь, то подымая брови, то кашляя, выслушивалъ исповѣдь любви, и отъ времени до времени говорилъ только: „такъ, такъ“.

Когда Петя кончилъ, священникъ кашлянулъ, поднялъ руку и заигрывая съ лежавшими на столѣ перьями и карандашами, взглянулъ почти весело на Петю.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ,—увольте ужъ меня отъ такого деликатнаго можно сказать дѣла! Куды мнѣ, сельскому полу, вмѣшиваться въ семейныя дѣла такихъ можно сказать высокихъ особъ! Дѣлайте какъ Богъ на душу положить! Ей, ей! Вѣдь сами знаете, ну приди я да скажи княгинѣ; она вѣдь женщина съ вѣсомъ, съ положеніемъ! Ну не дай Богъ разсердится на меня: ты молъ чего, скажетъ, вмѣшиваешься, лолъ ты такой, сякой! Ну не дай Богъ архіерею на меня пожалуется. Вѣдь сами знаете, архіерей меня тутъ же и прогнать можетъ. А у меня вѣдь съ женой самъ восемь семья-то! Куды я съ нею дѣнусь! Сами разсудите, что за положеніе у сельскаго священника! Ужъ простите мнѣ, ваше сіятельство, на другое что со вѣсѣмъ моимъ удовольствіемъ готовъ служить, а ужъ отъ этого избавьте.

Петя убѣдился добродушною правдою священника. Отецъ Павелъ даже полюбился ему въ эту минуту, какъ сказывалъ онъ мнѣ послѣ.

У меня же въ это время какъ разъ родилась мысль; я всталъ и тотчасъ же пошелъ къ княгинѣ.

Извинившись въ томъ что потревожилъ ее, я сѣлъ и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Позвольте мнѣ, княгиня, принять на себя роль посредника между вами и вашимъ сыномъ. Ему всего не пришло въ умъ сказать. А я человѣкъ сторонній, и притомъ безпристрастный и хладнокровный.

— Мнѣ теперь некогда, завтра я васъ выслушаю.

— Я только три слова вамъ скажу, княгиня. Мнѣ хочется чтобъ этотъ вопросъ рѣшился именно сегодня, чтобъ покой вернулся въ душу Пети, и онъ бы могъ провести ночь предъ причащеніемъ свѣтло и мирно. Видите въ чемъ дѣло. Я убѣжденъ что независимо отъ разныхъ велико-свѣтскихъ, съ достоинствомъ вашей фамиліи связанныхъ соображеній, вы и потому ни за что не согласитесь на этотъ бракъ Пети съ Вѣрой Семеновной....

— Я удивляюсь, прервала меня княгиня,—какъ вы можете произносить эти слова серьезно: бракъ Пети съ Вѣрой Семеновной. Да кто она, эта Вѣра Семеновна, я до сихъ поръ ее фамиліи не знаю, кто она? какого званія? Развочинка? Половская дочка, что ли? съ усмѣшкой и заорядствомъ проговорила княгиня.

— Это не мое дѣло. Мое дѣло вамъ вотъ что сказать: Вы не можете допустить, я съ вами даже готовъ согласиться въ этомъ, чтобы въ Петербургѣ, для *le grand monde*, явилась новая молоденькая княгиня Скуратова, *une je ne sais qui*, такъ? это совершенно вѣрно!

— Ну?

— Но вообразите себѣ вотъ что. Вообразите что вашъ сынъ умеръ для васъ совсѣмъ, и никогда больше въ Петербургскомъ *grand monde* не явится. Даже не умеръ, а въ монастырь поступилъ. Вы останетесь всегда единственною княгиней Скуратовой. Теперь же вмѣсто того чтобъ умереть или пойти въ монастырь, вашъ сынъ женится на Вѣрѣ Семеновнѣ, остается въ деревнѣ и прощается навсегда съ Петербургомъ, гдѣ онъ будетъ развѣ *en passant*, какъ за границей. Никогда имя новой

княгини Скуратовой не будетъ произнесено ни въ свѣтъ, ни при дворѣ. Ея вѣтъ и его вѣтъ! Никогда, понимаете? Развѣ чрезъ двадцать лѣтъ, когда у Пети будутъ дочь или сынъ, и они захотятъ поселиться въ петербургскомъ high life, но и этого даже я не предвижу. Изъ деревни въ такую мерзость какъ вашъ петербургскій свѣтъ врядъ ли потянетъ какую-нибудь здоровую душу. Ну чѣмъ вамъ можетъ быть такой бракъ непріятенъ, разъ вы знаете что дѣвушка эта честная и хорошая, и разъ вы навѣрно знаете что никогда ее никто не увидитъ и никто никогда объ ней не услышитъ въ петербургскомъ свѣтѣ!

— А кто же поручится за это? Не вы ли?

Я чуть было не умеръ отъ восторга въ эту минуту. Мнѣ показалось что она сдается.

— Вашъ сынъ своимъ честнымъ словомъ; онъ произнесетъ клятву въ церкви, онъ поклянется памятью отца.

— А если она захочетъ блеснуть въ петербургскомъ свѣтѣ своею красотой. Теперь нравы въ этомъ свѣтѣ измѣнились. Такъ близко ужъ не смотрятъ въ анналы родословной. Нравственность ослабѣла. Смотрятъ на деньги и на лицо.

— Она? Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, княгиня, что она никогда не подумаетъ даже объ этомъ.

— У васъ, кажется, все рѣшено и предвидѣно. Къ чему же тутъ мое согласіе? Я не желаю играть смѣшную роль. Если мой сынъ хочетъ на этой дѣвушкѣ жениться, съ тѣмъ, какъ вы говорите, чтобы навсегда поселиться въ деревнѣ, уступить мнѣ нашъ домъ совсѣмъ, и никогда не жить въ Петербургѣ иначе какъ въ гостиницѣ, и не долѣе двухъ недѣль, я согласна на его бракъ. Онъ можетъ жениться на комъ ему угодно.

Я схватилъ руку княгини и поцѣловалъ ее.

Возвращаясь я встрѣтилъ Вѣру. Она ходила взадъ и впередъ по большой столовой въ страшномъ волненіи.

— Ну, сказалъ я ей,—вы можете спать спокойно, и завтра, подходя къ причастію, изгнать изъ души послѣднюю тревогу. Княгиня васъ благословитъ. Но пока ни слова никому.

Когда кончилась исповѣдь Пети, я пришелъ къ нему и повторилъ ему тѣ же слова что и Вѣрѣ.

Мы братски обнялись.

Часа два спустя, послѣ чая, мы втроемъ вышли въ садъ. Луна гуляла уже по небу. Въ воздухѣ было тепло. Ничто

не шевелилось въ природѣ. Только стучалъ гдѣ-то въ до-
ску свою ночной сторожъ и отъ времени до времени шеле-
стила въ деревьяхъ какая-нибудь залоздавшая и уклады-
вавшаяся спать птичка.

Далеко, далеко кругомъ все спало въ сладкомъ и святомъ
мирѣ ночи.

Никто изъ насъ не говорилъ.

Мысли наши и чувства, постоянно витая около одного и
того же предмета, похожи были на кружившихся надъ на-
шими головами съ своими безмолвными зигзагами летучихъ
мышей.

— Какъ хорошо, Боже, какъ хорошо жить! сказалъ Пета.

XIX. Праздникъ и большой.

На другой день вездѣ лестрѣли флаги, цвѣтныя рубахи,
сарафаны, бѣлыя палатки, лошади, повозки...

Все слѣшило, шумѣло, суетилось.

И въ этомъ морѣ непрерывно движущихся картинъ, ярко
залитомъ лучами солнца, ни одна тѣнь, ни одинъ звукъ не
были въ разладѣ съ характеромъ праздника.

Шествіе къ обѣднѣ всѣхъ насъ похоже было на торже-
ство. Мы шли въ волнахъ народа. Петю везъ въ дрожкахъ
на его любимомъ аргамакѣ разрядившійся въ красную шел-
ковую рубаху, въ бархатной черной безрукавкѣ, самъ Ав-
тонъ Федоровичъ, лейбъ-кучеръ.

Обѣдня была торжественна. Пѣли въ два хора. На одномъ
церковники, на другомъ—разные представители Лейкинска-
го управленія, съ мальчиками въ придачу. Оба хора стара-
лись не только затмить, но и заглушить другъ друга. Свя-
щенниковъ было лять. А къ молебну вышло ихъ семь.

Къ причастію первою подошла княгиня. Потомъ Пета.
За нимъ въ смиренномъ платьѣ сестры милосердія робко
подошла Вѣра.

Всѣ взгляды устремлены были на нее. Въ этихъ взгля-
дахъ видѣлась симпатія.

Послѣ таинства, Петя подошелъ къ Вѣрѣ, взялъ ее за
руку, и подвелъ къ матери.

— Проздравляю, моя милая, сказала княгиня.

Вѣра хотѣла взять ея руку.

— Non, pas dans ce costume, послѣ, мой другъ, сказала княгиня.

Петя нѣжно поцѣловалъ мать.

При громкомъ трезвонѣ начался крестный ходъ.

Гдѣ-то раздался лущечный выстрѣлъ. Подняли какой-то флагъ.

Праздникъ былъ во всемъ блескѣ.

Послѣ крестнаго хода все духовенство, всѣ власти, начиная со становаго и кончая волостными старшинами, приглашены были къ большому обѣду.

Посреди стола сѣла княгиня. Напротивъ сѣлъ Петя. Направо отъ нея сидѣла въ бѣломъ платьѣ съ голубыми лентами Вѣра. Я вспомнилъ что почти въ такомъ же нарядѣ я увидѣлъ её въ первый разъ въ Вильнѣ. Она была очаровательно мила.

Послѣ первыхъ тостовъ за княгиню и за князя, Петя всталъ и провозгласилъ тостъ: „за мою невесту, Вѣру Семеновну Кудрявцеву.“

Мы всѣ крикнули ура изо всей мочи.

Я взглянулъ на княгиню. Она весело протянула бокалъ своей будущей невесткѣ.

— Богъ съ вами, vous faites une grosse sottises, сказала она,—живите счастливо.

— А вотъ Господь и безъ насъ устроилъ, сказалъ мнѣ потомъ отецъ Павелъ.

— Да, и васъ въ обиду не далъ, отвѣтилъ я.

— Ужь именно что такъ; мы люди вѣдь маленькіе, даромъ что Великаго Бога служители, сказалъ простодушно и глубокомысленно священникъ.

Послѣ этого обѣда Петя проѣхалъ по ярмаркѣ, гдѣ мальчишки и дѣвчонки встрѣтили его восторженными криками.

Въ шесть часовъ началось киданіе пряниковъ въ народъ. Въ семь часовъ — хороводы. Въ девять часовъ — иллюминація, съ фейерверкомъ, устроенная мѣстнымъ аптекаремъ и Нѣмцемъ управляющимъ, съ вензелемъ и надписью на транспарантѣ:

Многи лѣта молодому князю и его прекрасной невестѣ.

Дѣвки, глядя на эту надпись, громко хохотали, почему — неизвестно, онѣ сами не знали, какъ увѣрили.

Къ ужину подѣхалъ виновникъ нашей радости, докторъ Фустовъ.

— Поздравляю, сказалъ онъ Петѣ,—и желаю больше медикамъ въ лапы не попадать.

Княгиня онъ сказалъ:—Мое почтеніе, съ праздникомъ, ваше сіятельство.

Отъ ужина отказался.

— Нѣтъ, я ужъ лучше пойду къ лопамъ, тамъ веселѣе.

На фразы благодарности княгини онъ сказалъ:

— Бога благодарите, а меня коль порадовать хотите, такъ устройте-ка у себя больничку, ей Богу пора.

Далеко за полночь, когда уже утомленный счастьемъ Петя давно спалъ, длились веселые разливы народнаго праздника.

Вѣра сидѣла на крыльцѣ и прислушивалась къ этимъ веселымъ звукамъ.

— Хорошо, сказалъ я ей.

— Чудесно хорошо, отвѣтила она.

И луна, высвободившись изъ-за могучей ивы, облила мягкимъ и нѣжнымъ свѣтомъ своимъ счастливое лицо дѣвушки.

ЭПИЛОГЪ.

Свадьба была въ іюлѣ, 30го.

Я вернулся къ ней и былъ шаферомъ у Вѣры.

Княгиня уѣхала въ день свадьбы, послѣ вѣнчанія.

У Пети были шаферами два гвардейскихъ кавалериста, двоюродные братья, пріѣхавшіе изъ Красносельскаго лагеря.

— А мы думали было, сказалъ одинъ изъ нихъ по пріѣздѣ, — что ты умеръ; кто-то сказывалъ что ты совсѣмъ плохъ.

Въ ноябрѣ, вечеромъ, когда я вернулъ изъ цирка, гдѣ познакомился съ Петей, я засталъ на столѣ письмо отъ него.

Вотъ что онъ писалъ мнѣ:

„Я счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человекъ, и счастливъ тѣмъ что не я одинъ, а мы счастливы!“

Вѣра беременна. Мы открыли школу. Къ святкамъ хотимъ открыть больницу. Богъ дастъ въ будущемъ году откроемъ особенное отдѣленіе для дѣтей. Оно страшно нужно. Какое счастье понимать что нужно для пользы людей. Не жить для другихъ кажется мнѣ не жить. Чудакъ Фустовъ часто гоститъ у насъ и видимо насъ полюбилъ и къ намъ привыкъ. Боже, что за прелесть деревня!“

На другой день я былъ въ одной гостиной большаго свѣта въ Петербургѣ.

Заговорили о Петѣ.

— On dit qu'il a épousé Dieu sait qui, ce pauvre garçon, сказала одна дама.

— Oui, отвѣтила другая, со вздохомъ,—on dit même une sidiaka.

— C'est affreux.

.....

Да, подумалъ я, именно *Dieu sait qui*; Богъ зналъ какъ и кого дать бѣдному Петѣ въ жены. Онъ взялъ святую и чистую душу тамъ, гдѣ она нашлась близко отъ Пети....

Впрочемъ, въ утѣшеніе этихъ дамъ, слѣшу заявить что когда была свадьба, я изъ документовъ Вѣры узналъ что она дочь помѣщика Ярославской губерніи, отставнаго моряка Севастопольца.

Не довольно ли этихъ титуловъ pour faire pardonner князю Скуратову бракъ съ Вѣрой Кудрявцевой....

Какъ бы то ни было, но всякій разъ когда я бываю въ циркѣ, я говорю себѣ: теперь я понимаю, почему я познакомился съ Петей Скуратовымъ и почему я опоздалъ въ Вильнѣ на поѣздъ.

КНЯЗЬ В. МЕЩЕРСКИЙ.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ*

XI.

Побѣда при Кагултѣ заключила собою почти всю кампанію 1770. До нея непріятель надѣялся, и даже былъ убѣжденъ въ успѣшномъ исходѣ для него войны, ибо предшествовавшія проигранныя сраженія носили характеръ частныхъ пораженій, перенесенныхъ Татарами, худшими войсками; но пораженіе самого визиря убило окончательно энергію непріятеля. Визирь утѣшался великодушіемъ побѣдителя и, какъ истый фаталистъ, приписывалъ все волю судебъ.... Въ послѣдствіи одинъ захваченный въ лѣвыя Грекъ, Рензыевъ, бывший въ близкихъ сношеніяхъ съ лашами и важными Турками, разказывалъ что онъ самъ видѣлъ какъ послѣ пораженія при Кагултѣ визирь Халиль-паша горько плакалъ, приписывая все гнѣву Аллаха на народъ Турецкій, потому что „одинъ Русскій гонить сто Турокъ, робкихъ и нигдѣ не умѣющихъ стоять.“ Великодушіе русскихъ побѣдителей сдѣлалось вскорѣ извѣстно въ самомъ Константинополѣ, гдѣ насъ считали, по разказамъ, ужасными варварами, а теперь уже стали говорить, что не желаютъ больше воевать и считать врагами такихъ

* См. *Русск. Вѣстн.* № 4 и 7й.

людей, которые послѣ побѣды могли ихъ истребить, но на-
противъ оказали такое великодушіе.

Съ этихъ поръ задача Турокъ уже ограничилась защитой
своихъ приданайскихъ крѣпостей, между тѣмъ какъ намъ,
напротивъ, открывалась возможность перенести войну за
Дунай. Графъ Румянцевъ двинулъ большую часть своей
арміи къ берегамъ великой славянской рѣки и разными
отдѣльными отрядами поручилъ овладѣніе крѣпостями и
городами Турокъ на лѣвомъ берегу. За дивизія, въ составъ
коей входилъ Кабардинскій полкъ, была назначена на ниж-
нее теченіе. Дивизія эта, сначала подъ командой князя Рел-
нина, а послѣ генерала Вейсмана, совершила много такихъ
геройскихъ подвиговъ что они составляютъ украшеніе на-
шихъ военныхъ дѣлосей. Весьма видными дѣятелями на
этомъ театрѣ войны были: бригадиръ Игельстромъ бывшій
и полковникъ Кличка настоящій (1770—74) командиръ Ка-
бардинскаго полка. Какъ только предстояло какое-нибудь
особое отважное предпріятіе, колонны поручались, какъ
прежнимъ главнокомандующимъ княземъ Голицынымъ, такъ
и графомъ Румянцевымъ, нѣсколькимъ лицамъ, приобрѣ-
вшимъ особую извѣстность боевыхъ офицеровъ, и въ числѣ
ихъ всякій разъ встрѣчаются имена Игельстрема и Клички.

26го іюля 1770 былъ занятъ Измаилъ почти безо вся-
кой потери, ибо нельзя же считать потерей 21 человекъ
убитыхъ и раненыхъ, когда непріятель при одномъ преслѣ-
дованіи потерялъ 927 человекъ лѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣ-
сколько лашей и до 1.000 убитыхъ. Взято 37 орудій, множе-
ство всякихъ запасовъ, снарядовъ и проч. Такъ что въ те-
ченіе пяти дней, съ 21го іюля, непріятель потерялъ 205 ору-
дій. Въ числѣ отличившихся показаны: Кабардинскаго пол-
ка капитанъ Гартонгъ, поручики князь Прозоровскій и
Пострѣловъ, произведенные графомъ Румянцевымъ въ слѣ-
дующіе чины.

Отсюда перешли ко взятію Килиі, причемъ встрѣтились
уже гораздо большія препятствія и упорное сопротивленіе.
На нашу усиленную канонаду Турки отвѣчали мѣткимъ
огнемъ изъ многочисленныхъ орудій; дѣлали сильныя вы-
лазки и вообще дѣйствовали мужественно. Наконецъ 19го
августа Турки рѣшились сдать крѣпость, съ тѣмъ чтобы
гарнизонъ имѣлъ свободный выходъ съ оружіемъ и всеми
ложитками, а артиллерія и всѣ военные запасы остаются

Русскимъ. На этихъ условіяхъ пала Килія и 21го августа ключи ея были поднесены князю Репнину. Намъ достались 68 мортиръ, 23 пушки, масса ядеръ, пороху и пр. Кабардинцы имѣли двухъ офицеровъ и 10 рядовыхъ ранеными.

Эти постоянныя неудачи и потери вызвали среди янычаръ возмущеніе; они овладѣли Магометовымъ знаменемъ и хотѣли двинуться въ Константинополь для сверженія султана съ престола. Кое-какъ удалось убѣдить бунтовщиковъ не оставлять арміи, ибо безъ нихъ Русскіе тоже прямо пойдутъ въ Константинополь и овладѣютъ всѣмъ государствомъ. Однако они требовали чтобы во что бы то ни было заключили миръ, такъ какъ войну эту считаютъ несправедливою и противною волѣ Божіей; а затѣмъ принять Русскихъ за лучшихъ друзей Порты. Съ этимъ отправили въ Стамбулъ казначея Руцнамъ-лашу, и тамъ былъ собранъ совѣтъ изъ полутора тысячъ человѣкъ разныхъ членовъ Дивана, которые единодушно требовали мира. Одинъ султанъ противился, доказывая что миръ при такихъ условіяхъ былъ бы безчестіемъ. Нѣкоторые стали его поддерживать, поднялся крикъ, раздались угрозы и въ концѣ султанъ, удаливъ нѣкоторыхъ членовъ, не допустилъ восторжествовать партіи мира.

По занятіи Киліи и приведеніи ея въ оборонительное состояніе, вниманіе наше было обращено на Аккерманъ. После рекогносцировки, произведенной майоромъ Кабардинскаго полка Ферзеномъ, туда былъ отправленъ бригадиръ Игельстромъ съ отрядомъ. Не взирая на значительность укрѣпленій, дававшихъ возможность упорной защиты, рѣшительный бригадиръ приступилъ къ энергическимъ дѣйствіямъ. 15го сентября открыли сильную бомбардировку, затѣмъ потребовали сдачи; но Турки убили парламентаря. Видя упорную защиту, Игельстромъ заложилъ въ восьми саженьяхъ отъ контръ-эскарпа салу. Въ это время были взяты Бендеры, и главнокомандующій второю арміей графъ Павицъ отбѣдилъ отъ своихъ войскъ въ подкрѣпленіе Игельстрома 5 баталіоновъ и 10 орудій. Когда подкопы къ крѣпости стали уже близиться, а Турки убѣдились окончательно въ паденіи Бендеръ, они 28го сентября сдали Аккерманъ на такихъ же условіяхъ какъ Килію. Потеря наша во время осады заключалась изъ 23 убитыхъ—въ томъ числѣ Кабардинскаго полка капитанъ Долгово-Сабуровъ—и 109 ра-

мѣныхъ. Орудій взято 40 и большое число снарядовъ. Въ городѣ былъ введенъ Кабардинскій полкъ. Во всѣхъ прописанныхъ дѣлахъ полкъ принималъ самое выдающееся, дѣятельное участіе, и полковой командиръ Кличка былъ отправленъ въ Петербургъ для поднесенія Императрицѣ ключей города Аккермана и словеснаго доклада подробностей дѣлъ. Въ донесеніи своемъ Румянцевъ выразился что „противники наши познали чрезъ кровь свою, что ихъ спасеніе есть локоряться, а не противиться мечу русскому.“

Между тѣмъ началось вмѣшательство дипломатіи. Австрія и Пруссія приступили къ посредничеству, но Англія всѣми мѣрами старалась этому препятствовать, желая чтобъ ее избрали въ посредники. Порта не поддавалась убѣжденіямъ приступить къ мирнымъ переговорамъ и все еще надѣялась увлечь Австрію въ войну съ Россіей. Для этого Рейс-эфенди придумалъ новое средство соблазнить ее. Онъ по секрету сообщилъ австрійскому посланнику слѣдующую мысль: если Русскіе будутъ выгнаны изъ Польши, то отъ воли Австріи будетъ зависѣть или возвести на Польскій престолъ короля по своему выбору, или *раздѣлить съ Турціей владѣнія Польши*. Истина этого факта не подлежитъ сомнѣнію и приведенный текстъ находится въ шифрованной делетѣ Тугута, отъ 24го марта 1770, хранящейся въ Вѣнскомъ архивѣ государственныхъ дѣлъ.

Выходитъ что Турціи принадлежитъ первая мысль о раздѣлѣ Польши, такъ много разчитывавшей на помощь Порты! Впрочемъ сами Поляки, предложившіе Туркамъ въ видъ вознагражденія за объявленіе Россіи войны Подолію и Волынь, дали поводъ Портѣ къ такимъ мыслямъ.

Австрія отклонила это предложеніе подъ предлогомъ что еще не настало время привести въ исполненіе такой обширный планъ, долженствующій вызвать большое пролитіе крови.

Переписка возникшая у графа Румянцева съ великимъ визиремъ насчетъ возможности приступить къ мирнымъ переговорамъ тоже кончилась ничѣмъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ сдѣланъ поискъ къ Тульчѣ, въ которомъ главную роль игралъ егерскій баталіонъ Кабардинскаго полка майора Мекноба. Всѣхъ людей у него было 350 человекъ. Не взирая на сильно укрѣпленный Тульчинскій замокъ и расположенный вблизи лагерь, храбрый

Мекнобъ раздѣлялъ свой баталіонъ на двѣ колонны по 100 человѣкъ, съ 50 человѣкъ въ резервѣ каждой; остальные 50 егерей оставлены для прикрытія судовъ, на которыхъ отрядъ приплылъ въ Тульчу. Геройская атака была поведена такъ внезапно и стремительно, егеря съ такою отвагой послѣдовали за своими офицерами, Вульфомъ, Марковниковымъ и Сокинымъ (всѣ кабардинцы), что Турки ошеломленные едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ и бѣжали, оставивъ намъ весь лагерь и 13 орудій! Ихъ было до 1.500 человѣкъ. Нашъ уронъ заключался въ 23 раненыхъ. По благополучномъ возвращеніи въ Измаиль, графъ Румянцевъ произвелъ всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю на человѣка.

Послѣ этого войска овладѣли наконецъ еще и Браиловымъ, весьма упорно защищавшимся и отбившимъ предъ тѣмъ съ громадными у насъ потерями штурмъ генерала Глѣбова. Затѣмъ армія расположилась на зимнія квартиры, занявъ Яссы и Букурештъ. Кабардинскій полкъ остался въ Аккерманѣ. Смертность въ войскахъ была однако чрезвычайная. Такъ, въ вѣдомости представленной полкомъ въ январѣ 1772 года значится что въ ноябрѣ и декабрѣ умерло: отъ ранъ 5 рядовыхъ и 1 рекрутъ, а отъ болѣзней 15 унтеръ-офицеровъ, 171 рядовыхъ, 130 рекрутъ и 46 нестроевыхъ. Пропорція страшная, если вспомнить что весь полкъ, за исключеніемъ двухъ ротъ оставшихся въ Польшѣ для прикрытія магазиновъ, состоялъ изъ восьми ротъ, менѣе ста человѣкъ въ каждой. Въ добавокъ къ этой смертности и побѣги были тогда сильно распространены. Въ той же вѣдомости показаны бѣжавшими: 1 унтеръ-офицеръ, 22 рядовыхъ, 5 рекрутъ и 7 нестроевыхъ, а нужно замѣтить что Кабардинскій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ которые числомъ дезертировъ вовсе не выдавались изъ ряда другихъ, напротивъ, были полки постоянно отличавшіеся огромными цифрами въ графѣ о бѣглыхъ. Рядомъ съ этими цифрами ежедневно доносилось объ обратнo лойманныхъ изъ бѣговъ, и всякій разъ отъ 7—10—15 человѣкъ подвергавшихся жестокому наказанію шпидрутинами отъ трехъ до шести, даже до восьми тысячъ ударовъ! (просто не вѣроятно.) Сколько времени нужно было чтобы придти къ убѣжденію что нравственность войска зависитъ не отъ шпидрутиновъ! Теперь, когда солдату не грозитъ жестокость наказа-

нія, побѣгъ сталъ рѣдкостью, ибо сознаніе постыдности поступка, короткій срокъ предстоящей службы и человѣческое обращеніе удерживаютъ солдата въ предѣлахъ своего долга. Но достойно вниманія что тѣ же войска, изъ среды коихъ ежедневно дезертировали десятками не только рядовые, но даже и сержанты, когда доходило до встрѣчи съ непріятелемъ, вели себя геройски и побуждали, будучи всегда малочисленнѣе противника! Чего же можно ждать теперь, когда врожденныя свойства выносливости, покорности, смѣлки, презрѣнія къ смерти, геройской отваги остались, а кабала, шпицрутены, нищенское содержаніе исчезли и замѣнены совершенно противоположными порядками?.. Не въ правѣ ли мы ожидать отъ нынѣшнихъ солдатъ подвиговъ, не уступающихъ героямъ Кагула? И не доказали ли они уже этого въ послѣдніе два переходомъ черезъ Дунай и Балканы, взятіемъ Ардагана? Вотъ слова Румянцева въ донесеніи Екатеринѣ о Кагульской битвѣ: «да позволено будетъ настоящее дѣйствіе улодобить дѣламъ древнихъ Римлянъ, въ чемъ ваше величество мнѣ имъ подражать велѣли. Такъ и армія ваша теперь поступаетъ, что не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, но ищетъ только гдѣ онъ.»

Зима съ 1770 на 71 годъ прошла въ безпрестанныхъ обходныхъ поискахъ или набѣгахъ и стычкахъ. То Турки переправлялись черезъ Дунай, нападали на Валахскія села, угоняли скотъ и преслѣдуемые казаками уходили болѣе или менѣе удачно: то мы небольшими отрядами внезапно атаковывали турецкія укрѣпленія и лагери большею частью съ успѣхомъ, благодаря неожиданности, быстротѣ и отвагѣ. Здѣсь не мѣсто разказывать о всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ, потому, во первыхъ, что это вышло бы далеко за предѣлы журнальной статьи, во вторыхъ, какъ я уже упоминалъ—держусь специальнѣе всего касающагося Кабардинскаго полка, и потому подробнѣе говорю о дѣйствіяхъ въ которыхъ онъ участвовалъ; третьихъ, интересующіеся подробною исторіей войны 1769—75 года могутъ обратиться къ весьма обстоятельному сочиненію полковника Петрова въ 5 т., изд. 1866 и 1874 годовъ.

Лѣвое крыло арміи составляло корпусъ генерала Вейсмана, сосредоточенный въ вершинѣ Ялуха и наблюдавшій теченіе Дуная отъ Прута до Чернаго Моря. Кабардинскій полкъ, какъ уже сказано, занималъ Аккерманъ.

Генералъ Вейсманъ былъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ арміи которые занимаютъ выдающееся положеніе; еще въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, онъ, подобно Игельстрому, Гудовичу, Кречетникову, назначался всегда на самыя важнѣйшія, оласнѣйшія предпріятія. Графъ Румянцевъ особенно уважалъ Вейсмана и за его энергическій образъ дѣйствій, и за его соображенія, всегда совпадавшія съ предположеніями самого фельдмаршала. Съ своей стороны Вейсманъ также точно относился къ командиру Кабардинскаго полка Кличкѣ: какъ только предполагалось какое-нибудь смѣлое движеніе, какой-нибудь поискъ, требовавшіе и быстроты соображенія, и энергическаго дѣйствія и отваги, — тотчасъ назначался начальникомъ такой экспедиціи полковникъ Кличка. Само собою, такое положеніе командира не могло не отражаться во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнѣйшимъ образомъ на самомъ полкѣ; первенствующая роль въ лихихъ военныхъ предпріятіяхъ всегда дѣйствуетъ чрезвычайнымъ ободряющимъ образомъ не только на офицеровъ, но даже на солдатъ; является увѣренность въ превосходствѣ, въ отличаемости, люди начинаютъ съ нѣкоторою гордостью считать себя какъ бы выше другихъ. Нѣсколько лѣтъ такого положенія достаточны чтобы полкъ, особенно офицерскій кружокъ, уже усвоилъ себѣ извѣстную нравственную физіономію и репутацію среди прочихъ войскъ. Кто изъ служившихъ въ военное время не помнитъ съ какою завистью, съ какимъ ропотомъ на свою судьбу передавались новости, что вотъ-де такой-то полкъ ходилъ въ набѣгъ, совершилъ такой-то подвигъ или вообще молодецкое дѣло, отличился, будетъ награжденъ; а мы стоимъ тутъ въ лагерѣ, караулъ обозы и т. п. Каково же, когда это повторяется постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду и всѣ разказы связываются все съ тѣмъ же именемъ? Невольно образуется убѣжденіе въ отличныхъ качествахъ этого непрерывно-уломинаемаго лица или все равно полка, собственное убѣжденіе подкрѣпляется чужимъ, молва распространяется, послѣдующія дѣла поддерживаютъ пріобрѣтенную извѣстность, и вотъ создана слава, передающаяся уже и исторіей, и устными преданіями. Такой-то жребій и выпалъ на долю Кабардинскаго полка.

Изъ предшествовавшихъ главъ читатель могъ видѣть что для подробнаго обозначенія роли Кабардинскаго полка въ Персіи и Дагестанѣ, въ первый періодъ его существованія,

за тѣмъ въ Крыму съ графомъ Ласси, никакихъ источниковъ и данныхъ не имѣется. Еще менѣе таковыхъ для эпохи Шведской войны 1741—1743 и Семилѣтней войны, въ которыхъ самое участіе полка было, такъ-сказать, пассивное. Я поэтому имѣю полное основаніе заключить что извѣстность Кабардинскаго полка, какъ выдающейся боевой единицы, началась только съ кампаніи противъ Турокъ 1769 года и съ назначеніемъ командиромъ полковника Франца Клички, служившаго до того въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку. Кромѣ приведенныхъ выше дѣйствій его съ полкомъ, ниже будутъ разказаны еще нѣсколько блистательно совершенныхъ имъ экспедицій, замѣчательныхъ и по своей смѣлости, и еще болѣе по чрезвычайной военной распорядительности Клички. Такимъ образомъ ему, хоть иностранцу, но Славянину, владѣвшему къ тому же и писменно русскимъ языкомъ (судя по формуляру), полкъ обязанъ заложениемъ фундамента его вѣковой славы и всѣмъ дорожающимъ этою славою по справедливости сѣдуетъ сохранить въ памяти и произносить съ уваженіемъ имя полковника Франца Клички.

Съ наступленіемъ весенняго времени 1771 графъ Румянцевъ предположилъ развить въ болѣшихъ размѣрахъ набѣги за Дунай, считая это лучшимъ средствомъ для пресѣченія непріятельскихъ поусковъ. Съ этою цѣлью были употреблены усиленные мѣры къ созданію Дунайской флотиліи, давшей возможность отправлять за рѣку болѣе значительные отряды.

Первый серіозный поискъ былъ порученъ генералу Вейсману противъ Тульчи. 24го марта отрядъ нашъ, состоявшій всего изъ 720 пѣхотинцевъ и 30 артиллеристовъ безъ орудій, овладѣлъ всѣми Тульчинскими батареями, сильно защищаемою мечетью и разбилъ довольно упорно оборонявшихся Турокъ, бѣжавшихъ къ Бабадагу. Дѣло просто изумительное, если вспомнить что Турокъ было до пяти тысячъ, въ томъ числѣ половина конницы, что у нихъ было двадцать девять пушекъ, а у насъ ни одной, что они владѣли укрѣпленными закрытіями и ежеминутно могли ждать подкрѣпленій, которыя дѣйствительно и прибыли тотчасъ послѣ окончанія дѣла и когда нашъ отрядъ совершилъ уже отступленіе внѣ круга опасности. Изъ взятыхъ двадцати девяти пушекъ только четыре мѣдныя увезены были нами, осталь-

ныя заклепаны, восемь большихъ судовъ были сожжены, а на пятнадцать меньшихъ были посажены семейства Грековъ и Молдаванъ, изъявившихъ желаніе переехать въ Измаилъ; взято кромѣ того шесть знаменъ и 50 латинныхъ. Наша же потеря заключалась въ 18 убитыхъ и 78 раненыхъ, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка капитанъ Нолькенъ, вскорѣ отъ раны умершій. Судя по многимъ доведеніямъ, это былъ отличный боевой офицеръ, неоднократно посылавшійся съ отдѣльными порученіями.

Графъ Румянцевъ былъ очень доволенъ этимъ дѣломъ и выдавалъ въ награду всѣмъ рядовымъ по 1 рублю, а унтеръ-офицерамъ по 2 рубли.

16го апрѣля былъ произведенъ Вейсманомъ такой же поискъ на Исакчу. Весь отрядъ состоялъ изъ 1.650 человекъ при двухъ легкихъ орудіяхъ, и не взирая на 6.000 турецкихъ защитниковъ и 51 пушку, Исакча была взята со всею ея артиллеріей, всѣми судами и громадными запасами хлѣба, разныхъ корабельныхъ и военныхъ принадлежностей и проч. Не имѣя возможности увезти все съ собой, пришлось большую часть добычи уничтожить; а о размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: до 30.000 четвертей разнаго хлѣба, 2.400 палатокъ, 3.000 сажень корабельнаго каната и т. п.; убитыхъ непріятель оставилъ до 400 человекъ, въ плѣнъ взято 86, кромѣ множества разныхъ работавшихъ у Турокъ на укрѣпленіяхъ Армякъ и Болгаръ. Наша потеря состояла изъ 14 убитыхъ, 6 офицеровъ и 83 раненыхъ солдатъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ совершенъ былъ вторичный поискъ къ Тульчѣ, для удержанія этимъ способомъ Турокъ отъ приготовления ими переправы въ верхней части Дуная на расположенный въ Валахіи слабый корпусъ князя Репкина. Въ этотъ разъ генералу Вейсману пришлось преодолѣть немощныя прелестствія и упорѣйшую защиту укрѣпленій Тульчи. Была минута когда двинувшіеся на штурмъ солдаты замялись, осылаемые градомъ пуль. Храбрый генералъ первый бросился въ двухсаженный глубокій крѣпостной ровъ, за нимъ баталіонный командиръ, и этотъ примѣръ увлекъ людей, приставившихъ лѣстницы и по нимъ взобравшихся къ амбразурамъ.... Замокъ съ 23 пушками былъ взятъ, до 300 человекъ защитниковъ переколото. Вообще въ этотъ разъ и трофеи были гораздо значительнѣе, и результатъ

важѣе; но за то и потеря наша простиралась до 67 убитыхъ и 300 раненыхъ. Пораженіе Турокъ въ Тульчѣ повергло ихъ въ совершенное отчаяніе и они громко кричали: видно на то воля Божія чтобы народъ нашъ пропалъ. Тутъ было до 15.000 человекъ лучшихъ войскъ, которыхъ визирь приготовлялъ къ набѣгу на Измаилъ. Теперь уже было не до набѣговъ и все вниманіе было обращено на комплектованіе арміи. Каковы были направленныя съ этою цѣлью усилія, можно судить по тому что велѣно было всѣхъ, даже отъ 10 до 15 лѣтъ, способныхъ носить оружіе забирать въ армію.

Черезъ нѣкоторое время генералу Вейсману приказано было сдѣлать нападеніе на бѣжавшихъ въ Турцію нашихъ раскольниковъ Филипповцевъ или Липованъ, поселившихся на правомъ берегу Дуная, при отдаленіи отъ него Георгіевскаго гирла. Походя во всемъ на Русскихъ, они часто обманывали наши передовыя войска, называя себя бѣжавшими изъ плѣна, а между тѣмъ, разузнавъ о нашихъ силахъ, расположеніи и проч., увѣдомляли о томъ Турокъ. Вообще непріятель имѣлъ въ нихъ самыхъ лучшихъ шпионовъ.

Экспедиція противъ этихъ измѣнниковъ своему отечеству была поручена полковнику Кличкѣ. 18го іюля онъ посадилъ въ Измаилъ 800 человекъ и на 26 запорожскихъ лодкахъ пустился внизъ по Дунаю. Въ полдень 19го числа флотилія прибывъ къ устью залива Руцакъ и остановилась скрытою въ камышахъ; затѣмъ въ сумерки отрядъ вступилъ въ третій рукавъ Дуная и сдѣлалъ еще до 70 верстъ. Сильная буря разбросала лодки и Кличка долженъ былъ остановиться для ихъ сбора. Свернувъ послѣ того въ Дунаевецъ, отрядъ на разсвѣтъ 20го числа открылъ два непріятельскихъ лагеря съ батареями въ нѣсколько орудій. Не взирая на открытый по отряду картечный огонь, полковникъ Кличка высадился и построилъ людей для атаки батарей; но Турки не дождались нападенія и сѣвъ на коней усакаали къ Бабадагу. Тогда, оставивъ часть колонны съ майоромъ Кабардинскаго полка Ферзенемъ для прикрытія судовъ и взятыхъ турецкихъ пяти лушекъ, съ другою частью Кличка двинулся къ деревнямъ Филипповцевъ. Большинство успѣло спастись бѣгствомъ, нѣсколько человекъ было переколото, нѣкоторые взяты въ плѣнъ. Оба лагеря, запасъ пороху и нѣсколько скота захвачены въ добычу; деревня Мурыгино и еще другая сожжены; тяжелыя орудія брошены въ воду.

На обратномъ пути отряда противный вѣтеръ замедлилъ движеніе и потому пришлось проходить 21го числа мимо непріятельскаго лагеря у Бештене днемъ. Непріятель занялъ берегъ пѣхотой съ двумя орудіями и огонь ихъ при медленномъ движеніи вверхъ по рѣкѣ могъ быть весьма опасенъ; поэтому Кличка высадивъ баталіоны, атаковалъ и прогналъ противника, занявъ высоту Бештене и приказалъ прочимъ судамъ подъ его прикрытіемъ проходить. Въ это время Турки получили подкрѣпленія и двинулись съ двухъ сторонъ для занятія высоты, на которой стоялъ Кличка съ баталіономъ; но высланные по лощинкамъ стрѣлки мѣткимъ огнемъ заставили Турокъ опять отступитъ; однако со стороны Бабадага показались новыя пѣхотныя подкрѣпленія, и полковникъ Кличка счелъ нужнымъ начать отступленіе къ своимъ лодкамъ. Непріятель со всѣхъ сторонъ кинулся въ атаку, но наши медленно, отражая непріятеля то ружейнымъ огнемъ, то движеніемъ въ штыки, продолжали свое движеніе, а когда непріятель не оставляя преслѣдованія приблизился къ берегу, по немъ открыли огонь изъ нѣсколькихъ орудій, бывшихъ на лодкахъ, что и вынудило его въ свою очередь отступить. Сбѣвъ на суда, отрядъ подвергался еще нѣсколько разъ огню съ береговыхъ батарей и наконецъ 22го іюля возвратился въ Измаилъ. Вся потеря наша заключалась изъ 8 убитыхъ, 4 офицеровъ и 35 раненыхъ солдатъ.

Въ началѣ августа была сдѣлана попытка овладѣть крѣпостью Журжею; но штурмъ былъ неудаченъ и громадныя потери понесены напрасно; однихъ офицеровъ было 17 убито и 81 раненыхъ, а нижнихъ чиновъ до 2000. Въ штурмѣ этомъ Кабардинскій полкъ не принималъ участія, но премьеръ-майоръ Рахмановъ нашего полка показанъ однимъ изъ первыхъ влѣзшихъ съ нѣсколькими гренадерами на брустверъ подъ убійственнымъ огнемъ. Вѣроятно Рахмановъ былъ прикомандированъ къ одному изъ сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ.

Время проходило все въ такихъ же обоюдныхъ поискахъ и внезапныхъ нападеніяхъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ были получены свѣдѣнія что слабому отряду генералъ-поручика Эссена, наблюдавшему верхнее теченіе Дуная и прикрывавшему Валахію, угрожаетъ опасность нападенія значитель-

ныхъ турецкихъ силъ, сосредоточивающихся на Ольтѣ. Чтобы озаботить визиря со стороны Исакчи и отвлечь его вниманіе къ Мачину, графъ Румянцевъ поручилъ генералу Вейсману произвести усиленный поискъ за Дунай. Но результаты этой диверсіи, благодаря военной гениальности Вейсмана, превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, достаточно сказать что Вейсманъ съ 8ю баталіонами при 20 орудіяхъ, 5ю эскадронами гусаръ и 800 казаковъ, не только опять овладѣлъ Тульчею, но рѣшился нанести пораженіе самому визирю, расположенному въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Бабадагомъ съ корпусомъ, силу коего свѣдѣнія опредѣляли между 25 и 40 тысячами человекъ! Раздѣливъ отрядъ на двѣ половины и поручивъ ихъ лучшимъ любимымъ своимъ помощникамъ генералъ-майору Озерову (бригад. команд.) и полковнику Кличкѣ, а въ авангардъ высылаался постоянно заслужившій уже извѣстность егерскій баталіонъ Кабардинскаго полка майоръ Мекнобъ, генералъ Вейсманъ преодолѣлъ всѣ препятствія и прогналъ визиря отъ Бабадага, овладѣвъ всѣмъ его лагеремъ и городомъ. Однихъ пушекъ взято болѣе 60, палатокъ 10000! Кличка, занявшій городъ, забралъ все что можно было, остальное истребилъ, и самъ городъ былъ почти уничтоженъ. Пушки отправлены въ Тульчу частью на обывательскихъ, частью на казачьихъ лошадахъ. Затѣмъ 23го числа Вейсманъ выступилъ къ Исакчѣ. Гарнизонъ, уже знавшій о бѣгствѣ визиря и не имѣвшій надежды на поддержку, рѣшился пробиться къ Мачину. Встрѣченные нашею кавалеріей и авангарднымъ баталіономъ, Турки понесли значительныя потери, однако пробились и бѣжали по Мачинской дорогѣ, не зная что между тѣмъ Мачинъ уже нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ взятъ другимъ отрядомъ генералъ-майора Милорадовича. 24го октября Вейсманъ занялъ Исакчу. Изъ захваченныхъ 80 пушекъ, 23 большихъ сброшены въ Дунай; остальные увезены. Цѣлый день войска были заняты стаскиваніемъ огромныхъ запасовъ и боевыхъ принадлежностей, нагрузили сколько можно было на суда, все остальное бросили въ рѣку; укрѣпленія разруши, замокъ подорвали, городъ обращенъ въ груды пепла.... 26го числа отрядъ пошелъ сухимъ путемъ обратно къ Тульчѣ, а 28го возвратился въ Измаилъ, переселивъ на лѣвый берегъ Дуная до 16 тысячъ душъ. Кромѣ взятыхъ у непріа-

теля 170 пушекъ, 36 разной величины судовъ, знаменъ и пр., понесенныя Турками потери отъ разоренія городовъ, уничтоженія лагерей и громадныхъ запасовъ, по самому скромному исчисленію г. Вейсмана, должны были превышать четыре милліона рублей! Наша потеря за все время этой блистательной экспедиціи заключалась въ 20 убитыхъ и 80 раненыхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ пораженій, ожидать еще какихъ-нибудь наступательныхъ дѣйствій со стороны Турокъ уже нельзя было и потому графъ Румянцевъ расположилъ армию на зимнія квартиры. Кабардинскій полкъ занялъ опять Аккерманъ. 14 офицеровъ полка за отличіе произведены въ слѣдующіе чины.

Какъ велико было число взятыхъ у непріятеля пушекъ, можно судить потому что по представленію графа Румянцева императрица разрѣшила перечеканить всѣ мѣдныя орудія въ монету по образцу и достоинству употреблявшихся въ Польшѣ и Дунайскихъ Княжествахъ, въ которыхъ эта монета только и могла ходить. Въмѣсто герба, на одной сторонѣ изображалась голова быка, въ овальной рамкѣ, съ короной подъ рамкой; на другой сторонѣ надписи цѣны въ 1 или 3 деньги. Баронъ Гартенбергъ, взявшій на себя чеканку этой монеты, обязался платить въ казну по 7 р. 50 к. за каждый лудъ мѣди и по 60.000 руб. отъ полумилліона слѣланной монеты.

1771 годъ заключился, кромѣ описанныхъ дѣйствій, еще покореніемъ Крыма княземъ Долгорукимъ. Все это вывело наконецъ султана Мустафу III искать примиренія съ Россіей.

XII.

Весь 1772 годъ прошелъ въ переговорахъ съ Турціей о мирѣ и военныя дѣйствія на Дунаѣ проявлялись только въ теченіи зимы, да и то были совершенно незначительны, ограничиваясь стычками небольшихъ партій.

Сношенія графа Румянцева съ визиремъ начались еще въ 1770 году, но не повели ни къ чему. Императрица Екатерина первымъ желаніемъ, предварительнаго трактованія о мирѣ, ставила немедленное освобожденіе посланника Обрѣзкова

со свитой. Порты же не рѣшалась на это на томъ основаніи будто бы что войска турецкія, увидя свободнымъ русскаго посла, подумаютъ что уже заключенъ миръ и разойдутся по домамъ (?!). Отвѣты султана были проникнуты такою неопредѣленностью, которая обыкновенно служитъ признакомъ нежеланія говорить о дѣлѣ прямо, обнаруживаетъ заднія мысли или постороннія вліянія, заставляющія колебаться. Иначе и быть не могло: султанъ былъ жертвой происковъ иностранныхъ агентовъ при его дворѣ, которые убѣждали его что миръ съ Россіей безъ посредничества другихъ державъ будетъ очень тягостнымъ для Турціи. Для поддержанія такого убѣжденія употреблялись всѣ усилія, причемъ главную роль играли ложь, клевета, интриги и пр. атрибуты той политической системы которая основывается на извѣстномъ принципѣ: всѣ средства хороши, когда ведутъ къ цѣли.

Французскій посланникъ въ Константинополь увѣрялъ что въ Россіи рѣшительный недостатокъ денегъ, за то масса заговоровъ и волненій. Австрійскій резидентъ подстрекалъ Порту предпринять четвертую кампанію, или по крайней мѣрѣ показывать къ тому готовность, чтобы смутить Россію и вынудить у нея уступки. Султанъ, хотя и желалъ уже мира, но долженъ былъ внимать этимъ совѣтамъ, боясь въ случаѣ заключенія постыднаго мира, за свою жизнь или по меньшей мѣрѣ за престолъ.

Австріи не нравилось занятіе Русскими Молдавіи и Валахіи. Кауницъ, этотъ отецъ дипломатической казуистики, далъ понять что переходъ Русскихъ черезъ Дунай *озаботитъ* Австрію и можетъ породить важныя послѣдствія. Пруссія, наконецъ, преслѣдовавшая свои виды на Польшу, которыхъ нельзя было осуществить, еслибы Россія заключила миръ съ Турціей не касаясь польскихъ дѣлъ, тоже работала въ Стамбулѣ такъ, чтобы безъ ея и австрійскаго посредничества не могло обойтись; такъ что султанъ рѣшительно объявилъ о нежеланіи вступать въ переговоры безъ посредства иностранныхъ державъ. Онъ надѣялся на помощь Австріи и Франціи, обѣщавшихъ ему, въ случаѣ крайности, свою помощь. *

* Если замѣнить слово „Франція“ словомъ „Англія“, то можно подумать что все это происходитъ ста годами позже.. Нужно

Въ Петербургѣ мѣнія раздѣлились. Управлявшій иностранными дѣлами, графъ Павиъ, находилъ возможнымъ вступить въ переговоры при посредствѣ Австріи и Пруссіи. Графъ же Григорій Орловъ, оба Чернышевы и вице-канцлеръ князь Гагаринъ энергически возстали не только противъ иностраннаго посредничества, но и противъ заявленія готовности со стороны Россіи приступить къ переговорамъ; они настаивали что честь Россіи требуетъ продолженія войны до тѣхъ поръ пока Турція сама не попроситъ мира. Между тѣмъ былъ составленъ проектъ условій, на которыхъ Россія могла заключить миръ. Требовалась уступка Кабарды; возвращеніе Азова со всеми землями до Берды; независимость Крымскихъ Татаръ; оставленіе Грузинскимъ владѣтелямъ ихъ земель и городовъ, русскимъ оружіемъ имъ возвращенныхъ; полная амнистія христіанамъ и магометанамъ участвовавшимъ въ войнѣ и предоставленіе имъ свободы религіи. Военное вознагражденіе въ 25 милліоновъ рублей, а до уплаты этой суммы—занятіе Молдавіи и Валахіи, съ тѣмъ чтобы ежегодно доходами ихъ пополнять одинъ милліонъ въ счетъ контрибуціи, такимъ образомъ провинціи могли оставаться въ нашихъ рукахъ 25 лѣтъ, съ обязательствами не производить тамъ никакихъ перемѣнъ, а по полученіи слѣдуемой суммы тотчасъ очистить. Наконецъ для развитія нашей морской торговли, требовали престоавленіе русскому флоту всѣхъ правъ и привилегій какія даны другимъ державамъ и полную свободу плаванія русскихъ кораблей по Черному и Средиземному морямъ, съ уступкой на послѣднемъ какого-либо острова.

Пруссскій король, получивъ эти условія, отказался предложить ихъ Турціи и Австріи, которая ни въ какомъ случаѣ не согласится допустить занятія Дунайскихъ Княжествъ и готова будетъ даже объявить Россіи войну. Сама же Австрія въ это время придвигала войска къ границамъ и со стороны Княжествъ и со стороны Польши, а съ Турціей за-

отдать дипломатіи справедливость, что она весьма консервативна, и усовершенствованій, нововведеній очевидно не любитъ: все тѣ же приемы, что Кауница, что Меттерниха, что Бауль-Шауенштейнъ или Андраши и Дизраели — внимательство тѣмъ или другимъ путемъ, лишь бы вредить намъ и поддерживать турецкое владычество на Балканахъ.

ключила секретный договоръ, по коему гарантировала ей возвращеніе всѣхъ земель занятыхъ русскими войсками въ эту войну, для достиженія каковой цѣли Австрія принимала вооруженное положеніе и въ случаѣ надобности готова была объявить намъ войну. За это Турція должна была заплатить Австріи 24 милліона гульденовъ и отдать часть Валахіи до праваго берега рѣки Оалты. Кромѣ того Австрія завязала еще секретныя сношенія съ Франціей и Пруссіей, стараясь привлечь ихъ для совмѣстныхъ дѣйствій.

Я не буду сдѣлать за давящими перипетіями этой дипломатической кампаніи, включившей въ кругъ своихъ дѣйствій еще важнѣйшій вопросъ—о первомъ раздѣлѣ Польши, причемъ пущены были въ ходъ всѣ возможные макиавелизмы, чтобъ увѣрить всю Европу, будто бы первая мысль и главная вина въ этомъ на сторонѣ Екатерины, между тѣмъ какъ мысль зародилась въ Турціи, была подхвачена и съ крайнею настойчивостью поддержана въ Берлинѣ, да и въ Вѣнѣ принята съ большимъ удовольствіемъ, прикрытымъ слезами сожалѣнія... Кстату сказать, первый приступъ же и сдѣланъ былъ Австріей, заявившей безо всякаго повода польское герцогство Цилісъ. Обо всемъ этомъ любознательные читатели могутъ найти много специальныхъ историческихъ указаній, и въ названной уже выше исторіи г. Петрова. Я же возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ и исключительно тѣмъ въ которыхъ участвовали герои моего разказа—Кабардинскій полкъ.

Остатокъ 1772 года прошелъ въ переговорахъ о перемиріи, затѣмъ о мирѣ. Сначала въ Журжѣ, потомъ въ Фокшанахъ, наконецъ въ Букурештѣ изошрались представители воюющихъ и посредствующихъ державъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ и подвигахъ, не вѣря одинъ другому ни на полслова... Возникали несогласія, перемиріе прекращалось, возобновлялись переговоры съ продленіемъ перемирія; однако въ февралѣ 1773 года дѣло окончательно разстроилось и дипломаты оставили Букурештъ. Съ 15го должны были открыться военныя дѣйствія и императрица указывала графу Румянцеву необходимость тотчасъ открыть кампанію, пользуясь раздробленіемъ турецкихъ войскъ, раслущенныхъ на зиму по домамъ. Но осторожный полководецъ не находилъ возможности открыть дѣйствія ранѣе конца апрѣля

или мая мѣсяца. Во всемъ ощущался въ арміи большой недостатокъ, рекруты еще не прибыли, нѣсколько полковъ отосланныхъ въ Польшу не возвращались, доставка продовольствія чрезвычайно затруднялась, и до возможности имѣть подможный кормъ переправа за Дунай была не исполнима. Румянцевъ полагалъ единственно полезнымъ способомъ дѣйствій—тревожить малыми отрядами Турокъ за Дунаемъ, удерживая ихъ этимъ отъ наступленія въ занятые нами провинціи; при этомъ, зная что такой осторожный образъ дѣйствій не могъ нравиться въ Петербургѣ, онъ присовокуплялъ, что: „я не имѣю и въ лучшемъ вѣкѣ большихъ способностей и искусства, нынѣ ежели не отъ долговременныхъ трудовъ, но отъ частыхъ припадковъ чувствую оскуднѣніе въ силахъ и не могу имѣть довольной довѣренности къ своимъ средствамъ и мѣроположеніямъ“....

До полученія окончательныхъ разрѣшеній изъ Петербурга, Румянцевъ открылъ въ мартѣ мѣсяцѣ дѣйствія по своей системѣ и приказалъ отдѣльнымъ отрядамъ тревожить непріятеля за Дунаемъ. Когда же отъ императрицы было получено настояніе о немедленномъ перенесеніи оружія за Дунай, чего графъ Румянцевъ, въ виду усилившейся въ войскахъ болѣзненности отъ цинги, непрібытія подкрѣпленій и совершеннаго отсутствія фуража и подможнаго корма, исполнить не могъ, онъ потребовалъ отъ главныхъ начальниковъ арміи ихъ мнѣнія, чтобы не брать на себя одного отвѣтственности за уклоненіе отъ исполненія воли императрицы. Всѣ поступившія вслѣдствіе этого заявленія командовавшихъ генераловъ, въ томъ числѣ и отважнаго, рѣшительнаго Вейсмана, клонились къ тому что ранѣ половинныя вообще ничего рѣшительнаго за Дунаемъ предпринять невозможно, да и то въ томъ случаѣ если ввѣренные имъ корпусы будутъ значительно усилены.

Въ апрѣлѣ однако набѣги за Дунай приняли болѣе серіозный характеръ и первый рѣшительный поискъ въ Карасу былъ сдѣланъ по приказанію генералу Вейсмана. Для этого, по обыкновенію, онъ избралъ своего любимѣйшаго сотрудника командира Кабардинскаго полка, назначивъ въ его распоряженіе 1.000 человекъ пѣхоты, 1.400 казаковъ и 6 полевыхъ орудій.

Въ ночь на 16е апрѣля полковникъ Кличка высадился на правый берегъ Дуная возлѣ Тульчи. Сбивъ небольшой

авангардъ Турокъ, онъ направился прямо къ Бабадагу и двигался такъ форсировано что, не взирая на многія мѣстныя препятствія и отсутствіе проводниковъ, къ вечеру былъ уже не далѣе 20 верстъ отъ Бабадага, а къ разсвѣту 17го числа явилася подъ этимъ городомъ. Вышедшіе на встрѣчу турецкія войска были сбиты съ позиціи и отступили, уничтоживъ за собою мостъ зарядъе приготовленными горючими матеріалами. Но Кличка распорядился возобновленіемъ моста, что и было исполнено подъ выстрѣлами Турокъ; переправлявшіеся казаки атаковали ихъ и съ значительными уровами обратили въ бѣгство. Отрядъ послѣдовалъ за ними, встрѣчая на пути сабды послѣдшаго отступленія непріятеля въ видѣ брошенныхъ лошадей, разнаго оружія и имущества.

Въ 14 верстахъ отъ Бабадага у моста Чахтай отрядъ ночевалъ, а на другой день совершилъ переходъ 38 верстъ до Ташаула, но настигнуть бѣжавшихъ не успѣлъ. Только посланныя впередъ казачьи партіи привели не мало лѣвннхъ молдаванскихъ семействъ уводимыхъ Турками и разнаго обоза. Забравъ въ Ташаулѣ найденный складъ матеріаловъ для наводки моста, отрядъ 19го апрѣля продолжалъ движеніе къ Карамурату, гоня предъ собою непріятельскія партіи, захватывая десятки лѣвннхъ фуръ, съ разнымъ имуществомъ. По всѣмъ окрестностямъ распространилась паника, многіе Турки являлись съ покорностью и готовностью переселяться за Дунай. Подойдя къ Карасу, у котораго непріятель расположилъ подъ сильнымъ прикрытіемъ цѣлый таборъ уведенныхъ молдаванскихъ семействъ, полковникъ Кличка тотчасъ атаковалъ казаками это прикрытіе и овладѣлъ 330 повозокъ. Бѣжавшій непріятель залерся въ Карурманъ, гдѣ былъ сильно укрѣпленный вооруженный шестью пушками замокъ и большой складъ разныхъ военныхъ припасовъ. Кличка, не давая времени олюмниться объятому страхомъ противнику, окружилъ замокъ и устроилъ двѣ батареи, а между тѣмъ потребовалъ безусловной сдачи; на что Турки послѣ краткаго колебанія и согласились. Забравъ съ собою три пушки и много новаго танцового инструмента, остальные орудія, 20 бочекъ пороку и проч., Кличка приказалъ бросить въ море, замокъ взорвалъ на воздухъ и двинулся обратно къ Тульчѣ. Въ обѣ стороны были разосланы партіи казаковъ, подъ защитой коихъ

многія христіанскія семейства присоединялись къ отряду для свѣдованія на лѣвый берегъ Дуная.

Такимъ образомъ возвратился отрядъ въ Измаилъ, привезъ съ собою однихъ лѣвннхъ Турокъ 3.336 человекъ, много скота и другой добычи. Въ донесеніи своемъ генералу Вейсману объ этой экспедиціи, полковникъ Ключка съ похвалою отзывался о состоявшемъ при немъ волонтерѣ исландскомъ графѣ Делаасказѣ.

Съ половины мая графъ Румянцевъ нашелъ наконецъ возможность начать наступленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и придвинулся съ главными силами отъ Яссы ближе къ Дунаю, а генералъ-майору Вейсману поручилъ совершить за рѣку усиленный поискъ.

Получивъ свѣдѣніе что Турки расположились лагеремъ у Карасу, Вейсманъ 26го мая съ отрядомъ въ 6.500 человекъ при 38 орудіяхъ перешелъ Дунай и остановился у Карамурата, въ 16 верстахъ отъ непріятеля. На другой день отрядъ, обойдя Карасу съ тыла, атаковалъ турецкій лагерь и сильный прикрывавшій его ретраншаментъ, разбилъ непріятеля, обратившагося съ большими потерями въ бѣгство, и овладѣлъ 16 пушками съ значительными запасами. Наша потеря заключалась въ 58 убитыхъ и 121 раненыхъ.

Этотъ удачный поискъ ускорилъ переходъ за Дунай главной арміи. Графъ Румянцевъ по личномъ осмотрѣ мѣстъ переправы выбралъ таковую у Гуробалы; но такъ какъ тутъ былъ расположенъ турецкій отрядъ въ 6.000 человекъ съ 13 пушками, который могъ въ короткое время получить подкрѣпленія, то главнокомандующій нашелъ нужнымъ прежде уничтожить этотъ отрядъ, что и возложилъ на генерала Вейсмана, которому приказалъ изъ Карасу двинуться въ тылъ Гуробальскаго непріятельскаго отряда и атаковать его; для поддержки Вейсмана одновременно направлена часть корпуса генерала Потемкина за Дунай со стороны Силистріи. 7го июня наши войска появились предъ Гуробалой, но непріятель, видя приближеніе Русскихъ съ двухъ сторонъ и готовую къ переправѣ армію Румянцева, посмѣшился удалиться къ Силистріи. Авангардъ Вейсмана настойчиво преслѣдовалъ Турокъ, захватилъ у нихъ 8 пушекъ, весь обозъ съ запасами, 60 лѣвннхъ и пр. Важнѣе всего было что отъ этихъ лѣвннхъ узнали подробности о силахъ непріятельскихъ и ихъ расположеніи на разныхъ пунктахъ; свѣдѣнія эти, о полученіи коихъ графъ Румянцевъ уже давно

напрасно старался, были весьма кстати и послужили указаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

9го и 10го іюня, армія переправилась наконецъ за Дунай и открыла дѣйствія противъ крѣпости Силистріи.

12го разсѣноксировка печально обратилась въ упорное сраженіе, окончившееся разбитіемъ на голову Турокъ, лишившихся 18 орудій, лагеря, обоза и пр. Главная роль въ распоряженіяхъ принадлежала генералу Вейсману, а сильнѣйшія атаки непріятеля пришлось выдержать Кабардинскому егерскому баталіону Мекноба.

На требованіе сдать крѣпость, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, Сераскиръ-паша прислалъ весьма гордый отвѣтъ, извѣщая о своей готовности противиться всѣмъ силамъ русскимъ, которымъ не отдастъ не только крѣпости, но ни единого камня и ни единого гвоздя. Въ доказательство своей силы и рѣшимости паша выслалъ почти половину своихъ войскъ, занявъ окрестные сады, и обилъ наши передовые пикеты.

Соображая дальнѣйшія дѣйствія противъ Силистріи, графъ Румянцевъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости овладѣть однимъ нагорнымъ редутомъ. Нападеніе на него назначено было 18го іюня съ разныхъ сторонъ, но главная атака возложена на генераловъ Потемкина и Вейсмана, колонна коего состояла изъ Кабардинскаго и Ширванскаго полковъ, да гренадерскаго баталіона Блюхера.

18го числа съ разсвѣтомъ, по сигнальной ракетѣ, батареи наши открыли по редуту огонь, а двѣ колонны изъ корпуса Потемкина двинулись въ атаку. Подходя уже близко къ редуту начальникъ одной изъ колоннъ былъ убитъ, войска пришли въ замѣшательство; этимъ воспользовались Турки и выйдя большою массою изъ редута съ обнаженными саблями кинулись на колонну и опрокинули ее; та же участь постигла и другую лѣвую колонну, обратившуюся въ бѣгство и разстроившую тѣмъ резервъ.... Опрокинувъ обѣ колонны, торжествующій непріятель съ громкими, радостными криками вывелъ почти всѣ войска изъ редута и энергически бросился за отбитыми русскими колоннами. Въ это время, стоявшій правѣ генералъ Вейсманъ, увидавъ бѣгство разстроенныхъ нашихъ колоннъ, тотчасъ поручилъ постоянно отличавшемуся своею храбростью и искусствомъ полковнику Кличкѣ поддержать атаку. Тотъ двинулся и, пользуясь

малочисленностью оставшихся въ редутѣ Турокъ, выбилъ ихъ штыками и занявъ укрѣпленіе, овладѣлъ 10 пушками. Кабардинскій же полкъ съ полковникомъ Леонтьевымъ бросился въ атаку въ тылъ непріятеля, пресѣдовавшаго отбитыя въ началѣ штурма колонны. Видя это наступленіе, турецкая конница прекратила пресѣдованіе и, поражаемая сильнымъ огнемъ Кабардинцевъ, бросилась обратно къ своему редуту; но вдругъ была встрѣчена такимъ огнемъ изъ ихъ же орудій что съ громадными потерями совершенно разстроенныя толпы обратились въ бѣгство къ крѣпости.

Послѣ шестичасоваго сраженія редутъ окончательно остался въ нашихъ рукахъ и былъ занятъ отрядомъ генерала Вейсмана. Весь успѣхъ дѣла по справедливости принадлежалъ храброму командиру Кабардинскаго полка и его колоннѣ, состоявшей главнѣйше изъ Кабардинскаго и Ширванскаго полковъ. Потеря нашего полка въ этомъ дѣлѣ была 52 человѣкъ нижнихъ чиновъ и три офицера—капитанъ Горсманъ, подпоручики Семеновъ и Гербель, изъ коихъ первый на третій день отъ раны умеръ.

Въ тотъ же день къ Силистріи подошли значительныя подкрѣпленія Туркамъ и ожидалось на слѣдующій день еще большія. Непріятель могъ вывести тогда изъ крѣпости до 50.000 человѣкъ въ чрезвычайно пересѣченной мѣстности и потому графъ Румянцевъ не счелъ безопаснымъ со своими ограниченными силами оставаться въ занятой позиціи. Только-что взятый редутъ приказано было бросить и колонна Вейсмана соединилась съ войсками Потемкина.

19го числа з. сильнымъ дождемъ никакихъ движеній не производилось, а 20го іюня вся армія отступила пять верстъ назадъ и расположилась за рѣкой Гирацной. По произведенной рекогносцировкѣ оказалось что непріятель въ весьма значительныхъ силахъ расположился на лѣвомъ флангѣ нашей арміи близъ Кючукъ - Кайнарджи, что давало ему возможность угрожать нашему тылу при отступленіи къ переправѣ. Поэтому графъ Румянцевъ, усиливъ корпусъ генерала Вейсмана кавалеріей, отправилъ его противъ турецкой позиціи, съ приказаніемъ постараться обойти прикрытія ея фронта и атаковать; во всякомъ же случаѣ не допускать непріятеля до нашей Гуробальской переправы у Сатунова и на сообщенія ведущія къ ней изъ Силистріи. Самъ же Румянцевъ

со всею арміею, не желая рисковать переправой, 22го іюня отступилъ и остановился въ шести верстахъ отъ оной.

Войска противъ которыхъ направился отрядъ Вейсмана состояли изъ 30 тысячъ человекъ отборнаго турецкаго войска, между коими были какіе-то *Далкылычъ*, давшіе присягу сражаться только саблями. Предводитель ихъ Нуманъ-паша былъ у Турокъ на счету искусѣнншихъ полководцевъ, заявивъ себя удачными дѣйствіями въ Грузіи. Онъ намѣревался выйти на единственный луть сообщенія русской арміи съ Гуробальскою переправой, овладѣть дефилеомъ при устьѣ рѣки Гирлицы и атаковать съ тыла, тогда какъ въ то же время она будетъ съ другой стороны атакована войсками изъ Силистріи, и такимъ образомъ разчитывали на совершенное уничтоженіе нашей арміи, въ каковомъ смыслѣ даю было имъ приказаніе визиремъ, который грозилъ пашамъ гнѣвомъ султана и судомъ Божиимъ, если останется въ живыхъ хоть одинъ человекъ изъ русской арміи... *

Генералъ-майоръ Вейсманъ, проведя ночь у Кюджукъ, съ горойскою неустрашимостью, не обращая вниманія на чрезвычайныя затрудненія мѣстности, прикрывавшія непріятеля, двинулся 22го іюня впередъ. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Клички, находился Кабардинскій полкъ, два гренадерскихъ баталіона и нѣсколько егерей, да казачій полкъ.

Турецкій лагерь при Кючукъ-Кайнарджи находился на крутой возвышенности, вершина коей увѣнчана была прочнымъ ретраншаментомъ, занятымъ всею непріятельскою пѣхотой; многочисленныя рвы и рытвинами прикрывали фронтъ его со стороны наступленія нашего отряда. Сверхъ того, впереди позиціи противника проходило длинное дефиле, занятое конницей. Авангардъ преодолевалъ всѣ мѣстныя препятствія и выбилъ Турокъ изъ дефиле; но при выходѣ изъ

* Въ 1877 году Абдулъ-Керимъ-паша тоже успокоилъ султана послѣ переправы у Сисова, что онъ не выпуститъ живьемъ ни одного Русскаго назадъ за Дунай... Удивительно, какъ Турки и ихъ друзья-покровители сотню лѣтъ повторяютъ все одно и то же и на военномъ, и на дипломатическомъ театрахъ дѣйствій! Все тѣ же интриги чтобы не допустить султана до прямыхъ переговоровъ съ Россіей, тѣ же подвохи и козни во вредъ намъ и дѣлу порабожденныхъ христіанъ, тѣ же залугиванія насъ революціонными кошмарами и пр. и пр.

него былъ встрѣченъ жесточайшимъ огнемъ артиллеріи ретраншаментъ, а затѣмъ отчаянною атакѣю многочисленной непріятельской кавалеріи, окружившею небольшое въ Ключки со всѣхъ сторонъ. Каре пришлось въ разстройствѣ казаки были опрокинуты, и еслибы не отличное дѣйствіе нашей артиллеріи, въ время подкрѣпленіемъ пѣтью орудія изъ главнаго отряда, то авангарду пришлось бы плохо. Въ то же время Вейсманъ съ главными своими силами, то-есть съ шестью баталіонами, пройдя дефиле, построился въ Ключкахъ и двинулся на ретраншаментъ. Скрыты и немъ турецкая пѣхота, въ числѣ 10.000 человекъ, съ замѣчательною храбростію ударила въ сабли на каре Вейсманъ, врываясь во всѣ фасы... Но храбрѣйшій изъ храбрыхъ Вейсманъ, стоявшій не внутри каре, а въ шеренгѣ передняго фланга, подавая гдѣ нужно помощь и возбудить солдаты въ необычайному мужеству. Онъ столько разъ водилъ штыки въ побѣдамъ что довѣріе къ нему въ войскахъ было безпримѣнно. Каре продолжало держаться и отбивать атаки противника, надѣявшихся на свою многочисленность и вѣдущихъ съ необычно имъ дерзостію. Наконецъ противникъ былъ прокнутъ; но это стоило намъ слишкомъ дорого: герой Вейсманъ палъ, сраженный ружейною пулей, пробившею ему грудь въ сердце! Озлобленные смертію любимаго начальника войска съ ожесточеніемъ двинулись на ретраншаментъ въ кругъ котораго засѣла во рвахъ и рытвинахъ турецкая пѣхота. Но это не могло остановить нашихъ войскъ: овладѣвъ ретраншаментомъ, заняли непріятельскій лагерь. Турки бѣжали, преслѣдуемые четырьмя кавалерійскими полками нашими, бывшими въ аріергардѣ. Начальство нашихъ отрядовъ принялъ генералъ-майоръ князь Голицынъ. Потери непріятеля были громадны; весь лагерь съ двадцатью орудіями и канцелярія Нуманъ-паша съ интересными бумагами достались намъ. Съ нашей стороны уронъ относительно былъ не великъ, всего до 170 человекъ, но, какъ сказано, мы лишились героя, стоявшаго цѣлаго кордона. Изъ Кабардинскаго полка убыль ограничивалась 14 солдатами и раненъ былъ храбрый капитанъ Рейникъ. Несмотря на эту побѣду, графъ Румянцевъ не нашелъ однако возможнымъ, ни полезнымъ оставаться за Дунаемъ и 14-го июня началъ обратную переправу; а отрядъ Вейсмана послалъ генералъ-майору Рейзеру, съ тѣмъ чтобы онъ во время

тиаса въ Измаилъ правымъ берегомъ Дуная, совершая по пути поиски и вредя гдѣ можно непріятелю. Такимъ образомъ 5го іюля эта колонна возвратилась въ Бессарабію.

Визирь, въ виду отступленія нашей арміи, тотчасъ рѣшился предпринять одновременное со всѣхъ пунктовъ наступленіе и вторженіе за Дунай. Начало этихъ дѣйствій Турокъ узнанчалося въ некоторымъ частнымъ услѣхами, но графъ Румянцевъ не придавалъ имъ важнаго значенія; онъ подтвердилъ только всѣмъ частнымъ начальникамъ быть въ постоянной готовности ко встрѣчѣ непріятеля. Въмѣстѣ съ тѣмъ графъ составилъ новое росписаніе своей арміи, причемъ лѣвое крыло, въ составъ коего входилъ Кабардинскій полкъ, поручилъ начальству генералъ-поручика Унгерна, возложивъ на него наблюденіе за всею нижнею частью Дуная отъ Прута до Днѣстра и Чернаго Моря, производя мелкіе поиски для тревоженія непріятеля и разузнаванія о его намѣреніяхъ. Генералъ Унгернъ, давъ своимъ войскамъ мѣсячный отдыхъ, принявъ мѣры къ закрытію устьевъ Дуная чтобы воспреятствовать входу непріятельскихъ судовъ изъ Чернаго Моря въ рѣку и обезпечивъ оборону лѣваго берега распредѣленіемъ гарнизоновъ и наблюдательныхъ постовъ, рѣшился предпринять наступательное движеніе къ Бабадагу.

4го августа Унгернъ перешелъ черезъ Дунай у Измаила съ отрядомъ всего около 5.000 человекъ всѣхъ родовъ оружія. 6го числа онъ подошелъ къ Бабадагу, не встрѣчая нигдѣ непріятеля; казаки и гусары были высланы впередъ въ обѣ стороны къ Карасу и Караурману, куда визирь послѣдшилъ отправить сильныя подкрѣпленія.

Въ теченіе августа и сентября отрядъ Унгерна оставался у Бабадага, производя легкими войсками поиски, между коими выдавался нѣкоторымъ значеніемъ одинъ, совершенный 14го сентября, причемъ было взято Кюстенджи и захвачена немалая добыча.

Наконецъ, визирь, весьма недовольный бездѣйствіемъ лаши стоявшаго въ Карасу съ 20.000 корпусомъ, послалъ ему изъ Шумы еще подкрѣпленіе и приказалъ немедленно открыть наступленіе противъ нашего отряда. Но при первой же встрѣчѣ 1го сентября съ нашимъ авангардомъ былъ разбитъ и бѣжалъ. Генералъ Унгернъ перешелъ къ Чехтаю и въ связи съ отрядами генералъ-майора Суворова и князя

Долгорукова долженъ былъ рѣшительно наступить къ Карасу для пораженія сосредоточенныхъ тамъ турецкихъ силъ до 25.000 человекъ. 17го сентября Унгерны и Долгоруковъ двинулись къ Карасу, подойдя къ нему совершенно неожиданно для непріятеля, большая часть коего въ смущеніи пустилась по обыкновенію на утекъ. Преслѣдуемые же латинскіе кавалеріей, Турки потеряли до 800 человекъ однихъ латинскихъ со своимъ лапой, весь лагерь, одиннадцать пушекъ, множество запасовъ и проч. Была потеря ограничилась 4 убитыми и 26 ранеными.

Отсюда отряды наши двинулись къ Базарджикъ, также легко взятому съ двадцатью тремя пушками и большими продовольственными запасами. Турки въ совершенной паникѣ бѣжали при появленіи нашихъ войскъ.

Легкость всѣхъ этихъ побѣдъ и вышешее разстройство непріятеля побудили графа Румянцева поручить расположеннымъ въ Базарджикъ отрядамъ употребить усилія для овладѣнія Варной и особенно Шумлой, гдѣ была главная квартира визиря, но не было почти никакихъ войскъ, дѣйствуя одновременно противъ обѣихъ крѣпостей. При этомъ для обезпеченія тыла нашихъ войскъ со стороны Силистріи Румянцевымъ были приняты особые мѣры.

По произведеннымъ рекогносцировкамъ оказалось, что Варна слабо защищена незначительнымъ гарнизономъ и хотя имѣла сильныя верки, съ прочною каменною оградой, глубокимъ рвомъ и садомъ, но по мнѣнію Унгерна могла быть взята открытою атакѣ; почему онъ и рѣшилъ штурмовать Варну 30го октября.

Раздѣливъ отрядъ на три колонны, Унгерны подступили къ крѣпости и послѣ сильной канонады двинули батальоны на штурмъ. Но уже не было съ войсками ни Вейсмана, ни Клички. * Лѣвая колонна генералъ-майора Рейзера загрянула со своими пушками въ какихъ-то рывтинахъ и потерявъ присаугу и лошадей перебитыхъ огнемъ изъ-за стѣнъ, бросила орудія и отступила на пушечный выстрѣлъ, остальные двѣ колонны сначала храбро, подъ сильнымъ огнемъ, подошли къ крѣпостному рву, но тутъ въ рѣшительную минуту, когда слѣдовало крикнуть ура и идти въ штыки,

* Не задолго предъ тѣмъ уволенъ по болѣзни въ отпускъ на годъ.

люди заколебались, смѣшались, начали отступать... Штурмъ былъ отбитъ. Мы потеряли 700 человекъ и 6 орудій... *

Долгоруковъ, слишкомъ осторожный, не смотря на настоянія графа Румянцова, то медленно двигался впередъ къ Шумѣ, то стоялъ на мѣстѣ и кончалъ тѣмъ что остался въ Базарджикѣ.

Желая ослабить дурное впечатлѣніе произведенное въ войскахъ Угерна неудачнымъ штурмомъ Варны, графъ Румянцевъ писалъ ему „что одна неудача еще ничего не доказываетъ, что ускорять отступленія нѣтъ никакой надобности, потому что непріятель не рѣшившійся преслѣдовать насъ въ день неудачи, конечно, не можетъ предпринять ничего рѣшительнаго въ настоящее время. Видя одну смѣлость нашихъ войскъ, покусившихся на открытый приступъ противъ такой крѣпости какъ Варна, непріятель, несмотря на неудачу штурма, долженъ во всякомъ случаѣ отдать справедливость нашему мужеству и считать себя счастливымъ, что могъ удержаться въ крѣпости; а о дѣйствіяхъ въ открытомъ полѣ не можетъ имѣть рѣчи.“

Однако одобренія эти не повели ни къ чему. Ни Угерцы, ни Долгоруковъ не соответствовали своему положенію. Не удержи болѣзнь графа Румянцева въ Браиловѣ, онъ бы самъ былъ съ войсками за Дунаемъ и, безъ сомнѣнія, Шума и Варна видѣли бы русскихъ гостей въ своихъ стѣнахъ.

Послѣ весьма труднаго отступленія, по грязнымъ дорогамъ, съ большимъ числомъ раненыхъ, ежеминутно опасавшихся нечаяннаго нападенія Турокъ, часть отряда Угерна наконецъ достигла Измаила, а вслѣдъ за нею прибылъ и самъ онъ съ остальными войсками, пройдя берегомъ моря и разоривъ нѣсколько приморскихъ поселеній, въ томъ числѣ города Мангалию, Балчикъ, Каварну.

На этомъ окончились дѣйствія 1773 года, по крайней мѣрѣ для лѣваго крыла арміи, слѣдовательно и для специально меня интересующаго Кабардинскаго полка. Онъ опять былъ расположенъ на зиму въ Аккерманѣ и за отсутствіемъ полковника Клички состоялъ въ командованіи старшаго штабъ-офицера премьеръ-майора фонъ-Гартонга.

* Судя по тому что изъ Кабардинскаго полка подъ Варной убыло только убитыми 1 барабанщикъ и 4 мункатера, должно думать что полкъ былъ не впереди штурмующихъ. Точнаго опредѣленія на этотъ счетъ я не могъ найти въ дѣлахъ.

На 1774 годъ графъ Румянцевъ предполагалъ, минуя всевозможныя препятствія и неблагопріятныя мѣстныя условія, перейти дѣйствія за Дунай, а въ то же время вести атаку Очакова. Но внезапная смерть султана Мустафы, которому Турки приписывали и самую войну и всѣ свои неудачи, и вступленіе на османскій престолъ Абдуль-Гаида измѣнили обстоятельства. Новый султанъ, не имѣя никакого понятія о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, желалъ ознаменовать свое востшествіе на престолъ рѣшительными дѣйствіями; онъ призывалъ подданныхъ къ оружію, обѣщалъ войскамъ разныя льготы и милости. А паши, желая обратить на себя вниманіе новаго повелителя, готовились перейти Дунай и открыть наступательныя дѣйствія. Но войска наши были вездѣ насторожѣ въ готовности отразить всякое покушеніе, хотя за громадною убылью и неприбытіемъ всѣхъ назначенныхъ рекрутъ, а также за несвоевременною доставкой комиссаріатскихъ вещей, армія находилась въ крайне жалкомъ матеріальномъ состояніи.

Въ половинѣ апрѣля однако все было приведено въ болѣе или менѣе исправный видъ и армія тронулась со своихъ зимнихъ квартиръ на указанныя мѣста съ тѣмъ чтобы въ началѣ мая открыть дѣйствія.

На этотъ разъ лѣвымъ крыломъ начальствовалъ генералъ-поручикъ Каменскій. Ему назначено было какъ и въ прошедшемъ году переправиться за Дунай и расположиться у Карасу, а между тѣмъ авангардъ, въ томъ числѣ и егеря нашего подполковника Мекноба уже переправились и стояли у Бабадага.

Между тѣмъ при посредствѣ прусскаго посла Цегедина, визирь возобновилъ мирныя переговоры; но условія нами требуемыя и предлагаемыя Турками такъ далеко расходились что графъ Румянцевъ, очень хорошо понимавшій свойства турецкаго характера, счелъ самымъ лучшимъ подкрѣпить мирныя переговоры военными дѣйствіями. Для этого прежде всего было двинуто лѣвое крыло генерала Каменскаго, поддерживаемое отдѣльнымъ отрядомъ Суворова изъ Гирсова. Каменскій долженъ былъ условиться съ Суворовымъ относительно общаго наступленія; отъ такихъ боевыхъ опытныхъ генераловъ можно было ожидать вполне самостоятельныхъ дѣйствій. Сойдясь для совѣщаній, они нашли что составленный въ Петербургѣ планъ, состоявшій въ томъ чтобы открыть кампанію усиліями овладѣть Вар-

ной и Силистрией—неудобенъ. Они рѣшили разбить прежде непріятеля въ полѣ и имѣть въ виду Шумлу, какъ мѣсто-пробываніе визиря и пунктъ сосредоточенія главныхъ силъ противника. Графъ Румянцевъ одобрилъ этотъ планъ, дополнивъ его нѣкоторыми подробностями.

Вслѣдствіе этихъ предположеній состоялось движеніе и занятіе съ бою Базарджика, затѣмъ сраженіе 9го іюня при Козлуджи. Сраженіе продолжалось восемь часовъ; Турки выказали, особенно въ началѣ, много отваги и энергіи, нѣкоторыя части нашихъ войскъ должны были даже ретироваться, но въ концѣ-концовъ нѣкоторые каре, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка майора Ферзена, предводимыя лично Суворовымъ, тогда только-что начинавшимъ пріобрѣтать извѣстность боеваго генерала, одолѣли непріятеля и нанесли ему полнѣйшее пораженіе.

Послѣ этого слѣдовало бы немедленно двинуться къ Шумлѣ и, пользуясь пораженіемъ Турокъ, разбѣгавшихся въ разныя стороны, такъ что по свѣдѣніямъ при визирѣ едва оставалась тысяча человекъ, овладѣть этою важною крѣпостью. Но весьма трудныя дороги и малый запасъ провіанта заставили Каменскаго собрать военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ наступленіи къ Шумлѣ. Отвѣтъ данъ былъ отрицательный.... Это тѣмъ болѣе странно что въ совѣтѣ участвовали Суворовъ, Милорадовичъ, Прозоровскій, Озеровъ, все генералы уже доказавшіе во всю эту кампанію свои военныя способности и мужественную рѣшимость.

Графъ Румянцевъ остался очень недоволенъ рѣшеніемъ военнаго совѣта и указывалъ что занятіе Шумлы должно быть главною цѣлью стремленій корпуса Каменскаго, что слѣдовало пользоваться благоприятными обстоятельствами и не терять времени. „Не дни, да часы, а и моменты въ такомъ положеніи дороги“, писалъ онъ и требовалъ движенія къ Шумлѣ; отказаться же отъ овладѣнія ею тогда только, если окажется для этого неизбежность правильной осады.

Вслѣдствіе этого Каменскій выступилъ 14го числа въ Енискую, въ 25 верстахъ отъ Шумлы, а 16го числа подошелъ къ Енибазару, гдѣ 5.000 Турокъ напали на нашъ авангардъ, но были разбиты. На другой день корпусъ перешелъ къ деревнѣ Буланькъ, въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Однако на открытую атаку Каменскій не рѣшался и съ цѣлью вызвать непріятеля въ поле разослалъ казачьи партіи по

окрестностямъ жечь и разорять села. Между тѣмъ заготовлялись фашины и предполагалось предпринять во всякомъ случаѣ что-нибудь рѣшительное противъ Шумы, въ которой визирь опять уже успѣлъ собрать до 30.000 челов.

По приказанію графа Румянцева посланы были разѣзды за Балканы чтобы встревожить край. Кавалерійскій отрядъ прибылъ въ Афлаторъ, разставивъ по пути на разстояніи 20—25 верстъ казачьи партіи въ 50—100 человѣкъ; а бригадиръ Заборовскій съ авангардомъ доходилъ до селенія Челыванъ и разбилъ тамъ четырехтысячный турецкій отрядъ. При этомъ особенно отличился нашего полка подпоручикъ Иванъ Щеголевъ, который со ста егерями велъ атаку впереди всѣхъ. Такимъ образомъ мы уже въ 1794 году побывали за Балканами.

Каменскій все болѣе и болѣе сближался съ крѣпостью, блокада становилась тѣснѣе, всѣ пути сообщенія были отрезаны, въ Шумлѣ началъ чувствоваться уже недостатокъ въ продовольствіи, особенно въ фуражѣ для многочисленной кавалеріи; однимъ словомъ, для крѣпости очевидно наступала критическая минута. Но въ это время получено было предписаніе Румянцева не предпринимать уже ничего рѣшительнаго, ибо ведутся дѣятельные переговоры о мирѣ. Каменскій же полагалъ что для чести русскаго оружія необходимо одержать какой-нибудь успѣхъ надъ непріятелемъ и потому рѣшился овладѣть однимъ изъ ретраншаментовъ. 7го іюля, съ довольно значительною потерей, укрѣпленіе было взято, а 9го отрядъ отступилъ отъ крѣпости. Последняя жертва была совершенно напрасна, и графъ Румянецъ заявилъ это Каменскому, сказавъ что „теперь намъ потеря и одного человѣка дороже ста убитыхъ Турокъ“.

10го іюля былъ заключенъ извѣстный Кючукъ-Кайнарджійскій миръ. Кампанія кончилась.

Всѣ перилетіи мирныхъ переговоровъ, подробности условій, отношенія къ дѣлу другихъ державъ и пр. не относятся до предмета моего спеціальнаго изслѣдованія да и достаточно извѣстны изъ многихъ обстоятельныхъ историческихъ сочиненій. Мы довольно ограничимся указаніемъ главныхъ пунктовъ договора.

1) Россія получила право плаванія по всѣмъ водамъ Оттоманской имперіи, съ привилегіями торговать такими же, какія были предоставлены Англіи и Франціи.

2) Крымскій полуостровъ объявлялся независимымъ отъ

Турціи и составляла нейтральную полосу между ею и Россіей. Керчь и Еникаль съ ихъ уѣздами присоединялись къ намъ, равно всѣ земли между Бердой и Днѣпромъ, между Бугомъ и Днѣстромъ до польской границы, а также замокъ Килбурнъ съ округомъ.

3) Нашъ посланникъ ставился равнымъ австрійскому; во всѣхъ городахъ разрѣшалось намъ имѣть консуловъ; открывался свободный путь богомольцамъ къ Святѣмъ Мѣстамъ подъ защитой мѣстныхъ властей, а въ Константинополѣ разрѣшалось построить православную церковь, кромѣ полевой домовою.

4) Обезличивались всеобщая амнистія христіанамъ, принимавшимъ какое-либо участіе въ войнѣ, различныя облегченія для населенія Молдавіи и Валахіи, возвращеніе ихъ монастырямъ отобранныхъ земель, право нашихъ пословъ защищать интересы Княжествъ и пр.; равно не требовать съ нихъ за все время войны и еще въ послѣдующіе два года никакихъ податей и налоговъ.

5) Азовъ съ его уѣздомъ, въ границахъ 1700 года, уступался Россіи.

6) Обѣ Кабарды должны были оставаться подъ вліяніемъ Крымскаго хана и по его указаніямъ опредѣлять свои отношенія къ Россіи.

7) Уничтожалась навсегда дань съ Грузіи *отроками* и *отроковицами*, восстанавливались права мѣстныхъ владѣтелей, устранялось всякое вмѣшательство Турціи въ ихъ внутреннія дѣла, разрѣшалось исправленіе разрушенныхъ церквей и пр. Однимъ словомъ, не забыты были интересы христіанскаго населенія и выговорено все что по тогдашнимъ обстоятельствамъ и условіямъ можно было.

8) Турція должна была заллатить контрибуцію въ четыре съ половиною милліона рублей, уплачиваемыхъ въ три срока.

Не нужно забывать что тогда Турція все еще считалась сильною державой, которую ни одно изъ европейскихъ государствъ не дерзало третировать свысока; на Австрію она еще нагоняла страхъ изрядный, а Польша, какъ мы видѣли, даже полагаема въ ея могущество найти покровителя. Мы же, напротивъ, были куда слабѣе и бѣднѣе. При такихъ обстоятельствахъ, заключенный миръ дѣйствительно могъ назваться блистательнымъ для насъ и крайне прискорбнымъ для Порты Оттоманской.

Румянцевъ оказался отличнымъ дипломатомъ. Представляя подписанный договоръ для ратификаціи, онъ писалъ Екатеринѣ: „Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ спросить, что касается до образа коимъ было трактовано сіе дѣло?—отвѣчу: *безо всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою хваткою военною*, соотвѣтствуя положенію оружія съ одной стороны перевозмогающаго, а съ другой до крайности утѣшеннаго“.

Ахъ, еслибъ и современная дипломатія отрѣшилась хоть отъ половины „обрядовъ министеріальныхъ“!...

А прусскій посланникъ въ Константинополь Цегелицъ писалъ Румянцеву, что едва онъ полагалъ что конгрессъ открылся, а уже получилъ извѣстіе что миръ подписанъ. Это называется *faire la paix en militaire*, и держа въ одной рукѣ перо для подписанія договора, въ другой шпагу дабы заставить противника дѣлать что требуютъ. „Я не льстецъ, но долженъ сказать что вы вели войну какъ отличный генералъ, и заключили миръ какъ искусный министр.“ Нѣкоторые изъ иностранныхъ пословъ не упустили случая повести интриги, уговаривая султана не давать ратификаціи договору заключенному визиремъ, вскорѣ послѣ того умершимъ. Ему ставили на видъ слабость нашей арміи и несоотвѣтствіе унижительныхъ условій съ могуществомъ его имперіи. Но Порты уже достаточно испытала на себѣ удары этой слабой арміи и осталась глуха къ совѣтамъ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ, бросились въ другую сторону: нельзя ли воспользоуаться чѣмъ-нибудь на счетъ побѣжденнаго? И дѣйствительно, Австрія вздумала потребовать себѣ часть Придунайскихъ Княжествъ и заняла своими войсками нѣкоторыя пограничныя мѣста, но встрѣтивъ неодобрительный по этому случаю отзывъ нашего правительства, Австрія въ виду окончательнаго подписаннаго мира, отказалась отъ своей коварной попытки.

Суетная слѣсь тогдашней Турецкой имперіи была сбита и оттоманская гордость поубавлена.

Заслуги графа Румянцева были оценены достойнѣйшимъ образомъ и награждены со щедростью истинно царскою. „Возвѣщая миръ, рукъ вашихъ твореніе, сказано въ высочайшемъ рескриптѣ къ нему отъ 12го августа, возвыстали вы намъ въ то же время чрезъ оный и знаменитѣйшую вашу услугу предъ нами и отечествомъ. Мы объемлемъ ее

во всемъ пространствѣ тѣхъ трудовъ и подвиговъ, коими вы чрезъ все время войны ололчаться должныствовали къ преломленію силъ и высокомурія непріятеля, обыкшаго до нынѣ въ счастливыхъ своихъ войнахъ предписывать другимъ-законы жестокіе“, и т. д.

Вотъ списокъ наградъ получаемыхъ тогда Румянцевымъ:

1) Чинъ фельдмаршала; 2) Георгія 1й степені; 3) титулъ Задунайскаго, „для прославленія опаснаго перехода черезъ Дунай“; 4) грамоту съ прописаніемъ всѣхъ его лобѣдъ; 5) жезлъ алмазами украшенный; 6) шпалу съ алмазами; 7) масличную вѣтвь алмазами украшенную; 8) орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ алмазами; 9) медаль выбита съ его изображеніемъ „въ честь его и для поощренія потомства“; 10) пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи; 11) сто тысячъ рублей на постройку дома; 12) серебряный сервизъ для стола; 13) картинную галерею для украшенія дома. Кромѣ всего этого Екатерина желала чтобъ онъ, подобно римскимъ полководцамъ, имѣлъ торжественный вѣздъ въ столицу чрезъ триумфальныя ворота... Но самъ Румянцевъ отъ этого рѣшительно отказался.

Затѣмъ армія наша двинулась обратно за Дунай. Корпусъ Каменскаго, въ составѣ коего былъ Кабардинскій полкъ, 30го іюля прибылъ въ Измаиль; войска оставались до начала сѣдующаго 1775 года въ Княжествахъ и Бессарабіи до исполненія Турціей всѣхъ условій трактата.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

I.

Море широкое, даль безконечная,
Волны да небо кругомъ—
Небо прозрачное, синее, вѣчное
Съ вѣчно горящимъ огнемъ.

Вѣсть надъ бездной локой безпредѣльнаго,
Мчится волна за волной;
Но среди грома и плеска безцѣльнаго
Вѣчныхъ созвучій локой.

II.

Ты въ пустынь моей безотрадной,
Какъ видѣнье являешься мнѣ,
И мгновенно тогда вмѣсто тьмы непроглядной
Все сіяетъ и блещетъ въ огнѣ,

Я стою, ослѣпленный твоими лучами,
На колѣни бы палъ предъ тобой,
Уливался бы вѣчно твоими рѣчами
Любовался твоей красотой!

Но ты быстрою тѣнью мелькнешь золотомъ,
Вдругъ блеснувши, ты окроешься вѣтромъ,
И темнѣе становится тьма за тобой,
Безотрадный и глуше вокругъ.

КНЯЗЬ Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

УТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПОѢЗДКА ПО ЛОМБАРДІИ И АВСТРИИ *

I. Венеція.

прибылъ въ Венецію въ семь часовъ утра въ февралѣ. въ часовъ, это такая минута когда солнце раздвигаетъ темныя облака какъ шелковый пологъ своего ложа и приоткрываетъ домамъ фіолетовые, вѣжно-радужные оттѣнки, напоающіе стыдливый румянецъ молодой дѣвушки. Городъ какъ бы стыдится что его застали обнаженнымъ въ ваннѣ: комнаты пусты, двери затворены, гондолы у причаловъ, манеры залерты, улицы безмолвны. Только серебристые звуки высокой колокольной несутся по воздуху вмѣстѣ съ голубымъ свѣтомъ Св. Марка. Все принимаетъ воздушныя и прозрачныя формы; находишься словно въ очарованной странѣ: безжизненный и пустынный городъ какъ бы плаваетъ надъ волнами подобно миражу.

Эти путевые очерки принадлежатъ перу извѣстнаго туриста, Бука-Туссо, прославившагося двумя своими книгами: *Voyage dans l'Asie des milliards* и *Les Prussiens en Allemagne*, имѣвшими одна цѣль семь, другая—пятьдесятъ изданій. Авторъ доставилъ намъ новое неизданное произведение въ рукописи, съ которой и данъ переводъ. Ред.

Утро съ ласкающими переизвивами свѣта, съ шипящими струями свѣжаго вѣтерка, вотъ восхитительный и для прибытія въ Венецію. Я часто прѣзжалъ сюда зимой, но испытывалъ всегда какое-то похоронное настроение, вопреки столь нѣжному сіянію звѣздъ.

Утро же имѣетъ здѣсь въ себѣ нѣчто ласкающее и такое и радостное. Воздухъ наполненный благоуханіемъ томъ восхищаетъ глаза и расширяетъ грудь. Замыкающаяся дверь—свѣтлая дверь надежды, вечерняя затворяющаяся, темная какъ могила.

Отечеству Тиціана и Веронеза нужны теплые тона да каналовъ и лагуна поистинѣ прекрасна лишь когда реллируется перламутромъ, сталью и сапфиромъ; мосты молодить драхмы фасады зданий и вливаютъ кровеносныя жилы ихъ мраморныхъ стѣнъ. Разрушающіеся какъ бы оживаютъ при первыхъ лучахъ падающихъ съ золотисто-лурлурнаго неба, и мостъ Ріальто съ его заманавѣскими горитъ посреди туманныхъ паровъ яркою радугой.

Вы, любящіе Венецію благодаря вослѣдствію ее не вступайте въ этотъ колоритный городъ иначе какъ яркомъ свѣтѣ. Венеція дочь солнца, не ночи.

Тихо и беззвучно скользящая моя гондола, подобна тому черному лебедю. Добрались до лагуны: какой портъ отдать предпочтеніе? Я пробѣгалъ взглядами по дельцовымъ палатамъ, обратившіяся въ заѣзжіе дома, отыскавъ вѣтку и расположеніе которыя бросались бы въ Отель Монако напротивъ морской таможни и церкви Маріи Сласенія привлекаетъ меня миловидностью и чуждостью своей архитектуры, своими мавританскими сводами, своими рѣзными балконами, своими лортыками и иными колонками. Я вообразилъ что найду тамъ комнату обшитую дубомъ, мозаичный полъ который ситъ на себѣ слѣды шелковаго башмачка какой-то бѣлокурой патриціанки. Облокотясь на окно я могу увидѣть какъ сплываютъ туда и сюда гондолы, какъ проплываютъ мимо нагруженные товарами и провизіей шлюпки плывущихъ на якорѣ судовъ, и какъ синѣетъ море вдали у роны Лидо.... Горькое разочарованіе! Меня ввелъ въ

кую-то голубатую безъ небеди и безъ всякихъ средствъ общенія съ прислугой. Явись злоумышленникъ и завяжи меня въ мѣшокъ, мнѣ невозможно было бы извѣстить о томъ ни единымъ ударомъ звонка. Впрочемъ, видъ Лафидскаго парохода который долженъ былъ уйти въ полночь въ Триестъ и взять меня съ собою, нѣсколько утѣшилъ меня въ моей невзгодѣ.

Пробило восемь: предо мною цѣлый день для свиданія съ этою Венеціей, которую я люблю, какъ Монтеръ любилъ Парижъ, „даже со всѣми его бородавками“. Но избавляю васъ отъ описанія, изъ котораго вы не узнаете ничего новаго. Я дѣлалъ въ Венеціи что всѣ дѣлали, видѣлъ тамъ что всѣ видѣли. Это городъ празднаго шатающаго преимуществу; нигдѣ *dolce far niente* не имѣетъ такой прелести. Видѣть прекрасное небо, и подъ этимъ прекраснымъ небомъ прекрасное море, и на берегу этого прекраснаго моря прекрасныхъ женщинъ,—чего еще желать? Венеція стучащая молотомъ, дымящая трубами, Венеція торговая и промышленная не была бы Венеціей художниковъ и мечтателей. Ей къ лицу одна лишь фizioномія — аристократическая и небрежная фizioномія города легкаго поведенія. Тицианъ изображалъ ее Венерой, Веронезъ—драпировалъ, ея ларчей продажныхъ прелестницъ. Все кажется живетъ здѣсь и создано для любви, начиная отъ голубей выполняющихъ ее своимъ воркованіемъ до гондолъ столь удобныхъ для таинственныхъ приключеній. Городъ наслажденій для тѣла и услажденія глазъ, городъ упоенія, ласки, нѣжности, съ синимъ небомъ, съ игрой солнечнаго свѣта, съ розоватыми дворцами полными статуй, украшенными соблазнительными фресками и жертвенниками съ рѣзьбой изъ слоновой кости, служившими для азыческихъ бракосочетаній; городъ волшебства, созданный служить рамой для мифологическаго элоса, декораціей Шекспировской трагедіи или любовнаго дуэта: такова Венеція!

Повсюду живописныя картины въ этихъ улицахъ и переулкахъ, гдѣ жизнь свободно выставляется на открытый воздухъ. Я бродилъ наудачу между складами арбузовъ и жареной рыбы, то останавливался предъ базаромъ или лавкой стараго хлама, то входилъ въ церковь съ алтарами блистающими какъ солнца, со стѣнами въ красной, драпировкѣ и золотой бахромѣ, съ часовнями полными мраморныхъ группъ

и сверкающихъ массахъ свѣчей. Въ италіянскихъ церквахъ что-то горячее, страстное. Въ нихъ некусительный призывъ къ сильнымъ душевнымъ движеніямъ. Въ ихъ атмосферахъ ладона и томныхъ мелодій понятными становятся экстазы Св. Терезы,

Въ одной изъ тѣхъ узкихъ улицъ гдѣ небесная лазурь кажется синею шелковою тканью растянутаю надъ домами отъ одного до другаго, я былъ свидѣтелемъ сцены которая была бы истую находкой для живописца. Молодая смѣющаяся женщина, въ бѣломъ леньюарѣ, наклонившись на балконѣ кокетливою голубкой, склоняюще ухо къ рѣчамъ неостесаннаго медвѣдя, спускала на бичевѣ корзинку съ милостыней, которую ожидалъ съ воздѣтыми руками и глазами нищенствующій монахъ. Полагаю что монахъ смотрѣлъ больше на даму чѣмъ на корзинку. Она и заслуживала того, она была прелестна въ этой прозрачной синевѣ, со своею милою, бѣлокурою головкой, покрытою кружевнымъ челпомъ.

Некогда было ни осмотрѣть 164 церкви, ни пройти по 450 мостамъ Венеціи. Однако я ихъ настолько видѣлъ чтобы образъ этого города навѣки остался для меня внушающимъ печальное раздумье воспоминаніемъ. Гдѣ бы казалось жизнь могла быть отрадѣе чѣмъ въ этихъ гондолахъ, сладострастно качающихся на спокойныхъ водахъ лагуны? Гдѣ очарованіе мысли могло быть обаятельнѣе чѣмъ въ этихъ рѣзныхъ дворцахъ, хранящихъ въ своихъ мозаичныхъ стѣнахъ фрески и картины великихъ мастеровъ Возрожденія?

Чопорная республика бросилась тогда въ аѳинскій лаганизмъ. Веронезъ пишетъ сладострастныхъ Мадоннъ, у Тиціана возлежать на яркихъ бархатахъ богини предъ которыми преклонилась бы Греція. Храмы превращаются въ святилища чувственной религіи, весь городъ предается вѣгъ и роскоши...

Въ Возрожденіе какую чудную картину представляла Венеція! Она назвалась „Царицей моря“, ибо она дѣйствительно царствовала величіемъ своей республики, великолѣпіемъ своихъ празднествъ, гениемъ своихъ художниковъ, красотой своихъ женщинъ. Могущество и богатство, искусства, науки, слава, все это она держала въ рукѣхъ какъ царскій скипетръ и волшебный жезлъ.

Представьте себѣ тогдашнюю площадь Св. Марка весен-

нимъ вечеромъ. Древняя базилика сіяетъ какъ лагода, ея бронзовые кони какъ бы потрясаютъ огненными гривами; рядомъ дворецъ Дожей щеголяетъ зубчатыми узорами своихъ круглыхъ оконъ; ангелъ поставленный на верху башни вотъ-вотъ улетитъ. Въ толпѣ тѣснящейся подъ лортиками и на каменныхъ плитахъ площади, какая роскошь, какая оригинальная пестрота, какое разнообразіе! Женщины разодѣты въ шелкъ и бархатъ, у нихъ золотые браслеты на рукахъ, ожерелья изъ драгоценныхъ камней на шеѣ, жемчугъ въ волосахъ. По ихъ улыбающемуся лицу, по ихъ здоровому виду вы узнаете тѣхъ веселыхъ и шаловливыхъ красавицъ Павла Веронеза, что ѣдятъ съ золотыхъ блюдецъ изысканныя яства Востока и пьютъ изъ рѣзныхъ кубковъ упоительный напитокъ земной любви. Красивые сеньоры прогуливаются въ щеголеватыхъ одеждахъ; они замѣнили шлемъ и ланцыръ шпалой съ длинными перьями и гораздо болѣе заняты своими любовными свиданіями чѣмъ дѣлами республики. Правы никогда не были строги въ этой Алкивиадовой республикѣ....

Я послѣдилъ къ Св. Марку, въ странной архитектурѣ котораго отразилась самая исторія Венеціанскаго народа. Онъ построилъ этотъ храмъ на добытое побѣдами и грабежомъ. Бронзовые кони надъ главнымъ входомъ похищены въ Римъ; порфировыя колонны увезены изъ Константинополя: никакой симметріи, все громоздилось по мѣрѣ того какъ привозилось, безъ плана, безъ порядка: вотъ причина этого нестройнаго изобилія богатствъ преуспевающихъ и озадачивающихъ туриста.

Когда я вошелъ, служили обѣдню. Огромный жирный котъ преспокойно спалъ на алтарѣ, и ни священникъ, ни присутствующіе какъ будто не замѣчали его. Здѣсь въ каждой церкви, какъ въ храмахъ древняго Египта — кошки. Старыя богомолки кормятъ ихъ бисквитами и сдобнымъ хлѣбомъ. Церковныя кошки красивой шкурки бѣлой или черной, съ большими желтыми глазами и съ сѣдыми усами, имѣютъ важный видъ кавониковъ; онѣ особы съ вѣсомъ, и чтобы быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ приходскимъ священникомъ прежде всего нужно снискать доброе расположеніе церковнаго кота.

Оттуда—въ Гетто, но какъ Жидовская улица во Франк-

Фуртъ утратила свой оригинальный характеръ, такъ и венеціанская Гетто ужъ не та печальная и полуразрушенная улица какую изображаютъ старинныя эстампы. У входа въ магазинъ стояли нѣсколько молодыхъ Евреекъ съ черными какъ агаты глазами и великолѣпными волосами. Подъ аркадой стрѣльчатого окна я замѣтилъ сморщенную старуху съ бѣлою полотняною повязкой на лбу, грызущую свой костлявый руки на жаровнѣ: явленіе иного вѣка наломившее мнѣ Рембрандтовскую голову старика въ готическомъ окнѣ. Возвратился я черезъ Ріальто и Мерчерію. Вдѣсь все движется, кричитъ, суетится. Въ Ріальто, гдѣ рынокъ, цѣлыя горы алельсинъ и лимоновъ, въ Мерчеріи—корзины дымящагося картофеля. Двѣ картофелины составляютъ обѣдъ въ Венеціи. Нищета невообразимая, а у женщинъ въ лохмотьяхъ ангельскій цвѣтъ лица и поступь богинь.

Послѣ полудня я съѣздилъ на пароходѣ въ Лидо. По возвращеніи, часовъ около четырехъ, Славянская набережная была залита солнцемъ и покрыта лестнымъ и живымъ населеніемъ, которое съ ребяческимъ простодушіемъ тѣснилось вокругъ фигляровъ, шарлатановъ и продавцовъ „серебряныхъ ложечекъ“ по 60 сантимовъ за пару. Итальянская толпа отличается безумною веселостью; она жестикулируетъ, горячится, сыплетъ остротами, которыя звываются какъ ракеты, распадающіяся потомъ искрами звонкаго смѣха.

На *Piazzetta Grande* такое же одушевленіе. Вимой на ней прогуливаются отъ 4 до 6 часовъ. Я встрѣтилъ нѣсколько женскихъ типовъ ослѣпительной красоты—блондинокъ съ черными глазами, съ правильнымъ, почти греческимъ носомъ, съ жемчужными зубками, съ гранатовыми губами. Рядомъ со щеголихами—дѣвушки изъ простонародья, не уступающія ихъ въ взглядомъ и проходящія мимо съ библейскимъ достоинствомъ движеній, гордою поступью, со взоромъ которому позавидовала бы королева. По тонкости чертъ лица, по граціи движеній, по упругости груди вздымающей перекрещенную черною шалью сорочку, легко узнать кровныхъ Венеціанокъ, подлинные образцы Венеціанской школы.

Взбираемся на Кампанилау; день клонится къ вечеру,

небольшія волокнистыя облака скопляются на горизонтѣ и окрашиваются блѣднорозовымъ цвѣтомъ: солнце идетъ къ закату. Съ платформы башни свидѣтельствовавшей о могуществѣ Венеціи, видъ на всѣ четыре пункта горизонта. У ногъ невообразимая масса трубъ, непроходимый лабиринтъ прямыхъ линій, угловъ, изгибовъ, и видя гондолы плывущія подобно саламандрамъ, людей которые ввизу кишатъ какъ раки, чудится что это городъ троглодитовъ, заключенный въ громадной коралловой скалѣ.

За Лидо лѣсъ неподвижныхъ мачтъ на серебристомъ и спокойномъ морѣ; съ противоположной стороны Альпы воздымаютъ свои олазовыя и рубиновыя вершины. Къ западу надъ болотами Бреаты солнце совершаетъ свой закатъ съ трагическою пышностью и великолѣпіемъ. Оно разливаетъ вокругъ потоки краснаго свѣта похожаго на кровавыя волны. Каналы лагуны отражаютъ въ себѣ эту яркую окраску, придающую картинѣ африканскую фizioномію. Чайки кажутся багровыми, деревья одеваются золотомъ брони, тростникъ принимаетъ видъ кактуса, ели воздымаются подобно пальмамъ. Точно васъ перенесло въ новый міръ, на берега Нила или Гангеса; невольно ищешь глазами черныя силуэты носороговъ или слоновъ и напрягаешь слухъ стараясь уловить дикое рычаніе льва, вторящее голосу муэдзина, призывающаго съ минарета Св. Марка поклонниковъ Пророка на молитву.

Скоро трепетаніе отбѣлковъ ослабѣваетъ, пламенные лучи заката перестаютъ отражаться въ водѣ, небо принимаетъ свой обычный нѣжный цвѣтъ, и вы узнаете свою любимицу Венецію, Венецію вашихъ чрезу, поэтическую и историческую Венецію, окутанную локовымъ лазурнаго воздуха.

Послѣдній блескъ пробѣгаетъ по лагунамъ, солнце исчезаетъ, какъ воспламененный корабль разомъ погружающійся въ волны, а на горизонтѣ съ противоположной стороны поднимается луна зажигааясь какъ погребальный свѣточъ.

Слѣдовавши снова на *Piazza*, я прелюбовно отпра-
вился обѣдать въ *Capello Novo*, гдѣ и приказалъ подать себѣ пресловутыя *scampi*, нѣчто среднее между омаромъ и креветомъ. Трудно представить себѣ что-нибудь вкуснѣе и душистѣе этого блюда. Исааъ продалъ права своего пер-
вородства за чечевицу: я отдалъ бы свои авторскія права за *scampi*.

II. Триестъ.

Незадолго до полуночи, гондола доставила насъ на *Максимиліанъ*, который уже разводилъ лампы и красные фонари котораго кровавымъ отблескомъ латнали подернутую легкою зыбью поверхность лагуны.

Когда ночью водворяешься на суднѣ, вѣчно испытываешь странное ощущеніе. Неизвѣстность! а темнота способствуетъ преувеличенію впечатлѣній... Охватывающій васъ мракъ, застилающій всѣ предметы, точно сотканъ изъ какихъ-то тайнъ; самая лора дня уныла, напечатываетъ что-то подозрительное и, мнится, грозитъ предательствомъ и засадою.

Однако небо было усыпано звѣздами и сіяло кроткимъ мечтательнымъ свѣтомъ готическихъ церковныхъ оконъ. Предъ нами красовался дворецъ Дожей, словно каменный цвѣтокъ, распустившійся подъ волшебнымъ вліяніемъ луны; пузырчатые куполы Св. Марка искрились серебромъ; желтый левъ Часовой Башни сердито вырѣзывался въ воздухъ надъ прозрачнымъ циферблатомъ, какъ бы вѣщая о грядущихъ событіяхъ.

Пароходный колоколъ прозвонилъ въ послѣдній разъ, хрипло заворочались цѣпи, якорь поднялся, и мы двинулись. Прошли мимо Мурано, дремавшаго въ синеваѣ мерцаніи венеціанской ночи, минули пустынный берегъ Лидо. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, свѣтлѣло и волненіе разводило сильнѣе.

— *Un poco di bora*, „борой потануло“, отаеся ко мѣрудевой, къ которому я присосѣдился.

Бора и Сирокко, это двѣ напасти Адриатическаго моря. Бора дышетъ холодомъ, какъ ледяныя верхушки горъ съ которыхъ она дуетъ, Сирокко пышетъ жаромъ какъ кратеръ волкана. Когда задулъ Сирокко, желудки отказываются отъ пищи и триестскіе рестораны становятся похожими на катакомбы; когда же разгулялась Бора, вдоль всѣхъ улицъ полиція протягиваетъ веревки, чтобы прохожихъ не опрокинуло и было имъ за что ухватиться. Вѣтеръ начинается обыкновенно у подножія горы Наньо, но хоть онъ летитъ шкваломъ лишь на протяженіи тридцати

итальянскихъ миль, Триестъ находится именно въ районѣ его бурныхъ порывовъ, замирающихъ у мыса Сальвари. Въ прежнія времена Бора поднималась періодически и не переставала цѣлую недѣлю. Возвѣщали ее дикія завыванія горныхъ ущелій, лазуревый цвѣтъ морскихъ водъ, особенная ясность и великолѣпіе небесъ. Теперь она свирѣлствуетъ всего только три дня, но тѣмъ съ большею яростью.

Вотъ мы у крайней оконечности Лидо. Отъ маленькаго домика на сваяхъ съ бельведеромъ на крышѣ, отвалила шлюпка. Пароходъ уменьшилъ ходъ. На шлюпку, которая приближалась потанцовывая по волнамъ, бросили „конецъ“. Сопровождавшіе насъ изъ Венеціи таможенныя вышли одинъ за другимъ, съ ружьями за плечами, изъ каюты, гдѣ они играли въ карты и, цѣпляясь за веревочную лѣстницу, спустились въ шлюпку, пріѣхавшую, какъ оказалось, за ними. Они плотно завернулись въ свои плащи, улеглись на днѣ лодочки, волна разомъ подхватила ее, и все исчезло въ ночной безднѣ.

Предъ нами разстлалось уже открытое море, необъятное и угрюмое. Оно съ грознымъ шумомъ ворочалось на своемъ ложѣ. Мѣсяцъ лилъ на его взбудораженную поверхность блѣдныя лучи и лѣнистые гребни его волнъ точно покрывались снѣгомъ.

Для меня нѣтъ на свѣтѣ большаго наслажденія какъ провести звѣздную ночь на ладубѣ! Бора выходила изъ себя, но я не уступалъ ей, укутавшись толстымъ плащемъ и ухватившись за снасти.

Голосъ капитана оторвалъ меня отъ моей улады, приказывая убираться съ ладубы. Повѣсивъ носъ, какъ выгнанная вонъ собака, я пошелъ прилечь на диванъ каюты перваго класса. Черезъ нѣсколько секундъ пароходъ запрыгалъ какъ лошадь которая несетъ и бьетъ, закусивъ удила. Раздалось точно ржанье: то волны обдавали насъ, гудя обрушивающимися на судно водяными столбами, а Бора завывала позади словно цѣлая стая волковъ.

Кончилось тѣмъ что я привыкъ къ этой адской музыкѣ и заснулъ, какъ бы находясь въ ложѣ Вагнерова опернаго театра въ Бейрейтѣ...

Когда я проснулся, свѣренкій неопредѣленный денекъ сквозилъ въ каютныя окна. Я выбѣжалъ на верхъ. Бора почти уже затихла, свѣтало, было часовъ около шести.

Слѣва Кало'Истрія обрисовывалась въ лиловомъ туманѣ; въ бѣловатой дали видѣлись строгія очертанія далматскихъ и истрійскихъ береговъ, голыя и тонкія какъ обнаженная рыба кость. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, берегъ обозначался опредѣлительнѣе въ своихъ изгибахъ, предметы вырастая становились осязательными для глаза: точно въ волшебномъ фонарѣ являлась картина на атласистой завѣсѣ горизонта. Вотъ верхушка дерева, стрѣлка колокольни, платформа башни, кровля какого-то зданія... Предъ нами цѣлый край какъ бы рождался на свѣтѣ Божій, создавался пейзажъ какъ онъ создается въ мысли и воображеніи артиста.

Но какъ описать чарующій видъ Триеста, вдругъ встающаго изъ синихъ водъ бѣлоснѣжною красавицей, какою внезапно выходила изъ воды Венера! Солнце одѣвало его плечи золотою мантией, и онъ радостно улыбался тому что видитъ себя въ зеркалѣ моря такимъ прелестнымъ.

Воздухъ былъ прозрачности ослабительной, море съ такою вѣрностью отражало небеса что казалось литься промежъ двухъ небесныхъ сводовъ, а налѣво—верхушки высокихъ горъ, присыпанные свѣже-выпавшимъ снѣгомъ, словно локрытыя роемъ бѣлыхъ голубокъ... Благодаря своимъ улицамъ идущимъ террасами, благодаря куламъ оливковыхъ деревьевъ и кипарисовъ да развалинамъ древняго замка, столица Истріи носитъ совершенно восточную печать. Озаренный лучами той пурпуровой Авроры, которую воспѣвалъ Гомеръ, мраморъ ея палаты принималъ отбѣка живаго тѣла... Кроткое красно-солнышко Греціи! узнаю твое нѣжное сіяніе и привѣтствую тебя!

На палубѣ парохода попадался мнѣ какой-то молодой человекъ. Предъ самымъ прїездомъ спрашиваю его по-нѣмецки, знакомъ ли ему Триестъ и не можетъ ли онъ указать мнѣ гостиницу. Въ отвѣтъ на какомъ-то невозможномъ нарѣчїи онъ пробормоталъ что „въ первый разъ отстраняется по Адриатикѣ“.

— Вы Французъ, говорю ему съ радостью, которой не могъ скрыть,—васъ выдаетъ вашъ выговоръ.

— Парижанинъ.

— Я тоже. Я живу на Вожирарской улицѣ.

— Такъ мы почти сосѣди.

— Въ такомъ случаѣ позвольте предложить вамъ оборонительный и наступательный союзъ для овладѣнія гостиницей въ Триестѣ.

— Къ вашимъ услугамъ.

Пароходъ остановился. Пассажиры выстроились рядами для высадки. Мы молодецки примкнули къ нимъ, какъ два воина, во всеоружіи нашихъ палокъ и дорожныхъ мѣшковъ. Едва мы очутились на набережной, намъ пришлось выдержать штурмъ цѣлой шайки *facchini* жестикулирующихъ и ревущихъ съ развязностью и мелодичностью настоящихъ краснокожихъ.

Мы побѣдносно отразили наступающихъ и овладѣли полемъ сраженія, не зная однакоже куда направить свои столы.

Малый въ картузѣ съ галуномъ на околышѣ—швейцаръ, какъ оказалось въ послѣдствіи—выручилъ насъ изъ затрудненія. Онъ предложилъ намъ добродѣтельныя меблированныя комнаты, на главной площади у самаго моря.

Мы послѣдовали за нимъ, и не имѣли повода раскаиваться.

Оправивъ туалетъ, мы пошли походить по городу, безо всякой опредѣленной цѣли, заглядывая въ переулки, приглядываясь къ хорошенькимъ личикамъ.

Полавъ сюда изъ Венеціи, и здѣсь воображаешь что находишься еще въ Италіи. Улицы веселы и шумны, жизнь кипитъ ключомъ. Тилъ мужчинъ—италіанскій. Женщины соединяютъ южную грацію и миловидность съ восточною пластичностью. Разгуливаютъ онѣ съ непокрытою головою и всѣ, богатые и бѣдные, напудрены какъ маркизы.

Языкъ тотъ же самый что въ Миланѣ, въ Падувѣ, въ Римѣ. Напрасно мы обращаемся къ жителямъ съ нѣмецкою рѣчью: даже полицейскіе отвѣчаютъ намъ по-италіански. На почтѣ тоже говорятъ съ нами не иначе какъ языкомъ Мавцони и Давта. „Они очень хорошо знаютъ по-нѣмецки, да не хотятъ“, ворчитъ надъ нашимъ ухомъ старый военный съ ордемомъ. Да, италіанская партія здѣсь живуча и сильна. Къ ней принадлежитъ весь простой народъ и все ереднее сословіе. Всѣ газеты, за исключеніемъ *Триестской* (правительственной и не имѣющей подлищниковъ) держатся въ политикѣ италіанскаго направленія.

Триестъ раздѣленъ на три полосы. У морскаго берега — монументальный и роскошный городъ, дворцы, гостиницы,

музей, театръ, мраморныя фонтаны, залитыя солнцемъ площади, вѣчно-зеленѣющіе общественныя сады. *Корсо*—большая торговая и промышленная артерія: здѣсь всѣ конторы, консульства, банки. Позади этой нескончаемой вереницы факторій, магазиновъ, лавокъ—кварталы населенныя среднимъ сословіемъ и простонародьемъ и какъ бы притиснутые мѣстностью къ крутому склону горы.

Мы заблудились въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ улицекъ и переулковъ, гдѣ какъ въ Венеціи приходится идти лѣ-гусиному: одинъ за другимъ. Точно арабскій городъ! Солнечныя лучи огненными змѣями скользятъ вдоль отребанныхъ домовъ и усыпаютъ золотистыми блестками восточныя ткани, шелковые платки яркаго цвѣта, вышитыя мишурой куртки, развѣшенныя у дверей торговцевъ старымъ платьемъ. Выступающія изъ стѣнъ окна висятъ надъ вашею головою и, смотришь, бѣлая ручка приподняла красную занавѣску, пара черныхъ глазъ пронзила васъ взглядомъ.... Проникайте внутрь смѣло, не опасаясь ятагана хранителей серала....

Дѣло было въ субботу, базарный день: прекрасный случай сдѣлать смотръ костюмамъ и типамъ окрестныхъ населеній. Мы пустились вслѣдъ за крестьянками на прехорошенькихъ маленькихъ осаткахъ съ прямыми ушами и смышленою, нѣсколько лукавою мордочкой, убѣжденные что они выведутъ насъ на базарную площадь. Эта милая скотинка (вдохновившая Алулея и оклеветанная Лафонтеномъ, забывшимъ что на деревенскихъ ярмаркахъ оселъ безошибочно угадываетъ возрастъ сельскихъ красавицъ) казалось вполнѣ сознавала какой грузъ она несетъ, и шла себѣ тихою, блаженною, горделивою поступью. Иной молодецъ, взявшійся замѣнить собой ослика, былъ бы менѣе привлекателенъ.

Базаръ находился какъ разъ позади нашей гостиницы и представлялъ картину изъ самыхъ живописныхъ.

Представьте себѣ парижскую площадь Шато-д'О, покрытую лестрыми балаганами, раскидными столиками, лотками поставленными на козлы и освѣщенными широчайшими свѣчами, бѣлыми, желтыми, зелеными зонтиками. Тамъ и сямъ безпорядочно навалена громадная морковь, точно куча сры-занныхъ съ плечъ лыныхъ головъ, тутъ же рядомъ глаза

отдыхаетъ на груди рѣзны перламутровыхъ отгѣлковъ, напоминающихъ старинный саксонскій фарфоръ. Порей съ своимъ длиннымъ сѣроватымъ хвостомъ кажется кнутикомъ, которымъ бичуютъ себя католическіе изуверы; красноватый и зеленоватый салатъ съ завитками или съ глянце-витыми прямыми листьями—ни дать ни взять произведеніе стекальнаго завода; лучки редиски похожи на бутонъ розъ, а спаржа со своею фіолетовою чешуей на бѣломъ фонѣ лежить точно разрѣзанныя надвое лѣтущія ножки.... Роскошное разнообразіе женскихъ костюмовъ составляло многоцвѣтнѣйшій переливчатѣйшій второй планъ неимоверно жаркаго колорита, на которомъ рельефно выступали всѣ эти кухонныя сокровища доставленной въ городъ зелени. Славянки отличались своими бѣлоснѣжными челцами, напоминающими головной уборъ французскихъ сестеръ милосердія; черная „далматинка“ разцвѣченная бѣлымъ шитьемъ, на подкладкѣ изъ бараньей кожи, спускается до половины колѣнъ, оставляя обнаженною стройную ножку. Цвѣтъ лица оливковый, глаза—ласковые какъ у газели, волосы—блестяще воронова крыла. На высокой груди червоны съ изображеніемъ Маріи-Терезіи, на тонкихъ пальцахъ—старинныя перстни съ большими камнями.

Позади лотковъ со свѣжею рыбой стоятъ рыбаки соседнихъ острововъ, на одномъ изъ которыхъ находится озеро прѣсной воды, изобилующее вкусными жильцами. И вообще Триестскій заливъ не уступаетъ своею производительностью Средиземному морю. На липкихъ и окровавленныхъ доскахъ бьются еще посреди морскихъ травъ камбалы, лежа пластомъ какъ чудовищныя летучія мыши; лангусты въ бронѣ мѣдяныхъ отливовъ, точно рыцари на турнирѣ скрепчиваютъ клинки, которыми природа снабдила ихъ головы; омары поводятъ своими грозными клещами; въ ведрахъ съ водой, словно уродцы въ банкахъ со спиртомъ, гримасничаютъ морскія собаки. Рядомъ съ этимъ безобразіемъ горитъ переливчатою чешуей цѣлая груда рыбъ, беспорядочно наваленныхъ одна на другую и сверкающихъ какъ лезвія большихъ серебряныхъ ножей.

Возвращаясь ко возморью, мы встрѣтились съ людьми колоссальнаго роста, съ длинными и жирными волосами, падающими на плечи и обрамляющими ихъ вылачканныя угаетъ лица. На глаза надвинута широколобая шляпа, на ногахъ

нѣкогда чистые шерстяные панталоны въ обтяжку; обувь замѣнена простою подошвой, удерживаемою ремнями. Это—полудикое племя, извѣстное подъ именемъ Зикчи (Zicchi). Они живутъ въ горахъ, и разъ въ недѣлю, по-цыгански, цѣлою ватагой, съ женами и дѣтьми, являются въ Триестъ продавать уголь, который выжигаютъ въ своихъ дѣсахъ.

Лѣса смежной съ Триестомъ горной полосы въ старину были такъ густы что, увѣряетъ преданіе, можно было ходить по верхушкамъ ихъ деревьевъ. Зикчи живутъ въ этихъ тихихъ притонахъ съ простотой первобытныхъ народовъ. Женщины ихъ носятъ шерстяныя чулки, рубашку грубой ткани, поверхъ ея сюртукъ темнаго сукна, перетянутый поясомъ, и ничего больше. По словамъ Моизена, изучившаго ихъ на мѣстѣ, это—послѣдніе потомки римской колоніи. Языкъ ихъ—смѣсь латинскаго съ испорченнымъ итальянскимъ.

Дорогой попался намъ также Тергестеръ и мы зашли въ него. Это—великолѣпное зданіе, украшенное эмблематическими группами торговли, промышленности и морелаванія. Здѣсь находятся конторы трехъ отдѣленій Австрійскаго Ллойда, страховаго, пароходнаго и художественно-литературнаго, состоящаго изъ типографіи, картографіи и фотографіи.

Типографія Ллойда издаетъ двѣ-три ежедневныя газеты и греческій еженедѣльный журналъ *День*. Въ нижнемъ этажѣ—обширная стеклянная галлерея въ формѣ креста, куда обыкновенно собираются negociants состязаться по части сахару и хлопку. Читальня, исправно снабженная газетами (однихъ Французскихъ я насчиталъ двадцать) и изящная кофейная, наполненная Фанаріотами въ короткихъ зеленыхъ курткахъ и необъятныхъ шароварахъ, Армянами въ бараньихъ шалкахъ, вооруженными Албанцами, Турками въ большихъ чалмахъ и широкихъ поясахъ, дѣлають эту галлерею самымъ оригинальнымъ и любопытнымъ пунктомъ Триеста.

Выпить чашку молкского кофе въ Триестѣ, поѣсть миланскаго пирога—въ Парижѣ, осушить бутылку клуко въ Петербургѣ, вотъ три величайшія наслажденія гастрономизнатака.

Триестскій портъ (куда мы отправились потомъ выкурить папироску изъ той душистой лѣны, что зовется левантскимъ табакомъ) не представляетъ лихорадочной дѣятель-

ности, какою отличается Марсесья и Гамбургъ. Пять-шесть судовъ съ убранными парусами покачивались на рейдѣ; растаявшіеся на пластахъ набережной нѣсколько греческихъ матросовъ играло въ карты; въ двухъ шагахъ отъ нихъ Турокъ съ толстѣйшимъ брюхомъ и тупымъ взглядомъ, одѣтый въ изорванный кафтанъ и неломѣрные шаровары, отсчитывалъ на своихъ чоткахъ число корзинъ съ винными ягодами, которыя акипажъ выгружалъ изъ его судна и высыпалъ въ бочки, предназначенныя для триестскихъ кухмистерскихъ...

Я представлялъ себѣ Триестскій портъ совсѣмъ инымъ... Я думалъ что увижу шумныя улицы съ заманчивыми вывѣсками, мечталъ о заколченныхъ винныхъ погребахъ оглашаемыхъ матросскою лѣснью, грезилъ кабачками, пропитанными запахомъ водки и смолы, гдѣ толстыя Мариторны покачиваются на колѣнахъ футуховъ, какъ на картинахъ Тедьера. И мы столько гонялись за осуществленіемъ своихъ фантазій, что нашли наконецъ нѣчто похожее на то что намъ представляло воображеніе. Вотъ узенькій каналъ, самымъ живописнымъ образомъ прокрадывающійся въ городъ; по обѣимъ сторонамъ его веревница барокъ наноситъ на голубое сукно небосклона капризное шитье своихъ мачтъ и снастей; черезъ каналъ переброшенъ хорошенькій желѣзный красный мостъ, точно распахнутая дверь въ которую хочется заглянуть, и позади его, въ глубинѣ яркой перспективы, высится церковь Св. Антонія, съ кулоломъ о двухъ крестахъ, съ украшеннымъ статуями фронтономъ, съ лортикомъ дорического ордена. Впечатлѣніе восхитительное. Точно морской пейзажъ Вуттеровой манеры.

Пока мы любовались этою очаровательною картиной, раздался пушечный выстрѣлъ, прокатившійся по окрестнымъ горамъ и, отъ эха къ эху, замершій въ ихъ ущельяхъ. Возившіеся около насъ рабочіе пріостановились, побросали на землю кирки и лопаты.

— Что это за выстрѣлъ? спросилъ я переходившаго мимо матроса.

— Съ маяка, сударь.

— Съ маяка? повторилъ я почти испуганнымъ тономъ.

— Ничего, сударь, не извольте тревожиться: это не кораблекрушеніе, а значитъ — полдень. Пора обѣдать, да и на боковую.

— Ну вотъ, разочарованно молвилъ мой спутникъ, покачивая головой,—заберешься на истрийскій берегъ, и тутъ тебѣ палятъ для провѣрки часовъ ровно въ полдень какъ въ Палеройальскомъ саду!

По близости случился ресторанъ, рекомендуемый *Путеводителемъ* Бедекера, и мы послѣдовали примѣру Триестянцевъ, отправились завтракать. *Osteria del Adriatico* состоитъ изъ единственной низкой комнаты, составляющей вмѣстѣ и кухню, и погребъ, и кладовую, и столовую. Возлѣ дверей на буфетѣ разнообразная выставка сырыхъ котлетокъ и бифстека, рыбы, омаровъ, салата, прочей зелени въ перемежку съ десертными вазами, полными апельсинами, вишневыхъ ягодъ и изюма.

Мы заказали себѣ громаднѣйшаго морскаго паука, *bron-zini*, бронзоваго цвѣта, котлетокъ и салатъ.

Пока приготавливали завтракъ, мы свели знакомство съ большими черными маслинами, которыя оказались превкусною закуской и съ мѣстнымъ виномъ *Istriano*, густымъ какъ чернила, мягкимъ какъ бархатъ, подаваемымъ въ оловянныхъ кубкахъ.

Вокругъ насъ австрійскіе офицеры съ желтыми бакенами угощались жареною телятиной съ картофелемъ, а въ уголкѣ сынъ Пророка, обладатель турецкой реңты и истасканныхъ бабужъ, сдерживалъ свой аппетитъ въ предѣлахъ кусочка говядины съ вареньемъ. Къ столикамъ подходили мальчуганы съ корзинами большихъ устрицъ въ видѣ лошадиного копыта, тутъ же Евреи въ длиннополыхъ засаленныхъ сюртукахъ грязными руками протягивали подтяжки, коробочки спичекъ и лотерейные билеты.

Изъ остеріи мы пошли въ соборъ, построенный на холмѣ, у подножья котораго лежитъ старый городъ. Въ старину здѣсь былъ римскій храмъ. Впрочемъ, Триестъ существовалъ еще до того времени какъ Римляне овладѣли истрийскимъ поморьемъ. Обитатели этихъ береговъ, Фракійцы по происхожденію, занимались пиратствомъ. Римляне низвели Триестъ на роль крѣпостцы, долженствующей защищать основанную ими Аквилею; но явился Атила, разорилъ эту послѣднюю, а Триеста не коснулся. Послѣ занятія Франками, послѣ управленія собственными патріархами, Истрия сочинила изъ себя республику. Не далѣе какъ чрезъ годъ Триестъ распался на два враждебные лагеря. Пошла уличная

рѣшились въ имя свободы и братства, разрушеніе жилищъ, затѣмъ для устраненія этого оригинальнаго времяпровожденія—возвращеніе къ прежнему порядку. Столѣтіемъ позже Триестъ самъ отдался Австріи. Тогда-то Триестяны купили Кастельнуово чтобы принудить истрийскихъ и всѣхъ смежныхъ купцовъ вѣзти съ товарами черезъ Триестъ. Венеція оловѣстала что она не снесетъ такой помѣхи своей торговлѣ, и объявила войну. Пій II, бывшій въ свое время триестскимъ епископомъ, привелъ своимъ посредничествомъ къ миру, купленному цѣной Кастельнуово и свободаго левала черезъ горы. Однако Венеція продолжала завистливо смотрѣть на процвѣтаніе соперницы. Послѣ борьбы съ Ускоками, въ 1617 году, венеціанскій флотъ прибралъ къ своимъ рукамъ все море и совершенно уничтожилъ торговныя сношенія Триеста, котораго населеніе упало до трехъ тысячъ. Марія-Терезія застала этотъ портъ въ полнѣйшемъ запущеніи. Гдѣ прежде были зданія, тамъ теперь на значительныхъ пространствахъ повыростали деревья! Великая государыня подняла городъ, даровавъ ему свободу торговли, отказавшись отъ содержанія стоившаго большихъ денегъ военнаго флота и поручивъ завідованіе дѣлами этой общины одному лицу, особому губернатору.

Въ настоящую минуту въ Триестѣ съ предметами считается сто двадцать тысячъ жителей, Италіянцевъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Англичанъ, Армянъ, Американцевъ, и на рейдъ его приходитъ ежегодно болѣе пятнадцати тысячъ судовъ вмѣстимостью свыше милліона тоннъ.

Изъ собора мы прошли въ цитадель, гдѣ Французы выдержали въ 1813 году двойную бомбардировку Англичанъ и Австрійцевъ. Она построена Венеціанцами, имѣетъ четыре баціона и господствуетъ надъ городомъ и надъ моремъ.

Направо Мирамаръ, одинокій и угрюмый какъ мавзолей, рисуется своими готическими башнями на фіолетовой близкѣ горизонта, налѣво узорчатые изгибы истрийскаго берега теряются въ золотистомъ туманѣ. Населеніе въ 375.000 Славянъ и 187.000 Италіянцевъ живетъ на этомъ гостепріимномъ взморьѣ.

Триестскій соборъ—древнѣйшій религіозный памятникъ Австріи: онъ построенъ въ VI столѣтіи. Фумѣ, извѣстный мѣнистръ полиціи Наполеона I, похороненъ здѣсь, рядомъ

съ тетками Лудовика XVI, принцессами Аделаидой и Викторией.

Чтобы кончить день, лучше всего отправиться въ Большой театръ, разумеется не столько для Мейерберовой *Африканки* сколько для публички. Мы нѣсколько опоздали, однако любопытство наше было удовлетворено съ избыткомъ. Спектакль походилъ на торжественное представленіе. Всѣ дамы напоявляющія просторныя и роскошно-убранныя ложи казались при алтарномъ свѣтѣ хрустальной люстры принцессами волшебныхъ сказокъ. Въ самые блестящіе вечера парижской Оперы я не видывалъ ничего подобнаго. Бѣлоснѣжныя плечи и грудь окаймляемыя прозрачными кружевами, сверкающія на всю залу алмазами кудри, охваченный золотыми змѣйками съ топазовыми и рубиновыми глазами мраморъ рукъ,—самого Тиціана привелъ бы въ отчаяніе колоритъ этихъ моделей.

Прямо напротивъ насъ сидѣла молодая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, въ серебристомъ газовомъ платьѣ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ красною камеліей въ волосахъ: высокая античная головка, изящная и страстная, съ незрѣлыми еще, но уже волнующимися формами. Она была блѣдна тою особенною блѣзною слоновой кости, которую создаютъ ласки восточнаго солнца; черные глаза ея теплились таинственною томностью; прямой, нѣсколько большой, но нѣжно выточенный носикъ обличалъ твердый характеръ, рѣшительность и любопытство Пандоры и Евы; уста, цвѣтущія какъ сочная роза, казалось металъ незримые порывы. Чувствовалось что освѣщеніе, уютельная атмосфера, музыка ускоряли созрѣваніе дѣвическаго сердца... Пара злодѣйскихъ завитковъ какими-то кабалистическими знаками чернѣли на ея вискахъ, и вся она имѣла лукавую и утомленную позу ангела который скучаетъ дѣвственными радостями Эдема.

Сравнительно съ дамами въ освѣдительныхъ туалетахъ и въ позѣ Клеопатрѣ и Діанѣ, мужчины показались мнѣ неотесанными уродами. Всѣ они похожи на напалывшій на себя фракъ мѣшокъ съ деньгами. Очевидно, для этихъ мужей ихъ жены—ничто иное какъ удовлетвореніе тщеславной мечты, предметъ роскоши и гордыни, то же что богатая дача или кровная лошадь: это для нихъ живая вывѣска торговой или

банкирекой Которы, публичное свидѣтельство о состоятельности и исправности плательщ.

На другой день, въ воскресенье, я вновь любовался всеми красавицами бѣль-этажа на *Piazza*, гдѣ въ одиннадцатъ часовъ играла военная музыка. Онѣ прѣѣхали въ своихъ экипажахъ, потомъ прогулялись пѣшкомъ въ легкой толпѣ, Которая съ любопытствомъ смотрѣла на длинные шлейфы ихъ шелковыхъ платьевъ, разметанные по каменистымъ плитамъ площади точно лавинный хвостъ. Однѣ изъ нихъ были въ шитыхъ золотомъ курточкахъ и въ шикарныхъ шапочкахъ съ султаномъ, разнаго гусарскаго пошиба. Другія щеголяли шляпками со вздернутыми полями и бѣлымъ перомъ. Еврейки, напоминавшія своимъ станомъ скорѣе вавилонскую башню чѣмъ кедръ ливанскій, сновали взадъ и впередъ съ кривляніями, которыя долженствовали угодить ихъ халдейскимъ царикамъ. Всѣ драгоценности, заложенные у ихъ мужей, бряцали и сверкали на ихъ многоэтажной груди. Въ разливъ же этихъ зеленыхъ, синихъ, гранатовыхъ, сиреневыхъ, желтыхъ платьевъ, граціозныя *art-torrelle*, эти смуглыя кохотуньи, „гризетки“ и „манолы“ Адриатики, ларочками расхаживали подъ ручку на цыпочкахъ своихъ крошечныхъ ножекъ, напудренные какъ оперныя маркизы, и какъ только музыка переставала играть, слышалось ихъ веселое щебетанье.

Разнообразіе костюмовъ и модъ, шепоть женскихъ губокъ, шуршанье юбокъ, вздрагиванье вѣровъ на полуоткрытой груди, все это придавало *Piazza* видъ какого-то маскарада при солнечномъ свѣтѣ.

Именно въ воскресенье и слѣдуетъ побѣгать по Триесту чтобы схватить его характеръ и нравы, но надобно владѣть не перомъ, а карандашомъ чтобы передать движеніе и оживленіе этихъ группъ, порхающихъ вдоль *Корсо*, по набережной, предъ кофейнями. Всѣ разряжены, ботинки блестятъ какъ зеркало, фіалки и камелии цвѣтутъ въ волосахъ и на отворотахъ сюртуковъ. Магазины закулорены наглухо. Молоденькія красотки, свѣжія какъ маргаритки, выходятъ изъ церквей съ молитвенникомъ въ рукахъ. По всѣмъ угламъ торговли восковыми свѣчами барабаютъ пальцами по своимъ деревяннымъ столикамъ, крича во все горло: „Мадонна, Мадонна, не забудьте Мадонну!“ Подлетаетъ женщина изъ простонародья, хватаетъ свѣчу, тутъ же ее зажигаетъ и

устремляется къ ближайшей часовнѣ, горящей огнями, гдѣ экономный сторожъ старательно собираетъ на поднось уже обгорѣвшіе огарки...

Въ четыре часа, десь Триестъ опять собирается на прогулки Сант-Карло. Семейная жизнь почти неизвѣстна подъ этимъ небомъ. Дома вообще не комфортабельны, квартиры плохи, меблировка ограничивается самымъ необходимымъ. Къ чему ковры и диваны, когда въ цвѣтникахъ такъ хорошо пахнетъ и такъ уютно сидится на скамейкѣ въ саду? Къ чему ластно-закрывающіяся двери и рамы, когда солнце щедрою рукой сыплетъ плодотворное злато своихъ лучей?

III. Мирамаръ.

На другой день утромъ я отправился въ остерію, гдѣ мы должны были завтракать съ моимъ молодымъ пароходнымъ знакомцемъ Парижаниномъ, имени котораго я еще не зналъ.

— Сейчасъ я получилъ письмо, говоритъ онъ мнѣ, — которое вызываетъ меня немедленно въ Парижъ. Бѣду сегодня же чрезъ Мюнхенъ.

— Не забудьте Пенактотеку. Тамъ Дюреры и Гольбейны, предъ которыми нужно стоять на коѣнкахъ.

— Знаю.

— Вы уже были въ Мюнхенъ?

— Да, я провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ прошломъ году, какъ-разъ въ ту пору какъ вышла книга нѣкогого Тиссо, *Пруссы въ Германіи*.

— А... Чтѣ жъ, на все обратили вниманіе?

— Еще какое! Она перевернула Мюнхенъ вверхъ дномъ, выдала брошюры, породила запросъ въ Палатѣ Депутатовъ. Особенно огорчились Мюнхенцы жалобами Тиссо на неоплатность знаменитой королевской пивоварни. Г. Лакке, съ книгой въ рукахъ и цитулъ ее въ Палатѣ, требовалъ чистки. Пренія продолжались два дня. Однако противная партія одержала верхъ.

— Не мудрено, королевская пивоварня есть не пивоварня, а родъ буддійскаго святилища: какъ же касаться ее и скотовъ которые въ ней засѣдаютъ.

— Полноте, вы преувеличиваете!

ишь

раю васъ что нѣтъ.

Миссис Тиссо, поучительно продолжала мой собесѣд-
никъ слишкомъ распространяясь о путешествіяхъ.

се-таки не выказала все что ожидаетъ сказать.

Если торчать въ заведеніи, о которомъ идетъ рѣчь—
миссис Тиссо собственными глазами—отъ 8 часовъ утра до
вечера, не двигаясь съ мѣста.

нѣчто попятное, жарко и имъ хочется пить.

нѣтъ, позвольте: какъ же это жить живо въ теченіе
часовъ брѣдъ, и не двигаться съ мѣста?

идея довольно естественная въ Мюнхенѣ, гдѣ живо
жить собою все, и хлѣбъ, и молоко, и мясо.

вѣдь живо вызываетъ потребность въ приключеніяхъ
и даже выходить вонъ...

понимаю! уныбулся мой спутникъ.

то же. А эти Мюнхенцы точно бочки... Многого
разказалъ Тиссо, и не разказалъ.

какъ хотите, а все-таки онъ должно-быть большой
дурень.

но того что вралъ, добавляя а съ презрѣніемъ, — это
дурень.

веренная правда.

къ мы съ вами согласны на этотъ отчетъ?

вполнѣ.

прон! бутылку шампанскаго!

спутникъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Ко-
панское подали, пробка хлопнула и верхушки бока-
льничались свѣтлою лѣной, и выливая за здоровье жи-
вотна, лишній разъ доказавшаго мнѣ справедливость
орки что путешествія обогащаютъ умъ человека.

было очень весело, мы разговаривали и томически
ли злополучнаго автора *Путешествія въ страну мильер-*
мы любили его камнями и бросили заморты на полъ.
акъ я радъ что познакомился съ вами, миссис Тиссо
обесѣдникъ. — Надѣюсь что въ Парижѣ вы увидите.

удьте удивлены что я не менѣе доволенъ нашимъ зна-
комъ. Вотъ моя карточка:

взялъ, прочелъ, посмотрѣлъ на меня, перечелъ, опять
грѣлъ...

мы конечно шутите! пропейте! онъ наконецъ, опу-
стилъ.

— Нисколько.

— Вы... господинъ Викторъ Тиссо?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Авторъ книгъ, которыя мы такъ разбирали?

— Охъ самый.

— Я право не знаю, какъ извиняться предъ вами...

— Пожалуйста не извиняйтесь: вы доставили мнѣ рѣдкое удовольствіе сдѣлать въ глаза правду. Позвольте пожать вамъ руку и проводить васъ до станціи желѣзной дороги.

Черезъ десять минутъ мы сѣдиди въ розовый фіакръ (Тріестъ обладаетъ фіакрами всевозможныхъ цвѣтовъ), а черезъ четверть часа я прощался съ г. Рене де Виль..., у котораго пишу этими строками прощенья за замѣшательство въ которое его повергнулъ.

Отъ станціи желѣзной дороги я приказалъ вести себя въ Мирамаръ.

Мирамаръ находится перстахъ въ четырехъ отъ Тріеста. Дорога восхитительна. Она идетъ морскимъ берегомъ, на всемъ протяженіи окаймленномъ бахромой лѣвы. Адриатика то злобозвучитъ какъ колдуныя, то кокетничаетъ какъ молодая дѣвушка. Голубыя воды ея прозрачны, дыханье свѣжо, голосъ вѣжливъ какъ вздохъ. Чайки рѣлаи вокругъ насъ въ лазури, дажи привидѣніями мелькали неопредѣленныя очертанія проходящихъ судовъ. По временамъ барки съ красными парусами рѣзко выдѣлялись изъ общей картины, нарушая ея мечтательную гармонию.

Въ концѣ дороги на живописной высотѣ видѣлся замокъ. Мирамаръ съ зубчатыми башнями массивной архитектуры. Онъ гордо и угрюмо господствуетъ надъ моремъ.

Никто никогда еще не передавалъ исторіи этого замка, а такъ какъ я сдѣлалъ ее отъ человека бывшаго другомъ дѣтства австрийскаго, въ послѣдствіи мекопанскаго императора Максимилиана, то считаю не безынтереснымъ познать о немъ нѣкоторыя подробности.

Въ 1856 году молодой эрцгерцогъ служилъ въ австрійскомъ флотѣ, обязаннымъ ему своими послѣдующими побѣдами, накомандовалъ о Мирамаръ и не замѣтилъ, что ему придется быть правителемъ Ломбардскихъ провинцій. Онъ совершилъ уже путешествіе въ Грецію и въ Малую Азію, побѣдилъ въ Испаніи, Португаліи, Сициліи, посѣтилъ Востокъ и Гроби

Господень. Онъ любилъ море какъ истый морякъ и поселился въ Триестъ. Часто въ бурную погоду онъ бросался въ шлюпку и устремлялся на борьбу со стихіями. Разъ какъ-то Бора подхватила его лодку какъ перо, и увесла ее по ту сторону мыса Дживьяно (Gignano). А тамъ—ни малѣйшаго вѣтерка, море спокойное какъ озеро. Максимилианъ вышелъ на берегъ, и ему такъ понравилась эта мѣстность что онъ вздумалъ построить себѣ здѣсь рыбацкую хижину. Онъ купилъ клочекъ земли и принялся садить на немъ тропическія растенія, въ видѣ опыта, и не подозревая что почва здѣсь плодородна до чрезвычайности.

Въ слѣдующемъ году онъ женился на дочери короля Бельгійцевъ и волшебный золотой жезлъ, принесенный ему въ приданое принцессой Шарлотой, превратилъ хижину въ царскія палаты.

Въ то время Максимилианъ усердно занимался архитектурой (ему-то принадлежитъ мысль одной удивительной церкви, составляющей украшеніе Вѣны) и онъ собственноручно начертилъ планъ Мирамара. Работы быстро подвигались впередъ, однако въ 1858 году, когда эрцгерцогу пришлось покинуть Ламбардію, достроенъ былъ только сельскій домикъ, стоящій на вершинѣ холма. Онъ поселился въ немъ съ супругой и это помѣщеніе такъ ему понравилось, что онъ не хотѣлъ оставлять его даже тогда когда здѣлокъ былъ уже оконченъ.

Представьте себѣ большую швейцарскую хижину, увитую плющемъ и виноградомъ, окруженную кустами камелій и розъ, точно альковъ занавѣсками. Какъ сладко должно-быть жилось въ этомъ душистомъ уединеніи, оглашаемомъ лѣтнимъ птицъ, въ этомъ зеленомъ гнѣздышкѣ съ небомъ надъ головами, съ моремъ у ногъ, съ влюбленною улыбкой на устахъ...

Максимилианъ осуществилъ современную мечту объ обладаніи хижинкой, сердцемъ и кошечкой. Щедрость принца дѣлала необходимымъ этотъ послѣдній элементъ счастья, потому что онъ любилъ окружать себя артистами, литераторами, учеными, и осыпалъ ихъ подарками. Ахъ, еслибъ аллеи могли говорить, еслибъ деревья могли передать все что они слышали: мы проникли бы въ глубину этой души и убѣдились бы въ благородствѣ и величіи наполнявшихъ ее замысловъ!

Максимилианъ прежде всего былъ добрый человѣкъ; память его обожается въ Ломбардскихъ провинціяхъ, которыми онъ управлялъ какъ другъ и отецъ, а въ Мекенкѣ, гдѣ онъ не хотѣлъ вести себя завоевателемъ, Индійцы окрестностей Кверетаро до сихъ поръ при постройкѣ своихъ домовъ закладываютъ въ нихъ камень съ холма на которомъ онъ былъ разстрѣлянъ. Когда гробъ его привезли въ Триестъ, городомъ овладѣло несказанное волненіе, лавки закрылись, работы остановились, улицы наполнились мушкетерами въ траурной одѣждѣ и рыдающими женщинами. Славянское населеніе низшихъ классовъ долго не хотѣло вѣрить его смерти. „Возвратится, повторяло оно, возвратится...“ Какъ подумаешь, какую счастливую жизнь могли бы они вести здѣсь и какъ вспомнишь что его ужъ нѣтъ, а она хоть и существуетъ, но мертва для жизни—вступаешь за рѣшетку замка съ невыразимою грустью.

Невозможно бродить по этимъ очаровательнымъ садкамъ не воображая себѣ сценъ домашнего счастья. Вотъ въ аллеѣ залитой зеленоватымъ сіяніемъ мелькнула и исчезла парочка. Да, это потерянный рай, гдѣ, какъ въ раю настоящимъ, Ева согрѣшила первая: змій честолюбія возникъ предъ женой, которая взявъ запрещенный плодъ вкусила отъ него и подала мужу. Молоденькая эрцгерцогиня тосковала по коронѣ и славѣ какъ тоскуютъ по родинѣ...

Но проникнемъ въ самый замокъ, возбуждавшій въ Вѣнѣ болѣе зависти чѣмъ Максимилианъ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ Австрійской монархіи. Дверь открыта настежь, посѣтителей не спрашиваютъ объ ихъ имени, доступъ всякому свободенъ какъ къ мѣсту поклоненія.

Въ большой прихожей дюжина приставленныхъ къ стѣнѣ алебардъ свидѣтельствуютъ что находишься въ жилищѣ принца крови. Ни мало не воинственный видъ этого праздничнаго оружія еще болѣе смягчается содѣйствіемъ мраморной вазы, изъ которой льютъ двѣ голубки съ наклоненными шейками и трепещущими крылышками. Въ глубинѣ, въ окнѣ какъ въ рамкѣ виденъ Триестскій заливъ.

Кабинетъ и прилегающая къ нему спальня — точное воспроизведеніе двухъ каютъ какіе занималъ Максимилианъ на фрегатѣ *Наварра*, на которомъ онъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. На письменномъ столѣ—миніатюрный портретъ императрицы Шарлоты. Библіотека напичкана мате-

матическими и историческими книгами и путешествіями на всѣхъ языкахъ: восемнадцати лѣтъ Максимиліанъ говоритъ уже по-англійски, по-французки, по-итальянски, по-испански, по-немецки, по-савойски, по-гречески и по-латыни. Статуи Данта, Гёте, Шекспира, Гомера украшаютъ эту комнату, отдѣленную со строгою изящностью. Въ этомъ самомъ кабинетѣ, выходящемъ на море, котораго онъ любилъ необъятность, написалъ Максимиліанъ четыре тома своихъ воспоминаній, лутевыхъ очерковъ, афоризмовъ и стиховъ. Трудно вообразить себѣ уголокъ болѣе располагающій къ мечтанію, къ раздумью, къ работѣ, и на эрцгерцога удачно находило здѣсь вдохновеніе: Германія единодушно вѣнчала Максимиліана поетомъ, — корона менѣе тяжкая и менѣе хрушкая чѣмъ его мексиканскій вѣнецъ. Максимиліанъ обладалъ прелестьнѣйшимъ описательнымъ даромъ и большою тонкостью наблюденія. Хотите общаикъ? Вотъ совѣтъ его своимъ собратамъ туристамъ-художникамъ: „Страстующіе люди! хотите судить о городѣ еще до вступленія въ него? Если надъ нимъ висятъ высокія потемнѣвшія колокольни, блестящіе куполы, отупайте: вы найдете въ немъ величественные монументы и величавыя воспоминанія. Но если городъ является вашему взору безъ высокихъ сооруженій, — мимо: вы не встрѣтите здѣсь ничего кромѣ однообразныхъ домовъ и улицъ. Загляните сюда только въ такомъ случаѣ, если сахарный песокъ и хаолокъ важнѣе для васъ всего остальнаго. Если же издали завидатся вамъ колосальныя дымовыя трубы, бѣгите, равно какъ и увидѣвъ вѣтренныя мельницы, ибо изъ всѣхъ городовъ самыя скучныя—это фабричныя города: они умерщвляютъ умъ и сердце и обращаютъ людей въ машины.“

Максимиліанъ обожалъ Италію. Неапольъ былъ для него „упавшимъ съ неба кусочкомъ рая“, и онъ превосходно описалъ его.

Въ гостиной — портреты Австрійскаго императора и императрицы, въ спальнѣ — Наполеона III и Евгеніи. Домашняя церковь устроена по образцу іерусалимской часовни у Гроба Господня.

Въ бѣль-этажѣ—цѣлая коллекція старинныхъ картинъ и портретовъ; въ такъ-называемой „императорской“ комнатѣ—Цѣд IX. напротивъ королевы Изабеллы. Здѣсь находится также картина Рафаеля и письменный столъ Маріи-Анту-

алетты, розоваго дерева. Далѣе одна комната растисана картинами изображающими исторію Мирамара съ самыхъ отдаленныхъ временъ: прибытіе Римлянъ и т. д., потомъ вступленіе въ Триестъ Леопольда I, подвѣшеніе Максимилиану короны мексиканскою депутаціей, отъѣздъ царственной четы въ Мексику....

Какъ въ Вѣнскомъ императорскомъ дворцѣ, въ Мирамарскомъ замкѣ также имѣется тронная зала.

Лѣстница—въ германскомъ готическомъ вкусѣ, рѣзнаго дерева, со статуями герольдовъ, держащихъ въ рукахъ канделябры. По стѣнамъ — индійское оружіе вывезенное изъ острововъ Архипелага.

Максимилианъ пылалъ къ природѣ идеальною страстью. Живъ Жака Руссо и видѣлъ въ растительномъ царствѣ не одну лишь цѣлебную силу. Онъ любилъ въ растеніяхъ ихъ цвѣтъ, разнообразіе ихъ формъ, ихъ запахи, ухаживалъ за ними какъ артистъ. Онъ обильно насадилъ ихъ вокругъ Мирамара, превративъ раскаленную голую скалу въ оазисъ и акклиматизовавъ здѣсь самыя яблкі и пышныя произведенія Востока. Съ террасы глазъ пробѣгаетъ всю блестящую гамму тамариновъ, баобабовъ, кокосовыхъ деревьевъ, зонтовидныхъ сосенъ, кактусовъ, смоковницъ. Тамъ и сямъ — пальмы, наводящія на мысль о Павлѣ и Виргиніи, цѣлыя аллеи сильно-пахучаго кустарника, ковромъ цвѣтовъ такой роскоши и разнообразія оттѣнковъ, что кажется это набросаны драгоценныя камни, зеленыя шпалеры съ овальными вырѣзками и видомъ на море, точно убѣжище нимфъ. Нѣсколько статуй грѣютъ свою мифологическую наготу на солнцѣ. Меллегръ призадумался на своемъ мраморномъ пьедесталѣ, словно отыскивая взорами отдаленные берега Іоніи; уста его полуоткрыты, будто шелча мимо-вѣющему вѣтерку его посланіе къ Аеліской дѣвѣ. „Зачѣмъ я не вѣтеръ! гуляя по солнцу ты распахнула бы одежду и я коснулся бы твоей груди лобзаньемъ“.... На зеленой лужайкѣ верхней террасы—бронзовая статуя нагата юноши въ нѣмомъ обожаніи воздвизаго къ солнцу глаза и руки: посреди этой могучей растительности и опыляющихъ ароматовъ, юный красавецъ представляется олицетвореніемъ земли, безустанно возрождающейя подъ милованіемъ небснаго свѣтала.

Максимилианъ такъ любилъ свой Мирамаръ что сдѣлалъ изъ него волшебный пріютъ. Въ Мексикѣ единственною

утѣхой служилъ ему тѣ минуты которыя онъ могъ посвящать Мирамару. Онъ распоряжался оттуда своимъ замкомъ, какъ будто не сегодня-завтра долженъ въ него возвратиться, съ каждою почтой отдавалъ приказанія перемѣстить такіе-то цѣнты, меблировать такую-то комнату, тамъ пристроить, здѣсь почивить... Мирамаръ былъ для него свирѣялою пастуха лопавшаго въ королѣ: играя на ней, воспоминается минувшее счастье и отгоняются прочь телерешнія мрачныя заботы. Мексиканская депутація, которой поручено было поднести Максимилиану корону, прибыла въ Мирамаръ 10го апрѣля 1864. „Мы приславы, возговорилъ донъ-Гуттиерезъ-де-Эстрада, просить васъ о вступленіи на Мексиканскій престолъ, куда зовутъ васъ молебны страны утомленной усобицами, зовутъ, потому что вы обладаете даромъ владѣть сердцами и управлять государствомъ.“

Максимилианъ отвѣчалъ что онъ готовъ исполнить желаніе Мексиканскаго народа, и что правленіе его будетъ либерально и конституціонно. „Я докажу, прибавилъ онъ, что свобода совместиа съ порядкомъ: я охраняю свободу и заставаю сохранять порядокъ.“

Донъ-Гуттиерезъ поблагодарилъ эрцгерцога отъ имени Мексиканской націи; потомъ новый императоръ поклонялся на Евангеліи блясти счастья своего народа и независимость его территоріи; Гуттиерезъ присягнулъ, съ своей стороны, именемъ Мексики, въ вѣрности императору; Максимилианъ объялъ его и возложилъ на него знаки только-что установленнаго имъ ордена Гваделупы.

Черезъ три дня царственная чета покинула австрійскую почву. Съ раннаго утра необычайное движеніе охватило Триестъ, городъ, рейдъ и Мирамарскую дорогу. Населеніе обѣгалось отовсюду проститься съ любимымъ эрцгерцогомъ. *Насарра* и французскій фрегатъ *Тѣмис* были готовы, около нихъ покачивались на якоряхъ шесть пароходовъ Австрійскаго Ллойда, переломленные зрителями. Ровно въ часъ полудни императоръ съ императрицей вышли въ свои пріемныя комнаты, гдѣ ихъ ожидали десятки два депутацій съ прощальными адресами. Максимилианъ былъ явно растроганъ. Когда триестскій бургомистръ выразилъ скорбь покидаемыхъ имъ населеній, онъ заплакалъ, пожалъ руку окружающимъ и въ поголосу сказалъ:

— Чувствую что не увижу болѣе этого края...

Эта поэтическая и рыцарская натура поддавалась впечатлѣннѣ, мрачныя мысли проникали въ его душу и повергали его въ безконечную печаль. Путевой журналъ его преисполненъ грустныхъ размышленій: „Земля такъ не велика, пишетъ онъ напимѣръ, а какъ васъ встряхиваетъ пока доберетесь отъ одного конца въ другой! Счастливы тѣ кому суждено возвратиться!“

Ихъ величества спустились въ раздѣленную флагами шлюпку, приготовленную городомъ Триестомъ, въ ту же минуту загремѣли пушечныя выстрѣлы и тридцать тысячъ рукъ замахали по воздуху шалами и платками.

Максимиліанъ и Шарлотта взошли на *Navarra* уже осѣненную мексиканскимъ флагомъ. Къ четыремъ часамъ оба фрегата потерялись изъ виду, и тогда только толпа начала расходиться съ берега, къ которому точно прирела. У кого была подзорная труба, тотъ до самаго послѣдняго мгновенія видѣлъ на кормѣ обликъ человѣка: Максимиліанъ бросалъ послѣдніе взоры на Мирамаръ...

Императоръ и императрица посѣтили Римъ. Во время краткаго пребыванія ихъ тамъ, неизвѣстная рука наклеила на столбы слѣдующіе вурши:

Massimiliano non ti fidare,
Torno sollecito a Miramare!
Il trono fradicio di Montezuma
E nappo gallico, colmo di spuma.
Il „Timeo Danaos“ qui non ricorda—
Sotto la clamide trova la corda...

То-есть, въ довольно близкомъ переводѣ:

Максимиліанъ, чужихъ не довѣрайся,
Ты въ Мирамаръ скорѣ возвращайся.
Тотъ алмазный Монтезумы тронъ—
То галльская уловка. Онь
Какъ лѣна въ кубкѣ аветса вонъ.
Кто „Timeo Danaos“ позабылъ,
Тому не багряницу, а веревку року сулалъ...

Путешествіе продолжалось черезъ Габраатаръ и островъ Мадеру. Максимиліанъ радостно приготовлялъ этотъ островъ, который былъ уже посѣщенъ въ 1852 году и который описалъ тогда очень жале: „Предъ моими очаровательными взорами, пишетъ онъ въ IV томѣ своихъ *Сочиненій*, под-

нимается изъ воды волшебный островъ, облитый дучами тропическаго солнца. Море—прозрачная лазурь, воздухъ проникнутъ упоительными ароматами. Базальтовые холмы фиолетоваго оттѣнка молчаливо высятся посреди группы деревьевъ которыхъ темнозеленыя листья дышать всею своею свѣжестью. Растроганный духъ мой преисполнился отрады. Картина чистоты небесной! Мнѣ казалось что незримыя очи души моей проникають кроткую лучезарность этой атмосферы, дышалось съ наслажденьемъ, и видѣлся мнѣ новый свѣтъ, видѣлся рай...

Максимиліанъ посѣтивъ Мадерское кладбище, сорвалъ на заброшенной могилѣ розу, которую взялъ съ собой...

Минуя Ямайку, *Наварра* прибыла, 28го мая, къ Мексиканскому берегу и бросила якорь въ Вера-Круцъ.

Императоръ и императрица ожидали царскаго приема: ничего не было приготовлено, ни даже какой-нибудь простой официальной встрѣчи. А вѣдь французскій фрегатъ *Thémis* нарочно опередилъ *Наварру* чтобы возвѣстить прибытіе ихъ величествъ...

Велико было разочарованіе. Контръ-адмиралъ Боссъ пытался помочь горю: онъ устроилъ балъ, но равнодушный видъ туземцевъ показывалъ что они чужды этой манифестаціи. Гдѣ же былъ обѣщанный ихъ депутаціей? Максимиліанъ задался вопросомъ: не обманули ли его, и не выдумка ли все то что ему наторковали о стремленіяхъ населеній? Но чрезъ три дня, на пути въ столицу, выказалось больше радушія, и по мѣрѣ того какъ онъ подвигался внутрь страны, въ немъ прибывало бодрости. На послѣдней стациіи желѣзной дороги предъ Мехико, Лома-Альта, приемъ былъ почти задумшевный.

А французская администрація все-таки нигдѣ не сдѣлала никакихъ приготовленій... Дорогой императорской свитѣ приходилось спать на улицѣ укрываясь одеялами. Начиная отъ Лома-Альта, Максимиліанъ продолжалъ путь въ старой коляскѣ, такъ что переездъ походилъ скорѣе на экспедицію искателей приключеній чѣмъ на царскій поѣздъ.

12го іюня императоръ вступилъ наконецъ въ Мехико, гдѣ его ожидала театральная встрѣча, которая очень ему не понравилась. А вечеромъ, на парадномъ спектаклѣ, ихъ величества, войдя въ свою ложу, очутились въ залѣ почти пустой... Назначенный для нихъ Капультелекскій дворецъ,

бывшая резиденція вице-королей Астекскихъ, отличалась совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ удобствъ и смахивала скорѣе на гостиницу второй руки чѣмъ на царское помѣщеніе.

Максимиліанъ прежде всего желалъ замирить страну. Ближайшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли казалось ему соглашеніе съ Хуаресомъ. Сообразно съ этимъ, онъ предложилъ ему свиданіе, ругаясь за его безопасность, но экс-президентъ Мексиканской республики высокомерно отвергнулъ предложеніе. Тѣмъ не менѣе Максимиліанъ провозгласилъ полную амнистію за политическія преступленія, надѣясь больше выиграть кротостью чѣмъ суровостью. Базель держался иного мнѣнія, и отношенія между императоромъ и маршаломъ сразу стали натянуты, потому что Базель все разстрѣливалъ, а Максимиліанъ все миловалъ.

Императору присовѣтовали лично обозрѣть свое государство, дабы узнать его потребности и стремленія. Что жъ онъ увидѣлъ? Страну разоренную войной, безо всякихъ путей сообщенія, полудикій край, въ которомъ процвѣтало лишь одно разбойничество. „У насъ только грабежи организованы правильно“, отвѣчалъ ему одинъ Мексиканецъ на вопросъ о положеніи дѣлъ.

Дѣйствительно, въ Мексикѣ грабили и крали повсюду, даже во дворцѣ и во внутреннихъ императорскихъ покояхъ. Послѣ одного официального пріема, со стола исчезъ револьверъ съ золотой насѣчкой и ручкой изъ слоновой кости, а у императрицы не хватило двухъ часовъ! Лопецъ, бывший тогда комендантомъ Калультелекского дворца, желая показать императору опытъ мексиканскаго искусства, предлагалъ лари что въ теченіе двухъ часовъ онъ украдетъ съ его письменнаго стола какую угодно вещьцу, украдетъ самый письменный столъ, — и Максимиліанъ очень смѣлся этимъ шуткамъ...

Возвратившись послѣ тысячи опасностей изъ своей поѣздки, императоръ распорядился постройкой нѣсколькихъ шоссеиныхъ дорогъ и чугонокъ, завелъ школы, основалъ Академію Наукъ и Художествъ. Любовь его къ естественнымъ знаніямъ была такова что, съ упрекомъ говорятъ о немъ, онъ по цѣлымъ днямъ запирался въ своихъ алпартаментахъ, занимаясь набивкой птичьихъ чучелъ...

Онъ озабочивался также улучшеніемъ земледѣлія, самъ

разбилъ планъ большаго промышленнаго и торговаго города, который предполагалъ выстроить на Мексиканскомъ заливѣ и назвать Мирамаромъ. Супруга была ему дѣльной и преданною сотрудницей; она постоянно работала вмѣстѣ съ нимъ или одна. Ея перу принадлежать появившіеся въ Европу отчеты о мексиканскихъ дѣлахъ, она-то приготовляла для торжественныхъ случаевъ энергическое слово. Она была высококомѣрна и остроумна. Когда Максимилианъ основалъ орденъ „Заслуги“ (*Ordre le Mérite*), Базель именовемъ Французскаго правительства запретилъ снабдить его ленточкой цвѣта Почетнаго Легіона. Императрица взялась отвѣтить на письмо маршалу и сдѣлала это такъ: наклеила на ленточку бумаги маковый цвѣтокъ (*coquelicot*) и подписала подъ нимъ: „Для моего ордена я выбираю оттѣнокъ этого цвѣтка, который, надѣюсь, былъ созданъ раньше Почетнаго Легіона“.

Пока императоръ и императрица всецѣло предавались своимъ мирнымъ занятіямъ, ряды Хуаристовъ увеличивались, гверильасы становились все назойливѣе, шайки разбойниковъ упражнялись въ своемъ выгодномъ ремеслѣ у самыхъ воротъ столицы. Почтовые кареты (малышѣ) аккуратно два раза въ день подвергались ихъ обыску, что очень досаждало таможенныхъ досмотрщиковъ, которымъ такимъ образомъ не оставалось никакой жизни. Маркизъ-де-Радепонъ отдѣлялся отъ бандитовъ, застрѣливъ лодюжины ихъ изъ револьвера. Менѣе счастливъ или отваженъ былъ бельгійскій посолъ, ѣхавшій въ Мексику съ извѣщеніемъ о востшествіи на престолъ Леопольда II: у него отняли все золото и всѣ драгоценности, а свита его выдержала въ каретѣ настоящую осаду, насилу отбившись отъ подданныхъ новаго Мексиканскаго государя.

Послѣ этихъ-то двухъ происшествій Базель вынудилъ у Максимилиана повелѣніе считать всѣ вооруженныя партіи разбойническими шайками и поступать съ ними по всей строгости военныхъ законовъ. Тогда не предвидѣлось что этимъ уготовляется смертный приговоръ самому Максимилиану....

Въ сентябрѣ 1865 года былъ открытъ заговоръ противъ жизни императора. Во главѣ заговорщиковъ стоялъ генералъ Ураго, адъютантъ Максимилиана и сынъ одного изъ его министровъ. Открыли и арестовали около пятисотъ сообщниковъ, пришлось даже распустить замѣшанныхъ

драгунѣвъ императрицы и просить Базена занять дворецъ своими войсками. А между тѣмъ Французская экспедиція приближалась къ концу, Наполеонъ ждалъ только случая, чтобъ отступить отъ „величайшей идеи своего царствования“. Соединенные Штаты доставили ему искомый предлогъ,—отзывъ французскихъ войскъ былъ рѣшенъ.

Максимилианъ, познавшій настоящее положеніе Мексики и понимавшій опасность грозившую ему послѣ удаленія Французовъ, послалъ императрицу въ Парижъ, напомнить Наполеону его обязательства. Известно какъ приняла Шарлотту въ Тюильри.... Мольбы ея остались тщетными. Выпровоженная изъ Парижа, она поѣхала въ Римъ, гдѣ и показались первые признаки ея сумасшествия. Несчастною овладѣла мысль что ее хотятъ отравить, она отказывалась отъ пищи и питья и питалась одними плодами. Введенная къ Пію IX во время егѣ завтрака, она вырвала у него изъ рукъ чашку съ шоколатомъ, говоря: „Въ этой навѣрное нѣтъ яду.“ И принцесса назвалась къ папѣ на обѣдъ и заочевала въ Ватиканѣ, твердя что въ гостиницѣ ее изведутъ медруги. Съ трудомъ увезли ее въ Мирамаръ, гдѣ здоровье ея нѣсколько поправилось. Она предавалась своимъ обычнымъ занятіямъ, музыкѣ, живописи, чтенію. Въ глазахъ суевѣрнаго мѣстнаго населенія она прослыла святою. Встрѣчалась съ ней, истрійскія и далматскія крестьянки бросались на колѣны.

Въ Мексикѣ между тѣмъ положеніе становилось все хуже. Базенъ покинулъ Максимилиана на произволъ судьбы, и вмѣсто того чтобъ оставить ему свои пушки и снаряды, затопилъ ихъ.

Въ то время Французское правительство нѣсколько разъ пробовало склонить Максимилиана къ отреченію. „Никакихъ цалювѣй я больше не питаю, отвѣчалъ онъ, но все-таки остаюсь: Габсбургцы не покидаютъ своего поста въ минуту опасности.“

Максимилианъ, получившій извѣстіе о болѣзни своей супруги, не имѣлъ намѣренія навсегда остаться въ Мексикѣ, но онъ хотѣлъ спасти свое достоинство, возвратиться въ Европу императоромъ, а не бѣглецомъ, и тамъ уже *motu proprio* сложить корону. Съ этою цѣлью онъ уже отправился было въ Оризабу, гдѣ его ждалъ корветъ *Dandolo*. Но окружавшій его мексиканскій генералитетъ уговорилъ его

возвратиться съ полдороги, суля ему войско и финансовыя средства. Максимиліанъ вновь вступилъ въ Мехико, возвѣщая что онъ остается въ странѣ единственно для блага Мексиканскаго народа, не имѣя въ виду ни личныхъ, ни даже политическихъ плановъ. Уходя французскихъ войскъ оставилъ поле за Хуаристами. Они быстро овладѣли потерянными въ прежнее время позиціями и готовились къ осадѣ самой столицы. „Слѣдуетъ избавить городъ отъ этого испытанія,“ рѣшилъ императоръ, сохранившій посреди своихъ испытанийъ всю доброту души, и онъ удалился въ Кверетаро, гдѣ генералы Мирамонъ, Мендесъ, Кастилья, Мехиа, Авеллано и князь Сальмъ-Сальмъ собрали небольшой отрядъ въ восемь тысячъ человѣкъ.

Въ теченіе семидесятидневной осады этой крѣпости, Максимиліанъ явилъ величавый и вмѣстѣ исполненный простоты героизмъ. Онъ раздѣлялъ всѣ труды и лишения рядовыхъ солдатъ, питаясь исключительно мясомъ лошаковъ, въ то время какъ генералитетъ его пировалъ за роскошною трапезой. Рисковалъ онъ жизнью какъ никто, и расхищалъ по бастіонамъ какъ по террасѣ Мирамара. Однажды взору его представилась ужасная картина: пять труповъ, качавшихся на ближайшихъ деревьяхъ.... То были пять курьеровъ, отправленныхъ имъ въ Европу, полавшихъ въ руки Хуаристовъ и повѣшенныхъ подъ стѣнами города. Лично Максимиліанъ могъ бы спастись, прорубившись съ кавалеріей сквозь осаждающихъ, но онъ не хотѣлъ покинуть своихъ воиновъ. На капитуляцію онъ не сдавался: „Погибну въ битвѣ,“ повторялъ онъ.

Ежедневно приводили плѣнныхъ. Когда ему говорили о необходимости казнить тѣхъ изъ нихъ которые были заподозрѣны въ шпіонствѣ, онъ отвѣчалъ: „Не нужно казней; если все кончится благополучно — тѣмъ лучше; если намъ суждено погибнуть—не хочу имѣть крови на совѣсти...“

Сѣстныхъ припасовъ не хватило; приходилось или сдаться, или одѣлать вылазку. Рѣшились на послѣднюю. Ночью 14го мая уцѣлѣвшія семь тысячъ человѣкъ гарнизона должны были броситься на непріятеля по направленію къ Вера-Круцу. По странному стеченію обстоятельствъ, хуаристскій генералъ Эскобедо съ своей стороны назначилъ штурмъ на утро 15го мая....

Ни вылазка, ни штурмъ не состоялся. Измѣна Лопецъ помѣшала вылазку и сдѣлала штурмъ ненужнымъ...

Лопецъ, осыпанный милостями Максимилиана, называвшій себя его преданнѣйшимъ другомъ, продалъ своего государя и благодѣтеля за двѣ тысячи золотыхъ унцовъ! *

Ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый день Лопецъ привозилъ къ императрицѣ свою жену, незадолго предъ тѣмъ неожиданно разрѣшившуюся отъ бремени въ наемномъ помѣщеніи, привозилъ благодарить за новый даръ императора, писавшаго: „Не потерплю чтобы вашъ сынъ былъ рожденъ подъ чужимъ кровомъ: вотъ сумма необходимая для покупки дома гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ“.

Лопецъ былъ осведомленъ обо всемъ что происходило въ хуаристскомъ лагерѣ, и 14го вечеромъ послалъ Эскобедѣ записку съ предложеніемъ предать въ его руки Деаакруцкій монастырь, гдѣ находился императоръ со своимъ штабомъ. Эскобедо принялъ предложеніе, и около полуночи Лопецъ спустился въ ровъ со своимъ отрядомъ, который тутъ же положилъ оружіе. Хуаристы заняли монастырь такъ что никто этого и не примѣтилъ. Максимилианъ всталъ по обычаю на зарѣ, разбудилъ князя Сальмъ-Сальма, оба они вышли изъ комнаты безо всякаго оружія. У воротъ императоръ вдругъ остановился.

— Хуаристы! вскричалъ онъ, обращаясь къ своему спутнику.—Намъ измѣнили!

Въ ту же минуту Лопецъ указалъ императора полковнику Бивконъ-Галлардо, командовавшему хуаристскимъ карауломъ. Бивконъ, честный солдатъ и благородный человѣкъ, громко отозвался:

— Вѣдь это не военные (Максимилианъ и князь были въ штатскомъ платьѣ). Пропустить ихъ! приказалъ онъ солдатамъ.

Императоръ и его спутникъ быстро направились къ противоположному концу города. Пустыя улицы были погружены въ торжественно-мертвое молчаніе, предвѣщающее роковыя событія. Черезъ нѣсколько минутъ затрещала перестрѣлка, и остальные имперскія войска тоже передались непріятелю. Одинъ Мирамонъ держался съ своимъ отрядомъ,

* Мексиканская золотая унція равняется 20 металлическимъ рублямъ.

но пуля поразила его въ лицо, онъ упалъ, а поднялся оди-
лымъ и лѣвымъ.

Императоръ между тѣмъ съ генералами Мекіа, Кастиадо, Авеллано, княземъ Сальмъ и поретью ооладо, удалился на командующій городомъ высокій холмъ Церо-де-ла-Ком-лана. Артиллеріи у нихъ не было, и они стояли тутъ какъ моряководы потерпѣвшіе кораблекрушеніе на утесѣ окру-
женномъ разъяреннымъ моремъ, которое грозитъ поглотить ихъ.

Генералъ Эскобедо, бывшій погонщикъ муловъ, человекъ со звѣрскимъ лицомъ, наступалъ съ четырьмя баталіонами пѣхоты и всею своею кавалеріей, оглушавшею воямъ грозными криками. Холмъ окружали со всѣхъ сторонъ; со-
противляться было безуміемъ.

— Не стрѣляйте! къ чему проливать напрасно крови! об-
ратился императоръ къ своимъ приверженцамъ, окружав-
шимъ его живую стѣной.

И тихимъ прерывистымъ голосомъ онъ приказалъ одному изъ адъютантовъ поднять на ружьѣ бѣлый переговорный
флагъ.

Хуаристы, карабкавшіеся на высоту и уже готовые сдѣ-
лать залпъ, остановились.

Глубокое безмолвіе омѣнило шумъ и воли атаки...

Тогда императоръ медленно спустился съ холма, спокойно
посмотрѣлъ вокругъ себя и твердыми шагами направил-
ся къ непріятелю. Онъ подошелъ прямо къ генералу Кору-
на, начальнику отряда американскихъ волонтеровъ, извѣ-
стнаго подъ именемъ „Почетнаго легіона“ и состоявшаго
изъ пятидесяти кавалеристовъ въ офицерскомъ чинѣ.

— Генералъ, произнесъ онъ, — люди и счастье мои измѣ-
нили; довольно уже въ странѣ вдовъ и сиротъ, — вотъ моя
плата.

— Государь, вскричалъ Корона, — оставьте плату при себѣ.

Онъ предложилъ Максимиліану отвѣтъ на приготовленнаго
кона и конвоировалъ его съ другими лѣвыми до мона-
стыря Санта-Терезита. Императора и его свиту заперли въ
монастырской потрѣбѣ, гдѣ имъ пришлось не только спать
на голой землѣ, но и страдать отъ голода и жажды. При-
бытіе княгини Сальмъ нѣсколько смягчило жестокость по-
бѣдителей. Лѣвниковъ перевели въ Калудивскій монастырь
и позволяли доставлять имъ вино, припасы и одежду.

Княгиня показала себя истинною героиней. Дорогой изъ Мехико въ нее два раза стрѣляли; въ Гваделупѣ ее посадили въ тюрьму подѣ предложеньемъ что она давала деньги австрійскимъ лѣвнымъ; наконецъ ей удалось раздобыть паспортъ въ Европу, но вмѣсто того чтобы уѣхать на родину, она поспѣшила къ мужу въ Кверетаро, пробираясь тайкомъ и лѣзкомъ... Максимилианъ пролилъ слезы, узнавъ объ ея мытарствахъ.

Три недѣли оставались лѣвники у Калупиновъ, не вѣдая ничего объ ожидающей ихъ участи. Хуаристы казались сами не знали что дѣлать съ своею добычей. Наконецъ 10го юня имъ дали знать что Хуарезъ приказалъ судить ихъ военнымъ судомъ и что 12го они будутъ позваны къ отвѣту.

— Куда вы меня ведете? спросилъ въ этотъ день Максимилианъ присланнаго за нимъ офицера.

— Въ засѣданіе полевого военного суда.

— Гдѣ оно собралось?

— Въ театрѣ.

— Въ театрѣ?

— Да...

— Я не пойду туда, вспыхнулъ Максимилианъ. — Знайте что я не намѣренъ служить театральнымъ зрѣлищемъ и не двинусь отсюда если со мной хотять обращаться какъ съ комедіантомъ!

Офицеръ понялъ что съ высказаннымъ такъ настойчиво отказомъ ему не справиться, и ушелъ.

Но генераловъ Мирамона и Мехиа привели на сцену гдѣ засѣдалъ судъ. Театральная зала была переполнена снизу до верху, какъ въ день особенно заманчивыхъ спектаклей. Дѣйствительно заманчиво, да и представленіе даровое!... Пренія продолжались три дня. Императора обвиняли въ лохищеніи власти, въ подстрекательствѣ къ междоусобной войнѣ, въ убійствѣ сорока тысячъ хуаристовъ, ловѣнныхъ и разстрѣлянныхъ вслѣдствіе приказа отъ 3го октября 1865 года.

Утромъ 15го юня, Эскобедо явился въ Максимилианову тюрьму съ приговоромъ въ рукахъ. Императоръ, не обманывавшій себя на счетъ своей участи, ласково сказалъ ему:

— Читайте, генералъ, я васъ слушаю.

„Смертная казнь Максимилиану и двумъ изъ его сподвижковъ, генераламъ Мирамону и Мехиа...“

— Хорошо, сказалъ Максимилианъ со своимъ обычнымъ

кроткимъ и спокойнымъ видомъ.—Законъ 3го октября былъ изданъ противъ разбойниковъ, а вашъ приговоръ разбойниками-то и произнесенъ.

Эскобедо съ ругательствомъ схватился было за револьверъ, но удержался и только пробормоталъ:

— Приговоренному къ смерти дозволяется проклинать своихъ судей.

Максимилианъ поворотился къ нему спиной. Эскобедо вышелъ.

Первоначально казнь назначена была на другой день послѣ объявленія приговора, но по приказанію Хуареса отложена на 19е число. Прусскій и великобританскій послы немедленно отправились къ президенту, надѣясь склонить его къ помилованію. Хуаресъ остался непреклоненъ, объявляя что для обезпеченія спокойствія и будущности республики необходимо примѣръ.

Въ ночь съ 18го на 19е Максимилианъ потребовалъ ножицы: ему отказали. Тогда онъ попросилъ тюремщика отрезать ему прядь волосъ, потомъ изготовилъ слѣдующее письмо къ императрицѣ:

„Возлюбленная моя Шарлотта,—Если Господь когда-нибудь даруетъ тебѣ исцѣленіе и дозволитъ прочесть эти строки, ты узнаешь что жестокая судьба не переставала преслѣдовать меня съ самаго отъѣзда твоего въ Европу. Ты увезла съ собой мое сердце и мое счастье. Зачѣмъ я не послушалъ тебя! Увы, столько печальныхъ событій, столько неожиданныхъ и незаслуженныхъ катастрофъ обрушилось на меня что у меня не осталось болѣе надежды, и я жду смерти какъ ангела-освободителя. Я умираю безъ мученій. Умираю славною смертью какъ воинъ, какъ побѣжденный вѣнценосецъ. Если у тебя не останется силъ перенести страданій, если Богъ вкорѣ соединитъ тебя со мной, я благославаю Его отеческую длань, поразившую насъ столь сурово. Прощай! прощай! Твой бѣдный Максъ.“

Максимилианъ поцѣловалъ листокъ, вложилъ въ него бѣлокурую мягкую прядь своихъ волосъ и положилъ письмо сверху лачки другихъ писемъ: къ матери, къ эрцгерцогинѣ Софіи и къ ближайшимъ друзьямъ. Мнѣ показывали нѣкоторыя изъ этихъ предсмертныхъ посланій. Онѣ написаны по-французски, твердымъ почеркомъ, не облачающимъ ни волненія, ни страха. Романическая душа принца отражается

въ нихъ дѣлакомъ и дѣлаетъ помятому неудержимо прива-
кающую къ нему всѣхъ симпатію. Приговорившіе его къ
смерти Хуаристы никогда прежде его не видали. Еслибы
они знали его, исходъ былъ бы другой....

Ровно въ шесть часовъ утра дверь Максимилиановой тем-
ницы отворилась.

— Я готовъ, сказалъ онъ, идя на встрѣчу присланному за
нимъ офицеру.

Переступая порогъ монастырскихъ воротъ, онъ вскри-
чалъ поднимая глаза къ небу:

— Какой чудный день! Мнѣ всегда хотѣлось умереть
лѣтомъ, при ясномъ солнцѣ.

Онъ первый вошелъ въ поданный экипажъ. Генералы Ми-
рамонъ и Мехиа послѣдовали за нимъ съ принявшимъ ихъ
исповѣдь священникомъ. Подъ конвоемъ четырехъ тысячъ
человѣкъ повезли ихъ по всему городу къ высотамъ Церро-
де-ла-Компана. Во все время перѣзда они стояли въ коляскѣ,
высоко поднявъ голову, съ улыбкой на устахъ. Одѣты они
были старательно, будто отправляясь на пиръ. Наполняв-
шій улицы, толпившійся у оконъ, устремившій крыши народъ
взиралъ на нихъ съ вѣчнымъ изумленіемъ. Хладнокровіе
идущаго на смерть императора поражало самыхъ равно-
душныхъ. Женщины отворачивались, чтобы скрыть слезы.
Максимилианъ былъ поистинѣ прекрасенъ: голубые глаза
его глядѣли такъ ласково и спокойно....

На послѣднемъ поворотѣ дороги генералъ Мехиа любѣд-
нѣлъ и зашатался: онъ внезапно увидѣлъ свою жену съ
блуждающимъ взоромъ, съ распущенными волосами, съ по-
ворожденнымъ младенцемъ у груди. Она какъ ломѣшанная
проталкивалась сквозь толпу.

Поездъ приближался къ подножію холма: мѣстомъ казни
было назначено то самое мѣсто гдѣ Максимилианъ сдался
въ плѣнъ.

Императоръ легко выпрыгнулъ изъ экипажа, отряхнулъ
пыль съ своего лаття, и, подойдя къ назначенному для
разстрѣланія вводу, вручилъ каждому солдату по золотой
унциѣ.

— Цѣлюте хорошенько, друзья, сказалъ онъ, — не троньте
лица, бейте въ сердце.

Одинъ изъ солдатъ заплакалъ....

Максимилианъ, приблизившись къ нему, подавъ ему свой

серебряный портъ-сигаръ, украшенный брилліантами со словами:

— Сохрани его, мой другъ, на память обо мнѣ. Прежде этотъ портъ-сигаръ принадлежалъ прикѣ, участь котораго счастливейше моей.

Командующій взводомъ офицеръ подошелъ къ императору съ просьбой простить его....

— Дитя мое, привѣтливо отвѣчалъ Максимиліанъ, — военный долженъ исполнять полученное имъ приказаніе; обязанность его заключается въ соблюденіи своей обязанности.

Потомъ, обернувшись къ генераламъ Мирамону и Мехіа, онъ прижалъ ихъ къ своему сердцу, говоря: „дайте обнять себя, мои витязи“, и прибавилъ: „черезъ нѣсколько минутъ мы вновь свидимся на томъ свѣтѣ.“ Затѣмъ Мирамону онъ сказалъ: „Вы храбрѣйшій изъ храбрыхъ, вамъ принадлежитъ первое мѣсто: возьмите мое.“ Мехіа стоялъ угрюмо, разстроенный видомъ своей сумашедшей жены. Максимиліанъ пожалъ ему руку, со словами: „Господь не покидаетъ страдающихъ, остающихся на землѣ; а оставляющіе ее невинно-пострадавшіе получать награду въ небесахъ.“

Барабанный бой возвѣстилъ приближеніе роковой минуты.

Максимиліанъ ступилъ нѣсколько шаговъ, поднялся на большой камень и звучнымъ голосомъ обратился къ солдатамъ и къ толлѣ зрителей:

— Мексиканцы! Людямъ моего происхожденія и положенія суждено счастливить народы или принимать мученическій вѣнецъ. Не беззаконный умыселъ завелъ меня къ вамъ: вы сами меня призвали. Предъ смертью скажу вамъ, что все мои усилія направлялись къ благой цѣли. Кровь моя да будетъ послѣднею кровью оросившею вашу землю, и да будетъ ваша несчастная страна, мое новое отечество, наконецъ счастлива!

Послѣ этого сержантъ приказалъ Мирамону и Мехіа повернуться спиной: въ качествѣ приговоренныхъ за измѣну они подлежали разстрѣлянію сзади.

— До свиданія, друзья, еще разъ простился съ вами Максимиліанъ, и скрестивъ руки сталъ неподвиженъ какъ статуя.

Эскобедо подалъ знакъ. Раздалась команда „на плечо“. Изъ толпы присутствовавшихъ при казни Индійцевъ раздались крики неудовольствія и угрозы: предавіа ихъ

гласять что они будутъ освобождены бѣлокурый мужемъ, и въ Максимиліанѣ они признавали этого мужа...

Офицеръ махнулъ саблей, и по новому знаку Эскобедо послышалась команда: „клацъ! лли!“

— Да здравствуетъ Мексика! вскричалъ Мирамонъ.

— Шарлотта, Шарлотта! воскликнулъ Максимиліанъ.

Ружейный залъ заглушилъ ихъ голосъ.

Когда дымъ разсѣялся, три трупа лежали на землѣ. Максимиліановъ былъ пораженъ лѣтью пулями. Всѣхъ троихъ уложили въ приготовленные гроба и подъ конвоемъ увезли къ Калущинамъ.

— Теперь когда императора болѣе не существуетъ, эрцгерцога Австрійскаго мы предадимъ землѣ съ надлежащими почестями, сказалъ полковникъ Мигель де-Палаціосъ, принимая Максимиліановы останки.

Ихъ набальзамировали и опустили въ особый склепъ.

Прусскій посолъ баронъ Магнусъ требовалъ выдачи ему тѣла; въ этомъ отказали, и за трупомъ долженъ былъ прѣхать, въ ноябрѣ 1867, австрійскій вице-адмиралъ Тегетгофъ, добившійся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Мексиканскаго правительства освобожденія лѣнныхъ австрійскихъ солдатъ и помилованія князя Сальмъ-Сальма, тоже приговореннаго было къ смерти. Что до измѣнника Лопеца, вмѣсто обѣщанныхъ ему двухъ тысячъ золотыхъ унцовъ, ему прислали семьсотъ лѣстровъ. * Жена прогнала его отъ себя. Когда онъ явился потомъ къ генералу Ринконъ-Галлардо съ просьбой о зачисленіи его вновь въ мексиканскую службу (изъ которой его въ старину исключили), онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Полковникъ Лопецъ, если вы когда-нибудь получите мѣсто, то развѣ на деревѣ, съ лѣтаей вокругъ шеи.

Въ исторіи Максимиліанъ оставитъ память великодушнаго человѣка и мученика. Онъ не подписалъ въ Мексикѣ ни одного смертнаго приговора, и когда онъ заплатился въ Кверетаро за чужіе грѣхи, не лущилъ пламя къ нему изъ Европы, а двѣ тысячи соловьевъ, купленныхъ имъ въ Штиріи для садовъ своего государства...

* То-есть девятьсотъ тридцать восемь рублей вмѣсто сорока тысячъ (мексиканскій лѣстръ стоитъ 1 р. 34 к.).

IV. Гѣриць.

Повидавъ жилище усопшаго императора, захотѣлось мнѣ посмотреть резиденцію короля, заживо схоронившаго себя подъ своимъ знаменемъ. На другой день, вмѣсто того чтобы прямымъ путемъ продолжать свою дорогу, я отправился въ Гѣриць, куда только-что переселился на зиму графъ Шамборъ.

Отъ Монфальконе море исчезаетъ изъ виду и туристъ попадаетъ въ какую-то грустную пустыню: ни дома, ни хижины, ни деревья, ни птицы. Хотя бы ястребъ пролетѣлъ! Горы обнажены какъ скелеты. Плетешься, плетешься, наконецъ-то видишь въ глубинѣ долины рѣчку съ живописными мостами, зеленью, колокольнями....

Это Гѣриць, цвѣтущій и гостепріимный островокъ посреди моря окаменѣвшихъ волнъ, по которымъ съ завываніемъ хлещетъ Бора. Городокъ пріютился здѣсь такъ удачно что избѣгаетъ зимнихъ непогодъ и вѣтскіе доктора посылаютъ сюда чахоточныхъ и оправляющихся больныхъ. По улицамъ встрѣчаешь блѣдыхъ дамъ и „интересныхъ“ молодыхъ людей, малютокъ съ игрушечными саблями и старыхъ генераловъ, грѣющихъ руки въ муфтѣ. Въ развлеченіяхъ нѣтъ недостатка: театръ, стрѣльба въ цѣль, танцевальный залъ, гимнастическое заведеніе, Казино для офицеровъ, клубъ для „рябчиковъ“, преимущественно посѣщаемый клерикалами, кофейни съ размалеваннымъ лубочнымъ портретомъ Виктора-Эммануила и развязными красотками, день-деньской покуривающими сигару. Прибавлю что городъ обладаетъ извозчиками вѣрно сдающими сдачу, трактирщиками не ошибающимися въ сложеніи, при подачѣ счета, въ свою пользу (какъ это водится въ совершенно цивилизованныхъ странахъ) и снабженъ двумя итальянскими газетами, состоящими въ оппозиціи къ правительству, признакъ „политическаго движенія“. Оно и немудрено: Гѣриць нѣсколько разъ былъ театромъ итальянскихъ манифестацій, и жители его сильно недовольны тѣмъ что итальянскій языкъ допущенъ здѣсь лишь въ первоначальныхъ школахъ, въ высшихъ же замѣненъ нѣмецкимъ.

Послѣ полудня городокъ съ наслажденіемъ кулается въ лучахъ теплаго солнца, экипажи снуютъ взадъ и впередъ,

не стараясь пустить лямъ въ глаза и не обрызгивая прохожихъ грязью; свѣтъ здѣсь извѣстенъ только по наслышкѣ, дождь щадить ревматизмы, барометръ сохнетъ со скуки. По улицамъ танутся большія нагруженные хворостомъ повозки, запраженные сѣрыми волами крупнаго роста и съ кроткимъ взглядомъ, малюмивающія то доброе старое время, когда бюджетная наука находилась еще во младенчествѣ, политика въ застоѣ и франкокіе короли прогуливались на досугѣ въ такихъ же сколь идилическихъ столь и неповоротливыхъ экипажахъ.

Путеводитель Бедекера не говоритъ, гдѣ именно расположена резиденція графа Шамбора, онъ упоминаетъ лишь о монастырѣ Кастаніовицца, въ часовнѣ котораго покоится прахъ Карла Xго: въ этой сторонѣ и находится замокъ Генриха Vго.

Дорога туда прихотливо извивается по мѣстности напояющей прелестью изъ швейцарскихъ долинъ. Тамъ и самыя кулы дубовъ, живыя изгороди лествующія цвѣтами, ручейки журчащіе такъ какъ щебечутъ птицы, ауга освѣненные яблонями и ивами.

Кастаніовицца—деревушка съ такою же италіянскою фizioноміей, какъ ея имя. Женщины сидятъ на порогѣ дверей, на колыбеляхъ у нихъ дѣтишки, которыхъ курчавыя головы доставляютъ материнскимъ рукамъ обильную охоту. Нищіе ревутъ о лодаяннѣ, призывая всѣхъ святыхъ во свѣдѣтели своего голода...

Монастырь стоитъ на одномъ изъ окружающихъ городъ холмовъ. Я подошелъ къ привратнику съ просьбой проводить меня на могилу Карла X. Привратникъ отозвался что онъ не можетъ локунуть своей сторожки, но если я согласенъ подождать, черезъ четверть часа мною займется одинъ изъ братій. Я присѣлъ подъ дерево и въ тиши окружающаго меня безмолвія сталъ припоминать тревожный конецъ Караова царствованія.

Когда Австрійское правительство поселило Французскаго короля въ Гѣрицъ, этотъ городишка былъ заброшеннымъ мѣстечкомъ, почти неизвѣстнымъ не только путешественникамъ, но даже и географамъ. „Кому это вздумалось сунуть меня сюда!“ восклицалъ Карлъ X по своему прибытію, — „чувствую что не долго здѣсь мнѣ жить“...

Я перебиралъ въ умѣ эпизоды его дѣйствіаго пребыва-

нія, когда привратникъ окликнулъ меня: „Милости просимъ, пожалуйста“. Онъ провелъ меня въ ризницу, гдѣ уже поджидалъ молодой монахъ съ фонаремъ въ рукахъ. Мы спустились по лѣстницѣ, прошли садомъ и очутились у входа въ подземелье. Проводникъ мой скользнулъ подъ могильные своды; я послѣдовалъ за нимъ. При свѣтѣ фонаря, который обязательный монахъ безпрестанно подносилъ къ стѣнамъ, я прочелъ на нихъ, на небольшихъ желѣзныхъ дощечкахъ, имена герцога де-Блакаса, владѣтельной герцогини Пармеккой, Маріи-Терезы дочери Лудовика XVI и старшаго сына Карла X, принца Лудовика, умершаго въ Герицѣ 3го іюня 1844 года. Гробъ короля находится въ придѣлѣ Кармельской Божіей Матери.

Бѣдныя гроба, поглощенные чужою землею, какъ потерявшія крушеніе суда калблами отдаленнаго моря!

Изъ монастыря я спустился въ Кастаніовицца и подошелъ къ замку графа Шамбора вошелъ за рѣшетку. Большая черная собака фамиліарно обнюхала меня, привѣтливо давая дорогу. Замокъ—старый, некрасивый четырехъ угольный домъ, имѣющій видъ казармы. Онъ построенъ на небольшомъ пригоркѣ и окруженъ такимъ безмолвіемъ что напоминаетъ собою спящій замокъ волшебныхъ сказокъ.

Въ меблировкѣ этого обиталища нѣтъ ничего царскаго. Старыя кресла, ветхіе диваны; ни мраморовъ, ни позолоты, ни даже картинъ; по стѣнамъ лишь арматуры разнаго оружія, нѣсколько ружей и охотничьихъ роговъ: графъ Шамборъ страстный охотникъ, несмотря на переломъ ноги, полученный въ 1841 году при паденіи съ лошади. Все украшеніе его спальни заключается въ двухъ вазахъ, присланныхъ парижскими рабочими. Тутъ же, въ рамкѣ подъ стекломъ, прядь волосъ его матери, напротивъ — портретъ во весь ростъ герцога Беррійскаго.

Общее впечатлѣніе патриархально.

Графъ Шамборъ неутомимый труженикъ. Онъ встаетъ съ лѣтухами. Кабинетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерская: онъ рисуетъ также удачно какъ пишетъ. Усѣвшись за большимъ столомъ краснаго дерева, заваленнымъ книгами и докладами его приверженцевъ, онъ безостановочно работаетъ до завтрака. Послѣ завтрака, подаваемого въ полдень, онъ обыкновенно катается съ супругой въ каретѣ, запряженной парой статныхъ вороныхъ. Обѣдаютъ въ шесть часовъ,

а въ семь безъ четверти уже встають изъ-за стола. Весь столовый приборъ серебряный, съ королевскимъ французскимъ гербомъ, тремя лѣвами. Послѣ обѣда проводятъ время въ гостиной, разговаривая, занимаясь музыкой.

Разъ какъ-то въ Гёрицѣ былъ принять извѣстный пѣвецъ Рожд. Послѣ обѣда онъ сѣлъ за фортепiano, гдѣ была развернута партитура *Дочери Полка*. — Знаменитый теворъ и принцъ, одаренный прекраснымъ баритономъ, пѣли выѣстъ. Дойдя до стиха „O France, o ma patrie!“ Рожд замѣчаетъ, что поетъ одинъ; онъ оборачивается, и что же видитъ: графъ Шамборъ плачетъ навзрыдъ; слезы лишили его голоса.

Въ 10 часовъ всѣ расходятся, и вскорѣ у воротъ сляцаго замка бодрствуетъ одна лишь большая черная собака.

Какъ этотъ простой образъ жизни подтверждаетъ то что писалъ въ 1839 году герцогъ Бордосскій: „Еслибъ я былъ королемъ, дверь моя была бы постоянно открыта для всѣхъ кому нужно поговорить со мною о своемъ горѣ или о своихъ дѣлахъ, но постоянно закрыта для льстецовъ; я избѣгалъ бы вышней пышности, разобщающей монарха съ народомъ, но старался бы сближаться съ нимъ въ его трудахъ и развлеченіяхъ, и драгоценнѣе всего въ моей власти были бы для меня подаваемые ею способы творить добро.“

Покидая замокъ я невольно воломнилъ извѣстные стихи Виктора Гюго:

C'est bien. L'homme est viril et fort qui se décide
A changer sa fin triste en un fier suicide;
Qui sait tout abdiquer, hormis son vieil honneur,
Qui cherche l'ombre, ainsi qu' Hamlet dans Elseneur
Et qui, se sentant grand surtout comme un fantôme
Ne vend pas son drapeau, même au prix d'un royaume.
Le lys ne peut cesser d'être blanc; et il est bon,
Certes, de demeurer Capet étant Bourbon.
Vous avez raison d'être honnête homme. L'histoire
Est une région de chute et de victoire,
Où plus d'un vient ramper, où plus d'un vient sombrer:
Mieux vaut en bien sortir, prince, qu'y mal entrer! *

* Это хорошо. Мужественъ и твердъ, кто предпочитаетъ горделивое самоубійство жалкому концу; кто умѣетъ ото всего отречься кромѣ своей чести; кто ищетъ тѣни, какъ Гамлетъ въ Эльсенѣрѣ, кто чувствуя что онъ великъ въ особенности какъ приракъ бываго, а с

звращаясь въ городъ, я встрѣтилъ экипажъ графа Шай- . Онъ сидѣлъ въ немъ одинъ, поворотилъ голову въ сторону. Лошади шли шагомъ, и я могъ отлично раз- рѣять это лицо съ открытымъ и улыбающимся выра- зомъ. Особенно поразили меня глаза: трудно передать есть и откровенность ихъ взгляда. Меня поразила так- оложавость прищипа. Онъ въ бородѣ, подстриженной у предка его Генриха IV, на котораго онъ по- во многихъ отношеніяхъ. Лобъ широкій, безъ малѣй- морщины, носъ породистый, на устахъ играетъ остро- я улыбка...

Чувалъ я въ Небруссина, небольшой деревушкѣ между ю и Мирамаромъ, на вершинѣ горы. Ночь была пре- ая. Меня проводили съ фонаремъ отъ станціи желѣз- дороги къ какому-то домику, который отворился лишь въ долгихъ переговорахъ. Худая старуха съ совинымъ мъ и горящими какъ угли глазами, пріотворивъ дверь, натила у меня сакъ-вожъ и пригласила слѣдовать за ю. Она провела меня въ каморку, освѣщенную сальною кой, и заперла меня на ключъ, вѣроятно опасаясь чтобъ обокрасть ея. Я открылъ окно, осмотрѣться гдѣ я: алось звяканье цѣли и въ ушахъ моихъ раздался сви- лый лай, но глаза ничего не разобрали въ ночной тем- . Пришлось улечься съ мыслью что я нахожусь въ бѣдномъ плѣну.

Зарѣ хозяйка - тюремщица уже стучалась въ дверь, являя что пора вставать если я хочу воспользоваться часовымъ поѣздомъ. Я вскочилъ съ постели съ та- же удовольствіемъ съ какимъ воскресій Лазарь вы- ь изъ пещеры. Опять съ тѣмъ же фонаремъ и тою дорогой проводили меня на станцію. Я успѣлъ позав- ать, что не лишнее дорогой, и въ минуту отъѣзда солн- ь послѣдній разъ освѣтило предо мною очаровательную лективу Адриатики съ ея зелеными островами, бѣлыми сами и золотистымъ ларомъ на водѣ.

асть своего знамени даже цѣной королевства. Лидія не можетъ тить своей бѣлизны, и величаво остаться Калетомъ будучи юномъ. Вы правы, принцъ, оставаясь честнымъ человѣкомъ. ріа—страха торжествъ и пораженій. Не мало въ нее вползаютъ, ало въ ней погибаетъ: лучше хорошо изъ нея выйти, чѣмъ ю въ нее войти“.

Но какъ только море исчезаетъ изъ вида, весь этотъ пустынный край становится однообразенъ какъ Каменная Аравія.

Истрія—страна контрастовъ. Здѣсь угрюмо воздымаются облаженные горы, тамъ стоятся восхитительныя долины, утлаенныя виноградниками и осыненныя масличными деревьями. Кое-гдѣ по островамъ растутъ миртовые деревья, въ общественныхъ садахъ цвѣтутъ тропическія растенія. Городескіе жители одѣваются на обще-европейскій ладъ: но нѣтъ ничего оригинальнѣе крестьянскаго платья, сшитаго изъ грубой шерсти мѣстныхъ овецъ, а обувь домашнего производства состоитъ изъ кожаныхъ ремней, сплетающихся подъ подошвой. На рейдѣ, рядомъ съ великолѣпными судами—лодки выдолбленныя въ древесномъ дулѣ на манеръ индійскихъ : прогъ.

Пола, австрійскій Тулонъ, связана теперь особою вѣтвью съ желѣзною дорогой идущею изъ Вѣны и Пешта. Въ послѣднія десять лѣтъ этотъ военный портъ одѣлалъ чрезвычайные услуги и въ немъ царствуетъ дѣятельность свидѣтельствующая о заботливости австрійскаго адмиралтейства. Во время своего присоединенія къ Австріи, въ 1767 году, Истрія была почти совершенно разорена; эгоизмъ Венеціанской республики прибралъ къ рукамъ все живыя силы этой провинціи, земледѣліе находилось въ плачевномъ положеніи, промышленность и морская торговля не существовали. Австрійское правительство, снабдивъ Истрію отдѣльною администраціей, провело дороги, завело школы, устроило села. Со времени Маріи-Терезіи Австрійцы очень заботятся о своемъ „Küstenland“, о своемъ Поморьѣ!..

Лейбахъ, столица Иллиріи—нѣсколько минутъ остановки: воспоминаніе о конгрессѣ 1821 года и памятникъ Радецкому.

Поездъ уже летитъ дальше, едва успѣваешь бросить взглядъ на группу крестьянокъ, повязанныхъ бѣлымъ платкомъ, изъ-подъ котораго висятъ бѣлокурыя косы, точно шнурки отъ звонка.

Иллирія, это страна подземныхъ чудесъ. Подъ ея почвой, состоящею изъ цѣлой груды скалъ, пещеры роскошнѣе пещеры Али-Бабы и его сорока министровъ, узкіе проходы, ведущіе къ волшебнымъ дворцамъ. Адезьберговъ гротъ превосходить все о чемъ можетъ мечтать самое необузданное

воображеніе. Сталактиты и сталагмиты образуютъ изъ себя лѣса кипарисовъ и пальмовыхъ деревьевъ, здѣсь падаютъ роскошною драпировкой, тамъ возвышаются лагодами и готическими храмами, украшенными изображеніями людей и животныхъ. Въ немъ находятся озера населенныя слѣпыми рыбами, слѣпыми оттого что онѣ никогда не видали дневнаго свѣта; шумятъ каскады, журчатъ родники, точно гномы ворчатъ что ваше присутствіе ихъ потревожило. Два раза въ годъ изъ Вѣны и Триеста сѣзжаются сюда полюбоваться иллюминаціей этого грота, который народное повѣріе населяетъ таинственными духами.

Но вотъ мы уже въ Штиріи. Эта Австрія — настоящая географическая мозаика! Не мудрено что Австрійскій императоръ, говорятъ, научился семнадцати языкамъ, чтобы не ѣздить по своему государству въ сопровожденіи семнадцати нѣмецкихъ филологовъ...

Въ Прагергофѣ вагонъ, гдѣ я сидѣлъ почти одинъ, наполняется. Теперь насъ шестеро, если не считать за двоихъ толстую даму, которая передаетъ своему сосѣду, что она разсѣзаетъ для продажи берлинскаго шампанскаго (!) и жалуется что ей не позволили взять съ собою на колѣни ея собачку. Сосѣдъ, старый военный, разсѣянно слушаетъ ее пощипывая сѣдую бакенбарды, гораздо болѣе занятый другою своею сосѣдкой, справа, молоденькою хорошенькою Полякой, которая возвращается съ матерью изъ Италіи и въ своемъ платьѣ фіолетоваго сукна съ красною прошивью, плотно обтягивающемъ красивыя формы, кокетливо потягивается какъ кошечка. Въ глубинѣ вагона, Нѣмецъ въ очкахъ куритъ сигару, держа предъ собою фотографію своей невесты, а напротивъ погруженнаго въ блаженное созерцаніе влюбленнаго (контрастъ часто встрѣчающійся въ Германіи) другой Нѣмецъ улетаетъ пару кулечныхъ въ буфетѣ горячихъ колбасъ.

Мы пріѣхали въ Грацъ, столицу Штиріи, одинъ изъ большихъ австрійскихъ городовъ, нѣкогда престольный градъ, основанный въ VI вѣкѣ Славянами. Теперь Грацъ самый нѣмецкій изъ всѣхъ австрійскихъ городовъ: онъ занимается германскими манифестаціями, какъ Триестъ италіянскими, и его буйная университетская молодежь находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Берлиномъ, Лейпцигомъ, Іеною и Гейдельбергомъ. Расположенъ Грацъ въ восхитительной мѣст-

ности, посреди высокихъ горъ, укрывающихъ его какъ бы крѣпостнымъ валомъ, на берегу хорошенькой рѣчки, и самъ очень красивъ, изященъ, тихъ. Здѣсь отлично жавется, такъ что Грацъ служитъ инвалиднымъ домомъ Австрійской имперіи: сюда удаляются на покой всѣ отставные полковники и выжившіе изъ ума тайные совѣтники, всѣ устарѣвшіе камергеры и лавшіе на ноги церемоніймейстеры. Австрійскіе пенсіоны не велики, здѣсь же картофелю много, вина изобильно, дичи вдоволь, все это дешево. Сюда и являются наклонъ дней небогатые старые служаки.

Поездъ нашъ летитъ по живописнымъ долинамъ. Какая дѣтски-граціозная весенняя картина! Деревья еще голы, какъ маленькіе херувимы, холмы еще не одѣты зеленью. Тамъ и сямъ по высотамъ — развалины древняго замка, или черепичная кровля то бѣлой, то розовой дачи. Чугунка все болѣе и болѣе проникаетъ въ горы, приближаясь къ альпійскому поясу. На горизонтѣ появляются снѣжные хребты, направо и налѣво густые сосновые лѣса лѣзутъ на заоблачную высь точно на штурмъ. Эта часть Штиріи богата оленями и дикими козами, и охотникъ ретиво отправляется за ними на неприступнѣйшіе утесы. Нуженъ вѣрный глазъ и надежная нога для этой опасной забавы, но рискъ достаточно вознаграждается наслажденіемъ бродить по эфирной пустынѣ, лицомъ къ лицу съ природой, прелестною и величавою какъ въ самое утро мірозданія. Торжественное безмолвіе царствуетъ подъ навѣсомъ лѣсовъ, и посреди зелени и мечтаній человѣкъ, не видя никого кромѣ себя, можетъ мнить себя владыкой вселенной...

Во Фрейстрицѣ, у подножья Шёкла, мы замѣтили нѣсколько охотниковъ, въ очень оригинальномъ костюмѣ, напоминающемъ тирольскій: зеленая луховая остроконечная шляпа съ лѣтушьямъ перомъ и бородкой дикой козы, куртка сѣраго сукна съ зеленымъ воротникомъ и отворотамъ, короткіе кожаные штаны, шитые зеленымъ гарусомъ и шелкомъ, кожаный поясъ, саженная палка съ желѣзнымъ остриемъ, коротенькій нарѣзной карабинъ. Пулю забиваютъ молоткомъ, и на разстояніи пятидесяти сажень стрѣлокъ сбиваетъ ею горлышко бутылки.

(Продолж. слѣд.)

ВИКТОРЪ ТИССО.

КАМЕНЬ СИЗИФА

(ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИДЕСА,
ЗАГОРСКАГО ГРЕКА)

I.

„Скажи мнѣ, наконецъ, Одиссей мой, что жь случилось съ тяжелымъ камнемъ Сизифа, который низвергся такъ внезапно съ той вершины, гдѣ ты думалъ утвердить твое дѣтское счастье?“ Такъ пишешь ты мнѣ, мой добрый другъ, въ послѣднемъ твоемъ письмѣ изъ Аѳинъ. Ты повторяешь: „Я жду!“ и совѣтуешь мнѣ забыть тѣ опасенія, на которыя я указывалъ въ моихъ тебѣ отвѣтахъ. „Не тревожься (говоришь ты), не стыдись писать мнѣ о внутреннихъ буряхъ твоего дѣтскаго самолюбія и томительныхъ радостяхъ твоихъ весеннихъ дней, о давно протекшихъ годахъ мира и забвенія на милой твоей родинѣ.

„Все возрастающая день ото дня трагическая мощь того исполинскаго потока исторіи, въ кровавыя волны котораго мы всѣ (всѣ до одного) жители христіанскаго Востока, влечемся неудержимо теперь и съ энтузіазмомъ, и съ ужасомъ; эта трагическая мощь великихъ событій дня не поставитъ меня, Одиссей мой, забыть нашу дружбу; и трубный призывъ увѣнчанной лаврами Кліо не заглушитъ

вплоть въ моемъ сердцѣ ни милыхъ мнѣ жалобъ твоего отроческаго унынія, ни любовныхъ лѣсенъ забавной Турчанки твоей, ни звуковъ твоего благочестиваго псаломствія въ православныхъ церквахъ прекраснаго Элира. Будь покоенъ! Пиши, пиши все также искренно какъ ты писалъ до сихъ поръ и, если мнѣ самому придется очередь стать въ ряды бойцовъ за свободу Греціи и всего христіанства, я прочту со вниманіемъ и съ улыбкой радости твои правдивыя строки даже при свѣтѣ бивуачныхъ огней и на канунѣ опаснаго боя.

„И почему ты думаешь, Одиссей, что въ повѣсти твоей такъ мало связи съ событіями дая? Ты ошибаешься и страхъ твоей скромности, могу тебя увѣрить, напрасенъ, мой другъ! Напротивъ того, для внимательнаго ума очень многое въ изображаемомъ тобою мирномъ прошломъ объясняетъ грозный взрывъ настоящаго. Читая твои записки, я вижу всю Турцію, а не одинъ только Элиръ, я вижу до какого униженія и разстройства была доведена она на дѣлѣ тѣми же самыми европейскими друзьями ея, которые такъ ее защищали въ рѣчахъ и дипломатическихъ актахъ своихъ; я вижу какъ своевольно господствовали въ ней агенты иностранныхъ державъ, ревниво охранявшіе ее отъ самыхъ умѣренныхъ притязаній Россіи. Эти державы, на которыя и мы, мы Аѣицы... увы! такъ долго и такъ напрасно надѣлялись. Я вижу и понимаю многое изъ записокъ твоихъ, будь покоенъ. Я вспоминаю и тѣ слова твои, которыя ты сказалъ мнѣ всего четыре года тому назадъ, когда мы съ тобой сидѣли задумчиво на Халкедонскомъ берегу и восхищались сіяющими дивною красой мирными и богатыми берегами синяго Босфора и многоцвѣтными и зелеными.

„Ты, Одиссей, сказалъ мнѣ тогда: Что значитъ вашъ тонкій и образованный аѣицкій умъ?... Умъ вреденъ иногда. У событій свой умъ. И глупые люди иногда видятъ дѣло въ грубости своей вѣрѣе слишкомъ тонкихъ людей. Не вѣрь ты Англіи, даже и она ничего не можетъ. Не вѣрь ни въ союзъ съ мусульманствомъ, ни въ возрожденіе Турціи. Самъ я Туркамъ не только не врагъ, нѣтъ, я съ ними живу хорошо, имѣю отъ нихъ выгоды: я свылся съ ними и очень многія черты ихъ характера для меня привлекательны. Но вѣрь мнѣ, Турція скоро погибнетъ вопреки и тебѣ, и мнѣ, и всѣмъ друзьямъ своимъ,

вопреки всѣмъ собственнымъ усиліямъ! Я вижу каждый день какъ эта устарѣвшая Турція таетъ мало-по-малу и разрушается, несмотря на раздоры христіанъ другъ съ другомъ, несмотря на миръ съ Россіей, несмотря на умѣренность и искренность этой самой Россіи, которая повидимому и забыла что есть на свѣтѣ страшный для всѣхъ Восточный вопросъ.

„Да, Одиссей, я помню эти рѣчи твои и только теперь я понялъ до какой степени ты былъ тогда правъ и какъ я ошибался.... Прощу тебя продолжай.... И въ малой каплѣ воды изображается сіяніе дневнаго свѣтила; и въ незначительныхъ повидимому событіяхъ, правдиво изображаемыхъ тобою, только глупецъ не сумѣетъ прочесть залоговъ грядущаго, полнаго ужасовъ и славы, восторговъ и слезъ, самоотверженія и звѣрскихъ неистовствъ, огня и потоковъ крови, и веловинной ни въ чемъ, и преступной,—только легкомысленный глупецъ не прочтетъ залоговъ того грядущаго, которое стало теперь настоящимъ и о которомъ столько простыхъ людей тогда пророчески намъ прорицали....

„О разказывай, разказывай мнѣ дальше твою исторію, Одиссей....“

Вотъ, я выписываю всѣ эти слова твои изъ письма твоего, и повторяю мои собственные рѣчи, на Халкидонскомъ берегу въ этой тетради, для того чтобы ты еще разъ вспомнилъ о нихъ и чтобы ты никогда отъ нихъ не отрекся и, читая ихъ внимательно, „при бивуачномъ огнѣ,“ какъ ты лишишь,—сказалъ бы себѣ твердо и разъ навсегда: „Одиссей и тогда еще, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ своей дѣтской, православной преданности Россіи и Русскимъ былъ ближе къ истинѣ чѣмъ я съ моими воздушными замками, воздвигнутыми на досугъ въ веселыхъ Аѳинахъ у подножія Акрополя нашего и при видѣ красотъ его невозвратной славы!“

Да, мой добрый другъ, камень Сизифа, какъ мнѣ казалось, упалъ и разбился въдребезги и въ прахъ въ тотъ горькій вечеръ, когда я, сидя на диванѣ моей комнатки въ Русскомъ консульствѣ, прислушивался къ тяжелымъ шагамъ гостей, уходившихъ толлою по большой залѣ, и къ звукамъ музыки которая провожала ихъ по двору до воротъ.... Я слышалъ (ты помнишь) ея беззаботный и громкій смѣхъ.... Я думалъ:

„Увы тебѣ! увы Одиссей несчастный!... О женолюбецъ презрѣнный, недостойный великаго и геройскаго имени, которое дали тебѣ твои дорогіе родители.... О! гаулый, презрѣнный мальчишка, забывшій что женою и грѣхъ впервые проникъ въ человечество, забывшій и мудрыя рѣчи древнихъ людей.... Не утверждалъ ли кто-то изъ нихъ, что изъ многихъ женщинъ только одна добродѣтельна и подобна трудолюбивой пчелкѣ, смиренно жужжащей вокругъ семейнаго улья, а что изъ всѣхъ остальныхъ одна похожа на сварливую лающую лсицу, другая на заносчивую лошадь, третья на лстивую и свирѣлую кошку....

Промѣнять мощнаго благодѣтеля! промѣнять кого-же? представителя православной Россіи на ничтожную и можетъ-быть развращенную дѣвчонку, на нѣчто такое что мы зовемъ „Палеокдрицо! Дьяволокдрицо! *

Все конечно!

А какъ хорошо бы было торгуя богатѣть подъ сѣнью русской протекціи!... Какъ прекрасно было бы и самому съ благоразумною постепенностью стать прежде помощникомъ отца и писцомъ Великой Державы, какъ Бостанджи-Оглу; потомъ, замѣнивъ усталаго отца, самому сдѣлаться драгоманомъ.... и наконецъ.... вице-консуломъ (кто знаетъ). Да! подобно другимъ обыкновеннымъ Грекамъ или Славянамъ торговаго сословія въ Турціи, поднять русскій флагъ надъ большимъ и собственнымъ своимъ домомъ въ какомъ-нибудь пріятномъ приморскомъ городкѣ....

Какъ это все разумно и прекрасно!... И какъ хороши эти милые золотые орлики на красной эмали Св. Станислава! Съ какимъ вкусомъ золотыя рѣшеточки.... Но.... Нѣтъ.... Св. Анны я никогда ужъ не получу.... Я и большою медалью золотой на столь пышной пурпуровой лентѣ, которую даютъ Русскіе у насъ на Востокѣ почтеннымъ торговцамъ, людямъ помогающимъ ихъ дѣятельности, я и этимъ знакомъ отличія былъ бы польщенъ вполне....

И вотъ.... О, горе мнѣ, горе мнѣ....

Представилось фантазіи моей въ эту минуту одно обстоятельство изъ того времени, когда я еще жилъ въ Загорахъ, у матери, и учился у Несториди.

Однажды пріѣхалъ въ то время къ роднымъ своимъ изъ

* Дрянная дѣвчонка; дьявольская дѣвчонка.

Константинополя одинъ богатый Загорецъ. На груди его мирно сіяла рядомъ Св. Станиславъ и Меджидіе. Я никогда не видалъ этого и съ глубокимъ чувствомъ и жаднымъ любопытствомъ спросилъ у Несторида:

— Господишъ учитель! Какже это такъ что Россія и Турція столь часто враждуютъ, а онъ христіанинъ и у него и русскій крестъ, и турецкій *ниманъ* есть?... Развѣ это можно?

— Отчего же нельзя? Видишь — значитъ можно.

Я поинтересовался узнать, *какъ же* именно можно достичь такого страннаго сочетанія.

Несториди отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Можно даже къ этимъ ниманамъ и Эллинскаго Спасителя на голубой левтѣ привѣсить. Я научу тебя какъ. Надо дѣлать сперва съ Турками какіе-нибудь выгодные обороты, поставки напримѣръ на войско, и пашамъ хорошія взятки давать. Вотъ — Меджидіе. Потомъ Русскимъ доносить на Турокъ что они берутъ взятки и что съ ними жить невозможно. Это — Станиславъ. А изъ того что зарабатываешь и отъ Турокъ, и чрезъ русскую протекцію пожертвовать на эллинское возстаніе, или на большую школу для борьбы противъ ланславизма. Вотъ — Спаситель....

Учитель сначала говорилъ серьезно; но подъ конецъ рѣчи онъ не могъ уже удержаться отъ улыбки.

Отецъ мой сказалъ тогда, качая слегка головой:—Что ты говоришь ребенку!

А мать моя засмѣялась громко и весело воскликнула:

— Учитель всегда говорить хорошо!... Правда это!... Зачѣмъ человѣку не быть искуснымъ въ этой жизни?

И я послѣ этого долго дивился мудрости людей, подобныхъ этому Загорцу съ Меджидіе и Станиславомъ, и думалъ: Отчего это учитель смѣялся словамъ своимъ, и зачѣмъ отецъ качалъ ему головой съ укоромъ? Если паша добрый, отчего же не почтить его пріятными дарами; если паша злой, то чѣмъ же, какъ не дарами, умилостивить изверга? А Русскимъ доносить на Турокъ — это нашъ долгъ; а просвѣщенію эллинскому и освобожденію спосособствовать — тоже обязанность.... О разумъ, разумъ!... сіяющая искра божественная, отличающая словесную тварь, человѣка, отъ бессловесныхъ!... Какіе плоды ты можешь примести намъ, когда мы управляемся тобою, а не страстями нашими!...

Да! съ помощью разума я построилъ бы новый домъ въ Загорахъ, большой и высокій, и каменный. Корабли бы мои плыли и плыли по морямъ, и въ Марсель, и въ Одессу, и въ Италію, и въ Бейрутъ.... И съ пшеицей, и съ шелкомъ, и съ лимонами, и съ шерстью, и съ табакомъ турецкимъ, и тюмбекъ персидскимъ....

Но!... Она, она.... *колдуньи дочь*.... (такъ пѣла мнѣ вчера пророческая лѣся), она заколдовала „мои корабли“ и они не поплывутъ теперь никуда!

Вотъ завтра поутру консулъ позоветъ меня и воскликнетъ:

— Одиссей! Твой отецъ мнѣ другъ и я готовъ былъ полюбить тебя какъ меньшаго брата, но ты не достоинъ. Не я ли удостоилъ самъ своею рукой наказатъ официально на улицѣ твоихъ оскорбителей-Турокъ? Не ты ли наслаждался брашенъ въ дому моемъ?... Иди съ глазъ моихъ, развращенный и лукавый мальчикъ! Не оскверняй больше жилища моего ты, котораго поведеніе такъ несообразно ни съ нѣжнымъ возрастомъ твоимъ, ни съ правилами христіанской нравственности. Я все передамъ твоему досточтимому родителю и другу моему...

Такъ сказалъ бы у насъ почти всякій честный глава дома и каждый добродѣтельный архонтъ....

Но если *онъ самъ*?.... Если *она* любима имъ.... О! Я не ревную.... Она мнѣ отвратительна теперь.... Но если?... Тогда онъ такъ не скажетъ.... Тогда еще хуже.... Онъ все-таки удалитъ меня.... Что жъ дѣлать мнѣ?... Куда мнѣ окрыться отъ стыда и вопросовъ, отъ улыбокъ слугъ и насмѣшекъ товарищей?... Боже! Боже! прости мнѣ и помоги мнѣ несчастному!...

И еще: если онъ не станетъ даже и говорить такъ много и такъ трогательно, а скажетъ мнѣ какъ сказалъ жалкому Пондиколеди слетка, но такъ значительно подступая къ нему: „Съ Богомъ!“ Куда я пойду?

Или онъ и не скажетъ даже „съ Богомъ“, а поблѣднѣетъ такъ страшно, какъ поблѣднѣлъ тогда, поднимая трость на сеиса, и воскликнетъ громовымъ голосомъ: „Воя! негодай!“

И изъ-за чего? изъ-за чего? И зачѣмъ было это?... Стыдъ, глупость, грѣхъ, позоръ бессмысленный!...

Такъ я уснуду, наконецъ, утомленный и веселымъ вечеромъ, и горемъ ночнымъ, на обломкахъ и прахѣ Сизифова камня....

Но, камень этотъ визринулся съ крутой высоты лишь въ одномъ воображеніи моемъ!... Онъ лежалъ спокойно, не у вершины (ибо мы все въ жизни Сизифы, и у кого есть та неподвижная вершина, которой можно достичь, катя этотъ тяжкій камень жизни? Не у всехъ онъ ладаетъ внезапно внизъ; но, или сама вершина, влекущая насъ, отодвигается по мѣрѣ приближенія нашего и зоветъ насъ снова къ себѣ, или камень, откатываясь хоть и немного назадъ при каждомъ усилии нашемъ, никогда не можетъ достичь до того райскаго жилища радости и покоя, гдѣ розы растутъ безъ шиповъ...) И мой камень не упалъ и не разбился, и не у мечтательной вершины этой лежалъ, а лежалъ онъ лишь тамъ же гдѣ былъ и вчера, до подѣлуя на диванѣ; онъ былъ все у того же русскаго порога, отъ котораго никто отгонять меня и не грозился.

Открылъ я мои очи, смеженные сномъ, взглянулъ я на окно, озаренное солнцемъ, прочелъ я „Патеръ Имѣвъ“ *, одѣлся и поспѣшилъ въ школу все еще смущенный и задумчивый, но готовый мужественно трудиться и не прилагать новаго зла ко злу уже совершенному, не прилагать унынія и лѣни къ легкомыслию и разврату....

Въ училищѣ я былъ старателемъ, благодаря моей настойчивой способности къ учебному подвигу, но невольно и страдальчески разсѣянъ; я забылъ кто былъ Калликратидъ, и въ чемъ онъ былъ такъ благороденъ, и какъ онъ погибъ. И потомъ такъ глупо и неправильно написалъ слово „Эвнѣя“ что вмѣсто „благосклонность“ вышло „постель“....

— Не выспался еще послѣ вчерашняго бала. Ищешь не благосклонности, а постели... Сказалъ учитель, не гнѣвно, ибо онъ уважалъ мое прилежаніе и способности, а лишь съ тонкою улыбкой....

Но товарищи засмѣялись громко, и мнѣ было это очень непріятно.

Случайное совпаденіе въ смыслѣ этихъ словъ „ищешь не благосклонности, а постели....“ даже ужаснуло меня своею неожиданностью. Я увидѣлъ въ этомъ такой со стороны учителя ясный намекъ на мои обстоятельства и на минуту потерялся до того что вся кровь мнѣ бросилась въ голову и слезы готовы были политься изъ глазъ моихъ.

Но добрый мой наставникъ, замѣтивъ мое смущеніе,

* Отче нашъ.

обратился строго къ товарищамъ и заставлялъ ихъ молчать, восклицая:

— Утихните! Что вы смѣтаете надъ Одиссеемъ который лучше всѣхъ васъ. Онъ одинъ разъ только ошибся, а вы? Садись, садись, Одиссей! Прекрасно! Прекрасно, дитя мое.

Я и тутъ чуть-чуть было еще сильнѣе не залакалъ, теперь ужь отъ умиленія и признательности.

Насилу дождался я окончанія классовъ и любѣжалъ въ консульство чтобъ узнать скорѣй, скорѣй мой приговоръ.

Пришелъ... Ахъ! Какъ тутъ все хорошо! Какъ все быстро! Какъ пахнутъ духами и свѣжимъ деревомъ новой постройки! И какъ красива хрустальная плоская ваза съ фруктами, которая уже давно готова посреди стола на бѣлой скатерти съ узорами, отливающими въ нѣчто еще болѣе бѣлое. Ахъ.... ахъ....

Вотъ и Алеко. Какъ онъ мнѣ улыбается. Вотъ добрые и почтенные кавассы наши, (наши, наши!.. не насмѣшка ли это теперь?) Вотъ мой черноглазый, круглолицый и румяный другъ Кольо. Вотъ рыцарь мой съ кольемъ на зеленой штормъ... Прощай моя комнатка...

Вотъ раздались эти страшные, эти легкіе и твердые, эти столь знакомые, рѣзкіе шаги.... Дверь отворилась...

— Здравствуй, Одиссей...

Руки не подавъ и мы сѣли кушать...

Прошелъ еще день, прошло еще два дня... Все то же...

Восходъ солнца и молитва, рыцарь съ кольемъ, Алеко и Кольо, училище и трудъ упорный... потомъ завтракъ...

„Здравствуй, Одиссей!“

Потомъ—обѣдъ и вечеръ, ночь...

Иногда „прощай, Одиссей!“

Иногда и того нѣтъ.

Ни руки, ни выговора, ни гнѣва, ни улыбки, ни привѣтствія...

О! тайна, мучительная тайна... Кто мнѣ разгадаетъ тебя, прекрасный и убійственный сфинксъ великой Московіи?

Къ кому пойти? кому открыться?...

Что замыслилъ онъ? Или было темно у дивана и онъ ничего не видалъ... Нѣтъ! Это невозможно, свѣча горѣла близко и было такъ свѣтло что я видѣлъ какъ выпадали изъ-подъ фески ея небольшія... самыя маленькія пряди во-

лось... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ эти волосики были такъ па-
губны и милы...

Могъ ли онъ не видать *какъ* она сидѣла, если я видѣлъ
эти проклятыя кисточки Веліара! Видно—онъ рѣшилъ ждать
до поры до времени... Видно, мнѣ рано или поздно, но при-
дется возвратиться въ первобытное состояніе моего ничто-
жества!...

Жалкій, безпомощный *райя*, Одиссей—и только!... Опять
тебя могутъ Турки оскорбить безнаказанно, избить, даже
убить, какъ хотѣли они убить отца моего на Дунаѣ...

О Суццо, Александръ Суццо мой, о „необузданный“ пѣ-
вецъ свободы, котораго такъ высоко цѣнилъ даже самъ
Несториди, не ты ли въ поэмѣ твоей, Александръ, такъ
воскликнулъ:

„Столько слезъ должно и крови, и страданій, и побѣдъ
Цѣпью рабства завершиться!“

Лучше всего было бы открыть сердце свое отцу Арсе-
нію... Я и хотѣлъ это сдѣлать, но вотъ что случилось.

На второй изъ этихъ четырехъ дней тихаго и скучнаго
томленія, я забѣжалъ къ нему съ намѣреніемъ все разка-
зать, но старецъ охладилъ меня тѣмъ что съ перваго слова
спросилъ съ проникающею строгостью взгляда:

— Ну, что, какъ ты живешь въ великомъ свѣтѣ телерь?
Иродіада все волнуется, все ляшетъ, все головы твоей
требуетъ?...

Я отвѣтилъ почтительно, но сухо, и не рѣшился ни о
чемъ ему говорить... Если онъ такъ подозрительно смотритъ
за то только что Иродіада ляшетъ, то что же онъ ска-
жетъ, когда я сознаюсь ему что я лобзалъ Иродіаду лобза-
ніемъ преступной любви...

Потуливъ очи, какъ подобаетъ у насъ смиренному отроку
предъ старцемъ, я отвѣчалъ ему на всѣ его вопросы о
политическихъ дѣлахъ, о здоровьѣ консула, объ отцѣ мо-
емъ; но о горѣ и грѣхѣ своемъ не сказалъ ничего...

Встрѣтилъ я также въ тотъ же самый день и лапа
Косту въ консульской залѣ. Онъ шелъ озабоченный, и
хотя внизу ему сказали что Благовъ залерся, занять и не
велѣлъ никого принимать, но онъ не унывалъ и непремѣн-
но хотѣлъ его видѣть...

Онъ попросилъ меня доложить консулу; я отказался и

онъ, топнувъ ногой и скрикнувъ зубами, рѣшился подождать въ залѣ, чтобъ улучшить минуту, когда можно будетъ сказать Благоу два слова.

Онъ сталъ у окна и, заложивъ по обычаю своему руки въ карманы подрясника, вздыхая отъ нетерпѣнія, смотрѣлъ куда-то...

И я смотрѣлъ долго, но не на видъ изъ окна, а на самого попа Косту, размышляя, что „вѣдь и онъ іерей, и хотя святой Янинскій и отягчалъ у него приходъ за внимательство въ неподобающія дѣла, но все-таки рукоположенія онъ не лишенъ и многоопытенъ въ жизни...“

Я подошелъ къ нему тихо и сказалъ ему робко:

— Отче, я имѣю нѣчто очень важное вамъ сообщить.

Полъ Коста съ изумленіемъ и досадой обратясь ко мнѣ сказалъ:

— Важное дѣло? говори... Только говори скорѣе.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, отче, что я родителями всегда былъ содержимъ въ удаленіи....

Полъ Коста слегка еще разъ притопнулъ ногой и очи его помрачились:

— Безъ многословія! замѣтилъ онъ строго.

— Отче, я согрѣшилъ, и теперь...

Полъ Коста, почти съ презрѣніемъ окинувъ меня взглядомъ, перебилъ меня быстро:

— Согрѣшилъ? Ну что же? Согрѣшилъ—умоляю!

Я въ ужасѣ отступилъ отъ него.

— Да это Богъ Каину сказалъ: „Согрѣшилъ—умоляю!“

— Богъ Каину, а я тебѣ говорю. Не тумань, брѣ, несчастный ты, головы моей... Имѣю дѣло! Стой (и онъ довольно ласково взялъ меня за одежду на груди моей и продолжалъ такъ:)—я уйду, а ты скажи консулу вотъ такъ: Былъ полъ Коста; ждать не могъ и велѣлъ мнѣ передать вамъ что правительство Турецкое хочетъ замѣнить подать *вергъ* новою податью *темету* и что народъ недоволенъ. Темету будутъ взимать по оцѣнкѣ всего имуществъ и дохода. Богатые люди уже свои дѣла охаюлотали и наши диаволоархонты (тутъ онъ радостно улыбнулся тому что христіане въ Турціи такіе умные!) вѣрно что-нибудь... Кто ихъ знаетъ (опять улыбка и знакъ пальцами что деньги, взятки даютъ чиновникамъ Туркамъ...) И беи, конечно... А бѣднымъ трудяше темету чѣмъ вергъ. И тутъ всего трудяше

простой Туркаръѣ, * потому они, знаешь ты самъ, нуждаются. И это очень хорошо. Объясни, что именно Турки-то бѣдные и простые и хотятъ протестовать и противиться, а христіане и Жиды съ ними заодно... Слышалъ, морѣ? Ну прощай... будь здоровъ.

Я печально обѣщалъ передать. Полъ ушелъ; и какъ только я услышалъ что Благовъ отперъ свою дверь, то я тотчасъ же послѣдшилъ къ нему, полагая что, можетъ-быть, наединѣ наконецъ онъ мнѣ скажетъ что-нибудь и разрешитъ мои мучительныя сомнѣнія, хотя бы и убійственнымъ ударомъ, но разрешитъ ихъ.

Я вышелъ и, выслушавъ еще разъ все то же хладное: „Здравствуй!“ началъ какъ древній вѣрный вѣстникъ слово въ слово: „Былъ полъ Коста и сказалъ что...“

Благовъ, качаясь въ креслахъ, слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Хорошо. Какъ ты сказалъ? теметѹ? Запиши вотъ на этой бумажкѣ латинскими буквами. Записалъ?

— Записалъ.

— Хорошо. Иди.

Ну, не адъ ли это?

Наконецъ маѣ ужъ на третій день пришла мысль обратиться къ Колю.

Мнѣ показалось тогда что онъ лучше всѣхъ людей постигнетъ мои чувства и дастъ мнѣ совѣтъ добрый, ибо онъ Благова знаетъ уже около года, и путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ, и въ Константинополѣ былъ и... даже въ эту минуту я вспомнилъ одно обстоятельство, на которое прежде не обратилъ большаго вниманія. Кавассъ Манолѣ, еще прежде, глаумясь надъ стыдливостью Колю, совѣтовалъ мнѣ при немъ же приподаять ему широкій рукавъ его албанской рубашки и поглядѣть „что у него есть на рукѣ“.

Я схватилъ тогда Колю за рукавъ, но онъ краснѣя, сердито вырвался у меня и ушелъ, хлопнувъ дверью, а Манолѣ, смѣясь, уже безъ него прибавилъ: „Эротическія дѣла! Не смотри на него что онъ смирный. Онъ *manal*!... **

* Туречина.

** *Манга*—должно-быть арнаутское слово, употребляемое часто въ Эпирѣ: *блдовый, ловкій, хитрый молодецъ*...

Вотъ почему я подумалъ что Кольо можетъ болѣе нежели кто-нибудь быть мнѣ полезенъ, можетъ понять мои чувства и объяснить мнѣ какъ мнѣ должно объяснять себя хладное молчаніе нашего господина и благодѣтеля.

Я сталъ искать Кольо по всему дому и долго не находилъ его; наконецъ мнѣ сказали люди смѣясь что Кольо очень огорченъ и сидитъ въ саду одинъ на камешкѣ у стѣны...

Что такое еще случилось?

II.

Кольо въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ за стѣной дома въ саду, на камнѣ, въ уединенномъ мѣстѣ. Онъ плакалъ тихо и утиралъ слезы тѣмъ самымъ широкимъ албанскимъ рукавомъ своимъ который скрывалъ его эротическую тайну...

Увидавъ это я понялъ что теперь не время мнѣ говорить ему о моихъ секретахъ и совѣщаться съ нимъ; я сѣлъ около него на другой камень и ласково спросилъ: „что случилось?..“

Онъ долго не смотрѣлъ на меня и долго не хотѣлъ отвѣчать, а потомъ сказалъ:

— Спроси у людей, они всѣ смѣются теперь надо мной!...

Я отвѣчалъ ему что я ничего не знаю.

— Объ лампѣ... оказалъ онъ наконецъ.

Случилось вотъ что. Милый и честный Кольо былъ очень недогадливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хотѣлъ быть тонкимъ человѣкомъ; отъ этого онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; къ тому же онъ былъ и неловокъ; довольно стрѣйный, хотя и широкоплечій, онъ какъ-то умѣлъ быть еще шире чѣмъ казался, цѣплялся безпрестанно за двери, шумѣлъ, стучалъ, ронялъ; пламенно стараясь услужить Благову и обожая его, онъ забывалъ его привычки, не ставилъ ему туфли на ночь, не туда клалъ сигары куда нужно. Усердствовалъ не въ мѣру; билъ вещи иногда и цѣнные и, разбивъ, останавливался предъ консуломъ печально, а консулъ говорилъ ему спокойно:

— Старайся не бить!

И Кольо уходилъ еще больше испуганный и почти недовольный, пожимая плечами, почему это Благовъ не бра-

вить и даже не бьетъ его за дѣло, когда слѣдуетъ бить и бранить... Когда бы хуже не было!...

Почти то же что думалъ я въ эти дни, думалъ Кольо всегда въ подобныхъ случаяхъ я. Насчетъ лампы вотъ какъ было. Г. Благовъ привезъ изъ Константинополя дорогую и большую новую европейскую лампу, окрашенную зеленоватымъ цвѣтомъ древней бронзы. Кольо, желая угодить и показать что онъ русскій хазѣ не даромъ ѣсть, взялъ ее внизъ и цѣлое утро чистилъ и скоблилъ ее всячески до того что она, наконецъ, стала желтенькая и заблестала какъ простая новая мѣдь. Онъ ее поставилъ на столъ и ушелъ. Вдругъ звонокъ. Благовъ стоитъ предъ лампой; около него два гостя—архонты, Бостанджи-Оглу и Кавассъ Анастасій...

— Кто это сдѣлалъ, Кольо? спрашиваетъ консулъ.

Кольо говоритъ весело что онъ вычистилъ.

— Хорошо! говоритъ консулъ.—Прекрасно! Чисто!...

И тогда всѣ начинаютъ громко смѣяться... Кольо сначала смѣется самъ, озираясь на всѣхъ и еще не понимая въ чемъ дѣло... Но одинъ изъ архонтовъ отечески говоритъ ему:

— Не надо дѣлать того, Николае, чего ты не знаешь... Эта краска, посредствомъ особаго тонкаго способа, нарочно для красоты наводится... Надо простить его безграмотности и варварству, господинъ консулъ...

А Благовъ говоритъ съ улыбкой:

— Я не сержусь... Мнѣ нравится это... Точно самоваръ русскій!...

И всѣ опять засмѣялись.

И сошелъ внизъ Кольо, всѣ ему кричатъ, и Бостанджи-Оглу, и поварь, и Маноли:

— Кольо! Гдѣ самоваръ? Кольо! Самоваръ ты видѣлъ, Кольо?...

И разказывая мнѣ это, Кольо мало-по-малу одушевлялся, печальное лицо его стало выражать энергическое отчаяніе, и онъ наконецъ воскликнулъ, вставая и ударяя себя въ грудь...

— Нѣтъ, Одиссей, нѣтъ!... Я долженъ погибнуть... Я дуракъ! Я несчастный человѣкъ. У всякаго человѣка, Одиссей, самолюбіе есть... Я не могу этого вынести... не могу...

Я утоляюсь... Я уйду въ разбойнику! И пусть я погибну... Пусть я погибну! Несчастный я!...

— Постой, Кольо, сказалъ я ему.—Вѣдь одна эта лампа что такое?... Вотъ еслибы грѣхъ, еслибы гласъ совѣсти твоей...

Кольо съ досадой отвернулся.

— Что ты говоришь мнѣ, Одиссей мой, гласъ совѣсти... Оставь это, слушай... Нѣтъ, ты слушай, Одиссей мой, что я тебѣ скажу.

И онъ опять сѣлъ и съ глубокимъ чувствомъ началъ разказывать мнѣ что съ нимъ случалось еще прежде, сколько онъ дѣлалъ разныхъ гаупостей и ошибокъ въ консульствѣ и „какое у этого человѣка“ (то-есть у Благова) терпѣніе. Важнѣе же всего было то что во время путешествія ихъ по Элиру и Македоніи Кольо потерялъ въ кофейнѣ однажды девять золотыхъ лиръ, которыя поручилъ ему Благовъ на мелкіе дорожные расходы. Онъ изображалъ мнѣ свой ужасъ, свое отчаяніе... свой стыдъ, свою мучительную боязнь, что Благовъ сочтетъ его за нагага вора и тотчасъ же прогнать его...

Тутъ ужъ и я искренно ужаснулся, услашавъ это, и воскликнулъ:

— Ну, что же онъ? Что же?

— Ничего, отвѣчалъ Кольо.—Что я тебѣ скажу? Совсѣмъ ничего... Я сталъ предъ нимъ и, простирая руки къ небу, сказалъ ему со слезами: „Прошу васъ, эфенди, именемъ Бога прошу васъ, не думайте что я ихъ укралъ или истратилъ... Лучше просто прогоните меня какъ безумнаго.“ А онъ такъ смотритъ. (и Кольо открылъ какъ можно больше глаза)... такъ смотритъ и говоритъ мнѣ очень любезно и кротко: „Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, Кольо! Успокойся!“

Кольо, одушевившись, не умолкалъ, и я не находилъ долго возможности передать ему то что меня тревожило. Онъ разказалъ мнѣ послѣ этого еще много разнаго о томъ какъ не желая чтобы Турки-жандармы прежде его подскакали держать поводъ и стремя Благову, когда онъ останавливается и сходить съ коня, попробовалъ подскочить самъ и полетѣлъ внизъ головой съ сѣдаа; а Благовъ сказалъ ему: „Нѣтъ, ужъ пусть лучше Турки!“ Потомъ какъ въ посольствѣ русскія дамы призывали его чтобы смотрѣть его одежду и трогали ее, и какъ ему было это стыдно... И какъ

онъ не зналъ куда ему дѣть руки; а одинъ старикъ сказалъ по-русски: „Добрая, предобрая рожа!“ И эти слова перевелъ ему докторъ Болгаринъ по-гречески и подтвердилъ ихъ самъ и, наконецъ, какъ г. Благовъ хотѣлъ отпустить его только за то одно что два фустанелла его была грязна и руки не совсѣмъ чисты; онъ не сталъ и разговаривать съ нимъ много, а положилъ жалованье ему на столъ и спросилъ: „Отчего ты, Кольо, не одѣлся почище, когда я это люблю? Скажи правду.“ „Тягочусь переодѣваться“, сказалъ ему Кольо по совѣсти. „Значить, ты не можешь больше служить мнѣ; вотъ твои деньги.“

— Такъ сказалъ Благовъ. И никогда еще я не видалъ у него въ лицѣ такой злости, прибавилъ Кольо.

Насчетъ этой злости Кольо имѣлъ свое тонкое соображеніе. Онъ приложилъ плутовски палецъ къ виску и сказалъ:

— Полагаю что это при другихъ въ столицѣ онъ хотѣлъ быть еще строже насчетъ чистоты... Такъ я думаю...

— Чтѣ жъ ты сдѣлалъ тогда? спросилъ я.

— Я постоялъ немного за дверью, подумалъ и, возвратившись, сдѣлалъ ему земной поклонъ и сказалъ: „Простите! Я буду впередъ гораздо чище.“ А онъ: „Не надо быть глупымъ,“ и больше ничего.

Всѣ эти рассказы Кольо были не утѣшительны для меня. Они не только не объясняли мнѣ ничего, напротивъ того, они еще больше туманили мою мысль...

Не прогнать простаго мальчишку за потерю девяти золотыхъ... Повѣрить ему на слово! И удалять его безлощадно за то только что рукъ не вымылъ и фустанеллу полѣнился переменить... Какъ понять такого человѣка? Какъ угодить ему?.. Ни я, ни Кольо не понимали. И какъ намъ было понять? Привычки и понятія наши были совсѣмъ чуждыя. У насъ, на Востокѣ, есть свои опредѣленные общіе обычаи, придерживаясь которыхъ, самый неопытный человѣкъ можетъ не дѣлать грубыхъ ошибокъ; у Русскихъ образованнаго общества нѣтъ обычаевъ; у нихъ всякій имѣетъ свои обычаи. У насъ, на примѣръ, въ субботу надо вымыть полъ въ домѣ, и если придутъ гости, это ничего, надо только воскликнуть: „Ахъ, извините; вы застали насъ вверхъ дномъ (апо-като)...“ Иначе какъ „апо-като“ кто скажетъ? А Благовъ „апо-като“ никому не говорилъ, не изви-

нялся, запрещалъ по субботамъ мыть у себя каждую недѣлю полы и говорилъ что „это грязная чистота“. У насъ, когда слуга кофе или варенье подаетъ, онъ долженъ имѣть видъ кроткій и какъ бы жалобный и, потупя очи, отступить, подавъ, и даже еще лучше если онъ руку къ сердцу приложить. А подносъ всякій разъ водой всполоснуть, и если онъ будетъ мокрый, то это не бѣда,—значить, онъ чистъ если свѣжая вода съ него течетъ. Отступить назадъ и руку прикладывать—это Благовъ любилъ, и когда Кольо, побывавъ на Босфорѣ, думалъ что надо это оставить, Благовъ, который какъ будто бы ничего вокругъ себя не замѣчалъ, а все видѣлъ, тотчасъ же сказалъ ему: „Кольо! Нѣтъ, ты руку прикладывая къ сердцу такъ—это мнѣ нравится...“ А подносъ мокрый подавать не приказывалъ... Юноши, напримѣръ, у насъ, слуга ли, какъ Кольо, или купеческій сынъ, подобный мнѣ, — все равно, — юноша долженъ быть прежде всего экономенъ, и деньги крѣпко, крѣпко, и свои, и отцовскія, и хозяйскія, въ рукѣ держать... Одинъ вотъ юноша Болгаринъ тонулъ въ Дунаѣ, а деньги въ рукѣ... Такъ и вынули его... Это человѣкъ будетъ! А не то что девять лиръ золотыхъ потерять въ кофейнѣ... За это изувѣчить мальшичку стоить. И можно ли вѣрить ему?.. А платье?.. На чтѣ это платье? Слуга или служанка чѣмъ грязнѣе тѣмъ лучше... Бѣгай внизъ, вверхъ... стучи, кричи, работай... Есть ли время наряжаться и чиститься хорошему человѣку?.. И купеческій сынъ точно также... Его бранить отецъ за щегольство и опрятность... И скорѣе горцу, воину по духу, можетъ нравиться разодѣтый молодецъ-сынъ чѣмъ городскому кулцу. „Ты человѣкъ труда! Не развращайся...“ А Благовъ только за одно пятно на юлкѣ хотѣлъ удалить Кольо... О поцѣлуяхъ моихъ молчить и ученость мою советъ риторствомъ... Развѣ риторъ, риторъ — дурное слово?.. Демосеенъ и Цицеронъ были ритторы... Это обязанность просвѣщенія... Какъ же мы съ Кольо угодимъ ему?.. Ни я, ни Кольо не могли этого постичь. Но у Кольо была совесть чиста и онъ плакалъ о лампѣ только изъ самолюбія, обижаясь что весь городъ будетъ это знать и назовутъ его Яніоты человѣкомъ „дикумъ и необразованнымъ“, а я находилъ себя преступнымъ.

Мы посидѣли нѣсколько времени молча и въ раздумьи...

Потомъ ходили по саду тоже молча. Я вздыхалъ и онъ вздыхалъ...

Наконецъ я остановился и сказалъ, обращаясь къ нему дружески:

— Послушай, мой милый Кольо! Послушай, чтобы мнѣ всегда радоваться на твои глазки... Не бойся и не обижайся... что я тебѣ скажу....

— Говори....

— Послушай, не было ли у тебя чего-нибудь такого съ дѣвушками или женщинами? Просвѣти, вразуми меня.... что мнѣ дѣлать?... Я каюсь тебѣ и признаюсь въ моемъ несчастіи; мнѣ эта пролаявшая Туркуда очень понравилась въ тотъ вечеръ, когда были гости.... Скажи мнѣ, не было ли чего-нибудь такого и съ тобой?... И если ты уклонился отъ зла, то открой какъ безъ грѣха сохраниться и мнѣ. И съ тобой можетъ-быть что-нибудь было и ты тоже красивъ лицомъ. Ты красивѣе меня.

И я не льстилъ ему. Я въ самомъ дѣлѣ находилъ тогда что онъ красивѣе меня. У меня, какъ ты знаешь, продолговатое лицо и носъ классическій. А у Кольо лицо было круглое и очень румяное, выраженіемъ доброе и тихое, а иногда и веселое. Персидскій поэтъ Саади воскликнулъ бы его наружностью, ибо онъ говоритъ про одного юношу: „лицо его было подобно полной лунѣ въ ту минуту когда она восходитъ.“ Еслибы небольшіе усы, которые начинали уже украшать его губу, и были еще похожи больше на брови чѣмъ на усы, еслибы (припоминая все того же Саади) не „лухъ айвы“ на подбородкѣ и щекахъ его, то онъ очень былъ бы похожъ на широкоплечую, полную, краснолицую и скромную, честную дѣвушку, для шутки одѣвшауюся въ мужскую фустанеллу. Лучше же всего была хорошая душа его, которая свѣтилась такъ привлекательно изъ его очей и улыбки.

Я держалъ его за его прекрасную руку и просилъ исповѣдать мнѣ для поученія что-нибудь изъ прошедшей его жизни, такъ какъ онъ былъ годами тремя постарше меня.

Боже! какъ стыдливо и простодушно и испуганно смѣлся на меня этотъ незабвенный мой юноша-горецъ....

Высвободивъ руку свою, онъ отвѣчалъ мнѣ кратко:

— Не спрашивай этого, Одиссей....

Я началъ умолять его и сказалъ ему такъ:

— Не оскорбляй меня! Я не предатель... Покажи мнѣ, мой другъ, что у тебя на рукѣ... Я только объ этомъ прошу тебя объ одномъ....

Кольо посмотрѣлъ на меня внимательно, какъ бы желая убѣдиться, довѣрять ли ему мнѣ, или нѣтъ, и спросилъ серьезно:

— Ты смѣяться послѣ надо мной не будешь?

Я съ жаромъ поклялся ему что не буду.

Тогда Кольо, поднявъ широкій рукавъ, обнажилъ до ладони свою сильную руку, и я увидалъ на смуглой кожѣ ея синюю ёлочку, или палочку, отъ которой шли въ стороны вѣточки. Это изображало непоколебимый кипарисъ; а внизу была тоже синяя меланхолическая подпись:

Ахъ! Вахъ!

День и ночь гуляю,

Все тебя не забываю!!.

— Видѣлъ? спросилъ Кольо, опуская рукавъ и краснѣя.

— Видѣлъ, отвѣчалъ я тоже отвращая взоры мои, чтобы не стѣснять его.

А Кольо прибавилъ съ глубокимъ, глубокимъ вздохомъ:

— Что дѣлать! Всякій человѣкъ находитъ въ этихъ вещахъ свое удовольствіе.

Я сталъ просить его разказать что значитъ это воспоминаніе, разказать мнѣ для нравственной пользы моей, но Кольо рѣшительно отказался.

— Нѣтъ, Одиссей! нѣтъ! Не проси меня! Этого я сдѣлать не могу!

И онъ почти съ изступленіемъ прижалъ руку къ груди и, поднявъ глаза свои къ небу, воскликнулъ:

— Вотъ тебѣ Богъ мой! это невозможно.... И ты оставь меня теперь....

Съ этими словами онъ послѣдшнею удался; а я, логоревавъ еще, пошелъ медленно наверхъ, думая: что-то будетъ!....

Но за обѣдомъ все внезапно и легко разрѣшилось само собой.

Г. Бакъевъ собирался увязать въ Арту и Превезу. Ему послѣ исторіи съ Бреше оставаться въ городѣ было тяжело, и Благовъ самъ, понимая это, далъ ему порученіе хлопотать тамъ о вознесеніи колокола на колокольню, *перваго*

христианскаго колокола въ эмирскомъ городѣ.... Консулъ обѣщалъ ему присаать за нимъ нарочнаго гонца, если Бре не получитъ предписаніе извиниться.

Но чрезъ этотъ отъѣздъ уменьшалось количество рукъ въ канцеляріи и Благова это тревожило.

Разговаривая объ этомъ за обѣдомъ, онъ какъ-то пристально вглядывался нѣсколько времени въ меня и потомъ, обратясь къ Бостанджи-Оглу, спросилъ его сколько будетъ листовъ въ статистику, которую приготовилъ еще въ Загорахъ отецъ мой. Бостанджи-Оглу сказалъ что очень много.

Тогда они разошлись все вмѣстѣ и консулъ сказалъ:

— Съ завтрашняго дня ты, Бостанджи, начинай переводить это по-французски; каждый день подавай мнѣ поправлять поутру: а вечеромъ Одиссей будетъ переписывать переводъ на хорошей дешевой бумагѣ начисто.... и будетъ олять мнѣ же на просмотръ приносить на слѣдующій день. Такъ мы всѣ будемъ заняты и все скоро кончимъ.

Потомъ онъ спросилъ у меня, не будетъ ли этотъ трудъ мѣшать моимъ школьнымъ занятіямъ? Я сказалъ что не помѣшаетъ нисколько, если число листовъ въ день не будетъ слишкомъ велико.

Тогда консулъ спросилъ:

— Будетъ ли Одиссеею этой работы недѣли на двѣ?

— Будетъ на мѣсяцъ, сказалъ Бостанджи-Оглу.

— И прекрасно! сказалъ Благовъ.—Если хочешь я тебѣ сегодня золотыхъ три за это казенныхъ впередъ дамъ, такъ какъ я тебѣ обѣщалъ.

Что мнѣ было сказать на эту высокоблагодарную, почтенно-пріятную рѣчь благодѣтеля!...

Я до того былъ пораженъ радостью, услышавъ что не только этими заботами о перепискѣ устраняется для меня всякая мысль объ изгнаніи изъ консульства, но напротивъ того, грозная туча, нависшая на моемъ горизонтѣ, неожиданно разрѣшается злато-плодотворнымъ дождемъ Данаи,— что я не могъ уже владѣть собой отъ порыва внезапной радости и, вскочивъ за обѣдомъ со стула, воскликнулъ:

— Я не нахожу словъ чтобы выразить вамъ мою живѣйшую благодарность, сіятельный господинъ консулъ мой!...

Всѣ, и Благовъ, и Бакъевъ, и Бостанджи-Оглу, и даже Кольо засмѣялись...

Я, смущенный немного этимъ, но все-таки счастливый, сѣлъ опять; а г. Благоевъ съ насмѣшливою улыбкой, оглядывая меня внимательно, замѣтилъ:

— Какъ деньги любить! Такъ его со стула даже къ верху вдругъ подняло.

Опять смѣхъ, въ которомъ уже и я принялъ искреннее участіе...

Но мой смѣхъ былъ не тотъ смѣхъ что у насъ у всѣхъ; мой смѣхъ былъ трепетъ и хохотъ внутреннего праздника души моей...

На вторичномъ возвращеніи моемъ къ вечернему обѣду изъ школы, дѣйствительно я напелъ на столѣ моемъ нѣсколько черновыхъ листковъ статистики, переведенной Бостанджи-Оглу и очень разборчивыхъ. Я обрадовался имъ какъ нѣкому праву гражданства въ русской канцеляріи, убралъ ихъ и сѣлъ къ отворенному окну съ видомъ на облаженные высоты.

День былъ сухой, зимній день; ясный, веселый и теплый... Слышалось уже приближеніе ранней весны юга; травка въ саду все больше и больше зеленѣла и снѣга недавняго не видно было и садовъ.

Высоты, которые темнѣли величаво за городомъ предъ окномъ моимъ, были наши же Загорскія высоты. Темною стѣной они начинаются тотчасъ же къ востоку за Янинскимъ озеромъ и даже есть почти у самой вершины ихъ на склонахъ къ городу маленькое, очень маленькое загорское селеніе *Линьядесъ*. Бѣлые домики его и красноватая черепичная кровля были очень хорошо видны изъ консульскаго дома, и я каждое утро, вставая и творя молитву, глядѣлъ на нихъ, вспоминая съ чувствомъ что дальше, дальше, за нѣсколькими такими высотами живутъ всѣ мои... Живетъ моя мать дорогая, и бабушка Евгенко. Силова, и Константинъ нашъ работникъ хорошій живетъ, и Елена служанка наша, всѣ тѣ которыхъ я съ дѣтства любилъ и которыхъ только однихъ я могъ любить безо всякой боязни, безъ колебаній и раскаянія.

Сегодня, когда душа моя вдругъ успокоилась и смягчилась отъ радости что все мнѣ прощено, я смотрѣлъ на эти высоты еще съ большимъ чувствомъ. Онѣ краснѣли все болѣе и болѣе отъ заката, и я думалъ что вѣрно и въ маленькомъ этомъ Линьядесѣ, котораго бѣлые домики такъ

ошо видны отсюда, теперь блещутъ стекая въ пурпур-
т лучахъ заката такъ какъ блистали они въ селѣ *Джусу*-
и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда переѣзжая съ
омъ въ Янину я въ послѣдній разъ оглянулся назадъ.
я я думалъ, хотя этого я видѣть не могъ.

давалъ себѣ еще разъ слово быть благоразумнымъ,
омудреннымъ и трудолюбивымъ и напоминать себѣ по-
инно что отецъ мой старается и что у него болятъ
а и некому будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, кромѣ меня
ого, быть опорой семьѣ...

эльха была очень далека теперь отъ моихъ мыслей;
непріятно было даже вспомнить объ ней, какъ ребенку
о противно вспомнить о сладкомъ кушаньи, которыми
неосторожно пресытился и тяжело занемогъ.

ь такомъ созерцаніи засталъ меня Кольо. Онъ вошелъ
баясь и сказалъ мнѣ тотчасъ же, садясь:

Я, Одиссей, перемѣнилъ мысли теперь... Такая пре-
зная погода. Консула дома нѣтъ. Пойдемъ вмѣстѣ за-
идъ погулять. Тамъ я расскажу о себѣ кой-что... такое
ты давеча спрашивалъ. Я хочу разказать тебѣ, какъ
островъ *Іакинтъ* * я видѣлъ на рукѣ у одного молодца-
ка нарисованную даму въ платьѣ и съ букетомъ. И какъ
исована! Какая живопись на кожѣ человеческой! Какъ
на!.. Послушай... Вставай, пойдемъ...

аково мнѣ было это слышать? Каково испытаніе му-
гву? Я понималъ что онъ издали съ этого острова
инта подкрадывался къ исторіи своего *голубаго кипариса*,
орую узнать я просто алкалъ...

понималъ къ тому же что теперь за городомъ должно
ь очень пріятно... Мнѣ представилась веселая зеленъ
ивы и одинъ домикъ около мощеной дороги направо,
дали ханъ и темная дубовая роща около монастыря Пе-
герѣ, которую я очень любилъ. Съ Кольо мнѣ всегда
о весело... И воздухъ въ окно прилеталъ прохладный
ишистый...

о я превозмогъ себя и, подавляя глубокій вздохъ, ска-
ъ, обращаясь къ Кольо:

Нѣтъ, иди, Кольо мой бѣдный, одинъ! а у меня теперь

Занте.

дѣло слишкомъ есть. Не обидься что я тебѣ отказываю! Прости мнѣ...

Кольо сказалъ: „Пуши, пуши!“ и ушелъ.

А я тотчасъ же сѣлъ за столъ мой и началъ чисто и крупо переписывать статистику съ величайшимъ терпѣніемъ...

И послѣ обѣда весь вечеръ и за полнотчъ я писалъ и на другое утро отправилъ г. Благову такъ много и такъ хорошо написаннаго что онъ съ Кольо велѣлъ передать мнѣ тѣ три золотыхъ и сказать: Очень хорошо! прекрасно! благодарю!

Чего мнѣ было еще болѣе желать... Глухая любовь моя, казалось мнѣ, утѣкла совсѣмъ вмѣстѣ со свѣтомъ...

Прошелъ морозъ, прошла любовь. Морозъ еще вернется хоть на будущій годъ; неразуміе—никогда!...

Прочно лежитъ *мой камень* теперь у вершины горы, на которой водруженъ столъ Бостанджи-Оглу, покрытый зеленымъ сукномъ. О! гора моя, гора тучная, гора усмыренная, надъ которой паритъ такъ всемогуще двуглавый орелъ Гипербореѣйской державы...

Однако?... Лучъ сомнѣнія...

Смотри, Одиссей, смотри ты, впрочемъ!... Вѣдь все-таки ты не знаешь—видѣлъ ли онъ что-нибудь тогда на диванѣ, или ничего не видалъ...

Смотри ты... Берегись, злополучный!

III.

Конечно, чувство мое къ „забавной“ Турчанкѣ было во все не глубоко и такъ противорѣчило всѣмъ правиламъ и началамъ которыя я всосалъ съ молокомъ моей доброй и богобоязненной матери, что я не только не искалъ поддерживать его игрою фантазіи, но скорѣе стыдился его искренно и вслѣдствію радъ былъ подавить его въ сердцѣ моемъ.

Какъ всякій молодой христіанинъ, выросшій въ Турціи подъ властію Турокъ, я всякое внимательство, прямое или косвенное, явное или сокровенное, всякую интригу или демонстрацію считалъ несравненно важнѣе сердечныхъ и романтическихъ чувствъ... О всякой любви, вѣтъ законнаго и освященнаго церковью брака, окружавшіе меня съ дѣтства люди говорили,—кто съ презрѣніемъ и насмѣшкой, а

кто съ отвращеніемъ и ужасомъ... „Блудница“ и „прелюбодѣйца“ были два имени, которыя безъ отѣяковъ и уступокъ давались всѣмъ тѣмъ женщинамъ которыя изрѣдка, среди строгаго и однообразнаго стиля нашей вѣковой византійской жизни, разрывали на себѣ покровъ отыда и цѣли чтимаго обычая... О „симпатическихъ и милыхъ“ ладныхъ женщинахъ, о мужчинахъ высокаго ума, которые романтическую, нѣжную и томительную, но преступную страсть считали бы дѣломъ философскимъ и высокимъ, не менѣе важнымъ чѣмъ сама наука и гораздо болѣе занимательнымъ чѣмъ политика,—о такихъ мужчинахъ едва ли и слышалъ у насъ кто-нибудь (кромя Коевино, который бредилъ подобными предметами и былъ за то посмѣшищемъ всего города).

Отецъ мой о любви почти никогда не говорилъ, хотя самъ и женился по чувству и при условіяхъ особенно логическихъ.

У меня остался въ памяти разказъ отца моего про одного Англичанина, которому жена измѣнила, потому что влюбилась въ другаго человека. Когда Англичанинъ убѣдился навѣрное въ измѣнѣ жены, онъ сталъ каждое утро, уходя отъ нея, молча класть предъ нею на столъ небольшую сумму денегъ, въ указаніе ея непотребства и униженія, и такимъ средствомъ довелъ ее до отчаянія и преждевременной смерти.

У отца моего обыкновенно выраженіе лица было больше спокойное, доброе, немного даже равнодушное, но когда онъ разказывалъ объ этой мести оскорбленнаго супруга, глаза его сверкали и жестъ его былъ исполненъ выраженія: онъ дышалъ какою-то радостью гнѣва и сочувствіемъ мужу.

И мать моя, слышая это, стремительно и страстно восклицала:

— Хорошо онъ сдѣлалъ! Прекрасно... Такъ было нужно ей, скверной женщинѣ!...

Мать моя, если и упоминала о такихъ людяхъ какъ Коевино или Гайдуса, или о такихъ исторіяхъ какъ исторія доктора съ гжей Арванитакки, то прежде всего она вспомнила о „грѣхолоденіи“ и о томъ какъ страшны были рѣчи той мертвой головы языческаго жреца, которая въ пустынѣ отвѣчала на вопросы Св. Макарія Египетскаго. „Ниже и глубже насъ невѣрныхъ и язычниковъ, и больше насъ несравненно

наказаны на томъ свѣтѣ христіане не по закону жившіе“. Бабушка Евгенко не говорила ничего объ этомъ. Я не помню.

О политикѣ, о высшей ли, о средней, или даже о самыхъ мелкихъ дѣлахъ гражданскихъ говорили всѣ съ уваженіемъ, серьезно, съ тонкостью, глубиной, съ остроуміемъ, съ любовью..

И я, дитя своей страны и сынъ своихъ обычаевъ, и я стыдился и боялся той стрѣлки Эроса, которая такъ внезапно и вовсе не глубоко проникала въ неопытное сердце, и гордился чрезмерно, когда садясь за столъ бралъ въ руки „трость книжника-скорописца“ и переписывалъ крупными французскими буквами самую ничтожную бумагу, напри-
мѣръ такую:

„Monsieur l'Envoyé!

„J'ai l'honneur d'accuser réception de la dépêche que V. E. m'avez fait l'honneur.... sub N^o

„J'ai l'honneur d'être....“

А если случайно въ какомъ-нибудь подобномъ извѣщеніи былъ на поляхъ знакъ „сi-joint“ или „сi-près“ (./.), то я возносился еще болѣе, ибо около года можетъ-быть все думалъ что этотъ (./.) знакъ означаетъ совсѣмъ другое, что-нибудь очень секретное и условное, то-есть понимайте другое, не то что я пишу... Напримѣръ, понимайте такъ: „Турецкая имперія въ Элирѣ на краю гибели... и прикажите мнѣ только дунуть на это позорное и подгнившее зданіе азіятскаго варварства...“

Но мнѣ и не нужно было искать дѣлъ; дѣла эти и политическія, и тяжбыныя, и коммерческія сами съ равныхъ лѣтъ искали меня.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего водворенія въ консульствѣ, Кольо привелъ ко мнѣ въ комнату двухъ христіанъ изъ села (своей родины) Чамурья. Они пріѣхали жаловаться на нестерпимыя обиды, которыя терпятъ люди въ этомъ округѣ отъ мусульманскихъ беевъ и отъ продажной слабости янинскихъ властей, и въ случаѣ нужды готовы были даже выселиться изъ своей страны. Не такъ давно было совершено тамъ Турками ужасное преступленіе.

На дорогѣ изъ города Фильятезъ къ селу Нѣвица, нѣсколь-
ко дней тому назадъ, въ большой ложбинѣ, у дороги, най-
дены были три обезображенныхъ христіанскихъ трупа.

Одинъ былъ трупъ молодого и очень извѣстнаго въ томъ округѣ селанина Панайоти Чѣка. Онъ лежалъ съ воловой раздробленною листолетнымъ выстрѣломъ въ упоръ. Видно было по положенію трупа, рукъ и головы, подъ которою была дорожная торба, что Панайоти убитъ былъ сонный на мѣстѣ. Шагахъ въ десяти отъ него лежалъ старикъ, его родственникъ; у этого горло было перерѣзано ножомъ, носъ и щеки изрублены, и на рукахъ были глубокія раны, одежда его была изорвана. Должно-быть онъ хотѣлъ бѣжать и защищааяся. Третьяго спутника, который ѣздилъ съ ними въ городъ, бѣднаго юношу Кѣсту, долго не могли отыскать. Наконецъ увидали его трупъ подальше и пониже подъ высокою скалою на каменистомъ мѣстѣ съ переломленною ногою; онъ былъ убитъ двумя выстрѣлами въ грудь на вылетъ. Можно было догадываться что онъ проснулся отъ перваго выстрѣла и, увидѣвъ что старика рѣжутъ, хотѣлъ скрыться и спрыгнуть въ темноту съ высокой скалы, переломилъ себѣ ногу, и что убійцы нашли его можетъ-быть прислунавшись къ стонамъ которыхъ онъ удержать не могъ.

Свидѣтелей не было ни одного. Но у всѣхъ христіанъ тотчасъ же подозрѣніе пало на молодого бей Джефферъ-Дѣма, который претендовалъ на большую часть той земли гдѣ расположено было село Нѣвица. Подозрѣніе это укрѣпилось еще больше, когда неподалеку отъ трупа Кѣсты нашли серебряную рукоятку отъ ножа Джефферъ-Дѣма.

Что же означало это таинственное злодѣяніе?... Джефферъ-Дѣмъ былъ не разбойникъ, онъ былъ гордый дворянинъ и на трупахъ осталось все въ цѣлости: деньги, серебряныя украшенія одежды, даже оружіе убитыхъ осталось нетронутымъ и было разбросано около нихъ на землѣ....

Исторія эта довольно длинная, но мыѣ необходимо разказать ее....

Чамурья лежитъ неподалеку отъ Адриатическаго моря, на западѣ Эпира; есть тамъ мѣста гористыя, есть и небольшіе лѣса на горахъ, но много долинъ, производящихъ липовицу, кукурузу, виноградъ и даже на ихнхъ теплыхъ склонахъ разведены рощи оливъ, которыя не растутъ на высокой и холодной Янинской долинѣ.

Безъ турецкихъ въ тѣхъ странахъ вообще довольно

много; въ горахъ Филъятесъ и Маргарити у нихъ большіе дома, пустыя, страшныя, суровыя, на стѣнахъ у иныхъ, нарочно для устрашенія, нарисованы большіе львы и грозныя усатые лавычары. Есть въ Чамурѣ довольно много христіанскихъ селъ, чифтаиковъ, зависимыхъ отъ этихъ беевъ, укрѣпленныхъ за ними старыми фирмами; но есть и свободныя села, кефалохорія; жители ихъ живутъ на своей землѣ и белямъ никакими указами ничего платить не обязаны.

Но безпорядки, грабежи и притѣсненія, которымъ подвергались издавна христіане подобныхъ отдаленныхъ округовъ, гдѣ не было ни страха консульскаго, ни даже хоть сколько-нибудь сильной и разумной мѣстной власти, принуждали нѣкоторые села платить добровольную подать (положимъ хоть бы по двадцати ліастровъ со двора) самымъ энергическимъ и вліятельнымъ изъ беевъ Чамуры, чтобы пользоваться ихъ защитой. Наконецъ, при возрастаніи податей и дороговизны, люди утомились этимъ; правительство султана обѣщало лучшіе порядки, и дѣйствительно тамъ и сямъ даны были нѣкоторыя льготы, заведены были, хотя и непрочныя, но все-таки болѣе строгіе порядки. Централизація, которую турецкіе чиновники хотѣли ввести по примѣру Франціи, имѣла свою хорошую и свою худую сторону.

Стараясь больше прежняго все уравнивать (по крайней мѣрѣ съ виду), Турецкое правительство вредило христіанамъ тѣмъ что уничтожало почти вездѣ ихъ мѣстныя особенности, ослабляя самоуправленіе ихъ общинъ, но съ другой стороны, не надо этого скрывать, оно все-таки старалось ослаблять и феодальную необузданность беевъ. Оно хотѣло сохранить за собой однимъ монополію безпорядковъ и притѣсненій. Однако были естественныя минуты роздыха, въ которыя казалось что все какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ стремится къ лучшему устройству.

Вотъ въ одну-то изъ такихъ минутъ, еще въ началѣ бытія Рауфъ-паши въ Эпирѣ, христіане шестнадцати освобожденныхъ селъ на родинѣ нашего Кольо объявили белямъ что больше платить имъ не будутъ, такъ какъ это было не по указу и не по закону, а лишь временно, по нуждѣ и обычаю.... О пашѣ всѣ отзывались какъ о человѣкѣ добромъ, совершенно чуждомъ фанатизма и здравомыслящемъ, хотя бы и не умномъ; и селяне эти надѣялись что онъ

поддержать несомнѣныя, вплоть законныя права на освобожденіе отъ этого добровольнаго налога, который былъ не только для нихъ бременемъ, но и живымъ укоромъ и стыдомъ для правильной власти.... ибо зачѣмъ же откупаться отъ вліянія частныхъ лицъ, или зачѣмъ подкупать ихъ годовымъ окладомъ, когда есть эта законная власть, и карающая, и заступительная.

Рауфъ-паша дѣйствительно принялъ въ началѣ ихъ сторону.... Беи жаловались въ Константинополь, докладывавъ что эти села не свободныя, а старые ~~обязанные~~ чифтауки. Диванъ-эфендисы Ибрагимъ между тѣмъ сталъ брать деньги вѣроятно и съ селянъ и съ беевъ, и тяжба затянулась на нѣсколько лѣтъ.... Потомъ и Рауфъ-паша, всегда почти поддававшійся вліянію дочери и зятя, перешелъ почти совсѣмъ на сторону беевъ. Селяне, хотя и не смѣшкомъ бѣдные, но все-таки утомились, перессорились между собою, раздѣлились на партіи и нѣкоторыя села рѣшились, чтобы кончить это дѣло, возобновить платежъ и лошади къ беямъ съ повинною головою.

Были даже люди которые обвиняли нѣкоторыхъ старшинъ въ томъ что ихъ подкупили беи. Трудно, конечно, узнать правда ли это; предатели есть вездѣ, и нѣкоторымъ беямъ, разумѣется, могло казаться выгоднымъ дать одинъ разъ немногимъ старшинамъ и по большой даже суммѣ, чтобы получать всегда и со всѣхъ этихъ шестнадцати селъ опредѣленные доходы.

Какъ бы то ни было, часть христіанъ согласилась возобновить улату. Нѣкоторые изъ греческихъ законоученъ и опытныхъ людей совѣтовали имъ поступить такъ еще потому что теперь по крайней мѣрѣ беи не выхлопотали себѣ еще новыхъ фирмановъ, и старыя злоупотребленія не получили юридической санкціи; но если продолжать тяжбу, то фирмыны могутъ быть выданы и тогда уже будетъ гораздо труднѣе возобновить дѣло позднѣе. Такъ я помню объ этомъ дѣлѣ, хотя и не совсѣмъ увѣренъ, вплоть ли я все въ немъ понялъ.

Не всѣ села и не всѣ христіане однако были съ этимъ рѣшеніемъ согласны. Сильнѣе всѣхъ возставалъ противъ этого тотъ самый убитый молодецъ Пано, изъ села Нидица. Ему не было еще и тридцати лѣтъ, но онъ приобрѣлъ уже между родичами и одесельчанами своимъ большое

вѣяніе. Онъ былъ не бѣденъ, смѣлъ, уменъ, собою виденъ; Кольо его зналъ и говорилъ про него съ восторгомъ: „Такой молодецъ! Такой хорошій молодецъ! Свѣтъ не видалъ такого!“

Онъ жилъ втроемъ съ молодою женой и молодою сестрой дѣвушкой. „И такъ, говорилъ Кольо, у нихъ было весело! Всѣ трое молодые. Работаютъ и смѣются. Все смѣхъ у нихъ и веселье! А Дёсло (это сестра его), только все ее видишь какъ она бѣгаетъ туда, сюда и босыми ногами стучить, и по горницѣ, и по лѣстницѣ внизъ, и по лѣстницѣ вверхъ... Ту-ту-ту-ту!... Айда... ту-ту-ту—туда... Хорошее семейство!“

И очень любилъ когда Кольо разказывалъ что-нибудь просто и не подозревая, какой онъ былъ прекрасный живописецъ и какъ запечатлѣвались въ сердцѣ слушателя его простодушныя изображенія!...

И теперь стоило ему только разказать мнѣ немного о роднѣ своей, которую я не видалъ и которая ни на Янину, ни на Загорье не похожа, какъ я уже вообразилъ себѣ все такъ ясно, и оливки эти свѣдья, и лихаго Пано въ старой фустанелѣ съ молодецкими усами, и жену его съ груднымъ ребенкомъ за спиной идущую на работу, и Дёсло эту молоденькую, которая красивыми и нѣжными, хотя и босыми ногами, покрытыми сухою пылью, бѣжитъ съ сосудомъ на беззаботной головкѣ... „ту-ту-ту“... какъ говорилъ Кольо, представляя даже руками какъ Дёсло дѣлаетъ „ту-ту-ту!“

И еще чувствительнѣе тогда было мнѣ представить себѣ глухую ложбину, въ которой лежалъ бездыханный трупъ молодца и заступника этого съ разнесеннымъ въ дребезги черепомъ, и бравыхъ товарищей его, убитыхъ такъ жестоко...

Убийство это было совершенно почти тотчасъ же послѣ пріѣзда Благова. Слухъ объ немъ очень скоро разнесся и по Яниѣ; селяне, которые пришли свидѣтельствовать противъ Джефферъ-Дѣма, носили съ собой серебряныя ножи ятагана, затеряннаго второпяхъ на мѣстѣ преступленія. Множество людей признавали эти ножи и свидѣтельствовали что они принадлежатъ Джефферу. И не только христіане, но даже были и Турки, которые прямо указывали на убійцу. Надъ большимъ селомъ Нѣвицей, въ которомъ

было домовъ можетъ-быть триста, претендовала господствовать не одинъ этотъ Джефферъ; съ нимъ вмѣстѣ получали деньги съ жителей этого села и другой Турокъ Тахиръ-бей Аббасъ. Онъ былъ еще съ отцомъ Джеффера во враждѣ и теперь во всеуслышаніе говорилъ что Джефферъ злодѣй и злодѣй глупый, мальчишка, который убивъ Пана вредить не себѣ одному, а возьмъ беямъ Чамуры и больше всѣхъ ему, Тахиръ-Аббасу, и лишаетъ и его дохода, ибо селяне Нивиды доведенные теперь до отчаянія и бѣшенства, хотятъ во что бы то ни стало переселиться въ Россію, въ Элладу ли, или даже въ иную область Турціи, лишь бы имъ дали гдѣ-нибудь земли.

Джефферъ-Дэма схватили, привели въ Яннику и содержали нѣсколько времени подъ стражей. Но это длилось очень не долго, за него нашлись поручители, паша его выпустилъ и не далѣе какъ черезъ недѣлю послѣ его поимки Кольо вбѣжалъ ко мнѣ, такъ что дверь едва не сорвалась съ петель, схватилъ меня за руку и повторяя: „Джефферъ-Дэмъ! Джефферъ-Дэмъ!...“ почти выкинулъ меня на балконъ, который выходилъ на боковой стѣнѣ въ переулочъ.

Джефферъ-Дэмъ проходилъ лѣшкомъ съ однимъ слугою мимо Русскаго консульства. Я только этотъ разъ и видѣлъ его, но уже никогда забыть его не могъ; и еслибы даже онъ не былъ героемъ такой трагической исторіи, еслибы онъ не совершилъ никакого преступленія, еслибы я не зналъ даже имени, а только видѣлъ бы разъ какъ онъ прошелъ по улицѣ этой, то и тогда кажется не забылъ бы его никогда, какъ не забываетъ человѣкъ прекрасную картину, на которую онъ поглядѣлъ и не долго, но со вниманіемъ.

Джефферъ-Дэмъ былъ еще молодъ и чрезвычайно красивъ. Онъ былъ пріятно круглолицъ, очень смуглъ и очень свѣжъ; во всей его особѣ, въ огромныхъ темныхъ очахъ, въ небольшихъ черныхъ усахъ, подкрученныхъ кверху, въ стройномъ станѣ, въ тихой, неслѣшной, величавой походкѣ, въ бѣлыхъ рукахъ, заложенныхъ покойно за спину, было такъ много чего-то необъяснимаго, породистаго, тихо-гордаго, тайно-самодовольнаго что я тебѣ выразить не могу! Одѣтъ онъ былъ, конечно, въ пышную фустанеллу, а куртка его и всѣ остальные части одежды были изъ чернаго сукна и вышиты золотомъ, сіявшимъ какъ новый червонецъ и на груди, и на спинѣ и рукавахъ, и на обуви икрѣ.

За нимъ шелъ пожилой уса́тый слуга, тоже одѣтый по-албански, и лицо его было одно изъ тѣхъ худыхъ и свирѣлыхъ арнаутскихъ лицъ, вспоминая о которыхъ, поймаешь событія послѣднихъ дней въ злополучной Болгаріи, и видишь тотчасъ же предъ собою то церковный дворъ Батока, наполненный истлѣвающими трупами, то триумфальныя арки изъ мертвыхъ головъ христіанскихъ, перевитыхъ цвѣтами, то распятыхъ и повѣшенныхъ священниковъ; то мать-Болгарку, убитую и связанную съ изнасилованною дочерью ремнями ихъ собственной кожи!...

Не этого ли слуга помогалъ своему молодому красавцу господину убивать Пано и его спутниковъ? Не онъ ли уже научилъ его все это совершить?...

Когда мы съ Колью выскочили какъ безумные оба вмѣстѣ на балконъ, Джефферъ-Дэмъ подбѣлъ не слѣдѣ на насъ глаза, поглядѣлъ на насъ.... Я бы желалъ, мой другъ, чтобы ты понялъ, какъ онъ это именно поглядѣлъ!... Или глаза его были очень красивы, или мысль объ ужасномъ этомъ убійствѣ придавала всему что до него касалось особое значеніе.... только мы оба съ Колью сказали другъ другу почти въ одно время, когда онъ удалился: „какъ глядитъ!“

А „какъ“ именно онъ глядитъ, этого мы не могли сказать.... Онъ поглядѣлъ равнодушно; ничего не было замѣтно.... А мы сказали, однако, оба другъ другу: „Какъ глядитъ!“

Прошелъ молодой злодѣй-красавецъ. Прошелъ и ушелъ и я больше никогда не видалъ его.... Но такъ мнѣ до сихъ поръ кажется удивительнымъ и страннымъ что такой нѣжный и тихій юноша, полный достоинства и изящества, рѣзалъ самъ христіанъ, обливалъ горячею кровью эти почти женскія руки, заложеныя теперь такъ равнодушно за спину; потерялъ даже ножны свои въ борьбѣ, такъ мнѣ все это кажется страннымъ что стоить мнѣ только подумать о первой молодости моей и объ Яннѣ, такъ одно изъ первыхъ лицъ которыя представляются воображенію моему какъ живыя — это Джефферъ-Дэмъ съ поднятыми къ балкону нашему на минуту равнодушными черными очами, въ бѣлой фустанеллѣ, которая чуть-чуть качается, когда онъ ступаетъ по камнямъ, и руки его за спиною, на которыхъ и слѣдовъ христіанской крови какъ будто не видно....

И не мы одни съ Кольо обратили вниманіе на прекрасную наружность этого безстѣднаго убійцы. Люди гораздо больше насъ знающіе что такое „изящное“ замѣтили ее.

У насъ былъ разъ какъ-то за-просто австрійскій консулъ. (Благовъ его продолжалъ предпочитать всѣмъ своимъ товарищамъ и они часто бывали другъ у друга.)

Ашенбрехеръ больше нашего восхищался красотой молодого бей. Именно больше нашего. Мы съ Кольо по-дѣтоки считали обязанностью, такъ-сказать, нашей умалчивать по возможности обо всемъ что можетъ встрѣтиться въ мусульманахъ мало-мальски хорошаго, и особенно въ мусульманахъ злыхъ; мы не осмѣливались выразить другъ другу то что насъ поразило, и понавѣ, конечно, молча другъ друга, сказали только: „какъ глядитъ!...“

Ашенбрехеру не было, конечно, никакой нужды или потребности скрывать свои впечатлѣнія и онъ хвалилъ громко и восторженно: „Quelle beauté! Ah! Ce costume mirabolent! Mais c'est fabuleux! c'est curieux au plus haut degré!... Какая жалость что этотъ молодой человѣкъ такой преступникъ, такой негодяй!...“

На это Благовъ отвѣчалъ ему при насъ съ веселостью (онъ всегда при Ашенбрехерѣ былъ въ духѣ):

— Я жалѣю о другомъ... И я его видѣлъ, и отдаю справедливость и костюму его и наружности; и даже такъ оцѣнилъ все это что пожалѣлъ объ одномъ: отчего я здѣсь не всемогущій сатрапъ... Я сначала выписалъ бы изъ Италіи живописца чтобы снять съ него портретъ, а потомъ повѣсилъ бы его... Я не говорю: посадилъ бы его на колъ... потому что, какъ вы знаете, теперь это не принято... но я повѣсилъ бы его тоже картинно: при многолюдномъ сборищѣ и христіанъ, и Турокъ, чтобы Турки учились впередъ быть осторожнѣе... И самъ присутствовалъ бы при этой казни... Я не шучу...

— О! воскликнулъ, смѣясь, Австріецъ,—какое Нероновское соединеніе артистическаго чувства и кровожадности... О!...

Благовъ немного покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Что жъ Неронъ?.. Вотъ развѣ мать... Это конечно... Но нельзя же увѣрять себя что пожаръ Рима былъ не красивъ...

— Ecoutez!... воскликнулъ Ашенбрехеръ,—вы сегодня ужасны!...

И, перемѣнивъ разговоръ, онъ началъ доказывать что Турки рѣшительно несправедливы и что всѣ надежды возлагаемыя на нихъ въ Европѣ напрасны.... Это истинная нація!... У нихъ есть сила только противу беззащитныхъ и слабыхъ, какъ напримѣръ въ Сиріи, а наказывать преступленія они не хотятъ или не умѣютъ...

Но Благовъ былъ въ этотъ день хотя и веселъ, но въ самомъ дѣлѣ ужасенъ...

— Зачѣмъ же вы всегда помогаете имъ подъ рукой? спросилъ онъ безъ церемоніи, и все съ тѣмъ же сіяющимъ побѣдоноснымъ лицомъ.

Ашенбрехеръ, впрочемъ, вышелъ изъ затруднительнаго положенія очень мило....

Онъ воскликнулъ:

— Послушайте! Чтѣ жъ намъ дѣлать противъ такого колосса какъ вы? Ваша Россія — это какой-то маивный Бао-бабъ! Она растетъ невзвѣсно какъ дерево.... Все не хочетъ завоеваній, всего боится, и все около нея трещитъ какъ старый заборъ.... Чего хотятъ ваши государственные люди — никто никогда понять не можетъ... *Voyons, soyez donc bon enfant.... Avouez, que j'ai raison.*

Но Благовъ отвѣтилъ ему на это такъ:

— Это очень зло, то чтѣ вы говорите. Вы кажется хотите этимъ сказать что мы, Русскіе, сами не понимаемъ чего хотимъ... Бываетъ положимъ и такъ.... но не всегда.

— А! А!... восклицалъ Ашенбрехеръ: — Разказывайте!... Никогда, никогда этого не бываетъ! Я хочу только сказать что ваши государственные люди умѣютъ желать именно того, чего требуетъ минута; *c'est organique*... Ихъ воля необходимо проявленіе того, такъ-сказать, естественнаго роста.... о которомъ я говорю... Тѣмъ хуже!.. Тѣмъ хуже для насъ! Поставьте же, наконецъ, себя на мѣсто Австріи! прибавилъ онъ съ жестомъ шуточнаго отчаянія.

— Ставишь, ставлю, снисходительно сказалъ Благовъ.

Эта шуточная и довольно смѣлая бесѣда консуловъ кончилась тѣмъ что Ашенбрехеръ при насъ обѣщалъ Благову не только написать интервенцію о необходимости удовлетворить жителей Ниццы и семью убитаго Пано, и наказать Джефферъ-Дэма, но обѣщалъ ему уговорить даже и Бреше, для пользы самой Турціи, сдѣлать то же и далъ слово что бѣловую бумагу свою дастъ на прочтеніе Благову. Слово

свое онъ сдержалъ, конечно, но онъ не клялся при этомъ что онъ никакого другаго и въ противоположномъ духѣ донесенія еще секретно не напишетъ своему начальству, и еще, прибавлю, въ послѣдствіи оказалось что слово сказанное Благовымъ (не совсѣмъ въ шутку) о жадѣ очень строго наказать Джефферъ-Дэма Ашенбрехеромъ не было забыто.

Вотъ именно около этого времени, когда консулы рѣшились всѣ писать въ Царьградъ о томъ что Джефферъ-Дэма выпустили на поруки, и что его серьезно судить лапа кажется, не намѣренъ, явились въ Янину тѣ представители Нивицы, которыхъ Кольо, какъ земляковъ своихъ, помимо Бостанджи-Огау, прямо привелъ ко мнѣ въ комнату.

Лишь только до Нивицы дошелъ слухъ о томъ что Джефферъ-Дэмъ ходитъ свободно по Янинѣ, все село поднялось въ изступленіи и рѣшилось выселиться во что бы то ни стало и куда бы то ни было. Движеніе это понемногу общилось и жителямъ другихъ сосѣднихъ селъ. Однако селяне хотѣли сначала посоветоваться съ вліятельными лицами въ Янинѣ и приобрести себѣ поддержку въ консульствахъ; поэтому, выбравъ для этой цѣли надежныхъ людей, они поручили имъ прежде всего обратиться къ Благо-ву и къ владѣющему консулу Кирккориди.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛВОНТЬЕВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849 — 1868. Отдѣлъ первый. С.-Петербургъ, 1877.

Имя г. Анненкова, одного изъ лучшихъ нашихъ критиковъ пятидесятихъ годовъ, давно уже пользуется заслуженною извѣстностью въ русской литературѣ. Выступивъ въ 1849 году въ *Современникъ* со статьями общественнаго и литературнаго содержанія, онъ занялся вслѣдъ за тѣмъ разборомъ бумагъ оставшихся по смерти Пушкина и собраніемъ матеріаловъ для его біографіи. Появившееся въ 1855 году изданіе сочиненій Пушкина до сихъ поръ считается лучшимъ и признано серіозною заслугой со стороны издателя. Біографія Станкевича, вышедшая, если не ошибаемся, въ 1857 году, упрочила извѣстность г. Анненкова, поддержанную рядомъ критическихъ статей, появившихся въ лучшихъ нашихъ журналахъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Въ послѣднее время г. Анненковъ возвратился къ главному труду своей жизни, къ біографіи Пушкина,

и напечаталъ рядъ статей (изданныхъ потомъ отдѣльно) о дѣтствѣ и первой молодости нашего національнаго поэта. Какъ попытка собрать весь доступный биографическій матеріалъ о Пушкинѣ, статьи эти имѣютъ немаловажное значеніе. Изъ предисловія къ нынѣшнему собранію сочиненій г. Анненкова мы узнаемъ кромѣ того, что почтенный критикъ занять въ настоящее время составленіемъ своихъ литературныхъ воспоминаній, интересъ которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ близкія личныя связи г. Анненкова съ писателями прежней эпохи дѣлаютъ его вполне компетентнымъ для такого труда.

Литературная дѣятельность разбросанная въ старыхъ журналахъ легко забывается, тѣмъ болѣе когда она посвящена критической оцѣнкѣ текущихъ литературныхъ явленій, утратившихъ для новаго поколѣнія интересъ современности. Въ наше время уже перестаютъ читать многихъ изъ тѣхъ авторовъ, надъ объясненіемъ которыхъ дѣтъ двадцать, двадцать пять назадъ трудился г. Анненковъ; рыться въ старыхъ журналахъ, чтобы познакомиться съ отзывами тогдашней критики объ этихъ полузабытыхъ литературныхъ явленіяхъ, идущихъ кромѣ того въ разрѣзъ съ нынѣшними вкусами и требованіями—могутъ рѣшиться только спеціалисты. Поэтому нельзя не радоваться предпринятому полному собранію журнальныхъ статей и замѣтокъ г. Анненкова. Оно возобновитъ въ памяти старшаго поколѣнія интересы тѣхъ когда глубоко его занимавшіе, и познакомитъ новую генерацию читателей съ литературными воззрѣніями минувшей эпохи. У насъ подобные итоги критической дѣятельности имѣютъ тѣмъ большее значеніе что литературная критика наша, какъ извѣстно, никогда не ограничивалась своими спеціальными задачами, но служила чѣмъ-то въ родѣ философской и политической энциклопедіи, отражая въ себѣ общее міровоззрѣніе цѣлаго поколѣнія.

Г. Анненковъ не былъ (говоримъ въ прошедшемъ времени, рассматривая его какъ писателя 50хъ годовъ) носителемъ собственной литературной или философской теоріи, не былъ новаторомъ въ избранной имъ области, не служилъ исходною точкой, съ которой начиналось бы новое журнальное движеніе. По размѣрамъ своего значенія, вліянія и популярности онъ не можетъ быть поставленъ на ряду ни съ Полевымъ, ни

съ Бѣлинскимъ, ни съ Добролюбовымъ, ни даже съ Григорьевымъ, хотя конечно онъ превосходилъ cadaго изъ нихъ основательностью образованія и способностью при оцѣнкѣ явленій русской литературы всегда имѣть въ виду перспективное отношеніе этихъ явленій къ великимъ созданіямъ западныхъ литературъ. Подобно покойному Дружинину, г. Анненковъ былъ эклектикомъ цѣлаго литературнаго движенія 40хъ годовъ, выразившагося, во первыхъ, въ дѣятельности Бѣлинскаго, и во вторыхъ, въ общемъ стремленіи нашей литературы къ сближенію съ европейскою мыслью. Въ этой роли онъ оказалъ журналистикѣ 50хъ годовъ значительныя услуги, охраняя въ ней лучшія преданія предшествовавшаго движенія и образу, вмѣстѣ съ Дружининымъ и Боткинымъ, нѣкоторый противовѣсъ тому обособившемуся движенію которое выразилось въ самой послѣдней дѣятельности Бѣлинскаго и поздыѣ въ критическихъ статьяхъ Добролюбова. То что возбѣждалъ Бѣлинскій въ жару полемики, со страстностью и преувеличеніями новатора, г. Анненковъ спокойно и свободно прилагалъ къ текущимъ явленіямъ русской литературы, какъ утвержденную и унаслѣдованную истину, какъ законное приобрѣтеніе русской критической мысли. Ему почти не съ кѣмъ было спорить, некого было переубѣждать; онъ выступилъ въ ту эпоху, когда, за исключеніемъ небольшого кружка славянофиловъ, все наше общество признало въ главныхъ чертахъ движеніе 40хъ годовъ и жило авторитетами такъ-называемой натуральной школы и Бѣлинскаго. Въ послѣдствіи оказалось что эти авторитеты можно понимать въ болѣе одностороннемъ и остромъ значеніи; но въ 50хъ годахъ, и особенно въ первой половинѣ ихъ, господствующія литературныя воззрѣнія отличались большимъ еднородіемъ и терпимостью. Вспомнимъ что Бѣлинскій, такъ много трудившійся надъ разъясненіемъ общественнаго значенія Гоголя, былъ въ то же время горячимъ поклонникомъ Пушкина; вспомнимъ что тогдашняя критика, хлопотавшая надъ возвеличеніемъ натуральной школы, въ то же время относилась чрезвычайно сочувственно къ стихамъ гг. Майкова, Полонскаго, Фета, Щербины. Если не всѣ эти поэты въ равной степени признавались реальными, то всѣ они считались сродни—съ одной стороны Пушкину, съ другой Гейне. Критическія требованія эпохи были очень широки, имѣли въ виду очень

общій идеалъ, въ который свободно укладывались непримиримыя на нынѣшній взглядъ стороны творчества. Даже западники и славянофилы въ области литературной критики легко находили точки соприкосновенія: и тѣ и другіе благоговѣли предъ Пушкинымъ и Гоголемъ, и тѣ и другіе признавали талантъ выше направленія и считали произведеніе изящнаго слова немислимымъ безъ изящной формы. Появлялись крупныя литературныя созданія, относительно которыхъ какъ западническая, такъ и славянофильская критика держалась одного и того же мнѣнія—напримѣръ *Семейная Хроника* Аксакова, *Дворянское Гнѣздо* г. Тургенева. Если нельзя сказать чтобы задача критики была облегчена этими условіями (вмѣсто дешеваго полемическаго задора и тенденціознаго ковырянья по одному мѣсту приходилось глубоко вникать въ разнообразіе творческихъ мотивовъ), то не подлежитъ сомнѣнію что критическій трудъ въ то время былъ несравненно благодарнѣе чѣмъ нынче. Имѣя предъ собою весьма широкій, весьма общій идеалъ, критика 50хъ годовъ могла относиться очень свободно къ многоразличнымъ сторонамъ искусства и обнаруживать богатство и оригинальность идей, невозможные при прямолинейныхъ требованіяхъ нынѣшняго журнализма.

По всей вѣроятности, многимъ въ настоящее время покажется совершенно излишнимъ появленіе книги въ которую собраны критическія статьи писателя 50хъ годовъ. Литературная критика постоянно являлась у насъ, какъ мы сказали выше, энциклопедіей извѣстнаго поколѣнія. Но если на сцену выступило новое поколѣніе, имѣющее свою собственную энциклопедію, то кому нужна энциклопедія его отцовъ? Мы предъявляемъ нынче къ литературѣ требованія не имѣющія ничего общаго съ требованіями предыдущей эпохи; эти новыя требованія уже создали совершенно новую литературу, которой ни Пушкинъ, ни Гоголь вѣроятно даже не поняли бы, и которая въ свою очередь не желаетъ понимать ни Пушкина, ни Гоголя. Зачѣмъ же намъ повторять зады, перетрачивать старое, вышедшее изъ моды и изъ употребленія платье?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить только рядомъ другихъ вопросовъ. Существуетъ ли въ дѣйствительности новая критика въ смыслѣ положительной теоріи, положительнаго идеала, упраздняющаго всѣ предшествовавшіе идеалы?

Не понимаемъ ли мы подъ новою критикою вѣчто совершенно отрицательное, условное и даже фиктивное,—вѣчто такое что вовсе не можетъ быть формуловано въ твердыхъ и точныхъ положеніяхъ, обнимающихъ всѣ стороны предмета? Если же новая критика дѣйствительно существуетъ, то извлечены ли ея положенія изъ какихъ-нибудь образцовыхъ созданій искусства, какъ это было съ критикою 40хъ и 50хъ годовъ и какъ это должно быть, потому что литература предшествуетъ критикѣ, и послѣдняя не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ мыслию дѣйствующею a posteriori? Не случилось ли совершенно наоборотъ, т.-е. новая критика не предъявила ли свои требованія раньше чѣмъ явилась новая литература, и потому послѣдняя не представляетъ ли заказной работы, изготовленной на срокъ по опредѣленному шаблону?

На эти вопросы насъ наводитъ сама современная критика. Въ июньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, въ статьѣ г. Скабичевского о покойномъ писателѣ Левитовѣ, мы встрѣтили чрезвычайно любопытную оцѣнку новой литературы—любопытную именно потому что она исходитъ отъ критика новаго направленія и появилась въ журналѣ постоянно наполняющемся произведеніями новой беллетристики—„порепорформенной“, какъ выражается о ней г. Скабичевскій. На этомъ отзывѣ не безполезно остановиться, потому что, освѣщая одну сторону предмета, онъ поможетъ намъ освѣтить другую, и такимъ образомъ намъ удастся представить этотъ предметъ вниманію читателя съ наибольшою ясностью.

Критикъ *Отечественныхъ Записокъ* удивленъ малыми успѣхами той литературы, которой онъ, въ качествѣ „порепорформеннаго“ критика, желалъ бы отдать предпочтеніе предъ литературой предшествующей эпохи. Фактъ этотъ кажется ему несообразнымъ. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, если взять въ разчетъ направленіе и содержаніе повѣстическихъ (?) образцовъ этой молодой школы русскихъ беллетристовъ и тѣ общественныя слои изображенію которыхъ эта школа посвятила себя, то можно думать что она представляетъ соборъ немаловажный шагъ впередъ въ развитіи нашей литературы. Изъ узко-сословной сферы изображенія жизни однихъ образованныхъ слоевъ общества, въ какой пребывала по преимуществу беллетристика 40хъ и 50хъ годовъ, школа эта перешла рѣшительно, смѣло и безлово-

ротю на почву народной жизни въ связи ея съ жизнью всѣхъ прочихъ общественныхъ слоевъ; изъ узкой сферы исключительнаго психическаго анализа индивидуальных страстей и душевныхъ движеній она обратилась къ вопросамъ общественнымъ и массовымъ. Казалось бы что этотъ важный прогрессивный шагъ впередъ нашей беллетристики долженъ былъ ознаменоваться появленіемъ новыхъ блестящихъ талантовъ и выходомъ въ свѣтъ произведеній которыя затмили бы все предыдущее, не только по своему общественному значенію, но и въ чисто-художественномъ отношеніи, въ силу большей широты разгула поэтическаго творчества, вслѣдствіе того что творчество, въ настоящемъ случаѣ, начало возбуждаться впечатлѣніями не одного какого-нибудь узенькаго общественнаго уголка, а свѣжею, широкою и могучею струей народной жизни, бывшей живымъ ключомъ, богатой красками и звуками страстной поэзіи. Но странно! на дѣлѣ вышло нѣчто совершенно иное: молодые беллетристы не только не создали до сихъ поръ ни одного произведенія которое можно было бы поставить рядомъ съ *Мертвыми Душами* или *Ревизоромъ*, но которое выдержало бы соперничество хотя бы съ лучшими произведеніями беллетристовъ 40хъ годовъ. Въмѣсто тщательнаго обработанныхъ, художественно-стройныхъ и законченныхъ произведеній, какими мы такъ избалованы всею предыдущею литературой, они подарили намъ рядомъ неконченныхъ отрывковъ и безформенныхъ клочковъ, неуклюжихъ, нестройныхъ, отягощенныхъ мѣстами длинными и скучными разсужденіями, мѣстами фотографическимъ сырьемъ или безконечными описаніями мелочныхъ деталей. Предъ вами точно будто снова вылилось нѣчто архаическое и первобытное, возвратилоя хаосъ первыхъ дней созданія. Литература, въ лицѣ этихъ молодыхъ беллетристовъ, словно бросила всѣ свои заимствованныя съ Запада, вѣками выработанныя, совершенныя формы и возвратилась къ тому безыскусственному виду въ которомъ она пребывала въ эпоху Погодина и Котошихина, когда наивные грамотѣи валяли въ одну безформенную рѣчь подъ заглавіемъ *Записки* или *Слова* все что было у нихъ на душѣ—и мораль, и сатиру, и публицистику, и душевный плачъ о неурядицахъ земли Русской, и этнографическія свѣдѣнія о заморскихъ странахъ.“

Остановимся на минуту на этихъ любопытныхъ строкахъ, въ которыхъ новая критика старается дать новой литературѣ столь безпристрастное опредѣленіе. Конечно, для читателей будетъ большою новостью встрѣтиться съ заявленіемъ такого горькаго разочарованія въ новѣйшей литературѣ со стороны той самой критики которая еще недавно, и кажется устами того же самаго г. Слабичевского, возносила Рѣшетникова и др. весьма высоко. Мы долго, дѣлая пятнадцать лѣтъ, присутствовали при зрѣлищѣ, какъ петербургская журналистика съ замѣчательнымъ единодушіемъ возводила въ гении то одного, то другаго „пореформеннаго“ беллетриста—сегодня Рѣшетникова, завтра г. Га. Успенскаго, послѣ-завтра г. Куцевского, и т. д. Въ жертву этимъ новымъ свѣтиламъ словеснаго искусства безпощадно приносились всѣ прежніе боги, терзались всѣ славныя имена русской литературы. Если же теперь вдругъ оказывается что всѣ эти гении возвратили русскую литературу ко временамъ Погодина и Котошихина, къ хаосу первыхъ дней созданія; что они ничего не произвели, кромѣ безформенныхъ ключковъ, неуклюжихъ и нестройныхъ,—то не въ правѣ ли мы поставить вопросъ о существованіи новой критики какъ чего-то положительнаго, яснаго и твердаго?

Обратимъ однако вниманіе сначала на первую часть опредѣленія, именно на ту, гдѣ г. Слабичевскій старается указать на преимущества новой литературы предъ старою. Это преимущество онъ видитъ въ томъ что беллетристика 40хъ и 50хъ годовъ занималась одними образованными слоями общества и психическимъ анализомъ индивидуальных страстей и душевныхъ движеній, тогда какъ новая беллетристика „перешла рѣшительно, смѣло и безповоротно на почву народной жизни“ и „обратилась къ вопросамъ общественнымъ и массовымъ“. Такъ ли это однако на самомъ дѣлѣ? Самый крупный „общественный и массовый вопросъ“, какой мы знаемъ въ русской жизни за послѣднія пятьдесятъ и даже сто лѣтъ, есть вопросъ крестьянскій. Которая же изъ двухъ литературъ содѣйствовала благопріятному разрѣшенію этого вопроса? Идеи подготовившія крестьянскую реформу, были ли выражены Рѣшетниковымъ и другими беллетристами того же направленія, явившимися какъ извѣстно уже послѣ того какъ реформа была рѣшена и отчасти исполнена, или же онѣ были воспитаны въ нашемъ

обществѣ произведеніями Гоголя, статьями Бѣлинскаго, Кирѣевскаго, Хомякова, *Записками Охотника* г. Тургенева и пр.? Полагаемъ, на этотъ вопросъ не возможенъ двойной отвѣтъ. Пойдемъ далѣе. Возможно ли сказать что литература 40хъ и 50хъ годовъ вращалась преимущественно въ узкой сферѣ сословнаго мірка, занималась интересами однихъ образованныхъ слоевъ? Можно ли поставить такой упрекъ литературѣ наслѣдовавшей идеи Пушкина—того Пушкина, который въ своихъ зрѣлыхъ созданіяхъ явился поэтомъ въ высокой степени народнымъ? Можно ли назвать узко-сословными произведенія Гоголя? Можно ли забыть только-что упомянутыя *Записки Охотника*, которыя даже новая критика цѣнить именно за то что они напоминали русскому обществу его главную язву—крѣпостное право? Наконецъ, развѣ не въ 40хъ и 50хъ годахъ явились первые романы и повѣсти изъ простонароднаго быта г. Григоровича? Положимъ, въ знаніи всѣхъ мелочей народнаго быта, въ реальности изображеній, въ знакомствѣ съ настоящею народною рѣчью г. Григоровичъ уступаетъ нынѣшнимъ беллетристамъ; но тѣмъ не менѣе первое обращеніе къ народу послѣдовало со стороны писателей 40хъ годовъ, и толчокъ былъ такъ силенъ что гораздо раньше Рѣшетникова мы уже имѣли *Плотничью Артель* и *Горькую Судьбину* г. Писемскаго, *Постоялый Дворъ* и *Муму* г. Тургенева—произведенія въ которыхъ народная жизнь и симпатіи къ народу отразились несравненно точнѣе и ярче чѣмъ во всей „лореформенной“ беллетристикѣ. А Кольцовъ? А гг. Некрасовъ и Островскій? развѣ они принадлежатъ къ поколѣнію Рѣшетникова и другихъ специально-народныхъ беллетристовъ?

Новая критика совершенно права въ томъ отношеніи что въ 60хъ и 70хъ годахъ „вопросы общественные и массовые“ достигли въ нашей литературѣ большей силы выраженія чѣмъ какую имѣли въ литературѣ, предшествовавшей эпохи. Но этой силой выраженія они достигли вовсе не въ произведеніяхъ Рѣшетникова или гг. Успенскихъ, а въ *Войнѣ и Мирѣ* графа Толстаго, въ поволжскихъ разказахъ Андрея Печерскаго. Вотъ гдѣ новая критика нашла бы осуществленіе своего идеала, еслибъ этотъ идеалъ дѣйствительно опредѣлялся выраженіями: „обращеніе къ народной жизни и къ массовымъ вопросамъ“. Во всей нашей литературѣ, безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного

произведенія, гдѣ бы жизнь простаго Русскаго народа отразилась такъ свѣжо и въ такой широкой эпической картинѣ, какъ въ разказахъ Андрея Печерскаго (*Въ Лѣсахъ и На Горгахъ*). Мы не знаемъ другаго произведенія въ нашей литературѣ, гдѣ бы народный обликъ возставалъ предъ нами съ такимъ обиліемъ красокъ и съ такою вѣрностью тона какъ въ этихъ разказахъ. А между тѣмъ Андрей Печерскій вовсе не принадлежитъ къ школѣ „лореформенныхъ“ беллетристовъ, и разказывая намъ жизнь Русскаго народа на Волгѣ, онъ конечно не воображалъ что выводитъ нашу литературу изъ „узко-сословной сферы“ въ область „общественныхъ и массовыхъ вопросовъ“. На почвѣ изученія народной русской жизни Андрей Печерскій стоитъ такъ твердо, что его произведенія невозможно даже и сравнивать со специально-народною беллетристикой Рѣшетникова, Левитова, гг. Успенскихъ и пр. Но новая критика никогда не признавала за Андреемъ Печерскимъ заслуги яркаго и цѣлостнаго воспроизведенія народнаго быта и вообще того „реформеннаго“ значенія, которое она признаетъ за Рѣшетниковымъ и его сотоварищамъ; ясно что для нея дѣло заключается вовсе не въ сближеніи литературы съ народомъ, и даже вообще не въ народѣ, а въ чемъ-то другомъ,—можетъ-быть еще болѣе „узко-сословномъ“ чѣмъ сфера беллетристовъ 40хъ и 50хъ годовъ, по увѣренію этой самой критики. Другой, еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ графъ Л. Толстой. Сфера этого писателя почти неограничена. Большой московско-петербургскій свѣтъ, историческія лица, армейскіе и гвардейскіе офицеры, староста Дронъ, солдатики Каратаевъ, казакъ Лукашка, земскіе люди, мужики, псевдо-государственный мужъ Каренинъ, художникъ Михайловъ—всѣ эти типы и характеры съ равными правами фигурируютъ въ длинной и богатой галлерей, населенной творчествомъ этого высокодаровитаго писателя. Назвать его аристократическимъ нувеллистомъ, какъ это дѣлаетъ новая критика, можно лишь закрывъ глаза не только на самую замѣчательную половину его созданій, но и на внутренній смыслъ всей вообще его художественной дѣятельности. Кто же не понимаетъ въ настоящее время что задача постоянно и неизмѣнно присутствующая творчеству графа Л. Толстаго—глубокій анализъ общечеловѣческихъ и въ частности національных движеній

души, причѣмъ авторъ обнаруживаетъ столько же вѣры въ стихійныя силы народнаго духа сколько сомнѣнія въ силахъ личныя, индивидуальныя. Выраженіе „массовые вопросы“ довольно темно, и мы не рѣшаемся сказать что именно подразумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ новая критика; но если надо разумѣть подъ нимъ горячую симпатію къ народной массѣ, вѣру въ ея стихійную силу, убѣжденіе въ томъ что исторія человечества есть исторія народныхъ массъ,—то въ такомъ случаѣ новая критика должна бы признать что ни у кого изъ писателей „массовые вопросы“ не были такъ сильно поставлены и такъ творчески разработаны какъ у графа Л. Толстаго. Вспомните *Казаковъ*, вспомните духъ и смыслъ *Войны и Мира*. Служить идеѣ связанной съ выраженіемъ: массовые вопросы, можно только вѣруя въ присутствіе въ массѣ той искры, которая по представленію графа Толстаго дѣлаетъ лѣннаго русскаго солдата Каратаева сильнѣе Наполеона. Найдѣмъ ли мы эту вѣру въ *Подписуясь* Рѣшетникова, въ народныхъ анекдотахъ г. Успенскаго и пр? Вопросъ кажется почти шутовскимъ... Любить народъ и служить народу — значитъ воспитывать въ обществѣ вѣру въ его силы, въ его способность къ культурному развитію. Эта вѣра двигала вдохновеніемъ графа Толстаго, когда въ своихъ *Севастопольскихъ разсказахъ*, въ *Казакахъ*, въ *Войнѣ и Мирѣ* онъ искалъ незримое дѣйствіе стихійныхъ силъ, противопоставленныхъ самообольщенію и эгоизму образованной воли. Читая графа Толстаго, мы научаемся уважать, любить народъ. Но какую службу народу могла сослужить эта „лореформенная“ беллетристика, изображающая мужика въ состояніи безнадежной дикости и тупости? Ея значеніе могло быть только отрицательное, она могла только охладить и поколебать добрый починъ тѣхъ, кто готовъ былъ признать за народомъ способность къ болѣе самостоятельному существованію.

Полагаемъ, нельзя также говорить серьезно объ обращеніи „лореформенной“ беллетристики къ вопросамъ общественнымъ. Можно допустить что этими вопросами занималась литература обличительная, что слѣдъ общественной идеи можно уловить въ очеркахъ и сатирахъ г. Щедрина и въ двухъ-трехъ публицистическихъ романахъ въ родѣ пресловутаго *Что дѣлать?* Но та беллетристика, какую

имѣть въ виду критику *Отечественныхъ Записокъ*, т.-е. беллетриста Рѣшетникова, Левитова, Куцевскаго, въ той же мѣрѣ чужда общественнаго содержанія какъ и романы Полеваго или повѣсти Марлинскаго. Да и странно было бы искать такого содержанія въ произведеніяхъ характеризованныхъ самимъ г. Скабичевскимъ какъ безформенные клочки и фотографическое сырье. Разработка общественныхъ задачъ требуетъ широкаго образованія и зрѣлой мысли; въ этомъ отношеніи литература 40хъ и 50хъ годовъ опять имѣетъ большое преимущество надъ „новою“ беллетристикою, и въ *Ревизорѣ* или въ *Рудинѣ* общественная идея конечно выражена слѣе и несравненно художественнѣе, чѣмъ въ *Подпольныхъ* или въ *Николаѣ Негоревѣ*; не говоритъ уже о такомъ произведеніи какъ *Горе отъ Ума*, по своему общественному и воспитательному значенію превосходящемъ все написанное въ послѣдствіи съ такъ-называемыми развивательными и освободительными цѣлями.

Итакъ мы видимъ что въ самомъ опредѣленіи новой критики, когда она ставитъ вопросъ объ отличіяхъ и преимуществахъ новой беллетристики, кроется капитальная фальшь. Литература 60хъ и 70хъ годовъ дѣйствительно сдѣлала большой шагъ впередъ въ общеніи съ народомъ, въ знаніи народной жизни, въ прочности симпатій къ народу, основанныхъ на пониманіи его внутренней силы и правды. Если мы сравнимъ не только могучія и свободныя произведенія графа Л. Толстаго, но даже произведенія нынѣшнихъ писателей втораго порядка съ тѣми попытками къ „народности“, какихъ много представляетъ литература предыдущей эпохи, то мы замѣтимъ громадную разницу. При крѣпкомъ правѣ, разстояніе между образованными людьми и народомъ было слишкомъ велико. Писатели подходили къ народу съ нѣкоторою какъ бы стыдливостію; за исключеніемъ развѣ одного г. Писемскаго, у нихъ у всѣхъ слышится скорбное сознаніе что они не умѣютъ говорить съ мужикомъ и что мужикъ никогда не скажетъ имъ того что они хотятъ знать. Эта нота слышится и у г. Тургенева, который очень часто сводитъ на то что народъ, въ своей невѣдомой сути, гораздо умнѣе и крѣпче насъ, изломанныхъ культурой людей. Любопытный примѣръ, какъ робко и неумѣло относились писатели предыдущей эпохи къ народу, мы встрѣчаемъ въ той самой книгѣ г. Анненкова которая подала поводъ къ

настоящей замѣткѣ. Почтенный критикъ 50-хъ годовъ разказываетъ свою встрѣчу съ грамотнымъ коробейникомъ, въ лицѣ котораго онъ не безъ серіоза пытался изучить народъ и, надо сознаться, что читая въ настоящее время происшедшій между ними разговоръ, невозможно удержаться отъ улыбки. Приведемъ только слѣдующую небольшую выдержку.

Мыслящее выраженіе глазъ и фізіономіи торговца уже достаточно убѣдили меня что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не совсѣмъ простымъ. Я расположился на травѣ, почти у ногъ его, и спросилъ:

— А какъ зовутъ тебя, любезный другъ?

— Семеномъ зовутъ.

— Отчество и прозваніе?

— Зачѣмъ тебѣ отчество мое?.. Величать меня хочешь какъ на свадьбахъ бываетъ, что ли? А фамилію у меня и совсѣмъ нѣтъ. Да если посудить хорошенько, такъ большой нужды нѣтъ тебѣ и въ имени моемъ, чаю.

— Не все же только о нуждѣ и по нуждѣ толковать, Семень. Иногда просто съ человѣкомъ поговорить хочется, слово съ нимъ обмѣнять. Не хорошо дѣлаетъ, кто весь вѣкъ только по расчету говорить. Въ мы по милости Божіей нашимъ языкомъ связаны (?) и держать его только для торговца не годится.

— Правда, отвѣчалъ Семень покачивая головой, — это правда! Да было бы еще о чемъ говорить!

— Самъ же ты сейчасъ сказалъ что въ человѣкѣ встрѣтись иной разъ чего и не думаешь. Всегда найдется о чемъ слово сказать между людьми. Только надо чтобы люди беззлобно другъ къ другу подходили, другъ друга не дичились и взаимно добра желали. Тогда слово бываетъ, Семень, великимъ утѣшеніемъ и для того кто говоритъ, и для того кто слушаетъ.

Читая этотъ куріозный разговоръ въ настоящее время подумаешь что съ Семеномъ говорить не русскій литераторъ, а какой-нибудь гернгутеръ, выучившійся русскому языку по изданіямъ „Общества распространенія полезныхъ книгъ“... У самаго неопытнаго фельетониста мы теперь не встрѣтимъ ничего подобнаго. Литература, какъ мы сказали, ушла чрезвычайно далеко впередъ въ отношеніи сближенія съ народомъ, зрѣлаго пониманія русской народной жизни и народныхъ характеровъ. Но эти пріобрѣтенія сдѣланы не тою литературой которой приписываетъ ихъ новая критика. Ихъ сдѣлали графъ Толстой, Андрей Печерскій, г. Писемскій и другіе писатели, не признаваемые новою критикой—тѣ

писателямъ о которыхъ никакъ нельзя сказать чтобъ ихъ произведенія представляли „фотографическое сырьё“ и „безформенные клочки“ во вкусъ Посошкова и Котошихина. Такимъ образомъ мы становимся свидѣтелями чрезвычайно страннаго и любопытнаго явленія. Намъ говорятъ что новая критика потребовала отъ литературы выхода изъ узко-сословной сферы образованныхъ слоевъ и обращенія къ общественнымъ и массовымъ вопросамъ. Новая критика говоритъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ что эта задача исполнена Рѣшетниковымъ, Левитовымъ, Куцевскимъ, но что при всемъ томъ произведенія этихъ писателей возвращаютъ насъ ко временамъ Посошкова и Котошихина. Съ другой стороны, предъ нами существуетъ литература, удовлетворяющая въ гораздо большей степени требованіямъ новой критики (если таковыя дѣйствительно заключаются въ обращеніи къ народной жизни) и въ то же время богатая высоко-художественнымъ содержаніемъ и сохранившая художественныя формы. Эту литературу новая критика не признаетъ, называя ее барскою, аристократическою, продуктомъ безцѣльнаго творчества, и т. д. Ясно что такое запутанное положеніе критики и литературы полно фальши, что мы находимся въ области недоразумѣній и противорѣчій. Что-нибудь одно: или существенныя требованія новой критики вовсе не тѣ которыя она выставляетъ предъ нами, или такъ-называемая „пореформенная“ беллетристика обинула новую критику. Последнее предположеніе очевидно не правдоподобно, потому что до самаго послѣдняго времени новая критика заявляла себя вполне удовлетворенною произведеніями Рѣшетникова и однородныхъ съ нимъ беллетристовъ, и не предъявляла къ этимъ произведеніямъ тѣхъ требованій, съ которыми выступаетъ теперь г. Скабичевскій. Слѣдовательно остается вернуться къ первому предположенію, т. е. что новая критика имѣла какія-то другія требованія, отъ которыхъ она теперь отказывается, или иными словами, что новая критика вовсе не существуетъ въ видѣ чего-то яснаго, твердаго и точно формулированнаго. Чтобы такой выводъ получалъ въ глазахъ читателя достаточную очевидность, мы должны еще разъ возвратиться къ статьѣ г. Скабичевского и посмотреть, какъ онъ объясняетъ то обстоятельство что „пореформенные“

беллетристы, вместо того чтобы удивить міръ созданіями своего гения, произвели только „безформенные клочки“.

„Странное явленіе это, говоритъ критикъ *Отечественныхъ Записокъ*, не разъ останавливало вниманіе многихъ нашихъ критиковъ и публицистовъ, причѣмъ каждый объяснял его по-своему. Считаая излишнимъ перечислять эти объясненія и входить въ подробный разборъ ихъ, я только замѣчу что всѣ они распадаются на двѣ категоріи: одни, люди наиболѣе благосклонные къ беллетристамъ молодой школы, старались объяснить какъ поразительную смертность этихъ беллетристовъ и отсутствіе развитія ихъ литературныхъ талантовъ враждебнымъ вліяніемъ общихъ условій жизни. Къ другой категоріи принадлежатъ враги молодой школы, которые всю причину настоящей бѣды полагали въ самомъ возникновеніи и существованіи этой школы. По мнѣнію этихъ людей, школа эта такова ужъ по своему существу что должна парализовать всякое развитіе, губить и сводить въ преждевременную могилу каждый талантъ пошедшій по этому направленію, какъ бы онъ ни былъ великъ (?). Это происходило будто бы въ силу того что писатель, увлекшійся направленіемъ этой школы, перестаетъ быть самимъ собою, выходитъ изъ предѣловъ высокой культуры образованныхъ слоевъ общества, умаляется, приближается до узкихъ интересовъ и грубыхъ вкусовъ тѣхъ жизненныхъ оферъ общества, изобразителемъ которыхъ онъ является, а главное дѣло, съ почвы естественнаго и непосредственнаго творчества онъ переходитъ на почву творчества тенденціознаго, подчиняетъ свой талантъ разнымъ искусственнымъ требованіямъ либеральныхъ идей, начинаетъ писать на заданныя темы и этимъ путемъ убиваетъ всякій ростъ и развитіе своего таланта.“

Критикомъ первой категоріи, благосклоннымъ къ „молодой школѣ“, г. Скабичевскій возражаетъ весьма основательно,—что общія условія жизни были еще болѣе неблагоприятны для писателей 40хъ годовъ, и однако ни мало не препятствовали развитію ихъ талантовъ. Что же касается критиковъ второй категоріи... Но здѣсь необходимы нѣкоторыя оговорки. Г. Скабичевскій взялъ на себя трудъ резюмировать смыслъ того что говорятъ „враги“ молодой школы. Было бы пріятнѣе, еслибы ему удалось сдѣлать это резюме съ большею точностью. Что до насъ лично, мы

никогда не считали себя „врагами“ новой школы, мы только не признавали литературнаго таланта за ея представителями, и сожалѣли о томъ что петербургская журналистика старалась выдать ихъ „безформенные клочки“ за что-то чрезвычайнаго талантливое и превосходящее беллетристику предыдущей эпохи. Дѣло впрочемъ не въ томъ. Достойно сожалѣнія что г. Скабичевскій существенно искажалъ въ своемъ резюме смыслъ того что говорили критики „второй категоріи“. У него выходитъ такъ что эти критики скорбѣли объ участи какихъ-то многочисленныхъ и громадныхъ талантовъ, загубленныхъ новою школою. Мы этого не помнимъ. Ничто подобное говорилось, до известной степени, о г. Некрасовѣ, у котораго дѣйствительно есть поэтический талантъ, обратившійся въ послѣдствіи на скандированіе газетныхъ статей. Этому таланту новая критика въ самомъ дѣлѣ нанесла вредъ. О писателяхъ же молодой школы критика „второй категоріи“ говорила очень ясно, что у нихъ нѣтъ никакихъ талантовъ, и что направленіе ихъ таково что талантливому писателю тутъ нечего дѣлать, и онъ не пойдетъ по этой дорогѣ. Очевидно это далеко не то что резюмируетъ г. Скабичевскій. О подчиненіи тенденціозности, „искусственнымъ требованіямъ либеральныхъ идей“ и пр. дѣйствительно много говорилось, но опять-таки говорилось относительно заурядной бездарности, а не талантовъ. Талантъ не подчинится этимъ требованіямъ, пока онъ не изсякъ; только безнадежная посредственность или выболтавшаяся старость охотно просунетъ голову подъ ярмо.

Предположимъ однако что критика „второй категоріи“ говорила о беллетристахъ новой школы именно то что заставляетъ ее говорить г. Скабичевскій. Какія же возраженія находимъ мы у представителя новой критики? Вотъ тутъ-то и кроется нѣчто самое любопытное. Г. Скабичевскій находитъ что упреки обращенные къ новой беллетристкѣ за насиліе творчеству въ угоду либеральнымъ тенденціямъ, за приниженіе литературы до грубыхъ вкусовъ толпы, справедливы только относительно тѣхъ беллетристовъ, которые, родившись баричами и воспитавшись въ узкомъ кругу образованнаго класса (въ понятіяхъ новой критики образованность и узость являются почти синонимами), представляютъ себя насильно писать повѣсти изъ народной

жизни, и для собирающаго матеріала отправляются каждое дѣло, въ лоджачкахъ, съ тросточками, или же переодѣвшись въ чуйки, шляться по деревенскимъ кабакамъ и сельскимъ ярмаркамъ. Но тутъ г. Скабичевскому представляется слѣдующій глубокомысленный вопросъ: „тѣ молодые беллетристы, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, были ли они больше ничего какъ гуманные баричи, которымъ по ихъ происхожденію, воспитанію и образу жизни гораздо свойственнѣе было бы изображать нравы и мотивы интеллигентныхъ слоевъ общества, а они ломали себя, и наблюдая чуждую имъ народную жизнь со стороны, насиловали свое творчество, подчиняя его либеральнымъ тенденціямъ, или же, напротивъ того, они сами были выходцами изъ народа и творили также естественно, произвольно и непринужденно, какъ по мнѣнію нашихъ чистыхъ эстетиковъ творятъ А. Майковъ и Фетъ? Въ первомъ случаѣ враги ихъ конечно совершенно правы. Но если мы имѣемъ дѣло со вторымъ обстоятельствомъ, если оказывается что наши молодые беллетристы, происходя изъ народа и не переставая жить его жизнью и въ тѣсной связи съ нимъ, творили вполне естественно и произвольно, ни мало не насилая своего таланта, творили такъ какъ только могли и умѣли, и все-таки до сихъ поръ не могли создать ни одного крупнаго произведенія, то конечно всѣ толкованія враговъ молодой школы рушатся сами собою.“ И затѣмъ, съ цѣлью доказать что мы имѣемъ дѣло со вторымъ обстоятельствомъ, г. Скабичевскій предпринимаетъ пространное жизнеописаніе Левитова.

Вышеприведенныя строки повергли насъ въ значительное изумленіе. Вопервыхъ, смысль всей критики „второй категоріи“, въ томъ числѣ и нашихъ посланныхъ опытовъ на страницахъ этого журнала, представился намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Что мы дѣлали? Мы предполагали что Рѣшетниковъ, Куцевскій, Левитовъ были баричи, выросшіе въ узкомъ образованномъ кругу, начиненные европейскимъ просвѣщеніемъ и заставлявшие себя насильно, въ угоду журнальнымъ тенденціямъ, знакомиться съ народомъ и „прикидываться“ до его грубаго міровоззрѣнія. Вотъ-рыхъ, до какой гениальной простоты низводится весь споръ: стоитъ только г. Скабичевскому доказать что Рѣшетниковъ и Левитовъ вышли изъ народа, а не изъ баричей, и всѣ,

слышите ли, всѣ! толкованія враговъ молодой школы рунутся сами собой, подобно стѣнамъ Иерихона.

Какъ это до сихъ поръ молодая школа не открыла такого легчайшаго способа посрамленія враговъ своихъ?

Намъ хочется немедленно воспользоваться этимъ удобнымъ пріемомъ и сказать такимъ образомъ: Враги художественной литературы утвѣряютъ, будто бы писатели этого направленія ходятъ постоянно вверхъ ногами. Если это утвержденіе справедливо, то конечно они правы. Но если окажется что наши писатели-художники, начиная съ Пушкина, ходили съ самаго нѣжнаго возраста не вверхъ ногами, а на ногахъ, то всѣ толкованія враговъ ихъ рунутся сами собой.

Но шутки въ сторону: развѣ возможно признавать критику, превозносящую то въ чемъ сама она видитъ „безформенныя клочки и хаосъ первыхъ дней созданія“, отвергающую то гдѣ она сама находитъ „тщательно обработанныя, художественно стройныя и законченныя произведенія“ и выставленную на своемъ знамени цѣли достигаемая въ ея и наперекоръ ей?

Эта критика лятнадцать лѣтъ сряду глумилась надъ самыми талантливыми писателями-художниками, обвиняла ихъ въ отсутствіи общественнаго и „массоваго“ интереса и признавая ихъ творчество безцѣльнымъ, празднымъ, какото аристократическою забавой. Между тѣмъ эта художественная литература оказалась горяче богаче общественнымъ содержаніемъ и „массовыми вопросами“ чѣмъ новая беллетристика; народный идеалъ оказался поставленнымъ въ ней выше, серьезнѣе и несравненно благопріятнѣе для самихъ народныхъ массъ. Художественность же оказалась въ глазахъ самой новой критики не только не чѣмъ-либо лишнимъ, но завиднымъ преимуществомъ старой беллетристики предъ новою.

Эта же критика лятнадцать лѣтъ сряду превозносила произведенія Рѣшетникова, Левитова, гг. Успенскихъ—только для того чтобы въ концѣ-концовъ сказать что эти произведенія низвели нашу литературу ко временамъ Погодина и Котомыхина.

Эта же критика, сводя политическіе итоги со своими противниками, ничего не имѣетъ сказать кромѣ того что

Рѣшетниковъ и Левитовъ не были баричами съ европейскимъ воспитаніемъ и образованіемъ, какъ будто кто-нибудь и когда-нибудь предполагалъ противное.

Ясно что подобная критика или если угодно подобная „школа“ не можетъ претендовать на какое-нибудь серьезное значеніе въ литературѣ. Пока она держалась наступательнаго положенія, за нею люди поверхностные могли признавать извѣстную силу; но какъ только она пожелала подвести итоги собственной дѣятельности, выяснитъ свой положительный принципъ, несостоятельность ея обнаружилась до очевидности. Если она, выступая подъ девизомъ общественныхъ идей и „массовыхъ“ интересовъ, въ то же время отрицаетъ литературу въ которой эти идеи и эти интересы получили наибольшее и благопріятнѣйшее для массъ развитіе, то стало-быть девизъ былъ принятъ ею лицемерно и прикрывалъ другія, болѣе мелкія цѣли. Если она лѣтънадцать лѣтъ пѣла гимны литературѣ возвращающей насъ къ собственному ея признанію за двѣсти лѣтъ назадъ, то стало-быть ея поклоненіе этой литературѣ было столь же лицемерно и исходило изъ столь же постороннихъ цѣлей.

А.

СЪ ПОХОДА

Казань, 13го юля 1877.

Какъ только сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ что нашъ передовой отрядъ перешелъ Балканы, я рѣшился нагнать его по той дорогѣ по которой онъ прошелъ, надѣясь собрать обильный матеріалъ для корреспонденцій. Меня увѣряли что дорога до отряда вполнѣ безопасна, совѣтовали слѣшить и подбить ѣхать съ собой нѣсколькихъ другихъ корреспондентовъ, такъ какъ въ компаніи ѣхать сподручнѣе, да и слѣдовало де иностраннымъ корреспондентамъ проѣхать по новой, проложенной русскими войсками черезъ Балканы дорогѣ. Разрѣшеніе Великаго Князя на мою повѣзку было немедленно дано; въ тотъ же вечеръ было написано официальное отношеніе къ генералу Гурко о томъ что я прикомандировываюсь къ его отряду, а я, чтобы не терять времени, въ ту же ночь изъ нашего лагеря отправился верхомъ въ Тырново (версты за три), чтобы найти себѣ компаніоновъ для дороги. Разыскавъ я ночью г. И., корреспондента *Новаго Времени*, Mr de La Motte—корреспондента журнала *Temps*, Dick Lonlay—корреспондента *Monde Illustré* и Pellicer—корреспондента одного испанскаго журнала. Разбудивъ ихъ ночью и скрывая (какъ мнѣ было приказано)

отъ нихъ мѣсто лоѣздки, я уговорилъ ихъ слѣдовать за мной, обѣщая при этомъ много интереснаго. Корреспонденты согласились. Отѣѣздъ былъ назначенъ на утро 4го юля. Но кончилось тѣмъ что со сборами мы выѣхали изъ Тырнова только въ шесть часовъ вечера. Маленькій отрядъ нашъ при выѣздѣ изъ Тырнова былъ составленъ слѣдующимъ образомъ. Въ мою телѣжку я положилъ свои вещи: маленькій чемоданчикъ, лалатку, постель съ одѣяломъ и пледомъ. Сюда же положилъ свои вещи г. И., предложившій пару своихъ лошадей. Такимъ образомъ дышлавая телѣжка съ вещами и съ кучеромъ Антономъ шла впереди, запряженная четверней (парой ословъ и парой лошадей И.). Я ѣхалъ верхомъ, И. также. Трое же иностранныхъ корреспондентовъ помѣстились въ свою громоздкую, отличной работы коляску, запряженную четверней, привязавъ верховыхъ лошадей сзади коляски. Маршрутъ нашъ, намѣченный по картѣ съ названіями деревень на которыя мы должны были ѣхать, хранился у меня въ карманѣ и составлялъ пока тайну для другихъ моихъ спутниковъ. Въ то время въ Главной Квартирѣ хранили въ тайнѣ переходъ нашего отряда черезъ Балканы вслѣдствіе военныхъ соображеній. Мы взяли проводника Болгарина до ближайшей деревни и въ шесть часовъ вечера выѣхали изъ Тырнова, узкимъ ущельемъ сразу вступивъ въ горную мѣстность. Вечеръ былъ дивный и виды великолѣпны. Черезъ полчаса ѣзды мы очутились совершенно въ горахъ: цѣлое море холмовъ, вершинъ, высокихъ и низкихъ горъ составляли нашъ горизонтъ; и очертанія ихъ были самыя разнообразныя. Я первый разъ увидалъ настоящую горную мѣстность и несмотря на усталость отъ хлопотъ цѣлаго дня, я былъ очень доволенъ, почти въ восторгѣ. Вокругъ насъ вся почва была покрыта голубыми цвѣтами, отчего горы получали при заходящемъ солнцѣ нѣжно-голубой отливъ. Я сравнивалъ нашу дорогу по горамъ съ плаваніемъ по морю: кромѣ неба да горъ ничего не видно; а постоянные подъемы и спуски — словно медленная качка на морѣ. Проводникъ нашъ, какъ оказалось вскорѣ, не зналъ вовсе дороги и мы подвигались впередъ, спрашивая про дорогу у встрѣчныхъ крестьянъ. Первая остановка наша должна была быть въ деревнѣ Плаково, гдѣ мы предпола-

гали заночевать, и до которой думали добраться засвѣта. Добрались на самомъ дѣлѣ только въ одиннадцатъ часовъ вечера, при совершенной темнотѣ и успѣвшихъ нависнуть тучахъ. Въ деревушкѣ нашли казачій постъ, оставленный нашимъ передовымъ отрядомъ, и при помощи казаковъ быстро отыскали себѣ ночлегъ. Это былъ благоустроенный домъ, гдѣ оказались диваны, свѣчи, отличный ужинъ, вино и даже чистыя простыни. Увидавъ такую роскошь, а главное, выпивъ мѣстнаго вина, спутники мои пришли въ веселое расположеніе духа. Французы стали сыпать остроты и я, взявъ съ нихъ слово что они не возвратятся уже назадъ въ Тырново и не покинутъ меня, сообщилъ имъ цѣль нашего путешествія, чѣмъ они остались весьма довольны. Хорошо выспавшись, въ пять часовъ утра слѣдующаго дня мы снова пустились въ путь. Въ этотъ день холмистый характеръ горъ смѣнился болѣе конусообразными очертаніями и горы были покрыты лѣсомъ. Подъемы стали круче, чувствовалось что мы взбираемся все выше и выше; сотни ручейковъ, ручьевъ и фонтанчиковъ текли и бились между разсѣлинами горъ и въ глубинѣ узкихъ долинъ. Вода въ нихъ была чистая, холодная и очень вкусная, а день же кстати былъ весьма жаркій. Безъ особыхъ приключеній мы добрались до состоящаго изъ трехъ домовъ селенія Баниуль къ двѣнадцати часамъ дня, нашли тамъ второй казачій постъ и наполнили лошадей. Проводникъ, взятый нами изъ Плакова (Тырновскаго проводника мы прогнали), объявилъ намъ въ Баниуль, что вести насъ впередъ не можетъ, ибо не знаетъ дальше дороги, а казаки стали увѣрять что дорога дальше непроходима для коляски и телѣжки и что слѣдуетъ бросить экипажи. Такъ какъ въ Баниуль мы не нашли проводника изъ Болгаръ, то я, пользуясь тѣмъ что былъ одѣтъ въ свой походный мундиръ, приказалъ одному изъ казаковъ сѣсть верхомъ и вести насъ до слѣдующаго казачьяго поста. Казаки кинули жребій, кому изъ нихъ быть нашимъ проводникомъ, выбрали одного и мы, предводимые казачкомъ, двинулись въ дальнѣйшій путь въ первомъ часу дня. Перѣздъ отъ Баниула до слѣдующей деревушки Воинешти былъ очень тяжелый, такъ какъ горы становились все круче и круче, а дорога все каменистѣе и уже. Четыремъ лошадямъ въ рядъ было идти невозможно, ибо съ одной стороны мы

постоянно находились на краю обрыва, а съ другой—у стѣны высокой горы; и на этой узкой тропинкѣ лежали на самой дорогѣ огромные камни. Кое-какъ добрались до Войнешти часовъ около трехъ дня. Тамъ расположились отдохнуть и, къ прискорбію своему, увидали что въ Войнештахъ нельзя найти никакой пищи кромѣ персиковъ, сливъ и хлѣба. Закусили этимъ скуднымъ провіантомъ, взяли новаго казака изъ Войнешти, переложили лошадей, такъ что лара шла въ дышлѣ, а другая лара впереди, какъ ѣздить съ форейторомъ. Утомленные отъ жаркаго дня и медленнаго пути, почти голодные, мы двинулись дальше, въ шесть часовъ вечера, не въ веселомъ расположеніи духа. Лошади не привыкшія къ новой запряжкѣ путались, сбивались въ сторону, натаскивали телѣжку и коляску на камни. Каждую минуту приходилось останавливаться и поправлять лошадей. Въ довершеніе всего люди наши начали громко браниться и отказываться ѣхать далѣе, такъ что къ-чере Французовъ пришлось угрозами заставить молчать и слушаться приказаній. Не знаю ужъ какъ далеко успѣли бы мы ѣхать при такихъ условіяхъ, но неожиданный случай явился къ намъ на помощь и вразумилъ насъ. На одномъ изъ крутыхъ подъёмовъ колесо коляски ползло между двухъ камней, и когда лошади стали дергать впередъ, ось застрявшаго колеса сломалась; я приказалъ своей телѣжкѣ объѣхать коляску по покатому мѣсту горы, но телѣжка моя, едва сдвинулась съ мѣста, очутилась внезапно всего на двухъ переднихъ колесахъ; заднія колеса и кузовъ ея оторвались отъ передка. За цѣлый день у насъ столько накопилось желчи и столько мы внутренно уже сердились, что это внезапное приключеніе подѣйствовало на насъ отрезвляющимъ образомъ и всѣ мы единодушно расхохотались. Однако медлить было нельзя. Быстро сообразили какъ быть и что дѣлать. Послали нашего казака въ Войнешти привести другихъ казаковъ на помощь. Тѣ скоро прискакали и мы, сложивъ всѣ не крайне необходимыя вещи въ коляску Французовъ и поручивъ казакамъ починить коляску и доставить ее съ вещами назадъ въ Тырново, двинулись далѣе. Кузовъ своей телѣжки я бросилъ въ горахъ, а изъ передка И. устроилъ весьма остроумную повозку на двухъ колесахъ. Конечно, на передкѣ нельзя было уло-

жить много вещей и было постановлено въ принципъ что каждый изъ насъ положить на передокъ только по одному маленькому чемоданчику. Я положилъ свой маленькій чемоданчикъ, оставивъ въ коляскѣ наметку, кровать, одеяло и пледъ; за сѣдло привычилъ себѣ только пальто и кожанъ. Шествіе наше получило слѣдующій лорядокъ: въ передокъ были запряжены лошади И., которыя тагулъ подъ устцы Антонъ, сидя впереди на моей лошади (выпряженной изъ сломанной тележки); на другой моей лошади ѣхалъ нашъ общій лакей—Богаринъ и, наконецъ, мы всѣ верхами. съ казакомъ впереди. Небольшой багажъ нашъ прикрутили веревками къ передку чтобъ онъ не сползалъ на землю. Часовъ въ девять вечера поѣхали дальше, и ужъ не умѣю сказать по какой дорогѣ доѣхали до перевала къ двумъ часамъ ночи. Была темнота; луна на нѣсколько минутъ показывалась изъ-за тучъ и снова скрывалась. Мы видѣли только смутно темныя массы горъ, тѣнившихся вокругъ нашей дороги, слышали шумъ ручья, бурлившаго гдѣ-то глубоко внизу обрыва. Передокъ нашъ стучалъ по камнямъ, взбираясь на глыбы и со звономъ ладая на слѣдующіе острые торчащіе по дорогѣ камни. Лошади Богъ знаетъ какъ и по чему ступали своими ногами. Мы то слускались въ ущелье, ѣхали по водѣ, по руслу ручья, то взбирались на страшную высоту. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть. Отъ длиннаго, полнаго впечатлѣній дня мы были утомлены до нельзя и ѣхали всю дорогу молча. Я положительно онемѣлъ на своемъ сѣдлѣ и какъ-то совсѣмъ не ощущалъ себя. Около двухъ часовъ ночи изъ-за кустовъ заблесталъ костеръ и мы очутились на вершинѣ горы, представлявшей собою круглую площадь. Кругомъ высоко и мрачно торчали пики Балкановъ, но на плоскости, куда мы въѣхали, ярко горѣлъ огонь. Казаки спали вокругъ костра, лошади ихъ стояли, пережевывая сѣно, а горѣвшее пламя освѣщало высокій деревянный столбъ на каменномъ пьедесталѣ съ высоко развѣвающимся бѣлымъ флагомъ. Мы первыми дѣломъ бросились къ столбу и, при помощи свѣта костра и свѣчекъ, прочли слѣдующую, вырѣзанную на столбѣ надпись: „30го юня 1877. Переходъ генерала Рауха съ конно-піонернымъ дивизіономъ черезъ Балканы. 4 тыс. фут. н. л. м.“ Далѣе слѣдовали фамиліи офицеровъ перешедшихъ Балка-

мы съ генераломъ Раухомъ. Мы были на перевалѣ. По шуму и направленію ручьевъ, текущихъ по обѣимъ сторонамъ горы на которой мы находились, мы догадались что тутъ мѣстораздѣленіе горныхъ потоковъ, изъ которыхъ одна часть течетъ на южную сторону Балканъ, другая на сѣверную. Измучившись сами порядкомъ въ этотъ день, усталые и голодные, мы особенно чутко почувствовали въ этомъ столбѣ нѣчто родное, какъ будто и мы были участниками побѣды одержанной надъ Балканами, въ лампачъ которой стояла тутъ простая, полуотѣсанная деревянная колонна съ развѣвающимся бѣлымъ флагомъ. Это чувство, чувство какого-то довольства, радости, скажу, гордости приободрило насъ, такъ что Pellicer, который едва шевелилъ языкомъ отъ утомленія, смогъ высказать глубокомысленное замѣчаніе что въ этой колоннѣ для него заключается „весь синтезъ настоящей кампаніи“. Казаки, при нашемъ приближеніи, повскакали на ноги, угостили насъ хлѣбомъ. У Ла-Мотта отыскалась внезапно коробка сардинъ; мы заварили чай и такимъ образомъ поужинавъ, рѣшили скорѣе спать. Но спать вообще, не только скорѣе, было весьма трудно. На вершинѣ горы дулъ рѣзкій ночной вѣтеръ; ни домика, ни хижинки не было кругомъ на десять верстъ разстоянія; приходилось мастерить себѣ постель на открытомъ воздухѣ и при весьма скромныхъ постельныхъ принадлежностяхъ. Я положилъ на голую землю кожанъ подъ голову сѣдло, укутался въ свое форменное пальто и расположился заснуть *à la belle étoile*. Спутники мои сѣдали то же самое. Съ непривычки спать на открытомъ воздухѣ только дремалось, а не спалось, и мы всѣ поднялись въ пять часовъ утра со своихъ неудобныхъ постелей. Заварили снова чай; Dick Lonlay срисовалъ колонну, а часовъ въ семь мы уже осѣддали лошадей, запрягли нашъ передокъ и готовы были снова двинуться въ путь. Въ семь же часовъ приискалъ казакъ изъ Тырнова и объявилъ казачьему посту на перевалѣ что по всей дорогѣ приказано снять посты и казакамъ вернуться въ Тырново. Тутъ же мы узнали что отъ перевала и вплоть до передоваго отряда сторожевыхъ постовъ уже болѣе нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки на перевалѣ не сумѣли объяснить намъ какъ далеко находится передовой отрядъ: быть-можетъ онъ находится

версть за сорокъ, быть-можетъ еще дальше. Я и И. поняли тутъ что съ этого момента и до неизвѣстнаго мѣста, гдѣ находится передовой отрядъ, дорога наша ничѣмъ не обезпечена. Положеніе могло сдѣлаться весьма непріятнымъ. Но дѣлать было нечего, нельзя же было верочаться назадъ и сознаться въ трусости, въ особенноти послѣ полуторадневнаго тяжелаго путешествія. Я и И. рѣшили скрыть отъ нашихъ слугъ и иностранцевъ настоящее положеніе дѣла изъ боязни чтобы тѣ не вздумали вернуться назадъ въ Тырново вмѣстѣ съ послѣдними уходящими съ перевала казаками. Сѣли снова на лошадей и я взялъ на свою отвѣтственность казака съ перевала съ тѣмъ чтобы онъ не разлучался съ нами до тѣхъ поръ пока мы не отыщемъ передоваго отряда генерала Гурко, гдѣ бы этотъ отрядъ ни находился.

Мы выѣхали съ перевала въ 7¹/₂ часовъ утра, на южную сторону Балканскихъ горъ, по крутому каменистому спуску, ведущему къ руслу неглубокаго ручья, по дну котораго проходила дальнѣйшая дорога. По бокамъ стоявшія горы сдвигались все ближе къ дорогѣ, становились угрюмѣе и казались дикими; густой лѣсъ покрывалъ ихъ отъ подошвы до верха. Мы двигались по дну довольно широкаго, но не глубокаго ручья, по берегамъ котораго стѣной разрослись кусты и деревья, такъ что путь нашъ представлялъ безконечно суживающуюся аллею. Въ 10 часовъ солнце стало уже порядкомъ прилекать, и прохлада ручья и тѣнь нависшихъ кустовъ и деревьевъ были какъ нельзя болѣе кстати. Лошади то и дѣло наклоняли головы, втягивая въ себя холодную воду сорной рѣчки; всадники часто слѣзали съ коней чтобы утолить жажду, такъ какъ въ узкой, сжатой горами дорогѣ по ручью становилось душно. Меня и И. ни на минуту не покидала смутная тревога и безпокойный вопросъ: гдѣ нашъ отрядъ и когда мы его догонимъ? Гдѣ только позволяла дорога, мы логаяли лошадей и ѣхали крулою рысью, стремясь поскорѣе выбраться изъ горъ. Несчастный Ла-Моттъ, который кажется первый разъ въ жизни ѣхалъ верхомъ, представлялъ печальную фигуру на аглійскомъ сѣдлѣ и безпрестанно бранился и извергалъ безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ французскихъ jurons, не понимая ку-

да мы слѣшимъ по такой лающей жарѣ и по такой несносной дорогѣ. Часовъ около 12 дня мы свернули изъ ручья въ сторону и стали подниматься по крутому подъему; ручей глубже и глубже уходилъ внизъ, а горы сдвигались все ближе. Мы были у входа въ Хаинкиѳское ущелье. Ущелье это—страшно; на лугливомъ конѣ опасно по немъ ѣхать; дорога такъ узка что два всадника едва-едва могутъ проѣхать рядомъ; нашъ передокъ занималъ какъ разъ всю дорогу.

Справа у насъ была пропасть, на днѣ которой широкій ручей казался узкою струйкой; за пропастью вздымались высочайшія горы; слѣва стѣной стояли неприступныя каменныя глыбы, высоко поднимавшіяся надъ самое небо. Ущелье было узко, дико и какъ-то подавляло насъ, стѣсная дыханіе. Нѣсколько человекъ Болгаръ попало намъ на встрѣчу съ навьюченными лошадьми, и на нашъ вопросъ „гдѣ находится генералъ Гурко?“ объяснили что Гурко ушелъ очень далеко, что Казанлыкъ взятъ нашими войсками и что до Казанлыка остается еще верстъ 40—50. При выходѣ изъ ущелья мы встрѣтили еще болѣе многочисленную партію Болгаръ, человекъ въ тридцать съ женщинами и дѣтьми, которые только и дѣлали что повторяли: „Турци, Турци, много Турци!“ Въ эту минуту мы выѣзжали изъ Балканскихъ горъ въ Казанлыкскую долину. Послѣ узкаго ущелья, стѣснявшаго дыханіе и кругозоръ, предъ нами развернулась просторная картина: широкою лентой лежала предъ нами зеленая равнина, окаймленная вдали горами, тонувшими въ голубоватомъ освѣщеніи. Столбы дыма тамъ и сямъ по равнинѣ обозначали горящіе турецкія деревни, а надѣво отъ насъ изъ-за зелени деревьевъ выглядывала красиво расположенная деревня Хаинкиѳъ; къ этой деревнѣ мы и повернули нашихъ коней. Отъ Хаинкиѳскаго ущелья до деревни оставалось всего версты четыре и мы поѣхали шагомъ надъ лучами сильнѣйшаго солнца. По дорогѣ то и дѣло встрѣчались Болгары, которые снимали шалки и кланялись въ поясъ и до земли, умолая, какъ мы могли помять, защитить ихъ отъ Турокъ. Въ особенности меня поразила фигура одного священника, который выбирался изъ Хаинкиѳа въ горы вмѣстѣ со своими прихожанами: онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, а

рядомъ съ нимъ, низко намъ кланяясь, и снявъ шалку, старикъ Болгаринъ показывалъ намъ еще свѣжую рану на головѣ, говоря что эта рана сегодня нанесена ему Турками. Изъ разспросовъ этихъ сласающихся въ горы отъ страха предъ Турками Болгаръ, мы могли понять что отрядъ генерала Гурко ушелъ изъ Хаивкюя два дня тому назадъ, что въ горахъ теперь показались баши-бузуки и угрожаютъ жителямъ Хаивкюя; жители въ страхѣ бѣгутъ въ горы по направлению къ Тырнову, забирая съ собою только ручной багажъ. Положеніе наше становилось критическимъ. До отряда Гурко оставалось сутки, а можетъ-быть и болѣе пути. Баши-бузуки могли появиться каждую минуту, и что бы могъ сдѣлать противъ нихъ нашъ маленькій отрядъ въ семь человѣкъ, вооруженныхъ только пистолетами, да еще одинъ казакъ, вооруженный какъ слѣдуетъ? Лошади наши утомились и мы не могли бы даже ускакать отъ конныхъ баши-бузукъ, наконецъ Турки могли подстерожить насъ изъ-за какого-нибудь куста. Хорошо еще, думалось мнѣ, если убьютъ моментально, а то попадешься къ нимъ въ руки, они начнутъ мучить и еще наругаются надъ нами, отсѣкая по частямъ руки, ноги, уши, какъ они дѣлаютъ съ лѣвыми. Придется, думалось мнѣ, самому пустить себѣ пулю въ голову, какъ скоро положеніе сдѣлается безысходнымъ. Я взглянулъ на роскошную долину Казанлыка, освѣщенную яркимъ солнцемъ; столбы дыма тамъ и сямъ стояли по ней густыми облаками, и чудная картина долины показалась мнѣ зловищею и мрачною. На минуту мною овладѣла внутренняя тревога и я силился ничѣмъ не выдать своего внутреннего состоянія товарищамъ. Но спутники мои, Французы, уже догадались въ чемъ дѣло по выраженію лицъ бѣгущихъ Болгаръ и по ихъ смущенному виду. Ла-Моттъ и Dick Lonlay стали приставать ко мнѣ съ сотней вопросовъ, упрековъ, атакуя меня съ двухъ сторонъ, не давая сосредоточиться и обдумать о томъ что надо дѣлать. Ла-Моттъ настаивалъ чтобы не медля вернуться въ Тырново. Dick Lonlay просто бранился; одинъ Испанецъ Pellicer сохранялъ философское спокойствіе и вѣхалъ молча, угрюмо насулившись. Я и И. порѣшили прежде всего что въ подобномъ положеніи слѣдуетъ сохранять строжайшее хладнокровіе и импонировать на Французовъ выраженіемъ спокойствія. Между тѣмъ мы

шагомъ подымались къ деревнѣ по широкой равнинѣ, и еслибы гдѣ-нибудь въ окрестныхъ горахъ находились башни-бузуки, они могли бы видѣть нашъ маленькій отрядъ какъ на ладони. Я подозвалъ къ себѣ казака, и принявъ видъ спокойной беззаботности, спросилъ его: „можешь брать уложить человѣкъ десять Турокъ?“—„А Богъ ѣ знаетъ, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ, какъ придется.“—„А человѣка четыре уложишь?“ настаивалъ я дальше. „Четырехъ-то какъ не уложить, а только тутъ никто какъ Богъ. Богъ не поможетъ и съ однимъ не справишься, а поможетъ, такъ и десять Турокъ не страшны.“ Отвѣтъ былъ успокоительный. Мы были уже у самой деревни, полагая не найти въ ней ни одного Болгарина, такъ какъ много Болгаръ встрѣтили по дорогѣ; мы подвигались съ осторожностью, изъ опасенія вмѣсто Болгаръ застать въ деревнѣ Турокъ; но къ удивленію нашему мы встрѣтили въ деревнѣ много не ушедшихъ еще жителей. Мушны всѣ были вооружены ружьями и сидѣли кучками у ручья, протекавшаго по срединѣ деревни; женщины, дѣвушки и дѣти жались другъ къ другу не вдалекѣ отъ мушны. Безлокойство и смятеніе было ярко написано на всѣхъ лицахъ. При нашемъ приближеніи крестьяне и крестьянки встали, подошли къ намъ на встрѣчу, низко кланяясь и повторяя: „Турки, башни-бузуки идутъ! защити насъ!“ Мы показали имъ на ихъ ружья и дали имъ понять что они сами должны защищаться и что Турки не страшны. Въ отвѣтъ на это жители стали спрашивать насъ, когда придетъ къ нимъ русское войско и показывали на горы, говоря что тамъ все Турки, которые придутъ и перерѣжутъ ихъ. Мы слѣзли съ лошадей, привязали ихъ и прежде всего попросили хлѣба, молока и всего что найдется для обѣда. Нашлось весьма не многое: хлѣбъ и плоды. Пообѣдавъ, я порѣшилъ что прежде всего надо отдохнуть отъ усталости и волненія и постараться уснуть хотя на полчаса. Я отошелъ отъ товарищей въ тѣнь огромнаго орѣховаго дерева, положилъ себѣ сѣдло подъ голову и успѣлъ подремать около часа. Французы не ѣли и не спали, находясь въ сильнѣйшей тревогѣ. Сквозь сонъ я слышалъ какъ Ла-Моттъ громко жаловался на то что побѣхалъ за мною, Dick Lonlay кричалъ что онъ пріѣхалъ на войну чтобы быть корреспондентомъ.

томъ, а не воевать. Мы рѣшили остаться еще одинъ часъ въ Хаинкюфъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, и послѣ этого ѣхать дальше, стараясь скорѣе нагнать отрядъ генерала Гурко. Кстати, мы нашли трехъ солдатъ Болгарской дружины, отставшихъ отъ отряда по болѣзни и собиравшихся также какъ и мы нагонять отрядъ. Это было намъ на руку. Раскромсавшись съ жителями, въ три часа дня мы снова сѣли на своихъ лошадей и двинулись въ путь въ сопровожденіи болѣе многочисленной свиты. У насъ была пѣхота въ количествѣ трехъ Болгаръ, кавалерія въ образѣ казака и артиллерія въ формѣ нашихъ пистолетовъ. Бѣгство жителей изъ Хаинкюя, полавшихся намъ еще въ горахъ, ланической страхъ и смятеніе людей которыхъ мы застали въ самой деревнѣ, ихъ увѣренія что идутъ башу-бузуки рѣзать ихъ, наконецъ нѣсколько выстрѣловъ, о которыхъ я забылъ упомянуть выше и которые мы слышали въ направленіи Хаинкюя при нашемъ выѣздѣ изъ деревни,—все это повергло насъ въ тревогу и представило нашему воображенію весь рискъ предстоящаго намъ пути до передоваго отряда генерала Гурко. На чемъ основывался ланической страхъ жителей, на одномъ ли предположеніи что башу-бузуки могли придти или же башу-бузуки въ дѣйствительности были близко и показывались у деревни? Объясненія этому мы никакъ не могли добиться у жителей, по незнакомію ихъ языка и трудности объясняться съ ними. Какъ бы то ни было мы выѣхали не въ покойномъ состояніи духа. Спускаясь къ ручью въ верстѣ отъ деревни, лошадь Ла-Мотта у самаго ручья шарахнулась въ сторону и самъ Ла-Моттъ испустилъ крикъ: „Глядите, глядите!“ Я подскочилъ и глазамъ моимъ представилось слѣдующее зрѣлище. Въ ручьѣ лежалъ на боку скорчившись Турокъ; онъ былъ страшно худъ, лицо его было желто и на щекѣ зияла большая рана, изъ которой струилась кровь и окрашивала вокругъ него воду. На спинѣ виднѣлся длинный поперечный разрѣзъ; стая мухъ шумѣла около ранъ. Раненый былъ еще живъ; тяжело открывалъ глаза и какъ-то бессмысленно проводилъ мокрою рукой по груди и по боку, упорно повторяя одно и то же движеніе руки. Одинъ изъ пѣхотинцевъ нашихъ Болгаръ, знавшій по-турецки, обратился къ раненому съ вопросомъ: кто онъ такой и какъ попалъ сюда. Но

Турокъ не далъ отвѣта, а можетъ-быть и не слышалъ и не видалъ насъ. Онъ съ трудомъ приподнялся на одной рукѣ, повернулся на другой бокъ и тяжело опустилъ голову въ воду раненою стороною лица. Несмотря на то что мы сами слышали и не могли терять времени, надѣясь до ночи добраться въ болѣе безопасное мѣсто, мы единогласно рѣшили оказать раненому помощь; послали тотчасъ же нашего казака въ Хаинкюй, съ тѣмъ чтобъ онъ привелъ къ намъ поскорѣе изъ деревни нѣсколько человекъ Болгаръ. Казакъ усекалъ, а мы попытались еще нѣсколько разъ вызвать раненаго на отвѣтъ; но кромѣ глухихъ стоновъ ничего не добились отъ него.

Четыре Болгарина приведенные изъ деревни нашимъ казакъ ничего намъ не объяснили. Они испуганно смотрѣли на раненаго Турка; и на наши приказанія вытащить его изъ воды и свести въ деревню, жались другъ ко другу, повторяя въ страхъ: „это Турокъ, Турокъ!“ И только наши угрозы заставляли ихъ вытаскивать раненаго понести его въ деревню. Чтò было дальше съ несчастнымъ, мы не знаемъ, такъ какъ мы послѣдили тронуться въ дальнѣйшій луть.

Дорога наша лежала вдоль Казанлыкской долины; на глазомѣръ ширина долины, вытянувшейся между цѣлями горъ, показалась мнѣ версты въ 4 или 5. Богатство долины бросалось въ глаза и радовало взоръ. Густые виноградники, сжатые и несжатые поля, орѣховыя деревья, и на лугахъ густая и сочная трава. Долина представляла предъ нами богатый, роскошно одаренный природой оазисъ среди дикихъ и сумрачныхъ горъ; то былъ словно лучъ солнца между грозными тучами. Хотѣлось насладиться природой и прекраснымъ видомъ, но мысль что изъ каждаго куста, изъ-за каждой виноградной плантаціи могли появиться башу-бузуки, отравляла впечатлѣніе, и долина являлась въ нашихъ глазахъ розовымъ кустомъ въ которомъ скрывается ядовитая змѣя. Ла-Моттъ высказалъ замѣчаніе что башу-бузуки непременно должны рыскать въ хвостѣ передоваго отряда, убивая и обкрадывая отставшихъ солдатъ. Все это было весьма возможно, и И. дошелъ до того что составилъ даже цѣлый планъ обороны въ случаѣ нападенія на насъ башу-бузуковъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ чтобы при открытомъ на насъ нападеніи не медля слѣзть съ сѣделъ, стать за лошадьми

и отстрѣливались изъ пистолетовъ до послѣдней возможности; въ случаѣ же стрѣльбы въ насъ изъ-за кустовъ, ринулись на непріятеля въ кусты верхомъ на лошадяхъ съ громкими криками *ура*. Отъѣхавъ еще верстѣ пять или шесть мы встрѣтили партію Болгаръ, мужчинъ и женщинъ, человѣкъ въ пятнадцать или двадцать. Всѣ они, не исключая и женщинъ, были вооружены кто палками, кто ружьями и каждый тащилъ, кромѣ того, въ рукахъ какое-нибудь добро—кто узелокъ, кто ведро, а кто ящикъ. За толпой Болгаръ ѣхали три телѣжки, до верху набитыя разнаго рода скарбомъ, перинами, подушками и т. д. Мы остановились и остановили Болгаръ. Начались разспросы съ помощію мимики.

Отъ Болгаръ мы узнали что Казанлыкъ дѣйствительно взятъ отрядомъ генерала Гурко, и что самъ генералъ и весь его отрядъ находится въ настоящую минуту въ Казанлыкѣ. До Казанлыка оставалось еще верстѣ сорокъ, а было уже шесть часовъ вечера. Мы рѣшили ѣхать скорѣе и постараться къ полночи добраться до Казанлыка. Наша лѣхота не позволяла намъ ѣхать рысью, и мы уже подумывали какъ бы отъ нея отдѣлаться, какъ на наше счастье попались намъ на встрѣчу еще человѣкъ пять Болгаръ, которые вели съ собою трехъ лошадей. Мы остановили партію, приказали нашимъ лѣхотинцамъ разсѣсться на трехъ свободныхъ лошадей, а одному Болгарину ѣхать съ нами до Казанлыка, чтобъ отвести взятыхъ у партіи лошадей обратно. Болгары остались недовольны такимъ распоряженіемъ и начали было шумѣть, но мы прикрикнули на нихъ, и они покорились. Обративъ лѣхоту въ кавалерію, мы поѣхали крупною рысью и галопомъ, но не надолго. При слукѣ въ небольшой ручеекъ лара лошадей, тащившая нашу двуколку—знаменитый передокъ, услугалась чего-то, вырвалась изъ рукъ Автона и понесла; одна изъ лошадей залуталась въ построжки, лошади начали бить, мы не могли ихъ догнать, а онѣ несли и били до тѣхъ поръ пока не сломали дышла и не остановились какъ вкопанныя, но увы! уже на развалинахъ нашего передка. Приходилось остановиться и помочь какъ-нибудь горю; придумали вырубить новое дышло и привязать его веревками къ передку; къ счастью же у насъ оказались и топоръ, и веревки. Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ себя винтовку, положилъ лику на землю и съ топоромъ

отправился въ ближайшіе кусты вырубать дышло. Мы стояли довольно близке къ горамъ; съ правой стороны отъ дороги и до этихъ горъ мѣстность была покрыта кустами и деревьями, а по лѣвую отъ насъ сторону тянулась равнина, заканчивавшаяся также горами, но эти горы казались намъ на разстояніи шести или семи верстъ. У подошвы этихъ дальнихъ горъ и слѣва же отъ насъ лежала турецкая деревушка Уфлани. Она представляла въ ту минуту облако дыма, среди котораго прорѣзывался яркій красный столбъ пламени. Кѣмъ подожена была эта деревня, было намъ неизвѣстно. Мы стояли среди поля и безъ одной человѣческой души вокругъ. Минуть чрезъ пять казакъ воротился изъ кустовъ съ топоромъ, но безъ дышла.

— Чтò жъ ты дышла не принесъ? обратились мы къ нему.

— Винтовку надо взять, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ нѣсколько угрюмо.

— Зачѣмъ винтовку?

— Да тамъ, въ канавѣ, въ кустахъ пять человѣкъ Турокъ лежатъ въ красныхъ палочкахъ. Не разобралъ спать они что ли, живые ли, либо мертвые.

— Возьми винтовку, да ступай рубить дышло въ другое мѣсто и не очень шуми топоромъ.

Казакъ снова отправился въ кусты, а мы остались дожидаться его среди поля, не вдалекѣ отъ дороги, тамъ гдѣ сломалась наша телѣжка. Вновь какая-то смутная тревога и вмѣстѣ непобѣдимое любопытство начинало овладѣвать мною. Мнѣ хотѣлось пойти въ кусты и посмотреть на лежащихъ тамъ Турокъ. Но внезапно нѣсколько раздавшихся въ сторонѣ деревни глухихъ выстрѣловъ отвлекли наше вниманіе въ ту сторону. Раздалось ли эти выстрѣлы въ самой горячей деревнѣ или за нею въ горахъ, мы не могли различить хорошенько. Да и были ли то выстрѣлы? Быть-можетъ то былъ трескъ обвалившихся отъ огня зданій. Какъ бы то ни было, но сильнѣйшее любопытство овладѣло мной; меня интересовала горящая не вдалекѣ деревня, и я объявилъ товарищамъ что пойду туда и посмотрю чтò тамъ дѣлается, пока чинятъ нашъ экипажъ. И. и Французы протестовали противъ этого, но я настоялъ на своемъ и пошелъ по направленію къ деревнѣ съ Pellicer, вызвавшимся идти вмѣстѣ со мной. Держа пистолетъ въ рукахъ наготовѣ, мы подошли къ деревнѣ Уфлани. Красный столбъ

пламени сталъ принимать, по мѣрѣ нашего приближенія, болѣе неправильныя очертанія пылаващаго огня: то горѣлъ высокій плетень обнесенный вокругъ до тла уже сгорѣвшаго дома; тянуло смядомъ; деревья у плетня обуглились и вставшіе на нихъ лаоды съежились и приняли коричневый цвѣтъ. Мы пошли дальше. Полная картина разрушенія глянула на насъ изъ-за деревьевъ. Деревья вся уже выгорѣла, кое-гдѣ еще торчали полуобрушенныя стѣны жилищъ; изъ-подъ нихъ струился дымокъ, и почва вся была покрыта тлѣющимъ углемъ и усыпана сѣрватою золой. Но внутри огромныхъ садовъ въ Уфланѣ уцѣлѣли садовыя деревья; вѣтви ихъ ломились отъ вкусныхъ и зрѣлыхъ сливъ, бѣлыхъ и синихъ, абрикосовъ, не зрѣлыхъ еще грушъ и яблоковъ. Мы стали трясти деревья, и плоды градомъ посыпались на землю. Наѣвшись вкусныхъ плодовъ, мы направились къ единственному не сгорѣвшему зданію—мечети. Она уцѣлѣла вѣроятно потому что была обнесена плотною стѣной деревьевъ; деревья обуглились, но защитили святыню мусульманъ отъ огня. Мы вошли въ мечеть: тамъ не было замѣтно никакихъ признаковъ грабежа. Плоховыкіе, протертыя ковры лежали на немывомъ полу; деревянные люстры низко спускались надъ самою головой, а въ нихъ торчали шкалики, наполненные масломъ. Листы бумаги съ изреченіями изъ Корана были приклеены ко внутреннимъ стѣнамъ мечети. Обстановка была бѣдная, даже нищенская; и пусто было въ самой мечети, пусто было и въ деревнѣ. Только собака залаяла, вылезши откуда-то при нашемъ выходѣ изъ мечети. Мы послѣдили назадъ съ пожарища къ нашимъ спутникамъ. Передокъ былъ уже починенъ и лошади запряжены. Былъ 9й часъ вечера; до ближайшаго большаго селенія оставалось около 18 верстъ и мы слѣшили добраться до него поскорѣе, чтобы въ немъ заночевать, не думая уже доѣхать въ тотъ день до Казанлыка. Мы поѣхали круглою рысью и галопомъ; передокъ нашъ мчался за нами. Ярче и ярче выдѣлялась на небѣ луна, сообщая фантастическій видъ картинѣ. Горы казались окрашенными легкимъ красноватымъ свѣтомъ; сильный вѣтеръ внезапно поднялся по долинѣ и ярко доносилъ до насъ звуки гдѣ-то вдалекѣ раздававшихся пушечныхъ выстрѣловъ, словно ударовъ отдаленнаго грома.

Такого вѣтра я не испытывалъ въ своей жизни. Надо было усиливаться чтобы сидѣть прямо на сѣдлѣ. Пламя горящихъ деревень стало совсѣмъ краснымъ при настулавшей ночи. Мы быстро окакали, шпора коней и внося имъ удары плетью, такъ какъ лошади устали отъ длиннаго дня и долгой дороги, и къ 12 часамъ ночи прибыли благополучно въ Маглишъ. Опередивъ нашъ отрядъ, Ла-Моттъ вѣхалъ первымъ въ деревню и съ нимъ произошла тутъ комическая сцена. Нѣсколько человекъ солдатъ изъ Болгарской дружины, оставленныхъ въ Маглишъ на посту, или просто отставшихъ отъ своего отряда, увидавъ скачущаго по деревнѣ всадника, окружили Ла-Мотта, остановили его коня и угрожающимъ тономъ требовали чтобы онъ сошелъ съ лошади и шелъ за ними подъ арестъ. Ла-Моттъ намелъ налучшимъ въ такомъ положеніи увѣрять Болгаръ на французскомъ языкѣ что онъ русскій князь и что поэтому его не слѣдуетъ трогать. Мы подскакали на эту сцену, прикрикнули на Болгаръ и все обошлось благополучно. Отлично пославъ въ Маглишъ и хорошо поужинавъ, рано утромъ на слѣдующій день мы поѣхали въ Казанлыкъ, отстоящій отъ Маглиша на двѣнадцать верстъ. Дорога шла сквозь густыя розовыя плантаціи, но розы уже отцвѣли и мы видѣли одни только зеленые кусты. Между ними часто попадались на глаза валяющіеся и не прибранные еще трупы турецкихъ солдатъ. По срединѣ дороги часто встрѣчалась гниющая лапаль замореннаго въ дорогѣ или убитаго въ сраженіи коня. По направленію къ Казанлыку доносился трескъ рѣдкихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ 10 часовъ утра крыши и минареты Казанлыка выглянули изъ-за деревьевъ и мы благополучно вѣхали въ городъ, отыскивая штабъ генерала Гурко. То былъ знаменитый день бѣгства Турокъ изъ укрѣпленій Шилки и занятія Шилки русскими войсками. То былъ день завершившій блистательно переходъ отряда генерала Гурко черезъ Балкавы по тому пути который мы только-что сдѣлали, нагоняя нашъ славный передовой отрядъ. Генерала Гурко не было въ городѣ; онъ уѣхалъ въ Шилку осматривать турецкія батареи, доставшіяся въ руки Русскихъ. Мы застали въ городѣ генерала Рауха, садившагося уже на коня чтобы ѣхать вслѣдъ за генераломъ Гурко на Шилкинскія укрѣпленія. Онъ любезно предложилъ намъ ѣхать съ нимъ за 12 верстъ въ Шилку

и, несмотря на утомленіе послѣ совершенной нами дороги, мы послѣзили принять любезное предложеніе генерала и двинулись вмѣстѣ съ нимъ и съ частью штаба къ Шилкѣ. Дорогой генералъ Раухъ и адъютанты Гурко удивлялись тому, какъ мы могли такъ счастливо проскочить между Хаинкюемъ и Казанлыкомъ не наткнувшись на башни-бузуковъ. Башни-бузуки, говорили они, бродятъ вездѣ въ горахъ и въ Казанлыкской долинѣ; они скрываются въ поляхъ, въ кустахъ и въ виноградникахъ, у самыхъ стѣнъ Казанлыка, стрѣляя изъ засады въ одиночныхъ всавниковъ; такимъ образомъ былъ убитъ на этихъ дняхъ изъ-за куста полковникъ Роникеръ, отважившійся вѣхать одинъ съ небольшою свитой, и убитъ былъ всего въ какихъ-нибудь трехъ верстахъ отъ города. Но мы были уже при отрядѣ, мы сказали теперь съ генераломъ Раухомъ, въ сопровожденіи конвоя казаковъ, и только-что перенесенное нами путешествіе отъ Тырнова до Казанлыка казалось намъ интересною и по-люю впечатлѣній картиной.

КНЯЗЬ Л. ШАХОВСКОЙ.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДВИГА „ВЕСТЫ“

Второй половинѣ настоящаго столѣтія суждено было произвести коренной переворотъ въ области кораблестроительнаго искусства. Междуусобная война Американскихъ Штатовъ положила начало новому типу судовъ съ цѣлью наибольшаго сопротивленія разрушительному дѣйствию артиллеріи; такимъ образомъ явилась первая идея броненоснаго флота. Значеніе идеи оцѣнено было по достоинству и всѣ морскія государства наперерывъ другъ предъ другомъ старались воспользоваться вновь изобрѣтенною броней съ цѣлью придать своимъ флотамъ дотошъ невообразимую силу. Англія, а вслѣдъ за нею и Франція приступили къ дальнѣйшему развитію мысли и къ началу шестидесятихъ годовъ обладали уже нѣкоторымъ количествомъ грозныхъ батарей, плавающихъ по виду также легко и свободно какъ и прежнія деревянныя суда, естественно отступившія на задній планъ. Казалось громадная будущность предстояла броненосцамъ; всѣмъ и каждому было очевидно что борьба съ ними становилась возможною только при равной силѣ, а потому государство не желавшее утратить своего морскаго значенія вынуждалось ходомъ обстоятельствъ вступать на вновь проложенную дорогу. Русскій флотъ въ то время только-

что перерождался. Парижскимъ трактатомъ заключенный въ узкія рамки Балтійскаго моря онъ здѣсь напрягалъ усилія достигнуть возможнаго совершенства, введеніемъ пароваго двигателя на судахъ наибольшихъ размѣровъ. Но ограничиваться этимъ становилось уже невозможнымъ; быстрое развитіе броненосцевъ грозило сдѣлать всѣ усилія безплодными, приходилось тоже приступить къ постройкѣ судовъ новѣйшаго типа. 1862 годъ былъ годомъ рожденія русскаго броненоснаго флота; батареи: *Персенеуз* и *Кремль* были нашими первыми шагами въ этомъ направленіи; четырехдюймовая броня, покрывавшая эти суда, казалась послѣднимъ словомъ кораблестроенія; оставалось состязаться въ количествѣ этихъ новыхъ морскихъ батарей съ другими державами. Но не такъ оказалось на дѣлѣ.

Параллельно съ развитіемъ средствъ обороны вырастали средства разрушенія; противъ четырехдюймовой брони были изобрѣтены орудія которыя относительно уязвимости превращали броненосцы въ ихъ тонкостѣнные прототипы и необходимо было совершенствовать броневую защиту и опережать артиллерійскія изобрѣтенія. Началась поучительная борьба между обороной и нападеніемъ. Путемъ развитія корабельной архитектуры достигли утолщенія желѣзныхъ дѣлъ покрывавшихъ корабли и возможности постановки на нихъ самой тяжелой артиллеріи. Но всякій разъ когда оборона достигала предположенной цѣли, артиллерія противопоставляла ей новыя изобрѣтенія, раздвигая дула своихъ орудій съ 8ми дюймовъ на 9, 10, 11, 12ть и т. д. Предѣловъ сказанной борьбы невозможно даже предусмотрѣть до настоящаго времени. Внимательно приглядываясь къ этой борьбѣ Россія, принимала сама послѣднее участіе въ усовершенствованіи какъ оборонительныхъ такъ и наступательныхъ морскихъ силъ; результатомъ являлись въ Финскомъ заливѣ суда всѣхъ тѣловъ выходящихъ изъ иностранныхъ верфей; явились мониторы, броненосцы съ высокими бортами и наконецъ суда башенной системы; послѣднимъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ гигантъ корабль *Петръ Великій*, покрытый 12тидюймовою броней. Идти далѣе въ избранномъ направленіи казалось было некуда. Но ко времени его спуска на воду на заводѣ Каммель и К^о въ Шеффилдѣ съ устѣ-

жомъ была прокатана броневая плита въ 22 дюйма толщины. И это еще не все: въ настоящую минуту уже прокатываются 30тидюймовыя брони, а успѣхи артиллеріи растутъ и растутъ прогрессивно, сводя на нѣтъ всѣ усилія морской архитектуры.

Едва ли кому-нибудь приходило по началу въ голову довести дѣло до такого абсурда. Само собою утолщеніе корабельныхъ стѣнъ не могло проходить безнаказанно, оно отзывалось на наиболѣе существенныхъ качествахъ быстроты хода и удобства маневрированія, а въ заключеніе ложилось тяжелымъ бременемъ на средства государственныхъ бюджетовъ, ибо постройка одного такого судна какъ *Петръ Великій* равнялась стоимости цѣлой деревянной эскадры. Приходилось задумываться надъ дальнѣйшимъ постулательнымъ движеніемъ изъ страха приблизиться къ Геркулесовымъ Столбамъ. Германія, не щадившая средствъ послѣ Франко-Прусской войны для развитія своего флота, приступила въ послѣднее время къ постройкѣ въ большомъ количествѣ миноносныхъ судовъ какъ наилучшаго средства обороны. Франція устами лублицистовъ выражала мысль что невольно приостановленная въ развитіи своего флота она не только ничего не потеряла, но сохранила даже много милліоновъ которые бы при другихъ обстоятельствахъ естественно пошли на постройку судовъ переходной формы. Сама Англія приступила къ постройкѣ стальныхъ корветовъ, обладающихъ неизмовѣрно быстрымъ ходомъ, съ цѣлью защиты своихъ торговыхъ интересовъ. Такимъ образомъ повсемѣстно чувствовалась необходимость перемѣны несостоятельной системы.

Но для Россіи эта необходимость была еще существеннѣе. Обладая чрезмѣрно растянутою береговою линіей она не могла подобно другимъ государствамъ ограничиваться содержаніемъ одного флота и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не могла тратить тѣхъ суммъ на морское министерство, какія тратитъ Англія и Франція. Неестественное напращеніе въ Балтійскомъ морѣ лагубно отозвалось на Черномъ и Восточномъ Океанѣ, а громадная стоимость броневосцевъ лишила Россію возможности одновременно содержать флотъ быстроходныхъ крейсеровъ годный для плаванія въ дальнихъ моряхъ, какъ угроза на случай англійской торговли и какъ лучшая школа для практики морского

дѣла. Только 10%, наличнаго морскаго состава выходили за предѣлы Балтійскаго моря, всѣ остальные осуждены были качаться въ Финскомъ заливѣ на судахъ броненосной эскадры, развивая, вмѣсто качествъ и практическихъ познаній необходимыхъ моряку, глазомѣръ артиллериста и познанія техника.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось дѣло когда протѣею зимою назначена была особая коммиссія съ цѣлью обсудить вопросъ о наиболѣе пригодномъ типѣ судовъ для русскаго флота. Назначеніе коммиссіи послужило сигналомъ для перенесенія спеціальнаго вопроса въ область публицистики; съ одной стороны, люди положившіе свою душу въ созданіе вызваннаго обстоятельствами современнаго положенія, горячо отстаивали его необходимость, угрожая въ противномъ случаѣ паденіемъ всякаго морскаго значенія для Россіи. Съ другой стороны, таившееся среди многихъ моряковъ недовольство этою системою въ первый разъ высказалось ясно и точно. Исключительно броненосный флотъ въ ущербъ деревянному давно тяготилъ морское сословіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ газетѣ *Голосъ* появилась статья за подписью капитанъ-лейтенанта Баранова, въ которой авторъ, подробно разбирая вышеизложенныя основанія, приходилъ къ рѣшительному заключенію о неправильности господствующей въ нашемъ флотѣ системы. Разобравъ географическія и экономическія условія Россіи, авторъ находилъ самую идею оборонительнаго флота для насъ совершенно ложною, какъ въ виду существующихъ первоклассныхъ крѣпостей, обороняющихъ побережья, такъ и въ виду неимѣнія у насъ торговаго флота, нуждающагося въ надежной защитѣ. Такимъ образомъ затраты дѣлаемыя въ этомъ направленіи онъ признавалъ бесполезными. Разбирая въ свою очередь условія другихъ морскихъ державъ и преимущественно Англіи съ ея огромнымъ торговымъ флотомъ, авторъ именно на основаніи этихъ условій доказывалъ что усиленное развитіе у насъ судовъ крейсерскаго типа съ легкимъ вооруженіемъ и быстрымъ ходомъ можетъ дать намъ скорый и рѣшительный перевѣсъ въ морскомъ отношеніи. Надо было много смѣлости чтобы высказать такое крайнее мнѣніе въ то время когда моря всего міра покрыты грузными, съ виду неуязвимыми броненосцами, но капитанъ Барановъ пошелъ еще далѣе: онъ сталъ выска-

зывать убѣжденіе что даже въ бою съ броненосцемъ ловко управляемый и хорошо построенный и вооруженный крейсеръ останется побѣдителемъ. Очевидны выгоды которыя могли произойти еслибы мѣніе Баранова оказалось справедливымъ и восторжествовало; десятки милліоновъ рублей ежегодно затрачиваемыя на постройку пловучихъ крѣпостей могли бы найти себѣ другое примѣненіе; давно испытанному русскому моряку представилась бы возможность сдѣлаться вновь хозяиномъ дорогой для него стихіи. Что мѣніе Баранова было не единично, доказывается массой сочувственныхъ писемъ и телеграммъ, которыя со всѣхъ концовъ присылали ему группы морскихъ офицеровъ. За Барановымъ же остается честь перваго специалиста воплотившаго затаенныя помыслы ихъ въ живое слово.

Статья Баранова вызвала обширную полемику, но, разрѣшая дѣло теоретически, она естественно не могла переубѣдить людей съ предвзятыми взглядами. Крулывъ вопросъ ожидалъ практическаго разрѣшенія.

12го апрѣля объявлена была война Турціи и вся Россія спокойно ожидавшая событій за Дунаемъ, обращала трепетныя взгляды къ обнаженному Черноморскому побережью. Сухолутная защита первоклассныхъ пунктовъ оставляла береговую линію громаднаго протяженія для безнаказанныхъ нападений турецкой эскадры. Двѣ половки—вотъ, собственно говоря, почти все что мы имѣли для дѣйствительной обороны; покупка нѣсколькихъ пароходовъ отъ Общества Пароходства и Торговли усилила наши средства, но что это были за пароходы? Предназначенные для перевозки грузовъ и неожиданно преобразовавшись въ боевую эскадру активной обороны они ожили только подъ вліяніемъ лихихъ командировъ и геройскихъ командъ. Въ то самое время когда грузныя половки мѣрно покачивались на Одесскомъ рейдѣ, успокаивая встревоженныхъ жителей, пароходы *Константинъ*, *Аргонавтъ* и *Владиміръ*, пытаясь взрывать турецкіе броненосцы, дѣлали смѣлые набѣги не только въ Батумъ и Сулинъ, но даже къ самому Босфору; миноносные катера подъ начальствомъ такихъ героевъ и знатоковъ своего дѣла какъ Дубасовъ, Шестаковъ, Скрыдловъ, Рождественскій, Зацаренный и др. нанесли не малый ущербъ турецкому флоту и ясно показали всему міру одну изъ уязвимыхъ сторонъ броненосцевъ. Страхъ, который имѣ

удалось нагнать на Турокъ, очевидно такъ подѣйствовалъ на послѣднихъ что они до настоящаго времени оставляютъ въ покоѣ наши южныя побережья; но ни одному изъ сказанныхъ пароходовъ не приходилось вести борьбы въ открытомъ морѣ съ непріятельскими кораблями.

Убѣжденный въ правотѣ своего взгляда, хорошо знакомый съ новѣйшими изобрѣтеніями, капитанъ - лейтенантъ Барановъ счелъ настоящий моментъ единственнымъ удобнымъ для убѣжденія невѣрующихъ, сознавая что только дѣло могло придать значеніе его февральскимъ словамъ. Барановъ обратился къ высшему морскому начальству съ просьбой дать ему одинъ изъ пароходовъ кулленныхъ въ Обществѣ Пароходства и Торговли, и по полученіи разрѣшенія обратился къ своимъ балтійскимъ товарищамъ съ вызовомъ охотниковъ принять участіе въ рискованномъ предпріятіи. Какъ и слѣдовало ожидать охотниковъ нашлось не мало: въ концѣ мая мѣсяца Барановъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Николаевъ съ комплектомъ офицеровъ и 53 людьми команды, выбранными изъ числа какъ говорятъ пяти или семи тысячъ охотниковъ. Всѣ охотники знали цѣль экспедиціи и потому сознательно шли въ опасное дѣло. По прибытіи въ Николаевъ Баранову данъ былъ грузовой пароходъ *Веста*, не отличавшійся особенно быстрымъ ходомъ, разумѣется вовсе не приспособленный къ морскому бою и такимъ образомъ почти не отвѣчавшій главнѣйшимъ условіямъ всякаго крейсера. Вооруживъ *Весту* въ нѣсколько дней брѣвюмовыми мортирами, наѣзными орудіями, воспользовавшись аппаратами для автоматической стрѣльбы г. Давыдова и приспособивъ пароходъ по возможности къ сраженію, Барановъ не откладывая дѣла отправился въ море искать противника. Экипажъ парохода *Весты*, проникнутый важностью своей задачи, крейсируя у восточнаго берега Европейской Турціи, 11го іюля, въ 35 миляхъ отъ Кюстенджа, усмотрѣлъ большой турецкій броненосецъ. Желанная минута наступила. Въ 8 часовъ утра раздался первый выстрѣлъ непріятеля и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ на *Вестѣ* былъ поднятъ русскій военный флагъ и данъ залпъ изъ баковыхъ орудій. Такимъ образомъ закинулъ бой которому суждено было рѣшить одинъ изъ главнѣйшихъ морскихъ вопросовъ настоящаго времени.

Изъ напечатаннаго въ 7й книжкѣ *Русскаго Вѣстника*

рапорта капитана Баранова читатели уже знают фактическую сторону дѣла, а потому здѣсь мы ограничимся одними выводами.

Бой парохода *Весты* важенъ конечно не послѣднею удачно разорвавшейся бомбой въ башнѣ турецкаго броненосца, онъ важенъ очевидно доказанною возможностью болѣе чѣмъ 5ти-часовой борьбы легкаго судна, толщина стѣнокъ котораго не превосходила одной восьмой дюйма, съ сильнымъ представителемъ броненоснаго типа. Замѣтимъ еще что пароходъ *Веста* не обладалъ главнѣйшимъ условіемъ хорошаго крейсера, *преимуществомъ хода надъ противникомъ*, и несмотря на это пять часовъ боролся благодаря умѣнью капитана, офицеровъ и команды маневрировать въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Еслибы пароходъ *Веста* могъ располагать сраженіемъ и удалиться на разстоянія наиболѣе дѣйствительныхъ навѣсныхъ выстрѣловъ, то бомба счастливо разорвавшаяся въ послѣднюю минуту могла бы гораздо ранѣе вывести изъ боя грознаго противника. Задача *Весты* заключалась прежде всего въ томъ чтобы не подставлять своего борта тяжелой артиллеріи броненосца, снаряды коей могли бы пронизать ее насквозь, и эта задача была выполнена настолько блистательно что всѣ поврежденія сдѣланныя непріятельскими снарядами поправлены были въ нѣсколько дней по возвращеніи въ Севастополь.

Въ чемъ же заключалась сила *Весты* и тѣ условія благодаря которымъ она вышла побѣдителемъ? Такихъ условій три: вопервыхъ, удобство маневрированія легкимъ судномъ; вовторыхъ, превосходныя качества той артиллеріи которою былъ вооруженъ пароходъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ самимъ командиромъ *Весты* въ письмѣ на имя товарища Генералъ-Фельдцейхмейстера генералъ-адъютанта Баранцова. Безъ шестидюймовыхъ мортиръ и автоматически-наводящихъ орудій аппаратовъ Давыдова, капитанъ Барановъ едва ли бы вступилъ въ сраженіе, такъ какъ предпочиталъ не подвигъ безумной храбрости, а давно задуманное дѣло, къ исполненію котораго ему предоставлены были морскимъ министерствомъ всѣ возможныя по обстоятельствамъ средства. Втретьихъ геройскій духъ командира, офицеровъ и команды; каждый изъ нихъ не только безупречно, но вполне сознательно исполнялъ свои обязанности, и до какой степени всѣ отъ перваго до послѣдняго

проникнуты были разрѣшеніемъ добровольно принятой на себя задачи — видно изъ послѣдующей выдержки изъ разказа очевидцевъ боя, записаннаго корреспондентомъ *Новаго Времени*. Только проникнувшись до глубины души правотою и важною своего убѣжденія можно умирая отдавать ему свои послѣдніе помыслы.

„Уже первая непріятельская бомба, попавшая въ *Весту* и разорвавшаяся на лалубѣ, говоритъ корреспондентъ, причинила столько вреда что казалось бы одинъ этотъ выстрѣлъ долженъ былъ причинить невообразимое замѣшательство, отъ котораго могла погибнуть *Веста*. Осколки разорвавшейся бомбы и картечь, которою она оказалась начиненною, какъ дождемъ засыпали всю лалубу. Разомъ подбито было одно орудіе, и кровь брызнула съ разныхъ сторонъ. Канониры двухъ кормовыхъ орудій повалились за мертво, за ними упало нѣсколько матросовъ раненыхъ, тутъ же свалились съ ногъ и два артиллерійскіе офицера: полковникъ Черновъ и поручикъ Яковлевъ.

„О послѣднихъ минутахъ обоихъ офицеровъ я слышалъ такой разказъ.

„Когда упалъ полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью, осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго лаха своротило всю брюшную полость: „сердце было выдать“, разказывалъ одинъ матросъ.

„Несмотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновений еще жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнявъ близъ стоявшаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать: „Прощайте!... На кормѣ не забудьте.... заряжено.... действуйте!“ Съ этими словами онъ и умеръ.

„То же самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ картечью. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Несмотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: „братцы, въ карманѣ у меня разрывныя трубки, пригодятся!“ Вторая попавшая бомба разразилась съ такими же убійственными послѣдствіями какъ и первая. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять наловалъ уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту когда разорвало бомбу онъ находился со своею командой у миноноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякій случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ, попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Несмотря на страшную нечеловѣческую муку, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего брата, старшаго офицера, все время

продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженіи катера которымъ завѣдывалъ.

„Одновременно съ этимъ отъ разорвавшейся бомбы на пароходѣ произошелъ пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крѣпко-камеры, гдѣ хранится порохъ.

„Пожаръ, благодаря распорядительности старшаго офицера Перелешина, былъ потушенъ своевременно. А раненые и убитые между тѣмъ все прибывали; ихъ сносили въ каюты-камланию, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковский едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

„Бой между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

„Были минуты когда броненосецъ почти нагонялъ *Весту*; между ними оставалось пространство менѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, все время не сходявшій со своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ, и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Иногда самъ Барановъ, извѣстный какъ отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ со своей вышки.

„Подъ конецъ наступило мгновеніе когда минуты *Весты* казались были сочтены. Въ томъ положеніи въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ *Веста* исключительно могла серьезно разчитывать тольکو на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

„Надо было добиться прежде всего и во что бы то ни стало большей скорости хода. Но всѣ средства были уже пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали внизъ чтобы подбодрять измученныхъ, выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали леньку, лили масло и всевозможныя горючія вещества, но ларь и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротой молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство: команда должна была броситься на катера и, съ минюносцемъ впереди, разомъ абординовать броненосецъ. Численность команды на броненосцѣ была четверо, если не влаетеро больше команды *Весты*; но что за дѣло когда рѣчь идетъ о „послѣднемъ средствѣ“! На случай же еслибъ и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сплѣстись влѣтнюю съ броненосцемъ, и поднося одною рукой къ крѣпко-камерѣ зажженный фитиль, другою

крѣпче и мужественнѣе обнять врага чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ. Славное рѣшеніе достойное такихъ героев-храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шалки, перекрестились и крикнули ура! Между тѣмъ, кормовыя мортиры еще были заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направлялъ орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротковымъ, послѣ смерти обоихъ артиллерійскихъ офицеровъ, оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и попалъ прямо въ башенную, то-есть въ самую существенную часть броненосца. Тамъ у непріятеля вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,—бомба разорвалась удачно, навѣрное въ самой машинѣ.

„Можно живо представить себѣ восторгъ который охватилъ тогда команду *Весты*. Загремѣло снова ура! и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергіей.

„Положивъ право на бортъ, побитый броненосецъ повернулся вспять. Сразу замедлившимся ходомъ, онъ, безъ единого выстрѣла, сталъ уходить отъ *Весты*. Между тѣмъ здѣсь первымъ движеніемъ было пуститься за нимъ вслѣдъ чтобъ окончательно обезоружить его и взять въ плѣнъ. Но это было бы чрезчуръ рискованно. По разказамъ многихъ участниковъ дѣла, въ это самое время на горизонтѣ показалось нѣсколько турецкихъ броненосцевъ....“

Внизу въ каютъ-кампаниі лежали жертвы только-что прекратившагося боя. Порѣдѣлая команда со своимъ командиромъ во главѣ невольно опустила на колѣна и залѣла благодарственную молитву; это была торжественная минута! „Кто на морѣ не бывалъ тотъ Богу не малывался“, говоритъ пословица. Какова же должна была быть эта молитва среди волновавшейся стихіи, въ виду разбитаго медленно удалявшагося чудовища! Нельзя было терять ни одной минуты. Взявъ курсъ на Севастополь, приказавъ снова зарядить орудія на случай неожиданной встрѣчи съ непріателемъ во время пути, и сдѣлавъ распоряженія объ очисткѣ палубы, капитанъ отправился внизъ навѣстить страдальцевъ, гдѣ уже давно распоряжался докторъ Франковскій.

Къ счастью, обратное плаваніе *Весты* было вполне благополучно. На другой день утромъ, приближаясь къ Севастополю, она уже направляла свой курсъ, прямо держа на высокій памятникъ адмирала Лазарева, служащій маякомъ для всѣхъ входящихъ судовъ; какъ бы рапортуя знаменитому адмиралу *Веста* прислупила флагъ и окосила реи — знакъ что на пароходѣ находились покойники. Драгоценныя для

моряковъ развалины мгновенно ожили, толпы народа выбѣжали на приставъ и набережную встрѣтить двадцать три года невиданное *боевое судно*, и громкое ура огласило берегъ при видѣ медленно приближающейся *Весты*. Но когда узнали подробности боя, когда убѣдились что въ довершеніе всего предъ собою видятъ побѣдителя, тогда народной радости не было предѣла. Здѣсь въ Южной бухтѣ, въ виду могилы адмираловъ, въ виду Сѣвернаго кладбища, эта радость имѣла особое значеніе, она свидѣтельствовала о вѣчности человѣческаго духа, объ общеніи стараго поколѣнія синолскихъ моряковъ съ новыми представителями черноморскихъ крейсеровъ!

Чрезъ день хоронили скончавшихся, въ томъ числѣ молодого Перелешина, умершаго послѣ ампутаціи. Убитыхъ схоронили на Севастопольскомъ кладбищѣ за Михайловскою батареей. Но олутивъ въ могилу товарищей, *Веста* не свела своихъ окончательныхъ счетовъ: братъ лейтенанта Перелешина, другой участникъ знаменитаго боя, не вынесъ вида страданій дорогаго ему существа и заболѣлъ сильнѣйшимъ нервнымъ расстройствомъ; лейтенантъ Ротмистренко-Жеребенко заболѣлъ нервною горячкою, а лейтенантъ князь Голицынъ-Головкинъ только-что на четвертый день обратилъ болѣе серіозное вниманіе на рану своей ноги.

Такимъ образомъ закончился этотъ бой, бой не случайный, а давно задуманный, давно желанный.

Кровь олакиваемыхъ жертвъ быть-можетъ послужитъ цементомъ для будущаго русскаго флота, снова грознаго и великаго, снова богатаго славными именами. Въ числѣ ихъ не забудется имя и капитанъ-лейтенанта Баранова!

Теперь когда идея оборонительнаго флота, въ виду новѣйшихъ усовершенствованій способа обороны побережій, должна значительно видоизмѣниться, должно ластъ одновременно и убѣжденіе въ безусловной силѣ и значеніи *броненосца*. Опытъ Германіи сумѣвшей охранить свои гавани отъ французскаго флота, въ связи съ попытками настоящей кампаніи, наглядно указываютъ тотъ путь по которому отнынѣ суждено идти развитію приморской обороны. Вопросъ морской отнынѣ несомнѣнно перенесется снова въ свою настоящую стихію, *открытое море*, и только тѣлу судовъ обладающему исключительно морскими качествами предстоитъ будущность. Чѣмъ окончится споръ артиллеріи и мины съ

толщиною брони, предсказать не трудно, но не является область спорныхъ предложеній уже теперь всѣ искренно сочувствующіе морскому дѣлу обязаны оставить и внимание на доказанной возможности борьбы легкаго и быстро управляемаго крейсера съ грузными и баснословно дорогими стоящимъ противникомъ.

Изъ всѣхъ морскихъ державъ наиболее заигравшихся отъ такого разрѣшенія вопроса является Россія. Ей еще предстояла необходимость разбросать свои морскія силы на громадныя пространства и по неволѣ ограниченными сравнительно скромными затратами государственнаго казначейства. Борьбѣ при существовавшихъ условіяхъ съ развѣданными морскими державами ей положительно пришлось не въ моготу и вотъ причина почему несмотря на всѣ усилія она все-таки отставала въ этомъ отношеніи своихъ соперниковъ. Но если фактъ борьбы парохода съ флотомъ будетъ признанъ во всемъ его объемѣ, если результатомъ этой борьбы явится усиленная дѣятельность морскаго вѣдомства въ новомъ направленіи, то не подлежитъ сомнѣнію что въ недалекомъ будущемъ русскій крейсерскій флотъ неизмѣримо усилитъ наше военное значеніе. Подлежитъ сожалѣнію капитаномъ Барановымъ дорогіе пойдутъ десятки русскихъ капитановъ, не ограничиваясь замкнутыми пространствами Балтійскаго и Чернаго морей, но перенесутъ свою дѣятельность въ безбрежное раздолье Океана, открывая тѣмъ далекія восточныя окраины Русскаго царства, которыя впервые пріобрѣтутъ свое настоящее значеніе. Въ по нашему мнѣнію истинный смыслъ лихаго предпріятія парохода *Весты*.

Какъ важно значеніе боя парохода *Весты* видно уже изъ одной радости Государя, по-царски наградившаго всѣхъ отъ капитана до матроса включительно, а какъ откликнулись на него морскіе товарищи—видно изъ встрѣчъ съ нимъ Баранову въ Севастополѣ и во время его проѣзда въ Петербургъ и обратно.

Въ настоящую минуту убыль офицеровъ и командъ на *Вестѣ* вновь пополнена охотниками и въ скоромъ времени Богъ дастъ, услышимъ о новыхъ боевыхъ подвигахъ быстраго грузоваго парохода коммерческой компаніи....

В. ИСТОМИНЪ

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТАГО.

І Ю Л Ъ.

	Стр.
Русскіе дипломаты туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи. Окончаніе. <i>А. Г. Брикнера</i>	5
Философское ученіе Джорджа Генри Лунса. Гл. XI—XIII. <i>А. Ц. Стадлина</i>	63 ✓
Военно-историческіе очерки. Гл. VI—X. <i>А. Л. Зиссермана</i>	105
На Горахъ. Разказъ. Гл. XL—XLVI. <i>Андрея Печерскаго</i>	152 ✓
Во время выборовъ. Повѣсть. (Сюжетъ заимствованъ съ италіянскаго изъ <i>Ферари</i> .) <i>Изы Ласкозъ</i>	223 ✓
Отвѣтъ г. Костомарову. <i>Н. И. Ланге</i>	300
Воспомянія крѣпостнаго. (По подлинной рукописи.) Гл. I—VIII. <i>Н. В. Щербаня</i>	320 ✓
Очерки современной исторической литературы. Гл. III. <i>Р.</i>	348
Военное обозрѣніе. Съ приложеніемъ плановъ и картъ: 1) Крѣпости Никополя. 2) Крѣпости Руцука. 3) Авангарднаго дѣла при Бѣлоховцѣ. 4) Дѣла при Тырновѣ. 5) Переправы черезъ Дунай у Сустовой. 6) Шилкинскаго леревала. 7) Силистріи—Туртукая. <i>М.</i>	396
Что случилось по смерти Анны Карениной.....	448

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И.

Черная Индія. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе.	✓
Набабъ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. I—II.	✓

А В Г У С Т Ъ.

	Стр.
✓ Исслѣдованія о личности перваго Лжедмитрія. Гл. I—II. П. С. <i>Казанскаго</i>	463
✓ О драмѣ. Отдѣлъ второй. Отдѣлъ третій. Гл. I—III. Д. В. <i>Аверкіева</i>	502
✓ Старая борьба. Разказъ въ стихахъ, служащій продолженіемъ разказу <i>Келіотъ</i> . Я. П. <i>Полонскаго</i>	556
Философское ученіе Джорджа Генри Луиса. Гл. XIV—XV. А. П. <i>Стадмина</i>	601
✓ Петя Скуратовъ. Повѣсть. Князя В. П. <i>Меуцера</i>	641
✓ Военно-историческіе очерки. Гл. XI—XII. А. Д. <i>Зиссермана</i>	734
Стихотворенія: 1) „Море широкое, даль безконечная“. 2) „Ты въ лустынь моей безотрадной“. Князя Д. Н. <i>Цертмаса</i>	766
Путевыя впечатлѣнія. Поѣздка по Ломбардіи и Австріи. Гл. I—IV. <i>Виктора Гиссо</i>	767
Камень Сизифа. Еще изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. I—III. К. Н. <i>Леонтьева</i>	815
Литературныя замѣтки. А.	848
Съ похода. Князя Д. В. <i>Шаховскаго</i>	866
Значеніе подвига <i>Весты</i> . В. К. <i>Истомина</i>	883

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И.

✓ Набавъ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. III—VI.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОДАЕТСЯ
ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,
составленный по современнымъ словарямъ
Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и из-
данный

И. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (мифологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горация и Овидія.

Полный Словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря въ конторѣ типографіи и у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Кромѣ того въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ бесплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпляровъ бесплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное ответственное число оплаченных экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается за каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримеръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Гг. иногородные со своими требованіями могутъ обращаться: въ Москву, въ контору Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

наконецъ сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ. Я могу сказать вамъ имя его, чортъ возьми! Онъ довольно извѣстенъ... Гемераингъ!... Да, господа, глава большаго банкирскаго дома „Гемераингъ и сынъ“ не имѣлъ въ то время, на набережной, столько денегъ чтобы купить себѣ кусокъ хѣба... Увоенные воздухомъ путешествій, вѣявшимъ тамъ, мы задумали отравиться въ какую-нибудь страну солнца, послѣ того какъ страны тумана были для насъ такъ жестоки... Но куда ѣхать? Мы поступили такъ какъ поступаютъ матросы, загадывая въ какомъ пунктѣ имъ прогулять полученное жалованье. Къ краю шпалы приклеиваютъ бумажку. Шпалу вертять на палкѣ; когда она останавливается, то и принимаютъ направленіе ея указываемое... Нашъ бумажный компасъ показывалъ Тунисъ... Недѣлю спустя, я высадился въ Тунисъ съ полулифтомъ въ карманѣ, а теперь возвращаюсь оттуда съ двадцатью лятами милліонами....

Въ эту минуту какъ бы электрическая искра пробѣжала вокругъ стола, блеснула молнія во всѣхъ глазахъ, даже въ глазахъ слугъ. Кардельякъ воскликнулъ: „чортъ возьми!“ Носъ Монпавона обнаружилъ удивленіе.

— Да, дѣти мои, двадцать лятъ милліоновъ чистыми деньгами, не говоря о томъ что я оставилъ въ Тунисѣ, о моихъ двухъ дворцахъ въ Бардо, о моихъ судахъ въ Гулетскомъ портѣ, о моихъ брилліантахъ, драгоценныхъ камняхъ, которые конечно стоятъ вдвое болѣе. И вамъ извѣстно,—присовокупилъ онъ съ своею доброю улыбкой, своимъ силоватымъ голосомъ,—когда ихъ не будетъ, то все-таки останется что-нибудь.

Весь столъ поднялся на ноги, какъ бы гальванизованный:

— Браво.... браво!...

— Превосходно!...

— Очень шикарно, очень шикарно!...

— Подобный человѣкъ долженъ бы засѣдать въ палатѣ.

— Онъ и будетъ тамъ, *per Vasso*, я отвѣчаю за это, сказалъ директоръ банка громовымъ голосомъ и въ порывѣ удивленія, не зная какъ выразить свой восторгъ, онъ схватилъ мохнатую руку Набаба и необдуманнѣмъ движеніемъ поднесъ ее къ своимъ губамъ. Въ этихъ странахъ люди такъ демонстративны!... Всѣ стояли; никто уже не сѣлся.

Жансуде, весь сіяющій, также вѣталъ и бросивъ салфетку оказалъ:

— Пойдемъ пить кофе!..

Тотчасъ же веселый говоръ распространился по заламъ, обширнымъ комнатамъ, гдѣ золото одно составляло свѣтъ, пышность и украшеніе. Оно ладало съ потолка ослабительными лучами, струилось по стѣнамъ во всевозможныхъ видахъ. Оно оставалось нѣсколько на рукахъ, когда передвигали мебель или отворяли окна, и самыя обои, омоченныя въ этомъ Пактолѣ, сохраняли въ своихъ прямыхъ складкахъ жесткость и блескъ металла. Но ничего личнаго, задушевнаго, изысканнаго. Однообразная роскошь меблированной комнаты. И это впечатлѣніе переноснаго лагерь, временнаго помѣщенія, еще усиливалось идеей путешествія, косившейся какъ неизвѣстность или угроза надъ этимъ богатствомъ изъ отдаленныхъ источниковъ.

Когда подали кофе по-восточному, въ маленькихъ чашечкахъ, на серебряныхъ рѣзныхъ блюдецкахъ, гости сгруппировались вмѣстѣ, сѣли пить, наблюдая другъ за другомъ и въ особенности слѣдя за Набабомъ и выжидая благоприятной минуты налетѣть на него, отвлечь его въ уголъ этихъ громадныхъ комнатъ и переповерить о своемъ займѣ. Ибо вотъ чего они ожидали два часа, вѣтъ что было предметомъ ихъ посѣщенія и поселящую мысль, которая придавала имъ за завтракомъ этотъ растерянный, притворновнимательный видъ. Но здѣсь уже не было стѣновъ, не было гримажъ. Въ этомъ странномъ мірѣ было извѣстно что посреди занятой жизни Набаба часъ кофе оставался единственнымъ свободнымъ часомъ для конфиденціальныхъ аудіенцій, и всякій хотѣлъ имъ воспользоваться, всѣ явились туда чтобы вырвать клочокъ этого водотата руна, которое съ такимъ добродушіемъ само предлагало себя на расхищеніе; разговоры прервались, никто не слушаетъ, всѣ заняты дѣломъ.

Начинаетъ добрыйшій Дженкинсъ. Онъ отвѣлъ своего друга Жансуде въ углубленіе окна и передалъ ему отчеты по Нантеррскому дому. Богатое приобрѣтеніе, чортъ возьми! Сто лятьдесять тысячъ покупка дома, затѣмъ расходы по устройству, личный составъ, постельные приборы, кормилицы, экипажъ директора, omnibus отправляемые за дѣтьми къ каждому поѣзду.... много денегъ!.. Но какъ

имъ будетъ хорошо тамъ, этимъ милымъ крошкамъ! Какая услуга, оказанная Парижу, человечеству! Правительство не можетъ не наградить обрѣзкомъ красной денточки стода безкорыстнаго, филантропическаго пожертвованія. „Крестъ, 15го августа!...“ Этими магическими словами Дженкинсъ приобрѣтетъ все чего желаетъ. Своимъ веселымъ и густымъ голосомъ, какъ окликавъ лодку въ туманѣ, Набабъ кликнулъ: „Бонленъ!“ И человекъ въ фескѣ, оставивъ поставецъ съ напитками, проходитъ величественно по салону, шелчется, удаляется и возвращается съ чернильницей и тетрадкой, листки которой отдѣляются и летятъ сами собою. Славная вещь богатство! Подписать на колѣнѣ чекъ въ 200.000 франковъ для Жансуле также легко какъ вынуть аудиторъ изъ кармана.

Со злобью, уткнувъ носы въ свои чашки, остальные сѣдятъ издали за этою маленькою сценою; потомъ, когда Дженкинсъ уходитъ, проворный, улыбающійся, раскланиваясь жестомъ съ различными группами, Монпавонъ хватаетъ директора: „Теперь наша очередь.“ И оба бросаются на Набаба, удекаютъ его на диванъ, силой сажаютъ его,жимаютъ его между собою съ тихимъ, но свирѣлымъ смѣхомъ, который какъ будто обозначаетъ: „что мы станемъ дѣлать съ нимъ теперь?“ Вытянуть у него денегъ, чортъ возьми! какъ можно больше денегъ. Онъ нуженъ, чтобы поднять на воду Земельную Кассу, запертую ласками уже нѣсколько лѣтъ, покрытую тифомъ до самыхъ мантъ.... Операция превосходная, это поднятие ея на воду, по словамъ означенныхъ господъ; ибо затонувшая касса наполнена слитками, драгоценными веществами, тысячами разнородныхъ богатствъ новой страны, о которой всѣ говорятъ, но которой никто не знаетъ. Основная это заведеніе, которому нѣтъ подобнаго, Паганетти де Порто-Веккио имѣлъ цѣлю монополизировать эксплуатацію всей Корсики: желѣзные рудники, залежи сѣры, мѣди, мраморныя ложки, коралловыя и устричныя скалы, воды желѣзныя и серныя, громадныя дѣся дубовъ и пробковыхъ деревьевъ, и завести для облегченія этой эксплуатаціи сѣтъ желѣзныхъ дорогъ на островѣ и почтовое пароходство. Таково гигантское дѣло предпринятое Паганетти. Онъ посадилъ въ него громадныя капиталы, и новый прищавецъ, работники послѣдняго наса, подучать всѣ выгоды...

Между тѣмъ какъ Корсиканецъ со своимъ италянскимъ акцентомъ, съ необузданными жестами, перечисляетъ всѣ блестящія подробности дѣла, Монлавонъ, высокомерный и исполненный достоинства, одобрительно киваетъ головой и отъ времени до времени, когда находитъ нужнымъ, вѣтшиваетъ въ разговоръ имя герцога де-Мора, производящее всегда свое дѣйствіе на Набаба.

— Что же нужно, наконецъ?

— Милліоны! сказалъ Монлавонъ гордо, тономъ человека которому не трудно адресоваться и въ другое мѣсто. — Да, милліоны! Но дѣло великолѣпное. И, какъ говорилъ его свѣтлость, капиталисту предстоитъ занять высокое, даже политическое положеніе. Подумайте только, — въ этой странѣ нуждающейся въ звонкой монетѣ! Можно сдѣлаться членомъ генеральнаго совѣта, депутатомъ...

Набавъ затрепеталъ... А маленькій Паганетти, почувствовавъ что рыба тянетъ его удочку, воскликнулъ:

— Да, депутатомъ! Вы будете имъ, если я захочу... Но одному моему знаку Корсика будетъ къ вашимъ услугамъ...

И онъ лустился въ жаркую импровизацію, считая голо са которыми онъ располагаетъ, квантоны которые поднимутся на его призывъ: „Вы дадите мнѣ ваши капиталы... Я же дамъ вамъ цѣлый народъ.“

Дѣло было улажено.

— Бонленъ!.. Бонленъ!.. закричалъ Набавъ въ полномъ восторгѣ. Онъ боится только одного, чтобы дѣло не ускользнуло отъ него; и чтобы обязать Паганетти, который не скрылъ что онъ нуждается въ деньгахъ, онъ послѣшилъ сдѣлать первый взносъ въ *Земельную Кассу*. Новое появленіе человека въ красной шапочкѣ, съ книгой летучихъ листовъ, которую онъ важно прижимаетъ къ своей груди, какъ юный церковнослужитель подающій священныя книги. Новое приложеніе подписей Жамсуле на листочкѣ, который директоръ небрежно кладетъ въ карманъ и который быстро преобразуетъ его. Паганетти, столь смиренный, столь низколоклонный такъ недавно, удаляется походкой человека который вѣситъ четырьмястами тысячами франковъ болѣе чѣмъ прежде, между тѣмъ какъ Монлавонъ, поднимая голову выше обыкновеннаго, слѣдуетъ за нимъ, оказывая ему болѣе чѣмъ отеческую заботливость.

„Вотъ славное дѣло я сдѣлалъ, сказалъ самъ себѣ Набавъ. — Теперь я могу спокойно пить кофе.“

Но двадцать заемщиковъ ожидали его на дорогѣ. Самый быстрый, самый ловкій, Кардельякъ, директоръ театра, который схватилъ его и увлекъ въ особую комнату: „Поговоримъ немножко, мой благодѣтель. Я долженъ изложить вамъ положеніе нашего театра.“ Положеніе это конечно было очень запутанное, потому что вотъ снова появился г. Бояленъ и новые листы улетѣли изъ театради въ лазурной оберткѣ... Чья же очередь теперь? И всѣхъ, и ни чья. Журналистъ Муассаръ потребовалъ платы за свою статью въ *Messenger*: Набабъ узнаетъ сколько слѣдуетъ платить за то чтобы васъ называли „благодѣтелемъ дѣтей“ въ утреннихъ газетахъ. Затѣмъ сельскій священникъ, требующій денегъ для перестройки своей церкви и берущій чеки съ боя съ грубостью Петра Пустынника. Далѣе старый Швальбахъ приближается, уткнувъ носъ въ бороду и таинственно подмигивая глазами: „Тс!... онъ нашелъ перлъ“ для галлерей г. Жансуле, Гоббема изъ коллекціи герцога де-Мора. Но многіе желаютъ его. Добыть будетъ трудно. „Я желаю имѣть его во что бы ни стало“, сказалъ Набабъ, привлеченный именемъ герцога де-Мора.... „Слышите, Швальбахъ. Я желаю имѣть этого *Ноббема*.... 20.000 франковъ вамъ, если вы его добудете.“

— Слѣваю все возможное, господинъ Жансуле.

И старый лаутъ, откланиваясь, разчитывалъ что двадцать тысячъ Набаба, присоединенныя къ десяти, которыя обѣщалъ ему герцогъ, если онъ избавитъ его отъ этой картины, дадутъ ему отличный барышъ.

Пока подходятъ эти счастливыя, другіе слѣдятъ за ними, выходя изъ себя отъ нетерпѣнія, кусая ногти до корня; ибо всѣ явились съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ. Начиная съ добрейшаго Дженкинса, открывшаго шествіе, до шарлатана Кабассю, замкнувшаго оное, всѣ увлекали Набаба въ отдѣльный салонъ. Но какъ далеко ни увлекали его въ эти пріемныя комнаты, все-таки находилось какое-нибудь нескромное зеркало для отраженія силуэта хозяина дома и мимики его широкой спины. И какъ краснорѣчива эта спина! По временамъ она выпрямляется отъ негодованія. „О! нѣтъ... это слишкомъ много“, или же она сгибается съ комическимъ самоотверженіемъ: „Ну хорошо, если нужно“. И всегда фесь Боялена гдѣ-нибудь на углу ландшафта.

Одни окончили, являються другіе; то мелюзга, появляю-

щаяся за крупными хищниками. Происходитъ постоянная ходьба по этимъ бывшимъ съ золотомъ салонамъ, стукъ дверей, потокъ безстыдной и пошлой эксплуатаціи, привлеченной со всѣхъ четырехъ сторонъ Парижа и предмѣстій этимъ Колоссальнымъ богатствомъ и этою невѣроятною податливостью.

Для маленькихъ суммъ, для постоянныхъ раздѣчъ, не прибѣгали къ книгѣ чековъ. Для этой цѣли у Набаба въ одномъ изъ его салоновъ стоялъ комодъ краснаго дерева, отвратительная мебель, напоминающая сбереженія привратника, первая, которую Жансуле купилъ, когда могъ отказаться отъ меблированныхъ комнатъ, которую онъ хранилъ съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, и въ трехъ ящикахъ которой всегда лежали дѣвсти тысячъ франковъ ходячею монетой. Въ этомъ постоянномъ источникѣ онъ черпалъ въ дни большихъ аудіенцій, не безъ удовольствія загребая золото и серебро своими грубыми руками, набивая имъ карманы и потомъ вынимая ихъ съ жестомъ барышника, который канальски поднимаетъ полы сюртука и засовываетъ руку въ панталоны. Въ этотъ день въ ящикахъ маленькаго комода произведено было не малое опустошеніе...

Послѣ столькохъ таинственныхъ шелтаній, требованій, формулованныхъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ, случайныхъ появленій, торжественныхъ выходовъ, когда удалася послѣдній клиентъ, комодъ былъ залерть на ключъ и апартаменты Вандомской площади опустѣли при мерцающемъ свѣтѣ дня въ четыре часа, этого конца ноябрьскихъ дней, продолжающихся потомъ до безконечности при искусственномъ освѣщеніи. Слуги убрали кофе, ликеръ, уносили открытыя и до половины опустошенныя ящики съ сигарами. Набабъ полагая что онъ одинъ, вздохнулъ свободно: „Уфъ!.. Кончено...“ Но нѣтъ. Противъ него отдѣлился силуэтъ изъ темнаго уже угла и какая-то рука протянула ему письмо.

Еще!

И въ ту же минуту измученный хозяинъ сдѣлалъ свой торгашескій жестъ. Инстинктивно также, посѣтитель отступилъ такъ быстро, съ такимъ обиженнымъ видомъ, что Набабъ лопнулъ свою ошибку и поглядѣлъ внимательно на стоявшаго предъ нимъ молодаго человека, одѣтаго просто, но опрятно, блѣднаго лицомъ, безъ малѣйшаго признака бороды, съ чертами правильными, можетъ-быть слишкомъ

опредѣленные и твердыя для его лѣтъ, что вмѣстѣ со свѣтлыми блондинскими волосами, завитыми въ желкіе локоны, придавали ему видъ молодого депутата средняго сословія времени Людовика XVI, съ головой Барнава въ двадцать лѣтъ. Фигюромъ эта, хотя Набабъ и видѣлъ ее въ первый разъ, не была ему незнакома.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ вѣжливо.

Взявъ письмо изъ рукъ молодого человѣка, онъ подошелъ къ окну чтобы прочесть его.

— Ва!... Отъ матушки.

Онъ сказалъ это съ такимъ счастливымъ видомъ; слово „матушка“ оживило все его лицо такою юною, такою доброю улыбкой, что почитатель, сначала возмущенный вульгарнымъ видомъ этого *раггени*, вдругъ почувствовалъ къ нему симпатію. Въ полгласа Набабъ прочелъ еще нѣсколько строкъ, написанныхъ большими буквами, неправильно и дрожащею рукой, что составляло рѣзкій контрастъ съ газетною бумагой и съ заголовкомъ на ней: „Замокъ Сентъ-Романсъ.“

„Любезный сынъ, письмо это передать тебѣ старшій изъ сыновей г. де-Жери, бывшаго мирового судьи Бургъ-Сентъ-Андреолъ, который былъ къ намъ такъ добръ всегда...“

Набабъ прервалъ чтеніе:

— Я долженъ бы былъ узнать васъ, господинъ де-Жери... Вы похожи на моего отца... Просту васъ садиться.

Потомъ онъ окончилъ чтеніе письма. Мать его не просила у него ничего опредѣленнаго, но въ память услугъ оказанныхъ имъ некогда семействомъ Жери, она ему рекомендовала Поля. Сирота, обязанный дать воспитаніе двумъ младшимъ братьямъ, онъ выдержалъ экзаменъ и принятый въ число адвокатовъ на югѣ отправился искать счастья въ Парижѣ. Она умела Жаксуле оказывать ему помощь, въ которой онъ бѣднѣе такъ нуждался! И она подписала: „Твоя мать, скучающая по тебѣ Франсуаза.“

Это письмо отъ матери которую онъ не видалъ шесть лѣтъ, эти южныя выраженія, гдѣ онъ находилъ знакомыя интонаціи, эти круглыя литеры, рисовавшія предъ нимъ обаяемое лицо, морщинистое, загорѣлое, но улыбающееся подъ крестьянскимъ челомъ, взволновали Набаба. Въ продолженіе шести недѣль своего пребыванія во Франціи, посреди парижскаго вихря и хлопотъ о своемъ водвореніи тамъ, онъ

не подумалъ объ этой милой старушкѣ, и теперь онъ видѣлъ ее въ этихъ строкахъ. Онъ нѣсколько времени разсматривалъ это письмо, дрожащее въ его рукахъ...

Когда улеглось его волненіе, онъ сказалъ:

— Господинъ де-Жери! я очень счастливъ что случай даетъ мнѣ возможность отчасти уплатить вамъ за все добро оказанное вашимъ семействомъ моему. Съ этого дня, если вы согласны, я беру васъ къ себѣ... У меня бездна проектовъ и дѣлъ. Меня втягиваютъ во множество большихъ промышленныхъ предпріятій... Мнѣ нужно кого-нибудь кто бы помогалъ мнѣ въ случаѣ надобности. У меня, правда, есть секретарь, управитель, честный Боннень; но бѣднякъ не знаетъ Парижа и съ пріѣзда сюда какъ будто растерялся совсѣмъ. Вы скажете пожалуй что и вы только-что прибыли изъ провинціи... Но это ничего не значитъ... Вы хорошо воспитаны, уроженецъ юга, живой и ловкій, и скоро привыкните къ бульварной жизни... Къ тому же я берусь за ваше воспитаніе въ этомъ отношеніи. Я отвѣчаю что черезъ нѣсколько недѣль вы сдѣлаетесь такимъ же Парижаншиномъ какъ и я.

Бѣднякъ! трогательно было слышать какъ онъ говорилъ о своей опытности въ Парижѣ, онъ, которому было суждено всегда оставаться при первыхъ дебютахъ.

— Итакъ рѣшено? Не правда ли?... Я васъ беру въ секретари... У васъ будетъ опредѣленное содержаніе, которое мы уладимъ сейчасъ же и я доставлю вамъ случай скоро составить себѣ состояніе.

И когда Жери, такъ внезапно выведенный изъ недоумѣній вновь прибывшаго просителя, новичка, не двигаясь съ мѣста, опасаясь пробудиться отъ сна, Набобъ ласково сказалъ ему:

— Теперь садьте здѣсь, подождь меня, и поговоримъ о ма-тушкѣ.

III. Записки конторщика. Взглядъ на Земельную Кассу.

...Я только-что окончилъ мой скромный завтракъ, и обыкновенно остатки его спряталъ въ несгораемый шкафъ залы совѣта, великолѣпный шкафъ съ потаенными замками, служащій мнѣ кладовой съ тѣхъ поръ какъ нахожусь, вотъ

уже скоро четыре года, въ *Земельной Кассе*, какъ вдругъ директоръ взомель въ канцелярію, весь красный, съ глазами сверкающими какъ бы послѣ кутежа, тяжело дыша, и грубо сказалъ мнѣ своимъ итальянскимъ акцентомъ:

— Какой скверный запахъ здѣсь, *мусью Пассажонъ*.

Никакого сквернаго запаха не было. Я только велѣлъ принести себѣ нѣсколько луковицъ, чтобы приправить соусъ телятины, который прислала мнѣ гжа Серафина, кухарка втораго этажа, у которой я каждый вечеръ записываю расходъ. Я хотѣлъ это объяснить директору, но онъ пришелъ въ ярость, говоря что безсмысленно заражать такимъ образомъ канцелярію, и что не стѣбитъ нанимать помещеніе въ 12.000 франковъ съ восемью окнами по фасаду на бульваръ Малерба, чтобы поджаривать въ немъ лукъ. Не знаю ужъ чего онъ не наговорилъ мнѣ въ своемъ бѣшенствѣ. Мнѣ, разумѣется, было неприятно что со мною говорили такимъ дерзкимъ тономъ. Позволительно, полагаю, человѣку которому не платятъ требовать, чортъ возьми! чтобы обращались съ нимъ вѣжливо. Я отвѣчалъ, что это дѣйствительно прискорбно; но если *Земельная Касса* заплатить мнѣ то что она мнѣ должна: а именно жалованье за четыре года, за тѣмъ семь тысячъ франковъ, издержанныхъ мною изъ моихъ собственныхъ денегъ для директора на экипажъ, на чернила, на сигары и американскій грогъ въ дни совѣта, то я отправлюсь завтракать въ трактиръ, какъ подобаетъ порядочному человѣку, и не буду принужденъ страдать въ залѣ засѣданій жалкое кушанье которымъ я обязанъ благотворительности кухарки....

Говоря такимъ образомъ я уступилъ движенію негодованія, весьма понятному на глаза всякаго кому извѣстно мое положеніе здѣсь... Къ тому же я не сказалъ ничего неприличнаго и оставался въ предѣлахъ тона соответствующаго моимъ лѣтамъ и моему воспитанію.

НВ. Я замѣтилъ гдѣ-то въ этихъ запискахъ что изъ числа исполнявшихъ мнѣ шестидесяти лѣтъ, я провелъ болѣе тридцати въ должности надзирателя при аудиторіяхъ словеснаго факультета въ Дижонѣ. Оттуда мое пристрастіе къ докладать, запискамъ и тѣмъ признакамъ академическаго слога, слѣды котораго найдутся во многихъ мѣстахъ этой болтовни.

Итакъ я объяснился съ директоромъ съ величайшею дер-

жаннымъ, не употребивъ ни одного изъ тѣхъ ругательствъ, которыми всякій надѣляетъ его, начиная отъ нашихъ двухъ цензоровъ, г. де-Монлавона, который каждый разъ смѣясь называетъ его „Мазасскій цвѣтокъ“, и г. де-Буа-Ландри, грубаго какъ конюхъ, который прощаясь съ нимъ говоритъ всегда: „Ползи, клоунъ, въ кровати!“ до нашего казначея, который, какъ я самъ слышалъ, сто разъ повторялъ, ударяя по своему грессбуху: „тутъ есть довольно чтобы спровадить тебя на галеры, когда захочу.“ Но все-таки мое простое замѣчаніе произвело на него необыкновенное дѣйствіе. Вокругъ глазъ у него пожелтѣлъ, и дрожа отъ гнѣва, онъ произнесъ слѣдующія слова: „Пассажонъ, вы грубиянъ,... Еще одно слово и я васъ выгоню.“ Я не оломился отъ изумленія. Выгнать меня! А четыре тысячи недоплаченнаго мнѣ жалованья, и мои задержанныя семь тысячъ.... Какъ будто читая мои мысли, директоръ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ счета будутъ уплачены со включеніемъ и моего. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, позовите всѣхъ этихъ господъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я имѣю сообщить важную новость.“ Оказавъ это онъ пошелъ къ себѣ, хлопая дверьми.

Проклятый человѣкъ! кажется хорошо его знаемъ, знаемъ что онъ лгуны, комедіантъ, а все-таки умѣетъ сбить васъ съ толку своими исторіями.... Мой счетъ, мой собственный!... Я такъ былъ взволнованъ что у меня подкашивались ноги. пока я извѣщалъ служащихъ о приглашеніи директора.

Всѣхъ насъ служащихъ при *Земельной Кассѣ* по уставу двѣнадцать человѣкъ со включеніемъ директора и красавца Моессара, издателя *Vérité Financière*, но налицо не болѣе половины. Съ тѣхъ поръ какъ *Vérité* не выходитъ болѣе — вотъ уже два года — г. Моессаръ ни разу не переступалъ нашъ порогъ. Онъ, кажется, въ почестяхъ, въ богатствѣ, съ тѣхъ поръ какъ сошелся съ королевой, съ настоящею королевой, которая даетъ ему столько денегъ сколько онъ пожелаетъ.... Охъ! этотъ Парижъ—настоящій Вавилонъ!... Прочіе приходятъ отъ времени до времени справиться, явтъ ли чего-нибудь новаго въ Кассѣ, а такъ какъ новаго не бываетъ никогда, то ихъ и не видать по недѣлямъ. Четыре или пять вѣрныхъ, все бѣдные старики такіе же какъ я, аккуратно приходятъ каждое утро въ одинъ и тотъ же часъ, по привычкѣ, отъ нечего дѣлать, чтобы убить какъ-нибудь время; только всякій занимается дѣ-

домъ не касающимся канцеляріи. Сами посудите, вѣдь нужно же жить чѣмъ-нибудь! И потомъ, нельзя же проводить весь день, переходя отъ кресла къ креслу, отъ окна къ окну, чтобы смотрѣть на улицу (восемь оконъ по фасаду набульваръ). Стараясь работать какъ уиѣшь. И, напримеръ, веду счеты мамзель Серафины и другой кухарка, проживающей въ нашемъ домѣ. Потомъ пишу мои записки, что занимаетъ также не мало времени. Наши пріемщики нестужленій — этому у насъ очень немного дѣла — вѣдетъ отъ одного магазина рыболовныхъ снарядовъ. Изъ двухъ нашихъ регистраторовъ, одинъ, у котораго хорошій почеркъ, перелисываетъ піесы для одного драматическаго агентства; другой придумываетъ маленькія колѣсчатныя игрушки, продаваемые уличными разнощиками въ Новый Годъ и этимъ перебивается кое-какъ. Только одинъ нашъ кассиръ не работаетъ на сторону. Онъ счелъ бы это за безчестье. Онъ человѣкъ гордый, который не роняетъ никогда и боится только чтобы не подумали что у него нѣтъ бѣды. Запершись на ключъ въ своей конторѣ, онъ съ утра до вечера занимается выдѣлываніемъ изъ бумаги манжетъ, воротничковъ и манжетъ. Онъ изощрился въ этомъ искусствѣ, и его всегда ослѣпительной чистоты бѣлые вводять въ заблужденіе, хотя при малѣйшемъ движеніи, когда онъ ходитъ или садится, оно трещитъ на немъ, какъ будто бы у него была картонная коробка въ животѣ. Къ несчастію вся эта бумага не замѣняетъ ему лица, и онъ такъ худъ, такой имѣетъ видъ что спрашиваетъ себя чѣмъ онъ можетъ жить. Между нами сказать, я подозреваю что онъ посѣщаетъ иногда мою кладовую. Ему это легко, ибо въ качествѣ канцеляриста онъ знаетъ „слово“ которое открываетъ мой шкафъ съ секретомъ, и я полагаю что когда я не вижу, онъ нѣсколько фуражируетъ въ моей провизіи.... Я не говорю ему ничего. Бѣднякъ!...

Вотъ каковъ странный, даже невѣроятный внутренний бытъ банкирскаго дома! Между тѣмъ я повѣствую сущую истину, и Парижъ наполненъ финансовыми учрежденіями въ родѣ нашего. Ахъ! если когда-нибудь я напечатаю мои записки.... Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Когда мы все собрались въ кабинетъ директора, онъ сказалъ намъ торжественнымъ тономъ:

„Милостивые государи и любезные товарищи! Время испытаній миновало... Земельная Касса вступаетъ въ новую фазу.“ Подъ этого онъ принялся говорить намъ о превосходной *combinazione*—это его любимое слово и онъ произноситъ его внушительнымъ тономъ—*combinazione*, въ коей принимаетъ участіе знаменитый Набобъ, о которомъ толкуютъ всѣ газеты. Итакъ Земельная Касса будетъ въ состояніи расплатиться съ вѣрными служителями, вознаградить ихъ за преданность и отдѣлаться отъ безполезныхъ людей. Последнее, кажется, сказано на мой счетъ. Въ заключеніе директоръ объявилъ: „Приготовьте ваши счета... Они будутъ завтра же уплачены.“ Къ несчастію, онъ такъ часто ублаживалъ насъ живыми словами, что рѣчь его не имѣла никакого дѣйствія. Въ былое время эти пышныя обѣщанія дѣйствовали сильно. При извѣстіи о новой *combinazione* у насъ все прыгало, плакали отъ радости, обнимались какъ потерпѣвшіе крушеніе при видѣ спасительнаго паруса.

Каждый приготовлялъ свой счетъ на завтра, какъ онъ намъ говорилъ. Но наступило завтра, а директора не было; послѣзавтра та же исторія. Оказывалось что онъ въ отъѣздѣ.

Наконецъ когда бывало все соберется въ отчаяніи, высуна лавикъ, раздѣренные тѣмъ что текло, а въ ротъ не попадо,—авалется директоръ, падаетъ въ кресло, схватываетъ себя руками за голову и прежде чѣмъ кто-нибудь оббѣжится къ нему съ вопросомъ, кричитъ: „Убейте меня, убейте меня. Я глупый обманщикъ.... *combinazione* не удалась... она не удалась, *pechero!* какая *combinazione*.“ И онъ плакаетъ, рыдаетъ, бросается на колѣна, катается по коври, называетъ насъ ласкательными именами; умоляетъ насъ взять его жизнь, говоритъ о своей женѣ и дѣтяхъ, которыхъ онъ разорилъ. И никто изъ насъ не имѣлъ духа требовать чего-либо въ виду такого отчаянія. Чтѣ я говорю? Подъ конецъ онъ приводилъ всѣхъ въ жалость. Нѣтъ! съ тѣхъ поръ какъ существуютъ театры, не было еще такого комедіанта. Только теперь все уже кончено; всякое довѣріе исчезло. Когда онъ ухалъ, то все пожали плечами. Я долженъ сознаться, нѣ доклевбался было на минуту. Эта увѣренность съ которою онъ говорилъ объ уплатѣ моего счета, а потому имя Набаба, человѣка столь богатаго...

— Вы еще вѣрите этому? сказалъ мнѣ казначей.—Значитъ

вы всегда будете такъ простодушны, мой бѣдный Пассажонъ.... Будьте спокойны! Съ Набабомъ будетъ то же что съ Моессаровою королевой.

И онъ отправился фабриковать свои бумажныя манишки.

То что онъ говорилъ относилось къ тому времени, когда Моессаръ ухаживалъ за королевой, и когда онъ обѣщалъ директору, что въ случаѣ успѣха онъ убѣдитъ ея величество положить свои капиталы въ наше дѣло. Въ конторѣ намъ всѣмъ сообщено было объ этой новой *combinazione*, и вы поймете безъ труда что мы желали ей скорѣйшаго успѣха, такъ какъ дѣло шло о нашихъ собственныхъ деньгахъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ исторія эта всѣхъ насъ держала въ напряженномъ состояніи.

Всѣ волновались, старались прочесть что-нибудь на лицѣ Моессара, находили что королева слишкомъ долго церемонится; а нашъ старый кассиръ, съ его горделивымъ и серьезнымъ видомъ, когда его спрашивали на этотъ счетъ, важно отвѣчалъ изъ-за своей рѣшетки: „ничего новаго“, или же: „дѣло идетъ не дурно“. Тогда всѣ были довольны и говорили другъ другу: „дѣло идетъ! дѣло идетъ!“ какъ будто бы рѣчь шла о предпріятіи самомъ обыкновенномъ... Правду говорить, что только въ Парижѣ дѣлаются такія вещи.... Положительно иногда голова идетъ отъ нихъ кругомъ.... Наконецъ, въ одно прекрасное утро Моессаръ пересталъ являться въ контору. Ему повезло какъ кажется; но онъ нашелъ что *Земельная Касса* поимѣнникіе не слишкомъ выгодное для денегъ его доброй подруги. Честно ли это, а?...

Впрочемъ чувство честности исчезаетъ такъ скоро что и повѣрить трудно. Когда подумаю что я, Пассажонъ, съ моими сѣдыми волосами, съ моимъ почтеннымъ видомъ, съ моимъ столь чистымъ прошедшимъ—тридцать лѣтъ академической службы!—я привыкъ жить, какъ рыба въ водѣ, посреди этихъ грустностей и слетней! Поневолѣ спросишь, что я здѣсь дѣлаю, зачѣмъ остаюсь тутъ, какъ я попалъ сюда?

Какъ я попалъ сюда? О, Боже мой, очень просто. Четыре года тому назадъ, когда жена моя умерла, а дочери вышли замужъ, я пришелъ въ канцелярію факультета брать отставку, то на окнѣ случайно попалось на глаза газетное объявленіе: „Нуженъ конторщикъ солидныхъ лѣтъ въ *Земель-*

ную Кассу, № 56, на бульварѣ Малерба. Представить хорошіе аттестаты. "Надо прежде всего признаться: современный Вавилонъ всегда привлекалъ меня къ себѣ. Притомъ я чувствовалъ себя еще свѣжимъ, предо мной были десять лѣтъ, во время которыхъ я бы могъ приобрести нѣсколько денегъ, можетъ-быть даже много денегъ, при помѣщеніи моихъ сбереженій въ банкъ, куда бы я вступилъ. Итакъ я отправилъ письмо съ приложеніемъ моей фотографіи, той что снята у Креслона на Рыночной площади, гдѣ я представляю, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, съ живымъ взглядомъ подъ свѣдыми бровями, съ моею стальною цѣлью на шеѣ, съ дентошкой академическаго чиновника, „съ видомъ сенатора на его курюльномъ сѣдалищѣ“, какъ говаривалъ нашъ деканъ г. Шальметтъ. (Онъ утверждалъ также что я очень похожъ на покойнаго Лудовика XVIII, но только не такъ молодъ.)

Я представилъ лучшіе аттестаты, самыя лестныя свидѣтельства отъ начальства факультета. Со слѣдующею почтой директоръ отвѣчалъ мнѣ что мое лицо ему нравится, — еще бы, чортъ возми! акціонера всегда манитъ приемная, гдѣ засѣдаетъ такое величественное лицо какъ мое, — и что я могу явиться, когда пожелаю. Вы скажете можетъ-быть что и я долженъ бы собрать также справки. И, безъ сомнѣнія, вы будете правы. Но я такъ озабоченъ былъ представленіемъ свѣдѣній о себѣ что мнѣ и въ голову не пришло собрать также и о нихъ свѣдѣнія. Къ тому же и умѣстно ли было недоверіе при видѣ такого превосходнаго помѣщенія, этихъ высокихъ комнатъ, этихъ громадныхъ нестерпаемыхъ шкафовъ и этихъ зеркалъ, въ которыхъ вы могли осмотрѣть себя съ головы до ногъ; потому эти надпыщенные программы, эти милліоны о которыхъ шли толки, эти колоссальныя предпріятія съ баснословными барышами. Я былъ очарованъ, ослѣпленъ.... Надо замѣтить только, что въ то время банкъ нашъ имѣлъ нѣсколько иной видъ чѣмъ досѣ. Дѣла конечно шли уже плохо — наши дѣла шли всегда плохо — газета выходила несправдливо. Но маленькая *combinazione* директора позволяла ему сохранить внѣшній приличный видъ.

Преставьте себѣ что онъ задумалъ открыть патріотическую подписку на воздвиженіе статуи генералу Паоло, Пола или вѣчто въ этомъ родѣ, словомъ какому-то великому человѣку своей страны.

Корсиканцы не богаты, но они тщеславны какъ цадѣвскіе пѣтухи. Оттого деньги и, посыпались въ *Земельную Кассу*. Въ несчастіи это было непродолжительно. Черезъ два мѣсяца статую пробили прежде чѣмъ она была поставлена, и рядъ протестовъ и судебныхъ исковъ возобновился. Теперь я къ этому привыкъ. Но когда я прибылъ изъ провинціи, то повѣстки присылаемыя судебною властью, полицейскіе у дверей производили на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ банкѣ никто на это не обращалъ вниманія. Всѣ знали что въ послѣднюю минуту всегда явится какой-нибудь Монлаверъ или Бю-Ландри чтобъ укротить судебныхъ приставовъ; ибо всѣ эти господа, затанувшіе въ это дѣло, заинтересованы отвращеніемъ банкротства. Это то и спасаетъ его, нашего лукаваго директора. Прочіе хлопочутъ о своихъ деньгахъ, и имъ бы далеко непріятно было, еслибы всѣ акціи находящіяся у нихъ въ рукахъ пришлось продавать на вѣсѣ.

Всѣ мы отъ мала до велика заинтересованы участію банка. Начиная отъ домоладѣльца, которому не удачено за два года, и который изъ оласенія все потерять держать насъ безплатно, до насъ бѣдныхъ служащихъ, до меня, положившаго свои собственныя семь тысячъ и не получающаго четыре года жалованья, — мы всѣ хлопочемъ о нашихъ деньгахъ. Вотъ почему я такъ удорно и остаюсь здѣсь.

Разумѣется я бы могъ, несмотря на мои преклонныя лѣта, благодаря моимъ хорошимъ манерамъ, моему воспитанію, тщательности моего туалета, искать жѣста въ другой администраціи. Одно знакомое мнѣ очень лютенное лицо, г. Жуайѣзъ, бухгалтеръ у Гемерлинга и Сына, богатыхъ банкировъ улицы Сентъ-Омора, для встрѣчи со мною каждый разъ говоритъ мнѣ:

— Другъ мой Пассажонъ, не оставайся въ этомъ разбойничьемъ вертеплѣ. Напрасно ты упорствуешь, не дадутъ тебѣ ни копѣйки. Переходи къ Гемерлингу. Я берусь дойти тамъ для тебя угодакъ. Жалованье тебѣ будетъ назначено меньше, за то получать ты будешь больше.

Я чувствую что онъ правъ, этотъ почтенный человекъ! Но это выше моихъ силъ, я не могу оставить моей книторы. А между тѣмъ не весела моя жизнь здѣсь, въ этихъ большихъ холодныхъ залахъ, куда никто не приходитъ,

гдѣ всѣ сидятъ по угламъ, не говоря ни слова... Что же прикажете дѣлать? Всѣ ужь слишкомъ хорошо знакомы между собою и все пересказали одинъ другому.... До прошедшаго года у насъ еще были засѣданія наблюдательнаго совѣта, общія собранія акціонеровъ, засѣданія шумныя и бурныя, настоящія битвы лакарей, крики которыхъ доносились до бульвара Мадлены. Приходили также по нѣскольку разъ въ недѣлю вкладчики, въ междованіи что имъ не сообщаютъ ничего объ ихъ деньгахъ. Здѣсь-то былъ изумительнъ нашъ директоръ. Я видалъ, сударь, людей которые входили въ его кабинетъ какъ разъяренные волки, жаждущіе крови, и выходили оттуда чрезъ четверть часа кроткіе, какъ агнцы, довольные, усложенные и унося съ собою нѣсколькими банковыми билетами менте чѣмъ при нихъ было; вотъ оно, настоящее лукавство: вытянуть деньги у несчастныхъ которые приходили ихъ требовать. Теперь акціонеры *Земельной Кассы* уже не шевелятся. Я полагаю что они или всѣ перемерли, или махнули рукой. Совѣтъ не собирается никогда. Засѣданія бываютъ у насъ только на бумагѣ; на меня возложена обязанность составлять мнимый протоколъ, всегда одинъ и тотъ же, который я и переписываю каждыя четыре мѣсяца. Мы не видали бы ни одной живой души, еслибъ изрядка изъ глубины Корсики не появлялся какой-нибудь подлинникъ на статуя Паоли, любобытствующій узнать, подвигается ли статуя; или какой-нибудь наивный читатель *Verid Financier*, прекратившейся болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, приходитъ возобновить свой абонементъ и съ застѣнчивымъ видомъ проситъ высылать ему газету, если возможно, нѣсколько аккуратнѣе. Существуютъ же доверчивые люди, которыхъ ничто поколебать не можетъ. Въ такомъ случаѣ, когда кто-нибудь изъ такихъ простодушныхъ является посреди нашей голодной толпы, то совершается нѣчто ужасное. Его окружаютъ, тѣснятъ, пытаются замянуть въ одинъ изъ нашихъ слисковъ, и въ случаѣ сопротивленія, если онъ не хочетъ подписаться ни на лампачикъ Паоли, ни на корсиканскія желѣзныя дороги, эти господа даютъ ему, какъ онъ выражаются, — краснѣю за нихъ и за себя — „ударъ носильщика“.

Вотъ что это значитъ: У насъ всегда находится въ конторѣ, приготовленный заранее ящикъ, крѣпко ула-

занятой бичевкой, являющийся съ желѣзной дороги какъ разъ когда у насъ посылитель. Двадцать франковъ за доставку! говорить тотъ изъ насъ который приносить посылку. (Двадцать, иногда тридцать франковъ, смотря по достатку посылителя.) Тотчасъ же каждый начинаетъ рыться въ карманахъ: „Двадцать франковъ за доставку! но у меня ихъ нѣтъ съ собой.“ — „И у меня тоже.“ — „И у меня тоже.“ — Вотъ горе! Бѣгутъ въ кассу. Она залерта. Ищутъ кассира. Вышелъ. Раздается грубый голосъ носильщика, ожидающаго въ передней: „Да ну же! поскорѣ!“ (Обыкновенно роль носильщика выпадаетъ на мою долю, благодаря густому басу которымъ меня надѣлила природа.) Чтѣ же дѣлать наконецъ? Отправить обратно посылку — директоръ разсердится. „Господа, позвольте мнѣ, говорить тогда невинная жертва, открывая свой портъ-моне.“ — „Ахъ, помилуйте, чтѣ это вы....“ Онъ даетъ двадцать франковъ, его провожаютъ до дверей, и какъ только онъ удалится, всѣ принимаютъ дѣлить добычу и хохочутъ какъ разбойники.

Фу! г. Пассажонъ... Въ ваши лѣта такое ремесло... Ахъ, господи, да я самъ знаю. Я знаю что мнѣ было бы болѣе чести еслибъ я вышелъ изъ этого отвратительнаго мѣста. Но какъ? Для этого нужно отказаться отъ всего чтѣ я здѣсь имѣю. Нѣтъ! это невозможно. Напротивъ того, мнѣ необходимо оставаться тутъ, наблюдать, быть тутъ постоянно, чтобы по крайней мѣрѣ воспользоваться благостыней, если явится таковая... О! клянусь моею тридцатилѣтнею академическою службой что если когда-нибудь какое-нибудь дѣло, какъ дѣло Набаба, напиримѣръ, дастъ мнѣ возможность возратить затраченное мною, то я не буду ждать ни минуты, отправлюсь тотчасъ же воздѣлывать мой маленькій виноградникъ туда, въ Монбаръ, и навсегда откажусь отъ всякихъ спекуляцій. Но увы! это несбыточная надежда!.. Мы прогорѣли окончательно, всѣ знаютъ насъ въ ларижскомъ торговомъ мѣрѣ, наши акціи уже не котируются на биржѣ, наши облигаціи годны только на макулатуру.... столько лжи, столько долговъ, и яма становится все глубже и глубже.... Въ настоящую минуту у насъ долгу три милліона съ половиной. Да еще не эти три милліона стѣсняють насъ. Напротивъ того, они-то насъ и поддерживаютъ; но у нашего привратника есть небольшой счетъ на

сто двадцать лять франковъ за почтовые марки, за газовое освѣщеніе и пр. Вотъ что ужасно! И насъ хотять увѣрить что такой человѣкъ, крупный финансистъ, какъ Набабъ, хотя бы онъ прибылъ изъ Конго, даже упалъ съ луны, будетъ такъ глупъ что помѣститъ свои деньги въ подобный вертелъ!.. Вздоръ какой!.. Да развѣ это возможно!.. Говорите это, только не намъ, любезнѣйшій директоръ!

IV. Первый дебютъ въ свѣтъ.

„Г. Франсуа Жансуле!..“

Это ласбейское имя, громогласно и съ гордостью произнесенное ливрейнымъ лакеемъ, прозвучало въ салонахъ Дженкинса, какъ кумвалъ, или одинъ изъ тѣхъ гонговъ, которые на театрахъ глѣ даются феріи возвѣщаютъ о появленіи фантастическихъ видѣній. Люстры поблѣднѣли, лампа заискрилось во всѣхъ глазахъ при мысли объ ослѣпительной перспективѣ сокровищъ Востока, дождѣ цехиновъ и жемчуга, встряхнутыхъ звукомъ магического имени, еще вчера неизвѣстнаго.

Онъ! да, это онъ, Набабъ, богачъ изъ богачей, высшая париожская рѣдкость, приправленная пряностями прикаученій, которыя такъ нравятся пресыщенной толлѣ! Всѣ головы обернулись, всѣ разговоры умокли, къ дверямъ бросилась свѣтская толпа, произошла толкотня, какая бываетъ на набережной, когда въ гавань входитъ фелука, нагруженная золотомъ.

Самъ Дженкинсъ, столь привѣтливый, такъ владѣющій собою,—онъ стоялъ въ первомъ салонѣ, принимая гостей,—разомъ оставилъ груллу его окружавшую и бросился на встрѣчу судну нагруженному золотомъ.

— Вы очень, очень любезны.... madame Дженкинсъ будетъ очень счастлива.... Позвольте, я васъ провожу къ ней....

И въ своей лослѣшности, въ своей тщеславной радости, онъ такъ быстро уваекъ Жансуле, что тотъ не успѣлъ представить ему своего спутника Поля де-Жери, котораго онъ въ первый разъ вывозилъ въ свѣтъ. Молодой человѣкъ былъ очень радъ такой случайности. Онъ присоединился къ масть черныхъ фраковъ, оттѣсняемой все далѣе при каждомъ новомъ гостѣ, затерлся въ ней, охваченный тѣмъ безотчет-

жмется страхомъ, который испытываетъ каждый молодой провинціалъ при первомъ вступленіи въ парижскій салонъ, въ особенности если онъ уменъ и тонокъ и не носитъ подъ своею одеждой непроницаемаго ланцира грубой деревенской самоувѣренности.

Вы, прирожденные Парижане, которые съ шестнадцатилѣтняго возраста въ вашемъ первомъ черномъ фракѣ и со складною шалью подъ рукой, проводили юность въ свѣтскихъ салонахъ, вы не знаете этой боязни, смѣшанной изъ тщеславія, застѣчивости, воспоминаній о читанныхъ романахъ, сжимающей зубы, сковывающей тѣлодвиженія, дѣлающей изъ насъ на цѣлую ночь какую-то мебель въ амбразурѣ окна, бѣдное, блуждающее существо, неспособное выказать свое существованіе иначе какъ перемѣной мѣста, готовое скорѣе умереть отъ жажды чѣмъ подойти къ буфету и удаляющееся, не произнеся ни слова, если только не придется пробормотать одной изъ тѣхъ гаупстей, о которыхъ вспоминаешь потомъ цѣлые мѣсяцы и которыя заставляютъ васъ испускать возгласы стыда и ярости, и прятать голову въ подушку.

— Такимъ мученикомъ былъ Поль де-Жери. Тамъ, на своей сторонѣ, онъ жилъ уединенно со старою теткой, печальною и богомольною, до той поры когда принялся за изученіе правъ,—карьеру, въ которой отецъ его оставилъ такіа отличныя воспоминанія,—и былъ принятъ въ нѣкоторыхъ салонахъ членомъ суда, старинныхъ печальныхъ жилищъ съ проблемными троюмъ, гдѣ требовался четвертый для партіи въ вистъ съ почтенными старцами. Итакъ вечеръ Дженкинса былъ первымъ дебютомъ для этого провинціала, который по самому невѣдѣнію своему и южной гибкости сталъ съ перваго же разу наблюдателемъ.

Съ мѣста гдѣ онъ находился ему видно было любопытное, не окончившееся еще въ полночь шестіе приглашенныхъ Дженкинса, пациентовъ моднаго врача: цвѣтъ общества, много политиковъ и финансистовъ, банкиры, депутаты, нѣсколько художниковъ, всѣ страдалицы парижскаго *high life*, бѣдные, съ блестящими глазами, пролитанные мышьякомъ, какъ жадныя мыши, которыя никакъ не могутъ насытиться ни ядомъ, ни жизнью. Салонъ былъ открытъ, и изъ обширной передней, гдѣ были сняты двери, видѣлась лѣстница отеля, украшенная цвѣтами по обѣ

стороны, по которой двигались длинныя шлейфы, шелкови-
стая тяжесть коихъ какъ будто отклоняла нѣсколько назадъ
обнаженные бюсты женщинъ въ ихъ красивомъ движеніи на
верхъ, куда онѣ появлялись мало-по-малу пока не высту-
пали во всемъ своемъ сіяніи.

Пары поднимавшіяся наверхъ какъ будто выступали на
сцену; и это было вдвойнѣ вѣрно, потому что каждый
оставлялъ на послѣдней ступени нахмуренныя брови, мор-
щины на лбу, озабоченныя мины, гнѣвъ, печаль и старался
выказать довольную фizioномію, спокойствіе и веселую улыб-
ку. Мушны обмѣнивались дружескими рукопожатіями,
братскими привѣтствіями; женщины ничего не слушали, за-
нятыя только собою, легко и граціозно поворачивались то
въ ту, то въ другую сторону, играли глазами и плечами, и
лепетали привѣтливые слова:

„Благодарю!... о, благодарю васъ... какъ вы добры.“

Потомъ пары раздѣлялись, потому что вечера перестали
уже быть тѣми собраніями любезныхъ умовъ, гдѣ женская
тонкость заставляла преклоняться предъ собою и характеръ,
и высокія познанія, даже геній мушны. Они обратились въ
тѣ слишкомъ многочисленныя сборища, гдѣ женщины сидятъ
однѣ, болтая между собою подобно являницамъ гарема, и не
имѣютъ иного наслажденія какъ быть прекрасными или ка-
заться таковыми. Жери, побродивъ по библіотекѣ доктора,
по оранжереѣ, по билліардной, гдѣ курили, наскучивъ важ-
ными и сухими разговорами, которые, какъ ему показалось,
были совершенно неумѣстны на роскошномъ празднествѣ,
въ часы посвященные удовольствію—кто-то небрежно спро-
силъ его, не глядя, что сегодня дѣлается на биржѣ—прибли-
зился къ двери большаго салона, который заграждала волна
черныхъ фраковъ, зыбъ головъ, наклонявшихся одна къ дру-
гой и разсматривавшихъ что-то.

Обширная комната, богато меблированная съ артистиче-
скимъ вкусомъ, отличавшимъ хозяина и хозяйку дома. Нѣ-
сколько старинныхъ картинъ на свѣтломъ фонѣ обоевъ. Мо-
нументальный каминъ, украшенный изящною мраморною груп-
пой „Время Года“ Себастьяна Рюса, окруженный зелены-
ми вѣтками, которыя склонялись къ зеркалу какъ ко влагѣ
чистой воды. На низенькихъ стульяхъ, тѣсно сгруппирован-
ныя женщины, почти сѣдившая воздушные цвѣта своихъ
одеждъ, образовали громадную корзину живыхъ цвѣтовъ.

надъ которою волновались обнаженные плечи, волосы испещренные брилліантами, брошенными какъ капли воды на брюнеткахъ, сверкающими какъ отблески на блондинкахъ, и тотъ же ошляляющій запахъ, тотъ же смѣшанный и нѣжный шестестъ, который, какъ вѣяніе невидимыхъ крылъ, ласкаетъ въ лѣтнюю пору всю растительность цвѣтника. По временамъ легкій смѣхъ, вырвавшійся изъ этой блестящей атмосферы, болѣе живое дыханіе, заставившее колебаться всѣ эти брилліанты и прически, и выдѣлившее внезапно какой-нибудь прекрасный профиль. Таковъ былъ общій видъ салона.

Тамъ было нѣсколько мужчинъ въ самомъ небольшомъ числѣ, все лица знатныя, обремененныя лѣтами и крѣстами, бесѣдовавшія сидя на концѣ дивана и опиравшіеся на спинку стула съ видомъ снисхожденія, который принимаютъ на себя взрослые люди обращаясь къ дѣтямъ. Но въ мирномъ летѣти этихъ бесѣдъ отъ времени до времени раздавался громкій и мѣдный голосъ Набаба, который преспокойно рассказывалъ по этой человѣческой оранжереѣ съ увѣренностію, которую ему придавали его огромное богатство и нѣкоторое презрѣніе къ женщинамъ, вывезенное имъ съ Востока.

Въ эту минуту, раскинувшись на стулѣ, сложивъ безцеремонно одна на другую свои толстыя руки въ желтыхъ перчаткахъ, онъ разговаривалъ съ очень красивою особой, оригинальная фізіономія которой—много жизни на строгихъ чертахъ—выдѣлялась своею блѣдностію посреди окружающихъ ея хорошенькихъ личекъ; одежда ея, вся бѣлая, съ классическими складками и необыкновенно граціозная, составляла контрастъ съ роскошными туалетами изъ коихъ ни одинъ не имѣлъ этого характера смѣлой простоты. Изъ своего угла Жери любовался этимъ гладкимъ и короткимъ лбомъ подъ бахромой опущенныхъ волосъ, этими продолговатыми открытыми глазами, синими какъ глубина, какъ бездна, этими устами которыя не переставали улыбаться для того только чтобъ обрисовать свои чистыя формы выраженіемъ усталости и пренебреженія. Во всемъ нѣсколько высокомѣрный видъ существа исключительнаго, единственнаго можетъ быть и одинокаго.

Кто-то подлѣ него называлъ ее: Фелиція Рюсю... Тогда онъ понималъ обаятельную прелесть этой молодой дѣвушки, продолжательницы генія своего отца, возникающая знаме-

витость которой достигла до его провинціи, вмѣстѣ съ молвой о ея красотѣ. Пока онъ разсматривалъ ее, любовался ея жалѣйшими движеніями, живо заинтересованный загадочностью этого прекраснаго лица, онъ услышалъ за собою шелость:

— Да посмотрите же какъ она любезна съ Набабомъ... Ну, если прѣвдетъ герцогъ...

— А герцогъ де-Мора будетъ?

— Конечно. Для него и данъ этотъ вечеръ; для того чтобы свести его съ Жамсуле.

— И вы думаете что герцогъ и двѣица Рюисъ...

— Да откуда вы прибыли?... Эта связь известна всему Парижу... Началась она съ послѣдней выставки, когда она дѣлала его бюстъ.

— А герцогиня?...

— Ба! Мало она видала другихъ... Ахъ! вотъ госпожа Дженкинсъ собирается пѣть.

Въ салонѣ произошло движеніе, толпа стала еще тѣснѣе у двери и разговоры на минуту прекратились. Поль де-Жери вздохнулъ свободнѣе. Слышанное имъ сжало ему сердце. Онъ чувствовалъ что его коснулась, забрызгала эта грязь, брошенная полною рукой на созданный имъ идеалъ, на это очаровательное существо, блиставшее всею прелестью юности, всею поэзіей искусства. Онъ удалился нѣсколько, перемѣнилъ мѣсто, онъ опасался что услышитъ еще какую-нибудь гнусность... Голосъ гжи Дженкинсъ подѣйствовалъ на него благотворно, голосъ знаменитый въ парижскихъ салонахъ, который, несмотря на свою обширность, не имѣлъ въ себѣ ничего театральнаго, но казался прочувствованнымъ словомъ, звучащимъ совершенно безыскусственно.

Пѣвица—женщина между сорока и сорока лѣтью годами, съ великолѣпными волосами пепельнаго цвѣта, съ тонкими, нѣсколько вальными чертами лица, съ необыкновенно добрымъ выраженіемъ лица. Еще красивая собою, она одѣта была съ начеистымъ вкусомъ женщины еще не отказавшейся нравиться. И дѣйствительно, она еще не отказалась нравиться; она вступила во второй бракъ съ докторомъ лѣтъ десять тому назадъ, и они оба казались столь счастливыми, какъ будто переживали еще первые мѣсяцы супружеской жизни. Въ то время какъ она пѣла народную русскую лѣсню, Дженкинсъ выказывалъ простодушную гордость, которой

онъ и не думалъ скрывать, и все его широкое лицо сияло, а она, каждый разъ когда ей приходилось наклонять голову, чтобы перевести духъ, посылала въ его сторону робкую, влюбленную улыбку, искавшую его поверхъ разложенныхъ предъ нею ногъ. Потомъ, когда она окончила свое лѣтнее посреди восторженнаго хвалебнаго ропота, трогательно было видѣть какъ она скромно, украдкой пожала руку мужа, какъ бы напоминая ему о семейномъ счастіи посреди этого блестящаго торжества. Молодой Жери освѣжился видомъ этой счастливой четы, какъ вдругъ подлѣ него какой-то голосъ, но не тотъ который онъ слышалъ прежде, прошепталъ:

— Знаете ли что говорятъ?... Будто Дженкинсы не вѣщны.

— Какой вздоръ!

— Увѣряю васъ... Кажется, гдѣ-то проживаетъ настоящая Дженкинсъ, но не та которую намъ показываютъ... Впрочемъ, вы замѣтили...

Разговоръ продолжался шепотомъ; гжа Дженкинсъ приближалась, раскланиваясь, улыбаясь, между тѣмъ какъ докторъ, остановивъ на ходу подносъ, подавалъ ей рюмку бордоскаго вина съ нѣжностью матери, импрессарио, влюбленнаго. Клевета, клевета, неизгладимое пятно! Теперь вниманіе Дженкинса къ женѣ казалось преувеличеннымъ молодому провинціалу. Онъ находилъ въ немъ что-то изысканное, что-то похожее на выставку, а также въ благодарности которую тихо выразила ему жена онъ какъ бы замѣтилъ робость, локорность несвойственную достоинству законной супруги, счастливой и гордой безнечнымъ счастіемъ... „Но вѣдь свѣтъ этотъ отвратителекъ“, сказалъ самъ себѣ Жери въ ужасѣ и чувствуя что у него холодѣютъ руки. Всѣ эти улыбки окружавшія его казались ему теперь гримасами. Стыдъ и отвращеніе наполняли его душу. Потомъ вдругъ, какъ бы возмущившись, онъ сказалъ: „Вздоръ! это невозможно.“ И какъ бы отвѣчая на восклицаніе, заповоіе позади его продолжало развязнымъ тономъ: „Впрочемъ, знаете... я не увѣренъ въ этомъ; я только повторяю что слышалъ... Посмотрите! баронесса Гемерлингъ... Рѣшительно весь Парижъ сегодня у этого Дженкинса.“

Баронесса шла объ руку съ докторомъ, который бросился къ ней навстрѣчу, и несмотря на все свое искусство при-

давать своему лицу приличное обстоятельствомъ выраженіе, казался смущеннымъ и сконфуженнымъ. Онъ придумалъ, добрыйшій Дженкинсъ, воспользоваться своимъ вечеромъ чтобы примирить между собою своего друга Гемерлинга и своего друга Жансуле, своихъ богатѣйшихъ пациентовъ, сильно затруднявшихъ его своимъ междуусобіемъ. Набабъ выказалъ полнѣйшую готовность къ примиренію. Онъ не сердился на своего бывшего повѣреннаго. Причиной ихъ ссоры была женитьба Гемерлинга на одной изъ любимыхъ прежняго бѣа. „Бабыя исторія,“ говорилъ Жансуле, которую онъ желалъ бы кончить, такъ какъ всякая вражда была тягостна для его миролюбивой натуры. Но баронъ, повидимому, не расположенъ былъ къ сближенію, ибо несмотря на данное имъ обѣщаніе, на вечеръ пріѣхала только его жена, въ величайшей досадѣ Дженкинса.

То была высокая, худощавая, слабая особа, съ густыми бровями, молодая на видъ и застѣнчивая (ей было тридцать лѣтъ, а на видъ ей нельзя было дать болѣе двадцати), съ прической изъ зелени и колосьевъ, падавшихъ на черные волосы, усыпанные брилліантами. Съ своими длинными ресницами, падавшими на блѣдныя щеки прозрачной бѣлизны, свойственной женщинамъ прожившимъ долгое время въ четырехъ стѣнахъ, нѣсколько неловкая въ своей парижской одеждѣ, она походила не столько на бывшую лѣвилицу гарема, сколько на монахиню, отрекшуюся отъ своихъ обѣтовъ и возвратившуюся въ міръ. Ничто набожное, сосредоточенное во всей наружности, какая-то монашеская манера ходить, потупивъ глаза, прижавъ локти къ талии и скрестивъ руки, усвоенная ею въ той средѣ, гдѣ она жила до принятіи ею крещенія, довершали это сходство. Вы безъ труда поймете, какъ возбуждено было свѣтское любопытство этою бывшею одалиской, превратившеюся въ ревностную католичку, когда она подвигалась въ сопровожденіи блѣдой фигуры причетника въ очкахъ, г. Ле-Меркье, лионскаго депутата, повѣреннаго Гемерлинга, сопровождавшаго баронессу, когда баронъ былъ „не совсѣмъ здоровъ“, какъ случилось въ этотъ вечеръ.

По вступленіи ея во второй салонъ, Набабъ прямо направился къ ней, полагая что за нею появится раздутое лицо его прежняго товарища, чтобы подать ему руку, какъ было условлено. Увидѣвъ его, баронесса стала еще блѣднѣе.

Изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ оверкнула молнія. Ноздри ея раздулись, задрожали, и когда Жансуле наклонился, она ускорила шагъ, подняла голову и изъ тонкихъ губъ ея вылетѣло арабское слово, котораго никто не понималъ, но которое заключало въ себѣ оскорбленіе, понятное бѣднымъ Набабомъ, ибо когда онъ подвигалъ голову, то загорѣлое лицо его приняло цвѣтъ обожженной главы, когда ее вынимаютъ изъ горна. Онъ остался на мигловеніе недвижимъ, ожаръ свои толстые кулаки, съ губами искривившимися отъ гнѣва. Дженкисъ тотчасъ же подошелъ къ нему, и Жера, сѣдившій издали за этою сценой, увидѣлъ что они разговариваютъ между собою съ большою живостью.

Дѣло не удалось. Примиреніе, такъ ловко придуманное, не состоялось. Гемерлангъ не хотѣлъ его. Только бы герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе. А ужъ было поздно. Вотерсъ, которая должна была, по выходѣ изъ своего театра, препѣть арію изъ *Волшебной Флейты*, вошла въ залу вся закутанная кружевами.

А министра нѣтъ, какъ нѣтъ!

А между тѣмъ дѣло было улажено, обѣщано. Монпавонъ долженъ былъ захватить за нимъ въ клубъ. Время отъ времени добрыйшій Дженкисъ вынималъ изъ кармана часы, разсѣянно восклицая *bravo* на букетъ жемчужныхъ нотъ, вылетавшихъ изъ волшебныхъ устъ Вотерсъ, букетъ въ три тысячи франковъ, который остался бы бесполезнымъ, какъ и прочіе расходы по вечеру, еслибы не пріѣхалъ герцогъ.

Вдругъ дверь отворилась настѣжь.

— Его свѣтлость герцогъ де-Мора.

Продолжительный трепетъ отвѣчалъ на этотъ возгласъ; почтительное любопытство раздѣляло толпу на двѣ шпалеры, вмѣсто грубой давки, которую произвело прибытіе Набаба.

Никто лучше его не умѣлъ являться въ публичѣ, важно пройти по салону, съ улыбкой подняться на трибуну, придать серіозность пустымъ вещамъ, говорить легко о вещахъ серіозныхъ; то было его отличительнымъ свойствомъ, характеристическою чертой его положенія. Еще красивый, несмотря на свои пятьдесятъ шесть лѣтъ, тою красотой которая складывается изъ элегантности и соразмѣрности движеній, въ которой граціозность даиди возвышалась чѣмъ-то воинственнымъ въ осанкѣ и въ гордости лица, онъ изумительно ловко носилъ свой черныи фракъ, украшенный, для оказанія почта

Джеккину, нѣсколькими орденскими звѣздами, которая съ весельемъ только въ официальные дни. Отблескъ бѣлая, бѣлая гамбука, матовое серебро орденовъ, мягкость рѣзкихъ съ легкою простѣвкою волосъ отбѣляли бѣловѣстность головы, бѣлая безкровная, чѣмъ все безкровное что было на этомъ мѣстѣ у Ираидца.

Онъ велъ такую отравную жизнь! Политика, игра запутаннѣе ея формами, удары на биржѣ и удары *bassinet*, и на репутація человека счастливаго въ женщинахъ, которыхъ сѣдовало поддерживать во что бы ни стало. О! это былъ настоящій націонъ Джекинса; своимъ княжескимъ помысломъ въ салонѣ онъ былъ рѣшительно обязанъ изобрѣтателямъ тѣхъ таинственныхъ плащей, которыя придавали его изгнанный этотъ огонь, всему существу его такой бодрый и необыкновенный видъ.

— Любезный герцогъ, позвольте мнѣ представить...

Монпансонъ, торжественный, со вздутымъ жабо, пытался выполнить столь ожидаемое представленіе; но его снѣжность, въ разсѣяніи, не слышавъ его, продолжалъ нуть въ большой салонъ, увлекаемый однимъ изъ тѣхъ электрическихъ токовъ, которыя нарушаютъ свѣтское однообразіе. При его приходѣ, и въ то время какъ онъ привѣтствовалъ поклономъ красавицу гжу Джекинсъ, женщинами и клялись нѣсколько впередъ съ вызывающими взглядами съ нѣжнымъ смѣхомъ, съ желаніемъ вправиться. Но онъ видѣлъ только одну Фелицію, которая стояла окруженная женщинами, разсуждала съ ними какъ въ своей мастерской, и смотрѣла на приближающагося герцога, спокойно куми шербетъ. Она встрѣтила его очень просто и натурально. Окружающіе Фелицію скромно отступили. Тѣмъ не менѣе и не смотря на то что Жери слышалъ о предполагаемыхъ между ними отношеніяхъ, имъ казалось соединяло какое-то совершенно духовное товарищество, веселая фамиллярность.

— Я была у васъ, *mademoiselle*, отправляясь въ Лисъ.

— Мнѣ сказывали. Вы даже входили въ мастерскую.

— Да, и видѣлъ знаменитую группу... мою группу.

— Ну, что жъ?

— Прекрасно... Собака веселится какъ бѣшеная... Лиса бѣжитъ изумительно... Только я не совсѣмъ поняла... Вы мнѣ сказали что это—исторія насъ обманъ?

— Ахъ! да... Подумайте... Это эпизодъ, который а priori въ... Вы не читаете Рабле, герцогъ?

— По чести, вѣтъ. Онъ слишкомъ грубъ...

— А я, я привыкла читать его и лопимать; вѣдь ты знаешь какъ я дурно воспитана. О! очень дурно... Итакъ мой долгъ заимствовать у Рабле. Вотъ онъ: Бахуеъ создалъ извѣстную личность, неуловимую на бѣгу. Вулканъ съ одной стороны далъ созданной имъ собацѣ силу догонять такое животное, за которымъ она погонится. „Вотъ, говоритъ авторъ, и случилось что онѣ встрѣтились.“ Вы види-

какая должна быть бѣшеная скачка и... нескончаемая. нѣ кажется, любезный герцогъ, что судьба насъ свела какимъ образомъ, одаривъ противоположными качествами, — съ, получившаго отъ боговъ даръ поражать всѣ сердца, мя, которой сердце никогда не будетъ поражено.

Она сказала это, глядя ему прямо въ лицо, почти смѣясь, с сосредоточенная, сматая въ своей бѣлой туникѣ, которая какъ бы защищала ее отъ всѣхъ воленостей, которыя онъ отъ позволить себѣ. Онъ, любвеобильный, противъ котораго ничто не могло устоять, не встрѣчалъ никогда на пути своемъ такого смѣлаго и своевольнаго существа. Оттого онъ окружалъ ее всеми магнетическими струями обольщенія, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ уоплаивающійся ролютъ празднаго, звучный смѣхъ, шелестъ шелковыхъ тканей и кемчужной бахромы аккомпанировала этотъ дуэтъ вѣтской страсти и юношеской проини.

Минуту спустя онъ продолжалъ:

— Но какъ же боги вышли изъ такого затруднительнаго положенія?

— Она превратила обоихъ бѣгунцовъ въ камень.

— Вотъ что!.. но я не допускаю такой развѣски... Я никогда не позволю богамъ превратить моего сердца въ камень.

Пламя блеснуло въ его глазахъ, но угасло тотчасъ же при мысли что на нихъ смотреть.

И дѣйствительно на нихъ всѣ смотрѣли, но никто такъ пристально какъ Дженкинсъ, который бродилъ около нихъ съ видомъ нетерпѣнія, какъ бы досадуя на Фелицію за то что она овладѣла одна важнѣйшимъ лицомъ на вечерѣ. Это замѣтила смѣясь молодая дѣвушка герцогу:

— Скажутъ, пожалуй, что я завладела вами.

И она указала ему на Монпансона, который стоялъ въ ожиданіи подлѣ Набаба, издали направаившаго къ его

свѣтлости просительный и покорный взглядъ громаднаго и добродушнаго лса. Министръ вспомнилъ тогда, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ поклонился Фелиціи и направился къ Монлавону, который могъ наконецъ представить ему „своего почтеннаго друга г. Франсуа Жансуле“. Его свѣтлость слегка наклонилъ голову; милліонеръ поклонился чуть не до земли, потомъ они обмѣнялись нѣсколькими словами.

Очень интересно было видѣть эти два силуэта, одинъ противъ другаго. Жансуле, высокій, толстый, съ просто-народнымъ видомъ, съ темнымъ цвѣтомъ лица, съ широкою спиною, слегка сгорбленною, какъ будто она навсегда округлилась отъ саламаликовъ восточнаго низколоклонства, съ толстыми короткими руками, на которыхъ лежали свѣтлыя перчатки, съ чрезмѣрною мимикой, съ южною болтаивостью, отчеканивавшею каждое слово. Другой, кровный дворянинъ, свѣтскій, въ высшей степени изящный, свободный во всѣхъ своихъ жестахъ, весьма впрочемъ рѣдкихъ, небрежно произносящій неоконченныя фразы, освѣщая полуулыбкой важность своего лица, скрывая подъ непоколебимою вѣжливостью величайшее презрѣніе, питаемое имъ къ мужчинамъ и женщинамъ, — и презрѣніе это составляло всю его силу!... Въ американскомъ салонѣ противоположность была бы менѣе поразительна. Милліоны Набаба возстановили бы равновѣсіе и даже склонили бы на его сторону чашу вѣсовъ. Но Парижъ не ставитъ еще деньги выше всякаго могущества, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было видѣть этого толстаго *parvenu*, какъ онъ съ заискивающимъ видомъ говорилъ съ этимъ знатымъ господиномъ, бросая ему подъ ноги какъ горюстаевый лапидъ придворнаго свою надутую гордость разбогатѣвшаго простолюдина.

Изъ угла, куда забился Жери, онъ съ интересомъ слѣдилъ за этою сценою, зная, какую важность его другъ приписываетъ знакомству съ герцогомъ де-Мора, когда случай, который въ теченіе всего вечера такъ скоро разрушалъ всѣ иллюзіи молодого дебюта, заставлялъ его разслушать слѣдующій краткій разговоръ подлѣ него, посреди этого ропота отдаваемыхъ разговоровъ, гдѣ каждый слышитъ только слово его интересующее:

— По правдѣ сказать, Монлавону и слѣдовало доставить ему по крайней мѣрѣ нѣсколько хорошихъ знакомствъ. Онъ

къ много успѣлъ уже навязать ему дурныхъ!... Знаете вы что онъ навязалъ ему Паганетти и всю его шайку.

— Несчастный!... Да они поглотятъ его.

— Ба! справедливость требуетъ чтобы изъ него повылази что-нибудь... Онъ столько нажилъ у Турекъ...

— Правой вы такъ полагаете?...

— Полагаю ли я? У меня на этотъ счетъ самыя точныя свѣдѣнія, которыя мнѣ передалъ баронъ Гемерлингъ, банкиръ, производившій послѣднй Тунисскій заемъ... Онъ знаетъ много исторй объ этомъ Набабѣ. Вообразите себѣ...

И злословіе началось. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Кансуле самымъ недостойнымъ образомъ эксплуатировалъ режнго бея. Называли имена поставщиковъ, рассказывали разныхъ продѣлкахъ, изумительныхъ по ловкости и дерзости; такъ напимѣръ приводили исторію о фрегатѣ съ музыкой, да, съ музыкой, и о картинѣ для столовой, а которые онъ залатилъ двѣсти тысячъ франковъ, а взялъ есая миллионъ, о престолѣ въ три миллиона, который начался въ книгахъ одного обойщика улицы Сентъ-Оноре о сто тысячъ, и забавѣ всего то что фантазія бей измѣнилась, и королевское сѣдалище, влзшее въ немилость прежде чѣмъ его раслаковали, лежитъ еще заключенное въ своемъ дорожномъ ящикѣ въ Триполитской таможнѣ.

Далѣе, высказывались обвиненія болѣе важныя, но не менѣе достовѣрныя, потому что они шли изъ того же источника. Такъ рядомъ съ сералемъ бей былъ гаремъ европейскихъ женщинъ, отлично снабженный для его тунисской звѣлости Набабомъ, который долженъ былъ знать въ немъ голкъ, такъ какъ онъ занимался прежде въ Парижѣ—до своего отъѣзда на Востокъ—самыми странными ремеслами: онъ продавалъ контрамарки, завѣдывалъ лубячнымъ баломъ у заставы, потомъ домогъ пользовавшимся еще худшею славою... И перешелтыванье окончилось сдержаннымъ смѣхомъ разговаривавшихъ между собою.

Первымъ движеніемъ молодого провинціала, когда онъ услышалъ эти гнусныя клеветы, было воскликнуть:

— Вы лжете!

Нѣсколько часовъ ранѣе онъ сдѣлалъ бы это не колеблясь; но съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ на вечерѣ, онъ научился недоврью, скептицизму. Итакъ онъ сдержалъ себя и выслушалъ до конца, не трогаясь съ мѣста, и во глубинѣ

души литая несознаваемое желаніе ближе познакомиться съ тѣмъ кому онъ служилъ. Что касается Набаба, бывшаго героемъ этой возмутительной хроникѣ, то онъ спокойно сидѣлъ въ маленькомъ салонѣ, которому его голубые обои и двѣ лампы съ абажурами придавали укромный видъ, и игралъ въ экарте съ герцогомъ де-Мора.

О, магическая сила золотого тельца! сынъ торговца старымъ желѣзомъ одинъ за игорнымъ столомъ съ первымъ лицомъ Имперіи! Жансуле едва вѣрилъ венеціанскому зеркалу, въ которомъ отражались и его сіяющая фигура, и ослепительный ликъ высокой особы. Какъ бы въ отплату за такую неслыханную честь, онъ старался самымъ причудливымъ образомъ проиграть какъ можно болѣе банковыхъ билетовъ, чувствуя что онъ все-таки останется въ выигрышѣ и гордясь тѣмъ что его деньги переходятъ въ эти аристократическія руки, малѣйшія движенія которыхъ онъ изучалъ, когда онъ бросали, снимали или разбирали карты.

Вокругъ нихъ составлялся кружокъ, но всегда на разстояніи десяти шаговъ, какъ требуетъ уваженіе къ высокимъ особамъ; то были зрители его торжества, на которомъ Набавъ присутствовалъ какъ во снѣ, упоенный этими волшебными аккордами, нѣсколько смутными въ отдаленіи, этими лѣсными, которыя долетали до него въ отрывочныхъ фразахъ, какъ бы надъ зеркальнымъ пространствомъ озера, запахомъ цвѣтовъ, такъ странно распускающихся къ концу парижскихъ баловъ, когда поздній часъ смѣшиваетъ всѣ лопатія о времени, и утомленіе безсонной ночи сообщаетъ ослѣженнымъ головамъ, посреди нервной атмосферы, какое-то ослѣпляющее наслажденіе.

Крѣпкая натура Жансуле, этого цивилизованнаго дикаря, была чувствительнѣе всякой другой къ этимъ невѣдомымъ для него утонченностямъ; ему необходима была вся сила воли, чтобы не выразить какимъ-нибудь веселымъ возгласомъ, неумѣстнымъ взрывомъ словъ и жестовъ движенія физическаго довольства, волновавшаго все его существо, какъ случается съ тѣми большими горными собаками, которыхъ одна капля эфира повергаетъ въ эпилептическое безуміе.

— Небо ясно, мостовая суха.... Если вы согласны, мой милый, мы отошлемъ карету и вернемся домой пѣшкомъ, сказалъ Жансуле своему спутнику, когда они выходили отъ Дженкинса.

Жери съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ чувствовалъ потребность прогуляться, страхиуть на свѣжемъ воздухѣ гнусность и ложь этой свѣтской комедіи, которая сжимала и леденила ему сердце и поднимала всю кровь ему въ голову, такъ что онъ чувствовалъ бѣшеніе жить на ней. Онъ шатался на ходу, подобно несчастнымъ у которыхъ сняли катарактъ съ глазъ и которые въ страхѣ что къ нимъ возвратилось зрѣніе, не осмѣливаются болѣе поставить одну ногу предъ другою. Но какою грубою рукой произведена была эта операція! Такимъ образомъ эта великая артистка со славнымъ именемъ, эта чистая и строгая красота, которая явилась ему какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ, была не болѣе какъ куртизанка. Гжа Дженкинсъ, эта величавая женщина съ видомъ столь кроткимъ и горделивымъ, не называлась гжей Дженкинсъ. Этотъ знаменитый ученый съ такимъ открытымъ лицомъ, съ такою радушною привѣтливостію, имѣлъ дерзость выставить на свѣтъ постыдную связь. И Парижъ подозрѣвалъ это, что не мѣшало ему, однако, собираться на его праздники. Наконецъ этотъ Жансуазе, столь добрый, столь великодушный, къ которому его сердце было исполнено благодарностію, попалъ въ руки бандитовъ, и самъ бандитъ, достойный того чтобъ у него разхитили его милліоны....

Возможно ли это и чему слѣдовало вѣрить?

Брошенный имъ украдкой взглядъ на Набаба, колоссальная фигура котораго выступала посреди тротуара, вдругъ открылъ ему въ этой походкѣ, сдавленной подъ тяжестью золота, нѣчто столь низкое и плутовское, чего онъ не замѣчалъ прежде. Да, предъ нимъ былъ дѣйствительно авантюристъ Юга, пропитанный грязью, покрывающею марсельскія набережныя, по которымъ смуютъ всѣ бродяги, всѣ кочевники отъ одного порта до другаго. Добрый, великодушный дѣйствительно, но какъ бываютъ добрые и великодушные лубличныя женщины, разбойники. Изолото, струящееся потоками по этой пышной и зараженной средѣ, брызгающее по стѣнамъ, выбрасываетъ, какъ ему казалось теперь, всѣ плаки, всѣ нечистоты своего мутнаго и грязнаго источника.... Но въ такомъ случаѣ, ему, Жери, не оставалось ничего болѣе дѣлать какъ увѣхать, оставить поскорѣе это мѣсто, гдѣ онъ рисковалъ заложить свое имя, единственное отцовское наслѣдіе. Конечно. Но два его братишки, тамъ на

родить, кто будетъ платить за нихъ въ павильонъ? Кто будетъ поддерживать скромный очагъ, такъ чудесно подаятый большимъ жалованьемъ старшаго, главы семейства? Это слово „глава семейства“ тотчасъ же повергало его во внутреннюю борьбу, гдѣ сражаются совѣсть и интересъ — одна грубая, крѣпкая, поражающая въ самое сердце прямыми ударами, другой уклончивый, податливый на хитрыя сдѣлки, — между тѣмъ какъ добрый Жансуле, вызвавшій невѣдомо для себя такое столкновеніе, шагаль подавъ своего юнаго друга, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя утренній воздухъ вмѣстѣ съ дымомъ сигары.

Никогда жизнь не казалась ему такимъ счастіемъ; и этотъ вечеръ у Дженкинса, его вступленіе въ свѣтъ, оставили въ немъ влечательнѣе портиковъ воздвигнутыхъ для триумфа, толпы собравшейся на пути его и осыпающей его цвѣтами... Такъ справедливо что вещи существуютъ только въ томъ видѣ, какими глазами на нихъ смотреть. Какой успѣхъ! Разставаясь съ нимъ, герцогъ пригласилъ его посмотреть галерею, что значило что двери отеля Мора откроются предъ нимъ на этой недѣлѣ. Фелиція Рюисъ согласилась сдѣлать его бюстъ, такъ что на будущей выставкѣ мраморное изображеніе сына продавца гвоздей появится, сдѣланное тѣмъ же великимъ художникомъ, который изваялъ бюстъ государственнаго министра. Скажите, не осуществляются ли наконецъ вѣкъ его тщеславныя юношескія мечты?

И оба они, перебирая въ головахъ мрачныя или веселыя мысли, шли рядомъ, до такой степени погруженные въ свои думы что хотя Вандомская площадь, безмолвная, облитая солнцемъ и ледянымъ свѣтомъ, огласилась уже ихъ шагами, но они еще не сказали другъ другу ни одного слова.

— Уже! сказалъ Набабъ. — Мнѣ бы хотѣлось пройтись еще.... Согласны вы?

И обошедъ раза три площадь, онъ обнаружилъ нервными, отрывочными фразами, необыкновенную радость, охватившую его душу.

— Какъ здѣсь хорошо! Какъ легко дышется!... Чортъ возьми! моего сегодняшняго вечера я не отдалъ бы за сто тысячъ франковъ.... Какой славный человекъ этотъ Дженкинсъ!... Нравится ли вамъ красота Фелиціи Рюисъ? Я отъ нея безъ ума.... А герцогъ, какой вельможа! какъ просто, какъ любезенъ.... Прекрасенъ Парижъ, не правда ли, сынъ мой?

— Онъ слишкомъ сложенъ для меня.... онъ наводитъ на меня страхъ, отвѣчалъ Поль де-Жери глухимъ голосомъ.

— Да, да, я понимаю, перебилъ Набабъ, съ простодушною самоувѣренностью.—Вы еще не привыкли, но это дѣлается скоро. Посмотрите, какъ я привыкъ къ нему въ теченіе мѣсяца.

— Отъ того что вы бывали уже въ Парижѣ.... Вы жили здѣсь когда-то.

— Я? Никогда отъ роду.... Кто вамъ сказалъ это?

— Вотъ чтó! а я думалъ.... отвѣчалъ молодой человекъ, и въ ту же минуту множество мыслей стѣснилось въ его головѣ и онъ сказалъ:

— Чтó такое вы одѣлали этому барону Гемерлингу? Между вами какъ будто смертельная ненависть?

Набабъ остановился какъ бы озадаченный. Это имя Гемерлинга, прозвучавшее вдругъ посреди его радостныхъ ощущеній, напомнило ему единственный прискорбный эпизодъ вечера.

— Этому, какъ и всемъ другимъ, сказалъ онъ, печальнымъ голосомъ,—я никогда ничего не дѣлалъ кромѣ добра. Мы начали дѣйствовать вмѣстѣ самымъ нищенскимъ образомъ. Мы выросли, достигли цвѣтущаго положенія бокъ-о-бокъ. Когда онъ пожелалъ самъ расправить свои крылья, я всегда поддерживалъ его и помогалъ ему, насколько у меня было силъ. Я доставлялъ ему въ теченіе десяти лѣтъ поставки на флотъ и армію; этимъ онъ приобрѣлъ почти все свое состояніе! Потомъ этотъ полоумный Швейцарецъ связался съ одалиской, которую мать безъ выгнала изъ гарема. Негодяйка была красива, честолюбива, она заставила Гемерлинга жениться на себѣ, и конечно послѣ этой женитьбы Гемерлингъ принужденъ былъ оставить Тунисъ.... Его утѣрили будто бы бей по моему настоянію запретилъ ему показываться туда. Это неправда. Напротивъ того, я выхлопоталъ у его свѣтлости позволеніе, чтобы Гемерлингъ сынъ—отъ перваго брака—остался въ Тунисѣ наблюдать за его дѣлами, между тѣмъ какъ его отецъ основывалъ въ Парижѣ банкирскій домъ.... Впрочемъ я былъ хорошо вознагражденъ за мою доброту.... Когда по смерти моего добраго Ахмеда, муширь, братъ его, вступилъ на престолъ, Гемерлинги, снова возвратившіеся въ милость, не переставали наговаривать на меня новому государю. Бей все еще

оказываетъ мнѣ благоволеніе, но мой кредитъ потрясенъ. И что же? Несмотря на все это, несмотря на всѣ козни, которыя мнѣ строилъ и строить до сихъ поръ Гемерлингъ, я готовъ былъ сегодня протянуть ему руку.... Этотъ негодяй не только отказывается примириться со мною, но наноситъ мнѣ оскорбленіе черезъ свою жену, дикую и заую тварь, которая не прощаетъ мнѣ что я никогда не хотѣлъ принимать ее въ Тунисъ.... Знаете ли, какъ она назвала меня сейчасъ, проходя мимо: „Воръ и собачій сынъ“.... Вотъ какъ безцеремонно выражается одалиска.... То-есть, еслибъ я не зналъ что мой Гемерлингъ также трусливъ, какъ и толстъ... Впрочемъ, пусть ихъ говорятъ что хотятъ. Я смѣюсь надъ ними. Что они могутъ мнѣ сдѣлать? Оклеветать меня предъ беємъ? Мнѣ все равно. Мнѣ нечего дѣлать въ Тунисъ и я съ нимъ разстанусь какъ можно скорѣе.... На свѣтѣ есть только одна страна, одинъ городъ—Парижъ. Парижъ привѣтливый, гостепріимный, не притязательный, гдѣ каждый смысленный человѣкъ находитъ поприще для великихъ дѣлъ.... А я теперь, вѣтъ видите ли, Жери, я желаю дѣлать великія дѣла.... Мнѣ надобна жизнь торгаша.... Я работалъ двадцать лѣтъ для денегъ; теперь я жажду славы, уваженія, извѣстности. Я желаю быть чѣмъ-нибудь въ исторіи моего отечества и это мнѣ будетъ легко. Съ моимъ огромнымъ состояніемъ, съ моимъ знаніемъ людей и дѣлъ, съ тѣмъ что я чувствую здѣсь, у себя въ головѣ, я могу достигнуть всего, и я стремлюсь ко всему.... Итакъ повѣрьте мнѣ, дитя мое, не оставляйте меня никогда (казалось что онъ отвѣчалъ на тайную мысль своего юнаго собесѣдника), оставайтесь вѣрны моему кораблю. Оснастки его тверды, запасъ угля изобилуетъ.... Клянусь вамъ что мы пойдемъ далеко и скоро.... Да! чортъ возьми....

Такимъ образомъ простодушный Южанинъ высказывалъ посреди ночи свои проекты, сопровождая ихъ множествомъ выразительныхъ жестовъ и отъ времени до времени измѣряя шагами большую, пустынную площадь, величественно окруженную своими залертыми и безмолвными дворцами; онъ поднималъ голову, устремляя глаза на бронзоваго человека на столбѣ, какъ бы призывая во свидѣтели его, великаго *parvenu*, котораго присутствіе посреди Парижа поощряетъ всякое честолюбіе, дѣлаетъ вѣроятными всякія химеры.

У юности есть теплота сердца, потребность энтузіазма, пробуждаемая отъ малѣйшаго прикосновенія. По мѣрѣ того, какъ говорилъ Набабъ, Жери чувствовалъ что его подозрѣнія исчезаютъ и вся симпатія его возрождается снова съ отбѣнкомъ жалости... Нѣтъ, конечно, этотъ человѣкъ не дурной и не безчестный, но бѣдное, увлекающееся существо, которому богатство бросилось въ голову, какъ вино слишкомъ крепкое для желудка, долго довольствовавшегося водой.... Одинъ посреди Парижа, окруженный врагами и проходцами, Жансуле казался ему лѣпшеходомъ который съ ношей золота пробирается по лѣсу полному бродягъ, во мракѣ и безъ оружія. И онъ подумалъ что не мѣшало бы ему, принятому такъ радушно, бодрствовать надъ своимъ покровителемъ, сдѣлаться провинциальнымъ Телемакомъ этого слѣплаго Ментора, указать ему всѣ рытвины на пути, охранить его отъ грабителей, наконецъ помочь ему выйти невредимо изъ этого лабиринта засадъ, которыя, какъ онъ чувствовалъ, устраивались съ свирѣлою жадностью вокругъ Набаба и его милліоновъ.

V. Семейство Жуайёзъ.

Каждое утро въ теченіе цѣлаго года, ровно въ восемь часовъ, новый и почти необитаемый домъ отдаленнаго парижскаго квартала наполнялся криками, призывами, свѣжимъ смѣхомъ, — звуками раздававшимися на пустынной лѣстницѣ:

- Пала, не забудь мои ноты....
- Пала, мою шерсть....
- Пала, привеси намъ булочки....
- И голосъ отца раздавался снизу:
- Зоя, подай мнѣ портфель....
- Скорѣе! онъ забылъ портфель....

И снизу до верху по всему дому начиналась веселая суетня, бѣготня всѣхъ этихъ хорошенькихъ личекъ, еще измятыхъ сномъ, всѣхъ этихъ растрепанныхъ причесокъ, которыя поправлялись дорогой до той минуты, когда склонясь на перилы полдюжины дѣвочекъ посылали звучныя прощанія маменькому старому гослодину, опрятно одѣтому, котораго красноватое лицо и длинный профиль исчезали наконецъ по

ступенямъ витой лѣстницы. Г. Жуайѣзъ отправлялся въ свою контору.... Тогда вся эта вереница дѣвочекъ быстро поднималась на четвертый этажъ, и зѣмкнувъ на задвижку дверь, собиралась у открытаго окна, чтобъ еще разъ посмотреть на отца. Маленькій человѣчекъ оборачивался, издали происходилъ обмѣнъ поцѣлуевъ, потомъ окно затворялось; новый и пустынный домъ успокоивался опять, и только дощечки съ надписями вертѣлись отъ вѣтра гудѣвшаго по незастроенной улицѣ, какъ бы также обрадованныя всѣми этими эволюціями. Спустя минуточку, фотографъ пятого этажа спускался, чтобы вывѣсить на двери свою витрину, все одну и ту же, на которой изображался старичекъ въ бѣломъ галстукѣ, окруженный своими дочерьми въ разнообразныхъ груллахъ; онъ поднимался въ свою очередь, и спокойствіе слѣдовавшее внезапно за этимъ утреннимъ шумомъ заставляло предполагать что „пала“ и его дочки возвратились въ рамы фотографій, гдѣ они и оставались до вечера, улыбающіяся и неподвижныя.

Отъ улицы Св. Фердинанда до Гемерлинга и Сына; его патроновъ, г. Жуайѣзу приходилось идти три четверти часа. Онъ шелъ, держа голову прямо и неподвижно, какъ бы боясь измять красивый бантъ галстука, завязанный его дочерьми, или передвинуть шляпу, ими же надѣтую; и когда старшая, всегда заботливая и осторожная, поднимала въ минуту выхода воротникъ его сюртука, чтобы предохранить его отъ проклятаго вѣтра на поворотѣ улицы, то даже въ знойный день, г. Жуайѣзъ не опускалъ его до конторы, подобно влюбленному, который разставаясь съ своею милою, не смѣетъ пошевелиться, чтобы не потерять улочительнаго благоуханія, наполняющаго все его существо.

Овдовѣвъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ достойный человѣкъ жилъ только для своихъ дѣтей, думалъ только о нихъ, и повсюду гдѣ бы онъ ни былъ эти маленькія бѣлокурыя головки смутно носились надъ нимъ какъ на картинѣ Успенія. Всѣ его желанія, всѣ проекты относились къ дочерямъ, возвращались къ нимъ безпрестанно, иногда послѣ большихъ обходовъ, ибо г. Жуайѣзъ — это зависѣло безъ сомнѣнія отъ его очень короткой шеи, отъ его маленькаго роста, гдѣ вся кипучая кровь обращалась однимъ разомъ, — былъ человѣкъ одаренный изумительнымъ воображеніемъ. Мысли вращались у него съ быстротою пустыхъ колосьевъ

вокругъ мельничнаго грохота. Въ конторѣ цифры еще приковывали его къ себѣ своею положительностью; но видъ ея, его умъ вознаграждалъ себя за это неумолимое ремесло. Дѣятельность ходьбы, привычка къ дорогѣ, которую онъ изучилъ до малѣйшей подробности, предоставляли полную свободу причудамъ его воображенія. Тогда онъ придумывалъ чрезвычайныя приключенія, которыхъ хватило бы на двадцать романовъ-фельетоновъ.

Если на примѣръ г. Жуайѣзъ, поднимаясь по улицѣ Сентъ-Оноре, по правому тротуару—онъ всегда шелъ по этой сторонѣ—усматривалъ что тяжелая телѣжка съ бѣлымъ двигается рысью и что лошадыю править крестьянка, а ребенокъ ея склонился нѣсколько, сидя на связкѣ бѣлья, то добрякъ въ страхѣ восклицалъ:

— Дитя! Смотрите за дитятей!

Голосъ его пропадалъ въ шумѣ колесъ и его предупрежденіе оставалось для всѣхъ тайной. Телѣжка проѣзжала мимо. Онъ на минуту провожалъ ее глазами, затѣмъ продолжалъ свой путь, но драма, начатая въ его умѣ, продолжала развиваться въ немъ съ тысячами перепетій.

Ребенокъ упалъ.... Колеса готовы были проѣхать по немъ. Г. Жуайѣзъ кидался къ нему, спасая маленькое существо отъ смерти, но дышао ударило его самого прямо въ грудь и онъ падалъ, обливаясь кровью. Тогда ему воображалось что его относятъ въ аптеку, посреди собравшейся толпы. Его кладутъ на носилки, вносятъ къ нему въ домъ, потомъ онъ слышитъ раздирающій крикъ своихъ возлюбленныхъ дочерей, которыя увидѣли его въ такомъ положеніи. И этотъ отчаянный крикъ такъ глубоко проникалъ ему въ сердце, онъ слышалъ его такъ явственно, такъ глубоко: „Пала, милый лапа!...“ что онъ самъ, къ великому удивленію прохожихъ, повторялъ его хриплымъ голосомъ, пробуждавшимъ его отъ воображаемаго кошмара.

Вотъ еще другой примѣръ этого лаодовитаго воображенія. Идетъ дождь, градъ; погода страшная. Г. Жуайѣзъ сѣлъ въ омнибусъ, чтобы добраться до своей конторы. Такъ какъ онъ сидитъ напротивъ какого-то гиганта, съ бычачьею головою, съ громадными руками, то г. Жуайѣзъ, маленькій, худенькій, съ портфелемъ на колѣнахъ, подбираетъ ноги, чтобъ очистить мѣсто громаднымъ столбамъ, поддерживающимъ монументальный бюстъ его сосѣда. Подъ шумъ

колесъ экипажа и дождя, стучащаго въ окна, г. Жуайёзъ принимается мечтать. И вдругъ колоссъ, сидящій противъ него и совершенно добродушный на видъ, съ изумленіемъ видитъ, что этотъ маленькій человѣчекъ измѣняется въ лицѣ, смотритъ на него скрежеща зубами, свирѣлыми глазами, глазами убійцы, ибо въ эту минуту страшный сонъ представляется г. Жуайёзу... Одна изъ дочерей его сидитъ тутъ, противъ него, рядомъ съ этимъ исполинскимъ животнымъ и негодяй этотъ беретъ ее за талію.

— Прочь вашу руку, милостивый государь!... два раза уже проговорилъ г. Жуайёзъ... Тотъ только подсмѣивается... Вотъ онъ хочетъ поцѣловать Элизу...

— О, разбойникъ!...

Слишкомъ слабый чтобы защитить свою дочь, г. Жуайёзъ съ лѣвой у рта отъ ярости, ищетъ въ карманѣ ножа, ударяетъ прямо въ грудь дерзновеннаго, и отправляется съ поднятымъ челомъ, сильный своимъ правомъ оскорбленнаго отца, объявить объ убійствѣ въ первое полицейское бюро.

— Я убилъ человѣка въ омнибусѣ!...

При звукѣ собственного голоса дѣйствительно произносящаго эти зловѣщія слова, хотя и не въ полицейскомъ бюро, несчастный приходитъ въ себя, угадываетъ по смущенію лассажировъ что онъ говорилъ вслухъ и пользуется тотчасъ же возгласомъ кондуктора: „Сенъ-Филиппъ... Пантеонъ... Бастилія“, чтобы выйти изъ экипажа въ смущеніи, посреди общаго недоумѣнія.

Это воображеніе, всегда настроенное, придавало г. Жуайёзу странную фizioномію, лихорадочную, отчаянную, противорѣчившую его правильной бюрократической наружности. Онъ переживалъ въ теченіе дня столько страстныхъ перелетѣй!... Племя этихъ мечтателей грезящихъ на яву, слишкомъ ограниченная участь которыхъ сдавливаетъ неупотребляемыя силы и геройскія наклонности, гораздо многочисленнѣе чѣмъ вообще предполагаютъ. Греза есть предохранительный клапанъ, чрезъ который вылетаетъ со страшнымъ килѣніемъ раскаленный паръ, и летучія видѣнія мигомъ разсѣиваются. Изъ этихъ видѣній одни радовали, другія тяжко удручали, когда онъ возвращался къ дѣйствительной жизни.

Вотъ однажды утромъ, нашъ мечтатель, вышедши изъ дома въ обычное время и при обыкновенныхъ обстоятель-

ствахъ, началъ при поворотѣ изъ улицы Св. Фердинанда одинъ изъ своихъ маленькихъ задумевныхъ романовъ. Приближающійся конецъ года, можетъ-быть досчатый баракъ, который строился по сосѣдству, навелъ его на мысль: „Новый Годъ... подарки.“ И тотчасъ же мысль о награжденіи возникла въ умѣ его какъ исходная точка восхитительнаго романа. Въ декабрѣ всѣ служащіе у Гемерлинга получали двойной окладъ жалованья, и, какъ вамъ извѣстно, въ маленькихъ хозяйствахъ на этой благодѣтельности основываютъ тысячи проектовъ честолюбивыхъ или любезныхъ, о подаркахъ которые можно сдѣлать, о новой мебели, о маленькой суммѣ отложенной на непредвидѣнные обстоятельства.

Дѣло въ томъ что г. Жуайёзъ былъ небогатъ. Жена его, урожденная де-Сентъ-Аманъ, обуреваемая идеями величія и свѣтской жизни, поставила маленькое хозяйство ихъ на разорительную ногу, и три года спустя послѣ ея смерти, съ тѣхъ поръ какъ хозяйство вела самымъ разумнымъ образомъ бабушка, невозможно было сдѣлать никакого сбереженія, до такой степени тяжело было прошедшее. И вдругъ достойный глава семейства вообразилъ себѣ что въ этомъ году награжденіе будетъ значительно въслѣдствіе усиленныхъ занятій по Тунисскому займу. Заемъ этотъ былъ очень выгоднымъ дѣломъ для его патроновъ, даже слишкомъ выгоднымъ, ибо на этотъ разъ г. Жуайёзъ позволилъ себѣ выразиться въ конторѣ, что „Гемерлингъ и Сынъ подстригли Турка черезчуръ плотно“.

„Конечно такъ, награжденіе будетъ двойное,“ думалъ нашъ мечтатель, шагая въ свою контору; и онъ уже видѣлъ, какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ того онъ поднимается съ своими товарищами, для поздравленія съ Новымъ Годомъ, по лѣстницѣ ведущей къ Гемерлингу. Тотъ сообщаетъ имъ радостную вѣсть; потомъ онъ удерживаетъ одного г. Жуайёза. И вотъ этотъ патронъ, столь холодный, столь непривѣтливый по обыкновенію, окутанный своимъ желтымъ жиромъ, какъ шелкомъ-сырцомъ, становится ласковымъ, общительнымъ, говоритъ съ нимъ отеческимъ тономъ. Онъ желаетъ знать, сколько дочерей у Жуайёза.

— У меня ихъ три... то-есть четыре, господинъ баронъ... Я всегда смѣшиваю. Старшая такъ разсудительна!

Желаютъ знать, какихъ онъ лѣтъ.

— Аликъ двадцать лѣтъ, господинъ баронъ, она старшая...

Затѣмъ у меня Элиза восемнадцати лѣтъ, она готовится къ экзамену... Генриетта четырнадцати лѣтъ, и Заза или Ляя, которой только двѣнадцать.

Это имя „Ляя“ очень позабавило г. барона, который пожелалъ узнать, какія средства у этого интереснаго семейства.

— Мое жалованье, господинъ баронъ... больше ничего... у меня было отложено нѣсколько денегъ, но болѣзнь моей жены, воспитаніе дочерей....

— Вамъ мало того что вы получаете, любезный Жуайёзъ.... Я назначаю вамъ по тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ.

— О, господинъ баронъ, это слишкомъ много...

Но хотя онъ произнесъ эту послѣднюю фразу вслухъ, надъ ухомъ городского сержанта, и тотъ подозрительно посмотрѣлъ на маленькаго человѣка, размахивающаго руками и трясущаго головой, но бѣдный мечтатель не унимался. Онъ воображалъ, какъ онъ возвращается домой, сообщаетъ добрую вѣсть своимъ дочерямъ, какъ онъ везетъ ихъ вечеромъ въ театръ чтобъ отпраздновать такой счастливый день. Боже мой! какъ онѣ были милы, дѣвицы Жуайёзъ, въ передней части ложи, какой букетъ розовенькихъ головокъ! И затѣмъ на другой день къ двумъ старшимъ сватаются.... Невозможно было узнать имена тѣхъ кто сватаются, потому что г. Жуайёзъ вдругъ очутился подъ сводами отѣла Гемерлинга, предъ створчатою дверью, надъ которой большими золотыми буквами красовалось слово „Касса“.

— Я никогда не перемѣнюсь, сказалъ онъ, слегка усмѣхался и проводя рукой по лбу, покрытому крупнымъ потомъ.

Въ отличномъ расположеніи духа отъ своей грезы, отъ яркаго огня пылавшаго въ помѣщеніи конторы, съ блестящимъ паркетомъ, съ рѣшетками въ окнахъ, при холодномъ освѣщеніи нижняго этажа, гдѣ можно считать золотыя монеты, не ослѣпляя себѣ глазъ, г. Жуайёзъ весело покачивался товарищамъ и не торолился надѣлать на себя рабочую куртку и черную бархатную шалочку. Вдругъ сверху раздался свистъ; казначей, приложивъ ухо къ рожку, услышалъ густой, хриловатый голосъ единственнаго настоящаго Гемерлинга — другой, сынъ, находяся всегда въ отсутствіи — который спрашивалъ г. Жуайёза. Какъ! Ужели греза продолжается?... Онъ пришелъ въ сильное волненіе, поднялся по маленькой

внутренней лестницѣ, по которой онъ такъ весело входилъ въ воображеніи, и вошелъ въ кабинетъ банкира, узкую, очень высокую комнату, меблированную только зелеными занавѣсками и огромными кожаными креслами, пропорциональными страшной толщинѣ главы дома. Банкиръ сидѣлъ тамъ за люлитромъ, къ которому приблизиться не допускалъ его огромный животъ, ожирѣвшій, съ постоянною одышкой и столь желтый что его круглое лицо съ крючковатымъ носомъ, лицо толстаго и больнаго филина, казалось свѣточемъ въ этомъ мрачномъ и холодномъ кабинетѣ. То былъ толстый мавританскій купецъ, покрытый лѣсной сырости своего маленькаго двора. Изъ-подъ его толстыхъ, съ трудомъ поднимаемыхъ рѣсницъ на одну секунду блеснулъ взглядъ, когда вошелъ Жуайѣзъ; онъ знакомъ подозвалъ его къ себѣ и медленно, холодно, отрывочными фразами съ передышкой, вмѣсто „Г. Жуайѣзъ, сколько у васъ дочерей?“, сказалъ ему слѣдующее:

— Жуайѣзъ, вы позволили себѣ критиковать въ бюро наши послѣднія операціи на Тунисской биржѣ. Не пытайтесь оправдываться. Ваши остроты мнѣ были переданы отъ слова до слова. А такъ какъ я не могу допустить чтобы такъ говорили служащіе у меня, то я предупреждаю васъ что съ конца этого мѣсяца вы уже не состоите на службѣ въ этомъ домѣ.

Кровь бросилась въ лицо бѣднаго Жуайѣза, потомъ отхлынула, потомъ припала снова, производя каждый разъ смѣшанный свистъ въ ушахъ и возбуждая въ его мозгу путаницу мыслей и образовъ.

А дочери его? Что съ ними станется?

Мѣста такъ рѣдки въ это время года.

Предъ нимъ промелькнула нищета, а также видѣніе несчастнаго который падаетъ къ ногамъ Гемерлинга, умоляетъ его, грозитъ ему, и хватаетъ его за горло въ припадкѣ отчаянной ярости. Все это волненіе пробѣжало по его лицу какъ лорывъ вѣтра, волнующій озеро и производящій на немъ всевозможныя подвижныя проласти; онъ стоялъ безмолвно, неподвижно, и на извѣщеніе патрона что онъ можетъ идти, спустился шатаясь по лестницѣ и припалъ за свое дѣло въ касѣ.

Вечеромъ, возвращаясь въ улицу Св. Фердинанда, онъ не сказалъ ничего своимъ дочерямъ. Онъ не рѣшился на это.

Мысль омрачить эту свѣтлую радость, которая царствовала въ его домѣ, вызвать крупныя слезы на эти милыя ясныя глазки, казалась ему невыносимою. вмѣстѣ съ тѣмъ робкій и слабый, изъ числа тѣхъ которые говорятъ всегда: „подождѣмъ до завтра“, онъ ждалъ, волевыми, чтобы миновалъ ноябрь мѣсяцъ, убаюкивая себя смутною надеждой что Гемерлингъ измѣнитъ свое рѣшеніе, какъ будто ему неизвѣстна была эта несокрушимая воля молоска, прилипшаго крѣпко къ слитку золота. Затѣмъ, когда, по полученіи жалованья, онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто за политромъ, предъ которымъ онъ стоялъ такъ долго, онъ надѣялся скоро найти что-нибудь другое и поправить свое несчастье прежде чѣмъ ему необходимо было бы въ немъ сознаться.

Итакъ, каждое утро онъ притворялся что идетъ въ свою контору, давалъ сторожить и провожать себя какъ обыкновенно, унося съ собою портфель въ какомъ прежде приносилъ дѣла для вечернихъ занятій. Бѣднякъ! теперь уже, онъ не имѣлъ недостатка во времени для ихъ исполненія. Весь день принадлежалъ ему, безконечный день, который онъ проводилъ, бродя по Парижу для пріисканія мѣста. Ему давали адреса, снабжали его отличными рекомендаціями; но въ теченіе этого страшнаго декабрия мѣсяца, столь холоднаго и съ такими короткими днями, исполненнаго такими расходами и заботами, всѣ служащіе вооружаются терпѣніемъ, да и патроны также. Каждый старается окончить годъ спокойно, отлагая до января мѣсяца, до этого великаго перехода къ другому эталу, перемѣны, улучшенія и попытка новой жизни.

Повсюду куда являлся г. Жуайёзъ, лица вдругъ принимали холодное выраженіе, когда онъ объяснялъ цѣль своего посѣщенія. „Какъ! вы уже больше не служите у Гемерлинга и Сына? Какъ же это случилось?“ Онъ объяснялъ дѣло, какъ умѣлъ лучше, калризомъ патрона, этого свирѣлаго Гемерлинга, котораго зналъ весь Парижъ; но чувствовались холодность и недоувѣріе въ однообразномъ отвѣтѣ: „Понавѣдайтесь къ намъ послѣ праздниковъ“. И, при его всегдашней робости, дѣло доходило до того что онъ нигде уже не являлся и разъ двадцать проходилъ мимо двери, порога которой онъ и не переступилъ бы никогда, еслибы не мысль

о дочеряхъ. Только это толкало его въ спину, придавало легкость его ногамъ, отправляя его въ одинъ и тотъ же день въ противоположные концы Парижа по весьма неопредѣленнымъ адресамъ, которыми снабжали его товарищи.

Прогулка подъ дождемъ и свѣгомъ, затворенныя двери, патроны которыхъ нѣтъ дома или которые заняты съ гостями, обѣщанія даваемые и неисполняемые, разрушенныя надежды, томленіе долгаго ожиданія, тысячи униженій выладающихъ на долю человѣку который проситъ дѣла, какъ бы стыдясь что его лишили работы, г. Жуайёзъ узналъ всѣ эти бѣдствія, а также и добрую волю которая утомляется, приходится въ уныніе предъ упорствомъ неудачи. И вы можете себѣ представить какъ жестокое мученіе „человѣка щущаго мѣста“ удесетерялось грезами его воображенія, этими химерами, которыя возникали предъ нимъ изъ парижской мостовой въ то время какъ онъ измѣрялъ ее своими шагами по всѣмъ направленіямъ.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца онъ былъ одною изъ тѣхъ жалкихъ маріонетокъ, разговаривающихъ и жестикулирующихъ по тротуарамъ, у которыхъ каждый толчокъ толпы вырывалъ какъ бы сонное восклицаніе: „Чортъ возьми! вѣдь я говорилъ это!“ или „Не сомнѣвайтесь въ этомъ, милостивый государи!“ Прохожіе идутъ мимо и готовы бы поспѣяться даже, но ихъ останавливаетъ чувство жалости въ виду безсознательнаго положенія этихъ несчастныхъ, которыми владѣетъ одна слѣпая идея, и которые дѣйствуютъ какъ бы во свѣ, руководимые невидимою нитью. Всего ужаснѣе было то что послѣ этихъ долгихъ дней бездѣйствія и утомленія, когда г. Жуайёзъ возвращался домой, ему приходилось разыгрывать роль человѣка возвращающагося съ работы, разказывать событія дня, слухи и канцелярскія сплетни, какими онъ всегда потѣшалъ молодыхъ дѣвушекъ.

Въ маленькихъ семейныхъ кружкахъ всегда бываетъ имя которое повторяется чаще другихъ, которое призываютъ въ бурные дни, которое примѣшивается ко всѣмъ желаніямъ, ко всѣмъ надеждамъ, къ играмъ дѣтей проникнутыхъ тоже его важностію, имя занимающее въ домѣ роль второго Провидѣнія или скорѣе домашняго добраго генія. Это имя патрона, директора заведенія, домовладѣльца, министра,

человѣка наконецъ держащаго въ своей мощной рукѣ счастье и существованіе домашняго очага. У Жуайёзовъ то былъ Гемерлингъ, всегда Гемерлингъ, имя котораго повторялось десять, двадцать разъ въ день въ разговорѣ дѣвицъ, соединившихъ его со всѣми проектами, съ малѣйшими подробностями женскаго честолюбія: „Еслибъ захотѣлъ Гемерлингъ?... Все это зависитъ отъ Гемерлинга!“ И всего милѣе была фамиллярность, съ которою толковали эти дѣвочки о толстомъ богачѣ, котораго онѣ и въ глаза не видали.

Онѣ справлялись о немъ.... Говорилъ съ нимъ отецъ?... Въ хорошемъ ли онъ былъ расположеніи духа?... И стоить только представить себѣ, что всѣ мы, какъ бы ни принижала насъ судьба, имѣли всегда подъ собою бѣдныя существа, еще болѣе приниженныя, которыми мы кажемся великими, для которыхъ мы боги, и въ качествѣ боговъ пребываемъ къ нимъ равнодушными, презрительными или жестокими!

Можно представить себѣ пытку г. Жуайёза принужденнаго выдумывать эпизоды и анекдоты о негодяѣ который такъ беспощадно уволилъ его послѣ десятилѣтней усердной службы. Тѣмъ не менѣе онъ разыгрывалъ свою маленькую комедію такъ что всѣхъ успѣвалъ обманывать. Замѣтили только одно, что отецъ, возвращаясь домой, всегда садился за столъ съ большимъ апетитомъ. И это понятно совершенно! Съ того дня какъ бѣднякъ потерялъ мѣсто, онъ уже болѣе не завтракалъ.

Дни проходили. Г. Жуайёзъ не находилъ ничего. Правда, ему предлагали мѣсто бухгалтера въ *Земельной Кассѣ*, но онъ отказывался, слишкомъ хорошо зная операціи банка, и всѣ углы и лазейки финансовой богемы вообще и *Земельной Кассы* въ особенности, чтобы водвориться въ этомъ вертепѣ.

— Но, говорилъ ему Пассажонъ—такъ какъ именно Пассажонъ, встрѣтивъ бѣдняка и узнавъ что онъ безъ должности, приглашалъ его на службу къ Паганетти—вѣдь я повторяю вамъ что дѣло это серьезное. У насъ много денегъ теперь. Мнѣ платятъ, со мной разчитались, посмотрите, какъ я расфрантился.

И дѣйствительно, на старомъ конторщикѣ было платье съ иголочки, и изъ-подъ жилета съ посеребренными луговицами величественно выглядывалъ его округлившійся животъ. Тѣмъ не менѣе г. Жуайёзъ не поддавался на приманку, даже

когда Пассажонъ, выпучивъ свои голубые глаза, съ важною шелтулъ ему на ухо слѣдующія, полныя общаіи слова:

— Въ дѣлѣ принимаетъ участіе Набабъ.

Даже послѣ этого г. Жуайёзъ имѣлъ мужество отказаться. Не лучше ли было умереть съ голоду, чѣмъ вступать въ мошенническій домъ, книги котораго можетъ-быть ему придется когда-нибудь подвергать экспертизѣ предъ трибуналами!...

Итакъ онъ продолжалъ бѣгать по Парижу, но, улавъ духомъ, не искалъ ничего болѣе. Такъ какъ ему приходилось проводить время внѣ дома, то онъ бродилъ по набережнымъ, облокачивался на парапеты и по часамъ смотрѣлъ, какъ текла вода и какъ разгружались суда. Онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ фланёровъ, которыхъ встрѣчаютъ въ первыхъ рядахъ во всякой уличной сходкѣ, которые укрываются отъ дождя подъ воротами, подходятъ грѣться къ печамъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ дымится асфальтъ, и падаютъ на бульварную скамью, когда ноги перестаютъ имъ служить.

Ничего не дѣлать, вотъ отличное средство продолжить жизнь!

Эти дни, столь быстро проходившіе когда онъ былъ занятъ дѣломъ и доставлявшіе ему каждый вечеръ удовольствіе отдыха и услокоенія, пріобрѣли теперь утомительную долготу бездѣйствія, дремоты и нелѣпыхъ грезъ на пустой желудокъ. Тяжело убивать время, это проклятое время которое никакъ не хочетъ умирать само по себѣ!...

Въ тѣ дни, однако, когда г. Жуайёзъ былъ слишкомъ утомленъ, или когда погода была слишкомъ свирѣла, онъ поджидалъ въ концѣ улицы когда его дочери закроютъ окно, потомъ возвращался назадъ, быстро взбѣгалъ на лѣстницу, удерживая дыханіе предъ своею дверью, и укрывался у фотографа Андрея Маранна, который, зная объ его несчастіи, дѣлалъ ему радушный пріемъ, обычный между бѣдняками. Клиенты рѣдко появляются въ предмѣстьяхъ. Онъ проводилъ долгіе часы въ мастерской, бесѣдуя въ полголоса, читая подлѣ своего друга, прислушиваясь къ дождю стучащему въ окна или къ вѣтру завывающему какъ бы посреди моря, раскачивающему старыя двери и ставни тамъ, посреди разрушенныхъ домовъ. Внизу онъ слышалъ знакомый и полный прелести шумъ, звуки лѣсенъ между занятіями, урокъ на фортепиано, который давала бабушка, стукъ метронома

и очаровательное движеніе маленькой семьи, такъ сладко сжимавшее ему сердце. Онъ жилъ съ своими милыми которыми и не подозрѣвали что онъ такъ близко къ нимъ.

Однажды, во время отсутствія Маранна, г. Жуайёзъ, вѣрно охраняя мастерскую и ея новый снарядъ, услышалъ два легкіе удара въ потолокъ четвертаго этажа, два раздѣльные, очень явственные удара, потомъ легкое шуршанье, похожее на возню мыши. Близкое знакомство фотографа со своими сосѣдами допускало сношенія такого рода, но что обозначалъ такой сигналъ? Какъ отвѣчать на то, что ему казалось приглашеніемъ? Наудачу онъ повторилъ два удара и легкое шуршанье, и разговоръ на этомъ остановился. По возвращеніи Андрея Маранна дѣло объяснилось очень просто: иногда въ теченіе дня, дѣвицы, выдавшія сосѣда только по вечерамъ, справлялись о его здоровьи, о томъ какъ идетъ работа. Слышанный сигналъ означалъ: „Какъ идутъ дѣла сегодня?“ И г. Жуайёзъ по инстинкту отвѣчалъ: „Не слишкомъ дурно по времени года.“ Хотя, говоря это, молодой Мораннъ сильно покраснѣлъ, но г. Жуайёзъ повѣрилъ ему на слово. Только его испугала мысль, чтобы частыя сношенія между сосѣдами не выдали тайны его положенія, и онъ прекратилъ то что называлъ своими „артистическими днями“. Къ тому же приближалась минута въ которую онъ не могъ болѣе скрывать своего несчастія, такъ какъ наступалъ конецъ мѣсяца, а вмѣстѣ съ нимъ и окончаніе года.

Въ послѣднія недѣли декабря Парижъ принимаетъ уже свою праздничную физиономію. Только это время онъ и посвящаетъ народному веселью. Карнавальныя безумныя потѣхи умерли одновременно съ Гаварни, религіозныя празднества, которыхъ колокольный звонъ едва слышенъ посреди шума колесъ, совершаются въ церковныхъ стѣнахъ, 15е августа праздновалось только въ казармахъ; но Парижъ сохранилъ еще все уваженіе къ Новому Году.

Съ начала декабря громадное количество дѣтскихъ игрушекъ распространяется по городу. Вы видите то и дѣло разныя повозки, наполовненные золочеными барабанами, деревянными конями, мелкими игрушками. Въ промышленныхъ кварталахъ, съ верху до низу латиэтажныхъ домовъ, старинныхъ отелей, гдѣ магазины отличаются высокими лотками и двойными грандіозными дверями, ночи проводятся

въ выдѣлываніи газа, цвѣтовъ и фольги, въ приклеиваніи этикетокъ къ сатицированнымъ ящичкамъ, въ свертываніи, въ мѣщеніи и укладкѣ тысячи игрушечныхъ подробностей этой обширной торговли, на которую Парижъ налагаетъ печать своей элѣгантности. Вездѣ слышится запахъ новаго дерева, свѣжей живописи, блестящаго лака, и въ пыли мансардъ, по узкимъ грязнымъ лѣстницамъ валяются стружки розоваго дерева, обрѣзки атласа и бархата, искры фольги, всѣ обрывки роскоши, употребленной для ослабленія дѣтскихъ глазъ. Затѣмъ выставки принимаютъ ларадный видъ. За свѣтлыми витринами, лозолота книгъ, назначенныхъ въ подарокъ, сверкаетъ какъ блестящая волна подъ газомъ, разноцвѣтныя и заманчивыя ткани выказываютъ свои ласкающія и тяжелыя складки, между тѣмъ какъ дѣвицы при магазинахъ, съ громадною прической, разукрашенной лентами, выбираютъ вещи, поднявъ мизинецъ къ верху, ицц наполняютъ муаровыя мѣшки, куда конфеты падаютъ жемчужнымъ дождемъ.

Рядомъ съ этою торговлею буржуазіи, спокойно располагающеюся въ свѣтлыхъ теплыхъ комнатахъ, водворяется импровизованная промышленность досчатыхъ бараконъ открытых лорывамъ уличнаго вѣтра, двойной рядъ которыхъ придаетъ бульварамъ видъ ярмарки. Тамъ сосредоточивается истинный интересъ и поэзія подарковъ на Новый Годъ. Роскошныя въ кварталѣ Магдалины, буржуазныя къ бульвару Сентъ-Дени, болѣе „народныя“ по дорогѣ къ Бастиліи, эти маленькіе бараки измѣняются смотря по лубайкѣ и различиваютъ вѣроятности успѣха по болѣе или менѣе полному кошельку прохожихъ. Между ними располагаются подвижныя столы локрытые разными вещами, чудесами мелкой парижской промышленности, сдѣланными изъ ничего, легкими и хрупкими, которыя мода выбрасываетъ иногда на свѣтъ по причинѣ этой самой легкости. Наконецъ вдоль тротуаровъ, закрытыхъ цѣлью экилажей, задѣвающихъ ихъ на ходу, продавцы алеельсиновъ дополняютъ эту бродячую торговлю, группируя плоды солнечнаго цвѣта подъ свой красный бумажный фонарь съ крикомъ „*La Valence*“, въ туманѣ, суматохѣ, крайней послѣдственности съ которою Парижъ оканчиваетъ свой годъ.

Бывало г. Жуайёзъ участвовалъ въ этой озабоченной толпѣ, расхаживающей со свертками и узелками въ рукахъ и побра-

живающей деньгами въ карманахъ. Онъ отправлялся въ сопровожденіи бабушки за подарками для дочерей, останавливался предъ мелкими торговцами, волнующимися при появленіи всякаго покупателя, не привыкшихъ къ торговать и основывающихся на этомъ краткомъ періодѣ времени надежды на чрезвычайные барыши.

И тогда происходили переговоры, разсужденія, безконечныя колебанія въ выборѣ въ этой разсѣянной головѣ, всегда отвлекающейся отъ настоящей минуты и предающейся грезамъ. Въ этомъ году, увы, не было ничего подобнаго. Онъ меланхолически бродилъ по веселому городу болѣе печальный, болѣе праздный посреди окружающей дѣятельности, получая точки подобно всѣмъ людямъ стѣсняющимъ движеніе, съ сердцемъ взволнованнымъ безпрерывною боязнью, ибо бабушка нѣсколько дней уже дѣлала ему за столомъ прозрачныя и многозначительныя намеки относительно подарковъ. Онъ избѣгалъ оставаться наединѣ съ нею и залетѣлъ ей приходить за нимъ въ контору. Но несмотря на всѣ усилія, приближалась минута—онъ хорошо это чувствовалъ—когда скрываться будетъ невозможно и его несчастная тайна разоблачится... Стало-быть очень страшна была эта бабушка, что г. Жуайёзъ такъ сильно ея боялся?... О нѣтъ, Боже мой! Нѣсколько строга, вотъ и все, съ милою улыбкой, выражавшею тотчасъ же помилованіе всѣмъ виновнымъ. Но г. Жуайёзъ былъ трусливъ, робокъ по природѣ, а двадцать лѣтъ жизни съ властолюбивою женщиной, „особой благороднаго происхожденія“, поработили его навсегда, какъ тѣхъ каторжниковъ, которые, отбывъ срокъ своего наказанія, должны еще выдержать періодъ полицейскаго надзора. И надзоръ этотъ онъ долженъ былъ переносить всю жизнь.

Разъ вечеромъ семейство Жуайёзовъ собралось въ маленькомъ салонѣ, послѣднемъ остаткѣ своего величія, гдѣ находились два мягкія кресла, много украшеній по стѣнамъ, фортепіано, двѣ карселевыя лампы подъ стеклянными колпаками и этажерка, наполненная различными вещами.

Изъ экономіи во всемъ домѣ зажигали только одинъ каминъ и одну лампу, вокругъ которой группировались всѣ занятія, всѣ развлеченія, большую семейную лампу, старый абажуръ которой—ночныя сцены, усыяныя блестящими точками—былъ предметомъ удивленія и радости всѣхъ

этихъ дѣвочекъ во время ихъ младенчества. Выступая слегка изъ тѣни комнаты четыре маленькія головки, блонкурыя или черноволосыя, смѣющіяся или занятыя, наклонялись надъ этимъ мирнымъ и согрѣвающимъ свѣтомъ, который освѣщалъ ихъ въ уровень съ головами, казалось поддерживалъ огонь ихъ взора, свѣтлую юность ихъ прозрачныхъ личекъ, охранялъ ихъ отъ черного холода, свирѣлствовавшего на дворѣ, отъ привидѣній, засадъ, бѣдствій и ужасовъ, отъ всего страшнаго, что распространяетъ ларижская ночь во глубинѣ затеряннаго квартала.

Замкнутое такимъ образомъ въ маленькой комнатѣ на верху пустыннаго дома, въ теплѣ и безопасности своего внутренняго быта, опрятное и мирное семейство Жуайѣзовъ казалось гнѣздомъ на вершинѣ высокаго дерева. Всѣ шьютъ, читаютъ, иногда обмѣниваются нѣсколькими словами. Слышится только трескъ огня въ каминѣ, да по временамъ какое-нибудь восклицаніе г. Жуайѣза, расположившагося въ полутѣни со своимъ озабоченнымъ лицомъ и со всѣми причудами своего воображенія. Теперь онъ воображаетъ себѣ, что посреди бѣдствія его удручающаго, въ жестокой необходимости сознаться во всемъ бабушкѣ сегодня вечеромъ или не позже какъ завтра, къ нему вдругъ является неожиданная помощь. Гемерлингъ, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, присылаетъ ему, какъ и всѣмъ тѣмъ кто занимались Тунисскимъ займомъ, декабрьское награжденіе. Приноситъ его высокій лакей: „Отъ г. барона.“ Мечтатель произнесъ эти слова вслухъ. Хорошенькія личики обращаются къ нему, смѣются, волнуются, и несчастный пробуждается разомъ.

О! какъ онъ досадуетъ на себя за то что онъ давно не признался во всемъ, что онъ поддерживалъ вокругъ себя ложное спокойствіе, которое придется теперь разомъ разрушить... Да и зачѣмъ ему было острить надъ этимъ Тунисскимъ займомъ!... Въ ту минуту онъ упрекалъ себя и за то что не приваля мѣста въ *Земельной Кассѣ*. Имѣлъ ли онъ право отказываться отъ него? Ахъ! жалкій глава семейства не имѣющій силы охранять и защищать счастье своей семьи... И предъ этою хорошенькою груллой, окружающею абажуръ, спокойный видъ которой такъ рѣзко противорѣчитъ его внутреннимъ тревогамъ, онъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти столь сильное, что тайна подступаетъ

къ его устамъ и готова вырваться вмѣстѣ съ рыданіями, какъ вдругъ ударъ звонка, и на этотъ разъ не химерическій, заставилъ всѣхъ вздрогнуть и остановилъ его въ ту минуту, какъ онъ собирался говорить.

Кто бы могъ явиться въ такой часъ? Они жили въ уединеніи по смерти матери и почти ни у кого не бывали. Андрей Маравнъ, спускаясь къ нимъ на минуту, стучалъ въ дверь, какъ дѣлають тѣ для которыхъ она всегда открыта. Глубокое молчаніе въ салонѣ, продолжительные переговоры на площадкѣ. Наконецъ старуха-нана,—она поступила въ домъ одновременно со старою лампой,—ввела молодого, совершенно незнакомаго человѣка, который остановился предъ восхитительнымъ зрѣлищемъ четырехъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Оттого онъ вошелъ какъ-то застѣнчиво и неловко. Впрочемъ онъ очень отчетливо объяснилъ причину своего посѣщенія. Его адресовалъ къ г. Жуайѣзу его знакомый старикъ Пассажонъ, чтобы взять у него нѣсколько уроковъ бухгалтеріи. Одинъ изъ его друзей ведетъ большія денежные дѣла. Онъ желалъ бы оказать ему услугу, наблюдая за употребленіемъ капиталовъ, за вѣрностью операцій; но онъ адвокатъ, мало знакомъ съ финансовыми системами, съ языкомъ банка. Не можетъ ли г. Жуайѣзъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, давая ему по три, четыре урока въ недѣлю....

— Конечно, милостивый государь, конечно... говорилъ заикаясь лапа Жуайѣзъ, отуманенный такимъ неожиданнымъ благополучіемъ.—Я берусь въ нѣсколько мѣсяцевъ ознакомить васъ со счетною частью... Гдѣ мы будемъ брать уроки?

— У васъ, если позволите, отвѣчалъ молодой человѣкъ,—ибо я очень желаю чтобы не знали о моихъ занятіяхъ... Только я буду въ отчаяніи, если мой приходъ будетъ всякій разъ сигналомъ къ общему бѣгству, какъ сегодня вечеромъ.

И дѣйствительно, при первыхъ словахъ посѣтителя, четыре завитыя головки исчезли съ легкимъ шелотомъ, съ шелестомъ юлокъ, и комната казалась совершенно пустою теперь, когда большой кругъ бѣлаго свѣта распространялся ни чѣмъ не стѣняемый.

Всегда очень подозрительный, когда рѣчь касалась его дочерей, г. Жуайѣзъ отвѣчалъ что „эти дѣвицы всегда ложатся очень рано“, и это такимъ отрывистымъ тономъ, ко-

торый какъ бы говорилъ: „Прошу васъ, молодой человѣкъ, поговоримъ объ урокахъ.“ Назначены были дни, свободные часы по вечерамъ. Что касается условій, то г. Жуайбъ согласенъ на всякія.

Посѣтителъ сказалъ цифру.

Бухгалтеръ весь покраснѣлъ; это было именно то что онъ получалъ у Гемерлингга.

— О! нѣтъ, этого слишкомъ много.

Но тотъ не слушалъ его, колебался, какъ бы затрудняясь выговорить что желалъ и вдругъ сказалъ рѣшительно:

— Вотъ за нашъ первый мѣсяцъ...

— Помилуйте, за что это?..

Молодой человѣкъ настаивалъ. Его не знали; справедливость требовала чтобъ онъ заплатилъ впередъ... Очевидно Пассажонъ предупредилъ его... Г. Жуайбъ понялъ его и сказалъ въ полголоса: „Благодарю, о! благодарю васъ...“ въ такомъ волненіи что у него оборвался голосъ. Жизнь! Это жизнь на нѣсколько мѣсяцевъ, возможность извернуться, приискать снова мѣсто. Его милочки не будутъ ни въ чемъ терпѣть недостатка. Онъ получаетъ подарки на Новый Годъ. О Провидѣніе!..

— Итакъ до среды, господинъ Жуайбъ?

— До среды, господинъ...

— Де-Жери, Поль де-Жери.

Они разстались оба радостные, восхищенные, одинъ—по явленіемъ этого неожиданнаго спасителя, другой—очарованною картиной, которую онъ увидѣлъ вскользь, эту милую женскую группу вокругъ стола, покрытаго книгами и клубками, съ видомъ чистоты, трудолюбивой честности. Для Жери открывался совершенно новый Парижъ, мужественный, семейный, совершенно отличный отъ того который ему былъ знакомъ, Парижъ, о которомъ не говорятъ никогда ни фельетонисты, ни репортеры, и который напоминалъ ему его провинцію, но съ особымъ очарованіемъ, со всею прелестью, которую сообщаетъ окружающій шумъ и суматоха спокойному и укротному пріюту.

VI. Фелиція Рюисъ.

— А вашъ сынъ, Джеккинсъ, что вы съ нимъ дѣлаете?... Почему его не видать у васъ?.... Онъ былъ такой милый мальчикъ.

Говоря это тѣмъ высокомерно-презрительнымъ тономъ, который она принимала всегда въ разговорѣ съ Ирландцемъ, Фелиція работала надъ бюстомъ Набаба, придавая позы своему оригиналу, оставляла и брала снова свои инструменты, небрежно вытирала пальцы о маленькую губку, между тѣмъ какъ свѣтъ и спокойствіе прекраснаго послѣполуденнаго времени падали на стеклянную ротонду мастерской. Фелиція „принимала“ по воскресеньямъ, если принимать значитъ оставлять свою дверь отворенною, позволять людямъ входить, выходить, садиться на минуту, не отрываясь ни на минуту отъ работы и не прерывая даже слора, чтобы привѣтствовать входящихъ. То были артисты, между которыми являлись иногда послѣдствіе друзья покойнаго Рюиса, затѣмъ любители, свѣтскіе люди, банкиры, биржевые агенты и нѣсколько молодыхъ людей, являющихся посмотреть болѣе на красоту чѣмъ на ея скульптуру, чтобы имѣть право сказать вечеромъ въ клубѣ: „Я былъ сегодня у Фелиціи.“ Между ними Поль де-Жери, безмолвный, погруженный въ обожаніе которое съ каждымъ днемъ все глубже входило въ его сердце, старался разгадать прекрасный сфинксъ, облеченный въ лурлуровый кашмиръ и шелковое кружево, и отважно работавшій глиной, въ фартукѣ доходящемъ почти до шеи, отбѣняющимъ маленькую и гордую голову, которая выдѣлялась съ тѣми прозрачными тонами, съ тѣмъ блистаніемъ трепетнаго луча, которымъ умъ и вдохновеніе озаряютъ лицо. Поль всегда помнилъ что при немъ говорили о ней, пытался составить собственное мнѣніе, сожалѣлся, исполненный смущенія и восторга, клялся каждый разъ что не придетъ къ ней болѣе и не пролукавалъ ни одного воскресенья. Была тамъ также постоянно всегда на одномъ мѣстѣ маленькая женщина съ свѣдыми и залудренными волосами, съ косыночкой вокругъ розоваго лица, картинка нѣсколько поблекшая отъ лѣтъ которая при скромномъ освѣщеніи амбразуры кротко улы-

балась, протянувъ руки на коѣнна съ неподвижностью факира. Дженкинсъ, любезный, со своимъ открытымъ лицомъ, съ своими черными глазами и видомъ проповѣдника, переходилъ отъ одного къ другому, извѣстный всѣмъ и всѣмъ любимый. Онъ также не пропускалъ ни одного изъ приемныхъ дней Фелици, и по истинѣ обнаруживалъ замѣчательное терпѣніе, ибо всѣ капризы артистки и хорошенькой женщины падали на него. Какъ будто не замѣчая этого, съ тою же ясностью, улыбающеюся, снисходительною, онъ продолжалъ посѣщать дочь своего стараго Рюиса, того кого онъ такъ любилъ, за которымъ такъ ухаживалъ до послѣдней минуты.

На этотъ разъ однако вопросъ, съ которымъ къ нему обратилась Фелиція по поводу его сына, показался ему крайне непріятнымъ, и нахмутивъ брови, съ выраженіемъ дѣйствительной досады, онъ отвѣчалъ:

— Чтò съ вами дѣлается, по чести я знаю не болѣе васъ.... онъ оставилъ насъ совсѣмъ. Онъ скучалъ у насъ.... Онъ любить только свою богему....

Фелиція сдѣлала прыжокъ, заставившій всѣхъ вздрогнуть, и съ сверкающими глазами, съ дрожащими ноздрями воскликнула:

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ.... Ну скажите, Дженкинсъ, чтò такое вы называете богемой?... Слово прелестное, говоря мимоходомъ, которое должно бы вызывать продолжительныя, безцѣльныя прогулки по саду, отдыхъ на опушкѣ лѣса, всю первобытную свѣжесть плодовъ и источниковъ, взятую на удачу на большихъ дорогахъ.... Но такъ какъ изъ всей этой граціозности вы сдѣлали оскорбленіе, лютно, то къ кому вы ихъ относите?... Къ какимъ-нибудь длинноволосымъ бѣднякамъ, очарованнымъ независимостью, въ дохмотяхъ, которые околѣваютъ отъ голоду въ лѣтомъ этажѣ, смотря на небесную лазурь слишкомъ близко, или подбирая рѣкмы подъ черелицей, сквозь которую просачивается дождь,—къ этимъ безумцамъ встрѣчающимся все рѣже и рѣже, которые изъ ужаса ко всему условному, традиціонному, къ пошлости жизни, прыгнули стремглавъ въ этотъ просторъ?... Но развѣ вы не понимаете что все это не ново. Эта Мюргерова богема съ госпиталемъ на концѣ, пугало дѣтей спокойствіе родителей, Красная Шапочка сдѣланная волкомъ... Она давно кончилась—эта

исторія.... Теперь, какъ вамъ извѣстно, артисты самые порядочные люди на свѣтѣ: они зарабатываютъ деньги, платятъ свои долги и стараются походить на перваго встрѣчнаго.... Но настоящая богема есть; наше общество составлено изъ нея, она въ вашемъ кругу.... Правда, она не носитъ внѣшней вывѣски и никто ея не остерегается; но относительно неизвѣстности, непрочности и несвязности существованія ей нечего завидовать тѣмъ, кого она такъ презрительно называетъ „безпорядочными“.... О! еслибы вы знали все что черный фракъ, самое правильное изъ вашихъ отвратительныхъ современныхъ одѣяній, можетъ скрывать глупостей, исторій фантастическихъ или чудовищныхъ.... Вотъ, Дженкинсъ, на вечерѣ у васъ, я забавлялась, перечисляя всѣхъ этихъ авантюристовъ высокаго....

Розовая и палудренная старушка сказала ей со своего мѣста:

— Фелиція... остерегись....

Но та продолжала, не слушая ея:

— Ну что такое Монлавонъ, докторъ?... А Буа-Ландри.... А самъ де-Мора?... А....

Она хотѣла сказать: „А Набабъ?“ но удержалась.

— И сколько еще другихъ! О! право я не совѣтую вамъ говорить съ презрѣніемъ о богемѣ.... А ваши лаціенты моднаго врача, о великій Дженкинсъ, развѣ не изъ этой категоріи? Богема промышленности, финансіи, политика, безпріютные бродяги всѣхъ кастъ, и чѣмъ выше поднимаетесь тѣмъ болѣе ихъ находите, потому что высокое положеніе упрочиваетъ безнаказанность, а богатство щедро платитъ за молчаніе.

Она говорила, сильно взволнованная, съ жесткимъ видомъ, съ губами сжатыми свирѣлымъ презрѣніемъ. Дженкинсъ смѣялся притворнымъ смѣхомъ, принималъ видъ равнодушія, снисхожденія: „О, безумная голова... безумная голова“. И взглядъ его съ тревогой и мольбой устремлялся къ Набабу, какъ бы испрашивая у него прощенія за всѣ эти грубые парадоксы.

Но Жансуле отнюдь не выказывалъ неудовольствія; совершенно довольный тѣмъ что онъ позировалъ предъ этою прекрасною художницей и гордый честью которую ему оказывали, онъ одобрительно покачивалъ головой.

— Она права, Дженкинсъ, сказалъ онъ наконецъ, — она

совершенно права. Настоящая богема наша братья. Посмотрите на меня напиримѣрь, посмотрите на Гемерлингга, двухъ богатѣйшихъ людей въ Парижѣ. Когда подумаешь съ чего мы начали, какими ремеслами мы занимались! Гемерлингъ, бывший полковой маркитантъ, я, который изъ-за куска хлѣба переносилъ мѣшки со яценницей въ Марсельской гавани.... А удачи, благодаря которымъ составилось наше богатство, какъ впрочемъ составляются и всѣ богатства теперь.... Чортъ возьми! Пойдите подъ навѣсы биржи отъ трехъ до пяти часовъ, тамъ вы увидите обрачики настоящей богемы.... Но, извините, сударыня, съ моимъ обыкновеніемъ жестикулировать во время разговора я потерялъ позу.... Посмотрите, такъ ли я сижу?...

— Не нужно, сказала Фелиція, бросая свой инструментъ съ видомъ избалованнаго ребенка.—Я не буду работать сегодня.

Странная дѣвушка была эта Фелиція. Истинная дочь художника, гениальнаго и беспорядочнаго художника романтическихъ традицій, какимъ былъ Себастьянъ Рюисъ. Матери своей она никогда не знала, такъ какъ она была плодомъ мимолетной любви, которая внезапно вторглась въ холостую жизнь скульптора, подобно ласточкѣ, влетающей въ постоянно отворенную дверь дома и исчезающей тотчасъ же по невозможности свить въ немъ гнѣздо.

На этотъ разъ дама, улетаая, оставила великому художнику, которому было тогда сорокъ лѣтъ отъ роду, прекрасное дитя, которое онъ усыновилъ, воспиталъ и которое сдѣлалось радостью и страстью его жизни. До тринадцати лѣтъ Фелиція оставалась у отца, внося дѣтскую и нѣжную ноту въ мастерскую, наполненную бездомовниками, моделями, большими собаками, лежавшими на диванахъ. Тамъ былъ уголокъ предоставленный ей, для ея опытовъ въ скульптурѣ, цѣлое микроскопическое заведеніе, тревожникъ, воскъ, и старикъ Рюисъ кричалъ входившимъ:

— Не заходи туда... Не трогай ничего... это уголокъ дѣвочки...

Оттого десяти лѣтъ она едва умѣла читать, но уже съ изумительною ловкостью обращалась съ орудіями скульптуры. Рюисъ желалъ бы не разставаться никогда съ этимъ ребенкомъ, ни въ чемъ его ни стѣснявшимъ, и почти съ рожденія вступившимъ на полприщѣ искусства. Но жалко было видѣть эту дѣвочку посреди безцеремоннаго обращенія обыч-

ныхъ посятителей, вѣчнаго движенія моделей, преній о чисто физическихъ подробностяхъ ваянія и даже за шумными воскресными обѣдами, когда она сидѣла посреди пяти-шести женщинъ, съ которыми отецъ ея былъ на ты, актрисами, танцовщицами или лѣвицами, которыя послѣ обѣда принимались курить, положивъ локти на столъ и пускаясь въ скандальные разказы, которые такъ любилъ хозяинъ дома. Къ счастью дѣтство охраняется отражающею чистотой, эмалью, съ которой стекаетъ всякая грязь. Фелиція сидѣлась шаловливою, буйною, дурно воспитанною, но ее не коснулось ничто нечистое пролетавшее по землѣ надъ ея маленькою головкой.

Каждый годъ лѣтомъ она проводила нѣсколько дней у своей крестной матери, Констансы Кремицъ, Кремицъ старшей, которую долгое время вся Европа называла „знаменитою танцовщицей“ и которая проживала потомъ въ мирномъ уединеніи въ Фонтенбло.

Прибытіе „чертенка“ вносило въ продолженіе нѣкотораго времени въ жизнь старой танцовщицы волненіе, отъ котораго она потомъ съ трудомъ могла оправиться; страхъ который наводила на нее дѣвочка своею смѣлостью въ прыганьи, въ лазаньи по деревьямъ, въ верховой ѣздѣ, всѣ эти порывы необузданной натуры восхищали ее и приводили въ ужасъ; восхищали потому что она обожала Фелицію, единственную семейную связь, которая оставалась этой бѣдной старой саламандрѣ въ отставкѣ послѣ тридцатилѣтняго „прыганья“ при блескѣ лампъ; наводили ужасъ, потому что „чертенокъ“ безпощадно разстраивалъ внутренность жилища танцовщицы, украшеннаго, тщательно убраннаго, раздущеннаго, какъ бывало ея оперная уборная, и украшеннаго музеемъ воспоминаній, собраннымъ со всѣхъ сценъ міра.

Констанса Кремицъ была единственнымъ женскимъ элементомъ въ дѣтствѣ Фелиціи. Легкомысленная, ограниченная, сохранившая въ умѣ своемъ на всю жизнь впечатлѣніе театральнаго костюма, она имѣла по крайней мѣрѣ кокетливую опрятность, быстрые пальцы, умѣвшіе шить, вышивать, разглаживать, вносить во всѣ изгибы костюма легкость и тщательность. Она взялась исправить юную дикарку и осторожно пробудить женщину въ этомъ отравномъ существѣ, на слани котораго лапши, шубки, все

что мода избрѣтала самаго элегантнаго, принимали складки слишкомъ прямыя или изгибы слишкомъ странные.

Опять-таки танцовщица — такъ заброшена была эта маленькая Рюпсъ—восторжествовала надъ отцовскимъ эгоизмомъ и потребовала отъ скульптора необходимой разлуки, когда Фелициѣ пошелъ тринадцатый годъ; и она же приняла на себя обязанность отыскать приличный пансіонъ, пансіонъ который она съ намѣреніемъ выбрала самый богатый и самый буржуазный, расположенный въ предмѣстьѣ на свѣжемъ воздухѣ, въ обширномъ старомъ жилищѣ, окруженномъ высокими стѣнами, высокими деревьями, нѣчто въ родѣ монастыря, но безъ стѣсненія и безъ пренебреженія серьезными занятіями.

Напротивъ того, въ заведеніи гжи Белленъ работали много, безъ отпусковъ, кромѣ большихъ праздниковъ, безъ сообщеній со внѣшнимъ міромъ кромѣ посѣщенія родныхъ по четвергамъ въ маленькомъ саду, усаженномъ кустарникомъ и цвѣтами или въ обширной приемной съ дверьми украшенными рѣзьбой и позолотой. Первое появленіе Фелициѣ въ этомъ почти монашескомъ домѣ произвело, правда, нѣкоторое движеніе; ея костюмъ, выбранный австрійскою танцовщицею, ея волосы, падавшіе локонами до талии, и слегка свободная походка, болѣе свойственная мальчику, возбудили нѣкоторыя недоброжелательныя замѣчанія, но она была Парижанка и скоро приворовалась ко всѣмъ мѣстамъ и ко всѣмъ положеніямъ. Прошло нѣсколько дней и она не хуже другихъ носила свой черный фартучекъ, къ которому самыя щеголеватыя прицѣпляли часы, прямую юбку—строгое и безплощадное предписаніе въ эту эпоху, когда мода разширяла женщинъ безконечнымъ множествомъ оборокъ — форменную прическу, двѣ косички подвязанныя нѣсколько низко на шеѣ, какъ носить римскія крестьянки.

Странное дѣло! прилежное посѣщеніе классовъ, ихъ сплоченная аккуратность пришлось по природѣ Фелициѣ, весьмамышленой и живой, въ которой вкусъ къ ученію освѣжался въ свободной юношеской зрѣлости, въ шумномъ веселіи рекреаций. Ее полюбили. Между этими дочерьми крупныхъ промышленниковъ, парижскихъ нотаріусовъ или фермеровъ-дворянъ, маленькаго, солиднаго, нѣсколько роскошнаго міра, гдѣ богатство опредѣляло положеніе, хорошо

извѣстное имя стараго Рюиса, уваженіе окружившее въ Парижѣ репутацію артиста, доставили молодой дѣвушкѣ особое и очень завидное мѣсто, которое стало еще бластательнѣе вслѣдствіе ея успѣховъ въ классѣ, рѣшительнаго таланта въ живописи, и красоты, этого преимущества, доставляющаго первенство даже между самыми молоденькими дѣвушками.

Въ очищенной атмосферѣ пансіона, Фелиція чувствовала чрезвычайное наслажденіе сдѣлаться женщиной, вступить снова въ права своего пола, познакомиться съ порядкомъ, аккуратностью, но уже помимо этой любезной танцовщицы, поцѣлуй которой всегда отзывались притираніями и всѣ манеры носили на себѣ отпечатокъ неестественности. Старикъ Рюисъ приходилъ въ восторгъ, каждый разъ когда навѣщалъ дочь, что она сдѣлалась благовоспитанною дѣвицей, ужѣла ходить, появляться изъ одной комнаты въ другую съ тѣмъ граціознымъ реверансомъ, который заставлялъ всѣхъ воспитанницъ гжи Белленъ желать какъ можно скорѣе облечься въ платья съ длинными шлейфами.

Сначала онъ пріѣзжалъ часто, потомъ, такъ какъ времени у него было мало для всѣхъ предпринятыхъ работъ, для выполненія заказовъ, за которые онъ получалъ плату впередъ, и такъ какъ въ его жизни господствовалъ полнѣйшій безпорядокъ, то онъ сталъ все рѣже и рѣже появляться въ пріемной пансіона. Наконецъ онъ занемогъ. Удрученный тяжкою анеміей, онъ цѣлые недѣли оставался дома и не могъ работать. Тогда онъ пожелалъ взять къ себѣ дочь изъ пансіона, гдѣ царствовалъ такой здоровый миръ. Фелиція попала снова въ отцовскую мастерскую, которую посѣщали все тѣ же лица, паразиты, окружающіе каждую знаменитость, между которыми болѣзнь ввела новое лицо—доктора Дженкинса.

Его изящное, открытое лицо, выраженіе кроткости и искренности, составлявшее, какъ намъ извѣстно, характеристическую черту этого врача, который говорилъ объ искусствѣ своемъ такъ просто и между тѣмъ совершалъ чудесныя исцѣленія, заботы которыми онъ окружалъ ея отца, произвели на молодую дѣвушку глубокое впечатлѣніе. Дженкинсъ сдѣлался тотчасъ же другомъ, повѣреннымъ, кроткимъ и внимательнымъ олекуномъ. Иногда, если въ мастерской кто-нибудь—и отецъ прежде всѣхъ—произносилъ слѣдующее

вольное слово, не совѣсть приличную шутку, Ирландецъ хмурилъ брови, слегка щелкая языкомъ, или отклонялъ вниманіе Фелиціи. Онъ часто увозилъ ее на цѣлый день къ гжѣ Дженкинсъ, стараясь помѣшать ей отдѣлаться снова тою дикаркой, какою она была до вступленія въ пансіонъ, или даже чѣмъ-нибудь еще хуже, что угрожало ей въ нравственномъ одиночествѣ, болѣе печальномъ всякаго другаго въ которомъ ее оставляли.

Но молодая дѣвица имѣла для своей защиты нѣчто лучше чѣмъ безукоризненный и свѣтскій примѣръ красавицы гжи Дженкинсъ; то было искусство, наполнявшее восторгомъ ея богатую натуру, чувство красоты, истины, которое изъ ея серьезной, полной мыслями головы переходило къ ней въ пальцы съ какою-то нервною дрожью, съ желаніемъ совершить задуманное, осуществить представившійся ей образъ. Цѣлый день она занималась скульптурой, направляла свои мечтанія съ тѣмъ инстинктивнымъ счастьемъ юности, которое придаетъ столько прелести первымъ произведеніямъ; это мѣшало ей слишкомъ сожалѣть о суровости заведенія гжи Белленъ, укромнаго и легкаго, какъ покрывало послушницы не дававшей обѣтовъ, и это же предохраняло ее отъ опасныхъ разговоровъ, которыхъ она не слыхала, будучи погружена въ свое исключительное занятіе.

Рюисъ гордился этимъ дарованіемъ, развивавшимся подъ его надзоромъ. Ослабѣвая съ каждымъ днемъ все болѣе, уже достигнувъ той фазы, когда художникъ переживаетъ самъ себя, онъ съ радостію слѣдилъ за Фелиціей и забывалъ о своей собственной оконченной карьерѣ. Инструментъ, уже дрожавшій въ его рукѣ, схватывался подлѣ него съ мужскою твердостью и самоувѣренностью, и продолжалъ дѣйствовать внося въ произведеніе искусства всю нѣжность свойственную женской природѣ. Такимъ образомъ геній отца, уже отживавшаго, переходилъ къ дочери, только-что начинавшей жить, подобно тѣмъ красивымъ домашнимъ птицамъ, которыя наканунѣ смерти хозяина оставляютъ его кровлю и перелетаютъ въ другое мѣсто печальное жилище!

Въ послѣднее время Фелиція—великая художница и все-таки дитя—выполняла половину отцовскихъ работъ; и трудно было представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этого сотрудничества отца и дочери, въ одной и той же мастер-

ской, около одной и той же группы. Дѣло не всегда обходилось мирно. Хотя Фелиція и была ученица своего отца, но она чувствовала уже, что натура ея не подчинится деспотическому руководству. У нея появлялись смѣлые порывы начинающихъ художниковъ, предчувствія будущности, принадлежащей молодымъ талантамъ, и, въ противность романтическимъ преданіямъ Себастіана Рюиса, наклонность къ современному реализму, потребность водрузить это старое славное знамя на какомъ-нибудь новомъ памятникѣ.

Тогда происходили страшныя схватки, пренія, изъ которыхъ отецъ выходилъ побѣжденнымъ логикой дочери, въ удивленіи какъ быстро совершаютъ путь дѣти, между тѣмъ какъ старики, открывшіе имъ заставы, остаются неподвижно у точки исхода. Когда Фелиція работала за него, то она уступала скорѣе, но относительно собственной скульптуры она была непреклонна; такъ напримѣръ *Мальчикъ играющій шарами*, первое ея произведеніе, имѣвшее такой огромный успѣхъ на выставкѣ въ салонѣ 1862 года, было предметомъ такихъ запальчивыхъ сценъ между двумя артистами, такихъ рѣзкихъ противорѣчій, что Дженкинсъ долженъ былъ вступиться, уложилъ при себѣ и отправилъ по принадлежности группу, которую Рюисъ грозилъ разбить.

Помимо этихъ маленькихъ драмъ, нисколько не касавшихся ихъ сердечной привязанности, два существа эти обожали другъ друга съ предчувствіемъ и почти съ жестокою увѣренностью въ скорой разлукѣ, какъ вдругъ въ жизни Фелиціи случилось страшное происшествіе. Однажды Дженкинсъ увезъ ее обѣдать къ себѣ, что бывало очень часто. Гжа Дженкинсъ была въ отсутствіи; она уѣхала куда-то на два дня со своимъ сыномъ; но лѣта доктора, его почти отеческая близость, позволяли ему даже въ отсутствіе жены принимать у себя эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, которая несмотря на быстро развившуюся красоту, наломивавшую Евреекъ Востока, была все-таки почти дѣтей.

Обѣдъ прошелъ очень весело; Дженкинсъ былъ по обыкновенію любезенъ и радушенъ. Затѣмъ перешли въ кабинетъ доктора; и вдругъ на диванѣ, посреди совершенно интимнаго, дружескаго разговора объ ея отцѣ, объ ея здоровьѣ, объ ея занятіяхъ, Фелиція почувствовала холодъ бездны между собою и этимъ человѣкомъ; потомъ грубое

и косновеніе лапы фавна. Она увидѣла Дженкинса незнакомаго, взволнованнаго, заикающагося, съ бессмысленнымъ вѣхомъ, съ оскорбительными тѣлодвиженіями. При такомъ чаянномъ скотскомъ наладеніи, другая на мѣстѣ Фелиціи, гя ея возраста, но дѣйствительно невинная, погибла бы безвратно. Ее бѣднjacky спасло то что она все знала. Она слышала столько разказовъ за столомъ у своего отца! И замѣтило искусство, жизнь въ мастерской.... Она не была невинною дѣвочкой. Она тотчасъ же поняла что означали только сказавшія ее объятія, боролась, вывертывалась и вступая себя не довольно сильною, закричала. Онъ испугался, выпустилъ ее изъ рукъ, и она вдругъ оказалась совершенно свободою, стояла посреди комнаты, и на колѣняхъ предъ нею стоялъ мужчина со слезами умоляя ее прощеніи.... Онъ уступилъ безумной страсти. Она такъ прекрасна, онъ такъ любить ее! Цѣлые мѣсяцы онъ боролся со своею страстью.... Но теперь все кончено; никогда болѣе, о! никогда болѣе.... Онъ даже не коснется края ея одежды.... Она не отвѣчала ни слова, дрожала, поправляла прическу, платье, какъ будто во снѣ. Она хотѣла хать тотчасъ же и одна. Онъ отправилъ съ нею служанку, этомъ шепотомъ, когда она садилась въ карету, онъ сказалъ ей: „Ради Бога ни слова!... Отецъ вашъ умретъ съ горю!“ И онъ зналъ ее такъ хорошо, такъ былъ увѣренъ что сдержитъ ее этимъ оласеніемъ, что пріѣхалъ на другой день какъ ни въ чемъ не бывало, по обыкновенію веселый и съ открытою физиономіей. И дѣйствительно она не сказала ничего, никогда не говорила о прошедшемъ, ни тцу, ни кому бы то ни было. Но съ этого дня съ нею совершилась перемѣна, вызвавшая на свѣтъ всю ея гордость. У нея появились капризы, утомленіе, складка отвращенія въ улыбкѣ, и иногда взрывы гнѣва противъ отца, взглядъ презрѣнія, упрекавшій его, что онъ не умѣлъ ее охранить.— Ито съ нею? спрашивалъ старикъ Рюисъ, и Дженкинсъ съ авторитетомъ врача относилъ это къ лѣтамъ, къ физическому разстройству. Самъ онъ не заговаривалъ съ молодою дѣвушкою, разчитывая что время изгладитъ злобѣщее впечатлѣніе, и не терялъ надежды достигнуть того чего желалъ, ибо онъ все еще желалъ болѣе чѣмъ когда-либо, охваченный безумною любовью сорока-семи-лѣтняго человека, неизлѣчимою страстью зрѣлаго возраста; любовь эта

и была карой этому лицемеру... Такое странное состояніе дочери было истиннымъ горемъ для скульптора, но горе его было не продолжительно. Онъ внезапно угасъ; онъ рухнулъ разомъ какъ всѣ тѣ кого лѣчилъ Ирландецъ. Послѣднимъ словомъ его было:

— Дженкинсъ, я поручаю вамъ мою дочь.

И слово это было до такой степени проникнуто похоронною проніей, что Дженкинсъ, присутствовавшій при агоніи, не могъ не поблѣднѣть....

Фелицію потеря эта не только огорчила, но привела въ какое-то оступленіе. Къ чувству изумленія при видѣ смерти, которой она никогда не видала и которая предстала ей подъ чертами столь любимыми, присоединилось чувство страшнаго одиночества, окруженнаго мракомъ и опасностями.

Нѣсколько друзей скульптора собрались на семейный совѣтъ, чтобъ обсудить положеніе несчастной дѣвушки, не имѣвшей ни родныхъ, ни состоянія. Найдено было 50 франковъ въ мѣшкѣ, куда Себастьянъ убиралъ свои деньги, на столѣ мастерской, хорошо знакомомъ бѣднякамъ, которые посѣщали его безъ церемоній. Никакого другаго наслѣдства, по крайней мѣрѣ денежнаго, онъ не оставилъ; только роскошная мебель, нѣсколько рѣдкихъ картинъ и кое-какіе забытые векселя, едва покрывавшіе множество долговъ. Предполагали устроить продажу оставшагося имущества. Когда спросили о томъ Фелицію, она отвѣчала что ей все равно, пусть продаютъ что угодно, только бы оставили ее въ покоѣ.

Продажи однако не было, благодаря крестной матери, добрейшей Крекмицъ, которая появилась внезапно, спокойная и кроткая какъ всегда.

— Не слушай ихъ, дитя мое, не продавай ничего. У твоей старой Констансы лятнадцать тысячъ дохода, которыя она тебѣ завѣщала въ случаѣ своей смерти. Ты будешь ими пользоваться съ этого дня—вотъ и все. Мы будемъ жить здѣсь вмѣстѣ. Ты увидишь что я не стѣсню тебя. Ты будешь заниматься своею скульптурой, я буду хозяйничать. Согласна ты?

Это сказано было такъ нѣжно, съ ребяческимъ акцентомъ иностранки выражающейся по-французски, что молодая дѣвушка была глубоко тронута. Окаменѣлое сердце ея смягчилось, горячій потокъ хлынулъ изъ ея глазъ и она

съ жаромъ бросилась въ объятія бывшей танцовщицы. „Ахъ, крестная, какая ты добрая.... Да, да, не оставляй меня болѣе.... оставайся всегда со мною.... жизнь внушаетъ мнѣ страхъ и отвращеніе.... Я вижу столько лжи, столько лицемерія!“ И старушка устроила себѣ шелковистое и вышитое гнѣздо въ этомъ жилищѣ, похожемъ на лагерь путешественниковъ, наполненный богатствами всѣхъ странъ, и жизнь вдвоемъ установилась между двумя столь различными натурами.

Не малую жертву принесла Констанса своему дорогому „чертенку“, оставивъ Фонтенбло и переселясь въ Парижъ, наводившій на нее страхъ. Съ того дня какъ эта танцовщица съ безразсудными причудами, пропустившая нѣкогда сквозь пальцы столько богатыхъ состояній, лишенная съ высоты величія, но не утратившая воспоминанія о немъ, попыталась приматься за обыкновенное существованіе, управлять своими маленькими доходами и скромнымъ хозяйствомъ, она подверглась множеству наглыхъ эксплуатацій, обмановъ очень легкихъ, въ виду неопытности этой бѣдной бабочки, отуманенной дѣйствительностью и ударявшейся о всѣ невѣдомыя затрудненія.

У Фелиціи ей было хозяйничать еще труднѣе вслѣдствіе безпорядочныхъ расходовъ заведенныхъ отцомъ, продолжаемыхъ дочерью, — двумя художниками, пренебрегавшими сбереженіемъ. Ей предстояло побѣдить еще нѣмыя трудности. Мастерская была ей нестерпима съ вѣчнымъ табачнымъ дымомъ, съ непроницаемымъ для нея облакомъ, гдѣ пренія объ искусствѣ, разнузданность идей смѣшивались съ шумными и смутными взрывами, неизбѣжно причинявшими ей мигрень. Такъ-называемая *blague* всего болѣе ее пугала. Въ качествѣ иностранки, бывшаго театральнаго божества, пропитанной старинными вѣжливостями, во вкусь Дората, она рѣшительно ея не понимала, и приходила въ ужасъ отъ неистовыхъ преувеличеній, отъ парадоксовъ этихъ Парижанъ, избалованныхъ свободой мастерскихъ.

Она, весь умъ которой заключался въ быстротѣ ея ногъ, робѣла предъ этимъ, и становилась простою компаньонкой своей крестницы; и глядя на эту любезную старушку, безмолвную и улыбающуюся, сидящую въ полусвѣтѣ стеклянной ротонды съ шитьемъ на колѣнахъ подобно мѣщанкѣ

Шардена или идущую быстрыми шагами рядомъ со своею кухаркой по длинной улицѣ Шальё, гдѣ былъ близкій рынокъ, можно ли было подумать что эта добрая женщина держала нѣкогда подъ своею ножкой королей, принцевъ знатнѣйшихъ вельможъ и первыхъ богачей, повиновавшихся ей малѣйшимъ капризамъ.

Парижъ наполненъ этими угасшими звѣздами, возвратившимися въ толлу.

Нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей, изъ этихъ бывшихъ владыкъ, таятъ ярость въ сердцахъ; другія, напротивъ, блаженно наслаждаются прошедшимъ, припоминаютъ съ необыкновенною отрадой свои минувшія славныя радости; желаютъ только спокойствія, безмолвія и тѣни, чтобы жечь и вспоминать, такъ что когда онѣ умираютъ, то въ удивляются, какъ это онѣ еще жили до сихъ поръ.

Констанса Кренницъ принадлежала къ числу этихъ счастливцевъ. Но какое странное хозяйство артистокъ представляло хозяйство этихъ двухъ женщинъ, доврѣвшихъ какъ дѣти, соединявшихъ неопытность и честолюбіе, спокойствіе пройденнаго полрища и лихорадочную жизнь полную борьбы, всѣ контрасты, такъ рѣзко бросающіеся въ глаза этою блондинкой, совершенно бѣлою, какъ побѣдѣвшая роза, озаренною посильнымъ блескомъ бенгальскаго огня, и этою брюнеткой съ правильными чертами лица почти всегда облакающею свою красоту темными тканями простыми складками напоминающими мужской нарядъ.

Неожиданность, капризъ, неопытность въ малѣйшихъ вещахъ производили въ средствахъ хозяйства страшный безпорядокъ, исправлять который приходилось лишеніемъ увольненіемъ прислуги, реформами смѣшными по ихъ превеличенію. Во время одного изъ такихъ кризисовъ, Дженкинсъ сдѣлалъ предложенія скромныя, деликатныя, но отвергнутыя Фелиціей съ презрѣніемъ.

— Не хорошо, говорила ей Констанса,—такъ обижать бѣднаго доктора. Вообще предложеніе его не имѣло ничего оскорбительнаго; вѣдь отъ старыя другъ твоего отца.

— Онъ? чей-нибудь другъ... О! великій Тартюфъ!

И Фелиція, сдерживаясь съ трудомъ, обращала въ насмѣшку свое озлобленіе, передразнивала Дженкинса, порождала его торжественнымъ жестамъ, прижимала руку

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ У

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА состоитъ изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей ~~и~~ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ ~~шесть~~ рублей и съ почтовою пересылкой во всѣхъ семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Італію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ У

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1871 въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ мѣста Россіи шестнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми, особо три раза въ недѣлю, безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкой пересылкой восемнадцать рублей.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.

VII

GRAT.

5

1000

4

1000

5

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

